This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

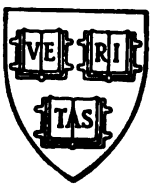
We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

L Soc 3977.44



HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ

ИМПЕРАТОРСКАГО

МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

ОТДѢЛЪ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКІЙ.

ВЫПУСКЪ ПЯТНАДЦАТЫЙ.

HARVARD UNIVERSITY LIBRARY
1 MAY 1906

МОСКВА.
Типографія Э. Лисснера и Ю. Романа
Большая Краснопресненская ул., д. Листнера.
1895.

3-3910 уче

УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ

ИМПЕРАТОРСКАГО

МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

ОТДѢЛЪ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКІЙ.

ВЫПУСКЪ ПЯТНАДЦАТЫЙ.

МОСКВА.
Типографія Э. Лисснера и Ю. Романа.
Воздвиженка, Крестовоздвиженскій пер., д. Лисснера.
1892.

РАННІЙ ИТАЛЬЯНСКІЙ ГУМАНИЗМЪ

И ЕГО

ИСТОРІОГРАФІЯ.

КРИТИЧЕСКОЕ ИЗСЛѢДОВАНІЕ

МИХАИЛА КОРЕЛИНА.

НАРУАРД UNIVERSITY LIBRARY

ВЫПУСКЪ II.

L Soc 3977.44 (15)

По постановленію Историко-Филологическаго факультета Императорскаго Московскаго Университета печатать разрѣшается.

Москва, 20-го апрѣля 1892 года.

Деканъ Историко-Филологическаго факультета *М. Троицкій.*

HARVARD UNIVERSITY LIBRARY MAY 1968

ГЛАВА III.

Современники, друзья, ученики и послѣдователи первыхъ гуманистовъ въ XIV и въ первой четверти XV столѣтія.

Весьма обширная литература объ основателяхъ итальянскаго гуманизма страдаетъ односторонностью, которая составляетъ существенное препятствіе для научной исторіи начала и первыхъ шаговъ Ренесанса. Все вниманіе изслѣдователей было направлено до сихъ поръ на видныя фигуры первыхъ гуманистовъ, а ихъ друзья и поклонники все еще остаются въ тѣни. Вслѣдствіе этого Боккаччіо и въ особенности Петрарка представляются одинокими великанами, окутанными какимъ-то таинственнымъ величіемъ, обладавшими совсѣмъ непонятной съ перваго взгляда популярностью. Между тѣмъ не подлежитъ сомнѣнію, что ихъ окружала многочисленная толпа, отчасти пассивно раздѣлявшая ихъ стремленія и настроеніе, отчасти активно дѣйствовавшая въ одинаковомъ съ ними направленіи. Вокругъ большихъ гуманистовъ группировались ихъ маленькіе сотрудники, которые также находили учениковъ и покровителей. На это указываютъ многочисленные факты въ біографіяхъ Петрарки и Боккаччіо и прежде всего необыкновенная популярность перваго изъ нихъ. Но лучи славы основателей гуманизма затмили ихъ скромныхъ почитателей и сотрудниковъ: ихъ мало знали современники, мало цѣнило ближайшее потомство и мало изучали позднѣйшіе изслѣдователи, вслѣдствіе чего ихъ письма и сочиненія или совсѣмъ затерялись, или до сихъ поръ скрываются въ многочисленныхъ итальянскихъ библіотекахъ и въ лучшемъ случаѣ извѣстны только по имени. Если и сохранились ихъ имена, то главнымъо бразомъ потому, что имъ адресовали письма и посвящали свои сочиненія Петрарка и Боккаччіо. Но эти данныя, и сами по себѣ довольно скудныя, въ значительной степени теряютъ свою цѣну еще и отъ того, что содержаніе адресованныхъ извѣстному лицу писемъ или посвященнаго ему сочиненія, не всегда можетъ служить указаніемъ на воззрѣнія адресата. Петрарка часто ставилъ адресы случайно, Боккаччіо думалъ посвященіемъ при-

дать цѣну своему сочиненію[1]). Тѣмъ не менѣе и при современномъ состояніи источниковъ и литературы, благодаря главнымъ образомъ перепискѣ Петрарки[2]), можно приблизительно отмѣтить три категоріи друзей первыхъ гуманистовъ. Это были, во-первыхъ, люди, цѣликомъ принадлежавшіе старому міру, или ничѣмъ не проявившіе своихъ симпатій новому движенію; во-вторыхъ, меценаты и, въ-третьихъ, братья по оружію, скромные солдаты той арміи, предводителями которой были Петрарка и Боккаччіо.

Не подлежитъ сомнѣнію, что между многочисленными адресатами[3]) Петрарки весьма многіе принадлежали старому міру и по своимъ занятіямъ, и по своему міросозерцанію. Таковы, во-первыхъ, весьма многіе представители средневѣковой церкви, съ которыми онъ находился въ перепискѣ. Петрарка, склонный къ дружбѣ по натурѣ, не обусловливалъ своихъ симпатій извѣстнымъ направленіемъ, если только находилъ расположеніе къ своей личности и не встрѣчалъ прямого порицанія своимъ интересамъ и стремленіямъ. При началѣ гуманистическаго движенія, когда его діаметральная противоположность средневѣковому міросозерцанію еще не была всѣми сознана, такое отношеніе его представителей къ людямъ прежняго образа мыслей было естественно. Поэтому мы не въ правѣ заподозрить утвержденіе благочестиваго эремита Піетро да Кастелетто, что онъ былъ близокъ съ Петраркой, хотя этотъ монахъ счелъ необходимымъ внести монашескія поправки въ надгробную рѣчь, произнесенную при похоронахъ Петрарки Бонавентура да Перага[4]). Несомнѣнно къ людямъ стараго порядка принадлежалъ и самъ ораторъ,

---

[1]) Въ посвященіи De casibus virorum illustrium Боккаччіо говоритъ: cupimus enim omnes, quadam umbratili impulsi gloria, quibus auxiliis possumus, fragiles labores nostros nobilitare et diuturniores facere, et scriptores potissime. Et inter alia, quasi multum illis splendoris consecuturum sit, pontifici, seu Caesari, aut Regi, vel alicui principi maximo titulamus eosdem. У Веселовскаго, p. 22.

[2]) Körting въ общемъ вѣрно характеризуетъ содержаніе писемъ Петрарки (p. 15—17), но слишкомъ низко ставитъ ихъ значеніе, какъ историческаго источника. Man könnte seine Briefe niedergeschriebene Selbstgespräche nennen, welche nur zufällig mit einem Briefcouvert bekleidet sind... So vermisst man denn in seinen Briefen durchaus ein liebevolles und gemüthvolles Eingehen auf die Individualitäten der betreffenden Adressaten und ein Anbequemen an die verschiedenen Anschauungs- und Gefühlsweisen derselben. Ibid. p. 16. Это положеніе далеко не можетъ имѣть значенія общаго правила. Письма весьма часто имѣли публицистическій характеръ и въ большинствѣ случаевъ личность адресата принималась въ расчетъ при ихъ составленіи.

[3]) Между современниками у Петрарки было болѣе 140 адресатовъ, не считая коллективныхъ и анонимныхъ.

[4]) См. выше, p. 285.

монахъ, авторъ многихъ богословскихъ и аскетическихъ сочиненій и впослѣдствіи кардиналъ[1]), хотя Петрарка адресовалъ ему одно письмо[2]), а въ другомъ называетъ его между прочимъ „свѣтомъ Августинскаго ордена" и „особеннымъ украшеніемъ города Падуи"[3]). Едва ли сочувствовалъ гуманистическимъ стремленіямъ суровый аскетъ, пріоръ Certosa di Pavia, Джіованни Бариль, который, повидимому, пытался дать „лучшее" направленіе генію перваго гуманиста[4]). Въ одномъ изъ адресованныхъ ему старческихъ писемъ Петрарка съ массой цитатъ изъ свящ. писанія поручаетъ себя его молитвамъ, въ другомъ оправдывается отъ упрековъ монаха и почтительно отклоняетъ его предложеніе докончить сочиненіе Иннокентія III: De dignitate conditionis humanae[5]). Петрарка называетъ своимъ другомъ и Джакопо Буссолари, противъ котораго онъ написалъ въ формѣ письма жестокій и несправедливый памфлетъ[6]). Въ извѣстномъ смыслѣ Буссолари стоялъ въ оппозиціи къ современности, но этотъ новый человѣкъ былъ предшественникомъ Саванароллы и не имѣлъ ничего общаго съ гуманистическимъ движеніемъ[7]). Между адресатами Петрарки было много юристовъ, но самое крупное юридическое свѣтило того времени, болонскій профессоръ Джіованни д'Андреа, былъ противникомъ новаго движенія. Въ двухъ изъ адресованныхъ ему писемъ Петрарка жестоко упрекаетъ знаменитаго юриста за его тщеславіе и невѣжество въ античной литературѣ, потому что онъ считалъ Платона и Цицерона поэтами[8]).

Съ наибольшей осторожностью мы должны дѣлать заключеніе о направленіи высокопоставленныхъ лицъ изъ писемъ, адресованныхъ имъ Петраркою. Отношенія нарождающагося гуманизма къ меценатамъ были очень тонкія и въ то же время чрезвычайно трудныя и запутанныя. Покровительство знатныхъ иногда могло обусловливаться дѣйствительнымъ интересомъ къ новому движенію, иногда могло вытекать изъ желанія привлечь на свою сторону популярнаго писателя, что было особенно естественно по отношенію къ Петраркѣ, могло, наконецъ, проистекать изъ личной дружбы, что было вполнѣ возможно въ ту эпоху, когда

---

1) См. о немъ. Rossetti, p. 393, Tiraboschi, p. 215 и слѣд. и Fracassetti, Lettere senili II, p. 184.

2) Ep. senil. XI, 14.

3) Ibid. VIII, 6.

4) О немъ см. Fracas. Lett. sen. II, p. 522.

5) Epist. senil. XVI, 8 и 9.

6) Epist. fam. XVIII, 19.

7) См. о немъ M. Villani libri 8 и 9.

8) Ep. fam. V, 15 и 16.

соціальныя перегородки сильно расшатались. Гуманисты не только шли охотно навстрѣчу такимъ отношеніямъ, но и сами стремились завязывать ихъ по самымъ различнымъ побужденіямъ. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ они старались въ письмахъ поразить ихъ своей новою ученостью, заимствованной изъ древняго міра, и, чтобы сдѣлать ихъ тѣмъ чувствительнѣе къ содержанію посланія, иногда совершенно чуждому ихъ интересамъ, они разсыпались въ похвалахъ глубокимъ знаніямъ и научнымъ стремленіямъ адресата. Всевозможныя знаменитости фигурируютъ и въ перепискѣ первыхъ гуманистовъ, на основаніи которой главнымъ образомъ мы и сдѣлаемъ попытку распредѣлить ихъ по категоріямъ.

Весьма многіе изъ знатныхъ адресатовъ Петрарки были несомнѣнно равнодушны къ новой наукѣ. Сюда относятся, во-первыхъ, иностранцы, совсѣмъ непонимавшіе движенія: *Карлъ IV*, письма къ которому Петрарки носятъ чисто публицистическій характеръ[1]), *императрица Анна*, третья жена Карла IV, которую Петрарка счелъ нужнымъ поздравить съ рожденіемъ дочери и расхвалить вопреки своимъ убѣжденіямъ женскій полъ[2]); *Гумбертъ II*, послѣдній дофинъ Вьенны, потомъ монахъ, котораго онъ убѣждалъ помочь французамъ въ борьбѣ съ Англіей[3]) и котораго самъ ставилъ весьма не высоко[4]); *Эрнстъ, архіепископъ Пражскій*, приближенный Карла IV, выдавшій въ Авиньёнъ Кола ди Ріенцо и пользовавшійся репутаціей святого. Петрарка въ качествѣ гиббелина былъ или считалъ себя близкимъ человѣкомъ вліятельнаго прелата, сообщалъ ему какіе-то секреты и писалъ рекомендательныя письма[5]). Сюда же относится *Сакраморъ де Поммье*, гофъ-курьеръ Карла IV, потомъ монахъ[6]). Онъ просилъ у Петрарки для назиданія въ своемъ новомъ званіи его трактатъ „Объ уединенной жизни", но получилъ отъ него вмѣсто этого письмо совершенно монашескаго содержанія[7]).

Переписка Петрарки съ папами — Бенедиктомъ XII и Урбаномъ V не представляетъ данныхъ въ пользу сочувствія римскихъ епископовъ новому движенію. То же самое можно сказать относительно свѣтскихъ государей и тирановъ, съ которыми состоялъ въ перепискѣ

---

1) Ему адресованы: Famil. X, 1; XII, 1; XVIII, 1; XIX, 1, 4, 12; XXI, 7; XXIII, 2, 3, 8, 9, 15, 21. Senil. XVI, 5.

2) Epist. fam. XXI, 8.

3) Ibid. III, 10.

4) Fracass. Lett. fam. I, p. 438—39.

5) Epist. fam. XXI, 1 и 6.

6) См. о немъ Fracass. Lett. fam. IV, p. 310.

7) Epist. senil. X, 1.

или которымъ служилъ Петрарка. Знаменитому Джіованни Висконти онъ не писалъ, а только въ письмахъ по другимъ адресамъ защищалъ его интересы, хотя не изъ чего не видно, чтобы миланскій тиранъ сочувствовалъ новому движенію. Далѣе, нѣтъ никакого основанія причислить къ сторонникамъ новаго движенія и знаменитаго веронскаго кондотьера Люкино дель Верме и его сына Джакопо, хотя Петрарка считалъ себя ихъ другомъ и находился въ перепискѣ съ ними[1]). Что касается до Боккаччіо, то къ числу его друзей могли принадлежать люди стараго порядка съ тѣмъ большей легкостью, что авторъ Декамерона съ большой охотой черпалъ матеріалъ для своихъ латинскихъ произведеній изъ средневѣковыхъ ученыхъ и въ общемъ весьма терпимо относился къ ихъ современнымъ ему послѣдователямъ.

Но на ряду съ этими лицами, принадлежность которыхъ къ старому порядку или несомнѣнна, или весьма вѣроятна, между адресатами и друзьями первыхъ гуманистовъ были люди, сочувствовавшіе ихъ стремленіямъ и раздѣлявшіе ихъ интересы. Указаніе на это мы находимъ въ самой перепискѣ. Въ одномъ письмѣ Петрарка въ самыхъ яркихъ краскахъ описываетъ „заразительную болѣзнь" писательства, которую произвелъ его примѣръ[2]). Пишутъ всѣ: папскіе куріалы, юристы покинули своего Юстиніана и кліентовъ, медики — Эскулапа и паціентовъ, а ихъ примѣру слѣдуютъ ремесленники и земледѣльцы[3]). Петрарка приводитъ и конкретные примѣры такого настроенія. Въ куріи освободили Кола ди Ріенцо, потому что онъ поэтъ[4]); одинъ старый, слѣпой учитель, прошелъ пѣшкомъ всю Италію, чтобы прикоснуться къ персонѣ перваго гуманиста[5]); Энрико Капіа, ювелиръ изъ Бергамо, увлеченный сочиненіями Петрарки,

---

[1]) Ibid. IV, 2; VIII, 4 и 5.

[2]) Solebant in memoria nostra rari esse, qui haec scriberent; nunc nemo non scribit... Quod ad coëtaneos attinet, ud quidam putant, non minima culpae pars penes me est. XIII, 7. Далѣе въ томъ же письмѣ Петрарка открыто признаетъ свою вину... Mordet animum conscientia, quasi magna ex parte unus ego his omnibus deliramentis alimenta praebuerim, exemploque nocuerim, quod non ultimum nocendi genus. Ibid.

[3]) Nihil actum erat, nisi et in ipsam romanam curiam (quis crederet?) novissime latens morbus irriperet. Quid enim jurisconsultos putas agere, quid medicos? Justinianum jam atque Aesculapium non norunt, clientes atque aegros ululantes non audiunt: obsurduerunt enim Homeri Virgiliique nominibus attoniti... Carpentarii, fullones, agricolae, desertis aratris et caeterarum artium instrumentis, de Musis et de Apolline fabulantur. Dici non potest, quam late jam vagetur haec pestis. Ibid.

[4]) Epist. fam. XIII, 6.

[5]) Epist. senil. XVI, 7.

устроилъ ему королевскій пріемъ[1]). Какой-то старикъ сурово упрекалъ Петрарку за то, что его сынъ, увлеченный сочиненіями перваго гуманиста, оставилъ изученіе права[2]). Всѣ эти многочисленные поклонники въ Италіи и за-границей осыпали Петрарку письмами, отвѣчать на которыя не представлялось никакой возможности[3]). Въ перепискѣ можно найти нѣкоторыя данныя и для характеристики друзей новаго направленія. Такъ, Петрарка разсказываетъ, какъ его поклонники задержали его однажды на дорогѣ въ Виченцѣ, и началась бесѣда главнымъ образомъ о Цицеронѣ[4]), при чемъ одинъ, мало знакомый гуманисту старикъ, сурово упрекалъ его за недостаточное преклоненіе передъ великимъ ораторомъ[5]). Такіе сторонники новаго направленія несомнѣнно находились среди всѣхъ классовъ тогдашняго общества, и мы постараемся, опираясь на переписку Петрарки и Боккаччіо, на письма ближайшихъ послѣдователей первыхъ гуманистовъ и на другія данныя, привести ихъ въ извѣстность и по возможности выяснить ихъ направленіе, расположивъ ихъ по мѣсту ихъ дѣятельности. Такимъ образомъ мы попытаемся указать слѣдъ для изображенія первыхъ шаговъ гуманистическаго движенія во всѣхъ центрахъ итальянской жизни.

I.

Развитіе гуманизма при папской куріи до Констанскаго собора. Гуманисты при Авиньёнской куріи. Колонны и Соранцо. Французскіе куріалы. Климентъ VI и Талейранъ. Иннокентій VI и Дзаноби да Страда. Гуманисты Урбана V. Григорій XI. Общія замѣчанія о гуманистическомъ движеніи въ Авиньёнѣ.

Гуманистическое настроеніе Петрарки и первые шаги его дѣятельности въ новомъ направленіи впервые обнаружились въ папскомъ Авиньёнѣ и тамъ ранѣе всего нашли себѣ признаніе и горячее

---

[1]) Epist. fam. XXI, 11.

[2]) Ille te novit, et a me multa impensa juris civilis studio traditus, tua se vestigia sequi malle ait. Epist. fam. XIII, 7.

[3]) Quotidie epistolas, quotidie carmina omnis in caput hoc nostri orbis angulus pluit: nec satis est peregrinis jam nec Gallos modo, sed Graiis et Teutonis et Britannis tempestatibus litterarum pulsor, omnium ingeniorum arbiter, mei ipsius ignarus. Si ad singula respondeam, occupatissimus omnium mortalium. Ibid.

[4]) In unum versi omnes: nihil inde aliud, quam de Cicerone tractatum est. Epist. fam. XXIV, 2.

[5]) Senem illum, cujus mihi nomen excidit, non imago. Ibid.

сочувствіе. Интересъ къ поэзіи вообще и къ такого рода занятіямъ, которыя выдвинули Петрарку, носился тамъ въ воздухѣ, и папская курія, блестящая, сытая и праздная, съ увлеченіемъ относилась къ новому движенію. Мы видѣли, что самъ Петрарка признавалъ преувеличенной оцѣнку тѣхъ занятій, которыя и самъ онъ ставилъ чересчуръ высоко. Гуманизмъ становился настоящей модой, которая заражала иностранцевъ и подчиняла себѣ представителей старой церкви и старой науки. Это явленіе тѣмъ характернѣе, что св. престолъ долгое время оставался равнодушнымъ, а иногда былъ и прямо враждебенъ гуманистическому настроенію. Іоаннъ XXII (1316—1334), тотъ папа, при которомъ начинаетъ свою дѣятельность Петрарка, авторъ нѣкоторыхъ новыхъ теологическихъ измышленій въ средневѣковомъ вкусѣ[1]), былъ совершенно чуждъ гуманистическихъ интересовъ. Тѣмъ не менѣе при его куріи образовывается первый гуманистическій кружокъ, центромъ котораго была фамилія Колонновъ. Въ трактатѣ De ignorantia Петрарка называетъ ихъ домъ сборнымъ пунктомъ всѣхъ ученыхъ[2]); изъ его многочисленныхъ адресатовъ среди членовъ этой фамиліи многіе несомнѣнно раздѣляли его научныя стремленія. Таковъ былъ, во-первыхъ, *Джіованни да Сан-Вито,* который, хотя и окончилъ дни свои монахомъ-миноритомъ, тѣмъ не менѣе любилъ путешествія и такъ хорошо зналъ древность, что былъ проводникомъ и руководителемъ Петрарки при обзорѣ имъ памятниковъ римской старины[3]). *Джіакомо Колонна,* епископъ въ Lombez, университетскій товарищъ Петрарки и одинъ изъ самыхъ интимныхъ его друзей, несомнѣнно раздѣлялъ его раннее настроеніе и, по всей вѣроятности, его литературные вкусы. По крайней мѣрѣ, Петрарка посвятилъ ему одно изъ своихъ поэтическихъ посланій. То же самое можно сказать о кардиналѣ Джіованни, который былъ самъ писателемъ[4]). Правда, многочисленныя письма къ нему Петрарки повѣствовательнаго содержанія; но ему же посвящено нѣсколько поэтическихъ посланій, и онъ по преимуществу собиралъ вокругъ себя тогдашнюю интеллигенцію[5]). Въ домѣ

---

[1]) См. его характеристику у Грегоровіуса, VI, 192—193. Ср. Creighton, I, 42; Reumont, II, 816.

[2]) Ibi omnium ferme letteratorum hominum nostri orbis conventus assiduus praesto fuit. Op., p. 1041.

[3]) Epist. famil. VI, 2. Это и другія письма къ нему Петрарки (famil. II, 5, 6, 7, 8; III, 13; VI, 3, 4) весьма живо рисуютъ міросозерцаніе и настроеніе адресата.

[4]) По словамъ Фракассети, онъ scrisse le vite de'pontifici sino a Bonifazio VII. Letter. famil. II, 280. Мнѣ это сочиненіе осталось совершенно неизвѣстнымъ.

[5]) См. выше пр. 2. При Іоаннѣ XXII жилъ *Landolfo Colonna,* каноникъ

Джіакомо Колонна Петрарка сошелся съ двумя самыми близкими ему людьми, которыхъ онъ называлъ *Леліемъ и Сократомъ*. Первый членъ дружескаго тріумвирата римскій дворянинъ *Лелло ди Пьетро Стефано,* повидимому былъ писателемъ. Его гуманистическія симпатіи несомнѣнно доказываются многочисленными письмами къ нему Петрарки. Главнымъ образомъ изъ этого же источника извлекъ Бальделли кое-какія біографическія свѣдѣнія о Лелло, которыя были дополнены потомъ Фракассетти[1]). Что касается до его литературной дѣятельности, то самое ея существованіе можетъ быть заподозрено. О ней сообщаетъ только потомокъ Лелло, біографъ Петрарки, Леліо деи Лели: его другъ, писатель, видѣлъ въ Сициліи стихи Лелло, написанные по-латыни и по-итальянски и обладающіе высокими достоинствами[2]). Сообщая это свѣдѣніе, Бальделли прибавляетъ неизвѣстно на основаніи какихъ данныхъ, что Лелло составилъ мемуары о Колоннахъ, которыми пользовался Аммирато[3]). Мы не знаемъ, какую роль игралъ этотъ дворянинъ въ домѣ Колонны, котораго Петрарка называетъ въ одномъ письмѣ ихъ общимъ патрономъ. Еще скуднѣе наши свѣдѣнія о *Людвигѣ изъ Кемпена*[4]) или Сократѣ, какъ его называлъ Петрарка. Изъ массы писемъ къ нему перваго гуманиста, который посвятилъ ему всю свою переписку, можно видѣть, что этотъ Сократъ раздѣлялъ всѣ вкусы и стремленія родоначальника Ренесанса.

Колонны не были единственными прелатами, въ которыхъ проявляются слѣды гуманистическаго настроенія. Кардиналъ *Аннибальдо,* которому Петрарка адресовалъ одно дружеское письмо[5]), былъ настоящій куріалъ эпохи упадка. Преданный болѣе всего роскоши, онъ обнаруживалъ шаблонное благочестіе, основывалъ монастыри, писалъ житія святыхъ. Но тонъ адресованнаго ему письма показываетъ, что первый гуманистъ стоялъ въ близкихъ отношеніяхъ къ прелату, который и самъ умѣлъ воспользоваться латинскимъ гекзаметромъ для написаннаго имъ житія свв. апостоловъ Петра и Павла[6]) Интересный

въ Шартрѣ, авторъ *Breve chronicon* и *De statu et mutatione Romani Imperii.* См. о немъ Renazzi, I, p. 85. Tiraboschi, V, 343, Gregorovius, VI, p. 681.

[1]) Baldelli, p. 257—258. Fracass. Lett. famil. I, 477—480.

[2]) Esser quelli di tal merito e tanta leggiadria, spezialmente gl'italiani che meritamente si possa dire nè il Petrarca a Lelio, nè Lelio al Petrarca aver fatta punta vergogna. У Baldelli, p. 258.

[3]) Ibid.

[4]) Кое-какія свѣдѣнія о немъ, исключительно впрочемъ почерпнутыя изъ сочиненій Петрарки, впервые собралъ Де-Садъ, котораго повторяетъ Фракассетти. Lett. famil. I, p. 251—253. Ср. Гейгеръ (Petrarca, p. 61—63).

[5]) Epistol. famil. VI, 1.

[6]) См. Fracass. Lettere famil. II, 110—11. Gregorovius, VI, p. 321.

образецъ нарождающагося сочувствія къ древней литературѣ представляетъ собою характерная фигура авиньёнскаго юриста *Реймондо Соранцо* или *Суперанцо*. У него много книгъ древнихъ писателей, которыя онъ давалъ списывать Петраркѣ, а нѣкоторыя сочиненія Варона и Цицерона даже ему подарилъ. Но самъ онъ цѣнилъ только Тита Ливія и настолько понималъ этого писателя, что могъ разъяснять его красоты молодому Петраркѣ[1]).

Судя по перепискѣ перваго гуманиста, новое настроеніе обнаруживается и у французскихъ куріаловъ. Вліятельный прелатъ *Филиппъ де Кабассоль* (Cabassoles), епископъ городка Кавальона, впослѣдствіи патріархъ Іерусалимскій и кардиналъ[2]); одинъ изъ наиболѣе интимныхъ друзей Петрарки, который написалъ ему массу писемъ и посвятилъ сочиненіе De vita solitaria. Ихъ связывали общіе вкусы и одинаковая любовь къ наукамъ. Петрарка описываетъ, какъ они бродили вмѣстѣ по окрестностямъ Воклюза, занятые разговорами о научныхъ и религіозныхъ предметахъ и проводили цѣлыя ночи за книгами[3]). Но, повидимому, главнымъ пунктомъ, на которомъ сходились оба друга, было то нѣсколько мечтательное, но строго католическое благочестіе, которое отличало Петрарку. Кабассоль былъ самъ писателемъ, и одно изъ его сочиненій носитъ названіе *De nugis curialium et de miseria curiarum*[4]); сообразуясь съ его вкусами, Петрарка и посвятилъ ему самый благочестивый изъ своихъ трактатовъ, а также стихотвореніе въ честь Маріи Магдалины[5]). Повидимому, такимъ же характеромъ отличался ихъ общій другъ, помощникъ Кабассоля, настоятель церкви въ Кавальонѣ, *Понтіусъ Симсонъ*, которому Петрарка адресовалъ два письма и о которомъ съ большой теплотой упоминаетъ въ трактатѣ De vita solitaria[6]). Любовь къ латинской поэзіи и хорошее знакомство съ латинскимъ языкомъ обнаруживаетъ другой французскій адресатъ Петрарки, *Филиппъ де Витри* (Vitry), епископъ города Мо. Онъ перевелъ французскими стихами Метаморфозы Овидія и написалъ маленькую поэму о деревенской жизни[7]). Такимъ же характеромъ отличался фран-

---

[1]) Свѣдѣнія о немъ, извлеченныя изъ писемъ Петрарки, находятся у Фракассетти (Lett. fam. I, 267), котораго повторяетъ Кёртингъ (p. 87).

[2]) Свѣдѣнія о немъ изъ Фракассетти собраны у Кёртинга Petrarca's Leben, p. 137—139.

[3]) Epist. senil. XIII, 11 и XV, 4.

[4]) Его сочиненія остались неизданными. См. De-Sade, I, p. 365.

[5]) Epist. senil. XV, 15, а не въ честь св. Маргариты, какъ говоритъ Körting, p. 139.

[6]) II, X, 1 и Epist. famil. XIV, 8 и XV, 10.

[7]) См. Fracass. lett. famil II, p. 430.

цисканскій пріоръ въ Пуатье французъ *Пьеръ ле Бершёръ* (le Bercheur), котораго Петрарка называетъ своимъ другомъ и которому онъ адресовалъ два письма. Уже одно изъ этихъ писемъ указываетъ на интересы адресата: Петрарка проводитъ въ немъ параллель между древне-римскими и новыми военными установленіями[1]). Кромѣ того, Ле Бершёръ и самъ былъ писателемъ. Его сочиненіе *Reductorium morale* носитъ еще средневѣковой характеръ, представляетъ собою обычную тогда энциклопедію; но тамъ подъ словомъ Roma авторъ упоминаетъ о своемъ переводѣ на французскій языкъ Тита Ливія[2]).

Большая часть этихъ дѣятелей сохранила свое положеніе и при Бенедиктѣ XII (1334—1342), хотя новый папа былъ совершенно чуждъ гуманистическаго настроенія: это былъ прямодушный монахъ, искренно желавшій вернуть церковь на старый путь средневѣкового благочестія[3]). Но сочувствіе къ новымъ интересамъ значительно возросло, когда на престолъ св. Петра взошелъ Климентъ VI (1342—1352). Новый папа, богатый французскій дворянинъ, Рожеръ де Бофоръ, поступилъ въ монастырь еще мальчикомъ, но остался чуждъ монашескаго духа и традицій. Зато свѣтская карьера шла у него съ большимъ успѣхомъ: изъ профессоровъ богословія въ Сорбоннѣ онъ сдѣлался канцлеромъ Филиппа VI, потомъ епископомъ сначала Арраса, затѣмъ Санса и Руана, наконецъ кардиналомъ и папой. На престолѣ св. Петра, „Климентъ VI, по мѣткому замѣчанію Реймонта, во многихъ отношеніяхъ былъ предшественникомъ Льва X“[4]). Дѣйствительно, Климентъ былъ весьма либераленъ въ дѣлахъ вѣры, особой буллой

---

[1]) Epist. famil. XXII, 14.

[2]) Ego Titum Livium ad requisitionem D. Ioannis incliti Francorum regis non sine labore et sudoribus in linguam gallicam transtuli de latina. Цитата у Fracass. Letter. famil. IV, 497. Рукопись въ парижской національной библіотекѣ. Изъ заграничныхъ друзей Петрарки, которые обнаруживали интересъ къ гуманистическимъ занятіямъ, заслуживаетъ вниманія: чехъ *Янъ Oczko*, епископъ Ольмютца, впослѣдствіи кардиналъ. Петрарка адресовалъ ему много писемъ и посвятилъ нѣсколько стихотвореній. Нѣкоторые изъ эпистолярныхъ отвѣтовъ Oczko напечатаны у Mehus'a (Vita Ambr., p. CCXXI). Свѣдѣнія о немъ у Fracass. Lett. famil. II, p. 501. Сюда же относятся Philippe de Maizières, секретарь Петра I Лузиньяна и авторъ нѣсколькихъ латинскихъ сочиненій (Fracass. Lett. senil. II, p. 79) и аббатъ Pierre de Rainzeville (Ibid. Lett. fam. II, p. 408).

[3]) Къ этому выводу приходятъ всѣ новые изслѣдователи (см. Gregorovius, VI, 223; Reumont, II, 844; Creighton, I, p. 42), хотя многіе современники и въ ихъ числѣ Петрарка относятся къ этому папѣ съ суровымъ порицаніемъ. Петрарка говоритъ о немъ: vino madidus, aevo gravis, ac soporifero rore perfusus, jam nutilat. Ep. sine titulo I.

[4]) Reumont, II, p. 897.

защищалъ евреевъ, покровительствовалъ искусству и наукамъ, любилъ пышность и веселую жизнь, поэтому постоянно нуждался въ деньгахъ и обременялъ церковь страшными поборами. По признанію одного изъ наиболѣе клерикальныхъ историковъ папства, „Авиньёнъ сдѣлался при немъ резиденціей, гдѣ въ ужаснѣйшихъ размѣрахъ господствовали роскошь и удовольствія“ [1]). Спеціально гуманистическій духъ сказывается въ Климентѣ VI тѣмъ, что онъ пользовался репутаціей хорошаго оратора[2]) и интересовался древней литературой. Изъ одного письма Петрарки[3]), котораго папа за латинскіе стихи наградилъ пребендой[4]), видно, что Климентъ VI поручилъ первому гуманисту отыскивать рукописи Цицерона для его библіотеки. Какъ дѣйствовалъ примѣръ папы на куріаловъ показываетъ весьма характерный разсказъ Петрарки о кардиналѣ *Талейранѣ*. Графъ Перигоръ-Талейранъ одна изъ самыхъ видныхъ фигуръ при авиньёнскомъ дворѣ. Благодаря знатности и богатству онъ сдѣлался кардиналомъ 25-лѣтнимъ юношей и быстро занялъ выдающееся мѣсто въ святой коллегіи. Извѣстный юристъ и богословъ, Талейранъ принималъ на себя самыя важныя дипломатическія миссіи и въ качествѣ главы партіи французскихъ кардиналовъ имѣлъ рѣшающее вліяніе на папскіе выборы[5]). Петрарка называлъ его lucidum Ecclesiae decus, и это было совершенно справедливо въ томъ смыслѣ, какъ понимали церковный блескъ въ XIV вѣкѣ. И это авиньёнское свѣтило становится ученикомъ Петрарки, съ огромнымъ трудомъ старается усвоить себѣ умѣнье изящно выражаться по-латыни и главнымъ образомъ постичь тайны латинской поэзіи, приводя въ изумленіе учителя своей неспособностью къ такого рода занятіямъ[6]).

---

[1]) Pastor, I, p. 76. По обилію фактическихъ данныхъ характеристика Климента VI у этого писателя имѣетъ большую цѣну, несмотря на его крайне клерикальную тенденцію.

[2]) Рукописныя данныя о проповѣдяхъ Климента VI у Пастора, p. 74—75.

[3]) Epistol. famil. VII, 4.

[4]) De-Sade, II, 47.

[5]) Въ письмѣ къ Сократу Петрарка говоритъ о Талейранѣ: aliquando enim altius videtur papas facere, quam papam esse. Epist. famil. XIV, 2.

[6]) Такими же стремленіями отличались кардиналъ D'Alby (См. Fracas. Lett. fam. III, p. 25) и, повидимому, Гвидо де Монфоръ кардиналъ Булонскій (Ibid. p. 197—199). При Климентѣ VI получилъ кардинальскую шляпу знаменитый *Nicolò Capocci*, основатель университета въ Перуджіи; но онъ не былъ писателемъ и его отношеніе къ новому движенію неизвѣстно. (См. *Renassi, Storia dell'università degli studj di Roma detta comunemente la Sapienza che contiene anche un saggio storico della letteratura Romana del principio del secolo XIII sino al deceinare secolo XVIII. Roma MDCCCIII, I, p. 83—84.*

Несмотря на націонализмъ Климента VI, болѣе другихъ офранцузившаго папскую курію, при его дворѣ служатъ итальянцы, обнаруживавшіе наклонность къ гуманистическимъ занятіямъ. Такъ, повидимому, любителемъ античной литературы былъ библіотекарь Климента VI *Джіованни Кото,* епископъ Трикастри[1]). Изъ адресованнаго ему письма Петрарки[2]) видно, что предметомъ особенной заботы Кото были сочиненія Цицерона[3]). Гуманистическое направленіе среди чиновниковъ папской куріи сдѣлалось господствующимъ въ XV вѣкѣ; но его зародыши обнаруживаются гораздо раньше. Такъ, секретаремъ и протонотаріусомъ Климента VI былъ *Франческо Кальво да Наполи,* которому Петрарка посвятилъ въ формѣ письма довольно длинное разсужденіе о непріятностяхъ практически-дѣловой жизни[4]). По собственному признанію Петрарки, Кальво не былъ образованъ; тѣмъ не менѣе онъ искалъ дружбы Петрарки, былъ его поклонникомъ[5]).

Со вступленіемъ на престолъ Иннокентія VI (1352—1362) для новаго направленія наступали, повидимому, тяжелыя времена. Новый папа, котораго Грегоровіусъ называетъ лучшимъ за Авиньёнскій періодъ, простой и грубоватый монахъ, не только самъ оставался чуждъ научнымъ интересамъ и культурному новаторству, но старался придать иной характеръ своей куріи и реформировать церковь въ монашескомъ духѣ[6]). Тѣмъ не менѣе новое направленіе настолько уже укоренилось въ папской резиденціи, что личныя свойства Иннокентія VI не могли принести ему существеннаго вреда. На это указываютъ два весьма характерныхъ факта: одинъ изъ мотивовъ амнистіи Кола ди Ріенцо и появленіе въ первый разъ въ качествѣ апостольскаго секретаря настоящаго гуманиста. Друзья сообщили Петраркѣ, что единственная надежда на спасеніе арестованнаго трибуна — его репутація, какъ поэта[7]). Едва ли подлежитъ сомнѣнію, что не этотъ мотивъ дѣйствовалъ на Иннокентія VI[8]); весьма возможно, что это

---

[1]) Свѣдѣнія о немъ по письму Петрарки у Mehus'a (l. c. p. CCXVI).

[2]) Epist. famil. VII, 4.

[3]) Только вслѣдствіе этого Фракассетти дѣлаетъ предположеніе, что епископъ Кото одно и то же лицо съ грамматикомъ Croto. (Let. fam. II, p. 178).

[4]) Epistol. famil. XIII, 4.

[5]) Въ письмѣ къ одному изъ своихъ друзей (Ep. fam. XX, 14) Петрарка говоритъ, что ему предлагаютъ должность Calvi illius Parthenopaei, boni hominis licet et soliciti, et, ut dicere solebat, amici mei, nec litterati, nec famosi.

[6]) Gregorovius, VI, 332 и 400.

[7]) Unam sibi relictam spem salutis amicorum litteris edidici, quod vulgo fama percrebuerit poëtam illum esse clarissimum: itaque nefas videri talem et tam sacro studio deditum hominem violare. (Epist. fam. XIII, 6).

[8]) Объ истинныхъ причинахъ амнистіи (см. Gregorovius, VI, p. 348—349).

былъ пустой слухъ; тѣмъ не менѣе самое появленіе такой версіи для объясненія амнистіи чрезвычайно характерно. Еще важнѣе второй фактъ: должность апостольскаго секретаря сначала предложена была Петраркѣ, а когда онъ отказался, на это мѣсто былъ назначенъ Дзаноби да Страда (Zanobi da Strada † 1361). Къ сожалѣнію, мы не знаемъ истинныхъ причинъ перваго назначенія на должность этого гуманиста, которую позже почти всегда занимали представители новаго движенія. Дзаноби въ это время (1358 или 59) былъ уже въ концѣ своей карьеры и пользовался въ свое время обширной извѣстностью. Сынъ флорентійскаго грамматика, сначала продолжатель отцовскаго занятія, потомъ придворный Аччайуоли и наконецъ папскій секретарь, Zanobi былъ извѣстенъ, какъ ораторъ и поэтъ и его сочиненія, о которыхъ такъ тщательно заботился его неаполитанскій меценатъ[1]), были не извѣстны почти всѣ и современному ему біографу[2]). Позднѣйшіе изслѣдователи даютъ нѣкоторыя свѣдѣнія о слѣдующихъ произведеніяхъ *Дзаноби*. Во-первыхъ *De Fama*, рѣчь, произнесенная авторомъ во время коронованія его, какъ поэта, императоромъ Карломъ IV въ Пизѣ въ 1355 г.[3]) Сочиненіе остается до сихъ поръ неизданнымъ[4]). Изъ извлеченій, напечатанныхъ Мегусомъ[5]), видно, что рѣчь заключала въ себѣ восхваленія императора, Аччайуоли и самого автора; ради послѣдней цѣли Дзаноби приводитъ образчикъ своей латинской поэзіи. Судя по эпиграфу изъ Энеиды[6]), главный сюжетъ рѣчи обработанъ по древнимъ авторамъ. Во-вторыхъ, по свидѣтельству Ф. Виллани онъ началъ эпосъ о Сципіонѣ Африканскомъ, но узнавши, что на эту тему пишетъ Петрарка, оставилъ свою работу[7]). 3) М. Виллани говоритъ, что Дзаноби написалъ сти-

---

[1]) Его письмо къ Landolfo о собраніи сочиненій Дзаноби напечатано въ выдержкахъ у Mehus'a (Vita Ambros, p. CXC и цѣликомъ у Tanfani. Vita di N. etc., p. 204 и 205).

[2]) Tamen cum illi dies ultima appropinquaret extrema eulogio opuscula sua parum disrictis relicta agnatis, vel ignorantur, vel fortasse eorum desidia et amentia periere. Ph. Villani, Ed. Galletti, p. 16.

[3]) Ея полное заглавіе: *ad Serenissimum Imperatorem Carolum Quartum et Bohemiae Regem de Fama extra Cathedralem ecclesiam Pisanam in mane Ascensionis Domini in praesentia Domini Cardinalis Ostiensis et aliorum praelatorum Zenobii de Strata Poëtae Florentini oratio.* У Mehus, p. CXC.

[4]) Въ рукописяхъ часто. Между прочимъ во Флоренціи (Bandini, III, p. 735) и Лейпцигѣ. Voigt, I, p. 458.

[5]) Vita Ambros., p. CXC.

[6]) Stat sua cuique dies, breve et irreparabile tempus
Omnibus est vitae. Sed famam extendere factis
Hoc virtutis opus. (Aeneid. X) у Mehus'a. Ibid.

[7]) У Galletti, p. 16.

хотвореніе *Della Sfera*[1]), о которомъ нѣтъ дальнѣйшихъ извѣстій. 4) Онъ перевелъ итальянскими стихами комментарій Макробія на сонъ Сципіона[2]). 5) Переводъ итальянской прозой части Moralia папы Григорія I[3]) и его комментарій на книгу Іова[4]). 6) Нѣсколько бумагъ отъ имени папы Иннокентія VI[5]). 7) Три латинскихъ стихотворенія, напечатанныя Гортисомъ[6]). Первое изъ нихъ, посвященное Боккаччіо[7]), изображаетъ настроеніе духа поэта послѣ коронованія. Успѣхъ и чувство благодарности побуждаютъ его къ литературной дѣятельности; но онъ колеблется въ выборѣ сюжета и послѣ нѣкоторыхъ сомнѣній останавливается на изображеніи прошлаго[8]). Второе стихотвореніе эротическаго содержанія; оно обращено къ женщинѣ, повидимому, поставленной въ обществѣ выше поэта[9]), и не представляетъ интереса. Малосодержательно и послѣднее стихотвореніе-сатира, на какого-то юриста[10]), который притѣсненіями слабыхъ наживаетъ себѣ средства. Боккаччіо въ письмѣ къ Дзаноби упоминаетъ еще его стихотвореніе противъ флорентинцевъ, о которомъ не сохранилось извѣстій[11]).

Но если извѣстныя до сихъ поръ произведенія Дзаноби мало даютъ для его характеристики, то этотъ пробѣлъ до извѣстной степени пополняется произведеніями Петрарки и Боккаччіо. Письма перваго живо рисуютъ способнаго грамматика, интересъ котораго къ древней литературѣ отступаетъ на задній планъ передъ стремленіемъ къ широкому пользованію жизненными благами. Петрарка совѣтуетъ ему оставить грамматику, чтобы въ свитѣ Неаполитанскаго канцлера посвятить себя болѣе благород-

---

1) Fra l'altre sue opere ne compose una in ottava rima delle cose della Sfera, la quale Messer Jacopo Nardi afferma aver veduta. У Mehus'a, p. CXCI.

2) Ibid.

3) Tiraboschi, V, 811.

4) Voigt. II, p. 6.

5) У *Martene et Durand. Thesaurus novus ancedotorum Parisiis 1717*, p. 843.

6) Studj., p. 343—345.

7) *Eliconico vati Iohanni Boccaccij de Certaldo tamquam fratri in urbe Florenti.*

8) Nescio, quid faciam; nova sordent; prisca, tenebris
Obsita, difficile est in lucem vertere. Tandem
Huc magis inclinor namque antiquissima facta
Nec modo gesta canam: medium dabit optima Clyo.

9) Nec tibi jam meritus videor, cui nomen amici
Conveniat, quis vera neget? Tamen omnia solus
Aequat amor paribusque animos complectitur ulnis.

10) Tu quis es, o legum qui mille volumina versas,
Insomnis, multaque legis consulta papiro.

11) Carmen tuum in Florentinos vidi et laudo: nam vera dicit. Coraz. p. 40.

нымъ занятіямъ[1]), и Дзаноби охотно слѣдуетъ его совѣту. Позже ему предложили доходное мѣсто апостольскаго секретаря, и Петрарка усердно отклонялъ его отъ этой хлопотливой должности ради досуга для научныхъ занятій[2]), но на этотъ разъ Дзаноби остался глухъ къ его внушеніямъ. Съ другой стороны, эклоги Боккаччіо и его письмо живо рисуютъ, какъ ловкій „Стильбонъ" и „Коридонъ" быстро овладѣлъ довѣріемъ Аччайуоли и извлекалъ изъ него всевозможныя выгоды. Этимъ матеріаломъ еще никто вполнѣ не воспользовался, и научной біографіи характернаго гуманиста до сихъ поръ нѣтъ, хотя матеріалы для нея и собирались. Уже между своими современниками Дзаноби имѣлъ двухъ біографовъ — Доменико Бандини изъ Ареццо[3]) и Филиппо Виллани[4]). Оба они, изложивъ вкратцѣ внѣшнія событія его жизни, подтверждаютъ опасенія Петрарки и въ сходныхъ выраженіяхъ говорятъ, что внѣшнія блага помѣшали Дзаноби вполнѣ развить свои ученыя и литературныя способности[5]). Свѣдѣнія этихъ біографовъ весьма важными данными дополнилъ въ XVIII вѣкѣ Mehus[6]), оказавшій огромныя услуги исторіи ранняго Ренесанса; затѣмъ Тирабоски, который сопоставилъ современныя показанія о коронованіи Дзаноби въ Пизѣ[7]). Наконецъ, въ недавнее время Гортисъ обстоятельно разобралъ въ связи съ эклогами и письмомъ Боккаччіо, отношеніе его къ Аччайуоли и отношеніе къ его коронованію другихъ гуманистовъ[8]). Какъ ни скудны литературные остатки Дзаноби, этотъ гуманистъ, столь напоминающій по своему характеру корифеевъ половины XV вѣка — Поджіо и Валлу, вполнѣ заслуживаетъ спеціальной біографіи, тѣмъ болѣе, что въ итальянскихъ библіотекахъ можно найти и еще неизвѣстные матеріалы[9]).

---

[1]) Epist. fam. XII, 3 и 15.

[2]) Epist. senil VI, 6.

[3]) Напечатана у Mehus'a Vita Ambros., p. CLXXXIX.

[4]) У Galletti, p. 16.

[5]) Villani говоритъ. Quae (его сочиненія) tamen volvuntur in manibus, magnum poëtam futurum, si studio vacasset, ostendunt: urbana si quidem hilaritate ac perjucunda redolent, nimiamque eripientis illum a studio litterarum sollertiam detestantur. У Gallet., p. 16. Haec quidem dignitas (у папы), говоритъ Domenico, plurimum studiis suis obfuit quia factus ditior, ita tepuit in poëticis, quod tunc pauca ejus opuscula inveniantur, quae tamen magnum poëtam futurum, si studio vacasset, ostendunt. У Mehus'a, p. CLXXXIX.

[6]) Vita Ambros, p. CLXXXIX—CXCIV.

[7]) Storia V, p. 804—812.

[8]) Studj, p. 29—33; 268—277.

[9]) Voigt называетъ еще „Büchelein" — *Zanobi da Strada. Notizie istoriche raccolte dal P. S. M. C. P. Firenze 1878*, но она ist nur eine Zusammenstellung der gewöhnlichsten Notizen. II p. 6. Cf. I, 459.

Урбанъ V (1362—1370) пользовался хорошей репутаціей и у современниковъ, и у потомства. Народъ считалъ его за святого[1]); самъ Петрарка, столь строгій къ авиньёнской куріи, называетъ этого папу человѣкомъ хорошимъ и просвѣщеннымъ[2]), и позднѣйшіе историки относятся къ нему съ большимъ сочувствіемъ[3]). Мы не знаемъ, каково было направленіе образованія Урбана V, но въ должности апостольскаго секретаря появляются при немъ люди, несомнѣнно принадлежавшіе къ новому направленію. Въ 1365 году секретаремъ былъ назначенъ флорентіецъ *Франческо Бруни,* одинъ изъ самыхъ близкихъ друзей Петрарки[4]). Обширная переписка съ нимъ перваго гуманиста и адресованныя къ нему письма Колюччіо Салютати показываютъ, какъ высоко цѣнилъ Бруни новыя занятія и древнюю литературу, хотя о собственныхъ его произведеніяхъ мы не имѣемъ свѣдѣній. При Урбанѣ V въ качествѣ апостольскаго секретаря при куріи появляется самый крупный изъ ближайшихъ послѣдователей первыхъ гуманистовъ, *Колюччіо Салютати.* Но онъ занималъ эту должность не болѣе года (1367—1368), и его гуманистическая дѣятельность получила полное развитіе во Флоренціи.

Послѣдній папа Авиньёнскаго періода, Григорій XI (1370—1378), племянникъ Климента VI, относился съ несомнѣннымъ сочувствіемъ къ новому движенію. По поводу смерти Петрарки, онъ издалъ въ 1374 г. замѣчательное бреве къ кардиналу de Noellet. „Къ нашему великому горю мы узнали, говорится тамъ, что нашъ возлюбленный сынъ, Франческо Петрарка, блестящій свѣтъ морали и науки (moralis scientia) недавно покинулъ этотъ міръ. Утративши его вслѣдствіе обязательнаго для всѣхъ закона природы, мы весьма желаемъ имѣть его сочиненія. Поэтому мы обращаемся къ твоей предусмотрительности съ просьбой поручить надежному человѣку собрать эти сочиненія, именно *Африку, Эклоги, Письма, Инвективы,* книги объ уединенной жизни и другія, относительно которыхъ мы освѣдомлены, что они составлены по благодати Божіей съ удивительной свѣжестью ума. Прикажи скопировать ихъ опытнымъ переписчикамъ и перешли ихъ съ надежными посланцами“[5]). Въ томъ же году Григорій XI издалъ два другихъ бреве, также весьма характерныхъ для

---

[1]) Gregorovius, IV, 444.

[2]) Отзывы Петрарки сведены у Реймонта, II, 966.

[3]) См. Gregorovius, l. c., Creighton, I, p. 48.

[4]) Незначительныя свѣдѣнія о немъ собраны у Fracas. (Lett. fam. V, 113—115).

[5]) Оно напечатано у *Theiner'a (Codex diplomaticus dominii temporalis S. Sedis. Romae 1862).* T. II, p. 559—560 и у Reumont'a, p. 981.

его научныхъ стремленій. Узнавъ, что въ Верчелли находится сочиненіе Трога Помпея, папа поручаетъ мѣстному епископу „немедленно" найти его и прислать съ надежнымъ человѣкомъ, „такъ какъ эта книга чрезвычайно намъ пріятна (nimium est sensibus nostris acceptus) и была бы гораздо пріятнѣе, если бы мы у себя ее имѣли" [1]). Въ другомъ breve папа приказываетъ своему нунцію въ Парижѣ „старательно" поискать въ библіотекахъ Сорбонны сочиненія Цицерона и, если они найдутся, то прислать ихъ въ Авиньёнъ[2]). Несмотря на рѣзко выраженныя гуманистическія наклонности папы, мы не знаемъ при его дворѣ ни одного крупнаго гуманиста. Тѣмъ не менѣе есть основаніе думать, что новое направленіе имѣло въ куріи многочисленныхъ и опытныхъ послѣдователей. По крайней мѣрѣ, при дворѣ папы были люди, которые могли бороться противъ Петрарки его собственнымъ оружіемъ и писали противъ него инвективы[3]).

Какъ ни скудны наши свѣдѣнія о развитіи гуманизма при Авиньёнской куріи, они даютъ возможность констатировать нѣкоторыя явленія, весьма характерныя для исторіи ранняго Возрожденія. *Прежде всего не можетъ подлежать никакому сомнѣнію интересъ куріи къ новому движенію:* біографія Петрарки, котораго въ Авиньёнѣ цѣнили, награждали и много разъ звали на видныя и доходныя мѣста, а также приведенные выше факты неопровержимо доказываютъ наличность этого интереса. До какой степени такое отношеніе къ гуманизму обусловливалось практическимъ соображеніемъ куріи имѣть на своей сторонѣ людей, способныхъ перомъ защищать папскія выгоды — этотъ вопросъ приходится оставить безъ отвѣта при современномъ состояніи источниковъ. Но можно съ полной достовѣрностью утверждать, что при куріи было много элементовъ, настроенныхъ сочувственно къ гуманистическимъ тенденціямъ, чувствовавшихъ *внутреннее родство* съ первымъ гуманистомъ, и такіе сторонники Возрожденія находились не только между итальянцами. Мы не можемъ сказать, насколько сильно было итальянское вліяніе въ Авиньёнѣ; но несомнѣнно, что *гуманистическое движеніе захватило также и французовъ* и *съ самаго начала не имѣло національнаго характера.* Разница между гуманистами и негуманистами заключалась, повидимому, не въ національности, а въ степени и направленіи духовнаго развитія. Насколько глубоко захватило курію новое движеніе сказать точно такъ же весьма трудно. Письма и полемика Петрарки показываютъ, что даже французскіе куріалы могли владѣть гуманистическимъ оружіемъ; но эта

[1]) Breve напечатано въ приложеніяхъ у Пастора (I, p. 623).
[2]) Напечатано ibid. p. 624.
[3]) См. выше, p. 202 и слѣд.

способность ограничивалась, повидимому, только прелатами: всѣ гуманисты, занимающіе свѣтскія должности при куріи, итальянскаго происхожденія. Каково было міросозерцаніе папскихъ гуманистовъ этого періода, при современномъ состояніи источниковъ опредѣлить невозможно. Только ихъ отношеніе къ Петраркѣ показываетъ, что въ цѣломъ и общемъ они раздѣляли воззрѣнія родоначальника Ренесанса. А изъ этого слѣдуетъ, что гуманистическое движеніе съ самаго начала нашло себѣ подходящую почву и въ космополитической куріи; слѣдовательно, *оно постольку зависѣло отъ національныхъ и политическихъ условій итальянской жизни XIV вѣка, поскольку эти послѣднія вліяли на культуру, возвышая ея уровень.*

II.

Гуманистическое движеніе при послѣднихъ папахъ XIV столѣтія.— Курія Урбана VI и Бонифація IX. — Монтепульчіано и Поджіо. — Курія Иннокентія VII. — Леонардо Бруни и его теоретическіе трактаты. — Isagogicon; его характеръ и значеніе. — Педагогическіе трактаты Бруни и ихъ историческій интересъ.—Діалогъ къ Верджеріо и вопросъ объ отношеніи Бруни къ Данте, Петраркѣ и Боккаччіо.— Рѣчь противъ лицемѣровъ и трактаты Бруни о знатности и военной службѣ.— Общій характеръ его теоретическихъ трактатовъ.

Возвращеніе Григорія XI въ Римъ поставило папскую курію въ условія, болѣе благопріятныя для гуманистическаго развитія, сблизивъ ее съ Италіей, тогдашнимъ культурнымъ центромъ Возрожденія. Но на первое время новое движеніе при папскомъ дворѣ замѣтно слабѣетъ. Причины этого явленія заключались въ фактической исторіи тогдашняго папства. Курія Урбана VI (1378—1389), перваго итальянскаго папы послѣ Бонифація VIII, ни по личнымъ наклонностямъ ея главы, ни по условіямъ, среди которыхъ она находилась, не могла привлекать себѣ гуманистовъ. Начиналась такъ называемая Великая схизма, страшно ослаблявшая и духовныя, и матеріальныя силы папства. Урбанъ VI находился въ непрерывной борьбѣ съ Неаполемъ, съ своимъ соперникомъ Климентомъ VII и даже съ собственною куріей[1], и эта борьба, часто ставившая въ критическое положеніе самого папу, дѣлала крайне тяжелою жизнь при куріи даже

---

[1]) Сводъ отзывовъ современниковъ и ближайшаго потомства объ Урбанѣ VI у Реймонта, II, p. 1024. Ср. Gregorovius, VI, p. 528—529, Pastor, I, p. 98—99 и мѣткую характеристику папы и его правленія у Creighton'a, I, p. 92—93.

для кардиналовъ. Тѣмъ не менѣе слѣды гуманистическаго движенія при папскомъ дворѣ не совершенно изгладились: въ 1378 году Урбанъ VI сдѣлалъ кардиналами двухъ братьевъ Колоннъ, внуковъ Джіакомо Шіарра, — *Стефано* и *Агапито*[1]). Съ первымъ изъ нихъ велъ довольно оживленную переписку Петрарка, въ которой встрѣчаются нѣкоторые намеки на интересъ этого представителя фамиліи Колоннъ къ древнимъ писателямъ[2]), хотя она и не даетъ прочнаго основанія для его точной характеристики[3]). Гораздо яснѣе представляются интересы брата этого Стефано, *Агапито*, кардинала св. Приски. Онъ былъ воспитанникомъ Петрарки, и письма этого послѣдняго не оставляютъ никакого сомнѣнія, какіе интересы развивалъ въ будущемъ кардиналѣ его гуманистическій менторъ[4]).

Положеніе папства значительно улучшилось съ вступленіемъ на престолъ Бонифація IX (1389—1404). Новый папа былъ человѣкъ совершенно непросвѣщенный и не чувствовалъ ни малѣйшаго интереса ни къ новой, ни къ старой наукѣ. Но онъ обладалъ природнымъ умомъ и политическими способностями, вслѣдствіе чего ему удалось уничтожить послѣдніе слѣды республиканскаго строя въ папской столицѣ и сдѣлаться полнымъ господиномъ церковной области. Бонифацій IX первый изъ папъ выдвигаетъ на первый планъ политическіе интересы своихъ владѣній и рѣшительно начинаетъ то превращеніе доминіума св. Петра въ обыкновенное свѣтское государство, которое вполнѣ завершилось въ первой половинѣ XV столѣтія[5]). Его стремленія были вполнѣ успѣшны; положеніе куріи упрочилось и на папскую службу вступаютъ гуманисты. Секретаремъ Бонифація IX былъ *Бартоломео да Монтепульчіано* († 1429). Наши свѣдѣнія о Бартоломео очень скудны[6]). Ученикъ Хризолора, юристъ и

---

[1]) Gregor. l. c., p. 500.

[2]) См. Ep. senil. XV, 1.

[3]) Относительно гуманистическихъ наклонностей этого Колонны не было бы малѣйшихъ сомнѣній, если къ нему адресована ep. 6, libri III famil., что не ни лишено вѣроятности. Фракассетти относитъ fam. lib. III, ep. 3, 4, 5 и 6. другому Стефано, брату кардинала Джіованни; но первое изъ нихъ несомнѣнно адресовано сыну Шіары (см. lett. fam. I, 412 и III, 371), а III, 5 весьма сходно по содержанію съ несомнѣнно ему адресованнымъ var. 52, такъ что самъ Фракассети отождествляетъ въ указателѣ обоихъ адресатовъ. См. Lett. fam. V, p. 505.

[4]) Epist. fam. II, 10 и XX, 8. При этомъ же папѣ былъ сдѣланъ кардиналомъ *Filippo Geza*, авторъ комментарій на физику Аристотеля (Renazzi, l. c., p. 86).

[5]) Его характеристика у Грегоровіуса, VI, p. 530, 531, 554—55 и въ особенности Creighton, I, p. 160—161.

[6]) Они свѣдены у Voigt'a (II, p. 26—27).

поэтъ, онъ принималъ дѣятельное участіе въ археологическихъ поѣздкахъ Поджіо во время Констанскаго собора, собственноручно переписалъ нѣкоторые найденные имъ кодексы, всегда вращался въ гуманистическихъ кружкахъ, поэтому часто фигурируетъ въ гуманистической перепискѣ. Тѣмъ не менѣе его воззрѣнія и стремленія остаются неизвѣстными. Его стихотворенія неизданы[1]); другихъ сочиненій онъ, повидимому, не писалъ. Его любовь къ древности не подлежитъ сомнѣнію, но есть основаніе думать, что онъ не былъ слѣпымъ ея приверженцемъ[2]). Популярность да Монтепульчіано между гуманистами обусловливалась, по всей вѣроятности, не его литературной дѣятельностью, а личнымъ характеромъ и, можетъ быть, хорошими матеріальными средствами. Поджіо выводитъ его въ діалогѣ De avaritia ораторомъ противъ этого порока, при чемъ самая бесѣда происходитъ за ужиномъ у Монтепульчіано. Другой собесѣдникъ этого діалога, Лоски, написалъ эпитафію на его памятникъ, который, по завѣщанію да Монтепульчіано, былъ поставленъ на его родинѣ; пышный мавзолей былъ сдѣланъ Микелоццо и украшенъ барельефами Данателло, что вызвало рѣзкую выходку Бруни, который отрицалъ въ покойникѣ образованіе и ученость[3]). Можетъ быть, оцѣнка Бруни нѣсколько пристрастна; но что Бартоломео не былъ крупнымъ писателемъ, показываетъ тотъ фактъ, что его основательно забыли уже въ XV столѣтіи.

При Бонифаціи IX вступаетъ на папскую службу и Поджіо, одинъ изъ самыхъ крупныхъ гуманистовъ XV вѣка. *Франческо Поджіо Браччолини* (1380—1459), сынъ разорившагося нотаріуса изъ Терра-

---

[1]) *Bartholomei Montepolitiani Carmina* въ Riccardiana. Voigt приводитъ еще изъ кодекса мюнхенской библіотеки *Descriptio mortis formosissimae juvenculae olim Bartholomeae de Matrilianis de Bononia*. Отзывъ о стихотвореніяхъ. Ibid.

[2]) Въ флорентійской Laurentiana находится кодексъ, написанный Бартоломео (Plut. LXXXX cod. 42). Въ немъ находятся 1) De Fato Салютати, въ концѣ котораго B. de Montepoliciano ante decendium scribens finii XVI decembris MCCCXIII (sic). Ниже мы увидимъ, что это сочиненіе весьма мало проникнуто гуманистическимъ духомъ. 2) Epitoma Augustini et Orosii, ejus discipuli; въ концѣ: finivi die VIII Februarii, MCCCCXVI Constantiae. Тою же рукою переписанъ одинъ переводъ съ греческаго Cincii Romani.

[3]) An tu illum poëtam credis fuisse, qui nullam neque scientiam, neque doctrinam cognovit, stultitia vero ac vanitate omnes omnino homines superavit. Epist. VI, 5. Въ перепискѣ съ Салютати находился апостольскій секретарь *Franciscus da Monte-Politiano*, тоже писавшій латинскіе стихи. (Mehus, Vita Ambr. Travers., p. CCCXXIX и CCCLXVII). Другихъ свѣдѣній объ этомъ гуманистѣ не имѣется.

нуова близъ Ареццо, въ ранней молодости переселился во Флоренцію, гдѣ, добывая пропитаніе переписной рукописей, пользовался покровительствомъ Салютати и его друзей и при ихъ помощи научился латинскому и греческому языку. Благодаря протекціи Салютати, Поджіо добылъ мѣсто сначала писца, потомъ секретаря въ куріи и оставался на папской службѣ съ небольшими перерывами почти 50 лѣтъ. Но его литературная дѣятельность начинается только въ 1429 году и заходитъ глубоко въ XV столѣтіе, такъ что его сочиненія характеризуютъ гуманистическое направленіе второй четверти XV вѣка.

Короткое время правленія Иннокентія VII (1404—1406) занято ожесточенной борьбой папы съ Римомъ, при чемъ намѣстнику Христа приходилось иногда поспѣшно убѣгать изъ своей резиденціи, которая подвергалась всѣмъ ужасамъ анархіи. Но Иннокентій VII былъ человѣкъ сравнительно образованный и обнаруживалъ интересъ къ наукамъ и просвѣщенію. По крайней мѣрѣ, онъ пытался реставрировать, хотя и неудачно, основанный Бонифаціемъ VIII Римскій университетъ [1]). Вѣроятно, поэтому гуманистическій элементъ его куріи значительно усилился, такъ какъ въ число его секретарей поступили *Леонардо Бруни, Джакопо Анджело и Пьетро-Паоло Верджеріо Старшій.*

Леонардо Бруни (1369—1344) былъ родомъ изъ Ареццо, а позже получилъ право гражданства во Флоренціи; поэтому онъ называлъ себя то Аретинскимъ, то Флорентійскимъ. Происходя отъ бѣдныхъ родителей, Бруни, благодаря личнымъ способностямъ и труду, сдѣлалъ блестящую карьеру, начало которой положила служба при куріи. Хотя онъ, какъ и Поджіо, принадлежитъ къ третьему поколѣнію гуманистовъ, хотя, подобно своему знаменитому сослуживцу, онъ учился у Джіованни да Равенна и Хризолора и пользовался покровительствомъ Салютати, тѣмъ не менѣе его литературная дѣятельность не вполнѣ принадлежитъ XV столѣтію. Бруни на 11 лѣтъ старше Поджіо, дольше находился подъ вліяніемъ Салютати и его произведенія могутъ характеризовать переходную эпоху гуманистическаго движенія отъ XIV къ XV вѣку. По количеству своихъ произведеній, Бруни принадлежитъ къ числу самыхъ плодовитыхъ, а по ихъ содержанію къ числу самыхъ разносторонныхъ писателей. Онъ писалъ отвлеченно-теоретическіе трактаты, научныя произведенія, инвективы, комедіи, разсказы и стихотворенія, состав-

---

[1]) Pastor, I, p. 129—130. Для характеристики Иннокентія. См. Gregorovius, VI, p. 572.

лялъ рѣчи, сдѣлалъ массу переводовъ и велъ обширную переписку. Сочиненія первой категоріи представляютъ особенный интересъ для характеристи гуманистическаго направленія въ эту эпоху. Къ вопросамъ метафизики Бруни не чувствуетъ склонности; гораздо болѣе интереса обнаруживаетъ онъ къ морали, какъ это видно изъ его переписки и переводовъ, хотя единственное его оригинальное произведеніе на эту тему — *Isagogicon moralis disciplinae*[1]) представляетъ собою компиляцію изъ Аристотеля. Тѣмъ не менѣе этотъ діалогъ имѣетъ интересъ въ двухъ отношеніяхъ: онъ характеризуетъ отношеніе Бруни и къ моральнымъ вопросамъ, и къ древнимъ философамъ. Прежде всего авторъ настаиваетъ на необходимости моральнаго міросозерцанія, безъ котораго, оказывается, жить невозможно представителямъ новаго направленія[2]). Бруни признаетъ, что *человѣкъ по природѣ стремится къ истинному благу;* но его сбиваютъ съ пути ложныя воззрѣнія, единственный выходъ изъ которыхъ представляетъ философія[3]). Вслѣдствіе этого авторъ настаиваетъ на большей важности моральной философіи сравнительно съ тѣмъ ея отдѣломъ, который изслѣдуетъ внѣшній міръ, хотя считаетъ и это направленіе, „возвышеннымъ и превосходнымъ“[4]).

---

[1]) *Leonardi Aretini, Isagogicon moralis disciplinae ad Gallotum Ricasolanum.* Lovanii 1475. Другія изданія у Mehus'а въ изданіи переписки Бруни. Я цитирую это сочиненіе подъ другимъ заглавіемъ: *Dialogus de moribus ad Galeotum amicum dialogo Moralium Aristotelis ad Eudemum amicum suum respondens: paucis ex posteriobus a Leonardo ajectis. Leonardus et Marcellinus interlocutores. Parisiis 1542.*

[2]) Nunc autem omnis noster error ab eo manat, quod sine proposito fine vivimus et velut in tenebris caecutientes non tam per callem aliquem prospectum et certum, quam per oblatam nobis semitam fortuito ambulamus, ut saepe, quo nostri ferant gressus, ne ipsi quidem sciamus edicere. Itaque et conatus saepe nos poenitet nostri et sequentes pariter, assecutique torquemur: nihil solidum nanciscentes, in quo stulta hominum appetitio conquiescat. Ibid. fol. 137.

[3]) Veri boni a natura nobis ingenerata cupido. Verum confusa illa quidem atque incerta fallacibusque opinionibus tamquam tenebris quibusdam obducta, quibus obcaecati atque decepti per devia aberramus. Sed adversus hanc humani generis caecitatem et tenebras opem a philosophia petendum est. Quae si forte nos dignata, lumen suum admoverit, hanc omnem, quae nos turbat calliginem dissipabit veramque vivendi viam a fallaci discerneret. Ibid.

[4]) Quae ad naturae pertinet indigationem, quae etsi sublimis atque excellens, tamen minus habet utilitatis ad vitam, quam ista, quae ad mores hominum virtutesque descendit, nisi forte instructior erit ad bene vivendum, qui pruinae et nives et iridis colores, quemadmodum fiant didicerit, nihil amplius utilitatis habet, quam si illa nunquam didicisset: aut emendatior erit ejus vita, cui aves et pisces noti sunt, quam si omnipo essent incogniti. Similia huic sunt caetera, quae in illa traduntur. Habent enim splendorem cognitionis eximium, vitae autem utilitatem

Въ дальнѣйшемъ изложеніи Бруни держится Аристотеля; тѣмъ не менѣе онъ имѣетъ въ виду и другихъ философовъ и выбираетъ изъ своего главнаго источника только то, что ему кажется наиболѣе подходящимъ. Его задача — опредѣлить конечную цѣль человѣческихъ дѣйствій и средства, которыми она достигается[1]). Эта цѣль — высшее благо, которое составляетъ высшее счастье и заключается въ добродѣтели[2]). Съ этимъ положеніемъ согласны всѣ философы, и Бруни не видитъ существенной разницы между стоиками, ученіе которыхъ однако кажется ему непривлекательнымъ[3]), перипатетиками и эпикурейцами[4]). Самыя добродѣтели пріобрѣтаются путемъ развитія

---

non habent. At vero haec altera philosophia: tota (ut ita dixerim) de re nostra est. Itaque qui hujus cognitione omissa philosophiae intendunt: ii alienum quopam modo negotium agere videntur, suum omittere. Ibid.

[1]) Необходимо знать три вещи: quid sit extremum et finis in rebus humanis, ad quem omnia quae agimus refferri oporteat. Secunda, quid sit id extremum. Tertia, quibus rebus ad id perveniatur. His enim cognitis et totius vitae rationem, quemadmodum dirigenda sit, cognoscemus. Ibid.

[2]) Bono igitur viro, говоритъ Бруни въ заключеніи діалога, rectum expeditumque iter est ad felicitatem. Solus enim hic non fallitur, neque aberat. Itaque is solus bene vivit et bene agit: malus autem contra. Si ergo beati esse volumus, operam demus, ut boni simus virtutesque exerceamus. Ibid. fol. 340.

[3]) Ихъ дисциплина nescio an vera, sed certe mascula atque robusta. Ibid. fol. 138.

[4]) Стоики и перепатетики profecto beatae vitae dominam effectricemque virtutem consentiunt. In hoc fere totum est et qui in uno hoc consentiunt, vix in altiis dissentire possunt. Nam de corporeis externisque commodis, quae alii bona appelant, alii non bona: id non refert, quantum quisque illis tribuerit si non plus his, quam illis de verbo differentia est, non tamen de re, quod alteros usitatum verbum delectat, alteros novum, quae enim hi bona et mala, illi praeposita et rejecta appelant. De fortunae vero doloribus tormentis corporis diversitas est et quidem non magna. Peripatetici enim non a quibusvis calamitatibus vitam beatam depelli putant, sed ab ingentibus et multis, et haec ipsa si accidant sapienti nequamquam eum miserum fieri dicunt. Stoici vero etiam in his ipsis calamitatibus beatum afferunt. Quinetiam voluptatis patroni non multum ab his discedunt. Felicitas enim absque voluptate esse non potest, adeo enim implicita esse et annexa voluptas, ut separari nequeat. Nomen certe ipsum, quo beatitas designatur a gaudendo apud graecos tractum est, quasi vita quaedam gaudiosa. Actio enim virtutis, scientiaque et contemplatio, conscientia denique ipsa recte factorum immensas quasdam voluptates continet, ut dubium fiat, haec propter illam an illa propter haec expetatur. Clamat enim Epicurus ipse, non posse cum voluptate vivi, nisi juste, temperate prudenterque vivatur, neque rursus juste, prudenter, temperate nisi cum voluptate. Ita cum tres sint philosophorum sectae, omnes profecto aut idem, aut prope de summo bono dicere videntur. Ibid. fol. 136. Voigt, невидавшій этого сочиненія, ошибочно считаетъ его неизданнымъ и невѣрно излагаетъ его содержаніе. II, p. 458. По словамъ

природныхъ наклонностей человѣка къ добру[1]) и правильнаго выбора надлежащихъ дѣйствій. Этотъ выборъ, который составляетъ особенность человѣка, отличающую его отъ божества и животнаго[2]), обусловливается благоразуміемъ (prudentia[3]), которое въ сущности отождествляется съ добродѣтелью[4], при чемъ самый характеръ жизни, будетъ-ли она „созерцательная" или „дѣятельная", въ глазахъ Бруни не имѣетъ существеннаго значенія[5]). Эти общія идеи Бруни развиваетъ въ своихъ трактатахъ по практической философіи, гдѣ онъ подвергаетъ теоретическому обсужденію различныя стороны практической жизни. Такіе вопросы представляли особенный интересъ для Бруни.

Прежде всего Бруни очень занимаютъ вопросы о воспитаніи и образованіи, которые онъ подвергаетъ обсужденію въ цѣломъ рядѣ трактатовъ. Одинъ изъ нихъ, остающійся до сихъ поръ неизданнымъ, носитъ названіе „*О воспитаніи юношей*" и посвященъ Убер-

---

Ludwig'a Stein'a (Handschriftkunde zur Philosophie der Renaissance), цитированное мѣсто трактата Бруни представляетъ собою первую попытку „отмѣтить въ грубыхъ контурахъ принципіальныя различія античныхъ философскихъ школъ". (Archiv für Geschichte der Philosophie. I, 1888, p. 538.

[1]) Virtutem omnem esse animi affectionem constantem, quam communi nomine habitum vocant... homo a natura aptus per exercitationem et assuetudinem habitum justitiae et temperantiae caeterarumque virtutum nascitur, ut tunc demum perfectum ab usu sit, quia a natura fuerat inchoatum. Ibid. fol. 138.

[2]) Videatur autem electio non aliis ferme ullis, quam homini convenire. Nam neque bestiis, quae sunt infra hominem, quoniam ratione careant, neque rursus deo, quoniam ille puro intuitu singula discernens nulla de re ambigere potest. Ibid. 140.

[3]) In rebus agendis recta illa ratio, quae moralibus moderatur virtutibus, quaeque exstrema refugiens in mediocritate quadam laudabili consistere facit, nihil aliud, quam prudentia est. Ex quo fit, ut nulla moralium virtutum absque prudentia esse possit. Versatur autem prudentia in iis rebus, quae non semper eodem modo fiunt, sed alias aliter, in quibus etiam consilium et electio locum habent... Itaque consilium et electio a prudentia est, resque agendae omnes consilio electioneque pendent. Ibid.

[4]) Nisi bonus sit vir, prudentem esse neminem posse. Est enim prudentia vera existimatio circa utilitatem, vera autem existimatio incorrupta est. Tales vero ipsae res, quales re vera sunt nisi bono viro videri possunt... Scilicet enim et flagitiosus homo veras mathematicae demonstrationes et phisicae notitiam retinebit, ad prudentiae vero opera omnino caecatur et lumen veritatis in hac una amittit. Atqui constat et hunc nihil velle nisi bonum, at in illo ipso calligantur oculi, quod bona putat, quae bona non sunt. Ibid. 340.

[5]) Sapientia, scientia et intelligentia contemplativum alunt, prudentia vero in omni actione dominatur. Utraque sane vita laudes commendationesque proprias habet. Contemlpativa quidem divinior plane atque rarior. Activa vero in communi utilitate praestantior. Ibid. 340.

тѣно да Каррара[1]). Бруни признаетъ за воспитаніемъ огромную важность: оно необходимо для всякаго, потому что въ юности залагаются основы нравственности и особенно важно для аристократіи и правителей, потому что личныя свойства должны составлять основаніе знатности и власти[2]). Само государство должно быть весьма заинтересовано въ правильной постановкѣ образованія[3]). Цѣль воспитанія, которое должно составлять главную обязанность родителей, дать дѣтямъ нравственное и умственное образованіе[4]), и главную задачу трактата составляетъ указаніе наилучшихъ средствъ для достиженія этой важной и святой цѣли. Прежде всего воспитаніе должно развивать не только духъ, но и тѣло, и Бруни настаиваетъ на необходимости обучать военнымъ пріемамъ, ѣздѣ верхомъ, бѣганью и гимнастическимъ упражненіямъ[5]), впрочемъ въ дѣтствѣ на эту сторону воспитанія не слѣдуетъ налегать и нужно усилить физическія упражненія въ болѣе зрѣломъ возрастѣ[6]). Слѣдуемъ замѣтить однако, что, рекомендуя физическое воспитаніе, Бруни особенно подчеркиваетъ его практическую цѣль — способность къ военной службѣ и потому особенно рекомендуетъ его государямъ[7]).

---

[1]) *Leonardi Aretini, De institutione adolescentium ad Ubertinum Carrariensem.* Я цитирую по *рукописи Миланской Ambrosiana. Cod. A. 116. Super.*

[2]) Jacenda sunt in hac aetate fundamenta bene vivendi, conformandus ad virtutem animus, dum tener est et facilis quamlibet impressionem admittendum, quae ut nunc erit, ita etiam in reliqua vita servabitur... Precipue tamen qui excelsiore loco sunt quorumque nihil neque dictum, neque factum latere potest, decens est ita principalibus artibus instructos esse, ut fortuna et gradu dignitatis, quam obtinent, digni habeantur... Aequum est enim, qui sibi summa omnia de se praestare volunt, ut et ipsi caeteros exsuperent virtute. Haec est certior aut stabilior regnandi ratio, quam si hi, qui regna obtinent, ab omnibus dignissimi omnium regno videantur. Ibid. fol. 25.

[3]) Si fuerint adolescentes ratione instituti, erit quidem civitatibus et ipsis bonum. Ibid. fol. 28.

[4]) Бруни приводитъ здѣсь изреченіе Франческо, дѣда Убертино, что родители должны дать дѣтямъ 3 вещи: primum, ut honestis illos nominibus apellent... alterum, ut in eggregiis artibus (сверху moribus) eos statuant... tertium, ut bonis artibus liberos erudirent. Ibid. fol. 25.

[5]) Ea igitur exercitia suscipienda erunt, quae bonam valetudinem salvent ac robustiora membra reddant. Ibid. fol. 40.

[6]) Post pubertatem vero gravioribus laboribus edomandi erunt et impuberes quidem magis ad intellectum decet erudire. Ibid.

[7]) Quibus vero ingenium viget et corpus est validum eos aportet utriusque (disciplinarum et bellorum) curam habere et animum quidem ita formare, ut vere possit decernere et rationi velit imperare. Corpus vero et fortiter ferre et facile parere possit. Ac denique ita nos totos comparare, ut semper parati simus, non ad inferendam vim, ad sed ad arcendam injuriam. Maxime vero principibus convenit in militari disciplina instructos esse. Ibid. fol. 37.

Духовное воспитаніе Бруни старается построить на психологической основѣ. Педагогъ долженъ имѣть въ виду пороки каждаго возраста и принимать во вниманіе не только настоящее, но и будущее[1]), при чемъ онъ долженъ дѣйствовать сообразно индивидуальнымъ особенностямъ юноши. Вообще *индивидуальнымъ свойствамъ Бруни приписываетъ рѣшающее значеніе въ воспитаніи.* Если при талантливости юноши у него слаба память, то его слѣдуетъ воспитывать не для ученой, а для практической дѣятельности[2]); то-же самое нужно сдѣлать и при практическихъ наклонностяхъ воспитанника; если же юноша способенъ къ наукамъ, то нужно обращать вниманіе на болѣе тонкіе оттѣнки его ума, чтобы сообразно съ ними выбрать какую-нибудь дисциплину для спеціальнаго изученія, и Бруни даетъ очень интересное наставленіе на этотъ случай[3]). На основаніи индивидуальныхъ свойствъ должны быть построены и педагогическіе пріемы. Бруни придаетъ важное значеніе развитію въ дѣтяхъ послушанія[4]) и допускаетъ ради этого поощреніе, награды и даже тѣле-

---

[1]) Adolescentia libidinibus extuat, aetas media ambitione versatur, senectus cupiditate avaritiaque consumitur... quem speremus futurum senem, qui sit in adolescentia tenax atque avarus. Ibid. fol. 27, 28.

[2]) In quo scire nos oportet memoriam praeter ingenium valere vero multum. Ingenium vero sine memoria prope nihil, quantum quidem ad disciplinas attineat. Agibilia vero contra, propterea quod mandari scriptis vice memoriae res agenda possit. Ibid. fol. 36.

[3]) Ingeniorum diversa sunt genera. Quaedam enim facile inveniunt in una quaque re argumentum... quaedam vero tarda sunt ad inveniendum, verum solida ad judicandum, et priores quidem illi, quibus ita est ingenium ad opponendum aptiores sunt, posteriores vero ad respondendum. Item illi ad poëticam faciunt et ad rationales scientias, ii vero ad reales. Sunt autem et alii ingenio veloci lingua vero sermoneque tardiore et ii ad compositum sermonem orationemque rethoricam valere videntur. In utraque vero impromti ad dialecticas disputationes praeclare faciunt. Quibus autem sermo velocior est, quam ingenium, in lingua quidem prompta ingenio vero tardo ad neutrum genus valent. In quibusdam memoriae vis multa viget et ii ad cognitionem historiarum multum valent et compendenda legum ampla volumina... Sunt praeterea, quibus est vis animae assensibilibus rebus astructa et separatis atque universalibus apprehendis aptior. Alii circa particularia discutere et negotiari sunt proniores et hi quidem ad prudentiam et rationalem scientiam. Illi vero ad mathematicas faciunt et ad divinam, quae methaphisica dicitur. Praeter haec autem cum duplex sit intellectus speculativus et practicus, ut *quisque secundum alterum potior erit, ita convenientia studia sequi debebit.* Sunt insuper liniata et quemadmodum in jure dicunt glebe ascripta quaedam ingenia, quae cum caeteris imbecilia sunt, in uno tamen aut altero valent eximie. *Ea autem sola sunt illis permittenda, in quibus solis plurimum posse judicantur.* Ibid.

[4]) Nam et equi meliores habentur ad pugnam, qui sunt faciles manu regi et ad tubarum clangorem erectis auribus exultant, ita juvenes, qui bene audiunt

сное наказаніе, если безъ него нельзя обойтись[1]); но требуетъ чтобы при этомъ обращалось вниманіе на особенности дѣтей, чтобы педагогическія средства варьировались и чтобы ими не злоупотребляли[2]).

Цѣль нравственнаго воспитанія Бруни опредѣляетъ въ стоическомъ духѣ: культъ добродѣтели и равнодушіе къ жизни[3]); но не эта мысль проходитъ черезъ весь трактатъ. Авторъ проповѣдуетъ не лишенія, а только умѣренность[4]): онъ рекомендуетъ подольше удерживаться отъ половыхъ сношеній, потому что они въ незрѣломъ возрастѣ „подрываютъ духовныя и тѣлесныя силы“[5]); онъ противъ излишествъ въ пищѣ и снѣ, потому что это противно нашей при-

monitores et laudati excitantur ad bonum, uberis spem frugis ferre prae se videntur. Ibid. fol. 26.

[1]) Sed etsi comminationes et verbera metuant magis aut si dedecus aut ignominiam, unde nascitur verecundia, quae est in ea aetate signum optimum. Bene igitur habet, si objurgati erubescant et castigati fiant meliores suosque praeceptores ament. Ibid.

[2]) Variis artibus ad bona rectaque studia sunt inducendi; nam alii quidem laude et per spem honoris, alii munusculis blandiciisque alliciendi, minis alii, plagis vel loris cogendi erunt. Atque haec quidem omnia ita rite pensanda rationeque moderanda et ut in eodem ingenio vicissim his artibus atque praeceptis utantur, et cavendum, ut ne nimium illis faciles neque nimium severi sint. Nam ut nimia licentia bonam indolem solvit, ita gravis et assidua castigatio ingenii vim enervat naturaeque igniculos in pueris extinguit, qui dum omnia audere nihil possint, fit, ut pene semper errent, dum in singulis rebus errare se timent. Ibid. fol. 31. Бруни настаиваетъ также на важности примѣра старшихъ. Juvenum aetas prona est ad peccandum ac, nisi majorum exemplis auctoritateque contineatur, facile semper in deterriora prolabitur. fol. 27. Для этой же цѣли онъ совѣтуетъ юношамъ смотрѣть на изображенія великихъ людей, потому что, по словамъ Фабія и Сципіона, это возбуждаетъ къ подражанію. Ibid.

[3]) Spectanda est semper virtus et ad facta praeclara intendus est animus, de vita non magnopere curandum. Si quis enim mondanas res existimatione debita pensabit, facile cognoscet, fructus diu vivendi minores esse, quam ut longa vita expeti magnopere debeat. Ibid. fol. 39.

[4]) Neque enim decet, quod non modo ad virtutem, sed nec ad bonam quoque valetudinem pertinet: ventre cibum potumve metiri aut hybernis noctibus somnos exequare aut voluptatibus modum satietate praefinire, sed ratione moderari omnia. Ibid. fol. 29.

[5]) Curandum est igitur ut juvenes quam maxime diu incorrupti integrique serventur; этого можно достигнуть, si a corporeis caeterisque hujusmodi ludis et item ab omni muliebri frequentia arceantur aut si nihil de his rebus loquandur aut audiant. Precipue vero, si nunquam missi erant ociosi, sed semper in aliquo honesto membrorum aut animi laborum detineantur. Но цѣль практическая: immatura enim Venus et animi et corporis vires enervat. Особенно вредно уединеніе: nec vero his ocium tantum, sed solitudo quoque vehementer est inimica quae infirmum animum assidua talium verum cogitatione demulcet nec alio diverti sinit. Ibid. fol. 28.

родѣ[1]); запрещаетъ вино, потому что въ это время оно вредно для здоровья[2]); считаетъ вреднымъ даже чрезмѣрное усердіе къ наукамъ, потому что оно не ведетъ къ цѣли[3]). Съ особенной обстоятельностью говоритъ Бруни о научномъ образованіи, противъ котораго возставали многіе изъ его современниковъ[4]). Хотя существуетъ два вида жизни, дѣятельная и созерцательная[5]), примѣрами которыхъ для Бруни служитъ жизнь ученаго и солдата[6]), тѣмъ не менѣе научное образованіе необходимо для каждаго. Его значеніе для ученаго само собой понятно[7]); но и воинъ найдетъ въ книгѣ и назиданіе, и поучительный примѣръ, и отдыхъ. При этомъ обучать нужно не только даровитыхъ, но и малоспособныхъ, чтобы пополнить пробѣлы ихъ природы[8]). Въ научномъ образованіи Бруни видитъ, во-первыхъ, источникъ славы и чести рода[9]); затѣмъ, въ наукахъ лежитъ основа добродѣтели и индивидуальной славы[10]); наконецъ, онѣ составляютъ

---

1) Non quo variis habitudinibus plus minusve deberi ex his rebus negem, sed quod in omnibus hominibus natura paucis adjumentis contenta est. Ibid. fol. 29.

2) A vino vero maxime in ea aetate sunt arcendi, cujus nimius usus et valetudini bonae inimicus est et rectae rationis usum magnopere perturbat. Ibid. Бруни говоритъ по этому поводу о спартанскомъ обычаѣ показывать дѣтямъ пьяныхъ рабовъ, который онъ считаетъ, хотя цѣлесообразнымъ, но не гуманнымъ: inhumana voluptas est damno hominis aut vicio delectari hominem. Ibid.

3) In discendo autem solet esse plerisque impedimento id quod magno adjumento esse debuerat, multa videlicet cupiditas discendi, qua fit, ut dum omnia pariter complecti volunt nihil tenere valeant. Ibid. fol. 36.

4) Est autem horum nostri temporis turba ingens, qui sibi opinionem doct ri nae, ut dedecus, abhorrent. Ibid. fol. 31.

5) Cum duo sint genera vitae liberalis, unum, quod totum in ocio ac contemplatione est, alterum quidem actione negotioque consistit. Ibid. fol. 32.

6) Ex studiis atque artibus hominum duae precipue, quae et ad colendam virtutem et ad parandam gloriam maxime sunt affines: armorum videlicet et litterarum disciplina. Ibid. fol. 31.

7) In priore quidem, quam sit necessaria cognitio ususque scripturarum neminem existimandum est latere. Ibid. fol. 32.

8) Ut igitur hi diligenter curandi sunt, ita non negligendi, qui mediocri valent ingenio, qui vel hoc potius juvandi, quod est in eis vis naturae defectior. Ibid. fol. 30.

9) Neque ullas opes firmiores aut certiora praesidia vitae parare filiis genitores possunt, quam si eos exibeant honestis artibus et liberalibus disciplinis instructos, quibus rebus perditi et obscurae suae gentis nomina et humiles patrias attolere atque illustrare consueverunt. Ibid. fol. 25.

10) Liberalia igitur studia vocamus, quae sunt homine libero digna; ea sunt, quibus virtus ac sapientia aut exercetur aut queritur, quibusque corpus aut animus ad optima quaeque disponitur. Unde honor et gloria ab hominibus queri solet, quae sunt sapienti prima post virtutem proposita premia. Nam ut illiberalibus ingeniis lucrum et voluptas pro fine statuitur; ita ingenuis virtus

наилучшее утѣшеніе въ невзгодахъ и несчастіяхъ[1]). Бруни перечисляетъ всѣ науки и искусства, чтобы отмѣтить воспитательный элементъ каждой изъ нихъ. Философія дѣлаетъ человѣка свободнымъ и сообщаетъ ему истинныя правила добродѣтели[2]); исторія, кромѣ умственнаго наслажденія, замѣняетъ жизненный опытъ[3]). Также пріятны или полезны остальныя науки, каждая въ своей сферѣ, при чемъ Бруни не выключаетъ изъ своей программы ни медицины, ни права, ни богословія[4]). Различные виды искусствъ (а не ремеслъ) также входятъ въ его систему воспитанія. Указавши значеніе краснорѣчія[5]) и поэзіи[6]), онъ отмѣчаетъ тотъ фактъ, что греки вводили

et gloria. Opportet igitur a prima infantia hos intendere et ad sapientiam omni studio conari. Ibid. fol. 30.

[1]) Nam si quid est aut in nobis ipsis, aut in fortuna nostra, quod nos offendat, hac facile ratione levamur propter id, quod mirabiles voluptates in animis hominum doctrinarum studia pariunt et uberrimos afferunt fructus. Ibid. fol. 33.

[2]) Ceterae artes liberales dicuntur, quia liberos homines deceant. Philosophia vero idcirco est liberalis, quod ejus studium liberos homines efficit. In horum igitur praecepta altera quid sequi, quidue fugere conveniat, in altero exempla invenimus in illa enim omnium hominum officia reperiuntur et quid quemque deceat. Ibid. fol. 34.

[3]) Sed redeo ad historiam, cujus eo gravior est jactura, quo ejus rei cognitio et utilior est et jocundior etiam liberalibus quidem ingeniis et his, qui in publicis rebus et hominum comitate versari debent convenientia sunt historiae notitia et moralis philosophiae studium... Si senes idcirco prudentiores videamus, eos libenter audiamus quod per longam vitam et in se multa experti sunt, in aliis pleraque vixerunt atque audierunt. Quid de his est judicandum, qui multorum seculorum res cognitu dignas memoriter norunt et in omnem casum proferre illustre aliquid exemplum possunt, ex quibus id efficitur, quod est summi viri et omnino excellentis ingenii, ut et optime quisque possit et studeat quam optime facere. Ibid. fol. 34. Сожалѣя объ утратѣ весьма многихъ и очень важныхъ историческихъ источниковъ, Бруни съ отчаяніемъ говоритъ о крайнемъ несовершенствѣ сохранившихся рукописей — tam viciose correpta, quedam etiam intercisa ac mutilata suscepimus, ut pene melius fuerit ex his nihil ad nos pervenisse. Ibid.

[4]) Математика — jocundissima, астрономія pulcherrima; maxime vero scire de natura intelectui humano conformis est... Medicina est cognitu pulcherrima et ad salutem corporum commodissima, verum exitium habet minime liberale... Legum peritia publice privatimque utilis est et magno ubique honore habetur et ipsa quidem a morali philosophia derivata est, quemadmodum a naturali medicina... Scientia vero divina est de causis altissimis et rebus, quae sunt semotae a nostris sensibus, quasi intelligentias tantum attingimus principales. Ibid. fol. 35.

[5]) Per philosophiam autem possumus recte sentire, quod est in omni re primum, per eloquentiam graviter et ornate dicere. Qua una re maxime conciliantur multitudinis animi per historiam vero utrumque juvatur. Ibid. fol. 34.

[6]) Cujus studium etsi conferre plurimum et ad orationes, ad delectationem tam magis videtur accomodata. Ibid. fol. 35.

въ педагогическую программу рисованіе[1]) и рекомендуетъ обученіе музыкѣ[2]). Но отмѣчая воспитательное и практическое значеніе всѣхъ наукъ и искусствъ, Бруни не требуетъ изученія всѣхъ областей знанія: каждый долженъ выбрать себѣ предметъ изученія по способностямъ[3]); наоборотъ, Бруни порицаетъ стремленіе къ универсальности, потому что оно только вредитъ дѣлу[4]). Установивши важность научнаго образованія, Бруни указываетъ и педагогическіе пріемы: важность экономій времени[5]) и его правильнаго распредѣленія, пользу ученыхъ диспутовъ[6]) и т. п., а также даетъ нѣсколько мелкихъ практическихъ совѣтовъ, напр., развивать память, припоминая вечеромъ всѣ событія дня, какъ дѣлалъ Катонъ, читать по каждой спеціальности сначала лучшія книги, никогда не начинать ихъ съ середины или съ конца и т. п.

Но выдвигая на первый планъ чисто свѣтское образованіе, Бруни считаетъ религію также необходимымъ элементомъ воспитанія. Юношамъ необходимо внушать благочестивое уваженіе и усердіе къ религіи; даже истреблять суевѣріе нужно очень сдержанно и умѣренно и слѣдуетъ безусловно воспрещать насмѣшки надъ священными именами[7]).

---

[1]) Erant autem quatuor, quae Graeci pueros suos docere consueverunt: litteras, luctativam, Musicam, designativam, quam pertractativam quidam appellant... Designativa vero nunc in usu non est pro liberali nisi quantum forsitan ad scripturam attinet. Этотъ фактъ не подвергается обсужденію; но о грекахъ Бруни говоритъ: erat autem non solum utile, sed honestum quoque hujusmodi negotium apud eos, ut Aristoteles inquit. Nam cum in emptionibus vasorum tabullarumque ac statuarum, quibus Graecia maxime delectata est succurebat ne facile praecio decipi possent et plurimum conferebat ad deprendendum rerum, quae vera constant, aut arte pulchritudinem ac venustatem, quibus de rebus pertinet ad magnos viros et loqui inter se et judicare posse. Ibid. fol. 34.

[2]) Verum cum ad remisionem animi sedandasque passiones plurimum valeat modulationis usus, tum vero ejus disciplinae cognitio digna est ingenio liberali, secundum quam rationem speculamur sonorum varias naturas ac potestates, et quibus in vicem proportionibus consonantias, dissonantiasque causari contingat. Ibid. fol. 35.

[3]) Disciplinas fere commemoravimus omnes, non quo unusquisque omnes necessario apprehendere debeat, ut doctus tandem aut sit aut habeatur... sed, ut ad quam quisque aptisimus erit, eam potissimum amplectatur. Ibid. fol 35 и 36.

[4]) Variis uno tempore disciplinis incumbunt et nunc illae, nunc hae referuntur... quae res non modo prorsus inutilis, sed et vehementer damnosa. Ibid. fol. 37.

[5]) Utile tamen est, ut vel cujuslibet minimi temporis jacturam pro magno deputemus. Ibid. fol. 38.

[6]) Proderit autem et de communibus studiis una cum sodalibus crebro contendere. Acuit enim ingenium disputatio, linguam erudit memoriamque confirmat. Ibid. fol. 37.

[7]) Ante omnia vero decet bene institutum adulescentem rei divinae curam res-

Педагогическій трактатъ Бруни представляетъ большой интересъ въ историческомъ отношеніи, потому что въ немъ проявляются характерныя черты гуманистическаго движенія этой эпохи. Прежде всего Бруни рекомендуетъ *свѣтское* образованіе, въ которое религія входитъ только какъ ингредіентъ. Воспитаніе не порвало съ традиціоннымъ христіанствомъ, но оно секуляризовано; въ его основѣ лежитъ не аскетическая мораль, а психологія, и приведенные у Бруни многочисленные результаты своихъ и чужихъ психологическихъ наблюденій показываютъ, что интересъ къ индивидуальной жизни получилъ широкое развитіе. Далѣе, предметомъ воспитанія является въ трактатѣ не только духъ, но и тѣло, свойства котораго рекомендуется не подавлять, а наоборотъ предоставлять имъ правильное и естественное развитіе. Наконецъ, характеризуя различныя науки, какъ предметъ спеціальнаго изученія, Бруни ни одной не исключаетъ изъ своей программы, что указываетъ на отсутствіе узкой исключительности въ гуманистическомъ движеніи этой эпохи.

Въ тѣсной связи съ этимъ трактатомъ стоитъ другое произведеніе Бруни *„Объ ученыхъ и литературныхъ занятіяхъ“* [1]), гдѣ авторъ даетъ спеціальное приложеніе своимъ общимъ взглядамъ.

Сочиненіе составлено въ формѣ письма къ Баттистѣ Изабеллѣ Малатеста, урожденной Монтефельтре; его заглавіе не вполнѣ точно: авторъ даетъ программу обученія и самообученія, обязательнаго для образованнаго человѣка вообще и для женщины въ частности, начиная съ элементовъ. Прежде всего онъ настаиваетъ на необходимости основательнаго элементарнаго образованія [2]), чтенія, выразительнаго и изящнаго, красиваго и правильнаго письма [3]), понимать стихосложеніе и на авторахъ выработать хорошій стиль [4]). Затѣмъ онъ опредѣляетъ

---

pectumque non negligentem eaque opinione imbui ab ineunte aetate. Nam quid erit illi inter homines sanctum, cui divinitas dispecta sit? Nec vero usque ad anniles decet superstitiones provehi, quod in ea aetate damnari plurimum solet et irrisioni patere, sed ad certum modum, quamquam quis modus in ea re adhiberi potest... Precipui vero, quod in omni aetate abdominabile est, monendi sunt, non execrari divina neque sacra nomina irrisione habere. Ibid. fol. 29.

[1]) *Leonardus Aretinus, De studiis et literis. Ex Bibliotheca Gabrielis Naudaei. Parisiis MDCXLII.* О другихъ изданіяхъ см. Mehus, l. c.

[2]) In primis necessaria puto non exiguam neque vulgarem sed magnam et tritam ac accuratam et reconditam literarum peritiam, sine quo fundamento nihil altum neque magnificum sibi aedificare quisquam potest. De studiis, p. 3—4.

[3]) Ibid. p. 8 и 9.

[4]) Videre primum, ut in eorum tantum librorum qui ab optimis probatissimisque latinae linguae auctoribus scripti sunt, lectione versemur; ab imperitis vero, ineleganterque scriptis ita caveamus, quasi a calamitate quadam et labe ingenii nostri. Inquinate inepteque scriptorum lectio vitia sua lectori affigit et

понятіе образованности или, какъ онъ выражается, „учености", которая, по его мнѣнію, заключается въ соединеніи фактическаго знанія съ хорошимъ знакомствомъ съ литературой[1]). Эта образованность составляетъ наилучшее проявленіе благородства человѣческой природы и достигается главнымъ образомъ обширною и систематическою начитанностью[2]). Бруни даетъ далѣе цѣлую програму для научныхъ занятій, направленныхъ на достиженіе этой цѣли. Образованіе должно быть разностороннимъ, но нѣкоторыми науками не слѣдуетъ увлекаться, какъ математикой, астрологіей, а для женщинъ даже и реторикой, потому что первыя не имѣютъ существеннаго значенія, а послѣдняя практическаго приложенія[3]). Для женщинъ онъ особенно рекомендуетъ тѣ науки, которыя ведутъ къ нравственности. Сюда относится прежде всего богословіе, но не у новыхъ писателей[4]), и нравственная философія[5]); затѣмъ онъ рекомендуетъ исторію за многообразную пользу, которую она можетъ доставить[6]), ораторовъ за ихъ морали-

---

mentem simili coinquinat tabe; est enim veluti pabulum animae, quo mens induitur atque nutritur. Ibid. p. 5—6.

[1]) Eruditionem legitimam ex peritia literarum et scientia rerum constare diximus. Ibid. p. 12—13. Cr. p. 3.

[2]) Prorsus enim excellentia hominis illa admirabilis quae veram inclytamque famam nomini conciliat, non nisi ex multarum variarumque rerum fit cognitione. Itaque multa legendo et discendo undique capere cumulareque oportet cunctaque omnifariam scrutari atque rimari, unde nobis ad studia nostra aliqua sit perventura utilitas, modo tamen adhibeatur selectio diligens et circumspecta temporis distributio, quo potiora commodioraque praeponantur. Ibid. p. 17.

[3]) Volo enim huic ingenio, quod summa mihi omnia de se promittat, ardentissimam cupiditatem inesse discendi, ita ut nullum genus disciplinae aspernetur, nullum a se alienum existimet rapiaturque incertum mirabili cupiditate ad rerum intelligentiam et cognitionem. Huic ergo et ardenti per se partim stimulos adhibebo et multo insuper clamore adhortabor; partim fraenos injiciam et velut receptui canam. Sunt enim disciplinarum quaedam, in quibus, ut rudem omnino esse non satis decorum, sic etiam ad cacumina illarum evadere, nequaquam gloriosum, ut in Geometria et Arithmetica, in quibus si multum temporis consumere velit et subtilitates omnes obscuritatesque rimari, retraham manum atque divellam; quod idem faciam in Astrologia atque etiam fertasse in arte rhetorica. Ibid. p. 13—14.

[4]) Primum igitur sacrarum litterarum cognitionem sibi acquirere studeat christiana mulier. Quidenim prius illi suadeam? Multa de his inquirat, multa disceptet, multa sciscitetur, sed veteres illarum amet scriptores, novos autem istos, si boni sint viri, honoret quidem ac veneretur, caeterum eorum scripta non umquam attingat. Quid est enim quod literata mulier ab Augustino discere non possit? Ibid. p. 15.

[5]) Ibid. p. 17.

[6]) Est enim decorum tum propriae gentis originem et progressus, tum liberorum populorum regumque maximorum et bello, et pace res gestas cognoscere.

зующее вліяніе[1]) и заканчиваетъ трактатъ длиннымъ панегирикомъ поэзіи, какъ существенному образовательному элементу.

Трактатъ Бруни имѣетъ историческое значеніе не только какъ гуманистическая программа; въ немъ обнаруживается также и практическое, жизненное направленіе, котораго держались представители Ренесанса. Извѣстно, какъ цѣнили гуманисты ораторское искусство, тѣмъ не менѣе Бруни не рекомендуетъ его женщинѣ, принимая во вниманіе то положеніе, которое занимаетъ она въ обществѣ[2]). Кромѣ того, трактатъ представляетъ интересъ по взглядамъ автора на исторію[3]) и поэзію[4]), которую Бруни готовъ поставить выше философіи[5]) и защищаетъ ее отъ нападокъ, сравнивая содержаніе поэтовъ съ священнымъ писаніемъ[6]) и съ наивною искренностью убѣждая своихъ противниковъ въ необходимости поэзіи даже въ богослуженіи[7]).

Dirigit enim et prudentiam et consilium praeteritorum notitia, exitusque similium coeptorum nos pro re nostra aut hortantur aut deterrent. Praeterea exemplorum copiam, quibus plerumque dicta nostra illustrare opportet. Ibid. p. 18.

[1]) Quis enim aut virtutes extollere ardentius, aut vitia fulminare atrocius solet? Ab his et laudare benefacta et detestari facinora addiscemus; ab his consolari, cohortari, impellere, absterrere, quae licet omnia fiant a philosophis, tamen nescio quomodo et ira et misericordia et omnis animi suscitatio et repsessio est in potestate oratoris.

[2]) Говоря о реторикѣ, Бруни замѣчаетъ multarum rerum ineunda mihi est ratio et in primis, cui scribam videndum. Ораторскіе пріемы, обязательные для мужчины, не подходятъ къ женщинѣ, quae si brachium raptabit loquens aut clamorem vehementius attolat, vesana coercendaque videatur. Ista quidem virorum sunt, ut bella et pugnae, sic fori quaestiones ac certamina. Ibid. 14.

[3]) Hos igitur (Ливія, Саллюстія, Цезаря) et leget mulier summae spei et sibi acquirere perget, praesertim cum eos addiscere ludus sit: neque enim subtilitas ulla in his extimescenda est, nec quaestio enodanda: in narratione enim rerum facillimarum omnis consistit historia. Ibid. p. 18—19.

[4]) Mea quidem sententia mancus quodammodo in litèris est, qui poëtas non didicit; nam et naturae quaestiones, principia et causae, ac quasi doctrinarum omnium semina in illis reperiuntur, et inest auctoritas magna propter opinionem sapientiae, ac vetustatem, ac splendor eximius propter elegantiam et ingenuitas quaedam liberis hominibus digna, ut cui haec non adsint, pene subrusticus videatur. Ibid. p. 21.

[5]) Примѣрами для него служатъ Гомеръ и Виргилій, по поводу процитированныхъ стиховъ послѣдняго онъ восклицаетъ: Quae cum legimus, quem philosophum non contemnimus? Ibid. p. 24.

[6]) Ibid. p. 27 и слѣд.

[7]) Quin etiam ipsa missarum solemnia, quamquam omni studio perpolita sint, tamen cum aguntur in templis, dormitare nonnunquam animus noster oscitareque videtur; at enim si inter ista chorus poëtica illa decantet „Primo dierum omnium“ vel „Iste Confessor“ vel „Ut queant laxis“, cujus usque adeo mens humi depressa est, ut non elevetur et quasi subsultet. Ibid. p. 27.

Въ трактатѣ о воспитаніи Бруни настаиваетъ на особенной пользѣ ученыхъ споровъ. Образецъ такого диспута онъ приводитъ въ діалогѣ, посвященномъ Пьерпаоло Верджеріо[1]). Въ предисловіи къ діалогу Бруни говоритъ, что онъ записалъ для отсутствующаго Верджеріо бесѣду, происходившую главнымъ образомъ между Салютати и Никколи. Самый діалогъ распадается на двѣ части: въ первой бесѣда происходитъ въ домѣ Салютати, куда пришли Роберто Росси, Бруни и Никколи. Разговоръ начинаетъ Салютати и упрекаетъ молодыхъ людей, что они не устраиваютъ ученыхъ состязаній, какъ это дѣлалось въ Болоньѣ, когда тамъ учился Салютати, и какъ дѣлали они позже съ Л. Марсильи. Никколи совершенно согласенъ въ пользѣ такихъ упражненій, къ которымъ побуждалъ своихъ учениковъ также и Хризолоръ. Тѣмъ не менѣе молодежь, къ которой принадлежитъ и онъ съ Бруни, не заслуживаетъ этого упрека: при крайнемъ упадкѣ наукъ и при крайней скудости въ хорошихъ книгахъ возможна только пустая болтовня, а не ученый споръ[2]). Это положеніе Никколи развиваетъ далѣе и съ особенной обстоятельностью останавливается на философіи. Философскія сочиненія древнихъ, неисчерпаемый источникъ мудрости, или утрачены, или дошли въ крайне искаженномъ видѣ; при чемъ Никколи до небесъ превозноситъ въ особенности Цицерона. Современные философы отличаются невозможной формой изложенія, полнымъ отсутствіемъ духа критики, крайнимъ невѣжествомъ и чрезвычайной наглостью[3]). Также извращены древняя діалектика, грамматика и реторика. Не въ людяхъ, а въ неблагопріятныхъ условіяхъ для просвѣщенія заключается причина отсутствія крупныхъ ученыхъ силъ

---

[1]) Діалогъ этотъ извѣстенъ подъ разными названіями. Въ старыхъ изданіяхъ онъ озаглавленъ *De disputationum exercitationisque studiorum usu.* О другихъ заглавіяхъ см. Kirner, p. VII и слѣд. Въ 1889 году его одновременно издали: *Wotke* подъ заглавіемъ *Dialogus de tribus vatibus Florentinis* (Prag, Wien, Leipzig); *Klette* (Greifswald) и *Kirner* (Livorno) безъ заглавія: *Dialogus ad Petrum Paulum Histrum.* Я цитирую по изданію *Klette.* О рукописяхъ и раннихъ изданіяхъ. Ibid. p. I—V и Kirner, p. XXIII—XXV. Хронологію діалога съ точностью опредѣлить нельзя. По словамъ автора, разговоръ происходилъ въ 1401 году, потому что, упомянувъ о Марсильи († 1394), онъ говоритъ: qui abhinc annis septem mortuus est (Klette p. 45); а изъ предисловія видно, что онъ записанъ немного спустя *(nuper,* cum est apud Colucium disputatum. (Ibid. p. 40). Кирнеръ полагаетъ поэтому, что діалогъ написанъ ранѣе 1405 года и что онъ первое оригинальное произведеніе Бруни (p. XI).

[2]) Tanta disciplinarum omnium perturbatio, tanta librorum jactura facta est, ut ne de minima quidem re absque summa impudentia loqui quisquam possit... Neque enim tu es, ut opinor, quem garulitas vana delectet. Klette, p. 48.

[3]) Nunc vero, cum ignorantiae eorum tanta arrogantia juncta sit, ut se sapientes et apellent, et existiment, quis eos aequo animo ferre possit? Ibid. p. 51.

и талантовъ, и Никколи не находитъ ни среди современниковъ, ни въ ближайшемъ прошломъ ни одного дѣятеля, котораго можно-бы поставить на ряду съ древними. Исключеніе составляетъ только Салютати. Бруни вполнѣ присоединяется къ словамъ Никколи; но Салютати вноситъ въ нихъ весьма существенныя поправки. Онъ признаетъ упадокъ наукъ, но отвергаетъ такое ихъ паденіе, которое дѣлало бы невозможнымъ ихъ изученіе. Съ другой стороны и въ древности не всѣ были знаменитыми философами[1]). Не всѣ сочиненія Цицерона сохранились; но ихъ осталось достаточное количество; Варронъ потерянъ, но уцѣлѣли книги Сенеки и другихъ авторовъ, которые могутъ его замѣнить. Вообще, по мнѣнію Салютати, книгъ больше, чѣмъ стремленій ихъ изучать[2]). Кромѣ того, и въ ближайшемъ прошломъ были люди, которыхъ можно поставить на ряду съ древними: таковы Данте, Петрарка и Боккаччіо, при чемъ перваго, *если бы онъ писалъ инымъ способомъ*, Салютати предпочелъ бы грекамъ и римлянамъ[3]). Никколи не согласенъ съ мнѣніемъ „большинства" (multitudo) объ этихъ „тріумвирахъ". Чему въ нихъ удивляться и что у нихъ заслуживаетъ похвалы. Данте неправильно истолковываетъ стихъ Виргилія[4]), считаетъ Катона Утическаго сѣдымъ старикомъ, хотя онъ умеръ на 48 году своей жизни, подвергаетъ жестокому наказанію Марка Брута и помѣщаетъ въ раю Юнія, хотя первый устранилъ похитителя свободы, а второй — законнаго царя и, что особенно непристойно для христіанина, помѣстилъ убійцу Цезаря

---

[1]) Sunt enim optimae artes labem aliquam passae, — neque enim id unquam negabo — non tamen sunt ita deletae, ut eos, qui se illis tradidere, doctos ac sapientes facere non possint. Nec tamen tunc, cum hae artes florebant, omnibus placebat ad cacumen evadere, pluresque erant, qui paucis, ut Neoptolemus, quam qui omnino philosophari vellent. Quod item nunc, ut faciamus, nihil prohibet. Ibid. p. 58.

[2]) Atque utinam tot vel sciremus, vel etiam discere vellemus, quot hi libri, qui etiam nunc extant, nos docere possunt. Sed nimium, ut modo dixi, delicati sumus. Quae absunt, cupimus; quae adsunt, negligimus. Ibid. p. 59.

[3]) Atqui ego non video, nec mehercule id me movet, quod cives mei sunt, cur hi non sint omni humanitatis ratione inter veteres illos annumerandi. Dantem vero, si alio genere scribendi usus esset, non eo contentus forem, ut illum cum antiquis nostris compararem, sed ipsis et Graecis etiam anteponerem. Ibid. p. 59—60.

[4]) Qui illa Virgilii verba

Quid non mortalia pectora cogis
Auri sacra fames?

quae quidem verba nunquam alicui vel mediocriter quidem docto dubia fuerunt, quid sentirent, apertissime ignoravit. Nam cum in avaritiam dicta essent, is tamquam prodigalitatem detestarentur accepit. Ibid. p. 60—61.

въ одномъ мѣстѣ съ Іудой[1]). Кромѣ того, Данте знаетъ средневѣковыя сочиненія и не касался античныхъ авторовъ[2]); наконецъ, онъ не могъ пользоваться латинскимъ языкомъ, потому что плохо зналъ его[3]). Поэтому Никколи отказывается признать Данте поэтомъ[4]) и переходитъ къ критикѣ Петрарки, при чемъ останавливается только на его поэтическихъ произведеніяхъ. Его итальянскія стихотворенія Никколи просто называетъ „пустяками" (nugae)[5]) и рѣзко нападаетъ на Африку, которая „омрачила" Сципіона[6]), и въ особенности на самого поэта, который много говоритъ о своемъ произведеніи. какъ о великой поэмѣ. Никколи сравниваетъ Петрарку съ художникомъ, который называетъ себя вторымъ Апеллесомъ или Зевксисомъ и выставляетъ крайне плохія картины, и съ музыкантомъ, который собираетъ обѣщаніями огромную толпу и не обнаруживаетъ никакого искусства. Поэма Петрарки — ничтожность[7]), и его хвастливость не заслуживаетъ пощады[8]). Что касается до его буколическихъ стихотвореній и инвективъ, въ которыхъ онъ хотѣлъ показать свое ораторское искусство, то въ первыхъ нѣтъ ничего пастушескаго, а во вторыхъ ораторскаго[9]). Относительно Боккаччіо Никколи ограничивается простою угрозой[10]) и заканчиваетъ свою рѣчь общимъ обвиненіемъ всѣхъ троихъ поэтовъ въ надменности, такъ какъ они не допускали никакой критики надъ своими произведеніями[11]), и признаніемъ огромнаго превосходства надъ ними древ-

---

1) Omitto illud, quod mediusfidius christianum hominem scripsisse me pudet, quod eadem fere poena eum, qui mundi vexatorem atque eum qui mundi salvatorem prodidisset, afficiendum putavit. Ibid. p. 62.

2) Dantem quolibeta fratrum atque ejusmodi molestias lectitasse, librorum autem gentilium, unde maxime ars sua dependebat, nec eos quidem, qui nobis reliqui sunt, attigisse. Ibid.

3) Nos vero non pudebit, eum poëtam appellare, et Virgilio etiam anteponere, qui latine loqui non possit? Ibid.

4) Quamobrem, Coluci, ego istum poëtam tuum a concilio litteratorum seiungam atque eum lanariis, pistoriis atque ejusmodi turbae relinquam. Ibid. p. 62—63.

5) Neque enim aliter appelanda sunt, quae isti in vulgus legenda tradiderunt. Ibid. p. 63.

6) Hic Africanum hominem clarissimum, quantum in se fuit, obscuravit. Ibid. p. 64.

7) Ex hac tanta professione nonne natus est ridiculus mus? Ibid.

8) Ita censeo, nulla enim venia dignus est is, qui tam impudenter ea, quae nescit, scire se professus est. Ibid. p. 63.

9) Verum sic scripsit, ut neque in bucolicis quicquam esset, quod aliquid pastorale aut silvestre redoleret, neque quicquam in orationibus, quod non artem rhetoricam magnopere desideraret. Ibid. p. 64.

10) Potes existimare, si de Ioanne dicere vellem, orationem mihi non defuturam. Ibid. p. 65.

11) Illud tamen eorum commune vitium est, quod singulari arrogantia fuere,

нихъ[1]). Салютати замѣчаетъ на это, что у всякаго знаменитаго человѣка есть свои противники, но что онъ не будетъ за позднимъ временемъ защищать ихъ, хотя вполнѣ раздѣляетъ общее къ нимъ отношеніе[2]). Первая часть діалога заканчивается повтореніемъ Салютати своего перваго положенія о пользѣ ученыхъ диспутовъ.

Вторая часть бесѣды происходитъ въ домѣ Росси, при чемъ къ собесѣдникамъ присоединяется *Пьетро Мини*. Разговоръ заходитъ сначала о рѣчи Бруни въ честь Флоренціи[3]), при чемъ присутствующіе излагаютъ ея содержаніе и осыпаютъ похвалами. Только въ одномъ пунктѣ Салютати расходится съ авторомъ. Онъ признаетъ понятнымъ и естественнымъ, что Бруни, восхваляя Флоренцію, „напалъ нѣсколько на самихъ Цезарей", но самъ онъ никогда не признаетъ Ю. Цезаря „губителемъ своей родины"[4]), хотя онъ желалъ бы, чтобы его собственные сыновья болѣе похожи были на Марцелла и Ф. Камилла, чѣмъ на Цезаря, потому что первые съ военными доблестями соединяли добродѣтельную жизнь (sanctimonia vitae), чего нельзя утверждать о Цезарѣ. Затѣмъ отъ достопримѣчательностей Флоренціи разговоръ естественно возвращается къ ея тремъ поэтамъ. Росси требуетъ, чтобы Салютати защитилъ ихъ отъ обвиненій Никколи, но тотъ отказывается: оправдать поэтовъ не стоитъ никакого труда, но онъ не желаетъ, чтобы удалась хитрость Никколи, который, сговорившись съ Бруни, нарочно нападалъ на нихъ, чтобы вызвать на ихъ защиту его, Салютати[5]). Росси настаиваетъ на необходимости защиты; тогда Салютати возлагаетъ ее на Бруни, который въ свою очередь съ общаго согласія передаетъ ее самому обвинителю. Никколи охотно принимаетъ на себя это порученіе. Прежде всего онъ заявляетъ, что вчерашнее обвиненіе „тріумвировъ" исключительно вызвано желаніемъ заставить Салютати

---

nec putaverunt fore quemquam, qui de suis rebus judicare posset tantumque se ab omnibus laturos esse arbitrati sunt, quantum ipsi sibi assumerent. Ibid.

[1]) Ego me hercule unam Ciceronis epistolam atque unum Virgilii carmen omnibus vestris opusculis longissime antepono. Ibid.

[2]) Ego quidem sic sentio, illos fuisse homines multis optimisque artibus ornatos dignosque eo nomine, quod tanto consensu omnium ipsis tributum est. Ibid. p. 66.

[3]) См. о ней ниже.

[4]) Verum ego, ut de me profitear, nunquam adduci potui, ut parricidam patriae suae Caesarem fuisse arbitrarer. Ibid. 69.

[5]) Putasti enim, me argutiis tuis commotum ad laudes illorum virorum statim prosilire; idque cum hoc, opinor, Leonardo communicaras, qui jam dudum non desinit a me petere, ut laudes illorum litteris mandem. Ibid. p. 70—71.

выступить на ихъ защиту[1]). Но Салютати не трудно было угадать его заднюю мысль, потому что онъ хорошо зналъ любовь Никколи къ флорентійскимъ поэтамъ[2]) и не могъ допустить, чтобы это отношеніе измѣнилось въ одинъ день и чтобы онъ, Никколи, не умѣлъ понять тѣхъ[3]), кого умѣютъ цѣнить даже простые люди. Никколи приводитъ фактическія доказательства своего высокаго уваженія ко всѣмъ троимъ поэтамъ: большую часть поэмы Данте онъ выучилъ наизусть, нарочно ѣздилъ въ Падую, чтобы списать сочиненія Петрарки съ подлиннаго экземпляра, и первый привезъ во Флоренцію Африку; наконецъ, на собственный счетъ увеличилъ библіотеку Боккаччіо, завѣщанную эремитамъ и чаще всѣхъ посѣщалъ ее[4]). Затѣмъ онъ еще разъ повторяетъ цѣль своихъ нападокъ на флорентійскихъ поэтовъ[5]) и переходитъ къ ихъ защитѣ.

Никколи начинаетъ съ установленія общаго критерія для оцѣнки поэта. „По моему мнѣнію, говоритъ онъ, въ величайшемъ поэтѣ должно быть три свойства: искусство вымысла, изящество языка и многостороннее знаніе (fingendi artem, oris elegantiam multarumque rerum scientiam). Первое изъ этихъ трехъ свойствъ составляетъ преимущественную принадлежность (praecipuum) поэтовъ, второе — общее у нихъ съ ораторами, третье съ историками и философами. Если поэтъ обладаетъ этими тремя свойствами, то ничего большаго и не слѣдуетъ требовать отъ него“ [6]). Далѣе Никколи на цѣлыхъ двухъ страницахъ небольшого діалога доказываетъ наличность всѣхъ этихъ свойствъ въ Данте, при чемъ особенно восхваляетъ его за обстоятельное изображеніе современности и за превосходное описаніе душевныхъ движеній и явленій природы[7]). Затѣмъ онъ переходитъ къ опроверженію обвиненій: сѣдую бороду Катона надо понимать въ метафорическомъ смыслѣ, толкованіе стиха Виргилія — или ошибка переписчиковъ, или своеобразное пониманіе поэта: у щедрости есть два противоположныхъ порока — скупость и расточительность, и Данте отнесъ стихъ Виргилія къ обоимъ порокамъ. Что касается до отношенія къ М. Бруту, то и здѣсь, какъ въ вопросѣ о Катонѣ, слова Данте имѣютъ метафори-

---

[1]) Illud tamen ante omnia certissimum habetote, me non alia de causa heri impugnasse, nisi ut Colucium ad illorum laudes excitarem. Ibid. p. 72.

[2]) Meminisse poterat me istos ipsos Florentinos vates unice dilexisse. Ibid.

[3]) Semper illos colui semperque in deliciis habui, et non solum verbis, sed etiam re, ex quo ipsos videre non poteram, eorum memoriam decoravi. Ibid. p. 73.

[4]) Ibid. p. 72—73.

[5]) Ibid. p. 73.

[6]) Ibid. p. 74.

[7]) Ibid. p. 75.

ческій смыслъ: подъ Цезаремъ онъ разумѣетъ „справедливѣйшаго монарха", подъ Брутомъ, доблести котораго не могли быть неизвѣстны Данте, — „безпокойнаго бунтовщика и негодяя, который преступно убилъ этого государя". Такое отношеніе къ Бруту — поэтическая вольность, какъ это позволяетъ себѣ и Виргилій[1]). Кромѣ того, возможно и прямое порицаніе Бруту, каковое и встрѣчается дѣйствительно у нѣкоторыхъ авторовъ, но болѣе вѣроятнымъ кажется Никколи первое объясненіе[2]). Что касается до латинской рѣчи, то ея дѣйствительно недоставало Данте[3]); но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы онъ не зналъ древней литературы: это обвиненіе было высказано исключительно съ цѣлью возбудить негодованіе Салютати[4]).

Затѣмъ Никколи переходитъ къ Петраркѣ. Во время своего пребыванія въ Падуѣ онъ слышалъ отъ друзей недавно умершаго поэта, а также отъ Л. Марсильи, что у Петрарки было три выдающихся свойства: красота, мудрость и ученость[5]). Два первыхъ Никколи оставляетъ въ сторонѣ, потому что они — индивидуальная принадлежность поэта, и останавливается только на его учености, такъ какъ она сдѣлалась общимъ достояніемъ[6]). Прежде всего Петрарка превосходитъ другихъ поэтовъ тѣмъ, что писалъ не только стихотворенія, но оставилъ много прозаическихъ сочиненій, въ которыхъ касается разнообразныхъ вопросовъ огромной важности. При этомъ онъ писалъ не только по-латыни, но и на родномъ языкѣ, что Никколи ставитъ ему въ особую заслугу[7]). Наконецъ, онъ прямо заявляетъ, что Петрарка родоначальникъ того движенія, къ которому принадлежатъ и собесѣдники діалога[8]). Что касается до обвиненій, то они въ существѣ своемъ остаются въ силѣ, только недостатки Африки Никколи объясняетъ тѣмъ, что она осталась неоконченной, и отдѣлывается шуткой отъ защиты буколикъ[9]). Въ заключеніе онъ еще разъ заявляетъ, что вчера онъ „говорилъ

---

[1]) Cur Virgilius castissimam mulierem, quae pro pudicitia conservanda mor sustinuit, ita libidinosam fingit, ut amoris gratia se ipsam interimat? Ibid. p. 77.

[2]) Ad illam quasi parificationem Christi atque Caesaris prima defensio probabilior mihi videtur, idque sensisse poëtam nostrum nullo modo ambigo. Ibid.

[3]) At vero, etsi omnia illi affuerunt, latinitas certe defuit. Ibid.

[4]) Ibid. 74—78.

[5]) Nam et formosissimum fuisse et sapientissimum eundemque doctissimum suae aetatis hominem dicebant. Ibid. 78—79.

[6]) Doctrinam vero, quoniam ipse nobis communem illam reliquit, consideremus. Ibid. p. 79.

[7]) Ibid. p. 80.

[8]) Ibid.

[9]) Nam omnia et pastoribus et pecudibus referta video, cum te video. Ibid. p. 81.

неискренно" (simulate), хотя приведенное имъ осужденіе дѣйствительно высказывалось нѣкоторыми „крайне нелѣпыми" (insulsissimi) людьми[1]).

Похвалы Боккаччіо изложены въ самыхъ общихъ выраженіяхъ, какъ и обвиненія, и не представляютъ интереса. Затѣмъ Никколи обращается съ просьбой къ Салютати „прославить поэтовъ своимъ краснорѣчіемъ", на что тотъ отвѣчаетъ отказомъ, такъ какъ къ похваламъ Никколи нечего болѣе прибавить. Діалогъ заканчивается прославленіемъ заслугъ Никколи по отношенію къ наукамъ, которое вложено въ уста Пьетро Мини, и приглашеніемъ Росси всѣхъ присутствующихъ къ ужину на завтрашній день[2]).

Діалогъ Бруни представляетъ большой интересъ не только для характеристики воззрѣній автора, но и для исторіи гуманистическаго движенія въ концѣ XIV и въ началѣ XV вѣка, потому что онъ показываетъ отношеніе къ родоначальникамъ Возрожденія ихъ ближайшихъ послѣдователей. Ниже намъ придется еще разъ коснуться вопроса о порицателяхъ такъ называемаго флорентійскаго тріумвирата; теперь мы разсмотримъ только тотъ матеріалъ для его рѣшенія, который заключается въ діалогѣ Бруни. Важность діалога съ этой точки зрѣнія была сознана довольно давно, но его анализъ произведенъ только въ недавнее время: въ старыхъ изданіяхъ напечатана только первая часть діалога; въ XVIII вѣкѣ Мегусъ и въ 1867 г. акад. А. Н. Веселовскій напечатали нѣсколько отрывковъ изъ второй части[3]). Г. Веселовскій не даетъ анализа этого діалога и ограничивается краткимъ замѣчаніемъ. По его мнѣнію, „инвективы Никколи представляются болѣе реторическимъ упражненіемъ, чѣмъ серьезнымъ дѣломъ: такими они въ большинствѣ случаевъ и останутся; но для насъ интересно не столько личное мнѣніе Никколи, сколько серьезное къ нему отношеніе и серьезное его обсужденіе; несомнѣннѣйшее доказательство, что такія идеи начали уже распространяться, чѣмъ болѣе расширялось изученіе классической литературы"[4]). Позднѣйшіе изслѣдователи иначе взглянули на содержаніе діалога. Фогтъ, которому вторая часть діалога извѣстна только по выдержкамъ и изложенію г. Веселовскаго, выражается рѣшительнѣе. „Похвала тріумвировъ, говоритъ онъ, вращается въ иныхъ сферахъ, чѣмъ нападеніе, и, кажется, лишена болѣе

---

[1]) Ibid.

[2]) Ibid. p. 82—83.

[3]) Эти отрывки отмѣчены въ изданіи Кирнера.

[4]) *Il Paradiso degli Alberti ritrovi e ragionamenti del 1389. Romanzo di Giovanni da Prato dal codice autografo e anonimo della Ricardiana a cura di Alessandro Wesselofsky. Bologna MDCCCLXVII.* Vol. I. Parte II, p. 40 (Цитата у Zardo, p. 272).

глубокаго основанія[1]). Второму діалогу недоставало пикантнаго (prikkelnd) возбужденія перваго, на него не обращали вниманія, его не переписывали[2]). Нельзя также сказать, чтобы все сочиненіе было только реторической игрой (ein rhetorisches Spiel und Gegenspiel)". По его мнѣнію, Никколи дѣйствительно порицалъ Данте и Петрарку, какъ это видно изъ позднѣйшей инвективы самого же Бруни и изъ сатиры Филельфо. „Самъ Бруни въ сущности держался того же мнѣнія": въ другомъ мѣстѣ онъ упрекаетъ Данте за то, что тотъ говоритъ о началѣ Мантуи, что его латынь едва достигаетъ посредственности, что Петрарка и Боккаччіо точно такъ же далеки отъ совершенства въ этомъ отношеніи[3]) Взглядъ Фогта повторенъ Zardo[4]) и къ нему примыкаютъ новые издатели діалога — Клетте, Кирнеръ и Вотке, а также ихъ хорошо знакомый съ дѣломъ критикъ[5]). Познакомимся ближе съ ихъ воззрѣніями и разсмотримъ, насколько они оправдываются источниками.

Прежде всего Клетте буквально повторяетъ выраженіе Фогта, что діалогъ не пустая игра, что слова, вложенныя авторомъ въ уста собесѣдниковъ, выражаютъ ихъ подлинныя воззрѣнія, какъ говоритъ самъ Бруни во введеніи[6]). Эти собесѣдники — „представители двухъ поколѣній, изъ которыхъ одно стоитъ еще совершенно на почвѣ старыхъ воззрѣній", которыя господствовали въ ученыхъ кругахъ послѣдней четверти XIV столѣтія, „въ то время, какъ молодое поколѣніе не только уже эманципировалось отъ этихъ воззрѣній, но даже начало противъ нихъ открытую борьбу". Представителемъ перваго поколѣнія является Салютати, второго Никколи, къ которому примыкаетъ самъ авторъ[7]). Сущность „старыхъ" воззрѣній Салютати заключается глав-

---

[1]) По поводу этой фразы Кирнеръ вѣрно замѣчаетъ, что Фогтъ „очевидно былъ введенъ въ заблужденіе тѣмъ фактомъ, что Веселовскій, давши общее изложеніе маленькаго сочиненія Бруни, не дѣлаетъ никакого особеннаго упоминанія о послѣдней части второго діалога" (p. X).

[2]) Этимъ утвержденіямъ Фогта о второй части діалога, котораго онъ не зналъ въ цѣломъ, нельзя придавать большого значенія. Новыя полныя изданія этого сочиненія Бруни показываютъ, что рукописи второй части были также многочислены. См. Klette IV—V, Kirner XXIV—XXV.

[3]) Die Wiederbelebung I, p. 387—88.

[4]) Il Petrarca e i Carraresi, p. 267 и слѣд.

[5]) Изданіе Wotke я знаю только по рецензіи, подписанной R. S. (Remigio Sabbadini?), въ Giorn. stor. d. lett. ital. XIV, p. 288 и слѣд. Исключеніе составляетъ Gaspary, который сомнѣвается даже, что и Никколи враждебно относился къ флорентійскимъ тріумвирамъ. L. c. II, p. 179 и 661.

[6]) In quo id maxime conati sumus, ut morem utriusque diligentissime servaremus. Ibid. p. 41.

[7]) Klette, p. 7.

нымъ образомъ въ культѣ „тріумвировъ", который носитъ „почти идолопоклонническій" характеръ и который господствовалъ въ тогдашнихъ образованныхъ кругахъ Флоренціи. Новое поколѣніе начинаетъ „прилагать критическій скальпель къ непогрѣшимости этихъ авторитетовъ и низвергать ихъ съ ихъ высоты"[1]). Кромѣ того, для новаго поколѣнія форма имѣла бо́льшую цѣну, чѣмъ содержаніе. „Для новаторовъ было достаточно, говоритъ Клетте, въ противоположность схоластическому, почти непонятному способу выраженія, сослаться на классическій стиль Цицерона, не прибѣгая къ какимъ-нибудь новымъ идеаламъ, какъ къ дѣйствительному оружію для борьбы... Элегантность, стилистическая красота, однимъ словомъ, формальныя преимущества все еще имѣютъ перевѣсъ надъ содержаніемъ"[2]). Кромѣ того, Никколи расходится съ Салютати въ политическихъ воззрѣніяхъ: первый защищаетъ тиранноубійство, второй его осуждаетъ[3]). Кирнеръ точно такъ же приходитъ къ тому выводу, что между воззрѣніями Салютати съ одной стороны, Никколи и Бруни — съ другой есть разница, хотя онъ отказывается опредѣлить ея размѣры и сущность[4]). По его мнѣнію, сознательно или безсознательно Бруни отводитъ Салютати „не особенно красивую роль": послѣ нападокъ Никколи на современность онъ хочетъ прекратить споръ и возражаетъ только по настоянію Росси[5]); послѣ обвиненій Никколи „тріумвировъ" онъ отказывается отъ ихъ защиты, просто формулируетъ свое мнѣніе[6]) и, что особенно важно, на слѣдующій день отказывается продолжать споръ, хотя самъ настаивалъ на его пользѣ, и на просьбу Росси прибавить къ похвалѣ Флоренціи защиту „тріумвировъ", гордо ссылается на выраженное имъ наканунѣ свое мнѣніе[7]). Тѣмъ не менѣе Кирнеръ отказывается опредѣлить цѣль діалога Бруни: его цѣлью было, „можетъ быть, сохранить воспоминаніе о дѣйствительной бесѣдѣ; можетъ быть, нѣсколько прикрыть слишкомъ смѣлыя доктрины новой школы; можетъ быть, просто онъ имѣлъ въ виду упражненіе въ изящной рѣчи (una esercitazione di bella scrittura)"[8]).

---

[1]) Ibid. p. 8—9.

[2]) Ibid. p. 16, 18.

[3]) Ibid. p. 20—21.

[4]) Nel modo di videre e giudicare le cose vi doveva essere tra i due letterati una differenza, piccola o grande che si fosse. Kirner, p. XVIII.

[5]) У Klette, p. 55.

[6]) Ibid. p. 66.

[7]) Verum quid agendum superextat? Nonne heri sententiam meam satis deprompsi, quid ego sentirem de summis illis viris? Ibid. p. 70.

[8]) Kirner, p. XXII.

Представителемъ новыхъ воззрѣній является Никколи. Но его отношеніе къ тремъ флорентійскимъ поэтамъ въ первой и второй части діалога не одинаково, и новые изслѣдователи потратили не мало труда, чтобы доказать, что воззрѣнія новой школы выражены въ первой части діалога. Аргументація Клетте сводится къ тому, что обвиненія Никколи противъ „тріумвировъ" не опровергнуты и въ лучшемъ случаѣ только объяснены: слѣдовательно защита „мнимая" и не серьезная[1]). Гораздо основательнѣе аргументація Кирнера. Кирнеръ точно такъ же отмѣчаетъ тотъ фактъ, что обвиненія сохраняютъ свою силу и во второй части діалога, но дѣлаетъ изъ этого только тотъ выводъ, что истинное мнѣніе Никколи *можетъ* заключаться въ первой части. Положительныя доказательства въ пользу этого предположенія онъ думаетъ найти въ другихъ источникахъ. Самъ Бруни въ позднѣйшей инвективѣ противъ Никколи, а также Филельфо въ одной изъ сатиръ, утверждаютъ, что Никколи порицалъ Данте, Петрарку и Боккачіо[2]). Но эти обвиненія, высказанныя врагами Никколи, могутъ быть признаны клеветой; поэтому Кирнеръ ищетъ дальнѣйшихъ подтвержденій въ инвективѣ Ринуччини и въ письмахъ Джіованни да Прато. Ринуччини, о которомъ будетъ рѣчь ниже, говоритъ о противникахъ Данте, Петрарки и Боккаччіо, что они составляютъ „горсть болтуновъ, которые, чтобы казаться толпѣ людьми очень учеными, шумятъ на площади о томъ, сколько дифтонгъ было у древнихъ и почему теперь употребляются только двѣ, какая грамматика самая лучшая" и т. п. „Кто не признаетъ здѣсь очевиднаго намека по адресу занятій Никколи?" спрашиваетъ Кирнеръ и приводитъ два отрывка изъ письма Дж. да Прато, въ которыхъ эти намеки еще очевиднѣе: въ одномъ отрывкѣ говорится, что „порицатель" признаетъ хорошими только тѣ книги, которыя написаны хорошей латынью (di forma antica e bene dittongata), и что онъ проводитъ цѣлый день за словопроизводствомъ; въ другомъ — что „эта крайне невѣжественная секта", порицая Данте, утверждаетъ, что „его фантазіи повредило незнакомство съ многими греческими и латинскими сочиненіями, которыя принесли бы большую пользу его Комедіи". Кирнеръ находитъ въ письмѣ спеціальные намеки и на Бруни. Именно тамъ говорится, что другой изъ этой секты, „говоритъ и даже написалъ, что еще хуже, что Данте не понялъ

---

[1]) Klette, p. 21—26.

[2]) Itaque bellum indixit scurra nefarius cunctis praestantibus ingenio viris, nec viventibus modo, sed etiam mortuis. Nam et Dantem optimum nobilissimumque poëtam assidue prope convitio non cessat et de Petrarca ita loquitur quasi de homine insulso et ignorantiae pleno. Baccaccium ita spernit, ut ne tres quidem litteras scisse illum asseveret. *Oratio in nebulonem maledicum*

Виргилія въ вопросѣ о происхожденіи Мантуи" и что своимъ противникамъ онъ презрительно отвѣчаетъ: „ты не читалъ переводовъ греческихъ сочиненій Аристотеля и Плутарха". На основаніи этихъ данныхъ и не опровергнутыхъ обвиненій въ самомъ діалогѣ Кирнеръ приходитъ къ слѣдующему выводу. Сначала Никколи былъ поклонникомъ „трехъ вѣнцовъ" Флоренціи: выучилъ наизусть Божественную Комедію, переписывалъ сочиненія Петрарки, обогащалъ библіотеку Боккаччіо; „но позже навѣрное его энтузіазмъ постепенно угасалъ: гуманистическая культура должна была создать пренебреженіе къ великому народному поэту; успѣхи науки о классической древности должны были сдѣлать устарѣвшими произведенія самого Петрарки и еще болѣе Боккаччіо. Поэтому Никколи сначала присоединяется къ школѣ Салютати и Марсильи, потомъ отдѣляется отъ нихъ и дѣлается главою болѣе молодого поколѣнія". Утвержденіе Никколи, что онъ повторяетъ чужія обвиненія, по мнѣнію Кирнера, не слѣдуетъ понимать буквально: „другіе подготовили почву, а онъ потомъ ясно развилъ новое воззрѣніе, плодъ новыхъ занятій"[1]).

Мы думаемъ, что діалогъ далеко не оправдываетъ большинства выводовъ новыхъ изслѣдователей и значительно видоизмѣняетъ остальные. Прежде всего не слѣдуетъ забывать, что діалогъ Бруни представляетъ собою образецъ ученаго диспута, или вполнѣ составленнаго авторомъ, или дѣйствительно происходившаго. Это видно изъ начала первой части діалога, а также изъ трактата о воспитаніи, гдѣ авторъ особенно настаиваетъ на пользѣ ученыхъ споровъ. Такая форма изложенія сдѣлалась весьма обычной въ гуманистической литературѣ, начиная съ Петрарки; но діалогъ Бруни представляетъ нѣкоторыя особенности. Обыкновенно діалоги имѣютъ троякую форму: или одинъ изъ собесѣдниковъ играетъ пассивную роль и поучается наставленіями другого, какъ напр. въ діалогахъ Петрарки; или каждый изъ собесѣдниковъ остается при своемъ мнѣніи, какъ напр. въ діалогѣ П. К. Дечембріо — De vitae ignorantia; или, наконецъ, спорящіе сходятся на какомъ-нибудь среднемъ мнѣніи третьяго собесѣдника, какъ въ діалогѣ Валлы — De voluptate ac vero bono. У Бруни говоритъ только Никколи, хотя въ концѣ діалога *всѣ сходятся на его мнѣніи*. Слѣдовательно, тѣ факты и взгляды первой части діалога, которые

напечатана въ приложеніи у *Zippel, Nicolò Niccoli. Firenze 1890,* p. 77. Филельфо говоритъ: Additur huic (Хризолору) dius Dantes suavisque Petrarcha. Kirner, p. XV.

[1]) Kirner, p. XII—XXI. Къ аналогичному выводу приходитъ Wotke, а также критикъ всѣхъ новыхъ издателей, что la difesa è molto fiacca rispetto all'accusa. L. c.

остаются не отвергнутыми во второй, принимаются самимъ авторомъ и всѣми собесѣдниками. Дѣйствительно въ діалогѣ мы не видимъ существенной разницы между воззрѣніями Салютати и Никколи, какъ думаетъ Клетте и отчасти Кирнеръ. Прежде всего „суевѣрнаго" преклоненія Салютати передъ Данте, Петраркой и Боккаччіо не замѣтно въ діалогѣ: въ концѣ второй части діалога онъ вполнѣ примыкаетъ къ мнѣнію Никколи, хотя его критическія замѣчанія о флорентійскихъ поэтахъ, сдѣланныя въ первой части, сохраняютъ свою силу[1]). Ниже мы увидимъ, что самъ Салютати въ своихъ произведеніяхъ также критически относится къ Петраркѣ и Боккаччіо. Далѣе, утвержденіе Клетте о крайнемъ формализмѣ молодого поколѣнія рѣшительно противорѣчитъ тексту діалога. Говоря о средневѣковой философіи, Никколи мимоходомъ замѣчаетъ о несовершенствѣ ея формы и *настаиваетъ на отсутствіи въ ней критическаго отношенія къ авторитетамъ*[2]). Такъ же мало цѣны имѣютъ различія въ политическихъ взглядахъ между Салютати и Никколи. Ученіе о тиранноубійствѣ вовсе не составляетъ специфической принадлежности молодого поколѣнія: его формулировалъ Боккаччіо, а опровергалъ Салютати и позже, въ XV столѣтіи, Поджіо велъ ожесточенный споръ съ Гуарино изъ-за Цезаря. Гораздо тоньше подмѣтилъ *намекъ* на разницу между двумя поколѣніями Кирнеръ въ словахъ Салютати, обращенныхъ къ автору и Росси. „Я желалъ бы знать, Роберто, обращается онъ къ послѣднему, думаешь ли ты одинаково со мною или съ Николо, потому что относительно Леонардо я не сомнѣваюсь. Я вижу, что онъ во всѣхъ мнѣніяхъ согласенъ съ Николо, такъ что думаю даже, что онъ предпочтетъ, вмѣстѣ съ нимъ заблуждаться, чѣмъ слѣдовать за истиной вмѣстѣ со мною. Я и тебя, Салютати, цѣню очень высоко и Николо также, говорю я. Поэтому ты будешь имѣть во мнѣ справедливаго судью, хотя я хорошо знаю, что въ этой рѣчи обсуждается дѣло столько же мое, сколько и Николо"[3]). Намекъ этотъ, крайне неопредѣленный самъ по себѣ, теряетъ всякую цѣну по двумъ причинамъ. Во-первыхъ, эти слова стоятъ въ діалогѣ послѣ разсужденій

---

[1]) На предложеніе Никколи, ut hos praestantissimos homines... tua facundia illustres,—ego vero, inquit Colucius, non video quicquam te reliquisse, quod ad eorum laudem addi possit. (Klette, p. 81—82).

[2]) Atque eum quidpiam confirmare opus est, proferunt dicta in his libris, quos Aristotelis esse dicunt, verba aspera, inepta, dissona, quae cujusvis aures obtundere ac fatigare possent. *Haec dicit, inquiunt, Philosophus, huic contradicere nefas est. Idemque apud illos valet et ipse dixit et veritas,* quasi vero aut ille solum philosophus fuerit, aut ejus sententiae ita fixae sint, quasi eos Pythius Apollo ex sanctissimo adyto suo ediderit. Ibid. p. 50.

[3]) Ibid. p. 56.

Никколи о современномъ состояніи науки, ранѣе, чѣмъ Салютати успѣлъ высказать какое бы то ни было мнѣніе; во-вторыхъ, вообще въ діалогѣ нѣтъ такихъ взглядовъ представителя старшаго поколѣнія, которые были бы опровергнуты. Что касается до того, что Салютати играетъ „некрасивую роль" въ діалогѣ, то приведенныя Кирнеромъ мѣста самое большее обнаруживаютъ неловкость композиціи сочиненія, потому что сознательно Бруни относится къ нему съ большимъ почтеніемъ. Никколи съ самаго начала выдѣляетъ его изъ современниковъ, которыхъ онъ порицаетъ[1]), и этотъ почтительный, почти панегирическій тонъ проходитъ черезъ весь діалогъ. Единственное возраженіе или, правильнѣе, поправка, которую дѣлаетъ Салютати въ разсужденіяхъ Никколи о современности, отличается мѣткостью и дѣлаетъ честь представителю стараго направленія, но не указываетъ спеціальныхъ особенностей его воззрѣній[2]). Вообще въ діалогѣ Салютати не является представителемъ какихъ-либо особыхъ воззрѣній, по существу отличныхъ отъ взглядовъ автора; наоборотъ, близкое сходство ихъ стремленій констатировано въ діалогѣ самымъ несомнѣннымъ образомъ[3]). Изъ этого не слѣдуетъ, конечно, чтобы между ними не было никакой разницы. Едва ли можно признать простою случайностью, что недостатки средневѣковыхъ писателей и флорентійскихъ поэтовъ отмѣчаетъ Никколи, а Салютати только примыкаетъ къ его критикѣ; молодое поколѣніе обнаруживаетъ болѣе критицизма по отношенію къ прошлому и пошло далѣе по пути, намѣченному первыми гуманистами. Но въ діалогѣ мы находимъ только намекъ на эту разницу, которая станетъ вполнѣ ясной только послѣ сравненія сочиненій Бруни и Салютати.

Посмотримъ теперь, каковы воззрѣнія молодого поколѣнія, насколько они выразились въ діалогѣ, и прежде всего, какъ оно относится къ Данте, Петраркѣ и Боккаччіо. Современные изслѣдователи

---

[1]) Tu..., qui profecto is es, qui sapientia atque eloquentia veteres illos, quos tantopere admirari solemus, vel anteiveris, vel certe adaequaveris. Sed. dicam, quod sentio de te nec, mehercule, assentandi gratia: Tu mihi videris isto tuo praestantissimo ingenio ac pene divino, etiam his rebus dificientibus, sine quibus alii non possunt, haec assequi potuisse. Itaque tu unus mihi sis ab hoc sermone exceptus. Ibid. p. 54.

[2]) См. выше p. 611 пр. 1 и 2. Ниже изъ другихъ источниковъ мы увидимъ, что Бруни всегда относился къ Салютати съ глубочайшимъ почтеніемъ. Ср. мѣста изъ его переписки, приведенныя у Фогта, I, p. 214.

[3]) Самъ Салютати говоритъ въ діалогѣ своимъ молодымъ собесѣдникамъ: Ii enim estis, quos ego vel morum vestrorum gratia, vel studiorum, quae vobis mecum communia sunt, vel etiam quia me a vobis observari sentio, egregia quadam benivolentia et caritate complector. Klette, p. 43.

держатся того мнѣнія, что Бруни и Никколи принадлежатъ къ порицателямъ флорентійскихъ поэтовъ. Намъ кажется, что такой взглядъ не оправдывается ни діалогомъ, ни другими источниками. Въ первой части діалога, гдѣ находится осужденіе „трехъ вѣнцовъ", поражаетъ несоотвѣтствіе выводовъ съ фактами: недостатки Данте и Петрарки, если и признать ихъ несомнѣнными, вовсе не оправдываютъ ихъ осужденія[1]), а Боккаччіо осужденъ совершенно голословно. Единственнымъ объясненіемъ этой рѣзкости могло бы служить чрезмѣрное увлеченіе древностью, которое и выражено въ заключительной фразѣ окончательнаго приговора, что для Никколи одно письмо Цицерона или одинъ стихъ Виргилія имѣетъ бо́льшую цѣну, чѣмъ всѣ произведенія троихъ поэтовъ[2]). Но можно съ несомнѣнностью утверждать, что такого увлеченія не было у Бруни и у Никколи, поскольку его мнѣнія выражены въ діалогѣ. Въ этомъ убѣждаетъ прежде всего вторая часть діалога. Никколи прямо говоритъ, что обвиненія Петрарки не ему принадлежатъ и называетъ „insulsissimi" тѣхъ, кто такъ неизмѣримо высоко ставитъ стихи Виргилія и письма Цицерона[3]), и мы не имѣемъ рѣшительно никакого основанія отвергнуть это показаніе. Никколи въ діалогѣ чрезвычайно добросовѣстно относится къ этимъ обвиненіямъ: одни старается опровергнуть, другія признаетъ и называетъ обвинителей insulsissimi только за ихъ *общую* оцѣнку сочиненій Петрарки. Такой эпитетъ просто необъяснимъ, если эти воззрѣнія раздѣляли Бруни и Никколи діалога. Правда, въ діалогѣ древнимъ языкамъ отдается несомнѣнное преимущество передъ народной рѣчью: *Салютати* (а не Никколи) языкъ Божественной Комедіи мѣшаетъ поставить ее выше произведеній древнихъ[4]); но отсюда далеко еще до презрѣнія къ родной рѣчи. Никколи вмѣстѣ съ Салютати ставитъ Данте на ряду съ древними[5]) и восхваляетъ Пет-

[1]) Nam quid est in illis, quod aut admirandum, aut laudandum cuique videri debeat? Ibid. p. 60. Ср. выше p. 612 пр. 4.

[2]) См. выше p. 613 пр. 1.

[3]) Ego profecto, inquit Nicolaus, ea de causa dico, quod nonnulos jam audivi, qui in his rebus Petrarcam criminarentur. Nolite enim putare, meas criminationes istas, sed eum ab aliis quibusdam audivissem, ad vos heri, qua tandem de causa scitis, retuli. Itaque placet nunc mihi non me, qui simulate loquebar, sed insulsissimos homines, qui re vera id putabant, refellere. Nam quod ajunt, unum Virgilii carmen atque unam Ciceronis epistolam omnibus operibus Petrarcae se anteponere, ego saepe ita converto, ut dicam, me orationem Petrarcae omnibus Virgilii epistolis et carmina ejusdem vatis omnibus Ciceronis carminibus longissime antepono. Ibid. p. 81.

[4]) См. выше p. 611 пр. 3.

[5]) Itaque quod heri Colucius faciebat, ut Virgilio et Homero Dantem adaequaret, nullo modo mihi displicet. Klette, p. 75.

рарку за то, что онъ писалъ также и по-итальянски[1]). Но если слѣпого преклоненія передъ древностью нельзя допустить у автора діалога, то его осужденіе поэтовъ и вообще вызывающій тонъ при ихъ оцѣнкѣ въ первой части, находитъ единственное объясненіе въ словахъ самого Никколи, что онъ имѣлъ въ виду возбудить негодованіе у Салютати и вызвать его на ихъ защиту[2]). Другое объясненіе невозможно еще и потому, что Бруни во второй части слишкомъ глубоко понимаетъ значеніе Данте и Петрарки, чтобы подвергнуть ихъ безусловному осужденію. При оцѣнкѣ Божественной Комедіи авторъ подчеркиваетъ тѣ ея стороны, которыя имѣли особенную цѣну въ глазахъ гуманистовъ — изображеніе внутренней жизни человѣка, описаніе природы[3]) и интересъ къ исторической дѣйствительности[4]). Гуманистическое значеніе Петрарки понято Никколи совершенно вѣрно и оцѣнено по заслугамъ въ одной фразѣ[5]). Если прибавить къ этому, что характеристика современности и древности въ первой части діалога не иное что, какъ продолженіе полемики Петрарки и Боккачіо, то едва ли возможно сомнѣніе, что авторъ діалога не могъ принадлежать къ безусловнымъ порицателямъ Петрарки. Онъ отмѣчаетъ слабыя стороны и дѣйствительные недостатки флорентійскихъ поэтовъ, *относится къ нимъ критически,* но результатомъ этой критики, дѣлавшей невозможнымъ слѣпой энтузіазмъ, было глубокое уваженіе къ автору Божественной Комедіи и къ двумъ первымъ гуманистамъ. Этотъ выводъ оправдывается и другими источниками.

Изъ діалога видно, что во Флоренціи существовали раболѣпные поклонники древности и безусловные порицатели „тріумвировъ“; но

---

[1]) Uberrimam doctrinam in eo viro fuisse, adeo autem illum ad omne genus scribendi ingenium accommodasse, ut ne populari dicendi genere se abstinuerit, sed in hoc, ut in caeteris quoque elegantissimum et facundissimum videri. Ibid. p. 80.

[2]) См. выше p. 613 пр. 5 и 614 пр. 1 и 7. Kirner склоненъ видѣть argutiae Никколи противъ Салютати in una certa esagerazion e di quelle cose, ch'egli in realtà pensava (p. XIII).

[3]) Legite quaeso ea carmina, in quibus amorem, odium, formidinem caeterasque animi perturbationes exprimit, legite descriptiones temporum, legite caelorum motus, legite stellarum ortus atque occasus etc. Klette, p. 75.

[4]) Ad haec historiarum incredibilem scientiam. Non enim vetera dumtaxat, sed etiam nova, nec domestica solum, sed etiam externa in hoc praeclaro opere vel exornandi causa vel doctrinae gratia conglutinata sunt. Nullus est in Italia ritus, nullus mons, nullus fluvius, nulla paulo nobilior familia, nullus vir, qui aliquid digna memoria gesserit, quin ab illo teneatur, et in poëmate suo percommode sit distributus. Ibid.

[5]) Hic vir studia humanitatis, quae jam extincta erant, reparavit et nobis quemodmodum descere possemus, viam aperuit. Ibid. p. 80.

къ ихъ числу не принадлежалъ Никколи діалога, гдѣ онъ выражаетъ идеи Бруни. Ниже мы попытаемся выяснить, каковы были воззрѣнія настоящаго Никколи[1]), и теперь остановимся исключительно на тѣхъ источникахъ, которые характеризуютъ отношеніе къ тремъ поэтамъ самого автора діалога. Слова Дж. да Прато, что нѣкто порицалъ Данте за его взглядъ на основаніе Мантуи, дѣйствительно относятся къ Бруни, какъ думаетъ Кирнеръ. Въ одномъ письмѣ Бруни, разсматривая различныя мнѣнія о происхожденіи и названіи Мантуи, останавливается на объясненіи Данте и съ легкимъ порицаніемъ отвергаетъ его, какъ бездоказательное и противорѣчащее болѣе древнимъ свидѣтельствамъ. Вражды къ автору Божественной Комедіи здѣсь нѣтъ, есть только разумное *критическое отношеніе*, которое въ историческихъ вопросахъ заставляетъ *по научнымъ соображеніямъ* отдавать предпочтеніе болѣе древнимъ источникамъ[2]). Выше мы видѣли примѣръ такого же критическаго отношенія къ Боккаччіо, гдѣ Бруни разбираетъ написанную имъ біографію Данте[3]). Но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы онъ не понималъ важности и значенія критикуемыхъ имъ писателей. Наоборотъ, Бруни самымъ несомнѣннымъ образомъ обнаружилъ свое уваженіе къ Данте и Петраркѣ въ составленныхъ имъ самимъ ихъ біографіяхъ. Эти біографіи, написанныя гораздо позже (въ 1436 г.), могутъ служить превосходнымъ комментаріемъ къ діалогу[4]). Прежде всего Бруни обстоятельно излагаетъ общественную жизнь и литературныя занятія Данте, при чемъ восхваляетъ его за храбрость въ битвѣ, за участіе въ политической жизни и даетъ разборъ его произведеній. Эта послѣдняя часть біографіи составлена

---

[1]) Есть основаніе думать, что истинныя воззрѣнія Никколи не вполнѣ совпадаютъ съ тѣми его взглядами, которые выражены въ діалогѣ. По крайней мѣрѣ, на эту мысль наводитъ приведенная выше цитата изъ инвективы самого Бруни. Ниже мы подробнѣе остановимся на этомъ вопросѣ и попытаемся опредѣлить, насколько діалогъ Бруни можетъ служить источникомъ для характеристики Никколи.

[2]) Nec ullus est auctor, qui contra sentiat praeter unum Dantem, de quo valde admirari compellor quod cum Tuscus ipse fuerit, et Virgilii, ut asserit, sectator, ea, quae de Tuscorum potentia a tot et tam claris auctoribus scripta sunt, neque legisse unquam, neque notasse videtur et usque adeo a Virgilio discedit, ut cum ille de Tusco sanguine ortos Mantuanos asserat et Ocnum nominet conditorem, iste, quasi ignarus omnium, aliam quandam originem assignet. *Sed neque auctorem ullum opinionis suae, neque argumentum aliquod ad confirmandum inducit. Quare cedat ipse opinioni eorum,* quos supra nominavimus, *qui et proximiores temporibus illis fuere et ab aliis scriptoribus vetustioribus accepere.* Epistolae, ed Mehus, X, 25.

[3]) См. выше, p. 475—476.

[4]) Онѣ напечатаны у Galletti, p. 43—55.

по тому же плану, какъ и діалогъ, хотя значительно его дополняетъ и развиваетъ. „Главное занятіе Данте была поэзія, говоритъ Бруни, но не безплодная, не бѣдная, не фантастичная, а плодотворная, богатая, основанная на истинной наукѣ и на обширной учености“ [1]). Далѣе Бруни разсматриваетъ въ обширномъ отступленіи виды поэзіи. Поэты бываютъ двоякаго рода: одни изъ нихъ творятъ внутренней силой, по вдохновенію [2]) и не нуждаются въ наукѣ. Чтобы лучше выяснить свою мысль, Бруни прибѣгаетъ къ замѣчательному сравненію. „Блаженный Францискъ не наукой, не схоластической ученостью, но углубленіемъ мысли (per occupazione ed astrazione di mente) съ такой силой приложилъ духъ свой къ Богу, что какъ бы выходилъ за предѣлы человѣческаго чувства (quasi si trasfigurava oltre al senso umano) и болѣе познавалъ Бога, чѣмъ познаютъ Его теологи посредствомъ науки и книгъ. Такъ же и въ поэзіи: иной дѣлается поэтомъ посредствомъ внутренняго движенія и напряженія мысли (per interna agitazione ed applicazione di mente), и *это высшій и самый совершенный видъ поэзіи*“. Благодаря этому вдохновенію (da questa astrazione e furore), поэтовъ называютъ „божественными“, „священными“ (sacri), „пророками“ (vati), и ихъ образцами могутъ служить Орфей, „который приводилъ въ движеніе своей лирой камни и деревья“, и Гезіодъ, который, „будучи грубымъ и неученымъ пастухомъ, сдѣлался величайшимъ поэтомъ безъ всякой науки, только вкушая воду изъ Кастальскаго источника“ [3]).

Другой видъ поэзіи основанъ на наукѣ и просвѣщеніи [4]), и къ этой категоріи принадлежитъ Данте, „потому что изученіемъ философіи, богословіи, астрологіи и ариѳметики, чтеніемъ исторіи, изученіемъ многихъ и разнообразныхъ книгъ, трудясь и проводя ночи за занятіями (vigilando e sudando), онъ усвоилъ науку, которую долженъ былъ украшать и разъяснять своими стихами“ [5]). Но въ этой сферѣ Данте, по мнѣнію Бруни, занимаетъ чрезвычайно высокое мѣсто: его „величіе“, „прелесть“, обширныя знанія — „нѣчто удивительное“; такъ же удивительно его поэтическое воображеніе [6]). При этомъ народный языкъ Данте нисколько не мѣшаетъ Бруни признать его по-

---

[1]) Ibid. p. 49.

[2]) Per ingegno proprio agitato e commosso da alcuno vigore interno e nascoso, il quale si chiama furore ed occupazione di mente. Ibid.

[3]) Ibid. p. 49—50.

[4]) L'altra spezie è per iscienza, per istudio, per disciplina ed arte e prudenzia. Ibid. p. 50.

[5]) Ibid.

[6]) Ibid. p. 51. Ср. діалогъ у Klette, p. 74—75. Біографія представляетъ почти буквальное повтореніе діалога.

этомъ. По его мнѣнію, „писать ученымъ или народнымъ стилемъ — нѣтъ никакой другой разницы, какъ если писать по-гречески и по-латыни“: „всякій языкъ имѣетъ свое совершенство, свой звукъ, свои выработанныя и научныя выраженія (suo parlare limato e scientifico)“ [1]). Данте писалъ по-итальянски, потому что въ тѣ грубыя времена не умѣли пользоваться изящной латынью. „Сказать правду, говоритъ Бруни, сила нашего поэта въ народномъ стихѣ, которымъ онъ превосходитъ всѣхъ; но въ латинскихъ стихахъ и прозѣ онъ едва равняется съ тѣми, которые писали посредственно“ [2]), и, оцѣнивая „Монархію“ Данте исключительно со стороны стиля, онъ прямо говоритъ, что она лишена „всякаго изящества рѣчи“. Но критическое отношеніе къ автору Божественной Комедіи вовсе не мѣшало Бруни быть и *считаться* его поклонникомъ. Недавно былъ во Флоренціи правнукъ Данте, говоритъ Бруни въ концѣ біографіи, „и пришелъ посѣтить меня, какъ друга памяти его прадѣда, и я показалъ ему дома Данте и его предковъ и сообщилъ свѣдѣнія о многихъ неизвѣстныхъ ему вещахъ“ [3]). Въ виду этихъ данныхъ никоимъ образомъ нельзя отнести Бруни къ числу безусловныхъ порицателей перваго изъ флорентійскихъ тріумвировъ.

Въ біографіи Петрарки [4]) повторены тѣ же самыя мнѣнія о первомъ гуманистѣ, какія мы находимъ во второй части діалога. Бруни и здѣсь выставляетъ на видъ его одинаковое искусство въ стихахъ и прозѣ и выгодно сравниваетъ его въ этомъ отношеніи съ Виргиліемъ и Цицерономъ [5]); его заслуги въ гуманистическомъ движеніи формулированы почти въ тѣхъ же выраженіяхъ, что и въ діалогѣ [6]). Но превознося родоначальника гуманизма, Бруни вовсе не отказывается отъ критическаго къ нему отношенія. Особенно замѣчательна параллель между Данте и Петраркой, которую Бруни проводитъ, изложивши ихъ біографіи. „Если въ философіи, въ астрологіи и въ другихъ математическихъ наукахъ Данте былъ болѣе ученъ, что я признаю и съ чѣмъ я согласенъ, то можно сказать, что во многихъ другихъ предметахъ Петрарка былъ ученѣе Данте, потому что знаніемъ литературы и латинскаго

---

[1]) Ibid. p. 50.
[2]) Ibid. p. 51.
[3]) Ibid.
[4]) См. о ней выше, p. 289—290.
[5]) Galletti, p. 53. Ср. Klette, p. 79—80.
[6]) Francesco Petrarca fu il primo, il quale ebbe tanta grazia d'ingegno che riconobbe e rivocò in luce l'antica leggiadria dello stilo perduto e spento, e posto che in lui perfetto non fusse, pur da se vide ed aperse la via a questa perfezione. Ibid. p. 53. То же на предыдущей страницѣ. Ср. выше, p. 624 пр. 5.

языка Данте былъ много ниже Петрарки... Въ народной рѣчи Петрарка въ канцонѣ равенъ Данте, сонетами превосходитъ его, но своимъ главнымъ сочиненіемъ Данте имѣетъ перевѣсъ надъ всѣми произведеніями Петрарки. Отсюда я заключаю, что каждый изъ нихъ имѣетъ превосходство въ одномъ отношеніи и стоитъ ниже въ другомъ. Если Петрарка, а не Данте почтенъ вѣнцомъ поэта, то это не имѣетъ никакой важности для сравненія, потому что гораздо цѣннѣе заслужить вѣнецъ, чѣмъ получить его, въ особенности потому, что доблесть есть нѣчто несомнѣнное, а вѣнецъ часто можетъ быть данъ по легкомысленному приговору и тому, кто его заслужилъ, и тому, кто его не стоитъ"[1]). Особенно невыгодно для перваго гуманиста сравненіе обоихъ поэтовъ съ точки зрѣнія ихъ общественной дѣятельности. „Данте, говоритъ Бруни, имѣлъ бо́льшую цѣну въ дѣятельной и гражданской жизни, чѣмъ Петрарка, потому что онъ со славою принималъ участіе въ войнѣ за родину и въ управленіи республикой, чего нельзя сказать о Петраркѣ, потому что онъ не жилъ въ свободномъ государствѣ, которымъ онъ могъ бы управлять, какъ гражданинъ, и никогда не поднималъ оружія за родину, что мы признаемъ за великую заслугу добродѣтели"[2]). Вообще Бруни не высоко ставитъ тотъ идеалъ уединенной жизни съ обезпеченнымъ досугомъ для научныхъ занятій, который такъ привлекалъ перваго гуманиста и весьма многихъ изъ его послѣдователей. Въ біографіи Данте онъ дѣлаетъ рѣзкую выходку, повидимому, противъ монаховъ, которая задѣваетъ и крайнихъ сторонниковъ такого взгляда. „Мнѣ хочется опровергнуть, говоритъ онъ, заблужденіе многихъ невѣждъ, которые думаютъ, что нѣтъ ни одного занимающагося человѣка, кромѣ тѣхъ, которые скрываются въ уединеніи и пребываютъ въ покоѣ; я не видѣлъ ни одного изъ этихъ удалившихся отъ обращенія съ людьми, кто зналъ бы три буквы"[3]). Прямо противъ двухъ первыхъ гуманистовъ направляетъ Бруни другую выходку, хотя онъ упоминаетъ при этомъ только Боккаччіо, который говоритъ, что „жены враждебны занятіямъ". „Сократъ, величайшій философъ, какой когда-либо былъ, имѣлъ жену, сыновей и *общественныя обязанности въ своемъ государствѣ*, Аристотель, обладавшій величайшей мудростью и ученостью, имѣлъ въ разное время двухъ женъ, имѣлъ сыновей и *много богатствъ*. И Маркъ Туллій, и Катонъ, и Сенека, и Варронъ, величайшіе латинскіе философы, всѣ были женаты, имѣли дѣтей, *обязанности и правительственныя должности въ республикѣ*. Поэтому, да проститъ мнѣ Боккаччіо,

[1]) Ibid. p. 55.
[2]) Ibid. p. 54.
[3]) Ibid. p. 46.

его сужденія на этотъ счетъ весьма легкомысленны (frivoli) и далеко отстоятъ отъ настоящихъ взглядовъ. Человѣкъ — животное общественное, какъ думаютъ всѣ философы; первый союзъ, изъ размноженія котораго рождается государство, мужъ и жена, и ничего не можетъ быть совершеннаго тамъ, гдѣ нѣтъ этого союза, и только эта любовь естественна, законна и позволительна" [1]).

Вообще въ этомъ сочиненіи Бруни сильнѣе всего нападаетъ на Боккаччіо, который оставленъ въ тѣни въ діалогѣ. Въ изложеніи біографіи Данте онъ не разъ повторяетъ упреки работѣ Боккаччіо на эту же тему [2]). Но и къ этому гуманисту онъ относится съ большимъ уваженіемъ. „Мы не пишемъ теперь біографіи Боккаччіо, говоритъ Бруни, не потому, что онъ не заслуживаетъ величайшей похвалы, но потому что мнѣ не извѣстны подробности о его происхожденіи и о его частной жизни, а безъ такихъ свѣдѣній не слѣдуетъ писать біографіи. Но его сочиненія и его книги мнѣ хорошо извѣстны, и я знаю, что онъ былъ человѣкъ съ величайшимъ талантомъ, съ огромной эрудиціей (di grandissimo studio) и съ чрезвычайнымъ трудолюбіемъ, и удивительно много написалъ своей собственной рукой. Грамматикѣ онъ научился взрослымъ, поэтому никогда не владѣлъ латинской рѣчью; но изъ того, что онъ написалъ на народномъ языкѣ, видно, что по природѣ онъ былъ чрезвычайно краснорѣчивъ и имѣлъ ораторскій талантъ" [3]). Составляя новую біографію Данте, Бруни имѣетъ въ виду только дополнить работу Боккаччіо, а не ограничить его значеніе [4]).

Приведенные факты достаточно иллюстрируютъ, по нашему мнѣнію, отношеніе Бруни къ Данте и первымъ гуманистамъ. Самый видный

---

[1]) Ibid.

[2]) Такъ, по поводу того, что Боккаччіо говоритъ о любви Данте и не упоминаетъ о его участіи въ битвѣ за родину, Бруни замѣчаетъ: ma che giova a dire? la lingua pur va dove il dente duole, ed a cui piace il bere sempre ragiona di vini. Ibid. p. 46.

[3]) Ibid. p. 54.

[4]) Ne questo faccio per derogare al Boccaccio; ma perche lo scrivere mio sia quasi in supplimento allo scrivere di lui. Ibid. p. 45. Изъ новыхъ изслѣдователей объ этихъ біографіяхъ упоминаетъ Voigt (I, p. 393) и дѣлаетъ странное замѣчаніе Гейгеръ: въ біографіяхъ Бруни, по его словамъ den Begründern der Renaissancebildung bei aller Werthschätzung die Vorwürfe nicht erspart werden darüber, dasz sie ein Leben voll von Liebe, Seufzern, Thränen geführt und dadurch die wahre Manneswürde verletzt hätten (l. c. p. 102). Ничего подобнаго нѣтъ въ біографіяхъ, а Фогтъ приводитъ мнѣніе Бруни о біографіи Данте, написанной Боккаччіо въ такихъ выраженіяхъ: er fand es sonderbar, dasz der gute Boccaccio alles in Liebe, Seufzern und Thränen schwimmen liesz. (l. c.).

представитель старшаго поколѣнія третьей генераціи гуманистовъ относится съ сознательнымъ уваженіемъ къ основателямъ Возрожденія и высоко цѣнитъ великаго флорентійскаго поэта, хотя онъ и писалъ по-итальянски. Вообще мы не находимъ у Бруни никакихъ слѣдовъ враждебнаго отношенія къ родной рѣчи. Разсмотрѣнныя нами біографіи, составленныя ради прославленія родины[1]), написаны на національномъ языкѣ; кромѣ того, Бруни писалъ, какъ мы увидимъ ниже, итальянскія стихотворенія по примѣру Данте и Петрарки, и переводилъ на латинскій языкъ Декамерона. Вслѣдствіе этого во второй части его діалога мы можемъ видѣть подлинное выраженіе его отношенія къ Данте, Петраркѣ и Боккаччіо. Кромѣ того, діалогъ характеризуетъ и другія воззрѣнія Бруни. Такъ, самое его начало бросаетъ свѣтъ на патріотизмъ гуманистовъ и на ихъ отношеніе къ Флоренціи. Авторъ съ грустью говоритъ объ упадкѣ своей родины и утѣшается тѣмъ, что живетъ въ такомъ государствѣ, гдѣ „остались нѣкоторыя сѣмена" гуманистической науки, „которыя съ каждымъ днемъ возрастаютъ и въ короткое время, какъ я думаю, возсіяютъ не малымъ свѣтомъ"[2]). Далѣе, разсужденіе Николли о современности объясняетъ нѣсколько тотъ пылъ, съ которымъ отыскивали тогда рукописи древнихъ авторовъ; появилась жажда знанія; между тѣмъ старая наука, трудная, запутанная, не соотвѣтствовала новымъ потребностямъ; нужны были новая наука, новыя средства для обученія, и гуманисты съ жадностью набрасываются на новыхъ учителей и на новыя для нихъ книги старыхъ авторовъ[3]). Разсужденія Никколи

---

[1]) Aggiungerò di poi (къ біографіи Данте) la Vita del Petrarca, perocchè la notizia e la fama di questi due poeti grande mente riputo appartenente alla gloria della nostra Città. Ibid.

[2]) Vetus est cujusdam sapientis sententia, felici homini hoc vel imprimis adesse oportere, ut patria sibi clara ac nobilis est. Nos vero, Petre, etsi hac parte felicitatis expertes sumus, quod patria nostra crebris fortunae ictibus diruta est et pene ad nihilum redacta, tamen hoc solatio utimur, quod ea in civitate vivimus, quae caeteris omnibus longe antecellere ac praestare videtur. Nam cum frequentia populi, splendore aedificiorum, magnitudine rerum gerendarum civitas haec florentissima est, tum etiam optimarum artium totiusque humanitatis, quae jam penitus extincta videbatur, hic semina quaedam remanserunt, quae quidem in diem crescunt, brevi tempore, ut credimus, lumen non parvum allatura. Klette, p. 40.

[3]) Neque enim hominibus ingenia desunt, neque discendi voluntas. Sed sunt, ut opinor, hac perturbatione scientiarum desiderationeque librorum omnes viae addiscendi praeclusae, ut etiam, si quis existat maxime ingenio validus maximeque discendi cupidus, tamen rerum difficultate impeditus, eo quo cupiat pervenire non possit. Non enim potest quisquam sine doctrina, sine magistris, sine libris aliquid excellens in studiis suis ostendere. Ibid. p. 53.

объясняютъ и всеобщій восторгъ отъ позднѣйшихъ находокъ Поджіо, и благоговѣніе предъ такими учителями, какъ Хризолоръ. Гуманисты не прочь были поучиться и у средневѣковыхъ философовъ, которые считали себя послѣдователями Аристотеля; но ихъ Аристотель былъ измѣненъ до неузнаваемости и въ новомъ видѣ совершенно непонятенъ[1]). Этимъ объясняется, почему переводы съ греческаго начинаются уже въ XIV столѣтіи и почему Бруни занимался ими, какъ мы увидимъ, съ такимъ усердіемъ и успѣхомъ.

Дополненіемъ къ діалогу можетъ служить „*рѣчь*" Бруни „*противъ лицемѣровъ*", направленная противъ монашества[2]). Рѣчь вызвана, повидимому, самозащитой[3]); но авторъ переходитъ въ очень рѣзкое нападеніе. Бруни требуетъ отъ монаховъ точнаго исполненія обѣта[4]), нападаетъ на нихъ во имя религіи и грозитъ страшнымъ судомъ[5]); но его отрицаніе идетъ глубже. Вся практика современнаго монашества представляется ему сплошнымъ лицемѣріемъ, средствомъ обманывать простыхъ людей[6]). Болѣе того: самую профессію Бруни считаетъ проявленіемъ лицемѣрія. По его мнѣнію, только наша глупость

---

[1]) Hi libri, quos Aristotelis esse dicunt, tam magnam transformationem passi sunt, ut si quis eos ad Aristotelem ipsum deferat, non magis ille suos esse cognoscat, quam Actaeonem illum, qui ex homine in cervum conversus est, canes suae cognoverint... Nunc vero hos Aristotelis libros, si tamen eos Aristotelis esse putandum est, et molestos in legendo et absonos videmus, tantaque obscuritate perplexos, ut praeter Sibyllam aut Oedipodem nemo intelligat. Ibid. p. 52.

[2]) *Leonardi Arretini Oratio in Hypocritas.* Изданія у Mehus'a, l. c. Я цитирую: *Ad illustrissimum et clarissimum D. D. Antonium Magliabechum serenissimo Magno Etruriae Duci a studiis proximo Poggii Florentini Dialogus et Leonardi Aretini Oratio adversus Hypocrisim. Ad fidem mss. ipsius bibliothecae nunc primum edita et emendata a Hieronimo Sincero Lotharingo Cabilo Narbonensi. Lugduni 1679.* Рѣчь составлена около времени Констанцскаго собора. См. Voigt, II, p. 215.

[3]) Quid vobis adversum me rei est, pervertissimi homines? Quid in me tam crebro venenata flagitiorum vestrorum tela jactatis etc., p. 38—9. Объ этихъ нападеніяхъ у насъ нѣтъ никакихъ свѣдѣній. См. Voigt, II, p. 215.

[4]) Ab his, qui sanctitatem et castimoniam profitentur, consentaneam professioni suae vitam requiro. Ibid. p. 46.

[5]) Ibid. p. 48.

[6]) Apparebit turpium vitiorum sentina et lupi rapacitas sub agnina pelle abscondita. Ut enim esca hamum ad piscium deceptionem, sic panni vestras ad deceptionem hominum obtegunt pravitates. Haec vos spectacula, quasi escam, in populum dimittitis, ut per hujusmodi speciei illecebram alliciantur homines et a vobis capiantur. Et vestium quidem genera ad Hypocrisim multa sunt, in cunctis tamen una regula, ut sub humilitatis specie mentes intuentium ad falsae bonitatis opinionem credulitatemque erigantur. Ibid. p. 42.

заставляетъ насъ считать монаховъ хорошими людьми за наружную святость, тогда какъ не она, а искреннее религіозное чувство улучшаетъ людей[1]). Ниже мы увидимъ, что въ этомъ пунктѣ Бруни рѣшительно расходится съ Салютати.

Въ педагогическомъ трактатѣ Бруни одинаково признаетъ важность „созерцательной" и „активной" жизни и въ своихъ литературныхъ произведеніяхъ относится ко второй еще съ большимъ вниманіемъ, чѣмъ къ первой. По крайней мѣрѣ, онъ оставилъ цѣлый рядъ переводовъ, научныхъ произведеній и трактатовъ, касающихся различныхъ сторонъ общественной и политической жизни. Сюда относится чрезвычайно интересное сочиненіе „*Споръ о знатности*"[2]), которое осталось совершенно неизвѣстнымъ новымъ изслѣдователямъ. Сочиненіе начинается краткимъ предисловіемъ[3]); затѣмъ авторъ излагаетъ содержаніе книги. Одинъ римлянинъ, *Fulgentius Felix*, человѣкъ богатый и senatorii ordinis, имѣлъ отъ своей жены Клавдіи единственную дочь Лукрецію, одаренную всѣми совершенствами. Ея руки добивались двое юношей — Публій Корнелій Сципіонъ, человѣкъ знатный и одаренный всѣми благами фортуны[4]), и Гай Фламиній, про-

---

[1]) Quamquam non est haec professio Hipocritarum, ut boni sint, sed ut boni videantur. Illud autem stultitiae nostrae, quod per ea bonitatem aestimamus, quae ad faciendum bonum virum nihil pertinent. Non enim vestis hispida, et talos ad usque profluxa toga, non praegrande capitis tegmen, non tristis et severa alienis peccatis castigandis, suis ignoscendis, curiositas, non importuna frequentatio templorum, non admiratio, admurmuratio, confricatioque picturarum, bonum virum efficiunt. Vera sinceritas animi istud praestet, opportet, non improba et captiosa ostentatio sui. Ibid. p. 40—41. Ср. p. 47.

[2]) Я пользовался двумя кодексами Парижской Національной Библіотеки (№ 7167 A и № 7862). Первый изъ нихъ озаглавленъ такъ: *Nobilitatis contentio per doctissimum virum Leonardum Aretinum de graeco in latinum translata feliciter incipit;* второй — *Magnifici viri Leonardi Aretini opusculum ornatissimum, in qua re potissimum consistat nobilitas, quod, si potis es, noscito.* Второй кодексъ полнѣе въ началѣ, хотя и не оконченъ. Я цитирую по этой рукописи, вставляя въ скобкахъ важнѣйшіе варіанты и измѣненія перваго манускрипта. Для опредѣленія хронологіи этого трактата, который, повидимому, не получилъ окончательной обработки, нѣтъ данныхъ. Во второмъ манускриптѣ есть посвященіе principi Salerni, которое отсутствуетъ въ первомъ.

[3]) Apud majores nostros saepe de nobilitate disputatum est. Multi quidem in felicitate generis, in divitiarum affluentia, plerique vero in gloria virtutis esse arbitrati sunt. Quae res quoniam mihi pulcherrima videbatur et disputatione dignissima *ac nondum absolute peroratam inveneram* (этой фразы нѣтъ въ первомъ кодексѣ), statui litteris mandare et in hoc festivo (jocundissimo) declamandi genere traducere (committere), in quo maxime veterum aetas delectabatur. Fol. 1.

[4]) Publius Cornelius, illustri ex familia (Scipionum) ortus, omnibus paene fortunae bonis affluebat. Ibid. fol. 2.

исходившій отъ менѣе знатныхъ, но честныхъ родителей и обладавшій умѣреннымъ состояніемъ[1]). Фульгенцій предоставилъ Лукреціи самой сдѣлать выборъ, и дѣвушка, подумавши и поколебавшись изъ скромности, сказала, наконецъ, отцу: „я дѣлаю твоимъ зятемъ болѣе знатнаго (nobiliorem)". Тогда между юношами возникъ споръ, который привлекъ вниманіе народа; споръ переносится въ сенатъ, гдѣ каждый изъ претендентовъ произноситъ рѣчь объ истинной знатности[2]). Обѣ эти рѣчи и составляютъ содержаніе трактата Бруни.

Первое слово принадлежитъ безспорно знатному Публію, которому нужно только теоретически оправдать свое превосходство, и онъ исчерпываетъ всю обычную аргументацію. Прежде всего знатность передается по наслѣдству вмѣстѣ съ физическими свойствами[3]). Унаслѣдованныя свойства укрѣпляются и развиваются воспитаніемъ, домашними порядками и воспоминаніями[4]). Вслѣдствіе этого знатные предки оставляютъ потомковъ, которыхъ народъ называетъ также знатными[5]), и если аристократическія фамиліи пользуются привилегіями, то это простой актъ благодарности за заслуги ихъ предковъ[6]). Богатство — необходимое дополненіе знатности[7]): оно не только придаетъ нужный блескъ, доставляетъ возможность проявлять свойственную благородству щедрость, но и составляетъ необходимое условіе для самаго существованія знатности[8]). Въ остальной части рѣчи Публій, упомянувши о своемъ богатствѣ, перечисляетъ заслуги семьи Сципіоновъ, дока-

---

1) Gaius Flaminius remissiori genere, honestis vero parentibus originem traxerat: opes autem moderatas, domesticam frugalitatem et ornatum rei familiaris mediocriter habebat. Ibid.

2) Quoniam rei novitas miranda videbatur, cum populi frequentia in contentio senatum deducitur, ubi de nobilitate hujusmodi sunt habitae orationes. Ibid. fol. 3.

3) Это разсужденіе весьма характерно: Illi enim posteris suis eam (nobilitatem) tamquam hereditarium munus relinquunt. Nam si ex sanguine, membris et ossibus atque visceribus nostris in lucem educimus liberos, quid aliud dici possunt, nisi propriae nostrorum corporum partes? Necesse est igitur parentum gloriam in liberos tamquam in partes suas diffundi ac pariter in liberis omnem posteritatem (in ceteram deinceps posteritatem); hinc parentum imagines in ipsis liberorum vultibus quasi insitae atque ingenitae (sunt). Ibid. fol. 3—4.

4) Adjiciuntur insuper continuae educationes, domesticae consuetudines et assidua dictorum factorumque conversatio. Ibid. fol. 4.

5) Quos enim nobiles appellat vulgus, nisi quos nobilissimi parentes genuerunt? Ibid. fol. 6.

6) Nihil profecto beatius atque dulcius illorum animis afferri potest, quam ut liberi, eorum reliquiae, recordatione majorum in maximis rei publicae muneribus imperiisque venerentur. Ibid. fol. 5.

7) Hanc praeterea generis nobilitatem opum affluentia decorat. Ibid. fol. 6.

8) Quot enim inopia rerum electissimi viri dispecti vilesque facti sunt? Ibid.

зываетъ на основаніи этого свое право на пальму первенства въ спорѣ о благородствѣ и проситъ Лукрецію выбрать его своимъ мужемъ, а сенатъ произнести приговоръ въ его пользу.

Гай начинаетъ свою рѣчь указаніемъ на то, что его соперникъ основываетъ свое право на подвигахъ предковъ, ничего не говоря о самомъ себѣ[1]). По его же мнѣнію, знатность заключается не „въ чужой славѣ" и не въ богатствахъ, а въ личной добродѣтели; подобно тому какъ духовное превосходство отличаетъ человѣка отъ животныхъ, такъ и люди отличаются другъ отъ друга духовными достоинствами[2]). Что касается до наслѣдственной знатности, то онъ не придаетъ ей никакой цѣны: по рожденію всѣ люди равны между собою[3]). Происхожденіе не имѣетъ никакой цѣны: Сервій Туллій, Сократъ и многіе другіе были великими людьми, несмотря на низкое происхожденіе; происхожденіе самаго Рима никоимъ образомъ не можетъ быть названо знаменитымъ. Съ другой стороны, многіе знатные ведутъ такую жизнь, которая уничтожаетъ въ нихъ всякое благородство[4]). Приведя рядъ примѣровъ доблести простыхъ людей и безнравственности знатныхъ, Гай дѣлаетъ выводъ, что истинная знатность не можетъ заключаться ни въ происхожденіи, ни въ богатствахъ[5]). Рѣчь заканчивается изображеніемъ добродѣтельной жизни оратора и пороковъ его противника. Въ трактатѣ мы не находимъ ни сенатскаго приговора, ни рѣшенія Лукреціи; но симпатіи автора совершенно

---

[1]) In genere atque opibus sibi ascribere nobilitatem et propterea (praeterea) fortia (eggregia) facta majorum suorum praedicavit. Id tandem tota sua oratio continuit (фраза выпущена въ первомъ кодексѣ), de se vero nihil commemorans. Ibid. fol. 10.

[2]) Ego vero non in aliena gloria aut in falsis (fictis) fortunae opibus, sed in vera propriaque animi virtute (hominis) nobilitatem esse existimo: nihil enim aliud est nobilitas, nisi excellentia quaedam, qua digniora indignioribus praestant. Sicut igitur homo animi praestantis (praestantia) dignior (nobilior) est caeteris animantibus, ita quidem claritudine animi tantum homo homini antecellit... Constat igitur ex sola animi virtute nobilitatem veram defluere. Non ergo divitiarum cumulus aut amplitudo generis dare aut eripere nobilitatem potest. Est enim (illius) propria sedes nobilitatis animus. Ibid. fol. 11.

[3]) Neque quisquam tam inops, tam vilis aut tam abjectus est, qui ab initio nascendi non parem cum regum (слово выпущено въ первомъ кодексѣ) et imperatorum filiis habebat animum, qui non illum splendorem (ore virtutis atque) nobilitatis gloria decorare possit. Ibid. fol. 12.

[4]) Putasne, Corneli, hos nobiles esse appellandos, quorum vita eo miserior fuit, quo praestantius lumen nobilitatis extinxerunt? Ibid. fol. 15. Здѣсь прерывается второй кодексъ.

[5]) Si in paupertate atque inopia viventibus maximus nonnunquam refulsit virtutum splendor, manifestum est nullam esse divitiarum aut generis nobilitatem. Cod. № 7167 fol. 79.

ясны: *это тотъ самый индивидуалистическій протестъ противъ родовой и вообще наслѣдственной аристократіи, который, начинаясь съ Петрарки и Боккаччіо, красной нитью проходитъ черезъ все движеніе.*

Вопросовъ практической жизни касается другой трактатъ Бруни — „*О военной службѣ*“ или „*О военномъ дѣлѣ*“ [1]). Въ введеніи авторъ прямо заявляетъ, что цѣль всякаго литературнаго произведенія, какой бы темы оно ни касалось, заключается въ томъ, чтобы содѣйствовать „пониманію добродѣтели“ [2]). Въ данномъ случаѣ Бруни имѣетъ въ виду выяснить, 1) что̀ такое военная служба и что̀ такое солдатъ, 2) въ какомъ отношеніи находится современная служба къ древней, 3) каковы обязанности солдата въ мирное время и какъ онъ долженъ одѣваться. Къ рѣшенію этихъ вопросовъ авторъ думаетъ прійти отчасти историческимъ, отчасти философскимъ путемъ, выяснивши происхожденіе и сущность военной службы [3]). Бруни начинаетъ съ выясненія положенія солдата въ государствѣ, при чемъ предварительно опредѣляетъ отношеніе государства къ личности. Здѣсь онъ стоитъ на античной точкѣ зрѣнія: государство распредѣляетъ обязанности между гражданами, доставляетъ имъ необходимое, устраняетъ чуждое — словомъ держитъ гражданина въ полной опекѣ [4]). Но авторъ различаетъ теоретическое или идельное государство отъ

---

[1]) *De militia* или *De re militari ad Raynaldum Albicium, equitem Florentinum.* Трактатъ былъ напечатанъ въ слѣдующемъ сочиненіи: *Osservazioni e dissertazioni varie sopra il diritto feudale concernenti l'istoria e le opinioni di Antonio da Pratovecchio, celebre giureconsulto del secolo XV e riformatore dei libri de'Feudi. Si aggiunge un opusculo inedito di Leonardo Aretino. Livorno. 1764.* Я не могъ воспользоваться этой книгой и цитирую по рукописи Миланской *Ambrosiana. Cod. H 91 Super.*

[2]) Cum sit nulla res tam muta, nulla tam dissentiens forma, quae non possit comminiscendo ac subornando ad intellectum virtutis referri. Ego autem cohortandos ad virtutem non solum milites, sed omnes omnino homines puto. Nam virtus omnibus communis est. Sribentis tamen esse censeo in re, quam proposuit, discutienda persistere. Fol. 119.

[3]) Sermo totus sic a nobis instituetur, ut primum quaenam fuerit hujus praeclari muneris origo et institutio aperiamus, ex quo et jam palam fiet, quid sit militia et miles, deinde quemadmodum nostra haec militia primaevae illi vetustaeque... condemus; tertio si id videbitur, de auro ornatuque militari et an sit ullum in pace militis officium disseremus. Ibid.

[4]) Cum homo civile sit animal, miles autem homo cuncta militaris institutio a civitate tamquam a capite repetenda est. Civitas enim totius vitae cunctorum humanorum munerum princeps est et perfecturix. Haec enim officia inter cives distribuit et necessaria providet, aliena repellit, ac ex multorum coetu singulorum deffectui supplementum inducit, ut illa demum sint officia existimanda, quae ab illius ordine institutoque processint. Ibid. fol. 119.

реальнаго, которое существуетъ въ дѣйствительности[1]), и опредѣляетъ положеніе солдата въ томъ и другомъ. Для этого онъ разсматриваетъ политическія теоріи древнихъ, иногда вноситъ въ нихъ весьма характерныя поправки[2]) и даетъ такое опредѣленіе государства, съ которымъ согласны всѣ философы[3]): государство произошло вслѣдствіе того, что слабые соединились вмѣстѣ для взаимной защиты; но не всякое сборище заслуживаетъ такого названія, а только то, которое по своей организаціи въ себѣ самомъ находитъ необходимыя средства для благоденствія и не нуждается для этого во внѣшней поддержкѣ[4]). Для такой организаціи войско необходимо, и оно занимаетъ важное мѣсто во всѣхъ построеніяхъ идеальнаго государства, изъ чего Бруни выводитъ важность и высокое достоинство этого института[5]). Отсюда же выводитъ авторъ и этимологію слова miles отъ malum arcent, потому что такое толкованіе даетъ болѣе подходящій смыслъ, чѣмъ всѣ прочія[6]).

Затѣмъ Бруни переходитъ къ положенію войска въ реальномъ государствѣ, образцомъ котораго можетъ служить древній Римъ, обладавшій наилучшей организаціей[7]), при чемъ старинныя учрежденія авторъ постоянно сравниваетъ съ современными. Интересъ этой части трактата заключается, во-первыхъ, въ отношеніи автора къ нѣкоторымъ вопросамъ Римской исторіи. Такъ, Ромулова конституція представляется ему несомнѣннымъ и прочнымъ учрежденіемъ[8]); патриціи,

---

[1]) Forma vero civitatis duplex est: una limatior et a sapientibus cogitata litteris solum et ingenio constans, altera, qualem in usu et re vera civitatem videmus. Ibid. Весьма характерно различіе, которое дѣлаетъ Бруни между идеальнымъ и реальнымъ государствомъ: ante omnia tamen illud intelligendum est, quia primam civitatis formam ratio efficit, secunda imbecillitati subjacet humanae. In illa constituentis voluntas, in hac potestas magis attenditur. Ibid. fol. 121.

[2]) Особенно характерно замѣчаніе Бруни по поводу мнѣнія Филеаса Карѳагенскаго, который замѣняетъ ремесленниковъ публичными рабами. Hujus, ut opinor, vox, говоритъ Бруни, haud aequis auribus Florentiae fuisset excepta neque sane alioquin probandam ejus sententiam reor. Admiscet enim naturalibus principiis servitutem, quam esse contra naturam omnes fatentur. Ibid. fol. 121.

[3]) Convenit inter omnes philosophos. Ibid. fol. 119.

[4]) Nec tamen omnis congregatio hominum civitas est, sed illa tantum, quae ex suis partibus eam perfectionem sit consecuta, ut nulla externa quaesit ope, in se ipsa satis habeat ad benevivendum. Ibid. fol. 120.

[5]) Ex quo fit, ut militia et miles non solum a laudabili et honesto, verum etiam a necessario et naturali principio deduci appareant. Ibid. fol. 120.

[6]) Бруни полемизируетъ противъ тѣхъ, которые производятъ это слово отъ duricies или отъ mille. Ibid. fol. 121.

[7]) Romana civitas ceterarum princeps optimeque constituta. Ibid.

[8]) Non jam ficta et umbratilis, sed vera et solida. Ibid. fol. 123.

по его мнѣнію, избирались изъ всадническаго сословія[1]); убійство Гракха Сципіономъ Назикой считается дѣломъ чрезвычайно похвальнымъ[2]) и т. п. Глубокое уваженіе къ античному міру красной нитью проходитъ черезъ весь трактатъ; тѣмъ не менѣе Бруни не чуждъ критицизма. Такъ, онъ осуждаетъ патриціевъ за ихъ презрѣніе къ нобилитету и рѣшительно высказываетъ ту точку зрѣнія на знатность, которая развита въ трактатѣ De nobilitate[3]). Изъ разсмотрѣнія государственнаго строя въ древнемъ Римѣ авторъ приходитъ къ такому же выводу о значеніи войска, какъ и въ первой части трактата[4]), при этомъ отмѣчаетъ нѣкоторое сходство современнаго военнаго строя съ древнимъ[5]) и тѣ стороны античнаго военнаго устройства, которыя необходимо сохранить и въ современномъ государствѣ. Постояннаго войска не нужно, потому что его не было у предковъ[6]); но особенно полезны два древнихъ учрежденія: во-первыхъ, чтобы плебеямъ былъ открытъ доступъ къ всадническому сословію и къ знатности, потому что такимъ путемъ предоставляется широкій просторъ личнымъ способностямъ; во-вторыхъ, чтобы существовала военная присяга[7]).

Третью часть трактата Бруни начинаетъ рѣзкимъ нападеніемъ на современныхъ воиновъ за ихъ страсть къ золотымъ мундирамъ и противополагаетъ имъ скромное украшеніе римскихъ всадниковъ. Затѣмъ авторъ переходитъ къ обязанностямъ солдата въ мирное время и сводитъ ихъ къ вооруженной защитѣ слабыхъ отъ притѣсненій сильныхъ. Тонъ Бруни въ разсужденіяхъ по этому поводу весьма

---

1) Patres et patriciae familiae ex equestri ordine lectos non ambigo. Ibid.

2) Ibid. fol. 127.

3) Говоря, что патриціи не считали своими нобилей, Бруни замѣчаетъ: quod faciant per me licet, nihil enim repugno, modo illud fateantur initium suae nobilitatis fuisse, cum primum ex plebe ac multitudine ad equestrem pervenerint dignitatem, nec si ascendendo ad celsiores pervenerint gradus, ut jam ceteros despiciant, magis id refert mea, quam si reges nemini praeter se generis claritatem esse contendant. Sed certe, ut quidam clarus, qui non rex, sic et quidam nobilis, qui non patricius. Ibid. fol. 123.

4) Militia vero est res ipsa et quidem honestissima et maxime necessaria ad civitatem continendam. Ibid.

5) Какъ въ Римѣ всадники, сдѣлавшись сановниками, получили новое названіе, quemadmodum si in hac nostra militia constituto regnum vel principatus obveniat, non amplius militem, sed regem vel principem dicimus. Ibid. fol. 122.

6) Perpetuos milites esse noluerint. Ibid. fol. 123.

7) Unum est nobilitatem equis, pleben pedibus militare solitam; alterum, qui miles non esset, ei pugnare in hostem inlicere. Dico igitur militiam hanc nostram ista duo praestare: primum ut ex plebe ad equestrem ordinem in splendorem nobilitatemque traducat; secundum, ut legitimum pugnatorem per sacramentum efficiat. Ibid.

характеренъ: то, что въ наше время просто называется разбоемъ, въ концѣ XIV столѣтія чуть не обычное явленіе, борьба съ которымъ возлагается не на государство, а на частное лицо. Когда сильный причиняетъ насиліе слабому, то, по мнѣнію Бруни, воинъ долженъ не къ суду его вести, а поступать какъ Сципіонъ съ Гракхомъ[1]). Эпизодъ изъ революціоннаго періода римской исторіи принимается, какъ норма при современныхъ порядкахъ мирнаго времени. Трактатъ заканчивается монологомъ добродѣтельнаго воина и обращеніемъ родины съ увѣщаніемъ къ порочному[2]).

Теоретическіе трактаты Бруни имѣютъ чрезвычайно важное значеніе для характеристики гуманистическаго движенія въ концѣ XIV и въ началѣ XV вѣка[3]). Индивидуализмъ, характеризующій первыхъ гуманистовъ, составляетъ характерное свойство и трактатовъ Бруни; но здѣсь онъ *получилъ болѣе широкое и болѣе глубокое развитіе.* Религіозное чувство, дававшее столь своеобразную окраску сочиненіямъ раннихъ гуманистовъ, здѣсь не играетъ никакой роли. Бруни человѣкъ вѣрующій, какъ это видно изъ его трактата о воспитаніи; но религія остается для него чѣмъ-то внѣшнимъ и не оказываетъ никакого вліянія на его воззрѣнія. *Міросозерцаніе Бруни отличается совершенно свѣтскимъ характеромъ:* такова его философія, педагогика и политика. Средневѣковые аскетическіе идеалы утратили всякую жизненность и это отразилось на всѣхъ его сочиненіяхъ. Въ Isagogicon онъ ясно и опредѣленно формулируетъ необходимость новаго міросозерцанія и *строитъ его на чисто индивидуалистическомъ началѣ.* Въ основу морали и воспитанія онъ полагаетъ столь чуждый предшествующей эпохѣ принципъ, что человѣческая природа по существу обладаетъ наклонностью къ добру, и задача моральной философіи сводится къ отысканію сообразныхъ съ этимъ принципомъ правилъ, а задача воспитанія — найти такія же педагогическія средства, при чемъ физическая сторона нашей природы подлежитъ

---

[1]) Pellebat imbecillum potentissimus ac nullo jure neque judicio, sed vi armesque fundo paterno deijciebat. Non est hic disceptatio fori nec opus advocatorum et disertorum, sed viribus et lacertis opus est. Opponit se ergo miles, imbecillumque tutatur, non scientia legum, non eloquentia et dicendi arte, nam id advocati vel oratoris esset, sed viribus et pectore injuriam propulsat... non esse tunc pacem, cum jus affertur civibus et esse profecto eos, qui vim afferant, verbo quidem cives, re vera hostes. Ibid. fol. 127—128.

[2]) Ibid. fol. 129.

[3]) Mazzuchelli (l. c. II, 4, p. 2217) называетъ еще *Dialogus inter Ciceronem et Philistium* (Si conserva a penna nel Collegio di Santa Maria Maddalena in Oxford al Cod. 39) Мнѣ этотъ діалогъ остался неизвѣстнымъ; о немъ не упоми-

развитію, а не подавленію. Въ этикѣ, а главнымъ образомъ въ политикѣ индивидуализмъ переходитъ уже въ раціонализмъ: соціальныя отношенія строятся на принципѣ личныхъ достоинствъ, значеніе политическаго института выводится изъ теоріи о происхожденіи и цѣли государства.

Другая черта, отмѣченная нами у первыхъ гуманистовъ — *критицизмъ получаетъ у Бруни болѣе широкій и послѣдовательный характеръ* и обнаруживается между прочимъ въ отсутствіи исключительности. Безусловнаго преклоненія передъ какимъ бы то ни было авторитетомъ незамѣтно у Бруни: онъ критически относится къ древнимъ философамъ въ Isagogicon, къ античному Риму и языческимъ политикамъ въ De Militia, къ Петраркѣ и Боккаччіо въ діалогахъ къ Верджеріо. Съ другой стороны, онъ рѣзко полемизируетъ съ представителями средневѣковой науки, глубоко отрицаетъ монашество, что не мѣшаетъ ему высоко ставить проникнутую старыми воззрѣніями Божественную Комедію. Классическая латынь предметъ симпатій Бруни, но онъ не отрицаетъ и народной рѣчи; ученыя занятія — его спеціальность, но онъ признаетъ важность и такихъ профессій, какъ военная служба. Дополненіе и дальнѣйшее развитіе этихъ взглядовъ мы встрѣчаемъ въ другихъ произведеніяхъ Бруни и прежде всего въ его перепискѣ.

III.

Курія Иннокентія VII. — Бруни и значеніе его переписки. — Инвективы и рѣчи Бруни. — Значеніе его переводовъ.

Письма Бруни[1]), являясь незамѣнимымъ источникомъ для его фактической біографіи, служатъ въ то же время важнымъ дополненіемъ къ его теоретическимъ трактатамъ и введеніемъ къ его научнымъ произведеніямъ, хотя у новыхъ изслѣдователей мы и не находимъ

наетъ ни одинъ изъ новыхъ изслѣдователей. То же самое и упомянутый Maz. (l. c. p. 2213) трактатъ *De liberalitate*.

[1]) *Leonardi Aretini Epistolarum libri VIII ad fidem codd. mass. suppleti et castigati et plusquam XXXVI epistolis, quae in editione quoque Fabriciana deerant, locupletati. Recensente L. Mehus, qui Leonardi vitam scripsit, Manetti et Poggii orationes praemisit, indices, animadversiones, praefationemque adjecit, librum nonum ac decimum in lucem protulit. Accesere ejusdem epistolae Populi Florentini nomine scriptae, nunc primum ex Codd. Mss. in lucem*

ихъ анализа[1]). Бруни велъ обширную переписку; но началъ собирать ее сравнительно поздно и только потому, что появились подложныя письма отъ его имени[2]). Наличныя письма, сохраненныя авторомъ и дополненныя позднѣйшими издателями, можно раздѣлить на три категоріи: одни касаются личныхъ дѣлъ автора[3]), другія описываютъ современныя ему событія[4]) и третьи трактуютъ о научныхъ и философскихъ вопросахъ[5]). Значеніе первой категоріи исчерпывается главнымъ образомъ данными для біографіи Бруни и его отношеній къ современникамъ. Особеннаго вниманія заслуживаютъ здѣсь тѣ его письма, которыя характеризуютъ его отношеніе къ Салютати. Заболѣвши въ Витербо лихорадкой, Бруни просилъ Салютати, „какъ отца", прислать ему вина, но Коллюччіо вмѣсто этого прислалъ больному автору суровый упрекъ за его преданность тѣлеснымъ наслажденіямъ. Такое отношеніе крайне обидѣло Бруни; тѣмъ не менѣе онъ жалуется на эту обиду Никколи, а въ письмѣ къ Салютати смолчалъ о ней и чувствовалъ раскаяніе даже въ томъ, что сдѣлалъ нѣсколько крити-

---

erutae. Partes I et II Florentiae 1741. Два неизданныхъ письма Бруни къ Никколи напечаталъ Zippel, Nicolò Niccoli, p. 92 и слѣд. Пять писемъ, изъ которыхъ три неизданныя, напечаталъ *Sabadini (Briciole umanistiche* въ Giorn. stor. d. lett. ital. XVII, p. 218 и слѣд.). Одно письмо издалъ *Combi* (Epistole di P. P. Vergerio, p. 205)

[1]) Voigt, только упоминаетъ о перепискѣ (l. c. I p. 312 и II p. 437); Гейгеръ даетъ очень краткое изложеніе ея содержанія (l. c. p. 100—101) *Invernizzi (Storia letteraria d'Italia scritta da una società d'amici sotto la direzione di Pasquale Villari. Il Risorgimento, il secolo XV per Giosia Invernizi.)* только подробно излагаетъ письмо Бруни о народномъ языкѣ въ Римѣ и ограничивается очень краткимъ и неточнымъ изложеніемъ содержанія остальныхъ, хотя въ письмахъ онъ видитъ доказательство того, что „Бруни не могъ вложить въ формы античной литературы нового содержанія, потому что новое содержаніе еще не образовалось въ его мысли" (p. 84—85).

[2]) Сначала Бруни не придавалъ значенія своей перепискѣ. Quid enim habere laudis epistolae possunt, familiares praesertim et de rebus contingentibus scriptae? Itaque ego ipse spernens satis longo tempore nullas servari. Postea vero cum intellexissem quasdam pro meis circumferri, quam meae non essent, conquirere illas coepi et quas postea scripsissem servare, non tamen omnes, sed eas tantum, quae haberent in se narrationem rei non quotianae. Ibid. VII, 10.

[3]) Сюда относятся: I, 1, 2, 3, 9, 10, 12, 13, 15; II, 4, 6, 19—14, 18, 20; III, 2—8, 10, 14—18; IV, 1, 4, 6, 9—18, 20, 21, 23; V, 3—8; VI, 2, 7, 8, 11; VII, 1, 7, 8, 9; VIII, 3, 6; IX, 3, 4, 8, 9, 10, 11, 13; X, 1—21, 23.

[4]) Сюда относятся: I, 4, 5, 11; II, 2, 3, 7, 8, 15, 17, 19, 21, 22; III, 1; IV, 3.

[5]) Сюда относятся: I, 6, 7, 8, 14; II, 1, 5. 16; III, 9, 13, 19, 20; IV, 5, 7, 8, 19, 22; V, 1, 2, 5; VI, 1, 3, 4, 5, 9, 10; VII, 2, 3, 4, 5, 10; VIII, 1, 2, 4, 5, 7, 8; IX, 1, 2, 5, 6, 7, 12, 22; X, 24, 25, 26.

ческихъ замѣчаній по другому поводу[1]). Послѣ смерти Салютати Бруни имѣлъ въ виду составить ему похвальную рѣчь, хотя, повидимому, это намѣреніе осталось неосуществимымъ[2]). Зато онъ прилагаетъ всѣ старанія, чтобы добыть пребенду для болѣзненнаго сына Салютати, который былъ порученъ умирающимъ отцомъ его спеціальному попеченію. Бруни выпросилъ у папы для себя каноникатъ во Флоренціи и потомъ уступилъ его младшему Коллюччіо. Это было большою жертвою со стороны Бруни, высоко цѣнившаго матеріальныя средства, и мы не имѣемъ основанія сомнѣваться въ искренности его объясненія своихъ стараній: Коллючіо былъ для него настоящимъ отцомъ; ему онъ обязанъ за свое воспитаніе и образованіе[3]).

Вторая категорія писемъ — важный источникъ для исторіи папъ отъ Иннокентія VII до Констанскаго собора включительно. Болѣе всего занимаетъ Бруни вопросъ о прекращеніи схизмы[4]). Отчасти онъ желаетъ этого по личнымъ разсчетамъ — тогда служба будетъ и доходнѣе, и спокойнѣе[5]); но схизма оскорбляетъ въ немъ патріотическія и религіозныя чувства. По крайней мѣрѣ, когда Григорій XII отказался вопреки обѣщанію прійти въ Саону, куда прибылъ его противникъ, Бруни, несмотря на свою привязанность къ папѣ, разражается противъ него цѣлымъ рядомъ самыхъ рѣзкихъ упрековъ[6]).

---

[1]) Ego cum ad eum rescribens, cum plane stomacharer, ad hoc ipsum resprondere nolui, veritus, ne, si respondere coepissem, impetus me ultra, quod vellem, corriperet. Itaque eam transgressus partem alia quaedam levia, quae inepte quidem ejus epistola continebat, non absque aculeis quibusdam insectatus sum et hoc ipsum fecisse me poenitet. I, 10.

[2]) Въ письмѣ къ Николли (II, 1) Бруни горько жалуется на затрудненія, которыя онъ встрѣчаетъ въ этомъ дѣлѣ. Другихъ слѣдовъ задуманной рѣчи мы не находимъ ни въ перепискѣ Бруни, ни въ его сочиненіяхъ.

[3]) Quid enim, si me genuisset ille, plus aut caritatis, aut benevolentiae, aut amoris mihi potuit importiri? Multi genitores a filiis se rogare expectant, ille semper mihi ultro et inrogatus mihi occurit. Multi frena dimittunt, cum adolescere ceperunt; ille in hac ipsa aetate mei suscipiens, punquam e curriculo deflectere passus est, sed monendo, castigando, incendendo ad virtutem praestantiamque direxit. Quod graecas didici litteras, Collucii est opus; quod latinas inleviter inspexerim, Colluccii est opus; quod poëtas, quod oratores, quod scriptores ceteros legerim, didicerim, cognorim — Colluccii est opus. Nemo unquam parens in unico dirigendo filio tam sedulus fuit, quam ille in me, cujus ingenium, in quo tamen amore nimio decipiebatur, ita natum ad haec studia praedicabat, ut si aliorsum diverterem, manus sese mihi allaturum ac vi retracturum minaretur (II, 11). Эти слова могутъ служить превосходнымъ комментаріемъ къ діалогу ad P. Histrum.

[4]) См. II, 4, 7, 17 и 22.

[5]) II, 4.

[6]) O rem acerbam, et non praesentium modo Italorum, sed posterorum quoque

Третья категорія писемъ Бруни чрезвычайно важна для характеристики его міросозерцанія. Здѣсь онъ касается почти всѣхъ тѣхъ вопросовъ, которымъ посвящены его философскіе трактаты и научныя произведенія, и по временамъ даетъ новое или болѣе полное имъ освѣщеніе. Такъ, формальное отношеніе къ религіи и малый интересъ къ ней, что мы отмѣтили въ его теоретическихъ работахъ, находятъ новое подтвержденіе въ перепискѣ. Когда вліятельный меценатъ-гуманистъ, Франческо Барбаро, началъ изучать свящ. Писаніе, Бруни восхваляетъ его за это; но превыспреннія похвалы занятіямъ[1]), которыя всегда были чужды интересамъ Бруни, производятъ впечатлѣніе холодной реторики. Это настроеніе съ полной ясностью выразилось по другому случаю. Одинъ изъ адресатовъ Бруни хотѣлъ заняться еврейскимъ языкомъ, чтобы лучше ознакомиться съ источниками нашей вѣры, и Бруни рѣшительно осуждаетъ его намѣреніе. Это занятіе кажется ему „мало полезнымъ" и даже „излишнимъ". Все, что есть хорошаго въ еврейскихъ книгахъ, переведено на латинскій языкъ и „не легкомысленными людьми, а авторами чрезвычайно серьезными и учеными. Можетъ быть, ты не довѣряешь этимъ переводчикамъ и стремишься подвергнуть ихъ изслѣдованію и осужденію? Если это ты сдѣлаешь, то, повѣрь мнѣ, ты нелѣпый (ineptus) человѣкъ. Но ты говоришь, что мы должны прежде всего искать высшаго блага и богопознанія. Съ этимъ я согласенъ, но ты сильно заблуждаешься, считая необходимымъ для этого знаніе еврейской литературы". Бл. Августинъ, св. Василій и многіе другіе познали Бога и безъ еврейскаго языка, а съ другой стороны многіе

---

dedecus ingens! Quid enim turpius nobis accidere potuit? quid foedius, quid ignominiosius?.. Haec tu scribere audes, dicet quispiam, cum sis in Pontificis familiaribus? Protinus ita. Quid enim nunc aduler, et alia sentire me fingam? Unus quippe christianorum sum et unus Italorum. Alteros fraudari unitate et pace alteros ut infidos et foedifragos in crimen vocari disrumpor. Non tu igitur Pontificem amas? Immo plus certe, quam isti, qui mentiendo et adulando diversa illi suaserunt. Ego enim veram Pontificis gloriam concupivi. Ea profecto fuit in unitate et pace Christiano populo, ut promiserat, exhibenda, quo quid gloriosius, quid immortalius esse potuit? (II, 21).

[1]) Si enim omnes Musae, quod supra diximus, dulces sunt, quanto illae magis, quae verae sunt Musae? Si vox poëtae in re ficta delectat, quanto magis vox Dei delectabit in vera? Et si praecepta hominis discentibus prosunt, quanto magis proderunt divina? Quare te currentem, ut video, vehementer cohortor ad hujus optimi perfectissimique operis insudationem. III, 17. Аналогичное письмо адресовалъ Бруни Тортелли, который слушалъ знаменитаго монаха и теолога Gasparum Bononiensem, summum meo judicio hominem, quem vera philosophia veraque scientia non fatua umbratilique imbutum sensi jamdiu atque expertus sum (IX, 9).

весьма образованные евреи не только не пріобрѣли изъ своихъ книгъ истиннаго богопознанія, но остались крайне враждебными нашей религіи. Въ заключеніе Бруни рекомендуетъ своему адресату для достиженія высшаго блага изучать Евангеліе, отцовъ церкви, постановленія соборовъ и богословскіе споры[1]). Но указывая другимъ на обычные пути традиціонной философіи и морали, самъ онъ не удовлетворяется ея ученіемъ[2]) и ищетъ указаній въ языческой философіи.

Стремленіе составить себѣ опредѣленныя этическія воззрѣнія съ помощію греческихъ философовъ, о которомъ Бруни говоритъ въ Isagogicon, обнаруживается съ полной ясностью и въ перепискѣ. Мы не находимъ здѣсь систематическаго изложенія этики; но нѣкоторыя письма составляютъ важный комментарій къ Isagogicon. Бруни слѣдуетъ преимущественно Аристотелю, къ которому вообще относится съ большимъ интересомъ и уваженіемъ. Въ одномъ письмѣ онъ доказываетъ, что Аристотель не могъ быть ученикомъ Сократа[3]); въ другомъ, что онъ обладалъ краснорѣчіемъ[4]); въ третьемъ до небесъ превозноситъ его политику[5]). Съ такимъ же почтеніемъ относится Бруни и къ Платону. Въ одномъ письмѣ онъ называетъ его „богомъ философовъ“[6]), въ другомъ осыпаетъ цѣлой массой восторженныхъ похвалъ[7]). Иначе относится онъ къ эпикурейцамъ и стоикамъ. Эпи-

---

1) IX, 12.

2) Объ аскетизмѣ Бруни ничего не говоритъ въ своей перепискѣ и только мимоходомъ обнаруживаетъ свое отношеніе къ монашеству. Въ одномъ письмѣ (III, 15) онъ удивляется Никколи, что тотъ горячо поддерживаетъ одного монаха, желавшаго оставить свое званіе, quasi, vero desiderium aut honestum, aut tolerabile videri possit. Nam quod causas allegat, velamenta quidem illa sunt inconstantiae et vaccilationis. Но изъ этого отдѣльнаго случая, подробности котораго неясны, не слѣдуетъ думать, что Бруни въ перепискѣ иначе относится къ монашеству, чѣмъ въ Oratio in Hypocritas. Заподозрѣвши одного монаха въ клеветѣ, онъ такъ его квалифицируетъ: *professione* hypocrita, patria Sodomites... cujus una dumtaxat cura est in angulis atque in umbris latentem cevere (IV, 23).

3) VI, 3.

4) IV, 22.

5) VIII, 1.

6) V, 2.

7) Est enim in illo plurima urbanitas, summaque disputandi ratio ac subtilitas, uberrimae divinaeque sententiae disputantium mirifica jocunditate et incredibili dicendi copia referuntur etc (I, 8). Только въ политикѣ Бруни отдаетъ рѣшительное преимущество Аристотелю. На совѣтъ перевести политическое сочиненіе Платона, онъ отвѣчаетъ: equidem libros illos jampridem latinos facere aggressus essem, si mihi placerent. Sed multa sunt in iis libris abhorrentia moribus nostris, quae pro honore Platonis tacere satius est, quam proferre (IX, 4). О Политикѣ Аристотеля, наоборотъ, онъ говоритъ: equidem affirmare ausim,

кура онъ называетъ еретикомъ въ философіи[1]) и совершенно не раздѣляетъ ученія стоиковъ о счастьѣ. Онъ признаетъ, что для счастья, которое есть и высшее благо, необходима добродѣтель[2]); но одной ея недостаточно для счастья[3]), которое требуетъ совокупности благъ и не только духовныхъ, но и тѣлесныхъ[4]). Въ связи съ вопросомъ о счастьѣ Бруни касается въ перепискѣ другого вопроса — объ относительномъ достоинствѣ созерцательной и дѣятельной жизни. Его симпатіи несомнѣнно на сторонѣ послѣдней, которая болѣе свойственна человѣку и ведетъ къ счастью[5]). Но авторитетъ Аристотеля заставляетъ его допустить, что и созерцательная жизнь можетъ вести къ счастью того, „кто обладаетъ мудростью, знаніемъ, пониманіемъ и другими интеллектуальными добродѣтелями", подъ условіемъ „долголѣтія, тѣлеснаго здоровья и другихъ удобствъ". Этотъ идеалъ „обезпеченнаго досуга" и счастливой жизни, по мнѣнію Бруни, былъ осуществленъ бл. Августиномъ, св. Василіемъ и многими другими[6]).

---

nullum esse opus latinae linguae, de litteratis loquor, quod huic Aristotelis operi sit anteponendum dignitate rerum tractarum et auctoritate scriptoris (VIII, 1).

[1]) Quid insanius, quam a Platone et Aristotele discedentem Epicuro inhaerere, damnato jampridem homini atque, ut ita dixerim, in philosophia haeretico (V, 2).

[2]) Felicitatem esse operari secundum virtutem perfectam in vita perfecta. (IX, 2).

[3]) Virtus ad bonum quidem virum faciendum satis sit, ad felicem vero faciendum non sit satis (X, 20).

[4]) Эту мысль Бруни обстоятельно развиваетъ въ замѣчательномъ письмѣ о томъ, что *богатство есть благо,* при чемъ дѣлаетъ рѣзкую выходку противъ стоиковъ. Nec animi quidem bona si sola sint, beatum facere possunt, nisi forte hunc in Phalaridis tauro constitutum dicas beatum fore, quomodo tu, ut opinor, beatus esse noles. Ego certe, ut affirmare de me valeo, hanc beatitudinem longe aspernor ac satis esse, puto, non miserum esse concedamus, beatum vero dicere in carcere, in tormentis, in egestate, in suppliicis, in trucidatione filiorum vereor, ne vox illa sit non hominis quidem, sed cautis potius cujusdam, et scopuli humanitatem penitus omnem a se rejicientis. Virtus enim bonum quidem virum efficere potest, ad beatum vero faciendum ipsa per se non est satis. Aggregatio enim bonorum existat opportet. Atque ut anima, quam corpus, longe praestantior est, corpore tamen indiget, ut sit homo; sic et animi bona praestantiora esse fateor, indigere tamen corporis externisque bonis, ut sit felix (V, 2).

[5]) Neque contemplativa propria est hominis vita, sed activa... Civilis enim vita multis indiget, ac tunc demum beata est et felix, cum omnium bonorum aggregatione perficitur (IX, 2).

[6]) Quicunque enim magno ingenio praediti hoc vitae genus vere ac non simulate eligere voluerint et assidua sedulitate cognitioni et indagationi rerum puro animo incumbere tales (т-е. felices) fieri possunt, modo longitudo vitae ac sanitas corporis ceteraque opportuna non desint. Magni viri Augustinus et Basilius et alii ex nostris permulti hanc vitam sectati sunt; ex gentilibus vero Pythagoras et Plato et alii etiam permulti. Ibid.

Ясно, что толкованіе монашескаго уединенія на гуманистическій ладъ, начатое еще Петраркой, привело къ совершенно извращенному пониманію аскетическаго идеала.

Раціонализмъ, отмѣченный нами въ трактатахъ Бруни, находитъ весьма своеобразное выраженіе въ его перепискѣ. Прежде всего разумъ оцѣнивается гораздо выше всѣхъ другихъ психическихъ свойствъ человѣка. Одинъ изъ адресатовъ Бруни, венеціанскій гуманистъ Лауро Квирини, выразилъ мысль, что „воля благороднѣе разума", и Бруни съ крайней рѣзкостью возстаетъ противъ этого „абсурда"[1]). Въ другомъ письмѣ онъ весьма характерными аргументами доказываетъ, что зависть лучше глупости, предполагая, что порокъ такъ же неисправимъ, какъ и психическій недостатокъ. „Зависть не невѣжественна, говоритъ Бруни, а глупость невѣжественна, и насколько знаніе превосходитъ незнаніе, настолько глупость хуже зависти". Зависть знаетъ чему завидуетъ; глупость ничего не знаетъ; поэтому ее называютъ поэты слѣпою, тогда какъ invidia происходитъ отъ слова video. Далѣе, зависть можетъ принести пользу: Ѳемистоклъ завидовалъ Мильтіаду, Аристотель — Сократу. Наконецъ, „глупость подвергается осмѣянію и презрѣнію", а зависть не подвергается ни тому, ни другому по своей разумности (utpote intelligens) и по своимъ стремленіямъ къ высшему (utpote majora conspiciens[2]). Въ сферѣ философской Бруни склоняется на сторону раціонализма. Такъ, разсуждая о взаимномъ отношеніи добродѣтелей, онъ чувствуетъ противорѣчіе между показаніемъ опыта (sensus communis), что добродѣтели могутъ существовать раздѣльно, и разума, что онѣ неразрывно связаны между собою, и рѣшается слѣдовать разуму[3]).

Въ перепискѣ Бруни съ полною ясностью обнаруживается далѣе отношеніе автора къ древности. Особенно характерны въ этомъ от-

---

[1]) Certe ego ad haec vix respondere dignatus sum, ita mihi videbantur absurda. An tu voluntatem, quae est irrationalis animi potentia, nobiliorem dicis esse intellectu, qui est ea pars animi, quae habet rationem et quae communis est nobis cum Deo. Ibid.

[2]) IX, 7.

[3]) Quaestio spinosa atque ardua, utrum virtutum ipsarum sit consortium quoddam, et quasi consecutio talis, ut qui unam habet virtutem ceteras quoque omnes habere necessarium sit, vel separari ac dissolvi ab invicem virtutes possint. In qua quidem questione soleo interdum diversa sentire. Ratio enim me cogit fateri virtutes omnes esse inter se conjunctas et catenas indissolubili quodam nexu. Sensus vero communis ab hac spinosa ratione abhorret. Sed permittamus nos rationi, sensum autem in hac parte valere sonamus. Выводъ такой: Itaque u naturales virtutes sed etiam intellectivae videntur separationem recipere. Morales autem nequamquam recipiunt separationem, sed data una virtute morali (именно prudentia) ceterae omnes ejusdem generis consequuntur (IX, 2).

ношеніи письма о поискахъ и находкахъ Поджіо античныхъ рукописей. Разсчетливый Бруни убѣждаетъ Поджіо не останавливаться передъ матеріальными издержками, которыя онъ готовъ принять на себя[1]) и упрашиваетъ его прислать ему одинъ изъ найденныхъ манускриптовъ, прежде чѣмъ онъ разстанется съ этой жизнью[2]). Находки Поджіо представляются ему огромной заслугой передъ потомствомъ[3]), а открытіе рукописи Квинтиліана приводитъ его въ настоящій восторгъ[4]). Но глубокое уваженіе къ древности не переходитъ у Бруни въ стремленіе ее реставрировать. Онъ относится къ современности вполнѣ трезво. Такъ, у римскаго народа, на котораго Петрарка возлагалъ нѣкогда столь блестящія надежды, по мнѣнію Бруни, „изъ прежней славы ничего не осталось, кромѣ пустого хвастовства“[5]), а старый populus Romanus „умеръ и похороненъ“[6]). Даже въ литературѣ слѣпое подражаніе древности Бруни называетъ „и легкомысленнымъ, и абсурднымъ“[7]). Защищая новые интересы и стараясь дать перевѣсъ новой наукѣ передъ средневѣковою, онъ опирается не на авторитетъ древности, а ищетъ другихъ, болѣе убѣдительныхъ аргументовъ. Такъ, когда одинъ изъ его адресатовъ, ссылаясь на бл. Іеронима, неодобрительно отозвался о краснорѣчіи, Бруни защищается примѣромъ ап. Павла, который на судѣ въ Іерусалимѣ „пользовался ораторскими жестами“, а кромѣ того, приводитъ цѣлый рядъ теоретическихъ доказательствъ общественной важности этого искусства

---

[1]) Nam rei pecuniariae tenuitas ne tibi impedimento sit, nostra jam hic providentia erit. IV, 5.

[2]) Oro te, Poggi, fac me quam cito hujus desiderii compotem, ut si quid humanitas impendeat, hunc prius viderim, quam e vita discedam. Ibid.

[3]) Erit profecto haec tua gloria, ut amissa jam ac perdita excellentium virorum scripta tuo labore ac diligentia seculo nostro restituas. Nec ea res solum nobis grata erit, sed et posteris nostris, id est, studiorom nostrorum successoribus. Ibid.

[4]) O lucrum ingens! [восклицаетъ Бруни, O insperatum gaudium! Ego te, o Marce Fabi, totum integrumque aspiciam? Et quanti tu mihi nunc eris, quem ego quamvis lacerum crudeliter, ora manusque ambas populataque tempora raptis auribus et truncas inhonesto vulnere nares, tamen propter decorum tuum in deliciis habebam. Ibid.

[5]) III, 17.

[6]) Utinam viveret! Sed certe populus ille Romanus, de quo ipse loquor, jampridem mortuus et sepultus est: haec autem, quae nunc Romae habitat, collectitia turba non dominatur, sed servit (VIII, 4).

[7]) По поводу адреса на письмѣ Бруни пишетъ сыну Салютати. Scio enim te ea de causa fecisse, ut antiquum modum imitareris, quod ego non improbo, dummodo id ratione fiat. Sed ad ineptias antiquitatis delabi cum leve est, tum absurdum. (X, 5).

и только въ концѣ аргументаціи ссылается на стоиковъ[1]). Особенно характерно отношеніе Бруни къ праву. Признавая его необходимость для общежитія[2]), онъ ставитъ его изученіе „по достоинству" ниже гуманистическихъ занятій главнымъ образомъ потому, что послѣднія ведутъ къ нравственному усовершенствованію, тогда какъ право не имѣетъ къ нему никакого отношенія[3]). Кромѣ того, добродѣтель неизмѣнна, тогда какъ право въ разное время и въ разныхъ мѣстахъ неодинаково[4]). Далѣе, „великимъ и знаменитымъ" людямъ непристойно, по мнѣнію Бруни, заниматься юридической практикой[5]), и только въ концѣ онъ ссылается на авторитетъ Филиппа Македонскаго, который поручилъ Аристотелю учить Александра не юриспруденціи, а „нравственнымъ наукамъ и краснорѣчію"[6]).

Изъ переписки видно, какъ далекъ былъ авторъ отъ слѣпого увлеченія формой и содержаніемъ античной литературы: на первомъ планѣ для него выработка моральныхъ идеаловъ и вообще правильное развитіе личности. Поэтому вопросы воспитанія, которымъ Бруни посвятилъ два спеціальныхъ трактата, занимаютъ его и въ перепискѣ, гдѣ развиваетъ онъ тѣ же самыя положенія[7]). Особенный интересъ представляетъ только тотъ фактъ, что письма настаиваютъ на чрезвычайной важности личныхъ усилій въ моральномъ и научномъ развитіи. Бруни ставитъ даже трудъ изученія выше таланта и способностей. „Искусство болѣе надежный вождь, чѣмъ природа", говоритъ онъ по поводу музыки и реторики[8]). Признавая въ человѣкѣ естественныя наклонности къ до-

---

[1]) Homini quippe in communi vita degenti necessaria est eloquentia, qua conciliet sibi animos, qua impetus malevolorum infringat, qua justitiam suadeat. Itaque stoici unam ex maximis virtutibus eloquentiam posuerunt (IX, 12).

[2]) Jus civile nihil aliud est, quam aequitas et paritas civium, in quo plus velle, quam ceteri aut voluerint, aut habuerint, inhonestum videri potest (X, 23).

[3]) Licet enim juris civilis studium vendibilius sit, utilitate tamen et dignitate longe ab istis studiis superatur. Nam studia quidem ista ad faciendum virum bonum tota contendunt, quo nil utilius excogitari potest; jus autem civile ad faciendum virum bonum nil pertinet. Quid enim bonus vir de aqua pluviali arcenda, aut de perendinis cognoscendis laboret? etc. (VI, 6).

[4]) Bonitas et virtus stabilis est, jus autem locis et temporibus variatur, ut saepe quod Florentiae legitimum est, Ferrariae sit contra legem. Ibid.

[5]) Jam vero magnis ac praeclaris viris non satis decora est haec in litibus et controversis mercenaria versatio. Ibid.

[6]) Alexandrum certe Philippus pater Aristoteli tradidit non ad discendum jus civile, quod tanto regi sordidum fuisset, sed ad doctrinam vitae ac morum et ad eloquentiam perdiscendam. Во концѣ письма находится еще одинъ характерный аргументъ: in jure autem civili perdiscendo quid tantem praeter mera taedia? Ibid.

[7]) См. III, 19 и 20.

[8]) Aliud est natura, aliud disciplina, ut in rhetorica et musica licet intueri. Qui enim musicae scientiam tenet, longe melius de illa judicabit et sentiet, quam

бродѣтелямъ, Бруни утверждаетъ, что истинная добродѣтель пріобрѣтается только путемъ упражненія[1]).

Въ перепискѣ Бруни отразилось еще нѣсколько характерныхъ чертъ гуманистическаго міросозерцанія, изъ которыхъ особеннаго вниманія заслуживаетъ его отношеніе къ природѣ. Длинное письмо посвящаетъ Бруни путевымъ впечатлѣніямъ по дорогѣ въ Констансъ и большая часть его занята описаніемъ природы, при чемъ горы навели на гуманиста священный ужасъ[2]), хотя всякія мистическія настроенія были совершенно чужды его натурѣ[3]). Но съ особеннымъ вниманіемъ останавливается Бруни на вопросахъ политики. Онъ настроенъ чрезвычайно патріотически и объясняетъ любовь къ родинѣ естественными отличіями каждой національности[4]). Въ этомъ отношеніи онъ гораздо ближе къ Петраркѣ, нежели къ Боккаччіо; но опредѣленныхъ политическихъ идеаловъ и теорій у него нѣтъ, хотя есть опредѣленныя политическія симпатіи и опредѣленное отношеніе къ современной дѣйствительности. Въ качествѣ флорентійскаго патріота, онъ республиканецъ и защищаетъ мѣстную политику[5]). Къ знати обнаруживаетъ онъ такъ же мало уваженія въ перепискѣ[6]), какъ и въ трактатѣ о знатности. Но онъ не принципіальный противникъ царской власти

---

s, qui vel ex ingenio proprio, vel ad imitationem alterius vocem formabit. Idem quoque est in arte rhetorica. Etsi enim magnis ingeniis praediti quidam copiam dicendi sine arte assecuti sunt, ars tamen dux certior est, quam natura. (IX, 1).

[1]) Virtutem omnem esse habitum, habitus autem omnis per exercitationem et usum fieri. Ex quo palam est ab usu et exercitatione virtutes existere. Est tamen nobis quaedam naturalis dispositio ad virtutes: videmus enim manifeste nasci alios ad alias virtutes aptiores... Hujuscemodo ergo dispositiones hominibus innatae vel ad liberalitatem, vel ad fortitudinem, vel ad justitiam, non sunt virtutes propriae. Nam propria virtus est, quae habitum jam per usum exercitationemque contraxit (IX, 2).

[2]) Valde mirandum videatur, quid parens illa et fabricatrix mundi Natura, cum eas fecit, sibi voluerit. Me quidem aeternas illas ac perpetuas moles intuentem horror quidam et religio frequenter habebat et nunc item sine horrore meminisse non possum (IV, 3).

[3]) Ego autem neque somniis neque vaticiniis fidem praesto, говоритъ онъ въ одномъ письмѣ (X, 24). Срав. характерное по трезвости разсужденіе о значеніи надгробныхъ памятниковъ (VI, 5).

[4]) Equidem quotiens peregrinatus sum, non solum amoenitatem suavitatemque atque ingenia nostrorum hominum requisivi. Est enim nescio quid natura insitum nationibus aliis longe a nostris moribus ingeniisque alienum, atque, ut Falerni vini sapor alius est, quam Taracenensis, ita mihi videntur homines ab ipsa, in qua nascuntur, terra saporem, ut ita dixerim, naturae ingeniorumque traxisse (VII, 10). Все письмо посвящено выясненію достоинствъ Италіи.

[5]) VI, 4.

[6]) III, 9.

и только требуетъ, чтобы цари получали воспитаніе, соотвѣтствующее ихъ положенію[1]). Выработкѣ опредѣленныхъ идеаловъ препятствовало съ одной стороны *чувство дѣйствительности*, мѣшавшее, какъ мы видѣли, безъ разбора заимствовать воззрѣнія изъ прошлаго, съ другой — скептическое отношеніе къ современнымъ теоріямъ. Въ одномъ письмѣ Бруни мимоходомъ, но очень ядовито смѣется надъ начинающимися попытками соединенія церквей[2]); въ другомъ, имѣющемъ публицическій характеръ, рѣзко осмѣиваетъ средневѣковую имперію. Въ письмѣ къ нему Гуарино удивляется, что Сигизмундъ и вообще нѣмецкіе короли называютъ себя послѣ коронованія императорами, придавая этому титулу особое значеніе[3]), тогда какъ въ дѣйствительности rex выше, чѣмъ imperator. Бруни отвѣчаетъ на это длиннымъ посланіемъ, въ которомъ доказываетъ, что rex выше диктатора, а диктаторъ — императора. Все письмо проникнуто глубочайшимъ презрѣніемъ къ нѣмцамъ[4]) и къ ихъ имперіи. Спорить съ ними о титулѣ, по его мнѣнію, не стоитъ труда[5]); самое коронованіе — смѣшная и невѣжественная нелѣпость: древніе могущественные цари и императоры не короновались, а теперь торжественно коронуютъ обладателей четырехъ югеровъ[6]). Средневѣковая имперія утратила въ глазахъ гуманистовъ всякое значеніе.

Переписка Бруни, являясь важнымъ дополненіемъ къ его теоретическимъ воззрѣніямъ служитъ въ то же время превосходнымъ введеніемъ и комментаріемъ къ его ученымъ работамъ. Бруни началъ свои работы переводами съ греческаго и въ письмахъ говоритъ о нихъ довольно часто. Такъ, одно письмо представляетъ собою narratio къ переводу рѣчи о Діофитѣ[7]), другое обсуждаетъ переводъ грече

---

[1]) Regia quidem dignitas suprema est omnium dignitatum humanarum... Imo quanto majus est regere populos et gentes, tanto plus sapientiae disciplinaeque requirit (IX, 1).

[2]) Manuelem Chrysoloram audivimus Venetiis applicuisse et inde ad summum pontificem esse venturum legatum imperatoris Constantinopolitani pro causa unionis vel potius nullionis, quod magis credo. У Sabbadini, l. c. p. 225.

[3]) Quasi majus quiddam et dignius exprimere volens. Epist. VI, 9.

[4]) Quare hanc barbariem, quaeso, cum sua ignorantia valere sinamus, говорится въ концѣ письма, et nos antiquis doctissimorum virorum scriptis, quod unicum est refugium, oblectemur, non curiosi, quid agant isti aut quemadmodum loquantur. Ibid.

[5]) Quid enim mea refert, quemadmodum barbari loquantur, quos neque corrigere possum, si velim, neque magnopere velim si possim? Ibid.

[6]) An ergo quod illi tantam imperii magnitudinem habentes non faciebant, hi quatuor jugerum possessores coronabuntur? Ibid.

[7]) II, 5.

скихъ словъ *ἀρά* и *ἐνάγες*[1]), третье заключаетъ въ себѣ образчикъ перевода изъ Эсхина[2]), въ двухъ письмахъ доказывается, что *ἀγαθόν* значитъ bonum, а *τὸ ἀγαθὸν* — summum bonum[3]); въ двухъ другихъ онъ защищаетъ свой переводъ Аристотеля[4]). Послѣднія письма особенно характерны, потому что они показываютъ, что первому переводчику знаменитаго философа приходилось бороться съ совершенно особенными препятствіями. Въ одномъ письмѣ Бруни сравниваетъ себя съ первомученикомъ Стефаномъ и говоритъ, что защитники стараго перевода Аристотеля грозятъ побить его камнями[5]). Другое письмо ближе знакомитъ насъ съ характеромъ нападеній. Одинъ епископъ, не зная греческаго языка, нападалъ тѣмъ не менѣе на Бруни за то, что его переводъ даетъ новое пониманіе Аристотеля, отличное отъ толкованій богослововъ. По мнѣнію этого критика, „тотъ, кто переводитъ книги Аристотеля, долженъ смотрѣть не на слова его, долженъ переводить на латинскій языкъ не то, что говоритъ Аристотель, а что онъ долженъ сказать"[6]). Бруни называетъ такое мнѣніе абсурдомъ[7]), и его переводъ имѣлъ огромный успѣхъ не только въ Италіи, но и за ея предѣлами[8]). Хотя Бруни не оставилъ ни одного сочиненія по грамматикѣ, но изъ переписки видно, что грамматическіе вопросы его занимали и онъ считался знатокомъ этого дѣла. Такъ, въ двухъ письмахъ онъ отвѣчаетъ на вопросъ Салютати о значеніи собственныхъ именъ у Гомера[9]); въ двухъ письмахъ говоритъ о производствѣ латинскихъ прилагательныхъ отъ названій городовъ[10]); въ одномъ опредѣляетъ значеніе слова fastidium, въ другомъ доказываетъ, что нужно пи-

---

1) III, 19.

2) III, 20.

3) V, I и X, 25.

4) VII, 4 и X, 24.

5) Si quidem ut olim Stephanus veritatem novam praedicans a Judaizantibus, hoc est, a veteris legis defensoribus lapidibus impetitus est; ita nunc me novam et veram traductionem edentem, veteris illius non traductionis, sed delerationis defensores lapidibus impetere comminantur. VII, 4.

6) X, 24. Въ другомъ мѣстѣ того же письма мнѣніе этого критика приведено въ болѣе ясной формѣ. Non debemus, inquit, quid Aristoteles dicat, attendere, sed quid consonet morali philosophiae.

7) Ego vero absurdissimum in hoc ejus judicium puto ac periculosam nimium licentiam, ut de interprete fiat aliquis diffinitor et judex. Ibid.

8) Quam (traductionem) simul atque edita est, sic arripuerunt homines, ut momento pene temporis non solum Italia voluminibus ejus repleta sit, verum etiam ad extremas terrarum oras convolarit, ut publica jam lectione celebretur (VII, 4).

9) I, 6 и 7.

10) VIII, 7 и 8.

сать michi, а не mihi[1]). Въ перепискѣ трактуются также и археологическіе вопросы: въ одномъ письмѣ Бруни говоритъ о памятникахъ Анконы[2]), въ другомъ — о древностяхъ Римини[3]). Особенно характерно по тенденціи письмо къ Біондо, въ которомъ Бруни доказываетъ, что въ Римѣ во время Цицерона языкъ образованнаго класса былъ отличенъ отъ народной рѣчи. Сторонники противнаго мнѣнія указываютъ на публичныя рѣчи ораторовъ и поэтовъ; по мнѣнію Бруни, ораторы говорили для образованныхъ людей, а народъ понималъ ихъ такъ, какъ теперь понимаетъ богослуженіе (missarum solemnia), а поэтовъ не понимали, а только слушали и смотрѣли. Положительное подтвержденіе своего мнѣнія Бруни видитъ, во-первыхъ, въ трудности латинской грамматики, недоступной для массы, и, во-вторыхъ, въ томъ, что нѣкоторыя литературныя слова иначе звучали въ народной рѣчи (vectura — velatura; villa — vella[4]). Авторъ не могъ не сознавать слабости своей аргументаціи, но самая идея была чрезвычайно плѣнительна для новыхъ ученыхъ: ихъ нежеланіе пользоваться національной рѣчью получало такимъ образомъ авторитетную санкцію.

Главный предметъ научныхъ интересовъ Бруни составляла исторія, и его переписка даетъ понятіе объ его исторіографическихъ пріемахъ. Два его письма посвящены важнѣйшимъ источникамъ для Римской исторіи — Ливію и Полибію: въ одномъ онъ доказываетъ, что готы и лангобарды были виновниками утраты многихъ книгъ Ливія, въ другомъ примиряетъ нѣкоторую разницу въ показаніяхъ обоихъ историковъ[5]). Но особенный интересъ по критическимъ пріемамъ Бруни представляютъ два его письма: объ основаніи Мантуи и о происхожденіи Цицерона. Въ первомъ авторъ прежде всего перечисляетъ свои источники (Ливія, Плинія Младшаго, Виргилія, Горація и Діонисія Галикарнасскаго), при чемъ не довольствуется ихъ пересказомъ, а приводитъ подлинныя цитаты[6]), и доказываетъ надежность ихъ показаній: Ливій и Плиній „серьезнѣйшіе и ученѣйшіе“ люди, Виргилій самъ мантуанецъ, и „непозволительно думать, чтобы онъ не зналъ о происхожденіи Мантуи“. На основаніи этихъ писателей Бруни утверждаетъ, что еще до Троянской войны туски пришли

---

[1]) I, 14 и VIII, 2.
[2]) IX, 5.
[3]) III, 9.
[4]) VI, 10.
[5]) Ep. IX, 6 и 22.
[6]) Ista, quae adhuc retulimus, ne forte a nobis ficta credas, testimonio veterum confirmemus (X, 25).

изъ Лидіи въ Этрурію, основали здѣсь 12 городовъ, потому что на столько частей дѣлилось ихъ племя по числу „головъ“ первоначальныхъ поселенцевъ. Сначала ими управляли цари; послѣ лукумоны, потому что „царская власть показалась имъ слишкомъ тяжелой“. Разбогатѣвши и усилившись, пришельцы образовали нѣсколько колоній и между прочимъ Мантую. Эти факты представляются Бруни совершенно точными, потому что подтверждаются не однимъ, а нѣсколькими писателями[1]). Нѣсколько иначе приходится рѣшать вопросы о времени основанія Мантуи, о происхожденіи ея названія, о томъ, какой princeps и изъ какого народа Этруріи вывелъ колонію и основалъ городъ. Все это, говоритъ Бруни, „не до такой степени ясно, и, сколько мнѣ извѣстно, объ этомъ не говоритъ ни одинъ авторъ, кромѣ Виргилія“. Но молчаніе источниковъ кажется ему совершенно естественнымъ: общая исторія не можетъ вдаваться въ мелочи[2]); понятно также, что Виргилій подробнѣе говоритъ о своемъ родномъ городѣ; поэтому можно удовольствоваться только его показаніями[3]). По Виргилію Мантуя основана до прихода Асканія, и Бруни подтверждаетъ это извѣстіе тѣмъ соображеніемъ, что Этрурія находилась тогда въ цвѣтущемъ состояніи[4]). Слѣдовательно, Мантуя старше Рима болѣе, чѣмъ на 300 лѣтъ, старше Милана на 550 лѣтъ, Кремоны и Пьяченцы — на 800. Болѣе подробное хронологическое изысканіе Бруни считаетъ нелѣпымъ[5]).

Гораздо труднѣе и сложнѣе вопросъ объ основателѣ и имени Мантуи. Бруни приходится здѣсь имѣть дѣло съ миѳомъ, который при этомъ передается различнымъ образомъ Виргиліемъ и Данте. Чтобы выйти изъ этого затрудненія, Бруни устанавливаетъ два принципа: отдаетъ, какъ мы видѣли, преимущество болѣе древнему автору и аллегорически толкуетъ миѳъ[6]). По словамъ Виргилія, основатель Мантуи Окнусъ, сынъ рѣки Тускуса и предсказательницы Манто,

---

[1]) Si unus mehercle aliquis istorum hoc scriberet, propter summam auctoritatem verum putarem; nunc omnibus simul asserentibus, nullis contradicentibus, qui tandem locus ambigendi relinqutur? Ibid.

[2]) Nec id certe mirum; nam trita quidem ista atque minuta pleraque historia negligit: alioquin infinita est etiam scribendi prolixitas Ibid.

[3]) At Virgilius, utpote civis et sciens minutiora haec de patria prodidit, qui nobis sufficere debet. Ibid.

[4]) Procul dubio verum est, cum per ea tempora Etruscorum opes maxime floruerint. Ibid.

[5]) Haec de tempore satis sit in tam vasta antiquitate dixisse: nam diem et annum quaerere perabsurdum est. Ibid.

[6]) Nimis socordis est fabulas sic accipere, ut res veras, et in figmentis poëtarum non supra verba animum attolere. Ibid.

что означаетъ, по Бруни, что Окнусъ былъ родомъ изъ Этруріи и обладалъ искусствомъ прорицанія[1]). По другой версіи, Мантую основала дѣвица Манто, дочь предсказателя Терезія, и Бруни рѣшительно возстаетъ противъ такого толкованія: Манто, по его мнѣнію, олицетвореніе искусства гаданія и миѳъ имѣетъ только тотъ смыслъ, что это искусство занесено въ Италію изъ Греціи и дало имя Мантуѣ[2]). Наконецъ, изъ одного мѣста Виргилія Бруни дѣлаетъ выводъ, что Мантую основали колонисты изъ трехъ этрусскихъ племенъ, которые раздѣлились и на новомъ мѣстѣ на 12 частей, поставивши во главѣ Мантую[3]); въ другомъ стихѣ того же поэта[4]) онъ находитъ аргументъ противъ того мнѣнія, что галлы и венеты завладѣли Мантуей: при Энеѣ ихъ не было, а позже они могли войти въ составъ государства, но заняли тамъ подчиненное положеніе[5]).

Въ письмѣ о царскомъ происхожденіи Цицерона Бруни еще подробнѣе вдается въ анализъ источника. Саллюстій упрекалъ Цицерона низкимъ происхожденіемъ, и знаменитый ораторъ умалчиваетъ о знатности своего рода, хотя трудно предположить, что онъ не зналъ своего происхожденія[6]). Между тѣмъ Бруни перечисляетъ рядъ источниковъ, начиная съ менѣе надежныхъ, которые подтверждаютъ царственное происхожденіе Цицерона. Іеронимъ говоритъ, что онъ происходилъ изъ царскаго рода у вольсковъ; Плутархъ приводитъ самое имя (Tullius) его царственнаго предка и, наконецъ, самъ Ци-

---

1) Hic enim est poëtarum mos veritatem aliquo velamento obtegere. Nam quia Tuscus erat, Tusci amnis filium dixit, quia divinandi arte pollebat, fatidicae Mantos filium esse ait. Ibid.

2) Peperisse Tiresiam divinandi artem ex eo patet, quod non ab homine aliquo inventore, sed a Jove largitore dicitur accepisse. Haec igitur divinandi ars Tiresiae filia, id est, inventio fuit, quam Dantes quidem virginem dixit, Virgilius autem doctius et verius matrem appelavit. Nam virgo quidem nihil parit: itaque nec mater cujusquam est. Ars vero divinandi et multos jam alios, et Ocnum in lucem, id est, in claritatem produxit... Vanum igitur et puerile est credere, Manto fuisse hominem, in Italiam venisse cum servis, intra paludem remotam ab omni humano commercio constitisse, nisi hoc totum accipiatur, divinandi scilicet artem a greco Tiresia repertam, postea in Italiam delatam esse ex eaque arte Mantuae nomen datum. Ibid.

3) Mantua dives avis, sed non genus omnibus unum. Gens illa triplex, populique sub gente quaterni (Aen. X, 201—202).

4) Ipsa caput populis: Tusco de sanguine vires (Ibid. 203).

5) Postmodum alias quoque gentes in civitatem receptas ita tamen, ut Tusci dominarentur atque praeessent. Ibid.

6) Ipse Cicero respondens hanc originis suae excellentiam conticuerit. Nam ignorasse quidem sui generis primordia virum omnium doctissimum et antiquitatis curiosissimum, verisimile non est (IV, 7).

церонъ говоритъ въ одномъ мѣстѣ, что Ферекидъ жилъ въ царствованіе его родича (meo regnante gentili)". Эти данныя, по мнѣнію Бруни, не оставляютъ никакого сомнѣнія въ царскомъ происхожденіи Цицерона; но „остается сомнѣніе, почему же Саллюстій сдѣлалъ упрекъ, и Цицеронъ не опровергъ его?" Для рѣшенія этого вопроса Бруни подвергаетъ тщательному анализу показаніе, противорѣчащее его собственному мнѣнію. Во-первыхъ, отъ оратора нельзя требовать всегда правды по отношенію къ врагу[1]); а славный родъ Цицерона потерялъ извѣстность, чѣмъ удобно было воспользоваться противнику[2]). Наконецъ, Саллюстій упрекаетъ Цицерона собственно не за низкое происхожденіе, а за то, что онъ былъ homo novus[3]). Молчаніе Цицерона также совершенно понятно. Послѣднее обвиненіе только выдвигало его личныя заслуги[4]); что касается до царскаго происхожденія, то о немъ лучше было умолчать по многимъ причинамъ: царское имя было ненавистно римлянамъ, а кромѣ того, его предокъ былъ нѣкогда врагомъ римскаго народа. Притомъ похвальба знатностью со стороны новаго человѣка могла подѣйствовать особенно непріятно на слушателей, такъ что Цицеронъ сознательно умолчалъ о своемъ происхожденіи, какъ сдѣлалъ бы и самъ Бруни во Флоренціи, если бы происходилъ отъ Каструччіо[5]).

---

[1]) *Equidem ab oratore non exigo, ut semper vero inimico objectet.* Ibid. Это характерное правило, какъ мы увидимъ ниже, Бруни еще разъ повторяетъ по поводу своей Laudatio Florentiae, что чрезвычайно важно для исторической оцѣнки гуманистическихъ панегириковъ и инвективъ.

[2]) Deinde si genus regium, quamvis ab initio splendidum, in obscuritatem migrarat, res quidem talis erat, ut ex utraque parte ansam haberet, et ad laudem splendor generis, et ad vituperationem obscuritas. Dicentis autem est id adsumere, quod et pro se fit, et contra adversarium. Ibid.

[3]) Quamquam si recte memini, non tam obscuritatem Sallustius objicit, quam novitatem. Ibid.

[4]) Nam si nullis praeclaris rebus majorum suorum in republica gestis commendabatur, ut Scipiones et Metelli, at suis et propriis, quod praestantius erat. Ibid.

[5]) Praeterea tacendi plures erant causae. Primo quod nomen regium apud romanos invisum sane ac detestabile erat; deinde quod arrogantiam invidiamque vitabat, quae in civibus praesertim novis fastidiosae et intolerabiles sunt. Illud insuper accedebat, quod rex ille inimicissimus populi Romani fuerat; non erat ergo prudentis consilii illum proferre ne ab hoste Populi Romani originem traxisse diceretur. Itaque callido consilio obscuritatem potius, quam bonis rationibus in suarum virtutum laudem traducere poterat, objici patiebatur sibi, ut ego, qui novus Florentiae civis sum, si a Castrucio illo, praestante quidem duce, sed inimicissimo Florentini populi originem traxissem, latere in plebecula mallem, quam eum generis auctorem egregiae licet nobilitatis proferre. Ibid.

Дополненіемъ къ перепискѣ Бруни могутъ служить его инвективы и рѣчи. Кромѣ разсмотрѣнной нами Oratio in Hypocritas, Бруни писалъ еще инвективы, изъ которыхъ до сихъ поръ извѣстна только одна, направленная противъ Николо Никколи[1]). Эта инвектива написана по чисто личнымъ причинамъ[2]) и представляетъ собою одинъ изъ самыхъ раннихъ образцовъ гуманистической диффамаціи[3]). Бруни доказываетъ сначала тщеславіе и зависть Никколи, который осыпалъ бранью всѣхъ живыхъ и умершихъ знаменитостей, кромѣ древнихъ[4]); затѣмъ онъ обвиняетъ его въ невѣжествѣ, такъ какъ Никколи собираетъ книги только для торговли, самъ же не написалъ ни одной строчки и всю жизнь занимается только грамматикой. Затѣмъ Бруни переходитъ къ предкамъ Никколи и его частной жизни. Его дѣдъ былъ кабатчикомъ въ Пистойѣ, затѣмъ переселился во Флоренцію, гдѣ занимался тѣмъ же ремесломъ; отецъ былъ ткачъ[5]); самъ онъ ограбилъ братьевъ, лишивъ ихъ отцовскаго наслѣдства и распро-

---

[1]) *Leonardi Aretini, In Carolum de Malatestis propter derogationem statuae in memoriam Maronis factae invectiva.* Напечатана у Schelhornius, Amoenitates litterariae. T. III. Но эта инвектива несомнѣнно принадлежитъ Верджеріо. См. Mazz. l. c. II, IV, p. 2218. Въ Мюнхенской библіотекѣ (Cod. № 78) находится *In Laurum Quirinum invectiva* (Halm et Laumban Catalogus, p. 14). Въ Оксфордѣ (Cod. 308) рѣчи Геліогабала предпослано письмо, которое каталогъ справедливо называетъ *Contra mulieres invectiva,* хотя въ рукописи нѣтъ ни заглавія, ни имени автора.

[2]) Причину ссоры Бруни подробно разсказываетъ въ письмѣ къ Поджіо, V, 4.

[3]) *Oratio in nebulonem maledicum.* Напечатано у Zippel'я Nicolo Niccoli, p. 75 и слѣд. Инвектива, повидимому, осталась неоконченной. Въ 2-хъ кодексахъ флорентійской Laurenziana, которыми пользовался Zippel она прерывается на полуфразѣ; то же самое въ кодексѣ Ватиканской библіотеки (Urbin. № 1164 fol. 150 и слѣд.), которымъ я пользовался. Инвектива написана въ 1424 году.

[4]) Эту мысль Бруни выражаетъ слѣдующимъ образомъ. Сказавши, что Никколи порицалъ Данте, Петрарку, Боккаччіо и Ѳому Аквината, онъ прибавляетъ: idem facit de ceteris defunctis, nisi quibus propter milesimum annum cedit. У Zippel'я, p. 78.

[5]) Avi autem tui caupona Pistorii primum floruit non dignitate aliqua, sed fronde illa festiva qua ad vinum et popinas meretrices et ganeos invitabat; inde nocturna ebriorum cede conterritus Pistorio demigravit, cauponam et serta Florentiam transtulit. Hic tandem caupona egressus vino abitinuit, oleo se ac lanificio peruxit, sedens ad scannum a mactutinio tempore, quasi vile mansipium sordido ac prope miserabili exercitio deformatus. Ibid. p. 82. О себѣ Бруни говоритъ по этому поводу: parentes enim habui, ut leviter dicam, ingenuos et honestos; addo etiam, si quid ad hanc rem id pertinet nec illocupletes et cunctis in libera civitate perfunctos. Ibid. p. 81—82. Но это показаніе опровергается другими источниками.

страняетъ о нихъ дурные слухи[1]). Сосѣдямъ нѣтъ житья отъ его языка[2]), и никто никогда не заходитъ въ его домъ, потому что онъ живетъ съ отвратительной любовницей, которую отбилъ у роднаго брата[3]). Не подлежитъ сомнѣнію, что нравственный образъ Никколи, нарисованный Бруни, несравненно хуже, чѣмъ въ дѣйствительности, хотя авторъ обѣщаетъ говорить въ инвективѣ только правду[4]). Тѣмъ не менѣе инвектива не лишена интереса для біографіи Бруни и для характеристики его міросозерцанія.

Выше мы видѣли, что Бруни не принадлежитъ къ числу порицателей флорентійскихъ тріумвировъ; изъ инвективы видно, что онъ съ большимъ уваженіемъ относится даже къ Ѳомѣ Аквинату[5]). Изъ современныхъ враговъ Никколи, Бруни особенно высоко ставитъ Хризолора, котораго онъ называетъ „солнцемъ" науки и общимъ учителемъ гуманистовъ[6]). Инвектива можетъ служить также опроверженіемъ другого обвиненія противъ Бруни, именно въ его чрезмѣрной привязанности къ формальному изученію латинской рѣчи. Бруни смѣется надъ Никколи, что онъ до старости занимается грамматикой, которая ему самому представляется дѣтскимъ дѣломъ[7]). Бруни требуетъ отъ ученаго, чтобы онъ обнаруживалъ плоды своей учености сочи-

---

[1]) Alterum principem sodomitarum appelat, alterum furem effractoremque domorum, alterum sacrilegum, alterum ex feneratoria decoctorem. Ibid. p. 86.

[2]) Nam de vicinis taceo, quos simul cum uxoribus eorum pudicissimis insectari maledictis et obscenis suspicionibus nunquam cessavit: itaque invisus omnibus atque odio habitus ita vivit inter vicinos, ut ii, quibus aqua et igni est interdictum. Ibid. p. 88.

[3]) Hanc enim ipsam concubinam, o rem scelestam! fratri suo germano abstulit, cum fuisset illa in concubinatu fratris hujus supra biennium eodemque in lecto cubaret, ac ita palam concubina fratris esset, ut se pregnantem ex illo pluries dictidaret, et in delitiis quasi pregnans ex fratre hujus teneretur. Ibid. p. 89.

[4]) In hac tamen re concedente me potior eris, quod quamquam te permulta falso de me finxisti, ego tamen nihil de te non verum proferam. Ibid. p. 76.

[5]) Tomam certe Aquinatem, quem virum deus immortalis quanta scientia quantaque doctrina preditum, quem virum non verear cum Aristotile Theophrastoque conjungere, fatuus hic scurra ita spernit etc. Ibid. p. 78.

[6]) Chrysoloram Byzantinum abundanti doctrina hominem insectatus sit, quem omnes ob singularem scientiam moresque probatissimum colebamus... Tu, inquam, Nebulo, illud sapientiae jubar, illum litterarum solem, quo illuminati sumus ex hac urbe pepulisti. Ibid.

[7]) Enimvero gramatice operam dat. O preclare consumptum sexagesimum annum, si quidem nondum puerilibus laudis exivit! sed diphtongum etiam nunc digammaque eolicum meditatur. Ibid. p. 85.

неніями и нравственной жизнью[1]); въ опубликованіи ученыхъ работъ онъ видитъ даже гражданскій долгъ ученаго[2]).

Большинство рѣчей Бруни до сихъ поръ остается неизданнымъ и извѣстно только по заглавію. Таковы всѣ его служебныя рѣчи[3]); изъ двухъ похоронныхъ рѣчей напечатана только одна[4]) въ честь Дж. Строцци[5]). Во вступленіи къ этой рѣчи Бруни восхваляетъ Солона за то, что онъ закономъ установилъ чтить умершихъ за родину между прочимъ погребальными рѣчами. Самая рѣчь распадается на двѣ части: въ первой Бруни прославляетъ Флоренцію, во второй погибшаго за нее покойника[6]), и первая часть представляетъ интересъ для характеристики политическихъ воззрѣній оратора. Бруни прославляетъ Флоренцію не только за ея внѣшнее могущество, но и за политическую форму, при чемъ заявляетъ себя рѣшительнымъ республиканцемъ и демократомъ. Демократическая республика, по его

---

[1]) Atque hec ego duo simul ab homine studioso exigenda maxime puto, primum ut doctrina polleat fructusque studiorum suorum plurimus conspiciatur; deinde ut vitam his que legit et didicit consentaneam prestet. Quid enim prodest bene vivendi precepta quotidie legere, si nihilominus male vivas? Ibid. p. 83.

[2]) Ego in eo melior civis, quam tu, et utilior patrie, quod et scribendo et agendo neque glorie florentini populi neque reipublice defui. Ibid. p. 81. Характерно еще одно замѣчаніе, которое дѣлаетъ Бруни, по поводу спора о заслугахъ предковъ: hominem ergo virtus propria nobilem facit, non majorum umbre atque sepulchra. Ibid. p. 82.

[3]) Mehus приводитъ заглавіе слѣдующихъ рѣчей Бруни, произнесенныхъ имъ въ качествѣ должностного лица флорентійской республики. 1) *Orazione detta in presentia della Majesta Sua e di tutto il popolo in sulla ringhiera, quanto si diè il bastone al magnifico nomo Nicolo da Tolentino allora nostro capitano di guerra, la mattina di S. Johanni Battista, cioè a di 25 di giugno 1443.* 2) *Risposta fatta per parte della signoria di Firenze e nella presenzia de Signori e di molti altri cittatidini agli ambasciadori del Re di Raona (d'Arragona) nell anno 1443.* 3) *Orazione detta avanti il sig. Confaloniere della Giustizia.* Можетъ быть, латинскій оригиналъ первой рѣчи находится въ Парижской Національной Библіотекѣ подъ такимъ заглавіемъ: *Oratio ad magnificum capitaneum Nicolaum de Tolentino de laudibus exercitii armorum* (Cod. 17888) Кромѣ того, Mazzuchelli приводитъ *Oratio habita coram rege Aragonum per. D. Julianum Racesatis* (l. c. p. 2214; тамъ же и рукописи). Наконецъ, въ цитированномъ Парижскомъ кодексѣ находится *Oratio ad Sigismundum imperatorem* (fol. 107).

[4]) Другая — *Oratio in funere Othonis, adolescentis praestantissimi*, упомянута у Mehus'a.

[5]) *Oratio in funere Nannis Strozae, Equitis Florentini.* Напечатана у *Baluzii,* Miscellanorum liber III. Parisiis. MDCLXXX, p. 226 и слѣд.

[6]) Qui hoc bello, quod adversus Mediolanensium Ducem civitas nostra Venetique nunc gerunt, bellando interiit. Baluz., p. 227.

мнѣнію, самая справедливая форма правленія, потому что только она, а не монархія и не аристократія обезпечиваетъ гражданамъ равенство и истинную свободу[1]), которая заключается въ гарантіи личной независимости, въ равенствѣ всѣхъ передъ закономъ и въ занятіи государственныхъ должностей[2]). Монархія не можетъ итти съ демократической республикой ни въ какое сравненіе. Ея защитники приписываютъ монарху такія доблести, какихъ они не допускаютъ въ другихъ людяхъ, такъ что „слава монархіи призрачна и фиктивна“[3]). Царямъ доблесть всегда опасна; тоже и аристократіи[4]), тогда какъ демократическая республика не только гарантируетъ истинную свободу, но предоставляя каждому любую должность, возбуждаетъ къ дѣятельности таланты[5]). Кромѣ того, Бруни выставляетъ на видъ предпріимчивость флорентійцевъ, которыхъ можно встрѣтить повсюду въ Европѣ, начиная отъ Британіи и до Азовскаго моря[6]), и съ особымъ вниманіемъ останавливается на заслугахъ Флоренціи въ оживленіи науки. Отсюда родомъ всѣ поэты; здѣсь возстановлены краснорѣчіе и латинская литература, такъ что Флоренцію можно назвать Камилломъ латинской рѣчи[7]). Здѣсь же началось знакомство съ гре-

---

1) Forma reipublicae gubernandae utimur ad libertatem paritatemque civium maxime omnium directa: quae quia aequalissima in omnibus est, popularis nuncupatur. Neminen enim unum, quasi dominum, horremus, non paucorum potentiae inservimus. Aequa omnibus libertas, legibus solum obtemperans, soluta hominum metu. Ibid. p. 230.

2) Haec est vera libertas, haec aequitas civitatis, nullius vim, nullius injuriam ve reri, paritatem esse juris inter se civibus, paritatem reipublicae adeundae. Haec autem nec in unius dominatu nec in paucorum possunt subsistere. Ibid. p. 231.

3) Nam regiam quidem gubernationem qui anteferunt, eam virtutem in rege effingere videntur, quem in nullo unquam fuisse concedunt. Ecquis enim fuit unquam regum, qui cuncta eorum, quae regno subsunt, hominum causa fecerit, nihil vero sui gratia praeter nudam nominis gloriam concupierit? Ex quo fit, ut monarchiae laus veluti ficta quaedam et umbratilis sit, non autem expressa et solida. Ibid.

4) Regibus, inquit historicus, boni quam mali suspiciores sunt, semperque his aliena virtus formidolosa est. Nec multo secus accidit in dominatu paucorum. Ibid.

5) Ita popularis una relinquitur legitima reip. gubernandae forma, in qua libertas vera sit, in qua aequitas juris cunctis pariter civibus, in qua virtutum studia vigere absque suspicione possint. Atque haec honorum adipiscendorum facultas potestasque libero populo haec assequendi proposita mirabile quantam valet ad ingenia excitanda. Ostensa enim honoris spe, erigunt sese homines atque attolunt; praeclusa vero inertes desidunt. Ibid.

6) Ibid. p. 232.

7) Quis enim vel nostra, vel superiore aetate poëtam aliquem nominare potest, nisi Florentinum? Quis hanc peritiam dicendi jam plane amissam in

ческимъ языкомъ[1]); наконецъ, отсюда по всей Италіи распространились гуманистическія науки[2]). Характерно, что Бруни только мимоходомъ говоритъ о богатствахъ Флоренціи[3]) и рѣшительно восхваляетъ покойника, что онъ предался исключительно военному дѣлу и не занимался торговлей[4]).

Въ Ватиканской библіотекѣ находится неизданная до сихъ поръ судебная рѣчь Бруни[5]). Такого рода ораторскія произведенія встрѣчаются весьма рѣдко въ гуманистической литературѣ, и рѣчь Бруни представляетъ интересъ, какъ одна изъ рѣдкихъ попытокъ ввести въ судебный процессъ гуманистическое краснорѣчіе, хотя нельзя сказать, была ли она произнесена въ дѣйствительности. Дѣло заключалось въ томъ, что нѣкто Бернардетто сдалъ свой домъ Бруни на два года, но, разорившись, поручилъ нѣкоему Іудѣ продать этотъ домъ. Іуда сталъ убѣждать Бруни купить домъ; Бруни сначала согласился; но передача дома затянулась, вслѣдствіе чего Бруни отказался отъ покупки; тогда Бернардетто началъ процессъ, который и вызвалъ появленіе рѣчи. Ораторъ излагаетъ дѣло чрезвычайно подробно, разсказываетъ семейныя дѣла Бернардетто, которыя заставили его продать домъ, и до мельчайшихъ подробностей разбираетъ аргументацію противниковъ. Кромѣ того, въ самомъ началѣ рѣчи Бруни обращаетъ

---

lucem atque in usum vitamque revocavit praeter cives nostros? Quis latinas litteras prius abjectas atque prostratas et fere demortuas agnovit, erexit, restituit, ab interitu vendicavit, nisi civitas nostra? Quare si Camillus recte conditor urbis Romanae dictus est, non quia condiderit eam ab initio, sed quod amissam occupatamque restituerit, cur non ea ratione civitas haec nostra latinae parens linguae merito nuncupetur, quam perditam dudum atque profligatam in suum nitorem dignitatemque restituit? Ibid. p. 233.

[1]) Jam vero litterarum graecarum cognitio, quae septingentis amplius annis per Italiam obsoleverat, a civitate nostra revocata est atque reducta. Ibid.

[2]) Denique studia ipsa humanitatis praestantissima quidem atque optima, generis humanis maxime propria, privatim et publice ad vitam necessaria, ornata litterarum eruditione ingenua, a civitate nostra profecta per Italiam coaluerunt. Ibid. p. 234.

[3]) Ibid. p. 234.

[4]) Mercimonia vero et quaestus, et negotiandi curam ita contemnat atque dispiciat, quasi certissimum dedecus professionis suae. Celsiora quaedam majoraque affectet, nec pecuniarum cumulationem, sed famae et gloriae sibi propositam intelligat. Ibid. p. 237.

[5]) *Oratio pro se ad Praesides. Рукоп. Urbinat. № 1164* fol. 115—121. Мац. приводитъ еще *Oratiuncula ad Martinum V* (рукоп. ibid. p. 2214). У *Mittarelli (Bibliotheca codicum mss monasterii S. Michaelis Venetiarum prope Murianum. Venetiis 1779*, p. 663) называетъ еще одну рѣчь къ Мартину V и *Oratio in laudem et in funere canis sui.* Послѣдняя принадлежитъ, вѣроятно, L. B. Alberti, хотя Voigt признаетъ ея подлинность (II, p. 445).

вниманіе на невыгоду своего положенія: онъ — „новый человѣкъ въ государствѣ", его противники „обладаютъ большою силой", въ особенности Іуда, который является главнымъ виновникомъ дѣла[1]).

Научную дѣятельность Бруни началъ переводами съ греческаго, которые оставались важнымъ предметомъ его занятій до самой смерти[2]). Изъ переписки мы видѣли, какое важное значеніе придавалъ Бруни этой работѣ и какія препятствія приходилось ему преодолѣвать. Подъ вліяніемъ этихъ трудностей Бруни счелъ необходимымъ составить особый трактатъ — „*О правильномъ переводѣ*"[3]), въ которомъ онъ излагаетъ необходимыя условія для хорошаго перевода. Ближайшимъ поводомъ къ трактату послужило желаніе автора доказать справедливость обвиненій, которыя онъ выставилъ противъ прежняго переводчика Этики Аристотеля въ предисловіи къ своему переводу этой книги[4]). Но Бруни идетъ далѣе[5]) и излагаетъ свои требованія къ переводчику въ особенности философскихъ и ораторскихъ произведеній. Для перевода Платона и Аристотеля нужно не только основательное знаніе обоихъ языковъ, нуженъ не только спеціальный талантъ, но и философское образованіе и большая начитанность въ другихъ авто-

---

[1]) Neque enim mihi causa est cum Bernardetto isto, cui decem jam menses verbum non feci, sed cum Iuda, homine potente atqua gratioso ex vetusta opulentaque familia, qui cum ipse re vera accusator sit ac totius hujus causae institor et auctor. Hunc submittit accusatorem, ut ipse, quod acerbissimum est, accusator simul et testis adversus me esse posit. Ibid. fol. 115.

[2]) Фогтъ дѣлаетъ попытку хронологически опредѣлить отдѣльные переводы Бруни, хотя они не всѣ ему извѣстны, и даетъ ихъ филологическую оцѣнку (II, p. 165—172).

[3]) Трактатъ *De recta interpretatione* остается до сихъ поръ неизданнымъ. Я цитирую по Ватинской рукописи (*Urbinate № 1164*; fol. 121—137. Этюдъ, посвященный этому трактату *Wotke, Beiträge zu Leonardo Bruni aus Arezzo* (въ Wiener Studien, XI, 1889 p. 291—308) мнѣ извѣстенъ только по рецензіи.

[4]) Cum Aristotelis libros ad Nichomacum scriptos e greca lingua in latinum vertissem, praefationem apposui, in qua permultos errores interpretis antiqui disserendo redargui. Has redargutiones meas nonnuli, ut audio, carpunt, quasi nimium indementes. Ajunt enim etsi errores inerant, tamen illum, quantum intellexit bona fide in medium protulisse, nec pro eo reprehensionem mereri, sed laudem. Consuevisse moderatos disputatores etiam manifesta errata non usque adeo aperire, sed factis potius redarguere, quam verbis insectari. Ego autem fateor me paulo vehementiorem in reprehendendo fuisse, sed... ego hunc non malum hominem, sed malum interpretem esse dixi. Ibid. fol. 121—122.

[5]) Atque ut tota res ista latius intelligat, explanando tibi primo, quid de hac interpretandi ratione sentio, deinde merito reprehensiones a me factas docebo; tertio me in reprehendendo illius errata doctissimorum hominum morem observasse ostendam. Ibid. fol. 122.

рахъ[1]). Для перевода ораторскихъ произведеній необходимо, кромѣ того, пониманіе требованій ораторскаго искусства и соблюденіе законовъ благозвучія[2]). Эти теоретическія положенія Бруни подкрѣпляетъ массой примѣровъ и въ заключеніе трактата объявляетъ переводъ безъ достаточной подготовки „непростительнымъ преступленіемъ“[3]).

Въ нашу задачу не входитъ оцѣнка филологическаго и литературнаго достоинства многочисленныхъ переводовъ Бруни; но выборъ авторовъ и въ особенности посвященія и предисловія къ переводамъ представляютъ интересъ для характеристики его воззрѣній. Ранѣе всего Бруни перевелъ книгу Василія Великаго „*О научныхъ занятіяхъ*“ и посвятилъ переводъ Салютати[4]), при чемъ изъ предисловія видно, что работа имѣла полемическую цѣль. Опираясь на общепризнанный авторитетъ отца церкви, Бруни имѣетъ въ виду нанести ударъ противникамъ гуманистической науки[5]). Такимъ образомъ пе-

---

[1]) Dico igitur omnem interpretationis vim in eo consistere, ut, quod in altera lingua scriptum, id in alteram recte traducatur. Recte autem id facere nemo potest, qui non multam ac magnam habent utriusque linguae peritiam. Nec id quidem satis. Multi enim ad intelligendum idonei, ad explicandum tamen non idonei sunt. Quemadmodum de pictura multi recte judicant, qui ipsi pingere non valent, et musicam artem multi intelligunt, qui ipsi sunt ad canendum inepti. Magna res igitur ac difficilis est interpretatio recta. Primum enim notitia habenda est illius linguae, de qua transfers nec ea parva neque vulgaris, sed magna, et trita, et accurata, et diuturna philosophorum et oratorum ac poëtarum et ceterorum scriptorum omnium lectione quesita. Nemo enim, qui hos omnes non legerit, evolverit, versarit undique atque tenuerit, vim significataque verborum intelligere potest, praesertim cum Aristoteles ipse et Plato, summi, ut ita dixerim, magistri litterarum fuerunt, ac usi sint ellegantissimo scribendi genere, veterum poëtarum et oratorum, et historicorum dictis sententiisque referto, et incidant frequenter tropi figuraeque loquendi, quae aliud ex verbis, aliud ex consuetudine previdicata significent. Ibid. fol. 122—123.

[2]) In oratione quippe numerosa necesse est percola et commata, et periodos incedere ac, ut apte quadrateque finiat comprensio, diligentissime observare. In exornationibus quoque ceteris conservandis summa diligentia erit adhibenda. Haec enim omnia nisi servet, prima orationis majestas omnino deperit et fatiscit. Ibid. fol. 126.

[3]) Ex quo scelus quodammodo inexpiabile censendum est hominem non plane doctum et elegantem ad transferendum accedere. Ibid. fol. 131.

[4]) *Praefatio ad Colucium Salutatum in liber Magni Basilii ad nepotes de studiis litterarum*. Переводъ былъ изданъ нѣсколько разъ въ XV и XVI столѣтіяхъ (см. Mehus, l. c.); я цитирую, какъ и другіе переводы, по рукописи, потому что въ печатныхъ изданіяхъ посвященія и предисловія обыкновено выпущены. Позже Бруни вернулся къ св. Василію Великому и написалъ *Ad Eugenium IV in duas Basilii omilias*. Рукоп. у Maz. (l. c. p. 2217).

[5]) Atque ideo libentius id fecimus, quod auctoritate tanti viri ignaviam ac perversitatem eorum cupiebamus refringere, qui studia humanitatis vituperant

реводъ является продолженіемъ той борьбы за новую науку и свѣтскую поэзію противъ средневѣковыхъ обскурантовъ, которую вели Петрарка, Боккаччіо и Салютати.

Съ особеннымъ усердіемъ переводитъ Бруни философовъ, сначала Платона, потомъ Аристотеля. И здѣсь имѣлось въ виду не простое удовлетвореніе любознательности читателя, незнакомаго съ греческимъ языкомъ, а моральное назиданіе, при чемъ Бруни относится съ глубочайшимъ уваженіемъ къ обоимъ философамъ. Такъ, посвящая переводъ *Федона* папѣ Иннокентію VII, Бруни говоритъ въ предисловіи, что цѣль его работы укрѣпить вѣру въ безсмертіе души, при чемъ языческій философъ признается полезнымъ дополненіемъ къ христіанскому ученію[1]). Характерно, что по отношенію къ Платону, Бруни держится той же точки зрѣнія, что и Петрарка: философъ имѣетъ въ его глазахъ особенную цѣну главнымъ образомъ потому, что его ученіе во многихъ пунктахъ согласно съ христіанскимъ[2]). Приведя мнѣніе, что Платонъ въ Египтѣ зналъ пр. Іеремію и что онъ читалъ Библію въ переводѣ 30 толковниковъ, Бруни отрицаетъ его правильность по хронологическимъ причинамъ, но въ самой легендѣ видитъ подтвержденіе близости греческаго философа къ христіанству[3]).

---

atque ab his omnino abhorrendum censent. Quod his contingit fere, qui ea tarditate ingenii sunt, ut nihil altum neque egregium valeant intueri; qui cum ad nullam partem humanitatis aspirare ipsi possunt, nec alios quidem id debere facere arbitrantur. Sed hos cum sua ignorantia relinquamus; neque enim digni sunt, de quibus verba fiant. *Cod. Urbin. № 1164* fol. 2—3. Заслуживаетъ вниманія также *отношеніе къ Салютати*, которому посвященъ переводъ. Nec ita amens sum, говоритъ Бруни, ut existimem hac tantula re summis tuis erga me officiis satisfacere posse. Ibid.

[1]) Ceteris vero hominibus valde utilis cum ad doctrinam et intelligentiam, tum ad rectae fidei confirmationem. Neque enim minima pars religionis, quae ad animas nostras post mortem hominis pertinet. Qua in re licet christiana doctrina nulla indigeat adjumento, cum omnia usque a Deo plana ac firma sint, ut in neminem penitus nisi omnino insipientem ulla dubitatio jam cadere potest. Tamen erit ista non mediocris ad recte credendum accumulatio, si videbunt hominem philosophum ex omni gentilitate acutissimum ac sapientissimum id quod nostri de anima sensisse. *Cod. Ambrosianus R. 64 Super.* fol. 29.

[2]) Quamquam non in hac dumtaxat parte rectae atque verae fidei Plato consentit, sed in aliis multis, ut minime equidem admirer fuisse jam nonnullos qui oppinarentur haebreos libros huic philosopho non fuisse incognitos. Ibid.

[3]) Me eum philosophum ad te mittere, qui a vera religione, cui tu divino nutu praefectus est, nequaquam abhorret, sed tantam habet convenientiam, ut fundamenta sentiarum suarum ex nostris libris putetur sumpsisse. Ibid. О самомъ Иннокентіи Бруни говоритъ въ предисловіи: tu omnem pompam omnemque indignam potentiam repulisti; tu non vi, sed jure et legibus valere voluisti; tu domum Dei accepto flagello domum orationis reddidisti. Ibid.

Хотя Бруни усердно переводилъ Платона[1]), тѣмъ не менѣе онъ выше ставилъ Аристотеля. Изъ переписки видно, какъ относился онъ къ Политикѣ Аристотеля[2]), которую онъ перевелъ на латинскій языкъ вмѣстѣ съ Этикой и Экономикой. Политика была переведена по порученію одного иностраннаго мецената[3]); Экономику Бруни посвятилъ Козимо деи Медичи и снабдилъ ее предисловіемъ и комментаріями. Настаивая на важности этого сочиненія, переводчикъ въ предисловіи доказываетъ важность богатства[4]), мысль, сближающая гуманистовъ третьяго поколѣнія съ Боккаччіо, который расходился въ этомъ отношеніи съ Петраркой. Переводу Этики Бруни предпослалъ уже упомянутое нами предисловіе, въ которомъ рѣзко порицаетъ ранняго переводчика этой книги, какого-то монаха изъ ордена Praedicatorum, за его невѣжество и въ латинскомъ, и въ греческомъ языкѣ, а также посвященіе папѣ Мартину V. Посвященіе это интересно въ томъ отношеніи, что оно бросаетъ свѣтъ на гуманистическій обычай посвящать свои работы друзьямъ или меценатамъ. Бруни въ этомъ отношеніи не раздѣляетъ воззрѣній своихъ единомышленниковъ, которые искренно или нѣтъ, но съ большимъ усердіемъ увѣряли покровителей, что посвященіе доставитъ имъ безсмертіе[5]). По его мнѣнію, посвященіе хорошій обычай древнихъ писателей, который слѣдуетъ удержать, потому что такимъ путемъ авторъ можетъ выразить свое уваженіе къ какому-нибудь лицу и поставить свою работу подъ болѣе высокій авторитетъ[6]). Кромѣ того, въ данномъ

---

[1]) Кромѣ Федона, по Мегусу, Бруни перевелъ еще: Горгія, Критона, Федра, Апологію Сократа и Epistolae (l. c.)

[2]) Equidem affirmare ausim, nullum esse opus latinae linguae, de litteratis loquor, quod huic Aristotelis operi sit anteponendum dignitate rerum tractatarum et auctoritate scriptoris. Epist. VIII, 1.

[3]) См. Epist. VIII, 6.

[4]) *Praefatio in librum Oeconomicorum ad Cosmam Medicem.* Sunt vero utiles divitiae, cum et ornamenta sunt possidentibus ed ad virtutes exercendas suppeditant facultatem. Prosunt etiam natis, qui facilius per illas ad honores dignitatesque sublevantur. Quare tum nostri, tum natorum multo magis caritate illarum amplificationi, quoad honeste possumus studendum est, quoniam a philosophis in bonis memorantur et ad felicitatem pertinere creduntur. *Cod. Парижской Національной Библіотеки № 6582* f. 1. Объ изданіяхъ см. Mehus, l. c.

[5]) Узнавши, что герцогъ Глочестеръ не доволенъ тѣмъ, что переводъ Политики посвященъ не ему, Бруни съ презрѣніемъ замѣчаетъ: sed ego illa gloriola delectari tantum principem non putavi. Epist. VIII, 16.

[6]) Non novum esse constat, beatissime pater, sed jam inde ab antiquis frequentissime usitatum, ut qui litterarum studiis insudant homines laborum suorum opera ad principes scribant. Quod mihi fecisse videntur non quo disciplinam aliquam illis proponant, sed quo amor ac benevolentia sua bonis principibus

случаѣ Бруни посвящаетъ книгу папѣ и по другимъ соображеніямъ. Онъ сдѣлалъ переводъ ради общаго блага по долгу писателя[1]); но онъ боится, что обскуранты повредятъ его книгѣ; поэтому онъ и ставитъ ее подъ авторитетъ папы[2]). Переводъ Ксенофонта[3]) и нѣкоторыхъ ораторовъ[4]) не представляетъ интереса, такъ какъ отношеніе Бруни къ краснорѣчію достаточно извѣстно, а предисловія или незначительны, или совершенно отсутствуютъ. Важнѣе переводы изъ Плутарха[5]), хотя и здѣсь предисловія часто отсутствуютъ. Бруни имѣлъ въ виду перевести всѣ біографіи, составленныя этимъ писателемъ „высокаго авторитета“[6]), но не исполнилъ своего намѣренія. Онъ перевелъ только немногія біографіи, и первую изъ нихъ, „*Жизнь Марка*

---

innotescant ac ex eorum auctoritate ad quos libri scribuntur, quaedam ipsis libris auctoritas. *Cod. Національной Библіотеки въ Неаполѣ. VIII G. 30.* fol. 1.

[1]) Id enim praecipuum studiosorum munus putandum est, ut non ad propriam modo, sed etiam ad communem utilitatem studia referant sua. Ibid.

[2]) Quia vero suspicor fore nonnullos, qui forsan graecarum litterarum ignari et ob hoc defectus minime internoscere valentes, huic nostro labori refragabuntur. Ibid. Посвященіе, кромѣ того, даетъ хронологію работы. Nam cum per vacationem apostolicae sedis nuper in Constantiensi concilio subsecutam, ipse quoque ab officio, quod in curia praestare consuevi, vacarem, multaque et varia quotidie insurgerent, quorum nec finem, nec exitum ullum prospicere volebam, retuli me ad studia litterarum, tamquam in tranquilissimum aliquem portum turbationum cunctarum. Ibid.

[3]) Въ *Ad Nicolaum suum in tyrannum Xenophontis philosophi praefatio* Бруни говоритъ, что онъ сдѣлалъ переводъ ingenii exercendi gratia. *Cod. Ambrosianus H. 91. Super.*

[4]) Oratio pro Diophyte въ рукописи безъ посвященія (*Cod. Ambrosianus R. 64. Super*). Въ Oratio pro Ctesiphonte вмѣсто предисловія фактическое изложеніе дѣла, вызвавшаго эту рѣчь, а въ концѣ дата: Romae, VII kal. Maj. (Ibid. fol. 49). Кромѣ того, по Мегусу, Бруни перевелъ: Oratio Aeschinis in Ctesiphontem и двѣ рѣчи Демосѳена безъ заглавія (рукоп.). Въ Парижской Національной Библіотекѣ находятся слѣдующіе переводы Бруни, оставшіеся неизвѣстными Мегусу: Demosthenis Philippicae (Cod. 2662, 6582 и 8610), Ejusdem De pace (Cod. 8610), Ejusdem epistola ad Alexandrum (Cod. 6072, 7808); Aeschinis contra Demosthenem (Cod. 7820); Ejusdem epistola ad Athenienses (Cod. 6582 и 8610). Кромѣ того, у Mazz. приведены: Demosthenis Olinthiaca III и Lysiae Oratio (l. c. p. 2216) и Isocratis Oratio cui titulus Nicocles (Ibid. p. 2218.

[5]) Они напечатаны: *Plutarchi Cheronei, Graecorum Romanorumque illustrium vitae. Basileae 1553,* при чемъ всѣ предисловія и посвященія пропущены; поэтому я цитирую по рукописямъ.

[6]) Habemus in animo hos omnes Plutarchi viros in latinum convertere. *Praefatio in vitam M. Antonii ad C. Salutatum. Cod. Ambros. R. 64. Super.* fol. 1.

Антонія", посвятилъ Салютати[1]). Этотъ переводъ былъ сдѣланъ исключительно ради фактической занимательности[2]); переводомъ біографіи Серторія, посвященнымъ Антоніо Лоски, Бруни преслѣдуетъ полемическія цѣли. Онъ возражаетъ прежде всего тѣмъ, которые ставятъ современное военное искусство выше древняго и въ особенности за военныя хитрости, которыя составляютъ главное преимущество новыхъ полководцевъ[3]). По его мнѣнію, современныя войны напоминаютъ дѣтскія забавы, а новыя военныя хитрости — простое вѣроломство и предательство[4]). Бруни глубоко убѣжденъ, что древніе превосходятъ современниковъ и въ военномъ дѣлѣ, и въ политикѣ, и въ краснорѣчіи, и въ наукѣ[5]). Чтобы дать Лоски новый аргументъ противъ сторонниковъ противоположнаго мнѣнія, Бруни посвящаетъ ему свой переводъ[6]).

Съ меньшимъ усердіемъ переводилъ Бруни поэтовъ[7]): въ рукопи-

---

[1]) Ita a te adulti sumus, говоритъ между прочимъ Бруни Салютати, ut quaedam jam a nobis transscripta etiam bene litterati homines non omnino aspernarentur. Ibid.

[2]) Non virtute hominis invitati sumus, sed historiae amoenitate allecti. Ibid.

[3]) Qui gestis militaribus veterum virorum haec nova temporis facta esse longe praeferenda contumaci ac proterva obstinatione contenderent... confestim alioquin efficacibus ac veris rationibus victi ad illud tamquam arcem unicam sui erroris confugere solent, ut dicant antiquos illos prisca quadam bonitate refertos versutia ingenii dolisque et fallaciis, quibus in hoc tempore homines superabundant, carruisse. *Prologus in vitam Sertorii ad Antonium Luscum.* Ibid. fol. 73.

[4]) Expertia ordinis, expertia disciplinae, expertia scientiae rei militaris, nunquam collatis signis dimicare ausa, sed levibus certaminibus fugisque et insectationibus instar puerorum contenta... Jam vero quod de falaciis dolisque gloriantur sunt sane quaedam ejuscemodi omni tempore detestanda, ut foederum fractiones, fidei defectus, proditionesque fidentium, in quibus si excedere nostri contendant, non solum improbi, verum etiam stulti videbuntur. Ibid.

[5]) Si recte judicare voluerimus nec nosmet ipsos caritate nostri decipere, jam videbimus manifeste nec in re militari, nec in gubernatione rerum publicarum, nec in eloquentia, nec in studiis bonarum artium tempora nostra antiquis respondere. Ibid.

[6]) Si quando in sermones eorum hominum devenires, hujus quoque viro exemplo temeritatem contendentium perfringere et segnitiem nostri temporis objurgare possis. Ibid. Біографіи Павла Эмилія, Катона (ibid.), а также Демосѳена (*Cod. Parisiens. № 1676*) безъ предисловій и въ рукописяхъ, біографіи Пирра и Гракховъ мнѣ извѣстны только по печатному тексту. Кромѣ того, у Mazz. приведены неизданные переводы біографій Помпея, Цезаря, Тезея, De liberis educandis и жизнь Аристида, которую приписываютъ Бруни и Фр. Барбаро (l. c. p. 2212, 2215, 2218).

[7]) Изъ прозаическихъ переводовъ Мегусъ упоминаетъ еще *Theana ad Nicostratum* и въ ватиканской рукописи (*Urbin. № 1164*) находится *Epistola*

сяхъ встрѣчаются только переводы одной комедіи Аристофана[1]), Одиссеи Гомера[2]) и одного весьма характернаго отрывка изъ Иліады[3]). Бруни интересуетъ главнымъ образомъ краснорѣчіе и онъ выбралъ для перевода изъ Иліады рѣчь Одиссея за обѣдомъ у Ахилла, когда онъ явился къ нему посломъ вмѣстѣ съ Аяксомъ и Фениксомъ, рѣчи этихъ послѣднихъ и отвѣтъ Ахилла. При переводѣ этихъ отрывковъ Бруни отступаетъ отъ своихъ обычныхъ пріемовъ: онъ передаетъ текстъ прозой и oratorio modo и сообразно съ этимъ выпускаетъ поэтическіе эпитеты[4]). Въ предисловіи къ передѣлкѣ, гдѣ сообщаются свѣдѣнія о происхожденіи краснорѣчія[5]), о древнѣйшихъ поэтахъ[6]), Бруни доказываетъ, что Гомеръ былъ опытный ораторъ и въ переведенныхъ рѣчахъ представилъ образецъ всѣхъ трехъ видовъ ораторскаго искусства[7]). Кромѣ переводовъ съ греческаго, которые въ концѣ XIV и въ началѣ XV столѣтія дали въ руки итальянскимъ гуманистамъ выдающіяся произведенія греческой литературы, Бруни переводилъ съ латинскаго на родной языкъ древнихъ писателей. Правда, переводы эти весьма немногочисленны[8]), но самый фактъ ихъ суще-

---

Philippi Macedonici ad Athenienses ex greco in latinum translata per Leonardum Aretinum (fol. 146—150). Кромѣ того, Mazz. приводитъ: *Ptolomaei Almagestum* и *Epistolae Phalaridis* (l. c. p. 2217).

[1]) *Aristophanis Plutus. (Cod. Paris. № 6714).* Мегусъ называетъ еще traductio actus primi primae comoediae Aristophanis.

[2]) *Homeri Odyssea. Cod. Paris. № 8177.* Мегусу этотъ переводъ неизвѣстенъ.

[3]) *Orationes Homeri* рукопись въ Ambrosiana *(Cod. I. 11. Super.).* Переводъ остался неизвѣстенъ Мегусу.

[4]) Quae propria poëtarum sunt, oratiori nullo modo congruunt. Fol. 29.

[5]) Ridere licet eorum asseverationem, qui a Corace et Chtesia Siculis inventum dicendi artificium tradidere, cum per Homeri tempora tam multis ante seculis orationem jam cognitum fuisse appareat. Ibid. fol. 28.

[6]) Homerus antiquissimus Graecorum omnium, quorum scripta legantur. Nam Lini quidem et Orphei, qui Homerum antecedunt aetatibus, vel nulla, vel admodum pauca et ea ipsa incerta scripta circumferuntur. Denique illa, quae dicuntur Orphei carmina, Aristoteles non Orphei, sed pithagoreorum cujusdam fuisse carmina existimat. Ibid. fol. 29.

[7]) Homerus cernit acute, quid sit in causa, et mature disponit. Nec rationes modo affert ad rem probandam, verum etiam motus adhibet animorum, in qua una re maxime dominatur orator. Illud praeterea in eo poeta mirabile, quo cum tria sunt dicendi genera, unum stabile et pressum, alterum grande et concitatum et tertium inter haec medium, quod tum modicum, tum mediocre, tum temperatum vocitamus. Haec ipse genera et intellexisse prudenter et servasse diligenter apparet. Доказательство переведенныя рѣчи. Улиссъ представляетъ первую категорію, Ахиллъ вторую, Фениксъ 3-ю. Ibid. fol. 29.

[8]) Несомнѣнно принадлежитъ Бруни переводъ рѣчи Цицерона pro Marcello, завѣренный многими рукописями (См. Mazz. l. c. p. 2213). *Reinhardstöttner (Eine dem Leonardo Bruni zugeschriebene Sallustübersetzung)* отрицаетъ под-

ствованія очень характеренъ, потому что онъ обнаруживаетъ тенденціи гуманистовъ доставить античнымъ писателямъ болѣе широкій кругъ читателей и еще разъ опровергаетъ распространенное мнѣніе объ ихъ формальномъ отношеніи къ древности.

IV.

Курія Иннокентія VII. — Научныя работы Бруни. — Біографіи Аристотеля и Цицерона. — Труды по греческой и римской исторіи. — Комментарій. — Сочиненія, посвященныя Флоренціи. — Флорентійская исторія и отношеніе къ ней позднѣйшихъ изслѣдователей. — Значеніе историческихъ трудовъ Бруни. — Его беллестристическія сочиненія и переводы. — Общій характеръ и значеніе научной и литературной дѣятельности Бруни.

На ряду съ переводами, Бруни постоянно занимался самостоятельными научными работами. Характерно, что вопросы филологическіе и грамматическіе его занимаютъ сравнительно мало[1]). Если въ перепискѣ онъ подвергаетъ иногда обсужденію этимологію отдѣльныхъ латинскихъ или греческимъ словъ, то дѣлаетъ это или, отвѣчая на чей-нибудь вопросъ, или защищая свои переводы. Формальное направленіе въ изученіи древности и вообще въ научныхъ занятіяхъ, за которое нѣкоторые изслѣдователи упрекали гуманистовъ третьяго поколѣнія, было совершенно чуждо Бруни. Его единственную работу въ этомъ духѣ представляютъ формулы адресовъ различнымъ лицамъ[2]). Даже классиковъ Бруни комментируетъ довольно рѣдко въ отдѣльныхъ трактатахъ[3]); главный интересъ для него представляетъ *біографія* и

линность приписываемаго ему перевода Саллюстія. (См. Giorn. stor. d. lett. ital. XV, p. 323). Несомнѣнно подложный переводъ приведенъ у Mazz. (l. c. p. 2212): *Libro intitolato Aquila volante di latino in volgare lingua dal L. Aretino tradotto; nel quale si contiene dal princiio del mondo molte dignissime istorie e favole di Saturno e Giove, delle gran guerre fatte da' Greci, Trojani Romani fin al tempo di Nerone; com molte degne allegazione di Dante ed altri autori. Napoli 1495.* Книга выдержала еще 11 изданій въ XV и XVI столѣтіяхъ.

[1]) Voigt приводитъ извѣстное ему по заглавію сочиненіе Бруни *Isagoge de vitiis grammaticorum* (II, 379), но по заглавію нельзя опредѣлить, идетъ ли рѣчь въ книгѣ о грамматикѣ или о грамматикахъ.

[2]) Эту рукопись Mehus приводитъ подъ итальянскимъ заглавіемъ *Formule di soprascritte per lettere.* Voigt, которому она осталась неизвѣстной, приписываетъ Бруни на основаніи ея существованія реформу эпистолярнаго стиля (II, 441). Мы приводимъ большую часть адресовъ по парижской рукописи. См. Приложеніе I.

[3]) Mazz. приводитъ только *Notae in comoedias Terentii* и *Notae in orationem Ciceronis pro Quinctio* (l. c. p. 2217).

исторія, при чемъ современность такъ же его занимаетъ, какъ и древность. Выше мы разсмотрѣли составленныя имъ жизнеописанія флорентійскихъ поэтовъ; кромѣ того, онъ составилъ неизданныя до сихъ поръ біографіи Аристотеля и Цицерона. Первую Бруни написалъ изъ благодарности къ Аристотелю, огромныя заслуги котораго по отношенію къ роду человѣческому признаны всѣми[1]), такъ какъ онъ собралъ воедино разбросанныя до него науки[2]). По существу, біографія представляетъ компиляцію[3]), написанную въ панегирическомъ тонѣ, но она интересна, во-первыхъ, по методу и, во-вторыхъ, по сравнительной оцѣнкѣ Платона и Аристотеля. Прежде всего Бруни совершенно правильно понимаетъ задачи біографіи философа: внѣшнимъ фактамъ и изображенію личнаго характера онъ сознательно придаетъ сравнительно второстепенное значеніе[4]) и останавливается главнымъ образомъ на сочиненіяхъ, которыя разсматриваетъ сравнительно съ діалогами Платона. Кромѣ того, самыя похвалы Аристотелю онъ старается обосновать съ помощію критическихъ пріемовъ. Такъ, защищая философа отъ обвиненія за его сношеніе съ тиранномъ Герміемъ и за любовь къ служанкѣ, которая будто бы удержала его при дворѣ тиранна, Бруни ссылается, во-первыхъ, на свидѣтельство Димитрія изъ Магнезія, по словамъ котораго Гермій былъ родственникомъ Аристотеля, и, во-вторыхъ, на то соображеніе, что Филиппъ не по-

---

[1]) *Vita principis philosophorum Aristotelis Stagiritae per Leonardum Aretinum in lucem edita.* Въ началѣ Ad integerrimum praestantissimumque dominum Cardinalem Sanctae Crucis In vitam immortalis Aristotelis praefatio. *Cod. Paris. № 1676.* fol. 121. Quanta nobis Aristoteles philosophus atque adeo generi humano beneficia contulerit et ad disciplinarum omnium lucem et ad virtutem morumque laudatissimam comperationem, omnes intelligunt.

[2]) Aristoteli permultum debet humanum genus, quod doctrinas ante se varie dispersas in unum quasi corpus singulas redigere nobisque eas tradere dignatus est. Ibid. 126. Кромѣ того, Бруни настаиваетъ на краснорѣчіи Аристотеля, которое, если и отрицалось, то только потому, что знали его сочиненія по крайне плохимъ переводамъ. Expertus sum apud quosdam doctos viros, graecarum tamen literarum ignaros fidem non fieri assertione mea, dum Aristotelis eloquentiam commendo. Quippe adulterrimas hujus philosophi traductiones lectitare soliti inliteratum quendam et obscurum et inconcinnum arbitrantur. Sed non sunt illi Aristotelis libri nec, si vivat, ipse suos dici velit, sed merae translatorum ineptiae. Ibid.

[3]) Vitam ejus et mores ac caetera, quae ad hanc spectant partem hoc in libro conjeci: colligens undique connectens, quae ad cognitionem ejusmodi rerum pertinere videbantur. Ibid. fol. 121.

[4]) Изложивъ все это, Бруни замѣчаетъ: Haec de moribus ejus usuque domestico retulisse sat esto. Non enim haec in philosophis tam diligenter spectanda sunt, qui (sic) studia eorum praeclaramque disciplinam intuendum, de quibus jam dicere ordiemur. Ibid. fol. 125.

ручилъ бы воспитаніе сына развратному человѣку[1]). При сравненіи Аристотеля съ Платономъ, Бруни рѣшительно становится на сторону перваго. Отдавая должное учености и краснорѣчію Платона, онъ во имя здраваго смысла рѣшительно осуждаетъ его ученіе о душѣ и политическія доктрины. Кромѣ того, Бруни ставитъ Аристотеля гораздо выше Платона и за методъ изслѣдованія[2]).

Менѣе интереса представляетъ біографія Цицерона[3]). Въ посвященіи Никколи Бруни разсказываетъ, что ему попался плохой пере-

[1]) Mortuo Platone ad Hermiam Atarnei tyranum profectus, triennio fere apud illum desedit. Hanc ejus moram nonnulli obtrectatores vehementer carpsere, quasi parum philosopho congruentem. Laceraturque hoc in loco maxime pro ancillae cujusdam amoribus pene insanis, quorum gratia illum desedisse apud Hermiam quidem scripsisse. Extatque in eum epigramma nobile Theocriti Chii amarissimis sane verbis obscenitatem ac desidiam illi exprobantis. Sed haec omnia ut falsa et ab obtrectatoribus ficta existimem. Nam illuc quod adduci non possum, ut existimem hominem minus integra fama in eo ipso tempore a praestantissimo rege aut tantopere appetitum evocatumque aut unicum tantae spei filium huic potissime creditum. Et simul a Demetrio Magnesio scriptum reperio necessitudinem quandam Aristoteli cum Hermia fuisse, quod ejus nepotem in matrimonio haberet eoque veluti officio retentum penes illum fuisse. Ibid. fol. 122.

[2]) Fuit enim Plato vir singularis quidem ac praecellens, multarum ac variarum rerum scientia praeditus, eloquentia vero tanta, ut supra hominem sese attolere illius eloquium videatur. Caeterum tradiciones ejus interdum tales sunt, ut a sensu potius bonae mentis, quam probationis necessitate nitantur. Nam de natura animi ipsiusque transmigratione distrusioneque in corpora permulta traduntur ab illo prolata magis hominibus, quam probata; et in optimo civitatis statu constituendo ea nonnunquam sentit, quae ab hoc nostro usu consuetudineque vivendi plurimum abhorrent. Mulieres enim communes omnium esse censet, quo nihil inexplicabilius cogitari potest, filios vero ita incertos, ut nemo neque suos, neque alienos queat agnoscere. Praeterea doctrina varia est et incerta. Socrates enim ubique inductus nullo disciplinarum ordine quasi ex capite ad calcem discurrit, sed modo hoc, modo illud pro arbitrio agit et in disputando non tam quae ipse sentiat videtur, quam aliorum sententias dictaque refellere. Aristoteles vero et cautior in tradendo fuit — nihil enim aggreditur, quod probare non possit — et moderatior in opinando — ut haec quae in usu vitaque communi versantur adjuvare non aliena et abhorrentia et nunquam profutura meditari illum appareat. Ad haec ipsis in rebus explicatio seriosa atque perdiligens, ut sive logice sive philosophice, sive aethice tradat, continuata ubique doctrina sit et ab ipsis primordiis rerum ad finem usque perducta scientia. Tamquam pater diligens, qui non solum genuisse (sic) filios, sed per pueritiam adolescentiamque educatos non prius deserat, quam continuato diligentiae studio in viros traduxerit. Haec autem continuatio diligentiaque doctrinae in Platone non fuit. Ibid. 125—126.

[3]) Въ *Парижскомъ кодексѣ № 1676* fol. 132, біографія озаглавлена такъ: *Marci Tullii Ceceronis vita per Leonardum Aretinum e greco in latinum traducta feliciter incipit prohoemium.* Но послѣ предисловія другое болѣе точное заглавіе *Leonardi Aretini Cicero novus.* Подъ такимъ заглавіемъ знаетъ біографію и Mehus.

водъ жизни Цицерона Плутарха. Тогда онъ рѣшилъ сдѣлать новый и уже принялся за работу; но біографія Плутарха его не удовлетворила. По мнѣнію Бруни, Плутархъ и неполонъ, и пристрастенъ къ Цицерону, котораго онъ старается поставить ниже Демосѳена. Тогда Бруни, оставивъ Плутарха, рѣшилъ написать біографію по инымъ источникамъ и „на иномъ основаніи": полную и *критически обоснованную*[1]). Этимъ предисловіемъ, въ которомъ обнаруживаются съ полною ясностью успѣхи новой исторіографіи, исчерпывается интересъ „Новаго Цицерона".

Историческіе труды Бруни весьма многочисленны и разнообразны. Кромѣ нѣсколькихъ мелкихъ работъ монографическаго характера, которыя остаются неизданными[2]), онъ составилъ три большихъ сочиненія по древней исторіи и два по современной. Сочиненія первой категоріи отличаются компилятивнымъ характеромъ; сюда относятся, во-первыхъ, „*Комментаріи къ греческой исторіи*"[3]), написанныя по Ксенофонту съ цѣлью предостеречь современниковъ отъ внутреннихъ раздоровъ и междуусобій[4]). Затѣмъ Бруни написалъ преимущественно по Поливію „*Три книги о пунической войнѣ*"[5]). Интересъ

[1]) Quippe multis praetermissis, quae ad illustrationem summi viri vel maxime pertinebat, caetera sic narrat, ut magis ad comperationem suam, in qua Demosthenem praeferre nititur, quam ad sincerum narrandi judicium accomodari videantur. Nos igitur et Plutarcho et ejus interpretatione omissis, ex his, quae vel apud nostros, vel apud graecos de Cicerone scripta legeramus, ab alio exorsi principio. Vitam et mores et res gestas ejus maturiori digestione et pleniori notitia, non ut interpres, sed pro nostro arbitrio voluntateque discripsimus. Est autem a nobis nihil temere in historia positum, sed ita, ut de singulis rationem reddere et certa probatione asserere valeamus. Ibid. fol. 132.

[2]) Mehus называетъ слѣдующія монографіи: 1) *De Romae origini et unde dicta est.* 2) *Ad Joh. Franciscum Gonsagam, Principem Mantuanorum de origine urbis Mantuae,* тождественно съ разсмотрѣннымъ выше письмомъ. См. Zeno, Diss. Voss. I, p. 92. 3) *Interrogatio* ad peritissimum virum Dominicum Franciscum de Fiano per elegantissimum Leonardum Aretinum transmissa, videlicet, *quo tempore fuerit Ovidius, causam per quam Ovidius fuerit in exilium relegatus et si revocatus ab exilio fuerit in patriam remissus,* scire cupientem. Mazz. приводитъ еще *De bello Trojano* (l. c. p. 2213).

[3]) *Commentarius rerum graecarum ad equitem Angelum Acciaolum.* Изданія указаны у Mehus'a.

[4]) Scripsi noviter, говоритъ Бруни въ одномъ письмѣ (VIII, 3) commentarium quoddam rerum Graecarum, ut nobis aliorum pericula forent exemplo, quam sint bellorum contentionumque discrimina formidanda. Авторъ разсматриваетъ событія греческой исторіи отъ битвы при Аргинузскихъ островахъ до смерти Эпаминонда. См. Zeno, Dissert. Voss. I, p. 91; Voigt, II, p. 173.

[5]) *Leonardo Arretini De bello Punico libri tres.* Первое изданіе Brixiae 1498; другія указаны у Mehus'a. Предисловіе я цитирую по Парижской рукописи № 9683.

этого сочиненія заключается главнымъ образомъ въ предисловіи, гдѣ авторъ прежде всего объясняетъ свои занятія древней исторіей. Признавая всю важность новой исторіи, Бруни заявляетъ, что ему такъ же страстно хочется повидать древнихъ, какъ Орфею Эвридику, и что для этой цѣли онъ охотно бы пошелъ на край свѣта; но такъ какъ это невозможно, то онъ старается познакомиться съ ними по сочиненіямъ[1]). Признаніе чрезвычайно характерное въ устахъ автора исторіи Флоренціи: Бруни не скрываетъ своихъ симпатій къ древности, которыя носятъ главнымъ образомъ индивидуалистическій характеръ, но это не мѣшаетъ ему чувствовать интересъ и къ современности, какъ показываютъ другія его сочиненія. Въ первомъ изданіи книга Бруни названа переводомъ Поливія[2]); въ дѣйствительности же это не переводъ, а компиляція. „Если бы сохранились книги Ливія, говоритъ Бруни, то не было бы надобности въ новомъ трудѣ"; но эти книги утрачены, поэтому Бруни рѣшилъ пополнить пробѣлъ по другимъ авторамъ, внося въ свою книгу только то, что считалось доказаннымъ[3]).

Послѣднее сочиненіе по древней исторіи *„Объ италійской войнѣ противъ готовъ"*[4]) составлено по Прокопію, хотя Бруни называетъ себя въ одномъ письмѣ не переводчикомъ, а авторомъ, что дало поводъ къ обвиненію его въ плагіатѣ. Обвиненіе это однако едва ли справедливо. Бруни и не скрываетъ, что онъ пользовался Прокопіемъ, но онъ сокращалъ свой источникъ и видоизмѣнялъ порядокъ

---

[1]) Esse vero noviora quaedam, quae mandari litteris cum dignitate possint non equidem inficias nec si quis eam sibi laudem paraverit reprehendo. Verum quae tandem adversus me querela est, si vetusta me, ut vina magis delectant? Equidem fateor, non tam cupide Orpheum, ut poëtae tradunt, Euridicis amore infernas adisse sedes, quam ego si spes modo aliqua offeratur antiquos illos praestantes viros intuendi ad ultimas penetrarim terras, quos quia oculis intueri non licet, quod secundum est, mente et cogitatione libens complector resque, ab illis gestas, in quibus hujusmodi decus et gloria continetur omnibus esse cognitas quam maxime opto. Haec mihi causa fuit haec ipsa commentaria scribendi. F. 1.

[2]) *Polybius de primo bello Punico latine Leonardo Aretino interprete.*

[3]) Commotus ipse ob majorum nostrorum gloria ne rerum tam praeclare tam magnifice gestarum memoria deperiret, quantum solerti lectione Polibii ceterorumque graecorum consequi potui, commentaria ejus pro communi utilitate suffeci, illa moderatione adhibita, ut nihil quod non probatum a superioribus esset, huic operi insererem et tamen non ab uno sumerem, ut interpres, sed a multis sumptameo arbitratu referrem. Cod. Paris. fol. 1.

[4]) *De bello Italico adversus Gothos gesto libri IV.* Первое изданіе Fulgini 1470. Затѣмъ книга была переиздана много разъ и переведена на французскій и итальянскій языки. См. Mehus, l. c.

его изложенія, вслѣдствіе чего считалъ себя въ правѣ настаивать на своемъ авторствѣ[1]).

Несравненно болѣе интереса представляютъ сочиненія Бруни, посвященныя современной исторіи и прежде всего „*Комментарій о событіяхъ своего времени*“[2]). „Въ этой книжкѣ,— говоритъ Бруни,— я имѣю въ виду изложить въ короткомъ разсказѣ, какіе были выдающіеся люди въ Италіи въ мое время, каково было положеніе вещей (conditio rerum) и направленіе наукъ (studiorum ratio)“[3]). Бруни сожалѣетъ, что этого не дѣлали въ предшествующія эпохи: тогда „мы не были бы погружены въ такой мракъ невѣжества. По крайней мѣрѣ, мнѣ времена Цицерона и Демосѳена кажутся гораздо болѣе извѣстными, чѣмъ то, что было даже 60 лѣтъ назадъ“[4]). Главное мѣсто въ разсказѣ Бруни занимаетъ то, что онъ называетъ conditio rerum, т.-е. политическое положеніе Италіи и особенно важныя событія въ общественной жизни, какъ напр. чума или появленіе флагеллантовъ. Изложеніе носитъ повѣствовательный характеръ; только изрѣдка Бруни пускается въ философію и когда дѣлаетъ это, то становится на традиціонно-богословскую точку зрѣнія. Такъ, разсказавъ, что Іоаннъ XXIII, думая найти спасеніе въ соборѣ, отправилъ къ императору пословъ съ искусно составленными инструкціями, Бруни замѣчаетъ: „отправленіе этихъ легатовъ было началомъ паденія папы“, и выводитъ изъ этого доказательство, что „всѣмъ управляетъ небо“[5]). Разсказъ Бруни, довольно монотонный и блѣдный, гдѣ авторъ пишетъ по наслышкѣ, дѣлается весьма живымъ, когда идетъ рѣчь о событіяхъ, въ которыхъ Бруни принималъ непосредственное участіе или былъ очевидцемъ. Таково изложеніе исторіи современнаго папства и въ особенности разсказъ объ избраніи Григорія XII и о стараніяхъ прекратить схизму[6]). Въ такихъ мѣстахъ Комментарій Бруни пріобрѣтаетъ значеніе историческаго источника перваго ранга.

---

[1]) Scripsi vero illos non ut interpres, sed ut genitor et auctor, quemadmodum enim, si de presenti bello scriberem, notitia quedam rerum gestarum ex auditu foret, ordo vero, ac dispotisio et verba mea essent ac meo arbitratu excogitata et posita; eodem item modo ipse noticiam tantum rerum gestarum de illo sumens, in ceteris omnibus ab eo recessi, utpote qui hoc unum habeat boni quod bello interfuit. Cetera illius sunt spernenda. Epist. IX, 9.

[2]) *Leonardi Aretini Rerum suo tempore gestarum commentarius ab anno MCCCLXXVIII usque ad annum MCCCCXL.* Antea editus nunc autem emendatior ad fidem ms. codicis. Bergomensis. У *Muratori* Scriptores. T. XIX, p. 909 и слѣд. О другихъ изданіяхъ см. Mehus, l. c.

[3]) Muratori, col. 913.

[4]) Ibid.

[5]) Ibid. col. 928.

[6]) Ibid. col. 925 и слѣд.

Весьма интересную особенность Комментарія составляютъ заключающіяся въ немъ многочисленныя автобіографическія свѣдѣнія. Историческое сочиненіе Бруни — настоящіе мемуары. Авторъ говоритъ о своемъ отношеніи къ Иннокентію VII, къ Григорію XII, къ Малатестѣ и къ Іоанну XXIII[1]). Онъ приводитъ дословно свою рѣчь Мартину V, которой онъ успокоивалъ папу, обиженнаго уличной пѣсенкой во Флоренціи, и съ удовольствіемъ отмѣчаетъ благотворные результаты своихъ усилій[2]). Бруни сообщаетъ даже автобіографическія свѣдѣнія чисто личнаго свойства, которыя имѣютъ большой интересъ для исторіи Ренесанса. Онъ разсказываетъ, какъ онъ сталъ гуманистомъ. Однажды аретинскіе изгнанники завоевали свой родной городъ и вмѣстѣ съ другими плѣнными захватили Бруни и отвели въ крѣпость Кварату. „Такъ какъ я былъ еще мальчикъ, разсказываетъ онъ, то меня держали не вмѣстѣ съ другими плѣнными, но въ болѣе почетномъ заключеніи (honestiore quodam carcere). Въ этой комнатѣ былъ нарисованъ портретъ Фр. Петрарки, и я, глядя на него ежедневно, воспылалъ невѣроятною любовью *къ его занятіямъ*“[3]). Въ сочиненіи, написанномъ уже въ преклонныхъ годахъ, этотъ мнимый порицатель перваго гуманиста открыто признаетъ себя продолжателемъ его занятій. Впрочемъ окончательно толкнуло Бруни на новую дорогу появленіе во Флоренціи Мануила Хризолора. „Въ это время, разсказываетъ Бруни въ Комментаріи, я занимался гражданскимъ правомъ, не оставаясь однако невѣжественнымъ и въ прочихъ наукахъ, такъ какъ по природѣ я пылалъ къ нимъ любовію и особенное стараніе прилагалъ къ реторикѣ и діалектикѣ. Поэтому при появленіи Хризолора я очутился въ затруднительномъ положеніи: оставить занятія правомъ я находилъ постыднымъ и въ то же время считалъ почти преступленіемъ пропустить такой случай изучить греческую литературу. Съ юношескою живостью часто говорилъ я себѣ: представляется возможность созерцать Гомера, Платона, Демосѳена, бесѣдовать и съ прочими поэтами, философами и ораторами, насытиться ихъ чудеснымъ ученіемъ. Ужели ты лишишь себя этого? Ужели ты упустишь случай, данный тебѣ самимъ божествомъ? Уже 70 лѣтъ никто въ Италіи не изучаетъ греческой литературы, хотя мы и считаемъ ее источникомъ всѣхъ наукъ. Какую пользу для знанія, какой доступъ къ славѣ, какую массу наслажденій извлечешь ты изъ знакомства съ греческимъ языкомъ! Докторовъ гражданскаго права вездѣ много

---

[1]) Ibid. col. 922, 926, 928.
[2]) Ibid. col. 931.
[3]) Ibid. col. 917.

и тебѣ всегда будетъ возможность учиться, а это единственный докторъ греческой литературы, и, упустивши его изъ виду, ты болѣе не найдешь себѣ учителя. Побуждаемый этимъ, я вполнѣ предался Хризолору съ такимъ жаромъ къ ученью, что даже ночью во снѣ занятъ былъ (agitarem) тѣмъ, что выучилъ за день"[1]).

Эта тирада и свѣдѣнія о Хризолорѣ и его ученикахъ исчерпываетъ все, что говоритъ Бруни о ratio studiorum своего времени — фактъ характерный въ томъ отношеніи, что онъ обнаруживаетъ наклонность Бруни нѣсколько преувеличивать общее вліяніе византійскаго выходца на развитіе гуманизма, потому что Хризолоръ сыгралъ важную роль въ его личной жизни[2]).

Нѣсколько историческихъ сочиненій посвятилъ Бруни Флоренціи, которая сдѣлалась его второй родиной. Одной изъ самыхъ раннихъ его работъ былъ панегирикъ этому городу, написанный въ подражаніе Panathenaicus'у Аристида[3]). Оправдываясь впослѣдствіи отъ обвиненій по поводу этого сочиненія, Бруни говоритъ въ одномъ письмѣ: „иное дѣло исторія, иное панегирикъ (laudatio); исторія должна держаться истины, панегирикъ же во многомъ преувеличиваетъ истину (multa supra veritatem extollit), какъ это дѣлаетъ и Аристидъ въ похвалѣ Аѳинъ"[4]). Тѣмъ не менѣе „*Похвала Флоренціи*" даетъ

---

[1]) Ibid. col. 920.

[2]) Новые изслѣдователи относятся къ Комментарію далеко не съ тѣмъ вниманіемъ, какого онъ заслуживаетъ. Въ началѣ нынѣшняго столѣтія Вахлеръ отмѣтилъ „большую ясность и художественную наглядность" книги (l. c. p. 119). Позже о ней упоминаютъ только Фогтъ и Гейгеръ и расходятся при этомъ даже въ опредѣленіи ея общаго характера. Въ замѣчаніи, сдѣланномъ мимоходомъ, Фогтъ вѣрно называетъ Комментарій первыми мемуарами (II, p. 504); по мнѣнію Гейгера, наоборотъ, это — сухая хроника, автобіографическій элементъ которой „не можетъ вдохнуть теплой жизни въ мертвое цѣлое" (l. c. p. 102). Всѣ отзывы сдѣланы мимоходомъ и совершенно голословны.

[3]) *Laudatio urbis Florentiae* издано Kirner'омъ (*Della Laudatio urbis Florentiae. Livorno 1889*) и въ обширныхъ извлеченіяхъ *Klette*, l. c. p. 84 и слѣд., по которому я цитирую. Кирнеръ относитъ сочиненіе къ 1406 или 1405 году (Dialogi, p. XI). Самъ Бруни пишетъ въ одномъ письмѣ: quamquam scripta oratio illa a me valde tunc quidem adolescente, cum recens tunc primum e scholis Graecorum existem. Fuit enim tamquam puerilis ludus ac exercitatio ad dicendum. Ep. VIII, 4.

[4]) Epist. ibid. Панегирикъ вызвалъ возраженія со стороны П. К. Дечембріо, который издалъ свой отвѣтъ только въ 60 годахъ XV столѣтія, много спустя послѣ смерти Бруни (*Petri Candidi Decembrii De laudibus Mediolanensium urbis panegyricus*, напечаталъ въ извлеченіи у Klette, p. 106 и слѣд.). При жизни автора противъ панегирика писалъ Валла. Саббадини знаетъ это письмо по cod. Riccardianus 827 fol. 72 (Giorn. stor. XIV, p. 291). Я имѣю въ виду напечатать его по рукописи библіотеки князя Chigi въ Римѣ.

нѣсколько новыхъ чертъ для характеристики Бруни. Панегирикъ можно раздѣлить на три части. Въ первой авторъ восхваляетъ внѣшность города, его географическія условія и изящество построекъ. Самыя характерныя черты въ этой части панегирика — отношеніе автора къ красотѣ зданій и природы. Описавъ чистоту Флоренціи, Бруни замѣчаетъ: „подобно тому, какъ при безобразномъ тѣлѣ, хотя бы все остальное и было прекрасно, тѣмъ не менѣе счастья быть не можетъ, такъ и въ городахъ, если они грязны, то хотя и было бы все остальное, красоты же быть не можетъ никоимъ образомъ“ [1]). Природа Флоренціи, по мнѣнію Бруни, „создана для радости“ и представляется ему по красотѣ земнымъ раемъ[2]). Эти гуманистическія черты, объясняющія дальнѣйшее и быстрое развитіе искусства и внѣшней культуры, выражены въ юношескомъ произведеніи Бруни съ бо́льшей живостью и рельефностью, чѣмъ у кого-либо изъ его предшественниковъ.

Во второй части панегирика Бруни говоритъ о славномъ происхожденіи Флоренціи и дѣлаетъ отсюда политическіе выводы. Флоренція была основана римлянами; поэтому ей „принадлежитъ владѣніе всѣмъ земнымъ шаромъ, какъ бы по наслѣдственному праву“; поэтому же „всѣ войны, которыя ведутся флорентійскимъ народомъ, въ высшей степени справедливы“ [3]). Гораздо важнѣе и характернѣе, чѣмъ эта нѣсколько смѣшная даже и въ панегирикѣ гипербола, другой выводъ, вполнѣ соотвѣтствующій дѣйствительнымъ воззрѣніямъ автора. Флоренція основана въ республиканскую эпоху Рима и сохранила свою свободу при императорахъ; поэтому „флорентійцы въ высшей степени любятъ (gaudeant) свободу и крайне враждебны тираннамъ. Я думаю, что Флоренція съ того времени получила такую ненависть къ похитителямъ императорской власти (invasores imperii) и разрушителямъ республики, что даже и теперь, какъ кажется, она не забыта, и если до сихъ поръ остается или имя, или слѣдъ ихъ, то республика это презираетъ и ненавидитъ“ [4]).

Къ Римской имперіи Бруни относится крайне рѣзко. Перечисливъ злодѣянія Калигулы, Нерона, Геліогабала и другихъ, онъ съ горечью упоминаетъ о Цезарѣ: „Многіе и великіе въ тебѣ были пороки, го-

---

[1]) У Klette, p. 88.

[2]) Inter hoc vero frondosi loci, florida prata, laetissimi rivi, nitidissimi fontes et, quod omnia superat, natura ipsa locorum ad laetitiam nata. Videntur enim colles ipsi ridere et quandam a se diffundere jocunditatem, qua intuentes expleri non possunt nec videndo satiari; ut universa haec regio paradisus quaedam recte haberi et nominari queat, cui nichil vel ad pulchritudinem vel ad laetitiam in toto orbe sit par. Ibid. p. 89.

[3]) Ibid. p. 91.

[4]) Ibid. p. 92.

воритъ ему Бруни, но они прикрываются (obumbrabantur) многими и великими добродѣтелями. Поэтому будетъ вѣрнѣе умолчать о тебѣ". Такъ же относится Бруни и къ Августу. „Я не буду упоминать ни о его распущенной (laxam) жестокости, ни о проскрипціяхъ, ни объ убійствѣ невинныхъ, ни объ измѣнѣ сенату, ни о его прелюбодѣяніяхъ и развратѣ, потому что въ немъ, какъ и въ его отцѣ, были нѣкоторые слѣды добродѣтелей, которые дѣлали сносными и пороки"[1]). Нельзя сказать, чтобы такое отношеніе къ основателямъ имперіи было совсѣмъ необычно въ гуманистической литературѣ. Поджіо съ еще большей рѣзкостью нападалъ на Цезаря.

Третья часть панегирика представляетъ собою хвалебный комментарій къ флорентійской конституціи, которая представляется Бруни идеаломъ политическаго строя[2]). Тамъ, „во-первыхъ, приложена всяческая забота, чтобы право считалось въ государствѣ въ высшей степени священнымъ, безъ чего никакое государство не можетъ существовать и даже называться такимъ именемъ; во-вторыхъ, чтобы была свобода, существовать безъ которой этотъ народъ никогда не считалъ возможнымъ. Къ соединенію законности и свободы, какъ къ нѣкоему знамени или пристани направляются всѣ учрежденія и мѣропріятія этой республики"[3]). Для охраны права установлены магистраты, которымъ подчинены частные люди, которые слѣдятъ за безпокойными людьми и „въ особенности заботятся, чтобы чье-либо могущество не имѣло въ государствѣ болѣе силы, чѣмъ законы". Противъ возможности тиранніи со стороны магистратовъ республикой принятъ цѣлый рядъ мѣръ. Высшая магистратура, обладающая царской властью, избирается на два мѣсяца (ad bimestre tempus) и раздѣлена между девятью лицами"[4]). Чтобы равномѣрнѣе распредѣлить право избранія между гражданами, городъ раздѣленъ на четыре части, и каждая выбираетъ по два члена этой коллегіи и поочередно для нея предсѣдателя[5]). Эти девять правителей могутъ жить только въ крѣпости (in publica arce), „чтобы быть болѣе готовыми къ управленію республикой, и не выходить безъ торжественной охраны (sine lictorum pompa), чтобы тѣмъ возвышеннѣе представлялось ихъ ве-

---

[1]) Ibid. p. 93.

[2]) Nusquam tantus ordo rerum, nusquam tanta elegantia, nusquam tanta concinnitas. Ibid. p. 98.

[3]) Ibid.

[4]) Cum et pluralitas sententiarum errorem consilii, et brevitas temporis insolentiam auferret. Ibid. p. 99.

[5]) Qui sit in illo collegio princeps et pro justitia exequenda contra turbulentos homines ferat vexillum. Ibid.

личіе". Такъ какъ часто является надобность въ болѣе обширномъ совѣтѣ, то къ пріорамъ для этой цѣли было присоединено 12 мужей. Кромѣ того, избираются особые знаменосцы (juventutis signiferi), „къ которымъ собирается толпа, когда является надобность въ оружіи для защиты свободы". Они присутствуютъ въ совѣтѣ, избираются, какъ пріоры, и сохраняютъ власть четыре мѣсяца. Эти три коллегіи большую часть дѣлъ передаютъ для окончательнаго рѣшенія въ общій народный совѣтъ, „потому что сообразно съ правомъ и разумомъ то, что касается многихъ, должно и рѣшаться многими". Для суда и исполненія судебныхъ приговоровъ установлены „меньшіе магистраты, и они не изъ гражданъ, но иностранцы, призванные для этого издалека, не потому что граждане не могли бы этого сдѣлать — они ежедневно дѣлаютъ это въ другихъ городахъ, но чтобы изъ-за юрисдикціи не возникала между гражданами ненависть и вражда... Сверхъ того казалось тяжелымъ, чтобы въ свободномъ государствѣ гражданинъ приговаривалъ къ смерти другого гражданина, потому что тотъ, кто это сдѣлалъ бы, если бы даже поступилъ совершенно справедливо, все-таки казался бы запятнаннымъ и ненавистнымъ (abominabilis) гражданамъ"[1]). Но эти призванные судьи даютъ присягу судить по существующимъ законамъ и по окончаніи службы отдаютъ отчетъ народу. Кромѣ того, существуютъ коллегіи для судебнаго разбирательства спеціальныхъ дѣлъ, напр., коммерческихъ и банкирскихъ, а также магистраты для сбора налоговъ, для завѣдыванія казначействомъ и опекой. Но выше всѣхъ магистратовъ Бруни ставитъ вождей „лучшихъ" партій. Разсказавши объ ихъ пораженіи при Арбіи (1260) и возстановленіи ихъ вліянія послѣ гибели Манфреда, онъ замѣчаетъ: „что въ Римѣ цензоры, въ Аѳинахъ ареопагиты, въ Лаконіи эфоры, то во Флорентійскомъ государствѣ вожди гвельфовъ, т.-е. избранные изъ тѣхъ гражданъ, которые расположены къ республикѣ, лучшіе люди (primarii viri) для охраны государства"[2]). Въ концѣ панегирика Бруни говоритъ о чистотѣ и изяществѣ флорентійскаго нарѣчія, которымъ стараются говорить всѣ образованные люди[3]), утверждаетъ, что истинная наука болѣе всего процвѣтаетъ во Флоренціи[4]) и заканчиваетъ рѣчь молитвою къ Богу, Дѣвѣ Маріи и патрону Флоренціи Іоанну Крестителю.

---

[1]) Ibid. p. 100.

[2]) Ibid. p. 102.

[3]) Sola enim haec in tota Italia civitas purissimo ac nitidissimo sermone uti existimatur. Itaque omnes, qui bene atque emendate loqui volunt, ex hac una urbe sumunt exemplum. Ibid. p. 104.

[4]) Litterae autem ipsae, non mercenariae illae quidem, neque sordidae, sed

Интереснымъ дополненіемъ къ третьей части панегирика можетъ служить небольшое сочиненіе Бруни „*О политическомъ строѣ флорентійцевъ*“, написанное на греческомъ языкѣ[1]). Цѣль автора описать устройство республики и опредѣлить ея характеръ[2]); панегирическаго тона здѣсь нѣтъ, но симпатіи Бруни къ флорентійскимъ порядкамъ выражены совершенно ясно. По его мнѣнію, Флоренція „избѣгаетъ крайностей и склоняется къ срединѣ“; ея нельзя назвать ни аристократической республикой, ни демократической; она представляетъ собою „нѣчто смѣшанное изъ того и другого“: здѣсь нѣтъ господства знатныхъ родовъ, какъ въ аристократіяхъ, и чернь не допускается къ управленію, какъ въ демократическихъ республикахъ. Но Бруни не скрываетъ сравнительной слабости демократическаго элемента[3]), что затушевано въ панегирикѣ; онъ отмѣчаетъ, что изъ девяти пріоровъ только двое принадлежали къ ремесленникамъ[4]), что гонфалоньере избирается всегда изъ знатныхъ[5]), что народное собраніе собирается крайне рѣдко, только въ особенно важныхъ случаяхъ[6]), и что оно вотируетъ только по тѣмъ вопросамъ, по которымъ состоялось предварительное рѣшеніе двухъ высшихъ коллегій[7]).

Самая процедура правительственной дѣятельности во Флоренціи описана здѣсь гораздо подробнѣе, чѣмъ въ панегирикѣ. Послѣ рѣшенія какого-нибудь важнаго дѣла пріорами и ихъ совѣтниками оно переносится въ народное собраніе, которое состоитъ изъ двухъ большихъ совѣтовъ, демократическаго изъ трехсотъ лицъ и аристокра-

---

quae maxime sunt liberis omnibus dignae, quae in omni principe populo semper floruerunt, in hac una urbe plurimum vigent. Ibid.

[1]) *Περὶ τῆς πολιτείας τῶν Φλορεντίνων. Neu nach Pariser bisher unedirten Handschriften herausgegeben von Dr. L. W. Hasper. Leipzig 1861.* О болѣе раннемъ изданіи Ibid. p. 6.

[2]) *Ἐπειδὴ ἐπιθυμεῖς εἰδέναι τὴν πολιτείαν τῆς ἡμετέρας πόλεως ὁποία τίς ἐστι, καὶ πῶς συντέτακται, πειράσομαι γράψαι σοι ὡς σαφέστατα περὶ αὐτῆς.* Ibid. p. 8.

[3]) *Δηλοῖ δὲ τοῦτο σαφῶς, ὅτι τισὶν ἐπιφανεστάταις συγγενείαις διὰ τὸ προέχειν πλήθει τε ἀνδρῶν καὶ δυνάμει, οὔκ ἔξεστι λαβεῖν τὰς ἀρχὰς ἐν τῇδε τῇ πόλει, ὅπερ ἐστὶν ἐναντίον τῇ ἀριστοκρατείᾳ. πάλιν δὲ τοὺς βαναύσους καὶ τὸν ἔσχατον δῆμον οὐκ ἀποδέχεται ἡ πόλις πρὸς τὴν πολιτείαν ὃ δοκεῖ ἐναντίον εἶναι τῇ δημοκρατείᾳ οὕτως τὰ ἔσχατα φεύγουσα ἡ πόλις, πρὸς τοὺς μέσους ἀποκλίνει, μᾶλλον δὲ πρὸς τοὺς ἀρίστους τε καὶ πλουσιωτέρους, μὴ δυνάτους καθυπερβολήν.* Ibid. p. 8—9.

[4]) *Τούτων δὲ δύο μόνον εἰσὶ δημοτικοὶ ἀπὸ τῶν τεχνῶν οἱ λοιποὶ δὲ πάντες ἐκ τῶν ἀρίστων καὶ πλουσιωτέρων.* Ibid. p. 9.

[5]) *Εἰ μὴ ἐκ τῶν προεχόντων αξιώματί τε καὶ γένει.* Ibid.

[6]) *Ἐκκλησία δὲ τοῦ δήμου σπανίως μάλα γίγνεται... εἰ μὴ συμπέσοι μεταβολὴ μεγάλη, ταραττομένων τῶν ὅλων ἐν τῇ πολιτείᾳ.* Ibid.

[7]) *Οὐδὲν δύναται ἀναφέρεσται πρὸς τὰς μεγάλας βουλάς, ὁ μὴ πρότερον ἐψηφισμένον ἢ διὰ τῶν ἐννέα καὶ τῶν συνέδρων.* Ibid.

тическаго изъ двухсотъ[1]). Сначала вотируетъ первый и затѣмъ второй, отъ рѣшенія котораго зависитъ окончательный исходъ дѣла (будутъ ли данныя предложенія *κύρια* или *ἄκυρα*). Такъ рѣшаются всѣ важныя дѣла[2]), и Бруни не безъ натяжки сравниваетъ флорентійскіе порядки съ Солоновыми, — большіе совѣты съ экклезіей, пріоровъ, съ архонтами и совѣтъ 28 съ булэ.

Съ особеннымъ вниманіемъ останавливается Бруни на выборахъ, при чемъ сообщаетъ много интересныхъ дополненій къ панегирику. Каждые пять лѣтъ, говоритъ онъ, „девять пріоровъ и совѣтники, а также нѣкоторые другіе, собранные (*ἀθροισθέντες*) съ ними въ пританеѣ, изслѣдуютъ (*ἐξετάζουσιν*) всѣхъ гражданъ, голосуя о каждомъ отдѣльно“[3]). Цѣль этого изслѣдованія — опредѣлить способность каждаго гражданина къ власти[4]) и „имена признанныхъ достойными записываются каждое въ отдѣльности и кладутся въ мѣшечкахъ (*ἐν τισι βαλαντίοις*) въ каждой изъ четырехъ частей города“. Во время выборовъ только вынимаются эти записки по жребію (*κλήρῳ λαμβάνονται τὰ ὀνόματα ἐκ τῶν βαλαντίων*). Такимъ способомъ избираются пріоры и ихъ предсѣдатель[5]). При выборѣ членовъ совѣта 28 принимаются во вниманіе еще и другія соображенія. „Совѣтниковъ два сорта, говоритъ Бруни. Одни — главы фамилій (*ἄρχοντες τῶν φυλῶν*) и избираются по фамиліямъ (а фамилій 16 въ городѣ и каждая имѣетъ своего старшаго (*ἄρχοντα*)); остальные же двѣнадцать называются добрыми мужами (*ἄνδρες ἀγαθοί*) и выбираются не по фамиліямъ, а по частямъ города, т.-е. по три изъ каждой части“[6]). Такому же предварительному изслѣдованію подвергаются и члены большихъ совѣтовъ съ тою разницею, что оно происходитъ здѣсь смотря по надобности[7]). Самые выборы происходятъ по жребію, при чѣмъ и здѣсь могутъ встрѣтиться препятствія[8]). „Препятствій же

[1]) *Βουλαὶ δὲ μεγάλαι δύο εἰσὶν ἐν τῇδε τῇ πόλει, μία μὲν τοῦ δήμου τριακοσίων ἀνδρῶν, ἑτέρα δὲ τῶν ἐπιφανεστέρων διακοσίων.* Ibid. p. 10.

[2]) *Οὕτω περὶ πολέμου τε καὶ εἰρήνης, οὕτω περὶ συμμαχίας καὶ διαλύσεως, οὕτω περὶ τῶν εὐθυνῶν, καὶ ἀτελείας, καὶ λειτουργίας, οὕτω καὶ περὶ πάντων (ἁπλῶς) τῶν τῆς πολέως πραγμάτων γίγνεται.* Ibid.

[3]) Ibid. p. 11.

[4]) *Οὐχ ὡς τότε ληψόμενως τὴν ἀρχήν, ἀλλ' ὡς ἀποδειχθεὶς ἄξιος λαβεῖν αὐτήν, ἐὰν κλῆρος συμπέσῃ αὐτῷ.* Ibid.

[5]) Бруни даетъ интересное объясненіе тому факту, что гонфалоньере по очереди избирался каждою изъ 4 частей города. *Πρόεισι γὰρ αὕτη ἡ τιμὴ κύκλῳ διὰ πάντων τῶν μερῶν τῆς πόλεως, ἐπειδή ἐστιν ὡς ἡγεμονεία τις, ἧς μετέχειν δεῖ πᾶσαν τὴν πόλιν.* Ibid.

[6]) Ibid. p. 11—12.

[7]) *Οὐ πεντατεῖς εἰσιν αἱ ἀρχαιρεσίαι, ἀλλ' ὁσάκις ἐνδεῖ.* Ibid. p. 12.

[8]) *Κοινὸν μέν ἐστιν ἁπάντων τῶν προειρημένων ἀρχόντων κλήρῳ αἱρεῖσθαι,*

много, говоритъ Бруни: 1) возрастъ, 2) родство, 3) время, 4) неуплата повинностей *(ἀτελεία)*". Гонфалоньере долженъ имѣть не менѣе 45 лѣтъ, члены старшихъ совѣтовъ — не менѣе 30, члены большихъ — не менѣе 25. Кромѣ того, не могутъ одновременно быть пріорами члены одного рода, бывшій пріоръ можетъ вновь занять эту должность только по истеченіи трехъ лѣтъ, а родственникъ пріора можетъ занять его мѣсто только спустя шесть мѣсяцевъ послѣ его выхода изъ коллегіи. Наконецъ, для занятія должности необходимо исполненіе всѣхъ гражданскихъ обязанностей" [1]).

О судебныхъ учрежденіяхъ Флоренціи Бруни говоритъ почти въ тѣхъ же выраженіяхъ, что и въ панегирикѣ, только прибавляетъ нѣсколько фактическихъ подробностей [2]). О флорентійскихъ законахъ онъ коротко замѣчаетъ, что они заимствованы изъ метрополіи, т.-е. изъ Рима и только подверглись нѣкоторымъ перемѣнамъ сообразно съ требованіемъ времени [3]). Затѣмъ въ заключеніе сочиненія авторъ, упомянувъ еще разъ о смѣшанномъ характерѣ флорентійскаго государственнаго строя, отмѣчаетъ его демократическую и аристократическую стороны и указываетъ сущность и причины политическихъ перемѣнъ, пережитыхъ Флоренціей. Демократическій элементъ республики Бруни видитъ въ краткосрочности должностей [4]), вызванной стремленіемъ къ равенству, въ выборахъ по жребію и въ высокомъ уваженіи „на словахъ и на дѣлѣ" къ свободѣ [5]); аристократическая сторона строя заключается, по его мнѣнію, въ той роли, которую играютъ пріоры и совѣтъ 28 по отношенію къ большимъ совѣтамъ, и въ настоящее время этотъ послѣдній элементъ имѣетъ перевѣсъ надъ демократическимъ. „Это государство, подобно другимъ, какъ я думаю, говоритъ Бруни, пережило нѣкоторыя перемѣны, то склоняясь болѣе къ толпѣ, то къ знатнымъ. Въ старину, когда народъ

πρότερον χειροτονηθέντων τῶν ἀνδρῶν καὶ δειχθέντων ἀξίων, ἀλλὰ μὴ κληροῦσθαι ἄλις, εἰ ἔστιν ἄλλο τι κωλύον τε καὶ ἐμποδίζον. Ibid.

1) *Εἴ τις μὴ διέλυσε τὰ ταχθέντα ἢ καὶ ἄλλως ἐστὶν ὀφειλέτης τοῦ κοινοῦ ταμείου.* Ibid. p. 13.

2) *Εἰσι δὲ οὗτοι ἄρχοντες δύο, ὧν ἕτερος μὲν ἐξουσίαν ἔχει περὶ τὰ δικαια ἐν τοῖς πολιτικοῖς ἀγῶσι τε καὶ συναλλάγμασι καὶ τοῖς τοιούτοις, ἕτερος δὲ μᾶλλον περὶ κολάσεις ἐστὶ καὶ τιμωρίας τῶν ἀσελγημάτων. Χρόνος δὲ τῆς τούτων ἀρχῆς ἐστι μῆνες ἓξ.* Ibid.

3) *Νόμους ἔχομεν, οὓς καὶ μητρόπολις, εἰ μήτι χρόνου ἕνεκα ἐξηλλοίωται.* Ibid. p. 14.

4) *Ἡ μεγίστη γὰρ τῶν ἐννέα ἀρχὴ οὐχ ὑπερέχει χρόνον δυο μηνῶν· τῶν συνέδρων δὲ ἄλλοι τρεῖς, ἄλλοι τέτταρας μῆνας ἔχουσιν.* Ibid.

5) *Δημοτικὸν κἀκεῖνο, ὅτι καὶ λόγῳ καὶ ἔργῳ τὴν ἐλευθερίαν μάλιστα σέβομεν, καὶ τηροῦμεν, ὥσπερ τέλος καὶ σκοπὸς ἁπάσης τῆς πολιτείας.* Ibid. p. 14—15.

имѣлъ обыкновеніе выходить съ оружіемъ въ рукахъ, самъ велъ войны и вслѣдствіе населенности города подчинилъ почти всѣхъ сосѣдей *(ἀστυγείτονας)*; тогда сила государства болѣе всего заключалась въ толпѣ и поэтому народъ имѣлъ такой перевѣсъ, что устранилъ изъ управленія *(ἐξελάσαι τῆς πολιτείας)* почти всѣхъ знатныхъ. Съ теченіемъ же времени военныя дѣла стали исполняться обыкновенно наемными чужеземцами; тогда сила государства, какъ кажется, стала находиться не въ толпѣ, а въ знатныхъ и самыхъ богатыхъ, а потому они много вносятъ на общее дѣло и болѣе полезны совѣтомъ, нежели оружіемъ"[1]).

Интересъ двухъ послѣднихъ сочиненій Бруни, кромѣ ихъ фактическаго содержанія, заключается въ отношеніи автора къ политическимъ вопросамъ. Бруни теоретически интересуется политикой и старается подвести современную дѣйствительность подъ теоріи, вычитанныя у древнихъ, и оцѣнить ее съ точки зрѣнія порядка, свободы и равенства. Но узкаго докринерства, слѣпого преклоненія передъ какой-либо политической теоріей античнаго міра незамѣтно въ сочиненіяхъ Бруни. Онъ изучаетъ дѣйствительность, ищетъ ея объясненія и оправданія въ исторіи и въ условіяхъ современной жизни, и это составляетъ характерный признакъ наступающаго новаго времени: политика становится объектомъ научнаго наблюденія и исторія признается ключемъ для объясненія современности. Изъ разсмотрѣнныхъ сочиненій видно, что Бруни обладалъ хорошей подготовкой для составленія исторіи Флоренціи, которую онъ написалъ въ концѣ своей жизни.

Двѣнадцать книгъ Флорентійской исторіи — самое извѣстное изъ всѣхъ произведеній Бруни[2]). У современниковъ оно пользовалось громкой славой, и всѣ позднѣйшіе изслѣдователи, говоря о Бруни, даютъ болѣе или менѣе мотивированный отзывъ о его исторіи. При погребеніи Бруни на грудь ему положили именно это сочиненіе, и флорентійское правительство пріобрѣло его у наслѣдниковъ автора. Какъ высоко цѣнили современники и въ особенности во Флоренціи исторію Бруни, лучше всего видно изъ отзыва Бистиччи, по словамъ

---

[1]) Ibid. p. 15.

[2]) Я цитирую: *Historiarum Florentiarum libri XII, quibus accesserunt quorundam suo tempore in Italia gestorum et De rebus graecis Commentarii ab interitu vindicati necnon a mendis innumeris repurgati et ex manuscriptis in lucem editi studio et opera Sixti Brunonis Dobelensis. Argentorati MDCX, in folio.* Новое изданіе вмѣстѣ съ переводомъ *Donato Acciaiuoli* Firenze 1856—1860 въ 3 томахъ. Сочиненіе осталось неоконченнымъ. Его хронологія у Voigt'a, I, p. 312 и весьма существенныя поправки у *Gherardi, Alcune notizie intorno a Leonardo Aretino e alle sue storie Fiorentine* (Archiv. stor. ital. 1885, p. 416 и слѣд.)

котораго такая книга сдѣлала бы Венецію болѣе славною, Висконти болѣе знаменитыми, если бы у нихъ были историки, подобные Бруни и Поджіо; но за исключеніемъ древняго Рима, ни одно государство не пріобрѣло такой славы отъ своихъ историковъ, какъ Флоренція[1]). Нѣкоторые изъ новыхъ изслѣдователей, если не раздѣляютъ вполнѣ восторговъ Бистиччи, относятся къ книгѣ весьма сочувственно, а иногда съ преувеличенными похвалами. Уже Вахлеръ находилъ, что исторія Бруни „отличается выборомъ богатаго матеріала, изящнымъ ходомъ разсказа и истинно ораторскими достоинствами“[2]). Уго Фосколо называетъ Бруни „весьма разумнымъ разсказчикомъ“, который „заслуживаетъ названіе правдиваго“[3]). Джино Каппони признаетъ его исторію „книгою, полезною для чтенія даже и въ наши дни по возвышенности чувства, которое авторъ въ ней обнаруживаетъ, и по пониманію республики, внутреннюю почву которой онъ ясно видитъ“[4]). Монцани въ длинной статьѣ по поводу новаго изданія книги говоритъ объ авторѣ почти тономъ Бистиччи. Бруни, по его словамъ, „далекій отъ страстей и увлеченій партіи... судитъ безъ пристрастія и безъ страха, готовый хвалить добродѣтель и истину и порицать порокъ и ложь. Искренній патріотъ и поклонникъ свободы... онъ отмѣчаетъ блага, которыми она обильна, благородные поступки и доблестныя жертвы, которыя она можетъ внушать избраннымъ натурамъ, и прославляетъ тѣхъ, которые изъ любви къ ней не колебались проливать кровь и жертвовать жизнью“. Монцани находитъ у Бруни „ясный и легкій разсказъ“, „тщательную и искусную группировку фактовъ“ и т. п.— словомъ, всѣ качества первостепеннаго историка новаго времени[5]).

На противоположной точкѣ зрѣнія стоитъ другой рядъ историковъ, начиная съ Макіавелли, который упрекаетъ своихъ обоихъ предшественниковъ, Бруни и Поджіо, въ односторонности. По его словамъ, „они весьма тщательны въ описаніи войнъ, веденныхъ флорентійцами съ иноземными государями и народами; но о гражданскихъ несогласіяхъ и о внутреннихъ раздорахъ и о слѣдствіяхъ, которыя они порождали, они отчасти совершенно умалчиваютъ, отчасти описываютъ такъ кратко, что читателямъ нельзя извлечь ни пользы, ни удовольствія. Я думаю, что они поступали такъ или потому, что эти

---

[1]) Bisticci, l. c , p. 425.

[2]) Wachler, l. c., p. 119. Отзывы нѣкоторыхъ болѣе раннихъ писателей у Mazz. l. c. II, 4, p. 2206.

[3]) Цитата у *Monzani, Di Leonardo Bruni Aretino. Discorso.* II, p. 16.

[4]) Capponi, l. c., p. 534.

[5]) L. c., p. 18—19.

дѣйствія казались имъ столь незначительными (deboli), что они считали недостойнымъ сохранять о нихъ воспоминаніе въ литературѣ, или потому, что боялись, какъ бы не оскорбить потомковъ тѣхъ, которые считали бы себя оклеветанными этими разсказами. Обѣ эти причины мнѣ кажутся (не въ обиду будь сказано) совершенно недостойными великихъ людей"[1]). Къ этому взгляду примыкаетъ Гервинусъ въ „Флорентійской исторіографіи", только онъ болѣе развиваетъ обвиненія и рѣзче ихъ формулируетъ. Гервинусъ не отрицаетъ вполнѣ значенія книги Бруни, признаетъ, что авторъ „впервые очистилъ древнюю флорентійскую исторію отъ безполезнаго матеріала народныхъ басенъ", что онъ „разумно (nicht ohne Geist) выработалъ себѣ общіе взгляды и точки зрѣнія на исторію своей родины, чего ранѣе не было и не могло быть ни у одного хрониста"; но всѣ эти достоинства — капля въ морѣ сравнительно съ недостатками: въ исторіи нѣтъ „связи внутренней жизни", нѣтъ „необходимости и движенія", есть восклицанія, но нѣтъ сужденій, нѣтъ „голоса и характера времени". Бруни выше Поджіо, потому что онъ не игнорируетъ фактовъ внутренней жизни, но онъ излагаетъ ихъ коротко и отрывочно, такъ что изъ его книги „можно извлечь лишь крайне скудное назиданіе (Belehrung), потому что въ ней стерты всѣ опредѣленныя и рѣзкія черты, не показано дѣйствіе раннихъ фактовъ, не намѣчено зерно позднѣйшихъ событій". Гервинусъ указываетъ и одну изъ причинъ этихъ недостатковъ: „новые латинисты" заботились главнымъ образомъ о языкѣ и стилѣ, а не о фактахъ и стремились приладить содержаніе къ формѣ, а не наоборотъ. Поэтому они избѣгаютъ говорить о внутреннихъ отношеніяхъ, потому что въ ихъ основаніи лежатъ новыя понятія, и ограничиваются описаніемъ битвъ[2]). Къ этому взгляду примыкаютъ Сэймондсъ и Инверницци. По словамъ перваго, книга Бруни скорѣе стилистическое упражненіе, чѣмъ настоящая исторія[3]); Инверницци идетъ еще далѣе. По его мнѣнію, Бруни „выбиралъ все то, что можетъ принять формы извѣстнаго условнаго изящества и презиралъ все остальное... поэтому все въ его исторіи принимаетъ характеръ условный и абстрактный... лица становятся прекрасными статуями, лишенными жизни; битвы — типъ всѣхъ битвъ вообще" и т. д.[4]) Ниже мы увидимъ, что фактическія

---

[1]) *Machiavelli, Le istorie Fiorentine dilegentemente riscontrate sulle migliori edizioni con alcuni cenni interno alla vita dell'autore dettati da G.-B. Niccolini. IV Edizione. Firenze 1857*, p. 11—12.

[2]) Gervinus, l. c., p. 58—59.

[3]) Symonds, The age of the despots, p. 202.

[4]) Invernizzi, l. c., p. 83.

основы критики Гервинуса подтверждаются содержаніемъ исторіи Бруни; но едва ли можно согласиться съ пріемами его оцѣнки и никоимъ образомъ нельзя признать убѣдительнымъ объясненіе недостатковъ книги, которое даютъ, кромѣ его самого, Сэймондсъ и Инверницци. Не слѣдуетъ забывать, что исторія Бруни написана въ началѣ XV вѣка, а Гервинусъ предъявляетъ къ ней такія требованія, удовлетворить которыя можетъ далеко не всякій историкъ и въ XIX столѣтіи. Новая исторіографія тогда только что начиналась, и у Бруни были двѣ категоріи образцовъ: хроники и римскіе историки, преимущественно Ливій. Совершенно естественно, что на его распредѣленіи матеріала сказалось вліяніе обоихъ образцовъ, но достоинства книги, отмѣченныя Гервинусомъ, показываютъ, что это вліяніе не доходило и не могло доходить до рабскаго подражанія. Гервинусъ при оцѣнкѣ Бруни сравниваетъ его съ Макіавелли; совершенно естественно, что первый безконечно проигрываетъ передъ послѣднимъ, на сторонѣ котораго, кромѣ времени, еще и геніальность. Для правильной оцѣнки Бруни необходимо имѣть въ виду предшествующую средневѣковую исторіографію и весьма скромный талантъ автора, и тогда его книга получитъ вѣрное освѣщеніе. Что касается до стариннаго обвиненія „новыхъ латинистовъ" въ крайнемъ формализмѣ, то примѣръ Бруни доказываетъ какъ разъ противное. Бруни, какъ и всѣ гуманисты, стремился писать классической рѣчью; но что онъ не игноривалъ поэтому внутреннихъ отношеній, доказываетъ его панегирикъ Флоренціи и описаніе ея политическаго строя даже на греческомъ языкѣ. Гуманисты не только не избѣгаютъ изображенія современности изъ боязни варваризмовъ, но, наоборотъ, они стараются придать латинскому языку характеръ живой и даже разговорной рѣчи. Бруни переводилъ новеллы Боккаччіо, Поджіо по-латыни написалъ Фацеціи, а позже Валла съ Фаціо подвергали обстоятельному обсужденію вопросъ, какъ передавать изящной латынью новыя понятія.

Средняго мнѣнія держатся Гейгеръ и Гаспари[1]). По словамъ Гейгера, патріотизмъ Бруни, его любовь къ Флоренціи и Ареццо не вредятъ его безпристрастію; къ древнему міру онъ относится „съ извѣстной свободой и самостоятельностью", заимствуя оттуда „историческія свѣдѣнія" и отвергая „баснословныя преданія"; такое же свободомысліе обнаруживаетъ онъ и въ политическихъ воззрѣніяхъ и „только въ одномъ отношеніи онъ несвободенъ и несамостоятеленъ, именно — вѣритъ въ предсказанія"[2]). Критицизмъ Бруни при-

---

[1]) Замѣчаніе Voigt'a (I, p. 398) незначительно.

[2]) Geiger, l. c. p. 101.

знаетъ и Гаспари, отмѣчая, кромѣ того, простоту и ясность изложенія, а также наглядность въ описаніи битвъ, чѣмъ онъ превосходитъ Виллани. Извѣстное увлеченіе авторомъ классическими образцами приводило его иногда къ анахронизмамъ (напр. Фарината дельи Уберти клянется безсмертными богами), но этимъ формальнымъ промахамъ Гаспари не придаетъ важности въ виду ихъ рѣдкости и незначительности[1]).

Всѣ эти отзывы, отчасти совершенно голословные, отчасти слишкомъ общіе и потому недостаточно обоснованные, указывая на интересъ къ исторіи Бруни со стороны новыхъ изслѣдователей, не даютъ однако достаточно яснаго представленія о ея характерѣ и о ея мѣстѣ въ развитіи новой исторіографіи. Главный интересъ книги Бруни заключается въ томъ, что она представляетъ собою первый опытъ мѣстной исторіи. Съ этой точки зрѣнія интересно прежде всего распредѣленіе матеріала. Бруни связываетъ мѣстную исторію съ общей исторіей древняго Рима и новой Италіи: въ первой книгѣ изложены судьбы римской республики со времени Суллы и Римской имперіи; въ остальныхъ — постоянно имѣются въ виду важнѣйшія событія и въ другихъ государствахъ Италіи. Другая характерная черта исторіи Бруни — господствующій интересъ къ современности: изъ 12 книгъ, на которыя раздѣлено сочиненіе, первая доводитъ изложеніе до XIII вѣка и съ четвертой начинается исторія XIV столѣтія, которая и составляетъ существенное содержаніе всей работы, доведенной только до 1402 года. Такой планъ — наилучшее опроверженіе обвиненій гуманистовъ въ игнорированіи дѣйствительности и въ слѣпомъ преклоненіи предъ античной стариной. Сообразно съ такимъ распредѣленіемъ матеріала измѣняется и характеръ сочиненія. Въ первой книгѣ Бруни имѣетъ передъ собой античные образцы, и тамъ онъ не лѣтописецъ, а историкъ съ широкими обобщеніями, съ философской закваской и даже съ изслѣдовательской жилкой. Такъ, по поводу ослабленія Этруріи съ усиленіемъ Рима, Бруни теоретически доказываетъ необходимость этого факта и даетъ понять, что при могуществѣ столицы невозможно было развитіе сосѣднихъ городовъ[2]). Кромѣ того, въ первой книгѣ особенно часто встрѣчаются результаты наблюденія надъ политической и индивидуальной жизнью, изложенные въ видѣ дидактическихъ афоризмовъ, которымъ авторъ придаетъ боль-

---

[1]) Gaspary, l. c. II, p. 125.

[2]) Ut enim ingentes arbores novellis plantis juxta surgentibus officere solent, nec, ut altius crescant, permittere; sic Romanae urbis moles sua magnitudine vicinitatem premens, nullam Italiae civitatem majorem in modum crescere patiebatur. Hist. Flor., p. 2.

шую цѣну. Такъ, онъ считаетъ нужнымъ изложить общеизвѣстный заговоръ Катилины и указать его неудачи, потому что чужія неудачи удерживаютъ отъ честолюбивыхъ попытокъ[1]). Иногда наблюденіями надъ индивидуальными свойствами Бруни объясняетъ историческія событія. Такъ для объясненія упадка Этруріи съ усиленіемъ Рима онъ приводитъ такое соображеніе: „природой вложено смертнымъ то свойство, что они легче возвышаются, когда имъ открытъ путь къ усиленію и почестямъ, и при закрытіи такого пути остаются инертными“[2]). Враждебное отношеніе къ имперіи, которое мы отмѣтили въ панегирикѣ Флоренціи, обнаруживается и въ исторіи; только здѣсь Бруни обстоятельнѣе аргументируетъ: „Я думаю, говоритъ онъ, что упадокъ Рима начинается съ того времени, когда, утративши свободу, онъ началъ служить императорамъ“, и приводитъ въ доказательство, кромѣ истребленія лучшихъ людей жестокостями цезарей, еще чисто психологическое соображеніе: „прежде доблесть открывала путь къ почестямъ, къ консульству, къ диктатурѣ“ и пр.; теперь путь этотъ былъ закрытъ, и доблесть пала[3]).

Изслѣдовательскія наклонности Бруни обнаруживаются и въ общихъ историческихъ вопросахъ, и въ фактическихъ деталяхъ, при чемъ проявляется и критицизмъ автора. Такъ, по поводу происхожденія средневѣковой имперіи, Бруни говоритъ: „объ этомъ происходили различные споры, такъ какъ одни держались того мнѣнія, что слѣдуетъ сохранить старинный способъ наслѣдованія (succedendi), тогда какъ другіе доказывали, что папою хотя и не по праву, а ради удобства (etsi alienum a jure tamen quia expediret) введенъ новый образецъ (exemplum) избранія. Намъ же кажется болѣе важнымъ разсмотрѣть (referre), избралъ ли императора римскій народъ по убѣжденію папы, или самъ папа безъ приказанія народа. Извѣстно, что это право (munus) принадлежало римскому народу болѣе, чѣмъ кому-нибудь другому, кромѣ того, въ тѣ времена папство болѣе зависѣло отъ императорскаго авторитета, и никто не могъ занять римскій престолъ ранѣе избранія сената, клира и римскаго народа и утвержденія императора. Мы предоставляемъ это рѣшенію (censurae) тѣхъ, которые считаются болѣе опытными въ папскомъ правѣ“[4]). Это пробужденіе изслѣдовательскаго критицизма при безсиліи прійти къ опредѣленнымъ выводамъ

---

[1]) Per aliena namque pericula, spe novarum dictaturarum praemiorumque, quibus ante vehementius inhiabant, deposita; suis contentos esse rebus oportere, tunc primum didicerunt et spem turbatione ponere vanum ac perculosum esse. Ibid.

[2]) Ibid. p. 8.

[3]) Ibid. p. 9.

[4]) Ibid. p. 16—17.

въ общихъ вопросахъ — характерная черта начинающейся исторіографіи. У Петрарки и Боккаччіо рѣшеніе часто отсутствуетъ и въ частныхъ вопросахъ фактическаго характера, если встрѣчается противорѣчіе въ источникахъ. Бруни въ этомъ отношеніи дѣлаетъ значительный шагъ впередъ. Встрѣтившись въ источникахъ съ двумя противоположными показаніями: именно, по однимъ Аттила разрушилъ Флоренцію, по другимъ Тотила, — онъ не только отвергаетъ первое, потому что царь гунновъ никогда не заходилъ дальше Минчіо, но и объясняетъ ошибку сходствомъ именъ[1]).

Въ остальныхъ книгахъ исторіи Бруни античные писатели служатъ образцами только для стиля, тогда какъ его главнымъ источникомъ является хроника, что отразилось и на формѣ, и на содержаніи сочиненія. Начиная со второй книги, исторія Бруни переходитъ въ хронику, сохраняя впрочемъ нѣкоторыя свойства историческаго изложенія. Какъ истый лѣтописецъ Бруни излагаетъ событія по годамъ[2]), при чемъ лѣтописнымъ тономъ отмѣчаетъ появленіе кометы и ея пророческій смыслъ, чрезмѣрные дожди, наводненія, пожары, голодъ, неурожаи, болѣзни, а также постройки и такія событія, какъ крушеніе моста[3]). Такое изложеніе обусловливаетъ многіе недостатки книги Бруни, и прежде всего этимъ отчасти объясняется неудовлетворительное впечатлѣніе отъ его изложенія внутренней исторіи Флоренціи. Упрекъ Бруни въ непониманіи и въ игнорированіи этой стороны общественной жизни далеко не справедливъ: въ началѣ XV вѣка едва ли можно найти болѣе подготовленнаго человѣка для составленія политической исторіи Флоренціи. Макіавелли напрасно читаетъ Бруни нотацію по поводу важности внутренней исторіи, потому что этотъ послѣдній самъ высказываетъ такую мысль: „такъ какъ существуетъ двѣ стороны исторіи, какъ бы два ея члена, дѣла внѣшнія и домашнія, то, конечно, слѣдуетъ признать, что знаніе внутренняго положенія (domesticos status) не менѣе важно, чѣмъ внѣшнихъ войнъ“, и Бруни внимательно слѣдитъ за конституціонными измѣненіями во Фло-

---

[1]) Eo adducor, ut confuso nomine, pro Totila Attilam a quibusdam acceptum per errorem credam. Ibid. Другой примѣръ критики частностей, ibid p. 57.

[2]) Напр., Altero de hinc anno domi quies fuit... Sequitur post hunc annus insignis multis rebus и т. п. Ibid. p. 56 и passim.

[3]) О Кометѣ, p. 35. Eodem anno imbres assidui, p. 54. О наводненіяхъ, p. 46 и 60. Eodem anno bis incendia Florentiae coorta etc. p. 59. Caritas eo anno ingens annonae fuit, p. 77. О неурожаѣ и болѣзняхъ, p. 147. Per hoc tempus marmorea turris, quae est ad Reperatae templum, fundari coepta est, architectata quidem a Jotto, insigni per eam tempestatem pingendi magistri Is et fundamentis jaciundis praefuit, et formam qualem nunc videmus, praestanti magnificentia operis designavit. Ibid. p. 127. О паденіи моста, p. 80.

ренціи. Онъ отмѣчаетъ установленіе гонфалоньере, пытается опредѣлить значеніе должности и ея отношеніе къ пріорамъ[1], упоминаетъ увеличеніе количества этихъ послѣднихъ[2]) и слѣдитъ за появленіемъ другихъ учрежденій[3]), при чемъ авторъ всегда старается указать причины и выяснить смыслъ измѣненій, происшедшихъ въ учрежденіяхъ республики[4]). Еще больше мѣста отводитъ Бруни описанію внутреннихъ переворотовъ и борьбы партій[5]), такъ что обвиненіе Макіавелли несомнѣнно должно подлежать весьма существеннымъ ограниченіямъ.

Но, держась лѣтописнаго изложенія, Бруни по существу историкъ. Эпически разсказывая событія, онъ не отказывается отъ ихъ оцѣнки. Политическія воззрѣнія Бруни, извѣстныя намъ изъ другихъ его сочиненій, формулированы и въ исторіи. Такъ, въ борьбѣ папъ съ императорами его сочувствіе на сторонѣ первыхъ: преслѣдованіе первыхъ послѣдними онъ называетъ, „преступленіемъ" и видитъ причину борьбы въ узурпаціи императорами церковныхъ правъ[6]). Такъ же открыто объявляетъ себя Бруни гвельфомъ, потому что эта партія защищаетъ мѣстную свободу противъ нѣмецкихъ варваровъ[7]). По отношенію къ Флоренціи онъ искренній республиканецъ, и такой же сторонникъ смѣшаннаго режима, какъ и въ другихъ сочиненіяхъ. Но опредѣленная точка зрѣнія въ политическихъ вопросахъ не мѣшаетъ ему сравнительно безпристрастно относиться къ своимъ противникамъ,

---

[1]) Ibid. p. 64—65.

[2]) Ibid. p. 78.

[3]) См. p, 83 (Executor justitiae contra nobilitatem), 98 (duodecim viros... qui Prioribus consilio adessent) etc. ср. 187, 88, 90 и passim.

[4]) См., напр., длинное разсужденіе о причинахъ замѣны выборовъ жеребьевкой (p. 102—104), о запрещеніи тираннамъ занимать должности въ Флоренціи (p. 170) и проч.

[5]) См., напр., обстоятельное описаніе тираній герцога Аѳинскаго и состоянія Флоренціи послѣ его изгнанія (p. 139—147); ср. также p. 41, 66—72, 100—102, 135, 166, 189—193, 197—198, 233 и passim.

[6]) Imperium illud, quod in Carolo Magno maxime propter tutelam Romanae ecclesiae fundatum, ab initio in Germaniam... delatum, tales plerumque habuit successores, ut ad nullam rem magis, quam ad persequendos evertendosque Pontifices creati viderentur. *Adeo unde salus petita erat, scelus emersit.* Causa fere inimicitiarum illa suberat, quod ecelesiastica quaedam jura, hi ut sua retinere, illi antiquata licentia usurpare nitebantur. Ibid. p. 18. Ср. отношеніе къ Фридриху, II, p. 20.

[7]) Ea (партія), quam imperatoribus adversam supra ostendimus, ex his fere hominibus conflata erat, qui libertatem populorum magis complectebantur, Germanos autem barbaros homines, sub praetextu Romani nominis, dominari Italis perindignum censebant. Alia vero factio ex iis erat, qui imperatorio nomini addicti, libertatis et gloriae majorum immemores, obsequi externis, quam suos dominari malebant. Ibid. p. 19.

которыхъ онъ оправдываетъ вліяніемъ времени и обстоятельствъ, а также психологическими соображеніями. Такъ, сочувствіе папамъ въ ихъ борьбѣ съ императорами не препятствуетъ ему рѣзко констатировать крупные недостатки современнаго папства[1]). Изъ переписки извѣстно, что Бруни былъ страстный ненавистникъ великой схизмы; тѣмъ не менѣе о ея происхожденіи онъ говоритъ совершенно спокойно и находитъ объясненіе, почти оправданіе кардиналовъ въ характерѣ Урбана VI[2]). Еще рѣшительнѣе оправдываетъ онъ рѣзкое письмо Данте противъ Флоренціи, приписывая его раздражительность вліянію времени и естественному желанію чѣмъ-нибудь отмстить побѣдителямъ[3]). Будучи сторонникомъ флорентійскихъ учрежденій[4]), Бруни не скрываетъ слабыхъ сторонъ аристократіи и демократіи[5]) и сравнительно рѣдко дѣлаетъ вылазки противъ тираніи[6]). Наконецъ, излагая отдѣльныя событія внутренней исторіи, онъ дѣлаетъ по временамъ широкія обобщенія на основаніи политическаго опыта и историческихъ наблюденій. Такъ, говоря объ установленіи должности *priores artium*, Бруни доказываетъ ея достоинства ея долговременнымъ существованіемъ, потому что вредныя учрежденія не бываютъ долговѣчны[7]). Въ другомъ мѣстѣ Бруни объясняетъ успѣхъ движе-

---

[1]) По поводу заслуги Льва I Бруни замѣчаетъ: nondum enim haec intolerabilis, quam nunc videmus superbia pontificatum irrepserat, sed in humilitate et sanctimonia praesidebant. Ibid. p. 13.

[2]) Ea perversitas (папы) patres coëgit metu et indignatione aliorsum respicere. Itaque clam inter se de electione conquesti cum et metu et violentia populi Romani accusarent, abire a novo pontefice coeperunt etc. Ibid. p. 188—189.

[3]) Quod equidem nec levitati, nec malignitati praestantis ingenio et doctrina viri tribuendum puto, sed tempori. *Est enim naturae proximum, ut victores cum aliqua increpatione verborum ulciscantur.* Ibid. p. 88. Эти слова еще разъ доказываютъ глубокое уваженіе Бруни къ автору Божественной Комедіи. Вообще участіе Данте въ флорентійскихъ дѣлахъ и его изгнаніе изложены эпически. См. Ibid. p. 74, 76—77, 79.

[4]) См., напр., изложеніе начала республиканскихъ учрежденій во Флоренціи. Ibid. p. 20, о внѣшней ея политикѣ, ib. p. 235 и passim.

[5]) Противъ знати, ib. p. 67; противъ демократіи, p. 30. Характерна выходка противъ необузданной свободы. Порицая одного флорентійца, Бруни замѣчаетъ: vir ferox ac protervus, quales nonnunqnam immodica libertas ferre solet. Ibid. p. 29.

[6]) Выходки противъ тираніи обыкновенно имѣютъ форму сентенцій. Напр. quid enim minus deest tyrannis, quam falsas pro veris causas effingere? (p. 151 ср. p. 207).

[7]) Hunc magistratum nomenque hodie quoque in civitate durare, trigesimo atque octavo supra centesimum anno, signum fuerit, non absque optima ratione excogitatum fuisse. *Nam quae damnosa sunt, etsi non homines, at tempus experientiaque rerum magistra redarguit, nec diuturna fore permittit.* Ibid. p. 54.

нія Курсіо Донато соображеніями, основанными отчасти на психологическихъ, отчасти на историко-политическихъ наблюденіяхъ[1]).

Изъ приведенныхъ примѣровъ видно, что Бруни, оставаясь лѣтописцемъ по формѣ, сохранилъ существенныя черты историческаго изложенія. Совершенно естественно поэтому, что, пользуясь хрониками, онъ имѣлъ въ виду и античныхъ историковъ, которые оказали на него замѣтное вліяніе. Наиболѣе рѣзкіе слѣды этого вліянія составляютъ многочисленныя рѣчи, вставленныя авторомъ въ его повѣтствовательное изложеніе. Не подлежитъ сомнѣнію, что, подражая въ данномъ случаѣ Ливію, Бруни имѣлъ въ виду придать разсказу модное тогда риторическое украшеніе; но рѣчи въ огромномъ большинствѣ случаевъ не являются совершенно излишнимъ для цѣлей изложенія прибавкомъ. Безсодержательныхъ рѣчей въ родѣ обращенія къ солдатамъ передъ битвой почти нѣтъ въ исторіи Бруни[2]). Обыкновенно въ формѣ рѣчи авторъ даетъ объясненіе какого-нибудь внутренняго переворота, какъ, напр., рѣчь Ламолы въ 4-й книгѣ[3]), какого-нибудь внѣшняго предпріятія[4]), и особенно часто рѣчи пословъ замѣняютъ изложеніе переговоровъ между отдѣльными государствами[5]), при чемъ авторъ даетъ иногда отъ чьего-нибудь лица краснорѣчивое описаніе внутреннихъ бѣдствій[6]) или приводитъ рядъ назидательныхъ сентенцій[7]). Рѣчи являются слѣдовательно не вполнѣ удачной замѣной обычнаго изложенія важныхъ для цѣли автора фактовъ и событій, и его подражаніе Ливію не заходитъ дальше формы. Нѣкоторые изъ новыхъ изслѣдователей, какъ напр. Гервинусъ, утверждаютъ, что, подъ вліяніемъ Ливія, Бруни отводитъ слишкомъ много мѣста описанію войнъ. Но изъ трактата De militia и изъ другихъ произведеній Бруни мы имѣли случай видѣть, что онъ вообще склоненъ былъ преувеличивать важность военныхъ занятій и славу военныхъ подвиговъ, такъ что чрезмѣрный интересъ къ войнамъ объясняется и помимо подражанія.

---

[1]) Videtur porro id maxime periculosum in praestantibus viris, quod virtutis meritorumque suorum conscii, arroganter potius requirere honores, quam ambitiose patere sustinerent: at populorum ea fere natura est, ut rogantibus et ambitientibus magis concedant. Ibid. p. 84.

[2]) Къ этой категоріи можно отнести только рѣчь Атиллы въ первой книгѣ (Ibid. p. 13).

[3]) Ibid. p. 67—69.

[4]) См., напр., рѣчь Пино Тоза о занятіи Лукки, p. 119 и слѣд., а также p. 154, 236—238.

[5]) См. p. 132, 164, 181, 194, 213, 222—223, 243—6 и passim.

[6]) См., напр., рѣчь Григорія X, p. 48.

[7]) См., напр., рѣчь Farinata degli Uberti, p. 24 и слѣд., рѣчь Риччи, p. 205 etc.

Историческіе труды Бруни — интересный показатель направленія и успѣховъ гуманистическаго движенія. Они вызваны отчасти страстнымъ стремленіемъ къ знанію, отчасти живымъ интересомъ къ современности. Предисловіе къ исторіи Пуническихъ войнъ и начало Комментарія — краснорѣчивое подтвержденіе этихъ мотивовъ. Уже наличность такихъ стимуловъ указываетъ наступленіе новаго времени; но его черты еще рельефнѣе отражаются на содержаніи историческихъ трудовъ Бруни. Развившійся индивидуализмъ носитъ свѣтскій характеръ, и исторія Бруни совершенно свободна отъ богословской окраски. Даже дидактическій элементъ значительно ослабѣлъ и существенно видоизмѣнилъ свой характеръ. Нѣкоторыя работы, какъ біографія Цицерона, исторія Пуническихъ войнъ и Комментарій совсѣмъ отъ него свободны; въ другихъ онъ понимается значительно глубже, потому что назиданіе представляется въ видѣ научнаго вывода изъ историческихъ фактовъ. Съ другой стороны индивидуалистическій интересъ къ дѣйствительности у Бруни значительно глубже, чѣмъ у его предшественниковъ. Онъ тщательно изучаетъ *политическій строй*, оцѣниваетъ его различныя стороны и объясняетъ ихъ измѣненіе. Исторія не сводится исключительно къ біографіи, но въ индивидуальныхъ свойствахъ и потребностяхъ авторъ ищетъ объясненія историческихъ явленій. Въ сочиненіяхъ о Флоренціи, тамъ, гдѣ онъ говоритъ о достоинствѣ ея учрежденій, уже замѣчаются первые робкіе шаги философіи исторіи, построенной на индивидуалистическомъ принципѣ. Еще замѣтнѣе успѣхи новаго движенія на *критицизмѣ* автора. Въ этомъ отношеніи Бруни сдѣлалъ огромный шагъ впередъ сравнительно съ своими предшественниками. Критицизмъ для него научный долгъ и психическая потребность: письмо о происхожденіи Мантуи обнаруживаетъ большую наклонность къ критикѣ; біографія Цицерона написана исключительно подъ этими вліяніями и сравнительно безпристрастное изложеніе исторіи Флоренціи — благотворный результатъ того же настроенія. Бруни обладаетъ уже всѣми задатками настоящаго историка; ему недостаетъ только умѣнья привести ихъ въ систему въ послѣдовательномъ и связномъ изложеніи историческихъ фактовъ. Первый историкъ Флоренціи не обладалъ выдающимся талантомъ.

Беллетристическія произведенія Бруни представляютъ сравнительно мало интереса. Самое важное изъ нихъ — пятиактная комедія Полисцена была напечатана еще въ началѣ XVI вѣка[1]). Ея содержаніе за-

[1]) *Poliscenae Comedia.* Я цитирую по Краковскому изданію 1519 г. безъ заглавія и пагинаціи. Въ концѣ книги напечатано *Comedia Poliscenae Leonardi Anretini (sic) poëtae comici explicit feliciter. Impessa regia in civitate Craco-*

ключается въ слѣдующемъ. Юноша Гракъ, сынъ Макарія, увидавъ на пути въ церковь Полисцену, которую мать Кальпурнія держитъ взаперти, влюбился въ нее. Чтобы овладѣть предметомъ своей страсти, онъ обращается за помощію къ рабу Гургуліо, который его обманываетъ; тѣмъ не менѣе Гракъ пробирается въ домъ Полисцены съ помощью ея кормилицы Тарантары, и дѣло кончается благополучно. Эстетической цѣны комедія не имѣетъ никакой; но она не лишена историко-литературнаго значенія, какъ одна изъ первыхъ попытокъ создать драму на латинскомъ языкѣ, но съ національнымъ содержаніемъ. Имена дѣйствующихъ лицъ подражаніе древнимъ; но въ комедіи встрѣчаются и мѣстныя черты: выраженія me Jesus salvet или juvet встрѣчаются весьма часто, упоминается святой Францискъ и т. п. Вслѣдствіе этого она не лишена значенія, какъ историческій источникъ. Особенно характеренъ въ этомъ отношеніи монологъ Полисцены въ первомъ актѣ, гдѣ она жалуется на свое положеніе[1]), а также выходки противъ монаховъ[2]).

Кромѣ нѣсколькихъ латинскихъ эпиграммъ, приписываемыхъ Бруни[3]), къ числу его беллетристическихъ произведеній можно отнести порнографическую „Рѣчь Геліогобала“[4]). Въ письмѣ къ Никколи отъ 1407 года Бруни, котораго нѣкоторые новые изслѣдователи склонны считать стоикомъ, говоритъ, что онъ „извлекъ это несомнѣнно (sane)

---

viensi in aedibus spectabilis viri domini Ioannis Haller. Anno salutis nostrae 1519. До самаго послѣдняго времени комедія была извѣстна изслѣдователямъ только по заглавію. (См. *Klein, Geschichte des Dramas IV. Leipzig 1866);* этимъ объясняется, что Voigt считаетъ отдѣльнымъ сочиненіемъ изданіе той же комедіи подъ другимъ заглавіемъ: *De Calphurnia et Gurgulione opusculum. In monasterio Sorten 1478* (II, p. 411—412). Впервые ея содержаніе изложено у Gasparу (l. c. II, p. 210 ср. p. 665).

[1]) Quo pacto nos puellas potius, quam mares inter domus parietes oppriment, ignoro, nisi id in consuetudinem quinnimo in corruptelam potius deduxerunt.

[2]) Poliscena говоритъ тамъ же: Nonnuquam tamen decorum delubra pedetentim ducunt visere, fratrum audire confabulationes, portenta inferorum superiorumque in pulpitu clamantium. Въ 4 актѣ Tharantara говоритъ Полисценѣ: una cum matre pedetentim proficiebaris ad Sancti Francisci auditum fratres orci, archirontis (sic) ac cochiti portenta balantes prope incredibilia.

[3]) Въ мюнхенской библіотекѣ находятся *Leonardi Arretini, Epigrammata quinque* и *Epigramma in Gaetanum de Thienis philosophum* (Cod. 78. Halm et Laubmann, l. c., p. 14 и 15). Объ этихъ эпиграммахъ не упоминаетъ никто изъ новыхъ изслѣдователей.

[4]) *Imperatoris Heliogabali Oratio protreptica sive hortatoria ad meretrices. Venezиis 1519.* О другихъ изданіяхъ и рукописяхъ см. Mazz., l. c. p. 2211. Лучше передаетъ содержаніе рѣчи заглавіе мюнхенскаго кодекса № 350: *L. A. Oratio, in qua Heliogabalus Augustus ad matronas romanas orat ad meretriciam invitans* (Halm et Laubmann, l. c., p. 65). Ср. Voigt, II, 415.

философское сочиненіе не изъ ученія Зенона, а изъ внутреннихъ нѣдръ Эпикура. Ты будешь смѣяться, я думаю, на это развратнѣйшее собраніе (inscestissimam contionem), хотя я воздержался отъ многаго (multis pepercі), обиліе чего легко доставлялъ мнѣ выбранный сюжетъ, и въ кабакѣ остался слишкомъ трезвымъ"[1]). Кромѣ оригинальныхъ беллетристическихъ произведеній на латинскомъ языкѣ, Бруни перевелъ изъ Декамерона Боккаччіо первую новеллу четвертаго дня[2]), и этотъ переводъ представляетъ интересъ во многихъ отношеніяхъ. Въ его посвященіи Рикказоли, Бруни говоритъ, что онъ предпринялъ работу изъ подражанія Петраркѣ[3]); но и независимо отъ этого новелла Боккаччіо заинтересовала переводчика этическою стороною своего содержанія. Разсказъ Боккаччіо, какъ извѣстно, заключается въ томъ, что Танкредъ, князь Салерно, узнавши, что у его дочери-вдовы есть любовникъ, убилъ этого послѣдняго и послалъ дочери его сердце на золотомъ блюдѣ. Тогда дочь Танкреда налила на сердце отравленной воды и потомъ ее выпила. Бруни не одобряетъ такого поступка Танкреда и написалъ на итальянскомъ языкѣ новеллу о Селевкѣ, проникнутую новымъ духомъ[4]). Сюжетомъ для новеллы послужилъ, повидимому, дѣйствительный случай. Николо д'Эсте, женившись вторымъ бракомъ, имѣлъ отъ перваго взрослыхъ сыновей, одинъ изъ которыхъ влюбился въ мачеху и вступилъ съ нею въ связь. Узнавъ объ этомъ, Николо казнилъ жену и сына. Селевкъ Бруни, попавшій въ такое же положеніе, поступаетъ иначе: онъ разводится съ женой и уступаетъ ее сыну. Случай съ д'Эсте, а также новеллы Боккаччіо и Бруни подвергались обсужденію съ этической точки зрѣнія въ гуманистическихъ кружкахъ. Интересное указаніе на это мы находимъ въ неизвѣстномъ до сихъ поръ діалогѣ Манетти

---

[1]) Epist. II, 16.

[2]) *De crudeli amoris exitu Guiscardi et Sigismundae, Tancredi Salernatorum principis filiae.* Объ изданіяхъ см. Mazz., l. c. p. 2209.

[3]) Въ кодексѣ миланской Ambrosiana *(I. H. Super. fol. 40)* посвященіе озаглавлено такъ: L. A. in fabulam Boccaccii de Tancredo, principe Salernitano et ejus filia Sigismunda traductio de vulgari in latinum *rogatu suprascripti Bindaccii.* Переводъ сдѣланъ 15 января 1436 года и посвященъ Bindaccio Dericasolis, civi florentino, amico suo. Кромѣ желанія Биндаччіо, Бруни предпринялъ работу, ea maxime suasione inductus, quod Fr. Petrarcam, virum clarissimum aliam ejusdem libri fabulam Marchionis videlicet montis ferrati in latinum vertisse cognoveram. Ibid. fol. 40—41.

[4]) *Storia d'Antioco figlio di Seleuco innamorato della Matrigna Stratonica.* Рукописи у Mazz., l. c. p. 2215. Новелла написана раньше перевода изъ Боккаччіо, потому что въ цитированномъ выше посвященіи (fol. 41) Бруни говоритъ, что онъ уже перевелъ ее на латинскій языкъ.

Simposium, гдѣ авторъ описываетъ гуманистическую бесѣду, происходившую по этому поводу въ Венеціи въ 1448 году. Голоса собесѣдниковъ раздѣлились: одни оправдывали д'Эсте за то, что „онъ предпочелъ казнить смертью жену и сына, которыхъ онъ нѣжно любилъ, чѣмъ простить виновныхъ или, подвергши ихъ какому-нибудь другому наказанію, сохранить ихъ на непрерывный и вѣчный позоръ для своей личности" [1]). Такое поведеніе оправдывалось примѣромъ древнихъ: Манлій убилъ своего сына, то же самое въ правѣ были сдѣлать д'Эсте и Танкредъ, который могъ прямо убить свою дочь. Но другіе собесѣдники высказывались за Селевка, восхваляя его гуманность. Изъ этого историко-литературнаго эпизода видно, какой живой интересъ чувствовалъ Бруни и позднѣйшіе гуманисты къ этическимъ вопросамъ, для рѣшенія которыхъ у нихъ не было однако опредѣленнаго и твердаго критерія. Самый фактъ литературной полемики Бруни съ Боккаччіо также весьма характеренъ, потому что онъ одновременно указываетъ и на уваженіе, и на критическое отношеніе позднѣйшаго гуманиста къ автору Декамерона [2]). Изданіе новеллы на родномъ языкѣ (хотя самъ авторъ позже перевелъ ее на латинскій), показываетъ, что Бруни не относился съ презрѣніемъ къ народной рѣчи и былъ не прочь подражать Боккаччіо. На это же указываютъ его малоизвѣстныя итальянскія стихотворенія, написанныя въ подражаніе Петраркѣ [3]).

Учено-литературная дѣятельность Бруни, принадлежавшаго къ старшимъ представителямъ третьяго поколѣнія гуманистовъ, обнаруживаетъ въ немъ настоящаго духовнаго внука родоначальниковъ Возрожденія воспитаннаго въ ихъ духѣ и продолжавшаго ихъ дѣло, развивая его въ

---

[1]) *Dialogus in domestico et familiari quorundam amicorum Symposio habitus Venetiis, dum ibi Florentini populi nomine legationis munere fungeretur, in quo praeter alia Tancredi, principis Salernitani et Seleuci, Assyriorum regis, fabulae ennarantur.* Рукопись флорентійской Laurentiana, Plut. XC, Cod. 29. Zeno Ошибочно предполагаетъ, что дѣйствіе происходитъ у англійскаго посла во Флоренціи.

[2]) Кромѣ Бруни, одну новеллу изъ Боккаччіо (X, 1) перевелъ на латинскій языкъ Bart. Fazio. (Gasp., II, p. 295).

[3]) Изъ его стихотвореній напечатаны только одна канцона (Crescimbeni, l. c. III, p. 243) и одинъ сонетъ (Mazz. p. 2212). Остальныя до сихъ поръ неизданы. См. Mazz., l. c. p. 2217. Кромѣ разсмотрѣнныхъ сочиненій, Бруни приписываютъ: *Laudatio Colutii Salutati* Бруни упоминаетъ въ одномъ письмѣ о своемъ намѣреніи написать такое elogium, но было ли оно исполнено — неизвѣстно, такъ какъ рукописей нѣтъ. *Oratio in funere Colutii Salutati* — также не оправдывается ни рукописями, ни перепиской. Наконецъ, Бруни приписывали даже книгу *De tribus impostoribus* (См. Mazz., l. c. p. 2212).

разъ данномъ направленіи. Основая черта ихъ произведеній — индивидуализмъ, критически относящійся къ античному и средневѣковому съ цѣлью выработать міросозерцаніе, подходящее къ новому настроенію — получила, какъ мы видѣли, дальнѣйшее, болѣе широкое и болѣе глубокое развитіе въ сочиненіяхъ Бруни. Только въ одномъ пунктѣ онъ существенно уклоняется отъ своихъ предшественниковъ. Церковная мораль чувствовалась первыми гуманистами какъ живая и еще могучая сила, съ которой нужно считаться; ея не отрицаетъ и Бруни, но для него она нѣчто внѣшнее, не имѣющее никакого отношенія къ его стремленіямъ, совершенно свѣтскимъ во всѣхъ сферахъ, включая сюда и мораль. Бруни совершенно секуляризировалъ свою мысль; но этимъ основной вопросъ — объ отношеніи новаго направленія къ религіи — ни на іоту не подвинулся къ своему рѣшенію.

V.

Курія Иннокентія VII. — Бруни и его біографы. — Джакопо д'Анджело и другіе гуманисты Иннокентія VII.

Литература о Бруни превосходно иллюстрируетъ положеніе исторіографіи Возрожденія послѣ Петрарки и Боккаччіо. Несмотря на важное значеніе Бруни въ исторіи Возрожденія, несмотря на его обширную переписку и многочисленныя сочиненія, его біографія до сихъ поръ не написана, хотя первыя попытки составить его жизнеописаніе относятся еще къ XV столѣтію. Прежде всего два младшихъ его современника, Джіаноццо Манетти и Поджіо, составили въ честь его обширныя надгробныя рѣчи, первый по порученію флорентійскаго правительства, второй — по долгу дружбы. Обширная рѣчь Манетти[1]) представляетъ собою краткій біографическій очеркъ, составленный главнымъ образомъ по перепискѣ и Комментарію[2]); ораторъ пере-

---

[1]) *Jannotii Manetti, Oratio funebris in solemni Leonardi, historici, oratoris ac poëtae laureatione.* Напечатана у Mehus'a въ предисловіи къ перепискѣ Бруни, p. XC и слѣд.

[2]) Только о родителяхъ покойника Манетти говоритъ иначе, чѣмъ самъ Бруни въ инвективѣ противъ Никколи. По словамъ Манетти, онъ родился honestis quidem, sed non admodum generosis parentibus. У Mehus'a, p. XCII. То же говоритъ Поджіо (genere Leonardus minime claro fuit. Ibid. p. CXIX) и *Bisticci* (Messer Lionardo nacque d'umile luogo in Arezzo). *Vite di uomini illustri del secolo XV scritte da Vespasiano da Bisticci, stampate la prima volta da Angelo Mai e nuovamente da Adolfo Bartoli. Firenze 1859*, p. 427). Ср. выше p. 655 пр. 5.

числяетъ кромѣ того заслуги Бруни по отношенію къ Флоренціи, его ученые труды и переводы и заключаетъ рѣчь длиннымъ разсужденіемъ о значеніи вѣнковъ, которыми награждали въ древности, о превосходствѣ лавра надъ оливкой и т. д. Настоящей оцѣнки дѣятельности покойника и его литературнаго портрета мы не находимъ въ оффиціальной похоронной рѣчи; тѣмъ не менѣе она представляетъ интересъ по нѣкоторымъ фактическимъ даннымъ, которыя бросаютъ свѣтъ на личность и характеръ Бруни[1]). Гораздо содержательнѣе рѣчь Поджіо[2]), который въ теченіе 44 лѣтъ былъ однимъ изъ самыхъ близкихъ друзей покойника. Общей и безпристрастной оцѣнки литературной дѣятельности Бруни здѣсь нѣтъ: но Поджіо хорошо зналъ своего друга, тонко подмѣтилъ двѣ основныя черты его характера — неуклонное стремленіе къ матеріальному обезпеченію, которое заставило его сначала изучать право[3]), потомъ добиваться мѣста при куріи[4]) и твердо держаться за добытую должность, пока она не привела къ цѣли[5]),—и соединеніе теоретическаго интереса къ наукѣ съ практическимъ къ общественой жизни и политической дѣйствительности[6]).

Въ XV столѣтіи Бруни нашелъ двухъ біографовъ, лично его знавшихъ — Фаціо и Бистиччи. Коротенькая замѣтка Фаціо въ его общемъ

---

[1]) Такъ, по поводу отказа Бруни переселиться въ Римъ по приглашенію Мартина V Манетти говоритъ: cum ex uxore quoque primaria nostrae civitatis muliere unicum filium suscipisset et pluribus insuper quorundam maximorum beneficiorum et civitatis, et immunitatis muneribus ob admirabiles virtutes suas a Florentino populo honestatus fuisset ac *laboribus denique et vigiliis et sua illa incredibili eloquentia amplas divitias comparasset,* Florentiae cum uxore et liberis et cum concivibus amicis ac demum cum libris suis quiete commorari atque in gratiam redire, quam Romam proficisci maluit. Ibid. p. XCVI.

[2]) *Poggii Bracciolini Oratio funebris in obitu Leonardi Arretini.* Напечатана у Mehus'a въ предисловіи къ перепискѣ Бруни, p. CXVI и слѣд.

[3]) Labores vero suos tantummodo laudari, nihil vero sibi afferre emolumenti cerneret, et premebatur inopia, ut qui tenui esset censu, rediit ad disciplinas juris civilis, quae suis cultoribus opes et divitias pollicentur. Ibid. p. CXX.

[4]) Cum antea Leonardus, qui illam legum mollestiam effugere cupiebat, primo verbis, deinde litteris egisset mecum, ut curarem, ut in curiam accersiretur ad aliquod exercitium, ex quo victum honestum posset consequi. Ibid.

[5]) Это случилось только при Іоаннѣ XXIII: Ioannis tempore, cujus pontificatus questiosissimus fuit, functus est, multasque tum pecunias Ioannis indulgentia contraxit. Ibid. CXXI.

[6]) Duo genera sunt hominum, qui procul a laude militari vitam honestam sequuntur, alterum eorum, qui animum suum applicant ad rempublicam gubernandam inque ea administranda labores pro communi utilitate suscipiunt; alterum eorum, qui otio dediti litterarum quiescunt procul a turbine populari: utrumque Leonardus noster est summa cum laude complexus. Ibid.

сочиненіи о современныхъ знаменитостяхъ свидѣтельствуетъ, что даже гуманистовъ поражала обширная литературная дѣятельность Бруни[1]). Гораздо важнѣе біографическій очеркъ Бистиччи. Скромный флорентійскій книгопродавецъ не пускается въ оцѣнку трудовъ Бруни и не имѣетъ въ виду написать его систематической біографіи[2]). Но онъ зналъ Бруни и его друзей, былъ хорошо знакомъ и съ общественными дѣлами Флоренціи, и съ взаимными отношеніями гуманистовъ. Поэтому онъ дополняетъ автобіографическую часть Комментарія, переписку и показанія Поджіо лично ему извѣстными фактами[3]), приводитъ мнѣнія Бруни въ вопросахъ тогдашней политики[4]) и сообщаетъ анекдотическіе факты для его характеристики[5]). Но особенно важное значеніе имѣютъ двѣ главы очерка Бистиччи: во-первыхъ, та, гдѣ онъ говоритъ, какъ хорошо освѣдомленный очевидецъ, о необычайной популярности Бруни въ Италіи и за ея предѣлами — въ Англіи, Франціи и Испаніи[6]), и во-вторыхъ, первый списокъ его сочиненій[7]). Къ концу XV и началу XVI столѣтія относятся короткіе отзывы о Бруни въ діалогѣ Кортезе, въ хроникѣ Форести и въ Elogia Джовіо. Кортезе, оцѣнивая гуманистовъ главнымъ образомъ съ формальной точки зрѣнія, со стороны языка и стиля, не особенно высоко ставитъ рѣчи Бруни, какъ произведенія ораторскаго искусства, но онъ принимаетъ также во вниманіе и содержаніе ученыхъ трудовъ, если они болѣе или менѣе выдаются надъ общимъ уровнемъ. Работы Бруни и въ особенности его историческія произведенія оцѣниваются Кортезе настолько высоко, что онъ прощаетъ автору его формальные недостатки и называетъ его „первымъ человѣкомъ (principem) своего времени“[8]). Форести ограничивается немногими замѣчаніями[9]), а Elogium Джовіо представляетъ только тотъ интересъ, что авторъ упоминаетъ объ обвиненіи Бруни Хр. Персоной въ плагіатѣ за книгу De bello Gothico[10]).

---

[1]) Nec fere alius quisquam nostri temporis aeque multa industriae suae reliquit. *Bartholomaeus Fatius, De viris illustribus libri ed. Mehus. Florentiae 1745*, p. 10.

[2]) Ho scritto solo alcune cose udite da lui, che mi sono parute che sieno degne di memoria. Bisticci, l. c., p. 334.

[3]) Напр., объ отношеніи Бруни къ папѣ Іоанну XXIII. Ibid. p. 428.

[4]) Ibid. p. 432 и слѣд.

[5]) Напр., отношеніе Бруни къ Манетти. Ibid. p. 437—38.

[6]) Cap. IX, p. 436—37.

[7]) Cap. XI, p. 438—39. Списокъ этотъ однако далеко не полонъ.

[8]) Cortesius, l. c., p. 224—225.

[9]) Bergomas, l. c. fol. 274.

[10]) Jovius, l. c., p. 28. Въ Laurentiana (Pl. XC sup. 5) хранится анонимная *Laudatio Leonardi historici et oratoris*, которая мнѣ осталась неизвѣстной.

Первые шаги къ научному изученію жизни и сочиненій Бруни были сдѣланы въ половинѣ XVIII столѣтія, и главная заслуга въ этомъ дѣлѣ принадлежитъ Мегусу, который, благодаря изданіямъ источниковъ и монографіямъ, до сихъ поръ занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ среди изслѣдователей Возрожденія. Мегусъ переиздалъ переписку Бруни, дополнивъ старыя изданія цѣлой массой ненапечатанныхъ писемъ, и предпослалъ своему труду біографическій очеркъ Бруни, хотя чисто внѣшній, но довольно обстоятельный, а также весьма подробный, хотя все-таки неполный, списокъ его сочиненій. Кромѣ того, вмѣстѣ съ перепиской Мегусъ напечаталъ разсмотрѣнныя нами рѣчи Манетти и Поджіо, а въ біографіи Траверсари издалъ много отрывковъ изъ діалоговъ къ Верджеріо, которыми до самаго послѣдняго времени и пользовались позднѣйшіе изслѣдователи. Въ 1752 году Апостоло Дзено сдѣлалъ въ „Фоссіевыхъ Диссертаціяхъ“ [1]) весьма полезныя дополненія къ біографическому очерку Мегуса. Онъ свелъ современныя показанія относительно нѣкоторыхъ фактовъ изъ жизни Бруни, разобралъ и опровергъ обвиненія его въ плагіатѣ [2]) и сообщилъ нѣкоторыя библіографическія данныя о его сочиненіяхъ. Опираясь на всѣ предшествующія работы, Маццукелли далъ новый біографическій очеркъ Бруни и составилъ самый обширный до сихъ поръ каталогъ его сочиненій [3]). Эти труды легли въ основаніе главы о Бруни въ исторіи литературы Тирабоски [4]) и составили главный источникъ для позднѣйшихъ изслѣдователей.

До половины нынѣшняго столѣтія о Бруни упоминаютъ только общія сочиненія по исторіи литературы и Ренесанса. Но историки литературы въ лучшемъ случаѣ излагаютъ содержаніе Мегуса и Тирабоски, какъ Женгенэ [5]), или ограничиваются незначительными замѣчаніями, какъ Сисмонди [6]) и Галламъ [7]). То же самое можно сказать о раннихъ исторіяхъ Возрожденія Эргарда и Шарпантье [8]). Пер-

---

[1]) Zeno, Dis. Vos. I, p. 82 и слѣд.

[2]) Ibid. p. 89. По Zeno составилъ біографическій очеркъ Бруни Niceron въ XXV томѣ своихъ мемуаровъ.

[3]) Mazzuchelli, l. c. II, 4, p. 2196 и слѣд.

[4]) Tiraboschi, VI, p. 911 и слѣд.

[5]) Ginguené, l. c., III, p. 295 и слѣд.

[6]) Sismondi, l. c. II, p. 29—30.

[7]) Hallam, l. c. p. 88. Галламъ не ознакомился даже съ перепиской Бруни и съ ранними сочиненіями о немъ, такъ какъ онъ говоритъ, что „Исторія готовъ Бруни, переведенная по большей части изъ Прокопія, *хотя авторъ хранитъ объ этомъ молчаніе*, считается его лучшимъ сочиненіемъ“.

[8]) Erhard, l. c., p. 235; Charpentier, l. c., p. 185.

вая монографія о Бруни появилась только въ половинѣ нынѣшняго столѣтія.

Въ 1856 году Аретинская академія издала вновь Флорентійскую исторію Леонардо Бруни, снабдивши ее итальянскимъ передовомъ и нѣкоторыми комментаріями. Это обстоятельство послужило поводомъ къ появленію небольшой монографіи К. Монцани о Л. Бруни[1]). Монцани, недовольный новымъ изданіемъ, поставилъ своей задачей отчасти пополнить его пробѣлы. Редакторы новаго изданія не предпослали ему біографіи автора, не характеризовали времени, когда впервые появилась его Флорентійская исторія, и не выяснили ея научнаго значенія. Монцани въ первой половинѣ своей статьи изложилъ жизнь Бруни, а во второй сдѣлалъ попытку культурно-исторической оцѣнки эпохи, въ которую онъ жилъ, и движенія, къ которому онъ принадлежалъ, и приложилъ нѣсколько неизданныхъ документовъ, относящихся къ дипломатической миссіи Бруни при дворѣ Мартина V въ 1426 году. Біографическій эскизъ, написанный Монцани, не представляетъ ничего новаго ни по фактическому матеріалу, ни по его освѣщенію. Онъ даже игнорируетъ нѣкоторыя событія изъ жизни Бруни, весьма для него характерныя и уже отмѣченныя Мегусомъ. Такъ ходъ его занятій, долговременное изученіе права, колебанія, предшествовавшія его окончательному присоединенію къ новому движенію — совсѣмъ имъ не упомянуты. И наоборотъ, онъ слишкомъ подробно для небольшой монографіи излагаетъ мелкія дрязги личной жизни итальянскихъ гуманистовъ, не имѣющія прямого отношенія къ Бруни, слишкомъ долго останавливается на политическихъ событіяхъ, которыхъ очевидцемъ, а иногда только современникомъ былъ Бруни. Кромѣ того, авторъ совершенно не касается вопроса о томъ, какое мѣсто занимаетъ Бруни въ движеніи, и характеристика его личности точно такъ же не удовлетворяетъ читателя. Монцани вполнѣ полагается на панегирикъ Поджіо, написанный по случаю смерти Бруни, и считаетъ этого послѣдняго вмѣстилищемъ всевозможныхъ добродѣтелей[2]). Съ этой точки зрѣнія онъ старается объяснить всѣ поступки Бруни, но наталкивается на противорѣчія, отмѣчаетъ ихъ, не выясняя ихъ психической основы. Иногда такія противорѣчія стоятъ рядомъ на одной

---

[1]) *Monzani, Di Leonardo Bruni Aretino. Discorso.* (Въ Archiv. Storico Ital. N. ser. T. V. Parte I, p. 29—59.; part. II, p. 3—34).

[2]) По мнѣнію Монцани, Бруни никогда не мѣнялъ своихъ взглядовъ ради пользы и бенефицій и, хотя жилъ при папскомъ дворѣ, славившимся всевозможнымъ развратомъ, mai si stropiccio nel lezzo che morbava la più parte. Вообще онъ стоялъ выше своихъ современниковъ не только талантомъ и славой, но также bontà dell'animo et l'integrita della vita. Parte I, p. 55—56.

страницѣ. Такъ, преданность Бруни интересамъ Григорія XI Монцани объясняетъ его благородствомъ, а его позднѣйшее поведеніе при дворѣ этого папы твердостью убѣжденій, нежеланіемъ поддѣлываться подъ чужой тонъ, т. е. тѣми соображеніями, которыми самъ Бруни старался оправдать себя въ письмахъ къ друзьямъ. А чрезъ нѣсколько строкъ по поводу того же факта говорится: „Бруни подвергался нападеніямъ со всѣхъ сторонъ, какъ всегда бываетъ съ тѣми, которые желаютъ со всѣми находиться въ хорошихъ отношеніяхъ и не понимаютъ, что одновременно держаться двухъ противоположныхъ направленій не только позорно и не честно (non é onorevole nè onesto), но и болѣе того — опасно“ [1]). Вслѣдствіе этихъ противорѣчій съ одной стороны и панегирическаго тона, которымъ проникнута монографія вообще, личность Бруни осталась невыясненной и послѣ статьи Монцани.

Оцѣнка сочиненій Бруни проникнута такимъ же противорѣчіемъ: восторженный отзывъ объ ихъ общемъ характерѣ совершенно не оправдывается детальнымъ изображеніемъ. „Всѣ сочиненія Бруни, говоритъ Монцани, внушаютъ удивленіе къ его глубочайшей учености, къ обширности знаній, къ полному знакомству съ греческой и римской литературой, а также къ новизнѣ идей и оригинальности формы“ [2]). Но оказывается, что всѣ его труды не заслуживаютъ славы за свою форму прежде всего потому, что они написаны по-латыни, за исключеніемъ двухъ біографій Данте и Петрарки. „По этимъ маленькимъ этюдамъ легко замѣтить (intravvedere), говоритъ Монцани, до какого превосходства онъ достигалъ, когда содѣйствовалъ развитію родного языка. Тѣмъ болѣе поэтому слѣдуетъ сожалѣть, что всѣ его старанія и заботы были обращены на мертвый языкъ, который не могъ доставить ему продолжительной славы [3])“. То же самое въ сущности говорится и относительно новизны идей и оригинальности взглядовъ. Главную заслугу Бруни, по мнѣнію Монцани, составляютъ его историческіе труды и въ особенности 12 книгъ Флорентійской исторіи. „Этимъ трудомъ, говоритъ авторъ, Бруни оказалъ большую услугу не только республикѣ, которая дала ему право гражданства, но также и исторической наукѣ“. Онъ восхваляетъ Бруни и за обработанный имъ новый матеріалъ, и за безпристрастіе, за искусное изложеніе, за возвышенность идей, за благородство чувствъ — словомъ, осыпаетъ его всевозможными похвалами; но въ то же время признаетъ, что рѣчи, дѣйствующихъ лицъ въ его исторіи не несоотвѣтствуютъ имъ и не подходятъ къ дѣйствительности, ставитъ его работу гораздо

[2]) Ibid. p. 39.
[3]) Parte II, p. 20.
[4]) Ibid. p. 14.

ниже и по языку, и по содержанію книги Поджіо и вполнѣ соглашается съ оцѣнкою Макіавелли, который рѣзко осуждаетъ обоихъ историковъ[1]). Что касается до новыхъ идей Бруни, то онѣ сводятся, во-первыхъ, къ тому, что въ древнемъ Римѣ существовало два различныхъ языка — народной массы и просвѣщеннаго общества[2]), и во-вторыхъ, къ отрицанію того, что любовь играла важную роль въ жизни Петрарки. Монцани воздерживается отъ сужденія о странномъ заблужденіи Бруни относительно римскаго плебса и съ излишней рѣзкостью высказывается противъ его въ основѣ вѣрнаго взгляда на Петрарку[3]).

Гораздо болѣе интереса представляетъ вторая половина монографіи, посвященная характеристикѣ времени Леонарда Бруни, хотя она не лишена противорѣчій и далеко не удовлетворяетъ требованіямъ строгой научности. Монцани даетъ оцѣнку гуманистическаго движенія съ итальянско-патріотической точки зрѣнія. „Эпоха, къ которой принадлежалъ Бруни, говоритъ Монцани, не только не изучена и не выяснена, какъ она того заслуживаетъ, но даже не получила еще правильной оцѣнки“[4]). Пополненію этого пробѣла и посвящена значительная часть второй половины монографіи. Монцани считаетъ конецъ XIV и первую половину XV вѣка началомъ общаго паденія культуры и въ гуманистическомъ движеніи этого времени видитъ великое бѣдствіе для Италіи и чуть ли не позоръ для всего человѣчества. Не признавая никакихъ заслугъ за гуманистами, онъ обвиняетъ ихъ во всевозможныхъ порокахъ и преступленіяхъ. Изученіе древности не принесло, по его мнѣнію, никакой пользы и послужило источникомъ большого вреда. „Весь этотъ великій энтузіазмъ къ древности, говоритъ онъ, только поднялъ пыль прошлаго, привелъ въ движеніе мертвый языкъ, въ который никто изъ этихъ ученыхъ не вложилъ дыханія жизни, такъ что ихъ писанія превратились въ родъ рабскаго подражанія. Ученость сдѣлала въ XV вѣкѣ огромные и неоцѣненные успѣхи; никогда знанія не были такъ распро-

---

[1]) Ibid. 15—18.

[2]) Странно, что Монцани ссылается въ этомъ случаѣ на Ginguiné, Histoir. Litter. d'Ital. Tom. I, p. 151, не подозрѣвая, что этотъ взглядъ изложенъ Бруни въ его перепискѣ, хотя указываетъ на переписку, какъ на свой источникъ.

[3]) Convien dire che dall'essersi il Boccaccio forse diffuso un po'troppo nel racconto dell'amore del poeta, venisse a Leonardo una eccessiva avversione contro gli amori, poichè ad essi non vuole dar luogo nemmeno nel raccontare le vicende e gli affeti del Petrarca, quantunque gli amori constituiscano la parte più ampia, più bella, più interessante della sua vita. Ibid. p. 21.

[4]) Parte I, p. 30.

странены, какъ въ эту трудолюбивѣйшую эпоху; но въ рукахъ ученыхъ они остались безплодными, и все это великое движеніе не принесло результатовъ, которыхъ должно было отъ него ожидать. Рабская подрожательность уничтожила замыселъ, подавила творческую способность, вслѣдствіе этого произведенія ученыхъ, процвѣтавшихъ въ этотъ періодъ, за самымъ малымъ исключеніемъ, представляютъ собою только реторическія упражненія, воспроизведенія античнаго матеріала или грамматическія изслѣдованія"[1]). Забывая за античнымъ міромъ современное государство и новую литературу, они самой древностью увлекались чисто внѣшнимъ образомъ: „обращая вниманіе болѣе на слова, чѣмъ на сущность дѣла, болѣе на стиль, чѣмъ на идеи, они воскресили тѣло, а не духъ древнихъ писателей"[2]). Лишенные истиннаго таланта, гуманисты этой эпохи были въ полномъ смыслѣ слова отребьемъ рода человѣческаго. Ихъ индивидуальныя свойства сводятся къ полному нравственному ничтожеству. „Злоба и неестественный раздоръ, говоритъ Монцани, возрастали между ними по мѣрѣ усиленія легкости нравовъ, ничтожности воспитанія и рабства мысли и родины", и грязныя инвективы служатъ, по его мнѣнію, самымъ несомнѣннымъ доказательствомъ ихъ нравственной одичалости[3]). Не выше стоятъ гуманисты, какъ литературные дѣятели. Прежде всего, они презирали родной языкъ и этимъ самымъ замедляли развитіе національной литературы и лишали себя возможности создать что-либо великое: что можно написать „на языкѣ, котораго сынъ не слышитъ на устахъ матери и влюбленный на устахъ любимой женщины?"[4]). Но и вообще ихъ сочиненія, лишенныя всѣхъ качествъ, необходимыхъ для книги[5]), унизили литературу: „писательство сдѣлалось тривіальнымъ ремесломъ, знаніе — почти только игрою памяти, поэзія — времяпрепровожденіемъ и забавой"[6]). Какъ граждане, гуманисты, по мнѣнію Монцани, были ниже всякой критики, составляли истинное бѣдствіе для Италіи и служили причиной пережитого ею глубокаго упадка. Не научившись у древнихъ гражданскимъ добродѣтелямъ, они, благодаря имъ, стали крайне плохими патріотами.

---

1) Parte 2, p. 4.
2) Ibid. p. 6.
3) Ibid. p. 6 и 8.
4) Ibid. p. 5.
5) Nelle opere loro manca per lo più colore d'anima, spontaneità, libertà e vigore di eloquenza, novità d'idee, altezza di pensieri, pellegrinità di concetti, p. 5.
6) Ibid. p. 6 и 7.

„Новые мудрецы изъ-за любви къ Аѳинамъ и Риму забыли о своей родинѣ; погруженные въ античныхъ писателей, занятые откапываніемъ кодексовъ и манускриптовъ, они допустили свободу погибнуть жалкимъ образомъ; немногіе изъ нихъ, болѣе коварные и честолюбивые, довольствуясь восторгомъ передъ свободой въ книгахъ, стремились совершенно подавить ее въ дѣйствительности". Къ политической дѣятельности гуманисты относились равнодушно. „Не видно, чтобы таланты принимали участіе или чувствовали интересъ къ общественнымъ дѣламъ, чтобы они выходили изъ кабинета на площадь, помогали родинѣ совѣтами, мужественно и съ пользою трудились для нея: большая часть изъ нихъ искала убѣжища при дворахъ, гдѣ они или наслаждались досугомъ или погружались въ безплодныя занятія". Если честолюбіе и эгоизмъ заставляли иногда гуманистовъ обращаться къ политической дѣятельности, то государство отъ этого ничего не выигрывало: „невѣжественные или равнодушные къ государственнымъ дѣламъ, они не умѣли разумно управлять республикой и сообразно съ потребностями улучшать учрежденія" [1]). Но оставаясь въ сторонѣ отъ политической жизни, гуманисты причиняли огромный вредъ государству и перомъ, и педагогическою дѣятельностью. Въ сочиненіяхъ они являются защитниками деспотизма; какъ воспитатели принцевъ — развращаютъ будущихъ государей. „Прекрасное зрѣлище представляютъ эти восторженные энтузіасты древности, пользующіеся фразами Цицерона, Ливія, Тацита и другихъ свободнѣйшихъ умовъ, чтобы прикрыть тираннію князей-покровителей, извинить ихъ несправедливость и замаскировать свои рабскія понятія и мысли... Имъ было довѣрено воспитаніе юныхъ принцевъ, и въ скоромъ времени появилась толпа государей-риѳмоплетовъ, ораторовъ, которые, окруживши себя литераторами, филологами, учеными, поэтами и педантами, предоставили заботу о государствѣ преступнымъ или бездарнымъ министрамъ, чтобы можно было болѣе спокойно посвятить себя музамъ" [2]). Наконецъ, само распространеніе гуманистическихъ знаній въ обществѣ было, по мнѣнію Монцани, политическимъ преступленіемъ, служеніемъ тираннии и рабству. Меценатство князей было „политическою хитростью", со времени Козимо Медичи составляло политическую систему, цѣлью которой было не только доставленіе блеска двору, но и отвлеченіе интересовъ отъ современности. Князья „хорошо понимали, что, гдѣ умы обращены къ этимъ занятіямъ, заняты такими заботами, тамъ не будутъ обращать большого вни-

---

[1]) Ibid. p. 6.
[2]) Ibid. p. 7—8.

манія на то, что было такъ дорого предкамъ и къ чему теперь уменьшилась любовь и уваженіе, — т.-е., къ свободѣ и родинѣ"[1]).

При такомъ отношеніи къ эпохѣ диѳирамбическій тонъ въ біографіи Бруни кажется весьма страннымъ, и это впечатлѣніе усиливается еще тѣмъ, что Монцани находитъ и другого дѣятеля, труды котораго онъ ставитъ выше сочиненій Бруни — именно Поджіо. Какимъ образомъ въ головѣ автора примирялось абсолютное осужденіе гуманизма этой эпохи и преклоненіе передъ двумя крупными его дѣятелями — остается психологическою тайною людей, которымъ патріотизмъ мѣшаетъ видѣть истину. Но осуждая итальянское Возрожденіе первой половины XV вѣка, Монцани болѣе благосклоненъ ко всему движенію, взятому въ цѣломъ. Отмѣчая два направленія въ оцѣнкѣ Возрожденія, изъ которыхъ одно приписываетъ ему самые благотворные результаты, а другое держится противоположнаго взгляда, онъ старается нѣсколько защитить его отъ полнаго осужденія. Враги гуманизма возводятъ на него тѣ же обвиненія, что и Монцани, и совершенно послѣдовательно отрицаютъ за нимъ всякое значеніе; Монцани имъ не возражаетъ по существу, но совершенно неожиданно приходитъ къ такому выводу: „нельзя отрицать, что появленіе филологовъ, грамматиковъ, антикваріевъ и ученыхъ было во многихъ отношеніяхъ полезно и благотворно, ибо безъ него, можетъ быть, наступилъ бы перерывъ въ интеллектуальномъ и политическомъ прогрессѣ не только Италіи, но и Европы. Это былъ великій кризисъ, можетъ быть неизбѣжный, сопровождавшійся, какъ и всѣ великіе перевороты, важными явленіями, хорошими и дурными"[2]). Первому и единственному біографу Бруни въ новое время не удалось выяснить значеніе этого гуманиста, потому что ему осталось неяснымъ самое движеніе.

Монцани остается до настоящаго времени единственнымъ біографомъ Бруни въ XIX столѣтіи[3]); но въ новыхъ сочиненіяхъ по исторіи литературы, Рима и Ренесанса мы находимъ рядъ попытокъ выяснить личность Бруни и его стремленія. Правда, большинство историковъ національной литературы — Канту, Джудичи, Де Санктисъ — обходитъ Бруни совершеннымъ молчаніемъ; но у одного изъ нихъ, *Инвернициди*, мы находимъ общую оцѣнку сочиненій Бруни. Выше мы видѣли, какъ относится авторъ къ перепискѣ Бруни и къ его

---

[1]) Ibid. p. 9.

[2]) Ibid. p. 12.

[3]) Исключеніе составляетъ упомянутая замѣтка *Gherardi* (Archiv. stor. ital. 1885 p., 416 и слѣд.), гдѣ авторъ вноситъ хронологическую поправку относительно времени полученія Бруни флорентійскаго гражданства и составленія имъ флорентійской исторіи.

историческимъ сочиненіямъ. Еще менѣе благопріятна общая оцѣнка его произведеній. Инверницци не видитъ у Бруни ни одной „широкой и глубокой мысли". „Въ его оригинальныхъ сочиненіяхъ, говоритъ авторъ, вы чувствуете эрудицію, которая остается инертной въ мысли, аггрегатъ идей, собранныхъ безо всякой связи, не имѣющихъ въ разумѣ ни жизни, ни движенія, образцы, которые созерцаются и изучаются съ продолжительной и страстной любовью, но совершенно не дѣйствуютъ, какъ силы, возбуждающія въ душѣ новыя идеи и новыя чувства"[1]). „Бруни созерцаетъ великій греко-латинскій міръ", говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, „но на ряду съ грамматическими и филологическими разсужденіями мы не находимъ ничего, что указывало бы на образованіе въ немъ новаго духа... въ концѣ концовъ онъ не выходитъ изъ состоянія пассивнаго созерцанія древности[2])". Объяснить подобнаго рода разсужденія возможно только при томъ предположеніи, что Инверницци остались неизвѣстными теоретическіе трактаты Бруни: иначе онъ замѣтилъ бы у ихъ автора страстное желаніе и рѣшительныя попытки построить новое міросозерцаніе на новыхъ началахъ. Впрочемъ Инверницци допускаетъ безсознательное вліяніе древности на міросозерцаніе Бруни, но не указываетъ, въ чемъ оно выразилось, и считаетъ его поверхностнымъ. „Средневѣковыя вѣрованія, говоритъ онъ, еще лежали въ глубинѣ его души и достаточно было внѣшняго случая, чтобы они вышли изъ инертнаго состоянія, въ которомъ держало ихъ предпочтеніе къ древности". Эту мысль Инверницци думаетъ подтвердить отвѣтомъ Бруни на восторженное письмо Поджіо о поведеніи Іеронима Пражскаго передъ казнью. Осторожный Бруни совѣтуетъ своему другу „умѣрить" восторги и „писать о такихъ предметахъ съ бо́льшею осторожностью"[3]). Въ практическомъ совѣтѣ ловкаго и трезваго чиновника, уже сдѣлавшаго удачную карьеру при папской куріи, Инверницци видитъ проявленіе средневѣковыхъ воззрѣній. Новѣйшій нѣмецкій изслѣдователь итальянской литературы, Адольфъ Гаспари, воздерживается отъ сужденія объ общемъ значеніи Бруни и его сочиненій въ исторіи Возрожденія, но онъ даетъ біографическій очеркъ этого гуманиста, излагаетъ содержаніе его Поликсены, вѣрно характеризуетъ его политическія воззрѣнія и отношеніе къ Платону и Аристотелю и, что особенно важно, не повторяетъ общепринятаго мнѣнія о враждѣ Бруни къ Данте, Петраркѣ и Боккаччіо[4]).

---

[1]) Invernizzi, l. c., p. 82.
[2]) Ibid. p. 85.
[3]) Ibid p. 86.
[4]) Gaspary, l. c. II, p. 98, 210, 124, 157 и 179.

Бруни представлялъ собою столь видную фигуру при папской куріи, что выдающіеся историки Рима и папства — Грегоровіусъ, Реймонтъ и Пасторъ[1]) — не считаютъ возможнымъ обойти его молчаніемъ, при чемъ послѣдній пытается, какъ мы видѣли[2]), найти въ немъ образецъ „христіанскаго" гуманизма въ противоположность „языческому", представителями котораго были Поджіо, Валла и друг. Гораздо обстоятельнѣе говорятъ о Бруни историки Возрожденія и прежде всего Фогтъ. Фогтъ не ограничивается сообщеніемъ фактическихъ свѣдѣній о жизни Бруни, но даетъ весьма живую характеристику его личности[3]), главное достоинство которой заключается въ томъ, что авторъ подчеркнулъ интересъ Бруни къ общественной жизни и его пониманіе важности политическихъ отношеній. Но съ общимъ освѣщеніемъ Фогта идивидуальныхъ свойствъ Бруни едва ли можно согласиться. Бруни представляется Фогту „серьезной, даже мрачной натурой"[4]), которой трудно было ужиться при папской куріи[5]), потому что тамошняя жизнь не удовлетворяла его „стоическому идеалу"[6]). Такая характеристика не оправдывается ни фактами изъ біографіи Бруни, ни его произведеніями. Онъ сдѣлалъ свою карьеру при куріи гораздо быстрѣе Поджіо, котораго Фогтъ ему противополагаетъ; онъ пользовался довѣріемъ всѣхъ папъ, и одинъ изъ нихъ, Іоаннъ XXIII, сдѣлалъ его богатымъ человѣкомъ. Сначала Бруни стремился только къ матеріальному обезпеченію, что, конечно, не вытекало изъ стоическаго идеала. Мы видѣли, что теоретически Бруни не былъ стоикомъ, и въ его натурѣ совсѣмъ не замѣтно стоическихъ наклонностей: авторъ рѣчи Геліогабала и канцоны въ честь Венеры обнаруживаетъ въ перепискѣ совсѣмъ противоположныя качества[7]).

---

[1]) Gregorovius, l. c. VII, p. 542; Reumont, III, p. 294—97; Pastor, I, 37 и 132.

[2]) См. выше, p. 31.

[3]) Die Wiederbelebung, I, p. 309—15 и II, 17—18.

[4]) Er war nicht mehr so jung und nicht so biegsam wie Poggio, überhaupt eine ernstere, selbst mürrische und finstere Natur. Ibid. II, p. 17.

[5]) Bruni wusste sich in das Leben und Treiben des geistlichen Hofes durchaus nicht zu finden, er war nicht leichtlebig und weltgewandt wie sein Freund Poggio. Ibid. I, p. 310.

[6]) Das Leben an der Curie war ihm nach zehnjährigem Umherwerfen verleidet wie Salutato, nicht um der Schreibergeschäfte willen, sondern weil er im Leben eines Curialen die männliche Ehre nicht fand, die seinem stoischem Lebensideal gemäss war. Ibid. II, p. 18.

[7]) Для примѣра можно привести описаніе Бруни собственной свадьбы. „Я опустошилъ рынокъ и парфюмерныя лавки, пишетъ онъ Поджіо, одинаково изучилъ извѣстныхъ и неизвѣстныхъ поваровъ, колбасниковъ, торговцевъ дичью; но что нестерпимо, такъ это безконечные женскіе наряды". Но всѣмъ этимъ Бруни очень доволенъ; его не огорчаютъ даже крупныя свадебныя

Но самый крупный недостатокъ характеристики Фогта — это отсутствіе въ ней изложенія міросозерцанія Бруни[1]). Этотъ пробѣлъ остается непополненнымъ и до настоящаго времени, потому что Гейгеръ, кромѣ краткаго біографическаго очерка Бруни, ограничивается критическими замѣчаніями о нѣкоторыхъ его сочиненіяхъ[2]), а очеркъ, посвященный Бруни Сэймондсомъ, совершенно незначителенъ[3]). Такимъ образомъ самый крупный и вліятельный представитель старшаго поколѣнія третьей генераціи гуманистовъ до сихъ поръ еще не нашелъ біографа.

Соперникомъ Бруни по соисканію секретарскаго мѣста при куріи былъ одинъ изъ видныхъ гуманистовъ третьяго поколѣнія *Джакопо д'Анджелло да Скарпаріа*. Біографическія свѣдѣнія о Джакопо весьма скудны[4]). Онъ былъ родомъ изъ тосканскаго городка Скарпаріа, но рано переселился во Флоренцію, былъ ученикомъ Джіованни да Равенна и стоялъ въ близкихъ отношеніяхъ къ Салютати[5]) и Никколи. Затѣмъ онъ отправился въ Византію ради изученія греческаго языка, познакомился тамъ съ Хризолоромъ и былъ главнымъ виновникомъ призванія его во Флоренцію[6]), гдѣ продолжалъ слушать его уроки. Джакопо былъ старше Бруни[7]), на четыре года

издержки, „потому что отъ нихъ болѣе разговоровъ, чѣмъ расхода, болѣе шума, чѣмъ убытка". Дальнѣйшее описаніе носитъ циническій, но не философскій характеръ. Castra, ad quae capienda veneram, prima vihilia adortus expugnavi; victoria non incruenta fuit. In illis ego castris nunc insideo, quanquam die quidem vagor latissime, nocte tamen in illa ipsa castra reversus, per vigilia custodio. Itaque tu sive ducem, sive tribunum, sive centurionem, ut libet, apella etc. Epist. III, 17. Это описаніе тѣмъ характернѣе, что Бруни тогда было уже за 40 лѣтъ. Также мало стоическаго въ такомъ времяпрепровожденіи: нѣсколько позже уже изъ Флоренціи Бруни пишетъ Поджіо, что получилъ его письмо въ то время, dum una cum Nicolao nostro mulierum catervam, quae apud templum convenerat, *ex consuetudine* viseremus. Ibid. IV, 4.

[1]) Нѣкоторыя фактическія неточности Фогта (см., напр., II, p. 312, гдѣ текстъ не подтверждается цитатой изъ Бистиччи) не имѣютъ значенія.

[2]) Geiger, l. c., p. 97—102.

[3]) Symonds, The revival of learning, p. 182—186. О его оцѣнкѣ исторіи Бруни въ Age of despots (p. 201—203) см. выше.

[4]) Фактическія свѣдѣнія о немъ у Mehus'а въ предисловіи къ *Vita Leonardi Dati Ferenze 1743* и затѣмъ у Mazzuchelli, l. c. I, 2, p. 764 и слѣд. Нѣкоторыя хронологическія поправки у Tiraboschi, l. c. VI, p. 1054. Ср. Voigt, I, 226—228 и II, 20.

[5]) См. Mehus, Vita Ambr. Travers., p. CCCLVI—VIII.

[6]) Erat insuper in eadem (Хризолора) disciplina Jacobus quidam Angeli, qui auctor in primis fuerat Chrysolorae arcessendi. Bruni, Comment. col. 920.

[7]) Ex his (condiscipulis) Robertus, et Vergerius, et Jacobus Angeli me longe anteibant aetate. Ibid.

раньше его жилъ при куріи, тѣмъ не менѣе папа предпочелъ ему молодого Бруни[1]), хотя позже и Джакопо сдѣлался апостольскимъ секретаремъ[2]). Еще скуднѣе наши свѣдѣнія о міровоззрѣніи Джакопо. Изъ его литературныхъ связей видно, что онъ принадлежалъ къ гуманистическому движенію; но изъ его произведеній, кромѣ переводовъ изъ Плутарха и Птоломея, извѣстно только письмо къ Хризолору объ избраніи Григорія XII[3]). Наконецъ, при дворѣ Иннокентія VII мы находимъ еще двухъ гуманистовъ — *Бартоломео Капра,* занимавшаго видную должность правителя папской канцеляріи (magister pontificiarum epistolarum), и апостольскаго секретаря Пьетро-Паоло Верджеріо. Но первый только начиналъ здѣсь свою карьеру, дальнѣйшее развитіе которой лежало за предѣлами Рима; второй ее заканчивалъ въ куріи, но его литературная и ученая дѣятельность развивалась главнымъ образомъ въ Падуѣ[4]).

VI.

Курія Григорія XII, Александра V и Іоанна XXIII. — Общія замѣчанія о характерѣ и исторіи гуманистическаго движенія при папской куріи.

Пасторъ вѣрно замѣчаетъ, что Иннокентій VII положилъ твердое основаніе обычаю замѣщать гуманистами секретарскія мѣста въ папской куріи[5]). Дѣйствительно съ этихъ поръ, несмотря на бѣдственное положеніе св. престола до Констанскаго собора, курія все болѣе и болѣе наполняется наполняется гуманистами. Григорій XII (1406—1415) получилъ тіару 80-лѣтнимъ старикомъ; не лишенный нѣкогда

---

[1]) См. Epist. I, 1 и 2.

[2]) Mehus (l. c. p. XVI) видѣлъ документъ, помѣченный 1410 годомъ, гдѣ Анджело названъ уже апостольскимъ секретаремъ. Mehus относитъ этотъ документъ къ Іоанну XXIII; по мнѣнію Voigt'a Джакопо былъ секретаремъ уже при Александрѣ V (II, 20).

[3]) Списокъ его сочиненій, приведенъ у Mazz., l. c. гдѣ указаны рукописи и изданія; изъ него видно, что Джакопо перевелъ: изъ Плутарха біографіи Марія, Помпея, Цицерона, Брута и Цезаря; изъ Птоломея Cosmographiae libri VII, Qnadripartitum и Centum fructus, при чемъ принадлежность ему двухъ послѣднихъ переводовъ сомнительна. *De Gregorii XII electione epistola ad Emanuelem Chrisoloram* напечатана у Mehus'a, Vita L. Dati.

[4]) См. о нихъ ниже.

[5]) Pastor, I, p. 132.

нравственныхъ достоинствъ и научныхъ интересовъ[1]), на папскомъ престолѣ онъ впалъ въ дѣтство и наслаждался больше лакомствами, чѣмъ какими бы то ни было науками[2]). Кромѣ того, реальное положеніе св. престола было настолько тяжело, что папа, выгнанный изъ Рима, продалъ его за дешевую цѣну неаполитанскому королю[3]). Тѣмъ не менѣе гуманистическій элементъ куріи его предшественника не только сохранился, но даже усилился новымъ и крупнымъ членомъ. Мѣсто апостольскаго секретаря получилъ сверстникъ Бруни, *Антоніо Лоски* изъ Виченцы (1368—1441), вліятельный гуманистъ, давно уже получившій извѣстность своею дѣятельностью на родинѣ и при дворѣ Висконти[4]). Вся эта гуманистическая курія покинула Григорія XII передъ Пизанскимъ соборомъ и перешла на службу къ его сопернику — Александру V (1409—1410). Личность соборнаго избранника обѣщала хорошую будущность ученымъ куріаламъ. Грекъ по происхожденію, новый папа былъ весьма ученый человѣкъ и ранѣе покровительствовалъ гуманистамъ[5]); но его положеніе было крайне затруднительно и главнымъ образомъ его угнетала бѣдность: „епископомъ я былъ богатъ, говорилъ Александръ V, кардиналомъ бѣденъ, а папою сталъ нищимъ“[6]). Тѣмъ не менѣе въ короткое время его правленія въ куріи появляются два новыхъ гуманиста: *Benedetto da Piglio* и *Уберто Дечембріо;* но дѣятельность перваго относится ко второй четверти XV столѣтія, а Дечембріо оставался секретаремъ очень короткое время и большую часть жизни провелъ на службѣ въ Миланѣ[7]).

Но гуманистическій элементъ въ куріи особенно усилился со вступленіемъ на престолъ Іоанна XXIII (1410—1415). Сначала ловкій пиратъ, потомъ распутный студентъ Болонскаго университета, новый папа обладалъ достоинствами авантюриста изъ кондотьеровъ, до вир-

---

[1]) Бруни говоритъ о немъ: fuit in Gregorio permagna vitae morumque honestas et prisca quidem, ut ita dixerim, bonitas. Scripturarum quoque scientia et indagatio subtilis et recta. Commentarius l. c. col. 926.

[2]) Plus in zucaro consumebat, quam sui praedecessores in victu et vestitu говоритъ современный біографъ. Ein widerwärtiges Bild kindischen Alters, замѣчаетъ Грегоровіусъ, приведя эту цитату (VI, p. 576) Характеристику этого папы см. у Reumont (II, 1132) и Creighton, I, p. 182 и 197—198.

[3]) Gregor., l. c. 591.

[4]) См. о немъ ниже.

[5]) Его характеристика у Грегоровіуса, VI, p. 601 и въ особенности Creighton, l. c., p. 232—233. О его сочиненіяхъ Mazz., I, p. 455—56.

[6]) Gregorovius, l. c.

[7]) Voigt не упоминаетъ Уберто среди апостольскихъ секретарей. Ср. Argelati, c. l., p. 1106—1108. Объ Уберто см. ниже.

туовности развилъ пороки своихъ предшествующихъ профессій и отличался крайнимъ невѣжествомъ во всемъ, что нужно было знать въ его санѣ[1]). Бруни, его близкій другъ и совѣтникъ, считаетъ его „великимъ въ свѣтскихъ дѣлахъ и совершенно ничтожнымъ и нелѣпымъ (ineptus) въ духовныхъ“[2]). Тѣмъ не менѣе, гуманисты были очень довольны богатымъ папой: Бруни, благодаря ему, навсегда обезпечилъ себѣ „почетный досугъ“, и Поджіо, который рѣдко бывалъ доволенъ, находилъ правленіе этого папы очень выгоднымъ[3]). Папа цѣнилъ гуманистовъ, и на ряду съ прежними при его куріи появляется новый *Агапито Ченчи деи Рустичи (Cincius Romanus)*, первый гуманистическій членъ папской канцеляріи римскаго происхожденія[4]). Констанскій соборъ низвергъ Іоанна XXIII; но гуманистическая курія ничего не потеряла при этомъ крушеніи, наоборотъ, съ усиленіемъ папства она упрочила свое существованіе, и къ половинѣ XV вѣка папскій дворъ сдѣлался центромъ гуманистическаго движенія.

Историки папства не даютъ систематическаго изложенія развитія гуманизма при папской куріи. Одни изъ нихъ, какъ Крейтонъ, обходятъ этотъ вопросъ полнымъ молчаніемъ; другіе, какъ Пасторъ, отмѣчаютъ только отношеніе къ гуманизму отдѣльныхъ папъ; Папенкордтъ коротко перечисляетъ заслуги папъ главнымъ образомъ по отношенію къ искусству, а также и къ наукамъ[5]). Наконецъ, самые обстоятельные историки папскаго Рима, Грегоровіусъ и Реймонтъ, начинаютъ внимательно слѣдить за гуманистическимъ движеніемъ при куріи только съ Мартина V, когда оно становится тамъ замѣтною силою[6]). Также относятся къ папскому гуманизму и историки Возрожденія, кромѣ Фогта: Гейгеръ начинаетъ изложеніе съ Николая V[7]), Сэймондсъ съ Евгенія IV[8]). Только Фогтъ слѣдитъ за появленіемъ при куріи гуманистовъ, начиная съ Петрарки[9]); но и онъ имѣетъ въ виду исключительно, такъ сказать, профессіональныхъ гуманистовъ,

---

1) Для его характеристики см. Gregorovius, VI, p. 602. Голословная попытка смягчить приговоръ современниковъ и у Reumont'a, I, p. 1150—51. Ср. Creighton, I, p. 202, 235, 297, 299—301.

2) Commentarius, c. l. col. 927.

3) См. выше p. 696, прим. 5.

4) Его дѣятельность относится ко второй четверти XV столѣтія.

5) Papencordt, l. c. p. 492.

6) Gregorovius, l. c. VII, p. 519 и слѣд. Reumont, l. c. II, p. 305 и слѣд.

7) Geiger, l. c. p. 121 и слѣд.

8) Symonds, The revival of learning, p. 219.

9) Voigt, l. c. II, p. 1 и слѣд.

игнорируя высшихъ куріаловъ, захваченныхъ движеніемъ[1]). Внутренней исторіи папскаго гуманизма до сихъ поръ не написано и для ея составленія въ настоящее время недостаетъ еще предварительныхъ работъ по отысканію источниковъ и ихъ монографической обработки. Но и теперь представляется возможнымъ намѣтить вѣроятныя причины гуманистическаго движенія при куріи и указать его особенности.

Современные изслѣдователи склонны видѣть въ папскомъ гуманизмѣ заносное движеніе, вызванное практическими потребностями куріи. „Флоренція сообщила свою научную жизнь Риму, говоритъ Грегоровіусъ, ибо римская культура была по существу флорентійской и въ медицейскомъ папѣ достигла своего высшаго пункта. Она развивалась медленно послѣ реставраціи папства. Сами папы и кардиналы были ея менецатами, тогда какъ римское дворянство совершенно отстало въ этомъ отношеніи. Такимъ образомъ гуманистическое образованіе въ Римѣ стояло не на народной почвѣ, но было и оставалось заноснымъ (importirt)"[2]). На той же точкѣ зрѣнія стоитъ Сэймондсъ. „Переходя отъ Флоренціи къ Риму, говоритъ онъ, мы поражены тѣмъ фактомъ, что ни въ наукахъ, ни въ искусствѣ папское государство не имѣло своей собственной реальной жизни. Его интеллектуальный энтузіазмъ былъ заносный (imported)"[3]). „Наука, говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, всегда была въ Римѣ предметомъ художественной роскоши, а не частью національной жизни, какъ во Флоренціи... Изъ Флоренціи получилъ Римъ интеллектуальный стимулъ. Связь началась въ 1402 году, когда Бонифацій IX назначилъ Поджіо на должность апостольскаго секретаря"[4]). Такая точка зрѣнія не оправдывается фактами. Дѣйствительно, большинство куріальныхъ гуманистовъ-литераторовъ не римскаго происхожденія; но иностранныхъ гуманистовъ мы находимъ и въ Миланѣ, и въ Неаполѣ, не говоря уже о дворахъ мелкихъ тиранновъ. Гуманистическіе канцлеры самой Флоренціи — Марсупини, Бруни, Поджіо, не мѣстнаго происхожденія, и Бруни, напр., сдѣлался гуманистомъ раньше, чѣмъ сталъ флорентійцемъ. То же самое можно сказать о флорентійскихъ учителяхъ, какъ Джіованни да Равенна и Хризолоръ. Эпитетъ „ввозный" или „заносный" рѣшительно неприложимъ къ какой бы то ни было мѣстной вѣтви итальянскаго гуманизма, потому что онъ обнаруживался всюду, и между отдѣльными городами была въ этомъ отно-

---

[1]) Списокъ дѣятельныхъ гуманистовъ при куріи, составленный Фогтомъ, не полонъ: онъ пропускаетъ напр., Верджеріо и Уберто Дечембріо.

[2]) Gregorov. VI, p. 518—519.

[3]) Symonds, l. c. p. 215.

[4]) Ibid. p. 218.

шеніи только количественная разница. Гуманистическіе литераторы были только выразителями извѣстнаго настроенія, а изъ примѣра Петрарки мы видѣли, что гуманистическое настроеніе обнаружилось въ куріи ранѣе, чѣмъ гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ. Что касается въ частности до вліянія Флоренціи на гуманистическое движеніе при куріи, то оно крайне преувеличено. Не слѣдуетъ забывать, что первый гуманистъ, нашедшій полное признаніе въ куріи, былъ флорентійцемъ только по рожденію и Флоренція не имѣла рѣшительно никакого вліянія на его развитіе. Правда, флорентійскіе гуманисты появляются при куріи гораздо раньше даты, указанной Сэймондсомъ, но они вовсе не занимали тамъ исключительнаго положенія. На ряду съ Дзаноби да Страда и Бруни, тамъ служатъ Соранцо, Кальво изъ Неаполя, а позже Лоски изъ Виченцы, Пьеръ Паоло Верджеріо, миланецъ Уберто Дечембріо, Ауриспа, Тортелли и проч. Самые крупные гуманисты, вышедшіе изъ флорентійской школы, Бруни и Поджіо, и въ особенности послѣдній, такой же продуктъ римской культуры, какъ и флорентійскій, потому что въ Римѣ они провели свои лучшіе годы. Наконецъ, одинъ изъ наиболѣе видныхъ гуманистовъ первой половины XV вѣка, Лоренцо Валла, былъ римляниномъ и по рожденію, и по воспитанію.

Главная ошибка, повлекшая за собою одностороннее рѣшеніе вопроса о происхожденіи гуманизма при куріи, заключается въ *игнорированіи малоизвѣстной до сихъ поръ среды, окружавшей св. престолъ*. Этимъ же обусловливается односторонность въ объясненіи отношеній папъ къ гуманистамъ. По словамъ Фогта, гуманисты вливали „ядъ въ организмъ церкви", тѣмъ не менѣе „то надобность въ борьбѣ, то беззаботность куріи побуждала церковь призывать этихъ модныхъ язычниковъ и вводить ихъ въ свое лоно". Въ эпоху схизмы и соборовъ „папы нуждались въ новыхъ борцахъ и при выборѣ ихъ не были слишкомъ добросовѣстны и разборчивы. Тогда было время многочисленныхъ памфлетовъ и полемическихъ сочиненій, и ихъ тонъ становился все популярнѣй, ихъ полемическіе пріемы все живѣй и ядовитѣй. Тогда нужны были люди, которые занимались позорящими инвективами, какъ искусствомъ"[1]). На этой же точкѣ зрѣнія стоятъ Сэймондсъ[3]) и Пасторъ[2]). У насъ слишкомъ мало документальныхъ данныхъ для рѣшенія вопроса о причинахъ папскаго покровительства гуманистамъ; тѣмъ не менѣе можно съ увѣ-

---

[1]) Voigt, II, 2.
[2]) L. c. p. 215—217.
[3]) L. c. p. 131—132.

ренностью утверждать, что такое рѣшеніе этого вопроса, заключая въ себѣ значительную долю истины, страдаетъ однако односторонностью. Правда, союзъ намѣстниковъ Христа съ неподходящими ихъ сану и положенію силами — традиціонная политика средневѣкового Рима. Въ борьбѣ съ своими противниками папы не отвергали никакихъ союзниковъ, не гнушались никакими средствами, готовы были опираться на всякую силу, если только ожидали отъ нея дѣйствительной поддержки. Они возстановляли подданныхъ противъ непокорныхъ церкви государей и побуждали государей подавлять недовольныхъ церковью подданныхъ; они заставляли монаховъ и епископовъ бороться противъ королей и требовали отъ королей усмиренія духовенства; они смиряли паству посредствомъ пастырей и возбуждали свѣтскихъ людей противъ епископовъ, если тѣ не подчинялись требованіямъ куріи. Курія проповѣдовала и монархическіе, и аристократическіе, и демократическіе, и даже охлократическіе принципы, имѣла въ числѣ своихъ то союзниковъ, то противниковъ и императора, и королей, и феодаловъ, и рыцарей, и города, и народную массу. Словомъ, намѣстники св. Петра опирались на всѣ общественныя силы въ Европѣ, начиная съ итальянской „сволочи“ (pataria и compagnie) и кончая турецкимъ султаномъ. Готовность воспользоваться всякимъ союзникомъ сдѣлалась традиціей въ папской политикѣ; въ эпоху появленія гуманизма она усилилась до крайней степени.

Съ переселеніемъ въ Авиньонъ для папъ явилась опасность утратить всякое вліяніе въ Италіи и даже потерять свои свѣтскія владѣнія и самый Римъ. Положеніе куріи было чрезвычайно затруднительное. Глава церкви не имѣлъ теперь въ рукахъ никакихъ реальныхъ силъ, не могъ вполнѣ свободно располагать даже своей личностью. Вся политика Авиньонскихъ папъ заключалась въ томъ, чтобы, обманывая римское населеніе обѣщаніемъ вернуться въ „столицу міра“, наиболѣе выгодно для себя комбинировать отношеніе наличныхъ силъ Италіи, и они дѣлали это очень искусно. Климентъ V, противопоставляя Гейнриха VII Роберту Неаполитанскому, покровительствуетъ въ то же время демократическому перевороту въ Римѣ. Его преемники дѣйствуютъ точно такъ же. Слабый Іоаннъ XXII, креатура Роберта Неаполитанскаго, пытается однако тайкомъ противопоставить ему Іоанна Богемскаго. Климентъ VI не только призналъ переворотъ, произведенный Кола ди Ріенцо, но послалъ ему даже подарокъ, а потомъ сталъ искать средствъ низвергнуть трибуна и тайно подвергъ его уже отлученію. Съ началомъ схизмы папы сдѣлались еще менѣе разборчивы въ средствахъ борьбы: люди стали для нихъ

имѣть постольку значенія, поскольку ими можно было воспользоваться для своекорыстныхъ цѣлей. Иннокентій VII проклялъ Владислава Неаполитанскаго, какъ исчадіе ада и, заключивши немного спустя съ нимъ союзъ, осыпалъ его въ буллѣ самыми лестными похвалами. Они вступаютъ даже въ союзъ съ шайками разбойниковъ, которые были ужаснѣйшимъ бичемъ для тогдашней Италіи. Банды, противъ которыхъ была направлена булла Урбана V, находились на службѣ у Урбана VI. Поэтому нѣтъ основанія думать, чтобы папы стѣснялись воспользоваться новою силой, какимъ бы характеромъ она ни отличалась. Документальныя данныя подтверждаютъ, что папы цѣнили въ гуманистахъ не только ученыхъ, но и дѣльцовъ. Бруни подробно описываетъ свое поступленіе въ курію, и изъ его писемъ видно, что Иннокентій VII требовалъ отъ своихъ секретарей не только учености, но и умѣнья составлять дѣловыя бумаги: соискателямъ этого мѣста предложено было на конкурсъ составить отвѣтъ на письмо одного герцога[1]). Григорій XII въ важныхъ случаяхъ поручалъ составлять одну и туже бумагу разнымъ лицамъ и выбиралъ наилучшую[2]). Тѣмъ не менѣе нельзя свести папское меценатство къ одному этому стимулу. Нѣкоторые папы Авиньонскаго періода, какъ Климентъ VI и Григорій XI несомнѣнно сами чувствовали интересъ къ гуманистическому движенію, то же самое можно сказать и объ Иннокентіи VII, не говоря уже о такихъ гуманистахъ, какъ Николай V. Кромѣ того, гуманистически настроенные кардиналы, какъ мы видѣли, никогда не переводились въ Авиньёнской куріи и весьма рано появились въ Римской. Преклоненіе авиньёнскаго двора передъ поэтическимъ талантомъ Кола ди Ріенцо казалось преувеличеннымъ и смѣшнымъ даже Петраркѣ. Кромѣ того, литературная защита папскихъ интересовъ — явленіе сравнительно весьма рѣдкое, по крайней мѣрѣ, насколько можно судить по до сихъ поръ извѣстнымъ источникамъ. Кромѣ инвективы Поджіо противъ Феликса V и его публицистическихъ писемъ въ интересахъ Евгенія IV, мы не встрѣчаемъ гуманистическихъ произведеній такого содержанія. Эти факты показываютъ, что *меценатство папъ по отношенію къ гуманистамъ обусловливалось не только практическими соображеніями ихъ политики, но также ихъ личными симпатіями и настроеніемъ ихъ двора.*

Положеніе гуманистовъ при папской куріи не одинаково представляется новымъ изслѣдователямъ. Фогтъ обстоятельно перечисляетъ

---

[1]) Epistol. I, 1, 2 и 4.
[2]) Ibid. II, 4.

всѣ выгоды, которыя представляла имъ папская служба; но по его словамъ „они рѣдко чувствовали себя довольными своей должностью: они считали себя призванными къ болѣе высокимъ предметамъ, чѣмъ дѣловыя занятія и всегда были готовы предпочесть призваніе придворнаго ученаго или вліятельнаго государственнаго канцлера[1])“. Конечно, довольство своимъ удѣломъ встрѣчается вообще рѣдко въ человѣческой жизни и гуманисты не представляютъ исключенія въ этомъ отношеніи, тѣмъ не менѣе факты не даютъ подтвержденія столь категорическому утвержденію Фогта. До Констанскаго собора, когда служба при куріи была не особенно привлекательна вслѣдствіе непрочности св. престола, почти всѣ выдающіеся гуманисты, кромѣ Петрарки и Салютати, были на службѣ у папъ, при чемъ Бруни предпочелъ секретарство при куріи канцлерству во Флоренціи, а Лоски — службѣ Висконти. Послѣ прекращенія схизмы курія стала еще заманчивѣй для гуманистовъ: Валла стремится въ Римъ отъ такого мецената, какъ Альфонсъ Аррагонскій; папѣ служатъ и Манетти, и Альберти, и Фл. Біондо и многіе другіе, а Лапо да Кастильонкіо младшій составилъ цѣлый трактатъ о выгодахъ службы при куріи[2]). Еще менѣе можно согласиться съ мнѣніемъ Сэймондса, по словамъ котораго „при разсмотрѣніи гуманизма въ Римѣ мы должны имѣть въ виду, что онъ процвѣталъ тамъ ненадежно, съ колебаніями, какъ экзотическое растеніе и что его ростъ то задерживался, то поощрялся по произволу папъ[3])“. Въ занимающій насъ періодъ эта характеристика стоитъ въ полномъ противорѣчіи съ фактами; да и вообще за всю эпоху Возрожденія одинъ только Павелъ II вступилъ въ борьбу съ гуманизмомъ, такъ что развитіе движенія при куріи шло непрерывно, хотя въ различномъ темпѣ, смотря по характеру отдѣльныхъ папъ.

Итакъ сочувствіе къ гуманистическому движенію обнаруживается въ папской куріи уже въ половинѣ XIV вѣка и этимъ главнымъ образомъ объясняется появленіе тамъ гуманистовъ, хотя соображенія практической политики играли при этомъ извѣстную роль. Это меценатство папъ и прелатовъ рано стало привлекать на папскую службу активныхъ дѣятелей новаго направленія изъ всѣхъ пунктовъ Италіи. Обязанности ихъ службы исчерпывались составленіемъ дѣловыхъ бумагъ, тогда какъ учено-литературная дѣятельность обусловливалась симпатіями и интересами гуманиста. Этимъ объясняется, что *произ-*

---

[1]) Voigt, II, 3—4.

[2]) *Lapi Castelliunculi Dialogus de commodis curiae Romanae. Кодексъ Парижской Національной библіотеки № 1616.*

[3]) Symonds, l. c., p. 215.

веденія папскихъ гуманистовъ этого періода не носятъ никакихъ слѣдовъ мѣстной окраски. Гуманисты при куріи стоятъ въ связи съ своими единомышленниками въ другихъ пунктахъ Италіи и раздѣляютъ общіе интересы; поэтому папскій гуманизмъ не имѣлъ своего особеннаго, оригинальнаго и опредѣленнаго развитія, а его дѣятели являются факторами одного нераздѣльнаго движенія, которое охватило всю Италію.

VII.

Римскіе гуманисты за предѣлами куріи. — Состояніе Рима въ XIV и началѣ XV вѣка. — Кола ди Ріенцо и адресаты Петрарки и Боккаччіо. — Франческо да Фіано. — *Гуманистическое движеніе въ Папской области* — Состояніе Болоньи въ эту эпоху. — Гуманисты внѣ университета. — Университетскіе гуманисты. — Бенвенуто Рамбальди и его произведенія. — Томмазо дель Гарбо. — Положеніе гуманистовъ въ Болонскомъ университетѣ.

Въ теченіе XIV и первой четверти XV столѣтія Римъ переживалъ чрезвычайно тяжелыя времена. Переписка Петрарки и его стихотворныя іереміады даютъ живую и въ общемъ вѣрную картину тогдашняго положенія священнаго города. „Духовное одичаніе города рѣдко бывало такъ велико“, говоритъ Грегоровіусъ[1]). Удаленіе папъ въ Авиньёнъ усилило ожесточенную борьбу партій, которая сопровождалась непрерывными переворотами и весьма часто переходила въ полную анархію. Возвратившимся папамъ долго не удавалось возстановить порядокъ, потому что ихъ силы подрывала схизма. До какой степени доходитъ культурный упадокъ тогдашняго Рима, лучше всего показываетъ судьба мѣстнаго университета. Основанная Бонифаціемъ VIII въ 1303 году римская *Sapienza* пришла въ полный упадокъ въ теченіе авиньёнскаго періода; попытка Иннокентія VI въ 1406 году возстановить университетъ окончилась полной неудачей и только Евгенію IV удалось осуществить это дѣло[2]). Новые изслѣдователи не могутъ найти въ Римѣ ни одного крупнаго имени, ни одного важнаго культурнаго факта. По словамъ Грегоровіуса, Римъ этой эпохи „едва ли представитъ историку культуры матеріала на пару листовъ“[3]). Ренацци насчитываетъ въ Римѣ только нѣсколькихъ юри-

---

[1]) L. c. VI, p. 668. Ср. Reumont, l. c. III, p. 291 и слѣд.

[2]) Печальная лѣтопись римской Sapienza въ связи съ состояніемъ города у Renezzi, l. c. I, p. 70 и слѣд.

[3]) L. c.

стовъ, по большей части, мимоходомъ и не подолгу жившихъ въ священномъ городѣ, да нѣсколько ученыхъ кардиналовъ, жившихъ при куріи[1]). Тѣмъ не менѣе гуманистическое движеніе коснулось Рима и обнаружилось тамъ съ большей силой, чѣмъ можно было ожидать, судя по политическимъ и культурнымъ условіямъ времени.

Уже Ренацци отмѣтилъ упомянутаго нами друга Петрарки, гуманистически настроеннаго римскаго дворянина Лелло, который одно время принималъ участіе въ управленіи роднымъ городомъ[2]). Несомнѣнно не былъ чуждъ гуманистическихъ интересовъ и Кола-ди-Ріенцо, хотя онъ принадлежитъ болѣе политической, чѣмъ культурной исторіи. Подобно другимъ гуманистамъ, послѣдній трибунъ писалъ краснорѣчивыя письма, предназначенныя для публики, произносилъ рѣчи и съ ревностью изучалъ древность. Онъ первый началъ собирать надписи въ Римѣ, нашелъ знаменитую *Lex Regia* и составилъ *Descriptio urbis Romae ejusque excelentia*[3]). Но мысль Кола была направлена исключительно на политику; вопросы религіозные, моральные и философскіе, интересъ къ которымъ составляетъ характерную черту гуманистовъ, его совершенно не занимали. Даже и въ политической сферѣ Кола является крайнимъ представителемъ утрированныхъ мечтаній немногихъ гуманистовъ. Онъ — единственный сторонникъ новаго направленія, мечтавшій возстановить античное величіе Рима на христіанской почвѣ, потому что Петрарка только на минуту увлекся этой мечтой, хотя, можетъ быть, и не во всемъ ея объемѣ. Есть основаніе думать, что плохая копія Кола, *Франческо Барончелли*, былъ его слабымъ подражателемъ и въ другомъ отношеніи: онъ тоже велъ переписку и сочинялъ рѣчи[4]).

Мрачная картина культурнаго состоянія Рима въ эту эпоху, которую рисуютъ намъ современные изслѣдователи, получаетъ, можетъ быть, черезчуръ темный колоритъ вслѣдствіе недостаточнаго знакомства съ культурно-историческими источниками. По крайней мѣрѣ письма Боккаччіо и хорошо изданная переписка Петрарки нѣсколько смягчаютъ его собственное изображеніе тогдашняго Рима. Такъ, кромѣ Колоннъ, жившихъ при куріи, его адресатами были ихъ римскіе родственники: старый *Стефано*, отецъ кардинала Джіованни, епископъ Бенедетто и братъ Джіованни, римскій сенаторъ *Стефано il giovane*. Содержаніе писемъ, адресованныхъ къ двумъ первымъ

---

[1]) L. c. p 80 и слѣд.

[2]) L. c. p. 86.

[3]) Превосходная характеристика Кола ди Ріенцо съ этой точки зрѣнія у Грегоровіуса (VI, p. 671—673).

[4]) См. о немъ Mazz. II, 1, p. 380 и Gregorov., VI, p. 335—336.

Колоннамъ[1]), не даетъ понятія объ ихъ отношеніяхъ къ Ренесансу, и весьма сомнительно, чтобы старый Стефано былъ заинтересованъ новымъ движеніемъ, а относительно Бенедетто не удалось до сихъ поръ собрать даже самыхъ краткихъ біографическихъ свѣдѣній[2]). Но Стефано, произносившій рѣчь при коронованіи Петрарки въ Римѣ[3]), по всей вѣроятности, сочувствовалъ стремленіямъ перваго гуманиста. Не были чужды гуманистическихъ интересовъ и исконные враги Колоннъ — *Орсини*. Съ однимъ изъ нихъ — *Франческо* находился въ перепискѣ Петрарка[4]); другой — *Никколо* письмомъ приглашалъ къ себѣ Боккаччіо, который въ отвѣтномъ посланіи прославляетъ „цицероновскій" стиль приглашеній и выражаетъ глубокую радость, что изученіе древности воскресили въ немъ античныя добродѣтели[5]). Съ несомнѣннымъ интересомъ относился къ древности римскій сенаторъ *Паоло Аннибальди,* которому Петрарка посвятилъ одно поэтическое посланіе, гдѣ вспоминаетъ, какъ они вмѣстѣ разыскивали въ Римѣ монументальные остатки прежняго величія. Кромѣ того, Петрарка состоялъ въ перепискѣ съ какимъ-то „римскимъ ораторомъ", о которомъ не имѣется никакихъ свѣдѣній[6]).

Для послѣдней четверти XIV столѣтія и первой XV мы не имѣемъ такихъ источниковъ, какъ письма Петрарки и Боккаччіо; тѣмъ не менѣе изъ другихъ данныхъ можно извлечь нѣсколько именъ, причастныхъ гуманистическому движенію. Изъ переписки Бруни видно, что одновременно съ нимъ въ Римѣ былъ грамматикъ *Антоніо,* который пользовался извѣстностью и, повидимому, соперничалъ съ гуманистомъ[7]). Болѣе крупнымъ дѣятелемъ былъ *Франческо да Фіано,* учитель Ченчи, который прославляетъ его въ одномъ письмѣ, какъ ученаго прозаика и поэта. Самъ многоученый Бруни спрашивалъ

---

[1]) Epist. famil. VIII, 1 и Var. 36.

[2]) См. Fracass. Lett. fam. V, p. 347.

[3]) Ibid. II, p. 79.

[4]) Ep. Senil. XI, 6.

[5]) Si a te aliquid expectandi mihi fuisset occasio, militarem non ciceronianam expectassem litterulam. Laetatus equidem sum videre, quia si sint studia, prisca Romanorum adhuc ingenia stare nec dum indolem illam laudabilem deperisse. У Corazz., p. 318. Свѣдѣнія у о Никколò Hortis Studj, p. 288—289.

[6]) Epist. senil. XIII, 6. Фракассетти почему то называетъ его въ указателяхъ *Francesco da Roma*.

[7]) Бруни адресовалъ ему письмо о значеніи слова fastidium (I, 14) и послалъ Никколи одно письмо Антонія съ такимъ замѣчаніемъ. Mitto tibi exemplum ejus epistolae, quam me per tuas litteras flagitasti; ridebis, opinor, legens; sed longe magis risisses, si stultiam Romani populi duobus grammaticis faventis conspexisses (I, 15).

да-Фіано о времени жизни Овидія и причинахъ его изгнанія. Кромѣ отвѣта на этотъ вопросъ, сохранилось еще нѣсколько писемъ Франческо, между прочимъ одно къ Салютати[1]). Почти всѣ его произведенія остаются неизданными, и единственныя случайныя свѣдѣнія объ этомъ ученомъ сообщаетъ Мегусъ, по словамъ котораго Франческо принадлежалъ къ духовному званію и жилъ въ бѣдности[2]). Большее ознакомленіе съ гуманистической литературой, можетъ быть, обнаружитъ въ Римѣ и еще нѣсколькихъ представителей новаго направленія. Но и то, что извѣстно, свидѣтельствуетъ, что римская свѣтская знать не была такъ равнодушна къ новому движенію, какъ утверждаютъ Грегоровіусъ и Сэймондсъ[3]). Если среди нея не развилось меценатство, то это объясняется отчасти политическими условіями, отчасти конкурренціей папъ. Съ другой стороны, Римъ не былъ лишенъ и активныхъ дѣятелей Возрожденія; но они появляются здѣсь позже, чѣмъ гдѣ-либо, и по понятной причинѣ. Новые литераторы, выходившіе, какъ вездѣ, изъ необезпеченныхъ классовъ, не находили себѣ поддержки въ Римѣ; сѣмена новаго движенія здѣсь не могли развиваться, пока вернувшіеся папы не установили кое-какого порядка въ своей столицѣ. Какъ только въ Римѣ установился опредѣленный режимъ, гуманистическое движеніе начинаетъ и тамъ пускать прочные корни.

Положеніе папской области было немногимъ лучше состоянія ея столицы. Съ удаленіемъ папъ въ Авиньёнъ ихъ государство распалось на цѣлый рядъ мелкихъ владѣній, то совершенно самостоятельныхъ, то слабо подчиненныхъ св. престолу. Внутренняя исторія отдѣльныхъ городовъ папской области сводится къ борьбѣ, почти непрерывной, самыхъ разнообразныхъ элементовъ: они то возстаютъ противъ папскихъ легатовъ, то борятся противъ собственныхъ тиранновъ, то ведутъ войны съ сосѣдями, то переживаютъ тяжелыя смуты внутренней борьбы традиціонныхъ партій. Тѣмъ не менѣе почти повсюду обнаруживаются слѣды гуманистическаго движенія и въ нѣкоторыхъ пунктахъ оно достигаетъ значительныхъ размѣровъ.

Первое мѣсто въ папской Романьѣ занимала Болонья, гдѣ въ 1337 году Таддео деи Пополи захватилъ сеньёрію, которую унаслѣдовали

---

[1]) Письмо Ченчи у Quirini, Diatriba, p. 8. *Francisci de Fiano Epistolae* къ Салютати издано въ перепискѣ послѣдняго; ad Sinibaldum Berardelii de Perusio и In quendam Feolum Regiae Majestatis (Neapolitanae) cancellarium ac Thesaurarium — не изданы. Interrogatio Bruni см. выше, p. 670, пр. 2. Тамъ же Responsio. См. Mehus, Vita Ambros. Travers., p. XXXV.

[2]) Эти свѣдѣнія извлекъ Mehus изъ Responsio Бруни. Ibid.

[3]) Rregorov., VI, 508—512; Symonds, l. c. p. 215.

его сыновья, Джакопо и Джіованни, и въ 1350 продали городъ Висконти, не будучи въ состояніи удержать власть въ своихъ рукахъ. Но намѣстникъ новаго властителя въ Болоньѣ, Джіованни Д'Оледжіо, страшно угнетавшій народъ, отложился отъ Висконти и сдѣлался самостоятельнымъ тиранномъ (1355). Знаменитому Альборноцу удалось вымѣнять у него Болонью на Фермо съ придачей нѣкоторыхъ привилегій (1360), и въ теченіе 16 лѣтъ она находилась подъ управленіемъ папскаго легата. Но въ 1376 году произошло возстаніе; болонцы прогнали легата, и имъ удалось все-таки примириться съ папой, сохранивъ за собою республиканское устройство (1377). Республика продержалась до 1401; но каково было положеніе города, краснорѣчиво указываетъ тотъ фактъ, что уже въ 1389 многіе граждане составили заговоръ снова передать Болонью въ руки Висконти; проектъ не удался, и послѣднее десятилѣтіе XIV столѣтія борьба партій велась съ такимъ ожесточеніемъ, что перевороты, связанные съ изгнаніями побѣжденныхъ и репрессаліями противъ ихъ сторонниковъ, происходили почти ежегодно. Въ началѣ 1401 года захватилъ власть въ свои руки Джіованни Бентиволіо, а лѣтомъ слѣдующаго Болоньей овладѣлъ Висконти; черезъ годъ ее завоевалъ папа и въ томъ же году болонцы возстали противъ его легата Балтазара Коссы, но папамъ все-таки удалось сохранить Болонью до Констанскаго собора, хотя въ 1411 году ея жители возстали еще разъ противъ Іоанна XXIII и прогнали его легата[1]). Простой хронологическій перечень только болѣе крупныхъ переворотовъ, которые пережила Болонья въ эту эпоху, показываетъ, какъ неблагопріятны были тогдашнія политическія условія для спокойнаго развитія новаго движенія. Даже такое старинное учрежденіе, какъ Болонскій университетъ, пришелъ въ упадокъ въ XIV столѣтіи и только въ началѣ слѣдующаго снова сталъ пріобрѣтать прежнюю извѣстность[2]). Еще труднѣе было положеніе новыхъ ученыхъ; тѣмъ не менѣе они появляются и здѣсь, какъ повсюду.

Существеннымъ факторомъ, вліявшимъ на развитіе гуманизма въ Болоньѣ, былъ университетъ, славившійся своими юристами и отчасти медиками. Мѣстная гордость, университетъ составлялъ предметъ особенныхъ заботъ для патріотовъ; покровительство ему было хорошимъ средствомъ пріобрѣсти популярность въ городѣ, а подрывъ его процвѣтанію — тяжелымъ ударомъ гражданамъ. Этимъ объясняется, что мѣстная хроника имъ особенно интересуется, что папы въ борьбѣ

---

[1]) Leo, IV, 471 и слѣд.; p. 520 и слѣд. Cipolla, l. c. p. 42 и слѣд.

[2]) Краткій очеркъ его состоянія у Tiraboschi, V, p. 64 и слѣд.

съ мятежной Болоньей часто налагали интердиктъ на университетъ и запрещали лекціи[1]), а знаменитый Альборноцъ всячески ему покровительствовалъ[2]). Можетъ быть, въ этомъ же слѣдуетъ искать причину того явленія, что между мѣстными тираннами гуманисты не находили меценатовъ, тогда какъ университетъ пользовался ихъ покровительствомъ[3]). Таддео деи Пополи былъ самъ юристъ, и мѣстная хроника хвалитъ его за щедрость къ профессорамъ[4]). Гуманистическихъ интересовъ незамѣтно ни у него, ни у Бентиволіо[5]). Изъ видныхъ болонскихъ фамилій только нѣкоторые *Дзамбеккаріи* (Zambeccari) стояли въ связи съ дѣятелями новаго направленія[6]). *Пеллегрино,* болонскій канцлеръ, находился въ перепискѣ съ Салютати и Верджеріо; съ послѣднимъ переписывался также *Франческо*[7]). Изъ гуманистической переписки и изъ нѣкоторыхъ другихъ источниковъ можно извлечь нѣсколько именъ жителей Болоньи, болѣе или менѣе заинтересованныхъ гуманистическимъ движеніемъ. Такъ, аббату монастыря *Corvara,* близъ Болоньи, Петрарка адресовалъ весьма характерное письмо, изъ котораго видно, что аббатъ былъ страстный поклонникъ учености перваго гуманиста и просилъ его быть руководителемъ въ изученіи литературы, на что Петрарка изъявляетъ полное согласіе[8]). Въ перепискѣ съ Салютати находилось нѣсколько и болонцевъ, о которыхъ нѣтъ никакихъ дальнѣйшихъ свѣдѣній[9]).

---

1) Такой интердиктъ былъ наложенъ въ 1383 году за изгнаніе папскаго легата. Tiraboschi, V, p. 72 и слѣд.

2) См. характерную цитату изъ мѣстной хроники у Tiraboschi, V, p. 79.

3) Исключеніе составляетъ Гомецъ Альборноцъ, племянникъ знаменитаго кардинала, управлявшій одно время Болоньей. Онъ находился въ перепискѣ съ Петраркой. (См. Epistolae Variae LI) и покровительствовалъ, какъ мы увидимъ, Рамбальди.

4) Tiraboschi, V, p. 73, ср. p. 458.

5) Позже въ семьѣ de'Bentivogli появляются, повидимому, гуманистическія связи; по крайней мѣрѣ, съ однимъ изъ нихъ находился въ перепискѣ П. К. Дечембріо. *(Petri Candidi Epistolae въ Ambrosiana Cod. I. 235. Infer. № 156).*

6) Zambeccari принадлежали къ партіи Rasponti и одинъ изъ нихъ Carlo стоялъ во главѣ правительства, изгнавшаго въ 1399 году Бентиволіо. Leo, IV, p. 554.

7) По словамъ Фогта, Франческо жилъ на 100 лѣтъ позже Пеллегрино (II, p. 49). Но Верджеріо писалъ второму и получалъ письма отъ перваго. *Epistole di Pietro Paolo Vergerio il Seniore Venezia 1887* (Въ Monumenti publicati dalla R. deputazione Veneta di storia patria. Serie IV. Miscellanea V. V, p. 74 и 220.

8) Epistol. famil. XIII, 11.

9) *Bernardus de Muglo Bononiensis* и *Hilarius de Grifonibus, civis Bononiensis.* Въ концѣ XIV и началѣ XV вѣка въ Болоньѣ жили два поэта,

Изъ мѣстныхъ епископовъ только *Antonio de'Corrari* (1407—1412) обнаруживалъ нѣкоторый интересъ къ наукѣ и собиралъ рукописи; лишь со времени Констанцскаго собора появляются на болонской каѳедрѣ одинъ за другимъ извѣстные меценаты гуманистовъ: *Nicolo Albergati, Ludovico Scarampo* и *Tommaso da Sarzana,* впослѣдствіи папа Николай V[1]). Но въ занимающую насъ эпоху главнымъ центромъ гуманистическаго движенія въ Болоньѣ былъ университетъ.

Уже въ 20-хъ годахъ XIV столѣтія *Bartolino da Cannulo* читалъ въ Болоньѣ Цицерона и „искусство писать по-латыни и составлять письма"[2]); въ 30-хъ годахъ магистръ *Vitale* читалъ „Тулія и Метаморфозы"[3]), а *Antonio de Virgilio* — „Виргилія, Стація, Лукана и Овидія"[4]). Во второй половинѣ XIV вѣка каѳедру грамматики и риторики въ Болоньѣ занимаетъ *Пьетро да Муліо (da Muglio* † 1382), другъ Петрарки и Боккаччіо и учитель Салютати. Да Муліо не оставилъ сочиненій; но его направленіе ясно видно изъ писемъ первыхъ гуманистовъ, которые, рекомендуя ему юношей для воспитанія, съ восторгомъ говорятъ о его способностяхъ[5]), а Салютати оплакивалъ его смерть, какъ огромную потерю для науки[6]). Въ семидесятыхъ годахъ XIV столѣтія комментировалъ Данте въ Болоньѣ *Бенвенуто Рамбальди да Имола* (род. около 1336 г., умеръ въ 1390). Сынъ школьнаго учителя и нотаріуса въ Имолѣ, Бенвенуто жилъ частью на родинѣ, частью въ Болоньѣ и подъ конецъ жизни въ Феррарѣ. Грамматикъ по спеціальности, онъ называлъ себя ученикомъ Боккаччіо, находился въ перепискѣ съ Петраркой и Салютати. Его собственныя произведенія распадаются на двѣ категоріи: комментаріи къ писателямъ древнимъ и современнымъ и историческія компиляціи. Къ первой принадлежитъ, во-первыхъ, неизданный комментарій къ Pharsalia Лукана[7]); остаются неизданными до сихъ поръ также его примѣчанія

подражавшіе стихотвореніямъ Петрарки: *Malpigli* (см. о немъ Tiraboschi, VI, p. 1108) и *Giusto de'Conti da Valmontone* (см. Reumont, l. c. III, p. 292).

[1]) См. Bisticci, p. 120 и слѣд., p. 123 и слѣд. и p. 20 и слѣд. Ughelli, II coll. 23—34.

[2]) Tiraboschi, V, p. 841.

[3]) Ibid. p. 71.

[4]) Ibid. p. 788.

[5]) Письма къ нему Петрарки: Senil. IV, 3 и 4, XV, 10. Var. 11 и 27. Боккаччіо у Corazz., p. 333.

[6]) Свѣдѣнія о немъ, основанныя впрочемъ исключительно на письмахъ Петрарки, Боккаччіо и Салютати, собраны у Tiraboschi (V. p. 842—845) и повторены Fracass. (Lett. fam. V, 237) и Hortis'омъ (Studj., p. 282—283).

[7]) *Lucani Pharsalia cum Benvenuti recollectionibus.* Комментарій относится къ 1386. См. *V. Crescini, Di un codice ignoto contenente il commento di Benve*

къ трагедіямъ Сенеки[1]). Болѣе свѣдѣній имѣется о комментаріи къ Валерію Максиму, хотя и онъ сохраняется до сихъ поръ въ рукописи[2]). Изъ весьма льстиваго посвященія книги Николо д'Эсте Феррарскому видно, что она написана послѣ 1387 года и по заказу мецената[3]). Кромѣ древнихъ писателей, Рамбальди комментировалъ Эклоги Петрарки и Божественную Комедію Данте. Первый комментарій не представляетъ интереса[4]); но толкованіе на поэму Данте служитъ единственнымъ источникомъ для характеристики этого крупнаго представителя второй гуманистической генераціи[5]). Книга представляетъ собою отчасти филологическій, а главнымъ образомъ реальный комментарій къ Божественной Комедіи и заключаетъ въ себѣ всю ученость автора и указанія на его философское міросозерцаніе. Рамбальди даетъ латинскій перифразъ отдѣльныхъ стиховъ поэмы, истолковываетъ ихъ и дѣлаетъ богословскія, философскія, историческія, географическія, миѳологическія, филологическія, астрономическія и естественно-историческія объясненія и дополненія. Уже эта универсальность весьма характерна. Рамбальди полигисторъ въ средневѣковомъ вкусѣ, но въ его знаніяхъ и воззрѣніяхъ замѣтно проявляются признаки новаго движенія. Такъ, въ противоположность Петраркѣ и Боккаччіо, онъ съ интересомъ относится къ богословскимъ вопросамъ, излагаетъ ученіе объ ангелахъ, истолковываетъ молитву Господню, разсказываетъ житіе св. Лаврентія и т. д.[6]); но по отношенію къ церкви онъ стоитъ на точкѣ зрѣнія первыхъ гу-

---

nuto da Imola su la Pharsalia di Lucano. Padova 1888. О рукописяхъ и нѣкоторыя извлеченія изъ комментарія у *Rossi-Casè (Di maestro Benvenuto da Imola, commentatore Dantesco. Studio. Pergola 1889*, p. 143—144).

[1]) *Senecae tragoediae cum adnotationibus.* Дата и рукописи неизвѣстны. Rossi Casè, p. 148.

[2]) *Libri novem Valerii Maximi dictorum memorabilium et factorum recollecti magistri Benvenuti da Imola.* Рукописи у Rossi-Casè, p. 146—148.

[3]) Предисловіе напечатано у Rossi-Casè, p. 90—91.

[4]) *Francisci Petrarchae Bucolicon Carmen in duodecim Eclogas distinctum cum commento Benvenuti Immolensis, viri clarissimi. Venetiis MCCCCCXVI.* Объ этомъ комментаріи см. Hortis, Scritti inediti di F. P. p. 221 и слѣд.

[5]) *Comentum super Dantem Allegherii de Florentia, scilicet super Infernum Purgatorium et Paradisum.* Полное изданіе *Warren Vernon* подъ редакціей *Locaita* въ 5 томахъ 1887. Не имѣя подъ руками латинскаго текста, я цитирую по весьма несовершенному переводу *Tamburini (Benvenuto Rambaldi da Imola illustrato nella vita e nelle opere e di lui Commento latino sulla Divina Commedia di Dante Allighieri voltato in italiano. 3 Volumi Imola. 1856).* Рукописи и другія изданія у Rossi-Casè, l. c., p. 130 и слѣд. Окончательная обработка Коменто относится къ восьмидесятымъ годамъ XIV столѣтія, при чемъ она не была доведена до конца. См. Rossi-Casè, l. c., p. 86 и 208.

[6]) См. Tamburini, I, p. 93; II, p. 222; III, p. 82 и passim.

манистовъ. Рамбальди очень благочестивъ и вполнѣ ортодоксаленъ. Комментарій къ Аду онъ заканчиваетъ такъ: „Данте съ величайшей быстротой удаляется изъ мрака и съ восторженной радостью достигаетъ блеска звѣздъ; достигнуть этого да будетъ и намъ позволено Богомъ, Который есть свѣтъ, жизнь, путь и истина вовѣки вѣковъ. Аминь“[1]). Въ концѣ комментарія къ XXI пѣснѣ Рая говорится: „никто не можетъ войти въ рай, кромѣ какъ посредствомъ святой церкви, первымъ камнемъ которой былъ св. Петръ“[2]). Но такое строго-церковное благочестіе не препятствуетъ ему называть папскую курію „великой блудницей“[3]) и обвинять пастырей церкви, что ихъ „ненасытная жадность“ причина вражды къ нимъ и гвельфовъ, и гибеллиновъ[4]). Подобно Петраркѣ, Рамбальди негодуетъ на современныхъ высшихъ представителей церкви не только изъ моральныхъ, но и изъ патріотическихъ побужденій, и его фактическія иллюстраціи испорченности духовенства напоминаютъ по тону „Письма безъ адреса“. Такъ, комментируя стихъ Данте въ XXI пѣснѣ Рая о современномъ пастырѣ, который своей мантіей прикрываетъ верховую лошадь, — Sì che duo bestie van sotto una pelle, — онъ замѣчаетъ, что „еслибы авторъ и теперь былъ еще живъ, онъ могъ бы измѣнить это выраженіе и сказать — Sì che tre bestie sotto una pelle“, — потому что комментаторъ хорошо знаетъ одного кардинала, „который возилъ съ собою на охоту любовницу, сажая ее позади себя на крупъ лошади или мула“[5]). Иногда тонъ Рамбальди становится еще рѣзче и напоминаетъ Фацеціи Поджіо, какъ, напр., въ разсказѣ о проповѣди флорентійскаго епископа Андреа деи Модіи[6]). Еще замѣтнѣе обнаруживается сочувствіе комментатора къ религіознымъ воззрѣніямъ его „учителя“ Боккаччіо, какъ они выразились въ Декамеронѣ.

---

[1]). Ibid. I, p. 836.

[2]) Ibid. III, p. 418. Ср. цитаты у Rossi-Casè, l. c. p. 107—110.

[3]) Sicut enim in lupanari venditur caro humana pretio sine pudore, ita meretrix magna, id est Curia Romana et Curia Imperialis vendunt libertatem italicam. Sicut etiam ad postribulum vadunt indifferentes omnes volentes cum delectatione ita ad Italiam concurrunt omnes barbarae nationes cum aviditate ad ipsam concalcandam tamquam meretricem prostitutam. Цитата у Rossi-Casè, p. 135. Tamburini выпустилъ это мѣсто, какъ и много другихъ, въ которыхъ идетъ рѣчь о нападкахъ на папство.

[4]) См. ibid. p. 106. У Tamburini это мѣсто выпущено.

[5]) Ibid. Въ томъ же тонѣ весь комментарій къ этому мѣсту даже въ смягченномъ изложеніи Тамбурини. См. III, p. 385, 386.

[6]) Проповѣдникъ dicebat etiam, quod gratia Dei erat sicut stercus caprarum, quod cadens ab alto ruit in diversas partes dispersum. Rossi-Casè, p. 105. Ср. Tamburini, I, 386.

Правда, у Рамбальди нѣтъ рѣзкихъ выходокъ противъ монашества[1]); но то, что говоритъ онъ о современныхъ инквизиторахъ[2]), навѣяно, повидимому, шестой новеллой перваго дня, а для характеристики куріи онъ прямо приводитъ разсказъ объ евреѣ Авраамѣ[3]), для иллюстраціи дѣйствія благодати упоминаетъ о Чапеллетто, дополняя его аналогичнымъ примѣромъ Убрана V[4]).

Систематическаго изложенія какой-либо философской или моральной докрины мы не находимъ въ комментаріяхъ. Но въ толкованіяхъ философскаго содержанія проявляется *критицизмъ* автора, доходящій иногда до скептицизма. Отмѣтивши, что Данте ставитъ Аристотеля выше Платона, Рамбальди замѣчаетъ, что „многіе истинные моралисты и католики", между прочимъ бл. Августинъ, предпочитаютъ послѣдняго, „котораго Туллій называетъ богомъ философовъ". Самъ Рамбальди затрудняется сдѣлать опредѣленный выводъ: „къ несчастію, говоритъ онъ, эти книги (Аристотеля и Платона) не въ употребленіи и не читаются нами, такъ какъ многія находятся въ обращеніи на греческомъ языкѣ и не комментированы ни Аверроэсомъ, ни Альбертомъ Великимъ, ни другими философами. Изъ немногаго, что у насъ есть, можно вывести, что Аристотель доказывалъ, а Платонъ убѣждалъ"[5]. Въ другомъ мѣстѣ, говоря о таинствѣ воплощенія, Рамбальди замѣчаетъ: „человѣкъ далеко не обладаетъ способностью познавать всѣ вещи; даже если ты обратишь вниманіе на все то, чему учитъ человѣческая мудрость относительно всѣхъ вещей, и не божественныхъ, а человѣческихъ, то найдешь тысячу заблужденій. Свв. Августинъ и Іеронимъ, глубокіе ученые, не согласны между собою. Насколько согласны другъ съ другомъ врачи, у которыхъ единственная цѣль — здоровье тѣла? Почитай Авиценну, почитай Аверроэса, и ты увидишь. Юристы, которые защищаютъ жизнь и собственность, всегда расходятся во мнѣніяхъ по одному и тому же дѣлу. Сами законодатели противорѣчатъ другъ другу; астрологи лгутъ и такъ бываетъ въ тысячѣ другихъ случаевъ"[6]). Это одинаковое вниманіе къ античнымъ и средневѣковымъ авторитетамъ и одинаково-

---

[1]) Единственная выходка противъ современнаго монашества, пропущенная у Тамбурини, приведена у Rossi-Casè, p. 137—138.

[2]) Quidam moderni inquisitores, qui non sunt audaces nec solertes, nisi contra quosdam divites denariis, pauperes amicis, qui non possunt facere magnam resistentiam et extorquent ab iis pecunias, quibus postea emunt episcopatum. Ibid. Впрочемъ Бенвенуто, какъ и Боккаччіо, не осуждаетъ самаго института.

[3]) Tamburini, I, p. 78—79.

[4]) Rossi-Casè, p. 105. У Тамбурини это мѣсто выпущено.

[5]) Tamburini, II, p. 68.

[6]) Ibid. p. 57.

критическое отношеніе къ тѣмъ и другимъ — характерный признакъ ранняго гуманизма.

Критицизмъ — самая интересная черта историческихъ комментарій Рамбальди. Онъ приводитъ много фактовъ и изъ древней[1]), и изъ средней[2]), и изъ современной исторіи, при чемъ только послѣдніе представляютъ нѣкоторый интересъ для бытовой исторіи XIV вѣка[3]). Спеціально для характеристики ранняго гуманизма важно отношеніе Рамбальди къ древнимъ авторамъ, весьма далекое отъ слѣпого преклоненія предъ ихъ авторитетомъ. Такъ, приведя мнѣніе Плутарха, что Сенека — величайшій моралистъ, Рамбальди замѣчаетъ: „я думаю, что Плутархъ льстилъ Трояну, потому что Сенека былъ изъ Кордовы и Троянъ былъ испанскаго происхожденія. Аристотель, какъ моралистъ, гораздо выше Сенеки“[4]). Весьма скептически относится авторъ къ фактическимъ даннымъ поэта Виргилія, слова котораго о Дидонѣ онъ рѣшительно опровергаетъ показаніями бл. Августина и Іеронима[5]). Не слѣдуетъ думать однако, что Рамбальди руководился здѣсь религіозными соображеніями: въ другомъ мѣстѣ онъ рѣшительно отвергаетъ толкованіе бл. Августиномъ извѣстнаго мѣста изъ IV эклоги Буколикъ Виргилія[6]) и доказываетъ, что поэтъ имѣлъ въ виду не Христа, какъ думалъ бл. Августинъ, а Августа[7]). Замѣчанія Рамбальди о современности даютъ возможность опредѣлить его политическія воззрѣнія. Прежде всего, онъ пламенный патріотъ въ духѣ Петрарки. „Италія, говоритъ онъ, самый лучшій домъ или страна на землѣ; ея крѣпость или голова — Римъ, для славы котораго тѣсенъ цѣлый міръ. Тоскана — жилая комната въ этомъ домѣ, потому что она наиболѣе украшенная и устроенная часть Италіи, въ которой, какъ въ комнатѣ, живутъ красивыя дѣвушки и держатся тайные совѣты. Ломбардія — зала, потому что тамъ могучія силы; тамъ же устраиваются великолѣпные пиры, потому что вообще у ломбардовъ широкое горло. Романья — римскій садъ, зеленый, плодоносный и пріятный; Анконская марка — погребъ, потому что тамъ

---

[1]) См., напр., Tamburini, I, p. 307, 667, II, p. 19, III, 114, 109 и passim.

[2]) См. Ibid. I, p. 331; II, p. 73 и passim.

[3]) См. Ibid. I, p. 214, 312 и passim. Особенно важныя мѣста сведены у Rossi-Casè, p. 196—198.

[4]) Tamburini, I, p. 136.

[5]) Ibid. p. 153.

[6]) Jam redit et virgo, redeunt Saturnia regna,
Jam nova progenies coelo dimittitur alto.

[7]) Credo, quod simpliciter Virgilius loquatur de Augusto, quem saepe vocat Deum et invocat in suum favorem saepe in libro Bucolicorum et Georgicorum Rossi-Casè, p. 174.

самыя вкусныя въ мірѣ вина, а также масло, медъ, фиги" и т. д.[1]). Подражаніе французамъ приводитъ Рамбальди въ негодованіе. Французы и въ древности были народомъ пустымъ, и ихъ суетность обнаруживается въ настоящее время особенно страстью къ нарядамъ[2]). „Я очень удивленъ и негодую, говоритъ Рамбальди, когда вижу итальянцевъ и въ особенности знатныхъ, которые пытаются итти по ихъ слѣдамъ и изучаютъ французскій языкъ, утверждая, что нѣтъ языка красивѣе французскаго, чего я вовсе не вижу, потому что французскій языкъ незаконное дитя (bastarda) латинскаго (т.-е. итальянскаго), какъ показываетъ опытъ. Не будучи въ состояніи хорошо произнести *cavaliero,* французы употребляютъ испорченное слово *chevalier;* равнымъ образомъ, не умѣя сказать *signor,* говорятъ *sir* и такъ въ другихъ случаяхъ"[3]). Но прекрасная Италія, превосходящая всѣ страны міра, въ настоящее время находится въ ужасномъ положеніи. По поводу одного мѣста въ VI пѣснѣ Чистилища, гдѣ Данте говоритъ о тогдашнемъ бѣдствіи Италіи[4]), Рамбальди разражается горькими жалобами: „О, если бы ты, чудный поэтъ, воскресъ теперь! Гдѣ міръ, гдѣ свобода, гдѣ спокойствіе Италіи? Тебѣ легко было бы видѣть, о Данте, что въ твое время смущали Италію только нѣкоторыя частныя бѣдствія, и притомъ легкія и немногочисленныя... а теперь всю ее угнетаютъ гораздо болѣе тяжелыя бѣды, такъ что обо всей Италіи можно сказать то, что твой Виргилій говорилъ объ одномъ городѣ: crudelis ubique luctus, ubique pavor et plurima mortis imago"[5]). По мнѣнію Рамбальди, Италія не переживала такихъ бѣдствій ни при Аннибалѣ, ни при готахъ, ни при лангобардахъ[6]), и главный источникъ всѣхъ несчастій — борьба партій и въ особенности наемныя банды. „О несчастіе! восклицаетъ онъ

---

[1]) Tamburini, II, p. 135. Ср. Rossi-Casè, p. 120—121.

[2]) Ad cujus rei intelligentiam est sciendum, quod galli sit genus vanissimum omnium ab antiquo, sicut patet saepe apud Julium *Celsum* (sic. ср. выше, p. 247), et hodie patet de facto: videmus enim, quod omni die adinveniunt novos habitus et novas formas vestium. Перечисливъ далѣе французскіе наряды, Рамбальди возмущенъ особенно тѣмъ, что французы носятъ pannos breves, ita quod ostendant culum, partem obscenam corporis occultandam, et caputium ante faciam ad tegendam partem corporis honestam potius manifestandam. У Rossi-Casè, p. 119.

[3]) Ibid.

[4]) Cerca, misera, intorno dalle prode
Le tue marine, e poi ti guarda in seno,
Se alcuna parte in te di pace gode.

[5]) У Rossi-Casè, p. 120.

[6]) Tamburini, p. 133.

въ одномъ мѣстѣ. Судьба заставила меня жить именно въ эти времена, когда наша несчастная Италія наполнена шайками варваровъ изъ всѣхъ странъ: здѣсь у насъ и хищные англичане, и неистовые нѣмцы, и грязные бретонцы, и жадные гасконцы, и безобразные венгры. Весь этотъ народъ сговорился разрушить Италію и не столько силой, сколько обманомъ и предательствомъ, опустошая провинціи и разграбляя богатые города"[1]) Борьба гвельфовъ и гибеллиновъ тоже великое бѣдствіе, хотя Рамбальди съ радостію отмѣчаетъ, что эти ненавистныя имена уже приходятъ въ забвеніе[2]). Но чувствуя и переживая всю тяжесть современныхъ бѣдствій, онъ не видитъ средства избавиться отъ нихъ. У Рамбальди нѣтъ опредѣленныхъ политическихъ воззрѣній. Правда, въ одномъ мѣстѣ онъ упрекаетъ итальянцевъ, что они „умираютъ отъ голода" среди своихъ усобицъ и отказываются „отъ поддержки и отъ средствъ (remedium), которыя предлагаетъ имъ святая мать церковь или императорская курія"[3]). Но въ томъ же комментаріи самъ Рамбальди называетъ ту и другую курію *meretrix magna*[4]) и рѣшительно заявляетъ, что мудрый человѣкъ долженъ стоять внѣ партій[5]).

Остальныя стороны комментарія Рамбальди съ полной ясностью констатируютъ тотъ фактъ, что въ его міросозерцаніе входятъ и гуманистическія, и средневѣковыя черты. Такъ, Рамбальди даетъ много географическихъ дополненій, при чемъ всегда отмѣчаетъ мѣста, которыя онъ самъ посѣтилъ, и описываетъ видѣнныя тамъ достопримѣчательности[6]). Въ миѳологическихъ объясненіяхъ Рамбальди отчасти держится тѣхъ же пріемовъ, что и Боккаччіо. Ирида, по его толкованію, сначала египетская царица, потомъ богиня[7]); миѳъ о Прозерпинѣ — аллегорическое объясненіе луннаго затменія[8]) и т. д. Какъ филологъ, Рамбальди также не выше Боккаччіо, хотя весьма охотно объясняетъ собственныя имена не только изъ латинскаго, но и изъ

---

[1]) У Rossi-Casè, p. 117. Ср. Tamburini, I, p. 304.

[2]) Ibid. p. 97.

[3]) Ibid. p. 113.

[4]) См. выше, p. 724 примѣч. 3.

[5]) Hominis sapientis est nullius esse partis. Rossi-Casè, p. 113, ср. p. 97.

[6]) См. у Rossi-Casè, p. 61, 62 и 66. Особенно характерно замѣчаніе Рамбальди о мраморной статуѣ Венеры, которую онъ видѣлъ въ одномъ частномъ домѣ во Флоренціи. Описавши ея наружность, онъ оспариваетъ мнѣніе, что она сдѣлана Поликлетомъ, такъ какъ этотъ художникъ „работалъ надъ металломъ, а не надъ мраморомъ". Ibid. p. 35.

[7]) Tamburini, II, p. 620. См. также объясненіе миѳа о Венерѣ. Ibid. III, p. 163.

[8]) Ibid. II, p. 551 и passim.

греческаго языка[1]). Въ естественно-историческихъ комментаріяхъ онъ держится средневѣковыхъ авторитетовъ[2]), но въ воззрѣніяхъ на астрологію стоитъ на скептической точкѣ зрѣнія. „Душа — нѣчто божественное, говоритъ онъ, и, хотя она вложена въ тѣло, все-таки не можетъ происходить отъ родителя, но только отъ создавшаго ее Бога. Поэтому абсурдъ, что человѣкъ подчиненъ и зависитъ отъ вліянія неба, когда, наоборотъ, небо, какъ кажется, создано для человѣка"[3]). Астрологи вызываютъ только насмѣшку со стороны гуманистическаго комментатора Данте[4]).

Весьма характерную гуманистическую черту комментарія Рамбальди составляютъ автобіографическія подробности, которыя служатъ главнымъ источникомъ нашихъ свѣдѣній о его жизни[5]), при чемъ нѣкоторыя изъ нихъ имѣютъ важное значеніе для исторіи всего движенія. Такъ, флорентійскіе гуманисты прославляютъ Флоренцію, какъ источникъ новаго научнаго движенія; Рамбальди отдаетъ предпочтеніе Болоньѣ. „Болонья, говоритъ онъ, городъ философовъ; она богата всякимъ благомъ и любящая питательница гуманности (nutrice piissima d'umanità)", и въ другомъ мѣстѣ: „Болонья въ Италіи мать научныхъ занятій и кормилица всѣхъ наукъ"[6]). Эти отзывы тѣмъ характернѣе, что Рамбальди покинулъ Болонью, повидимому, не по своей волѣ[7]). Но особенную важность для исторіи гуманизма имѣетъ

---

[1]) Напр. Dante — dans se ad multa; Bononia — bona per omnia etc. Callaroga — καλός и rogo. Rossi-Casè заключаетъ изъ этого, что Рамбальди зналъ немного по-гречески (l. c. p. 204).

[2]) См. напр., изложеніе ученія св. Ѳомы о видахъ тварей. Tamburini, III, p. 499.

[3]) Tamburini. II, p. 328.

[4]) Анекдотъ о Pietro d'Abano ib. и о философѣ Ѳалесѣ. I, p. 480. Приведенныя цитаты опровергаютъ мнѣніе Rossi-Casè, что Рамбальди, „вѣрилъ въ вліяніе звѣздъ" (l. c. p. 98).

[5]) Онѣ собраны въ книгѣ Rossi-Casè.

[6]) У Rossi-Casè, p. 87.

[7]) Самая причина вражды противъ Рамбальди въ Болоньѣ весьма характерна. По поводу того мѣста въ XV пѣснѣ Ада, гдѣ говорится о противоестественномъ порокѣ, Рамбальди говоритъ: Io quando la prima volta lessi questo passo rimasi indignato; ma poi l'esperienza m'insegnò che il sapientissimo poeta non avrebbe potuto meglio parlare. Perocchè nel 1375 essendo io a Bologna nello Studio a legere il Sacro Poema, trovai de'vermi nati dalle ceneri de'sodamiti, che contaminavano tutto quello Studio. Non potendo io allora più a lungo sopportare tanto fetore, il cui fumo già offuscava persino le stelle, non senza mio grave pericolo manifestai la cosa al cardinale Pietro di Bourges allora, legato a Bologna. Egli, che uomo era di grande virtù e scienza, detestando si grave ed abbominevole turpitudine, ordinò che si procedesse tosto contro i

отношеніе комментатора къ Данте, Петраркѣ и Боккаччіо. Рамбальди любитъ Данте и преклоняется передъ его геніемъ[1]); но это не мѣшаетъ ему критически относиться къ мнѣніямъ автора Божественной Комедіи, и онъ иногда прямо оспариваетъ ихъ, какъ, напр., въ вопросѣ о любви[2]). Отношеніе Рамбальди къ Петраркѣ лучше характеризуется, какъ мы увидимъ, другими источниками, хотя онъ съ уваженіемъ упоминаетъ о первомъ гуманистѣ и въ комментаріяхъ[3]). Гораздо больше свѣдѣній даетъ здѣсь Рамбальди о своихъ отношеніяхъ къ Боккаччіо, котораго онъ часто называетъ „своимъ учителемъ“[4]). Нельзя утверждать положительно, что Рамбальди дѣйствительно былъ ученикомъ автора Декамерона, хотя онъ слушалъ во Флоренціи лекціи Боккаччіо о Божественной Комедіи[5]). Во всякомъ случаѣ онъ близко стоялъ къ Боккаччіо, какъ это видно изъ многихъ мѣстъ комментарія. Такъ Боккаччіо объяснялъ ему „флорентійское слово“ lanza[6]), и разсказывалъ ему о печальномъ состояніи библіотеки въ знаменитомъ монастырѣ на Монте Кассино[7]). Рамбальди относится съ большимъ уваженіемъ къ своему „учителю“, и это видно не только изъ лестныхъ эпитетовъ, которые онъ всегда прилагаетъ къ его имени: въ комментарій введено много новеллъ изъ Декамерона[8]) и многія объясненія прямо заимствованы изъ лекцій Боккаччіо. Тѣмъ не менѣе ученикъ остается совершенно свободнымъ въ своихъ мнѣніяхъ и весьма часто расходится съ своимъ учителемъ[9]).

---

principali autori di tale misfatto. Alcuni furono presi, molti spaventati fuggirono. E se un prete fellone, cui era stata commessa l'esecuzione del mandato, non avesse tradita la causa, perchè era travagliato da quel medesimo morbo, molti sarebbero stati gettati nelle fiamme... Per questo io sono caduto nella inimicizia e nell'odio capitale di molti; ma la divina giustizia contro gli assalti di cotesti nemici della natura finora m'ha protetto. (Я цитирую переводъ Rossi-Casè, p. 81. Ср. Tamburini, I, p. 385). Это мѣсто показываетъ, что обвиненіе гуманизма въ порожденіи и воспитаніи этого порока совершенно несостоятельно.

[1]) См. мѣста, приведенныя у Rossi-Casè, p. 114; ихъ можно увеличить цѣлой массой другихъ, еще болѣе характерныхъ. Ср., напр., заключеніе комментарія къ Чистилищу. Tamburini, II, p. 644.

[2]) У Rossi-Casè, p. 112 и 190.

[3]) Tamburini, I, p. 172 и 69.

[4]) У Rossi-Casè, p. 36.

[5]) Tamburini, III, p. 285.

[6]) Ibid. I, p. 37.

[7]) Ibid. III, 398—399.

[8]) Заимствованія изъ Декамерона сведены въ статьѣ *Casini* (Rivista critica della letteratura italiana 1888. Gennaio) и перепечатаны у Rossi-Casè, p. 141 и слѣд.

[9]) См. сравненіе обоихъ комментарій у Rossi-Casè, p. 165 и слѣд.

Интересныя данныя для характеристики отношенія Рамбальди къ двумъ первымъ гуманистамъ представляютъ слѣды его переписки. Такъ, Рамбальди смущали нападки на поэзію, подкрѣпляемыя ссылками на Боэція и бл. Іеронима[1]), и онъ спрашивалъ Петрарку, можно ли отнести поэзію къ числу artes liberales. Письмо Рамбальди неизвѣстно, но изъ отвѣта больного Петрарки, который доказываетъ, что поэзія выше всѣхъ artes liberales, видно, какое чувство питалъ къ нему адресатъ. Онъ не только спрашиваетъ совѣта у перваго гуманиста, но и вводитъ его отвѣтъ въ свой комментарій[2]). Когда послѣ смерти Петрарки разнеслась вѣсть, что его Африка можетъ быть сожжена, по желанію автора, Рамбальди цѣлымъ рядомъ писемъ къ разнымъ лицамъ старался спасти поэму. Вся его переписка по этому поводу считается утраченной; но о его заботахъ свидѣтельствуютъ адресованныя къ нему письма Салютати[3]). Изъ собственныхъ писемъ Рамбальди уцѣлѣлъ одинъ отрывокъ, весьма интересный по содержанію, но сомнительной подлинности[4]). Это — часть отвѣта Рамбальди на упомянутое письмо Петрарки о поэзіи, гдѣ онъ, желая выздоровленія маститому поэту, обѣщаетъ ему *оконченный въ предыдущемъ году комментарій на Данте, написанный по его желанію*[5]), сообщаетъ ему, что онъ занятъ истолкованіемъ его эклогъ по желанію Боккаччіо[6]) и имѣетъ въ виду комментировать также эклоги и итальянскія поэмы автора Декамерона[7]). При этомъ Рамбальди назы-

---

[1]) Quod ais scripsisse Hieronymus, quod scilicet daemonum cibus est sermo poëticus etc. Epist. senil. XIV, 11. По Фракассетти XV, 11.

[2]) Tamburini, II, p. 603.

[3]) Rossi-Casè, p. 78 и слѣд.

[4]) Отрывокъ былъ напечатанъ впервые въ *Amorosa Visione con Apologia di Gieronimo Claricio imolese contro i detrattori della poesia di Messer Giovanni Boccaccio. Milano 1521.* Затѣмъ въ XVI столѣтіи онъ былъ перепечатанъ 2 раза: Fausto da Longiano въ изданіи Canzoniere (Venezia 1532) и Betussi въ переводѣ генеалогіи боговъ (Venezia 1547). О позднѣйшихъ перепечаткахъ см. Hortis, Studi, p. 3, и Rossi-Casè, p. 75.

[5]) Scias *me anno praeterito* (письмо Петрарки Rossi-Casè относитъ къ февралю 1374 года, Fracassetti къ 1373. Lett. senil. II, 442), *extremam manum commentariis meis, quae olim tanto opere efflagitasti, in Dantem praeceptorem meum imposuisse.* Mittam ubi fidum fuero nactus nuntium. У Rossi-Casè, p. 75.

[6]) Et nunc nonnula hortatu Joannis Boccatii, poëtae elegantissimi more Graecorum, pro tuarum Eclogarum interpretatione reposuisse scias velim. Ibid.

[7]) Mox ornatissimum Carmen Bucolicum et nonnula alia ingeniosissima ejusdem poëtae vulgaria poëmata, et *si me junioris discipulique mei non pudebit more meo interpetari*, ut nostri temporis tres poëtarum principes, tria clarissima et latinae, graecae pariter et vulgaris linguae lumina, Dantem, te ipsum et Ioannem Boccatium, clariora (absit jactantia) reddidisse posteris vi-

ваетъ Данте своимъ учителемъ, а Боккаччіо своимъ ученикомъ, который былъ моложе учителя. На этомъ основаніи Бальделли заподозрилъ подлинность письма; Боккаччіо былъ старше Рамбальди, который въ комментаріяхъ часто называетъ его своимъ учителемъ. Кромѣ того, не существуетъ ни рукописей отрывка, ни комментарій къ Боккаччіо, о которыхъ въ немъ говорится. Къ этому взгляду отчасти примыкаетъ Гортисъ. По его мнѣнію Боккачіо моложе Рамбальди[1]), тѣмъ не менѣе послѣдній былъ ученикомъ, а не учителемъ перваго. Но рѣшительно говоритъ противъ подлинности письма тотъ фактъ, что комментарій Рамбальди былъ „составленъ" только послѣ смерти обоихъ гуманистовъ, въ 1379 году. Поэтому Гортисъ категорически отвергаетъ мнѣніе, что это письмо написано Рамбальди[2]). Новѣйшіе изслѣдователи, *Лакаита* и *Росси-Казэ*, не зная или игнорируя аргументацію Гортиса, также рѣшительно настаиваютъ на подлинности отрывка: отсутствіе рукописей дѣйствительно ничего не доказываетъ, а комментарій къ Боккаччіо — только *намѣреніе* автора письма, которое легко могло остаться неисполненнымъ. Что касается до главнаго аргумента Бальделли, то Лакаита считаетъ соотвѣтствующее выраженіе въ письмѣ — ошибкою или переписчика, или типографа[3]), а Росси-Казэ переставляетъ знаки препинанія въ фразѣ и предполагаетъ грамматическую ошибку, чтобы истолковать выраженіе въ діаметрально противоположномъ смыслѣ[4]). Такая аргументація никогда не обладаетъ особенной убѣдительностью, а кромѣ того, письмо весьма сомнительно и по другимъ соображеніямъ. Прежде всего аргументъ Гортиса отчасти сохраняетъ свою силу, хотя и не можетъ имѣть такого значенія, какое приписываетъ ему авторъ. Несомнѣнно, что Рамбальди еще работалъ надъ комментаріемъ послѣ смерти Петрарки; но есть основаніе думать, что до насъ дошла *вторая* и невполнѣ законченная редакція его книги, такъ какъ авторъ говоритъ въ комментаріи, что въ 1375 году онъ „читалъ въ Болоньѣ эту книгу"[5]). По всей

---

dear, si ea, quae scripsi scribamque, viva (victura tamen spero) ad posteros pervenerint. Ibid. p. 75—76.

[1]) Hortis считаетъ 1306 годъ годомъ рожденія Рамбальди (Studj, p. 4), ниже мы увидимъ, что Рамбальди родился гораздо позже.

[2]) Hortis, ibid.

[3]) *Lacaita, Della vita e delle opere di Benvenuto.* Notizie premesse al Commento latino edito dal Barbèra. Ferenze 1887. Его аргументація у Rossi-Cas', p. 76—77.

[4]) Онъ предполагаетъ такъ разставить знаки Si me, junioris discipulique, mei pudebit more meo interpetari, и считать junioris discipulique приложеніемъ къ mei. L. c. p. 77.

[5]) Tamburini, I, p. 385.

вѣроятности, это былъ только конспектъ позднѣйшей работы, такъ какъ въ рукописяхъ нѣтъ никакого слѣда первой редакціи, но возможно предположить, что Рамбальди раньше 1375 года совершенно обработалъ[1]) „книгу", которую онъ позже читалъ болонскимъ студентамъ, хотя ея отсутствіе въ рукописяхъ и наличность позднѣйшей обработки сильно подрываютъ это предположеніе. Но къ аргументамъ Бальделли и Гортиса можно прибавить еще нѣсколько соображеній въ доказательство подложности этого письма. Прежде всего, авторъ плохо знаетъ Данте и Петрарку, потому что называетъ ихъ вмѣстѣ съ Боккаччіо „тремя свѣточами *греческаго* языка", хотя этотъ эпитетъ можетъ быть приложенъ только къ автору Декамерона, да и то съ большою натяжкою. Сомнительно далѣе, что письмо называетъ Данте „учителемъ" Рамбальди, который въ комментаріяхъ никогда не называетъ такъ автора Божественной Комедіи. Но особенно сильныя сомнѣнія возбуждаетъ показаніе письма, что Петрарка „съ большой настоятельностью требовалъ" отъ Рамбальди комментарій къ Данте (quae olim tanto opere efflagitasti). Во первыхъ изъ переписки Петрарки, которая дошла до насъ почти вполнѣ, не видно, чтобы первый гуманистъ стоялъ въ близкихъ отношеніяхъ къ Рамбальди. Единственное адресованное къ нему письмо представляетъ собою отвѣтъ на весьма интересный для Петрарки вопросъ и не отличается особенно дружественнымъ тономъ. Сомнительно поэтому, чтобы именно къ Рамбальди обратился Петрарка съ такимъ предложеніемъ, и еще сомнительнѣе самая возможность этого предложенія со стороны перваго гуманиста: все, что мы знаемъ объ отношеніи Петрарки къ Данте, рѣшительно не позволяетъ предположить въ немъ такого интереса къ Божественной Комедіи. Въ виду этого нельзя согласиться съ мнѣніемъ Росси-Казэ, что „нѣтъ достаточнаго основанія даже для самаго легкаго сомнѣнія въ подлинности отрывка"[2]), мы думаемъ наоборотъ, что единственное уцѣлѣвшіе письмо Рамбальди, по всей вѣроятности, апокриѳъ[3]).

Менѣе интереса представляютъ историческіе труды Рамбальди: *Romuleon* и *Augustalis libellus*. Ромулеонъ — компиляція римской

---

[1]) Extremam manum imposuisse, какъ выражается письмо.

[2]) L. c. p. 77.

[3]) Rossi-Casè приводитъ еще слѣдующіе аргументы въ доказательство подлинности отрывка: qual capo ameno si sarebbe presa la briga d'inventarlo? e a quale scopo? E perchè, se mai altri l'avesse creato, l'avrebe così riempito di strafalcioni? (Ibid.). Дать положительный отвѣтъ на эти вопросы, конечно, нельзя; но почему не предположить, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ какимъ-нибудь ученическимъ упражненіемъ въ латинской эпистолографіи?

исторіи отъ паденія Трои до Діоклетіана[1]). Изъ предисловія видно, что авторъ составилъ книгу въ молодости по порученію намѣстника Болоньи Гомеца Альборноца, племянника знаменитаго кардинала, при чемъ онъ пользовался преимущественно Титомъ Ливіемъ, а также и другими авторами[2]), и старался попроще и коротко изложить только самыя важныя событія[3]). По словамъ новѣйшаго издателя перевода Ромулеона, Рамбальди принадлежитъ только компиляція изъ авторовъ и ничего болѣе[4]). Интереснѣе Augustalis libellus[5]) — краткія замѣтки объ императорахъ, начиная съ Юлія Цезаря и кончая Венцеславомъ, въ царствованіе котораго написана книга[6]), при чемъ авторъ послѣ смерти Валентиніана III даетъ свѣдѣнія о Византійскихъ императорахъ до Карла Великаго, послѣ котораго греческая имперія совершенно игнорируется. По существу и это сочиненіе — компиляція; но оно представляетъ интересъ по нѣкоторымъ воззрѣніямъ автора. Прежде всего Рамбальди, подобно многимъ современникамъ видитъ въ исторіи собраніе назидательныхъ примѣровъ и преимущественно для правителей. Составляя свою книгу по желанію

---

1) *Romuleon.* Incipit liber, qui Romuleon intitulatur eo quod de gestis Romanorum tractat, editus ad instantiam strenuissimi ac spectatissimi militis domini Gometii Hispani. Incipit Compendium Historiarum Romanorum post excidium Troiae et a condita urbe usque ad Diocletianum Augustum, editum et compilatum a Magistro Benvenuto da Imola. Сочиненіе относится къ 1360—61 годамъ. Латинскій подлинникъ остается неизданнымъ. Рукописи у Rossi-Casè, p. 129. Книга была переведена на французскій и итальянскій языки. Въ 1867 году Гваттери издалъ старый переводъ подъ такимъ заглавіемъ: *Il Rumeleo di Mess. Benvenuto da Imola volgarizzato nel buon secolo e messo per la prima volta in luce dal dott. Giuseppe Guatteri. Bologna 1867.* (Въ Collezione di opere inedite o rare dei primi tre secoli della lingua, publicata per cura della R. Comissione pe'testi di lingua nelle provincie dell'Emilia).

2) Si non quo ad stylum quo ad effectum saltem posse tenus imitatus Titum Livium, Augustinum De civitate Dei, Valerium Maximum, Sallustium, Svetonium, Haelium Spartianum, Haelium Lampridium, Julium Capitolinum, Lucium Florum, Justinum, Lucanum, Eutropium, Orosium alios, quoque quam plurimos. Предисловіе впервые напечатано у Rossi-Casè, l. c. p. 16—17.

3) Non omnia quidem, sed quae memorabiliora fere crediderim inclyta gesta luculento latino humili stylo et sermone materno sine ulla rhetoricorum pompa verborum brevi volumine etc. Ibid. 16.

4) Ibid. p. 130.

5) *Augustalis libellus Clarissimi Historici quondam Benvenuti de Rambaldis de Imola ad Nobilem Illustrem Ferrariae Marchionem. Anno 1386.* такое заглавіе носитъ книга въ рукописяхъ. См. Rossi-Casè, p. 144—46. Тамъ же о печатныхъ изданіяхъ. Я цитирую по Базельскому изданію Opera omnia Петрарки (1581), гдѣ напечатано и это сочиненіе.

6) Wenceslaus... hodie regnat. Hic juvenis, robustus venator, quid facturus sit, ignoro ect. Opera, p. 530.

Никколò II д'Эсте, онъ ставитъ на видъ исключительно дидактическую сторону своей работы[1]). Характерна далѣе чисто свѣтская точка зрѣнія въ отношеніи къ источникамъ и отчасти въ обработкѣ матеріала. Такъ, въ предисловіи предпочтеніе языческихъ историковъ римской имперіи христіанскимъ формулировано съ наивной рѣзкостью. „Всѣ христіанскіе (catholici) историки, говоритъ Рамбальди, или подчиняясь религіи (in obsequium fidei), или по иной причинѣ... начинаютъ изложеніе съ Цезаря Августа, потому что при немъ удостоилъ родиться Христосъ, отъ Котораго началась первоначальная церковь, или потому что Августъ очень долго царствовалъ и весьма благополучно управлялъ государствомъ... Всѣ же языческіе историки начинаютъ съ Юлія Цезаря... и *я стараюсь болѣе имъ слѣдовать, такъ какъ они заботились только о томъ, чтобы передавать потомству истину*"[2]). Правда біографическіе очерки императоровъ составлены слишкомъ кратко, такъ что на нихъ трудно прослѣдить результаты выбора источниковъ; тѣмъ не менѣе вліяніе языческихъ писателей проявляется иногда довольно замѣтно. Такъ, напр., Рамбальди совсѣмъ не упоминаетъ о гоненіяхъ на христіанъ и враждебному имъ Траяну даетъ восторженную характеристику[3]). Но въ борьбѣ папъ съ императорами онъ становится на сторону первыхъ. Къ Фридриху II, напр., онъ относится враждебно и сочувствуетъ побѣдѣ Иннокентія IV[4]). И здѣсь, какъ въ комментаріяхъ, Рамбальди — благочестивый католикъ и итальянскій патріотъ[5]).

Несмотря на значительную литературную дѣятельность Рамбальди и на его связи съ родоначальниками Возрожденія, комментаторъ Данте не пользовался извѣстностью у позднѣйшихъ гуманистовъ. Въ XV сто-

---

[1]) Optas, clarissime Marchio, heroicarum cultor virtutum, posse faciliter et cito internoscere bona et mala principum Romanorum, ut utrorumque fine notato, eminenti in speculo exemplorum etc. Ibid. p. 516.

[2]) Ibid.

[3]) Trajanus-optimus fuit omnium Augustorum, summae justitiae, clementiae et civilitatis, qui vir divinus etc. Ibid. p. 518.

[4]) Fredericus II—Epicurus, nihil curans, nisi temporale. Fuit malleus Romanae Ecclesiae... tandem virtute Innocentii quarti Januensis excommunicatus, victus et fugatus est. Ibid. p. 529.

[5]) Guatteri приписываетъ Рамбальди еще два неизданныхъ сочиненія: 1) *Cronica a principio mundi usque ad adventum Christi* и 2) *Opusculum de Urbis Mediolani Magnalibus*, составляющее извлеченіе изъ этой хроники. Rossi-Casè весьма убѣдительно доказываетъ ихъ неподлинность (p. 148 и слѣд.); но, по мнѣнію этого автора, Рамбальди составилъ сборникъ изъ діалоговъ папы Григорія I, потому что въ одномъ мѣстѣ комментарія онъ говоритъ: „da questo libro io ho radunato alcune poche ed utili narrazioni" (p. 152—153.) Но рукописи этого сборника неизвѣстны.

лѣтіи о немъ упоминаютъ только Сикко Полентоне[1]) и Флавіо Біондо[2]), а затѣмъ до 80-хъ годовъ нашего столѣтія его біографія оставалась почти совершенно неизвѣстной[3]). Только за самое послѣднее время статьи Лакаиты, Казини и въ особенности работа Росси-Казэ, освѣтили нѣсколько дѣятельность Рамбальди. Книга Росси-Казэ, заключающая въ себѣ результаты изслѣдованій его предшественниковъ[4]), провѣренныя и дополненныя новыми документами, распадается на 3 части. Первая посвящена фактической біографіи Рамбальди. Авторъ собралъ здѣсь изъ мѣстныхъ архивовъ и изъ сочиненій Рамбальди довольно скудныя свѣдѣнія о его родственникахъ, о его дѣтствѣ и образованіи, объ отношеніяхъ къ Петраркѣ и Боккаччіо, о дѣятельности въ родномъ городѣ, въ Болоньѣ и въ Феррарѣ. Несмотря на массу гипотезъ, которыя далеко не всегда отличаются основательностью, Росси-Казэ удалось установить нѣсколько фактовъ, имѣющихъ важное значеніе не только для біографіи Рамбальди, но и отчасти для исторіи движенія вообще. Такъ, прежде всего годъ рожденія Рамбальди до сихъ поръ не былъ опредѣленъ даже приблизительно на какомъ-нибудь болѣе или менѣе прочномъ основаніи. Обыкновенно принимали, что Рамбальди родился въ 1306 году, былъ ученикомъ Данте и учителемъ Петрарки и Боккаччіо[5]). Росси-Казэ на основаніи пока-

---

[1]) Мѣсто о Рамбальди изъ книги Полентоне напечатано у Mehus'a (Vita A. Travers., p. CCI).

[2]) Grammaticus et ludimagister tunc in Italia primarius, qui, cum historias nosset, aliqua scripsit. Italia illustrata, p. 351.

[3]) Незначительныя свѣдѣнія о немъ собраны впервые Zeno (I, p. 27—28); Mehus сообщилъ нѣкоторыя данныя о его комментаріи и о перепискѣ (l. c. p. CXXXV и CCCXXXVII). Muratori напечаталъ въ 1 томѣ Antiquitates Italiae извлеченіе изъ комментарія и предпослалъ ему нѣсколько біографическихъ свѣдѣній о Рамбальди, заимствованныхъ изъ комментарія Эти данныя легли въ основаніе краткихъ замѣчаній о Рамбальди у Tiraboschi (V, p. 667 и Fracassetti (Lett. senil. II, p. 440 и слѣд.). Замѣтки Тамбурини въ предисловіи къ изданію перевода комментарій не расширили біографическихъ свѣдѣній объ авторѣ; такъ же незначителенъ очеркъ *Papotti, Biografia di Benvenuto Rambaldi* (у Hercolani, Biografie e Riratti di XXIV uomini illustri Romagnuoli. Vol. I. Forli 1834, p. 63 и слѣд. съ хорошимъ портретомъ), такъ что Voigt во второмъ изданіи своей книги справедливо замѣтилъ, что дѣятельность Rambaldi hüllt sich gleich in Dunkel (II, p. 48). Этимъ объясняется ошибка самого Фогта, который совершенно неосновательно называетъ Рамбальди ученикомъ Джіовани da Равенна (ibid.).

[4]) Кромѣ разсматриваемаго сочиненія, Rossi-Casè написалъ предварительную работу — *Di Maestro Benvenuto da Imola. Questioni. Imola 1888* — которая вошла въ составъ его позднѣйшаго изслѣдованія.

[5]) Rossi-Casè, p. 15. Даже основательный Hortis принимаетъ эту дату (Studj, p. 4).

заній самого Рамбальди, опровергъ эту дату и приблизительно установилъ годъ его рожденія[1]).

Весьма важное значеніе имѣетъ вопросъ о мѣстѣ образованія Рамбальди, былъ ли гуманистически настроенный комментаторъ Данте продуктомъ мѣстной жизни родной Имолы, сложилось ли его міросозерцаніе подъ болонскими или флорентійскими вліяніями? Къ сожалѣнію, его новѣйшему біографу не удалось найти новыхъ данныхъ для рѣшенія этого вопроса и онъ прибѣгаетъ къ гипотезамъ, построеннымъ на весьма шаткихъ основаніяхъ. Росси-Казэ предполагаетъ, что Рамбальди учился въ Болоньѣ, что весьма вѣроятно, потому что, по его собственнымъ словамъ, онъ провелъ 10 лѣтъ въ этомъ городѣ[2]), и въ молодости пріобрѣлъ тамъ нѣкоторую извѣстность, что видно изъ порученія Альборноца. Но біографъ предполагаетъ далѣе, что около 1357 года, когда было востановлено флорентійское Studio, Рамбальди переселился туда и провелъ тамъ долгое время. Основаніемъ для такой гипотезы служитъ во-первыхъ тотъ фактъ, что въ комментаріяхъ объяснено спеціально флорентійское выраженіе *arrisemi* (addidit mihi) и что Рамбальди описываетъ одну статую, которую онъ видѣлъ во Флоренціи въ частномъ домѣ[3]). Эти весьма шаткія основанія не могутъ быть подкрѣплены тѣмъ соображеніемъ, что у Рамбальди были связи во Флоренціи: съ Салютати онъ могъ познакомиться еще въ Болоньѣ и слушалъ лекціи Боккаччіо о Данте уже въ весьма зрѣломъ возрастѣ[4]).

Гипотезы Росси Казэ о томъ, что Рамбальди между 1357 и 1361 годомъ дѣйствительно былъ ученикомъ Боккаччіо, а также о времени его знакомства съ Петраркой и о характерѣ его отношеній къ Альборноцу, не обладая основательностью, не представляютъ большого интереса. Важнѣе напечатанная имъ инструкція, которую городской совѣтъ Имолы далъ въ 1365 году своимъ посламъ къ папѣ

---

[1]) Въ предисловіи къ Ромулеону Рамбальди говоритъ: invitus quodammodo protrahor ad scribendum *juvenilis aetatis imbecillitate*, cui plurimum ignorantia solet esse cognata. Книга написана во время управленія Болоньей Гомеца Альборноца, которое продолжалось отъ 1361 до 1364 года. Понятіе juvenilis съ точки зрѣнія Рамбальди Росси-Казэ пытается опредѣлить его собственнымъ выраженіемъ въ комментаріяхъ: Videtur quod homo comuniter usque ad XXV annum sit in incremento, aliis XXV annis in statu, aliis XXV in declinatione. На основаніи этихъ данныхъ онъ помѣщаетъ годъ рожденія Рамбальди между 1336—40 годами (p. 15—21). Годъ смерти Рамбальди (1390) опредѣляется письмомъ П. П. Верджеріо (Epist. p. 1—2).

[2]) Quia fui ibi per decennium. У Rossi-Casè, p. 82.

[3]) Ibid. p. 34—35.

[4]) Tamburini, III, p. 285.

Урбану V, отправленнымъ съ жалобой на Алидози[1]). Рамбальди былъ въ числѣ этихъ пословъ, вслѣдствіе чего, вѣроятно, ему пришлось испытать горечь изгнанія[2]), когда Алидози захватили власть въ Имолѣ. Но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы Рамбальди былъ принципіальный ненавистникъ тиранніи, потому что конецъ жизни онъ провелъ при дворѣ феррарскаго тиранна. Росси-Казэ предполагаетъ, что Рамбальди читалъ лекціи въ мѣстномъ университетѣ и ихъ результатомъ были упомянутые выше комментаріи къ Лукану и къ Сенекѣ[3]). Но на это нѣтъ никакихъ указаній, тогда какъ самъ Рамбальди говоритъ, что комментаріи къ Валерію Максиму и Augustalis libellus составлены имъ по желанію Д'Эсте.

Вторая часть книги Росси-Казэ „*Характеръ Бенвенуто*" слабѣе первой. Авторъ не пытается выяснить духовную физіономію Рамбальди, не даетъ систематическій характеристики, а ограничивается подборомъ цитатъ изъ комментарій по рубрикамъ: любовь къ родинѣ, ортодоксальность, любовь къ Данте и т. п., при чемъ выдержекъ немного и подобраны они не всегда удачно (какъ напр. въ рубрикѣ „*Moralità*"). Третья часть „*Книги Бенвенуто да Имола*" — весьма полезный сборникъ библіографическихъ указаній, но безъ малѣйшаго слѣда литературнаго и научнаго анализа произведеній Рамбальди. Только въ приложеніи Росси-Казэ даетъ анализъ отношенія Commento къ его предшественникамъ, что не представляетъ интереса съ нашей точки зрѣнія.

Какъ ни скудны наши свѣдѣнія о Рамбальди, тѣмъ не менѣе мы въ состояніи отмѣтить основныя черты міросозерцанія этого *Болонскаго* представителя второго поколѣнія итальянскихъ гуманистовъ. Въ религіи и въ наукѣ Рамбальди стоитъ на средневѣковой почвѣ: онъ — ортодоксальный папистъ и признаетъ всѣ главные авторитеты средневѣковой науки. Но индивидуалистическое настроеніе обнаруживается въ немъ самымъ несомнѣннымъ образомъ отчасти въ интересѣ къ древнимъ авторамъ и главнымъ образомъ въ критицизмѣ. *Критицизмъ, переходящій въ раціонализмъ въ нѣкоторыхъ церковныхъ вопросахъ и въ отношеніи къ астрологіи, самая характерная черта воззрѣній Рамбальди.* Искренній католикъ, онъ рѣзко нападаетъ на недостатки современнаго папства, рѣшительно предпочитаетъ языческихъ историковъ церковнымъ и остается вполнѣ свѣтскимъ человѣкомъ во всѣхъ своихъ произведеніяхъ.

---

[1]) Rossi-Casè, p. 53 и слѣд.
[2]) Цитаты у Rossi-Casè, p. 98.
[3]) Ibid. p. 87.

Но предпочтеніе древнихъ не доходитъ у него до слѣпой исключительности: Рамбальди критикуетъ Плутарха и признаетъ заслуги Григорія I, Боэція, Аверроеса и другихъ: относясь съ глубокимъ уваженіемъ къ первымъ гуманистамъ, онъ благоговѣетъ передъ Данте, что не мѣшаетъ ему относиться съ полною самостоятельностью и ко всѣмъ этимъ авторитетамъ. Можетъ быть, въ этомъ настроеніи слѣдуетъ искать объясненія того страннаго противорѣчія въ характерѣ Рамбальди, что онъ, будучи пламеннымъ патріотомъ, открыто проповѣдуетъ политическій индифферентизмъ. По крайней мѣрѣ, въ научныхъ вопросахъ онъ доходитъ иногда до скептицизма.

Въ концѣ XIV столѣтія каѳедру риторики въ Болоньѣ занималъ *Бартоломео да Реньо* (da Regno), который комментировалъ древнихъ классиковъ, писалъ латинскіе стихи, посвящалъ ихъ Салютати, который отвѣчалъ ему тѣмъ же[1]). Позже эту каѳедру занимаютъ Ауриспа, Гуарино и Филельфо, но они остаются въ Болоньѣ очень короткое время. Во всякомъ случаѣ гуманистическое движеніе съ самаго начала примкнуло къ Болонскому университету, но его главный факультетъ въ занимающую насъ эпоху оставался, повидимому, совершенно чуждымъ новымъ интересамъ. Выше мы видѣли, что знаменитый Джіовани д'Андреа былъ совершенный невѣжда въ гуманистической наукѣ[2]), и между болонскими профессорами-юристами мы не встрѣчаемъ ни одного, который бы стоялъ въ какой-либо связи съ представителями новаго направленія. Болѣе доступными гуманистическому вліянію оказались медики, какъ, напр., болонскій профессоръ, знаменитый ученый и практическій врачъ *Тамазо дель Гарбо*[3]). Уже обширное письмо Петрарки, въ которомъ онъ трактуетъ о сравнительной силѣ славы и фортуны[4]), указываетъ на интересы адресата, а, кромѣ того, его наклонности обнаруживаются и изъ его собственныхъ сочиненій. Гарбо писалъ преимущественно по медицинѣ, но послѣ его смерти остался также неоконченный комментарій къ сочиненію Аристотеля

---

[1]) Скудныя свѣдѣнія о немъ собраны у Voigt'a (II, p. 49).

[2]) См. выше p. 579.

[3]) Самый ранній его біографъ, Ф. Виллани, говоритъ о немъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: philosophus maximus in medicina famose claruit, cumque nomen ejus per omnem Italiam vulgaretur, tantae factus aestimationis tantaeque creditus est doctrinae et medendo dilegentiae, ut potentissimi tyranni, quibus Italia ferax est, si aegrotassent, deperire morbo indubie credidissent, si illis Thomas medicus defuisset. Hic igitur, cum penes Italos quasi medicinae idolum coleretur, factus est solariorum enormitate ditissimus. У Галлетти, p. 29. Свѣдѣнія Виллани нѣсколько дополнены Tiraboschi (Storia V, p. 337—341) и съ небольшими поправками повторены Fracassetti (Lett. senil. I, p. 474).

[4]) Epistolae senil. VIII, 3.

De anima[1]). Въ началѣ XV столѣтія каѳедру логики и моральной философіи занималъ *Николо Фава* († 1439), пользовавшійся громкой извѣстностью у современниковъ. Фава не былъ писателемъ, но находился въ перепискѣ съ Филельфо и изучалъ въ подлинникѣ Аристотеля, что указываетъ на характеръ и направленіе его интересовъ[2]).

Таковы были начала гуманистическаго движенія въ Болоньѣ. Изъ новыхъ изслѣдователей только Фогтъ даетъ коротенькій фактическій очеркъ развитія гуманизма въ этомъ городѣ[3]) и отмѣчаетъ одну его особенность: гуманисты не держатся по долгу ни въ университетѣ, ни вообще въ Болоньѣ и не могутъ „доставить своей спеціальности право гражданства" на ряду съ другими университетскими науками. Фогтъ отрицаетъ, что представители другихъ факультетовъ относились къ нимъ враждебно и ставили имъ преграды и видитъ причину ихъ неуспѣха „въ колеблющемся характерѣ того, что эти поэты и ораторы называли своей наукой и своимъ искусствомъ"[4]). Съ такимъ объясненіемъ едвали можно согласиться. Прежде всего, каѳедра грамматики и реторики занимала такое же опредѣленное положеніе, какъ и другія, и если занимавшіе ее гуманисты не были довольны своимъ положеніемъ, то причины этого заключались въ томъ, что эта служба не была достаточно доходна и обезпечена. Юристы и медики, какъ практики, имѣли перевѣсъ надъ гуманистами и едвали относились къ своимъ сотоварищамъ такъ равнодушно и спокойно, какъ думаетъ Фогтъ. Выходки первыхъ гуманистовъ противъ юристовъ и медиковъ едвали оставались безъ отвѣта, хотя наличные литературные памятники этой полемики принадлежатъ только гуманистамъ. Если между

---

[1]) О его сочиненіяхъ Виллани говоритъ: Commentavit librum utilem Galieni *De differentiis febrium*... scripsit etiam super eo capitulo *Avicennae*, quo *de generatione embryonis* tractatur. Multa etiam composuit in *Theorica et Practica medicina, Summam totius medicinae*... morte praeventus incompletum reliquit... In Philosophicis insuper delectatus *Aristotelis* librum subtilissimum *De anima* perspicacissime commentavit. Sed praeripientibus dies fatis etiam imperfectum reliquit. У Galletti, p. 29.

[2]) Свѣдѣнія о немъ у Tiraboschi, VI, 459 и слѣд.

[3]) Voigt, II, p. 47 и слѣд. Замѣчанія о Болоньѣ у Гейгера (p. 181) совершенно незначительны. Въ 1887 году появилась книга *Corradi (Notizie sui professori di latinità nello studio di Bologna sin dalle primo memorie. Parte I (fino a tutto il secol. XV)* Bologna 1887); но авторъ не расширилъ нашихъ свѣдѣній объ этомъ вопросѣ. (См. Giorn. Stor. d. lett. ital, XI, p. 265). Обширная литература по поводу 800-лѣтія Болонскаго университета, сколько намъ извѣстно, совсѣмъ не коснулась гуманистическаго движенія. (См. Ibid. p. 481. Ср. статью *Del Vecchio* въ Archivio storico 1888 Disp. 5.

[4]) Voigt, II, p. 47.

гуманистами и представителями права и медицины не было коренной и принципіальной вражды, то соперничество несомнѣнно существовало, и въ Болоньѣ съ ея старыми университетскими традиціями гуманистамъ труднѣе было выдерживать конкуренцію, чѣмъ гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ. Совершенно естественно поэтому, что гуманисты уходили изъ Болоньи, какъ только представлялась болѣе спокойная и выгодная служба, хотя Болонскій университетъ рѣдко не имѣлъ среди своихъ членовъ представителя новаго направленія. Гуманистическое движеніе и здѣсь пріобрѣло себѣ твердую почву.

VIII.

Гуманистическое движеніе въ Папской области. — Равенна. — Гуманизмъ во владѣніяхъ Малатеста и Монтефельтре. — Орделаффи и гуманизмъ въ Форли. — Алидози и гуманисты изъ Имолы. — Фермо, Фаэнца, Камерино, Витербо, Фабріано, Фолиньо. — Положеніе гуманизма въ Перуджіи, Анконѣ и въ Асколи. — Общія замѣчанія о гуманистическомъ движеніи въ церковныхъ владѣніяхъ

Политическое положеніе большинства городовъ папской области къ половинѣ XIV вѣка было приблизительно одинаково: почти повсюду устанавливаются сеньёріи, сначала совершенно независимыя, послѣ подчиненныя по большей части Альборноцомъ, который однако обыкновенно сохранялъ прежнихъ владѣтелей въ качествѣ папскихъ намѣстниковъ. Разница заключалась только въ характерѣ управленія сеньёровъ, правившихъ однако повсюду болѣе или менѣе тиранически. Тѣмъ не менѣе гуманистическое движеніе въ различныхъ городахъ было далеко не одинаково. Такъ, въ *Равеннѣ* въ занимающую насъ эпоху оно крайне слабо. Фамилія *Полента,* правившая тамъ въ XIV и въ началѣ XV вѣка, не привлекала къ своему двору гуманистовъ. „Она управляла Равенной, говоритъ Сисмонди, долгое время безъ заслугъ и безъ славы, забытая исторіей и завоевателями, которые на нее не нападали“[1]). Дѣйствительно, главное бѣдствіе для гражданъ составляли междуусобія среди членовъ правящей фамиліи[2]), хотя личные пороки тирановъ навлекали иногда на Равенну нападенія кондотьеровъ[3]). Въ первой четверти XIV столѣтія среди Полента встрѣчается меценатъ, извѣстный *Гаидо Новелло,* поэтъ, покровитель

---

[1]) Sismondi, l. c., V, p. 184.

[2]) Leo, l. c., IV, p. 495—496 и 546.

[3]) См., напр., разсказъ о Bernandino da Polenta у Sismondi, l. c. IV, p. 245—246.

и поклонникъ Данте[1]), и это покровительство, повидимому, не осталось безъ послѣдствій: позже въ XIV и XV столѣтіяхъ авторъ Божественной Комедіи нашелъ въ Равеннѣ и подражателей, и комментаровъ[2]). Старый *Остазіо,* самый крупный изъ Полента, поручалъ Боккаччіо перевести на итальянскій языкъ Ливія, и авторъ Декамерона называетъ этого тиранна своимъ „особеннымъ" (specialissimus) господиномъ[3]). Но преемники Остазіо остались совершенно равнодушны къ гуманистическому движенію; съ такимъ же равнодушіемъ относились къ нему и мѣстные архіепископы[4]). Поэтому уроженцы Равенны, получившіе новое образованіе, ищутъ службы за предѣлами родного города; а гуманисты изъ мѣстныхъ гражданъ — большая рѣдкость. Мы знаемъ только одного врача — *Гульельмо,*[5]) которому Петрарка адресовалъ весьма интересное письмо. Гульельмо былъ другомъ Донато дельи Альбанцани и добивался дружбы также и перваго гуманиста. Петрарка съ охотой исполняетъ его желаніе, но выражаетъ опасеніе, какъ бы его собственный примѣръ не увлекъ новаго друга къ изученію краснорѣчія, которое, по его мнѣнію, врачамъ не подобаетъ[6]). Какъ ни истолковывать этотъ довольно неожиданный отъ перваго гуманиста совѣтъ, его опасеніе представляется весьма характернымъ не только для равенскаго медика, но и для другихъ искателей дружбы Петрарки. Но такой отвѣтъ, повидимому, не уничтожилъ въ Гульельмо интереса къ гуманистамъ: подъ старость онъ находился въ перепискѣ съ Верджеріо[7]). О литературной дѣятельности самого Гульельмо нѣтъ никакихъ свѣдѣній, и перваго гуманиста-писателя мы встрѣчаемъ въ Равеннѣ только во второй половинѣ XV вѣка въ лицѣ историка и собирателя надписей *Дезидеріо Спрети*[8]).

Совершенно иначе стояло дѣло въ *Римини,* гдѣ правили Малатеста. Тиранны и кондотьеры, члены этой обширной фамиліи, были хорошими администраторами и весьма искусными политиками. Раз-

---

[1]) Свѣдѣнія о немъ у *Mordani, Vite di Ravegnani illustri. Ravenna 1837,* p. 42 и слѣд. и Tiraboschi, V, p. 650.

[2]) Сюда относятся *Micchino da Mezzano,* комментаторъ Данте (Tiraboschi, V, p. 660) *Muccio da Ravenna* (Ibid. p. 280) и *Armodio Aspini* (Mazz. I, 2, p. 1164) — національные поэты.

[3]) Hortis, Studj, p. 424.

[4]) *Ughellus, Italia Sacra* II, coll. 388—390. Только одинъ изъ нихъ *Pietro Pileo,* адресатъ Петрарки, повидимому не былъ чуждъ гуманистическихъ стремленій. См. о немъ ниже.

[5]) Свѣдѣнія о немъ у Fracass. Lett. senil. I, p. 188.

[6]) Epist. senil. III, 8.

[7]) Vergerii, Epist. p. 154.

[8]) Tirab., VI, 1017.

битые Альборноцомъ, они сумѣли сдѣлаться необходимыми для церкви, получили права ея намѣстниковъ и доставили своему маленькому городу весьма важное значеніе[1]). Интересъ къ гуманистическому движенію появился въ семьѣ Малатеста довольно рано. Старый *Пандольфо Малатеста* († 1364) находился въ перепискѣ съ Петраркой, просилъ у него совѣта относительно вступленія во второй бракъ[2]), приглашалъ его къ своему двору и, когда гуманистъ отказался, прислалъ знаменитаго художника, чтобы снять съ него портретъ[3]). Его сынъ, тоже Пандольфо († 1373), поручилъ Петраркѣ на воспитаніе, вѣроятно, своего побочнаго сына[4]). *Галеотто* Малатеста, братъ стараго Пандольфо, пригласилъ учителемъ къ своимъ дѣтямъ Аллегретти изъ Форли, который основалъ въ Римини „Академію"[5]). Его сынъ Пандольфо собиралъ библіотеку изъ классическихъ писателей[6]). Еще болѣе интереса обнаруживалъ къ новому движенію другой сынъ Галеото *Карло* (1385—1429). Гуманисты, какъ Бруни и Лоски, были въ полномъ восторгѣ отъ его разностороннихъ свѣдѣній[7]), и если вѣрить ихъ показаніямъ, Малатеста былъ полнымъ осуществленіемъ гуманистическаго идеала, хотя онъ приказалъ снять статую Виргилія въ Мантуѣ, когда захватилъ этотъ городъ, и этимъ вызвалъ противъ себя рѣзкую инвективу П. П. Верджеріо[8]).

Интересъ къ гуманистическому движенію при дворѣ, по всей вѣроятности, захватывалъ нѣкоторые круги городского населенія. Правда, высшее духовенство Римини оставалось къ нему равнодушнымъ[9]), но въ перепискѣ съ Петраркой находился его школьный товарищъ, юристъ *Джіованни да Римини*[10]), а учителю музыки *Флоріано да Римини* первый гуманистъ посвятилъ два стихотворныхъ посланія. Тѣмъ не менѣе активныхъ гуманистовъ мы не встрѣчаемъ въ Римини

---

[1]) Leo, IV, p. 493—94, 523, 547—552, 564. Ихъ характеристика у Sismondi, V, p. 184—185.

[2]) Epistol. famil. XXII, 1.

[3]) Epist. senil. I, 6. Ср. Fracass. Lett. fam. IV, p. 416.

[4]) Juvenis tuus et studio mihi junctus et nomine, jam pridem et propter tui reverentiam et propter sui industriam mihi carus acceptusque esse coepit etc. Variae 9. Соображенія о его происхожденіи. См. Fracass. Lett. fam., V, p. 231.

[5]) Tiraboschi, V, p. 819.

[6]) Voigt, I, p. 576.

[7]) Восторженный отзывъ Бруни, см. его Epist. III, 9; ср. Commentarius, col. 926. Лоски посвятилъ ему крайне лестное стихотвореніе.

[8]) Превосходная характеристика Карло у Voigt'a, I, p. 576—577. Объ инвективѣ см. ниже.

[9]) О епископахъ Римини см. Ugh. II, col. 425—432.

[10]) Epist. fam. IX, 8.

до половины XV вѣка, когда дворъ *Гизмондо Малатеста* сдѣлался крупнымъ гуманистическимъ центромъ. Единственное исключеніе составляетъ упомянутый *Джакопо Аллегретти*. Онъ былъ родомъ изъ Форли, занимался медициной, астрологіей и поэзіей. Подвергшись гоненію мѣстнаго тиранна, Аллегретти переселился въ Римини и изъ его школы вышли Карло Малатеста и Мальпагини. Салютати посвятилъ ему стихотвореніе, въ которомъ убѣждаетъ его оставить астрологію и написалъ письмо такого же содержанія[1]). Изъ его собственныхъ произведеній извѣстны по заглавію Falterona, стихотвореніе къ Людовику Венгерскому, и буколическая поэма[2]).

Къ владѣніямъ фамиліи Малатеста принадлежалъ между прочимъ *Пезаро*, между тираннами котораго были сторонники новаго движенія. Кромѣ стараго Пандольфо, управлявшаго одно время этимъ городомъ, *Малатеста де'Малатести*, сеньоръ Пезаро, находился въ перепискѣ съ Салютати и самъ писалъ стихи[3]). Антоніо Лоски воспѣвалъ его въ своихъ стихотвореніяхъ, и его секретаремъ былъ другъ Салютати, гуманистически образованный *Пьетро Турко*[4]). Но гуманисты изъ мѣстныхъ гражданъ и здѣсь появляются только во второй половинѣ XV столѣтія[5]).

---

[1]) *Collucii Salutati ad Jacobum Allegretum Foroliviensem, qui anno 1378 Tozzi de Antilla nomine scripserat Domino Philippo de Antilla augurio e divinatione pacem inter Ecclesiam et Florentinos non esse futuram, carmina quaedam hortatoria, nec prophetare vellet, nec siderum querere cursus.* Заглавіе у Mehus'a Vita A. Travers, p. CCCVIII. Тамъ же и письмо.

[2]) Свѣдѣнія о немъ Mazz., I, 1, p. 503 и Tirab., V, p. 817. Можетъ быть, неизвѣстная буколическая поэма тождественна съ *Falterona*. Содержаніе другого стихотворенія видно изъ заглавія: *Carmen ad Ludovicum Ungariae regem pro Ecclesia defendenda adventantem.* Въ XIV столѣтіи въ Римини былъ мѣстный лѣтописецъ *Battaglia* или *Bataglini* (Mazz., II, 1, p. 542), но о его отношеніяхъ къ гуманистамъ ничего неизвѣстно. Фактическій очеркъ гуманистическаго движенія въ Римини у Voigt'a (I, p. 575 и слѣд.) и новая работа *Carlo Tonini, La coltura letteraria e scientifica in Rimini dal sec. XIV ai primordi del XIX I e II vol. Rimini 1884.* Но по характеру источниковъ они представляютъ интересъ главнымъ образомъ для времени Ghismondo, которому посвящены также работы *Battaglini* и *Yriarte*.

[3]) Въ Giorn. Stor. d. lett. ital. 1885 года (VI, 289) заявлено Delle sue rimi... sta preparando una edizione, condotta su tutti i principali mss., il proff *G. S. Scipioni*. Мнѣ неизвѣстно, было ли осуществлено это намѣреніе.

[4]) Voigt, I, p. 576. О Турко, который уговаривалъ Салютати написать инвективу противъ Лоски, см. Mehus, l. c., p. CCXCIX. Въ перепискѣ съ Салютати находился также канцлеръ этого тиранна, нѣкій *Paulus* (Ibid. p. CCCV).

[5]) Изъ нихъ особенной извѣстностью пользуются *Pandolfo Collenuccio* и *Camillo Leonardi* (Tirab., IV, p. 998 и 548).

Изъ маленькаго *Урбино* вышелъ къ половинѣ XV вѣка одинъ изъ самыхъ просвѣщенныхъ тиранновъ, Федериго да Монтефельтре; но въ предшествующее ему столѣтіе среди сеньёровъ и гражданъ Урбино замѣтны только весьма слабые слѣды интереса къ новому движенію. Превосходные кондотьеры и противники церкви, Монтефельтре были сравнительно хорошіе администраторы. Правда, въ 1319 году граждане, возмутившись, убили стараго Федериго и отдались подъ власть церкви; но черезъ 4 года они прогнали папскихъ чиновниковъ и вернули къ власти сыновей убитаго. Съ этихъ поръ чрезъ все XIV и XV столѣтіе Монтефельтре съ незначительными перерывами спокойно правили городомъ[1]). Но всѣ предки Федериго оставались, повидимому, совершенно равнодушны къ новому движенію. Единственное исключеніе представляетъ Баттиста, дочь Антоніо († 1403), которой Бруни посвятилъ одно изъ своихъ сочиненій. Она писала итальянскія стихотворенія, рѣчи и латинскія письма, но ея дѣятельность относится уже къ половинѣ XV столѣтія[2]). Въ сношеніяхъ съ Петраркой стоялъ одинъ изъ мѣстныхъ епископовъ, эремитъ *Бартоломео Карузіо* († 1350). Изъ письма, адресованнаго ему первымъ гуманистомъ, видно, что Карузіо просилъ нѣсколько стиховъ для заключенія свой книги *Milleloquium s. Augustini,* т.-е. извлеченіе различныхъ изреченій бл. Августина. Петрарка исполнилъ его желаніе; но изъ этого нельзя еще заключать о гуманистическихъ наклонностяхъ Карузіо: монахъ, богословъ и одно время профессоръ теологіи въ Сорбоннѣ, онъ написалъ книгу, вполнѣ соотвѣтствующую его званію[3]). Настоящихъ гуманистовъ изъ мѣстныхъ жителей мы не встрѣчаемъ въ Урбино даже при дворѣ Федериго[4]).

Подъ власть Монтефельтре съ половины XIV столѣтія подпалъ городокъ *Губбіо,* послѣ того, какъ Альборноцъ выгналъ отсюда мѣстныхъ тиранновъ изъ фамиліи Габріэлли[5]). Прежніе владѣтели такъ же мало были заинтерованы новымъ движеніемъ, какъ и новые сеньёры, и единственный мѣстный писатель конца XIV и начала

---

[1]) См. Leo, l. c. p. 498—501. *Ugolini, Storia dei conti e duchi d'Urbino. V. I. Firenze 1859,* p. 153 и слѣд.

[2]) Свѣдѣнія у Ugolini, l. c., p. 191 и слѣд.

[3]) Въ письмѣ къ Carusio (VIII, 6) Петрарка называетъ его книгу — rem majoris operis, quam gloriae. Свѣдѣнія объ адресатѣ у Fracas. Lett. famil. II, p. 321. Ср. Ughelli, l. c. II, p. 788 и Tiraboschi, V, 199 и слѣд. Ugolini, p. 195.

[4]) Свѣдѣнія о епископахъ Урбино за этотъ періодъ у Ughelli, l. c., II, col. 786—90.

[5]) Leo, l. c., p. 523, Ugolini, I, p. 166 и слѣд.

XV столѣтія *Джакопо Арманни,* медикъ, философъ, богословъ и математикъ, авторъ сочиненія *De astris,* едва ли принадлежалъ къ новому направленію[1]). Одно изъ первыхъ мѣстъ между тираннами папской области, сочувственно относившимися къ новому движенію, былъ *Франческо дельи Орделаффи,* владѣтель Форли, Чезены и еще нѣсколькихъ мелкихъ городовъ. Во время борьбы съ кардиналомъ Альборноцомъ онъ одинъ изъ всѣхъ тирановъ смѣло и до послѣдней крайности защищалъ свои владѣнія. Храбрый солдатъ, Орделаффи былъ покровителемъ новыхъ ученыхъ. Выше мы видѣли, что Боккаччіо относился къ нему съ большимъ сочувствіемъ[2]), а его секретарь, юристъ *Чекко ди Милето деи Росси,* самъ поэтъ, находился въ перепискѣ съ Петраркой и въ дружбѣ съ авторомъ Декамерона. Но литературная дѣятельность Чекко остается до сихъ почти совершенно неизвѣстною[3]); Гортисъ напечаталъ одно его стихотвореніе, посвященное Боккаччіо; оно переполнено миѳологическими именами и указываетъ только на знакомство автора съ древностью[4]). Весьма оживленная переписка существовала между Петраркой и *Нери Морандо изъ Форли.* Петрарка называетъ своего друга ingenium ad litteras natum, хотя онъ ad omnia possit[5]). Дѣйствительно, Морандо по своей разносторонности былъ настоящимъ гуманистомъ. Любитель новой науки и солдатъ, извѣстный юристъ и поэтъ, онъ служилъ и венеціанскому дожу Дандоло и нѣмецкому императору Карлу IV, что не мѣшало ему вести дружескую переписку съ первымъ гуманистомъ[6]).

Во второй половинѣ XIV вѣка фамилія Орделаффи переживала бурныя времена. Старый Франческо былъ побѣжденъ церковью и

---

[1]) Свѣдѣнія о немъ у Mazz., I, 2, p. 1102.

[2]) Въ одномъ письмѣ Боккаччіо называетъ его Pieridum hospes gratissimus. Ср. выше, p. 463 и Hortis, p. 310.

[3]) Лучше извѣстна его политическая дѣятельность, свѣдѣнія о которой собралъ изъ мѣстныхъ историковъ Fracassetti, Lett. famil. IV, p. 329.

[4]) Studj., p. 252.

[5]) Non tamen id mihi negaveris ipsum ingenium tuum, si suam illi libertatem addideris, si frena laxaveris, etsi ad omnia possit, ad litteras diversurum. Epist. fam. XXI, 10.

[6]) Fracassetti приводитъ слѣдующую цитату изъ Bonoli-Storia della città di Forlì подъ 1354 годомъ: „Fiorivano di Forlivesi nelle lettere in questa età Checco di Mileto de'Rossi... e Nerio de'Morandi, ambi legisti illustri e nella poëtica famosi: onde per la uniformità degli studi furono amicissimi di Francesco Petrarca". Lett. fam. IV, p. 329. Поэтическія произведенія Morando неизвѣстны даже Tiraboschi, который не упоминаетъ о немъ въ своемъ классическомъ произведеніи.

умеръ въ крайней бѣдности въ Венеціи[1]). Его сыновья возвратили прежнія владѣнія; но въ 1405 году Форли возсталъ противъ одного изъ Орделаффи и установилъ республиканскія учрежденія въ зависимости отъ папы. Новыя учрежденія не отличались однако большой прочностью. Балтазаръ Косса такъ поработилъ городъ, что жители въ 1411 году снова возстали и, прогнавъ папскаго легата, вернули Орделаффи[2]). Но, несмотря на бурныя времена, научные интересы не исчезали въ Форли: изъ этого города вышелъ знаменитый въ свое время падуанскій профессоръ *Джакопо да Форли* († 1413)[3]); монахъ *Джироламо* велъ мѣстную хронику (1367—1433)[4]). Правда, принадлежность этихъ дѣятелей къ новому направленію сомнительна; но есть извѣстіе, что въ Форли былъ нѣкій Пальмьери, который во время своихъ путешествій изучилъ не только греческій, но и восточные языки[5]). Эти сѣмена гуманистическаго движенія въ XV столѣтіи принесли обильные плоды: изъ Форли вышли такіе представители новаго движенія, какъ Тито Веспасіано Строцца и Флавіо Біондо.

Подъ властью Франческо Орделаффи находилась одно время маленькая *Имола*, которая, послѣ нѣкоторыхъ безполезныхъ попытокъ возвратить себѣ республиканское устройство, подчинилась фамиліи *Алидози*. И здѣсь, какъ въ Форли, нѣкоторые члены господствующей фамиліи обнаруживаютъ интересъ къ гуманистическому движенію, и здѣсь научные интересы развиваются, несмотря на неблагопріятныя политическія условія. *Лодовико Алидози* былъ поэтъ[6]), и ему адресовалъ письма Салютати, а Верджеріо посвятилъ горькую жалобу на Малатеста за то, что онъ приказалъ снять статую Виргилія въ Мантуѣ. Изъ Имолы вышелъ знаменитый ученый въ средневѣковомъ вкусѣ, юристъ *Джіованни да Имола*[7]); отсюда же былъ родомъ одинъ изъ крупнѣйшихъ гуманистовъ второго поколѣнія Бенвенуто Рамбальди, и это былъ не единственный представитель новаго движенія. Въ 1398 году Верджеріо адресовалъ нѣкоему *Бернардино*

---

1) Sismondi, IV, p. 313.

2) Leo, IV, p. 559, 561 и 564.

3) Tiraboschi, V, p. 347.

4) Ibid. VI, p. 1016. Между мѣстными епископами этого періода нѣтъ ни одного имени, извѣстнаго въ литературѣ или въ наукѣ. См. Ughellus, II, col. 580—582.

5) Tiraboschi, VI, p. 1043.

6) Ibid. V, p. 782. Салютати адресовалъ письмо *Jacobo de Massa Alidosiorum*, о которомъ нѣтъ никакихъ свѣдѣній.

7) Ibid. VI, p. 680. Мѣстные епископы, повидимому, были чужды новымъ интересамъ. См. Ughellus, II, col. 639—641.

да Имола письмо, изъ котораго видно, что адресатъ, превознося похвалами Верджеріо, просилъ у него Африку Петрарки. Бернардино, о которомъ нѣтъ никакихъ свѣдѣній[1]), судя по письму, выработалъ уже хорошій латинскій стиль и имѣлъ въ виду какую-то ученую работу[2]). Въ XV столѣтіи въ Имолѣ продолжаютъ развиваться оба направленія: ученикомъ Джіованни былъ знаменитый юристъ *Тартаньи,* а медикъ *Боньетти Бавьёра* велъ гуманистическую переписку съ Филельфо.

Въ *Фермо* весьма часто мѣнялись тиранны, отличавшіеся жестокостью. Въ 1355 году жители возстали противъ своего властителя *Gentile da Mogliano* и отдались церкви, которая впослѣдствіи отдала этотъ городъ въ замѣнъ Болоньи извѣстному своей жестокостью d'Ollegio, а потомъ здѣсь сеньёрію захватываетъ *Ринальдо да Монтеверджине*[3]). Всѣ эти владѣтели не обнаруживаютъ интереса къ гуманистическому движенію, и въ литературѣ нѣтъ никакихъ указаній на научные интересы въ Фермо, хотя еще Бонифацій VIII основалъ тамъ университетъ[4]). Но изъ этого нельзя заключать, чтобы новое движеніе совсѣмъ не коснулось этого города: Верджеріо въ названномъ письмѣ къ Бернардино рекомендуетъ ему подражать въ своихъ занятіяхъ своему другу, неутомимому ученому *Джакопо да Фермо*[5]).

Фаэнца переживала то же самое, что и другіе города Папской области. Въ 1356 году ея тираннъ *Джіованни Манфреди* долженъ былъ сдать городъ Альборноцу, а нѣсколько позже *Асторре Манфреди* снова его захватилъ, а потомъ вынужденъ былъ продать его Балтазару Коссѣ, который и угнеталъ жителей до Констанскаго собора, не уплативъ денегъ и Манфреди, умершему потомъ въ крайней бѣдности[6]). Въ семьѣ тирановъ Фаэнца замѣчаются нѣкоторые слѣды сочувствія къ новому движенію: *Піо Манфреди,* владѣтель Карпи, находился въ перепискѣ съ Петраркой, который называлъ его своимъ другомъ[7]). Асторре писалъ стихи и переписывался съ Салютати[8]).

---

[1]) Vergerius называетъ magister и rector. Epist. p. 80.

[2]) Quod vero ad te attinet, placet, mihi ingenium tuum, placet stilus, laudo propositum. Ibid.

[3]) Leo, IV, 523, 532 и 547. Ср. Sismondi, IV, 248.

[4]) Tiraboschi, V, p. 312 и слѣд. О мѣстныхъ епископахъ, см. Ughellus, II, col. 711—714.

[5]) Epist. p. 80.

[6]) Leo, IV, p. 528, 546 и 558.

[7]) Epist. famil. IX, 1.

[8]) Tirahoschi, V, 782.

Но шаткое положеніе и сравнительная бѣдность тиранновъ мѣшала имъ сдѣлаться меценатами, и при ихъ дворѣ мы не встрѣчаемъ гуманистовъ. Весьма слабо было, повидимому, гуманистическое движеніе и въ самомъ городѣ: мѣстные епископы оставались къ нему равнодушны[1]), а изъ мѣстныхъ жителей современная литература знаетъ только одного ученаго — болонскаго профессора грамматики *Антоніо да Фаэнца*[2]). Другой *Антоніо* изъ Фаэнцы, врачъ, вѣроятно, изъ фамиліи *Баруффальди,* состоялъ въ перепискѣ съ Верджеріо и былъ съ нимъ въ дружескихъ отношеніяхъ[3]). Этимъ исчерпываются слѣды гуманистическаго движенія въ Фаэнцѣ въ занимающую насъ насъ эпоху; не имѣло оно здѣсь большихъ успѣховъ и позже, въ XV столѣтіи: хотя *Галеотто Манфреди* и считался меценатомъ, но тѣмъ не менѣе съ Фаэнцою не связано ни одного крупнаго имени среди дѣятелей Возрожденія[4]).

Только переписка Салютати указываетъ нѣкоторые слѣды гуманистическаго движенія въ *Камерино*. Но изъ троихъ корреспондентовъ флорентійскаго гуманиста въ этомъ городѣ только объ одномъ *Франческо да Камерино* извѣстно, что онъ интересовался античной литературой[5]). Объ отношеніи къ гуманистическому движенію мѣстныхъ тиранновъ *Варани* нѣтъ никакихъ свѣдѣній. Только тотъ фактъ, что во второй половинѣ XV столѣтія изъ этой фамиліи вышла гуманистически образованная *Костанца да Варано*[6]), указываетъ на нѣкоторый интересъ Варани къ гуманизму въ началѣ XV вѣка. Мѣстные епископы оставались чужды движенію[7]). Отдѣльныя лица, которыхъ съ вѣроятностью можно отнести къ активнымъ или пассивнымъ представителямъ Ренесанса, встрѣчаются и въ другихъ мелкихъ городахъ Папской области. Такъ, въ *Витербо* епископъ *Никкола* (Niccola) былъ адресатомъ Петрарки, который осыпалъ его похвалами

---

[1]) Ughellus, II, col. 501—503.

[2]) Tiraboschi, V, 76.

[3]) Vergerii, Epist. p. 116. Письмо Баруффальди (Ibid. p. 205) написано плохой латынью. Весьма возможно, что оба Антоніо тождественны, потому что Верджеріо называетъ Баруффальди не только medicum praestantissimum, но и magistrum artium. Самъ Баруффальди подписался phisicus.

[4]) О знаменитостяхъ Фаэнцы, см. *Montanari, Gli nomini illustri di Faenza. Faenza 1882.*

[5]) Другіе адресаты Салютати: *Venantius Francisci filius de Camerino* и *Ioannes de Camerino*. О *Franciscus de Camerino* см. Mehus, l. c., p. CCCLXXXV.

[6]) Tiraboschi, VI, p. 1142. Къ половинѣ XV вѣка изъ Камерино вышелъ весьма замѣтный гуманистъ *Tommaso Seneca.*

[7]) Ughellus, I, col. 561—562.

и приглашалъ къ себѣ въ Воклюзъ[1]), а затѣмъ о гуманистическомъ движеніи здѣсь ничего не слышно, и только во второй половинѣ XV вѣка отсюда вышелъ знаменитый гуманистъ-фальсификаторъ *Джіованни Нанни* или *Annio da Viterbo,* какъ его обыкновенно называютъ. Изъ *Фабріано* въ XIV столѣтіи вышло нѣсколько ученыхъ въ старомъ духѣ[2]); но до самаго послѣдняго времени въ литературѣ не было отмѣчено никакихъ слѣдовъ гуманистическаго движенія. Въ 1885 году *Ф. Новати* нашелъ новые документы, изъ которыхъ видно, что въ Фабріано были сравнительно крупные представители гуманизма и что мѣстные тиранны — *Кіавелли* сочувственно относились къ новому движенію[3]). Такъ, тамъ жилъ *Джіованни Тинти,* происходившій изъ старинной и знатной фамиліи въ Фабріано, другъ Салютати, находившійся въ перепискѣ съ нимъ и съ Лоски. Сначала Тинти въ качествѣ нотаріуса жилъ въ разныхъ городахъ Италіи, потомъ поселился на родинѣ. Здѣсь написалъ онъ трактатъ *De institutione regiminis dignitatum,* который до сихъ поръ не былъ извѣстенъ даже по заглавію и хранится въ Сіенской городской библіотекѣ. Въ библіотекѣ князя Киджи въ Римѣ Новати нашелъ рукопись *De casu Cesaenae,* въ которой авторомъ этого драматическаго эскиза названъ неизвѣстный до сихъ поръ писатель *Лодовико де'Романи да Фабріано*[4]).

Весьма своеобразный характеръ получило литературное движеніе въ маленькомъ *Фолиньо* (Folingo), съ которымъ знакомитъ очень интересное изслѣдованіе *Фалочи Пулиньяни*[5]). Въ первой половинѣ XIV столѣтія изъ этого города вышло нѣсколько крупныхъ дѣятелей старой науки — знаменитый медикъ, профессоръ въ Перуджіи *Gentile da Foligno,* болонскій профессоръ-канонистъ *Guido da Foligno*[6]). Въ послѣдней четверти XIV вѣка у мѣстныхъ тиранновъ *Тринчи* появляется обычное въ ту эпоху меценатство, и при ихъ

---

[1]) Epist. famil. XVI, 6. Свѣдѣнія о немъ у Фракас. Lett. famil. III, p. 439.

[2]) Таковы, теологъ *Giavanni da Fabriano* и лѣтописецъ *Domenico Scevolino* (см. о нихъ Tiraboschi, V, p. 206 и 593).

[3]) *F. Novati, Un umanista Fabrianese del sec. XV: Giovanni Tinti.* (Въ Archivio storico per le Marche e per l'Umbria, vol. II. 1885). Къ статьѣ приложены нѣсколько писемъ Tinti и отвѣты ему Салютати, Лоски и Battista Chiavello de'Chiavelli, которому посвященъ трактатъ. (Статья мнѣ извѣстна только по изложенію. См. Giorn. stor. d. lett. ital., V, p. 471 и Jahresber. d. Geschichtswissenschaft, VIII, p. 253.

[4]) Ранѣе это произведеніе приписывали то Петраркѣ, то Салютати.

[5]) *M. Faloci Pulignani, Le arti e le lettere alla corte dei Trinci di Foligno.* (Въ Giorn. stor. del. lett. ital., I, 1883, p. 189—229 и II, 1884, p. 28—58).

[6]) См. объ нихъ Tiraboschi, V, p. 346 и 70.

дворѣ встрѣчается цѣлый рядъ поэтовъ, но всѣ они не имѣютъ ничего общаго съ другими представителями Ренесанса. Таковъ, во-первыхъ блаж. *Томмазо Унціо* (Unzio или beato Tommasuccio), поэтъ и пророкъ, излагавшій въ стихахъ на народномъ языкѣ свои молитвы и предсказанія[1]). Таковъ *Paolo da Foligno*, который въ итальянскихъ стихахъ прославлялъ Христа и святыхъ[2]); таковъ *Pierangelo Bucciolini*, изложившій въ стихахъ легенду о св. Феличіано, покровителѣ города[3]). Такимъ же характеромъ отличается самый крупный изъ мѣстныхъ поэтовъ *Federico Frezzi*, авторъ аллегорической поэмы „*О четырехъ царствахъ*"[4]). Монахъ и потомъ епископъ въ Фолиньо, Frezzi, подражая Данте, разсказываетъ свое путешествіе сначала по царству любви, потомъ по царствамъ Сатаны, пороковъ и добродѣтели. Это путешествіе, во время котораго автору встрѣчаются различныя лица, должно обозначать достиженія добродѣтели посредствомъ побѣды надъ плотью, дьяволомъ и міромъ. Есть извѣстіе, что Frezzi составилъ еще неизданную до сихъ поръ „Космографію", о которой нѣтъ никакихъ свѣдѣній[5]). То же самое направленіе сохранили мѣстные поэты и въ XV вѣкѣ: *Montefalco*, воспѣвая въ своемъ *Filenico* любовь къ Филенѣ, подражалъ Канцоньере Петрарки, а *Bonavoglia* по-латыни написалъ житіе св. Феличіано[6]). Слѣдовъ чисто гуманистическаго движенія почти совершенно незамѣтно въ Фолиньо[7]).

Положеніе республикъ, входившихъ въ составъ Папской области, было такъ же тяжело, какъ и тѣхъ городовъ, гдѣ власть захватили тиранны. Господствующія партіи правили тиранически, а ихъ борьба за власть сопровождалась такими же жестокостями, какъ и подавленіе

---

[1]) Свѣдѣнія о немъ у F. Pulignani, p. 211—24.

[2]) Его поэзія остается почти совершенно неизвѣстной. Ibid. p. 224—25.

[3]) Она издана *Mancinelli, Leggenda di S. Feliciano scritta da Pierangiolo Bucciolini de Foligno. Testo inedito del 1414. Bologna 1882.* Объ авторѣ см. Pulignani, p. 225—229.

[4]) *Il Quadriregio o poema di quattro regni di Monsignor Federico Frezzi. Foligno MDCCXXV.* Обстоятельное изложеніе содержанія у Gaspary, II, p. 89 и слѣд. Свѣдѣнія объ авторѣ у Pulignani, p. 31—49. Тамъ же и ранняя литература.

[5]) *Cosmografia di Federigo da Foligno con varie istorie e viaggi.* Рукопись въ Парижѣ. См. Tiraboschi, V, p. 777.

[6]) Pulignani, p. 55.

[7]) Mazzuchelli на основаніи показаній болѣе раннихъ писателей упоминаетъ *Rinaldo Brancaleoni di Foligno* (около 1410 года), который будто бы писалъ итальянскіе и латинскіе стихи, но существованіе его поэзіи ничѣмъ не завѣрено (II, 2, p. 1990).

недовольства сеньёрами. Кромѣ того, республика всегда представлялась заманчивою добычею и для мѣстныхъ Катилинъ, и для предводителей наемныхъ шаекъ, искавшихъ себѣ прочныхъ владѣній. Лучшую иллюстрацію ихъ положенія представляетъ исторія Перуджіи съ половины XIV вѣка до Констанскаго собора. Во время Авиньёнскаго періода Перуджіа, подобно другимъ владѣніямъ св. престола, пріобрѣла независимость. Связанная географическимъ положеніемъ и политическими интересами съ гвельфскими республиками Тосканы, она въ половинѣ XIV вѣка борется вмѣстѣ съ ними противъ Висконти и въ то же время страдаетъ отъ внутренней борьбы партій, при чемъ въ 1361 году едва не дѣлается добычею *Fribaldino Manfredini,* заговоръ котораго грозилъ не только установленіемъ тиранніи, но и страшнымъ разграбленіемъ города. Ослабленная внѣшними войнами и внутренними смутами, Перуджіа въ 1370 г. была вынуждена подчиниться Урбану V; но насилія и произволъ папскихъ правителей[1]) вызвали возстаніе и продолжительную войну съ св. престоломъ, которая однако въ 1393 году закончилась примиреніемъ, при чемъ самъ Бонифацій IX поселился въ Перуджіи. Но борьба партій приняла такіе ужасающіе размѣры, что папа ночью тайкомъ скрылся изъ города. Эта борьба становилась тѣмъ опаснѣе, что во главѣ партій стали извѣстные кондотьеры *Braccio da Montone* и *Biondo de'Michelotti,* при чемъ послѣдній уже захватилъ тираннію въ окрестныхъ городахъ. Жители отдѣлались отъ этого опаснаго гражданина тайнымъ убійствомъ, но это не избавило ихъ отъ войнъ, внутреннихъ и внѣшнихъ, которыя приняли столь опасный характеръ, что Перуджіа въ 1400 отдалась Висконти, а потомъ Владиславу Неаполитанскому[2]). По отношенію къ гуманистическому движенію Перуджіа представляетъ много сходства съ Болоньей: при одинаково тяжелыхъ политическихъ условіяхъ здѣсь и тамъ сначала оттягиваетъ отъ гуманизма интеллектуальныя силы мѣстный университетъ который потомъ является важнымъ факторомъ въ исторіи движенія. Но, несмотря на внутреннія смуты и внѣшнія опасности, среди гражданъ замѣтны кое-какіе признаки новыхъ интересовъ. По словамъ Петрарки, въ Перуджіи былъ одинъ почитатель Гомера[3]), и нѣкоторые изслѣдователи думаютъ, что первый гуманистъ имѣлъ въ виду поэта *Muzio da Perugia,* который посвятилъ ему нѣсколько

---

[1]) См., наприм., разсказы о папскомъ легатѣ Montmayeur'ѣ Sismondi, IV, p. 412.

[2]) Sismondi, IV, 336, 133, 337, 399 и V, 103—104, 136, 139.

[3]) Epist. famil. XXIV, 12.

сонетовъ[1]); у Салютати было здѣсь два адресата[2]), о которыхъ не имѣется дальнѣйшихъ свѣдѣній. Наконецъ, изъ Перуджіи родомъ ученый библіотекарь *Паоло* и *Leo Ioannes de Verleonibus,* канцлеръ Мантуи[3]). По свидѣтельству Флавіо Біондо, въ половинѣ XV столѣтія здѣсь насаждалъ гуманизмъ *Томмазо Понтано*[4]). Но огромное большинство мѣстныхъ ученыхъ посвящало себя праву, что обусловливается вліяніемъ университета. Основанный въ 1307 году Климентомъ V, университетъ въ Перуджіи быстро пріобрѣлъ себѣ извѣстность своимъ юридическимъ факультетомъ, гдѣ преподавали такія знаменитости, какъ Бартоло и Бальдо. Какъ въ Болоньѣ, юристы, по крайней мѣрѣ, въ занимающую насъ эпоху остаются внѣ движенія, но между другими спеціалистами встрѣчаются лица, относящіяся къ нему болѣе или менѣе сочувственно. Такъ, знаменитый врачъ и астрологъ *Франческо ди Бартоломео Казини да Сіена,* преподававшій одно время логику и философію во Флоренціи, затѣмъ профессоръ медицины и ректоръ университета въ Перуджіи, наконецъ, лейбъ-медикъ Иннокентія VI, находился въ перепискѣ съ Петраркой[5]). Хотя его сочиненія касаются исключительно медицинскихъ вопросовъ, тѣмъ не менѣе изъ писемъ Петрарки видно, что Казини былъ горячимъ сторонникомъ перваго гуманиста и высоко цѣнилъ его латинскія произведенія[6]). Гуманистическіе интересы обнаруживаются также у медика *Уго Бенци* изъ Сіены и у философа *Паоло Венето*[7]). Позже въ XV столѣтіи гуманистическій элементъ значительно усиливается въ университетѣ: одну изъ каѳедръ занимаетъ здѣсь Филельфо; Халькондила читаетъ греческій языкъ, Matarazzo — латинское и греческое краснорѣчіе и извѣстный юристъ Gianantonio Pontano пускается въ поиски за древними рукописями. Тѣмъ не менѣе Перуджіа не дала гуманистическому движенію ни одного крупнаго имени[8]).

---

[1]) См. Tiraboschi, V, p. 618.

[2]) *Thomas Ser Rigi* и *Ser Rigus Dominici.*

[3]) См. о нихъ ниже.

[4]) Tommaso Pontano долгое время смѣшивали съ Tommaso Seneca da Camerino. См. о нихъ *Sabadini, Briciole umanistiche: IV Tommaso Pontano e Tommaso Seneca.* (Въ Giorn. stor. del. lett. ital. XVIII (1891), p. 224 и слѣд.). Въ 30 годахъ XV вѣка изъ Перуджіи былъ изгнанъ мѣстный поэтъ-гуманистъ *Candido Bontempi* (+ около 1497). См. о немъ Faloci Pulignani, II, p. 28—30.

[5]) Epist. senil. XVI, 2 и 3.

[6]) Свѣдѣнія о его сочиненіяхъ у Fracass. Lett. senil., II, p. 483. Ср. Tiraboschi, V, p. 116 и 360.

[7]) См. о нихъ ниже.

[8]) Мѣстные архіепископы стоятъ внѣ движенія. Ughelli, I, col. 1162—1163.

Въ республиканской *Анконѣ* въ занимающую насъ эпоху нѣтъ ни одного лица, которое могло бы быть отнесено къ дѣятелямъ Возрожденія. Но изъ этого нельзя заключать, чтобы этотъ городъ остался совершенно чуждъ гуманистическому движенію. Къ младшимъ представителямъ третьяго поколѣнія гуманистовъ принадлежитъ знаменитый *Ciriaco de' Pizzicole d'Ancona* (родился около 1391 года)[1]). Правда, Чиріако развился внѣ родного города; но въ своемъ „Путеводителѣ" онъ упоминаетъ о своихъ землякахъ *Francesco Scalamonti* и какомъ-то *Николаѣ*[2]), которые раздѣлали гуманистическіе интересы. Извѣстно, кромѣ того, что сверстникъ Чиріако, гуманистъ *Tommaso Seneca da Camerino,* держалъ здѣсь школу въ 20-хъ годахъ XV вѣка[3]). Наконецъ, въ концѣ столѣтія въ Анконѣ жилъ поэтъ *Andrea Stagio,* который написалъ по-итальянски поэму объ Амазонкахъ[4]). По всей вѣроятности, зачатки движенія были и раньше, хотя они и остаются до сихъ поръ незамѣченными.

То же самое можно сказать о маленькой республикѣ *Асколи.* До половины XV столѣтія здѣсь, повидимому, господствовало старое направленіе. По крайней мѣрѣ, единственныя дошедшія до насъ имена: богословъ и проповѣдникъ, авторъ разныхъ компендіумовъ и толкованій *Niccola Lucio d'Ascoli*[5]), профессоръ каноническаго права въ Болоньѣ *Giovanni d'Ascoli* и поэтесса *Lisabetta Trebbiani*[6]). Единственный намекъ на зачатки здѣсь гуманистическаго движенія составляетъ тотъ фактъ, что адресатомъ Салютати былъ мѣстный канцлеръ *Benivienus* или *Benvennus,* о которомъ впрочемъ не имѣется никакихъ свѣдѣній. Но позже положеніе дѣлъ мѣняется: въ половинѣ XV вѣка *Enoc d'Ascoli* занимаетъ видное мѣсто между гуманистами, а въ концѣ столѣтія появляются такіе дѣятели, какъ братья *Bonfini* или поэтъ *Massimo Pacifico,* весьма удачно на національномъ языкѣ подражавшій Овидію.

Какъ ни скудны наши свѣдѣнія о состояніи гуманистическаго

---

[1]) Свѣдѣнія о Чиріако до сихъ поръ сводятся къ тому, что собралъ Tiraboschi, (VI, p. 237 и слѣд. Ср. Voigt, I, p. 271 и слѣд).

[2]) *Kyriaci Anconitani Itinerarium nunc primum ex ms. cod. in lucem erutum ex bibl. illus. clarissimique Baronis Philippi Stosch. Editionem recensuit, animadversionibus ac praefationibus illustravit nonnullisque ejusdem Kyriaci epistolis partim editis, partim ineditis locupletavit Laurentius Mehus. Florentiae MDCCXLII, p. 13.*

[3]) Sabbadini, l. c. p. 228.

[4]) *Opera di Andrea Stagi Anconetano intitolata Amazonida Venetia. 1503.* Свѣдѣнія объ авторѣ у Faloci Pulignani, l. c. p. 30—31.

[5]) См. о немъ Mazzuchelli, l. c. I, 2, p. 1159.

[6]) Tiraboschi, V, p. 76 и 779.

движенія въ церковныхъ владѣніяхъ, можно съ несомнѣнностью констатировать его существованіе во всѣхъ крупныхъ городахъ Папской области и почти во всѣхъ мелкихъ. Приведенные факты не даютъ возможности опредѣлить степень его интенсивности въ различныхъ центрахъ; повидимому, она не зависѣла ни отъ размѣровъ города, ни отъ его политическаго строя: Форли, Имола, Фабріано богаче гуманистами, чѣмъ Равенна и Анкона. Въ Римини и Урбино, несмотря на меценатство тиранновъ, нѣтъ ни одного крупнаго гуманистическаго имени, тогда какъ въ маленькой республикѣ Асколи появляется (правда, нѣсколько позже) рядъ замѣтныхъ дѣятелей Возрожденія. Эти выводы могутъ быть значительно видоизмѣнены дальнѣйшими изслѣдованіями, такъ какъ работы Новати и Фалочи Пулиньяни показываютъ, какъ много еще можно сдѣлать для освѣщенія гуманистическаго движенія въ этихъ мѣстностяхъ. Но *при теперешнемъ состояніи источниковъ приходится признать преждевременной попытку поставить въ связь интенсивность гуманизма съ политическимъ или экономическимъ строемъ названныхъ областей и выяснить причины ея различія въ разныхъ центрахъ.* Еще труднѣе говорить о направленіи и интересахъ мѣстныхъ гуманистовъ. Въ огромномъ большинствѣ случаевъ мы знаемъ только ихъ имена и заключаемъ объ интересахъ по связямъ и перепискѣ съ несомнѣнными представителями Возрожденія. Были ли они активными дѣятелями движенія или представляли собой толпу, только доросшую до сознательнаго отношенія къ своимъ потребностямъ — эти вопросы приходится оставить точно такъ же безъ отвѣта. По наличнымъ даннымъ мы можемъ констатировать только ихъ сочувствіе новому движенію; но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы это сочувствіе не переходило въ литературную дѣятельность въ новомъ духѣ: работа Новати показываетъ, что гуманистической литературы еще много таится въ итальянскихъ библіотекахъ. Извѣстныя намъ имена мѣстныхъ гуманистовъ только *слѣдъ* движенія въ данной мѣстности, показатель только его наличности, а не размѣровъ и не направленія. Нѣсколько яснѣе отношеніе гуманизма къ старой наукѣ, особенно въ университетскихъ городахъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что успѣхъ Бартоли, Бальдо и болонскихъ знаменитостей вызывалъ подражателей: Перуджія и Болонья дали и въ занимающую насъ эпоху много представителей средневѣковой юриспруденціи; но съ такою же несомнѣнностью можно утверждать, что *университеты въ Болоньѣ и Перуджіи весьма рано стали проводниками новаго движенія, и ихъ гуманистическая роль становилась все значительнѣе по мѣрѣ развитія Ренесанса.* Наконецъ, примѣръ Фолиньо показываетъ, что въ нѣкото-

рыхъ пунктахъ на ряду съ гуманистическими тенденціями развивается и національная поэзія въ средневѣковомъ вкусѣ и что оба направленія пользуются одинаковымъ покровительствомъ гуманистически настроенныхъ тиранновъ, хотя и въ поэзіи, какъ въ университетахъ, средневѣковой элементъ все болѣе стушевывается по мѣрѣ развитія Возрожденія.

IX.

Гуманистическое движеніе въ Неаполѣ.—Робертъ Неаполитанскій и его ученый дворъ. — Діониджи ди Борго Сансеполькро. — Неаполитанскіе юристы.—Паоло Перуджино и Барбато да Сульмона. — Состояніе Неаполитанскаго королевства послѣ смерти Роберта и до смерти Владислава.—Гуманисты при дворѣ Джіованны. — Аччайуоли и его біографы. — Общія замѣчанія о гуманистическомъ движеніи въ Неаполѣ. — Слѣды гуманизма въ Неаполитанской монархіи и въ Сициліи.

Первые слѣды гуманистическаго движенія на ряду съ куріей замѣчаются въ Неаполѣ при дворѣ короля Роберта (1309—1343). Сюда явился Петрарка, чтобы подвергнуть себя добровольному испытанію передъ торжественнымъ коронованіемъ на Капитоліи, и встрѣтилъ весьма дружественный и чрезвычайно почетный пріемъ. Здѣсь получилъ вкусъ къ новымъ интересамъ Боккаччіо и пережилъ первые фазисы своего гуманистическаго развитія. Въ силу этого личность Роберта и его дворъ получаютъ важное значеніе въ исторіи Возрожденія. Первые гуманисты были въ восторгѣ отъ Роберта. Петрарка въ одномъ письмѣ называетъ его „единственнымъ украшеніемъ нашего вѣка“ [1]), въ другомъ, написанномъ послѣ смерти короля, ставитъ его наравнѣ съ Платономъ по генію и считаетъ землю недостойной такого монарха [2]), а вспоминая о немъ подъ старость, объявляетъ его „королемъ королей“ [3]). Родоначальникъ гуманистовъ воспѣвалъ Роберта въ Африкѣ [4]) и посвятилъ ему нѣсколько главъ въ своемъ сочиненіи De rebus memorandis [5]). Въ общемъ также относился къ нему и Боккаччіо: въ „Генеалогіи боговъ“ онъ называетъ его самымъ ученымъ царемъ послѣ Саломона [6]), хотя въ эклогахъ и говоритъ о его жад-

---

[1]) Epist. fam. I, 1.
[2]) Ibid. V, 1 и XII, 7.
[3]) Epist. senil. X, 2.
[4]) I, v. 19—20.
[5]) См. выше, p. 253 и слѣд.
[6]) Genealogia, XIV, 9.

ности[1]). Съ этими воззрѣніями согласенъ и Дж. Виллани, который называетъ его „самымъ мудрымъ государемъ, какой былъ у христіанъ за послѣднія 500 лѣтъ“[2]). Новые изслѣдователи значительно понизили эту оцѣнку[3]); но никто не оспариваетъ учености Роберта и его сознательнаго покровительства научнымъ стремленіямъ. Вопросъ только въ томъ, какимъ характеромъ отличалась та ученость, которою обладалъ Робертъ и которой онъ покровительствовалъ?

Собственныя произведенія Роберта Неаполитанскаго, кромѣ дѣловыхъ писемъ, исчерпываются рѣчами[4]). Фогтъ называетъ ихъ „проповѣдями“, и дѣйствительно нѣкоторыя изъ нихъ составлены въ честь святого или по случаю праздника; но нѣкоторыя обращены къ баронамъ при раздачѣ имъ леновъ, къ представителямъ городовъ, присягавшимъ маленькой Джіованнѣ; иныя заключаютъ въ себѣ похвалу медицинѣ передъ солернскими врачами; иныя произнесены передъ капитуломъ миноритовъ или передъ генераломъ ордена проповѣдниниковъ и представляютъ собою трактаты по теологіи и морали[5]). Робертъ стоитъ, повидимому, на средневѣковой почвѣ. По словамъ Петрарки, онъ до знакомства съ первымъ гуманистомъ съ пренебреженіемъ относился къ поэзіи[6]). Боккаччіо, какъ очевидецъ, подтверждаетъ это показаніе. По его словамъ, Робертъ „знаменитый философъ, превосходный учитель медицины и извѣстный богословъ, до 66 года своей жизни низко ставилъ Виргилія“. Но когда Петрарка открылъ ему „тайны поэмъ“, то онъ рѣзко измѣнилъ свое мнѣніе. „Я своими ушами слышалъ, — разсказываетъ далѣе Боккаччіо, — какъ онъ разсуждалъ о томъ, что никогда прежде не думалъ, чтобы подъ

---

[1]) См. выше, p. 463.

[2]) Cipolla, p. 82.

[3]) См. Sismondi, IV, p. 46—47; Cantù, Storia degli Italiani, II, p. 741; Cipolla p. 81—82. Отношеніе къ Роберту важнѣйшихъ біографовъ Петрарки и Боккаччіо сведены у Traversi, I, p. 39—42. Къ сожалѣнію, я не успѣлъ воспользоваться книгою *Siragusa, L'ingegno, il sapere e gl'intendimenti di Roberto d'Angio. Torino 1891.*

[4]) Ему приписывали еще стихотворный *Il trattato delle virtù morale di Roberto, re di Gerusalemme. Roma 1642.* См. Gianonne, l. c., IV, p. 42. Но трактатъ этотъ считается подложнымъ. См. *Faragilia, Barbato di Sulmona e gli uomini di lettere della corte di Roberto d'Angiò.* (Въ Archivio storico ital. III, 1889, p. 316—317). Тирабоски заподозриваетъ принадлежность Роберту другого, приписываемаго ему сочиненія: *Tractatus de Apostolorum ac eos praecipue imitantium evangelica paupertate.* Tirab., V, p. 28.

[5]) Рѣчи, сколько мнѣ извѣстно, остаются неизданными, кромѣ одной. (Tiraboschi, V, p. 28). Фогтъ знаетъ о нихъ по катологу Bandini (I, p. 451). Я пользуюсь изложеніемъ Faraglia, l. c., p. 317.

[6]) De rebus memorandis I, II, 26.

такимъ смѣшнымъ покровомъ (cortice), какъ выдумки поэтовъ, могъ скрываться столь превосходный и возвышенный смыслъ". Съ этого времени Робертъ съ необыкновеннымъ усердіемъ началъ изучать Виргилія, и только „скорая смерть прервала эти занятія" [1]). Основываясь на этихъ показаніяхъ, Фогтъ склоненъ приписать гуманистическій переворотъ въ Робертѣ вліянію бесѣды съ Петраркой, хотя „собственное образованіе короля было пріобрѣтено еще совершенно на почвѣ богословія и схоластики" [2]). Но съ такимъ толкованіемъ едва ли можно согласиться. Подъ вліяніемъ Петрарки измѣнилось только отношеніе къ Виргилію, а не къ древности, потому что въ своихъ рѣчахъ Робертъ „къ авторитету библейскихъ книгъ присоединяетъ авторитетъ Аристотеля и къ мнѣніямъ свв. отцовъ мнѣніе Сенеки" [3]). Если бы Робертъ стоялъ исключительно на средневѣковой почвѣ, то его отношеніе къ Петраркѣ, котораго онъ раньше посѣтилъ въ Воклюзѣ [4]), было бы совершенно непонятно. Интересъ къ древности и связь съ гуманистами при несомнѣнномъ интересѣ къ средневѣковымъ докринамъ показываютъ, что Робертъ представитель самаго ранняго періода Возрожденія, когда новыя начала только что стали пробиваться сквозь средневѣковую культуру. Такимъ же характеромъ отличались и его меценатство, и его ученые. При дворѣ Роберта было много библіотекарей, корректоровъ, глоссаторовъ и переводчиковъ; но здѣсь онъ является продолжателемъ своихъ предшественниковъ не только изъ Анжуйскаго дома, но и изъ Гогенштауфеновъ [5]). Его придворные ученые, работавшіе отчасти по заказу короля, отчасти по собственной иниціативѣ, принадлежатъ къ обоимъ направленіямъ. и по содержанію работъ, и по ихъ характеру. *Paolo Nuñido* переводилъ при Карлѣ II и при Робертѣ книги съ арабскаго на латинскій [6]); съ арабскаго же и съ еврейскаго переводилъ „по порученію короля" еврей *Ben-Kalonymos* [7]). Въ то же время подданные получили предписаніе приносить имѣющіяся у нихъ книги для перевода

---

[1]) Genealogia XIV, 22.

[2]) Die Wiederbelebung, I, p. 451—452.

[3]) Faraglia, l. c., p. 317.

[4]) Petrarcae, Epist. famil. XII, 12.

[5]) См. Faraglia, l. c., p. 319—320 и цитированное имъ *Hartwig, Die Übersetzungsliteratur Unteritaliens in der normanisch-staufischen Epoche. Leipzig 1886.*

[6]) Faraglia, l. c., p. 320.

[7]) *Steinschneider, Robert von Anjou und die jüdische Litteratur* (Въ Vierteljahrschrift der Kultur und Litteratur der Renaissance. II, 1 (1886), p. 110 и слѣд.

къ *Ugolino da Roma Idrontino.* Кромѣ того, *Niccolò Ruberto,* епископъ въ Реджіо, переводилъ для Роберта Аристотеля и Галена, а королевскій лейбъ-медикъ *Regino da Calabria* перевелъ медицинское сочиненіе Николая Александрійскаго[1]). Мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній объ этихъ переводчикахъ и одного знакомства ихъ съ греческимъ языкомъ еще недостаточно для причисленія ихъ къ представителямъ гуманистическаго движенія. Самый выборъ книгъ для перевода весьма характеренъ: Аристотель — видное лицо въ средневѣковой философіи; медикъ Галенъ — представитель такой науки, которая сохраняла свое значеніе въ Средніе вѣка. Такимъ образомъ Робертомъ руководитъ интересъ къ средневѣковому знанію, но приводитъ короля къ античной древности, откуда повѣяло совсѣмъ инымъ духомъ. Стремленіе ознакомиться съ античной литературой — черта гуманистическая; но на первое время въ древности ищутъ только оживленія средневѣковыхъ знаній и дополненія къ нимъ. Это та же самая черта, которую мы отмѣтили у Петрарки; только здѣсь она обнаруживается въ другой сферѣ.

Придворные ученые Роберта распадаются на двѣ категоріи: одни не обнаруживаютъ ни одной гуманистической черты, у другихъ новое направленіе проявляется съ большею или меньшею опредѣленностью. Ниже мы увидимъ, къ которой изъ этихъ категорій слѣдуетъ отнести, вѣроятно, вращавшагося при дворѣ грека Варлаама. Другой богословъ и астрологъ *Dionigi di Borgo San-Sepolcro* стоялъ въ близкихъ отношеніяхъ къ Петраркѣ. Фигура этого августинскаго монаха до сихъ поръ остается загадочной. Скудныя свѣдѣнія о немъ, извлеченныя главнымъ образомъ изъ писемъ Петрарки еще Тирабоски и имъ нѣсколько пополненныя, повторяются до сихъ поръ позднѣйшими писателями[2]), а его сочиненія въ большинствѣ остаются почти совсѣмъ неизвѣстными. Діониджи преподавалъ въ Парижскомъ университетѣ богословіе и философію, славился какъ знаменитый астрологъ, предсказавшій, по словамъ Джіованни Виллани, смерть Каструччіо. Какъ богословъ, онъ былъ выбранъ епископомъ Monopoli, а въ качествѣ астролога приглашенъ Робертомъ Неаполитанскимъ къ своему двору, гдѣ пользовался большимъ вліяніемъ. Но средневѣковой человѣкъ по своему положенію и занятіямъ, Діониджи былъ во многихъ отношеніяхъ настоящимъ гуманистомъ. De-Sade называетъ его духовнымъ отцомъ перваго гуманиста, который открылъ ему свою

---

[1]) Baldelli, Vita di G. B., p. 249—50.

[2]) Tiraboschi Storia, V, p. 184—191. Его полемика съ De-Sad'омъ и возраженія Fracassetti. Letter. fam. I, p. 423—425. Baldelli (p. 241), а также Geiger (p. 59—60) и Körting (p. 91—92) не даютъ ничего новаго.

любовь къ Лаурѣ и внутреннія противорѣчія свой духовной жизни, и съ этихъ поръ августинскій монахъ сталъ духовнымъ руководителемъ Петрарки[1]). Хотя это предположеніе не основано на положительныхъ данныхъ, но оно до извѣстной степени оправдывается письмами Петрарки[2]). Діониджи подарилъ ему Confessiones бл. Августина и этимъ доказалъ, что хорошо понялъ его внутреннее состояніе[3]). Дѣйствительно, ему адресовалъ Петрарка знаменитое письмо о восхожденіи на Mont Ventoux, въ которомъ съ такой рельефностью изображены результаты самонаблюденія[4]). Живя при дворѣ Роберта, Діониджи покровительствовалъ не только первому гуманисту, но и Боккаччіо[5]). Наконецъ, въ пользу его гуманистическаго направленія говорятъ его сочиненія. Профессоръ богословія и философіи писалъ комментаріи на Валерія Максима, на метаморфозы Овидія[6]), на сочиненія Виргилія, на трагедіи Сенеки, на политику Аристотеля и только на одно посланіе ап. Павла къ Римлянамъ. Послѣднее сочиненіе не издано и рѣдко встрѣчается въ рукописяхъ, тогда какъ комментаріи на древнихъ писателей, весьма рано напечатанные, судя по количеству рукописей, пользовались широкой извѣстностью[7]). Миттарелли напечаталъ предисловіе Діониджи къ его комментаріямъ на Валерія Максима, посвященнымъ кардиналу Дж. Колонна, и этотъ отрывокъ бросаетъ нѣкоторый свѣтъ на ученость автора. Діониджи считаетъ В. Максима очень полезнымъ писателемъ для пріобрѣтенія практической мудрости[8]); поэтому онъ считаетъ необходимымъ разъяснить и дополнить его сочиненіе, при чемъ перечисляетъ свои источники, между которыми фигурируетъ „преимущественно" Ливій, а также Цицеронъ, Светоній, Виргилій, Горацій, Платонъ, Аристотель и другіе древніе писатели; но на ряду съ ними отцы церкви, Боэцій, Аверроэсъ, Авицена, другіе средневѣковые писатели и средне-

---

[1]) De-Sade, Mémoires, I, p. 233.

[2]) Поэтому разсказъ де-Сада, отвергнутый Тирабоски, въ общемъ признаетъ Кёртингъ, хотя и съ оговоркой (l. c.).

[3]) По мнѣнію Гейгера, Dionigi rief eine volkommene Umwälzung in Petraca's Gesinnung (p. 59), что, по меньшей мѣрѣ, бездоказательно.

[4]) Epist. fam. VI, 1.

[5]) Körting, Boccaccio's Leben, p. 147.

[6]) Вмѣстѣ съ другими толкованіями они были внесены Климентомъ VIII въ индексъ запрещенныхъ книгъ (Tirab., V, p. 191).

[7]) Тирабоски видѣлъ изданіе комментарій безъ даты; по характеру печати онъ относитъ его къ 1470—75 году. Storia p. 190. Тамъ же о рукописяхъ.

[8]) Prudentia, которую авторъ опредѣляетъ такъ: ad vitae humanae praecavendas insidias et hominum versutias discernendas virtus. *Mittarelli, Bibliotheca codicum manuscriptorum monasterii S. Michaelis Venetiarum prope Murianum. Venetiis MDCCLXXIX, col. 1174.*

вѣковыя хроники[1]). Несмотря на столь пеструю смѣсь авторитетовъ, комментаріи пользовались, повидимому, нѣкоторою извѣстностью у гуманистовъ. По крайней мѣрѣ, они были въ библіотекѣ Гаспарино да Барцицца[2]).

Изъ новыхъ писателей только Фогтъ посвящаетъ нѣсколько строкъ гуманистической дѣятельности Діониджи. Комментаріи остались ему неизвѣстны[3]), кромѣ напечатаннаго у Миттарели предисловія. Съ его предположеніемъ, что объясненія къ остальнымъ писателямъ были лекціи, распространенныя позже слушателями, трудно согласиться, потому что его единственное основаніе — преподавательская дѣятельность Діониджи въ Неаполѣ — неизвѣстно откуда заимствовано авторомъ. „Во всякомъ случаѣ, говоритъ Фогтъ, на зарѣ гуманистическаго движенія онъ первый занимался въ университетѣ толкованіемъ классиковъ въ большомъ объемѣ"[4]). Но какъ бы то ни было, комментаріи Діониджи служатъ проявленіемъ гуманистическаго духа и его литературная дѣятельность заслуживаетъ изслѣдованія. Болѣе сомнительна принадлежность къ гуманистическому направленію другого придворнаго астролога, генуэзца *Andalò di Negro*[5]). Правда, Боккаччіо, его ученикъ, говоритъ съ глубокимъ уваженіемъ о Негро; но всѣ похвалы относятся исключительно къ его математическимъ свѣдѣніямъ и астрологической опытности[6]). Негро писалъ очень много, но исключительно по своей спеціальности[7]), и въ этой области онъ вполнѣ раздѣлялъ всѣ тогдашніе астрологическіе предразсудки[8]). Приписываемыя ему стихотворенія не находятъ никакого подтвержденія[9]), и Боккаччіо, часто ссылаясь на своего учителя въ своихъ сочиненіяхъ, нигдѣ не упоминаетъ о его поэзіи[10]).

---

1) Ibid. coll. 1174—75. Юлій Цезарь отнесенъ при перечисленіи источниковъ къ поэтамъ.

2) Ibid. coll. 1175.

3) О существованіи печатнаго изданія онъ не знаетъ и рукописей, по собственному признанію, не видалъ. Wiederbelebung, I, p. 454 и II, p. 393.

4) Ibid. II, p. 392.

5) Свѣдѣнія о немъ у Tiraboschi, V, p. 281—283 и у *Cornelio de Simone e Baldassare Buoncompagni, Intorno alla vita ed ai lavori di Andalò di Negro. Roma 1874.*

6) Genealogia, XV, 6. Ср. De casibus III, 1.

7) Тирабоски называетъ слѣдующія его сочиненія. *Tractatus de sphera: theorica planetarum. Expositio in canones Profacii Judaei de Aequationibus planetarum: introductio ad judicia astrologica. De compositione astrolabii* (V, p. 282).

8) См. Hortis, Studj, p. 516—17.

9) Tiraboschi, l. c.

10) Hortis, l. c.

Особенно много находилось при дворѣ Роберта юристовъ, большинство которыхъ вполнѣ принадлежитъ къ старому направленію. Сюда относятся средневѣковыя знаменитости: *Bartolomeo da Capoa, Andrea d'Isernia, Nicolò Spinello* и масса второстепенныхъ[1]). Но нѣкоторыя изъ этихъ знаменитостей обнаруживаютъ несомнѣнные признаки новаго направленія. Таковъ, во-первыхъ, неаполитанскій профессоръ-юристъ и послѣ папскій секретарь *Лука делла Пенна*, авторъ нѣсколькихъ юридическихъ сочиненій по римскому и мѣстному праву[2]). Пенна, изучая римскую литературу, письмомъ спрашивалъ Петрарку, нѣтъ ли у него какихъ-либо неизвѣстныхъ тогда сочиненій Цицерона и получилъ въ отвѣтъ длинный разсказъ перваго гуманиста, какъ онъ собиралъ произведенія любимаго автора и какъ утратилъ его трактатъ De Gloria[3]). По своимъ произведеніямъ Пенна принадлежитъ къ средневѣковому направленію: его, Д'Изерніа и Спинелло „такъ уважали, какъ человѣческую троицу"[4]); но интересъ къ древней литературѣ сказался и на его сочиненіяхъ: они выгодно отличаются отъ современныхъ юридическихъ трактатовъ и системой изложенія, и стилемъ; „по методу и по ясности изложенія онъ далеко оставляетъ за собою Андреа Д'Изерніа", говоритъ одинъ компетентный критикъ[5]). Такимъ же характеромъ отличался другой юристъ, *Nicolo Alunno d'Alife*, секретарь королевской канцеляріи при Робертѣ и замѣщавшій при Джіованнѣ I должность великаго канцлера[6]). Петрарка посвятилъ ему два стихотворныхъ посланія и въ нѣсколькихъ письмахъ называетъ его своимъ другомъ[7]). Есть извѣстіе, что Алифе былъ писателемъ и составилъ хронику своего времени[8]); но его произведенія остаются совершенно неизвѣстными.

Съ большей или меньшей ясностью обнаруживаются гуманистическія наклонности и у другихъ придворныхъ Роберта, сколько-нибудь причастныхъ къ литературѣ и наукѣ. Сюда относится одинъ изъ его библіотекарей *Паоло Перуджино* (Paulus Perusinus † 1348)[9]).

---

[1]) См. о нихъ Giannone, l. c., p. 46 и слѣд., Tiraboschi, V, p. 428 и слѣд.

[2]) Свѣдѣнія о немъ у Giannone, p. 52 и у Fracassetti, Lett. senil. II, p. 468.

[3]) Epist. senil. XVI, 1.

[4]) Giannone, p. 52.

[5]) Ibid.

[6]) Свѣдѣнія о немъ у Giannone, p. 47 и гораздо обстоятельнѣе, хотя чисто фактическаго характера, у Faraglia, p. 336—338.

[7]) Epist. famil. XII, 3 и Variae 49.

[8]) Faraglia, p. 337.

[9]) О другомъ библіотекарѣ *Pietro di Budetto* нѣтъ никакихъ свѣдѣній (Ibid. p. 320).

Долгое время наши свѣдѣнія о немъ ограничивались нѣсколькими фактами, сообщенными Боккаччіо[1]), по словамъ котораго Перуджино написалъ „огромную книгу“ подъ заглавіемъ *Collectiones*. Среди разнообразнаго содержанія этого сочиненія находились свѣдѣнія о языческихъ богахъ, которыя авторъ собралъ не только изъ латинскихъ авторовъ, но также съ помощію Варлаама и изъ греческихъ. Боккаччіо, по собственному признанію, „въ молодости много черпалъ изъ нея болѣе съ жадностью, чѣмъ съ пониманіемъ“. Позже „по винѣ безстыдной супруги“ Перуджино, Біеллы, сочиненіе было утрачено[2]), и самъ авторъ, по смерти Роберта, впалъ въ крайнюю бѣдность, изъ которой его избавила Джіованна I, давши ему мѣсто нотаріуса. До сихъ поръ не найдено никакихъ слѣдовъ утраченнаго сочиненія Перуджино, но Гортисъ издалъ извлеченіе изъ него о генеалогіи боговъ, сдѣланное самимъ авторомъ[3]). Этотъ чрезвычайно жалкій и по стилю, и по содержанію образчикъ учености королевскаго библіотекаря стоитъ несравненно ниже аналогичнаго сочиненія Боккаччіо[4]) и обнаруживаетъ большое желаніе автора освѣжить старую ученость новыми источниками и полное безсиліе справиться съ этой задачей.

Есть нѣкоторое основаніе предположить, что гуманистическіе интересы до извѣстной степени раздѣлялъ придворный Роберта *Giovanni Barrili*, хотя о немъ нѣтъ почти никакихъ свѣдѣній[5]). Онъ былъ юристъ и поэтъ и близкій человѣкъ короля, который послалъ его своимъ замѣстителемъ при коронованіи Петрарки. Его стихотворенія неизвѣстны; но о его интересахъ можно судить потому, что Петрарка посвятилъ ему нѣсколько поэтическихъ посланій и въ одномъ письмѣ къ нему излагаетъ ученіе Платона[6]). Боккаччіо также упоминаетъ о Баррили въ Генеалогіи и называетъ его человѣкомъ „великаго ума“[7]). Но самымъ замѣтнымъ дѣятелемъ въ новомъ направленіи

---

1) Genealogia XV, 6. Ср. Körting, Boccaccio's Leben, p. 145. Voigt, I, p. 453. Нѣсколько новыхъ біографическихъ данныхъ извлекъ изъ неизданныхъ документовъ Faraglia (l. c. p. 320 и слѣд.).

2) Genealogia, l. c.

3) *Liber geonologie (sic) tam hominum, quam deorum secundum Paulum de Perusio*. Hortis, Studj, p. 525 и слѣд.

4) См. обстоятельный разборъ отрывка и сравненіе съ книгой Боккаччіо у Hortis'a (l. c., p. 494–98).

5) Болѣе всего у Hortis'a (Studj, p. 515) и *Faraglia, I due amici del Petrarca Giovanni Barrili e Marco Barbato Sulmonese*. (Въ Archivio della Società storica per le provincie napoletane. IX).

6) Epistol. famil. XII, 14.

7) Genealogia XIV, 19.

изъ придворныхъ Роберта былъ сынъ сульмонскаго нотаріуса *Barbato da Sulmona* († около 1363). Переписка Петрарки не оставляетъ никакого сомнѣнія относительно интересовъ Барбато. Первый гуманистъ высоко ставитъ его талантъ ученость и стиль[1]). Какъ поэта, онъ предпочитаетъ его Овидію и потому не только посвятилъ ему собраніе своихъ поэтическихъ посланій[2]), но и позволилъ списать 34 стиха изъ Африки[3]). Барбато платилъ за это Петраркѣ глубокимъ уваженіемъ и тщательно собиралъ его письма[4]). Къ сожалѣнію, наши свѣдѣнія о Барбато довольно скудны. Біографы Петрарки ограничиваются обыкновенно передачей тѣхъ немногихъ извѣстій, которыя Фракассетти извлекъ изъ писемъ перваго гуманиста[5]). Стихотворенія Барбато до сихъ поръ не отысканы[6]). Изъ его произведеній извѣстны только письмо къ Монтефорте, которому авторъ послалъ на исправленіе свой комментарій на письмо Петрарки къ Аччайуоли (Famil. XII. 2)[7]). Въ 1889 г. Фараліа, собравшій наиболѣе обстоятельныя фактическія свѣдѣнія о Барбато, напечаталъ и часть этого комментарія[8]). Эти незначительныя остатки литературной дѣятельности неаполитанскаго гуманиста имѣютъ болѣе важное значеніе для біографіи Петрарки, чѣмъ для характеристики ихъ автора. Барбато чувствуетъ восторжен-

---

1) Nihil mitius, пишетъ Петрарка послѣ его смерти, nihil integrius nihilque candidius sol vidit: nihil amantius litterarum, quibus ut lautissimis viscebatur cibis... Ad haec et ingenio acer, et stilo dulcis, et doctrina uber et memoria promptus fuit. Epist. senil. III, 4.

2) Ibid.

3) Epist. senil. II, 1.

4) Epist. variae 22.

5) Lett. famil. I, 522—23. Ср. Körting, p. 164—165. Хотя еще въ 1838 г. появились *Trasmondo, Cenni biografici di Marco Francesco Barbato cavaliere sulmonese nel secolo XIV. Roma,* но сочиненіе не заключало ничего новаго и написано безъ критики.

6) По словамъ Торрі, стихотворенія находились въ сульмонскомъ монастырѣ св. Николая; монастырская библіотека перешла потомъ въ Неаполь, но стихотворенія Барбато исчезли. Faraglia, p. 349.

7) *Lettera inedita di Marco Barbato a Pietro di Monteforte.* У Hortis, Studj p. 347—348 Faraglia отрицаетъ, что Барбато звали Marco или Francesco; онъ просто называется въ документахъ Barbato di Jacopo (p. 313). Гортисъ говоритъ въ другомъ мѣстѣ: altre cose inedite tengo di lui che publicherò in altra occasione (p. 272). Сколько мнѣ извѣстно, обѣщаніе осталось неисполненнымъ.

8) *Expositio Epistolae, „Jam tanden“.* L. c. p. 353 и слѣд. Тамъ же напечатано *Testamento di Barbato* (p. 349).

ное благоговѣніе къ первому гуманисту[1]) и комментируетъ его письмо, какъ произведеніе классическаго писателя[2]).

Послѣ смерти Роберта Неаполь переживалъ чрезвычайно тяжелыя времена. Крайне распущенный дворъ[3]) не имѣлъ никакого авторитета въ государствѣ. Многочисленные представители выродившейся династіи, по большей части несовершеннолѣтніе, но уже обладавшіе пороками всѣхъ возрастовъ, вели между собою скрытую и явную борьбу, которая навлекала на страну всѣ бѣдствія иноплеменнаго нашествія и внутренней анархіи[4]). Одинъ только короткій хронологическій перечень главныхъ событій до смерти Владислава (1414) даетъ наглядное объясненіе жалобъ первыхъ гуманистовъ на состояніе Неаполя[5]) и общаго упадка тамъ культуры за этотъ періодъ[6]). Наслѣдница Роберта, его 16-лѣтняя внучка Джіованна I не ладила съ своимъ мужемъ, который былъ на нѣсколько мѣсяцевъ старше королевы, и съ мужемъ своей сестры Карломъ, герцогомъ Дураццо, и у каждой изъ враждующихъ сторонъ были свои враги и приверженцы въ мѣстной знати. Андрей, герцогъ Калабрійскій, мужъ королевы, несмотря на свое десятилѣтнее пребываніе при дворѣ Роберта, сумѣлъ остаться полудикимъ венгромъ и заплатилъ насильственною смертью за свою неумѣлость и необузданность (1345). Это преступленіе только обострило вражду партій королевы и Карла; а въ то же время Людовикъ Венгерскій изъявилъ притязаніе на Неаполь въ качествѣ защитника интересовъ своего маленькаго племянника, сына убитаго Андрея, и по-

[1]) Въ письмѣ къ Monteforte онъ говоритъ, напр., tanti vatis eloquia, tam profundis misteriis gravida, tam altis referta sententiis etc. Hortis, p. 347. Expositio начинается длиннымъ панегирикомъ Петраркѣ, при чемъ Барбато выписываетъ всѣ мѣста изъ переписки, гдѣ говорится о дружбѣ къ нему перваго гуманиста. Faraglia, p. 353, 354.

[2]) Толкованіе касается иногда этимологическаго значенія слова, иногда смысла выраженія въ данномъ мѣстѣ. Напр. *Vir clarissimus* — ubi sciendum, quod clari seu clarissimi viri non dicuntur, quod claritas sit in eis; clarum enim a coelo, in quo est claritas dicetur, unde proprie dicimus: claram diem, sed dicuntur clari viri, qui per eorum gesta magnalia in remotis civitatibus clarere etc. Или: *Superbiam vicit humilitas* — per superbiam intelligitur rex Ungariae, qui superbe regnum invaserat, et per humilitatem regina Iohanna et rex Ludovicus, qui regno profugi ad Sanctitatis Apostolicae pedes humillime confugerunt. Ibid. p. 355.

[3]) Cette cour, la plus policée comme aussi la plus corrompue de l'Europe. Sismondi, IV, p. 48.

[4]) См. превосходную характеристику состоянія Неаполя за этотъ періодъ у Sismondi, V, p. 176—179. Ср. Leo, IV, 662—663.

[5]) См. Petrarca, Epist. famil. V, 3, VI, 5, VII, 1 и passim. Epist. senil. X, 2. Ср. Ecloga II, см. выше, p. 267. Boccaccio, Эклоги см. выше, p. 463 и слѣд.

[6]) Giannone, IV, p. 54—55.

требовалъ удаленія его матери. Нѣкоторые города возстали противъ Джіованны, въ другихъ шла ожесточенная борьба партій, и все государство находилось въ состояніи анархіи. Въ 1347 году Джіованна вступила въ бракъ съ Людовикомъ Тарентскимъ, что не уничтожило смутъ и вызвало походъ венгерскаго короля на Неаполь. Въ 1348 году Джіованна убѣжала съ мужемъ въ Провансъ, а Людовикъ Венгерскій захватилъ Неаполь, казнилъ Карла Дураццо и удалился въ Венгрію, оставивъ въ Италіи намѣстниковъ и гарнизоны. Къ суровому хищничеству венгровъ въ томъ же году присоединилась междоусобная война: королева съ помощью итальянскихъ и нѣмецкихъ кондотьеровъ начала возвращать свои владѣнія, и оба враждебныя войска были одинаково враждебны населенію. Такъ дѣло шло до 1352 года, когда былъ заключенъ миръ, и венгры удалились изъ Италіи. Но положеніе государства продолжало оставаться ужаснымъ: бароны, у которыхъ дворъ не имѣлъ никакого авторитета, наняли освободившихся кондотьеровъ и съ ихъ помощью громили другъ друга. Скоро къ этимъ бѣдствіямъ присоединились новыя: въ 1353 году Людовикъ Венгерскій отпустилъ въ Италію захваченныхъ имъ принцевъ изъ дома Дураццо, и, вернувшись въ Неаполь въ 1354 году, они начали враждебныя дѣйствія противъ тарентской партіи. Въ борьбу вмѣшался папа и наложилъ интердиктъ на Неаполь. Болѣе спокойныя времена наступили только съ 1362 года, когда Людовикъ Тарентскій умеръ и королева вступила въ третій бракъ съ Іаковомъ, номинальнымъ королемъ Майорки: Джіованна постарѣла, ея мужъ по большей части отсутствовалъ, принцы Тарентскаго дома почти всѣ перемерли, а изъ дома Дураццо получили надежду на престолъ послѣ смерти королевы, потерявшей всѣхъ своихъ дѣтей. Внутреннія безпорядки и мелкія междоусобія происходили; не было, по крайней мѣрѣ, безпрерывной войны. Но и это сравнительно спокойное время продолжалось недолго: въ 1374 году умеръ третій мужъ королевы, и она вступила въ 1376 году въ четвертый бракъ съ Отто Брауншвейгскимъ. Въ концѣ 70-хъ годовъ Джіованна поссорилась съ Урбаномъ VI, и онъ лишилъ ее престола и вооружилъ противъ нея Карла Дураццо младшаго, мужа принцессы Маргариты, которую королева назначила было своей преемницей. Тогда Джіованна измѣнила свое рѣшеніе: усыновила герцога Людовика Анжуйскаго и назначила его своимъ наслѣдникомъ (1380). Между обоими претендентами начинается борьба, во время которой Карлъ приказалъ задушить Джіованну (1382). Борьба не стихла и послѣ смерти обоихъ противниковъ (Людовикъ умеръ въ 1384, Карлъ въ 1386). Жена Людовика, Марія Блуаская, захвативши Провансъ именемъ своего не-

совершеннолѣтняго сына Людовика II, рѣшила отнять и Неаполь у малолѣтняго Владислава, сына Карла. Эта задача облегчалась тѣмъ, что правленіе королевы Маргариты, матери Владислава, было крайне неудовлетворительно. Тѣмъ не менѣе борьба, начавшаяся въ 1387 году, почти безпрерывно продолжалась до 1400, когда, наконецъ, Владиславу удалось вытѣснить своего противника изъ Италіи. Но и первая четверть XV вѣка прошла также бурно: кромѣ усмиренія собственныхъ бароновъ, Владиславу до самой смерти (1414) пришлось вести упорную войну съ папами[1]). Правленіе его сестры Джіованны II было также обильно смутами, и для Неаполя настали лучшія времена только съ вступленіемъ на престолъ Альфонса Аррагонскаго.

Итакъ политическое положеніе Неаполя послѣ смерти Роберта было неблагопріятно для какого бы то ни было культурнаго развитія. Тѣмъ не менѣе гуманистическое движеніе обнаруживаетъ слѣды въ Неаполѣ и за этотъ періодъ. Настроеніе, господствовавшее при дворѣ юной королевы, было въ общемъ благопріятно для гуманистическихъ стремленій; кромѣ того, многіе изъ придворныхъ ученыхъ ея дѣда сохранили и при ней свое положеніе. Д'Алифе и Баррили служили Джіованнѣ; ея милостями пользовался Паоло да Перуджіа, и Барбато, хотя удалился на родину, тѣмъ не менѣе сохранялъ связи съ дворомъ. На ряду съ ними появляются новые люди съ гуманистическими наклонностями. Таковъ, во-первыхъ, придворный юристъ Джіованны *Pietro Piccolo di Monteforte*[2]). Его произведенія посвящены исключительно его спеціальности[3]); но изъ адресованнаго ему письма Боккаччіо видно, что Монтефорте пользовался большимъ уваженіемъ со стороны автора Декамерона[4]). Ему же, какъ мы видѣли, послалъ на исправленіе Барбато свой комментарій на письмо Петрарки. Длинное посланіе Боккачіо, составляющее отвѣтъ на письмо Монтефорте, бросаетъ нѣкоторый свѣтъ на воззрѣнія этого послѣдняго. Монтефорте недоволенъ Петраркой, что онъ не издаетъ Африки и осыпаетъ похвалами Генеалогію[5]), хотя дѣлаетъ странный упрекъ

---

[1]) Leo, IV, p. 662 и слѣд. Sismondi, IV, 46—57; 100—107; 133—137; 244—245; 466—467. V, 41—44; 176—179; 270—79. Cipolla, p. 97—114; 278 и слѣд.

[2]) Свѣдѣнія о немъ у Faraglia, l. c. p. 343—345.

[3]) Его сочиненія приведены у Faraglia (l. c., p. 344).

[4]) Боккаччіо называетъ его между прочимъ eloquentissimum virum, elegantia celebrem, fama illustrem, moribus conspicuum, virtutibus clarum, inter egregios viros predicantem, ampliantem et extollentem pro viribus nomen meum et meas laudes, ut meritas, totis nisibus referentem. Coraz, p. 351. См. о немъ выше, p. 452.

[5]) Барбато называетъ его въ своемъ письмѣ: amplissimus Pyeridum hospes. (Hortis, p. 347).

Боккаччіо, что онъ не слѣдовалъ въ своей книгѣ священному Писанію[1]). Боккаччіо усердно защищаетъ своего наставника, оправдываетъ и свою книгу[2]), но готовъ подвергнуться всякой цензурѣ Монтефорте[3]).

Другой придворный Джіованны, *Ugo da Sanseverino,* принадлежавшій къ одной изъ самыхъ знатныхъ фамилій въ Неаполѣ[4]), стоялъ въ близкихъ отношеніяхъ къ обоимъ родоначальникамъ Возрожденія. Изъ писемъ къ нему Петрарки[5]) видно, что Уго старался, хотя и безуспѣшно, снискать первому гуманисту милости королевы и готовъ былъ служить ему, чѣмъ могъ. Боккаччіо въ своей перепискѣ говоритъ, что Уго старался получше устроить и его въ Неаполѣ[6]) и такъ интересовался его латинскими произведеніями, что добылъ Генеалогію раньше ея окончательной отдѣлки[7]). Видное мѣсто при дворѣ Джіованны занималъ *Майнардо деи Кавальканти* († 1380)[8]), покровитель Боккаччіо, который, кромѣ двухъ писемъ[9]), посвятилъ ему свое сочиненіе „О несчастіяхъ знаменитыхъ людей". Майнардо не былъ писателемъ, но Боккаччіо свидѣтельствуетъ о его интересахъ къ ученой дѣятельности и о его расположеніи къ новымъ философамъ[10]).

Со времени брака Джіованны съ Людовикомъ Тарентскимъ и до смерти этого послѣдняго первую роль при Неаполитанскомъ дворѣ

---

[1]) Упрекъ выраженъ очень неясно: Scribis praeterca, говоритъ Боккаччіо, a me separatum librum animem, ut sacrorum voluminum bibliothecam securus ingrediar, dum duxeris, quasi a sacrosancta religione alienus horreat sacra. У Coraz., p. 353.

[2]) Non inficiar de alieni a christiana religione fere totus est (т.-е. liber), sed non earundem cultor; quin imo persaepe, si memini in detestationem gentilitiae superstitionis exclamat, ut hostis, et christiani nominis veritatem extollit pro viribus. Ibid. p. 353—54.

[3]) Tamen si sic faciendum censes, ultro volensque jubeo, eidem impero, mando, precipioque, ut ea omnia prompto animo, laeto, liberali atque obsequioso faciat, quod tu ipse bonique caeteri viri voluerint nec nedum sacra intret armaria verum carceres catenasque, si jusseris, renuat. Ibid. p. 354.

[4]) Незначительныя свѣдѣнія о немъ у Fracas. Lett. fam. V, p. 82 и у Hortis, Studj, p. 289—90.

[5]) Epist. famil. XXIII, 17, senil. XI, 9.

[6]) Coraz., p. 189.

[7]) Ibid. p. 352.

[8]) Свѣдѣнія о немъ у Hortis, Studj, p. 294.

[9]) См. выше, p. 452.

[10]) Praeterea is, esto plene philosophicis eruditus non sit, amantissimus tamen studiorum est et probatorum hominum praecipuus cultor atque eorum operum solertissimus indagator. У Вселовскаго, p. 24.

играетъ одна изъ интереснѣйшихъ личностей XIV столѣтія — *Niccola Acciaiuoli* (1310—1365). Флорентійскій купецъ, одно время регентъ и весьма долго великій сенешаль и фактическій правитель Неаполя, Аччайуоли привлекъ къ себѣ вниманіе гуманистовъ и хотѣлъ играть роль мецената. Изъ переписки Петрарки и Боккаччіо видно, что оба гуманиста относились сначала съ глубокимъ почтеніемъ къ Аччайуоли, который въ свою очередь приглашалъ ихъ поселиться при своемъ дворѣ. Кромѣ того, въ близкихъ сношеніяхъ съ нимъ стояли мѣстные сторонники новаго направленія, какъ Д'Алифе, Баррили, Барбато и ранніе флорентійскіе гуманисты, какъ Дзаноби да Страда и Франческо Нелли, о которомъ будетъ рѣчь ниже. Но Аччайуоли не умѣлъ ладить съ представителями новаго направленія: Петрарка не переселился въ Неаполь; Дзаноби, который ему былъ обязанъ за свое поэтическое коронованіе, ушелъ отъ него на службу въ курію; Баррили съ нимъ поссорился, а Боккаччіо написалъ противъ него настоящую инвективу[1]). Поэтому является вопросъ, происходилъ ли этотъ разладъ отъ личныхъ недостатковъ неаполитанскаго временщика или отъ слабаго сочувствія его новому движенію. Аччайуоли не былъ писателемъ, хотя Боккаччіо упоминаетъ объ одномъ его сочиненіи на французскомъ языкѣ[2]). До насъ дошли только два его письма, написанныя очень плохимъ итальянскимъ языкомъ, но весьма характерныя по содержанію. Одно изъ нихъ вызвано смертью Дзаноби и представляетъ собою панегирикъ покойному. Великій сенешаль съ гордостью говоритъ о своей дружбѣ съ флорентійскимъ грамматикомъ[3]) и вообще высоко цѣнитъ личное знакомство съ учеными[4]). Собрать у себя всѣ его сочиненія — страстное желаніе Аччайуоли, и этотъ культъ дружбы вообще и дружбы къ писателю въ особенности не единственная черта новыхъ нравовъ въ письмѣ сенешаля. Онъ обнаруживаетъ нѣкоторую начитанность въ античной

---

[1]) См. выше, p. 460—62. Объ отношеніяхъ Acciaiuoli къ ученымъ см. *Tanfani, Niccola Acciaiuoli. Studi storici fatti principalmente sui documenti dell'archivio fiorentino. Firenze 1863*, p. 89—94; 101—103; 141—144. Ср. Voigt, I, p. 455 и слѣд.

[2]) Scripse in Francesco *de'fatti de'cavalieri del santo spedito*, in quello stile che già per addietro scripsono alcuni della Tavola ritonda. Epist. a Fr. Nelli. Coraz., p. 161.

[3]) Nullo dono io ò ricievuto in questo mondo simile a quello che fortuna me fecie chosì chongiungiere alla amicizia di tanto e tale huomo. *Lettera a Landolfo notaro per la morte di Zanobi da Strada* Напечатана у Tanfani, p. 201 и слѣд. Развитіе этой мысли составляетъ главное содержаніе письма.

[4]) Nulla maiore richezza si puote abere in questo mondo che di abere chonoscienza di huomo chonosciente, Senecha testante. Ibid. p. 203.

литературѣ, цитируя Сенеку и перечисляя всѣхъ знаменитыхъ друзей древняго міра, какъ Ахилъ и Патроклъ, Низусъ и Эвріалъ и другіе[1]). Письмо къ сыну характерно въ другомъ отношеніи: оно представляетъ собою автобіографію, правда, внѣшнюю, но написанную въ весьма задушевномъ тонѣ[2]). Изъ письма къ нему Петрарки видно, что, созывая ученыхъ, Аччайуоли имѣлъ въ виду основать „Парнасъ" въ Неаполѣ[3]). Въ виду этого едва ли можно придавать особое значеніе словамъ Боккаччіо, который въ своей инвективѣ утверждаетъ, что Аччайуоли былъ „врагомъ музъ"[4]).

Оригинальная личность Неаполитанскаго сенешаля изъ флорентійскихъ купцовъ привлекла къ себѣ вниманіе современниковъ и ближайшаго потомства. Филиппо Виллани отвелъ ему мѣсто среди флорентійскихъ знаменитостей; но его очеркъ носитъ чисто фактическій характеръ[5]). Такого же содержанія біографія Аччайуоли, написанная гуманистомъ XV вѣка *Маттео Пальмьери*[6]), который отмѣчаетъ его благочестивую щедрость къ монастырямъ[7]) и обходитъ молчаніемъ его отношеніе къ наукѣ. Весьма немного говоритъ объ этомъ и новѣйшій, самый обстоятельный біографъ великаго сенешаля — Танфани. Ему не удалось найти никакихъ свѣдѣній о воспитаніи и учителяхъ Аччайуоли. О его міросозерцаніи біографъ говоритъ очень мало. „Я не могъ бы утверждать, что Аччайуоли направлялъ разумъ на изученіе философіи, говоритъ Танфани, но, мнѣ кажется, можно сказать, что эклектическая мудрость римлянъ вполнѣ подходила бы къ его натурѣ, такъ какъ онъ преимущественно стремился къ практическимъ цѣлямъ жизни. Несомнѣнно, что онъ читалъ Сенеку и что всегда показывалъ желаніе практически сообразоваться съ стоической доктриной о господствѣ души надъ тѣломъ. Но при этомъ честолюбивое стремленіе показать другимъ свое величіе приводило его къ преувеличеніямъ. Поэтому его поведеніе получило печать гордости по отношенію къ низшимъ и даже по отношенію къ друзьямъ... хотя, можетъ быть, это и не было свойственно его натурѣ"[8]). Танфани въ доказательство стоицизма Аччайуоли цитируетъ Пальмьери, который говоритъ, что сенешаль

---

[1]) Ibid. p. 202.

[2]) *Lettera ad Angelo*. Ibid. p. 211—234.

[3]) Petrarca, Epist. famil. XIII, 9.

[4]) Coraz., l. c., p. 161.

[5]) У Galletti, p. 39 и слѣд.

[6]) *Matthaei Palmerii Florentini, De vita et rebus gestis Nicolai Acciajoli Florentini, Magni Apuliae Senescalci ab anno MCCCX usque ad annum MCCCLXVI Commentarius.* У Muratori, Scriptores, XIII, col. 1201 и слѣд.

[7]) Ibid. coll. 1228—30.

[8]) Tanfani, p. 95—96.

тщательно исполнялъ посты, а это едва ли можно признать убѣдительнымъ аргументомъ. Точно такъ же изъ ученія Сенеки нельзя вывести оправданія высокомѣрнаго обращенія съ кѣмъ бы то ни было. Съ другой стороны, причины меценатства Аччайуоли не вполнѣ ясны для Танфани. „Воспоминаніе о блескѣ, который придалъ своему двору король Робертъ говоритъ онъ, и, *можетъ быть,* благородное честолюбіе—направить пріобрѣтенный авторитетъ на пользу также и наукъ, *или* потребность подкрѣпить свой духъ, послѣ столь великихъ бурь фортуны, близостью съ учеными людьми своего времени, заставляли его ощущать желаніе быть окруженнымъ избранными умами“ [1]). Танфани не называетъ даже въ ряду гипотетическихъ причинъ меценатства Аччайуоли его внутренняго родства съ новымъ движеніемъ, хотя не вполнѣ удавшійся „Парнасъ“ въ Неаполѣ имѣлъ опредѣленную окраску. Кромѣ того, есть основаніе предполагать, что еще во Флоренціи будущій сенешаль слылъ меценатомъ [2]), такъ что примѣръ Роберта едва ли имѣлъ на него особенно сильное вліяніе. Иначе относится къ Аччайуоли Фогтъ. По его мнѣнію, неаполитанскій сенешаль принесъ съ собой гуманистическія наклонности изъ Флоренціи, чѣмъ лучше всего объясняется его меценатство, и коротенькій очеркъ Фогта — самая лучшая до сихъ поръ характеристика отношенія Аччайуоли къ гуманизму [3]).

Въ концѣ XIV и въ первой четверти XV столѣтія при неаполитанскомъ дворѣ незамѣтно но одного представителя новаго движенія, а въ неаполитанскомъ обществѣ оно не было сильно и ранѣе Университетъ, повидимому, не игралъ никакой роли въ движеніи; мѣстные архіепископы точно также не обнаруживали къ нему интереса [4]). Изъ мѣстнаго дворянства мы знаемъ только *Guglielmo Maramaldo,* подражавшаго итальянской поэзіи Петрарки, который адресовалъ ему два старческихъ письма въ весьма дружественномъ тонѣ [5]). Въ концѣ

---

[1]) Ibid. p. 90.

[2]) Voigt, I, p. 183.

[3]) Ibid. p. 455—60. Фогтъ преувеличиваетъ только вліяніе на Аччайуоли Петрарки. По его словамъ, Аччайуоли entfremdete sich bald dem florentinischen Vaterlande, um als Groszseneschall des Reiches Neapel den Prunk zu pflegen, *zu dem er einst durch Berührung mit dem Groszgeiste Petrarca angeregt worden* (Ibid. p. 290), положеніе, для подтвержденія котораго едва ли можно привести какіе-нибудь факты.

[4]) Ughelli, l. c., VI, col. 119 и слѣд. Угелли приводитъ здѣсь нѣсколько грамотъ Роберта къ современнымъ ему архіепископамъ, и эти граматы указываютъ на его близость съ представителями средневѣковой церкви.

[5]) Незначительныя свѣдѣнія о немъ у Fracass., Lett senil. II, p. 157 и у Faraglia, Barbato di Sulmona, p. 331—333. Нѣкоторыя его стихотворенія

XIV столѣтія поселился на родинѣ служившій при куріи неаполитанскій гражданинъ *Giovanni Moccia*, авторъ нѣсколькихъ стихотвореній и панегирика въ честь Салютати[1]). Тѣмъ не менѣе новое движеніе не заглохло въ Неаполѣ.

Фогтъ, опираясь на показаніе одного минорита, утверждаетъ, что меценатство Роберта и Аччайуоли „не оставило никакого слѣда въ неаполитанскомъ королевствѣ“[2]) и что Альфонсъ Аррагонскій вновь создалъ здѣсь гуманистическое движеніе. Но это утвержденіе нуждается въ фактической провѣркѣ. Правда, мы не знаемъ здѣсь ни одного гуманистическаго имени въ первой четверти XV вѣка, но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы ихъ не было. *Gregorio da Tiferno* держалъ здѣсь гуманистическую школу и обучалъ греческому языку знаменитаго *Gioviano Pontano* приблизительно въ то время[3]), о которомъ говоритъ цитированный Фогтомъ монахъ. Кромѣ того, изслѣдованіе *Готгейна* показываетъ, что при Альфонсѣ Аррагонскомъ гуманистическое движеніе получило силу не только при дворѣ, но и въ обществѣ[4]). Мы знаемъ, что къ половинѣ XV вѣка Неаполь сдѣлался однимъ изъ самыхъ крупныхъ центровъ гуманизма, и едва ли можно допустить, что этотъ расцвѣтъ не имѣлъ подготовительной эпохи, которая къ сожалѣнію почти совсѣмъ еще не изслѣдована.

Исторія гуманистическаго движенія въ Неаполѣ отъ Роберта Анжуйскаго до Альфонса Аррагонскаго до сихъ поръ не написана[5]), потому что для нея нужно отыскать еще источники. Но и по наличнымъ даннымъ Фараліа въ своей статьѣ о Барбато дѣлаетъ попытку

издалъ *De Blasiis, Studio intorno a Fabrizio Maramaldo.* (Въ Arch. stor. napol. 1876). Адресованныя ему письма Петрарки: senil. XI, 5 и XV, 4.

[1]) См. Tiraboschi, V, p. 820—821.

[2]) Voigt, I, p. 462. Albertus a Sarthiano въ 1433 году пишетъ Никколи omnis ea patria jacet in tenebris, nullum litterarum lumen, nulla eruditio.

[3]) См. Tiraboschi, VI, p. 1102.

[4]) *Gothein, Zur Culturentwicklung Süditaliens in Einzeldarstellungen. Breslau 1886* и изложеніе результатовъ изслѣдованій автора у *Geiger'a, Die Renaissance in Süditalien.* (Въ Vierteljahrschrift für Kultur und Litteratur der Renaissance. 1886. II. B. I. Heft, p. 1 и слѣд.).

[5]) Мѣстнымъ неаполитанскимъ писателямъ посвящено нѣсколько сочиненій: 1) *Toppi, Biblioteca Napoletana. Napoli 1675.* 2) *Tafuri, Istoria degli scrittori nati nel regno di Napoli. Napoli 1749—1755.* 3) *Minieri-Riccio, Memorie storiche degli scrittori nati nel regno di Napoli. Napoli 1845.* Но заключающіяся тамъ свѣдѣнія вошли въ общія сочиненія по исторіи итальянской литературы. Въ общихъ обзорахъ по исторіи Возрожденія изложеніе начинаютъ обыкновенно съ Альфонса Аррагонскаго (см. Geiger, Renaissance, p. 250, Villari, N. Machiavelli, p. 137) и только Фогтъ предпосылаетъ коротенькій очеркъ болѣе ранняго движенія (I, p. 455 и слѣд.).

опредѣлить причины появленія гуманизма въ Неаполѣ и указать его особенности. По его мнѣнію, раннее процвѣтаніе здѣсь гуманизма обусловливалось, во-первыхъ, первенствомъ Неаполя въ Италіи послѣ удаленія папъ въ Авиньёнъ и, во-вторыхъ, многочисленными связями съ Греціей. Южные города не прерывали торговыхъ сношеній съ Константинополемъ; базиліанскіе монахи, стоявшіе въ связи съ своими собратьями на Востокѣ, имѣли богатыя библіотеки въ Калабріи и въ Отранто; во многихъ мѣстахъ нотаріусы составляли акты на греческомъ языкѣ, и въ самомъ Неаполѣ греческіе священники служили еще въ церкви св. Дженнаро „ad diaconiam"[1]). Не слѣдуетъ забывать однако, что это чисто гипотетическіе факторы Возрожденія. До сихъ поръ не доказана *непосредственная* связь гуманизма ни съ торговымъ процвѣтаніемъ извѣстнаго центра, ни съ его сношеніями съ Востокомъ. Богатая Генуя, какъ мы увидимъ ниже, занимаетъ одно изъ послѣднихъ мѣстъ въ исторіи Ренесанса, и „владычица морей" не дала гуманизму ни одного первостепеннаго дѣятеля. Съ другой стороны, нотаріусъ нисколько не становился ближе къ Возрожденію оттого, что умѣлъ написать по-гречески дѣловую бумагу, и базиліанецъ такъ же далекъ былъ отъ гуманизма, какъ и всякій другой монахъ.

Еще менѣе можно согласиться съ той характеристикой, какую даетъ Фараліа неаполитанскому гуманизму. „Достойнѣйшій замѣчанія фактъ, говоритъ онъ, что неаполитанскіе ученые при первомъ появленіи Возрожденія (т. е. въ первой половинѣ XIV вѣка) направили свои занятія на моральную область, а столѣтіе спустя, измѣнивши путь, удалялись по преимуществу въ міръ поэтическій"[2]). Но мы знаемъ, что при дворѣ Альфонса Аррагонскаго жилъ моралистъ Валла, философъ Фаціо, что ему посвятилъ свое философское произведеніе Манетти — словомъ, что его кружокъ отличался учено-философскимъ характеромъ. Наоборотъ, при Робертѣ и его ближайшихъ преемникахъ мы не встрѣчаемъ ни одного гуманистическаго произведенія моральнаго содержанія, кромѣ королевскихъ „проповѣдей", которые не всегда трактуютъ о нравственныхъ вопросахъ и это, дѣйствительно, весьма замѣчательно. Мы видѣли, что интересъ къ моральнымъ вопросамъ — характерная черта ранняго гуманизма. Между тѣмъ *придворные гуманисты въ Неаполѣ ученые въ тѣсномъ смыслѣ слова, а не философы,* а этико-философскіе интересы появляются у нихъ только со времени Альфонса Аррагонскаго. Объясненіе этого страннаго факта, намъ

---

[1]) Faraglia, l. c., p. 325.
[2]) Ibid.

кажется, слѣдуетъ искать въ той ступени развитія, на которой находился въ это время гуманизмъ въ Неаполѣ. Мы видѣли, что Робертъ, покровительствуя ученымъ, продолжаетъ старую традицію; его ученые по своимъ занятіямъ стоятъ еще на средневѣковой почвѣ. Новое настроеніе и у короля, и у его ученыхъ не настолько сильно, чтобы оторвать ихъ отъ старой почвы и вызвать новыя занятія въ связи съ новыми стремленіями. Пенна, Алифе, Монтефорте — остаются юристами; Діониджи, Перуджино и Барбато — дѣлаютъ шагъ впередъ, изучаютъ древность, но, судя по извѣстнымъ отрывкамъ, изучаютъ ее чисто формальнымъ образомъ. Эти же отрывки показываютъ, что и самое знакомство съ древностью весьма незначительно и литературная опытность совершенно отсутствуетъ. Родоначальники гуманизма превосходятъ ихъ не только талантомъ, но и знаніями, и сравнительно съ ними придворные ученые Роберта — *недоразвившіеся гуманисты*. Ихъ родство съ Петраркой и Боккаччіо вытекало изъ сходства настроенія, но это настроеніе не дошло еще до такой сознательности, которая позволяла бы дать ему опредѣленное выраженіе въ этико-философскомъ трактатѣ[1]).

Города неаполитанской монархіи, подвергаясь наравнѣ съ столицей всѣмъ бѣдствіямъ внутреннихъ смутъ и чужеземныхъ нашествій при преемникахъ Роберта, не пользовались спокойствіемъ и при немъ самомъ, потому что король былъ безсиленъ прекратить тамъ борьбу

---

[1]) Эти строки уже были напечатаны, когда появилась интересная статья ак. *Веселовскаго, Король-книгочій* (Журн. Мин. Народ. Просвѣщ. 1891. Октябрь, p. 551—568), написанная по поводу книги Сирагузы. По словамъ автора, книга Сирагузы не приноситъ „существенно нового къ пониманію личности" Роберта, но она содержитъ интересные документы въ приложеніи: одно поученіе Роберта, письма его и папы Іоанна XXIII и отрывки изъ его разсужденія „о евангельской нищетѣ". Кромѣ того, авторъ упрекаетъ Сирагузу, за то, что онъ „не поставилъ вопроса объ источникахъ... сборника, приписываемаго рукописями Роберту, *Dicta et opiniones philosophorum*" и слишкомъ гипотетично рѣшаетъ „вопросъ объ отношеніи стихотворнаго трактата о „нравственныхъ добродѣтеляхъ" къ утраченнымъ *Moralia* Роберта". Ак. Веселовскій знакомитъ далѣе съ результатами своихъ занятій королемъ Робертомъ и сообщаетъ весьма много новыхъ и цѣнныхъ фактовъ для его характеристики. Мы отмѣтимъ только тѣ изъ нихъ, которые существенно дополняютъ наше изложеніе. Таковы во-первыхъ, выдержки изъ латинской поэмы въ честь Роберта, посвященной его сыну Убальдо Бастьяни изъ Губбіо и другіе отзывы о королѣ современниковъ (p. 553 и слѣд.), Далѣе краткій анализъ Dicta et opiniones philosophorum (p. 557), замѣтки о комментаріи Діониджи ди Борго Сансеполькро (p. 558—559), анализъ Sermones короля (p. 560), а также конецъ статьи, гдѣ идетъ рѣчь о трактатѣ короля о „евангельской бѣдности" и о его послѣднихъ эдиктахъ (p. 562 и слѣд.).

партій[1]). Можетъ быть, поэтому гуманистическое движеніе въ неаполитанской монархіи было, повидимому, весьма слабо, хотя его слѣды и замѣчаются въ нѣкоторыхъ городахъ. Такъ, епископу города *Кьети, Bartolomeo dei Papazzuri,* Петрарка адресовалъ одно письмо публицистическаго характера[2]) и въ письмахъ по другимъ адресамъ говоритъ о своей любви къ нему и называетъ его своимъ братомъ[3]). Въ *Аквилѣ* въ половинѣ XIV столѣтія жили два поэта *Boezio di Rainaldo* и *Antonio di Boezio,* но они на грубомъ итальянскомъ языкѣ составляли въ стихахъ мѣстныя хроники и поэмы о современныхъ событіяхъ, въ которыхъ не видно никакихъ слѣдовъ новаго движенія[4]). Въ *Сульмонѣ,* кромѣ Барбато, извѣстенъ его другъ, городской судья *Tommaso de Ioha,* находившійся въ дружественныхъ отношеніяхъ также и съ Монтефорте; но о его направленіи и занятіяхъ нѣтъ никакихъ свѣдѣній[5]). Весьма характерно, что на югѣ неаполитанскаго королевства, гдѣ связи съ Византіей были особенно живы, незамѣтно никакихъ слѣдовъ новаго движенія. Въ Салерно, гдѣ была медицинская школа, было много знаменитыхъ врачей и ни одного гуманиста, хотя, какъ мы видѣли, въ другихъ университетскихъ городахъ медики часто примыкали къ движенію. Въ базиліанскомъ монастырѣ св. Николая близъ Отранто существовала формальная школа греческаго языка, гдѣ ученикамъ, кромѣ безплатнаго обученія, давали столъ и квартиру. Современный Роберту аббатъ этого монастыря Никита собралъ огромную библіотеку изъ греческихъ писателей. Но книги исчезли, и изъ монастырскихъ учениковъ не вышло ни одного гуманиста[6]).

Болѣе значительные слѣды гуманистическаго движенія замѣтны въ Сициліи, хотя и она переживала одновременно съ Неаполемъ тяжелыя времена. Фридрихъ IV Аррагонскій († 1337), достойный соперникъ Роберта Неаполитанскаго, былъ одинъ изъ лучшихъ государей той эпохи. Но его преемникъ Пьетро († 1342) не умѣлъ установить порядка не только въ государствѣ, но и при своемъ дворѣ. Затѣмъ наступаютъ смутныя времена несовершеннолѣтнихъ правителей. Луиджи, сынъ Пьетро вступилъ на престолъ 4-хъ лѣтъ и умеръ 17 (1355); его преемникомъ былъ его младшій братъ Федериго († 1377), который оставилъ свой престолъ несовершеннолѣтней дочери — Маріи;

---

1) Leo, IV, p. 662.
2) Epist. famil. XII, 11.
3) Epist. senil. IV, 3. О Papazzuri см. Ughelli, VI, col. 743.
4) См. Tiraboschi, V, p. 775.
5) См. Faraglia, l. c., p. 345—346.
6) Giannone, l. c., p. 44—45.

но ея права оспаривалъ отецъ ея матери Петръ Аррагонскій. Споръ кончился бракомъ Маріи съ внукомъ Петра Мартиномъ, послѣ смерти котораго (1410) сицилійцы вновь выбрали своимъ королемъ аррагонскаго принца Фердинанда († 1416). Ни одинъ изъ этихъ государей не былъ меценатомъ въ духѣ Роберта, такъ что новое движеніе не находило поддержки сверху. Внутреннее состояніе государства также не было для него благопріятно. Сицилія вела почти непрерывную борьбу съ Неаполемъ за самостоятельное существованіе; къ этому присоединялись нападенія сарациновъ и одно время война съ Аррагоніей. Еще большимъ бѣдствіемъ была самостоятельность необузданныхъ бароновъ, которыхъ послѣ смерти Фридриха IV никто не умѣлъ держать въ повиновеніи. Эта могущественная аристократія, постоянный источникъ смутъ въ странѣ, интригами при дворѣ парализовала дѣятельность правительства и по временамъ вступала даже въ союзъ съ внѣшними врагами Сициліи[1]). Тѣмъ не менѣе первые гуманисты нашли и здѣсь покровителей и друзей. Такъ, весьма дружественныя отношенія существовали между Петраркой и его школьнымъ товарищемъ, юристомъ *Tommaso Caloria da Messina*. Біографическія данныя о немъ до того скудны и спутанны, что нѣкоторые писатели признаютъ двухъ адресатовъ Петрарки съ такимъ именемъ[2]). Несомнѣнно, что Томмазо былъ поэтъ; о немъ упоминаетъ Петрарка въ Тріумфахъ[3]); нѣкоторыя его стихотворенія на родномъ языкѣ напечатаны, хотя ихъ подлинность и оспаривается[4]), наконецъ, Matranga нашелъ въ Ватиканѣ его сонетъ къ Петраркѣ[5]). Но кромѣ итальянскихъ стихотвореній, Калоріа писалъ и латинскія. Писатели XVII вѣка упоминаютъ о рукописномъ кодексѣ его латинской поэзіи, который хранится въ Мессинѣ[6]) и котораго не видалъ никто изъ новыхъ изслѣдователей. Петрарка почтилъ могилу Томмазо эпитафіей и оплакиваетъ его смерть въ двухъ письмахъ, адресованныхъ его братьямъ Джакопо и Пеллегрино[7]).

---

[1]) Leo, IV, 658—697.

[2]) См. Tiraboschi, Storia V, 761—65. Посвященная ему статья Lizio (см. выше, p. 368) мнѣ осталась неизвѣстной; но на позднѣйшихъ біографіяхъ Петрарки незамѣтно ея вліянія.

[3]) ... Vidi'l buon Tommaso
Ch'ornò Bologna, ed or Messina impingua.
Trionfo d'Amore C. 4.

[4]) Tiraboschi, p. 765.

[5]) Matranga читалъ рефератъ о Caloria въ Arcadi in Roma. Онъ остался ненапечатаннымъ, но его изложеніе у Fracassetti. Lett. fam. I, p. 263.

[6]) Tiraboschi, p. 764.

[7]) Epist. famil. IV, 10 и 11.

Кромѣ Калоріа, при Сицилійскомъ дворѣ находились люди, несомнѣнно заинтересованные новымъ движеніемъ. Таковъ былъ логоѳетъ и протонотаріусъ Фридриха V *Jacopo Pizzinghe* или *Pizzinge*, который, по свидѣтельству Боккаччіо, читалъ не только Виргилія, но и Гомера[1]). Къ этимъ занятіямъ, повидимому, съ сочувствіемъ относился миноритъ *Ubertino di Coriliano*, профессоръ богословія[2]), исполнявшій вмѣстѣ съ Пиццинге дипломатическія миссіи своего государя[3]). Мы не имѣемъ дальнѣйшихъ свѣдѣній о гуманистическомъ движеніи въ Сициліи до конца первой четверти XV столѣтія. Но оно несомнѣнно продолжало тамъ развиваться, потому что къ половинѣ XV вѣка выходитъ оттуда цѣлый рядъ такихъ крупныхъ гуманистовъ, какъ Ауриспа, Беккаделли, Марразіо и другіе. Заслуживаетъ особаго вниманія, что эти позднѣйшіе сицилійскіе представители Возрожденія болѣе или менѣе приближаются къ тому типу, полнымъ выраженіемъ котораго является Беккаделли-Панормита, и было бы въ высшей степени интересно выяснить, насколько эта ихъ общая черта обусловливалась ихъ происхожденіемъ и мѣстными вліяніями[4]). Но при современномъ положеніи нашихъ свѣдѣній о сицилійскомъ гуманизмѣ рѣшеніе этого вопроса совершенно невозможно.

X.

Гуманистическое движеніе во Флоренціи. — Политическое положеніе Флоренціи въ XIV и началѣ XV вѣка. — Флорентійскіе современники Петрарки и Боккаччіо. — Нелли и Кастильонкіо старшій. — Второе поколѣніе флорентійскихъ гуманистовъ. — Салютати и его этико-богословскіе трактаты. Рѣчь Лукреціи и полемика съ Петраркой. — Вопросъ о тираннуобійствѣ и другіе политическіе трактаты. — Инвектива противъ Лоски. — Другія произведенія Салютати и его переписка и стихотворенія. — Ранніе біографы Салютати и отношеніе къ нему Фогта и ак. Веселовскаго. — Л. Марсильи и отношеніе къ нему новыхъ изслѣдователей. — Другіе гуманисты второй генераціи.

Въ первой половинѣ XIV столѣтія въ политическомъ строѣ Флоренціи происходилъ крупный переворотъ въ демократическомъ духѣ: родовая аристократія постепенно уступала свое мѣсто представителямъ

---

[1]) Corazzini, p. 191—192 и 197.

[2]) Ibid. p. 190—191.

[3]) Hortis, Studj, p. 286.

[4]) Въ 1884 году *Bozzo* посвятилъ вступительную лекцію развитію изученія классической литературы въ Сициліи (*Gli studii classici in Sicilia dal sec. 14 alla metà del 19. Palermo*); но маленькая брошюра, разсматривающая это развитіе за 550 лѣтъ на 33 страницахъ, даетъ очень мало свѣдѣній.

богатой буржуазіи (popolo grasso), отчасти растворяясь въ этомъ общественномъ классѣ, отчасти утрачивая вліяніе на государственное управленіе. Во время борьбы между старой и новой аристократіей popolo minuto, низшій классъ городскаго населенія прямо или косвенно все болѣе и болѣе принимаетъ участіе въ правительственной дѣятельности. Въ такомъ же духѣ измѣнялись и политическія учрежденія. Крупная конституціонная реформа 1328 года, предоставившая буржуазіи широкое участіе въ управленіи республикой, замѣнила выборы жеребьевкой. Этотъ переворотъ въ цѣломъ и общемъ произошелъ сравнительно легко; внутреннія смуты появляются сравнительно рѣдко, крови проливается мало, собственность и личность отдѣльныхъ гражданъ страдаетъ меньше, чѣмъ гдѣ-нибудь, и городъ не подвергается иностранному завоеванію. Наоборотъ, въ эту эпоху возрастаетъ и внутреннее благосостояніе гражданъ, и внѣшнее могущество республики. Одновременно съ тѣмъ, какъ буржуазія одерживаетъ верхъ надъ знатью, Флоренція занимаетъ первое мѣсто между тосканскими городами, при чемъ внутренняя и внѣшняя борьба весьма рѣдко приводитъ къ опаснымъ кризисамъ. Въ первой половинѣ XIV вѣка Флоренція пережила два крупныхъ критическихъ момента, когда подвергался опасности весь республиканскій режимъ. Въ 1326 году подъ вліяніемъ опасной борьбы съ Каструччіо республика предоставила сеньёрію сыну Роберта Неаполитанскаго Карлу, который началъ установлять во Флоренціи монархическіе порядки. Но смерть Карла (1328) избавила гражданъ отъ тяжелой борьбы за сохраненіе своей свободы. Въ 1342 году утратившая вліяніе знать, опираясь на popolo minuto, недовольный правящей буржуазіей, помогла Вальтеру де Бріенну, герцогу Аѳинскому, захватить тираннію. Но тираннъ, обманувшій надежды знати и допустившій обычныя насилія надъ гражданами, былъ изгнанъ въ слѣдующемъ же году.

Кратковременная тираннія герцога Аѳинскаго составляетъ поворотный пунктъ въ политической исторіи флорентійской республики, потому что она возвысила самосознаніе popolo minuto, получившаго тогда доступъ къ высшимъ должностямъ, и показала ему путь для достиженія своихъ цѣлей. Новая конституція, составленная подъ вліяніемъ живыхъ воспоминаній о тираннѣ, имѣла цѣлью примирить общественные классы. Высшія должности должны были замѣщаться представителями popolo grasso и знатью, низшіе стали доступны popolo minuto. Но соглашеніе было мимолетное: въ томъ же году знать вступила въ борьбу съ popolo grasso, а низшіе классы попытались поставить на мѣсто герцога Аѳинскаго Андреа Строцци. Богатая буржуазія испугалась, и представители popolo minuto получили доступъ

къ высшимъ должностямъ (1343). Эти уступки, доставившія внутреннее спокойствіе Флоренціи лѣтъ на 15, были потомъ парализованы введеніемъ такъ называемой *аммониціи* (ammonitio). Съ 1358 года было постановлено, что каждое лицо, занимавшее должность во Флоренціи, можетъ быть обвинено открыто или тайно въ гибеллинствѣ; изслѣдованіе дѣла предоставлялось „капитанамъ партіи гвельфовъ"), избраннымъ изъ popolo grasso, и они могли приговорить къ штрафу въ 500 гульденовъ, а въ случаѣ несостоятельности даже къ смертной казни, при чемъ за ложный доносъ не назначалось наказанія. Этотъ законъ, устранявшій отъ должностей всякаго, кто не имѣлъ 500 гульденовъ, представлялъ крупный недостатокъ еще въ томъ отношеніи, что открывалъ капитанамъ гвельфской партіи широкій просторъ для злоупотребленій. Аммониція сдѣлалась опаснымъ средствомъ для партійныхъ цѣлей и для незаконнаго обогащенія; поэтому борьба противъ нея начинается весьма скоро послѣ ея установленія. Уже въ 1360 году Бартоломео деи Медичи составилъ заговоръ противъ новаго учрежденія; заговоръ былъ открытъ, но это не прекратило борьбы. Противъ аммониціи составилась сильная партія, во главѣ которой стояли Риччи, Росси, Альберти и Медичи, тогда какъ защитниками аммониціи были Альбицци, а также Карло Строцци и Лапо да Кастильонкіо. Сначала пытались устранить злоупотребленія, введя въ число „капитановъ" представителей popolo minuto (1366 г.); но съ 1371 года прежнія злоупотребленія еще болѣе усиливаются, при чемъ распущенные члены popolo grasso, пользуясь своими матеріальными средствами и политическимъ вліяніемъ, вносятъ ужасный развратъ въ семьи низшаго класса. Выведенный изъ терпѣнія popolo minuto сначала примыкаетъ къ противникамъ Альбицци, но не останавливается на ихъ программѣ и дѣлаетъ попытку захватить власть въ свои руки. Въ 1378 году происходитъ возстаніе *Ciompi*, которое на короткое время водворило во Флоренціи охлократію. Но Риччи и ихъ сторонникамъ удалось овладѣть движеніемъ, хотя основанная ими олигархія была очень недолговѣчна. Въ началѣ 1382 года партія Альбицци снова захватила власть въ свои руки, возстановила старые порядки, и весь конецъ XIV и первую четверть XV столѣтія Флоренція пользовалась спокойствіемъ. Это спокойствіе обусловливалось многими причинами. Возстаніе Чомпи образумило партію Альбицци, заплатившую за раннія ошибки головами многихъ своихъ членовъ. Достигнувъ вновь власти, Альбицци пользуются ею сравнительно умѣренно, въ свою очередь противная партія также понимала опасность движеній низшаго класса. Въ 1392 году popolo minuto взялся было за оружіе и обратился къ Veri de'Medici; но тотъ

уговорилъ чернь не нарушать порядка. Съ другой стороны безъ помощи черни побѣжденная партія была не въ состояніи вернуться къ власти; попытка, сдѣланная ею въ 1400 году, только усилила Альбицци, значительная часть ея членовъ была изгнана, и вся фамилія Альберти, Риччи и Медичи на 10 лѣтъ лишены права занимать общественныя должности. Но Альбицци не доводили преслѣдованій до крайности; а кромѣ того, ихъ внѣшняя политика была весьма блестяща и чрезвычайно выгодна: Ареццо, Пиза и Кортона подчинились Флоренціи. Внѣшнему блеску соотвѣтствовалъ подъемъ внутренняго благосостоянія, и popolo minuto терпѣливо сносилъ свое подчиненное положеніе, пока Медичи обогащались. Но всѣ успѣхи правительства Альбицци не устраняли, а только отсрочивали катастрофу: тираннія подготовлялась, и въ 1416 году Козимо деи Медичи былъ впервые избранъ пріоромъ[1]). При такихъ политическихъ условіяхъ началось и пережило первые фазисы развитія гуманистическое движеніе во Флоренціи.

Въ біографіи первыхъ гуманистовъ встрѣчаются факты, указывающіе на то, что ихъ дѣятельность и стремленія находили во Флоренціи сочувствіе и пониманіе. Флорентійское правительство готово было не только возстановить въ правахъ Петрарку, сына изгнанника, но и доставить ему выгодное и почетное мѣсто и, повидимому, высоко цѣнило Боккаччіо. Съ другой стороны, Петрарка самъ разсказываетъ, что его сочиненія находили ядовитыхъ критиковъ среди флорентійской молодежи. Изъ переписки обоихъ гуманистовъ можно указать и имена нѣкоторыхъ лицъ, сочувственно относившихся къ начинавшемуся Ренесансу. Изъ флорентійской знати къ ихъ числу съ большою вѣроятностью можно отнести изгнанныхъ въ 1360 голу *Пино деи Росси* и *Бартоло дель Буоно*. Оба они стояли въ дружественныхъ отношеніяхъ къ Боккаччіо, и есть основаніе предположить, что оба сочувственно относились къ его литературной дѣятельности. Повидимому, Росси чувствовалъ интересъ къ древности. По крайней мѣрѣ, Боккаччіо написалъ ему цѣлый трактатъ въ формѣ утѣшительнаго посланія по случаю изгнанія. Хотя письмо написано по-итальянски, но оно все наполнено ученостью, заимствованною изъ древней литературы[2]). О взглядахъ Бартоло точно такъ же нельзя сказать ничего

---

[1]) Leo, IV, p. 51 и слѣд. Gino Capponi, I, p. 100 и слѣд.

[2]) У Coraz., p. 67 и слѣд. Тотъ фактъ, что письмо написано по-итальянски, ничего не доказываетъ. На итальянскомъ же языкѣ писалъ Боккаччіо и Нелли, который самъ писалъ латинскія письма. Naldi (p. 3) называетъ еще Adriano de'Rossi, современника Петрарки, и автора нѣсколькихъ итальянскихъ стихотвореній.

положительнаго; но тѣсная дружба съ нимъ Боккаччіо, который посвятилъ ему Амето, позволяетъ утверждать, что и дель-Буоно не принадлежалъ къ сторонникамъ стараго направленія[1]). Петрарка не успѣлъ завести переписки съ своимъ родственникомъ, молодымъ флорентійскимъ поэтомъ *Франческо дельи Альббицци*. Альбицци близко сошелся съ Петраркою въ Авиньёнѣ и отъ него, можетъ быть, заразился страстью къ путешествіямъ; преждевременная смерть, трогательно оплаканная Петраркою[2]), помѣшала Альбицци вполнѣ обнаружить свои способности, такъ какъ его литературная дѣятельность исчерпывается нѣсколькими стихотвореніями[3]). Къ числу флорентійской знати, державшейся гибеллинскихъ воззрѣній и изгнанной изъ Флоренціи, принадлежалъ другъ Петрарки *Senuccio del Bene* († 1349). Петрарка посвятилъ ему нѣсколько стихотвореній и одно письмо незначительнаго содержанія[4]). Но Сенуччіо, воззрѣнія котораго мало извѣстны, провелъ почти всю жизнь за предѣлами Флоренціи, отчасти при авиньёнской куріи, отчасти при дворѣ Н. Аччайуоли[5]).

Этими именами исчерпываются наши свѣдѣнія объ участіи и роли флорентійской знати въ гуманистическомъ движеніи перваго періода[6]). Активныхъ дѣятелей Возрожденія изъ этой среды не вышло; самое большее, что можно предположить о внутреннемъ мірѣ знатныхъ друзей первыхъ гуманистовъ, — *родство настроенія*, которое обусловливало дружбу. Болѣе дѣятельное участіе въ гуманистическомъ движеніи обнаруживаетъ духовенство. Правда, между мѣстными епископами до Фр. Zabarella нѣтъ ни одного сторонника новаго движенія[7]). Но среди флорентійскаго духовенства были друзья у первыхъ гуманистовъ и отсюда же вышелъ одинъ изъ самыхъ раннихъ активныхъ представителей Возрожденія. Такъ въ перепискѣ съ Петраркой находился *Джіованни Анкизео или дель Анчиза*, пріоръ монастыря св. Марка во Флоренціи. Свѣдѣній о немъ нѣтъ; несомнѣнно ему адресованныя письма свидѣтельствуютъ только о личной дружбѣ къ нему

---

[1]) Свѣдѣнія о немъ см. у Landau, p. 63. Срв. возраженія Hortis'a (Studj, p. 145) и Traversi (p. 206).

[2]) Epist. famil. VII, 12.

[3]) Свѣдѣнія о немъ у Naldi, p. 182, Mazz., I, p. 340 и Tiraboschi, V, p. 768 Петраркѣ посвятилъ сонетъ другой поэтъ изъ этой фамиліи, *Matteo degli Albizzi*. См. Mazzuchelli, I, p. 343.

[4]) Epist. famil. IV, 14.

[5]) Свѣдѣнія о немъ у Fracass. Lett. famil. I, p. 557. Ср. Negri, p. 496.

[6]) Боккаччіо упоминаетъ еще въ одномъ письмѣ къ Петраркѣ о нѣкоемъ *Francesco Allegri*, cum quo et a quo mire honoratus a Florentia (Coraz., p. 124).

[7]) См. Ughelli, III, col. 132 и слѣд.

Петрарки[1]); но Фракассетти доказалъ, что ему написано также письмо о собираніи книгъ[2]), изъ котораго видно, что его связь съ первымъ гуманистомъ скрѣплялась и научными стремленіями. Другой флорентійскій монахъ, эремитъ Августинскаго ордена *Мартинъ да Синья* стоялъ въ близкихъ отношеніяхъ къ Боккаччіо, который адресовалъ ему письма, завѣщалъ свои книги и сдѣлалъ своимъ душеприказчикомъ[3]). Да Синья имѣлъ большой авторитетъ у флорентійскаго правительства и пользовался репутаціей ученаго[4]); свѣдѣній о направленіи его ученой дѣятельности нѣтъ, но его связь съ Боккаччіо дѣлаетъ правдоподобнымъ его сочувствіе къ новому движенію. Изъ этой же среды вышелъ другъ обоихъ гуманистовъ *Франческо Нелли*, пріоръ свв. Апостоловъ во Флоренціи, котораго Петрарка называлъ Симонидомъ[5]). Весьма печальная судьба постигла Нелли. При жизни его мало цѣнили въ родномъ городѣ[6]), но послѣ того, какъ, благодаря отчасти Петрарки, онъ занялъ мѣсто секретаря у Н. Аччайуоли, его значеніе нѣсколько возвысилось: онъ сталъ естественнымъ посредникомъ между могущественнымъ меценатомъ и гуманистами[7]). Петрарка хлопоталъ доставить ему мѣсто папскаго секретаря, но неудачно; также неудачны были его старанія доставить своему Симониду, раньше его умершему въ Неаполѣ, хорошую репутацію въ потомствѣ. Нелли любилъ античную литературу[8]) и былъ самъ писателемъ. Когда онъ умеръ, Петрарка собиралъ его сочиненія, исправлялъ ихъ форму, которой грѣшилъ нѣсколько его Симонидъ, чтобы доставить ему славу въ потомствѣ[9]). Но сочиненія Нелли неизвѣстны даже по названію[10]), кромѣ писемъ, которыя остаются до сихъ поръ неизданными, за исключеніемъ нѣсколькихъ отрывковъ у Де-Сада и одного цѣлаго письма у Гортиса[11]), такъ что Тирабоски только мимоходомъ

---

1) Epist. famil. VII, 10, 11 и 12.

2) Ibid. III, 18. См. Fracass. Lett. famil. I, p. 463.

3) Письмо и Testamentum у Corazzini, p. 267 и 428—429.

4) Hortis, Studj, p. 298.

5) Кое-какія біографическія свѣдѣнія о немъ собраны у Fracassetti. Lett. fam. III, p. 137.

6) Epist. fam. XVIII, 9.

7) Особенный интересъ въ этомъ отношеніи представляетъ письмо къ нему Боккаччіо (Coraz., p. 131—171).

8) Epist. famil. XII, 5.

9) Epist. senil. III, 13.

10) Едва ли можно утверждать, какъ Körting, что они spurlos verloren (p. 260): для этого недостаточно извѣстны итальянскія библіотеки. Осторожнѣе Фракассетти: le quali opere per vero dire non sappiamo quali fossero, nì si siano conservate in alcun luogo. (Lett. fam. III, p. 140).

11) Hortis, Studj, p. 349.

упоминаетъ его имя въ своей исторіи литературы[1]). Болѣе того: Нелли подвергся не только забвенію, но даже несправедливой или во всякомъ случаѣ произвольной оцѣнкѣ со стороны одного изъ новыхъ изслѣдователей. По мнѣнію Кёртинга, „Нелли не обладалъ ни выдающимся духовнымъ дарованіемъ, ни оригинальностью мысли. Онъ пробовалъ свои силы какъ поэтъ и писатель, и самъ Петрарка старался собирать оставленныя имъ сочиненія, между тѣмъ ничто не уполномочиваетъ насъ допустить, чтобы его произведенія, за однимъ исключеніемъ теперь безслѣдно потерянныя, обладали какимъ-нибудь значительнымъ содержаніемъ"[2]). Но утраченныя произведенія не даютъ права признать ихъ автора и бездарностью, между тѣмъ изъ гипотезы, лишенной всякаго основанія, Кёртингъ дѣлаетъ и дальнѣйшій выводъ, который стоитъ въ полной противоположности съ фактами. „Итакъ, говоритъ онъ, вѣроятно, Нелли былъ для Петрарки только тѣмъ, что мы можемъ назвать Brieffreund, удобный адресатъ и кореспондентъ съ рѣчами (unterhaltender). Мы этимъ никоимъ образомъ не оспариваемъ, что Петрарка въ дѣйствительности чувствовалъ искреннюю и задушевную (innig) дружбу къ Нелли, такъ какъ тотъ навѣрное въ обиліи приносилъ ему дань удивленія и почтенія; но мы отрицаемъ только то, что между ними существовалъ дѣйствительный душевный союзъ (Seelenbündniss)"[3]). Искренней и тѣсной дружбы между Петраркой и Нелли отрицать нельзя. За это говоритъ, кромѣ оживленной переписки, тотъ фактъ, что ему именно посвятилъ Петрарка свои старческія письма, въ предисловіи къ которымъ обстоятельно говоритъ о своихъ къ нему отношеніяхъ[4]). Такого друга едва ли можно назвать Brieffreund, а существованіе тѣсной дружбы позволяетъ сдѣлать какъ разъ обратное предположеніе о сочиненіяхъ Нелли. Во всякомъ случаѣ, его письма должны имѣть большую цѣну, и вполнѣ можно присоединиться къ пожеланію Фогта объ ихъ скорѣйшемъ появленіи[5]).

Искреннихъ и близкихъ друзей имѣли первые гуманисты среди того нарождавшагося общественнаго класса, который называется теперь интеллигенціей. Сюда относится одинъ изъ ближайшихъ друзей

---

[1]) Tiraboschi, V, p. 768.

[2]) Körting. Petrarca's Leben, p. 260.

[3]) Ibid. p. 261—62.

[4]) Neque vero, пишетъ Петрарка, secundi loci sortem indignabere, aut Socratem tibi praelatum esse, sed memineris ea te mihi tempestate nondum cognitum, quo opus illud inceptum est (Epist. senil. I, 1).

[5]) Möchten doch die Briefe Nelli's die Nationalbibliothek in Paris bewahrt herausgegeben werden. Wiederbelebung, II, p. 428.

Петрарки, *Майнардо Аккурсіо,* котораго онъ называлъ *Олимпіо.* Мы не имѣемъ почти никакихъ свѣдѣній объ Аккурсіо; но многочисленныя письма, адресованныя ему первымъ гуманистомъ, и его многократныя и усердныя приглашенія поселиться вмѣстѣ, показываютъ, что потомокъ знаменитаго юриста съ полнымъ сочувствіемъ относился къ нарождающемуся движенію[1]). Изъ этой же среды вышелъ флорентійскій юристъ *Лапо да Кастильонкіо* (Lapo или Jacopo da Castiglionchio † 1381). Изъ переписки Петрарки видно, что онъ усердно собиралъ древніе кодексы, подарилъ ему Квинтиліана и нѣсколько рѣчей Цицерона, о которыхъ трактуютъ всѣ адресованныя ему письма[2]). Позже Колюччіо Салютати съ энтузіазмомъ говорилъ о его ученыхъ и поэтическихъ заслугахъ[3]); но до насъ дошли только его юридическіе трактаты, глоссы къ письмамъ Петрарки и одно письмо[4]). Повидимому, и писалъ онъ мало. По крайней мѣрѣ, Петрарка горько жалуется въ письмѣ къ Нелли, что ихъ общій другъ, поэтъ, промѣнялъ Платона и Гомера на Ульпіана[5]). Богатая событіями жизнь Лапо и его самостоятельный характеръ дѣлаетъ біографію этого гуманиста, который хотѣлъ соединить новыя занятія съ юриспруденціей, весьма интересной, но ея изученіе почти совсѣмъ не подвинулось съ половины прошлаго вѣка. Въ 1753 году Mehus издалъ письмо Лапо и присоединилъ къ нему его біографію, въ которой собраны внѣшніе факты его жизни[6]) и позднѣйшіе

---

[1]) Скудныя свѣдѣнія о немъ, собранныя изъ писемъ Петрарки, собраны у Fracass. Lett. famil. II, 304.

[2]) Epist. famil. VII, 16; XII, 8; XVIII, 12 и Var. 45.

[3]) Quem tulit nostra civitas studiorum nostrorum et eorum quae ad eloquentiam pertinent, indagatiorem? Quis sibi poëta non notus, imo non tritus? Quis Ciceronicarum rerum peritior? Quis historiarum collectione fecundior? Quis moralium praeceptorum imbutior?...

Optimus eloquio sacrique Heliconis alumnus
Et calamo scribens vix Cicerone minor.

У Mehus'a, p. CCIII.

[4]) Tiraboschi, V, p. 510.

[5]) Петрарка пишетъ: Communis amicus an nunc etiam Bononiae sit, ignoro. Mallem in Academia vel Parnasso mallem Platone vel Homero duce, quam Ulpiano uti vellet aut Scaevola Pyeridumque modis quam legum nodis intenderet sed vulgo unus obstare nequeo. (Epist. fam. XVIII, 11). Примѣчаніе Лапо къ этому письму гласитъ: In hac epistola loquitur de Domino Lapo de Castiglionchio, quod de studio poëtarum transiverit ad studium juris Bononiae, quod Dominus Franciscus aegre tulit. Mehus, p. CLXXIV.

[6]) *Epistola ossia Regionamento di Messer Lapo da Castiglionchio colla Vita del medisimo. Bologna 1753.*

писатели, включая сюда Тирабоски[1]), только повторяютъ его свѣдѣнія[2]).

Петрарка находился въ перепискѣ съ учителемъ риторики во Флоренціи *Бруно Казини* (Bruno Casini). Единственнымъ источникомъ, изъ котораго почерпаютъ свѣдѣнія о Бруно всѣ позднѣйшіе писатели, остается Фил. Виллани[3]); но его коротенькая біографія показываетъ, что Бруно былъ первымъ гуманистическимъ преподавателемъ реторики. Біографъ называетъ его не только „ревностнымъ поборникомъ своего искусства", но и его „изобрѣтателемъ и основателемъ", при чемъ въ пріемахъ преподаванія Бруно „подражалъ школамъ древнихъ". Хотя Виллани оговаривается, что Казини былъ его другомъ, тѣмъ не менѣе его приговоры находятъ косвенное подтвержденіе въ письмахъ Петрарки[4]); первый гуманистъ едва ли удостоилъ бы не только поэтическимъ посланіемъ, но и простымъ письмомъ молодаго человѣка (Казини умеръ на 30 году своей жизни), если бы онъ не обладалъ выдающимся талантомъ. Поэтому, по всей вѣроятности, не лишено историческаго интереса единственное сочиненіи Казини *De figuris et generibusque loquendi*, котораго не видѣлъ никто изъ позднѣйшихъ изслѣдователей и которое теперь считается утраченнымъ[5]).

Самымъ крупнымъ представителемъ второго поколѣнія гуманистовъ во Флоренціи былъ Колюччіо Салютати[6]).

Салютати родился въ 1331 году, сначала изучалъ въ Болоньѣ право подъ руководствомъ гуманистическаго юриста Пьетро Да-Муліо; но послѣ смерти отца оставилъ юридическую науку и посвятилъ себя главнымъ образомъ гуманистическимъ занятіямъ. При Урбанѣ V онъ

---

[1]) Изложивъ біографію Лапо, Тирабоски замѣчаетъ: tutte le quali cose veggansi più stesamente narrate da suprallodato abate Mehus, V, p. 510.

[2]) Körting, который считаетъ Lapo человѣкомъ weit bedeuntenderer, чѣмъ Дзаноби и Нелли, обѣщаетъ обстоятельную его характеристику. Wir werden das wechselvolle Leben und das folgenreiche Wirken dieses merkwürdigen Mannes, welcher eine der interessantesten Erscheinungen in der Litterargeschichte der Frührenaissance darstellt, an einer andern Stelle unseres Werkes ausführlich erzählen müssen. (Petrarca's Leben, p. 262). Обѣщаніе пока остается неисполненымъ.

[3]) Philipi Villani. De Florentiae famosis civibus. Ed. Galletti, p. 30—31.

[4]) Ему адресованы Famil. VII, 14 и Poët. III, 10.

[5]) Tiraboschi, V, p. 838.

[6]) Въ рукописяхъ его имя пишется: Colucius Pierius Salutatus или Linus Colucius Pierius Salutatus или Colucius Pierius de Stignano. Voigt пишетъ Cuoccio di Piero de'Salutati, замѣчая, что Lino то же самое, что Coluccio, — сокращенное Niccolo и что Piero имя его отца, I, p. 194.

занималъ мѣсто апостольскаго секретаря и жилъ въ Авиньёнѣ, потомъ вернулся во Флоренцію, гдѣ былъ избранъ въ 1375 году канцлеромъ республики и оставался въ этой должности до своей смерти въ 1406 году. Кромѣ обширной переписки, Салютати оставилъ много сочиненій различнаго содержанія, большая часть которыхъ остается до сихъ поръ неизданною, а нѣкоторыя, по всей вѣроятности, навсегда потеряны. Наибольшій интересъ съ нашей точки зрѣнія представляютъ его трактаты теоретическаго содержанія. Сюда относится, во-первыхъ, неизданная до сихъ поръ книга „*О судьбѣ и счастіи*“ (*De Fato et Fortuna*)[1]). Салютати ставитъ себѣ задачею въ этомъ трактатѣ выяснить оба понятія, ихъ отношеніе къ божественному провидѣнію и ихъ роль въ жизни человѣка и общества. Сочиненіе раздѣлено на пять трактатовъ и три первые на главы. Въ первомъ трактатѣ онъ разсматриваетъ „порядокъ причинъ“[2]), доказываетъ, что Богъ, причина причинъ, искони, до созданія міра, опредѣлилъ свойства вещей и установилъ этотъ порядокъ, и изъ разсмотрѣнія дѣйствій различныхъ существъ[3]) a posteriori подтверждаетъ апріорное положеніе о необходимости связи между причиной и слѣдствіемъ[4]). Второй трактатъ посвященъ вопросу о судьбѣ[5]), которую Салютати опредѣляетъ съ различныхъ точекъ зрѣнія[6]): по ея источнику, по отношенію ея къ причинамъ и слѣдствіямъ, при чемъ приводитъ цѣлую массу цитатъ изъ средневѣковыхъ и древнихъ писателей[7]).

---

[1]) *Colucii Pierii Salutati de Fato et Fortuna liber. Ad. Felicem abbatem monasterii Sancti Salvatoris de Septimo ordinis Cistersiensis. Рукописи въ Laurentiana Plut. 53 Cod. 18 и Plut. 90, Cod. 42.* Я цитирую по первому кодексу. Это сочиненіе упоминаетъ Манетти въ Longaevi illustres у Mehus'a, p. CCLXXXVIII и Bandini (ib. p. CCLXXXVII), который называетъ его иначе: Legatur gurges profunditiarum, abyssus verius in ejus libris de Fato, casu et fortunae. Объ аббатѣ Феликсѣ, которому посвящена книга, нѣтъ никакихъ свѣдѣній. Voigt, не видавшій этого сочиненія, ошибочно называетъ его ein philosophisches Lehrgedicht in Hexametern, zunächst gegen die eitle Weisheit der Astrologen gerichtet, I, p. 207. Онъ ссылается на отрывокъ, напечатанный въ Carmina ill. poët. Ital. T. VIII, p. 293, но тамъ издано извлеченіе изъ стихотворенія Салютати къ Allegretti, о которомъ ниже.

[2]) Tractatus de ordine causarum capitulum unum et tractatus primus.

[3]) Cap. II. Quae omnes causae subserviunt prime et qualiter affectibus applicentur.

[4]) Cap. III. De necessitate ordinis causarum quo causae suis effectibus conjunguntur.

[5]) Secundus tractatus de Fato.

[6]) Cap. I. Quot modis dicatum esse fatum.

[7]) Cap. II. Quid sit fatum secundum ejus originem et an secundum hunc sensum cuncta necessitet. Cap. III. De fato, quid sit prout habet esse in causis.

Существеннымъ признакомъ фатума Салютати считаетъ необходимость[1]), которая, истекая изъ божественнаго провидѣнія[2]), объединяетъ крупныя и мелкія причины и вызываетъ такимъ образомъ правильныя слѣдствія[3]). Установивши понятія судьбы, Салютати пытается примирить ее съ свободой воли, ближе выясняя отношеніе той и другой къ провидѣнію[4]). Провидѣніе управляетъ всѣмъ — это основное положеніе трактата[5]); но оно опредѣляетъ не только фактъ, но и его причины и способъ, посредствомъ котораго онъ долженъ совершиться. Поэтому, по самому провидѣнію, нѣкоторые факты должны совершаться случайно или зависѣть отъ воли человѣка, которая совершенно свободна. Свободу Салютати считаетъ существеннымъ признакомъ воли и допускаетъ только такія ея ограниченія, которыя вытекаютъ изъ нашей природы, изъ міровыхъ законовъ и свойствъ вещей[6]). Изъ этого онъ выводитъ различіе человѣческихъ поступковъ опредѣленіе морали[7]) и ученіе о предопредѣленіи, подкрѣпляетъ свои выводы массой

Cap. IV. Quid sit fatum prout refertur ad effectus. Cap. V. Quod fatum a philosophis et a poëtis varie et multipliciter assumatur. Cap. VI. De necessitate fatali et quae fato subiciantur.

[1]) Dictum est fatum nedum sine necessitate non esse, sed de sui essentia hoc, quod necessitatem dicimus, importare, cum si necessitatem abstuleris, fatum procul dubio non manebit. Fol. 10.

[2]) Necessitas a Dei providentia fluens, cuncta dirigens et gubernans, quae sub celo sunt et efficiuntur fol. 5—6. Erit ergo fatum, si secundum ejus initium consideretur, divinae providentiae dispositio, ordini, contextionique causarum superinfusa. Fol. 6.

[3]) Fatum est vis, superiores et interiores causas simul nectens. fol. 7. Fasum est necessitas regularis effectus proveniensque ex applicatione causarum ad ipsos, quas et congregat et conservat. Ibid.

[4]) Cap. VII. Quomodo concordetur cum Dei providentia rerum. Cap. VIII. Qualiter fatalis necessitas cum libero voluntatis conjugatur.

[5]) Quamvis in aliis causis inferioribus naturaliter aliquid insit, prorsus tamen id non aliter fiet, quam providentia divina decrevit ab aeterno. Fol. 2. Omnes ergo causae a Deo divinaque providentia sunt sibique parent nec plus faciunt atque possunt, quam in ista providentia fuerit. Fol. 3.

[6]) Libera quidem est voluntas et adeo sibi libertas inserta est, quod si libertatem abstuleris voluntas omnino non sit... Omnino cogi non posse, quaecumque nobis conditio proponatur. Necessitati ergo proprietatis suae naturae subjacet sine dubitatione voluntas, subjacet et necessitati primae causae, sine qua nulla secunda causa, qualis est voluntas, agere quicquam potest... Subjicitur etiam nostra voluntas necessitati finis, hoc est actus, quem intendimus agere. Fol. 16—17.

[7]) Tota quidem laus actionum nostrarum virtutisque perfectio penes voluntatem est, cujus rectitudo si defecerit nec laus deberi potest nec actus esse virtutis habitum generare. Fol. 41.

примѣровъ[1]) и заканчиваетъ отдѣлъ полемикой противъ отрицателей предопредѣленія[2]).

Третій трактатъ о фортунѣ изложенъ менѣе систематично. Салютати начинаетъ полемикою съ астрологами и гадателями, которые невѣрно понимаютъ счастье[3]), а также съ тѣми философами, которые выводятъ фортуну изъ особеннаго небеснаго благоволенія или гнѣва, потому что это противорѣчитъ справедливости и благости Божіей[4]). Приведя затѣмъ воззрѣнія на фортуну философовъ, поэтовъ и ходячіе на нее взгляды[5]), онъ выясняетъ ея отношеніе къ фатуму[6]), опредѣляетъ, что такое случай и фортуна[7]) и гдѣ они проявляются[8]), останавливая преимущественное вниманіе на движеніи небесныхъ свѣтилъ[9]) и на рожденіи человѣка[10]). Опредѣленіе необходимаго (casuale) и случайнаго, сдѣланное самимъ Салютати, не отличается особенною глубиною. Съ его точки зрѣнія, необходимо то, что совершается помимо желанія дѣятеля, тогда какъ случайное вытекаетъ изъ его воли[11]). Исходя изъ этого опредѣленія, онъ разбираетъ воззрѣнія на фортуну

---

1) Cap. IX. Quod juste delinquentes stante necessitate fatali et quod nihil est. Cap. X. De justorum praedestinatione damnandorum.

2) Cap. XI. De his, quae contra praedestinationem sophystice dici solent et qualiter elidantur.

3) Tractatus tertius de Fortuna. Cap. I. Qualiter capiunt eam astrologi et ipsorum vanitas quanta sit. Cap. II. Quo sumatur fortuna geomanticos sive per artem punctatoriam de devinatione curiosos.

4) Cap. III. Quod aliqui philosophorum sumunt fortunam pro quadam celesti benignitate vel malitia, quae nos in cunctis, quae gerimus, prosequatur.

5) Cap. IV. Quod multis de fortuna sermo sit apud philosophos et apud poëtas ac communiter apud homines.

6) Cap. V. De fortuna, numquid sit, et quomodo, si detur fatum sive fatalis necessitas, fortuna propterea non tollatur, потому что необходимость заключается только въ отношеніяхъ причины къ слѣдствію.

7) Cap. VI. Quid sit casus quidque fortuna.

8) Cap. VII. An casus et fortuna sit aliquid et in quibus et quod sint indeterminati. Cap. VIII. An casus et fortuna possint esse in se habentibus ad utcumque libet.

9) Cap. IX. Numquid in celestibus et in his, quae generantur in aëre casus dici debeat vel fortuna.

10) Cap. X. An hominis generatio dici debeat casualis vel fortuita et ex cujus causae parte contingant casus et Fortuna et an causae rationem habent.

11) Judicio meo, quicquid praeter inclinationem agentis, etiam minimum, sive naturale, sive voluntarium sit, efficitur, non inepte dici possit imo debeat causale. Fortuitum vero proprie non deceat appelari, nisi tale fuerit, quod bonitate vel malitia sua notabile videatur et ab ipsa provenire valeat voluntate. Fol. 47.

различныхъ писателей и преимущественно Данте[1]), котораго горячо защищаетъ противъ Чекко д'Асколи[2]) и съ большой осторожностью и почтеніемъ опровергаетъ Лактанція, совершенно отрицавшаго фортуну[3]). Четвертый трактатъ посвященъ опредѣленію и анализу случайнаго[4]), и все сочиненіе заканчивается приложеніемъ теоріи автора къ недавнему пораженію Перуджіи и вообще къ современнымъ бѣдствіямъ[5]).

Книга Салютати De Fato et Fortuna весьма характерна для его міросозерцанія. По темѣ, по способу ея обработки и по общему тону сочиненія авторъ стоитъ гораздо ближе къ средневѣковымъ писателямъ, чѣмъ Петрарка и Боккаччіо. Къ схоластически-назидательнымъ вопросамъ онъ чувствуетъ живой интересъ[6]); средневѣковые писатели, какъ Боэцій и Авицена, имъ цитируются, какъ крупные авторитеты; квинтэссенція средневѣкового міросозерцанія, Божественная Комедія, представляется ему „священнѣйшей и небесной поэмой" „божественнѣйшаго" (divinissimus) компатріота[7]); самое строгое благочестіе въ старомъ духѣ проходитъ красной нитью черезъ всю книгу[8]). Но рядомъ съ человѣкомъ стараго міра въ Салютати обнаруживается начинающій, но уже весьма усердный гуманистъ. Его интересъ къ древнему міру чрезвычайно силенъ: онъ хочетъ имѣть подлинныя, неиспорченныя произведенія древнихъ авторовъ, и критика

---

[1]) Cap. XI. De variis fortunae determinationibus et qualiter de ea quidem locuti sunt, et quod aliqua dea non sit, et quid Dantes eam esse voluerit.

[2]) Cap. XII. Qualiter et quibus rationibus contra Dantem Ceccus Esculanus et quo Dantis sententia defendatur.

[3]) Cap. XIII. De opinione Lactantii Firmiani et quanto errore voluerit fortunam penitus esse nihil.

[4]) Tractatus quartus. De casu, quid sit et quid sit aliquid, qui fortuitis actibus se permisceat.

[5]) Tractatus quintus. Unde clades provenerint Perusinae et alia mala, quae quotidie patitur genus humanum,

[6]) Въ предисловіи къ сочиненію Салютати, говоря о трудности вопроса, настаиваетъ на его важности: neque enim vanum, sed operepretium visum est aperire mihi, quid sit fatum, quid sit etiam cunctis accusata fortuna. Поводомъ къ работѣ, кромѣ просьбы аббата Феликса, заинтересованнаго смутами своей родины Перуджіи, главнымъ образомъ послужило страстное желаніе разрѣшить этотъ вопросъ: quid faciam, восклицаетъ авторъ, effervet et ardet animus, ut ista petractans experiam.

[7]) Fol. 57. Для болѣе обстоятельной характеристики отношенія Салютати къ Divina Comedia см. приложеніе II.

[8]) Такъ, напр., пороками и грѣхами объясняются всѣ людскія бѣдствія въ послѣднемъ трактатѣ. Или, объясняя популярный смыслъ фортуны, Салютати говоритъ: Ista fortuna nihil aliud est nisi successus ad votum, etiam si peccata commitimus, quo nihil potest infelicius cogitari. Fol. 41.

текста составляетъ для него самый близкій, самый живой интересъ. До какой степени занималъ его этотъ вопросъ, видно изъ того, что совершенно неожиданно для читателя и неумѣстно для книги онъ дѣлаетъ длинное отступленіе, настоящую элегію въ прозѣ, въ которой горько жалуется на крайне плохое состояніе текста въ сохранившихся кодексахъ и описываетъ свои занятія по его исправленію[1]). Этотъ интересъ къ древней литературѣ не могъ не отразиться на міросозерцаніи Салютати; его результаты чувствуются и въ трактатѣ. Прежде всего, изъ схоластическихъ вопросовъ Салютати выбираетъ такой, который имѣетъ этическое значеніе, а преобладаніе интереса къ морали надъ метафизикой составляетъ одинъ изъ характернѣйшихъ признаковъ ранняго Ренесанса. Далѣе, античные философы — Платонъ и Аристотель одинаково, имѣютъ для него безспорный авторитетъ, передъ которымъ онъ чувствуетъ благоговѣніе[2]), а поэму Данте, несмотря на глубокое къ ней уваженіе, цитируетъ въ собственномъ переводѣ на латинскій гексаметръ[3]). Наконецъ, въ сочиненіи прорывается, правда, еще весьма осторожно, гуманистическій раціонализмъ. Салютати борется противъ астрологіи главнымъ образомъ религіозными аргументами[4]), хотя противъ гаданій вообще возстаетъ во имя здраваго смысла, съ точки зрѣнія раціоналистическаго принципа[5]). Но всѣ эти вліянія античной литературы и новаго времени не были настолько сильны и глубоки, чтобы вызвать внутренній разладъ въ Салютати или даже возбудить вопросъ о ихъ противорѣчіи съ традиціоннымъ міросозерцаніемъ. Салютати стоитъ еще на средневѣковой почвѣ, и это особенно рѣзко обнаруживается въ другомъ его трактатѣ De Seculo et Religione.

Несмотря на благочестіе книги Салютати, она вызвала возраженіе: Доминиканецъ *Джіовани ди Доменико,* впослѣдствіи архіепископъ

---

[1]) Въ виду важности этого отступленія для исторіи научныхъ занятій въ эпоху гуманизма, я цѣликомъ воспроизвожу его въ приложеніи II, хотя отрывки изъ него уже напечатаны у Mehus'a. Vita Travers., p. CCXC—CCXCI.

[2]) Quis audebit negare casum atque fortunam, quam tam clare philosophorum princeps divinus Plato subtilissimusque Aristoteles posuerunt? Fol. 45.

[3]) Отрывки изъ него у Mehus'a, Vita Travers., p. CCCIX—CCCX.

[4]) Богъ — первая причина, говоритъ онъ, necessitans angelos bonos et malos, ut imperium suum non suscipiant solum, sed etiam exequantur, quod cum sit, nulla influentia coelorum opus est. Fol. 4. И въ другомъ мѣстѣ Non humana quidem sed vis divina futuros rerum eventus praenoscere. Fol. 33.

[5]) Quae cum omni careant ratione, ut hominis omnino non sit tam vana sequi; nihilominus tandem juxta traditionem istam fortunam aliquid esse constat, humanae scilicet curiositatis inventum, quod licet stultum sit docere vel credere. Fol. 37.

Рагузы и кардиналъ, написалъ противъ нея сочиненіе, озаглавленное *Lucula noctis*[1]). Содержаніе этого произведенія остается неизвѣстнымъ; но сомнительно, чтобы его авторъ вступалъ въ немъ въ открытую борьбу съ гуманизмомъ: De Fato et Fortuna неудобный для этого поводъ, такъ что можно думать, что возраженія Доменико носили чисто схоластическій характеръ[2]). Еще менѣе возраженій съ этой стороны могъ вызвать другой этическо-богословскій трактатъ Салютати—*De Seculo et Religione*[3]). Сочиненіе осталось неизданнымъ, и никто изъ позднѣйшихъ изслѣдователей не изложилъ его содержанія, вслѣдствіе чего Фогтъ, исходя изъ невѣрнаго взгляда на міросозерцаніе Салютати, дѣлаетъ ошибочное предположеніе о характерѣ книги. По его мнѣнію, въ ней рекомендуется поэтическое созерцаніе въ уединеніи, а не аскетическое подвижничество[4]); въ дѣйствительности подъ ней могъ подписаться любой аскетъ въ духѣ Саванароллы.

Въ предисловіи къ сочиненію Салютати формулируетъ свой взглядъ на литературную дѣятельность. По его мнѣнію, она должна вытекать изъ христіанской любви къ ближнему и ставить своей задачей нрав-

---

[1]) Mehus Vita Travèrs., p. CCXL—CCXLI. Voigt, I, p. 207.

[2]) Иначе думаетъ, повидимому, Voigt. Dasz jene Schrift Salutato mit höflichen Worten gewidmet ist, schliesst nicht aus, dasz ihr Inhalt sich gegen ihn und die heidnischen Wissenschaften richtet, говоритъ онъ (ibid.). Что сочиненіе было написано мягко видно изъ того, что Салютати оставилъ его безъ отвѣта, если не считать за таковой весьма дружественное латинское стихотвореніе по его адресу. См. Mehus, p. CCCXXIX. Ниже мы увидимъ, что Салютати не оставлялъ безъ отпора нападки на древнихъ авторовъ.

[3]) Такъ называетъ его Манетти (Mehus, p. CCLXXXVIII). По Виллани его заглавіе *De Religione et Fuga Seculi* (Galletti, p. 19); Бандини въ разныхъ книгахъ своего сочиненія Fons Rerum memorabilium universi озаглавливаетъ эту книгу различно: въ книгѣ *De fontibus, lacubus, fluminibus, paludibus et stagnis* онъ говоритъ: liber *de Seculo et Religione* ad Hieronymum sacratissimis litteris ultra mundum eloquium exornatus in manibus cunctorum etc. (Mehus, p. CCLXXXVI), а въ книгѣ *De viris claris virtute et vitio* — legas elegantissimum librum illum, quem De religione atque fuga seculi sub titulo Hieronymi Camaldulensis Ordinis generalis edidit. (Ibid. p. CCLXXXVII). Я пользуюсь *рукописью миланской Ambrosiana пергаментный Codex № 43*, гдѣ заглавіе читается такъ: *Incipit feliciter liber primus de seculo et religione editus a Colucio Pieri de Stignano, Cancellario Florentino.* Ad fratrem Ieronymum de Ucano, ordinis Camaldulensis in monasterio Sanctae Mariae de Anglis in Florentia. Дальнѣйшихъ свѣдѣній объ Іеронимѣ де Укано не имѣется.

[4]) Vielleicht enthält es, gleich Petrarca's Buch „von der Musze der Religiosen" mehr eine Empfehlung der dichterisch einsamen Contemplation, als des Eremitenlebens in Busze und Kasteiung (I, p. 208).

ственное назиданіе[1]). Своими предшественниками онъ считаетъ не Петрарку и Боккаччіо, а блаженнаго Августина и другихъ отцовъ церкви, подражать сочиненіямъ которыхъ заставляетъ его любовь къ дѣлу[2]). Далѣе Салютати излагаетъ планъ трактата, который раздѣляется на двѣ части: въ первой говорится о томъ, чего слѣдуетъ избѣгать, т.-е. о мірѣ, во второй — о томъ, къ чему нужно стремиться, т. е., о монашеской жизни, и все сочиненіе заканчивается убѣжденіемъ слѣдовать его совѣтамъ[3]). Міръ характеризуется, какъ вмѣстилище всевозможныхъ грѣховъ, какъ источникъ величайшихъ бѣдствій для человѣка, — вообще какъ такое зло, для изображенія котораго авторъ исчерпываетъ весь находящійся въ его распоряженіи запасъ бранныхъ словъ[4]). Салютати называетъ безумцами тѣхъ философовъ,

---

[1]) Debeamus quidem primo tam naturali ratione, quam simul omne genus hominum, quam christianae religionis glutino, qua sumus omnes fratres in Christo, ut correctae (sic) subveniamus erranti, lapsum erigamus, moneamus ignarum et viam salutis per Dei gratiam eligentem exhortationibus adjuvemus. In qua re fateor me, quamvis in multis occuper, pro ingenii parvitate, quae utinam minima non foret, potuisse tamen promissa (можетъ быть permissa) persolvere illiusque naturalis obligationis praecepta pro exhortationis officio adimplere. Fol. 2.

[2]) Quid enim dicere vel cogitare possim, quod illi (т.-е. Августинъ и проч.). Spirito sancto reliquerint intentatum?... Sed nimiae sunt amoris vires. Id enim scribere compulit inconsulte caritas, quod melior ratio sapientiae dissuadebat. Fol. 3.

[3]) Ostendam primo, quid fugeris, explicato postmodum quid sequaris. Deinde qua potero brevitate conficiam, ut ad te impellam et horter, quod laudabiliter incepisti. Ibid.

[4]) Quid enim est mundus iste, quo tantoper delectamur, nisi campus diaboli, temptationum palaestra, officina malorum et fabrica vitiorum etc. Fol. 4. Въ другомъ мѣстѣ, называя міръ sentina, Салютати прибавляетъ, sentina quidem infima pars navis est, ad quam aqua fetens et putrida et omnis ipsius navis sordicies congregantur... Quid aut hoc mundo immundius, quid fedius, quid obscoenius etc. Fol. 9. Наилучшее представленіе о воззрѣніяхъ Салютати на міръ даютъ заглавія отдѣльныхъ главъ 1-й книги трактата. Первая оставлена безъ заглавія.

Cap.	2	Mundus	est	campus	diaboli.
„	3	Quod mundus	sit	temptationum	palaestra.
„	4	„	„	„	oficina malorum.
„	5	„	„	„	fabrica vitiorum.
„	6	„	„	„	immundissima sentina turpitudinum.
„	7	„	„	„	fallax viscum.
„	8	„	„	„	tristis laetitia, falsum gaudium et exultatio inanis.
„	9	„	„	„	area tribulationum.
„	10	„	„	„	lacus miseriarum.
„	11	„	„	„	naufragium virtutum.

которые, увлекаясь совершенствами міра, обоготворяютъ его[1]), міръ не лишенъ красоты, потому что онъ созданіе Божіе, но его красота только возбуждаетъ къ преступленіямъ[2]).

Уже въ этомъ взглядѣ на міръ, который авторъ считаетъ величайшимъ бѣдствіемъ для человѣка, понимая въ то же время его красоты и обладая способностью наслаждаться ими[3]), чувствуется противорѣчіе. Но оно въ значительной степени увеличивается вслѣдствіе неожиданнаго воззрѣнія на человѣка. Если на міръ Салютати смотритъ глазами аскета, то къ человѣческой природѣ онъ относится, какъ настоящій гуманистъ. Человѣкъ занимаетъ срединное мѣсто между ангелами и животными; если онъ стремится къ божественному, то

Cap. 12 Quod mundus sit malorum fomes.
„ 13 „ „ „ incentivum (sic) scelerum.
„ 14 „ „ „ iter cecum.
„ 15 „ „ „ trames salebrosus.
„ 16 „ „ „ saltus insidiarum.
„ 17 „ „ „ carcer horridus.
„ 18 „ „ „ scaena iniquietatum.
„ 19 „ „ „ arena laborum.
„ 20 „ „ „ theatrum inhonestatum.
„ 21 „ „ „ spectacutum delictorum.
„ 22 „ „ „ horribille praecipitium.
„ 23 „ „ „ domus anxietatum.
„ 24 „ „ „ mare turbidum.
„ 25 „ „ „ Valle (sic) calamitatum.
„ 26 „ „ „ erumnarum domicilium.
„ 27 „ „ „ spectaculum vanitatum.
„ 28 „ „ „ corruptio mentium.
„ 29 „ „ „ laqueus animarum.
„ 30 „ „ „ parens mortis.
„ 31 „ „ „ infernus viventium.
„ 32 „ „ „ aggregatio caducorum.
„ 33 „ „ „ via mortalium.
„ 34 „ „ „ peregrinationis nostrae diversorium.
„ 35 „ „ „ ministrator necessariorum.
„ 36 „ „ „ suppeditator abudantissimus voluptatum.
„ 37 Epylogus.

[1]) Admiror quosdam carnales philosophos... mundum hunc rationale et aeternum animal astruxisse...; quosdam adeo admiratione ejus deceptos et captos, qui ipsum deum eum dicentis etc. Fol. 3... Qui profecto mihi visi sunt non disputare, sed desipere, delirare, insanire. Fol. 4.

[2]) Excitat enim mundus ad scelera, quos facit suae falsae pulchritudinis spectatores. Bona sunt, fateor, quae in mundo cernimus, si nos ad ipsorum originem referamus: creaturae quidem Dei sunt. Fol. 17.

[3]) Creator optimus et Deus noster mellifluas voces in parvis etiam aviculis excitavit etc. Fol. 47.

приближается къ первымъ, если увлекается мірскимъ, то становится животнымъ[1]). По свойству своей природы, онъ способенъ достигнуть ангельскихъ совершенствъ: его воля не только свободна, но и наклонна къ добру[2]); его тѣло подчинено созданной по образу Божію душѣ, высшая часть которой разумъ способенъ къ богопознанію[3]). Но это высокое существо поставлено среди міра, который со всѣхъ сторонъ грозитъ ему гибелью. Чистая душа погружается въ грязный міръ, который ее портитъ и развращаетъ[4]). Не грѣшить нѣтъ возможности[5]), потому что соблазнъ на каждомъ шагу[6]). Вслѣдствіе этого къ борьбѣ съ міромъ въ аскетическомъ духѣ сводится вся мораль. Прежде всего

---

[1]) Positi itaque inter angelos et bestias, si mundum dimiserimus, cogitantes et facientes, quae ex Deo sunt, benignitate plasinatoris (sic) nostri, per caritatem illi infinito et beatifico bono, ac veluti angeli, secundum mensuram meritorum elevati, liberalitate et gratia sua conjungimur; carnalia vero et terrena sequentes, quasi ignorantes, ad quid geniti fuerimus, in vilitatem bestiarum per hujus mundi percipitium declinamus. Fol. 27. Интересно сопоставить съ этимъ мѣстомъ слѣдующія слова изъ рѣчи Пико делла Мирандола *De hominis dignitate*. Тамъ Творецъ говоритъ Адаму: medium te mundi posui, ut circumspiceres inde commodius quidquid est in mundo. Nec te caelestem neque terrenum, neque mortalem, neque immortalem fecimus, ut tui ipsius quasi arbitrarius honorariusque plastes et fictor in quam malueris tute formam effingas. Poteris in inferiora, quae sunt bruta, degenerare, poteris in superiora, quae sunt divina, regenerari. У Burckhardt'a, II, p. 83.

[2]) Sic enim movet voluntates nostras Deus, quod non impendiant arbitrii libertatem, et non solum non impedit, sed dat bonis, quae bene volumus, incrementa. Fol. 37.

[3]) Est homo, ni fallor, unum compositum, in quo subjicitur corpus, ut materia, substantiali formae animae, videlicet rationali, qua vivimus et ad Dei similitudinem facti sumus. Fol. 32. Mens quidem nostra est eminens et praestantior animae nostrae pars... Она — tabula rasa, in qua nihil scriptum est, imprimendarum litterarum formas est apta recipere, sic sensibilium rerum imaginibus et intelligibilium similitudinibus habet potentiam informari, ut per creaturaram notitiam in suum auctorem, tamque in finem ultimum, diligatur... Ad Illum autem etiam in hac corporis mole per contemplationem ascendens anima etc. Fol. 36.

[4]) In hoc enim spatio, intra quod mortales versamur, anima nostra, quae ab illo rerum omnium opifice infunditur et creatur pura, simplex, recta, innocens et aeterna, conversatione mundi, quae in fetidam sentinam dilapsa sit, immunda malitiosa, perversa, culpabilis... Hic enim quicquid inficit, maculat et corrumpit... Blanditur enim, allicit, mulcet, delectat et, quid horum consequens est, suis illecebris nos invincit. Fol. 10.

[5]) Поэтому міръ — lacus miseriarum: Quid aut miserius, quid infelicius quidve flebilius hac impossibilitate non peccandi. Fol. 14.

[6]) Quid aut, licet te undique vertas in mundo, tuis poterit oculis occurere, nisi triplex illa partitio: concupiscentia carnis, concupiscentia oculorum et superbia vitae. Fol. 25.

необходимо изучить міръ; хотя истинная цѣль знанія — богопознаніе, но необходимо знакомство съ міромъ, какъ съ врагомъ, съ которымъ приходится бороться и который слѣдуетъ возненавидѣть[1]), потому что обыкновенно человѣкъ безумно любитъ его, не зная[2]). Познаніе міра — дѣло въ высокой степени трудное[3]), но оно ведетъ къ пониманію его золъ[4]) и слѣдовательно облегчаетъ борьбу. Но мало знать міръ, нужно его еще ненавидѣть. Салютати формулируетъ это положеніе въ самой рѣзкой формѣ: *кто любитъ міръ, тотъ ненавидитъ Бога*, и совмѣщеніе обѣихъ привязанностей невозможно[5]). Но возненавидѣть міръ еще труднѣе, нежели познать его, потому что онъ переполненъ привлекательными соблазнами[6]); тѣмъ не менѣе человѣкъ долженъ помнить, что *въ борьбѣ съ міромъ — цѣль его земного существованія*[7]). Поэтому онъ долженъ относиться къ міру съ крайней осторожностью, какъ къ чрезвычайно опасному врагу[8]), долженъ брать отъ него только самое необходимое для своего существованія[9])

---

[1]) Ergo anima, ad illum finem beatificum ordinata, si mundum cognoscat corruptorem suum, si cognoscendo exhorreat, si exhorrendo relinquat, nihil habet, quo possit efficaciter impediri, quin Domini assistentis gratia certo tramite ad Creatorem suum aeterna in eo gloria revertatur. Fol. 36.

[2]) Praeposterum enim est haec mundana prius diligere, quam cognoscas. Fol. 15.

[3]) Если нужно съѣсть plures salis modios, чтобы узнать человѣка, говоритъ Салютати, то для познанія міра omnes certe vescendo exhauriendae salinarum apothecae sunt. Ibid.

[4]) Circumeas oppida, perambulas vicos, quot invenies captos oculis, abscisos naribus, evulsos dentibus, lingua cesos etc. Hic aestuat febribus, ille podagris, deliciarum ultricibus, cruciatur etc. Fol. 12.

[5]) Qui mundum diligit, Deum odit,... nec cogitemus posse mundum simul cum Deo diligere. Fol. 16.

[6]) По мнѣнію Салютати, это болѣзнь et tanto periculosius morbo, quem non sentimus aut non cognoscimus aegrotamus. Fol. 20.

[7]) In campum istum natura parens, imo ipsius naturae auctor Deus, nostra corpora seminavit, quibus animales infudit animas, quae cum illo spirituali hoste pugnarent. Fol. 4.

[8]) Quo cautius meditandum et obnixius agendum est, ut ab illo semel decepti, semper enim decepit, factique cautiores, ulterius non fallamur. Fol. 10.

[9]) Въ противоположность Петраркѣ, Салютати считаетъ смерть, какъ наказаніе за грѣхи, зломъ. Fol. 30. Scriptum est: mortem Deus non fecit. Fol. 39. Поэтому совершенно порвать съ чувственнымъ міромъ нельзя. Quid autem opporteat de his, quae mundus habet, assumere, naturam ipsam, ducem optimum, consulamus: famem reprimi, sitim extingui, imbres et frigora pelli ventorumque et aestuum vim arceri natura desiderat. Quicquid ultra est, a malo est. Fol. 45.

и долженъ воздерживаться отъ всякихъ чувственныхъ удовольствій[1]), памятуя, что чѣмъ сильнѣе соблазнъ, чѣмъ труднѣе отъ него отказаться, тѣмъ славнѣе побѣда, тѣмъ больше заслуга, потому что удовольствія для того и существуютъ, чтобы съ ними бороться[2]).

Кромѣ чувственныхъ удовольствій, хотя и въ связи съ ними, источникомъ грѣха, а слѣдовательно объектомъ для борьбы, служатъ семья, собственность и общество. Въ женѣ и дѣтяхъ Салютати видитъ только цѣпи, привязывающія человѣка къ грѣховному міру[3]), но особенно важнымъ источникомъ грѣха является богатство[4]), предоставленное Богомъ человѣку не въ собственность, а для распредѣленія между ближними[5]). Что касается до общества, то оно порождаетъ массу пороковъ, которые по внѣшности похожи на добродѣтели, забота о временномъ и хитрость — на мудрость, плотскіе привязанности — на любовь къ ближнему, пустая слава на сознаніе исполненнаго долга и т. п.[6]). Но съ особенной рѣзкостью нападаетъ Салютати на современное ему общество, которое живетъ только пороками[7]), которое развращаетъ человѣка и театральными представленіями[8]), и въ частныхъ собраніяхъ разговорами[9]). Не составляетъ

---

[1]) Quicquid invenerit (т.-е. homo) oculis gratum, auribus mellifluum, suave olfactui, gusto dulce, aut delectabile factu, vel in quo mens capiatur, detineatur animus aut excitetur appetitus, quicquid, in quo tale invenerit, escam infixam hamis putet et ibidem latere noverit inimicum. Fol. 4.

[2]) Deus... ut tanto gloriosius triumphemus tantoque juxta beneplaciti sui (см. выше, p. 794 пр. 1) legem meritabilius operemur, quanto majorem difficultatem in certamine collocavit. Fol. 48.

[3]) Illaqueamur si quidem mundo, ne in coelum possimus ascendere et ad illum principem beatificum properare... hinc catenae conjugum, filiorum nexus. Fol. 37.

[4]) Tolle namque divitias mundi, ut omnino de mortalium oculis auferantur, radicem malorum omnium — avaritiam et omnium peccatorum reginam — superbiam extirpabis. Fol. 16.

[5]) Concedit nobis Deus divitias finitas, corruptibiles et fugaces, quarum si nos non dominos, sed dispensatores nosse cognoverimus etc. Fol. 18.

[6]) Sanctitas — heretica pravitas; caritas — carnalis et mundana dilectio; prudentia — sollicitudo temporalium, fraus, dolus, astutia; justitia — inexorabilis et austera severitas; fortitudo — temeraritatis audacia; constantia — pertinacia etc. Особенно характерно, что къ числу пороковъ отнесена и слава: subit recte factorum conscientiam inanis gloriae tumor. Fol. 21.

[7]) Alitur viciis suis seculum nostrum. Fol. 22.

[8]) Ubi fraudes, stupra, homicidia et pudenda flagitia, tum verbo, tum gestu ad horrorem forte sapientium, sed delectationem lasciviorum et corruptionem plebeculae canebantur. Fol. 21.

[9]) Салютати живо изображаетъ тогдашнія салонныя бесѣды, которыя показываютъ, что Декамеронъ Боккаччіо подходилъ къ тому не только неапо-

исключенія и современная церковь, превратившаяся въ сосредоточіе всяческаго грѣха[1]); епископы не поучаютъ болѣе народа и не предписываютъ дѣлать это священникамъ; болѣе того, самое богослуженіе превращается иногда въ жалкую комедію и въ орудіе грѣха[2]). Этой крайней испорченности Салютати противопоставляетъ, какъ идеалъ, простоту естественнаго состоянія, которое онъ рисуетъ такими красками и съ такимъ одушевленіемъ, что напоминаетъ Руссо[3]). Но, несмотря

литанскаго, но и флорентійскаго общества. Narrabit itaque unus splendidas dapes, sed quod impudentius est, referret alter illicitos concubitos suos et toties rei seriem, quasi honestissimam naraturus historiam, explicabit. Non tacebit, qua petulantia visus, quave prima sermonis lascivia suorum furorum spem conceperit, quibus internuntiis usus sit, quo verborum lenocinio labantem mpulerit animum, quibus in insidiis steterit, qua fraude maritum puella deceperit, in sua turpitudine et dedecora curiosa, qui primi titubantium sermonum congressus, quis oscula primus impresserit, quae murmura, quae suspiria, qui gemitus intercesserint, quibus arctis dulcibus, quibus complexibus mutuo se insana mentium affectione conjunxerint, qui motus, quae alternationes quotiensque reportaverint decertatione triumphum... Nec solum adolescentuli, quorum minor est auctoritas, talia prodicant, sed adsunt majores, plaudentes illis, mali gaudii recitatione ipsa facti participes nec suos quamvis senes proferre verecundantur amores. Въ этомъ отражается, по мнѣнію Салютати, основной порокъ современниковъ, quibus, si daretur electio, non sapientiarum (sic), non regnum, non divitia (sic) Salomonis, sed septingentas illas reginas et trecentas concubinas optarent, ut diebus singulis possent multa variaque tentigine suos concubitus renovare. Fol. 21.

[1]) Conversa sit in diversorium procationis, vanitatum confabulatorium et opportunum promptuarium voluptatum. Fol. 26.

[2]) Салютати, не называя именъ, разсказываетъ слѣдующій фактъ: Religiosus quispiam et sublimis in pulpito post angelicam Mariae salutationem jocundo quodam sermocinationis proludio suis moribus introductam, aliquod divinarum scripturarum oraculum reassumens, pulcerrimum totum, in sua, ne dicam turpia, membra discepit et aequisillabis canticis, puerili labore compositis, auriculas vulgi permulcet, et eodem observato concentu, membra subdividit, subdivisa distinguit, et rebus inops ac sententiis inanis, maxima verborum incalcatione ascivit. Nuncque acutissime vocis tonitruo totis viribus laterum excitat audientes, nunc graviter insonando submissiore voce perloquitur, nunc candidissimo de prompto sudario frontem tergit, faciem purgat, oculos fricat, nares emungit tantamque mundiciam delicatus affectat, ut non vir, non religiosus, sed potius Cyprica mulier videatur. Manicas deinde rejiciens, summas oras pulpiti candida manu comprendit, digitos in ordinem ponit seque muliercularum murmuratione gaudet de formitate (sic) laudari. Sicque praedicatur verbum Domini totus in ostentationem effusus. Fol. 26.

[3]) Quam facile vero his (т.-е. первымъ см. выше p. 795 прим. 9) necessitatibus satisfiat, docuit aetas prima, quae famem, ut legitur, glande replevit, sitim compressit undis, frigora depulit pellibus, imbres, ventos et aestus antris et specubus evitavit. Haec est illa innocentissima aetas, quam poëtae multis laudi-

развращенность духовенства, церковь единственное средство побѣдить міръ, и Салютати рѣшительно заявляетъ, что *внѣ католической церкви нѣтъ спасенія*[1]), и что при суетности земного счастія[2]), самое лучшее средство для этого монашество, и горько сожалѣетъ, что самъ онъ не можетъ покинуть семьи и міра[3]).

Развитію той мысли, что монахъ идеалъ человѣка, а монашество — идеалъ общежитія, и посвящена вторая книга трактата De Seculo et Religione, въ которой Салютати подробно разсматриваетъ монашескіе обѣты и въ заключеніе побуждаетъ къ монашеству читателя[4]). Если міръ источникъ грѣха, и авторъ осыпаетъ его всевоз-

---

bus extollentes, tum auream, tum saturniam vocaverunt. O felices glandes! O saluberrima flumina! Non excitavit tunc aestuantium ciborum virus suo calore libidinem. Non tentavit cerebrum insaniae simillima marcens ebrietas. Non fuit cum proximo de finibus controversia, non de regno. Omnia communia erat. Thoros-herba, donos-antra non custodita, non clausa, sed cunctis patula ministrabant. Sublata tunc erant, imo nondum reperta illa duo litigiosa vocabula, quae mortalium pacem turbant quaeve claudunt hominibus viam in collum, quae sunt avaritiae fomites et contentionum auctores-scilicet meum et tuum. O utinam, ut ait Severinus, modo nostra redirent in mores tempora priscos. Fol. 45.

[1]) Est itaque mundis mare turbidum, in quo quicumque mortalium extra ecclesiae catholicae naviculum se direxerit, naufragus submergetur... Nec sit, in hoc mari sine ecclesiae sanctae navigio portum speres salutiferum invenire. Fol. 30.

[2]) Quid inanius est, inter haec mundana falsa atque caduca nos beatos ac felices et credimus, et jactamus. Fol. 17.

[3]) Салютати говоритъ монаху, которому посвящено сочиненіе: Felix, terque, quaterque felix, qui potuisti mundi blandientis illecebras superare, fol. 3, и горько сожалѣетъ что не можетъ послѣдовать его примѣру. Heu, heu miser, cum hic maneo, cum non assumo gladium separationis et, relinquens uxorem atque filios, hinc fugio! Heu miser, heu miser. Fol. 27.

[4]) Книга раздѣлена на 15 главъ, изъ которыхъ первая служитъ предисловіемъ, вторая оставлена безъ заглавія, а остальныя носятъ такое названіе:

3. Quam commendabilis est religio quae vota contineat.
4. Quod ad religionem confugiendum sit et quid maxime religiosi devoveant.
5. Quanta puritas religiosos deceat et quid variae religionum vestes significent.
6. Semper habenda professionis suae memoria et quam sit meritum religiosorum, quam eorum, qui circa voti vinculum operantur.
7. Religiosi debeant resistere temptationibus, quibus eos diabolus conatur a proposito revocare.
8. De voto continentiae.
9. De voto paupertatis.
10. De oboedientiae voto.
11. De oratione.
12. De devotione.

можными порицаніями, то отреченіе отъ него „состояніе совершенства", которое Салютати до небесъ превозноситъ всевозможными похвалами[1]). Слова Христа въ притчѣ о сѣятелѣ онъ толкуетъ совершенно въ духѣ средневѣкового католицизма: простой христіанинъ принесетъ плодъ въ 30 кратъ, духовное лицо въ 60, а монахъ въ 100[2]). Самое обсужденіе отдѣльныхъ сторонъ монашескаго обѣта главнымъ образомъ представляетъ интересъ по воззрѣніямъ Салютати на женщину и собственность. Дѣвственность, по его мнѣнію, самая совершенная и самая трудная добродѣтель[3]), а женщина самое соблазнительное зло изъ всѣхъ соблазновъ грѣшнаго міра[4]). Еще со большей враждой относится Салютати къ собственности. Не говоря уже о томъ, что обладаніе ею приводитъ къ грѣху отдѣльную личность[5]), она губитъ государство и развращаетъ церковь[6]). Бѣдняки основали рим-

---

13. De adoratione.
14. De humilitate.
15. Brevissima exhortatio ad religionem.

[1]) Tu status perfectiones, tu scola veritatis, vitiorum expulatrix, regula morum, cultura virtutum. Tu custos pudicitiae, doctrina oboedientiae, mater honestatis, magistra sobrietatis, tu victrix insolentiae, superatrix inanis gloriae fugatrix elationis, fedatrix contentionis. Tu praecepta jubes, ad consilia obligas, auges merita, aggravas delicta. Et quod super omnia maximum est, tu sola cum caritate vinculum es, quo Domino conjungimur et unimur. Fol. 58.

[2]) По словамъ Салютати, его адресатъ даетъ fructum non trigesimum solum, quae dant communiter christiani, neque sexagesimum, qui convenit clericis, sed centesimum, qui debetur sine dubio religiosus. Fol. 51.

[3]) Nihil enim mundius, nihil delicatius virginitate nihilque custodiri difficilius. Unica quidem etiam levi impressione violatur. Nulla autem temptatio libidine blandior, nulla frequentior nullaque nobis intestinior. Fol. 65.

[4]) Heu! Quotiens ornata mulier, peccatorum farcinam depositura, pontificem adiens, suis sacerdotem illecebris irretivit. Habent mulierum verba nescio quos voluptatis stimulos, ut sive cum honestate proferrent seria, sive narrent cum jocunditate lascivia cordibus audientium infigantur et, tamquam appositus ignis ad stipulam, soleant infectum humanis mentibus afflare colorem ingensque contra rationem incendium concitare. Fuge igitur mulieres..... Est enim muliebris intuitus sub aliorum arcu praeparata sagitta: eodem namque momento videt et ferit. Fol. 67.

[5]) Богатство ведетъ къ утратѣ не только вѣчнаго блаженства, но и земного спокойствія. Istae, quas tantoper miramur, divitiae, quasque relinquere tam ardue reputamus, nullum permissunt mortales habere quietem. Si absunt — desiderantur; si possidentur, cum amitti possint, metu continuo nos excruciant. Si vero perduntur, in miseriarum infimum nos demergunt. Fol. 68.

[6]) Si cogitaremus duas omnino fuisse et esse debitas mortalibus civitates, unam spiritualem, quam Dei dicimus, alteram vero carnalem, quam mundi possumus appellare; et ad alterutram ipsarum affectus nostros et finem nostrorum operum statueremus, ocurreret nobis, utramque civitatem a pauperibus institutam, a divitibus vero dirutam et corruptam. Fol. 69.

ское царство. Ромулъ и его товарищи, а также Нума не имѣли богатствъ, а богатый Тарквиній Гордый погубилъ основанную ими политическую форму. То же и въ республикѣ: ранніе республиканцы: Публикола, Цинцинатъ, Фабрицій были бѣдняки[1]), а Сулла, Цинна, Помпей и Цезарь отъ жадности перешли къ честолюбію и погубили республику[2]). Таково же вліяніе собственности и въ церкви. Христосъ и апостолы были бѣдны, первобытные христіане не имѣли собственности, и церковь сіяла добродѣтелями, а даръ Константина породилъ въ духовенствѣ жадность и честолюбіе, которыя губятъ церковь[3]). Единственное спасеніе отъ губительнаго вліянія богатствъ, заключается, по мнѣнію Салютати, въ уничтоженіи личной собственности, созданной противоестественною жадностью[4]).

Итакъ это сочиненіе и по духу, и по содержанію безконечно далеко не только отъ стремленій позднѣйшихъ гуманистовъ къ досугу обезпеченнаго уединенія, но и отъ идей De vita solitaria. Здѣсь Салютати еще болѣе стоитъ на средневѣковой почвѣ, чѣмъ въ предшествующимъ трактатѣ. Его исключительный авторитетъ церковная литература и преимущественно свящ. писаніе, которое онъ толкуетъ аллегорически. Такъ, благополучный переходъ евреевъ черезъ Красное море, гдѣ потонули египтяне, обозначаетъ, по его мнѣнію, что безъ крещенія невозможно спасеніе и т. п.[5]). Къ средневѣковымъ авторитетамъ онъ относится съ почтеніемъ[6]), тогда какъ языческіе философы косвенно, но крайне рѣзко осуждаются[7]). Тѣмъ не менѣе, несмотря

---

[1]) Hi pauperes tantum imperium fundaverunt. Fol. 71.

[2]) Primo pecuniae, deinde imperii cupido crevit: ea quasi maries (sic) omnium malorum fuerunt. Ibid.

[3]) Post Constantinum, qui non dotavit, sed ditavit ecclesiam et superba sibi (sic) tradidit imperialis apicis ornamenta, pace cunctorum dictum sit, hi nostri praesules, quibus, sicut aliis ducibus terrenae civitatis, primo pecuniae, deinde imperii cupido crevit posteaque, simulac mel et oleum comederunt et ornati sunt auro et argento, et vestiti sunt bysso et polymito, et multicoloribus, et decori facti sunt vehementer nimis, et demum profecerunt in regnum, illam civitatem gloriosam abominabilem reddiderunt. Fol. 72.

[4]) Nec cogitamus miseri mortales contra naturam esse, quod illas (divitias), ad usum omnium procreatas, per avaritiam in nostrae proprietatis dominium vindicemus. fol. 68.

[5]) Ut in illa figurabili hystoria veteris testamenti satis apte possit intelligi, sine Domini sacramento, quod ille, qui circumcisionem instituit, nova faciens omnia, in baptismi lavacrum commutavit, in hoc mari neminem posse salvari. Fol. 30. Въ этомъ же смыслѣ истолковано хожденіе по водѣ ап. Петра и т. д. Fol. 31 и 32.

[6]) Напр., venerabilis Gallenus, Avicenna mirabilis fol. 12.

[7]) Bonos itaque extra ecclesiae nostrae corpus, cujus caput Christus est, frustra quesiveris. Fol. 7.

на средневѣковую окраску трактата, гуманистическія воззрѣнія проявляются въ немъ съ неожиданной яркостью. Не говоря уже о выходкахъ противъ „современныхъ софистовъ“ [1]) и обильныхъ лексическихъ разъясненіяхъ [2]), характеризующихъ гуманистическую литературу, Салютати стоитъ на совершенно новой точкѣ зрѣнія въ такомъ основномъ вопросѣ, какъ взглядъ на человѣческую природу. Выше мы отмѣтили поразительное сходство въ этомъ пунктѣ Салютати съ Пико, жившемъ почти на столѣтіе позже автора трактата [3]), и это сходство не простая случайность: взглядъ Салютати основное воззрѣніе позднѣйшихъ гуманистовъ, которое доказывалось ими въ спеціальныхъ трактатахъ [4]). Разница заключалась только въ выводахъ, потому что внуки Салютати сумѣли рѣшительнѣе отдѣлаться отъ средневѣкового аскетизма [5]).

---

[1]) Nullum autem obtestor et tibi et omnibus, in quorum manus ista pervenerit apte denuncio me verborum meorum seriem ad illam proprietatem, quam modernorum sophistarum requirit subtilitas nullatenus astrinxisse fol. 51.

[2]) Такъ, напр., различіе между aerumna и calamitas (fol. 32), и т. п.

[3]) См. выше p. 749, пр. 1.

[4]) См. *Jannotii Manetti, De dignitate et excellentia hominis. Basileae 1532* и *Bartholomaei Facii, De excellentia ac praestantia hominis. Hanoviae MDCXI.*

[5]) Гуманистическій выводъ изъ этого взгляда сдѣлалъ L. B. Alberti въ своемъ трактатѣ *Della famiglia.* Fece la natura, cioé Iddio, l'uomo composto parte celeste e divino, parte sopra ogni mortale cosa formosissimo e nobilissimo; concessegli forma e membra accomodatissime a ogni muovimento e quanto basta a sentire e fuggire ciò che fusse nocivo e contrario; attribuigli discorso e giudicio a seguire e a prendere le cose necessarie e utili; diegli movimento e sentimento, cupidità e stimolo pe'quali aperto sentisse e meglio seguisse le cose utili fuggisse le incomode e dannose; donògli ingegno, docilità, memoria e ragione, cose divine e attissime ad investigare, distinguere e conoscere qual cosa sia da fuggire, e quale da seguire per bene conservare sè stessi. Ed aggiunse a questi tanti e inestimabili doni Iddio ancora nell'animo e mente dell'uomo, moderazione e freno contro alle cupidità e contro a'superchi appetiti, con pudore, modestia e desiderio di laude. Statuè ancora Iddio negli animiu mani uno fermo vincolo a contenere la umana compagnia, giustizia, equità, liberalità e amore, coll quali l'uomo potesse appresso li altri mortali meritare grazie e lode, e appresso il procreatore suo, pietà e clemenzia. Fermo ancora Iddio ne'petti virili a sostenere ogni fatica, ogni avversità, ogni impeto della fortuna, a conseguire cose dificilissime, a vincere il dolore, a non temere la morte, fermezza, stabilità, constanzia, e forza, e spregio delle cose caduche, colle quali tutte virtù, noi possiamo, quanto dobbiamo, onorare e servire a Dio con giustizia, pietà, moderanzia e ogni altra perfetta e lodatissima operazione. Sia adunque persuaso che l'uomo naque, non per attristarsi in ozio, ma per adoperarsi in cose magnifiche e ample, colle quali e'possa piacere e onorare Iddio in prima, e pecavere in sè stesso come uso di perfetta virtù; così frutto di felicita. Bonucci, Opere volgari di L. B. A. II p. 191—92.

Весьма важнаго этическаго вопроса касается рѣчь Салютати о Лукреціи[1]). Поступокъ римской матроны не разъ обсуждался въ предшествующей литературѣ, при чемъ христіанская и языческая точка зрѣнія на него были діаметрально противоположны: первые обвиняли самоубійцу, которой послѣдніе гордились, какъ наивысшимъ выраженіемъ нравственной чистоты и твердости. Салютати отказывается отъ рѣшительнаго приговора. Его рѣчь, которой предшествуетъ коротенькое изложеніе событія, раздѣляется на двѣ части: въ первой отецъ и мужъ Лукреціи запрещаютъ ей привести въ исполненіе ея намѣреніе, во второй она доказываетъ неизбѣжность самоубійства. Центръ тяжести аргументаціи первой рѣчи сводится къ тому, что тѣло безъ участія духа не можетъ совершить преступленія; къ этому присоединяются въ литературныхъ интересахъ — ради полноты и убѣдительности рѣчи указанія на безупречность поведенія Лукреціи, обѣщаніе отмстить ея обиду, горе дѣтей, отца и мужа и т. п. Лукреція выставляетъ противъ этого принципъ, что честь выше жизни; поэтому необходимо добровольной смертью окончательно смыть нанесенное ей оскорбленіе иначе можетъ возникнуть подозрѣніе въ ея соучастіи въ этомъ преступленіи. Къ этому главному основанію Лукреція прибавляетъ весьма краснорѣчиво и другіе аргументы. Указавши на необходимость ради общаго блага отмстить ея обиду, она доказываетъ, что насиліе наложило пятно на честь ея отца, должно подорвать любовь къ ней мужа и уваженіе дѣтей и сдѣлало невозможнымъ для нея душевное спокойствіе: оскверненное тѣло ей противно, тѣмъ болѣе что вопреки ея волѣ оно чувствовало наслажденіе отъ невольнаго прелюбодѣянія.

Фогтъ видитъ въ этомъ произведеніи только риторическое упражненіе, въ родѣ тѣхъ, которыя произносились въ древнихъ риторскихъ школахъ[2]). Трудно, сказать, по какимъ побужденіямъ написалъ его Салютати, что не мѣшаетъ видѣть въ его содержаніи взгляды автора, довольно неожиданные сравнительно съ предыдущими. Салютати было извѣстно, конечно, воззрѣніе на этотъ поступокъ бл. Августина, тѣмъ не менѣе онъ сочувствуетъ Лукреціи. Въ ватиканской и парижскихъ рукописяхъ это произведеніе прямо озаглавлено „рѣчь

---

[1]) Въ Ватиканской рукописи *(Urbinate № 1173)*, которой я пользуюсь, она озаглавлена *Declamatio Coluccii Pierii, viri desertissimi, pro Lucretia pudicissima.* Рѣчь была издана два раза (См. Voigt, Die Wiederbelebung II, 444); но одинъ разъ ее приписали Энею Сильвію, а Герм. Мюллеръ счелъ ее за произведеніе античнаго автора. Я считаю небезполезнымъ напечатать ее въ приложеніи (III) въ виду важности отношенія гуманистовъ къ Лукреціи для исторіи ихъ этическихъ взглядовъ.

[2]) Die Wiederbelebung II, p. 444.

въ защиту Лукреціи"[1]), если это заглавіе и неподлинное, что весьма возможно[2]), оно доказываетъ во всякомъ случаѣ, что такъ понимали автора современные ему читатели. Другое пониманіе и невозможно: рѣчь Лукреціи написана гораздо краснорѣчивѣй и убѣдительнѣй, нежели блѣдныя увѣщанія отца и мужа. Кромѣ того, въ ней чувствуется и гуманистическій интересъ къ внутреннему міру человѣка, и спеціально принадлежащее автору нѣсколько пренебрежительное отношеніе къ женщинѣ[3]).

Весьма наглядно обнаруживается интересъ Салютати къ этическимъ вопросамъ въ его сочиненіи, о необходимости медикамъ изучать краснорѣчіе, которое носитъ такое заглавіе: *„Трактатъ о томъ, что медики должны учиться краснорѣчію и о скромности, добродѣтель ли она или порокъ"*[4]). Это сочиненіе, оставшееся до сихъ поръ неизданнымъ и извѣстнымъ только по имени, представляетъ интересъ для характеристики отношеній автора къ Петраркѣ, для его воззрѣній на краснорѣчіе и методологическихъ пріемовъ излѣдованія. Трактатъ направленъ собственно противъ одного письма Петрарки, въ которомъ доказывается, что краснорѣчіе излишне для медика, такъ какъ оно не помогаетъ лѣченію и только развиваетъ во врачѣ болтливое нахальство[5]). Заявляя глубокое уваженіе къ первому гуманисту, Салютати предоставляетъ физику, которому посвящено сочиненіе, слѣдовать совѣту Петрарки, если онъ находитъ его справедливымъ[6]); но самъ авторъ держится противоположнаго взгляда[7]).

---

[1]) См. p. 802 прмч. 1. Въ Парижской Національной Библіотекѣ эта рѣчь находится въ Codd. 6254 и 11291.

[2]) Въ флорентійской Laurentiana Medicea (Plut. 90. Cod. 13) рѣчь озаглавлена такъ: Declamationes piae Coluccii Pierii de Stignano Cancellarii Florentini *super facto Lucretiae*. Mehus приводитъ другое заглавіе Declamationes Collutii *de morte* Lucretiae (Vita Ambros. p. CCCII).

[3]) Nihil muliere mollius; aegritudinem animique motus nedum mollit, sed extinguit etc. Fol. 17.

[4]) Manetti просто называетъ его *De Verecundia ad Antonium Physicum Faventinum*. Я пользуюсь *рукописью Флорентійской Laurentiana Medicea (Plut. 78 Cod. 12)*, гдѣ сочиненіе носитъ такое заглавіе. *Magistro Antonio de Barrufaldis, phisico Faventino Fractatus, quod medici eloquentiae studeant et de verecundia, an sit virtus aut vitium Coluccii Pierj Salutati*. О личности фавентинскаго физика (который въ Cod. 41 Super. Plut. 90 названъ Florentinus) см. выше p. 749.

[5]) Epistol Senil. III, 8.

[6]) Non vereor, clarissime vir, ne me de eloquentia arguas, ut quondam Petrarcha, cujus famam et opera totis affectibus colo, quendam alium phisicum in quadam rerum senilium epistola ab ea retrahere arguto sermone satagebat. Quid utrum recte, an minus recte fecerit tuo aeque judicio et gravissimo relinquatur. Fol. 37.

[7]) Ut si eloquentiam volueris abstinere, Petrarcham sequi possis; sin autem

Онъ соглашается съ Петраркой, что краснорѣчіе ненужно для медицинской спеціальности[1]), но медикъ не долженъ быть узкимъ спеціалистомъ, долженъ обладать широкимъ и глубокимъ интересомъ къ знанію; его идеаломъ долженъ быть Солонъ, который на смертномъ одрѣ прислушивался къ краснорѣчивымъ бесѣдамъ друзей. Этотъ фактъ доказываетъ также и могущество краснорѣчія, въ воззрѣніи на которое Салютати является настоящимъ гуманистомъ: по его мнѣнію, человѣческое слово одна изъ самыхъ могущественныхъ силъ не только въ личныхъ, но и въ политическихъ отношеніяхъ[2]). Разсужденіе о скромности представляетъ интересъ главнымъ образомъ по методу: здѣсь Салютати также стоитъ на чисто гуманистической точкѣ зрѣнія, потому что единственнымъ авторитетомъ служатъ для него древніе авторы, изъ анализа взглядовъ которыхъ онъ и дѣлаетъ свой выводъ[3]).

Салютати расходится съ Петраркой и въ другомъ своемъ сочиненіи, въ трактатѣ *„О благородствѣ законовъ и медицины“*, напечатанномъ въ XVI столѣтіи[4]). Несмотря на преклоненіе передъ краснорѣчіемъ, Салютати не относился съ безусловнымъ отрицаніемъ къ представителямъ средневѣкового знанія, какъ нѣкоторые изъ позднѣйшихъ гуманистовъ, вслѣдствіе чего самое появленіе подобнаго трактата не лишено значенія.

Независимость воззрѣній Салютати сказалась и въ его неизданномъ до сихъ поръ этико-политическомъ трактатѣ *„О тираннѣ“*, направленномъ противъ Боккаччіо[5]). Сочиненіе распадается на 5 отдѣловъ,

illa delecteris me habeas, si tamen natura te ad id aptum produxerit, hortatorem. Fol. 38.

[1]) Placet autem et cum Petrarcha nostro sentio medicos ad curandum vocari, non ad persuadendum, curationique opus esse non verbis, sed herbis. Ibid.

[2]) Ego vero, cum quamlibet artem potentiam esse sciam, rhetoricam arbitror potentissimam esse, quae non solum specialiter unum afficiat, sed magnos exercitus maximasque civitatum conciones impellat et regat. Fol. 38.

[3]) Dicam prius, quod super hoc senserint antiquorum auctorum aliqui, qui in meas manus incederunt. Statuam autem hinc graecos, hinc qui latine scripserunt et his recitatis conabor ipsorum controversiam, quantum divinitas concesserit, ad unitatis concordiam revocare.

[4]) *De Nobilitate legum et Medicinae. Ed. Hieronimus Gigante apud J. Baptista Pederanzi. 1552.* Manetti называетъ это сочиненіе De Laude Legum et Medicinae (Mehus. Vita Ambrosii CCLXXXVIII).

[5]) Я цитирую по рукописи Флорентинской Laurentiana Medicea, гдѣ это сочиненіе озаглавлено *Coluccius Pyeri, Cancellarius Florentinus salutem dicit Magistro Antonio de Aquila studenti in artibus Patavi. Tractatus de Tyranno.* Изъ біографовъ Салютати объ этомъ сочиненіи упоминаетъ Manetti (Mehus. Vita Ambrosii, p. CCLXXXVIII). О личности Antonius de Aquila свѣдѣній нѣтъ.

которые называются рубриками. Въ первой Салютати опредѣляетъ понятіе тиранна[1]). По его мнѣнію, тираннія бываетъ 2-хъ сортовъ — скрытая, не формальная[2]) и настоящая, дѣйствительная; послѣдняя въ свою очередь распадается на 3 вида соотвѣтственно тремъ формамъ монархіи[3]). Салютати различаетъ абсолютную, ограниченную и деспотическую монархіи, опредѣляетъ ихъ и находитъ аналогію для каждой изъ нихъ въ семейномъ строѣ[4]). Тираннія возможна въ каждой изъ этихъ формъ въ 2-хъ случаяхъ: когда власть захватывается вопреки праву или когда ею пользуются съ нарушеніемъ справедливости[5]). Въ другой рубрикѣ Салютати рѣшаетъ вопросъ, позволительно ли убить тиранна[6]). По отношенію къ покусителямъ на общественную свободу и къ ея похитителямъ вопросъ рѣшается въ безусловно утвердительномъ смыслѣ. Опираясь на примѣръ древнихъ, Салютати считаетъ позволительнымъ поступать съ ними, какъ съ ворами и разбойниками, убивать ихъ не только въ моментъ покушенія, но и послѣ того какъ они захватили власть[7]). Сомнѣніе возбуждаетъ только тираннически правящіе законные государи[8]), относительно которыхъ авторъ приходитъ къ слѣдующему выводу. Всякій властитель

---

[1]) Quid sit tyrannus et unde dicatur. Rubrica.

[2]) Duplex videtur esse tyrannus: unus quidem habitu, sed alter est actu. Nam, cui potestas deest, sed latente nequitia tyrranidem exercet... habet habitum, sed non actum et hic est tyrannus, si recte respicias. Fol. 2.

[3]) Actualiter et proprie tripliciter potest, sicut principatus dividitur, dispartiri. Ibid.

[4]) Est enim principatus regius estque politicus est et despoticus. Nam aut quis dominatur juxsta prudentiae suae regulam et arbitrium voluntatis liberae sine lege, vel cujusque definitione legis aut hominis pro subditorum utilitate,— et hoc dominium est regale. Aut auctoritate restricta legibus, quam transgredi nefas sit, qui principatus politicus appellatur. Aut illa ratione dominii, qua quis praesidet servis atque jumentis, in quo possessionis conservatio queritur et utilitas possidentis, quod regnandi genus proprie despoticum a Graecis appellatur... Pater namque familias filio dominatur regie per dilectionem et amorem, uxori vero politice secundum juris determinationem, sed servis despotice, sicut in propriam possessionem. Ibid.

[5]) Concludamus igitur tyrannum esse, qui invadit imperium et justum non habet titulum dominandi. Et qui tyrannus est, qui superbe dominatur, aut injustitiam facit, vel jura legesque non observat. Fol. 3.

[6]) An liceat tyrannum occidere. Rubrica.

[7]) Nec solum cum invadit, sed etiam postquam invaserit, tametsi tempus incesserit quo forte subsidia pro repellendo tyrranno cum suis copiis pararentur. Fol. 29.

[8]) An autem liceat contra dominum et superiorem insurgere, qui per superbiam abuti ceperit principatu, licet titulum justum vel justificatum habuerit, principalis nostra dubitatio. Fol. 30.

можетъ быть подвергнуть высшей инстанціей изгнанію и даже смерти, но только по законному суду[1]). Такой безапелляціонной инстанціей по отношенію къ государю является, по мнѣнію Салютати, государство, которое можетъ не только низложить его, но даже изгнать или казнить[2]). Съ этой точки зрѣнія онъ оправдываетъ изгнаніе римлянами Тарквинія Гордаго. — Три послѣднія рубрики Салютати посвящаетъ обсужденію судьбы Юлія Цезаря. Въ первой изъ нихъ[3]) онъ доказываетъ что Цезарь не былъ тиранномъ[4]); во второй[5]), что его убійство было злодѣйствомъ и преступленіемъ; въ третьей[6]), что Данте, помѣстивши въ аду Брута и Кассія, поступилъ правильно со всѣхъ точекъ зрѣнія[7]).

Итакъ, какъ истый республиканецъ, Салютати стоитъ на точкѣ зрѣнія идеи народовластія; но онъ далекъ и отъ слѣпого преклоненія передъ античнымъ республиканизмомъ, которымъ такъ увлекался одно время Боккаччіо, и отъ чрезмѣрнаго преувеличенія правъ личности, которымъ грѣшили гуманисты слѣдующаго поколѣнія.

Другіе политическіе трактаты Салютати извѣстны только по названію. Такъ онъ написалъ сочиненіе: *О наслѣдственной и избирательной монархіи*, въ которомъ разсматривалъ выгоды и недостатки той и другой политической формы[8]). Въ трактатѣ *О цар-*

---

[1]) Et quod a superiore deponi valeat atque puniri, nullum crediderim denegare, dummodo rite processum fuerit et legitime judicatur. Quod si superior vel alius auctoritatem habens ipsum judicaverit hostem, impune pelli poterit et occidi; per sententiam vero depositus absque superioris licentia nec exigi dominus (въ рукописи неясно, а въ другой Plut. 90, Cod. 41. эти слова пропущены) nec interfici, nec offendi. Ibid.

[2]) Civitas vero, quae superiorem alium non agnoscit, abrogare sine dubitatione potest imperium praesidentis et ipsum expellere, justaque subsistente causa fas erit occidere, si libet. Fol. 30.

[3]) De principatu Caesaris et an ipse possit et debeat inter tyrannos rationabiliter numerari. Rubrica.

[4]) Разсмотрѣвши различныя мнѣнія, Салютати говоритъ quare concludamus hoc articulo Caesarem non fuisse tyrannum, quam jure non injuria in communi republica tenuit principatum. Fol. 33.

[5]) An Julius Caesar jure fuerit occisus. Rubrica.

[6]) Quod Dantes juste posuerit Brutum et Cassium in inferno inferiori, tamquam singularissimos proditores. Rubrica.

[7]) Concludamus in hoc, sicuti in aliis, Dantem nostrum nec theologice, nec moraliter longeque minime poëtice damnando, sicut fecit, Brutum et Cassium erravisse. Imo non solum errasse, sed juste sine dubio judicasse. Fol. 36.

[8]) Mehus видѣлъ это сочиненіе съ такимъ заглавіемъ *Brevis quidam tractatus, in duas partes distinctus, in quarum prima concluditur melius esse regnum successivum, quam electivum; in altera vero melius e contra esse regnum electivum, quam successivum.* Vita Ambrosii, p. CCCII.

ской коронаціи, посвященномъ Карлу королю Сициліи и Іерусалима, онъ выясняетъ обязанности государя излагаетъ происхожденіе и причины борьбы гвельфовъ съ гибеллинами[1]). Вѣроятно, политическое содержаніе имѣла рѣчь, произнесенная Салютати передъ кардиналомъ Филиппомъ Алансономъ[2]). Весьма важное значеніе для характеристики политическихъ воззрѣній Салютати имѣетъ его Инвектива противъ Антоніо Лоски[3]). Молодой гуманистъ, находившійся тогда на службѣ у Висконти, написалъ по порученію своего господина рѣзкое сочиненіе противъ флорентійцевъ, въ которомъ осмѣивалъ происхожденіе города, его современное состояніе и политическія стремленія. Салютати, тогда уже 72-лѣтній старикъ, съ юношеской пылкостью вступился за честь родины. По общему тону, инвектива мало чѣмъ отличается отъ обычныхъ произведеній такого содержанія. Салютати, правда, воздерживается отъ клеветы и диффамаціи; но его голословная брань не знаетъ границъ и наполняетъ цѣлыя страницы сочиненія. „Я могъ бы назвать тебя, пишетъ онъ, по угодничеству Гнатономъ, по жестокости Суллой, по похотливости Пріапомъ и Силеномъ, по зависти Муціемъ, по вспыльчивости Александромъ Великимъ, по гордости Тарквиніемъ“ и т. д.[4]). При этомъ Салютати упрекаетъ своего противника въ ошибкахъ противъ латинской грамматики[5]) и въ незна-

---

[1]) *De Coronatione Regis, sive quid deceat Regem*. Mehus, видѣвшій этотъ трактатъ, говоритъ Hoc vero in opere praeclara sunt de schismate scripta, Guelphorumque ac Gibellinorum nomen atque origo doctissime exposita. Ibid.

[2]) *Sermo Collucii Pierii de Stignano Cancellarii Florentini habitus ad Reverendissimum in Christo patrem et Dominum Philippum de Alensonio Sabinensem Episcopum, Cardinalem atque Patriarcham Aquilegiensem in visitatione facta per Dominos Priores Artium et Vexilliferum Justitiae populi et Communis Florentiae*. Mehus видѣлъ автографъ, на которомъ обозначено, что рѣчь была произнесена въ 1388 г. Ibid. p. CCCI.

[3]) *C. Salutati Invectiva in Antonium Luschum Vicentinum. Ed. Moreni. Florentiae 1826*. Въ рукописи оно носило такое заглавіе: *Lini Coluccii Pierii Salutati oratio adversus maledicum objurgatorem, qui multa contra inclytam civitatem Florentiae pungenter scripsit*. (Mehus Vita Ambrosii Traversari, p. CCXCIX). Изъ посвятительнаго письма ad Petrum Turchum видно, что она написана въ 1403 году. Въ 1616 г. инвектива была переведена Adimario на итальянскій языкъ; извлеченія изъ нея напечатаны у *Balutius'a* въ *Additamentis ad vitas Avenionensium Paparum. T. I.*

[4]) У Moreni, p. 192 и слѣд. Прямая брань въ родѣ слѣдующей — licet enim bestia sis, non tamen es cicuris, id est humana, sed rana, non simplex bestia, sed omnino bestia bestialis. Accedit huic inhumanitati tuae, vel, ut rectius loquar, procacitati, summa quaedam dementia (p. 7) — встрѣчается весьма часто. (См. напр., p. 124 и слѣд.).

[5]) Ibid. p. 103.

комствѣ съ древнеримскими учрежденіями[1]). Но главное содержаніе инвективы — защита Флоренціи, ея строя и политики. Салютати старается защитить свою родину отъ отдѣльныхъ обвиненій, и это представляетъ интересъ для современной политической исторіи[2]). Болѣе значенія для характеристики воззрѣній самого автора имѣетъ общая защита Флоренціи. Для этой цѣли Салютати становится то на историческую, то на религіозную, то на политическую точку зрѣнія. Чтобы превознести Флоренцію, онъ излагаетъ не только ея заслуги въ прошломъ, но и легенды объ основаніи Рима[3]). Вообще къ легендѣ инвектива чувствуетъ большую склонность, хотя у автора замѣчается и наклонность къ критикѣ. Такъ, Салютати хочется поправить выраженіе Плинія — Fluentini на Florentini, а въ то же время онъ желаетъ сохранить легенду, что Флоренція получила свое названіе отъ чуда св. Зиновія[4]). Эта легенда представляется ему тѣмъ привлекательнѣе, что онъ хочетъ извлечь изъ названія выводъ объ особой любви Творца къ городу и пророчество о его процвѣтаніи. По этимологическому значенію Флоренція и Назаретъ тождественны, и въ этомъ фактѣ Салютати видитъ выраженіе божественнаго промысла[5]).

Защита Флоренціи съ политической точки зрѣнія представляетъ интересъ по своеобразному соединенію лиризма и трезвости въ аргументаціи. На многихъ страницахъ своей книги Салютати съ искреннимъ паѳосомъ слагаетъ гимнъ свободѣ, „небесному благу, котораго только не испытавшіе не цѣнятъ и не понимаютъ“[6]) и съ неподдѣльной ненавистью говоритъ о тираніи[7]). Но онъ защищаетъ превосходство политики Флоренціи трезвыми и практическими соображеніями. Такъ, напр., о причинахъ миролюбія Флоренціи онъ говоритъ слѣдующимъ образомъ. „Народы не могутъ рѣшиться начать войну безъ согласія большинства, что всегда и въ особенности

---

[1]) Ibid. p. 85—86.

[2]) См., напр., отношеніе Флоренціи къ S. Miniato, p. 62 и слѣд.

[3]) Ibid. p. 25 и слѣд.

[4]) Повидимому, Салютати склоняется къ первому предположенію, хотя и воздерживается отъ опредѣленнаго вывода. Quod adeo verum est (соображеніе о Плиніи), quod etiam auderem dicere, nisi rationi temporum Ptolemaei repugnaret auctoritas, priscum nomen illud in Florentiam commutatum, quando mense Januario singulari Dei miraculo certum est ulmum effrondem ad feretri vel sandalipae contactum, quae corpus Sanctissimi patris nostri Zenobii continebat, floruisse; ut ex tunc pro Fluentia Florentia coeperit vocari. Ibid. p. 33—34.

[5]) Ibid. p. 34—35.

[6]) Ibid. p. 21—22, 53—54 и passim.

[7]) Ibid. p. 56. Ср. p. 159—161.

въ нашей республикѣ весьма трудно, потому что даже для защиты свободы и государства не легко получить народное согласіе, безъ котораго нельзя сдѣлать дѣйствительнаго постановленія ни о войнѣ, ни о мирѣ; поэтому при нашихъ нравахъ всегда было трудно предпринять даже необходимую войну, а не то что начать произвольную. И не удивительно: все, что поглощаютъ наши войны, доставляется исключительно налогами, которые, смотря по необходимости, устанавливаетъ общее рѣшеніе и располагаетъ тѣмъ, что нужно добыть изъ кошельковъ нашихъ гражданъ... Прибавь къ этому, что наше государство управляется не честолюбіемъ, врожденнымъ знати, а купеческими добродѣтелями (bonitate mercatoria), а такъ какъ ничто не можетъ быть враждебнѣе купцамъ и ничто не приноситъ болѣе ущерба торговлѣ и ремесламъ, какъ военныя смуты и безпокойство (strepitus turbatioque), то должно быть всѣмъ ясно, что купцы и ремесленники, въ рукахъ которыхъ находится управленіе нашей республикой, любятъ миръ и ненавидятъ военныя опустошенія"[1]). Съ другой стороны, титулы и связанныя только съ ними права не имѣютъ никакой цѣны въ глазахъ трезваго и практическаго Салютати. „Почему ты называешь своего господина герцогомъ, спрашиваетъ онъ Лоски, когда онъ самый настоящій тираннъ? Но ты скажешь: развѣ онъ авторитетомъ императорскаго величества не былъ сдѣланъ герцогомъ Милана и графомъ Павіи? Я признаю, что онъ былъ сдѣланъ, если только герцоги и графы создаются среди пѣнящихся бокаловъ... въ осужденіе и ущербъ имперіи, за постыдныя деньги, а не за родъ, не за доблесть, не за заслуги; если можетъ превратиться въ законнаго герцога или графа тотъ, кто установилъ тираннію и постоянно остается тиранномъ"[2]). Эта политическая трезвость заставляетъ, наконецъ, Салютати съ помощью исторіи превозносить французовъ, тогдашнихъ союзниковъ Флоренціи[3]), чего не дѣлалъ никто изъ его предшественниковъ, хотя онъ не уступаетъ имъ своимъ патріотизмомъ, который носитъ впрочемъ болѣе мѣстный характеръ[4]).

---

[1]) Ibid. p. 181—182.

[2]) Ibid. p. 105—106.

[3]) Ibid. p. 165 и слѣд.

[4]) Къ Ломбардцамъ онъ относится почти такъ-же, какъ Аристотель къ варварамъ: libertatem... solum Lombardorum genus sive natura, sive consuetudine forsan utraque fiat nec videntur diligere, nec optare. (Ibid. p. 21—22). За то въ честь Флоренціи онъ слагаетъ восторженный гимнъ. Quaenam urbs non in Italia solum, sed in universo Terrarum Orbe est moenibus tutior? Superbior palatiis? Templis ornatior? Formosior aedificiis? Quae porticu clarior? Plateo speciosior? Viarum amplitudine lactior? Quae populo major? Civibus gloriosior?

Дидактическія цѣли преслѣдовалъ единственный миѳологическій трактатъ Салютати: *О трудахъ Геркулеса*[1]). Сочиненіе не получило окончательной отдѣлки[2]) и остается до сихъ поръ неизданнымъ; оно дѣлится на 2 части: первая заключаетъ въ себѣ аллегорическій комментарій на трагедію Сенеки: Hercules Furens; во второй собраны изъ разныхъ поэтовъ миѳы о Геркулесѣ[3]), которые подвергнуты критикѣ[4]) и объяснены аллегорическимъ путемъ главнымъ образомъ съ дидактическими цѣлями[5]). Позднѣйшіе изслѣдователи называютъ еще нѣсколько произведеній Салютати, написанныхъ прозою на латинскомъ языкѣ. Но тѣ изъ нихъ, которыя принадлежатъ ему несомнѣнно, или считаются утраченными, какъ біографіи Данте, Петрарки и Боккаччіо, или имѣютъ только филологическій интересъ, какъ сочиненіе о составленіи писемъ[6]). Біо-

---

Inexhaustior divitiis? Cultior agris? Quae situ gratior? Salubrior coelo? Mundior coeno? Quae puteis crebrior? Aquis suavior? Operosior artibus? Admirabilior omnibus? Quaenam villis aedificatior? Oppidis potentior? Municipibus (sic) numerosior? Agricolis abundatior? Quae civitas, portu carens, tot invehit, tot emittit? Ubi major mercatura? Varietate rerum copiosior? Ingeniisque subtilioribus excitatior? Ubi nam viri clariores? Et, ut infinitos omittam, quos recensere taedium foret, rebus gestis insignes, armis strenuos, potentes justis dominationibus et famosos, ubi Dantes? Ubi Petrarcha? Ubi Boccaccius? etc. Ibid. p. 125 и слѣд.

[1]) *De laboribus Herculis. Magistro Iohanni de Senis Trivii Doctore egregio.* Выдержки у Mehus'a Vita Ambr. Trav. p. CCCI.

[2]) *Bandini* въ *Fontes rerum memorabilium universi* говоритъ: legantur labores Herculis, quamquam nondum in publicum venerint, quia quotidie polliuntur. Ibid. p. CCLXXXVII.

[3]) Въ біографіи, написанной Манетти, говорится: De Laboribus Herculis librum edidit, in quo quicquid veteres poëtae historicique de Herculibus tradiderunt, in unum diligenter et accurate congessit. Ibid. p. CCLXXXVIII.

[4]) По словамъ Bandini in quibus tam efficacissime universos Herculeos errores dissipat. Ibid. p. CCLXXXVII.

[5]) Mehus такъ характеризуетъ вторую часть книги. In altero vero Labores Herculis eodem Seneca eademque usus allegoriae ope latissime prosequitur multaque ex historia interponit. Inter haec in carminibus tam Virgilii, quam Senecae multas admodum easdem novas allegorias aperit multaque monstrat morum praecepta et ea quidem praeclarissima sub fabuloso latentia cortice duce et auspice potissimum etymologia, quam ex graecis praecipue vocabulis sedulus inquirit excitatque. Ibid. p. CCCI. Какое назиданіе выносили изъ книги современники, показываютъ слова Ф. Виллани въ біографіи Салютати: composuit insuper librum De Laboribus Herculis, in quo persuadere conatur inexpugnabilibus locis monstruosis terrae laboribus superatis viris fortissimis astra deberi. У Galletti p. 19.

[6]) *Ars dictaminis seu de conscribendis epistolis.* У *Lamius'a Calalogus codicum manuscriptorum, qui in bibliotheca Ricardiana Florentiae adservantur. Liburni 1756 г.* p. 141.

графъ Поджіо *Shepherd* приписываетъ Салютати: *Historia de casu hominis, certamen Fortunae et Paupertatis,* а его переводчикъ Тонелли еще *Vita D. Andreae Corsini* и *О печальномъ положеніи книгъ*[1]); но объ этихъ сочиненіяхъ ничего неизвѣстно, кромѣ заглавія и ихъ подлинность подлежитъ сомнѣнію.

Весьма важное мѣсто среди сочиненій Салютати занимаютъ его многочисленныя письма. Уже современные автору біографы ставили письма Салютати впереди другихъ его произведеній и придавали имъ большую литературную цѣну[2]). Теперь ихъ цѣна возросла еще болѣе въ виду ихъ важности для исторіи ранняго гуманизма; но при томъ состояніи, въ которомъ они находятся въ настоящее время, полное пользованіе ими совершенно невозможно. Салютати еще не дождался своего Фракассетти. Въ прошломъ столѣтіи два раза принимались за изданіе его переписки; но предпріятіе не было доведено до конца[3]). Отдѣльныя письма позже и раньше печатались въ разныхъ изданіяхъ[4]), но матеріалъ далеко не исчерпанъ и почти всѣ библіотеки Италіи и наиболѣе значительныя въ остальной Европѣ обладаютъ большими фрагментами изъ обширной корреспонденціи Салю-

---

1) *Schepherd, Vita di Paggio Bracciolini, tradotta da Tom. Tonnelli. T. I e II. Firenze 1825.*

2) Виллани ставитъ epistolas, pene innumerabiles, ранѣе другихъ сочиненій (Gallet. p. 19). То-же Манетти: in soluta quoque oratione epistolas privatas et publicas pene infinitas ita egregio dictavit, ut in hoc epistolari genere consensu omnium regnare diceretur. (Mehus p. CCLXXXVIII.) D. Bandini выражается такъ: legantur publicae, legantur morales, familiares ac catholicae ejus epistolae, in quibus nil, nisi quod virtutum custos et vitiorum hostis occurit. (Ibid. p. CCLXXXVII).

3) *L. C. P. Salutati Epistolae nunc primum ex manuscriptis codicibus in lucem. Recensuit Mehus Pars I Florentiae 1741. L. C. P. Salutati Epistolae. Ed. Iosephus Rigaccius. Pars I, Florentiae 1741. Pars II Parisii 1742.* Объ отношеніяхъ обоихъ изданій см. Voigt. I p. 205. Прим. 1. Merkwürdig, замѣчаетъ здѣсь Фогтъ, dasz Mehus seine eigene Ausgabe todtschwieg. Er spricht in der Vita Ambros. Travers. p. 304 von dem illustris anonymus und dem eruditissimus editor der anderen (es ist Lami) ohne seiner eigenen mit einem Worte zu gedenken. Это утвержденіе требуетъ поправки. На указанной страницѣ Mehus говоритъ: universas ego viginti et octo produxi (Florentiae 1741 in 8) prima in parte epistolarum, quas scripserat Salutatus.... (Cnf. p. CCCXVII). Sunt autem circiter quatuor et triginta earumque pars prodiit in secundo volumine, quod an. 1742 in lucem edidit (Florentiae 1742 in 8) illustris Anonymus. Ясно, что Mehus знаетъ какое-то анонимное изданіе писемъ Салютати (можетъ быть Rigazzi) и совсѣмъ не скрываетъ своего изданія.

4) Они перечислены у Mehus'a Vita Ambr. Travers. p. CCCIII—IV и у Voigt'a (I 205 пр. 1). Кромѣ того, нѣсколько писемъ Салютати напечатаны въ русскомъ и итальянскомъ изданіи Виллы Альберти академика А. Н. Веселовскаго.

тати[1]). Въ перепискѣ, кромѣ фактическихъ данныхъ для біографіи автора и адресатовъ, повторяются всѣ тѣ воззрѣнія, которыя развивалъ авторъ въ своихъ сочиненіяхъ, кромѣ того, здѣсь онъ велъ рѣшительную борьбу за древнюю литературу, одинъ эпизодъ изъ которой столкновеніе съ монахомъ Камальдуленскаго ордена Джіовани да Санъ-Миніато представляетъ особенный интересъ тѣмъ болѣе. что относящаяся сюда полемика не издана вполнѣ до настоящаго времени[2]). Монахъ высказалъ мнѣніе, что древняя литература приноситъ только вредъ, на что Салютати отвѣтилъ опроверженіемъ въ эпистолярной формѣ[3]). Но противникъ не унялся и составилъ новое посланіе къ ученику Салютати *Анджелло деи Корбинелли*, въ которомъ убѣждалъ его оставить древнихъ авторовъ и посвятить себя изученію священнаго писанія[4]). Аргументація монаха весьма проста. Изложивъ наиболѣе грѣховное въ содержаніи языческой поэзіи, онъ доказываетъ, что ея чтеніе — идолопоклонство и богохульство, которое грязнитъ мысль и развращаетъ нравственность[5]). Если соблазнительные разговоры портятъ нравы, то тѣмъ вреднѣе поэзія, гдѣ все содержаніе составляютъ пороки и преступленія[6]). Но развращая человѣка, языческая литература не даетъ ему никакого знанія, потому что свящ. Писаніе вполнѣ удовлетворяетъ всѣмъ запросамъ ума и сердца. Салютати отвѣтилъ на эти обвиненія

---

[1]) См. Mehus l. c. Въ бытность мою во Флоренціи въ 1886 году я слышалъ отъ профес. F. Novati, что онъ уже болѣе 10 лѣтъ собираетъ переписку Салютати. Въ *Bullettino dell'Istituto Storico Italiano* (1888 года) напечатана его *Relazione intorno all'epistolario edito ed inedito di Coluccio Salutati*, изъ которой видно, что трудъ Новати значительно двинулся впередъ (Giorn. Stor. d. lett. ital. XI p. 313). Когда появится новое изданіе переписки Салютати, я надѣюсь вернуться еще разъ къ этому представителю ранняго гуманизма.

[2]) Небольшіе отрывки изъ письма Джіованни къ ученику Салютати и изъ его отвѣта напечатаны у Mehus'a p. CCXCII и CCXCIII.

[3]) Первое произведеніе Джіовани да Сан-Миніато неизвѣстно; отвѣтъ на него Салютати напечатанъ у Martene et Durand. Collectio T. III, p. 908 и перепечатанъ въ собраніи Mehus'a p. 133.

[4]) Въ рукописи Парижской Національной библіотеки, которой я пользуюсь, сочиненіе озаглавлено такъ: *Angello de Corbunellis de Florentia Iohannes de Sancto Miniato ordinis Angellorum Florentiae persuasio, ut discedat a lectura poëtarum et sacrae paginae codicibus innitatur. Cod. lat. № 8573, fol. 91.*

[5]) Haec omnia non solum vanitas et vanitas vanitatum, sed in ore Christicolae pene blasphemiae sunt, idolorumque ignota cultura, quae, velut monstruosa, portenta, mentem inquinant, mores dissipant et si quid boni animo possides, hujus peste veneni perimetur. Fol. 91—92.

[6]) Si enim bonos mores corrumpunt colloquia mala, quid erit, ubi omnium proponitur spurciarum sentina, scelerum scola et omnium instrumenta viciorum. Fol. 92.

длиннымъ посланіемъ[1]). Упрекнувъ противника въ упорномъ непониманіи того, о чемъ идетъ рѣчь, онъ доказываетъ, что подъ покровомъ грѣховныхъ басенъ, которыя слѣдуетъ понимать аллегорически какъ и священ. Писаніе[2]), скрывается нравственная чистота[3]). Съ этой точки зрѣнія нельзя обвинять поэзію за непристойность содержанія, потому что то же самое встрѣчается и въ Библіи; а если тамъ мы находимъ изображеніе пороковъ, то и это полезно, потому что для успѣшной борьбы съ врагомъ необходимо его знать[4]). Салютати ставитъ даже поэзію выше философіи, потому что она, кромѣ поученія и нравственнаго назиданія, отличается изяществомъ рѣчи[5])

---

[1]) Въ цитированной парижской рукописи оно озаглавлено: *Fratri Iohanni de Angelis Colucius Salutatus.* Mehus изъ флорентійской рукописи приводитъ (Vita Ambros. Travers., p. CCXCII—III) другое заглавіе: *Domno Ioanni de Sancto Miniato Monacho Camaldulensi Colucii Salutati epistola praecedenti responsiva.* Латинскій текстъ остается неизданнымъ. Оно было переведено на итальянскій языкъ современникомъ Салютати Кастеллани подъ такимъ заглавіемъ: *Pistola mandata pello egregio uomo Messer Coluccio de' Salutati, Poeta Fiorentino, allo religioso uomo, Frate Giovanni da San Miniato, risposta di una lettera, che detto Frate Giovanni aveva mandata a Agnolo Corbinelli volendolo ritrarre dallo studio di Poesia, ridota di latino in italiano.* (Meh. Vita A. Travers., p. CCXCIII). *Stolfi* издалъ этотъ переводъ въ Sceltà di curiosità leterarie. Disp. LXXX. Bologna. 1867 г. подъ искаженнымъ заглавіемъ: *Salutati Epistola al reverendo D. Giovanni Dassaminiato, tradotta di latino da N. Castellani.*

[2]) Dic, obsecro, quomodo verum est: Spiritus Domini ferebatur super aquas, et illud: dixit Deus fiat lux et sexcenta talia? Quomodo fertur enim, quod corporalium est, Spiritus Domini, qui prorsus incorporeus est? Quomodo dixt Deus fiat lux, cum Deus nec os habeat, nec linguam, quae sunt necessaria membra instrumentaque dicentis. Fol. 95.

[3]) Video te nondum intelligere terminos questionis versarique in illo tuae simplicitatis errore, quo reputas ista nostra poëtica grave et inexpiabile nefas esse et perniciosa mendacia. Quod si verum est nec potest sub verborum mendacium cortice latere puritas et integritas versari etc, то такая же ложь и въ Библіи ibid.

[4]) Quid enim efficacius ad hostes vincendos, quam scire, qua ratione pugnant, qua via possunt removeri de loco, ubi confici vel confundi summa cura ducum et imperatorum fuit, sedes hostium consiliaque explorare, quo tutius possent vel irrupere castra, vel praevenire consilia, vel adipisci victoriam, vel ipsis eripere jam paratam. Fol. 99.

[5]) Въ доказательство, что поэтъ выше философа Салютати говоритъ между прочимъ: quid cogitas esse quod vix unum videris tempore tuo poëtam, multos autem possis philosophos numerare. Fol. 107. Достоинство поэзіи онъ характеризуетъ слѣдующимъ образомъ: Ego vero, quo de me loquar, poëtas propter tria legendos semper censui, quo (sic) propriis uterentur vocabulis, quod miris sententiarum et verborum ornatibus redundarent, quod vitam nostram, qualis esse debeat, laudando virtutes reprehendoque vicia designarent. Nam tamen,

и заявляетъ въ концѣ концовъ, что его собственныя произведенія внушены ему Богомъ[1]).

Усердная защита поэзіи была такимъ образомъ отчасти борьбою pro domo sua, потому что Салютати написалъ много поэтическихъ произведеній и на латинскомъ, и на родномъ языкѣ[2]). Первое мѣсто въ его латинской поэзіи, повидимому, занималъ героическій эпосъ: *О войнѣ Пирра съ римлянами,* который извѣстенъ только изъ современныхъ біографій автора[3]). Отсюда же только извѣстно о существованіи его 8 эклогъ[4]). Болѣе свѣдѣній имѣется о стихотвореніи *Conquestio Phyllidis,* сюжетъ котораго заимствованъ изъ античныхъ миѳовъ и не представляетъ самостоятельнаго интереса[5]). Несравненно важнѣе дидактическое стихотвореніе: *Объ искусствѣ и значеніи гаданія*[6]). Стихотвореніе было вызвано тѣмъ, что астрологъ Аллегретто въ стихахъ доказывалъ, что миръ Флоренціи съ папой

---

etsi multa turpia poëtae describant de hominibus atque diis nunquam eos invenies haec laudasse, ut illa solum ad suggillationem scelerum referendarint, quae videant omnes taliter recenseri, quod nec facta, nec homines ullis temporibus sperare possint, qui talia comiserint, obtegendos. Fol. 105.

[1]) Scio majori ex parte, Deum testor, id me scripsisse, quod ipse bonorum omnium auctor infundit. Fol. 107.

[2]) Манетти въ біографіи Салютати говоритъ: In poëtica verum praeter plurima ac paene innumerabilia carmina hinc inde varie dispersa, octo eclogas lepidis versibus conscripsit, et opusculum quoddam de questione Phyllidis hexametris pentametrisque carminibus composuit et multa alia hac poëtica facultate litteris mandavit. (Mehus. Vita Ambr. Travers., p. CCXXXVIII.)

[3]) Legas heroica metra de Bello Pyrrhi habito cum Romanis. Bandini у Megus'a, l. c., p. CCLXXXVII. Но самъ Mehus не нашелъ этой поэмы въ итальянскихъ библіотекахъ. Ibid. p. CCCX.

[4]) Mehus, ibid.

[5]) Выдержки изъ *Lini Collucii Salutati Conquestio Phyllidis* приведены у Mehus'a, l. c.

[6]) Оно напечатано въ Carmina illustrium poëtarum Italorum T. VIII Florentiae 1721, p. 293 подъ такимъ заглавіемъ *Collucii Pierii Salutati, Reipublicae Florentinae Secretarii ex libro de Fato et Fortuna ad Jacobum Allegrettum Foroliviensem de arte et ratione divinandi, quum ipsemet Jacobus de hac re quedam scripsisset non suo nomine, sed nomine Iozii de Antilla ad Philippum de Antilla.* Неточность этого заглавія ввела въ заблужденіе Фогта, который отождествилъ стихотвореніе съ прозаическимъ сочиненіемъ De Fato, гдѣ оно только повторено (Die Wiederbelebung I, p. 207). Салютати говоритъ въ своемъ философскомъ трактатѣ: hanc materiam scribens olim ad Jacobum Allegrettum Foroliviensem versibus adtigi, quid de hac arte sive ratione sentirem exprimens; quae tunc cecini, duxi praesentibus adnectendum. Quaedam etenim tunc disserui, quae non est incongruum his, quae praesentibus adtigi, conjunxisse. De Fato Mns. Fol. 33.

въ 1378 году не можетъ осуществиться по астрологическимъ соображеніямъ[1]). Салютати возстаетъ противъ такого вывода и категорически отрицаетъ астрологію, какъ нелѣпый предразсудокъ. Еще интереснѣе его другое полемическое стихотвореніе, направленное противъ миланскаго Висконти и адресованное къ его канцлеру[2]). Можетъ быть, Джангаллеаццо Висконти сильно преувеличивалъ вліяніе направленныхъ противъ него сочиненій Салютати, говоря, что они болѣе ему повредили, чѣмъ 1000 флорентійскихъ всадниковъ, тѣмъ не менѣе оно указываетъ, что политическая полемика получила извѣстное значеніе уже въ ранній періодъ Возрожденія.

Цѣлый рядъ латинскихъ стихотвореній Салютати связанъ съ именами Данте, Петрарки и Боккаччіо. Сюда относится, во-первыхъ, попытка перевода Божественной Комедіи, отрывки изъ котораго онъ приводитъ въ сочиненіи De Fato[3]). Затѣмъ стихотворная просьба къ Петраркѣ объ изданіи его „Африки" и ея дополненіе послѣ смерти автора[4]), которую онъ оплакалъ въ особомъ стихотвореніи[5]). Такое же стихотвореніе написано имъ по поводу смерти Боккаччіо, котораго онъ прославляетъ только за латинскія произведенія[6]). Многочисленныя мелкія стихотворенія Салютати весьма разнообразны по содержанію: между ними встрѣчаются басни, эпитафіи, надписи къ портретамъ знаменитостей, изображенныхъ въ флорентійскомъ дворцѣ и, наконецъ стихотворныя письма[7]). Несмотря на сравнительную незначительность латинской поэзіи Салютати, современники цѣнили е чрезвычайно высоко. Такъ, біографъ автора Ф. Виллани видитъ еъ немъ не только „величайшаго подражателя" древнимъ, но и враснорѣчивѣйшаго оратора съ необычайной силой убѣжденія[8]).

---

[1]) Quum ille vellet, говоритъ Салютати, anno septuagesimo octavo praesentis seculi, qui sexagesimus sextus est a mundi creatione, pacem inter nos et Ecclesiam non esse futuram, id de Martis stellae natura, situ influentiaque confirmans, misit super hoc non suo, sed nomine Totii de Antilla, qui quidem litterarum erat ignarus, quosdam versiculos ad amplissimum virum Philippum de Antilla, pacem negans fore bellumque confirmans. De Fato. Ibid.

[2]) См. Приложеніе IV.

[3]) Fol. 57.

[4]) *Collucii Pierii Salutati metra ad Petrarcham incitatoria, ut Africae suae editionem proderet.* Отрывки у Mehus'a, o. c., p. CCCXI—XII.

[5]) *De Petrarchae obitu* или *interitu.* Ibid. p. CCXXIX—XXX.

[6]) Оно приведено у Mehus'a, o. c., p. CCLXV.

[7]) См. ibidem. p. CCCX—XV.

[8]) Hunc veterum poëtarum, quorum nomen ingens est, imitatorem permaximum, jam praecipuam laudem emeruisse eleqnentiae singularis constat, in qua praeter verborum nitorem et ornatum, tanta est perorandi vehementia, in

Менѣе значенія имѣла и имѣетъ итальянская поэзія Салютати, которая исчерпывается нѣсколькими сонетами[1]).

Любовь Салютати къ занятіямъ въ новомъ духѣ, его хорошее знакомство съ античными авторами и латинской рѣчью, наконецъ, видное мѣсто которое онъ занималъ въ республикѣ — все это создало ему особое, чрезвычайно почетное положеніе среди гуманистовъ современныхъ и принадлежащихъ къ слѣдующему поколѣнію. Одинъ изъ его учениковъ, Леонардо Бруни, характеризуетъ Салютати въ письмѣ къ Никколи, написанномъ по поводу его смерти, какъ патріарха гуманистовъ, который служилъ для нихъ и руководителемъ, и покровителемъ — словомъ, настоящимъ отцомъ[2]). Такое отношеніе къ Салютати проявляется въ сравнительномъ обиліи его біографій, написанныхъ въ XIV и первой половинѣ XV вѣка. Ф. Виллани написалъ біографическій очеркъ еще при его жизни[3]). Фактическаго матеріала въ немъ мало, но интересъ представляетъ точка зрѣнія біографа. Для Виллани Салютати важенъ не какъ канцлеръ республики, а прежде всего какъ ученый, поэтъ и ораторъ[4]). Въ его сочиненіяхъ онъ цѣнитъ изящную форму, называя автора „обезьяной Цицерона", а также назидательное въ нравственномъ отношеніи содержаніе[5]). Въ такомъ же духѣ писалъ о Салютати Доменико Аретино Бандини въ двухъ отдѣлахъ своего сочиненія: *О досто-*

---

persuasione praesertim, ut non impetrare videatur, sed extorquere quod velit. Galletti, p. 19.

[1]) Они перечислены у Mehus'a, o. c., p. CCCXV—XVI.

[2]) Sed aliud quoddam est, quod nos omnes, qui sequimur studia hujusce humanitatis, compellat esse summo in moerore ac luctu. Amisimus enim patrem, quem posthac non facile reperiemus. Amissimus virum studiorum omnium studiosissimum... Amisimus portum ac refugium omnium eruditorum, lumen patriae, Hesperiae decus. Cp. Epist. lib. II, 11. Но составленіе похвальной рѣчи отклоняетъ отъ себя за недостаткомъ матеріала.

[3]) *De Coluccii Pieri Poeta* во второй книгѣ De origine civitatis Florentii et ejusdem famosis civibus. Ed. Galletti, p. 19. Итальянскій переводъ этой біографіи изданъ Mehus'омъ вмѣстѣ съ перепиской Салютати.

[4]) Hic liberalibus scientiis in ipso ortu adolescentiae deditus, multum in iis, quibus studuit, ingenii nobilitate profecit; deinde, volente patre, ad studia notariae se transtulit. Cumque cursu praepeti discendi, legibus mire adoleret, melioribus interpellantibus astris, repente adtractus in poësim, incredibili indole, quasi ad rem natus, quam cito cum musis, Pierides ipse coaulerit. Ibid.

[5]) In textu insuper prosaico tanta jam valuit dignitate, ut Ciceronis simia merito dici possit... multa editurus est pulcherrima et quae ad cultum virtutum possint excitare mortales. Ibid.

примѣчательностяхъ вселенной[1]). Въ одномъ онъ называетъ его „утренней звѣздой между смертными“ и преклоняется передъ его краснорѣчіемъ во всѣхъ сферахъ человѣческаго знанія[2]); въ другомъ онъ сообщаетъ біографическія данныя о самомъ Салютати и о его семьѣ въ болѣе значительномъ объемѣ, нежели Виллани, но въ крайне хвалебномъ тонѣ. Салютати, по его мнѣнію, въ умственномъ отношеніи величайшій образецъ всякихъ совершенствъ[3]), въ нравственномъ — фениксъ, чудо не только Флоренціи, но и всей Европы[4]). Въ XV вѣкѣ біографомъ Салютати является его соотечественникъ Джіаноццо Манетти[5]). Фактическія данныя и здѣсь скудны; Манетти прибавилъ только описаніе наружности Салютати и весьма характернаго его поведенія при смерти сыновей. Позднѣйшаго гуманиста поразилъ стоицизмъ стараго Салютати, и онъ съ особенной похвалой отмѣтилъ его въ своемъ коротенькомъ очеркѣ. Но главная заслуга Манетти заключается въ томъ, что онъ далъ самый обстоятельный катологъ сочиненій Салютати, въ оцѣнкѣ котораго чувствуется глубокое почтеніе біографа, но нѣтъ такихъ неумѣренныхъ похвалъ, какъ у Бандини[6]).

Всѣ эти біографіи достаточно доказываютъ, что первый флорентійскій канцлеръ гуманистическаго направленія имѣлъ обширное вліяніе на послѣдующее поколѣніе. Тѣмъ не менѣе онъ до настоящаго времени не дождался еще біографа, который выяснилъ бы его роль и значеніе въ исторіи ранняго Ренесанса. Мегусъ первый въ половинѣ

---

[1]) *Fons rerum memorabilium Universi* остается до сихъ поръ неизданнымъ. Біографическій матеріалъ для раннихъ гуманистовъ въ обиліи черпаетъ оттуда Mehus.

[2]) Въ *Liber de fontibus, lacubus, fluminibus, paludibus et stagnis* онъ говоритъ, что Салютати pro elegantia morum scientiarumque nitore inter mortales velut sidus fulgidum enitet. Ipse fere omnem studiorum materiam summo eloquio pertractavit. Mehus, o. c. p. CCLXXXVI.

[3]) *De viris claris virtute aut vitio.* Colucius Pierius, rhetor maximus facundissimusque orator, poëta clarus et historicus gloriosus, mihi adeo mirabilis in omni scientiarum genere totaque politia inter quoscumque clarissimos mei seculi visus est etc. Ibid. CCLXXXVII.

[4]) Culucius morum ac virtutum unica phoenix in toto orbe nobilitat non tantum patriam, sed Europam omnem, quum non modo representet, sed excedat ingenia cunctorum veterum poëtarum. Ibid.

[5]) Въ неизданномъ сочиненіи *Illustres Longaevi,* отрывокъ изъ котораго, относящійся къ Салютати, напечаталъ Mehus, o. c., p. CCLXXXVIII—IX.

[6]) Наиболѣе хвалебный приговоръ изложенъ въ такихъ выраженіяхъ: si quidem cunctis naturae muneribus ornatus tantam legendi et exercendi sui diligentiam adhibuit, ut et ceteris suae aetatis hominibus facile praestetisse et et quasi ad ea natus et ab aliquo deo factus esse videretur. Mehus., l. c.

прошлаго столѣтія предпослалъ краткій очеркъ біографіи Салютати изданію его писемъ, который пополнилъ потомъ въ своей книгѣ о Траверсари, гдѣ собралъ массу цѣнныхъ библіографическихъ данныхъ. Но труды Мегуса, несмотря на всю ихъ важность, могутъ служить только отчасти матеріалами для біографіи Салютати, а главнымъ образомъ указателемъ, какіе матеріалы существуютъ и гдѣ ихъ слѣдуетъ искать. Отъ Мегуса до Фогта въ теченіе около ста лѣтъ для Салютати почти ничего не сдѣлано. Тирабоски только собралъ извѣстные біографическіе факты и не далъ даже каталога его сочиненій[1]), а очеркъ Морени, предпосланный имъ изданію инвективы Салютати, носитъ чисто фактическій характеръ. Такая скудость работъ по вопросу большой важности обусловливалась главнымъ образомъ состояніемъ источниковъ: тѣ изъ нихъ, которые были изданы, не давали возможности выяснить личность и міросозерцаніе Салютати, какъ это показываетъ примѣръ Фогта. Фогтъ первый сдѣлалъ попытку выяснить характеръ Салютати, его воззрѣнія и политическую дѣятельность на основаніи печатнаго матеріала, т.-е. изданной части его переписки, и эта попытка удалась далеко не вполнѣ. Такъ, Салютати — политикъ характеризованъ у Фогта живо и въ общемъ вѣрно, такъ что оставшееся автору неизвѣстнымъ политическое сочиненіе Салютати De Tyranno только подтверждаетъ его выводы. Также хорошо изображены библіофильскія и критическія старанія Салютати, потому что письма и отрывки, напечатанныя у Мегуса, даютъ достаточный для этого матеріалъ. Но характеристика его личности и стремленій ясно обнаруживаетъ печальные результаты недоступности первыхъ источниковъ. „Салютати, по словамъ Фогта, принадлежитъ къ тѣмъ рѣдкимъ и счастливымъ людямъ“, которые всю жизнь оставались вѣрны идеаламъ юности...[2]). „Онъ былъ человѣкъ, у котораго философія и жизнь находились въ гармоніи“[3]). Можно съ увѣренностью сказать, что если бы Фогту было извѣстно сочиненіе De Seculo et Religione, онъ измѣнилъ бы свою характеристику. Въ произведеніяхъ Салютати не чувствуется разлада между католическими воззрѣніями и тѣми идеалами, которыми проникнута античная литература. Ихъ непримиримое противорѣчіе, повидимому, имъ даже не сознавалось; но вопли объ испорченности міра и порывъ къ монашеству показываютъ, что въ душѣ Салютати не было гармоніи. Фогтъ полагаетъ далѣе, что идеалы Салютати выразились въ его отношеніи къ Петраркѣ и

---

[1]) Storia V, 821—830.
[2]) Die Wiederbelebung, I, p. 196.
[3]) Ibid. p. 199.

Боккаччіо: „Весьма характеристично, говоритъ онъ, слѣпое преклоніе (blinde Verehrung), которое Салютати еще безусловно обнаруживалъ по отношенію къ обоимъ великимъ флорентинцамъ. Въ письмахъ и элегіяхъ онъ не только прославлялъ ихъ личную память, но безъ разбора преклонялся передъ ихъ сочиненіями". Въ доказательство этого Фогтъ приводитъ отзывы Салютати объ инвективѣ Петрарки противъ медика и о Генеалогіи Боккаччіо: первое сочиненіе онъ сравнивалъ съ Верринами и Филиппиками, о второмъ говорилъ, что оно написано „въ совершенно божественномъ стилѣ"[1]). Неизданныя сочиненія Салютати заставляютъ сильно ограничить и это положеніе: трактатъ De verecundia въ первой половинѣ прямо направленъ противъ Петрарки, сочиненіе De Tyranno косвенно противъ Боккаччіо, а De nobilitate legum et medicinae до извѣстной степени противъ ихъ обоихъ. Почтеніе къ ихъ латинскимъ сочиненіямъ относилось только къ формѣ, т. е. къ стилю и языку; что же касается до воззрѣній, то Салютати былъ гораздо менѣе гуманистомъ, чѣмъ оба знаменитые его предшественника.

Въ 1867 году академикъ А. Н. Веселовскій издалъ романъ Джіовани да Прато *(Il Paradiso degli Alberti)* и предпослалъ ему обширное введеніе, которое имѣетъ весьма важное значеніе не только въ исторіи итальянской литературы, но, какъ мы увидимъ, и въ исторіографіи Возрожденія. Характеризуя здѣсь Салютати, какъ одного изъ дѣйствующихъ лицъ романа, акад. Веселовскій опредѣляетъ его отношеніе „къ тремъ флорентійскомъ коронамъ". „Колуччіо, говоритъ онъ, былъ одинъ изъ тѣхъ людей, которые свято берегли литературное преданіе трехъ флорентійскихъ коронъ, защищая его отъ нападковъ новой школы, начинавшей почерпать свое вдохновеніе исключительно изъ латинскаго классическаго источника". Тѣмъ не менѣе Салютати, по словамъ акад. Веселовскаго, уже отдаляется отъ „великой литературы", у него сравнительно мало „серьёзнаго желанія преслѣдовать то національное преданіе, которое собственно и сдѣлало флорентейскую школу столь блестящей". Салютати пишетъ преимущественно по-латыни, „прилежно разыскиваетъ рукописи классиковъ, сличаетъ ихъ, примѣняя къ ихъ изученію только-что зародившееся искусство филологической критики". „Если бы кто захотѣлъ провести болѣе твердую черту соединенія между нимъ и кѣмъ-нибудь изъ трехъ великихъ флорентійскихъ поэтовъ, говоритъ акад. Веселовскій, то пришлось бы остановиться развѣ на одномъ Петраркѣ, въ которомъ всего менѣе народно-итальянскаго развитія и всего болѣе латинскихъ пре-

[1]) Ibid. p. 197.

дилекцій"[1]). Этотъ выводъ, сдѣланный съ чисто литературной точки зрѣнія, оправдывается и съ точки зрѣнія историко-культурной. По идеямъ, выраженнымъ въ произведеніяхъ Салютати, онъ ближе всего стоитъ къ Петраркѣ. Отношеніе Боккаччіо къ монашеству и вообще все его міросозерцаніе, поскольку оно выразилось въ Декамеронѣ, осталось, повидимому, совершенно чуждымъ Салютати, тогда какъ съ первымъ гуманистомъ у него было много общаго. Къ сожалѣнію, это родство стремленій до сихъ поръ остается ближе невыясненнымъ. Послѣ Фогта и акад. Веселовскаго только Виллари и Гейгеръ останавливаются на Салютати[2]), но и они, слѣдуя за Фогтомъ, обращаютъ вниманіе почти исключительно на политическую дѣятельность флорентійскаго канцлера[3]). Правда, при современномъ состояніи источниковъ едва ли возможно съ детальной точностью прослѣдить внутреннюю связь Салютати съ его гуманистическими предшественниками. Тѣмъ не менѣе въ общемъ формулировать соединяющія ихъ стремленія намъ представляется вполнѣ возможнымъ. Прежде всего *взглядъ на человѣка и на его духовную природу,* какъ онъ выраженъ въ произведеніяхъ Салютати, *несомнѣнно представляетъ шагъ впередъ на томъ пути на который вступили первые гуманисты.* По отношенію къ наукѣ и литературѣ Салютати дѣлаетъ и логическіе выводы изъ этого взгляда, какъ онъ формулированъ въ De Saeculo. Совѣтуя врачу заниматься краснорѣчіемъ и восхваляя право и медицину, Салютати только послѣдовательно развиваетъ основной взглядъ гуманистовъ на нашу природу. Этимъ обусловливается и его страсть къ античной литературѣ, и его интересъ къ этическимъ вопросамъ. Но онъ не можетъ оторваться отъ аскетическихъ воззрѣній на жизнь, что придаетъ его произведеніямъ средневѣковой характеръ. Въ защитѣ поэзіи онъ стоитъ на богословской точкѣ зрѣнія; въ трактатахъ De Fato и De Saeculo Салютати несравненно болѣе схоластикъ и монахъ, чѣмъ гуманистъ и послѣдователь Петрарки.

---

[1]) *Веселовскій, Вилла Альберти. Новые матеріалы для характеристики литературнаго и общественнаго перелома въ итальянской жизни XIV—XV столѣтія. Критическое изслѣдованіе. Москва. 1870,* p. 89—90. Ср. итальянское изданіе, I, p. 77—79.

[2]) *Salmi, Biografia di Coluccis Salutati Lucca 1879,* мнѣ осталась неизвѣстной Die kleine Scrift von Salmi, говоритъ Voigt, ist bei aller Dürstigkeit nicht frei von Fehlern, I, p. 194. Книга *Novati, La giovinezza di Coluccio Salutati (1331—1363). Torino 1888,* выпущенная въ количествѣ 150 экземпляровъ, мнѣ извѣстна только по изложенію въ Gior. stor. letterat. ital. XI, p. 314—315.

[3]) Geiger, l. c., p. 75 и слѣд. Villari, l. c., p. 87.

Продолжателемъ Петрарки является Салютати и въ своихъ политическихъ письмахъ и трактатахъ. Выясненіе важности появленія гуманистовъ при республиканскихъ и монархическихъ правительствахъ — несомнѣнная и крупная заслуга Фогта. Но онъ же отмѣтилъ, что политическая дѣятельность гуманистовъ сводится къ *публицистической* защитѣ того или другаго государства путемъ дѣловыхъ бумагъ, которыя, благодаря своему стилю, читались и переписывались, какъ литературныя произведенія, а также путемъ дружеской переписки, назначенной для публичнаго чтенія, и посредствомъ трактатовъ и инвективъ. Съ этой точки зрѣнія Фогтъ совершенно справедливо признаетъ гуманистическихъ канцлеровъ Флоренціи предшественниками Макіавелли[1]). Но сравнивая Салютати съ Петраркой, Фогтъ, а за нимъ и Гейгеръ впадаютъ въ панегирическій тонъ по отношенію къ флорентійскому канцлеру. По мнѣнію Фогта, Салютати былъ свободенъ отъ тѣхъ „грезъ о древности (Alterthumsträumerei), которыя еще Петраркѣ казались сущностью государственной мудрости“[2]). Выше мы видѣли, что въ политикѣ Петрарки были не однѣ только бредни; съ другой стороны и у Салютати, гдѣ только можно, античныя воспоминанія выступаютъ на первый планъ[3]). Другое преимущество Салютати Фогтъ видитъ въ его личномъ характерѣ. „Онъ не могъ, какъ Петрарка, плакаться (winseln) объ испорченности церкви и пожимать руку каждому прелату въ отдѣльности; у него былъ цѣльный характеръ, вырѣзанный изъ одного куска твердаго дерева“[4]). Мы видѣли, какую цѣну имѣютъ эти обвиненія Петрарки; что касается до твердости характера Салютати, то это положеніе нуждается еще въ доказательствѣ. Трактатъ De Saeculo не свидѣтельствуетъ о послѣдовательности въ поведеніи Салютати, а его служебные успѣхи едва ли имѣютъ то объясненіе, которое имъ даетъ Фогтъ. „Уже тотъ фактъ, говоритъ онъ, что въ продолженіе его тридцатилѣтней службы ни разу не колебалось оказанное ему довѣріе — достаточное доказательство его твердой честности“[5]). Не слѣдуетъ забывать однако, что Салютати вступилъ въ должность во время крайнихъ злоупотребленій партіи Альбицци, что онъ сохранилъ ее и при Чомпи и при олигархіи Риччи и послѣ возвращенія Альбицци. „Твердая честность“ — плохое средство удержать видный постъ при

---

1) Voigt, I, p. 204—206.

2) Ibid. p. 200.

3) См. напр. трактатъ De tyranno, инвективу противъ Лоски и письмо Romanis у Веселовскаго Paradiso, I, 1, p. 302—304.

4) Voigt, I, p. 203.

5) Ibid. p. 198.

партійномъ правительствѣ, злоупотреблявшемъ властью въ противоположныхъ направленіяхъ и едва ли въ ней заключались причины служебныхъ успѣховъ Салютати. При современномъ состояніи источниковъ, при отсутствіи полнаго собранія переписки Салютати и печатнаго изданія его политическихъ трактатовъ трудно выяснить политическое міросозерцаніе флорентійскаго канцлера. Но остается несомнѣннымъ тотъ важный фактъ, что Салютати былъ продолжателемъ выработки той политики, раціоналистической по пріемамъ и методу и реальной и практической по цѣлямъ, основателемъ которой былъ Петрарка, а завершителемъ Макіавелли.

Несравнено скуднѣе свѣдѣнія о современникѣ Салютати флорентійскомъ гуманистѣ *Люиджи Марсильи или Марсили*[1]) († 1394). Его сочиненія остаются до сихъ поръ спорными. Ему приписываютъ гексаметрическій парафразъ Ветхаго и Новаго Завѣта, а также *Quaestiones theologicae* и *Sermones*[2]); но Тирабоски основательно заподозрѣваетъ сообщающихъ это писателей, потому что они относятъ Марсильи къ половинѣ XV вѣка[3]), и его подозрѣнія вполнѣ раздѣляетъ Фогтъ[4]), между тѣмъ этихъ сочиненій никто еще не подвергъ обстоятельному анализу. Къ несомнѣннымъ произведеніямъ Марсильи принадлежатъ его *„Письмо противъ пороковъ папскаго двора“*, и *„Комментаріи на Сонеты и Тріумфы Петрарки“*. Марсильи интересовали повидимому только тѣ итальянскія стихотворенія Петрарки, въ которыхъ онъ нападалъ на Авиньёнскую курію, и къ тремъ изъ нихъ онъ написалъ неизданныя до сихъ поръ примѣчанія, гдѣ рѣзко нападалъ на господствовавшіе тамъ пороки[5]). Кромѣ того, онъ комментировалъ въ томъ же духѣ знаменитую патріотическую канцону Italia mia[6]) и Тріумфы[7]). Далѣе изъ переписки Марсильи сохранилось *6 писемъ на итальянскомъ* и *одно, адресованное Карлу V французскому,* вѣроятно, *по латыни*[8]),

---

[1]) Ludovicus Marsilius называетъ его Mehus, Тирабоски, а за нимъ Voigt — Luigi Marsigli, тогда какъ Фракасетти — Luigi Marsili.

[2]) Bocchius и Negri: Istoria degli scrittori Fiorentini, p. 389.

[3]) Storia V, p. 231.

[4]) Die Wiederbelebung, I, p. 192.

[5]) См. Mehus. Vita Ambros. Travers., p. CCLXI и Voigt, p. 192. *Lettera contro i vizi della corte del papa* у *Salmi, Documenti cavati dai trecentisti circa al potere temporale della Chiesa* (Revista Contemp. 1862. См. Вил. Альб., p. 309).

[6]) Издано подъ такимъ заглавіемъ: *Comento a una canzone di F. Petrarca. Bologna. 1863.*

[7]) Mehus, l. c. Комментарій не изданъ.

[8]) Tiraboschi, V, 231.

Итальянскія письма Марсильи, отчасти изданныя въ неполномъ и искаженномъ видѣ[1]), отчасти находящіяся еще въ рукописяхъ[2]), мало даютъ для характеристики ихъ автора[3]). Другіе источники, доставляя нѣкоторыя свѣдѣнія о Марсильи, дѣлаютъ его личность болѣе интересной, но не болѣе понятной. Онъ былъ страстнымъ поклонникомъ Петрарки, какъ это видно изъ его писемъ; Петрарка цѣнилъ его дружбу, подарилъ ему Confessiones блаж. Августина и поручилъ вести полемику съ аверроистами[4]). Этотъ подарокъ, можетъ быть, имѣлъ то же назначеніе помочь юношѣ во внутренней борьбѣ, какое придалъ ему нѣкогда Діониджіо ди Борго С. Сеполькро. Марсильи принялъ его, но не исполнилъ порученія Петрарки, а вмѣсто того написалъ коментарій къ его итальянской поэзіи съ рѣзкими морально-патріотическими выходками противъ папства. Фогтъ, добавляя къ его отношеніямъ къ Петраркѣ тотъ фактъ, что въ виллѣ Альберти Марсильи мирно бесѣдуетъ съ извѣстнымъ аверроистомъ Марсиліо ди Санта Софіа, дѣлаетъ такой выводъ. „Навѣрное онъ стоялъ ближе къ раціоналистическому просвѣщенію, нежели къ строгой вѣрѣ, хотя, конечно, и не былъ свободнымъ мыслителемъ (Freigeist), какъ его ученикъ (Junger) Салютати“[5]). Мы видѣли, что Салютати вовсе не былъ свободнымъ мыслителемъ, и приведенные факты показываютъ, что Марсильи въ этомъ отношеніи превосходилъ флорентійскаго канцлера, хотя и его раціонализмъ не шелъ, вѣроятно, особенно далеко. Въ письмахъ его чувствуется аскетизмъ, а аллегорическое толкованіе миѳа о Кирке въ виллѣ Альберти — обычный пріемъ средневѣковыхъ мыслителей[6]).

---

[1]) *Antonio Maria Biscioni, Lettere di Santi e beati Fiorentini Firenze 1736.* Mehus, сравнивавшій изданіе съ подлинникомъ, называетъ письма truncas lacerasque crudeliter, o. c. p. CCXXVII cf. CCLV и CCLXXXV.

[2]) Mehus видѣлъ въ Riccardiana *Copia d'una pistola, la quale il Maestro Luigi dell' Ordine de' Frati di Santo Agostino scrisse d' Avignone a Firenze a Niccollò Soderini MCCCLXX.* Ibid. p. CCLXXXV Ак. Веселовскій приводитъ новое изданіе итальянскихъ писемъ Марсильи. *Lettere del beato don Giovanni dalle Celle, monaco Vallombrosano ed altri coll'ajuto di varie stampe et mss. recate a meglior lezione dal P. Bartolomeneo Sorio e O. Gigli. Roma 1845.* (Вилла Альберти, p. 310).

[3]) Эти письма производятъ различное впечатлѣніе на разныхъ изслѣдователей. Praeclarae quoque nec libertatis expertes Marsilii sunt epistolae, говоритъ Mehus (p. CCLXXXV), а Тирабоски называетъ ихъ per lo più ascetiche (p. 231). Такъ же смотритъ на нихъ акад. Веселовскій (Вил. Альб., p. 98).

[4]) Epist. senil. XV, 6 и 7. См. также послѣднее изъ sine titulis.

[5]) Die Wiederbelebung, p. 192—193.

[6]) Voigt дѣлаетъ изъ этого другой выводъ: da lag es doch nahe, auch die Wunder der Bibel und der Kirche „moralisch“ zu erklären (ib. p. 193). На самомъ

Не болѣе ясны и тѣ связи, которыя соединяли его съ гуманистами. Его жилище въ монастырѣ Санъ Спирито часто посѣщали ради научныхъ и философскихъ бесѣдъ Салютати, Роб. Росси, Никколи, Бруни и другіе. Съ двумя первыми связывала его тѣсная дружба, младшіе относились къ нему съ глубокимъ почтеніемъ[1]). Между тѣмъ Марсильи почти ничего не писалъ по-латыни, а послѣ его смерти никто не написалъ ни его біографіи, ни даже надгробной рѣчи. Его обходятъ молчаніемъ даже такіе внимательные къ мѣстнымъ знаменитостямъ патріоты, какъ Ф. Виллани и Веспасіано Бистиччи, и это молчаніе тѣмъ болѣе странно, что республика относилась къ нему съ великимъ почтеніемъ. Signori совѣтовались съ нимъ о политикѣ[2]); государство поручало ему дипломатическія миссіи[3]), и Салютати отъ имени Флоренціи два раза обращался съ тщетною просьбой къ папѣ о назначеніи Марсильи мѣстнымъ епископомъ[4]). Наконецъ, послѣ смерти республика поставила ему

дѣлѣ, между аллегорическо-моральнымъ пониманіемъ Библіи, какъ оно встрѣчается у Салютати и его средневѣковыхъ предшественниковъ, и раціоналистическимъ толкованіемъ причащенія, напр. Цвингли, лежитъ цѣлая пропасть; поэтому дальнѣйшій выводъ Фогта, dasz seine (Marsigli) Moral minder die der Kirche, als die des feinen und honetten Geistes war (ib.) кажется намъ нѣсколько произвольнымъ.

[1]) Manetti въ Vita Nicolai (Никколи) говоритъ: Hujus Ludovici tunc fama et opinio tanta ac tam celeberrima erat, ut domus ejus adolescentibus atque praestantibus viris discendi gratia vel maxime frequentaretur, qui ad eum audiendum tanquam ad divinum quondam oraculum undique confluebant. У Mehus, o. c. p. LXXVI. Леонардо Бруни въ Dialogus ad Petrum Histrum влагаетъ въ уста Салютати такія слова: Et quidem ubi ad ipsum (Marsilium) veneram per multas horas protrahebam colloquium et tamen semper ab illo discedebam invitus. Nequibat enim animum meum illius viri explere praesentia. Quanta in illo, Dii immortales, dicendi vis? Quanta copia? Quanta rerum memoria? Tenebat enim non solum ea, quae ad religionem spectant, sed etiam ista, quae appelamus gentilia. Semper ille Ciceronem, Virgilium Senecam aliosque veteres habebat in ore nec solum eorum opiniones, sed etiam verba persaepe sic proferebat, ut non ab alio sumpta, sed ab ipso facta viderentur. Nihil unquam ad illum poteram adfere, quod sibi novum videretur. Omnia jampridem spectata habebat et cognita. At ego multa ab eo audivi, multa didici, multa etiam, de quibus ambigebam, illius viri auctoritate confirmavi. У Klette, p. 46.

[2]) Buoninsegni Historiae Fiorentina, p. 683 (Цит. у Voigt'a, p. 191).

[3]) Mehus приводитъ выдержку изъ анонимной итальянской хроники XIV вѣка, гдѣ подъ 1382 упоминаются два посольства къ герцогу Анжуйскому въ Ломбардію и Неаполь, въ которыхъ принималъ участіе и Марсильи. О. с. p. CCLXXXV.

[4]) Прошеніе отъ 1389 г. приведено у Mehus'a, l. c. Другія письма напечаталъ акад. Веселовскій. Paradiso, I, 1, p. 305—312.

памятникъ съ лестной надписью[1]). Всѣ эти факты придаютъ біографіи Марсильи весьма значительный интересъ, между тѣмъ до половины прошлаго столѣтія ея единственнымъ источникомъ оставались письма Петрарки. Только Mehus въ свой обширной біографіи Траверсари сообщилъ нѣсколько отрывочныхъ, но весьма важныхъ фактовъ о жизни и сочиненіяхъ Марсильи, которые свели вмѣстѣ съ незначительными добавленіями Тирабоски[2]) и Фракассети[3]).

Акад. Веселовскій далъ много новыхъ фактовъ для освѣщенія личности Марсильи и сдѣлалъ первую попытку его характеристики. По его мнѣнію, Марсильи былъ „представителемъ равнодушія или лучше сказать свободнаго отношенія къ дѣлу религіи". Этотъ выводъ вполнѣ подтверждается произведеніями Марсильи и одной его остротой объ епископахъ, сохраненной Бруни и повторенной Поджіо[4]). Акад. Веселовскій отмѣчаетъ противорѣчіе съ этой характеристикой писемъ Марсильи и видитъ въ нихъ отраженіе того теченія, къ которому принадлежала св. Катерина Сіенская и многіе другіе[5]). Письма Марсильи еще нуждаются въ анализѣ; все, что извѣстно о нихъ до сихъ поръ, показываетъ только, что Марсильи раздѣлялъ съ Петраркой то нѣсколько мистическое благочестіе, которое, порицая пороки церкви, мѣшало видѣть непримиримое противорѣчіе ея доктринъ съ новымъ настроеніемъ. Акад. Веселовскій издалъ два важныхъ памятника, доказывающихъ, что Марсильи понималъ науку не въ смыслѣ Среднихъ вѣковъ, „которые заключили ее въ монастырь, вдали отъ живыхъ людей"[6]). Эти памятники — защита Марсильи коммуною отъ чьихъ-то темныхъ обвиненій[7]) и сонетъ Торини, упрекающій Марсильи, что онъ прини-

---

[1]) Надпись гласила Florentina civitas ob singularem eloquentiam magni viri Luisii de Marsilis sepulcrum publico sumptu faciendum statuit. У Tiraboschi, p. 230.

[2]) Storia V, p. 223—231. Тирабоски относитъ рожденіе Марсильи къ 1330 году, p. 226. Geiger къ 1342 (l. c., p. 78).

[3]) Въ Lettere Senili II, p. 427, повторяетъ Mehus'a и Tiraboschi и расходится только въ опредѣленіи времени знакомства Марсильи съ Петраркой.

[4]) Марсильи, котораго Бруни называетъ hominem cum caetera doctrina, tum sacrarum litterarum scientia omnium aetatis nostrae clarissimum, спросили однажды, что значитъ apices duo на епископской митрѣ и redimicula post collum pendentia. Ridens inquit quia novum vetusque testamentum scire episcopum oportet... Redimicula, inquit, illa posttergata atque rejecta significant nec novum nec vetus episcopum scire testamentum. De militia, cod. Ambr. H. 91. Super. fol. 125. Этотъ отвѣтъ Поджіо внесъ въ свои Фацеціи. См. *Poggii Opera. Basileae 1538*, p. 470.

[5]) Вилла Альберти, p. 96 и слѣд.

[6]) Ibid. p. 95.

[7]) Paradiso, I, 1, p. 313 и слѣд.

маетъ у себя непосвященныхъ въ науку, даже женщинъ и бесѣдуетъ съ ними о научныхъ вопросахъ[1]). Каковы были научныя бесѣды въ S. Spirito, объ этомъ имѣются довольно неопредѣленныя свѣдѣнія. Салютати, вспоминая о своихъ бесѣдахъ съ Марсильи, говорилъ младшимъ гуманистамъ: „всегда у него на устахъ были Цицеронъ, Виргилій, Сенека и другіе древніе, и онъ приводилъ не только ихъ мнѣнія, но и слова и притомъ такъ, что они казались не заимствованными у другаго, но его собственными“[2]). Поджіо упоминаетъ объ одномъ его ученикѣ, котораго Марсильи „воспитывалъ и обучалъ гуманистической наукѣ“[3]). Въ романѣ, изданномъ акад. Веселовскимъ, Марсильи аллегорически истолковываетъ поэтическіе вымыслы, обнаруживаетъ вѣру въ волшебство и въ возможность превращенія человѣка въ животное съ сохраненіемъ человѣческой души[4]). Этими свѣдѣніями исчерпывается наше знакомство съ нѣсколько загадочной личностью монаха-гуманиста.

Салютати и Марсильи составляютъ не только самыхъ видныхъ, но почти единственныхъ активныхъ представителей Ренесанса во Флоренціи за это поколѣніе. Родина Петрарки и Боккаччіо доставила массу гуманистовъ даже для куріи и другихъ городовъ Италіи, но они были или учениками Салютати, или дѣтьми во время его старости, или родились послѣ его смерти. Между сверстниками онъ почти не имѣлъ сотоварищей. Въ сочиненіи De Fato et Fortuna онъ говоритъ съ тяжелымъ чувствомъ: „до сихъ поръ немногіе предаются гуманистическимъ занятіямъ (studiis humanitatis), хотя они рекомендуются всѣми, нравятся многимъ и нѣкоторые ими наслаждаются, но они совершенно не могутъ поднять дѣла, такъ рибельно павшаго и постоянно все хуже и хуже распадающагося, не могутъ воспрепятствовать его окончательной гибели“[5]). Эти опасенія Салю-

---

[1]) Вилла Альб., 95.

[2]) См. выше, p. 824 пр. 1.

[3]) Loisius Marsilius ex ordine Augustinensium fuit nuper Florentiae vir excellenti ingenio et doctrina. Hic senex educaverat *institueratque in studiis humanitatis* pauperem adolescentem, nomine Ioannem, quem novimus... adeo ut postea vir doctissimus evaderet... Plures enim discendi gratia ad senem confluebant. Facetiae въ Opera, p. 470. Въ похоронной рѣчи Никколи Поджіо говоритъ: erat domus Ludovici referta tunc egregiis adolescentibus, qui sibi vitam ejus et mores proposuerant imitandos. Frequentabatur quoque ab optimis et praestantissimis viris hujus civitatis. Особенно выдавались тамъ Ioannes Laurensis, Robertus Rossus et hic noster Nicolaus. Ibid. p. 271.

[4]) Paradiso, II, p. 176 и слѣд.

[5]) См. приложеніе II.

тати, оказавшіяся потомъ неосновательными объясняются тѣмъ, что онъ имѣлъ мало сотрудниковъ.

Виллани даетъ коротенькую біографію своего согражданина и сверстника поэта *Доменико ди Сильвестро* († 1407)[1]), котораго слѣдуетъ отнести къ числу сотрудниковъ Салютати. О Доменико не упоминаетъ ни одинъ изъ современныхъ изслѣдователей Ренесанса, между тѣмъ онъ представляетъ собою интересную иллюстрацію непрерывности движенія. Нотаріусъ изъ флорентинскихъ разночинцевъ[2]), Доменико, какъ писатель, является ревностнымъ поклонникомъ и подражателемъ своихъ гуманистовъ предшественниковъ. Въ прозаическомъ сочиненіи «*Объ островахъ и ихъ свойствахъ*»[3]) онъ дополняетъ географическое сочиненіе Боккаччіо[4]) и описываетъ географическое положеніе островов, ихъ прежнія и теперешнія названія, какіе вѣтры удобны для плаванія къ нимъ изъ разныхъ мѣстъ, въ какое время года лучше всего совершать туда путешествія, какія ихъ естественныя богатства, какія выгоды представляютъ они для торговли, какіе тамъ жили знаменитые люди и что они сдѣлали[5]). Кромѣ того, онъ написалъ 7 эклогъ въ подражаніе своимъ предшественникамъ[6]) и нѣсколько итальянскихъ стихотвореній[7]); но особенный интересъ представляютъ его мелкія латинскія стихотворенія[8]). Большая часть изъ нихъ представляетъ собою панегирическія посланія къ Данте, Петраркѣ, Боккаччіо, Салютати, Дзаноби и даже юному Поджіо[9]). Кромѣ того, онъ посвя-

---

[1]) *De Domenico Silvestri Poeta.* Galletti, p. 20. Время смерти не указано въ біографіи, а приблизительно опредѣляется тѣмъ, что послѣ 1407 года о Доменико не упоминается. Дополнительныя свѣдѣнія о Domenico и его сочиненіяхъ у Mehus'a, p. 326—331 и 192, 230 и passim, а также Tiraboschi, V, p. 816—17. Показанія Negri (p. 155) не точны.

[2]) Villani, передавая этотъ фактъ, сопровождаетъ его чисто гуманистическою сентенціей: vir sane plebei ordinis, sed patriciis non dico comparandus, sed fortasse praeferendus, cum illi obliterando gloriosa suae originis nomina, turpiter vivant. Galletti, p. 20.

[3]) *Dominici Silvestri de Florentia liber De Insulis et earum proprietatibus.* Сочиненіе не издано. О рукописяхъ см. Mehus, o. c. p. CCCXXVII.

[4]) Предисловіе къ этому сочиненію начинается такъ: Quum pluries mecum revolverem, quot Ioannes Boccaccius concivis noster etc. Mehus, l. c.

[5]) Villani у Galletti, p. 20.

[6]) Эклоги вмѣстѣ съ такими же произведеніями Данте, Іоанна де Виргиліо, Чекко да Милето, Аллегретто и Салютати весьма несовершенно изданы *Riccardini* (Florentiae 1504) и перепечатаны Basileae 1546. Mehus, l. c.

[7]) Tiraboschi, V, p. 817.

[8]) Они остаются до сихъ поръ неизданными. О рукописяхъ см. Mehus, o. c. p. 192, 230—231, 266 и 327—30, гдѣ напечатаны и отрывки.

[9]) Для характеристики тона этихъ стихотвореній достаточно привести два

тилъ особое стихотвореніе Генеалогіи боговъ, написанной Боккаччіо[1]), а также вопросу о возвращеніи папы въ Римъ[2]) и составилъ стихотворное утѣшеніе Филидѣ въ отвѣтъ на ея жалобу, написанную Салютати[3]). Наконецъ, въ письмахъ этого послѣдняго говорится о жестокой полемикѣ, которую велъ Доменико съ болонскимъ канцлеромъ Дженнарино, которой враждебно относился къ древней литературѣ[4]). Словомъ это былъ настоящій гуманистъ-боецъ, которыми такъ богато было послѣдующее поколѣніе. О другихъ выдающихся гуманистахъ во Флоренціи изъ сверстниковъ Салютати не слышно. Изъ его много-

---

слѣдующихъ отрывка изъ стихотворенія къ Салютати, цѣликомъ приведеннаго у Мегуса, о. с. р. CCXXX—XXXI.

.... Rauca nec tangere tantum
Audeo voce virum, cui hoc Deus unus ab alto
Tempore gesta dedit veterum renovare, stylumque
Longa senescentem aetati per secula nostrae.
O Latii venerandus honos! O gloria nostri
Temporis! O Deus eloquii! Clarumque futurae
Aetatis lumen etc.

Далѣе онъ съ большою похвалою вспоминаетъ о борьбѣ Салютати съ Джіованни да Сан. Миніато:

Domino praecepta Ioanni
Vestra quidem prohibent, causamque adjungitis, ipsum
Rursus ad auctorem sub pectine velle reverti.

[1]) Mehus, p. CCCXXX.

[2]) Въ этомъ стихотвореніи, озаглавленномъ Ante adventum Papae, онъ раздѣляетъ настроеніе Петрарки:

Nuntia venturi contraria fama per Orbem
Scinditur: an veniat propriam clementia summi
Pontificis reparare domum sedesque verendas etc.

Рѣчь идетъ объ Урбанѣ V. Mehus, p. CCCXXVIII.

[3]) *Consolatio missa per Daphnem ad Phyllidem, conqurentem de suis infortuniis, quod opus Phyllidis composuit Collucius Pierius Cancellarius Florentinus. Hoc autem composuit ser Dominicus Silvestri.* Mehus. Ibid.

[4]) Въ письмѣ ad Gennarinum или Zannarinum Салютати такъ характеризуетъ эту полемику: Doleo, fateor, videns inter te et illum, quos, ut fratres diligo, tantum nescio quomodo intercessisse dissidium et tam acre certamen et utrum vestrum adeo imprudenter adeoque pungenter inivisse congressum. Nulla inter vos studiorum reverentia, nullus pudor et vicissim Theonino dente saevientes de lite jocosa, quae inter me et te fuerat pro commendatione Virgilii, in veram dimicationem, pugnam conserentes saevissimam descendistis. Но не одобряя манеры спора, Салютати вполнѣ сочувствуетъ тому, что защищалъ Доменико. Tu divinarum scripturarum auctores sic legendos asseris, продолжаетъ онъ, quod poëtica videaris modis omnibus abhorere; ille nec divina condemnat, nec haec saecularia, sive gentilia, judicat dimittenda. Hoc idem et ego sentiebam et sentio. Mehus, o. c. p. CCCXXXI. Литературные слѣды этой полемики до сихъ поръ не отысканы.

численныхъ адресатовъ на долю Флоренціи приходится немного; да и въ этомъ числѣ встрѣчаются его ученики, Бруни, Поджіо, Корбинелли. Можетъ быть, его сверстниками были ученые камальдуленсцы Онофріо и Рафаэль, который былъ послѣ генераломъ своего ордена[1]); но о характерѣ ихъ учености нѣтъ свѣдѣній, и судя по дѣятельности ихъ позднѣйшаго собрата — Траверсари, можно думать, что въ монастырѣ Санта Маріа дельи Анджели царилъ строго церковный духъ даже въ классической формѣ. Также мало свѣдѣній имѣется о пріорѣ монастыря св. Стефана около моста во Флоренціи *Убальдино Бонамичи,* которому Салютати изливалъ жалобы на младшаго Лапо да Кастильонкіо, и о монахѣ изъ ордена проповѣдниковъ *Джіованни Джакинотти*.

Въ связи съ Салютати стоялъ монахъ миноритъ *Тедальдо да Саза* или *да Миччело* или *да Пуличчіано,* хотя въ изданной перепискѣ флорентійскаго канцлера и нѣтъ ни одного адресованнаго ему письма. Тедальдо хорошо зналъ латинскихъ писателей и научился по-гречески подъ руководствомъ Леонтія Пилата и потомъ Эммануила Хризолора; но его собственная литературная дѣятельность ограничивалась составленіемъ указателей къ различнымъ сочиненіямъ и между прочимъ къ латинскимъ произведеніямъ Петрарки[2]). Это былъ главнымъ образомъ библіофилъ; онъ отыскивалъ рукописи во время своихъ путешествій, переписалъ массу сочиненій и отчасти занимался критикою текста, по крайней мѣрѣ, онъ написалъ нѣсколько критическихъ замѣчаній на Африку Петрарки[3]). Эти занятія сблизили его съ гуманистическимъ кружкомъ[4]), но нѣтъ основанія предполагать, чтобы движеніе захватило его своимъ идейнымъ содержаніемъ.

Не можетъ подлежать никакому сомнѣнію, что Салютати и Марсильи оказали огромное вліяніе на гуманистовъ третьяго поколѣнія. Но келья августинскаго монаха въ S. Spirito и домъ флорентійскаго канцлера были не единственными источниками новаго духа и новыхъ идей. Источникомъ гуманистическихъ вліяній со второй половины XIV столѣтія дѣлается и флорентійскій университетъ.

---

[1]) См. о нихъ Mehus, o. c. p. CCCLXVIII.
[2]) См. Mehus, ibid p. CCCXXXVIII, IX и passim.
[3]) Mehus, l. c.
[4]) См. письмо Салютати къ Ломбардо да Серико. Ibid. p. CCCXXXVI.

XI.

Гуманистическое движеніе во Флоренціи. Профессора-гуманисты въ флорентійскомъ Studio. — Domenico di Bandino, Malpaghini и F. Villani. — Флорентійскіе гуманисты третьяго поколѣнія. — Ник. Никколи и его сверстники. — Подражатели итальянскимъ произведеніямъ „трехъ коронъ". — Исторіографія флорентійскаго гуманизма. — „Вилла Альберти" акад. Веселовскаго и ея значеніе въ исторіографіи Возрожденія. — Общій характеръ гуманистическаго движенія во Флоренціи.

Флорентійское Studio было учреждено въ 1321 г., но до 1349 г. влачило, повидимому, жалкое существованіе[1]). Организованное по образцу болѣе раннихъ итальянскихъ университетовъ, флорентійское Studio старалось прежде всего обзавестись юридическими и медицинскими знаменитостями въ старомъ духѣ, какъ Бальдо, Бартолини и проч.[2]). Но со второй половины XIV столѣтія между флорентійскими профессорами появляются лица, или склонныя къ гуманистическому движенію, или содѣйствовавшія ему своими знаніями. Сюда относятся Лапо да Кастильонкіо старшій, Франческо Бруни, Боккаччіо и Леонтій Пилатъ[3]). Преемникомъ Боккаччіо по каѳедрѣ былъ *Antonio Piovano di Vado.* Изъ письма къ нему Салютати видно, что онъ изучалъ древнихъ авторовъ, комментировалъ ихъ въ университетѣ, но его собственныя произведенія до сихъ поръ неизвѣстны[4]). Соперникомъ Антоніо былъ *Domenico di Bandino d'Arezzo,* одинъ изъ самыхъ замѣтныхъ представителей второй гуманистической генераціи, хотя наши свѣдѣнія о немъ очень скудны[5]).

---

[1]) Для исторіи флорентійскаго университета см. *Prezziner, Storia del publico studio et e delle società scientifiche e letterarie di Firenze. Vol. I e II. Firenze 1810* и *Gherardi, Statuti dell' Università e Studio fiorentino dell'anno MCCCLXXXVII seguiti da un' Appendice di Documenti dal MCCCXX al MCCCCLXXII con un Discorso del Prof. Carlo Morelli. Firenze 1881.* Превосходное изложеніе послѣдняго сочиненія сдѣлано *Rondoni, Ordinamenti e vicende principali dell'antico studio fiorentino.* (Въ Archiv. stor. ital. 1884, p. 40—64 и p. 194—220). О началѣ Studio Prez., I, p. 1—4; Rondoni, p. 46—47.

[2]) Rondoni, p. 197, Prezziner, p. 20.

[3]) Prezziner, l. c., p. 12, 15—17 и 36.

[4]) Prezziner, l. c., p. 37 и 46. Antonio комментировалъ Данте въ 1381 году. Нѣкоторыя свѣдѣнія о немъ у Mehus'a o. c. p. CCCXXIV.

[5]) Нѣкоторыя свѣдѣнія о Доменико и обширныя выдержки изъ его сочиненія у Mehus'a, Vita A. Travers., p. CXXIX и слѣд. Tiraboschi (VI, p. 1029 и слѣд.) только излагаетъ Мегуса; позднѣйшіе изслѣдователи обходятъ его молчаніемъ.

По словамъ Доменико, его отецъ Бандино „происходилъ отъ честныхъ родителей, нѣкогда торговавшихъ въ Ареццо шерстью и сукнами", но оставилъ торговлю и посвятилъ себя научнымъ занятіямъ, которыя доставили ему извѣстность. „По общему мнѣнію, говоритъ Доменико, никто не говорилъ съ большимъ краснорѣчіемъ, какъ доказываютъ и его письма, сочныя (succosae), серьезныя... и столь богатыя идеями (sententiis), что для читающихъ ничего не могло быть выше, пріятнѣе и занимательнѣе"[1]). Кромѣ писемъ, сынъ видѣлъ еще рѣчи Бандино, ничѣмъ не уступавшія древнимъ[2]). Доменико родился около 1340 года и еще ребенкомъ потерялъ во время чумы 1348 года отца, мать, братьевъ и сестеръ[3]). Изъ его дальнѣйшей біографіи извѣстно только, что по приглашенію Фр. да Каррара онъ посѣтилъ Падую и познакомился тамъ съ Петраркой; въ 1374 г. онъ читалъ въ Болоньѣ „риторику Цицерона", затѣмъ одно время жилъ на родинѣ и, наконецъ, былъ профессоромъ во Флоренціи и комментировалъ тамъ трагедіи Сенеки. Доменико отличался необыкновенною любовью къ знанію и, повидимому, обладалъ обширными свѣдѣніями и въ гуманистической, и въ средневѣковой наукѣ[4]). Почти 80-лѣтнимъ старикомъ онъ называетъ „страсть къ ученію единственнымъ и наилучшимъ смысломъ жизни" и его главное сочиненіе — „*Источникъ достопримѣчательностей всего міра*"[5]) — служитъ несомнѣннымъ доказательствомъ его огромной эрудиціи и необыкновеннаго трудолюбія. Эта огромная работа, которая, по всей вѣроятности, никогда не будетъ издана, представляетъ собою обширную энциклопедію. Самъ авторъ такъ излагаетъ ея содержаніе. По его словамъ, сочиненіе раздѣлено на пять частей „въ честь пяти великихъ ранъ Іисуса Христа". Первая часть раздѣляется на 4 книги, изъ которыхъ въ первой говорится „о Богѣ и о св. Троицѣ, о воплощеніи Слова, о жизни

---

[1]) Mehus, l. c., p. CXXX.

[2]) Ego quasdam ejus orationes ita perfecte absolutas vidi, ut in eis neque Cato gravitatem quaerat, neque Laelius lenitatem, neque Caesar calorem, neque Hortensius distributionem, neque parsimonium Sallustius, nec Quintilianus copiam nec opulentiam Cicero etc. Ibid.

[3]) Anno Domini 1348... dum infantulus adhuc essem etc. Только этимъ мѣстомъ опредѣляется годъ рожденія Доменико. Ibid. Точный годъ его смерти также неизвѣстенъ; въ одномъ изъ своихъ сочиненій онъ говоритъ octavum et septuagesimum annum duxi. Ibid. p. CXXXII.

[4]) Онъ подписывается Grammaticae atque Rhetoricae doctor atque professor; но въ одной рукописи его книги онъ названъ artium medicinaeque doctor. Ibid. p. CXXXI и CXXXIII.

[5]) *Fons rerum memorabilium universi.* Рукописи у Мегуса l. c.

и смерти Христа". 2-я книга „о трехъ іерархіяхъ и девяти чинахъ ангельскихъ"; 3-я раздѣлена на 100 главъ и трактуетъ „о душѣ"; 4-я „объ адѣ и объ адскихъ мукахъ". Вторая часть дѣлится на 5 книгъ: въ 1-й говорится „о созданіи всѣхъ вещей, объ ихъ развитіи (progressum), о концѣ свѣта и о послѣдующемъ состояніи міра"; во 2-й говорится о небѣ; въ 3-й перечислены въ алфавитномъ порядкѣ „неподвижныя свѣтила" (fixa sidera), но „не всѣ, а только извѣстныя и болѣе полезныя"; въ 4-й идетъ рѣчь „о сущности, движеніи, положеніи и всѣхъ дѣйствіяхъ (operibus) планетъ"; въ 5-й, „говорится весьма много интереснаго о временахъ (de temporibus plurima curiosa?)". Третья часть распадается на 8 книгъ, и въ 1-й говорится объ элементахъ вообще, во 2-й — объ огнѣ[1]), въ 3-й — о воздухѣ „съ его дѣленіями и свойствами", въ 4-й — о различныхъ воздушныхъ явленіяхъ[2]), въ 5-й — о птицахъ (volatilia), въ 6-й — о „моряхъ и о нѣкоторыхъ интересныхъ явленіяхъ (curiosa) въ соленыхъ водахъ", въ 7-й — „объ источникахъ, озерахъ, рѣкахъ, болотахъ, стоячихъ водахъ и о всей совокупности сладкихъ водъ въ алфавитномъ порядкѣ" и въ 8-й — въ томъ же порядкѣ о рыбахъ. Четвертая часть раздѣлена на 12 книгъ. Въ 1-й въ алфавитномъ порядкѣ говорится „о провинціяхъ и странахъ", во 2-й — объ островахъ, въ 3-й — „о городахъ и государствахъ", въ 4-й — „о зданіяхъ, достойныхъ памяти", въ 5-й — „о нравахъ народовъ (gentium) или о народахъ (populis)", въ 6-й — о горахъ, въ 7-й — „о деревьяхъ съ ихъ хорошими и дурными свойствами", въ 8-й — также о травахъ, въ 9-й — о четвероногихъ, въ 10-й — о пресмыкающихся, въ 11-й — „о драгоцѣнныхъ камняхъ" и въ 12-й — о металлахъ или „объ алхимикахъ". Наконецъ, пятая часть раздѣлена на 5 книгъ, и въ 1-й идетъ рѣчь „о мужахъ, знаменитыхъ доблестью или порокомъ", во 2-й — о философскихъ школахъ (de sectis philosophorum), въ 3-й — „о добродѣтеляхъ теологическихъ и нравственныхъ", въ 4-й — „объ ересяхъ и объ еретическихъ сектахъ", въ 5-й — „о знаменитыхъ женщинахъ"[3]).

На основаніи одного оглавленія трудно судить о характерѣ книги Доменико. Однако едва ли можетъ подлежать сомнѣнію, что въ ней отчасти нашли выраженіе интересы предшествующаго періода. На это указываетъ благочестивое основаніе дѣленія книги, вся ея первая часть и многіе отдѣлы двухъ слѣдующихъ, между прочимъ астрологическій. Среди знаменитостей, о которыхъ идетъ рѣчь въ первой

---

[1]) De elemento ignis et igne nostro elementato nec ignis diluvium praetermisi

[2]) Contemplabuntur aëris laetas et turbidas impressiones.

[3]) Mehus, l. c., p. CXXXIII—IV.

книгѣ пятой части, на ряду съ Петраркой, Боккаччіо и Салютати фигурируетъ Джіованни д'Андреа и другіе ученые въ старомъ духѣ[1]). Но въ сочиненіи Доменико обнаруживаются, повидимому, слѣды новаго настроенія. По существу книга представляетъ собою компиляцію; но авторъ не отказывается и отъ самостоятельныхъ сужденій и подчеркиваетъ это въ предисловіи[2]). Кромѣ того, изъ біографій Петрарки и Боккаччіо, напечатанныхъ у Мегуса[3]), видно, что Доменико ставитъ на первый планъ ихъ латинскія произведенія: о Канцоньере онъ совершено умалчиваетъ, объ итальянской прозѣ Боккаччіо упоминаетъ мимоходомъ. На это же указываетъ отношеніе къ книгѣ Петрарки. „Такъ какъ Франческо да Каррара, владѣтель Падуи, разсказываетъ Доменико въ біографіи Петрарки, привлекалъ меня къ себѣ своими великолѣпными привилегіями (suis magnificis praerogativis), я отправился въ Падую и тотчасъ посѣтилъ яркій свѣтъ безъ дыму, которому послѣ пріятныхъ дружескихъ посѣщеній въ его домѣ открылъ, что я написалъ въ своемъ „*Источникѣ*". Петрарка, подвергнувъ изслѣдованію различные отдѣлы разныхъ книгъ и меня вмѣстѣ съ ними, послѣ многихъ назиданій сказалъ, остановивши на мнѣ свои взоры: счастливо (bonis avibus) иди впередъ, сынъ мой, и съ заслугой и славой продолжай, что началъ. Изучай всѣ книги и, читая и перечитывая ихъ, увѣковѣчивай свое имя. Спустя нѣсколько дней Петрарка умеръ. О, несчастіе, которое я не перестану оплакивать"[4]). Салютати относился къ автору съ большимъ сочувствіемъ убѣждалъ его продолжать книгу и посвятилъ ему часть своего сочиненія *О трудахъ Геркулеса*[5]). Позднѣйшіе гуманисты не могли высоко цѣнить книги уже за ея стиль и языкъ, и сынъ Доменико, Лоренцо, аудиторъ при куріи Мартина V, поднося папѣ сочиненіе своего отца, предпослалъ ему предисловіе, въ которомъ защищаетъ автора отъ чьихъ-то нападокъ[6]. Тѣмъ не менѣе въ концѣ XV столѣтія гуманистъ Аліотти говоритъ о сочиненіи Доменико: „эта книга, по моему мнѣнію, не безполезна, а для тѣхъ, у кого нѣтъ большой библіотеки даже чрез-

---

[1]) Болѣе подробное изложеніе содержанія этой книги у Мегуса, l. c., p. CXXXIV—V.

[2]) Nam fere hoc totum ex alienis viridariis sumptum est. Proposui nempe aliena scribendo decerpere, quae solida facerent dicta mea... Non me pudebit saepius post tot ac tantos auctores quendam in locum sententiam meam posuisse. Ibid. p. CXXXIII.

[3]) См. выше, p. 286 и 518.

[4]) У Мегуса, l. c. p. CXCVIII.

[5]) Ibid. p. CXXXIII и CXXXVIII.

[6]) Ibid. p. CXXXIX.

вычайно полезна", при чемъ Аліотти считаетъ 5-ю часть „особенно необходимой" [1]).

Хотя „Источникъ достопримѣчательностей" былъ трудомъ жизни Доменико, тѣмъ не менѣе онъ написалъ еще два сочиненія, о которыхъ не имѣется никакихъ свѣдѣній: комментарій къ Божественной Комедіи, о которомъ онъ не разъ упоминаетъ въ Источникѣ, и грамматику [2]).

Въ 1385 г. профессоромъ во Флоренціи сдѣлался *Фр. Дзабарелла* [3]), впослѣдствіи епископъ флорентійскій, находившійся въ близкихъ сношеніяхъ съ Верджеріо и потомъ съ Поджіо и другими гуманистами; но лучшіе годы его дѣятельности прошли въ Падуѣ. Къ числу падуанскихъ гуманистовъ слѣдуетъ отнести и самого Верджеріо, хотя онъ около 1387 года былъ флорентійкимъ профессоромъ [4]). Въ 1386 году во Флоренціи публично комментировалъ Цицерона *Cino de' Guidetti,* и къ числу его учениковъ принадлежали нѣкоторые гуманисты слѣдующаго поколѣнія [5]). Въ концѣ XIV столѣтія каѳедру во Флоренціи занялъ *Antonio di Guccio da Scarparia,* медикъ по спеціальности [6]), но другъ Салютати, который стоялъ съ нимъ въ перепискѣ. Другой физикъ *Giovanni di Baldo dei Tambeni* написалъ діалогъ, въ которомъ опровергаетъ своего собесѣдника Райнальдо Альбицци, утверждавшаго, что чтеніе языческихъ писателей опасно для вѣры: [7]). Въ 1397 году профессоромъ грамматики, риторики и литературы сдѣлался *Giovanni Malpaghini da Ravenna,* послужившій предметомъ многихъ ученыхъ споровъ.

---

[1]) Ibid. p. CXXXII. О характерѣ книги Доменико онъ говоритъ такъ: in quo libro vim permagnam congessit alienae farraginis.

[2]) *Comentum super Comoediam Dantis poëtae* и *Grammatica*. О рукописяхъ см. Mehus, l. c., p. CXXXV и CXXXVII. Кромѣ того, Доменико составилъ, по порученію Салютати, Repertorium rubricarum, указатель къ Генеалогіи Боккаччіо. Ibid.

[3]) Prezziner, p. 39.

[4]) Ibid. p. 42—43.

[5]) Mehus, Vita A. Trav., p. CCCXLVI и CCCLIV. У Zippel'я (p. 9) приведены стихи какого-то Франческо изъ Флоренціи, который прославляетъ стихи и ученость нѣкоего Nicolai Niccoli, civis perusini qui 1389 legit artem metricam.

[6]) Его единственное извѣстное сочиненіе *Tractatus de signis febrium*. См. Prezziner, l. c. p. 49.

[7]) *Ioannis Baldi de Tambenis Tractatus,* quo concluditur nullam gentilium scientiam catholicae fidei christianae esse contrariam, imo quamlibet talem ad ipsius veritatem cognoscendam parare viam. Ad magnificum et potentem Dominum Malatestam de Malatestis. Рукопись видѣлъ Mehus, Vita A. Tr., p. CCCXCIV. Tambeni — fisicus faventinus et civis florentinus Florentiae publica conductus mercede docuit.

Въ письмѣ къ Боккаччіо отъ 1365 или 66 года Петрарка обстоятельно и съ большой похвалой говоритъ объ одномъ юношѣ изъ Равенны, который два года тому назадъ (1364) у него поселился. Немного спустя (1367) Петрарка съ большимъ огорченіемъ пишетъ Донато дельи Альбанцани, который рекомендовалъ ему юношу, что его бывшій ученикъ ушелъ отъ него. Первая разлука была непродолжительна; но въ 1368 году юноша снова разстался съ Петраркой, получивъ отъ него рекомендательныя письма къ папскому секретарю Фр. Бруни и къ графу Уго Сансеверино[1]). Съ этихъ поръ прекращаются всякія свѣдѣнія о равеннскомъ ученикѣ перваго гуманиста[2]). Но изъ переписки Салютати оказывается, что Дж. Мальпагини почти 15 лѣтъ былъ ученикомъ Петрарки и „вполнѣ напитался его ученостью", такъ что немногимъ уступалъ своему учителю[3]). Съ другой стороны, по словамъ Фл. Біондо, „Джіованни да Равенна мальчикомъ зналъ старика Петрарку"[4]). Является вопросъ, тождественъ ли Мальпагини съ тѣмъ юношей, о которомъ говоритъ Петрарка въ своихъ письмахъ, или это два различныхъ лица? На этотъ вопросъ разные изслѣдователи отвѣчали различно. Джинанни первый утверждалъ, что у Петрарки было два ученика изъ Равенны: одинъ находился при немъ три года, другой 15 лѣтъ[5]). Но этотъ взглядъ долгое время не находилъ себѣ сочувствія. Тирабоски отказался его признать, хотя и не могъ привести какихъ-либо рѣшающихъ дѣло аргументовъ[6]); Мейнерсъ принимаетъ ихъ тождество, отвергши показаніе Салютати

---

[1]) О равенскомъ юношѣ идетъ рѣчь въ слѣдующихъ письмахъ Петрарки: famil. XXIII, 9, senil: V, 5 и 6; XI, 8 и 9. Хронологія, по моему мнѣнію, вполнѣ вѣроятно установлена у Fracass., Lett. famil. V, p. 107 и слѣд.

[2]) Fracassetti правдоподобно считаетъ его адресатомъ старческаго письма Петрарки, озаглавленнаго vago cuidam (XV, 12) и относящагося къ 1372 или къ 1373 году (Lett. fam. V, p. 107 и слѣд.). Но это письмо сообщаетъ только, что непостоянный юноша усѣлся, наконецъ, на одномъ мѣстѣ.

[3]) Рекомендуя его Carlo Malatesta, Салютати говоритъ: est hic rarissimae virtutis vir magister Iohannes, origine de Ravenna... fuit quondam familiaris atque discipulus celebris memoriae Francisci Petrarchae, apud quem cum ferme trilustri tempore manserit, sic ejus doctrinam imbibit, sic ejus vestigia secutus est, quod magistrum non longis vestigiis insequatur. Epist. ed. Mehus, p. XL, XLI.

[4]) Ioannes autem Ravennas Petrarcham senem puer novit, nec dictos aliter quam Petrarcha vidit libros neque aliquid, quod sciamus a se scriptum reliquit. Opera, Basileae 1559, p. 346.

[5]) *Ginanni, Memorie storico-critiche degli scrittori Ravennati T. I. Faenza 1769*, p. 214.

[6]) Mi veggo privo della luce di tal documento, che mi servan di scorta a dissipare le tenebre fra cui questo punto di storia è involto. (V, p. 859).

о пребываніи Мальпагини у Петрарки[1]); Бальделли, раздѣляя въ общемъ тотъ же взглядъ, отодвигаетъ письмо Петрарки къ 1361 году, чтобы найти мѣсто для тѣхъ 15 лѣтъ, которыя провелъ Мальпагини съ первымъ гуманистомъ[2]), и это мнѣніе принимаетъ Мордани[3]). Въ 1867 г. издатель переписки Петрарки Фракассетти подвергъ этотъ вопросъ новому пересмотру и пришелъ къ убѣжденію, что Мальпагини и тотъ юноша, о которомъ говоритъ первый гуманистъ, различныя лица[4]). Аргументація Фракассетти распадается на двѣ части: онъ устанавливаетъ, во первыхъ, тотъ фактъ, что поступленіе къ Петраркѣ юноши изъ Равенны относится къ 1364 году, и во-вторыхъ, что онъ не возвращался послѣ 1368 года. Первая часть основана на фактическихъ данныхъ и совершенно безспорна; вторая исчерпывается двумя доказательствами: письмомъ cuidam vago (senil. XV, 12) отъ 1372 или 1373 года, гдѣ Петрарка выражаетъ радость, что какой-то vagus послѣ долгихъ скитаній нашелъ тихую пристань, и абсолютнымъ молчаніемъ перваго гуманиста послѣ 1368 года о какомъ бы то ни было ученикѣ. Послѣдній аргументъ также весьма убѣдителенъ, если принять во вниманіе экспансивность переписки перваго гуманиста, хотя quidam vagus можетъ быть и не безпокойный юноша[5]). Опираясь на всѣ эти соображенія и вполнѣ признавая съ другой стороны авторитетъ Салютати, Фракассетти совершенно логично отрицаетъ тождество обоихъ учениковъ Петрарки тѣмъ болѣе, что тотъ изъ нихъ, о которомъ упоминаетъ переписка, нигдѣ не названъ по имени[6]). Тѣмъ не менѣе новые изслѣдователи, за исключеніемъ Кёртинга[7]), возвращаются къ прежнему взгляду, не отрицая однако хронологическихъ изслѣдованій Фракассетти. Фогтъ предлагаетъ считать lustrum Салютати за одинъ годъ, такъ какъ, по Дюканжу, онъ имѣлъ такое значеніе[8]). Клетте, посвятившій этому вопросу особое изслѣдованіе, игнорируя аргументацію Фракассетти, примыкаетъ къ Бальделли и насильственно подгоняетъ переписку Петрарки къ хронологіи Салютати,

---

1) *Meiners, Lebensbeschreibungen berühmter Männer aus den Zeiten der Wiederherstellung der Wissenschaften. I B. Zürich 1795. Über das Leben und die Verdienste des Johann von Ravenna,* p. 31—32.

2) Baldelli, Petrarca, p. 249—252.

3) Mordani, l. c., p. 46.

4) Lett. famil. V, p. 91 и слѣд.

5) Фракассетти предполагаетъ даже, что тихая пристань, найденная, наконецъ, скитальцемъ, должность при папской куріи. Ibid. p. 108—109. Впервые письмо vago cuidam отнесъ къ Мальпагини Meiners, l. c., p. 32.

6) Ibid. p. 109.

7) Petrarca's, Leben p. 368.

8) Die Wiederbelebung, I, p. 216—217.

которая внушаетъ ему безусловное довѣріе. По его мнѣнію, Мальпагини родился между 1355—57 годомъ, какъ то видно изъ одного письма Салютати[1]), и жилъ у Петрарки отъ 1361—1374, какъ удостовѣряетъ другое письмо Салютати[2]). Если сопоставить эти цыфры съ перепиской Петрарки, то получится полнѣйшій абсурдъ. Оказывается, что Мальпагини изъ школы Донато и по его рекомендаціи поступилъ къ Петраркѣ 6-лѣтнимъ ребенкомъ и въ этомъ возрастѣ не только редактировалъ его переписку, но разсуждалъ съ нимъ о плагіатѣ и нашелъ въ его эклогахъ заимствованіе изъ Виргилія, а на 9 году ушелъ отъ своего учителя, получивши отъ него рекомендательныя письма. Этотъ анахронизмъ тѣмъ неизвинительнѣй, что Петрарка самъ даетъ приблизительную дату рожденія своего ученика[3]).

Итакъ вопросъ остается открытымъ. Съ одной стороны, по безспорнымъ даннымъ переписки Петрарки, его ученикъ изъ Равенны родился въ 1347 году, поселился у него въ 1364, ушелъ въ 1368 году и, по всей вѣроятности, болѣе къ нему не возвращался. Съ другой — показаніе Салютати, что Мальпагини родился между 1355—57 годами и пробылъ у Петрарки 15 лѣтъ. Чтобы рѣшить вопросъ въ смыслѣ Фогта и Клетте и ихъ предшественниковъ, нужно отвергнуть чье-нибудь показаніе. Иначе придется признать двухъ учениковъ Петрарки изъ Равенны. Этотъ вопросъ осложняется еще тѣмъ фактомъ, что современникомъ Мальпагини былъ еще одинъ гуманистъ изъ Равенны *Giovanni Conversano* или *Convertino*, котораго одни изслѣдователи отождествляютъ съ Malpaghini, другіе отрицаютъ ихъ тождество. Этотъ вопросъ имѣетъ существенное значеніе, потому что его рѣшеніемъ опредѣляется, кто былъ авторъ сочиненій, дошедшихъ до насъ съ именемъ Джіованни да Равенна. Въ перепискѣ Салютати,

---

[1]) Въ письмѣ къ Malpaghini, которое Klette относитъ къ 1402 году, Салютати говоритъ: nec putem te, licet lustra novem forsan excesseris etc. Epist. ed. Mehus, I, p. 73.

[2]) *Klette, Beiträge zur Geschichte und Litteratur der italienischen Gelehrtenrenaissance. I. Johannes Conversanus und Johannes Malpaghini von Ravenna. Nebst Excursen zu Manuel Chrysoloras und den öffentlichen Dante-Lektoren zu Florenz. Greifswald 1888*, p. 28.

[3]) Въ письмѣ къ Боккаччіо (famil. XXIII, 19) Петрарка говоритъ: Ortus est Adriae in litore ea ferme aetate, nisi fallor, qua tu ibi agebas cum antiquo plagae illius domino, ejus avo, qui nunc praesidet (1347). См. Frac., l. c. Клетте самъ чувствуетъ несообразность своихъ своихъ цыфръ, но отдѣлывается неопредѣленной фразой: freilich müszte dann M. sehr jung mit Petrarca bekannt geworden sein, wenn anders das Trilustrum und die neun Lustra ganz wörtlich zu nehmen und nicht vielmehr als eine annähernde runde Summe aufzufassen sind, wofür übrigens auch das ferme und prope sprechen. Dann würden sich ganz natürliche Verhältnisse ergeben. Ibid. p. 28—29.

изданной Мегусомъ, есть два письма, адресованныя Конверсано, и одно — Мальпагини. Издатель самъ замѣтилъ это обстоятельство, но настаивалъ на тождествѣ обоихъ лицъ на основаніи своего знакомства съ неизданной перепиской Салютати[1]) и даже попытался дать этимологическое объясненіе имени Conversanus[2]). Позднѣйшіе писатели отвергли это послѣднее толкованіе[3]), но признали тождество обоихъ лицъ. Впервые Саббадини на основаніи неизданной тогда переписки Верджеріо рѣшительно отвергъ тождество обоихъ Джіованни. Онъ приводитъ, во-первыхъ, выдержку изъ одного письма Верджеріо къ Пеллегрини изъ Болоньи отъ 1-го января 1395 года, гдѣ говорится, что здѣсь впервые Верджеріо познакомился съ „магистромъ Іоанномъ“[4]). Въ трехъ другихъ письмахъ изъ Падуи отъ 10 и 19 февраля и отъ 18 сентября того же 1395 года Верджеріо говоритъ о Джіованни да Равенна, какъ о мѣстномъ канцлерѣ[5]). Кромѣ того, въ перепискѣ Верджеріо есть одно письмо, адресованное ему Дж. да Равенна изъ Muggia около Джустинополя отъ 13 сентября 1395 года, и отвѣтъ на него отъ 22 сентября того же года, а также другое письмо Верджеріо по тому же адресу только въ Венецію отъ 16 іюня 1406 года[6]). Саббадини доказываетъ, что авторъ письма къ Верджеріо и адресатъ двухъ послѣднихъ писемъ иное лицо, чѣмъ упоминаемый въ перепискѣ падуанскій канцлеръ. Въ письмѣ отъ 18 сентября 1395 года, адресованномъ въ Muggia Giovanni da Bologna, Верджеріо проситъ адресата найти для канцлера мальчика, который сопровождалъ бы его на службу, при чемъ изъ письма видно, что канцлеръ находился тогда въ Падуѣ и лично не знакомъ съ адре-

---

[1]) Ex multarum epistolarum lectione, quae ad eos exaratae sunt. Praef. p. XL.

[2]) Hac de *diutina* Malpaghini cum Florentinis *conversatione,* seu potius consuetudine factum arbitror, ut a Coluccio in epistolis dicatur *Ioannes Conversanus de Ravenna.* Vita A. Travers., p. CCCLIII.

[3]) Tiraboschi замѣчаетъ: io non credo ch'ei potrà render probabile ad alcuno la spiegazione ch'ei reca di questo nome (V, p. 858). Фогтъ, приведя имя падуанскаго профессора Ioannes, filius ser mag. Convertini physici de Tregnano, замѣчаетъ: soweit ein Urtheil möglich ist, möchte man Convertinus und Conversanus für Ethnika des Vaters nehmen, Tregnano für den Ort seines Aufenthaltes im Jahre 1382, wobei er Jacopo getauft sein mag. Der Familienname ist gewisz Malpaghini (I, p. 217).

[4]) Въ изданіи Combi это письмо напечатано p. 172. Саббадини утверждаетъ, что письмо ошибочно помѣчено изъ Болоньи, тогда какъ оно написано изъ Падуи, гдѣ Верджеріо былъ 29 декабря 1394 и 22 января 1395 (*Sabbadini, Notizie sulla vita e gli scritti di alcuni dotti umanisti del secolo XV raccolte da codici italiani.* Въ Giorn. stor. d. lett. ital. V (1885), p. 157).

[5]) Ibid. p. 157—158. У Combi, p. 6, 67 и 28.

[6]) Ibid. p. 159—161. У Combi, p. 122, 128, 207.

сатомъ[1]). Между тѣмъ 13 сентября 1395 года Дж. да Равенна писалъ Верджеріо изъ Muggia, куда Верджеріо адресовалъ ему отвѣтъ 22 сентября. Предположить, что падуанскій канцлеръ былъ 13 сентября въ Muggia, 18 въ Падуѣ и 22 опять въ Muggia, по мнѣнію Саббадини, абсурдъ. Кромѣ того, канцлера Верджеріо не осыпаетъ похвалами, какъ другого Дж. да Равенна; наконецъ, Дж. да Болонья, по письму Верджеріо, 18 сентября не зналъ канцлера; слѣдовательно не онъ былъ въ Muggia 13 сентября[2]).

Если два послѣднихъ аргумента не обладаютъ особенной доказательностью, то первый несомнѣнно требовалъ тщательнаго пересмотра всѣхъ свѣдѣній о Дж. да Равенна. Этотъ пересмотръ былъ сдѣланъ Клетте, который пришелъ къ тому же выводу, что и Саббадини, и его аргументація заслуживаетъ вниманія. У Герарди напечатанъ документъ отъ 17 ноября 1368 года, представляющій нотаріусу *ser Iohanni magistri Conversini de Ravenna* право читать во Флоренціи реторику, и для Клетте, принимающаго показаніе Салютати, это лицо не имѣетъ ничего общаго съ Мальпагини. Изъ другого давно уже извѣстнаго документа видно, что 22 марта 1382 года „Дж. да Равенна, профессоръ реторики, сынъ ser magistri Convertini, phisici de Tregnano, живетъ въ Падуѣ". Этимъ документомъ Джіованни даетъ полномочіе продать свое имѣніе въ Bellunno, вслѣдствіе чего Клетте относитъ къ нему другой документъ, который былъ опубликованъ еще Тирабоски и изъ котораго видно, что „магистръ Джіованни да Равенна" училъ здѣсь дѣтей отъ 1375—79. Затѣмъ свѣдѣнія о Конвертино исчезаютъ. Только изъ переписки Верджеріо мы узнаемъ, что въ 1395 году падуанскимъ канцлеромъ былъ Джіов. да Равенна, а въ одномъ документѣ отъ 17 мая 1399 года падуанскій канцлеръ названъ „mag. Iohannes de Ravenna... magistri Convertini". Между тѣмъ о Мальпагини нѣтъ никакихъ свѣдѣній до 1395, если ему адресовано упомянутое выше письмо Верджеріо. Первое вполнѣ точное извѣстіе о немъ даетъ напечатанный Герарди документъ отъ 19 сентября 1397 года, который поручаетъ Мальпагини читать реторику и классическаго автора въ Флорентійскомъ университетѣ въ теченіе 3-хъ лѣтъ и изъ котораго видно, что педагогическая дѣятельность Мальпагини началась нѣсколько раньше этой даты[3]). Изъ документа

---

[1]) Magister Ioannes de Ravenna qui te tametsi oculis visuque incognitum clara tamen et laudabili fama late cognitum in primis amat: is pridie me admonuit etc. Combi, p. 28.

[2]) Subbadini, p. 161—162.

[3]) Dominum Johannem magistri *Iacobi* de Malpaghinis de Ravenna (nominaverunt, deputaverunt et elegerunt) ad legendum atque docendum publice in Studio

неясно, съ которыхъ поръ началась педагогическая дѣятельность Джіованни во Флоренціи, и Клетте не удалось доказать, что онъ училъ тамъ, въ 1395 году[1]); но и безъ этого едва ли можно допустить, что Giovanni di Convertino или Conversano, падуанскій канцлеръ въ 1395 и въ 1399 году и Giovanni di Jacopo Malpaghini, читавшій во Флоренціи въ 1397 году — одно и то же лицо.

Дальнѣйшіе документы, констатируя пребываніе Мальпагини во Флоренціи въ 1402, 1412 и 1417 годахъ, считаютъ его постояннымъ мѣстнымъ жителемъ[2]) до самой смерти, случившейся ранѣе 1420 года[3]). Между тѣмъ Конверсано еще въ 1404 году еще былъ канцлеромъ да Каррара и потомъ, повидимому, поселился въ Венеціи[4]). Который же изъ двухъ Джіованни былъ авторомъ многочисленныхъ сочиненій, дошедшихъ до насъ просто съ именемъ Джіованни да Равенна? Опираясь на авторитетъ Фл. Біондо, по словамъ котораго одинъ Джіованни ничего не писалъ[5]), Клетте утверждаетъ, что всѣ сочиненія принадлежатъ Конвертино[6]). Нужно замѣтить однако, что всѣ произведенія этого автора до сихъ поръ не изданы, а огромное большинство и совсѣмъ неизвѣстно; но то изъ нихъ, которое извѣстно Клетте, подтверждаетъ его предположеніе; къ этому же выводу приводитъ и большинство тѣхъ произведеній, съ которыми намъ удалось познакомиться по рукописямъ и о которыхъ будетъ рѣчь ниже.

Итакъ о міросозерцаніи Мальпагини мы не знаемъ никакихъ подробностей. Если даже отождествить его съ ученикомъ Петрарки, что представляется вполнѣ правдоподобнымъ[7]), то и въ этомъ случаѣ

---

florentino artem Rhetoricae, *sicut hactenus fecit* ac etiam ad legendum unum Autorem hystoricum, moralem aut poëtam, quolibet anno, *et ea facienda, quae laudabiliter hactenus egit in lecturis suis et Studio prelibato* etc. У Klette, p. 29.

[1]) Ссылка Klette на цитированное выше письмо Салютати (см. выше p. 835, пр. 3), который рекомендуетъ Мальпагини на мѣсто умершаго Алегретти, ничего не доказываетъ, такъ какъ годъ смерти Алегретти неизвѣстенъ.

[2]) Документъ отъ 1401 года даетъ ему право пріобрѣтать во Флоренціи и въ ея области недвижимую собственность, а грамота 1417 года называетъ его „in hac civitate diu habitator“ и говоритъ, что онъ „hanc sibi elegit in patriam et perpetuam sedem suis filiis relinquendam“. У Klette, p. 31—33.

[3]) Это видно изъ одного современнаго произведенія, цитированнаго у Mehus'a. Vita A. Traversarii, p. CCCLIII. Klette, думаетъ, что онъ умеръ въ апрѣлѣ или въ маѣ 1417 года, потому что 29 мая этого года на его мѣсто былъ назначенъ Giovanni da Prato. Ibid. p. 33.

[4]) Klette, p. 22 и слѣд.

[5]) См. выше p. 835, пр. 4.

[6]) Klette, p. 39 и слѣд.

[7]) Мы думаемъ, что случайной и приблизительной хронологіи Салютати не обязательно придавать абсолютное значеніе.

переписка его учителя свидѣтельствуетъ только о его юношеской страсти къ новой наукѣ. Его письмо къ Верджеріо, принадлежность котораго Мальпагини далеко не очевидна, заключаетъ въ себѣ малохарактерныя разсужденія о томъ, что слѣдуетъ любить и незначительную родину[1]). Его ученики въ XV вѣкѣ мало о немъ говорятъ, а во концѣ столѣтія Кортезе уже смѣшалъ его съ Конверсано[2]). Но съ конца прошлаго столѣтія Мальпагини пріобрѣтаетъ большую славу: почти всѣ писатели, касавшіеся Возрожденія, говорятъ о его заслугахъ гуманистическому движенію, а нѣкоторые ставятъ его въ этомъ отношеніи на ряду съ Петраркой и Боккаччіо. Виновникомъ этой широкой извѣстности былъ отчасти Тирабоски, а главнымъ образомъ Мейнерсъ. Тирабоски отвелъ ему сравнительно весьма много мѣста въ своемъ общемъ сочиненіи и вслѣдъ за Форести объявилъ его учителемъ почти всѣхъ крупныхъ гуманистовъ первой половины XV столѣтія[3]). Мейнерсъ собралъ всѣ извѣстные тогда печатные матеріалы о Мальпагини, перевелъ ихъ на нѣмецкій языкъ и приложилъ панегирическій комментарій. Въ фактическомъ отношеніи его очеркъ не представляетъ интереса; но его взглядъ на этого ученика Петрарки заслуживаетъ вниманія. Мальпагини ничего не писалъ, но онъ своимъ преподаваніемъ „образовалъ не только умъ, но и сердце своихъ слушателей... Безъ него свѣтъ, воспламененный Петраркой, если бы не совсѣмъ потухъ, то, вѣроятно, потускнѣлъ бы... Онъ былъ главнымъ звеномъ той цѣпи, которая въ концѣ XIV столѣтія соединяла изученіе греческой и римской литературы. Его послало Провидѣніе предшественникомъ Хризолора, пути которому онъ долженъ былъ приготовить и т. д.“[4]). Эта точка зрѣнія, съ большими или меньшими ограниченіями въ тонѣ, повторялась и позднѣйшими изслѣдователями, которые не прибавили никакихъ новыхъ фактовъ для характеристики Мальпагини. Обстоятельнѣе другихъ говоритъ о немъ Фогтъ[5]): но онъ ограничивается чисто фактическимъ изложеніемъ его

---

[1]) Verger, Epist. p. 207.

[2]) Dialogi Iohannis Ravennatis vix semel leguntur и въ другомъ мѣстѣ о немъ и Салютати говорится, что они nunquam etiam ab orationis asperitate maestitiaque abesse potuerunt. De hom. doct. У Gal., p. 225 и 224. Смѣшеніе, можетъ быть, произошло и раньше. Fl. Biondo (l. c.) приписываетъ уже одному лицу такихъ учениковъ, какъ Бруни, который учился во Флоренціи, и какъ Sicco Polentone, учившійся въ Падуѣ. Біондо лично не зналъ Мальпагини и говоритъ о немъ по словамъ Бруни.

[3]) Tiraboschi, V, p. 651—662.

[4]) Meiners, l. c., p. 5 и 6.

[5]) Die Wiederbelebung, I, 216—223.

біографіи, которое утрачиваетъ цѣну вслѣдствіе того, что авторъ отождествляетъ Мальпагини съ Конверсано.

Для характеристики Мальпагини нѣтъ почти никакихъ данныхъ, по крайней мѣрѣ, при современномъ состояніи источниковъ. По словамъ Фл. Біондо, Бруни „имѣлъ обыкновеніе говорить, что столь процвѣтающее теперь изученіе латинскаго языка и краснорѣчія ввелъ въ Италію послѣ долгаго періода варварства Дж. да Равенна" и сдѣлалъ это „по особому предопредѣленію Божію"[1]). Повидимому, это показаніе подлежитъ ограниченію; по крайней мѣрѣ, ученики Мальпагини хранятъ о немъ полное молчаніе. Самъ Бруни, съ такимъ восторгомъ говорившій о Хризолорѣ, одинъ только разъ мимоходомъ упоминаетъ въ своей перепискѣ о Мальпагини[2]). Но переписка Салютати и Верджеріо свидѣтельствуютъ, что флорентійскій профессоръ былъ человѣкъ новаго направленія, и отрицать его вліяніе на молодое поколѣніе нѣтъ никакого основанія.

Еще раньше Мальпагини профессоромъ во Флоренціи былъ П. П. Верджеріо старшій, а одновременно съ Дж. да Равенна — Мануилъ Хризолоръ[3]). Но оба они занимали каѳедру очень недолго. Въ 1401 или въ 1402 году правительство поручило комментировать Данте въ университетѣ *Филиппо Виллани*[4]). Гуманистическое движеніе только внѣшнимъ образомъ захватило Виллани. Юристъ по спеціальности и историкъ по интересамъ, онъ пишетъ такимъ же латинскимъ языкомъ, какъ и Салютати; но его произведенія повторяютъ средневѣковыя сказки. Одно изъ нихъ „Компендіумъ французской исторіи" выводитъ генеалогію франскихъ королей черезъ Пріама, герцога Сигамбровъ, отъ Франкона, сына Гектора[5]). Второе его сочиненіе „*О происхожденіи Флоренціи и объ ея знаменитыхъ людяхъ*"[6]) въ первой

---

1) Ital. illust. l. c.

2) Epist. X, 19.

3) См. о нихъ ниже.

4) Prezziner, p. 69. Gherardi, p. 376.

5) *Philippi Villanni, jurisconsulti Florentini, Cumulatio quorundam historicorum Gallorum de origine regum Francorum per Franconem, Hectoris Trojani filium.* Сочиненіе осталось неизданнымъ. Рукописи указаны у Mehus'a, l. c., p. CXXVI.

6) *De origine civitatis Florentiae et ejusdem famosis civibus ad Eusebium fratrem.* Сочиненіе въ подлинникѣ оставалось неизвѣстнымъ долгое время и за подлинникъ считался искаженный переводъ, изданный въ 1747 Mazzuchelli въ Венеціи и перепечатанный во Флоренціи въ 1827. Mehus открылъ латинскій текстъ, доказалъ что это оригиналъ и привелъ цѣлую массу отрывковъ главнымъ образомъ изъ 2-й книги. (Mehus Vita Ambr. Travers., p. CXXII—CXXIX и passim.) Въ 1847 году Галлетти перепечаталъ отрывки изъ первой книги и цѣликомъ издалъ вторую вмѣстѣ съ цѣлымъ рядомъ другихъ сочиненій изъ

своей части мало чѣмъ отличается отъ его французской исторіи[1]); гуманистическіе интересы Виллани обнаруживаются въ его біографіяхъ первыхъ гуманистовъ[2]); но и здѣсь на ряду съ Петраркой, Салютати и другими фигурируютъ такіе средневѣковыя знаменитости, какъ юристъ Бартоло и различные астрологи. Судя по названіямъ, которыя онъ прилагаетъ къ своему имени — Heliconicus и sacer Pieridum Musarumque cultor, Виллани любилъ поэзію, но писалъ ли онъ самъ что-нибудь въ этомъ родѣ — неизвѣстно, и вообще о его біографіи почти нѣтъ никакихъ свѣдѣній[3]).

Въ XV столѣтіи представители гуманистическаго движенія играютъ все большую и большую роль во флорентійскомъ университетѣ[4]), но уже въ первые годы своего существованія Studio должно было оказывать вліяніе на молодое поколѣніе, хотя мы очень мало освѣдомлены о воззрѣніяхъ тогдашнихъ профессоровъ-гуманистовъ.

Мы ознакомились уже съ міросозерцаніемъ Л. Бруни, самаго крупнаго представителя старшаго поколѣнія третьей гуманистической генераціи, который вышелъ изъ флорентійской школы. Но Бруни провелъ лучшіе годы своей жизни при папской куріи; изъ коренныхъ флорентійскихъ гуманистовъ первое мѣсто между его сверстниками занимаетъ *Николо Никколи* (1365—1437). Самъ онъ почти ничего не написалъ; но едва-ли можно найти другаго гуманиста, о которомъ и которому такъ много писали бы его единомышленники. Вслѣдствіе этого его безмолвная фигура представляетъ большой интересъ въ исторіи гуманистическаго движенія.

Единственнымъ произведеніемъ Никколи была латинская орѳографія, повидимому, не имѣвшая никакого значенія, что признаетъ и его другъ Поджіо, оправдывая литературную непроизводительность Никколи тѣмъ, что Сократъ и Христосъ тоже ничего не писали[5]). Обшир-

---

той же эпохи. (*Philippi Villani liber De civitatis Florentiae famosis civibus ex codice Mediceo-Laurentiano nunc primum editus et de Florentinorum litteratura principes fere synchroni scriptores denuo in lucem prodeunt cura et studio Gustavi Camilli Galletti Florentini. Florentiae MDCCCXLVII*).

[1]) Напр., 2-я глава называется Quod Nebroth primus fuerit, qui coëgerit mortales ignem pro Deo colere et adorare. 3-я De magno Athalante repertore Astronomiae et Athalo ejus filio et genero, qui trajecit in Italiam. 5-я De aedificatione civitatis Fesularum facta per Athalum et Januae per Janum etc. Galletti, p. 4.

[2]) См. выше въ обзорѣ біографій Петрарки, Боккаччіо, Дзаноби и Салютати.

[3]) Нѣкоторыя свѣдѣнія о немъ собраны у Tiraboschi, V, p. 648.

[4]) Rondani, l. c. p. 197—199.

[5]) О ней упоминаетъ Гуарино въ инвективѣ противъ Никколи, написанной въ формѣ письма къ Блазіо Гасконе. Proxime venit in manus ab eo editum in

ная переписка съ многочисленными друзьями не сохранилась, потому что его писемъ, которые были написаны по итальянски, никто не собиралъ[1]), и этотъ фактъ составляетъ весьма существенный пробѣлъ въ его біографіи. Воззрѣнія Никколи представляютъ особенный интересъ въ виду той роли, которую онъ игралъ среди гуманистовъ; а при отсутствіи собственныхъ сочиненій ихъ выяснить очень трудно, вслѣдствіе чего не вполнѣ ясной остается и причина его обширнаго вліянія. До извѣстной степени этотъ пробѣлъ пополняется массой разнообразныхъ современныхъ источниковъ для его біографіи. Сюда относятся, во-первыхъ, адресованныя ему письма. Траверсари посвятилъ ему всю 8-ю книгу своей переписки, гдѣ изложены результаты его поисковъ за античной литературой и древностями. Ему же сообщалъ Поджіо о всѣхъ своихъ находкахъ, и его многочисленныя письма по этому адресу не только характеризуютъ интересы Никколи, но являются важнымъ источникомъ для исторіи изученія античной литературы въ новое время. Тѣсная и интимная связь между обоими гуманистами проявляется чуть не въ каждомъ письмѣ Поджіо: онъ охотно исполняетъ даже мелкія и щекотливыя порученія Никколи[2])

lucem opusculum, quod ille ad erudiendos compilavit adolescentes. Incribitur autem orthographia, quum verius orbographia possit appelari. Nam quum erudire pueros per quandam imanem jactantiam concupiscit, rudem sese magis puerum patefacit. Tot in ea continentur artis praecepta, describuntur vocabula, ut correptas syllabas diphtongis annotare non pudeat. Письмо не издано; отрывокъ у Mehus'a, p. 21. Мегусъ полагаетъ, что это сочиненіе написано по-итальянски, на основаніи инвективы Бруни, гдѣ говорится, что Никколи ничего не написалъ по-латыни. An non pudet Grammaticum profiteri te, qui nunquam scripseris aliquid latine neque locutus sis (У Zippel'я, p. 85). Доказательство не имѣетъ рѣшающаго значенія, хотя Фогтъ говоритъ объ этомъ, какъ о несомнѣнномъ фактѣ I, p. 304.

[1]) Одно письмо имѣлъ въ рукахъ Мегусъ. Habeo, говоритъ онъ, Epistolam a Niccolao Niccolo ad Michelotium italice scriptam, qua eum obsecrat, ut sibi impertret ab Episcopo Arretino vetustissimum Codicem Catonis de re Rustica Litteris Langobardis exaratum, ut suum, qui mendosissimus erat, cum eo conferret emendaretque. L. c., p. L. Zippel утверждаетъ, что il Niccoli, ce ne fa fede l'amico suo Poggio, non tollerava l'uso del volgare nemmeno nella corrispondenza più famigliare (p. 47). Мы не знаемъ такого мѣста у Поджіо; во всякомъ случаѣ это показаніе опровергается фактами.

[2]) Такъ въ одномъ письмѣ онъ говоритъ mitto tibi litteras pro Benvenuta tua, in quibus continetur, ut prior Sancti Laurentii possit commutare votum illud femineum in aliud opus pietatis. Litterae parum constant et id parum condono sibi: volo enim pedibus ejus et gradum subjicere, ut ascendat in coelum. Si quid est aliquid, quod velit, scribe fietque perdiligenter. *Poggii Epistolae ed. Tonnelli. I—III Florentiae 1832—61,* I, p. 151. II, 14. У Tonelli, I, p. 151. Это та самая Бенвенута, изъ-за которой Никколи поссорился съ Бруни и съ своей родней.

и въ письмѣ по поводу его смерти съ несомнѣнной искренностью оплакиваетъ свою крупную потерю[1]). Имѣютъ значеніе для біографіи Никколи и многочисленныя письма, адресованныя ему Леонардо Бруни. Въ началѣ знакомства, Бруни, подобно Поджіо, ему чаще всего излагалъ свои личныя дѣла[2]); затѣмъ послѣдовала ссора; но послѣ примиренія, снова встрѣчаются письма такого содержанія, хотя и рѣже[3]). Кромѣ того, не лишены значенія для характеристики Никколи тѣ письма Бруни, въ которыхъ онъ сообщаетъ о своихъ занятіяхъ, интересныхъ для адресата. Изъ нихъ видно, что Никколи занимали переводы съ греческаго, и Бруни сообщаетъ ему о своемъ намѣреніи перевести Платона[4]), посылаетъ narratio къ переводу рѣчи о Діофитѣ[5]), даетъ образчики переводовъ изъ Эсхина[6]) и истолковываетъ значеніе двухъ греческихъ словъ ἀρά и ἐνάργες[7]). Далѣе, ему же даетъ онъ свѣдѣнія о Римини, объясняетъ разницу между civitas и urbs[8]) и излагаетъ побужденія, заставившія его написать порнографическое сочиненіе[9]). Чисто личныя письма показываютъ, что между Бруни и Никколи существовала тѣсная связь и что первый не стѣснялся въ глаза высказывать правду о характерѣ послѣдняго[10]); изъ отдѣль-

[1]) Въ письмѣ по этому поводу къ Марсупини Поджіо, перечисливши всѣ благодѣянія Никколи, говоритъ: omnibus ille qui ad litterarum studia adhelabant, in quibus aliquam virtutis notam inesse putabat, sic aderat, sic favebat, ut vere communis doctorum hominum parens atque altor esse videretur. Rectissime videor affirmare posse, non mihi magis, quam reliquis, qui nostris studiis delectantur, Nicolai interitum communis calamitatis causa esse lugendum ac deplorandum... Fateor aliquos doctiores atque eloquentiores existere aetate nostra; sed qui humanitate, industria librorum perquirendorum, familiaritate doctissimorum virorum, comitate ipsa affabilitate, facetiis, in doctos omnes caritate ac benevolentia, librorum copia, qui quidem omnibus praesto, essent, Nicolaum superarit, credo neminem extitisse. Erat semper ejus domus referta doctis et egregiis viris, qui ad eum quotidie accedebant. Nemo Florentiam, qui aliquid saperit, nunquam adibat, quin imprimis Nicolai domum et libros sibi visendos putaret... Non me fugit solere ab invidis et malevolis quibusdam objici, quod nihil unquam scripserit, nullum ediderit opus, dignum nomine docti viri... На это Поджіо возражаетъ, что не писали также Пиѳагоръ, Сократъ и Христосъ.

[2]) Epistolae Lib. I, Ep. 10, 12, 15; II, 4, 6, 9; III, 4, 5, 7, 14, 15, 16, 18; IV, 1 etc.

[3]) Lib. VI, 8; X, 6.

[4]) Lib. I, 8.

[5]) Lib. II, 5.

[6]) Lib. III, 20.

[7]) Lib. III, 19.

[8]) Lib. III, 9.

[9]) Lib. II, 16.

[10]) Прося содѣйствія Никколи какому-то англичанину Томасу, cupienti ineptias nostras, id est libros novorum poëtarum emere, говоритъ между прочимъ

ныхъ мѣстъ переписки второй категоріи видно, что Бруни сообщалъ своему адресату только то, что его интересовало. Такъ, Никколи былъ равнодушенъ къ политикѣ и относился съ полнымъ пренебреженіемъ къ дѣламъ Констанцскаго собора и зато чрезвычайно интересовался ученіемъ Платона; сообразно съ этимъ и писалъ ему Бруни[1]). Не мало данныхъ для біографіи Никколи разбросано въ письмахъ и другихъ гуманистовъ по разнымъ адресамъ[2]).

Кромѣ переписки гуманистовъ, источникомъ для біографіи Никколи могутъ служить ихъ сочиненія. Такъ ему посвятилъ нѣкоторые переводы съ греческаго и сочиненіе Cicero Novus Бруни[3]). Еще болѣе важности имѣютъ діалоги, гдѣ въ числѣ собесѣдниковъ является Никколи. Гуманисты заботились о реальности и правдоподобности діалога, поэтому они всегда старались выбрать для каждаго мнѣнія такого представителя, который и въ дѣйствительности отличался приблизительно такимъ же образомъ мыслей. Въ одномъ письмѣ къ Никколи Поджіо по поводу своего діалога De avaritia говоритъ объ этомъ, какъ о дѣлѣ общеизвѣстномъ и общепринятомъ: діалогъ долженъ опираться на истину или, по крайней мѣрѣ, не стоять съ нею въ рѣзкомъ противорѣчіи[4]). Поэтому мы въ правѣ предположить,

---

pro natura et moribus tuis admonendum te familiarius putavi, ut, si quid contra sententiam opinionemve tuam cuperet aut sentiret eidem te mitem et minime adversantem praestes. Ibid. II, 17.

[1]) Si quae hic agantur, пишетъ Бруни изъ Констанца, quaeve dicantur te curare putarem, scriberem tibi acta Concilii et quotidianarum rerum commentarios facerem. Sed si te bene novi, tu ejusmodi mentis es, ut non modo non cures ista cognoscere, verum etiam interesse tua arbitraris haec, ut tu appelare soles, taedia et deliramenta hominum ignorare... Nihil tibi magis placiturum per haec tempora arbitror, quam si peregrinationem meam tibi perscripsero. Lib. IV, 2. Объ отношеніи къ Платону Бруни говоритъ: Platonem tuum, pro quo tu adversus indoctorum turbam omni tempore pugnavisti, I, 8.

[2]) См. напр. выдержки изъ неизданныхъ писемъ Пьера Кандида Дечембріо и Marsupini. У Mehus'a, Vita Ambros., p. LIX и LXIII. Ср. Zippel, p. 61—62.

[3]) Leonardi Aretini ad Nicolaum suum in tyrannum Xenophontis philosophi praefatio. Рукопись въ Ambrosiana Cod. H. 91. Super. Oratio pro Diophythe. Въ рукопи (Ambrosiana Cod. R. 64. Sup.) безъ посвященія, но что она посвящена Никколи видно изъ писемъ Бруни. Въ предисловіи къ Cicero novus Бруни говоритъ: Tu vero, Nicolae, censor et judex rerum nostrarum, Ciceronem hunc novum diligenter perlegis. Рукопись Парижской Національной библіотеки Cod. 1676, fol. 132.

[4]) Quod autem nomina collocutorum displicent tamquam barbara, neque in eos cadere, ut reprehendant avaritiam, quos credis avaros, primum opportet, ut iis nominibus utamur, quibus homines appelantur neque, si nomina molesta sunt, mihi tribuendum est, sed temporibus et religioni nostrae, quae illa introduxit. At, inquies, multi nominantur ita, ut ferri eorum nomina possint, qui erant eligendi

что то, что говоритъ Никколи въ діалогахъ Поджіо соотвѣтствуетъ его характеру и взглядамъ не говоря уже о томъ, что въ одномъ изъ нихъ авторъ даетъ весьма живую характеристику своего друга[1]). Точно такъ же едва ли рѣзко противорѣчилъ истинѣ Валла, заставляя Никколи въ діалогѣ De voluptate примирять христіанство съ крайнимъ эпикурействомъ. По этимъ примѣрамъ можно думать, что и Бруни въ разсмотрѣнномъ выше діалогѣ излагалъ приблизительно воззрѣнія Никколи[2]). Наконецъ, современные гуманисты, лично его знавшіе, составляли въ честь его панегирики, или направляли противъ него инвективы, или оставили его біографію. Такъ, миланскій гуманистъ *Джузеппе Бриніо* или *Бривіо* посвятилъ ему длинное стихотвореніе[3]), въ которомъ влагаетъ въ уста самому Аполлону похвальную рѣчь въ честь Никколи. Осыпая всевозможными похвалами своего друга[4]), Бриніо тщательно перечисляетъ все, что онъ сдѣлалъ для изученія древности. Многочисленнѣе были инвективы противъ Никколи, и одна изъ нихъ, написанная Бруни, надѣлала чрезвы-

---

in sermonem. Fateor, sed ii sumendi erant, et qui adsunt, et qui possunt coire et qui non sint omnino rudes, ut videatur hic sermo inter illos oriri potuisse... *Scis morem Dialogorum cum vel veris rebus, vel similibus veri niti debeant.* Tonelli, Epist. Lib. III, 36.

[1]) Noster Nicolaus in libera civitate liberior caeteris, nullius obnoxius civitati, qui unus semper prae se tulit summam dicendi licentiam neque veretur, quo animo sua dicta accipiantur, dummodo quod sentit proferat, audacius. uberiusque suum explicabit judicium. *De infelicitate principum.* Opera, p. 397. Въ другомъ мѣстѣ того же діалога Козимо Медичи говоритъ: facillime, Nicolae, qui mos tuus est, laberis ad detrahendum... Mecum saepius cogitans addubitare cogor, quaenam sit potissimum causa, cur in vituperando sis, quam in laudando proclivior. Hoc facile est ad explicandum, Nicolaus inquit, quod longa aetas et anteacta vita me docuit. Nam in laudandis hominibus saepius deceptus sum, cum hi deterriores essent, quam existimarem, in vituperandis vero nunquam me fefelit opinio. Ibid. p. 394. Далѣе Никколи ближе объясняетъ причину своей репутаціи: онъ не скрывалъ отъ авторовъ своего мнѣнія объ ихъ сочиненіяхъ. Plures ad me adeunt importune, qui suam stultitiam a me commendari volunt, afferunt nescio quid ab eis editum insulsum penitus, inconditum, inconcinnum, certe dignum quod ad latrinas feratur, quaerunt existimationem meam. Ibid. p. 395.

[2]) См. выше, p. 610 и слѣд.

[3]) Joseph Bripius praestanti ac litteratissimo viro Nicholao Nicholi, velut fratri majori, et amico carissimo salutem plurimam et novos amicitiae amores. Сначала напечатано у Saxius'a въ Historia Typographico-Litteraria Mediolanensis и переиздано у Mehus'a, Vita Ambrossii Traversari, p. LXXIX—LXXXII.

[4]) Ille etiam gravitate nitet, sermone facetus,
Acer in eloquio, rerum quoque gnarus abunde,
Religione pius, virtute insignis, honestus,
Moribus egregiis, omnique benignus in acta etc. Mehus, p. LXXXI.

чайно много шуму. Причиной ссоры послужила экономка Никколи, Бенвенута, къ которой весьма непочтительно отнесся Бруни. Никколи разобидѣлся, Бруни отвѣтилъ инвективой[1]); ссора разгорѣлась; въ дѣло вмѣшались другіе гуманисты, и одному изъ нихъ венеціанцу Франческо Барбаро удалось примирить прежнихъ друзей. Тѣмъ не менѣе о раздорѣ сочли нужнымъ упомянуть ранніе біографы обоихъ противниковъ, а въ XVIII вѣкѣ велась полемика о томъ, кто былъ виновникомъ ссоры[2]) и даже въ XIX вѣкѣ единственный новый біографъ Бруни, Монцани, счелъ нужнымъ съ чрезмѣрной обстоятельностью разсказать всю эту грязную исторію, хотя она и не представляетъ интереса[3]). Кромѣ Бруни, противъ Никколи писали *Лоренцо ди Марко Бенвенути*, Гуарино и Филельфо. Но объ инвективѣ Лоренцо извѣстно только изъ писемъ Поджіо[4]), письмо Гуарино остается неизданнымъ[5]), а сатиры Филельфо, изъ которыхъ двѣ хранятся въ рукописяхъ, представляютъ собою только площадную брань[6]). Къ источникамъ для біографіи Никколи, составленнымъ при его жизни, относятся два его духовныхъ завѣщанія. Книги, которыя онъ собиралъ съ такою тщательностью при жизни, составляютъ главный предметъ его заботъ и въ завѣщаніяхъ. Сначала онъ ихъ пожертвовалъ монастырю S. Maria degli Angioli подъ условіемъ предоставлять ихъ для пользованія всѣмъ желающимъ; но потомъ передумалъ и поручилъ 15 душеприказчикамъ выбрать подходящее мѣсто для первой публичной библіотеки[7]).

Со смертью Никколи не прекратился интересъ къ нему современниковъ. Одинъ изъ его душеприкащиковъ, Поджіо, составилъ похоронную рѣчь, а, кромѣ того, еще въ XV столѣтіи были написаны

---

[1]) См. о ней выше, p. 655 и слѣд.

[2]) См. Zeno. Dissertazioni, p. 34—35. Mehus, o. c. p. LX

[3]) C. Monzani, l. c., I, p. 29—59.

[4]) *Laurentii Marci de Benvenutis in Nicolaum Nicolum Oratio.* См. Mehus, p. LX и Zippel, p. 30—31.

[5]) Guarinus Veronensis Blasio Guasconi. Отрывки у Mehusa'a, p. LI, LXI и LXII.

[6]) Первая изъ неизданныхъ сатиръ Филельфо озаглавлена *F. P. Satyra in Nicholaum Nicolum cognomento Lallum;* вторая — *Satyra ad clarissimum virum Franciscum Barbarum in sceleratum adulterum Nicolaum cognomento Margum.* Отрывки у Mehus'a, o. c. p. LXI.

[7]) Они напечатаны у Zippel'я, l. c., p. 96 и слѣд. О собираніи книгъ въ обоихъ говорится одинаково: omnes libros suos, tam sacros, quam gentiles, et tam graecos, quam latinos aut barbaros... undique magna industria, diligentia, studio ab adolescentia nullum laborem subterfugiendo, nullis impensis parcendo coegit.

три его біографіи. Рѣчь Поджіо[1]) представляетъ интересъ, главнымъ образомъ для характеристики занятій Никколи. Результатомъ усиленнаго собиранія Никколи книгъ была первая по богатству во всей Италіи библіотека, которая и при жизни владѣльца была открыта для желающихъ[2]). Кромѣ того, Никколи, любителя искусства вообще[3]), интересовали и памятники древняго искусства, и вещественные остатки древности, такъ что его домъ совмѣщалъ въ себѣ и публичную библіотеку и музей[4]) и привлекалъ массу посѣтителей[5]). Фактическихъ свѣдѣній въ рѣчи Поджіо немного[6]), а на его характеристику положиться нельзя. Такъ, онъ говоритъ здѣсь о „цензорской серьезности" Никколи, а въ Фацеціяхъ сообщаетъ совсѣмъ противоположныя свѣдѣнія[7]). Другой душеприказчикъ Никколи, Джіаноццо Манетти, былъ

---

[1]) *Oratio in funere Nicolai Niccoli civis Florentini.* Въ Opera 1528. Basileae, p. 270 и слѣд.

[2]) Sollertissimus omnium fuit in emendis ac comparandis libris, fructuosissima ac pulcherrima omnium negociatione, quos adeo multos atque egregios, tum latinos, tum graecos ab extremis usque Europae finibus conquisivit, ut omnes Italos (pace reliquorum dixerim) superarit librorum copia optimorum. Эти книги были — publica quaedam Bibliotheca. Ibid. p. 271.

[3]) Dilectabatur admodum tabulis et signis ac variis colaturis priscorum more. Plura enim prope solus atque exquisitiora habebat, quam ceteri fere omnes. Ibid. p. 276.

[4]) Templum quoddam virtutis et decoris existimabatur domus illa et tamquam habitaculus honestatis, in qua accedebant omnes ad virtutem et bonarum artium disciplinas. Hic librorum ingens numerus, tum latinorum, tum graecorum. Hic signa et tabulae; hic veterum imagines, hic numismata usque a priori illa aetate, qua aes primum cudi et moneta obsignari est coepta, conspiciebantur... Sed excellentissima ejus virtus atque optimum omnium facinus nequaquam est silentio praetereundum... Rem sane statuit temporum omnium ac saeculorum laudibus celebrandam. Ex libris, quos homo nequaquam opulentus et rerum persaepe inops supra octingentos codices summo labore et diligentia comparaverat, decrevit testamento fieri per amicos publicam bibliothecam ad utilitatem omnium sempiternam. Ibid. p. 276.

[5]) Ad quae visenda multi alliciebantur, ut non privato aliquo in loco, sed in theatro quodam collocata ac exposita esse affirmares. Ibid.

[6]) Ortus est Nicolaus, ut nostris, egregiis atque honestis parentibus civibus nostris, qui, quae homini maxime sunt optanda, et divitiis et benevolentia civium floruent, et pater quidem mercaturae operam dedit, qua sibi opes plurimas comparavit. Ibid. p. 270. Важно также, что говоритъ Поджіо объ отношеніи Никколи къ Гуарино, Аурисиѣ, Брунн, Траверсари и Марсупини. Ibid. p. 272.

[7]) Nihil turpe, nihil obscoenum in verbis quidem protulit. Censoria quaedam gravitas vitae splendorem afferebat et summam auctoritatem. Ibid. p. 276. Между тѣмъ въ Фацеціяхъ Поджіо называетъ его vir ad jocos promptus, хотя разсказанная Никколи шутка язвительна, но прилична. Ibid. p. 486.

его первымъ біографомъ. Составленный имъ очеркъ[1]) не богатъ фактическими данными; въ его основѣ лежитъ рѣчь Поджіо которую онъ дополняетъ однако весьма характерными для Никколи подробностями. Такъ, онъ сообщаетъ, что Никколи обладалъ блестящей памятью и такимъ живымъ воображеніемъ, что излагалъ съ наглядностью очевидца всѣ факты изъ древней исторіи и описывалъ различныя мѣстности. Кромѣ исторіи и географіи, онъ былъ хорошимъ знатокомъ священнаго писанія[2]). Манетти расходится нѣсколько съ Поджіо въ характеристикѣ Никколи онъ признаетъ въ немъ нѣкоторое злоязычіе[3]), говоритъ, что онъ былъ увеселителемъ всякаго собранія[4]), что не подходитъ къ „цензорской важности". Кромѣ того Никколи отличался необычайно тонко развитымъ эстетическимъ чувствомъ. Щеголь, не смотря на скромный образъ жизни, онъ не могъ выносить ничего оскорбляющаго слухъ или зрѣніе, и окружалъ себя изящной обстановкой[5]). Эти черты, рельефно изображенныя очевидцемъ, придаютъ много цѣны коротенькому біографическому очерку Манетти. Коротенькая замѣтка другого современника, Фаціо, не представляетъ никакого интереса, кромѣ развѣ того факта, что Никколи внесенъ авторомъ въ число „поэтовъ", хотя онъ, довольствуясь сочиненіями „древнихъ, ничего не написалъ ни по-латыни, ни по-гречески"[6]). Гораздо интереснѣе другой біографическій очеркъ, написанный во второй половинѣ XV вѣка Веспасіано Би-

---

1) *Jannotii Manetti Vita Nicolai* напечатана у Mehus'a Vita A. Traversarii, p. LXXVI—LXXVIII.

2) Sacras insuper scripturas usque adeo perlegit, usque adeo hausit, usque adeo olfecit, ut mirabile quoddam videretur, hominem saecularem ac nulla, ut ajunt, religione praeditum tantam earum scientiam percipisse. Ibid. p. LXXVII.

3) Loquendi et objurgandi vaga quaedam ac soluta libertas atque licentia. Ibid. p. LXXVI.

4) Humanus, comes atque facetus adeo erat, ut quandocumque in eruditorum hominum coronas et cetus incedisset, quod crebro requiescendi animi gratia contingebat, ex facetiis et dicacitatibus suis (nam hujusmodi ridiculis jocis suapte natura affluebat) continuos quosdam et perpretuos propemodum ribus cunctis audientibus commovebat. Ibid. p. LXXVII.

5) Naturalem corporis sui conditam pulchritudinem purpureis et egregiis vestibus adornabat. Sensus omnes, praecipue illos, ex quibus aliqua disciplina percipitur, auditum et visum usque adeo delicatos habebat, ut nihil audire videreve pateretur, quod non aliquid voluptatis afferre videretur. Unde neque rudentem asinum, neque secantem serram, neque muscipulam vagientem sentire audireve poterat, idemque sibi circa oculos contingebat, quia nihil, nisi formosum et decorum ac speciosum admittebat. Ibid.

6) Bartholomaeus Facius. De viris illustribus, p. 12. Фаціо не знаетъ второго завѣщанія Никколи и потому ошибочно указываетъ мѣсто его библіотеки. См. Mehus. Vita A. Traversarii, p. LXIII.

стиччи[1]). Авторъ лично зналъ Никколи и относится къ нему съ большимъ сочувствіемъ; въ его біографіи, одной изъ наиболѣе обширныхъ и обстоятельныхъ, сообщены цѣнныя фактическія данныя и много интересныхъ анекдотическихъ подробностей, онъ приводитъ между прочимъ весьма правдоподобную причину отсутствія литературныхъ произведеній Никколли[2]), что указываетъ на пониманіе имъ личности флорентійскаго гуманиста. Но Бистичи особенно подчеркиваетъ религіозность Никколи, который, по его словамъ, „былъ другомъ всѣхъ хорошихъ людей и въ особенности монаховъ", „ненавидѣлъ тѣхъ, которые не были добрыми христіанами"[3]). Въ подтвержденіи этого, онъ разсказываетъ въ послѣднихъ главахъ біографіи, какъ Никколи устроилъ у себя дома алтарь, на которомъ Траверсари ежедневно совершалъ мессы, какъ они вмѣстѣ читали ап. Павла, съ какимъ благоговѣніемъ Никколи причащался и т. п.[4]). Въ справедливости фактическихъ показаній весьма добросовѣстнаго Бистичи нѣтъ основанія усомниться, по крайней мѣрѣ, въ данномъ случаѣ, между тѣмъ нарисованный имъ портретъ Никколи рѣзко отличается отъ того образа, который довольно рельефно выступаетъ въ перепискѣ Поджіо и въ особенности въ его діалогахъ. Анализъ и примиреніе этого противорѣчія тѣмъ необходимѣе, что рѣшеніе вопроса въ томъ или другомъ смыслѣ бросаетъ свѣтъ не только на современный Никколи кружокъ гуманистовъ, но и на мало освѣщенную фигуру его учителя Л. Марсильи. Между тѣмъ такого примиренія мы не находимъ въ позднѣйшихъ біографіяхъ Никколи.

Первымъ біографомъ Никколи можно считать Mehus'a[5]), но его заслуга заключается только въ собраніи матеріала. Онъ напечаталъ цѣликомъ біографію Маннети и много выдержекъ изъ писемъ и сочиненій гуманистовъ, гдѣ идетъ рѣчь о Никколи. Кромѣ того, онъ слѣдитъ иногда по автографамъ, что читалъ Никколи, какія рукописи онъ самъ переписывалъ[6]), въ какихъ только исправлялъ текстъ. Его работа легла въ основаніе позднѣйшихъ біографическихъ очерковъ и характеристикъ. Такъ Elogio Тирабоски[7]) написанъ исключительно по

---

1) Vespasiano da Bisticci. Vite di uomini illustri del secolo XV. Ed. Bartoli Firenze 1859, p. 473—82.

2) Ibid. p. 478.

3) Ibid. p. 473, 476.

4) Ibid. p. 481—482.

5) Въ Vita Ambrosii Traversarii, p. XXVIII—LXXXII и passim. Замѣтки Zeno въ Dissertazioni Fossiane (I, p. 33) не представляютъ интереса.

6) Заслуживаетъ вниманія, что Никколи переписывалъ и священныя книги, и творенія свв. отцовъ. Mehus, o. c. p. XXXII.

7) Storia della litteratura, VI, p. 170 и слѣд.

матеріаламъ Мегуса и не даетъ ничего новаго ни для фактической біографіи Никколи, ни для его характеристики. Тирабоски надѣляетъ Никколи всевозможными добродѣтелями и считаетъ инвективы противъ него продуктомъ зависти и сварливости его противниковъ[1]). При такомъ отношеніи къ дѣлу біографія Никколи совсѣмъ не подвинулась впередъ, и его первая оригинальная характеристика принадлежитъ Фогту[2]). Также опираясь главнымъ образомъ на Мегуса, Фогтъ далъ блестящую внѣшнюю характеристику Никколи, одну изъ лучшихъ во всей книгѣ. Но его собственное міросозерцаніе остается и здѣсь совершенно невыясненнымъ. Фогтъ вмѣстѣ съ Бистиччи признаетъ религіозность Никколи[3]), хотя и не въ такихъ рѣзкихъ выраженіяхъ; на его воззрѣнія, поскольку они выражаются въ письмахъ и діалогахъ Поджіо, онъ не обращаетъ вниманія. Этого пробѣла не пополняетъ и спеціальная монографія, посвященная Никколо Циппелемъ. Главную заслугу автора составляетъ изданіе инвективы и нѣсколькихъ писемъ Бруни[4]); что же касается до фактической біографіи Никколи и для его характеристики, то книжка не даетъ почти ничего новаго. Циппель не дѣлаетъ анализа обвиненій противъ Никколи, совсѣмъ не касается вопроса о его воззрѣніяхъ, поскольку они выразились въ тѣхъ діалогахъ, гдѣ онъ является дѣйствующимъ лицомъ, и сводитъ его гуманистическую дѣятельность къ собиранію книгъ и рѣдкостей, а также къ критикѣ текста[5]). Между тѣмъ выясненіе воззрѣній Никколи чрезвычайно интересно и въ извѣстной мѣрѣ возможно, если обратить вниманіе на ту роль, которая отводится ему въ діалогахъ. Самый существенный вопросъ по отношенію къ Никколи, является ли онъ заядлымъ антикваріемъ, слѣпымъ поклонникомъ формальной стороны древней литературы и вообще древняго міра и врагомъ Данте, Петрарки и Боккаччіо? Мы думаетъ, что на эти вопросы слѣдуетъ отвѣтить отрицательно. Главныя основанія для приведенныхъ

---

[1]) Ibid. p. 172, 173 и 174.

[2]) Die Wiederbelebung, I, p. 298 и слѣд.

[3]) Ibid. p. 308.

[4]) См. выше, p. 639 пр. 1 и p. 655 пр. 3. Печатая инвективу въ неоконченномъ видѣ, Zippel замѣчаетъ: dal codice parigino, che crediamo contenerla nella sua integrità, non ei fu possibile avere una copia (l. c., p. 33). Я видѣлъ это произведеніе въ двухъ парижскихъ рукописяхъ (Cod. № 6315 и 17888), но въ томъ и другомъ оно неокончено, такъ что еще вопросъ, была ли инвектива вполнѣ написана авторомъ.

[5]) Заслуживаютъ вниманія выдержки изъ неизданной рѣчи Марсуппи (p. 26 и 49). Утвержденіе Zippel'я, что Никколи первый началъ заниматься критикою текста классическихъ авторовъ (p. 49), невѣрно, потому что этимъ занимался уже Петрарка, а послѣ Салютати.

обвиненій составляютъ разсмотрѣнный выше діалогъ Бруни, инвектива Ринуччини и письмо Доменико да Прато[1]). Выше мы видѣли, что Никколи діалога не можетъ быть причисленъ къ врагамъ „флорентійскихъ коронъ". Что касается до инвективы Ринуччини, то она дѣйствительно отвѣчаетъ на первую часть діалога Бруни, какъ замѣтилъ ак. Веселовскій, и слѣдовательно направлена противъ Бруни и Никколи. Но какую цѣну придавать ея показаніямъ? Тѣ ея части, въ которыхъ идетъ рѣчь объ отрицательномъ отношеніи новаго направленія къ старой наукѣ, въ общемъ не расходятся съ истиной; но ихъ можно отнести съ такимъ же правомъ къ Петраркѣ, какъ и Никколи. Обвиненія же гуманистовъ, что они, „хвалятъ безмѣрно Варрона, втайнѣ предпочитая его учителямъ нашей католической религіи", что „они даже осмѣливаются говорить, что тѣ боги болѣе истинные, чѣмъ нашъ, и не помнятъ чудесъ нашихъ святыхъ"[2])— либо совершенная неправда, либо крайнее преувеличеніе. Валла и Марсупини, въ глазахъ которыхъ набожность не была большой добродѣтелью, утверждаютъ, что Никколи интересовался священнымъ писаніемъ[3]), ихъ показанія подтверждаются тѣмъ фактомъ, что сохранились собственоручно переписанные Никколи произведенія церковной литературы[4]). Бруни даже во время ссоры съ Никколи съ негодованіемъ намекаетъ на это обвиненіе[5]), и достаточно перелистать его біографію, написанную Бистиччи, чтобы видѣть, какъ далекъ былъ Никколи отъ паганизма.

Болѣе правдоподобны другія обвиненія Ринуччини, хотя и они имѣютъ совсѣмъ иной смыслъ, чѣмъ думаютъ найти въ нихъ нѣкоторые изъ новыхъ изслѣдователей: они, можетъ быть, справедливы по отношенію къ отдѣльнымъ лицамъ, но не къ цѣлому направленію и представляютъ собою неправильное обобщеніе индивидуальныхъ свойствъ гуманистовъ, приписанное всему движенію. Весьма возможно

---

[1]) Къ крайнему сожалѣнію, у меня нѣтъ теперь подъ руками 2-й части перваго тома Paradiso акад. Веселовскаго, гдѣ впервые были напечатаны оба памятника, такъ что я цитирую по русскому изданію этого сочиненія.

[2]) Вилла Альберти, p. 214.

[3]) Rerum divinarum peritissimus, называетъ его Валла въ введеніи къ діалогу *De voluptate ac vero bono;* по словамъ Марсупини, онъ sacris litteris summo studio deditissimus. *Oratio in funere matris ad Cosmum et Laurentium Medices*. См. Zippel, p. 49.

[4]) См. выше, p. 851, пр. 6.

[5]) Разсказавши Поджіо о поведеніи Никколи, Бруни замѣчаетъ: miramur, si ea opinio est vulgi, ut litterarum studio dediti nec Deum putent, nec vereantur, cum hujusmodi monstra hominum, falsa opinione pro litteratis habiti ista contra Deum et homines commitere non formidant. Epist, V, 4.

и правдоподобно, что Никколи сказалъ когда-нибудь, что „Боккачіо не зналъ по-латыни", можетъ быть, назвалъ De viris illustribus Петрарки „самой постной компиляціей", а Данте „стихоплетомъ для сапожниковъ"[1]): Никколи былъ человѣкъ рѣзкій въ сужденіяхъ и выраженіяхъ, по свидѣтельству его собственныхъ друзей. Но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы онъ отрицалъ значеніе „флорентійскихъ коронъ". Противъ этого свидѣтельствуютъ *факты*, приведенные самимъ Никколи въ діалогѣ Бруни. Кромѣ того, Поджіо въ діалогѣ „О несчастіи государей" влагаетъ въ уста Никколи похвалу Данте и Петраркѣ, хотя этотъ эпизодъ и не стоитъ въ прямой связи съ темой. Данте, по словамъ Никколи, „сіялъ исключительнымъ геніемъ" и если бы „его славная поэма написана была по-латыни, то ни въ какомъ отношеніи ея нельзя было поставить ниже произведеній раннихъ поэтовъ"[2]), Это та же самая точка зрѣнія, которую, какъ мы видѣли, формулировалъ Салютати въ діалогѣ Бруни. Отзывъ Никколи о Петраркѣ еще характернѣе, потому что онъ доказываетъ невозможность отрицательнаго отношенія къ Петраркѣ со стороны гуманистовъ, такъ какъ они *сознательно* считали его своимъ родоначальникомъ. „Этого мужа, говоритъ о Петраркѣ Никколи въ діалогѣ Поджіо, по мудрости и краснорѣчію слѣдуетъ сравнивать съ древними; наши гуманистическія занятія (studia humanitatis), много лѣтъ пребывавшія въ усыпленіи, такъ оживлены были его геніемъ, что почти пріобрѣли себѣ прежнее достоинство и силу"[3]). Мы не отрицаемъ возможности, что эта мысль принадлежитъ Поджіо; но онъ считалъ ее совершенно правдоподобной и въ устахъ Никколи, который тщательно изучалъ между прочимъ переписку Петрарки и снабдилъ ее комментаріями[4]).

Весьма возможно, что Ринуччини имѣетъ въ виду Никколи, говоря о предпочтеніи, которое оказываютъ гуманисты Платону передъ Аристотелемъ. „Они, говорятъ что Платонъ болѣе великій философъ, чѣмъ Аристотель", говоритъ Ринуччини, „и ссылаются на бл. Августина, называющаго Аристотеля княземъ философовъ за исключеніемъ впрочемъ Платона. Почему отозвался такъ Августинъ, этого они не объясняютъ: потому что мнѣніе Платона о душѣ согласнѣе съ ученіемъ католической церкви; въ отдѣлѣ естественныхъ знаній, гдѣ необходимы опыты и доказательства, Аристотель все же остается наставникомъ всѣхъ разумѣю-

---

[1]) Вилла Альберти, 211. p.

[2]) Poggii, Opera, p. 409.

[3]) Ibid.

[4]) Кодексъ писемъ Петрарки съ замѣчаніями Никколи въ Laurenziana. Zippel, p. 42.

щихъ"[1]). Очень можетъ быть, что Никколи, подобно Петраркѣ, предпочиталъ Платона Аристотелю[2]). Но выше мы видѣли, что Бруни стоитъ на противоположной точкѣ зрѣнія. Далѣе Ринуччини упрекаетъ Никколи и его единомышленниковъ, что „въ философіи семейной жизни они ничего не смыслятъ, но пренебрегая святостью брака, живутъ безпорядочно, не заботясь о томъ, что такое отеческая гордость и какая благодать дѣти... Въ политикѣ они не знаютъ, какой способъ правленія лучше, одного ли лица или многихъ, большаго или малаго числа избранныхъ; они избѣгаютъ труда, утверждая, что, кто служитъ общинѣ, никому не служитъ, и такимъ образомъ не помогаютъ республикѣ совѣтами и не защищаютъ ее оружіемъ"[3]). Извѣстно, что Никколи не былъ женатъ; можно думать, что онъ мало интересовался политической дѣйствительностью[4]); тѣмъ не менѣе обвиненія Ринуччини нельзя приложить къ цѣлому направленію. Въ первомъ пунктѣ вполнѣ, а во второмъ отчасти, Никколи сходился съ первыми гуманистами, а Бруни, наоборотъ, порицалъ ихъ именно за подобныя воззрѣнія[5]). Наконецъ, обвиненіе Ринуччини представителей новаго направленія въ крайне формальномъ интересѣ къ древней литературѣ, въ томъ, что они „кричатъ на площадяхъ, сколько двоегласныхъ было въ употребленіи у древнихъ и почему теперь употребляются только двѣ, и какія стопы встрѣчаются въ древнемъ стихѣ, и почему не строятъ теперь анапеста изъ четырехъ короткихъ стопъ"[6]) — всѣ эти обвиненія крайне преувеличены и по отношенію къ Никколи, а къ Бруни, напр., совсѣмъ не приложимы. Выше мы видѣли, что Бруни самъ смѣялся надъ Никколи за его чрезмѣрную любовь къ грамматикѣ[7]) и тоже несомнѣнно преувеличивалъ его симпатіи: изъ его же собственной переписки, а также изъ писемъ и изъ діалоговъ Поджіо и другихъ гуманистовъ видно, что Никколи были доступны и другіе интересы.

Письмо Доменико да Прато только повторяетъ обвиненія Ринуччини съ незначительными варіаціями. Такъ, онъ утверждаетъ что новые ученые порицаютъ не только трехъ флорентійскихъ коронъ, но и „мессера Колуччіо", что они гордятся своими переводами, а сами ничего не пишутъ. Но важное отличіе Доменико отъ Ринуч-

---

1) Вилла Альберти, p. 213—214.
2) На это указываетъ одно мѣсто изъ переписки Бруни (см. выше p. 846 пр. 1).
3) Вилла Альберти, p. 214.
4) См. выше, p. 846 пр. 1.
5) См. выше, p. 628.
6) Вилла Альберти, p. 211.
7) См. выше, p. 656, пр. 7.

чини заключается въ томъ, что послѣдній ограничивается общими обвиненіями, тогда какъ первый дѣлаетъ болѣе опредѣленные намеки на знакомыхъ намъ дѣятелей. Особенный интересъ представляютъ его намеки на Бруни, потому что мы въ состояніи ихъ провѣрить и такимъ образомъ составить себѣ представленіе объ основательности его обвиненій вообще. Выше мы видѣли, какую цѣну имѣетъ его упрекъ Бруни за отношеніе къ Данте[1]). Въ другомъ мѣстѣ, намекая на переводы Бруни, онъ утверждаетъ, что самъ переводчикъ не написалъ ни одного сочиненія „ни историческаго, ни философскаго, ни поэтическаго"[2]). Изъ того что мы знаемъ о Бруни съ несомнѣнностью можно заключить, какое значеніе слѣдуетъ придавать всѣмъ этимъ обвиненіямъ. Наконецъ, если сопоставить письмо Доменико, составляющее посвященіе сборника его итальянскихъ стихотвореній, съ перепиской Бруни, то, повидимому, можно угадать и причины или, по крайней мѣрѣ, поводы этихъ обвиненій. Доменико ожидалъ дурного пріема своей поэзіи, потому что Бруни и въ особенности Никколи цѣнили подобныя произведенія очень не высоко. Какой то пріѣзжій англичанинъ имѣлъ въ виду купить, по выраженію Бруни, „наши нелѣпости, т.-е. книги новыхъ поэтовъ"; рекомендуя его Никколи, Бруни проситъ своего друга обойтись съ пріѣзжимъ ласково, если онъ и расходится съ его взглядами и симпатіями[3]). Зная злоязычіе гуманистовъ и, можетъ быть, испытавши его на себѣ[4]), новые поэты естественно желали спрятаться за „флорентійскія короны".

Итакъ на основаніи инвективъ Риннуччини и Доменико да Прато нельзя составить себѣ представленія о міросозерцаніи Никколи. Нѣсколько болѣе даютъ діалоги позднѣйшихъ гуманистовъ, хотя и въ нихъ Никколи могъ выражать и дѣйствительно выражалъ иногда идеи автора. Такъ діалогъ Валлы De voluptate едва ли можетъ служить для характеристики Никколи, который примиряетъ тамъ эпикуреизмъ съ христіанствомъ. Примиреніе чисто внѣшнее и весьма возможно, что авторъ наугадъ и понаслышкѣ выбралъ мало знакомаго ему Никколи. Гораздо важнѣе въ этомъ отношеніи діалоги Поджіо, который хорошо зналъ Никколи и считалъ необходимымъ распредѣлять роли между собесѣдниками сообразно съ ихъ дѣйствительными воззрѣніями[5]). Онъ

---

[1]) См. выше, p. 625 и 651—652.

[2]) Вилла Альберти, p. 222.

[3]) См. выше, p. 845 пр. 10.

[4]) См. выше, p. 847 пр. 1.

[5]) См. выше, p. 846 пр. 4. Zippel (p. 39) упоминаетъ еще неизданный діалогъ *Giovanni Aretino, De medicinae et legum praestantia ad clarissimum juvenem Laurentium Medicem*, гдѣ Никколи доказываетъ превосходство медицины надъ юриспруденціей.

выводитъ своего друга и покровителя въ нѣсколькихъ діалогахъ. Въ діалогѣ „О несчастіи государей“ Никколи является ихъ ожесточеннымъ противникамъ. Истинное счастье заключается, по его мнѣнію, въ разумности и добродѣтеляхъ[1]), а князья, включая и папъ[2]), лишены того и другого по своему положенію. Ихъ развращаетъ обстановка[3]); вслѣдствіе этого зло заключается въ самой монархической власти и въ связанномъ съ ней произволѣ[4]). Никколи не говоритъ о лицахъ, и только для иллюстраціи приводитъ примѣры изъ древней исторіи (при чемъ Александра Великаго онъ называетъ vesanum animal[5]), замѣчая что хорошіе государи — крайне рѣдкое исключеніе[6]), и что они несчастливы, потому что подавлены заботами. Разсужденіе заканчивается призывомъ къ истинному счастью, которое заключается въ удаленіи отъ политической дѣятельности и въ научныхъ занятіяхъ[7]). Если эти разсужденія характеризуютъ политическіе взгляды самого Поджіо, то во всякомъ случаѣ ихъ въ общемъ раздѣлялъ и Никколи: иначе они были бы вложены въ уста какого нибудь другого гуманиста. Изъ этого слѣдуетъ, что если обвиненіе въ политическомъ индефферентизмѣ, выставленное противъ Никколи Ринуччини имѣетъ нѣкоторое основаніе, то выставлять гуманистовъ третьяго поколѣнія теоретическими борцами за монархію, какъ это дѣлаютъ нѣкоторые новые изслѣдователи[8]), совершенно неосновательно.

---

[1]) Ubi ergo virtutes, aut bona consilia desint, ubi adsunt vitia, ibi nequit esse aliqua felicitas. Opera, p. 403.

[2]) Nulla enim vel parva admodum his bonarum artium curia est, nulla doctrinae, nulla sapientum ac doctorum virorum nulla virtutis. Ibid. p. 394.

[3]) Quaeritur, quae res malos principes faciat? Jam primum licentia. Deinde rerum copia, amici improbi, satellites detestandi, enuchi (sic) avarissimi, aulici vel stulti, vel detestabiles. Ibid. p. 398.

[4]) Sunt enim in regno quaedam, tamquam in aetate ad adolescentum ac senum insita natura vitia, quae qui tollit aut mitigat, divino potius fungitur munere, quam suo. Sicut enim ignis, quicquid ei haeret, aut calefacit, aut urit. Ita imperium quos apprehendit, aut malos reddit, aut certe deterriores. Ibid.

[5]) Ibid. p. 405.

[6]) Saepius monstra hominum terra, quam bonos principes produxit. Ibid. p. 401.

[7]) Posthabitis enim atque abjectis opibus, imperiis, dignitatibus, contemptis divitiis, in excolenda matre virtutum philosophia, in rerum occultarum investigatione versati ad liberalium artium disciplinas et humanitatis studia velut in portum traquillum confugerunt (i. e. veri sapientes) ubi nullo impetu, nulla fortuna jactati temeritate vitam beatam ac felicem adepti sunt. Ibid. p. 418.

[8]) Впрочемъ новѣйшій біографъ Никколи Zippel даетъ весьма странную характеристику его политическимъ воззрѣніямъ: quanto a principii politici, egli fu guelfo e partigiano dei Medici: odiatore accanito d'ogni tirannide (p. 40).

Еще интереснѣе роль Никколи въ небольшомъ діалогѣ Поджіо „О благородствѣ". Моральный критерій приложенный здѣсь къ соціальному строю, привелъ къ радикальнымъ выводамъ, чрезвычайно симпатичнымъ дѣятелямъ Возрожденія. Выйдя изъ рядовъ средняго сословія, гуманисты, начиная съ Петрарки, съ неумолимою послѣдовательностью громили аристократію, и этотъ исключительно сословный демократизмъ вполнѣ соотвѣтствовалъ ихъ индивидуалистическимъ воззрѣніямъ. Вслѣдствіе этого діалогъ Поджіо является настоящимъ символомъ вѣры гуманистовъ. Собесѣдниками въ немъ являются Никколи, который ратуетъ противъ знати, и ея защитникъ Лоренцо Медичи. Никколи съ самаго же начала формулируетъ свою основную точку зрѣнія, что благородство дается исключительно добродѣтелью[1]) и подвергаетъ рѣзкой критикѣ понятія о благородствѣ у различныхъ народовъ. Въ Италіи, по его мнѣнію, это понятіе существенно различно въ разныхъ областяхъ. Неаполитанцы считаютъ благородствомъ праздность; къ земледѣлію и торговлѣ они чувствуютъ такое глубокое презрѣніе, что не роднятся съ купцами и предпочитаютъ разбой честному труду[2]). Венеціанская знать наоборотъ занимается торговлей, что не мѣшаетъ знатному дураку избѣгать всякаго сношенія съ простыми людьми[3]). Въ Венеціи дѣлаютъ благороднымъ и простого человѣка, если онъ совершитъ полезное для государства злодѣйство[4]). Въ Римѣ знать также презираетъ торговлю, но съ уваженіемъ относится къ земледѣлію и скотоводству, которыя иногда даютъ даже доступъ къ знатности. Никколи жестоко смѣется надъ этой аристократіей[5]); сдержаннѣе относится онъ къ флорентійской знати, хотя и въ отношеніи къ ней чувствуется иронія[6]). Генуэзцы подражаютъ

---

[1]) Eruenda materia nobilitatis erit... ex animo, hoc est, ex sapientia, et virtute excutienda nobis est, quae sola erigit homines ad laudem nobilitatis. Ibid. p. 65.

[2]) Mercaturam, ut rem turpissimam vilissimamque exhorrent, adeo fastu nobilitatis tumentes, ut quantumvis egenus atque inops citius fame interiret, quam filiam vel opulentissimo mercatori matrimonio collocaret, vultque furtis et latrocinio, quam honesto quaestui vacare. Ibid. p. 67.

[3]) Nobilitas, veluti factio quaedam, ab reliquo populo distincti mercaturam omnis coercet. Ibid. p. 67.

[4]) Qui ob aliquod in eorum rempublicam insigne facinus admissum, etiam si scelere aliquo profuerit, asciscitur ad munia civitatis, nobilium numero ascribitur. Ibid. p. 68.

[5]) At ego mallem Apuleji me asinum, quam aut talis essem, aut ortus ex eo, cui minus, quam asello sensus aut prudentiae inest. Ibid. p. 68.

[6]) Nos rectius de nobilitate sentire videmur. Habentur enim nobiles orti antiqua stirpe, quorum majores functi officiis civitatis in rei publicae administratione versati sint. Horum pars se ad mercaturam confert, pars titulo nobi-

Венеціи, а въ Ломбардіи считаютъ благородными придорожныхъ разбойниковъ[1]). Если такова знать у итальянцевъ, учителей другихъ народовъ[2]), то за Альпами она еще хуже. У германцевъ — это по большей части разбойники; во Франціи — полуодичавшіе въ деревнѣ владѣльцы помѣстій[3]); въ Англіи — настоящіе мужики, вполнѣ погрузившіеся въ деревенскія занятія; въ Испаніи — или городскіе богачи, или обладатели большихъ помѣстій; въ Греціи знатность даетъ раболѣпная служба во дворцѣ[4]). Такая знать по дипломамъ папъ и государей существуетъ и на западѣ, и Никколи ядовито надъ ней смѣется[5]). Упомянувъ далѣе о томъ, что считается благородствомъ у варварскихъ народовъ, Никколи заявляетъ, что ни праздность, ни прибыльныя занятія, ни богатство, ни длинный рядъ предковъ не могутъ служить источникомъ благородства[6]). Также мало могутъ доставить его щедроты государей[7]). Далѣе чисто діалектическимъ

---

lium gaudens, nulli exercitio dedita, venatu et aucupo oblectatur. Ibid. p. 68. Смыслъ мѣста становится ясенъ, если сравнить его съ тѣмъ, что говорится ниже объ этихъ занятіяхъ.

[1]) In castellis montanis dispersi, Caci more itineribus infesti, qui nobiles habentur Lombardi. Ibid. p. 68.

[2]) Ab Italis... humanitas, virtus ac omnis vivendi ratio et disciplina ad reliquas nationes defluxit. Ibid. p. 67.

[3]) Rura et praedia sua incolentes, urbes fugiunt, in quibus habitare nobilem turpissimum ducitur, qui in illis degunt rustici habentur atque ignobiles... Eos certe, qui apud nos semirustici censentur villarum incolae, illi nobilitati laude commendant. Ibid. p. 68 и 69.

[4]) Apud Graecos, quicunque, ad imperatoris aulam vocati servitio ejus insistunt, quantumvis abjecti generis ob principis consuetudinem ac famutatum, nobilitatis titulo potiuntur appellanturque deinceps nobiles. Ibid. 69.

[5]) Ita illi, quod risu dignum est, usu et obsequio, isti scripto et cera nobilitatem adipiscuntur. Ibid. p. 69.

[6]) Qui enim fieri potest, ut vir ocio marcens, nullo honesto negocio intentus, nulla praeditus virtute, nulla sapientia, nulla doctrina, majoribus tantum ac stirpis origine fissus possit ullo esse pacto nobilis? Ego vero istos vilissimi jumenti loco habeo... Ex mercatura non video, quae nobilitas acquiratur... Opifices item artificesque omnes expertes illius (nobilitatis) erunt, cum in illo exercitio versentur, cui nulla est virtus adjuncta. Ibid. p. 70. Haec ociosorum atque inertium studia aves aut feras sectandi, non magis nobilitatem redolent, quam bene oleant ferrarum, quibus oblectantur, cubiliae. Ibid p. 71. Относительно богатства онъ говоритъ: Auream beatus Hieronymus sententiam profert, divitem aut iniquum esse, aut iniqui haeredem. Ibid. p. 70.

[7]) Illud vero absurdissimum est habendum dona aut concessa principum nobilitatem largiri, aut nobiles esse, qui in imperatoria aula versantur. Possunt principes ejusmodi homines divites reddere aut extollere aliquo principatu nobilem vero nihilo magis, quam prudentem, honestum, sapientem possunt efficere. Ibid. p. 72.

способомъ и не особенно искусно онъ доказываетъ, что знатность не добродѣтель и не порокъ, что она — ничто[1]), и вступаетъ въ длинную и мало интересную полемику съ Аристотелемъ, который ставилъ знатность въ связь съ богатствомъ[2]).

Кромѣ этихъ діалоговъ, Поджіо выводитъ Никколи однимъ изъ собесѣдниковъ въ двухъ „застольныхъ бесѣдахъ"[3]). Первая изъ нихъ, гдѣ Никколи доказываетъ, что хозяиномъ быть гораздо труднѣе, чѣмъ гостемъ, не представляетъ интереса[4]). Но вторая, гдѣ обсуждается вопросъ о сравнительномъ достоинствѣ права и медицины[5]), принадлежитъ къ числу характернѣйшихъ произведеній гуманистической литературы. Никколи является здѣсь защитникомъ медицины[6]), но особенный интересъ представляетъ не его защита, а нападенія на юриспруденцію. Къ современнымъ юристамъ Никколи относится безусловно отрицательно, потому что вмѣсто тишины и порядка они вносятъ въ общество только смуту[7]). Но его отрицаніе идетъ гораздо дальше. Авторитетовъ для него не существуетъ. Самые римскіе законы не внушаютъ ему безусловнаго уваженія[8]), Болѣе того библейскій разсказъ о происхожденіи Моисеева закона онъ ставитъ на одну доску съ преданіемъ о Нумѣ, хотя и дѣлаетъ вынужденную и мало замѣтную оговорку[9]). Никколи признаетъ только естественное право и отрицаетъ

---

[1]) Me quidem ratio ipsa recte considerantem hortari atque admonere videtur nullam esse hanc decantatam nobilitatem. Ibid. p. 102.

[2]) Ibid. p. 74 и слѣд.

[3]) *Poggii Florentini Historia tripartita ad reverendissimum D. Prosperum Cardinallem de Collumna Opera, p. 32.*

[4]) *Historiae primae disceptatio. Uter alteri gratias debeat pro convivio impenso, an qui vocatur an qui vocat.* Opera p. 33.

[5]) *Utra artium, medicinae, an juris civilis praestent, secunda convivalis disceptatio.* Opera p. 37.

[6]) Косвенное указаніе на то, что выраженныя здѣсь мнѣнія сходны съ воззрѣніями Никколи, составляетъ діалогъ Дж. Аретино (см. выше 856 пр. 5).

[7]) Въ доказательство Никколи приводитъ между прочимъ слѣдующій примѣръ изъ современной жизни. Novimus Florentinum quendam ex vestris faleratis doctoribus, qui se consulentibus respondere solitus erat, eam rem non legibus sibi, sed gladio terminandam videri. Quid huic bipedali beluae facias, qui ex jure ad vim et injuriam homines excitabat? Ibid. p. 44.

[8]) Multa erant in priscorum legibus improbanda, quae plurimorum scelerum contra fas aequumque causam praebuere. Ibid. p. 38.

[9]) Перечисливъ разныхъ законодателей, которые свои установленія приписывали богамъ, Никколи продолжаетъ: Nonne Moses noster leges suas, *ut verum erat,* a Deo se accepisse ostendit, quas repugnanti plebi imponeret? Quis ignorat Numam Pompilium legum ab se Romanis datarum Nymphae Aegeriae auctoritatem ac numine (sic), quo eas populo suaderet, interposuisse? At *istis*

положительное законодательство[1]). Законы, какъ паутина, сдерживаютъ только слабыхъ; сильные имъ никогда не повинуются[2]), и это очень хорошо. Только съ нарушеніемъ законовъ возможны военные подвиги, возможно процвѣтаніе наукъ, искусствъ и краснорѣчія[3]). Это положеніе подкрѣпляется массой историческихъ примѣровъ[4]) и современнымъ положеніемъ дѣлъ. Въ современной Италіи право утратило всякую силу[5]), и въ этомъ Никколо не видитъ никакой бѣды. Наоборотъ, онъ выводитъ отсюда заключеніе о безсиліи и вредѣ законовъ[6]). Кано-

---

figmentis minime fuisset opus, si eas sibi aut utiles, aut necessarias, aut suis rebus accommodatas homines judicavissent. Ibid. p. 47.

[1]) Fons ergo et origo juris ab ipsa oritur natura, qua duce honesta petimus, turpitudinem abhorremus. Ibid. p. 41. Эту мысль формулируетъ его противникъ; но Никколи совершенно съ ней согласенъ. Онъ порицаетъ юристовъ nam leges illas, quas dicis ab ipsa natura proficisci, non attingitis neque illis illud vestrum studium adhibetur. Ibid. p. 42 и далѣе: ne judicer protervus, non omne legum genus impugno, sed vestrum jus civile. Ibid. p. 47.

[2]) Non immerito Athatharsis leges comparaverat aranearum telis, quae imbecilliora quedam detinent, franguntur a valentioribus, Ibid. p. 48.

[3]) Quibus (legibus) si homines paruissent, nihil umquam armis egregium gestum esset... Non Athenienses, nisi eorum ampliata republica, studiis litterarum domicilium praebuissent. Non philosophia, non eloquentia, non ceterae bonae artes in lucem inventae atque excultae prodissent. Summa semper imperia literis et doctrinae aditum praebuere. Non Romanorum gesta, non caeterorum praeclarissima legerentur, si silerent litterae, muta esset eloquentia, conticescerent bonae artes, omnis liberalis doctrina obdormivisset, praeclara opera, ingentia aedificia cessassent omnia, si obsequendo vestris legibus suo quisque contentus, aetatem in ocio absumpsisset. Omnia enim praeclara et memoratu digna ab injuria atque injusticia contemptis sunt legibus profecta. Ibid. p. 48—49.

[4]) Между прочимъ: Quid dicam de Romana republica? Nunquid non totius orbis spoliis ac vastitate caedeque hominum crevit, quae omnia legibus prohibentur? Ibid. p. 48 и вообще Equidem nunquam legi, nusquam vidi, nusquam audivi ullam rem publicam, ullos reges, ullos majores principes vestris paruisse legibus neque eis datas esse. Ibid.

[5]) Ut vero descendamus ad nostra, quid hac aetate? Nonne Lombardiae duces, Veneti, Florentini multique praeterea appetendo rapiendoque crevere? Quibus nulla lex imperat, neque ejus reguntur praecepto. Credo cum Florentinus populus aut Veneti alicui bellum inferrunt, advocant juris peritos et eorum consilio indicunt bella, an potius utilitate et augmento suae reipublicae ducuntur? Ibid. p. 49.

[6]) Abige ergo hinc leges et jura tua, quae sunt imperiis propagandis, quaerendis regnis et rerum publicarum amplitudini impedimento, solis privatis et his popularibus atque pusillis hominibus conferunt, qui illarum tutela adversus potentiores indigent, et jurgiis ac litigiis tempus serunt. Homines graves, prudentes, modesti non egent legibus; ipsimet sibi legem bene vivendi indixere, natura et studio ad virtutem et bonos mores instituti. Potentes illas respuunt et conculcant: imbecilles, mercenariis, opificibus, quaestuariis, ignavis et qui censu

ническое право не составляетъ исключенія — это также продуктъ произвола, не заслуживающій ни малѣйшаго уваженія[1]). Такое отношеніе къ праву придаетъ діалогу Поджіо значеніе историческаго источника перваго ранга. Разсужденія Никколи напоминаютъ греческихъ софистовъ: крайнее развитіе индивидуализма проявилось одинаково въ эпоху упадка греческихъ республикъ и въ началѣ новой исторіи. Кромѣ того, они знакомятъ насъ съ тѣмъ настроеніемъ, среди котораго зародился макіавеллизмъ: *Il principe* не былъ бы смѣлымъ новшествомъ и въ половинѣ XV вѣка.

Не будемъ забывать, что эти идеи выражены въ сочиненіи Поджіо, который навѣрное весьма свободно передавалъ воззрѣнія своего друга. Но если Никколи и въ болѣе мягкой формѣ излагалъ подобныя воззрѣнія, этого было совершенно достаточно, чтобы вызвать непримиримую вражду со стороны защитниковъ отживающаго прошлаго, которые все еще благоговѣли передъ обветшавшими авторитетами. Сопоставляя разсужденія Никколи въ діалогахъ Поджіо съ обвиненіями его противниковъ и съ показаніями его друзей — біографовъ, можно, кажется, прійти къ тому выводу, что при крайне развитомъ индивидуализмѣ этого гуманиста и при рѣзкомъ критицизмѣ ему не удалось выработать себѣ прочнаго міросозерцанія. Никколи, повидимому, только указывалъ направленіе и расчищалъ пути позднѣйшимъ гуманистамъ, но этимъ дѣло и ограничивалось.

Никколи представляетъ собою самую крупную фигуру флорентійскихъ гуманистовъ, дѣятельность которыхъ относится къ первой четверти XV столѣтія. Но между его сверстниками было еще нѣсколько лицъ, захваченныхъ гуманистическимъ движеніемъ. Сюда относится, во-первыхъ, *Роберто деи Росси*[2]). Богатый флорентійскій дворянинъ Росси былъ ученикомъ Джіованни да Равенна и Cino de'Guidetti ходилъ въ Венецію слушать Хризолора и стоялъ въ близкихъ отно-

---

tenui sunt hominibus accomodatae, qui et ipsi magis vi et metu poenae, quam legibus reguntur. Ibid. p. 49.

[1]) Это — institutiones quaedam ac diversorum statuta pontificum, in quibus perdiscendis nullo ingenii acumine opus est, nulla mentis difficultate, composita ut videntur, potius ad excitandas clericorum controversias, quam ad doctrinam. Haec a pontificum arbitrio descendunt, saepiusque accidit, ut, quae ab altero sunt edita, alterius abrogentur edicto. Res enim voluntariae sunt, temporibus et causis accomodatae. Nulla in eis doctrina gravior est, nulla subtilis indagatio, nulla praecio digna scientia, nova inventio et quae paulo amplius trecentis annis sit introducta. Ibid. p. 50—51.

[2]) Скудныя свѣдѣнія о немъ собраны почти исключительно у Mehus'a, Vita Ambros. Travers., p. CCCLIV—V и CCCLXIII. Незначительное дополненіе у Voigt'a (Die Wiederbelebung, I, p. 291) по Bisticci.

шеніяхъ къ Салютати, который адресовалъ ему письма. По словамъ Поджіо въ надгробной рѣчи Никколи, Росси вращался также въ кружкѣ Марсильи[1]); а изъ діалога Бруни De disputatione и сочиненія Барбаро De re uxoria видно, что онъ близко стоялъ къ Никколи и Медичи[2]). Интересъ Росси къ древности не оставался пассивнымъ: онъ самъ былъ писателемъ и поэтомъ. Изъ его сочиненій, остающихся неизданными, извѣстны по заглавію: *„Рѣчь объ униженіи реторики“* и *„Стихотворенія къ статуѣ Геракла“*[3]). Кромѣ того, Гуарино въ посвященіи Росси своего перевода Плутарховой біографіи Фламинія, говоритъ, что Росси занимался Аристотелемъ и имѣлъ въ виду перевести его на латинскій языкъ[4]). Намѣреніе, какъ кажется, не было приведено въ исполненіе, такъ какъ рукописей этого перевода не встрѣчается.

Повидимому, сверстникомъ Росси былъ священникъ *Лоренцо ди Франческо*[5]). Онъ также былъ ученикомъ Гвидетти, также вращался въ кружкѣ Марсильи[6]), также написалъ рѣчь въ защиту реторики[7]). Изъ другихъ его произведеній извѣстенъ компендіумъ одной старой хроники, которую онъ дополнилъ весьма неточными свѣдѣніями[8]).

Изъ адресатовъ Салютати, которые были младшими его современниками, имѣются кое-какія свѣдѣнія о *Пьетро ди Миньо*, который является собесѣдникомъ въ одномъ діалогѣ Бруни, и объ *Анджелло Корбинелли*, изъ-за котораго возникла жестокая полемика у Салютати съ Дж. да С. Миніато. Неизвѣстно, въ какихъ отношеніяхъ къ Анджелло стоялъ *Антоніо Корбинелли*, ученикъ Э. Хризолора и другъ Гуарино. По словамъ Бистиччи, онъ былъ однимъ изъ главныхъ виновниковъ появленія во Флоренціи ученаго грека и усерднымъ его слушателемъ. О литературной дѣятельности Антоніо — нѣтъ свѣдѣній; но онъ обладалъ, какъ видно изъ его духовнаго завѣщанія, обширной библіотекой[9]).

---

1) Poggii Opera, p. 271.

2) Цитаты у Mehus'a, o. c. p. CCCLIV.

3) *Sermo super detractione rhetoricae* въ флорентійской biblioteca Nazionale и *Carmina infrascripta, quae sunt apud figuram Herculis in aula Palatii Magnificorum Dominorum Populi et Communis Florentiae, fuerunt edita per virum doctissimum Robertum de Rossis de Florentia* — въ Riccardiana. Выдержки у Mehus'a. Ibid.

4) Мѣсто у Mehus, o. c. p. CCCLIV.

5) Свѣдѣнія о немъ у Mehus'a, o. c. p. CCCXLVI—VIII.

6) Poggii Opera, p. 271.

7) Super commendatione rhetoricae. Mehus. Ibid. p. CCCXLVI.

8) Отрывки. Ibid.

9) Незначительныя свѣдѣнія о немъ у Rosmini. Vita di Guarino, II, p. 56

Совершенно своеобразное положеніе занимаютъ въ исторіи гуманистическаго движенія подражатели итальянскимъ произведеніямъ Петрарки и Боккаччіо, характеристика которыхъ составляетъ крупную заслугу акад. Веселовскаго. Изъ ихъ среды не вышло ни одного замѣтнаго дѣятеля Возрожденія. Въ лучшемъ случаѣ они повторяли тѣ гуманистическія идеи и чувства, которыя нашли выраженіе въ Декамеронѣ и Канцоньере, чаще же всего колебались между старыми и новыми тенденціями, а иногда вступали въ открытую борьбу съ гуманистами. Такъ, *Франко Саккетти* (1330—1399), сверстникъ Салютати и подражатель Петрарки и Боккаччіо, былъ человѣкъ необразованный uomo discolo e grosso, какъ онъ самъ себя называетъ. Въ его новеллахъ и стихотвореніяхъ обнаруживается настроеніе, родственное его оригиналамъ. Онъ любитъ природу, нападаетъ на испорченность духовенства, дѣлаетъ экскурсіи въ область античной миѳологіи и исторіи, обращаясь къ Венерѣ на ряду съ Богородицей и называя Сильвестро деи Медичи „истиннымъ Катономъ" и „новымъ Фабриціемъ". Но всѣ эти гуманистическіе элементы — блѣдное отраженіе идей и чувствъ первыхъ гуманистовъ. Саккетти, называвшій въ одной канцонѣ Григорія XI Guastamondo (развратитель міра) и написавшій *Sermoni evangelici,* характерная фигура своего времени, и его произведенія важный и интересный источникъ для культурной исторіи вообще; но въ исторіи гуманистическаго движенія онъ не играетъ замѣтной роли[1]). Еще менѣе интереса представляетъ *Ser Giovanni Fiorentino,* авторъ *Pecorone,* сборника анекдотовъ, написаннаго въ подражаніе Декамерону[2]). Не имѣетъ значенія въ исторіи гуманизма и поэма *Fimerodia Jacopo da Montepulciano,* написанная въ подражаніе отчасти Trionfi, отчасти Amorosa Visione, хотя она и переполнена эпизодами изъ классической миѳологіи и исторіи[3]).

и 58 и у Mehus'a, o. c. p. CCCLXXXIII, гдѣ напечатано и его духовное завѣщаніе. Гуарино называетъ его однако аскетомъ и великимъ постникомъ.

[1]) О Sacchetti см. Gaspary, II, p. 70—71 и 75—79. *Franco Sacchetti, I Sermoni evangelici e le lettere. Ed. Gigli. Firenze. 1857. Le Novelle, ed. Gigli, Ferenze. 1886.* Изданія его стихотвореній у Gaspary, l. c , p. 646; важнѣйшая литература о немъ. Ibid. p. 645. Такую же характерную фигуру представляетъ собою народный поэтъ *Antonio Pucci.* См. о немъ Gaspary, l. c., p. 81 и слѣд.

[2]) *G. Fiorentino, Pecorone. Torino 1853.* Объ авторѣ не имѣется почти никакихъ свѣдѣній.

[3]) Поэма открыта *Renier.* См. *Un poema sconosciuto degli ultimi anni del sec. XIV.* (Propugn. XV) онъ же издалъ *Cinque sonetti di Jacopo da Montepulciano.* (Giorn. Storic. d. lett. ital., I, p. 440 и слѣд.).

Самымъ характернымъ представителемъ тѣхъ подражателей Canzoniere, у которыхъ мѣнялось самое настроеніе, былъ *Antonio degli Alberti* (1358—1415), предокъ одного изъ наиболѣе крупныхъ гуманистовъ половины XV вѣка. Альберти собиралъ на своей виллѣ Paradiso разное общество, гдѣ такіе гуманисты, какъ Салютати, встрѣчались съ знаменитостями стараго направленія, какъ *Marsilio di Santa Sofia*, и съ защитниками старой науки, какъ Ландини, и, повидимому, въ душѣ хозяина находили сочувствіе воззрѣнія всѣхъ его гостей. До насъ не дошли его *Historia illustrium virorum*, въ которой онъ, вѣроятно, подражалъ Петраркѣ; въ его поэзіи выражается иногда настроеніе, весьма родственное чувствамъ перваго гуманиста; но изъ его біографіи видно, какъ неустойчиво было это настроеніе и съ какимъ увлеченіемъ возвращался онъ иногда къ старымъ воззрѣніямъ и средневѣковымъ чувствамъ[1]). Такимъ же характеромъ отличался *Джіованни да Прато l'Aqquttino* (род. около 1360, умеръ около 1430), оставившій романъ, въ которомъ описалъ бесѣды, происходившія на виллѣ Парадизо. Акад. Веселовскій, давшій очень обстоятельную біографію Джіованни, весьма мѣтко называетъ его „археологомъ въ поэзіи": „его привязанности какія-то старосвѣтскія, запоздалыя; общество вышло на новые пути, а онъ усиленно старается вложить жизнь въ почтенныя формы древности, наивно ихъ копируя"[2]). Дѣйствительно Джіованни авторъ старомоднаго аскетическаго трактата и написалъ весьма жалкое подражаніе Божественной Комедіи[3]); но онъ другъ Салютати, вполнѣ раздѣляетъ его критическіе интересы и сурово порицаетъ прежнихъ лѣтописцевъ, не провѣрявшихъ свои источники[4]). Если произведенія Дж. да Прато стоятъ внѣ гуманистическаго движенія, то его романъ, правильнѣе собраніе новеллъ, имѣетъ значеніе для исторіографіи Возрожденія[5]). Огромное

[1]) Превосходный біографическій очеркъ Альберти у акад. Веселовскаго Вилла Альберти, p. 126 и слѣд. и p. 166. Кромѣ Historia illustrium virorum, утрачено другое произведеніе Альберти *Contenzioni amatorie*. Его стихотворенія издалъ *Bonucci*, *Sonetti e canzone del clarissimo Antonio delli Alberti. Firenze 1863.*

[2]) Вилла Альберти, p. 264, ср. p. 190.

[3]) *Trattato d'una angelica cosa mostrata per una divotissima visione.* Открытъ и напечатанъ акад. Веселовскимъ. Paradiso I, 2, p. 385 и слѣд. О поэмѣ см. Вилла Альберти, p. 227 и слѣд.

[4]) Ibid. p. 243—244.

[5]) Это произведеніе, оставшееся неоконченнымъ, сохранилось безъ заглавія и безъ имени автора. Оно было найдено и издано акад. Веселовскимъ, который въ образцовомъ введеніи не только опредѣлилъ автора, но собралъ свѣдѣнія о всѣхъ дѣйствующихъ лицахъ и выяснилъ характерныя особенности среды, гдѣ происходитъ дѣйствіе.

большинство дѣйствующихъ лицъ романа либо люди стараго направленія, либо подражатели Canzoniere; изъ гуманистовъ здѣсь только Салютати и Марсильи. Поэтому теоретическія бесѣды носятъ средневѣковой характеръ даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда затрогиваются гуманистическія темы. Такъ, вопросъ о томъ, „какимъ образомъ рождается человѣкъ и какимъ путемъ дѣлается разумнымъ и въ него вселяется разумная душа, чѣмъ наконецъ онъ становится по смерти тѣла" разрѣшенъ, средневѣковымъ авторитетомъ, хотя главнымъ ораторомъ является Марсильи[1]). Точно также по Ѳомѣ Аквинату рѣшается вопросъ о честныхъ способахъ пріобрѣтенія денегъ и лихоимствѣ[2]. Гуманистическій тонъ слышится только въ благоговѣніи передъ Римомъ[3]), въ разсужденіяхъ о началѣ Флоренціи, гдѣ подвергаются критикѣ историческіе источники[4]), да въ политическихъ бесѣдахъ. Послѣднія особенно характерны. Одинъ изъ собесѣдниковъ романа, графъ Баттифолле находитъ „возможнымъ положительно утверждать, что правленіе многихъ безопаснѣе и лучше", а „съ другой стороны, продолжаетъ онъ, разумъ останавливаетъ меня и доказываетъ, что хорошій властитель достигаетъ при управленіи того, чего не можетъ сдѣлать хорошій законъ, потому что всякій законъ, какъ бы ни былъ онъ совершененъ, не можетъ предусмотрѣть безконечныхъ и разнообразныхъ случаевъ, которые встрѣчаются ежедневно. Поэтому кажется, что лучше и прочнѣе правленіе хорошаго государя, который можетъ предвидѣть всѣ случаи"[5]). Акад. Веселовскій склоненъ видѣть въ этомъ „безсознательное повтореніе средневѣковой политической доктрины, никогда не понимавшей свободы самоё въ себѣ, но всегда внѣшнимъ образомъ, вѣчно опирающуюся на одинъ изъ символическихъ мечей свѣтской или духовной власти"[6]). Но если сравнить эти взгляды съ отношеніемъ къ закону въ упомянутомъ нами діалогѣ Поджіо[7]), то окажется возможной и другая точка зрѣнія: здѣсь начало той критики, завершеніе которой Поджіо влагаетъ въ уста Никколи. Баттифолле возражаетъ Марсильи, но и его аргументація сводится къ тому, что „справедливѣйшаго государя найти почти невозможно", тогда какъ сравнительно легко встрѣтить хорошіе законы[8]). Абсолютнаго значенія не придаетъ закону и Марсильи.

---

1) Paradiso III, p. 77 и слѣд. Ср. Вилла Альберти, p. 84—85.
2) Parad., ibid. p. 155—6. Ср. Вил. Альб., p. 84.
3) Parad. II, p. 77 и слѣд.
4) Ibid. III, p. 231 и слѣд.
5) Ibid. II, p. 226.
6) Вилла Альберти, p. 102.
7) См. выше, p. 861.
8) Paradiso II, p. 226 и слѣд. Интересно сопоставить аргументацію Мар-

Нѣкоторые изъ національныхъ поэтовъ не только принадлежали къ старому направленію, но и вели борьбу съ новымъ. Таковъ былъ, во-первыхъ, слѣпой музыкантъ *Фр. Ландини* (Francesco Landini Cieco degli Organi или Organista) (1325—1397). Какъ музыкантъ, онъ пользовался громкой извѣстностью и былъ даже коронованъ въ Венеціи[1]). Кромѣ того, онъ писалъ любовныя баллаты и латинскія стихотворенія, изъ которыхъ одно трактовало о непостоянствѣ всего земного[2]), другое направлено было въ защиту логики Оккама противъ поклонниковъ классическихъ писателей. Это послѣднее произведеніе весьма характерно[3]). Оно обнаруживаетъ въ авторѣ знакомство съ древней литературой и осмѣиваетъ гуманистовъ; Ландини пламенно защищаетъ не только Оккама, но и всю схоластику и рѣзко порицаетъ поклонниковъ Цицерона[4]), въ особенности за ихъ невѣжество въ латинской грамматикѣ. „Они называютъ *своими* Цицерона и Сенеку. Бѣдный Цицеронъ! говоритъ по этому поводу Ландини. Когда мечъ Антонія снесъ ему голову, это должно было показаться ему менѣе мучительнымъ, чѣмъ видѣть себя превознесеннымъ тѣмъ, кто хромаетъ даже въ грамматикѣ: до того его рѣчь переполнена варваризмами и солецизмами, долгіе слоги у него превращаются въ короткіе и короткіе въ долгіе, имена средняго рода приходятъ въ ужасъ, соприкасаясь

сильи съ приведенными выше (p. 805, пр. 4) взглядами Салютати. Онъ также сравниваетъ монархію съ отношеніемъ отца къ дѣтямъ, тираннію — господина къ рабамъ; но сходство съ отношеніемъ мужа къ женѣ не въ ограниченной монархіи, какъ у Салютати, а въ regimento di più. Ibid. p. 227.

[1]) Его жизнеописаніе составилъ Ph. Villani у Gal., p. 34. Наиболѣе обстоятельныя свѣдѣнія у Веселовскаго, Вил. Альб., p. 103 и слѣд.

[2]) Объ изданіяхъ его итальянскихъ произведеній см. Вил. Альб., p. 315, пр. 106 и 108 и Gaspary, II, p. 647. Ихъ общую характеристику даетъ Виллани. Vulgaribus thythmis egregia multa dictaverit in contumeliam, ut ita dixerim, Florentinae juventutis exfeminatae, quae muliebri studens ornamento, turpi mollitie, virili animo deposito, fatigatur. Galletti, p. 34—35. Латинское стихотвореніе о превратности всего земного неиздано; немногіе отрывки напечатаны у Mehus'a, Vita A. Trav., p. CCCXXIV—XXV.

[3]) *Versus Francisci Organistae de Florentia missi ad Dominum Antonium Plebanum de Vado, Grammaticae, Loycae, Rhetoricae optimum instructorem, et facti in laudem loycae Ocham.* Mehus, l. c., p. CCCXXIV. Стихотвореніе напечатано вполнѣ въ Paradiso I, 2, p. 295. Не имѣя подъ руками этой части труда акад. Веселовскаго, я цитирую по его переводу въ русскомъ изданіи и по отрывкамъ, напечатаннымъ у Мегуса.

[4]) . . . . percurrit tua cuncta volumina, Marce,
Teque suum adpellat Ciceronem et nomine crebro
Nunc hoc, nunc illud rugosa fronte volumen
Nominat: exterrent ignota vocabula vulgus.
Laudibus immensis Ciceronem ad sidera tollit. Mehus, l. c.

съ прилагательными женскаго рода, и дѣйствительные глаголы находятся въ недоумѣніи сочетаться ли имъ съ винительнымъ падежемъ или нѣтъ"[1]). Эта тирада, какъ и все стихотвореніе, чрезвычайно характерна. Она показываетъ, что изученіе древней литературы и формальный интересъ къ латинскому языку вовсе не служатъ непремѣннымъ признакомъ новаго движенія. Ландини знаетъ древнюю литературу и убѣжденный защитникъ средневѣкового міросозерцанія. Не древняя литература создала гуманизмъ и не формальный интересъ къ ней составляетъ его выраженіе.

Къ сторонникамъ стараго направленія принадлежалъ *Анджело Торини*. „Онъ человѣкъ прошлаго, говоритъ акад. Веселовскій, отчасти имперіалистъ, но еще скорѣе человѣкъ церковной партіи и немного ханжа"[2]). Его сочиненія, написанныя по-итальянски, кромѣ заглавій, проникнуты аскетическимъ духомъ. Одно изъ нихъ, посвященное графу Карло Баттифолле, о бѣдствіяхъ человѣческаго существованія[3]). Оно раздѣлено на 3 части, изъ которыхъ въ первой разсматриваются несчастія человѣка, проистекающія изъ его происхожденія, во второй — изъ его пребыванія въ мірѣ, и въ третьей отъ неизбѣжности смерти. Такимъ же благочестіемъ отличается его второй трактатъ: *„Краткое размышленіе о благодѣяніяхъ Божіихъ"*[4]). Кромѣ того, онъ писалъ стихотворенія, которыя рукопись называетъ „честными и благочестивыми"[5]), и одно изъ нихъ, изданное акад. Веселовскимъ, весьма интересно. Оно посвящено Марсильи и порицаетъ популяризаторовъ науки. Ученые, по его мнѣнію, „должны поставить себѣ за правило раскрывать ее лишь тѣмъ, кто можетъ ее возвеличить. Оттого мнѣ непріятно видѣть, что духовныя лица, добродѣтельныя и краснорѣчивыя, принимаютъ женщинъ въ церкви или на дому"[6]). Акад. Веселовскій справедливо видитъ въ этомъ намекъ на бесѣды самого Луиджи въ его кельѣ въ С.-Спирито, потому что такіе подражатели Петрарки должны были вступить борьбу съ его истинными послѣдователями.

---

1) Вилла Альберти, p. 201.

2) Ibid. p. 96.

3) *Brevis collectio contemptus humanae conditionis, composito ab Agnolo Torini, Cioè breve trattato della miseria della umana conditione.* Окончено въ 1374. Сочиненіе неиздано; отрывки у Mehus'a, l. c., p. CCLXXXIV. Посвященіе напечатано у Веселовскаго, Paradiso I, 1, p. 315.

4) *Brevis meditatio beneficiorum Dei.* Mehus, ibid. Издано съ итальянскимъ заглавіемъ. *Breve meditazione sui beneficii di Dio per Agnolo Torni da Firenze. Bologna 1862.*

5) Operette in rima fatte per AgnoloTorini oneste e devote. Mehus, ibid.

6) Вилл. Альб., p. 95—96.

Еще характернѣе фигура подражателя Петрарки *Cino dei Rinuccini* (род. послѣ 1350, ум. 1407)[1]). Его итальянскія стихотворенія не представляютъ интереса[2]), но имѣютъ важное значеніе двѣ его инвективы. Съ одной изъ нихъ, направленной противъ новой науки, мы уже ознакомились[3]). Вторая написана противъ Лоски въ защиту Флоренціи[4]). Сравнительно съ разсмотрѣнной нами инвективой Салютати, это произведеніе Ринуччини крайне слабо: авторъ сводитъ всю защиту Флоренціи къ брани противъ ея враговъ, преимущественно Висконти, и къ перечисленію ея знаменитостей прежнихъ и настоящихъ. Ринуччини восхваляетъ республику, но въ доказательство превосходства этой политической формы приводитъ только старый аргументъ, мимоходомъ брошенный Петраркой, именно, что при республикѣ Римъ пріобрѣлъ могущество и пришелъ въ упадокъ при имперіи[5]). Попытка автора пуститься въ философію приводитъ его въ самыя трущобы средневѣковыхъ астрологическихъ предразсудковъ. „Если у тебя есть настолько ума, говоритъ онъ своему противнику, что ты можешь созерцать натуральную философію, то пойми, безумный, что такое судьба, случай и фортуна“, и объясняетъ ему, что судьба — это извѣстное сочетаніе свѣтилъ небесныхъ[6]). Слава и могущес во Флоренціи объясняются тѣмъ, по мнѣнію Ринуччини, что она бы ла возстановлена Карломъ Великимъ 1-го апрѣля 801 года при само й благопріятной констеллаціи[7]). Ринуччини называетъ Салютати своимъ

---

[1]) Свѣдѣнія о Ринуччини у Веселовскаго Вил. Альб., p. 214 и слѣд.

[2]) *Cino Rinuccini, Rime, ed. S. Bongi. Lucca 1858.* О другихъ изданіяхъ см. Веселовскій, l. c., p. 350. Ср. *Flamini, Le rime di Cino Rinuccini* (Giorn. stor. d. lett. ital. XV, p. 455 и слѣд.).

[3]) У Мегуса она озаглавлена *Invettiva contra a'certi calluniatori di Dante e di Messer Francesco Petrarca e di Messer Giovanni Boccacci, i nomi de'quali per onesta si tacciono, composta pello iscientifico e circuspetto uomo Cino di Messer Francesco Rinuccini, cittadino Fiorentino, ridotta di grammatica in volgare.* L. c., p. CCCXIX. См. о ней выше, p. 853.

[4]) *Risponsiva alla Invettiva di Messer Antonio Lusco fatta per Cino di Messer Francesco Rinuccini cittadino Fiorentino e traslata di Grammatica in volgare per...* Издана Moreni вмѣстѣ съ инвективой Салютати.

[5]) Moreni, p. 220.

[6]) Il fato è moto e aspetto e congiunzione de'sopra celesti corpi, il quale le cose, che hanno intelletto inclina, e quelle, che non l'hanno, necessita. Ibid. p. 224.

[7]) Firenze sotto tal fato, ch'è una medisima cosa che di stelle il dominio, per lo Serenissimo Imperadore Carlo Magno fu redificata correnti gli anni di Cristo 801 a di primo d'Aprile alle deciassette ore dopo il meriggio, ascendente l'Ariete casa di Marte, e principio del Zodiaco, ed era allora signore dell'anno Iove, fortuna del cielo, pianeta poderoso, e chè in mezzo di Saturno,

„учителемъ“ [1]); но онъ стоитъ несравненно ниже канцлера по своему философскому міросозерцанію и по своимъ историческимъ взглядамъ, соединяя вмѣстѣ бредни астрологовъ и басни средневѣковыхъ лѣтописцевъ. Это — человѣкъ стараго закала, хотя онъ пишетъ по-латыни, гордится римской стариной и знакомъ съ древней литературой. Совершенно такимъ же характеромъ отличается поэтъ *Domenico da Prato* авторъ разсмотрѣнной нами инвективы[2]).

Большинство новыхъ изслѣдователей считаетъ Флоренцію источкомъ гуманистическаго движенія, которое, по ихъ мнѣнію, отсюда распространилось по всей Италіи. Нѣкоторые пытались даже объяснить этотъ замѣчательный фактъ не только соціальными и политическими, но и географическими условіями этого города[3]). Но единственная попытка написать внутреннюю исторію флорентійскаго гуманизма на первыхъ ступеняхъ его развитія принадлежитъ акад. А. Н. Веселовскому. Правда, еще въ XVIII столѣтіи Mehus въ замѣчательномъ по обилію матеріала трудѣ отмѣчалъ нѣкоторыя теченія умственной жизни Флоренціи за эту эпоху, какъ напр. развитіе знаній въ греческомъ языкѣ [4]), споры о дозволительности христіанамъ читать языческихъ поэтовъ[5]), но эти замѣчанія сдѣланы мимоходомъ, и книга написана вообще безъ системы. Акад. Веселовскій не только сообщаетъ массу цѣннаго матеріала въ текстѣ и приложеніяхъ, но и извлекаетъ изъ него живую характеристику духовной жизни Флоренціи въ концѣ XIV столѣтія. Двѣ главы его обширнаго введенія къ открытому и изданному имъ роману Дж. да Прато занимаютъ видное мѣсто въ исторіографіи Возрожденія. Въ одной изъ нихъ (IV. *Общество виллы Парадизо)* авторъ даетъ живую и вѣрную характеристику той части флорентійскаго общества, которая жила еще старыми идеалами, хотя они уже совсѣмъ обветшали. „Между тѣмъ, какъ никто болѣе не боялся двухъ традиціонныхъ мечей, говоритъ авторъ, они существовали еще въ доктринѣ, потому что новая еще не явилась къ ней

---

e di Marte, e loro malizie rettifica etc.; *il perchè per ottocento anni debbe continuo crescere* etc. Ibid. p. 224.

[1]) Ibid. p. 231.

[2]) Объ инвективѣ см. выше, p. 855. Свѣдѣнія о Доменико у Веселовскаго, Вил. Альб., p. 216 и слѣд. Объ изданіяхъ его стихотвореній. Ibid p. 351.

[3]) Мы отчасти уже коснулись вопроса объ основательности этого воззрѣнія при обзорѣ папскихъ гуманистовъ (см. выше, p. 711 и слѣд.); въ концѣ книги, изложивши появленіе гуманизма въ другихъ центрахъ Италіи, мы подробно разсмотримъ, на чемъ основано это воззрѣніе и соотвѣтствуетъ ли оно дѣйствительности.

[4]) Vita A. Travers., p. CCCLIII—LXIV.

[5]) Ibid. p. CCCXCIV—V.

на смѣну; а человѣку трудно обойтись безъ формулы, которая успокоила бы его признакомъ законности, избавила отъ необходимости считаться порознь съ каждымъ жизненнымъ явленіемъ, отыскивая его абсолютный смыслъ и относительное значеніе"[1]). Въ другомъ мѣстѣ онъ общѣе характеризуетъ это состояніе. „Когда такимъ образомъ общество еще занято трудной выработкой новыхъ критеріевъ жизни и искусства, и прежніе критеріи еще продолжаютъ господствовать надъ умами,— что удивительнаго, если человѣкъ является порой расторгнутымъ, растеряннымъ, между тѣмъ и другимъ противоположнымъ направленіемъ"[2]). Акад. Веселовскій приводитъ цѣлую массу стихотвореній, новеллъ, вышедшихъ изъ этого общества, описываетъ его времяпрепровожденіе, праздники; все это обнаруживаетъ жизнерадостное настроеніе личности, вырвавшейся изъ-подъ тяжелаго гнета средневѣкового аскетизма; но критеріи остаются старые. Разладъ неизбѣженъ, и акад. Веселовскій на біографіи Альберти, который то строитъ монастыри, то разрушаетъ ихъ, то пишетъ любовные стихи, то бросается въ ноги монаху, — даетъ живую иллюстрацію этого настроенія.

Но авторъ не ограничивается описаніемъ этой нерѣшительной среды, которая не ищетъ выхода изъ своихъ противорѣчій, и характеризуетъ другія направленія. Разсматривая различныя теченія въ флорентійскомъ обществѣ, акад. Веселовскій сводитъ ихъ къ двумъ партіямъ: *дантовской и классической,* „которыя, сойдясь лицомъ къ лицу, выражаютъ собою дѣятельныя политическія силы дня"[3]). Авторъ даетъ такое названіе партіямъ „въ спеціальномъ литературномъ смыслѣ"; но ихъ противоположность идетъ гораздо глубже. „Распря шла, говоритъ онъ, между старымъ и новымъ, между народностью и тѣмъ, что казалось ея отрицаніемъ, между завѣтами отечественной исторіи и новыми соблазнами принципата. На почвѣ литературной, разумѣется, всѣ эти вопросы, стоявшіе на очереди, принимали нѣсколько спеціальный оттѣнокъ: они становятся вопросомъ языка... Въ сущности и здѣсь ведется та же борьба между народомъ, защищающимъ старую свободу, и принципатомъ, который стремится перенять ее"[4]). Въ другомъ мѣстѣ авторъ сближаетъ „дантовское" направленіе съ „традиціонно-церковнымъ". „Вопросъ теперь о преимуществѣ принциповъ, говоритъ онъ, между христіанскими идеями, дававшими содержаніе средневѣковой культурѣ, и языческими, начинавшими оживать, направляясь къ тому изумительному развитію, котораго впослѣдствіи имъ суждено достигнуть

---

[1]) Вилла Альберти, 127.
[2]) Ibid. p. 130.
[3]) Ibid. p. 76.
[4]) Ibid. p. 191. Ср. p. XII—XIII.

подъ покровительствомъ Медичи... Такимъ образомъ внутренній антагонизмъ, раздѣлявшій все общество на два лагеря, противоположные другъ другъ другу въ политическомъ и литературномъ отношеніяхъ, выразился окончательно въ двухъ школахъ, — традиціонно-церковной и классической, которыя представляютъ собою крайнія стороны оппозиціи"[1]). Итакъ, одно направленіе „дантовское" — народное, республиканское, церковно-традиціонное; другое, „классическое" — искусственное[2]), монархическое, языческое. Намъ кажется, что такое дѣленіе представляетъ непреодолимыя затрудненія. Прежде всего, при характеристикѣ культурнаго движенія XIV—XV столѣтій едва ли можно брать основаніемъ для группировки теченій литературную форму. На самомъ дѣлѣ, акад. Веселовскій съ этой точки зрѣнія совершенно естественно считаетъ Данте, Петрарку и Боккаччіо представителями одной школы. Но съ культурно-исторической точки зрѣнія что общаго между Божественной Комедіей и Декамерономъ, между гиббеллинствомъ Данте, республиканизмомъ почти космополитическимъ Боккаччіо и готовностью Петрарки служить всякой силѣ, которая кажется способной объединить Италію? Акад. Веселовскій называетъ Данте, съ ногъ до головы „средневѣковымъ человѣкомъ"[3]) и даетъ блестящую его характеристику съ этой точки зрѣнія[4]); а названіе Петрарки „новымъ человѣкомъ" давно уже стало труизмомъ. Далѣе, на основаніи литературной формы едва ли можно противополагать гуманистическихъ ученыхъ „тремъ коронамъ" и ихъ послѣдователямъ: по большей части, первые не были поэтами, а если пускались въ беллетристику, то или писали по-итальянски, какъ Бруни, или творили въ духѣ подражателей Боккаччіо, какъ Поджіо въ Фацеціяхъ, или просто переводили Декамеронъ, какъ Бруни, Фаціо и Лоски. Затѣмъ, если взять за основаніе политическія воззрѣнія, то группировка едва ли совпадетъ съ дѣленіемъ акад. Веселовскаго. Съ одной стороны, политическіе принципы въ Парадизо, какъ мы видѣли, довольно шатки, а съ другой — защитники принципата весьма рѣдкое явленіе между гуманистами. Бруни гораздо болѣе рѣшительный защитникъ республики, чѣмъ самъ Салютати, и Поджіо, несмотря на свою близость съ Медичи, написалъ трактатъ De infelicitate principum. Что касается до язычества гуманистовъ, то намъ приходилось уже не разъ говорить, что въ первой половинѣ XV вѣка его нѣтъ въ гуманистической литературѣ, а акад. Веселовскій дѣлаетъ очень мѣткое и глубокое замѣчаніе о

---

[1]) Ibid. p. 75.
[2]) Ibid. p. XII.
[3]) Ibid. p. 197.
[4]) Ibid. p. 192—193; 196—197.

существенныхъ особенностяхъ Возрожденія въ разные періоды его существованія[1]).

Эта группировка партій не оправдывается и изложеніемъ ихъ борьбы между собою. Акад. Веселовскій напечаталъ четыре очень интересныхъ памятника, содержащихъ въ себѣ обвиненія противъ гуманистовъ: стихи Ландини, діалогъ Бруни, инвективу Ринуччини и письмо Дом. да Прато; но онъ не провѣряетъ большинства ихъ показаній на гуманистической литературѣ. Выше мы видѣли, что изъ всѣхъ обвинителей вполнѣ правъ одинъ только Ландини, а другіе лишь по стольку, по скольку они повторяютъ его обвиненія. Правда, Бруни признаетъ, что были и безусловныя порицатели „коронъ", но онъ самъ называетъ ихъ insulsissimi. Можетъ быть, insulsissimi и дѣйствительно повинны въ томъ, за что и упрекаетъ гуманистовъ Ринуччини; но ихъ мнѣнія были столь незначительны, что не нашли себѣ литературнаго выраженія. Акад. Веселовскій особенно поддерживаетъ только два изъ этихъ обвиненій: приниженіе Данте, Петрарки и Боккаччіо и національнаго языка. Мы уже видѣли, что Бруни и Поджіо съ уваженіемъ относятся къ „коронамъ"[2]), что Манетти и Дечембріо писали ихъ біографіи и акад. Веселовскій указываетъ только проявленіе недоброжелательства у гуманистическаго писателя конца XV вѣка Паоло Кортезе († 1510). Не слѣдуетъ забывать однако, что сочиненіе написано въ концѣ XV столѣтія, что авторъ говоритъ объ „*ученыхъ* людяхъ" и дѣйствительно, обсуждаетъ ихъ произведенія съ точки зрѣнія латинскаго стиля. Но и Кортезе такъ говоритъ о Данте: „молва по справедливости его прославила: его знаменитая поэма ясно обнаруживаетъ невѣроятную величину генія[3])". Съ такимъ же сочувствіемъ относится онъ къ Петраркѣ[4]), и если порицаетъ латинскій стиль поэтовъ, то въ этомъ отношеніи онъ совершенно правъ. Можно замѣтить здѣсь критическое отношеніе къ флорентійскимъ поэтамъ, но вражды такъ же мало, какъ и у Бруни. Что касается до отношенія гуманистовъ къ языку, то нельзя отрицать ихъ увлеченія латинской рѣчью, и ниже мы попытаемся дать объясненіе этому факту; но это увлеченіе никогда не доходило до отрицанія родной рѣчи. Ни акад. Веселовскій, ни болѣе ранніе, ни болѣе поздніе изслѣдователи не привели ни одного мѣста изъ произведеній гуманистовъ, которое выра-

---

[1]) Ibid. p. 187.

[2]) О Бруни см. выше, p. 625 и слѣд.; о Поджіо, p. 854. Въ Фацеціяхъ Поджіо называетъ Данте то vir doctissimus, sapiens ac modestus, то poëta clarissimus. Opera, p. 436 и 453.

[3]) У Galletti, p. 223.

[4]) См. выше, p. 294, пр. 3.

жало бы такое отрицаніе. Наоборотъ, выше мы видѣли, что Бруни ставитъ народный языкъ *наравнѣ* съ латинскимъ и греческимъ[1]) и пишетъ на всѣхъ, а въ половинѣ XV вѣка Л. Б. Альберти прямо требовалъ, чтобы ученые писали на родномъ языкѣ[2]), такъ что есть изслѣдователи, которые считаютъ „связь народнаго и классически ученаго" характернымъ явленіемъ XV вѣка[3]).

Книга акад. Веселовскаго остается не только самой замѣчательной, но и единственной до сихъ поръ попыткой написать внутреннюю исторію гуманистическаго движенія во Флоренціи; позднѣйшіе изслѣдователи ограничиваются уже разсмотрѣнными нами характеристиками отдѣльныхъ дѣятелей, хотя наличные источники даютъ возможность отмѣтить нѣкоторыя характерныя черты флорентійскаго гуманизма. Прежде всего то стремленіе найти „новые критеріи жизни", построить міросозерцаніе, способное дать теоретическое оправданіе новымъ индивидуальнымъ потребностямъ, замѣчается и въ произведеніяхъ флорентійскихъ гуманистовъ, такъ что мы вправѣ признать ихъ истинными продолжателями родоначальниковъ Возрожденія. Раздѣляютъ они съ Петраркой и Боккаччіо и любовь къ древности, и интересъ къ наукѣ и философіи. Но флорентійскіе гуманисты второй генераціи, по крайней мѣрѣ, болѣе намъ извѣстные, какъ Салютати и Дом. Бандино, какъ представители Возрожденія, несравненно ниже своихъ предшественниковъ. Въ ихъ произведеніяхъ еще чрезвычайно сильны аскетическія и схоластическія традиціи, и ихъ критицизмъ ограничивается пока только филологическою и самое большее историческою сферой. До послѣдней четверти XIV вѣка въ умственномъ отношеніи Флоренція, повидимому, была болѣе консервативна, чѣмъ авиньонская курія, если судить по произведеніямъ мѣстныхъ писателей. Но въ концѣ столѣтія положеніе мѣняется. Старшіе представители третьей генераціи флорентійскихъ гуманистовъ, какъ Никколи, поскольку характеризуютъ его современники, и Бруни, если считать его флорентійцемъ, какъ дѣятели Ренесанса стоятъ цѣлой головой выше не только своихъ духовныхъ отцовъ, но и дѣдовъ. Они порвали съ церковными традиціями въ умственной сферѣ и вполнѣ секуляризировали свои мысли и чувства. Критицизмъ Никколи, если вѣрить Поджіо, не знаетъ преградъ, а Бруни, какъ мы видѣли, вполнѣ свѣтскій мыслитель и ученый. Въ чемъ заключается причина столь рѣзкаго перехода? — отвѣтить на этотъ вопросъ при современномъ состояніи источниковъ и монографической литературы намъ

---

[1]) См. выше, p. 627.

[2]) Della famiglia у Bonnucci, Oper. volg. II, p. 220 и слѣд.

[3]) См. выше, p. 155.

кажется невозможнымъ. Можетъ быть, извѣстную роль играли личныя свойства молодыхъ ученыхъ; можетъ быть, извѣстное значеніе имѣло вліяніе такихъ почти совершенно неизвѣстныхъ намъ профессоровъ, какъ Мальпагини и Хризолоръ; можетъ быть, движеніе Чомпи усилило умственную смѣлость; можетъ быть, въ этомъ сказался результатъ болѣе глубокаго изученія античной литературы. Подчеркнуть и преувеличить послѣднюю причину особенно соблазнительно; но не слѣдуетъ забывать, что Салютати былъ страстный любитель античной литературы, что въ Парадизо весьма сильны античныя воспоминанія[1]), что Ринуччини написалъ свою инвективу по-латыни, а Ландини латинскимъ гекзаметромъ, въ которомъ, восхваляя Оккама, весьма высоко ставитъ Сенеку и Цицерона.

Установить и точно формулировать связь между гуманистическимъ движеніемъ и политическими условіями Флоренціи едва ли возможно. Весьма правдоподобно, что сравнительно спокойное и безопасное положеніе государства дѣлало пребываніе во Флоренціи привлекательнымъ для гуманистовъ, а дѣятельная внутренняя жизнь республики возбуждала въ нихъ политическіе интересы. По крайней мѣрѣ, на произведеніяхъ Бруни замѣтно вліяніе этихъ сторонъ флорентійской дѣйствительности[2]). Гораздо виднѣе, изъ какой соціальной среды выходили флорентійскіе гуманисты и гдѣ находили они поддержку. Выше мы видѣли, что современные единомышленники Петрарки принадлежали или къ духовенству, или къ той сферѣ городского населенія, которая по умственному развитію стояла выше popolo minuto, а по матеріальнымъ средствамъ ниже popolo grasso. Оттуда же выходили гуманисты второго поколѣнія и старшіе представители третьей генераціи. Салютати провинціалъ изъ Stignano, Дом. ди Бандино выходецъ изъ Ареццо, оттуда же Бруни, Поджіо тоже провинціалъ, а отецъ Никколи — средній руки купецъ, недавно поселившійся во Флоренціи. Между знатью всякаго происхожденія весьма долго не встрѣчается ни одного гуманиста. Выше мы видѣли, каково было міросозерцаніе Альберти; такимъ же характеромъ отличались, повидимому, итальянскіе поэты изъ дома *Риччи*[3]), изъ дома *Альбицци* (Альберто[4]) и Филиппо[5]). Судя по діалогу Тамбени, Райнальдо Альбицци держался того мнѣнія, что занятіе языческой наукой вредитъ католической вѣрѣ, хотя Бруни посвятилъ ему свой трактатъ De militia. Изъ фамиліи Ринуччини

---

[1]) См. Вилла Альберти, p. 242—43.

[2]) См. особенно начало діалога ad Petrum Histrum.

[3]) Вилла Альберти, p. 110—111.

[4]) Ibid. p. 215.

[5]) Mazzuchelli, I, 1, p. 339.

вышелъ извѣстный противникъ новаго движенія; изъ фамиліи *Аччайуоли* первые литераторы въ гуманистическомъ духѣ вышли только во второй половинѣ XV вѣка въ лицѣ Пьеро и младшаго Донато[1]); одного изъ *Пацци*, Пьеро ди Андреа, обратилъ впервые къ гуманизму Никколи[2]). Ближе другихъ къ гуманизму стояли, повидимому, *Agnolo Pandolfini* и *Palla degli Strozzi*. По словамъ Бистиччи, Бруни ничего не издавалъ, не посовѣтовавшись съ Пандольфини[3]), который самъ однако не писалъ ничего. Строцци (1372—1462) былъ одинъ изъ главныхъ виновниковъ появленія во Флоренціи Хризолора, самъ учился у него греческому языку и не щадилъ средствъ для пріобрѣтенія греческихъ книгъ[4]). Позже подвергшись продолжительному изгнанію, онъ переводилъ съ греческаго нѣкоторыя произведенія Платона, Плутарха и Златоуста[5]). Своимъ дѣтямъ Строцци далъ гуманистическое образованіе, такъ какъ въ его домѣ учителями были Том. Парентучелли (впослѣдствіи Николай V), Аргиропуло и Ламола[6]). Такимъ образомъ флорентійская знать въ лучшемъ случаѣ обнаруживаетъ то настроеніе, для котораго гуманисты пытались найти теоретическое основаніе и оправданіе; но она пошла за своими руководителями не вдругъ и послѣ борьбы. Только къ половинѣ XV столѣтія она рѣшительно примыкаетъ къ гуманистическому движенію, и Строцци и Пацци вполнѣ согласны въ этомъ отношеніи съ Медичи.

XII.

Гуманистическое движеніе въ Тосканѣ. — Политическое состояніе Пистойи и Лукки и слѣды гуманистическаго движенія въ этихъ городахъ. — Пизанскіе ученые. — Аретинскіе гуманисты. — Гуманизмъ въ Сіенѣ.— Общій характеръ гуманистическаго движенія въ Тосканѣ.

Л. Бруни, замѣчая въ своей исторіи, что усиленіе Рима препятствовало росту Флоренціи, обобщалъ наблюденіе надъ недавнимъ прошлымъ Тосканы, гдѣ по мѣрѣ усиленія Флоренціи приходили въ упадокъ другіе города. Такъ область *Пистойи* еще въ началѣ XIV столѣтія

---

[1]) См. у Bisticci: Piero di Neri, Donato и Agnolo Acciaijoli, p. 322, 332—351.

[2]) Bisticci, p. 372 и слѣд.

[3]) Ibid. 291.

[4]) Ibid. p. 271 и слѣд. Ср. Tiraboschi, VI, p. 1061 и слѣд.

[5]) Bisticci, p. 285. Negri, p. 443.

[6]) Giovanni Lamola часто фигурируетъ въ перепискѣ Траверсари. Bartoli въ своемъ изданіи Бистиччи ошибочно предпочитаетъ чтеніе Giovanni da Imola. Нѣкоторыя письма Lamola упоминаетъ Mehus, l. c. p. VII.

подѣлили между собою Лукка и Флоренція и назначили тамъ двухъ главныхъ сановниковъ. Но городъ долго и упорно защищалъ свою независимость, хотя ему приходилось бороться и съ Каструччіо и съ собственными партіями. Такая борьба была не подъ силу гражданамъ, и Пистойа подчинилась Флоренціи. Не удивительно, что въ занимающую насъ эпоху отсюда не вышло ни одного гуманистически настроеннаго писателя, хотя и здѣсь можно замѣтить нѣкоторые, весьма слабые слѣды новаго движенія. Такъ, нѣкто *Matteo Bellebuono* переводилъ на итальянскій языкъ Энеиду [1]); мѣстный поэтъ *Zeno Zenoni*, жившій впрочемъ въ Падуѣ, былъ большой поклонникъ Петрарки и оплакивалъ его смерть обширной итальянской поэмой [2]). Позже и Пистойа дала нѣсколько именъ гуманистическому движенію, какъ юристъ и поэтъ *Baldonotti* [3]) или знаменитый Картеромахусъ *(Fortiguerra)* [4]), но они живутъ и дѣйствуютъ за предѣлами родины.

Исторія *Лукки* въ XIV столѣтіи представляетъ собою сплошной мартирологъ. Тираннія Угуччіоне смѣняется тамъ тираніей Каструччіо; затѣмъ Людовикъ Баварскій предоставилъ городъ нѣмецкимъ наемникамъ, которые, не получивши денегъ съ императора, продали Лукку генуэзцу Спинолѣ; но онъ даромъ потратилъ свои деньги, потому что городомъ завладѣлъ Іоаннъ Богемскій. Въ сороковыхъ годахъ XIV столѣтія Мастино делла Скалла, завладѣвши Луккой, продавалъ ее почти съ аукціона, что повело къ войнѣ изъ-за нея между Пизой и Флоренціей, при чемъ оба враждебные города поочередно ее захватывали. Позже Карлъ IV стребовалъ съ гражданъ 100.000 гульденовъ за ничего нестоящее объявленіе Лукки свободнымъ имперскимъ городомъ, потому что оно не помѣшало Гвиниджи захватить тамъ тираннію. Наконецъ, въ началѣ XV столѣтія Лукка подчинилась Флоренціи и такимъ образомъ спаслась отъ подчиненія Висконти. Совершенно естественно, что научное и литературное движеніе было крайне слабо въ этомъ городѣ, хотя щедрый на права Карлъ IV, разрѣшилъ открыть здѣсь университетъ [5]). Въ Луккѣ не было ни въ XIV, ни въ первой половинѣ XV вѣка ни одного сколько-нибудь

---

1) Tiraboschi, V, p. 836.

2) *Capitoli sopra la pietosa fonte e sopra la morte del nostro illustrissimo e famosissimo poeta Messer F. Petrarca, fatti dopo la sua morte e in sua laude per uno suo valentissimo discepolo detto Zenone.* Mehus, l. c., p. CCXXXI. Поэма напечатана у *Lamius*, Eruditorum deliciae, Florentiae 1753, p. 139—153. Новое изданіе Zambrini, Bologna 1874. По словамъ Gaspary, Zenoni былъ родомъ изъ Ареццо (II, p. 93).

3) Mazz., II, 1, p. 139.

4) Tiraboschi, VI, p. 1098.

5) Ibid. V, p. 112.

извѣстнаго ученаго[1]), если не считать таковымъ ревностнаго сторонника Гвиниджи — *Giovanni Sercambi* (1347—1424), который комментировалъ Данте, подражалъ Боккаччіо и составилъ хронику въ средневѣковомъ духѣ[2]). Единственными поэтами въ Луккѣ за это время былъ извѣстный Каструччіо и его сынъ Арриго[3]).

Немногимъ лучше было положеніе *Пизы*. Главная опора тосканскаго гибеллинства и нѣкогда могущественная соперница Флоренціи, Пиза въ XIV столѣтіи приходитъ въ крайній упадокъ. Прочной и продолжительной тиранніи здѣсь не установилось, но почти непрерывная и ожесточенная борьба партій (Bergolini и Raspanti) крайне истощили силы города. Въ концѣ XIV столѣтія Пиза подчиняется Висконти и въ 1405 году побочный сынъ Джангалеаццо продалъ ее Флоренціи. Такое политическое положеніе Пизы отразилось и на научномъ движеніи: чѣмъ дальше въ XIV вѣкѣ, тѣмъ замѣтнѣе культурный упадокъ. Такъ, пизанскій университетъ въ первой половинѣ XIV вѣка имѣлъ въ числѣ своихъ профессоровъ самыхъ громкихъ знаменитостей средневѣковой науки, какъ Бартоло, а потомъ Бальдо; подобныя же знаменитости были и среди мѣстныхъ гражданъ: юристъ *Tigrino*, богословы *Domenico Cavalca, Bartolomeo da S. Concordio*[4]) и другіе. Но во второй половинѣ XIV вѣка Пизанскій университетъ приходитъ въ полный упадокъ и потомъ прекращаетъ свое существованіе; только въ концѣ XV столѣтія онъ былъ возстановленъ флорентійцами[5]). Представителей гуманистическаго движенія въ Пизѣ совсѣмъ незамѣтно въ занимающую насъ эпоху. Каѳедру риторики и грамматики занималъ тамъ короткое время мѣстный гражданинъ *Франческо да Бути* († 1406). Его сочиненія, остающіяся въ рукописяхъ, касаются грамматическихъ вопросовъ, кромѣ комментарія къ Божественной Комедіи; но изъ того, что о нихъ извѣстно, нѣтъ основанія отнести

---

[1]) Исключеніе составляетъ *Gianpiero da Lucca* († 1457), преподававшій на родинѣ грамматику и переводившій Плутарха. Ibid. VI, p. 1423.

[2]) *Novelle di G. Sercambi. Ed. D'Ancona. Bologna 1871* и *Novelle inedite Firenze 1886* того же издателя. О комментаріи къ Данте см. Gaspary, II, p. 73. Часть хроники издана Muratori, Scriptores, XVIII. См. о ней *Medin, Poesie politiche nella cronaca del Sercambi* (Giorn. stor d. lett. ital. IV, p. 398). О Серкамби *Minutoli, La vita e gli scritti di G. S. Discorso. Lucca 1845.*

[3]) Tiraboschi, V, p. 782. Въ Луккѣ у Петрарки былъ одинъ адресатъ, нѣкто Nicolosio di Bartolomeo (Epist. fam. IX, 11 и Var. 5), о которомъ не имѣется никакихъ свѣдѣній.

[4]) См. о нихъ *Memorie istoriche de più uomini illustri Pisani T. I—IV. Pisa MDCCXC—XCII.* О Tigrino, I, p. 305 и слѣд. О Cavalca, II, 359; о S. Concordio, III, 109 и слѣд.

[5]) См. Leo, IV, p. 147; Tiraboschi, V, p. 92 и VI, p. 113.

Бути ни къ числу раннихъ гуманистовъ, ни къ ихъ противникамъ[1]). Позже, ко второй половинѣ XV вѣка, изъ Пизы вышло нѣсколько гуманистовъ, какъ папа Николай V, историкъ Маттіа Пальмьери и философъ Антоніо Читтадини; но всѣ они учились, жили и дѣйствовали преимущественно за предѣлами родины.

Исторія *Арреццо* въ XIV вѣкѣ представляетъ мало оригинальнаго. И здѣсь въ началѣ столѣтія власть захватываютъ то Тарлати, считавшіе себя гибеллинами, то Угуччіоне, выдававшій себя за гвельфа. Прочной и долговременной тираніи въ Ареццо не установилось; за то борьба партій дѣлала городъ довольно легкой добычей сильнаго сосѣда. Еще въ 1347 году флорентійцы завладѣли Ареццо; но на этотъ разъ городу удалось возвратить независимость, и только въ 1384 г. французскій генералъ захватилъ и продалъ его богатой и могущественной флорентійской республикѣ[2]). Но несмотря на сходство Ареццо въ политическомъ отношеніи съ другими городами Тосканы, культурное движеніе здѣсь совершенно оригинально. Правда, мѣстный университетъ вполнѣ раздѣляетъ судьбу пизанскаго[3]); ученыхъ въ старомъ духѣ здѣсь меньше, чѣмъ въ Пизѣ, и они не пользуются извѣстностью. Но гуманистическое движеніе обнаруживается здѣсь весьма рано. Выше мы видѣли, что Бандино, отецъ Доменико, былъ ученый въ новомъ духѣ[4]). Переписка Петрарки обнаруживаетъ и еще нѣсколько лицъ, относившихся съ сочувствіемъ къ его гуманистическимъ стремленіямъ. Такъ, поэту *Федериго,* который самъ писалъ итальянскіе стихи, Петрарка выясняетъ тайный смыслъ Энеиды[5]). Другой адресатъ Петрарки, *Джіованни Фео,* былъ большимъ почитателемъ перваго гуманиста и усердно собиралъ его произведенія[6]). Позже къ половинѣ XV столѣтія Ареццо

---

[1]) О *Francesco da Buti* см. Memorie IV, p. 159 и слѣд. и Mazzuchelli, II, 4, p. 2468—69. Его сочиненія: 1) *Comento, o Letture sopra le tre cantiche della Divina Commedia di Dante.* Рукописи Mazz., p. 2469 и Memorie, p. 185, тамъ же (p. 170) краткая характеристика этого сочиненія: 2) *Regulae grammaticales et rhetoricae.* Рукоп. Mazz. ib. и Mem., p. 183. 3) *Verba et adverbia.* Рукоп. у Mazz. ibid. Bisticci называетъ учителемъ логики и философіи G. Manetti, монаха въ флорентійскомъ монастырѣ S. Spirito — *Vangelista da Pisa* (p. 445); но мы не имѣемъ о немъ никакихъ свѣдѣній.

[2]) Leo, IV, p. 247.

[3]) Tiraboschi, V, p. 110 и VI, p. 117.

[4]) См. выше, p. 831.

[5]) Epist. senil. IV, 5. Свѣдѣнія о Federigo у Fracass. Lett. senil. I, p. 258.

[6]) Epist. senil. XIII, 3 и 4. Свѣдѣнія о Feo у Mehus'a, Vita Ambr. Travers., p. CCL и Fracass. Lett. senil. II, p. 284. Mazzuchelli называетъ еще одного современника Петрарки *Benedetto degli Accolti,* автора неизданнаго полититическаго сочиненія посвященнаго Карлу IV. *Tractatus de habilitate temporis ad processum versus Italiam, tum propter electionem Imperatoris Romanorum,*

становится настоящимъ источникомъ гуманизма: отсюда родомъ Л. Бруни, Поджіо, Аккольти, Марсуппини, Ринуччіо, Тортелли, Аліотти — словомъ, наиболѣе крупные представители третьей и четвертой генераціи гуманистовъ. Но они не живутъ на родинѣ, что вполнѣ естественно: утратившій всякое значеніе Ареццо неудобное мѣсто для карьеры, и аретинскіе гуманисты ищутъ себѣ дѣятельности или „обезпеченнаго досуга" во Флоренціи и еще охотнѣе при папской куріи.

Исторія *Сіены* въ XIV столѣтіи напоминаетъ флорентійскую. Вначалѣ здѣсь борятся дворянскія партіи Толомеи и Салимбени; позже начинаетъ возвышаться popolo minuto и съ 70-хъ годовъ принимаетъ замѣтное участіе въ управленіи городомъ. Внутреннія волненія вслѣдствіе этого не прекращаются; наоборотъ, народныя движенія происходятъ весьма часто и почти всегда влекутъ за собою перемѣны въ политическихъ учрежденіяхъ. Тѣмъ не менѣе Сіенѣ удалось избавиться отъ тиранніи и сохранить свою независимость отъ Флоренціи. Для этого городъ въ опасныя минуты борьбы съ сильнымъ сосѣдомъ заключалъ союзъ и даже подчинялся Висконти; но съ прекращеніемъ войны съ Флоренціей прекращалась обыкновенно и зависимость отъ Милана. Благодаря такой политикѣ одна только Сіена во всей Тосканѣ сохранила независимость и республиканскія формы и въ XV столѣтіи. Несмотря на внутреннія смуты научное движеніе никогда не прекращалось въ Сіенѣ. Мѣстный университетъ, основанный въ половинѣ XIV столѣтія, не блисталъ знаменитостями; но между его профессорами были видные юристы, какъ *Pagliarese, Petrucci* и друг. Въ XV вѣкѣ здѣсь преподаютъ извѣстные гуманисты — Biglia и Филельфо[1]). Но сучувствіе новому движенію обнаруживается здѣсь еще въ XIV столѣтіи. Отсюда вышелъ адресатъ Петрарки, извѣстный врачъ Франческо да Сіена[2]). Вѣроятно здѣсь жилъ *Елеа Tolomei*, которому Петрарка посвятилъ одно стихотворное посланіе (I, 3) и о которомъ упоминаетъ въ другомъ (XI, 2). Въ перепискѣ съ Петраркой стоялъ феодальный владѣтель въ Сіенской области, графъ *Роберто Баттифолле*, который въ отвѣтныхъ письмахъ до небесъ превозноситъ перваго гуманиста[3]). Боккаччіо рекомендуетъ въ одномъ

---

tum propter discordias Italorum; et primo deprecatio et hortatus ad movendum pectus Caesarem, sine vedardatione debere ingredi Italiam ad paciscendum dissidia et ad confutandum rebelles. (I, 1, p. 59).

[1]) Tiraboschi, V, p. 110; VI, p. 115 и слѣд.

[2]) См. о немъ выше, p. 753.

[3]) Извлеченія изъ обоихъ писемъ Роберто напечатаны у Mehus'a. Въ одномъ онъ говоритъ между прочимъ: non es denique mihi, ut scribis, incognitus, qui jamdiu es hinc ad sidera et super aethera notus etc (p. CCXXVI). Подобнымъ же образомъ выражается онъ и въ другомъ письмѣ: hinc scripsisse juvat, quod

письмѣ Пьетро да Муліо юношу *Джіованни да Сіена* и съ большой похвалой говоритъ о его способностяхъ и трудолюбіи[1]). Этотъ Джіованни былъ школьнымъ товарищемъ Салютати, который находился позже съ нимъ въ перепискѣ и посвятилъ ему часть своей книги „О трудахъ Геркулеса"[2]). Сверстникомъ Л. Бруни былъ знаменитый врачъ *Ugo Benci* или *Benzi* († 1439), одна изъ интереснѣйшихъ личностей своего времени. Уго занималъ каѳедры въ разныхъ университетахъ и обладалъ обширными свѣдѣніями помимо своей спеціальности: онъ зналъ греческій языкъ и философію, и ему адресовалъ Бруни письмо о различіи между *ἀγαθόν* и *τἀγαθόν*[3]). Самъ Уго, повидимому, не отдавалъ преимущества ни одному изъ философовъ и въ спорахъ защищалъ то Платона, то Аристотеля. Кромѣ того, онъ считался отличнымъ богословомъ, и есть извѣстія, что онъ принималъ участіе въ спорахъ съ греками на феррарскомъ соборѣ. Сочиненія Уго касались исключительно его медицинской спеціальности, и его біографія мало извѣстна и требуетъ еще критической обработки дошедшихъ до насъ свѣдѣній[4]). Позже изъ Сіены вышло нѣсколько крупныхъ дѣятелей Возрожденія, какъ Аг. Дати и Эней Сильвій Пикколомини; но поздніе, какъ и ранніе сіенскіе гуманисты подобно своимъ единомышленникамъ въ другихъ городахъ Тосканы, не находили на родинѣ подходящаго для себя дѣла и положенія[5]).

Гуманистическое движеніе въ Тосканѣ представляетъ собою новое подтвержденіе тѣмъ выводамъ, къ которымъ насъ привели наблю-

tanti viri censura gloria carere non possum, cujus judicio summe arbitror me felicem (p. CCXXXIX). Впрочемъ Роберто мало принадлежалъ Сіенѣ и провелъ большую часть жизни на службѣ у Флоренціи. Свѣдѣнія о немъ у Fracas. Lett. senil. I, p. 126. Ср. Вилла Альберти, p. 99 и слѣд.

[1]) Corazzini, p. 324.

[2]) Посвященіе у Mehus'a Vita A. Trav., p. CCCI. Ср. Hortis, Studj p. 282. Въ XIV столѣтіи въ Сіенѣ переводили на итальянскій языкъ классиковъ *Ugurgieri* и *Ventura*. См. Mehus, l. c., p. CLXXXIII и Tiraboschi, V, p. 836.

[3]) Epist. V, 1.

[4]) Свѣдѣнія о немъ раннихъ писателей и списокъ его сочиненій приведены у Mazz. II, 2, p. 790. Нѣкоторыя поправки у Tiraboschi, VI, p. 597. Изъ итальянскихъ поэтовъ этой эпохи заслуживаетъ вниманія *Simone Forestani*, прозванный *Saviozzo*, канцлеръ кондотьера Tartaglia, воспѣвавшій Данте и Висконти, которому совѣтовалъ послѣ подчиненія Сіены овладѣть и другими городами и такимъ путемъ объединить Италію. См. о немъ Gaspary, II, p. 80 и 647.

[5]) Изъ мелкихъ городовъ Тосканы только *Montepulciano* далъ нѣсколько гуманистовъ. Въ занимающую насъ эпоху отсюда вышли: Бартоломео (см. выше, p. 595) и Джакопо дель Пекора (см. выше, p. 864), а во второй половинѣ столѣтія Angelo Poliziano.

денія надъ гуманизмомъ въ папскихъ владѣніяхъ[1]). И здѣсь нельзя уловить связи между политическимъ строемъ и интенсивностью гуманистическаго движенія. Почему Ареццо богаче гуманистическими именами, чѣмъ Пистойа или Пиза? Отвѣтъ на этотъ вопросъ невозможенъ при современномъ положеніи источниковъ. Ясно одно, что активные дѣятели Возрожденія выходили по большей части изъ сравнительно необезпеченныхъ классовъ общества и умственнымъ трудомъ добывали себѣ матеріальныя средства. Поэтому они не держатся на родинѣ и стремятся въ болѣе крупные центры, гдѣ есть спросъ на ихъ научныя знанія и литературную опытность. Тѣ духовныя потребности, удовлетвореніе которымъ давалъ гуманизмъ, явленіе, повидимому, общее для всей Италіи, и Тоскана въ этомъ отношеніи не представляетъ никакихъ замѣтныхъ особенностей; но умственный трудъ, который давалъ систематическое выраженіе этимъ потребностямъ въ наукѣ и литературѣ, который вырабатывалъ на этой почвѣ новое міросозерцаніе, сосредоточивался въ такихъ политическихъ центрахъ, гдѣ его представители находили для себя наилучшія условія для матеріальнаго существованія. Такихъ центровъ было мало въ Тосканѣ, и ими гораздо богаче сѣверная Италія.

XIII.

Гуманистическое движеніе въ Миланѣ. — Состояніе Милана въ XIV вѣкѣ. — Отношеніе къ Возрожденію раннихъ Висконти. — Гуманисты Джангалеаццо. — Антоніо Лоски и его произведенія. — Біографія Скіо. — Отношеніе Лоски къ морали, религіи и политикѣ. — Гуманисты Джіованни Маріа; Уберто Дечембріо. — Гуманисты изъ миланскаго духовенства. — Капра и Билья. — Гуманистическое движеніе въ городскомъ населеніи.

Исторія Милана въ XIV вѣкѣ представляетъ собою постепенный ростъ тиранніи Висконти и расширеніе ихъ владѣній. Члены этой фамиліи, начиная съ Маттео, уже ко второй половинѣ столѣтія дали прочную организацію своей власти. Это былъ военный деспотизмъ, теоретически основывавшій свое господство на волѣ суевѣрнаго народа и превращавшій на практикѣ этотъ народъ въ безправную толпу, безусловно подчиненную волѣ тиранна. Республиканскія учрежденія продолжали существовать; но они утратили всякое политическое значеніе. Генеральный совѣтъ иногда созывался; но его самую существенную функцію составляла защита города на случай чуже-

---

[1]) См. выше, p. 755—766.

земнаго нападенія. Городская администрація принадлежала совѣту двѣнадцати (dodici di provisione); но онъ завѣдывалъ только городскимъ хозяйствомъ и тѣми сторонами внутренней жизни города, въ которыхъ не были заинтересованы синьёры. Кромѣ того, предсѣдателемъ совѣта былъ намѣстникъ Висконти, который въ то же время считался представителемъ города, хотя и не могъ имѣть въ немъ недвижимой собственности, а чаще всего и не принадлежалъ къ числу его гражданъ. Въ судебной сферѣ господствовало римское право, которое примѣнялось избирательными судьями: гражданскіе процессы подлежали вѣдѣнію podestà, уголовные — capitano di giustizia. Но надъ всѣмъ этимъ строемъ неограниченно царилъ синьёръ или „государь" (principe), какъ его называли. Законодательная власть ему принадлежала вполнѣ; исключительно онъ завѣдывалъ военной силой, дипломатическими и вообще политическими отношеніями, при чемъ гражданамъ было запрещено носить оружіе и вести переписку съ папой и императоромъ. Кромѣ того, Висконти совершенно произвольно вмѣшивались въ судъ и во внутреннее хозяйство, если этого требовалъ ихъ личный интересъ[1]). Въ занимающую насъ эпоху политика Висконти, не опредѣленная юридическими нормами, носила чисто личный характеръ и сопровождалась крайней жестокостью въ особенности въ сферѣ финансоваго управленія. Непрерывныя войны разоряли провинціи и требовали большихъ средствъ, которыя добывались путемъ возвышенія налоговъ, вслѣдствіе чего земледѣліе, промышленность, торговля постепенно приходили въ упадокъ, и городъ съ своею областью бѣднѣлъ[2]). Но до окончательнаго разоренія было далеко; населеніе, хотя и ненавидѣло тирановъ, еще далеко было до отчаянія, и Висконти безъ особеннаго труда держали въ повиновеніи своихъ подданныхъ. Тѣмъ не менѣе между населеніемъ и тиранами шла постоянная глухая борьба, опасность которой для Висконти была тѣмъ сильнѣе, что они вели непрерывныя войны съ сосѣдями. Вслѣдствіе этого они старались выработать хорошо организованную администрацію, которая прекращала бы всякія смуты внутри, содержали обширное наемное войско и позже стали искать такихъ союзниковъ, которые перомъ защищали бы ихъ интересы и придавали бы насилію хотя какой-нибудь видъ права. Совершенно естественно, что гуманисты ранѣе появились при дворѣ богатыхъ тирановъ, чѣмъ среди обѣднѣвшихъ и приниженныхъ гражданъ. Но и здѣсь движеніе шло не особенно быстро.

---

[1]) О внутреннемъ строѣ Милана въ эту эпоху см. Leo, III, p. 313—317, 378—387; Cantù, II, p. 849—851.

[2]) Sismondi, V, p. 183.

Первый Висконти XIV столѣтія Маттео обладалъ уже всѣми свойствами тиранна гуманистической эпохи. Но тонкій политикъ, холодно и спокойно разсчитывавшій всѣ шансы успѣха и пользовавшійся ими не разбирая средствъ, Маттео за предѣлами политики оставался суевѣрнымъ и боязливымъ сыномъ средневѣковой церкви. Онъ глубоко вѣрилъ въ церковную доктрину во всемъ ея объемѣ и закончилъ жизнь (1322) жалкимъ скитаніемъ по церквамъ, совершенно подавленный папскимъ отлученіемъ[1]). Его преемники *Галеаццо I* († 1328) и *Аццо* († 1339) не обнаруживаютъ интереса къ философскимъ и научнымъ вопросамъ. Связь Висконти съ гуманизмомъ начинается впервые при *Люккино* († 1349) и въ особенности при знаменитомъ архіепископѣ *Джіованни* († 1354), когда при миланскомъ дворѣ появляется Петрарка. Люккино писалъ итальянскіе стихи[2]) и находился въ перепискѣ съ первымъ гуманистомъ, который послалъ ему, по его просьбѣ, нѣсколько своихъ стихотвореній[3]) и въ одномъ письмѣ говоритъ о научныхъ интересахъ своего адресата[4]). Джіованни не былъ писателемъ, но считалъ нужнымъ покровительствовать наукѣ. Онъ всячески старался и сумѣлъ удержать около себя перваго гуманиста и поручилъ двумъ богословамъ, двумъ медикамъ и двумъ представителямъ свободныхъ искусствъ составить комментарій на Божественную Комедію[5]). Изъ переписки Петрарки не видно, чтобы у него были единомышленники въ Миланѣ[6]); но есть извѣстіе, что онъ устроилъ тамъ „академію" изъ 30 членовъ[7]), которая не прошла безслѣдно для гуманистическаго движенія въ Миланѣ. Петрарка сохранилъ связи съ преемниками Джіованни, его племянниками *Маттео* († 1355), *Бернабò* († 1385) и *Галеаццо* († 1378), хотя они принадлежали

---

[1]) Leo, III, p. 268.

[2]) Tiraboschi, V, p. 43.

[3]) Fracass., Lett. famil. II, p. 239.

[4]) Epist. famil. VII, 15.

[5]) Leo, III, p. 300. Tiraboschi, V, p. 44.

[6]) Петрарка адресовалъ одно письмо врачу *Albertino da Canobio* (Epist. fam. XXII, 12), но изъ него не видно, каковы были стремленія адресата. О Канобіо нѣтъ никакихъ свѣдѣній, кромѣ заключающихся въ этомъ письмѣ. См. Tirab., V, p. 360 и Fracas. Lett. faml. IV, p. 473). Argelati называетъ еще другомъ Петрарки нѣкоего *Conradus de Bernardigio*, юриста и автора сочиненія *De dispositione vitae ad D. Franciscum Petrarcam*, который былъ адресатомъ перваго гуманиста (l. c. col. 143). Но это свѣдѣніе сомнительно: сочиненіе съ такимъ заглавіемъ принадлежитъ Lombardo da Serico, а письмо Петрарки съ указаннымъ адресомъ до сихъ поръ не отыскано. Въ половинѣ XV вѣка изъ фамиліи Канобіо вышелъ гуманистъ Antonio da Canobio, авторъ неизданнаго діалога *De amore*.

[7]) См. выше, p. 306, пр. 6.

къ числу наиболѣе порочныхъ тирановъ Италіи. Первый изъ нихъ отличался такими ужасными пороками, что братья рѣшили его отравить, чтобы сохранить свою власть[1]). Но Бернабò несомнѣнно превосходилъ брата невѣроятною чудовищною жестокостью; его пытки и казни поражаютъ утонченностью и отсутствіемъ серьезныхъ поводовъ. Кто выходилъ изъ дому ночью по какой бы то ни было причинѣ, тому отрѣзывали ногу; одинъ молодой человѣкъ видѣлъ во снѣ, что онъ убилъ вепря; Бернабò, узнавши объ этомъ, приказалъ отрубить ему руку и вырвать глазъ за нарушеніе законовъ объ охотѣ и т. д.[2]). Не меньшей жестокостью отличался и Галеаццо II, авторъ пытки-казни — „*quaresima*", которая заключалась въ правильномъ росписаніи, въ который день какому мученію подвергать обвиненнаго и въ какіе дни давать ему отдыхъ[3]). Но всѣ эти тираны, несмотря на крайнюю жестокость, обнаруживаютъ нѣкоторыя стремленія, сходныя съ гуманистическими тенденціями. Такъ, Маттео отличался необыкновеннымъ краснорѣчіемъ[4]), Галеаццо покровительствовалъ наукѣ и основалъ въ Павіи университетъ, въ которомъ позже сосредоточивались весьма крупныя силы новаго направленія. Но особенно характерно ихъ отношеніе къ папѣ и вообще къ церковному авторитету. Бернабò заставилъ папскихъ пословъ, доставившихъ ему отлученіе отъ церкви, съѣсть буллу со шнурами и свинцовой печатью[5]). Двухъ миноритовъ, осмѣлившихся убѣждать его прекратить жестокости, онъ приказалъ сжечь на кострѣ[6]) и, призвавши однажды къ себѣ архіепископа, который отказался постричь кого-то въ монахи, Беранбò поставилъ его передъ собой на колѣни и сказалъ ему: „развѣ ты не знаешь, негодяй, что я папа, императоръ и государь во всѣхъ моихъ владѣніяхъ и что самъ Богъ не можетъ сдѣлать того, чего я не хочу"[7]). Галеаццо точно такъ же отвѣтилъ на отлученіе отъ церкви конфискаціей церковныхъ имуществъ[8]). Можетъ быть, благодаря этимъ наклонностямъ, миланскіе тиранны такъ чтили перваго гуманиста. Тѣмъ не менѣе при дворахъ преемниковъ архіепископа Джіованни въ Миланѣ почти нѣтъ гуманистовъ. Единственное исключеніе составляетъ *Antoniolo Resta*, ученикъ Петрарки, одинъ изъ 30 въ основанной имъ академіи. Онъ

---

[1]) Sismondi, IV, p. 254—55. Другія извѣстія о его смерти у Leo, III, p. 303.

[2]) См. Corio, fol. 247—8; Leo, III, p. 312—313; 327—328 и 330. Ср. Sismondi, IV, p. 328—329 и особенно Cantù, II, 841—842.

[3]) Текстъ предписанія приведенъ у Leo, III, p. 311. Ср. Cantù, II, p. 842.

[4]) Leo, III, p. 303.

[5]) Sismondi, IV, p. 401—402.

[6]) Corio, fol. 248.

[7]) Cantù, II, p. 841.

[8]) Leo, III, p. 321.

произносилъ рѣчь на свадьбѣ Віоланты Висконти, дочери Галеаццо II, въ 1368 году, и эта рѣчь была, повидимому, единственнымъ произведеніемъ Ресты въ гуманистическомъ духѣ, потому что другое его произведеніе, извѣстное только по заглавію, юридическаго содержанія[1]). Гораздо замѣтнѣе слѣды гуманистическаго движенія при *Джангалеаццо, conte di Virtù* († 1402).

Двѣ черты отличаютъ Джангалеаццо отъ его предшественниковъ: сознаніе важности общественнаго мнѣнія и сильный интересъ къ наукѣ и искусству. По существу Джангалеаццо одинъ изъ самыхъ безсовѣстныхъ, вѣроломныхъ и жестокихъ тиранновъ, какіе встрѣчаются въ исторіи; но онъ считалъ необходимымъ казаться добродѣтельнымъ. Онъ не допускаетъ безсмысленныхъ жестокостей своего дяди и значительно смягчаетъ суровость отца: онъ отмѣняетъ слишкомъ строгія наказанія, облегчаетъ налоги, выставляетъ на видъ свое благочестіе. Захвативъ дядю, онъ назначаетъ формальный судъ надъ нимъ и дипломатическимъ путемъ извѣщаетъ иностранныя правительства объ исходѣ процесса. Доведя подложными письмами Гонзагу до убійства своей жены, Джангалеаццо торжественно выступаетъ ея мстителемъ[2]). Словомъ, это былъ principe совершенно по программѣ Макіавелли[3]). Но съ этими свойствами первостепеннаго политика въ тогдашнемъ вкусѣ Джангалеаццо соединялъ въ основѣ, вѣроятно, искреннюю любовь къ искусству и наукѣ: онъ началъ постройку Миланскаго собора, построилъ Certosa di Pavia, основалъ библіотеку въ этомъ городѣ, возстановилъ университетъ въ Пьяченцѣ и привлекалъ на свою службу ученыхъ въ старомъ и новомъ духѣ[4]). Весьма возможно, что извѣстную роль въ этомъ меценатствѣ игралъ политическій разсчетъ. По словамъ Энея Сильвія, Джангалеаццо говорилъ, что сочиненія Салютати болѣе ему повредили, чѣмъ 1000 флорентійскихъ кавалеристовъ[5]), и такое изреченіе вполнѣ правдоподобно, такъ какъ Галеаццо весьма высоко цѣнилъ общественное мнѣніе. Мы видѣли, что по его приказанію написалъ Лоски инвективу противъ Флоренціи[6]), и это не единственный примѣръ. Совершенно естественно, что на службѣ у Джангалеаццо

---

1) Свѣдѣнія о немъ у Argel., l. c. col. 1203—1204. Тамъ же приведены заглавія его сочиненій *Oratio de nuptiis Leonardi, Clarentiae Ducis, et Violantis Vicecomitis* и *Jus municipale urbis Mediolanensis cum aliis collegis ab ipso emendatum.*

2) Sismondi, V, p. 98—99.

3) См. его превосходную характеристику у Sismondi, V, 129. Ср. Cantù, II, p. 843 и Corio, fol. 286—287.

4) Cantù ib. p. 853.

5) Voigt, I, p. 206.

6) См. выше, p. 807.

появляются гуманисты. Прежде всего герцогскіе канцлеры *Benedictus de Bernardigio* и *Pasquino de' Capelli* обнаруживаютъ гуманистическіе интересы. Первый изъ нихъ латинскимъ стихотвореніемъ отвѣчалъ на стихотворную инвективу Салютати противъ Милана[1]); секретаремъ второго былъ *Антоніо Лоски*, одинъ изъ крупныхъ представителей старшаго поколѣнія третьей гуманистической генераціи.

Лоски (родился между 1368 и 1383 годами, умеръ 1441) происходилъ изъ аристократической, но обѣднѣвшей фамиліи въ Виченцѣ. Его отецъ былъ юрисконсультомъ, а дядя врачемъ при дворѣ Скалигеровъ и самъ онъ такъ же вступилъ на придворную службу. Кто былъ учителемъ Лоски, неизвѣстно; но онъ зналъ греческій языкъ, 15-ти лѣтъ писалъ латинскіе стихи и для усовершенствованія своихъ знаній отправился во Флоренцію и вошелъ тамъ въ сношенія съ Салютати. Но паденіе Скалигеровъ принудило его искать карьеры въ другомъ мѣстѣ: онъ поступилъ въ свиту Карла III Анжуйскаго, потомъ странствовалъ по Италіи и успѣлъ пріобрѣсти расположеніе Петра Филарго и Джангалеаццо, благодаря вліянію котораго былъ сдѣланъ архипресвитеромъ въ Падуѣ; но въ 1390 году, когда Падуя освободилась отъ владычества Висконти, Лоски потерялъ мѣсто и началъ изучать право въ Павіи, получивъ отъ Бонифація IX выгодную пребенду и каноникатъ, принадлежавшій нѣкогда Петраркѣ. Затѣмъ Лоски оставилъ духовную карьеру, женился и сдѣлался сначала секретаремъ Капелли, потомъ совѣтникомъ и секретаремъ самого Джангалеаццо. Но въ 1406 году онъ перешелъ на службу въ Венецію, въ 1407 вступилъ въ папскую курію, гдѣ оставался съ небольшимъ перерывомъ до 1435 года, а послѣднія шесть лѣтъ своей жизни провелъ на покоѣ въ родной Виченцѣ[2]).

Лоски называетъ себя поэтомъ и ораторомъ; дѣйствительно, онъ не былъ ни философомъ, ни ученымъ. Его главное произведеніе — анализъ 11 рѣчей Цицерона съ риторической точки зрѣнія[3]) Интересъ этой книги заключается главнымъ образомъ во взглядѣ автора

---

[1]) См. Приложеніе IV. Объ авторѣ у Argel., l. c. col. 143.

[2]) Наиболѣе подробныя фактическія свѣдѣнія о Лоски собралъ *Giovanni da Schio (Sulla vita e sugli scritti di Antonio Loschi Vicentino, uomo di lettere e di stato. Commentarii. Padova 1858).*

[3]) *Antonii Luschi Vicentini, oratoris clarissimi, Inquisitio super XI orationes Ciceronis ad fratrum suum optimum atque clarissimum Astolphinum de Marinonibus.* Рукописи и изданія у Schio, p. 135—140. Я цитирую по изданію, напечатанному вмѣстѣ съ *Asconii Paediani Patavini Commentarii in aliquot insigniores M. T. Ciceronis orationes. Parisiis. MDXXXVI.* Schio называетъ (p. 154) еще *Argomenti alle Commedie di Plauto* Лоски, но о нихъ не имѣется никакихъ свѣдѣній.

на краснорѣчіе. „Краснорѣчіе — великое дѣло, — говоритъ онъ въ предисловіи, — конечно, гораздо бо́льшее, чѣмъ могутъ постигнуть умы тѣхъ, которые думаютъ объ этомъ иначе“ [1]). Наука необходима; но она въ неразрывной связи съ риторикой, почти въ подчиненіи у нея; прежде всего нужно изучать само краснорѣчіе; наука только необходимое пособіе для успѣха: „три условія дѣлаютъ настоящаго и совершеннаго оратора: талантъ, упражненіе, ученость“ [2]). Но ученость должна быть всесторонняя, потому что „нѣтъ ничего, изобрѣтеннаго философіей или составляющаго предметъ какого-нибудь искусства, или свойственнаго наукѣ, въ чемъ ораторъ не могъ бы вращаться по своему праву“ [3]). Въ такую же связь съ ораторскимъ искусствомъ Лоски ставитъ и мораль. По его воззрѣнію, мораль необходима для оратора: „краснорѣчіе должно изобиловать хорошими положеніями (rationes): ораторомъ можетъ быть только хорошій человѣкъ“ [4]). Но отношеніе между моралью и краснорѣчіемъ формулировано въ интересахъ послѣдняго. По мнѣнію Лоски, элоквенція принадлежитъ къ числу тѣхъ искусствъ, которыя заключаютъ въ себѣ добродѣтель и которыя придаютъ ей много красоты [5]). Краснорѣчіе не только занимаетъ первое мѣсто между этими искусствами, но въ сущности оно само — добродѣтель и даже высшее ея проявленіе. „Такъ какъ добродѣтель заключается преимущественно въ томъ, чѣмъ люди превосходятъ прочихъ животныхъ, вслѣдствіе чего мы въ разумѣ полагаемъ добродѣтель (unde fit, ut ponamus in ratione virtutem), то почему же не будетъ она заключаться точно такъ же и въ рѣчи, благодаря которой мы превосходимъ многихъ животныхъ“. Съ другой стороны, начала добродѣтели вложены въ насъ природой; природа же побуждаетъ насъ рѣчью защищать добрыхъ противъ злыхъ и дала намъ соотвѣтствующую способность, которую мы развиваемъ искусствомъ; изъ этого слѣдуетъ, что краснорѣчіе есть добродѣтель, и ораторъ не иное что, какъ хорошій человѣкъ съ способностью краснорѣчиво говорить, а слѣдовательно всякій краснорѣчивый человѣкъ добродѣтеленъ [6]). Это отождествленіе добродѣтели съ краснорѣчіемъ весьма характерно. Оно показываетъ, что въ глазахъ Лоски мораль сама по себѣ не имѣетъ большой цѣны, но что съ ней нужно считаться и не мѣшаетъ имѣть ее на своей сторонѣ. Поэтому онъ не считаетъ ложь абсолютно безнравственной,

---

[1]) Inquisitio, p. 129.
[2]) Ibid. p. 131.
[3]) Ibid. p. 132.
[4]) Ibid.
[5]) Ex illis multo resultat ornatior. Ibid. p. 133.
[6]) Ibid.

потому что она допускается въ ораторскихъ пріемахъ: „Если окажется, что краснорѣчіе прибѣгаетъ ко лжи, то это не постыдно, какъ говоритъ Квинтиліанъ, ибо мудрецу иногда бываетъ позволено говорить ложь“[1]). Самое содержаніе книги представляетъ собою попытку учебника риторики на основаніи правилъ, извлеченныхъ изъ рѣчей Цицерона.

Собственныя ораторскія произведенія Лоски немногочисленны и, повидимому, отличались дѣловымъ характеромъ[2]); но онъ оставался ораторомъ и въ своей служебной дѣятельности, и въ поэтическихъ произведеніяхъ, и въ перепискѣ. Находясь на службѣ у папы, Лоски составилъ нѣчто въ родѣ канцелярской стилистики[3]). Его поэзія по существу также риторика. Онъ написалъ драму Ахиллъ[4]) и цѣлый рядъ отдѣльныхъ стихотвореній, которыя были раздѣлены на 8 книгъ[5]). Новѣйшій біографъ Лоски, весьма къ нему благосклонный, отрицаетъ въ его поэзіи два существенныхъ для нея признака: „искру таланта“ и искренность. „Поэзія и проза Антоніо Лоски, говоритъ Скіо, всегда обнаруживаютъ въ немъ государственнаго и придворнаго человѣка, который отрывается отъ службы и удовольствій, чтобы писать не то, что самъ думаетъ, но что нравится другимъ; его поэтическое одушевленіе не поднимается въ высоту, потому что его притягиваетъ къ землѣ благоразуміе; вслѣдствіе этого всѣ сочиненія Лоски искусственны въ то время, когда искусство было бѣдно, и нѣтъ ни одного, которое вытекало бы изъ сердца[6])“. Дѣйствительно, изъ цѣлой массы стихотвореній Лоски огромное большинство не имѣютъ ничего общаго

---

[1]) Ibid. p. 132.

[2]) Собственныхъ риторическихъ опытовъ Лоски по заглавію извѣстно три: 1) *Collatio habita ante pedes Domini nostri Innocentii Papae VII per Dominum Antonium de Luschis oratorem inclytae Dominationis Venetiarum ad praelibatum dominum nostrum pro recommendatione Dominationis praelibatae.* 2) *Collatio pro actione gratiarum causa translationis requisitae factae de Domino Angelo Barbadico ad Ecclesiam Veronensem.* 3) *Oratio ad utrumque collegium cardinalium pro unienda ecclesia in concilio Pisano.* Рукопись въ Вѣнѣ. Voigt (I, 444) упоминаетъ о рѣчахъ на службѣ у Висконти, которыя совершенно неизвѣстны.

[3]) По словамъ Fazio, scripsit item exempla quaedam et veluti formulas, quibus Romana Curia in scribendo uteretur, quae etiam ab eruditissimis viris in usum recepta sunt. De viris illustrib. p. 3.

[4]) *Achilles, tragoedia.* Впервые издана *Orsio* въ 1636 году, какъ произведеніе Ал. Муссато, и переиздана Schio Padova. 1843.

[5]) По словамъ Fazio, heroico versu epistolas atque epigrammata complura edidit, quae postea collecta filius et ipse doctissimus in octo libros digessit Ibid. p. 3. Позже всѣ уцѣлѣвшія *Carmina ed. Schio. Padova 1858.*

[6]) Schio, p. 125—126.

съ поэзіей, кромѣ внѣшней формы. Самое крупное его поэтическое произведеніе — драма Ахиллъ даже у современниковъ не пользовалась, кажется, успѣхомъ, а потомство до такой степени ее забыло, что ея авторомъ долгое время считался А. Муссато[1]). Его поэма о размѣрахъ звѣздъ извѣстна только по имени[2]); попытки перевести Гомера, а можетъ быть и передѣлать его, по всей вѣроятности совсѣмъ не были приведены въ исполненіе[3]). Въ остальныхъ произведеніяхъ Лоски является придворнымъ поэтомъ или въ чистомъ видѣ „трубы славы" своего покровителя, или въ роли проповѣдника добродѣтели и политическаго мудреца. Въ ранней молодости онъ воспѣвалъ и, кажется, вполнѣ безкорыстно Карла III Анжуйскаго[4]); позже онъ восхвалялъ въ своихъ стихотвореніяхъ тѣхъ, кому въ данное время служилъ: сначала Скалигеровъ[5]), потомъ Висконти[6]), потомъ венеціанскаго дожа Стено[7]), сочиняя въ то же время стихотворные комплименты постороннему меценату[8]), или поздравленіе[9]), или эпитафію для пріятеля[10]). Иногда онъ придавалъ такимъ стихотвореніямъ проповѣдническій тонъ; но эта мораль не отличается особенной глубиною, и стихи остаются простою риторикою. Такъ, въ одномъ стихотвореніи Лоски убѣждаетъ Галеаццо де Грумелло, кондотьера герцога миланскаго, „чтобы онъ храбро бился на дуэли и давалъ жизнь побѣжденному"[11]);

---

[1]) Впервые принадлежность этой трагедіи Лоски доказалъ *Todeschini (Del vero autore della tragedia Achille. 1832)* на основаніи рукописей.

[2]) Schio, p. 141.

[3]) Ibid. p. 142. Заслуживаетъ вниманія сочувствіе, съ которымъ отнесся Салютати къ предпріятію, задуманному Лоски. Gaudeo, dilectissimi fili, пишетъ онъ переводчику, quod postquam habes Homericae translationem Iliados, licet horridam et incultam, cogitaveris ipsam excolere et heroico carmine divinum illud opus Latio tradere velis. Письмо у Schio, p. 155. Schio называетъ еще между произведеніями Loschi — *L'Ulisse;* но о немъ не имѣется никакихъ свѣдѣній.

[4]) Поэма не была окончена и потомъ затерялась. Ibid. p. 130.

[5]) Точно также не сохранились и эти стихотворенія.

[6]) *Ad illustrem principem ducem Mediolani comitemque virtutum exhortatio, ut pacem cogitet per viam belli,* а также *Epitaphium ad monumentum seu sepulcrum quondam gloriosae memoriae illustrissimi ducis Mediolani.* У Schio.

[7]) *Commendatio sui felicis principatus et longaevae vitae precatio.* Ibid.

[8]) *Ad Petrum de Candia exhortatio pro adventu ipsius in Italiae regionem.* Не издано.

[9]) *Ad Franciscum de Brunis Bononiensem de ingenio filii breve judicium.* У Schio.

[10]) Такъ, Лоски написана эпитафія для Барт. да Монтепульчіано.

[11]) *Galeatio de Crumello hortatoria, ut pugnet fortiter in duello et victo vitam donet.* У Schio.

въ другомъ совѣтуетъ Джіованни Ногароллѣ „направлять къ славѣ и добродѣтели развитіе тѣла и духа, упражненіе въ военномъ искусствѣ и научныя занятія“ [1]). Въ одномъ мѣстѣ онъ доказываетъ, что „незначительность родины не бросаетъ тѣнь на добродѣтель“, въ другомъ, какъ слѣдуетъ относиться къ сновидѣніямъ [2]).

Прозаическія произведенія Лоски до сихъ поръ не изданы. Его инвектива противъ Флоренціи извѣстна только по отвѣтамъ на нее Салютати и Ринуччини. Его сочиненіе подъ заглавіемъ „*Домъ цѣломудрія*“ считается утраченнымъ [3]). Потеряна и большая часть его переписки, между прочимъ цѣлый трактатъ въ формѣ письма — „*De vera amicitia*“ [4]). Большинство сохранившихся писемъ публицистическаго содержанія: они написаны по вопросамъ современной политики и въ интересахъ минуты; поэтому выраженныя въ нихъ идеи трудно привести въ опредѣленную систему. Показанія современниковъ мало прибавляютъ къ нашимъ свѣдѣніямъ о Лоски, хотя онъ стоялъ въ связи съ самыми крупными гуманистами своего времени. Поджіо выводитъ его собесѣдникомъ въ діалогѣ De avaritia и въ введеніи къ трактату De varietate fortunae; но его роль въ обоихъ произведеніяхъ не характерна. П. К. Дечембріо говоритъ въ одномъ изъ своихъ писемъ, что Лоски пользуется репутаціей крупнаго поэта [5]). Къ поэтамъ относитъ его и Фаціо въ своемъ сочиненіи о знаменитыхъ современникахъ. Послѣдующія поколѣнія скоро позабыли о Лоски: Кортезе говоритъ о немъ мимоходомъ и по наслышкѣ [6]);

---

[1]) *Ad Ioannem de Nogarolis, ut exercitio corporis et armorum et ingenii ac litterarum tendat ad gloriam et virtutem.* У Schio.

[2]) *Ad Antonium de Romagno Feltrensem ignobilitatem patriae non obscurare virtutem responsiva.* Ibid. *Fr. de Richaneto de somnio per eum ficto responsiva.* Ibid. Кромѣ стихотворныхъ произведеній, Лоски перевелъ еще новеллу изъ Декамерона Боккаччіо. *Fabula Capelette scripta per serem Iohannem Boccatium et de vulgari in latinum per Antonium Luscum Vecentinum translata.* Рукопись въ Ambrosiana.

[3]) См. Schio, p. 131. Но въ каталогѣ рукописей Британскаго музея (Catalogue of Manuscripts in the British Museum. I. The Arundel Manuscripts. p. 348) значится *Antonius Luscus, Poëtica discriptio domus pudicitiae ad dominam Magdalenam de Serophaguis anno MCCCLXXXIX, XIV Mai edita. Ticini cum expositione ejus.* Къ сожалѣнію, я не успѣлъ ознакомиться съ этимъ произведеніемъ.

[4]) Письмо было адресовано *Giovanni Mazzini*, отвѣтъ котораго напечатанъ въ *Miscellanea ex manuscriptis libris Collegii Romani Societatis Jesu. Romae 1754.*

[5]) Antonius Luscus Vicentinus poëta aetate nostra ob litterarum et historiae cognitionem summo in honore habitus. Epistol. I, 3. Cod. Ambros. J. 235 infer.

[6]) Antonius Luscus fuit rhetor quoque non contemnendus, quem etiam non indisertum dicunt fuisse. De homin. doctis у Galletti, p. 229.

Форести обходитъ его полнымъ молчаніемъ. Факты, собранные Тирабоски показываютъ, какъ незначительны были свѣдѣнія о Лоски въ концѣ XVIII столѣтія[1]). Только въ 1858 году Лоски нашелъ весьма обстоятельнаго біографа въ лицѣ *Джіованни да Скіо*. Въ цитированной выше книгѣ Скіо далъ сравнительно обстоятельный очеркъ фактической біографіи Лоски, списокъ его сочиненій и напечаталъ въ приложеніи цѣлый рядъ весьма важныхъ документовъ. Кромѣ того, онъ издалъ трагедію Лоски и его уцѣлѣвшія стихотворенія[2]). Скіо пытается, наконецъ, на основаніи новаго матеріала, по большей части имъ самимъ изданнаго, выяснить роль Лоски въ движеніи и особенности его характера. Но эти попытки нельзя признать вполнѣ удачными. „Святое дѣло Лоски, говоритъ его біографъ, было очистить античную находку, угадать неизвѣстное и возстановить все“[3]). Но вся его дѣятельность и всѣ сочиненія въ значительной степени ограничиваютъ эту широкую оцѣнку. Какъ и всѣ гуманисты, Лоски высоко ставилъ формальное знаніе древности и прежде всего тѣ ея стороны, которыя имѣли непосредственно-практическое приложеніе, т.-е. умѣнье хорошо писать и краснорѣчиво говорить по-латыни. Но онъ не былъ ученымъ и не оставилъ ни одного сочиненія по изученію античнаго міра въ какомъ бы то ни было отношеніи. Такъ же преувеличиваетъ Скіо и личную нравственность Лоски. Особенно онъ превозноситъ его семейныя добродѣтели. Ему кажется удивительнымъ, что Лоски изъ любви къ женщинамъ отказался отъ духовнаго званія, что источники знаютъ только его многочисленное законное потомство и не содержатъ „никакихъ извѣстій о незаконныхъ дѣтяхъ, наложницахъ и прочей грязи, которую тогда безстыдно выставляли на видъ и даже хвастались. Его стихи не оскорбляютъ чистаго слуха, его сентенціи дышатъ добродѣтелью“[4]). Повидимому, въ дѣйствительности Лоски стоялъ нѣсколько выше своихъ сотоварищей въ этомъ отношеніи, хотя отличіе и не было такъ рѣзко, какъ думаетъ Скіо. Молчаніе источниковъ еще ни за что не ручается; такія свѣдѣнія обыкновенно сообщаютъ инвективы, но его противникъ Салютати не пускался въ своемъ отвѣтѣ въ личные счеты. Многочисленная семья была и у Поджіо, который при случаѣ самъ говоритъ о своихъ грѣхахъ. Но есть данныя, которыя показываютъ, что по настроенію, по крайней мѣрѣ, Лоски, подходилъ къ своимъ товарищамъ. Въ папской „вральнѣ“ онъ принимаетъ живое участіе въ обычныхъ тамъ бесѣдахъ, и Поджіо называетъ его vir facetis-

---

1) Storia, VI, p. 1203.
2) См. выше, p. 889, пр. 4 и 5.
3) Schio, p. 125.
4) Schio, p. 126.

simus. Правда, изъ трехъ разсказанныхъ имъ „шутокъ", двѣ приличны, но зато анекдотъ о флорентійскомъ посланникѣ совершенно соотвѣтствуетъ общему тону книги. Въ домашней жизни Лоски таковъ же, какъ и его сослуживцы. Поджіо разсказываетъ, что однажды куріальнымъ чиновникамъ достался неожиданный доходъ, который они рѣшили „посвятить Вакху и Церерѣ", и женатому Лоски поручено было „устроить въ своемъ саду не пиръ, а вакханалію"[1]). Еще характернѣе отношеніе Лоски къ Гермафродиту: онъ не только разсхваливалъ геній и изложеніе автора, но распространялъ эту книгу, какъ разсказываетъ одинъ изъ ближайшихъ его друзей, Поджіо[2]). Что касается до поэзіи Лоски, то она дѣйствительно чужда довольно обычной тогда скабрезности, но тѣмъ не менѣе далеко не проникнута и нравственными началами. Новые изслѣдователи Возрожденія ничего не прибавили къ Скіо[3]); между тѣмъ и по наличнымъ источникамъ фигура Лоски выступаетъ довольно рельефно. Лоски не ученый и не философъ; онъ прежде всего ловкій карьеристъ и практическій политикъ. Моральные вопросы, которые такъ смущали и волновали гуманистовъ, мало занимали Лоски, потому что онъ рѣшилъ ихъ весьма просто. По его мнѣнію, природа сама учитъ нравственности: она вложила въ душу каждаго человѣка сѣмена добродѣтели, которыя не могутъ быть истреблены никакими пороками[4]). Что такое добродѣтель, Лоски рѣшалъ, какъ мы видѣли, очень просто: сводилъ ее къ разуму и готовъ былъ даже отождествить ее съ краснорѣчіемъ. Такія воззрѣнія стояли въ непримиримомъ противорѣчіи съ церковнымъ ученіемъ. Но Лоски оставался къ этому совершенно равнодушнымъ. Въ его сочиненіяхъ незамѣтно ни малѣйшаго интереса къ религіознымъ вопросамъ; а тамъ гдѣ онъ касается ихъ мимоходомъ, обнаруживается холодное и презрительное отношеніе если не къ религіи вообще, то, крайней мѣрѣ, къ современной ея формѣ: въ стихотвореніи къ Спинели есть рѣзкая выходка противъ папства[5]), въ письмѣ

---

[1]) Poggii Epistolae lib. II, ep. VIII.

[2]) Hunc cum legisset primo vir clarissimus Antonius Luscus multisque verbis laudasset et ingenium et facultatem dicendi tuam, misit deinde illum ad me legendum. Ibid. lib. II, ep. XL.

[3]) Обстоятельнѣе другихъ говоритъ о Лоски Voigt (I, p. 505), но и онъ опирается на Скіо и не даетъ характеристики.

[4]) Ad omnes virtutes quasi semina quaedam atque principia dedit natura nascentibus, quae nulla potest extinguere ac penitus extirpare malitia. Nam et in barbaris et in omni pravitate corruptis hominibus apparent aliquando quaedam quasi simulacra virtutum. Inquisitio, p. 133.

[5]) *Ad probatissimos et singulares viros Dominum Nicolaum de Spinellis, comitem Ioé et magnum Regni Siciliae cancellarium et Cavallinum de Cavallis*

къ Владиславу онъ съ презрѣніемъ говоритъ о религіозныхъ обрядахъ кавалеровъ ордена золотого руна[1]), а въ трагедіи Ахиллъ встрѣчаются такія слова, которыя, по выраженію его біографа, „могли вырваться изъ устъ матеріалиста". Такое настроеніе не мѣшало, конечно, Лоски служить папѣ и краснорѣчиво защищать интересы церкви на соборѣ. Мораль и религія легко подчинялись у него политикѣ, къ которой онъ чувствовалъ не менѣе интереса, чѣмъ Л. Бруни. Лоски былъ если не государственный человѣкъ, то, по крайней мѣрѣ, политическій дѣлецъ, служака, хорошо знавшій внутреннія дѣла главныхъ государствъ Италіи и ихъ взаимныя отношенія.

Интересъ Лоски къ политикѣ не можетъ подлежать сомнѣнію: его риторическія произведенія не знаютъ другой темы; въ письмахъ, если они не имѣютъ чисто дѣлового характера, онъ охотнѣе всего говоритъ о политикѣ; такое содержаніе имѣютъ въ большинствѣ случаевъ его стихотворенія. Кромѣ того, Лоски не чуждо и патріотическое чувство, которое придаетъ нѣкоторую теплоту и искренность его политическимъ разсужденіямъ. „Если бы ты увидѣлъ образъ Италіи, пишетъ онъ дель Верме, генералу герцога миланскаго, то онъ произвелъ бы на тебя впечатлѣніе; ты сказалъ бы: поможемъ ей, и съ своими ранами пошелъ бы за ея дѣло. Ты увидѣлъ бы матрону, гонимую и терзаемую, но образъ полный величія и власти, а также полный скорби, слезъ и (говорю это съ большой радостью) полный надежды"[2]). Такое состояніе родины производило на него тяжелое впечатлѣніе, по крайней мѣрѣ, въ молодости. „Положеніе дѣлъ за эти годы часто доводило меня до того, пишетъ онъ Владиславу Неаполитанскому, что я проклиналъ и оплакивалъ вѣроломство судьбы, оплакивалъ непостоянство дѣлъ человѣческихъ и жалкую участь Италіи„[3]). Свое первое поэтическое произведеніе онъ посвятилъ Карлу III Анжуйскому тоже въ силу патріотическаго чувства, потому что думалъ, что онъ „по какой-то особенной божественной благости рожденъ для спасенія Италіи и для славы христіанскаго имени"[4]. Размышляя надъ судьбами родины и присматриваясь къ

---

consiliarium et secretarium illustrissimi Comitis oratoris in Gallis Luschi A. V. epistola exhortatoria Gallici Ducis in Italiam transitus. Напечатана у Schio.

[1]) *Ad serenissimum Ladislaum Regem exhortatio, ut paternum navis insigne in militibus suos restauret.* Напечатана у *Pelliccia Cronache, Diarii ed altri opuscoli così italiani come latini, appartenenti alla storia del regno di Napoli. Vol. I. Napoli 1780.*

[2]) Schio, p. 192.

[3]) Pelliccia, l. c., p. 325.

[4]) Ibid. p. 329.

современнымъ ему отношеніямъ итальянскихъ государствъ, Лоски имѣлъ, повидимому, довольно опредѣленное политическое міросозерцаніе и твердыя симпатіи. Причина бѣдствій Италіи, по его мнѣнію, заключается въ ея разъединеніи и во взаимной борьбѣ ея членовъ. „Италія надѣется, пишетъ онъ del Verme, что вы соедините ея члены, которые, какъ члены извѣстнаго ѳиванца Актеона, растерзаны своими собственными собаками[1])". Выходъ изъ такого печальнаго состоянія возможенъ былъ, по его мнѣнію, только съ помощію монархическаго начала и путемъ оружія. Ради этого онъ написалъ длинное письмо къ лично незнакомому ему Владиславу[2]), когда положеніе Висконти пошатнулось. Но главныя надежды онъ возлагалъ на миланскихъ властителей. Трудно сказать, политическія или только личныя симпатіи привязали Лоски къ дому Висконти. По всей вѣроятности, тѣ и другія оказывали на него вліяніе; во всякомъ случаѣ, онъ былъ „трубой ихъ славы" и пѣвцомъ ихъ интересовъ даже тогда, когда служилъ другимъ господамъ. Джангаллеацо онъ называетъ „свѣтомъ и украшеніемъ Италіи"; когда послѣ его смерти миланцы попытались сбросить съ себя иго, Лоски чувствуетъ „скорбь и гнѣвъ" на ихъ дерзость, за то, что ихъ „не остановило ни величіе умершаго отца, ни страхъ преступленія, ни память о предкахъ, ни авторитетъ сана[3])". Написанное по этому поводу длинное письмо молодому герцогу содержитъ массу совѣтовъ и проникнуто искреннесочувственнымъ тономъ. Въ своихъ стихотвореніяхъ онъ всегда на сторонѣ интересовъ Висконти: началъ герцогъ войну, Лоски въ стихахъ убѣждаетъ его „путемъ войны установить миръ"; задумалъ онъ овладѣть Болоньей, поэтъ убѣждаетъ Пандольфо и Малатесту деи Малатести воспользоваться только-что одержанной имъ побѣдой и овладѣть для Висконти этимъ городомъ[4]); отправляются его послы во Францію, Лоски сопутствуетъ ихъ стихотворными совѣтами; одержитъ его полководецъ нѣсколько побѣдъ, Лоски въ стихахъ разсматриваетъ ихъ сравнительное значеніе. Находясь на службѣ герцога, онъ написалъ жестокую инвективу противъ Флоренціи и вызвалъ суровый отвѣтъ со стороны Салютати, котораго высоко цѣнилъ при жизни и осыпалъ похвалами послѣ смерти[5]). Даже собственную

---

[1]) Schio, p. 192.

[2]) Schio, p. 170 и 171.

[3]) Письмо у Pelliccia, T. I, p. 325—332.

[4]) *Epistola incitatoria, ut quaesita velint uti victoria, dum Bononiam armata coepere manu pro illustrissimo Duce Mediolanensi.*

[5]) Въ письмѣ къ Fabriano, онъ говоритъ о Салютати. Equidem amavi hominem, tametsi magistrum doctoremque non habui, sicut (nam obstitisset for-

родину, утратившую свободу и независимость, онъ убѣждалъ въ своихъ стихахъ сохранять вѣрность герцогу[1]). Оставивши службу въ Миланѣ, Лоски продолжаетъ сохранять свои симпатіи къ Висконти. Уже будучи папскимъ секретаремъ, написалъ онъ названное письмо къ молодому Висконти; около этого же времени, когда надъ ихъ домомъ разразилась гроза, Лоски прославляетъ въ своихъ стихотвореніяхъ ихъ друзей Филарго и Малатесту. Можетъ быть, Лоски руководила въ этомъ случаѣ благодарность за оказанныя ему лично благодѣянія; но несомнѣнно, что отъ Висконти онъ ждалъ спасенія и для родины. „Вся Италія должна принадлежать этому государю", говоритъ онъ въ одномъ изъ своихъ писемъ, и это единственный выходъ изъ ея несчастій. Но ни личныя симпатіи, ни патріотизмъ не могли заставить Лоски вполнѣ отдаться тому дѣлу, которое онъ считалъ святымъ и высокимъ. Политика была для него только первымъ дѣломъ послѣ личныхъ выгодъ и удобствъ. Политическія и всякія другія симпатіи не препятствовали Лоски служить тому, отъ кого можно было ожидать больше выгодъ. Венеція старая соперница, исконный врагъ Милана; но Лоски ей служитъ, хотя и неудачно[2]), произноситъ въ ея интересахъ изящныя рѣчи передъ папскимъ престоломъ. Оставивши службу при республикѣ, онъ переходитъ въ римскую курію и остается секретаремъ и при Мартинѣ V, благоволившемъ къ Милану, и при Евгеніи IV, покровительствовавшемъ своей родинѣ. Политическія убѣжденія ничему не мѣшали, потому что они оставались на поверхности.

Въ молодости Лоски зналъ внутреннюю борьбу; его жизнь представляла не мало случаевъ, когда приходилось дѣлать весьма рѣшительные шаги и при выборѣ рода дѣятельности и при изложеніи теоретическихъ воззрѣній. Лоски жилъ въ критическій моментъ для Европы

---

tuna) a teneris annis optaveram atque provideram, cum ad illum adolescentulus, sola addiscendi cupiditate accensus, de Verona, ubi tum agebam apud Principem civitatis, Florentiam accessissem. Sed vero illius patriae repentina mutatio coegit me, posthabita ratione litterarum, necessetati temporum parere. У Schio, p. 162.

[1]) *Egregiis ac fidelibus civibus Vicentinis, majoribus meis honorandis exhortatio ad conservationem fidelitatis.* У Скіо. Такое содержаніе было довольно неожиданно для позднѣйшихъ итальянцевъ. Составитель index'a cod. Marciani (XI, C), въ которомъ находится это стихотвореніе, далъ такое ему заглавіе: exhortatio ad conservationem *libertatis* carmen. Schio, p. 148.

[2]) Лоски былъ за что-то осужденъ. Гуарино Веронскій, пишетъ о немъ Франческо Барбаро: Venit igitur Venetias mea inductus exhortatione, ut mitigationem aut abolitionem damnationis impetret. Est enim ex agro Vicentino pro fuga. Sed ita inique, ut cum rem Serenissimo Principi olim, cum ex Germania legatus rediret, exposuisset; magnam ex eo spem reportarit. Schio. Прил. p. 186. Въ чемъ заключалась причина этого осужденія, неизвѣстно.

вообще и для его родины въ частности: феодально-католическое средневѣковье уступило мѣсто новому государству съ свѣтской культурой, съ новымъ общественнымъ классомъ свѣтской интеллигенціи. Этотъ переходъ въ новую исторію въ Италіи былъ особенно труденъ и для отдѣльной личности, и для цѣлаго народа. Близость церковнаго центра и могущество папы сравнительно съ другими государями Италіи заставляли если не прилаживаться къ церковнымъ требованіямъ, то по крайней мѣрѣ лицемѣрить, служить кумиру, который давно пересталъ быть богомъ. Съ другой стороны, любовь къ родинѣ парализовалась необходимостью служить тираннамъ и олигархіямъ, сознавая въ то же время гибельность для Италіи ихъ вѣчной распри и непрерывныхъ войнъ. Деморализующія условія среды и времени дѣйствовали тѣмъ сильнѣе, что родоначальники новаго общественнаго класса почти всѣ безъ исключенія были матеріально не обезпечены. Лоски все это пережилъ, испыталъ на себѣ и вышелъ изъ борьбы чище другихъ, хотя и не безъ весьма замѣтныхъ результатовъ неблагопріятныхъ условій. Падуанскій архипресвитеръ женился и средневѣковой магистръ сдѣлался гуманистомъ, хотя старое положеніе было, можетъ быть, и выгоднѣй. Внутреннее настроеніе, требующее широкаго простора для личности, и почти безсознательная любовь къ живой и свободной наукѣ дѣлали невыносимымъ прежнее положеніе, на сторонѣ котораго была выгода. Переломъ произошелъ не безъ борьбы. Въ одномъ изъ стихотвореній Лоски припоминаетъ, что постороннія обстоятельства нѣкогда вынуждали его „негодующій духъ" къ изученію права и что онъ испыталъ мучительное распутье[1]). Эта борьба оставила въ его душѣ тяжелое воспоминаніе. Много спустя, онъ называетъ еще подобныя колебанія „умственною чумою рода человѣческаго"[2]). Могучимъ союзникомъ новыхъ стремленій былъ индивидуализмъ, требовавшій свободы для полнаго и всесторонняго наслажденія жизнью; но эта же самая потребность наложила не мало темныхъ красокъ на духовный обликъ почти всѣхъ гуманистовъ. Порвавши съ старымъ, нужно было создавать новое, въ особенности въ политикѣ и морали. Работа и сама по себѣ непосильная, а кромѣ того, происходила она при крайне неблагопріятныхъ обстоятельствахъ.

---

[1]) ..... Fuit et mihi quondam
Hoc labor in bivio: nam vota precesque meorum
Indignantem animum ad civilia jura trahebant.
At mecum partes natura potentior egit
Pieridum. Schio, p. 20.

[2]) Въ письмѣ къ герцогу Миланскому онъ говоритъ: ita inter hos contrarios affectus, qui, ut pestis animorum humano generi dati sunt, versor. Schio, p. 171.

Искреннее изложеніе политическихъ и моральныхъ взглядовъ и публичное ихъ обсужденіе было невозможно или по крайней мѣрѣ опасно: слишкомъ смѣлое и вполнѣ свободное выраженіе мнѣній могло повлечь преслѣдованіе со стороны церкви или потерю мѣста у мецената. Приходилось лицемѣрить, т.-е. молчать или прилаживаться, что охлаждало самый интересъ. Трудность и безсиліе рѣшить эти вопросы одиночной работой вело другимъ путемъ къ тѣмъ же результатамъ: не прійдя къ твердой морали, руководились личными вкусами, симпатіями и интересами. Гуманисты развращались средой и платили ей тою же монетой; въ этомъ случаѣ Антоніо Лоски не составлялъ исключенія. Добившись обезпеченности, онъ зажилъ спокойно и весело, довольствуясь своей домашней моралью и не особенно безпокоясь тѣмъ, что „величественную матрону" Италію все еще терзали „ея собственныя собаки".

Лоски былъ самый крупный и почти единственный гуманистъ при дворѣ Джангаллеццо. Кромѣ него, Аржелати упоминаетъ еще *Lazarino Resta,* писавшаго латинскія стихотворенія и находившагося въ перепискѣ съ Гаспарино и Дечембріо[1]). Наконецъ, при Джангалеацо начинаетъ свою карьеру *Francesco Barbavara.* Юристъ изъ миланскихъ дворянъ, Барбавара былъ близкимъ человѣкомъ Джангалеацо, игралъ видную роль во время смутъ послѣ его смерти[2]) и занялъ видное положеніе при дворѣ Филиппо-Маріи. Барбавара писалъ мало[3]); но онъ стоялъ въ связи съ весьма крупными гуманистами третьяго и въ особенности четвертаго поколѣнія, съ Филельфо, Бекаделли и Л. Б. Альберти[4]). Но его дѣятельность, какъ гуманиста-мецената относится преимущественно ко времени Филиппо-Маріи[5]).

Правленіе Джіованни-Маріи Висконти не было благопріятно для развитія гуманистическаго движенія при Миланскомъ дворѣ. Новый

---

[1]) Свѣдѣнія о немъ у Argel. col. 1208. Его произведенія *Epistolae ad Decembrium et Gasparinum* и *Epigrammata varia latina.* Argel. говоритъ, что Реста былъ потомъ секретаремъ Александра V. Изъ неизданной переписки П. К. Дечембріо видно, что онъ въ 1443 году былъ scriptor apostolicus при куріи (Cod. Ambr. I. 235 infer. fol. 45). Mazz. упоминаетъ еще *Gregorio Azzanello* изъ Кремоны, придворнаго Джангалеацо, оставившаго описаніе коронованія герцога (I, 2, p. 1285); но о немъ нѣтъ никакихъ свѣдѣній.

[2]) Leo, III, p. 346, 347.

[3]) Ему принадлежатъ: *Oratio in Concilio Basiliensi* и *Epistola ad Antonium Panormitam.* Оба произведенія не изданы. Свѣдѣнія о немъ у Mazz., II, I, p. 278 и Argel., I, col. 116.

[4]) Альберти называетъ его uomo d'ingegno e di costumi nobilissimo. Op. II, p. 387.

[5]) Изъ раннихъ гуманистовъ въ перепискѣ съ нимъ находились Б. Капра и Гаспарино да Барцицца.

герцогъ былъ одинъ изъ наиболѣе развращенныхъ тиранновъ; но, унаслѣдовавши отъ своихъ предшественниковъ всѣ ихъ пороки, онъ не обладалъ ихъ выдающимися умственными и политическими способностями; поэтому его смерть отъ руки убійцы (1412) привѣтствовали въ Миланѣ, какъ счастливое событіе[1]). Тѣмъ не менѣе при его дворѣ появляется одинъ изъ наиболѣе плодовитыхъ гуманистовъ второй генераціи, *Uberto Decembrio.*

Дечембріо былъ родомъ изъ Виджевано, учился у Хризолора; въ Миланѣ онъ снискалъ расположеніе Петра Филарго, можетъ быть, за свои свѣдѣнія въ греческомъ языкѣ, и когда его покровитель сдѣлался папой подъ именемъ Александра V, Дечембріо получилъ мѣсто апостольскаго секретаря. Затѣмъ онъ поступилъ на службу къ Дж. Мар. Висконти, навлекъ на себя подозрѣніе его брата, сидѣлъ одно время въ тюрьмѣ и умеръ въ должности подесты въ Тривильо въ 1471[2]). Сочиненія Дечембріо остаются до сихъ поръ неизданными и извѣстны только по заглавію. Они распадаются на пять категорій. Во-первыхъ, Дечембріо чувствовалъ большой интересъ къ моральной философіи и написалъ діалогъ о ней, въ которомъ собесѣдниками являются Аризіо, Ривола и самъ авторъ[3]). Кромѣ того, онъ посвятилъ трактатъ „*О скромности*" одному сыну[4]) и „*О чистотѣ*" — другому[5]). Вторую категорію произведеній Дечембріо составляютъ его *стихотворенія.* Судя по заглавіямъ, это были отчасти инвективы[6]), а отчасти хвалебныя посланія покровителямъ и друзьямъ[7]). Къ третьей категоріи принадлежатъ его письма. Имена нѣкоторыхъ адресатовъ Дечембріо и заголовки нѣкоторыхъ его писемъ позволяютъ думать, что его переписка, отчасти по крайней мѣрѣ, носила философско-публици-

---

[1]) См. Leo, III, p. 353—54, 358.

[2]) Единственныя до сихъ поръ свѣдѣнія о немъ у Аржелати (col. 2106—2108), который составилъ также списокъ его сочиненій.

[3]) *Moralis philosophiae Dialogus. Libri II.* Interlocutores: Andreas Arisius, ducalis consiliarius, Beltraminus Rivola et auctor. Рукоп. у Arg., col. 2107.

[4]) *De Modestia ad Modestum filium.* Рук. ibid.

[5]) *De candore ad Petrum Candidum filium suum.* Рукоп. Ibid.

[6]) *Versus in traductione librorum Platonis de Republica, quam nebulo quidam Antonius Cassarinus nixus est redarguere quadam sicula loquacitate sua.* Рук. ib.

[7]) Сюда относятся *Carmina:* 1) ad Reverendissimum P. D. Ioannem Vicecomitem II electum Archiepiscopum Mediolani. 2) Ad Magnanimum et Excelsum D. Malatestam de Malatestis, Caesenae Vicarium. 3) Ad Egregium Doctumque Virum Josephum de Brippio Dei almae Genetricis Ordinarium Mediolan. 4) Ad Virum praestantissimum et conspicuum Antonium Luscum de Vicentia, Musarum celebritate famosum. Кромѣ того, *Carmina varia latina.* Рук. ib.

стическій характеръ[1]). Четвертую категорію составляютъ его рѣчи, содержаніе которыхъ совершенно неизвѣстно[2]); пятую — переводы съ греческаго Республики Платона и рѣчей Демосѳена и Лизія[3]).

Несмотря на всѣ старанія нѣкоторыхъ Висконти, въ особенности Джангалеаццо, привлечь на свою службу новыхъ ученыхъ, гуманистовъ при Миланскомъ дворѣ очень не много. Причина этого явленія, повидимому, заключалась просто въ томъ, что ихъ вообще было мало въ тогдашней Италіи. Этимъ объясняется, что къ половинѣ XV столѣтія, когда движеніе замѣтно усилилось, дворъ Филиппо-Маріи Висконти дѣлается однимъ изъ наиболѣе крупныхъ центровъ Возрожденія. На это же указываетъ состояніе гуманизма въ Миланѣ внѣ придворныхъ сферъ. Миланское духовенство сравнительно поздно обнаруживаетъ интересъ къ гуманистическому движенію. Кардиналъ *Branda Castiglione* (1350—1443), извѣстный знатокъ каноническаго права, устроилъ публичную библіотеку и пользовался, повидимому, извѣстной популярностью у гуманистовъ. По крайней мѣрѣ, Филельфо осыналъ его въ одной изъ своихъ рѣчей весьма обильными похвалами. Тѣмъ не менѣе, судя по его біографіи и сочиненіямъ, онъ стоялъ внѣ всякой связи съ новымъ направленіемъ[4]). Наиболѣе раннимъ несомнѣннымъ сторонникомъ Ренесанса на архіепископской каѳедрѣ въ Миланѣ былъ *Bartolomeo della Capra*

---

[1]) *Epistolae ad varios.* Рук. ib. По всей вѣроятности, публицистическимъ характеромъ отличались: ad Cives primarios Laudenses, ad Florentinos, а также ad Venceslaum Caesarem, ad Innocentium VII, Gregorium XII et Ioannem XXII. Философское письмо ad Amicum de miseria humanae vitae consolatio. Письмо ad Hyppolitum adhortatio ad religionis Minorum observantiam бросаетъ свѣтъ на религіозныя воззрѣнія Дечембріо. Ср. посвященіе стихотворенія къ Brippi. Интересно ad Amicum discriptio Pragae et morum ejusdem habitantium.

[2]) *Oratio ad Cardinales* и *Oratio de adventu Martini V.* Рукоп. Ibid.

[3]) Существуютъ двѣ рукописи перевода Платона. Одна озаглавлена *Platonis de Republica libri X e greco in latinum versi.* На краю замѣтка: „quam traductionem subinde Petrus Candidus ejus filius alio volumine exornavit"; въ концѣ другая: Explicit liber X et ultimus Platonis de Republica, sive de Justitia foeliciter, manu Uberti Decembrii de Viglevano, ope Viri conspicui D. Emanuelis Chrisolorae, Praeceptoris sui foeliciter e graeca lingua transtulit in latinam. Другая рукопись озаглавлена: *De Republica libri IV. Ad Illustrissimum Dominum Phillippum Mariam, Ducem Mediolani totiusque Liguriae.* Есть извѣстіе, что Уберто составилъ оригинальное сочиненіе подъ такимъ заглавіемъ (Voigt, I, p. 505). *Orationes et Epistolae Demosthenis, Lisiae et Platonis.* Argel. не видалъ рукописи. О національныхъ поэтахъ, стоявшихъ въ связи съ Висконти, см. *Medin, Letteratura poëtica Viscontea* (въ Archivio stor. Lombardo 1885, fasc. 3).

[4]) Его біографія у Bisticci, p. 118—120; См. также Argel. I, col. 349 и слѣд. Tiraboschi, VI, p. 206, 260, 827 и слѣд.

(† 1433 или 1435), стоявшій въ связи съ гуманистами и писавшій латинскіе стихи[1]). Его преемникъ *Франческо Пиколльпассо* (Piccolpassus или Pizziolpassus † 1443) стоитъ въ не менѣе близкихъ сношеніяхъ съ гуманистами; но его дѣятельность относится къ позднѣйшей эпохѣ. Особенный интересъ представляетъ сверстникъ старшихъ гуманистовъ третьей генераціи, монахъ Августинскаго ордена *Andrea Biglia* или *De Biliis* (1375—1435). По рожденію онъ принадлежалъ къ миланской знати, жилъ сначала на родинѣ, потомъ управлялъ монастыремъ въ Болоньѣ и былъ провинціальнымъ Викаріемъ въ Сіенѣ, гдѣ и умеръ. Его считали знатокомъ латинскаго, греческаго и еврейскаго языковъ; кромѣ того, по ораторскому искусству его сравнивали съ Цицерономъ, по философскимъ знаніямъ съ Аристотелемъ, по богословской глубинѣ съ бл. Августиномъ. Билья представляетъ любопытный образецъ монаха, который, овладѣвъ гуманистическимъ образованіемъ, сохранилъ профессіональный интересъ. Большая часть его сочиненій посвящена церковнымъ интересамъ и преимущественно интересамъ своего ордена. Такъ онъ написалъ *Паниско̀ларіа*, полемическое сочиненіе, направленное противъ антипапы и косвенно противъ поддерживавшаго его Альфонса Неаполитанскаго[2]), кромѣ того, онъ составилъ исторію своего ордена[3]). Религіозный характеръ носитъ и его историческое сочиненіе „*О паденіи вѣры на Востокѣ или о происхожденіи турокъ*“[4]) остав-

---

[1]) Свѣдѣнія о немъ у Ughelli. Italia Sacra, III, p. 254 и Argel. (col. 284), который приводитъ два его письма, но не упоминаетъ о его другихъ литературныхъ произведеніяхъ, между тѣмъ его *Carmina selecta* хранятся въ Парижской Національной Библіотекѣ Cod. № 8731. О его поискахъ древнихъ авторовъ см. Mehus, Vita A. Travers., p. XLVI и Voigt, I, p. 247. Гуманистическіе интересы ранняго архіепископа *Simone Borsano*, извѣстнаго юриста († 1381) подлежатъ сомнѣнію, такъ какъ показаніе Argelati о его перепискѣ съ Петраркой едва ли найдетъ когда-либо подтвержденіе. См. Mazzuch., II, 3, p. 1807. Ср. выше, p. 708.

[2]) *Panischolaria ad Alfonsum regem contra schisma Benedicti.* Сочиненіе получило свое названіе отъ Paniscola, резиденціи антипапы. О рукописяхъ см. Zeno, I, p. 48.

[3]) *De propagatione ordinis Augustiniani.* Parma 1601.

[4]) *De detrimento fidei Orientis seu de origine Turcarum.* Рукописи см. Zeno, I, p. 48. На религіозно-монашескія темы написаны имъ слѣдующія сочиненія: 1) *Ad Reginaldum Rhemensem Archiepiscopum de concordia et meritis ordinum super generali indulto Alexandri V Papae.* 2) *De disciplina ordinis.* 3) *De amore et magnitudine Crucis.* 4) *De excellenti dignitate Virginis Mariae.* 5) *Ad Barchinonenses de littera H qua nomen Christi fuerat scriptum.* 6) *Sermo de concessione et translatione Beatae Monicae matris Augustini.* Всѣ эти сочиненія остались неизданными. Рукописи у Argel. col. 160, 161.

шееся до сихъ поръ неизданнымъ. Наибольшею извѣстностью пользуется его „*Исторія миланскихъ событій*“ [1]). Какъ настоящій монахъ, Билья требуетъ экспедиціи противъ гусситовъ[2]), а въ то же время онъ заинтересованъ и мѣстными политическими дѣлами, въ особенности борьбою Альфонса Аррагонскаго съ Ф. М. Висконти[3]). Какъ настоящій гуманистъ, Билья теоретически изучаетъ краснорѣчіе[4]), собираетъ свои письма[5]) и произноситъ рѣчи въ различныхъ случаяхъ[6]), но главный видъ его ораторскихъ произведеній составляютъ церковныя проповѣди[7]). Такое же смѣшеніе научныхъ интересовъ представляетъ его ученая дѣятельность. Подобно многимъ гуманистамъ, Билья писалъ грамматическія сочиненія[8]) философскіе трактаты[9]), переводилъ Аристотеля и комментировалъ не только произведенія этого философа[10]), но и комедіи Теренція[11]); но на ряду съ этимъ онъ составлялъ комментаріи не только на Евангеліе и Библію, но и на церковныя пѣсни[12]).

---

1) *Historia in novem libros digesta ab anno MCDII. usque ad annum MCDXXXI.* У Муратори Script. t XIX. Кромѣ того, Argel. называетъ еще два неизданныхъ историческихъ сочиненія Билья: *Historia longobardorum liber I* и *De institutis, discipulis ac doctrina fratris Bernardini Siensis lib. II.*

2) *Pro suscipienda in Bohemos expeditione.* Рук. ibid. col. 160.

3) Сюда относятся: *Querela pacis* и *De pace cum Philippo Mediolanensium duce componenda, ad Alphonsum Regem Aragonum.* Рукоп. Ibid.

4) *De arte dicendi libri III* и *Exordia super practica rhetorices.* Рукоп. Ibid. col. 161.

5) *Orationes et Epistolae. Libri II.* Ibid.

6) *In exequiis Io. Galeatii Vicecomitis, ducis Mediolanensis, laudatio funerea.* 2) *In castris Philippi, ducis Mediolanensium, oratio militaris.* 3) *Altera oratio ad eundem ducem.* Ibid. col. 160.

7) *Sermones ab Adventu usque ad ressurrectionem Christi* и *Sermones festivi de Beata Vergine.* Ibid.

8) По словамъ Фацio (De vir. illustr. p. 40), volumen *De verborum latinorum interpretatione* haud parvum reliquit. Argel. не знаетъ этого произведенія, но онъ называетъ другое: *Grammatices, sive de octo partibus orationis libri VIII.* Ibid.

9) *De non necessario mortis metu lib. I.* Вѣроятно, такой же характеръ носитъ: *Admonitio ad F. Manfredum Vercellensem de vita sua.* Ibid.

10) 1) *Interpretatio Physicorum Aristotelis.* 2) *Interpretatio in tribus libris Aristotelis de anima.* 3) *In Metaphysicam Aristotelis commentaria.* 4) *In Aristotelem de Coelo et Mundo.* Ibid.

11) *Terentii Comediae a F. B. Andrea Mediolanensi scriptae peregregie cum suis variis commentariis marginalibus atque variantibus lectionibus interlinearibus.* Ibid.

12) 1) *Annotationes in Evangelia Quadragesimae.* 2) *In libros Evangelicos libri IV.* 3) *Commentaria in Genesim.* 4) *In primum librum Sententiarum.*

Билья пользовался широкою извѣстностью среди современниковъ и ближайшаго потомства; но его популярность была создана главнымъ образомъ сотоварищами по ордену. Съ корифеями гуманизма онъ, повидимому, не имѣлъ близкихъ сношеній, хотя Фаціо признаетъ его своимъ человѣкомъ[1]). Но Форести превозноситъ его до небесъ[2]) и другіе писатели его ордена говорятъ о немъ въ томъ же тонѣ[3]). Тѣмъ не менѣе для его біографіи не сдѣлано почти ничего. Аржелати и главнымъ образомъ Муратори собрали библіографическія данныя о его сочиненіяхъ, которыя нѣсколько дополнены А. Двено[4]). Краткія біографическія свѣдѣнія о Билья впервые сообщилъ Маццукелли, ихъ нѣсколько исправилъ и дополнилъ Тирабоски, и этими данными исчерпывается все, что намъ извѣстно о личности богослова-гуманиста, потому что Фогтъ посвящаетъ ему только нѣсколько строкъ[5]).

Слабые слѣды гуманистическаго движенія замѣчаются и въ городскомъ населеніи Милана, хотя трудно сказать, какой общественный слой оно захватило и какое направленіе приняло. Мы знаемъ только имена писателей и въ лучшемъ случаѣ заглавія ихъ сочиненій, такъ что самая принадлежность этихъ авторовъ къ новому движенію только вѣроятна. Такъ, въ одномъ кодексѣ 1396 года есть стихотвореніе нѣкоего *Guido Taberna*, которое обнаруживаетъ въ авторѣ сравнительно хорошее знакомство съ древней литературой[6]). *Ambrogio Bosso* написалъ въ 1399 году книгу „*О древностяхъ Милана*“[7]). Книга извѣстна только по заглавію; но авторъ далъ своему сыну гуманистическое образованіе подъ руководствомъ Валлы, что указываетъ на его симпатіи[8]). Извѣстный юристъ *Паоло Біуми* (Biumi или Bimius † 1422), занимавшій одно время каѳедру въ Падуѣ, потомъ совѣтникъ императора Сигизмунда и его намѣстникъ въ Веронѣ[9]),

---

5) *In Exhameron.* 6) *Expositio super: „Missus est angelus“* 7) *Expositio super Canticum „Magnificat“.*

1) Inter philosophos et theologos clarus... studia quoque humanitatis coluit. De vir. ill., p. 40.

2) Suppl. chron. fol. 279.

3) Ихъ отзывы приведены у Zeno, I, p. 47 и Mazz., II, 2, p. 1219.

4) Diss. Foss., I, p. 47—48.

5) Saxius, col. CCCXXXVIII—CCCXL; Argel. col. 230; Mazz. II, 2, p. 1219—20; Tiraboschi, VI, p. 962—965; Voigt, I, 509.

6) *Carmen elegiacum satis prolixum et eruditum, in quo de decimis agitur.* Argel. col. 1463.

7) *Flos florum, de antiquitatibus Midiolani.* Рукоп. у Mazz., II, 3, p. 1845—46.

8) Antonius Bossius, говоритъ Валла во второй редакціи De voluptate, Ambrossii, praestantissimi viri, filius, auditor meus. *Cod. Paris. № 6471* fol. 2.

9) Свѣдѣнія о немъ у Mazz., II, 2, p. 1293.

считался поэтомъ и ораторомъ; но изъ его произведеній извѣстны только рѣчи на разные торжественные случаи и нѣсколько стихотвореній[1]). Другой юристъ *Ambrogio Bussero* (около 1427) составилъ двѣ латинскія рѣчи, одну въ честь Мартина V, другую въ — похвалу Риму[2]). Его современникъ *Boschino d'Anghiera* писалъ латинскія письма[3]), а *Pietro Antonio Alciati* — „элегантныя" рѣчи[4]). Наконецъ, нѣкто *Ioannes de Parazo* переписывалъ сочиненія Петрарки и снабжалъ ихъ примѣчаніями[5]). Изъ переписки П. К. Дечембріо видно, что къ половинѣ XV столѣтія количество лицъ, заинтересованныхъ новымъ движеніемъ, значительно возрасло въ Миланѣ, но между ними нѣтъ ни одного крупнаго дѣятеля Возрожденія, и по понятной причинѣ: все выдающееся привлекали къ своему двору послѣдній Висконти и первый Сфорца.

Недостаточность научной разработки исторіи Возрожденія особенно ясно отражается на исторіографіи гуманистическаго движенія въ Миланѣ. Новые изслѣдователи ограничиваются незначительными, а иногда и прямо невѣрными замѣчаніями[6]) и по понятной причинѣ. Біографія и большинство произведеній такихъ гуманистовъ второго поколѣнія, какъ Уберто Дечембріо, остаются почти совершенно неизвѣстными, не говоря уже о полномъ отсутствіи монографическихъ изслѣдованій о менѣе крупныхъ дѣятеляхъ Возрожденія. То же самое можно сказать и о послѣдующихъ поколѣніяхъ. Сынъ Уберто, П. К. Дечембріо, одинъ изъ самыхъ крупныхъ гуманистовъ половины XV вѣка, оставилъ обширную переписку и цѣлый рядъ разнообразныхъ произведеній, и почти всѣ результаты его многосторонней учено-литературной дѣятельности остаются неизвѣстными[7]). Въ результатѣ получается

---

[1]) *Pauli Bimii, Orationes et poëmata ex antiquissimo ejus libro excepta nunc primum edita. Mediolani 1612.* См. Maz., l. c.

[2]) *Oratio in laudem Martini V* и *Oratio in laudem Romae.* Рукописи и нѣкоторыя свѣдѣнія объ авторѣ у Maz., II, 4, p. 2460.

[3]) Ibid. I, 2, p. 773.

[4]) Ibid. I, 1, p. 374.

[5]) Opera Fr. Petrarchae. Рукопись у Argel. col. 1041. Въ концѣ манускрипта даетъ нѣкоторыя свѣдѣнія о себѣ. Completa sunt fragmenta Petrarcae per me Ioannem de Parazo, civem Mediolani ac coadjutorem Officii Bolletarum civitatis praedictae anno 1429 etc.

[6]) См. Voigt, I, p. 503—505 Geiger, p. 159 и слѣд. Презрительное замѣчаніе Villari (N. Macchiav, l. c. p. 132) голословно и стоитъ въ противорѣчіи съ источниками.

[7]) Я имѣю въ виду позже и въ другой связи разсмотрѣть воззрѣнія и дѣятельность этого гуманиста на основаніи двухъ кодексовъ его переписки (Cod. Ambros. I. 235 inf. и кодекса Болонскаго университета), а также нѣкоторыхъ неизвѣстныхъ до сихъ поръ его произведеній.

одностороннее изложеніе мѣстныхъ вліяній на ходъ и развитіе гуманизма въ Италіи. Лучше извѣстная Флоренція изображается источникомъ и очагомъ Ренесанса, тогда какъ *слѣдовъ* гуманистическаго движенія въ Миланѣ не меньше, и этотъ фактъ съ полной ясностью констатируютъ наличные источники, несмотря на всю ихъ скудость.

XIV.

Гуманистическое движеніе въ Миланской области. — Гуманизмъ въ Павіи. — Гаспарино да Барцицца, его произведенія и біографы. — Слѣды гуманизма въ Пьяченцѣ, въ Кремонѣ, въ Пармѣ, въ Реджіо, въ Комо, въ Бергамо и другихъ городахъ Ломбардіи. — Общее замѣчаніе о гуманистическомъ движеніи въ Миланской области.

Самымъ крупнымъ центромъ гуманистическаго движенія въ Миланской области въ XV вѣкѣ была *Павіа*. Хотя среди мѣстнаго населенія, повидимому, не было гуманистовъ, но университетъ въ Павіи, благодаря стараніямъ нѣкоторыхъ Висконти, сдѣлался однимъ изъ наиболѣе раннихъ разсадниковъ новой науки[1]). Основанный при Галеаццо II въ 1361 году, университетъ пользовался особымъ покровительствомъ Джангалеаццо, который запретилъ своимъ подданнымъ учиться гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ[2]). Поселившись въ Павіи въ началѣ своего правленія, Джангалеаццо окружилъ себя учеными, многіе изъ которыхъ занимали здѣсь университетскія каѳедры. По большей части все это были представители старой науки[3]); но между ними находился и Мануилъ Хризолоръ[4]). Точно такъ же и позже мы не находимъ въ Павіи ни одного имени, сколько-нибудь извѣстнаго въ исторіи гуманистическаго движенія, не только среди юристовъ и медиковъ[5]), но даже и между грамматиками и философами. Но съ на-

---

[1]) Самыя обстоятельныя свѣдѣнія объ университетѣ въ Павіи собраны въ обширномъ изданіи *Memorie e documenti per la storia dell'università di Pavia e degli uomini più illustri che v'insegnarono. Parte I. Serie dei rettori e professori con annotazioni. Pavia 1878. Parte. II Documenti. Pavia 1877. Parte III. Epistolario. Pavia 1878.*

[2]) Привилегіи, данныя университету Карломъ IV и Бонифаціемъ IX, и грамоты Висконти въ Memorie II, p. 2 и слѣд.

[3]) Ихъ списковъ у Corio, fol. 290—291.

[4]) Онъ читалъ: въ Павіи дважды: въ 1370 году, а потомъ въ 1402—3 г. Memorie I, p. 154.

[5]) Исключеніе составляютъ Dondi, читавшій здѣсь медицину въ 1383 и 1386 годахъ (ibid. p. 100) и Ugo Benzi, читавшій философію Аристотеля въ 1399 г. и медицину въ 1425—26 и 1428—29 годахъ (Ibid. p. 104). О первомъ будетъ

чала XV вѣка длинный рядъ профессоровъ-гуманистовъ открываетъ одинъ изъ наиболѣе видныхъ дѣятелей ранняго Возрожденія — *Gasparino da Barzizza*[1]), или, какъ онъ самъ себя называлъ, Gasparinus Barzizius Bergomas (1370—1431).

Гаспарино былъ главнымъ образомъ учитель латинскаго языка и краснорѣчія и преподавалъ сначала въ Бергамо, потомъ въ Павіи, Падуѣ, Венеціи, Феррарѣ, Болоньѣ; бѣдность гоняла его изъ города въ городъ, пока, наконецъ, придя во второй разъ въ Падую, онъ устроился сносно, проживъ здѣсь около 6 лѣтъ (1412—18), но потомъ перешелъ ко двору Висконти, гдѣ и оставался до самой смерти. Стилистъ и риторъ, Гаспарино въ своихъ сочиненіяхъ заботится больше о формѣ, чѣмъ о содержаніи; онъ не чувствуетъ потребности излагать свои философскія или моральныя воззрѣнія, бороться за свои идеи, но пишетъ или ради формы, или по заказу. Тѣмъ не менѣе, его сочиненія не лишены интереса, потому что взгляды автора проявляются въ нихъ иногда и помимо его воли. Наиболѣе видное мѣсто между его произведеніями занимаютъ рѣчи, которыя напечатаны въ количествѣ 26[2]). Онѣ распадаются на три категоріи: однѣ обращены къ коронованнымъ особамъ или знатнымъ покровителямъ, другія — похоронныя и третьи произнесены на академическихъ или другихъ торжествахъ. Значительная часть рѣчей первой категоріи написана для другихъ лицъ, такъ что Гаспарино принадлежитъ только форма[3]); но и независимо отъ этого, содержаніе ихъ не представляетъ ни-

---

рѣчь ниже, о второмъ см. выше, p. 881. Нужно замѣтить однако, что наши свѣдѣнія о громадномъ большинствѣ раннихъ профессоровъ въ Павіи ограничиваются ихъ именами.

[1]) Гаспарино читалъ „логику, реторику и авторовъ“ въ 1440, а потомъ въ 1407, въ 1430—31 годахъ. Ibid. p. 154.

[2]) Они изданы вмѣстѣ съ другими сочиненіями подъ такимъ заглавіемъ: *Gasparini Barzizii Bergomatis et Guiniforti filii Opera, quorum pleraque ex Mss. codicibus nunc primum in lucem eruta recensuit ac edidit Joseph Alexander Furiettus Bergomas. Pars. I et II. Romae MDCCXXIII.* Рукописи часты. Между прочимъ въ Парижской Національной библіотекѣ Cod. № 5919—B и 7808. См. также Argel., col. 2062—64.

[3]) Таковы: 1. Oratio ad Summum Pontificem Alexandrum V, habita a Lauro Bragadeno, Patricio Veneto. Furiet. 15.

2. Ad Ferdinandum Aragoniae et Siciliae regem ab alio pronunciata. Ibid. 27.
3. Ad Jacobum regem Siciliae ab alio pronunciata. Ibid. 30.
4. Ad Summum Pontificem Martinum V ab oratoribus Papiensis Gymnasii pronunciata. Ibid. 80.
5. Ad eundem ab oratoribus Patavini Gymnasii pronunciata. Ibid. 82.
6. Ad eundem habita Mediolani. Ibid. 76.

какого интереса, такъ какъ оно исчерпывается, по большей части, льстивыми похвалами, а иногда эти рѣчи, повидимому, представляли собою только риторическое упражненіе[1]). Только два раза Гаспарино говорилъ отъ себя: просилъ увеличить жалованье для профессоровъ падуанской школы[2]) и превозносилъ добродѣтели Ф. М. Висконти[3]). Болѣе интереса представляютъ менѣе многочисленныя похоронныя рѣчи. Въ одной, произнесенной въ честь знаменитаго медика, падуанскаго профессора Джакопо да Турре, онъ, характеризуя покойнаго, говоритъ о близкихъ личныхъ съ нимъ отношеніяхъ[4]), заявляетъ глубокое благоговѣніе къ средневѣковымъ врачамъ[5]) и въ то же время на античный манеръ относитъ умершаго къ числу боговъ[6]). Рѣчь имѣетъ, кромѣ того, значеніе біографическаго источника для да Турре, потому что въ ней перечислены его сочиненія. Двѣ остальныя рѣчи скорѣе представляютъ собою epistolae consolatoriae. Въ одной, довольно безсодержательной, Гаспарино осыпаетъ адресата похвалами, чтобы утѣшить его въ потерѣ[7]); такимъ же характеромъ отличается весьма раболѣпное письмо, адресованное къ Франческо Барбавара, секретарю Ф. М. Висконти[8]).

Послѣдняя категорія рѣчей весьма разнообразна по своему содержанію; но и здѣсь большая часть написана для другого лица. Такъ, въ 1412 году при выборахъ новаго ректора въ Падуѣ Гаспарино написалъ малоинтересныя рѣчи и для выходящаго и для вновь всту-

---

1) Таковы: 7. Ad Janum Cypri regem ab alio pronunciata. Ibid. 33.
8. Ad Philippum Mariam Vicecomitem ducem Mediolani pro Veronens populo. Ibid. 59.

2) 9. Ad Fantinum Dandulum, praetorem Patavii pro Gymnasio Patavino Ibid. p. 18.

3) 10. Ad Philippum Mariam Vicecomitem. Ibid. 36.

4) 11. Oratio habita in funere Jacobi de Turre Foroliviensis ad doctores utriusque universitatis. Ibid. p. 23. Necessitudo vero, quae mihi summa erat cum illo, respectusque liberorum meorum, quos ego suis artibus formandos. atque effingendos magis ei, quam mihi ipsi genueram, incredibili aegritudinei eos ac perturbatione me afficit. Ibid.

5) Galenus vero, Avicenna et Serapio, homines in scribendo prorsus divini tanta fama voluminibus, a se editis, clarent, ut immortalitatem quandam studio assecuti videantur. Ibid. p. 24.

6) Nihil est, cur non illum in numerum Divorum relatum mihi persuadeam. Ibid. p. 25.

7) 12. Oratio ad Petrum Marcelum, Episcopum Patavinum, in morte Hieronimi fratris. Ibid. p. 85.

8) 13. Oratio ad Franciscum Barbavariam, Philippi Mariae Mediolani Ducis-Papiae, Angleriaeque Comitis ac Januae Domini a Secretis. In morte magnifici viri Zanini Riccii, ejusdem principis primi consiliarii. Ibid. 57.

пающаго[1]). Трудно сказать отъ своего имени или для другого лица написалъ онъ рѣчь на открытіе научныхъ занятій въ Миланѣ, въ которой авторъ цитируетъ цѣлую массу древнихъ писателей безъ особенной въ этомъ надобности[2]). Особенно многочисленны рѣчи, составленныя для лицъ, ищущихъ ученой степени[3]). Онѣ представляютъ тотъ интересъ, что, смотря по надобности, Гаспарино ставитъ выше всѣхъ наукъ то медицину, если рѣчь написана отъ имени врача, то право, если она составлена для юриста, при чемъ въ томъ и другомъ случаѣ приводится обстоятельная аргументація[4]). Каково мнѣніе самого Гаспарино, остается неизвѣстнымъ, потому что въ единственной рѣчи, произнесенной имъ отъ своего лица при полученіи степени однимъ юристомъ, онъ восхваляетъ докторанта, а не науку, которой онъ занимается[5]). Къ этой же категоріи относятся нѣсколько рѣчей на спеціальныя темы: три въ похвалу философіи, одна — медицины и одна въ честь св. Франциска. Отъ чьего имени восхваляетъ Гаспарино философію, сказать трудно; можно предположить, что, по крайней мѣрѣ, одна, и не самая обстоятельная, сказана имъ отъ своего лица[6]).

---

[1]) 14. Oratio pro novo rectore creando Patavinae Universitatis. Ibid. p. 20.
15. Oratio pro assumente insignia rectoratus in Gymnasio Patavino. Ib. p. 62.

[2]) 16. Oratio in instauratione studiorum Mediolani habita. Ibid. p. 73.

[3]) 17. Oratio pro accipiente insignia doctoratus. Ibid. p. 22.
18. Pro insignia doctoratus medicinae accipiente. Ibid. p. 50.
19. Pro petente insignia in Jure Canonico. Ibid. p. 64.
20. Pro Daniele Birago. In petione insignium utriusque juris. Ibid. p. 66.

[4]) Отъ имени медика онъ говоритъ: nescio an alia fit huic nostrae anteferenda, quam alii physicam, alii medicinam vocant. Сказавъ нѣсколько словъ о достоинствахъ другихъ наукъ, онъ продолжаетъ: Nulla (pace aliarum dixerim) ita hominibus opitulata est, ut vel ad omnes perveniret, vel non curandum aliquid, expoliendumve relinqueret. Leges enim non tam proborum, quam improborum causa primum a conditoribus urbium inventae, de hinc a principibus traditae fuerunt. Caeterae vero, quas dixi, ita a natura constitutae sunt, ut vel ad formanda ingenia, vel ad fortunas hominum conservandas atque augendas repertae videantur; haec vero nostra sive sapientia, sive facultas quaedam, sive scientia non solum corporibus, sed multo magis ipsis animis auxilium pollicetur. Ibid. p. 51—52. Послѣднее утвержденіе остается безъ всякихъ доказательствъ. Въ рѣчи юриста о правѣ говорится: Quid enim est, quod dignius possita regibus atque civitatibus tractari? Quid est, quod studiis humanitatis propius accedat? Nam si recte judicare volumus, hanc unam omnium artium non solum dignissimam, sed etiam principem constituemus etc. Ibid. p. 67.

[5]) 21. Oratio in tradendis insignibus Juris civilis Lucae Bondelmonti Florentino. Ibid. p. 69.

[6]) Автобіографическій намекъ можно видѣть въ слѣдующемъ мѣстѣ: accedebat etiam, quod iis eram et rerum et temporum angustiis adstrictus, ut nullum mihi suppeditaretur otium etc. p. 53.

Что касается до содержанія, то въ первой и самой обстоятельной доказывается необходимость философіи для всякой науки и жизни и ея превосходство надъ другими областями знанія[1]). Двѣ другія рѣчи на эту тему представляютъ собою только сокращеніе первой[2]). Но восхваляя философію, Гаспарино снова доказываетъ въ рѣчи, посвященной медицинѣ, что „эта наука или искусство" занимаетъ первое мѣсто среди наукъ[3]). По всей вѣроятности, эта рѣчь написана по заказу. То же самое можно съ достовѣрностью сказать о похвальномъ словѣ св. Франциску, потому что оно вложено въ уста монаху его ордена[4]) и доказываетъ одновременно и широкое распространеніе гуманистической моды и готовность гуманистовъ исполнять всякіе заказы. Рѣчи Гаспарино заканчиваются его характернымъ прошеніемъ Ф. М. Висконти[5]) о допущеніи сына Гвинифорте въ Павіанскую коллегію докторовъ медицины и artis. Гвинифорте, какъ видно изъ прошенія, научился у отца латинскому, греческому и отчасти еврейскому языкамъ, окончилъ блестяще курсъ въ Павіи; но законъ запрещалъ ему вступить въ ученую коллегію, потому что онъ не достигъ еще 20-лѣтняго возраста, и Гаспарино нѣсколько притязательно проситъ Висконти создать новый законъ для этого случая[6]).

Другой отдѣлъ произведеній Гаспарино составляетъ переписка[7]). Его письма носятъ дѣловой и преимущественно личный характеръ. Гаспарино не трактуетъ въ нихъ объ отвлеченныхъ вопросахъ, не проповѣдуетъ моральныхъ или философскихъ ученій. Онъ сообщаетъ родителямъ своихъ учениковъ объ успѣхахъ ихъ дѣтей, знакомитъ между собою лицъ, интересующихся древней литературой, а главнымъ образомъ говоритъ о своихъ личныхъ дѣлахъ, и бѣднякъ-учитель, котораго судьба гоняетъ изъ стороны въ сторону за кускомъ хлѣба и любимая семья мѣшаетъ заняться любимой наукой, выступаетъ въ перепискѣ во весь ростъ. „Семейное бремя слишкомъ тяжело, чтобы

---

[1]) 22. Oratio de laudibus philosophiae. Ibid. p. 40.

[2]) 23. „ de laudibus philosophiae. Habita Patavii. Ibid. p. 53.
24. Idem — Ibid. p. 55.

[3]) 25. Oratio de laudibus medicinae. Ibid. p. 74.

[4]) 26. De laudibus beati Francisci ab alio pronunciata. Ibid. p. 45.

[5]) Philippo Mariae Vicecomiti, Mediolani Duci Supplex libellus. Ibid. p. 88.

[6]) Quod si minus hoc eorum leges potiuntur; novum jus in re nova more majorum per vestram Serenitatem constituatur. Ibid. p. 89.

[7]) *Gasparini Barzizii Bergomatis Epistolae familiares.* У Фуріетта, p. 91 и слѣд. Напечатанныя здѣсь 108 писемъ относятся къ эпохѣ 1410—29 годовъ; но это далеко не все. Рукописи весьма многочисленны. Такъ въ одномъ Парижѣ письма Барцицци содержатъ слѣдующіе кодексы: 5919 B. 8633 (лучшій) 8634, 8635, 8636, 15083, 16594.

я могъ выносить его"[1]), часто повторяетъ онъ въ своихъ письмахъ, но тѣмъ не менѣе относится къ семьѣ съ большой любовью, подозрѣваетъ въ дѣтяхъ геніальныя способности[2]). Науку онъ любитъ и собираетъ книги; но семейная обуза заставляла продавать библіотеку[3]), и недостатокъ въ средствахъ — выпрашивать чужія книги[4]). „Представь себѣ человѣка, — пишетъ онъ одному другу, убѣждавшему его поменьше работать, — который хочетъ быть хорошимъ художникомъ, но крайне бѣднаго, такъ что у него нѣтъ необходимыхъ для его дѣла инструментовъ, какую пользу принесетъ ему тогда его искусство?"[5]) При такомъ положеніи дѣла Гаспарино выработалъ себѣ правило подчиняться обстоятельствамъ[6]), не вдавался въ философскіе вопросы и оставался только учителемъ латинской рѣчи.

Но какъ не мало времени и книгъ было въ распоряженіи Гаспарино, онъ успѣлъ написать нѣсколько сочиненій, большинство которыхъ стояло въ связи съ его преподавательскою дѣятельностью. Сюда относится *Этимологія латинская*[7]), *Орѳографія* наиболѣе употребительныхъ латинскихъ словъ[8]), О расположеніи словъ[9]), Латинскій письмовникъ[10]), Трактатъ о двугласныхъ[11]), Способъ разстановки знаковъ препинанія, — опредѣленіе и описаніе знаковъ и краткое указаніе, какъ ихъ писать и гдѣ ставить[12]) и *Правила риторики*[13]). Кромѣ того онъ составлялъ комментаріи на письма Цицерона и на

---

[1]) Ibid. p. 115 и passim.

[2]) Такъ, о семилѣтнемъ Гвинифорте, онъ говоритъ: puer ille divini ingenii Guinifortus meus. Ibid. p. 161.

[3]) Aliud non restabat, пишетъ онъ, nisi ut, sicut libros, quos aeris alieni causa, quod magnum contraxeram, proferebam emptoribus, etiam non cupidis; ita et libros, quos multos habeo, creditoribus in solutum traderem, quamquam in tanta fame hoc a me periculum aberat. Tandem Patavium cum meis redii, libris imminutis et familia aucta. Ibid. p. 157—158.

[4]) Ibid. p. 205, 209, 212 и passim.

[5]) Ibid. p. 182.

[6]) Въ одномъ письмѣ онъ ставитъ девизомъ своихъ дѣйствій — tempori aptari decere (Ibid. p. 142); въ другомъ — изрѣченіе изъ Теренція: Si id non poteram assequi, quod volebam, id saltem velle, quod poteram. Ibid. p. 144.

[7]) *Ethimologia vocum latinarum. Brixiae per Damianum Turlinum. 1563.*

[8]) *Ortographia.* In Sorbonae Aedibus безъ года; потомъ Veneziis 1554.

[9]) *De compositione, prima elocutionis parte.* У Furiettus'a, p. 1.

[10]) *Epistolae ad exercitationem accomodatae.* Ibid. p. 220.

[11]) *Tractatus de Diphtongis.* Рукопись въ Парижѣ № 7553.

[12]) *Liber de arte punctandi.* Ibid. Cod. 8731. Другое заглавіе *De modo punctandi.* Ibid. Cod. 7533.

[13]) *Praecepta rhetoricae.* Ibid. Cod. 6357, 7718 A. 8413. Въ Вѣнской рукописи другое заглавіе Rhetorica cum scholiis (Cod. № 3193).

его сочиненія: Объ ораторѣ, О старости и Объ обязанностяхъ[1]), и издалъ примѣчанія на письмо Сенеки къ ап. Павлу[2]). Но грамматическія и стилистическія сочиненія Гиспарино представляютъ интересъ только для исторіи классической филологіи, а его комментаріи остаются отчасти неизданными, отчасти еще и неотысканными.

Несмотря на многочисленные труды для латинской грамматики, стилистики и риторики, игравшихъ такую роль въ гуманистическомъ движеніи, несмотря на составленіе перваго критическаго изданія сочиненія Цицерона De Oratore[3]), Гаспарино не пользовался большой

---

[1]) См. Furiettus, p. XIII и Epistol. p. 136.

[2]) Ibid. p. 136. Кромѣ того Mazzuchelli называетъ еще слѣдующія его сочиненія:

1. *Exempla exordiorum.* Padua 1483. Въ Вѣнскомъ кодексѣ оно озаглавлено: Exordia oratoria super rhetoricam novam. Cod. № 3164. Въ рукописяхъ:
2. *Epitome Titi Livii.*
3. *Ad Alexandrum V gratulatoria Carmina.*
4. *Practica Oratoris seu de tribus elocutionis partibus.* Argel. (col. 2063) считаетъ Practica oratoris и De elocutione отдѣльными сочиненіями.
5. *De nominibus Magistratuum Romanorum libellus.*
6. *De morte Tractatus.*

Orationes:

7. *De laudibus Praetoris urbani in suo discessu.*
8. *In funere Martiani Terdomensis Consiliarii* (отъ другого лица).
9. *Consolatoria ex tempore habita ad Abbatem S. Ambrosii Mediolanensis in funere habita.*
10. *Pro Unirersitate Gymnasii Papiensis. Ad Martinum V.*
11. *In discessu Rectoris a Magistratu.*
12. *In tradendis insignibus Medicinae.*
13. *In funere Stephani Ritii.*
14. *Sermo, quem protulit Generalis fratrum Humiliatorum in suo publico Conventu.*
15. *In comteplatione Magistri Baptistae de Viterbio in principio Artium.*
16. *In principio Rhetoricae Tullii.*
17. *In principio disputationis.*
18. *In nuptiis Augustini Vicecomitis.* Mazz., II, 1, p. 501—503, тамъ же указаны и рукописи. Argelati называетъ еще *Vocabularium de rebus divinis, de elementaribus, de volatilibus, de aquaticis, de terestribus, de sylvis et arboribus, de aedificiis rusticis de supelectile et vasis domesticis secundum ordinem partium domus, de homine et partibus ejus, de ornamentis et vestibus, de armis. Venetiis. 1524.* Рукопись въ Ambrosiana (l. c. col. 2063).

[3]) Это прямо утверждаетъ Форести: inventus Ciceronis codex pervetustus ad ejus manus perveniens interitum omnino evasit. In quo quidem libro erant tres ipsius civitates (?) libri videlicet De Oratore deperditi. Quos ipse tamquam

извѣстностью среди гуманистовъ. Причину этого весьма характернаго факта слѣдуетъ искать въ безсодержательности его собственныхъ произведеній. Одной формы было не достаточно для популярности, а Гаспарино не шелъ дальше формы. Поэтому только въ Венеціи находилъ онъ особенныхъ почитателей, а прочіе гуманисты относились къ нему холодно: Бистиччи не внесъ его въ число своихъ знаменитостей; а Б. Фаціо и Кортезе отмѣчаютъ формальное совершенство и малую содержательность его произведеній[1]). Изъ писателей, близкихъ по времени къ Гаспарино, одинъ Форести оставилъ ему панегирикъ въ своей хроникѣ. Землякъ Гаспарино, мало понимавшій духъ Возрожденія, Форести, считаетъ его возстановителемъ латинской рѣчи и главнымъ виновникомъ латинскаго краснорѣчія въ Италіи, которое онъ создалъ впрочемъ изданіемъ книги Цицерона[2]). Перваго біографа Гаспарино нашелъ въ кардиналѣ Фуріетто, который въ 1723 году издалъ его сочиненія[3]). Это сжатый, но довольно полный перечень внѣшнихъ фактовъ жизни Гаспарино, составленный главнымъ образомъ по его письмамъ. Маццукелли значительно дополнилъ эти извѣстія и, что особенно важно, далъ самый полный до сихъ поръ списокъ его сочиненій[4]). Тирабоски пересказалъ оба очерка, прибавивъ нѣсколько критическихъ замѣчаній относительно показаній Фуріетто[5]). На Маццукелли и Фуріетто основывается и Фогтъ въ той части своей книги, гдѣ изложена біографія Барциццa[6]). Но онъ выясняетъ заслуги Гаспарино и его мѣсто въ исторіи Возрожденія. Прежде всего, онъ училъ совершенно новой системѣ эпистолографіи, которую онъ заимствовалъ у Цицерона. У него нѣтъ длинныхъ разсужденій,

---

divini ingenii vir multos labore oblitteratos supplevit. Et cum nullos Mediolani reperiretur, qui ejus codicis litteram legere sciret, ipse emendatum propria manu transcribere voluit. Suppl. chron. подъ 1416 г. fol. 274. Biondo, наоборотъ утверждаетъ, что кодексъ впервые переписалъ въ Миланѣ нѣкто Cosimo изъ Кремоны. См. Tiraboschi, VI, p. 164 и Voigt, I, p. 247.

[1]) По словамъ Фаціо, онъ lingua tamen et sermone, quam scriptis clarior. (De vir. ill. p. 28). Кортезе говоритъ: erat is diligentissimus, ac prope perfectus grammaticus sed ipso orationis genere exilis et tristis, nimia enim cura attenuabat orationem. De homin. doctis. У Galletti, p. 229.

[2]) Latinas litteras semimortuas primus omnium quase ab inferis resuscitavit, — и далѣе Quo adjumento (изданіемъ Цицерона) factum est, ut illa dicendi copia et elegantia, quae ad nostram pervenit aetatem ab isto nostro concive Gasparino emanasse dicatur. Suppl. chron l. c.

[3]) Біографія напечатана въ Opera Гаспарино.

[4]) Gli scrittori, II, 1, p. 498–503.

[5]) Storia, VI, p. 1351—1356.

[6]) Die Wiederbelebung, I, p. 223 и слѣд. и 510 и слѣд.

какъ у Петрарки: нужно писать живо, какъ говоришь[1]). Но это нововведеніе имѣло и свою дурную сторону. „Школа цицероніанизма, говоритъ Фогтъ, основателемъ которой долженъ считаться Гаспарино, хотя часто приводила къ разжиженію (Verwässerung) литературы, но пріобрѣла высокую заслугу за очищеніе формы". „Едва ли можно найти переписку, болѣе незначительную, чѣмъ его: она вращается въ тѣсныхъ отношеніяхъ университетскаго ученаго и въ маленькомъ кругѣ друзей"[2]). Было бы въ высшей степени интересно на фактахъ прослѣдить, какое вліяніе оказалъ Письмовникъ Гаспарино на гуманистическую переписку; но этой работы еще не сдѣлано и теперь ее нельзя еще сдѣлать, такъ какъ большая часть писемъ остаются неизданными. Слѣдуетъ замѣтить только, что Письмовникъ появился уже при полномъ развитіи эпистолографіи и его вліяніе совсѣмъ не чувствуется по крайней мѣрѣ на современникахъ Гаспарино. Что касается до содержанія его личной переписки, то оно едва ли обусловливалось вліяніемъ Цицерона. Гаспарино не излагаетъ въ нихъ никакихъ отвлченныхъ теорій, потому что онѣ мало его занимали, какъ это видно по другимъ его сочиненіямъ. О латинскихъ кодексахъ, которые его очень интересовали, говорится въ перепискѣ весьма часто[3]). Съ другой стороны дѣловой характеръ переписки вполнѣ объясняется тяжелымъ матеріальнымъ положеніемъ Гаспарино. Кромѣ того, и самую характеристику его переписки, можетъ быть, придется значительно измѣнить, когда будутъ изданы всѣ его письма, такъ какъ до сихъ поръ извѣстно сравнительно небольшое ихъ количество[4]). О заслугахъ Гаспарино въ латинской грамматикѣ, стилистикѣ и риторикѣ Фогтъ не говоритъ, такъ какъ относящіяся сюда его произведенія извѣстны только по заглавію[5]). Гаспарино былъ только піонеромъ гуманизма въ Павійскомъ университетѣ: къ половинѣ XV столѣтія здѣсь почти одновременно преподавали его сынъ Гви-

---

[1]) Ibid. p. 224.

[2]) Ibid. I, p. 511 и II, 429.

[3]) См., напр., Opera, p. 205, 209, 212 и passim.

[4]) *R. Sabadini*, издалъ въ извлеченіи еще нѣсколько писемъ и рѣчей Гаспарино (*Lettere e orationi edite e inedite di Gasparino Barzizza*. Въ Arch. stor. lomb. 1886). Его статья мнѣ извѣстна только по рецензіямъ, а брошюра того же автора, *Studi di Gasparino Barzizza su Quintiliano e Cicerone*, только по заглавію.

[5]) По поводу Praecepta rhetoricae Voigt дѣлаетъ замѣчаніе, съ которымъ нельзя согласиться: Nach der geringen Zahl der Handschriften scheint es nicht, dasz sein Buch viel studirt wurde. (II, p. 448). Автору осталось неизвѣстнымъ, что въ одномъ только Парижѣ есть 3 кодекса этого сочиненія. См. выше, p. 910, пр. 13. Замѣчанія о Гаспарино Гейгера (Renaissance und Humanismus, p. 165—166) не представляютъ ничего новаго.

нифорте и болѣе крупныя знаменитости, какъ Веджіо, Беккаделли и Валла.

Въ *Пьяченцѣ* слѣды гуманистическаго движенія замѣтны еще во времена Петрарки. Мѣстный священникъ *Лука Кристіано*, одинъ изъ ближайшихъ друзей перваго гуманиста, хотя у насъ нѣтъ почти никакихъ свѣдѣній о его жизни и дѣятельности[1]). Другой адресатъ Петрарки изъ Пьяченцы, грамматикъ *Donino* несомнѣнно принадлежалъ къ новому направленію. Въ одномъ изъ двухъ адресованныхъ ему писемъ первый гуманистъ прямо говоритъ объ этомъ, убѣждая грамматика не падать духомъ отъ того, что новыя занятія не приносятъ матеріальной выгоды[2]). Въ перепискѣ съ Петраркой находился дворянинъ изъ Пьяченцы, поэтъ *Lancellotto Anguissola*. Ему несправедливо приписывали рѣзкую критику произведеній перваго гуманиста, котораго онъ высоко цѣнилъ и упрашивалъ поскорѣй издать Африку[3]). Братъ Ланселлотто *Бернардино*, губернаторъ Комо, былъ однимъ изъ наиболѣе близкихъ друзей Петрарки, который отмѣтилъ его смерть на поляхъ своего Виргилія, куда онъ заносилъ самыя тяжелыя утраты[4]). Позже исчезаютъ всякія слѣды новаго движенія въ Пьяченцѣ: мѣстный университетъ и городъ приходятъ въ упадокъ. Во второй половинѣ XV вѣка появляются дѣятели въ новомъ духѣ изъ уроженцевъ Пьяченцы, но они живутъ за предѣлами родного города, преимущественно въ Миланѣ[5]).

Еще скуднѣе наши свѣдѣнія о гуманистическомъ движеніи въ *Кремонѣ*. Маццукелли приводитъ изъ третьихъ рукъ извѣстіе о нѣкоемъ *Valeriano Anguisciola*, который въ 1364 году публично преподавалъ риторику въ родномъ городѣ и оставилъ трактатъ по своей спеціальности[6]). Такимъ же характеромъ отличается его извѣстіе

---

[1]) Ему адресованы Epist. famil. IX, 6, 7, 14 и XIV, 3 и 4. Нѣкоторыя свѣдѣнія о немъ собраны у Фракассетти, Lett. famil. II, p. 305 и слѣд.

[2]) Epist. senil. XVI, 6 и 7. Свѣдѣній о Donino не имѣется. (См. Tiraboschi, V, p. 847; Fracass. Lett. senil. II, p. 501). Можетъ быть, этотъ Donino da Parma, который позже читалъ лекціи въ Павіи. См: Memorie, l. c.

[3]) См. Epist. famil. VII, 18 и Poët., II, 13. Незначительныя свѣдѣнія о немъ у Tiraboschi, V, p. 770—771.

[4]) Dominus Bernardinus de Angossolis de Placentia, miles egregius et unicus de raris et singularibus amicis meis, obiit 1359.

[5]) Таковъ поэтъ Cornazzani (Tirab., VI, 1134) и Paveri (ib. p. 1391), ученикъ Филельфо и учитель въ Миланѣ. Изъ Пьяченцы родомъ и Л. Валла, но онъ ничѣмъ не былъ обязанъ родному городу. *Firmin-Dido (Alde-Manuce et l'hellénisme à Venise. Paris 1875)* упоминаетъ нѣкоего *Pietro di Bracco* изъ Пьяченцы, который переводилъ Демосѳена и Лукіана (p. 29).

[6]) *Regilae ad humaniores litteras addiscendas*. Mazz., I, 2, p. 796.

о латинскомъ поэтѣ изъ Кремоны *Leonando Asellio* († 1398), произведеніе котораго извѣстно только по заглавію[1]). По словамъ Фирмэнъ-Дидо, *Rinaldo Rersichelli* изъ Кремоны († 1370) перевелъ Пиндара[2]). Позже къ половинѣ XV вѣка появляется нѣсколько гуманистовъ изъ Кремоны; но они живутъ, по большей части въ Миланѣ или вообще за предѣлами родного города[3]).

Парма вошла въ составъ владѣній Висконти позже Пьяченцы и Кремоны. Въ первой половинѣ XIV вѣка она то переходила изъ рукъ въ руки, то подчинялась своимъ тираннамъ. Одинъ изъ нихъ, *Azzo da Correggio,* въ 1344 году продалъ Парму д'Эсте, который въ 1346 году перепродалъ ее за свою цѣну Висконти[4]). Но, несмотря на смутныя времена, слѣды гуманистическаго движенія обнаруживаются тамъ уже во времена Петрарки. Самъ Аццо, одинъ изъ самыхъ безсовѣстныхъ тиранновъ своего времени[5]), близкій другъ перваго гуманиста, съ интересомъ относится къ его занятіямъ, какъ это видно изъ посвященія De remediis[6]). Были у Петрарки и другія друзья въ Пармѣ, какъ два гуманистическихъ поэта *Modio* (Modio o Moggio de'Moggi) и *Габріо Дзамори* (Gabrio o Gabriello Zamori o Zamoreo). Единственное извѣстное поэтическое произведеніе — перваго изъ нихъ — элегія, посвященная канцлеру Галеаццо Висконти[7]), не представляетъ интереса. Гораздо характернѣе его письма къ Петраркѣ и венеціанскому канцлеру Бенинтенди, въ которыхъ онъ говоритъ о своихъ недостигнутыхъ стремленіяхъ и обманутыхъ надеждахъ[8]).

---

[1]) *Jovis transformationes et de victoriis contra Turcos.* Mazz. Ibid. p. 1161.

[2]) L. c.

[3]) Таковъ, напр., Antonio da Cremona, находившійся въ перепискѣ почти со всѣми крупными гуманистами четвертой генераціи и стоявшій особенно близко къ Беккаделли (Argel'. col. 497). Нѣсколько другихъ кремонскихъ уроженцевъ встрѣчается въ перепискѣ П. К. Дечембріо. Въ родномъ городѣ жилъ поэтъ *Filippo Maria Birago* († 1456), писавшій *Carmina graeca, latina et italica* и оставившій трактатъ *De virtutibus moralibus.* (Mazz., II, 2, p. 1255).

[4]) Leo, III, p. 292—294.

[5]) Свѣдѣнія о немъ у Fracas. Lett. famil. I, p. 525.

[6]) Natura te variae lectionis multiplicisque noticiae avidum fecerat Fortuna... ut legendi ocium, sic noscendi desiderium eripuit etc. De Remediis. Epistolaris praefatio. Адресованныя ему Epist. var. 21 и 28 трактуютъ о личныхъ дѣлахъ. Петрарка писалъ также (var. 16) и его сыновьямъ Гиберто и Людовико, о направленіи и интересахъ которыхъ мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній

[7]) Она напечатана у Lazari. Miscellaneorum ex mss. libris biblioth. Collegii Romani Societatis Jesu. Roma 1574. T. I, p. 107.

[8]) Въ старыхъ изданіяхъ переписки Петрарки.

Модіо угнетала главнымъ образомъ зависимость отъ Аццо ди Корреджіо, дѣтей котораго онъ училъ; отсюда элегическій характеръ его поэзіи и переписки. Другой поэтъ Габріо былъ юристъ, не пользовавшійся однако извѣстностью[1]). Mehus напечаталъ два его произведенія: стихотворное посланіе къ Петраркѣ, на которое тотъ отвѣтилъ такимъ же[2]), и эпитафію на гробницу Джіовани Висконти[3]); но ни одно изъ нихъ, не представляетъ интереса[4]). О другихъ его произведеніяхъ нѣтъ никакихъ извѣстій. Точно такъ же почти никакихъ свѣдѣній не имѣется объ учителѣ грамматики въ Пармѣ *Джильберто Байарди*, которому Петрарка адресовалъ письмо педагогическаго содержанія[5]). Но заключающіяся въ этомъ письмѣ похвалы адресату и просьба взять на воспитаніе сына говорятъ за то, что Байарди не былъ чуждъ симпатій перваго гуманиста.

Переписка Петрарки — единственный источникъ нашихъ свѣдѣній о пармскомъ гуманизмѣ. Позже мы не знаемъ ни одного гуманиста изъ этого города до второй половины XV вѣка, когда отсюда вышелъ Базиніо и нѣсколько менѣе извѣстныхъ поэтовъ.

Въ сосѣднемъ *Реджіо* гуманистическое движеніе началось, повидимому, поздно и никогда не было значительно. Въ занимающую насъ эпоху здѣсь не замѣтно ни одного гуманиста, хотя много юристовъ и медиковъ; около половины XV вѣка здѣсь появился одинъ изъ наиболѣе раннихъ собирателей античныхъ надписей монахъ Феррарини[6]) и нѣсколько гуманистическихъ поэтовъ, которые жили однако за предѣлами родины[7]). Такъ же слабо было гуманистическое движеніе въ *Комо*. Изъ одного письма Петрарки видно, что какой-то монахъ *Matteo* усердно учился тамъ подъ руководствомъ перваго гуманиста[8]), который не нашелъ болѣе ни одного послѣдователя въ этомъ городѣ.

---

[1]) Erat enim non tam prudens legum, quam rei diligens poeticae, говоритъ Mehus. Vita Ambros., p. CCII.

[2]) Epist. Poëtic. II, 9.

[3]) Mehus, p. CC—CCII.

[4]) In te conspicio veteres, обращается онъ къ Петраркѣ и этимъ показываетъ, что онъ особенно цѣнилъ въ пѣвцѣ Лауры.

[5]) Epist. famil. VII, 17. О Giovanni da Parma, которому адресованы два письма Петрарки (var. 50 и 61), нѣтъ никакихъ свѣдѣній. Наиболѣе подробныя свѣдѣнія объ отношеніи Петрарки къ пармскимъ ученымъ собраны въ книгѣ *Campanini, Note storiche e litterarie. Reggio 1883.*

[6]) Tiraboschi, VI, p. 274 и слѣд.

[7]) Таковъ коронованный въ Пармѣ переводчикъ Энеиды *Cambiatore* (l. c. p. 1110) и профессоръ въ Феррарѣ поэтъ Riva. (Ibid. p. 1235).

[8]) Epist. famil. XVII, 8.

Въ *Бергамо,* гдѣ скромный ювелиръ устроилъ царскій пріемъ Петраркѣ, было и еще нѣсколько лицъ, сочувствовавшихъ новому движенію. Къ нимъ, по всей вѣроятности, принадлежалъ другъ Петрарки архидіаконъ *Маттео Лонго,* хотя адресованныя къ нему письма и ничего не говорятъ о его настроеніи[1]). Усерднымъ собирателемъ латинскихъ кодексовъ и преимущественно сочиненій Цицерона былъ грамматикъ *Крото.* Изъ двухъ, адресованныхъ къ нему писемъ Петрарки, которыя составляютъ единственный источникъ скудныхъ свѣдѣній о Крото, видно, что его интересъ къ древности совершенно самостоятельнаго происхожденія. Петрарка *по слухамъ* узналъ о собирателѣ[2]), получилъ отъ него Тускуланскія бесѣды, и это сходство самостоятельно возникшихъ интересовъ послужило причиною ихъ дружбы[3]). Такимъ образомъ Крото является однимъ изъ раннихъ представителей собиранія древнихъ манускриптовъ, составлявшаго одинъ и наиболѣе характерныхъ внѣшнихъ признаковъ новаго движенія[4]). Нѣсколько позже въ Бергамо началъ свою дѣятельность Гаспарино да Барцицца и, можетъ быть, къ числу его учениковъ принадлежали нѣкоторые позднѣйшіе гуманисты, съ которыми знакомитъ насъ переписка П. К. Дечембріо[5]).

Въ Брешіи слабые слѣды гуманистическаго движенія замѣчаются только къ половинѣ XV вѣка[6]), хотя еще въ XIV столѣтіи здѣсь жилъ нѣкто *Andrea de Ochis,* страстный библіоманъ, потратившій все состояніе на книги и составившій огромную библіотеку[7]). Но новая наука прививалась здѣсь, повидимому, туго. Въ началѣ XV вѣка

---

[1]) Epist. famil. XII, 7 и senil. XIII, 7.

[2]) Fama loquitur, пишетъ Петрарка, Ciceronem inter omnes nunc Italos familiarem tibi atque hospitem fore et penes te permultos eosdemque perraros illius ingenii libros esse. Epist. fam. XVIII, 14.

[3]) Tu mihi eum (Ciceronem) nunc ad unguem correctum et aliis tullianis monimentis, insuper et amicissimis ac lepidissimis tuis litteris comitatum direxisti. Gratias ago et institutae tecum *nuper* amicitiae quodam jure obsecro etc. Ibid. XVIII, 15.

[4]) Въ Бергамо былъ еще одинъ адресатъ у Петрарки нѣкто *Giovanni da Bergamo* (fam. XXIII, 11), котораго первый гуманистъ отговариваетъ отъ путешествія въ Святую Землю. Повидимому, это тотъ самый *Giovanni di Mandello,* которому посвященъ Сирійскій путеводитель (см. выше, p. 262). О Mandello см. Kirner, Sulle opere storiche del P., p. 42—3.

[5]) Таковы Antonio Occa и Antonio Pessina, которые жили однако внѣ Бергамо. Одного мѣстнаго оратора изъ старинной бергамской фамиліи *Leonino Brembati* (около 1450 года) называетъ Mazz., l. c., II, 4, p. 2048.

[6]) Къ 1416 году относится латинская поэма нѣкоего *Bartolomeo Baiguera, Laudes comitis Boncii, potestatis Brixiae.* См. Mazz., II, 1, p. 70.

[7]) Tiraboschi, V, p. 152.

въ Брешіи жилъ національный поэтъ, другъ Саккетти[1]); тогда же мѣстный монахъ воспѣлъ въ латинскихъ стихахъ Катерину Сіенскую[2]). Къ половинѣ столѣтія появляются здѣсь латинскіе ораторы[3]), но учителямъ въ новомъ духѣ живется еще плохо[4]). Только къ концу XV вѣка мы находимъ въ Брешіи знатоковъ древней литературы[5]), хотя мѣстные историки продолжаютъ раздѣлять недостатки средневѣковыхъ лѣтописцевъ[6]).

Слѣды гуманистическаго движенія замѣчаются и во второстепенныхъ городахъ; только здѣсь оно обыкновенно появляется позже. Такъ, *Пьетро Леоне* изъ *Верчелли* въ половинѣ XV вѣка былъ профессоромъ въ Миланѣ[7]). Въ *Асти* въ это же время поэтъ *Antonio Astesano* написалъ латинскими стихами исторію своей родины[8]). Нѣсколько позже другой поэтъ изъ этого города, *Lodovico Bruni*, воспѣвалъ въ латинскихъ стихахъ императора Максимиліана и былъ удостоенъ коронованія[9]). Въ *Новарѣ*, къ жителямъ которой Петрарка держалъ торжественную рѣчь[10]), потребности въ новой наукѣ уже настолько сильны въ началѣ XV вѣка, что тамъ находитъ выгоду преподавать педагогъ новой школы, миланскій гуманистъ *Petrus De Valvassoribus* (умеръ около 1436 года). Судя по заглавіямъ его сочиненій, это былъ разносторонній писатель[11]), пользовавшійся большимъ уваженіемъ у своихъ единомышленниковъ, потому что ему посвящали стихотворенія Уберто Дечембріо и Филельфо[12]).

Скудость наличныхъ источниковъ и отсутствіе монографическихъ изслѣдованій не даютъ возможность сдѣлать какіе-либо точные вы-

---

1) Ottolino da Brescia. См. Mazz., II, 4, p. 2066.

2) Pietro da Brescia. Ibid.

3) Agovardo. Ibid. I, 2, p. 1264.

4) Такъ поселившійся здѣсь миланецъ Gabriel Concorigius, ludimagister, упрашиваетъ въ 1452 году Фр. Барбаро найти ему мѣсто въ Венеціи, потому что въ Брешіи живется очень плохо. См. Quirini, Diatriba, p. 97 и слѣд.

5) Напр. Pilade, Britannico и др. См. Tiraboschi, VI, p. 1439 и слѣд.

6) Таковъ, напр., Da Soldo. Ibid. p. 960.

7) Tiraboschi, VI, p. 1476.

8) Mazz., I, 2, p. 1184.

9) Tirab. VI, p. 1305.

10) См. выше, p. 235.

11) Argelati по рукописямъ Амброзіаны приводитъ заглавія слѣдующихъ его сочиненій: 1) *Carmina variae latina atque italica ad Comitem Facinum, Ducalem Novariae Commissarium.* 2) *Epistolae plures latinae ad eundem.* 3) *Aliae ad anonymos tam Mediolanenses, quam Novarienses italico et latino sermone varia quoque grammaticalia argumenta continentes.* 4) *Sermones matrimoniales.* (l. c. col. 1568).

12) Argel, ibid.

воды относительно гуманистическаго движенія въ Миланской области. Можетъ быть, даже благодаря этому, получается не вѣрная картина самаго движенія. Почему, напр., въ Пьяченцѣ, Парнѣ, Бергамо оно начинается весьма рано, а позже какъ-будто глохнетъ, тогда какъ въ Брешіи только въ XV вѣкѣ замѣчаются его слѣды? Весьма возможно, что въ дѣйствительности было иначе: наши свѣдѣнія почти вполнѣ исчерпываются перепиской Петрарки, которая доходитъ только до послѣдней четверти XIV столѣтія. Поэтому вполнѣ правдоподобно, что позже исчезаетъ не гуманизмъ, а наши свѣдѣнія о немъ. Тѣмъ не менѣе переписка перваго гуманиста констатируетъ весьма цѣнный фактъ: гуманистическое движеніе началось въ болѣе важныхъ городахъ Ломбардіи еще въ XIV столѣтіи, не позже, чѣмъ и въ другихъ пунктахъ Италіи.

XV.

Гуманистическое движеніе въ тиранніяхъ сѣверной и средней Италіи. — Верона. — Гуманистическое движеніе при Скалигерахъ. — Гуарино да Верона; его произведенія и біографы. — Гуманисты въ Виченцѣ.

Исторія ломбардскихъ тираній въ XIV и въ началѣ XV вѣка представляемъ нѣкоторую аналогію съ судьбами тосканскихъ республикъ: онѣ приходятъ въ упадокъ по мѣрѣ усиленія Милана и Венеціи. Такъ, веронскіе Скалигеры достигаютъ апогея своего могущества при Can Grande I (1312—1329) и въ началѣ правленія его преемника Мастино II (1329—1351), которому, кромѣ Вероны, принадлежали Виченца, Бассано, Тревизо, Фельтре, Беллуно, Падуя, Брешіа, Парма, Реджіо и Лукка. Но лига, въ составъ которой вошли Венеція, Флоренція, Миланъ, Феррара и Мантуя, лишила Мастино II почти всѣхъ его владѣній[1]). Съ его смертью домъ Скалигеровъ быстро приходитъ въ упадокъ. Преемники Мастино унаслѣдовали отъ своихъ предшественниковъ только пороки, и между членами выродившейся фамиліи происходитъ непрерывная вражда, при чемъ рѣдкій изъ нихъ умираетъ естественной смертью[2]). Въ силу этого Верона сдѣлалась легкою добычею сосѣдей, и въ 1387 году ею овладѣлъ Conte de Virtù. Въ 1404 году, когда въ Миланѣ начались смуты со смертію Джангалеаццо, Скалигеры захватили было Верону съ

---

[1]) Leo, III, p. 72 и слѣд.

[2]) См. генеалогическую таблицу Скалигеровъ у Sismondi, V, p. 253.

помощію падуанскаго тиранна; но они слишкомъ поторопились измѣнить своему покровителю; поэтому Верона въ томъ же году захвачена была Франческо да Каррара, а въ слѣдующемъ подчинилась Венеціи[1]).

Судьбы Скалигеровъ сложились весьма неблагопріятно для гуманистическаго движенія: меценаты изъ этой фамиліи, какъ Кане I, появились раньше гуманистовъ, а съ развитіемъ гуманизма фамилія уже выродилась, и покровительство просвѣщенію болѣе не входитъ въ ея программу. Въ силу этого у Петрарки не установилось прочныхъ сношеній съ Скалигерами, хотя у него были друзья въ Веронѣ. Къ ихъ числу принадлежалъ мѣстный судья и нотаріусъ, исполнявшій дипломатическія миссіи Мастино II, *Гульельмо да Пастренго*. (Guglielmo da Pastrengo[2]). Изъ его писемъ къ Петраркѣ видно, что онъ стоялъ въ очень близкихъ отношеніяхъ къ первому гуманисту[3]). Извѣстные тогда кодексы древнихъ авторовъ были знакомы Пастренго; Фогтъ предполагаетъ даже, что онъ зналъ Тацита, который не былъ извѣстенъ Петраркѣ[4]). Но его единственное собственное сочиненіе *De viris illustribus* или *De originibus rerum*, какъ оно называется въ печатномъ изданіи[5]), носитъ еще полусредневѣковой характеръ. Собственно это алфавитный лексиконъ писателей всѣхъ временъ и народовъ, но Пастренго вставляетъ въ него краткія извѣстія о различныхъ изобрѣтателяхъ и основателяхъ городовъ, а также свѣдѣнія о тѣхъ мѣстностяхъ, которыя чѣмъ-нибудь замѣчательны въ исторіи литературы и культуры. По методу и задачѣ — это средневѣковая энциклопедія; но замѣтны уже слѣды новаго времени и въ языкѣ, и въ интересѣ къ античному міру, и въ новыхъ свѣдѣніяхъ, почерпнутыхъ изъ древнихъ писателей[6]). Кромѣ того, въ Веронѣ усерднымъ поклонникомъ Петрарки былъ нѣкто *Гасперо Броаспини*, которому первый гуманистъ адресовалъ нѣсколько писемъ[7]). О Броаспини извѣстно только, что онъ первый началъ собирать и списывать письма Петрарки, что достаточно характеризуетъ

---

[1]) Leo, ibid. p. 112 и слѣд.

[2]) Біографическія свѣдѣнія о немъ впервые собраны *Maffei*. *Verona illustrata*. *Verona 1731*, II, col. 58 и значительно исправлены и дополнены Tiraboschi, V, 534—38.

[3]) Fracasseti, Lett. famil. II, 437—443.

[4]) Wiederbelebung, I, p. 252.

[5]) Venezia 1547. Изданіе крайне рѣдкое и переполненное ошибокъ, начиная съ имени автора, который названъ Pastregico. См. Tiraboschi, V, p. 540.

[6]) Ея разборъ у Tiraboschi, V, p. 538—39.

[7]) Epist. senil. XIII, 16 и 17; XV, 13. Var. 58.

его вкусы[1]). Учителю грамматики въ Веронѣ и поэту *Ринальдо да Виллафранка*[2]) († 1348) отдавалъ Петрарка на воспитаніе своего неудачнаго сына и посвятилъ нѣсколько поэтическихъ посланій. Произведенія Ринальдо не сохранились[3]), и письма къ нему Петрарки ничего не даютъ для его характеристики; но представитель стараго направленія не могъ быть другомъ перваго гуманиста и воспитателемъ его сына.

Кромѣ этихъ лицъ, были въ Веронѣ и другіе поклонники древности. Такъ, совѣтникъ Скалигеровъ (вѣроятно Кане I и Мастино II) *Antonio da Legnago* „любилъ науки и читалъ произведенія древнихъ", какъ говоритъ его эпитафія, составленная Виллафранка[1]). При Антоніи Скалигерѣ (1375—1390) извѣстны два писателя: его учитель *Marzagaglia* и *Francesco dei Caronelli*. Первый написалъ историческое произведеніе въ подражаніе Валерію Максиму, котораго очень любилъ его ученикъ[5]), второй — трактатъ „О судьбѣ", посвященный тому же Скалигеру[6]), но оба произведенія извѣстны только по заглавію. Съ паденіемъ Скалигеровъ не прекратилось гуманистическое движеніе въ Веронѣ: въ концѣ занимающей насъ эпохи отсюда вышелъ одинъ изъ наиболѣе крупныхъ представителей старшаго поколѣнія третьей гуманистической генераціи *Guarino da Verona* (1370—1460). Гуарино учился сначала на родинѣ, потомъ въ Венеціи; затѣмъ вмѣстѣ съ венеціанскимъ нобилемъ Paolo Zane и на его счетъ отправился въ Константинополь, гдѣ учился въ домѣ Хризолора. По возвращеніи въ Италію онъ преподавалъ сначала во Флоренціи (1408—1414), затѣмъ въ Венеціи (1414—1420) въ Веронѣ (1420—1429) и въ Феррарѣ (1429—1460)[7]). Но Гуарино былъ не только педагогомъ; онъ считался краснорѣчивымъ ораторомъ, основательнымъ ученымъ и оставилъ много сочиненій различнаго содержанія. Первое мѣсто между ними должна занять его обширная пере-

---

[1]) Fracass. Lett. famil. V, p. 460.

[2]) Свѣдѣнія о немъ у Maffei, II col. 56 и Tiraboschi, V, 845—46.

[3]) Кромѣ одной эпитафіи, Maffei упоминаетъ двѣ инвективы, написанныя Ринальдо противъ нѣкоего *Anastagio da Ravenna*, grammaticae in Padua doctorem. l. c., col. 57.

[4]) У Maffei, l. c. col. 58. Маффеи видѣлъ еще два письма, адресованныя Антоніо упомянутому Anastagio (l. c. col. 57).

[5]) *Marzagaiae Veronensis, De modernis gestis.* См. Maffei, l. c., col. 63.

[6]) *Francisci de Caronellis liber De fato, dicatus Antonio de la Scala, Domino Veronae.*

[7]) Біографическія данныя о Гуарино сведены по его неизданной перепискѣ *Sabbadini, Guarino Veronese e il suo epistolario, edito e inedito. Salerno. 1885,* p. 55 и слѣд.

писка. Гуарино, прожившій на свѣтѣ 90 лѣтъ, съ ранней юности до глубокой старости находился въ сношеніяхъ почти со всѣми дѣятелями Ренесанса, многіе изъ которыхъ были его учениками. Вслѣдствіе этого его переписка цѣнный источникъ для исторіи гуманизма болѣе чѣмъ за полстолѣтіе. Но ея оцѣнка въ настоящее время невозможна, такъ какъ огромное большинство писемъ Гуарино не издано. Ремиджіо Саббадини, готовящій ихъ изданіе уже болѣе 5 лѣтъ, насчитывалъ въ 1885 году 468 совершенно неизданныхъ писемъ и только 104 напечатанныхъ вполнѣ или отчасти въ различныхъ болѣе или менѣе рѣдкихъ изданіяхъ[1]). Еще менѣе извѣстны многочисленныя рѣчи Гуарино. Росмини насчитываетъ 52 его рѣчи, изъ которыхъ огромное большинство не издано[2]). Это или надгробные панегирики, или свадебныя поздравленія, или привѣтствія сановникамъ при вступленіи въ должность и при ея оставленіи, или похвальныя слова государямъ и другимъ знаменитостямъ, или, наконецъ, вступительныя лекціи. Но подъ формою писемъ и рѣчей Гуарино составлялъ также этико-философскіе трактаты и ученыя сочиненія. Особенный интересъ для его характеристики имѣетъ его длинное поученіе къ сыну Іерониму въ формѣ письма[3]). Гуарино не только даетъ назиданія сыну, поступившему секретаремъ къ Альфонсу Аррагонскому, но желаетъ сообщить результаты своего жизненнаго опыта и другимъ юнымъ читателямъ[4]). Прежде всего, каждое дѣло нужно начинать молитвой къ Богу: такъ дѣлали древніе язычники, какъ Гезіодъ и Ксенофонтъ; тѣмъ необходимѣе дѣлать это христіанину[5]). Слѣдующее мѣсто въ сердцѣ юноши долженъ занимать государь (amor secundus in principem), „земной богъ". Гуарино держится теоріи божественнаго происхожденія монархической власти, но основываетъ ее не на старыхъ доктринахъ, а на Гомерѣ: государь, по его мнѣнію,

---

[1]) Ibid. p. 54. Въ названномъ сочиненіи Саббадини даетъ индексъ 572 писемъ, отчасти написанныхъ Гуарино, отчасти къ нему адрессованныхъ (Ср. статью Novati въ Giorn. stor. d. litt. ital. VII, p. 230). Позже онъ издалъ нѣсколько писемъ въ журналѣ Geiger'a Vierteljahrschrift Kultur и Litter. d. Renaiss., I, p. 103 и 504. Характеристика той стороны переписки, которая касается древнихъ кодексовъ, у *Rosmini, Vita e disciplina di Guarino Veronese e de'suoi discepoli I—III. Brescia 1806*. II, p. 5—9.

[2]) Rosmini, l. c., II, p. 4 и 139—146.

[3]) *Guarini Veronensis, poëtae ac oratoris clarissimi ad Hieronimum filium Hypothesia*. Pare, замѣчаетъ Саббадини, sia stata stampata ad Urbino 1493 (l. c., p. 48). Я не видѣлъ этого изданія и цитирую по рукописи Ambros. *Cod. I. 11. Super*. и по выдержкамъ у Rosmini.

[4]) Te currentem veteratus ipse juvero... Non erit inutile si vel te, vel alios per te juniores senior instruxero. У Rosm., I, 119.

[5]) Quanto id magis, cum vero immortali et omnipotenti complectendum est Deo, qui vias tuas dirigat et pedes tuos a lapsu custodiat. Cod. fol. 52.

источникъ всякаго порядка и благоденствія въ странѣ[1]). Гуарино требуетъ безкорыстной любви къ государю[2]) и предписываетъ безропотно, „съ веселымъ лицомъ" исполнять всѣ его приказанія, потому что это выгодно и потому что не всегда можно проникнуть въ тайные планы монарха[3]). Въ этомъ пунктѣ чувствуется нѣкоторое противорѣчіе, такъ какъ сквозь восторженность монархиста прорывается практическій расчетъ ловкаго придворнаго. Но далѣе поученіе строго логично, потому что авторъ не сходитъ болѣе съ практической точки зрѣнія. Онъ совѣтуетъ сыну больше слушать, чѣмъ говорить, обо всѣхъ говорить хорошо, не обнаруживать скуки при разговорѣ, не превозносить своихъ занятій и не унижать чужихъ[4]), вести всегда такія рѣчи, какія не были бы непріятны государю, потому что они могутъ дойти до его слуха[5]). Особенно же рекомендуетъ услуживать министрамъ и любимцамъ государя[6]) и вообще угождать знатнымъ людямъ[7]) и стараться быть

---

[1]) Regem tuum... quasi terrenum Deum, sic coles, observabis, intueberis, ut in eum Deum colere, observare, intueri studeas, pergas. Scis enim Homerum illum poëtarum principem reges Diotropheas appellare solitum, quasi divinitus enutritos, et ad gubernandos mortales non minorem regum ac principum, quam rerum nostrarum curam amplexari oportere vel ea ratione, quod regnantium ruina, reliquorum etiam cladem secum trahat est necesse, sicut in eorum incolumitate rerum publicarum status salusque reposita est. У Rosmini, l. c., p. 119—120.

[2]) Ipsum sic ames, ut studium omne, cogitationes operam suis commodis, honori, laudi, gloriae dicasse videari ect. Ibid.

[3]) Quicquid igitur gubernantis (cod. principantis) edicto constitutum fuerit, nulla cum molestia aut sussuris captandum erit, ed (cod. sed.) aequis animis et hylari fronte comprobandum. Слѣдующую тираду Росмини, весьма идеализирующій Гуарино, пропускаетъ: Ii namque sunt, qui regentibus cari se suosque magnis locupletam opibus ac honoribus ampliores efficiunt. Cod. fol. 54. Ср. Rosmini, p. 120.

[4]) At cum loqui coeperis, cavebis, o fili, ne solum tuis de studiis verba faciens, caeterorum artificia nihil pendas, quod ii faciunt, qui se nimium ac sua vehementius amant. Sicuti nonnulli philosophantes venatorum, militum, rusticautium mores vitamque contemnunt. Eo fit, ut verbosi, quasi sua in possesione constituti, reliquos excludant. Unde et res eorum invidiosas faciant et odia caeterorum incurrant. Cod. fol. 55.

[5]) Longas namque regibus aures atque oculos esse nescius non es. У Rosm., p. 121.

[6]) Praeterea unum tibi praeque omnibus moneo. Si quem primas inter ministros et familiam partes habere, et Regi gratiorem esse cernes, non modo non indigneris, aut ulla moderaris invidia, verum illum honorificis prosequere verbis, et omnibus observantiae modis obsequere. Ibid.

[7]) Hoc enim pacto et majoribus acceptus commendatusque fies, cum eorum judicio assensor magis, quam censor esse noscitaberis. Ibid.

пріятнымъ всѣмъ и каждому[1]). Если же случится навлечь на себя гнѣвъ сильнаго человѣка, нужно стараться смягчить его смиреніемъ[2]); самому же всячески слѣдуетъ воздерживаться отъ гнѣва. Заключеніе трактата носитъ болѣе идеалистическій характеръ: Гуарино предписываетъ сыну не только воздерживаться отъ дурныхъ средствъ къ обогащенію, но и вообще стремиться къ славѣ, а не къ богатству[3]).

Двѣ черты заслуживаютъ вниманія въ этомъ трактатѣ: отношеніе къ древности и основа этическихъ воззрѣній Гуарино. Авторъ любитъ и знаетъ античную литературу, но она не опредѣляетъ его воззрѣній, а, наоборотъ, служитъ только для ихъ подтвержденія. Взгляды же Гуарино почерпнуты изъ житейскаго опыта и въ общемъ носятъ очень низменный характеръ. Гуарино не мыслитель, а практикъ, которому теорія нужна только для оправданія средствъ къ достиженію житейскихъ цѣлей, и онъ беретъ ее безразлично изъ всякаго источника.

Этимъ трактатомъ исчерпываются наши свѣдѣнія о произведеніяхъ Гуарино теоретическаго содержанія. Судя по заглавіямъ, религіозно-этическіе вопросы затрогивались и еще въ нѣсколькихъ рѣчахъ, которыя остаются до сихъ поръ совершенно неизвѣстными[4]). Научныя произведенія Гуарино чрезвычайно многочисленны, но почти всѣ они или касаются вопросовъ грамматическихъ и реторическихъ, или представляютъ собою комментаріи къ классикамъ. Онъ издалъ съ дополненіями и комментаріями греческую грамматику Хризолора[5]) и нѣсколько собственныхъ сочиненій по латинской грамматикѣ[6]). Древніе писатели составляли

---

[1]) Animo jam advertisse te non dubito, ut varios mortalium mores regat aula, sicuti mare pisces, feras silva suscipiat. Ubi singularis fuerit prudentiae sic te omnibus offerre, ut alium vultu, alium verbis, nonnullos arrisione aliisque modis vendices tibique concilies. Ceterum inter homines sic distingues: ut eum reliquos quidem non asperneris, bonis cum victu et consuetudine utaris. Illos nunquam non adversantes habebis, hos autem adjutores oratoresque comparabis. Cod. fol. 56.

[2]) Cogitare ac nosse debebis, nulla re alia tantopere leniri ac mitigari asperitatem et elationem solere, quam obsequio et submissione, quam plerique humilitatem nominant. У Rosm., p. 122.

[3]) Illud tamen proponere non erit ab re, in omni actione suscipienda laudis reportandae, quam argenti corradendi, rationem potiorem haberi debere. Ibid.

[4]) Сюда относятся: *Oratio in laudem B. Petri Martiris; Oratio in mercatores Veronenses.* (У Zeno и Maffei Oratio ad mercatores). *Oratio inchoandis Ciceronis officiis; Artium Commendatio et adolescentium ad eas exhortatio* и одно изданное сочиніе — *De brevibus clarorum hominum inter se contentionibus. Brixiae 1485.* Rosmini, II, p. 144—146.

[5]) *Erotemata Guarini cum multis additamentis et cum commentaris latinis. Reggio 1501.* См. о ней ibid. p. 136—38.

[6]) *Grammaticales regulae* и *Carmina differentialia* (о синонимахъ). *Venezia*

для Гуарино предметъ весьма тщательнаго изученія, и онъ исправлялъ текстъ Плинія и Катулла[1]), комментировалъ Цицерона, Персія, Ювенала, Валерія Максима, Сервія, Марціала, Аристотеля и св. Василія Великаго[2]). Несмотря на преобладающій интересъ къ формальной сторонѣ древней литературы, Гуарино касается и другихъ наукъ. Вопросы историческіе, повидимому, занимали его сравнительно слабо[3]); тѣмъ не менѣе онъ затрогиваетъ ихъ въ перепискѣ и въ полемикѣ[4]); кромѣ того, онъ составилъ введеніе къ собранію городскихъ постановленій въ Виченцѣ[5]), написалъ рѣчь о земледѣліи[6]) и вмѣстѣ съ классическими писателями издалъ проповѣди св. Зенона, епископа Веронскаго[7]) Изъ-за научныхъ вопросовъ велъ Гаурино и полемику. Одна его инвектива была направлена противъ реторики Георгія Трапезунтскаго[8]), вторая противъ Поджіо, такъ какъ онъ ставилъ Сципіона

1470; Liber de diphtongis и *Breviloquus vocabularius. Basilea 1480; Grammaticae institutiones. Verona 1487.* Кромѣ того, Maffei приписываетъ Гуарино сочиненіе *De obscuritate vocabulorum,* существованіе котораго Росмини считаетъ сомнительнымъ (l. c. 147). Zeno называетъ еще *Dialogus de arte punctandi et de accenctu* (p. 222). Реторическихъ вопросовъ Гуарино касается въ двухъ рѣчахъ: *In rhetoricam novam Ciceronis inchoandam oratio* и *In lectionem rhetorices praefatio.*

[1]) Вопросъ объ исправленіи Катулла остается спорнымъ. См. Rosmini, II, p. 5 и 152—153 и *R. Sabbadini, Se Guarino Veronese abbia fatto una recensione da Catullo.* (Въ Rivista di filolog. 1884—1885) и *Ancora di Catullo e di Guarino Veronese* (ib. 1885—86).

[2]) Рукописи комментарій Гуарино у Rosmini, ib. p. 146—148. Его *Oratio in Valerium Maximum* остается извѣстной только по заглавію.

[3]) По заглавію извѣстны три написанныя имъ біографіи: *Vita Platonis, Vita Plauti* и *Vita Sancti Ambrosii.* См. Rosmini, II, 4 и 132.

[4]) *Oratio ad populum Veronensem de laudibus Romanorum* — остается извѣстной только по заглавію. *Hypotesis ad filium de regibus et magistratibus Romanorum* — сомнительна. Rosm., II, p. 147. Гуарино говоритъ въ одномъ письмѣ, что онъ самъ намѣревался описывать современныя событія, но оставилъ свое намѣреніе по трудности дѣла. Выдержки у Rosmini, II, p. 177—178.

[5]) *Proemium in municipales Vicentinorum leges a Guarino Veronensi editum. Venezia. 1499.*

[6]) *Oratio de re rustica.* Рук. въ Ватиканѣ.

[7]) *Eximii et excellentis viri praeclarissimique doctoris Sacti Zenonis, episcopi Veronensis sermonum elegantissimorum ad populum, ex vetustissimo volumine Veronae a Guarino Veronensi, viro eloquentissimo in episcopii veronensis bibliotheca scoperto. Venezia 1508.* О св. Зенонѣ см. Ughelli, V, col. 679 и слѣд.

[8]) *Agasonis sive Guarini libellus in rhetoricam Trapezuntii.* О самой полемикѣ, которая не представляетъ интереса для занимающей насъ эпохи, см. Rosmini, II, p. 83—96.

выше Цезаря[1]). Споръ Гуарино съ Поджіо имѣетъ важное значеніе для исторіи гуманистическаго движенія въ слѣдующемъ поколѣніи, потому что въ него вмѣшались ученики Гуарино[2]); но онъ представляетъ интересъ и для характеристики этого послѣдняго. Поджіо не ожидалъ инвективы и въ письмѣ къ Фр. Барбаро съ наивностью защищаетъ свободу мнѣнія о людяхъ, которые болѣе не могутъ повредить[3]). Выходка Гуарино обусловливалась его желаніемъ угодить Леонелло д'Эсте, который былъ поклонникомъ Цезаря. Самая инвектива остается неизданной[4]); но защита Поджіо даетъ понятіе о главныхъ пунктахъ ея содержанія. Гуарино не только до небесъ превозноситъ Цезаря[5]), но утверждаетъ, что при немъ республиканскія учрежденія сохранили всю свою силу, а государство пользовалось полной свободой, что самое паденіе республики было чрезвычайно благопріятно для развитія литературы[6]). Поджіо не трудно было доказать, что самые крупные латинскіе писатели воспитались и развились при республикѣ и что свобода пала при диктатурѣ. Но Гуарино, идеализируя имперію, настаиваетъ на ея необходимости въ виду расширенія предѣловъ римскаго государства — аргументъ, на который Поджіо могъ отвѣтить только бранью. Есть серьезное основаніе заподозрить искренность увлеченія Гуарино Цезаремъ, потому что въ одномъ письмѣ онъ высказываетъ совершенно иное отношеніе къ диктатору, чѣмъ въ инвективѣ[7]), но едва ли можно сомнѣваться въ отсутствіи у него симпатій къ республиканскому строю, вслѣдствіе чего его полемика съ Поджіо получаетъ значеніе для исторіи политическихъ воззрѣній въ XV столѣтіи.

Кромѣ оригинальныхъ произведеній, Гуарино оставилъ массу переводовъ съ греческаго. Онъ перевелъ всего Страбона, почти всѣ біографіи Плутарха и нѣсколько его мелкихъ сочиненій, одно произ-

---

1) *De praestantia Caesaris et Scipionis ad Leonellum Estensem.*

2) См. Rosmini, II, p. 103 и слѣд.

3) In qua (epistola) neque Guarini, neque cujusquam alterius e nostris mentionem feci, *usus scribendi libertate de mortuis praesertim, qui neque rescribere possunt, neque proscribere*; tuli sententiam, quae opinioni meae verisimillima videbatur, linquendo caeteris liberum judicium, prout cuique libitum esset sentiendi. Epist. V, 2.

4) Ея изложеніе весьма краткое и съ незначительными выдержками у Rosmini, II, p. 99—100.

5) Existimo, говоритъ Поджіо, si crepitum aliquem ventris (Caesar) edidisset, pro summo tonitruo Guarinum esse dicturum. Opera, p. 379.

6) Rosmini, l. c.

7) Caesar violato jure liberos homines servitute et imperio cogebat et opprimebat. У Rosmini, l. c. p. 185.

веденіе Лукіана, двѣ рѣчи Исократа и двѣ гомеліи св. Василія Великаго[1]). Переводы предпринимались иногда по порученію меценатовъ, иногда для доставленія удовольствія покровителю, иногда ради назиданія лица, которому посвящалась работа. Такъ, Гуарино перевелъ Страбона по заказу Николая V[2]); переводъ сочиненій св. Василія о постѣ посвященъ Евгенію IV[3]). Когда Фр. Барбаро сдѣвался подестà въ Веронѣ, Гуарино перевелъ для него біографію Фокіона[4]), а въ посвященіи Ліонелло д'Эсте перевода біографій Лизандра и Суллы онъ прямо заявляетъ, что имѣлъ въ виду въ своей работѣ дать молодому государю отталкивающую картину пороковъ и привлекательные образцы добродѣтели[5]). Съ педагогической цѣлью перевелъ онъ также для Ліонелло одну рѣчь Исократа[6]) и трактатъ Плутарха о различіи между льстецомъ и другомъ[7]). Первое произведеніе должно было научить его обязанностямъ хорошаго государя, второе — предохранить отъ развращающаго вліянія лести. Вслѣдствіе этого, посвященія переводовъ весьма характерны для Гуарино, но, къ сожалѣнію, большая часть изъ нихъ остается до сихъ поръ въ рукописяхъ. Совершенно неизвѣстными остаются также и многочисленныя поэтическія произведенія Гуарино[8]).

Долговременная и разносторонняя дѣятельность Гуарино и его связь почти со всѣми гуманистами двухъ поколѣній доставили ему не только обширную извѣстность, но и почти всеобщее уваженіе среди дѣятелей Возрожденія[9]). Бруни считалъ его самымъ ученымъ человѣкомъ своего

---

[1]) Перечисленіе переводовъ, ихъ рукописей и изданій у Rosmini, II, p. 129—137. Tomasini въ одной изъ монастырскихъ библіотекъ въ Падуѣ видѣлъ Xenophontis liber (?) a Guarino traductus. (Biblioth. Patavinae, p. 23). Rosmini относитъ къ числу переводовъ Гуарино сомнительной подлинности Interpretatio Xenophontis de privatorum et tyrannorum vita. II, p. 46.

[2]) Bisticci, p. 497.

[3]) Rosmini, l. c., p. 133.

[4]) Ibid. p. 131—132.

[5]) Ibid. I, p. 90—91.

[6]) *Oratio ad regem Nicoclem.* Посвященіе напечатано у Baluzius'a Miscellanea, I, p. 160.

[7]) *De differentia inter adulatorem et amicum.* Переводъ и посвященіе не изданы. Выдержки у Rosmini, I, p. 118.

[8]) Болѣе крупные изъ нихъ *Pisanus, Proseuche ad Benacum* (поэтическое описаніе lago di Garda) и *Carmina de Polisemis.* Перечисленіе стихотвореній Гуарино у Rosmini, II, p. 149—152. Изложеніе Pisanus'a, посвященнаго знаменитому Пизанелло, у Rosmini, II, p. 66.

[9]) Перечисленіе (неполное и довольно сухое) отзывовъ о Гуарино современниковъ и ближайшаго потомства у Rosmini, II, p. 109—115.

времени[1]); такого же мнѣнія держался Валла, ставившій на ряду съ нимъ только Брупи. Самъ Поджіо, ни передъ чѣмъ не останавливавшійся для униженія своихъ противниковъ, не только удерживается отъ обычной клеветы и диффамаціи въ инвективѣ противъ Гуарино, но косвенно признаетъ даже его ученое превосходство[2]). Но изъ отзывовъ единомышленниковъ видно, что репутація Гуарино обусловливалась не его сочиненіями, а знаніями и педагогическою дѣятельностью. Валла влагаетъ ему въ уста судъ надъ стилемъ и формой писемъ Поджіо и въ неизданномъ введеніи ко второй редакціи діалога De voluptate прославляетъ его знаніе греческаго языка[3]). Барт. Фаціо, самый ранній біографъ Гуарино, превозноситъ его ораторскую опытность и педагогическія заслуги[4]). Это же подчеркиваетъ въ его коротенькой біографіи Бистиччи[5]) и приводитъ только весьма немногіе его переводы, совсѣмъ не упоминая о его оригинальныхъ трудахъ. Поэтому позже, когда съ Гуарино стали знакомиться по его произведеніямъ, отношеніе къ нему замѣтно измѣнилось. „Я помню, говоритъ Кортезе, одинъ мой пріятель имѣлъ обыкновеніе говорить, что Гуарино лучше бы позаботился о своей славѣ, если бы никогда ничего не писалъ: въ умахъ укоренилось столь высокое мнѣніе о его учености, что отъ сочиненій его имя не только не становится болѣе славнымъ, а наоборотъ со дня на день все болѣе тускнѣетъ". Кортезе мало смягчаетъ этотъ приговоръ[6]), и сочиненія Гуарино уже въ XVI столѣтіи были почти позабыты.

---

[1]) Quum ex Leonardo Aretino aliquando quaesitum esset, quemnam nostrae tempestatis doctum virum existimaret, unum sibi Guarinum videri respondit. Facius, De viris illust. p. 18.

[2]) Въ одномъ мѣстѣ онъ говоритъ: Primum quae merita Caesaris in suos fuerint, referat Guarinus, qui Graecis suis delectat, ego apud latinos nulla fuisse cognovi. Opera, p. 369. Въ другомъ случаѣ Поджіо выражается яснѣе: legat quantumvis latinos auctores, nam graecos ignoro. Ibid. p. 381.

[3]) Guarinum cum audis, nescias, melioremne graecum dixerit an latinum. *Cod. Paris. № 6471,* fol. 2.

[4]) Artem rhetoricam profitetur, qua in re supra quinque et triginta annos sese exercuit. Ab hoc uno plures docti et eloquentes viri facti sunt, quam a caeteribus omnibus hujus ordinis, ut non immerito quidam de eo dixerit, quod de Isocrate dictum ferunt, plures ex ejus schola viros eruditos, quam ex equo Trojano milites prodiise. De vir ill., p. 18. Съ этой же точки зрѣнія оцѣниваетъ Гуарино Эней Сильвій, называя его magister fere omnium, qui nostra aetate in humanitatis studio floruerunt. У Галлетти, p. 238.

[5]) Fece in Lombardia Guerino moltissimi iscolari, tutti uomini dotti. E non solo in Lombardia, ma d'Ungaria e delle estreme parti del mondo erano mandati iscolari a Ferrara. Bist., p. 496.

[6]) De hominibus doctis у Galletti, p. 226. Отзывы Foresti (Suppl. chron. fol. 284) и Jovii (Elogia, p. 253) незначительны.

Въ XVIII вѣкѣ начинается научное изученіе біографіи Гуарино. Маффеи первый собралъ для этой цѣли нѣкоторыя фактическія свѣдѣнія и далъ весьма неполный списокъ сочиненій Гуарино[1]); то и другое было значительно дополнено Дзено[2]) и Тирабоски[3]). Первая и самая обстоятельная до сихъ поръ біографія Гуарино составлена была въ началѣ нынѣшняго столѣтія Росмини. Опираясь на массу неизданнаго матеріала, Росмини далъ самый полный до сихъ поръ и критически провѣренный сводъ фактическихъ данныхъ для біографіи Гуарино, составилъ самый обстоятельный каталогъ его сочиненій и попытался характеризовать его дѣятельность и личность. Къ сожалѣнію, эта послѣдняя попытка далеко не во всѣхъ частяхъ оказалась удачной. Росмини придаетъ слишкомъ большую цѣну надгробной рѣчи надъ Гуарино и панегирикамъ, составленнымъ отчасти при его жизни, отчасти послѣ его смерти[4]), и вслѣдствіе этого самъ впадаетъ въ панегирическій тонъ. Тѣмъ не менѣе педагогическая дѣятельность Гаурино изложена превосходно. На основаніи переписки знаменитаго педагога и показаній его учениковъ, Росмини обстоятельно изображаетъ его дидактическіе и воспитательные пріемы и излагаетъ тѣ политическіе принципы, въ которыхъ онъ воспитывалъ Ліонелло д'Эсте[5]). Но личная характеристика Гуарино крайне неудовлетворительна. Мы не находимъ въ книгѣ міросозерцанія Гуарино; вмѣсто этого авторъ доказываетъ его скромность, доброту, благодарность и т. п.[6]). Тѣмъ не менѣе и эта часть книги имѣетъ значеніе по многочисленнымъ выдержкамъ изъ неизданныхъ произведеній Гуарино. Вторая половина сочиненія Росмини, гдѣ изложены его отношенія къ друзьямъ и собраны свѣдѣнія о его ученикахъ, до сихъ поръ не утратила своего значенія.

Изъ послѣдующихъ изслѣдователей только Фогтъ останавливается на Гуарино; но его характеристика, въ общемъ живая и вѣрная, касается преимущественно педагогической дѣятельности Гуарино и мало прибавляетъ къ нашимъ свѣдѣніямъ объ этомъ гуманистѣ[7]). Только

---

[1]) Verona illustr. II, coll. 67—79.

[2]) Dissertaz. Voss. I, p. 213 и слѣд.

[3]) Storia, VI, p. 1312 и слѣд.

[4]) Oratio funebris, составленная Lodovico Carbone, осталась неизданной и Rosmini даетъ изъ нея обширныя извлеченія; точно также только изъ его цитатъ извѣстенъ панегирикъ въ честь Гуарино, составленный его анонимнымъ ученикомъ въ Веронѣ (I, p. 35 и слѣд.). Другой панегирикъ въ честь своего учителя написалъ Janus Pannonius.

[5]) I, p. 78 и слѣд.

[6]) II, p. 9 и слѣд.

[7]) Die Wiederbelebung, I, p. 551 и слѣд. Статья *Giacinto Onofri, Del*

съ половины 80 годовъ *R. Sabbadini* началъ подготовительныя работы для новой біографіи одного изъ крупныхъ представителей ранняго гуманизма. Въ 1885 году онъ издалъ указатель писемъ Гуарино и краткій перечень біографическихъ фактовъ, извлеченныхъ изъ его переписки[1]). Затѣмъ онъ напечаталъ нѣсколько неизданныхъ писемъ[2]) и цѣлый рядъ мелкихъ статей относительно изученія Гуарино классическихъ писателей[3]). Въ 1891 году Саббадини началъ печатать его біографію[4]), хотя переписка продолжаетъ оставаться неизданной. Тѣмъ не менѣе и при современномъ состояніи источниковъ можно отмѣтить наиболѣе характерныя черты міросозерцанія Гуарино.

Гуарино не мыслитель и не обнаруживаетъ интереса къ теоретическимъ вопросамъ. Подобно Гаспарино, онъ филологъ по преимуществу, и формальное знаніе древности — самая сильная сторона въ его ученой дѣятельности. Поэтому у него нѣтъ опредѣленнаго міросозерцанія, незамѣтно даже стремленія привести въ систему свои воззрѣнія. Его взгляды опредѣляются отчасти практическими соображеніями, отчасти вкусами. Такъ, на словахъ и въ педагогической практикѣ онъ строго держится церковной доктрины. Въ письмѣ къ Корбинелли, защищая семью, онъ ссылается на священное Писаніе, и объявляетъ его величайшимъ для себя авторитетомъ[5]). Папа, по его словамъ, управляетъ всѣмъ „человѣческимъ родомъ", а „нашу жалкую земную жизнь правильнѣе слѣдуетъ называть смертью"[6]). Но это только традиціонныя фразы, не имѣвшія, повидимому, никакого вліянія на жизнь. Въ дѣйствительности Гуарино — свѣтскій человѣкъ, который стремится жить всѣми сторонами своего существа безъ всякихъ аске-

---

Guarino Veronese e de'suoi tempi (Въ Nuova Antolog. 1873. Settembre. p. 5 и слѣд.) незначительна.

[1]) См. выше, p. 921 пр. 7.

[2]) См. выше 922 пр. 1.

[3]) Сюда относятся: *G. V. e le opere rettoriche di Cicerone* (Riv. di filol. 1885—86). *G. V. e gli archetipi di Celso e di Plauto. Livorno 1886; Codici latini posseduti, scoperti ed illustrati da G. V.* (въ Mus. ital. di antich. class. 1887).

[4]) *Vita di Guarino Veronese* (въ Giorn. ligustico XVIII, 1—2). Я не успѣлъ воспользоваться этой работой.

[5]) Sacras ego litteras cum aliis de causis tum vel hoc ipso maximi semper feci et auctoritatis plurimae judicavi, quod quae ad bene beateque vivendum attinent, nunc jubent, nunc consulunt, nunc commonefaciunt avertuntque contraria. У Geiger'a, l. c., p. 106.

[6]) *Oratio funebris in morte Johannis Nicolai Salerni Veronensis.* У Mitarelli, col. 485—487. Утвержденія Rosmini о святости жизни Гуарино (II, p. 20—23) и о благочестивомъ воспитаніи юношества (I, p. 86, 87) основаны только на панегирикѣ Jani Pannonii.

тическихъ ограниченій. Онъ пламенно защищаетъ античную литературу отъ монашескихъ нападокъ[1]), отстаиваетъ семью и женщину[2]), пишетъ настоящій панегирикъ природѣ[3]) и ради эстетическаго наслажденія прощаетъ Беккаделли содержаніе его Гермафродита[4]). Теоретическое оправданіе для такого настроенія и для такихъ воззрѣній гораздо легче было найти не въ церковной литературѣ, а у античныхъ писателей. Такъ и относится къ нимъ Гуарино. Онъ сообщаетъ своимъ ученикамъ не только формальное, но и реальное знаніе древности, требуетъ, чтобы они выписывали изъ авторовъ и заучивали наизусть отрывки, не только изящные по формѣ, но и назидательные по содержанію (ad instituendam ornandamque vitam pertinens)[5]). Защищая семью въ упомянутомъ выше письмѣ, онъ ссылается прежде всего на древнихъ писателей и только потомъ на свящ. Писаніе. Выше мы видѣли, какое значеніе придавалъ Гуарино переводамъ изъ Плутарха; на этой же точкѣ зрѣнія стоитъ онъ въ цитированной выше надгробной рѣчи, украшенной весьма многими благочестивыми сентенціями. Говоря о душевномъ равновѣсіи покойника, онъ замѣчаетъ: „и это не удивительно, потому что онъ научился у Сократа и изъ римскихъ образцовъ прекрасно и умѣренно переносить счастье и несчастье“[6]).

По всей вѣроятности, Гуарино не замѣчалъ противорѣчія между своими авторитетами; но возможно также, что онъ не считалъ нужнымъ и удобнымъ выставлять на видъ это различіе. Гуарино былъ практикъ, совершенно лишенный гражданскаго мужества. Въ одномъ письмѣ онъ говоритъ, что нѣкогда имѣлъ въ виду написать исторію своего времени, но потомъ, по зрѣломъ размышленіи, оставилъ это намѣреніе. „Исторія, говоритъ онъ, должна быть свѣтомъ истины; не ища ни пріязни, ни вражды, она не старается ни льстить, ни оскорблять, а ты самъ можешь судить, наколько это безопасно... Она должна раскрывать причины войны, изображать нравы, вѣрность, честность и

---

[1]) Объ его полемикѣ съ миноритомъ Giovanni da Prato см. Rosmini, II, p. 160 и слѣд. и Voigt, I, p. 558—559.

[2]) См. письмо къ Corbinelli, у Geiger'a, l. c., p. 105 и слѣд.

[3]) См. письмо къ Tommaso da Fano и Zeno Othobellus, ibid. p. 107 и слѣд.

[4]) Объ отношеніи Гуарино къ Гермафродиту см. Rosmini, II, p. 46—51 и длинное письмо къ Giovanni Lamola (напечатано у Geiger'a, l. c., p. 109 и слѣд.), въ концѣ котораго Гуарино приходитъ къ слѣдующему выводу: haec mea sententia est, hic meus animus, haec voti summa: ut si scribentis ingenium vimque carminis approbaverim, nemo propterea materiam turpem et castis auribus adversam laudare me suspicetur.

[5]) Rosmini, I, p. 80 и слѣд.

[6]) У Mittarelli, l. c. coll. 468.

описывать противоположныя явленія, а это и прежде считалось ненавистнымъ, а теперь составляетъ преступленіе. Поэтому надо думать, что безопаснѣе держаться изреченія Ксенократа... который говорилъ, что онъ часто раскаивался въ своихъ словахъ и никогда въ молчаніи"[1]). Эту осторожность Гуарино слѣдуетъ имѣть въ виду при оцѣнкѣ его политическихъ воззрѣній. Онъ не писалъ теоретическихъ трактатовъ по политикѣ, а давалъ практическіе совѣты государямъ, какъ управлять, подданнымъ, — какъ повиноваться. Выше мы видѣли, какія греческія произведенія считалъ онъ полезными для своего воспитанника Ліонелло д'Эсте и какими принципами долженъ былъ руководствоваться его сынъ Джироламо на службѣ у Альфонса Аррагонскаго. Тамъ и здѣсь Гуарино является рѣшительнымъ монархистомъ; но онъ предъявляетъ къ государямъ весьма строгія требованія. Въ рѣчи къ Ліонелло по поводу посвященія его въ рыцари императоромъ Сигизмундомъ, Гуарино, какъ и всѣ гуманисты, заявляетъ, что только добродѣтель, а не обширныя владѣнія, не пурпуровыя одѣянія, не драгоцѣнности дѣлаютъ правителя истиннымъ государемъ. Иначе они похожи на тѣхъ актеровъ, которые на сценѣ представляютъ Агамемнона и Пріама, а снявши костюмъ, становятся презрѣннѣйшими рабами. Онъ напоминаетъ своему питомцу, что рыцарское достоинство пріобрѣтается не разрушеніемъ городовъ, не похищеніемъ дѣвицъ, не насиліемъ надъ женщинами, не оскверненіемъ храмовъ кровью и трупами, а благотворною дѣятельностью мирнаго времени, и ставитъ ему образцомъ для подражанія Т. Фламинина, который возвратилъ Греціи ея свободу, законы и обычаи. Въ заключеніе рѣчи Гуарино требуетъ, чтобы Ліонелло не заключалъ союза и не завязывалъ дружбы съ еретиками, не начиналъ войны безъ законной причины и защищалъ вдовъ и сиротъ[2]). Въ надгробной рѣчи Николо III[4]), онъ предостерегаетъ его преемника отъ тѣхъ недостатковъ, которые дѣлаютъ государя ненавистнымъ для его подданныхъ. Онъ требуетъ отъ него справедливости, вѣрности и честности, ставитъ на видъ важность индивидуальныхъ свойствъ правителя для общественныхъ нравовъ[5]) и убѣждаетъ Ліонелло, что не

---

[1]) Выдержки у Rosmini, II, p. 178.

[2]) См. выше.

[3]) *Ad illustrem Leonellum Estensem de insignibus militaribus assumptis congratulatio.* Изданіе у Rosm., II, p. 144. Ея изложеніе ibid. I, p. 89—91.

[4]) *Oratio in funere Nicolai III Estensis* остается неизданной. Выдержки у Rosmini, I, p. 117—118.

[5]) Regum vita subditorum fit censura. Ad hanc dirigunt, ad hanc spectant, ad hanc convertuntur. Ibid. p. 118.

страхъ, а любовь подданныхъ составляетъ наиболѣе прочную основу власти государя[1]).

По всей вѣроятности, сверстницей Гуарино была *Angiola Nogarola*, тетка извѣстной Изоты, отъ которой сохранилось нѣсколько латинскихъ стихотвореній и между прочимъ „книга о добродѣтеляхъ", тоже изложенная въ стихотворной формѣ[2]). Ея произведенія не представляютъ интереса; но самый фактъ появленія въ Веронѣ женщины-гуманиста въ концѣ XIV столѣтія указываетъ на интенсивность движенія въ этомъ городѣ. Переписка Гуарино обнаруживаетъ еще цѣлый рядъ представителей новаго направленія на его родинѣ; но всѣ они принадлежатъ уже къ болѣе позднимъ поколѣніямъ[3]).

Какъ ни скудны наши свѣдѣнія о гуманистическомъ движеніи въ Веронѣ до Гуарино, приведенныя данныя и самый фактъ появленія такихъ дѣятелей, какъ Гуарино и старшая Ногарола не оправдываютъ замѣчанія Фогта о печальномъ состояніи движенія въ этомъ городѣ[4]). Наоборотъ, можно съ достовѣрностью утверждать, что интересъ къ гуманизму въ Веронѣ начался очень рано и не прерывался послѣ смерти Петрарки. Слѣды гуманистическаго движенія замѣчаются и во второстепенныхъ городахъ Веронской области. Такъ, въ *Виченцѣ* еще въ первой половинѣ XIV столѣтія были поэты, какъ *Campesani* и *Ferreto*, которыхъ можно отнести вмѣстѣ съ ихъ современникомъ Муссато къ предшественникамъ Возрожденія[5]). Изъ переписки Петрарки видно, что въ его время тамъ уже существовалъ цѣлый кружокъ любителей древней литературы, между которыми были такіе заядлые цицероніанцы, что упрекали самого Петрарку въ недостаточномъ уваженіи къ римскому оратору[6]). Изъ членовъ этого кружка извѣстенъ только *Арриго ди Кустоцца* по прозванію *Pulice* или *Police*, которому адресовано письмо Петрарки. Это былъ несомнѣнный гуманистъ, писавшій исторію родного города, какъ и его братъ Конфорто, а также латинскіе стихи, но его произведенія считаются

---

[1]) Malus est diuturnitatis custos timor. Amor vero perpetuus, et reverentia advenit. Ibid.

[2]) *Angelae de Nogarolis liber de virtutibus* вмѣстѣ съ другими ея *Carmina* издалъ *Abel* въ приложеніи *Isotae Nogarolae Veronensis opera quae supersunt omnia. T. I et II. Vindobonae 1886*, II, p. 293—326. Свѣдѣнія о ней ibid. I, p. VIII и слѣд. (въ нѣмецкой редакціи въ Vierteljahrschrift Geiger'a, I, p. 326 и слѣд.).

[3]) Свѣдѣнія о нихъ у Rosmini, II, p. 64 и слѣд.

[4]) Die Wiederbelebung, I, p. 442—443.

[5]) См. Tiraboschi, V, p. 794—95.

[6]) Epist. famil. XXIV, 2.

утраченными[1]). Позже нѣкто *Mattheus de Aurelianis* изъ Веченцы адресовалъ старшей Ногарола письмо, въ которомъ называетъ себя amantissimus ejusdem professionis;[2]) ей же посвятилъ латинское стихотвореніе *Nicolaus de Facino*, о которомъ не имѣется дальнѣйшихъ свѣдѣній[3]). Позже отсюда вышелъ, какъ мы видѣли, Антоніо Лоски[4]), а къ половинѣ XV столѣтія здѣсь появляются такіе профессора, какъ Филельфо и Георгій Трапезунтскій; къ концу столѣтія гуманистическое движеніе захватываетъ даже женщинъ, какъ Cassandra Fidele. Даже изъ незначительнаго Legnago вышелъ гуманистъ *Brognolo*[5]) и позже поэтъ Brusoni. Приведенные факты показываютъ, что Верона еще въ занимающую насъ эпоху сдѣлалась однимъ изъ наиболѣе крупныхъ центровъ движенія, хотя здѣсь и не было меценатовъ.

XVI.

Гуманистическое движеніе въ Падуѣ. — Каррары и ихъ отношеніе къ гуманизму. — Друзья Петрарки въ Падуѣ. — Вторая гуманистическая генерація. — Фр. Дзабарелла. — Ученики Петрарки. — Ламбардо да Серико и его произведенія. — Ламбертаччи и его рѣчь. — Драматологія Дж. да Равенна и ея значеніе. — Его другія произведенія и мѣсто въ исторіи гуманизма. — Верджеріо и его сочиненія. — Значеніе его переписки. — Мѣсто падуанскихъ гуманистовъ въ исторіи Возрожденія. — Гуманистическое движеніе въ Феррарѣ и Мантуѣ.

Исторія Падуи представляетъ аналогію съ Веронской; только Каррары нѣсколько позже Скалигеровъ захватили власть въ городѣ и нѣсколько дольше ею пользовались. Подобно Веронѣ, Падуя была захвачена Висконти въ 1388 году; правда, Франческо II удалось уже въ 1390 году вернуть свой городъ; но его господство было очень недолговременно: въ 1406 Падуя была захвачена Венеціей, и

---

[1]) См. Fracass., Lett. famil. V, p. 138—139.

[2]) Письмо напечатано вмѣстѣ съ стихотвореніями A. Nogarola (l. c., p. 308). Abel на основаніи неизданныхъ писемъ Matteo относитъ его дѣятельность ко второй половинѣ XIV столѣтія. (У Geiger'a, l. c., p. 327). Можетъ быть, это тотъ же самый *Matthaeus d'Orgino*, о которомъ трактуетъ сочиненіе *Morsolin, Un umanista di secolo XIV pressochè sconosciuto. Venezia 1888*, извѣстное мнѣ только по рецензіямъ. См. о немъ ниже.

[3]) Стихотвореніе напечатано. Ibid. p. 302.

[4]) Вѣроятно, современникомъ Лоски былъ его соотечественникъ *Paolo Amico d'Arzignano*, секретарь Джангалеаццо Висконти, оставившій, кромѣ рѣчей и писемъ, нѣкоторыя сочиненія, неизвѣстныя даже по заглавію. См. Mazz., I, 2, p. 1147.

[5]) См. о немъ Maffei, II, coll. 65—66.

Франческо II былъ казненъ вмѣстѣ съ своими сыновьями[1]). Покровительство наукѣ и просвѣщенію со стороны Карраръ начинается весьма рано. Уже Убертино слылъ меценатомъ[2]). Его преемники: Джакопо II (1345—1350), Франческо I (1350—1393) и Франческо II Новелло (1390—1406) продолжали эту традицію. Они приглашали къ своему двору ученыхъ и прилагали особыя старанія для поддержанія мѣстнаго университета[3]). Джакопо пригласилъ къ себѣ Петрарку, и первый гуманистъ сохранилъ самыя близкія отношенія съ послѣдними Каррарами. Смерть Джакопо онъ отмѣтилъ на рукописи Виргилія, куда заносилъ только самыхъ близкихъ покойниковъ[4]), и оплакиваетъ ее въ нѣсколькихъ письмахъ[5]), называя умершаго первымъ послѣ Роберта любителемъ ученыхъ занятій[6]). Франческо старшему Петрарка посвятилъ свой политическій трактатъ[7]) и по его порученію дѣлалъ извлеченіе изъ De viris illustribus[8]). Но Каррары были не только меценатами: старшій Франческо написалъ съ пріемами Данте итальянскую поэму, въ которой изложилъ пережитыя имъ событія[9]); отъ его брата, Марсиліо, сохранились два сонета[10]). Интересъ къ гуманистическому движенію не ограничился дворомъ. Гуманистически были настроены, повидимому, два падуанскихъ епископа, друзья Петрарки, *Ильдебрандино деги Конти* и *Пьетро Пилео*. Первому изъ нихъ Петрарка посвятилъ одно поэтическое посланіе и послѣ его смерти написалъ въ эпистолярной формѣ обширный панегирикъ, въ которомъ сравниваетъ умершаго епископа съ разными греками и римлянами[11]). Второй былъ гораздо моложе перваго гу-

---

1) Leo, III, p. 75 и слѣд.

2) Tiraboschi, V, p. 37; Leo, l. c., p. 81.

3) Zardo, l. c., p. 10 и слѣд.

4) Эти замѣтки напечаны у Baldelli, p. 181 и слѣд., о Джакопо тамъ говорится: Anno proximo scilicet 1350 in Vigilia Natalis de vespera rumor infelicissimus de morte Jacobi de Carraria Domini Paduae, Domini et benefactoris mei singularis cujus nunquam sine suspiriis recordabor. Ibid. p. 182.

5) Epist. fam. XI, 2 и 3.

6) Qui unus, quem ego nossem, post siculi regis obitum, toto orbe supererat amantissimus studiorum et ingeniorum cultor aestimatorque justissimus. Epist. fam. XI, 2.

7) Epist. senil. XIV, 1.

8) См. выше, p. 245. Объ отношеніяхъ Петрарки къ Каррарамъ см. Zardo, o. c.

9) Она напечатана у *Lami, Deliciae Eruditorum XIV. Florentiae 1743*, и изложена у Zardo, l. c., p. 52 и слѣд.

10) Одинъ напечатанъ Citadella, Petrarca a Padova; другой *Tolomei, Dante a Padova, Padova 1865*. См. Zardo, l. c., p. 55—56.

11) Epist. famil. XV, 14 Clero Ecclesiae Paduanae.

маниста и имѣлъ отъ него только одно дружеское посланіе[1]). Пилео былъ главнымъ образомъ церковный практикъ и принималъ дѣятельное участіе въ запутанныхъ дѣлахъ Великой схизмы. Переходя отъ одного папы къ его сопернику, онъ умѣлъ добиваться уваженія, вліянія и высшаго сана при дворѣ каждаго, такъ что его называли Cardinale de'tre Cappelli. Но практическая дѣятельность не исключала въ немъ любви къ просвѣщенію: въ Падуѣ была основана имъ коллегія и на его средства воспитывалось тамъ нѣсколько учениковъ[2]). Вѣроятно, эта сторона его стремленій и доставила ему дружбу Петрарки. Нѣсколькихъ друзей имѣлъ Петрарка и среди падуанскихъ профессоровъ. Къ ихъ числу принадлежали юристъ Lapo da Castiglionchio[3]) и *Giovanni Dondi dall'Orologio,* сынъ извѣстнаго изобрѣтателя башенныхъ часовъ Джакопо Донди[4]). Джіованни, дополнившій изобрѣтеніе своего отца планетаріемъ, былъ медикъ, астрономъ, поэтъ и ораторъ. Онъ написалъ 37 рѣчей, которыя остаются неизданными[5]); извѣстны только его итальянскія стихотворенія, восхваляющія Петрарку[6]) и три латинскихъ письма, изъ которыхъ два адресованы Петраркѣ и одно оплакиваетъ его кончину[7]). Донди былъ ревностный поклонникъ Петрарки, хотя и радикально расходился съ нимъ по отношенію къ медицинѣ[8]). Но различіе взглядовъ не мѣшало дружбѣ: первый гуманистъ высоко цѣнилъ Донди[9]), съ которымъ велъ весьма оживленную переписку[10]). Изъ письма Донди, въ которомъ онъ оплакиваетъ смерть Петрарки[11]), видно, что поклонникомъ перваго гуманиста былъ другой врачъ *Giovanni dall'Aquilla,* о которомъ нѣтъ

---

1) Epist. senil. VI, 4.

2) См. Fracass. Lett. senil. I, p. 333.

3) См. о немъ выше, p. 784.

4) Свѣдѣнія о немъ собраны у Tiraboschi (V, p. 298—313 и повторены у Fracass. (Lett. senil. II, p. 267). Ср. Zardo, l. c., p. 48—49; 106—109.

5) Tirab. называетъ слѣдующія его сочиненія: *Planetarium,* гдѣ онъ описываетъ свое изобрѣтеніе: *Modus vivendi tempore pestilentiali, 37 orationes* и нѣсколько стихотвореній (V, p. 310—311 и 677).

6) Они изданы *Zambrini, Scelta di curiosità letterarie. Dispensa 137. Bologna 1874.* Ср. Zardo, l. c., p. 108.

7) Одно было издано раньше (ib. p. 106); два другихъ напечаталъ Zardo въ приложеніи (p. 279 и 282).

8) Zardo, l. c., p. 107.

9) Tam excelso tamque capaci pollebat ingenio, ut ad sidera esset iturus, nisi eum medicina tenuisset. Epist. senil. XII, 1.

10) Epist. senil. XII, 1 и 2; XIII, 14 и 15. Вѣроятно, родственникъ Донди, Gabrielle Dondi, phisicae professor, адресовалъ письмо Paolo di Bernardo. См. (Voigt, Die Briefsammlungen Petrarca's, p. 86).

11) У Zardo, p. 282.

свѣдѣній. Кромѣ того, изъ переписки Паоло ди Бернардо извѣстно, что въ Падуѣ жилъ въ это время нѣкто *Filippo Cavallo*, въ стихахъ восхвалявшій родной городъ[1]).

Покровительству Каррараъ и вліянію Петрарки, вѣроятно, слѣдуетъ приписать тотъ фактъ, что Падуя сдѣлалась однимъ изъ наиболѣе раннихъ и наиболѣе крупныхъ центровъ гуманистическаго движенія. Мѣстный университетъ, обязанный своимъ процвѣтаніемъ Каррарамъ и обильный средневѣковыми знаменитостями, какъ Марсиліо ди Санта Софіа или фамилія *Alvarotti*[2]), весьма рано сдѣлался источникомъ также новаго движенія, и его профессора-гуманисты стояли въ тѣсной связи съ придворными и городскими учеными. Благодаря всѣмъ этимъ условіямъ мы находимъ въ Падуѣ крупныхъ дѣятелей Возрожденія уже среди представителей второй гуманистической генераціи. Къ числу наиболѣе раннихъ между ними принадлежалъ *Francesco Zabarella* (1339—1417), юристъ, сначала профессоръ въ Падуѣ, потомъ архіепископъ Флорентійскій и кардиналъ, одинъ изъ наиболѣе видныхъ дѣятелей на Констанцскомъ соборѣ[3]). Сочиненія Дзабареллы въ огромномъ большинствѣ извѣстны только по заглавію[4]), тѣмъ не менѣе принадлежность его съ новому движенію не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Мы ничего не знаемъ объ отношеніяхъ Дзабареллы къ Петраркѣ, но онъ весьма близокъ съ позднѣйшими гуманистами. Верджеріо, его ученикъ и другъ, ведетъ съ нимъ оживленную переписку[5]); Гаспарино да Барцицца адресуетъ ему массу писемъ; Поджіо, произносившій въ честь его надгробную рѣчь въ Констанцѣ, подчеркиваетъ его дружеское отношеніе къ новымъ ученымъ и поэтамъ[6]), и изъ

---

[1]) У Voigt'a, l. c., p. 82 и 83.

[2]) Для исторіи Падуанскаго университета см. *Facciolati, Fasti Gymnasii Patavini. Patavii MDCCLVII. Colle, Storia scientifico-letteraria dello Studio di Padova. Padova. 1825* и *Gloria, Monumenti dell'Università di Padova.* (Въ Memorie dell'Istituto Veneto di Scienze, Lettere ed Arti T. XXII. 1885).

[3]) Свѣдѣнія о немъ у *Tomasini, Illustrium virorum elogia. Patavii MDCXXX*, p. 3 и слѣд., Ughelli, III, coll. 165 и Tiraboschi, V, p. 510 и слѣд.

[4]) Tomasini называетъ, кромѣ юридическихъ, слѣдующія произведенія Дзабареллы: *Commentarii in naturalem e moralem philosophiam; De Schismate; Sui temporis historia; De felicitate libri III; In vetus et novum testamentum commentarii; Opuscula de artibus liberalibus; De natura rerum diversarum; Acta in conciliis Pisano et Constantiensi. Volumen orationum et epistolarum variarum.* L. c., p. 9. Tiraboschi называетъ еще *De arte metrica*, написанное имъ вмѣстѣ съ Верджеріо.

[5]) Письма къ нему Верджеріо у Combi, p. 7, 20, 44 и passim. Тамъ же (p. 212) одно письмо Дзабареллы къ Верджеріо.

[6]) Is unus erat maxime, ad quem docti homines et musarum amici sine

собственныхъ произведеній Дзабареллы и въ особенности изъ отзывовъ о немъ современниковъ видно, что эта близость обусловливалась сходствомъ настроенія и воззрѣній. Въ университетской рѣчи въ честь умершаго Франческо II, онъ часто цитируетъ Цицерона и ни разу Библію; давая изображеніе доблестей покойнаго, онъ, по гуманистическому обычаю, сравниваетъ его почти со всѣми героями древности[1]), и Верджеріо, оплакивая смерть Дзабареллы въ длинномъ письмѣ, говоритъ о его превосходномъ знакомствѣ съ древней литературой[2]). Есть основаніе думать, что такая любовь къ гуманистическимъ занятіямъ вызвана аналогичнымъ настроеніемъ и стремленіями. Поджіо и въ похоронной рѣчи считаетъ необходимымъ отмѣтить въ характерѣ покойника полную противоположность монашеской мрачности и нелюдимости[3]), а каталогъ сочиненій Дзабареллы обнаруживаетъ въ авторѣ несомнѣнные признаки столь свойственной гуманизму многосторонности. Юристъ и церковный дѣятель, онъ былъ натуралистомъ и ораторомъ, и эта многосторонность вызывала весьма сочувственное удивленіе со стороны гуманистовъ[4]). Повидимому, Дзабарелла былъ настоящимъ представителемъ новаго движенія, хотя его почти совершенно игнорируютъ новые изслѣдователи Возрожденія.

Непосредственнымъ ученикомъ Петрарки былъ *Lombardo da Serico* или *da Serigo* († 1390), на рукахъ котораго умеръ первый гуманистъ. Мы не имѣемъ почти никакихъ свѣдѣній о Ломбардо[5]), не-

---

fastidioso stomacho possent adire. Oratio in funere D. Francisci, Cardinalis Florentini. Opera p. 254.

[1]) Между прочими — illustrissimo ac generosissimo Priamidi Antenori, nostrae inclytae urbis Patavii fundatori primario. *Oratio in obitu inclyti Domini Francisci.* У Muratori, Scriptores, XVI, coll. 243 и слѣд. Очевидно, критицизмъ не былъ сильною стороной Дзабареллы.

[2]) Omnium vero libros oratorum ac poëtarum historicorum quoque, qui sunt apud nos cogniti et habentur in usu, ita diligenter legerat, ut etiam familiares haberet. У Combi, p. 184.

[3]) Amavit persaepe facetias ac jocos verborum relaxandi animi gratia. L. c. p. 253. Ср. p. 937 пр. 6.

[4]) Верджеріо пишетъ: quo studio effecit, ut nulla esset artium, quas appellant liberales, in qua non excelenter saperet et docere posset, ita ut etiam in quibusdam earum eleganter opuscula scripserit. Naturali vero philosophiae et oratoriae facultati accuratiorem operam dedit... Quam ob rem de natura rerum accutissime disputare poterat et omnia, quaecumque vellet, facundissime disserere. L. c. По словамъ Поджіо, reliquis artibus, quae liberales dicuntur, tantum indulsit temporis, ut de eis posset diserte copioseque loqui. L. c., p. 256.

[5]) Кое-какія данныя приведены у Zeno, l. c., I, 26—27; Rossetti, p. 56—57 и 67—68; Baldelli, p. 259. Тѣмъ не менѣе Körting рѣшительно объявляетъ Ломбардо: an sich einer der unbedeutendsten Erstlingsjünger des Humanismus. (L. c., p. 450).

смотря на его близость съ Петраркой, который говоритъ о немъ съ неподдѣльной теплотой и въ письмахъ и въ завѣщаніи[1]). Изъ трехъ его произведеній одно — „*О языческихъ женщинахъ, знаменитыхъ или оружіемъ, или науками*“ — извѣстно только по заглавію[2]); другое — не имѣющая значенія компиляція изъ De viris illustribus Петрарки[3]), а третье „*Объ устройствѣ жизни*“ — подражаніе первому гуманисту[4]), которое представляетъ нѣкоторый интересъ. Это діалогъ между авторомъ и слугой о томъ, чего слѣдуетъ избѣгать въ жизни и къ чему стремиться. Авторъ очень враждебно настроенъ къ женщинѣ и семьѣ и почти буквально повторяетъ всѣ рѣзкія выходки и бранныя слова[5]), которыя встрѣчаются въ трактатахъ его учителя и преимущественно въ De Remediis. Интересенъ только окончательный выводъ. Жить, по мнѣнію Ломбардо, значитъ „добродѣтельно слѣдовать природѣ“, т.-е., дѣлать добро, заниматься наукой, „чтобы познавать благо, избѣгать зла и дѣлаться менѣе дурнымъ человѣкомъ“[6]). Это то завѣщанное Петраркой отношеніе къ наукѣ, которое повторялъ еще Поджіо. Характерно то, что религіозный элементъ отсутствуетъ уже въ житейской философіи ученика перваго гуманиста.

Еще менѣе свѣдѣній имѣется о падуанскомъ профессорѣ, знаменитомъ юристѣ, *Lodovico dei Lambertacci*, котораго также считаютъ ученикомъ Петрарки[7]). Единственное до сихъ поръ извѣстное его произведеніе — похоронная рѣчь въ честь Франческо старшаго[8]) — несравненно ниже рѣчи Дзабареллы. Ламбертаччи говоритъ на текстъ — *Princeps maximus cecidit hodie*, какъ дѣлалъ Петрарка, и приводитъ сначала тексты, въ которыхъ изображаются разныя добродѣтели, а затѣмъ факты, доказывающіе разныя доблести покойника.

---

[1]) См. Fracass. Lett. fam. II, p. 346.

[2]) *De laudibus aliquot foeminarum gentilium aut litteris, aut armis illustrium.* Рукописи не видѣлъ никто изъ новыхъ изслѣдователей, тѣмъ не менѣе Körting утверждаетъ, что сочиненіе ist herzlich unbedeutend und übrigens wol auch nur eine schlechte Nachbildung von Boccaccio's Buche „über die berühmten Frauen“. Ibid. p. 451.

[3]) См. выше, p. 245 и слѣд.

[4]) *Dialogus ad Fr. Petrarcam de dispositione vitae suae et de ducenda uxore.* Fracass. ошибочно напечаталъ этотъ діалогъ какъ письмо Петрарки. Epist. fam. III, p. 506—513.

[5]) Ibid. p. 509.

[6]) Ibid. p. 512.

[7]) Свѣдѣнія о немъ у Tiraboschi, V, p. 443. Тирабоски и Zardo (p. 49) передаютъ утвержденіе, что Lambertacci былъ ученикомъ Петрарки, какъ чужое мнѣніе. Его основательность подлежитъ еще провѣркѣ.

[8]) *Sermo in morte alicujus magni domini* напечатано Zardo, p. 294—305.

Библійскія цитаты встрѣчаются здѣсь гораздо чаще, чѣмъ у будущаго кардинала, потому что Ламбертаччи постоянно предпосылаетъ ихъ выпискамъ изъ древнихъ авторовъ. Кромѣ этихъ выписокъ, единственная гуманистическая черта рѣчи — рѣзко подчеркнутый индивидуализмъ въ оцѣнкѣ личности. Собираясь говорить о государѣ, ораторъ рѣшительно заявляетъ, что будетъ имѣть въ виду только человѣка, независимо отъ его общественнаго положенія[1]).

Самыми крупными представителями второй гуманистической генераціи въ Падуѣ являются Джіованни да Равенна и Пьеръ Паоло Верджеріо. Джіованни Конвертино да Равенна, канцлеръ Франческо I да Каррара и профессоръ въ Падуѣ, оставилъ цѣлый рядъ сочиненій, которыя остаются до сихъ поръ неизданными. Джіованни интересовали преимущественно практическая философія, вопросы политическіе и историческіе; обо всемъ этомъ онъ и трактуетъ въ своихъ произведеніяхъ. Видное мѣсто между ними занимаетъ неизданная *Драматологія о предпочтительномъ образѣ жизни*"[2]). Это діалогъ между падуанцемъ и венеціанцемъ; но его содержаніе обозначено не вполнѣ точно, потому что главнымъ образомъ рѣчь идетъ въ немъ о политическихъ воззрѣніяхъ. Драматологія начинается разсужденіемъ о тяжести войнъ, и венеціанецъ во всемъ обвиняетъ герцога Миланскаго, а падуанецъ, наоборотъ, флорентійцевъ и гибеллиновъ, которые позорятъ и губятъ Италію, призывая сѣверныхъ варваровъ. Авторъ, мнѣнія котораго выражаетъ падуанецъ, горячій патріотъ и говоритъ о нѣмцахъ и ихъ современномъ императорѣ съ глубокимъ презрѣніемъ[3]). Кромѣ того, онъ обвиняетъ князей въ страсти къ расширенію своихъ владѣній, что дѣлаетъ ихъ исключительно солдатами, совершенно равнодушными къ наукамъ[4]). Но здѣсь авторъ замѣтно

---

[1]) Cum voles veram hominis extimationem inire et scire, qualis sit, nudum inspice; ponat patrimonium, ponat honores et alia (fortunae) mendacia etc. Ibid. p. 295.

[2]) Я цитирую по *Парижской рукописи № 6494*, гдѣ это сочиненіе озаглавлено такъ: *Dragmatologia Iohannis de Ravena de eligibili vitae genere. Collocutores Venetus et Paduanus.* Въ концѣ дата: Venetiis. Anno d. M° CCC° III°.

[3]) Quid enim ignominiosius Caesareae Majestati, quam si mercenarius agnoscitur. Hunc, inquam, elatio Florentina stipendio pellexit in Latium et quanta spe, deus bone, quantis sponsionibus, quanto laudum incremento. Et quo cuncta, nisi propter vicina odia, quae si dimas, laudes, sponsiones, dona preciaque prorsus arrescant. Pudor Italicae probitatis accire barbaros, quo praeda barbaris pateat Italia. Usque adeo urunt odia. F. 1... Авторъ намекаетъ на порученіе, данное Флоренціей Франческо (Sism. V, p. 76). Potare et cum uxore schachis ludere Caesari iuge negotium erat. Nempe qui subigere Italos vino et ocio putant, virtutem Italicam nesciunt aut insaniunt. Fol. 2.

[4]) Pax theorica bellorum est, bella vero sunt pratica. Tanta siquidem bel-

переходитъ на личную почву. Изъ даты въ концѣ сочиненія видно, что оно написано въ Венеціи въ 1404 году; слѣдовательно, падуанецъ не живетъ болѣе на родинѣ, а діалогъ объясняетъ и причину его отсутствія: Франческо Новелло, занятый войнами, пересталъ платить жалованье ученымъ и тратитъ всѣ свои доходы на солдатъ[1]). Джангалеаццо, тоже повинный въ стремленіи къ расширенію своихъ владѣній, не встрѣчаетъ порицанія, потому что онъ покровительствуетъ ученымъ[2]); между тѣмъ противъ Франческо авторъ пишетъ настоящую инвективу: его войско сбродъ всякихъ преступниковъ[3]); при его дворѣ — самые вопіющіе пороки[4]); самый городъ нѣкогда сосредоточіе всякой учености — потерялъ изъ угожденія къ тиранну вкусъ къ наукамъ и превратился въ военный лагерь[5]). Въ концѣ концовъ Падуанецъ излагаетъ горькую и весьма длинную жалобу на Франческо, потому что отъ него ушелъ ученый мужъ, лишенный жалованья, и венеціанскій собесѣдникъ признаетъ, что это позоръ для двора Каррароръ[6]).

Но, несмотря на личную неудачу при дворѣ государя, авторъ остается убѣжденнымъ монархистомъ и большая часть діалога посвя-

---

landi subijciendique proximos fines libido incessit, ne occasioni usquam deesset, ut ceteras studiis curas Martiis supponeret. F. 2.

[1]) Ad haec litterarum studia decus et gloria urbis hactenus nostrae (Падуи) posthabuit, litteratos omnifariam contempsit, stataque omnibus stipendia interdixit. Nam quicquid ex vectigalibus, tributo, exactionibus, rapinis, conventionibus congeri valebat, in usus bellicos servabatur. Cunctis praeter armigeros, qui velut in sentinam facinorum, ex omni alluvione confluebant, tenacissimus, his liberalis et indulgens, his blandus erat. Nemo felicius Paduam accessit, quam qui vel glisceret bella, vel nosset, studiorum autem, studiosorumve sapientiae jactura omnino nulla. F. 3.

[2]) In quo genere laudis Mediolani dux Iohannes Galeac magnifice se curavit. Nam quisquis singulari virtute scientiave praestaret, hunc ad se trahere jacturam quantalibet summa non duxerat. F. 3.

[3]) Quicquid undique nefariorum hominum, qui patriae, qui parentibus, qui flagitio et cedibus invisi suis forent, qui denique legibus honestarumque artium institutis obstarent, quibus prorsus abuti vita voluptas foret confluebant. F. 3.

[4]) Confessor Carrigeri hujus, qui stuprare puerum, quam virginem praelaudavit. Fol. 7. Этотъ фактъ приведенъ, какъ примѣръ придворной лести и подражанія подданныхъ тиранну.

[5]) Adeo mentes infecit armorum studium placere tiranno, ut urbs ipsa honestissimis quondam celebris et populosa erudientium discentiumque choris, philosophorum, juristarum, medicorum facies mapulorum castrensium appareret. Nullus cultus nullusve habitus civilis modestiae civilis constitit, quin scientiae professores, insignibus sapientiae dejectis, quo aditum et gratiam sortirentur stipendiario se habitu deformarent. F. 3.

[6]) Quod dedecus, quam indignitatem audio de aula Carrigera. Fol. 5.

щена доказательству превосходства этой политической формы надъ республикой. Его аргументація чрезвычайно разностороння и обстоятельна. Онъ ссылается прежде всего на аналогію съ міромъ, которымъ управляетъ единое божество[1]), на это же указываетъ примѣръ древнихъ. Вопреки мнѣнію Петрарки, авторъ утверждаетъ, что Римъ былъ болѣе могуществеиъ при имперіи, чѣмъ при республикѣ, и что даже Аѳины и Спарта отдохнули отъ смутъ только при царяхъ[2]). Вообще, по мнѣнію падуанца, повсюду въ жизни.— на морѣ, въ ремеслахъ, въ церкви, въ христіанскомъ обществѣ, — признается единоличная власть[3]). Сами республики въ важныхъ случаяхъ ограничиваютъ единовластіе[4]). Сравнивая внутренніе порядки въ республикахъ и монархіяхъ, онъ видитъ въ первыхъ неизбѣжные раздоры партій[5]), тогда какъ государи, подобно добрымъ пастырямъ или отцамъ семействъ заботятся о своихъ подданныхъ[6]). Покровительство наукамъ и искусствамъ возможно только въ монархіяхъ, потому что

---

1) Cum rerum auctor et rector unus, sic unius gubernationem, quum universi conformius melius esse judico. F. 11.

2) Inficiari non possumus Romanum populum sub consulibus magna gessisse, licet despectum saepe et derisum. Sed quantulum est ad eam collata magnitudinem imperii et dignitatis, ad quam sub Caesaribus exauctam sublimatamque legimus... Atque Atheniensium et Lacedaemoniorum predicata res publica opesque et bellis externis et civili seditione semper turbulentissime fatigatae sunt, sub regibus respirarunt. Ibid. fol. 14.

3) Unum gubernatorem, cui pareatur ad nutum, navigantium salus efflagitat; in officina vulgarium unius ministeria sortitur, obtemperant singuli. Ecclesia militans reverentiam uni et obidientiam profitetur... Omnis prope Theutonis plaga velut Italiae Romanum imperatorem dominum veneratur et dicit. F. 15.

4) Cui rei illud quoque attestatur, quod in urbibus, quae multitudine temperantur, quo serius consultiusque res geri quaeant ad paucorum numerum potestas contrahitur: uno enim nihil est paucius. F. 11.

5) На возраженіе венеціанца Nonne X prudentium uberior sententia, quam solius? Et si uberior, cur non melior? Падуанецъ отвѣчаетъ: Velut duas facies sine differentia, ita duas voluntates sine distractione sententia difficile poteris invenire, п. ч. каждый minime quae verior, sed quae sua extet sententiam teneri certaverit. Taceo studia partium, tecta odia, invisos civium honores quo aestu distrahunt voluntates, quanto item veneno aspergat avaritia senatum F. 11.

6) Justus autem princeps... tamquam sedulus pastor oves morbidas sanare medicinae remedio, insanabiles et contagiosas subtrahi cede curabit ac per hoc pronus ad gratiam ad penam lentus agetur; ex animi praestantia indiscusse donabit ex gravitate discusse damnabit. Ac ceu optimus pater familias singula circumspectans fiet de singulorum incolumitate solicitus. In ducatu autem politico quare nullus est cunctorum pastor, nullus oves studet, sed suo quisque negotio propius insudat, cum senatu demisso, sua quisque negotia repetit. Adde virtutes principis magnanimitas, munificentia, benignitas, justicia, moderatio, clementia. F. 11—12.

государи и по рожденію, и по воспитанію обладаютъ нужными для этого добродѣтелями и стремятся къ славѣ[1]). Въ доказательство этой мысли авторъ перечисляетъ тирановъ, извѣстныхъ своимъ меценатствомъ[2]). Въ республикахъ науки не процвѣтаютъ, потому что толпа ихъ презираетъ и стремится только къ матеріальной выгодѣ[3]). Примѣромъ можетъ служить сама Венеція. Будучи самымъ цвѣтущимъ государствомъ Европы, она не заботится о сохраненіи въ памяти потомства своего прошлаго[4]), и венеціанецъ соглашается, что его родина заботится больше о золотѣ, чѣмъ о славѣ[5]). Въ заключеніе авторъ доказываетъ примѣрами изъ дѣйствительности превосходство монархіи надъ республикой. Правда, Венеція — цвѣтущее и могущественное государство; но это зависитъ отчасти отъ ея географическаго положенія, отчасти отъ того, что тамъ олигархія, которая мало чѣмъ отличается отъ тиранніи[6]). Франческо I называлъ ее городомъ тирановъ; но тотъ же государь, хорошо знавшій республику, обвинялъ ее въ продажности и любилъ повторять слова Югурты о Римѣ. Истинное благоденствіе возможно только въ монархіи, и авторъ показываетъ на примѣрѣ Падуи и Болоньи благотворность этой политической формы сравнительно съ республикой и перечисляетъ заслуги Франческо I и Никколо д'Эсте[7]).

---

[1]) Князья — amplissima orti fortuna, magnifice educati, magnis etiam assueti primi redduntur ad magna. Item majorum imagines nec non propriae aestus gloriae tum ad magnifica, tum ad liberalia... calcar additur. Hinc rursus facilius donant, remitunt facilius, quod nec in acquirendo laborant, nec patiuntur jacturam largiendo. Ibid.

[2]) См. приложеніе V, A.

[3]) Ubi imperet multitudo, raro leges..... rarius cernes profecto poetica nunquam oratoria, philosophica, cronographica ceteraque sublimis operis studia, dempta principantium liberalitate et cura, eo decoris incrementique pervenissent. At dominans multitudo nullius virtutem generis respicit, mercenarias recepit, ociosas aspernatur. Dum enim quisque vel stringit nummum vel... litterarum gloriam non licetur, poetas ut non sapit, ita contemnit et mavult canes alere quam philosophum aut lectorem... F. 12.

[4]) Vestra respublica, florens et magnifica, quam nulla Europae felicitate rerumque amplitudine aequiparat, uno dumtaxat urbis nomine pervagatur. Cum autem clarissimis viris speciosissimisque exemplis fulserit, per tot secula domi ac militiae illustria facinora quis novit? quis legit? quis meminit? Suis nota temporibus, obducta nunc oblivionis nube laudibus vacant. F. 12.

[5]) Instudemus suam quisque auro locupletare, quam fama. F. 12.

[6]) Nam quemadmodum situ, sic totius vitae ratione a ceteris variat. Oligarchicus principatus est diligenti pene tiranidi compar, propter quod Franciscus prior tirannorum urbem nominare solebat. F. 14.

[7]) См. приложеніе V, B.

Защищая монархію, авторъ требуетъ отъ государя мудрости и великодушія и не придаетъ значенія могуществу и знатности рода[1]). Впрочемъ онъ очень умѣренъ въ своихъ требованіяхъ: „посредственно хорошаго", государя онъ предпочитаетъ республикѣ[2]). Его жестокости онъ не боится, потому что она не свойственна человѣческой природѣ[3]); авторъ желаетъ только умѣренности и справедливости въ налогахъ[4]). Но во всякомъ случаѣ онъ требуетъ безусловнаго повиновенія со стороны подданныхъ, и на основаніи свящ. Писанія рѣзко осуждаетъ тиранноубійство[5]). Благоволеніе падуанца къ монархическому принципу не простирается, повидимому, на духовенство. По крайней мѣрѣ, онъ не опровергаетъ своего собесѣдника, когда тотъ рѣзко нападаетъ на духовныхъ лицъ, за то, что они присвоиваютъ себѣ титулъ государей и тратятъ на частныя надобности церковное имущество[6]).

---

[1]) Sane cum unius regimen probo, ejus intelligo, qui subjectos regat, non premat. Quia ratio eligendi principis est, ut eligatur non qui opibus, seu potentia, imaginumque, vetustate, sed sapientia justitia, animive magnitudine praestet. Fol. 15. Впрочемъ существеннымъ условіемъ прочности царской власти онъ считаетъ также и матеріальныя средства. Nec ab re Minervam Junonemque a Trojanis defecisse vates intexuere carminibus. Nam cum sapientia et opes, quibus regna potissimum confoventur, urbes deserunt, exiguo labore ab hostibus evertuntur. F. 19.

[2]) Unius non modo optimi tunc velut numen esset in terris, sed licet mediocriter boni, eligibilius esse regimen arbitror. F. 11.

[3]) Nihil est adeo naturae adversum hominis, quam saevitia, quam feritas. F. 11.

[4]) Его разсужденіе о налогахъ весьма характерно. Sicut una quaevis domus vel agrariis, vel mercenariis proventibus, vel mercatura consistit et regitur, ita urbes et regna vectigalibus tributisque, tum etiam populis censuariis amplitudinem et statum servant. Quod ergo est negotiatori lucrum, mercenario diaria solutio et redditus civi fundanus, hoc imperiis vectigalia, tributa, indictiones et quicquid ex multa criminali fisco leges ascribunt, quicquid item victis hostibus eripitur aut imparatur. His justi principis magnificentia instruitur, his gaudet et a subjectorum coërcitionibus rapinis caeterisque tirannicae cupiditatis artibus abstinet. Ac velut pace facultatibus civium parcit, sic insurgente bello cives ultro arma suscipiunt et quasi apes incolium (sic) rege (sic), mens omnibus una est... Pleraque a feudatariis vasalisque annua redhibitione collata principibus habenda sunt honoris insigna. F. 8.

[5]) Ceterum lex tirannicidis illa favens humanae sapientiae terrenaeque superbiae non divinae justitiae fuit. Omnem si quidem potestatem a Domino Deo esse et ratio convincit et sacrarum literarum sanctio perhibet. Quamobrem si quando superior deseviat, sanctius toleratur quam cede subruitur. F. 15.

[6]) At vero nec patres, nec pastores, quod non sunt, merito dici volunt, sed velut abjectissima ludibriosaque vocabula odiunt et domini amant, efflagitant ac letis auribus captant. Unde calcatur titulus spiritualis et temporalis ac terrenus arrogatur, ut quis episcopellus in suae diocesis atrio, quaerat dominus appelari...

Въ заключеніе авторъ прославляетъ свободу, но считаетъ бо́льшей ея гарантіей монархію, а не республику[1]).

Послѣдняя часть діалога опредѣляетъ условія индивидуальнаго счастья. Идеалъ для автора деревенская жизнь, какъ изображаетъ ее Горацій. Падуанецъ съ восторгомъ описываетъ прелести этой жизни, съ грустью замѣчая, что ему приходилось болѣе восторгаться ею, чѣмъ пользоваться[2]). Если прибавить къ этимъ наслажденіямъ научныя занятія въ праздничные и дождливые дни лѣтомъ и въ длинные зимніе вечера, то выше такой жизни нельзя себѣ ничего и представить[3]). Но авторъ не дѣлаетъ эту норму жизни общеобязательной. Отдавая лично для себя предпочтеніе научнымъ занятіямъ, онъ вполнѣ признаетъ значеніе и важность всякой общественной дѣятельности[4]).

Nec item, ut pinguetudine sacra alant pauperes Christi, sed genus ac penates extollant opibus Christi. Num id mentior? Recense episcoporum, abbatum claustra recense. Nurus, matronae, pueri, puellae, servarum greges, crepundia, mammae frequentes occurrent. F. 20.

[1]) Libertatem utique probo... tirannidem funditus odio, sed eam libertatem, quam unius, non multorum justitia dispenset. F. 15.

[2]) Ita etiam et libet hinc Flacciano inclamare praeconio: Beatus ille, qui procul negotiis, ut prisca gens mortalium, paterna bobus exercet rura suis, solutus omni fenore. Hanc recte beatitudinem semper amari, sed potui sinistra sorte admirari magis quam imitari... Quid ni juvet ruris amem sedes praeter glareosum aquae labentis rivuum, colliculis austrum ab aquilone spectantibus. Hic equidem salubrior lene spirantis auri flatus, sedes urbana omni a fece remotior a vanitate, a luxuria, a falsitate, ab invidia. Istic nec vitiorum exempla contaminant improbe, nec voluptates exurunt, aemula nec solicitudo cogitationes dissipat, vernant floribus colles, hebent prata gemmescunt pomeria, avium concentu nemus omne susurrat. Quanta illa jucunditas, messium, quanta vindemiarum. Nulla delectatio aequiparat. F. 22... Vitulos hic jacentes, inde lusantes edulos, illic exoptantium matres turmas agnorum computat. Crescit animus, dilatatur spes tanta sobole et juventute domestica etc. F. 23... Quanto sanctius tutiusque buccularum ovium capellarumque facies et voces audire malim quam tubae hostilis timpanive crepitum ac mercenariarum acclamationes bellatorum. F. 24.

[3]) Nihil ad felicitatem vitae expetendae aberat praeter notitiam litterarum, quarum usu si festos pluviosve dies vel hibernarum spatia noctium temperare licuisse foret, prorsus quantam habet praesens vita summam beatitudinis assecutus... Quis princeps, quis urbanus paratius, letius securiusve haberet cunctaque vita deposceret. F. 24.

[4]) Volo hunc honeste alicujus negotio vacacionis detineri, ex quo et fama et honor et utilitas comparari queat, velut juris scientia, medicina, philosophia, seu aliquid liberalium maximeque rhetorica, ex qua est oratoria et tueri et juvare amicos peropportuna. Sunt et publica munera senatorium, consulare, praetorium, censorium, questorium, in quibus, qui laude versantur, reverendi carique civibus evadunt. Forenses item occupationes, judiciaria, assesoria, advocatoria, procuratoria, tabellionaria cum honore et utilitate geruntur. F. 26.

Далѣе онъ разсуждаетъ о добродѣтеляхъ и порокахъ и приходитъ къ весьма характернымъ выводамъ. По его мнѣнію, индивидуальные пороки далеко не всегда вредны въ общественномъ отношеніи и вообще ихъ послѣдствія зависятъ отъ неизвѣстнаго намъ божественнаго предопредѣленія. Въ доказательство этой мысли авторъ приводитъ цѣлый рядъ историческихъ примѣровъ. Гордость разрушила не мало государствъ и погубила весьма многихъ людей, а прелюбодѣяніе весьма часто имѣло благія послѣдствія. Такъ, незаконная страсть Париса разрушила Трою и дала начало Риму; Алкивіадъ въ Спартѣ добродѣтелью навлекъ на себя ненависть, а прелюбодѣяніемъ спасся отъ гибели и т. д. То же самое можно сказать, напр., объ обжорствѣ, которое содѣйствуетъ развитію промышленности, о жадности, потому что сокровища, накопленныя скупцами, употребляются иногда на общественныя постройки и благотворительность[1]). Въ заключеніе авторъ говоритъ объ индивидуальной свободѣ. Это великое благо[2]), но оно встрѣчается крайне рѣдко въ жизни, и далѣе подробно выясняются внѣшнія условія, которыя стѣсняютъ свободу, и преимущественно вліяніе семьи, къ которой авторъ относится весьма недоброжелательно. Діалогъ заканчивается изображеніемъ истинно-свободнаго человѣка, примѣръ котораго авторъ видитъ въ кардиналѣ *Thomas de Frignano*, который обнаруживалъ полное равнодушіе и къ почестямъ, и къ богатствамъ[3]).

„Драматологія“, совершенно неизвѣстная до сихъ поръ въ литературѣ, представляетъ значительный интересъ во многихъ отношеніяхъ. Прежде всего она съ несомнѣнностью рѣшаетъ вопросъ о томъ, что Мальпагини и Конвертино различныя лица, потому что такимъ монархистомъ не могъ быть флорентійскій старожилъ. Даже при дворѣ Медичи между гуманистами нельзя найти до Макіавелли такого сто-

---

[1]) Ex avarorum nempe thesauris collegia hospitalia, ecclesiae, theatri, portus erecti, constructique plures quoque egenorum nuptiae suppletae. F. 31.

[2]) Clarum est nomen libertatis, carum etiam et dulce. F. 35.

[3]) Unum laetor vidisse Thomam Gradensem ecclesiae patriarcham virum utique absolutissimae sapientiae. Cum ageret in claustro moribus et magnitudine animi super cunctos erat. Deinde generalem in ordine vera humilitate infra omnes aspiceres; factus est postea patriarcha ac dominus cardinalis; non crevit dignitate sed magnificavit potius dignitates: semper idem et moribus claustralis ac pontifex. Dum opibus caruit non optavit, cum habuit non amavit, sed despexit, quodque una libertas est animo nunquam possedit idque, nec novit unquam, sed nec voluit nosse quantum assumpta dignitas responderet, quantum emitteret. Is erat, qui dignitatem et paupertatem juxta penderet et calcare temporalia videretur. Cuncta assumpte religionis monimenta ad finem usque perpetua virtute servavit et quam... vovit paupertatis normam constanti mente coluit et moriens secum tulit. F. 40. См. о немъ Ughelli, l. c. V, coll. 1151.

ронника единоличной власти, какъ авторъ Драматологіи. Въ республиканскую эпоху такой трактатъ во Флоренціи прямо немыслимъ. Кромѣ того, Конвертино или игнорируетъ въ своемъ сочиненіи Флоренцію, или относится къ ней прямо враждебно. Далѣе самое содержаніе діалога представляетъ большую цѣну по искренности. Авторъ вполнѣ убѣжденный монархистъ. Ему невыгодно было защищать монархическія идеи, живя въ Венеціи, а онъ нападаетъ даже на эту республику и защищаетъ ея недавно умершихъ враговъ Джангалеаццо и Франческо I. Его воззрѣнія — результатъ наблюденій человѣка, весь вѣкъ слѣдившаго за окружавшей его дѣйствительностью, и онъ относится сравнительно безпристрастно къ ея дѣятелямъ, напр., одинаково хвалитъ и Франческо I, и его заклятого врага Висконти. Характерно далѣе, что Конвертино прямо и рѣшительно констатируетъ тотъ фактъ, что научное движеніе особенно было сильно при дворахъ государей и сравнительно слабо при республикахъ, при чемъ не дѣлаетъ никакого исключенія для Флоренціи. Въ значительной степени этимъ объясняется даже и монархизмъ Конвертино. Вообще его политическія воззрѣнія основаны не на какой-либо теоріи, а отчасти на раціоналистическихъ соображеніяхъ, главнымъ же образомъ на наблюденіяхъ надъ историческою и современной дѣйствительностью, т.-е. проникнуты индивидуализмомъ. Этимъ объясняется и нѣкоторое противорѣчіе въ его отношеніи къ имперіи[1]). Наконецъ, заслуживаютъ вниманія еще три черты діалога: отношеніе къ религіи, къ морали и къ наукѣ. Конвертино — мыслитель свѣтскій; но церковныя воспоминанія у него чувствуются сильнѣе, чѣмъ у Бруни, и въ трудныхъ случаяхъ, какъ напр. въ вопросѣ о тираннуобійствѣ онъ опирается на религіозное ученіе. Но абсолютнаго авторитета въ его глазахъ церковная доктрина не имѣетъ, какъ это видно изъ его шаткихъ моральныхъ воззрѣній. Оправданіе пороковъ — слабая, можетъ быть, даже полусознательная попытка Конвертино построить мораль на тѣхъ же основаніяхъ, на которыхъ построена его политика. Что касается до его отношенія къ наукѣ, важно отмѣтить, что авторъ далекъ отъ исключительности и слѣпого преклоненія передъ древностью.

Исключительно одному вопросу индивидуальной морали посвященъ полубеллетристическій діалогъ Конвертино. *Любовная исторія Элизіи*[2]).

---

[1]) См. выше, p. 940 прим. 3 и ниже p. 955 прим. 6.

[2]) *Iohannis de Ravenna Historia Elysiae.* (Другое заглавіе: *Narratio violandae pudicitiae).* Напечатанъ только незначительный отрывокъ. (См. Tiraboschi, V, p. 861). Я печатаю ее по *Ватиканскому кодексу № 1666.* См. приложеніе VI. За принадлежность этого произведенія Конвертино, а не Мальпагини говоритъ только авторитетъ Біондо. (См. выше, p. 835, пр. 4), по сло-

По словамъ самого автора, это поправка съ этической точки зрѣнія поступка Лукреціи[1]). Одинъ французскій дворянинъ, по имени Гейнрихъ, отправившись во св. Землю, поручилъ семью и замки своему брату Арнольду. Но тотъ злоупотребилъ довѣріемъ и совершилъ надъ женою брата такое же насиліе, какому подверглась Лукреція. Элизія (такъ звали пострадавшую) не послѣдовала примѣру римской матроны, и отмстила другимъ способомъ. Дождавшись возвращенія мужа, она разсказала ему происшествіе. Тотъ пожаловался королю, который, вслѣдствіе запирательства Арнольда, назначилъ дуэль между братьями. Гейнрихъ физически былъ слабѣе своего брата, и поединокъ легко могъ кончиться для него неудачно. Но въ рѣшительный моментъ появилась Элизія и сильною рѣчью привела Арнольда въ такое смущеніе, что онъ былъ убитъ на дуэли. Интересъ этого произведенія, помимо роли исторіи Лукреціи въ этическихъ спорахъ гуманистовъ, заключается въ отношеніи автора къ самоубійству. Конвертино осуждаетъ Лукрецію не по религіознымъ мотивамъ, а съ точки зрѣнія здраваго смысла и практичности: Элизія гораздо дешевле достигла того же самаго результата[2]). Нѣкоторые вопросы индивидуальной морали затрогиваетъ Конвертино въ другомъ полубеллетристическомъ сочиненіи. — *Договоръ между подагрой и паукомъ*[3]). Конвертино заимствовалъ старый сюжетъ, вѣроятно, у Петрарки[4]), но значительно его распространилъ описаніями и отступленіями, которыя и имѣютъ историческую цѣну. Разсказъ начинается обширнымъ введеніемъ, въ которомъ авторъ повѣствуетъ, какъ къ нему пришла Подагра въ то время, когда онъ жилъ на морскомъ берегу[5]). Онъ увѣщеваетъ ее оставить его въ покоѣ и итти къ богатымъ, такъ какъ ей нечего дѣлать у деревенскаго бѣдняка. Подагра отрицаетъ, что онъ крестьянинъ,

---

вамъ котораго послѣдній ничего не писалъ. Самый вопросъ занималъ, какъ мы видѣли, Салютати; но представлялъ большой интересъ и для гуманистовъ за предѣлами Флоренціи.

[1]) Factum Lucretiae ratio sanior improbat; quicumque istius audit probat. Amore Lucretia pudoris sed mundani amplius favoris libidine in se crimen vindicavit alterius. Haec pudoris amissi jactura consternata, justum expectavit de flagilioso supplicium.

[2]) Jam fateor Lucretiam haec et fortitudine et consilio exuperat. Illa impos injuriae se peremit; ista fortiter incorruptum animum coërcuit, ut vitam servaret et dolorem intimum testaretur.

[3]) *Conventio inter podagram et araneam edita per Ioannem de Ravenna.* Сочиненіе не издано; я цитирую его по *Парижской рукописи № 6494.*

[4]) См. Epist. famil. III, 13. De remediis VI, 3.

[5]) In illo tempore transiens podagra per oram maritimam sinus Trigestini irrepsit in tabernaculum meum pollicique levo insedit. F. 41.

убѣждаетъ примириться съ болѣзнью и утѣшаетъ его примѣрами весьма многихъ знаменитыхъ подагриковъ, которые тутъ же перечисляются. По ея совѣту авторъ и порѣшилъ написать это сочиненіе, чтобы облегчить положеніе товарищей по страданію. Затѣмъ начинается самый разсказъ. Подагра и Паукъ вмѣстѣ рѣшили искать счастья. Первая поселилась въ деревнѣ, второй въ городѣ. Но выборъ оказался неудаченъ. Авторъ очень живо описываетъ, какъ преслѣдуютъ Паука въ городѣ, такъ что онъ въ отчаніи идетъ въ деревню, гдѣ находитъ еле живую Погагру. Ей тоже плохо живется въ мужицкихъ членахъ: для нея необходимъ покой и изнѣженность, а здѣсь ее преслѣдуютъ трудомъ и лишеніями. Тогда оба порѣшили помѣняться мѣстами, и Паукъ блаженствуетъ въ деревнѣ. Счастливый и довольный идетъ онъ навѣстить Подагру, которая тоже благоденствуетъ, потому что за ней очень ухаживаютъ, и авторъ даетъ живое описаніе тогдашней жизни въ богатыхъ домахъ. Друзья вступаютъ въ бесѣду о причинахъ благоденствія Подагры. Паукъ приписываетъ это роскошной городской обстановкѣ, Подагра — самимъ людямъ, которые не умѣютъ пользоваться данными имъ благами, а также невѣжеству врачей. Въ заключеніи трактата Паукъ и Подагра выражаютъ удовольствіе, что выбрали себѣ подходящія условія для жизни, и желаютъ, чтобы они сохранились и для потомства.

Въ этомъ сочиненіи, написанномъ авторомъ тоже подъ старость[1]), Конвертино вспоминаетъ свое прошлое и сообщаетъ автобіографическія свѣдѣнія. Онъ готовился быть медикомъ, но сдѣлался поэтомъ[2]). Подагра называетъ его pedagogulus и говоритъ о его занятіяхъ и образѣ жизни[3]). Характерны далѣе его разсужденія о врачахъ, гдѣ онъ совершенно сходится съ Петраркой. Подагра зло смѣется надъ медиками и разсказываетъ между прочимъ о нѣкоемъ Чекко изъ Флоренціи, который только потому выздоровѣлъ, что выбрасывалъ лѣкарства своихъ медиковъ; при этомъ авторъ приводитъ имена пользовавшихъ его врачей[4]). Главный недостатокъ медиковъ заключается по мнѣнію автора, въ томъ, что они не занимаются своимъ дѣломъ-

---

[1]) Оно датировано 1402. VII Kalendarum Februarium.

[2]) Nam quamquam natus phisico phisicus non sum, non medicinae, sed fabularum misteria didici. F. 41.

[3]) Rustici codices non versant, non colunt, non lucubrant legendi scribendique opera nec inter litteras macent, cultum mollem non habent nec dietariis cibis aluntur. Scitur et dicitur quibus puer deliciis educatus, quibus moribus adolescens, quibus vir opibus cum regibus, cum senatoribus ac magistratibus functus. F. 40—41.

[4]) Ibid. F. 49.

а читаютъ древнихъ поэтовъ и ораторовъ[1]), тогда какъ существуютъ весьма цѣнныя и важныя для нихъ медицинскія книги[2]). Характерно, наконецъ, отношеніе автора къ религіи. Подагра рѣзко упрекаетъ духовенство за изнѣженность[3]), но не придаетъ цѣны и мужицкому благочестію. Въ деревнѣ соблюдаютъ обряды, а истинная религіозность заключается въ настроеніи и нравственности[4]).

Переходомъ къ историческимъ произведеніямъ Конвертино можетъ служить его *Книга о достопримѣчательностяхъ*[5]), тоже написанная подъ старость[6]). Повидимому, планъ сочиненія навѣянъ аналогичною работою Петрарки[7]); но Конвертино далекъ отъ рабскаго подражанія. Правда, онъ распредѣляетъ матеріалъ по рубрикамъ, обозначающимъ различныя свойства человѣческаго духа и преимущественно добродѣтели и пороки[8]), но заимствуетъ его исключительно изъ современной дѣйствительности. Вслѣдствіе этого книга имѣетъ большой культурно-историческій интересъ не только по собраннымъ въ ней фактамъ, но и по этической ихъ оцѣнкѣ современникомъ. Конвертино начинаетъ и заканчиваетъ изложеніе главою о щедрости, потому что она „божественная добродѣтель“[9]) и можетъ доставить царскую славу

---

[1]) Addeque codices nunquam revisunt, qui diluculares in curas exeunt. Limina morbentium obeunt aut apothecis prostant. Quid si bibliothecas adeant? Nulli minus quam medicinae foliis inhaerent unus namque astronomia, alius impeditur alchimia. Iste poetis historiisue defervet; Ciceronem alter, Senecam, Quintilianum aut Apulegium (sic) inquietat; libris alius sacris lucubrat. F. 56.

[2]) Codicum nempe medicinae vera salubrisque doctrina, cujus eruditi sunt honore dignissimi. F. 58.

[3]) Обвиняя его въ изнѣженности, Подагра говоритъ: ad unius quidem prandii spacium dies hiberna vix sufficit. F. 54.

[4]) Паукъ говоритъ: Si domicilia, si exercitia, si cultum victumque metiris, sancti sunt ruricolae... Erras, отвѣчаетъ Подагра: sanctum non opus, sed intentio facit... Nempe rustica idcirco opera insignenda denominatione sanctitatis non sunt, quum nec veritate nec caritate fulciunt, furaces et fallaces ad rectum calligant. Ac per hoc deviant haud longo discrimine separes brutis. F. 47.

[5]) *Liber memorandarum rerum Ioannis de Ravenna.* Сочиненіе не издано. Я цитирую по *парижской рукописи № 6494.*

[6]) Et hoc ipsum maturari, quod in vitae jam calce essem... Qualemcunque tamen existimationem apud supestites referam, coram Deo fateor nullas aut recte minimas in me patres ignarum ocium vindicasse. F. 62.

[7]) См. выше, p. 252 и слѣд.

[8]) Исключеніе составляетъ глава *De prodigiis.* Раздѣленіе по рубрикамъ сдѣлано не особенно тщательно: главы *De liberalitate, De ingratis, De mutatione morum aut fortunae* повторены два раза.

[9]) Quid enim tam Deo simile, quam ultro donare, ultro juvare, ultro beneficum esse? F. 62.

людямъ безъ царскаго имени[1]), и приводитъ въ примѣръ этой добродѣтели между прочимъ Людовика Венгерскаго и Джангалеаццо[2]). Далѣе слѣдуетъ — *capitulum de felicitate*, гдѣ авторъ приводитъ въ примѣръ счастливаго человѣка одного юриста изъ Тревизо, который обладалъ всѣми благами, необходимыми для всесторонне развитой личности[3]). Въ слѣдующей главѣ — *De mutatione morum et fortuna* онъ перечисляетъ цѣлый рядъ parvenus[4]); во главѣ *О справедливости* съ особенной похвалой останавливается на дожѣ Антоніо Венье, который посадилъ въ тюрьму своего сына за то, что онъ повѣсилъ рога надъ воротами мужа обольщенной имъ женщины[5]). Въ Венеціи же нашелъ онъ наилучшій примѣръ патріотизма[6]). Чрезвычайно характерны также всѣ примѣры супружеской любви *(De amore conjugali)*. Съ особенной симпатіей Конвертино останавливается на нѣкоей Магдалинѣ изъ Болоньи, женѣ вора, женщинѣ крайне бѣдной. Она выпустила мужа изъ тюрьмы, переодѣвши его въ свое платье, осталась на его мѣстѣ, и только послѣ пытки, открывшей ея полъ, узнали объ ея поступкѣ и осыпали ее подарками[7]). Два другіе примѣра характеризуютъ такую женскую покорность, которая заходитъ за предѣлы нравственности, и сочувствіе къ нимъ автора, который

---

[1]) Inter praeclara benigni liberalisque animi exempla sine regio nomine regiam sibi laudem vendicat Bernabos felicissimum germen domus de sancto Severino F. 63.

[2]) Кромѣ нихъ еще *Goriciae comes Henricus* qui oram quoque Trevisinam suo adjecit victor imperio. F. 62.

[3]) At qui mihi primum inter felices reponendus occurit, Rainaldus, Trevisii juris consultus, cunctis beatitatis muneribus prope quae vita praesens assequi valet perfructus. Quippe in ipsa urbe situs jucunditate rerum omnium circumfluentia populorumque numero florentissima lares habuit, quibus amoeni commodique nihil ne optando quidem addi posset. Clarum insuper genus ac numerosum germanis fratribus jurisconsultis sapientiae morumque praerogativa inter cives honoratissimus. Animi praeterea dotes, ut ei nedum Tervisii, verum in omni Venetiarum ora, prima fere omnium esset auctoritas consultaque tamquam mansura quaedam oracula. Nequid porro corporis deformitas felicitati detraheret nasci forma spectabili ac valido corpore natura donavit, amplissimas quoque opes, pudicae conjugis fecunditatem, laetam prolem, claram spem caramque virtutibus, denique addas plurimas utraque ex prole feliciter nepotes. Rara funera, raros fletus et ceu indesinenti indulgentia fortunam confoventeque tranquillo sinu favoris. 64.

[4]) Орделаффи, Бомбосоли, Gerondinus и Ioannes. Sarasinus, Euganeo rure natus сначала нищій, потомъ служитель въ аптекѣ и наконецъ вельможа Людовика Венгерскаго.

[5]) *De justitia*. Онъ восхваляетъ также знатнаго гражданина изъ Павіи Thiso de Sancto Angelo, правителя въ Беллуно, за то, что онъ приказалъ своему сыну жениться на соблазненной имъ дѣвушкѣ простого званія. F. 66.

[6]) De caritate patriae. Примѣромъ служитъ Andreas Cantarenus.

[7]) Ibid. F. 67.

называетъ ихъ имена, указываетъ на крайнюю распатанность современной морали[1]). Но для того, чтобы найти высокій образецъ цѣломудрія, автору пришлось прибѣгнуть къ анекдоту. Онъ разсказываетъ, что во время одной войны Людовика Венгерскаго Teucer infestus захватилъ знатную и красивую дѣвушку. Всѣ средства сохранить невинность оказались тщетными. Тогда дѣвушка заявила, что знаетъ составъ, предохраняющій тѣло отъ ранъ, и предложила попробовать мазь на своей шеѣ. Teucer сдѣлалъ пробу и отрубилъ ей голову[2]). Авторъ заканчиваетъ главу восторженнымъ панегирикомъ новой Лукреціи[3]); но разсказъ носитъ всѣ признаки анекдота: дѣйствіе происходитъ за предѣлами Италіи, имена неизвѣстны и самая фабула отличается крайней искусственностью. Внѣ Италіи пришлось Конвертино искать образца для главы *De fide*, и единственный примѣръ вѣрности онъ нашелъ во французскомъ королѣ Іоаннѣ Добромъ[4]). Въ примѣръ дружбы онъ приводитъ Стефано Колонну, который хотѣлъ раздѣлить участь осужденнаго друга, „когда свирѣпствовалъ надъ Римлянами трибунъ Кола“[5]). Примѣры въ главѣ *De fortitudine* не представляютъ интереса[6]), но весьма характерна глава *De ingenio*. Конвертино видитъ въ талантѣ особенный даръ Божій человѣку[7]) и понимаетъ его чрезвычайно широко. Онъ видитъ его проявленіе и въ Іоганнѣ, епископѣ Ольмютца, при особенныхъ условіяхъ изучившемъ Данте[8]), и въ безрукой француженкѣ, которая все дѣлала ногами,

---

1) См. приложеніе VII, А.

2) Ibid. F. 68.

3) O virgo clarissimum pudicitiae monimentum, felix morte, consilio prudens ect. F. 68.

4) Ibid. F. 68.

5) Ibid. F. 69.

6) Примѣромъ храбрости служитъ между прочимъ французскій солдатъ, относительно котораго авторъ патріотически замѣчаетъ: Miles gallus, italica plane dignus laude.

7) Ingenium humanum singulare Dei omnipotentis munus tot artes, tot urbium orbisque decora, tot adinventa, tot denique litterarum amplissimi fructus praedicant. F. 69.

8) Is (Iohannes episcopus Ulmocensis, Caroli Caesaris apocrisiarius) cum vocem latinum penitus ignoraret, accepta Commediarum Dantis praedicatione, quantus videlicet in volumine tum poëticae, tum historiarum, tum denique omnis eloquii ac divinarum humanarumque thesaurus scientiarum conderetur, naturam vicit, imperavit ingenio, os linguamque cohercuit, ut sermone quamquam thusco liber existat, voces nihilominus italas proferre, intelligere, sensum explicare, memorare contenta studii ardore condisceret — prodigiosus labor hominis inauditaque prorsus industria, qui extra lectionem Dantis, omnis penitus expers idiomatis latii, versus tamen auctoris inviolata latini vulgaris integritate exprimeret significatumque

и въ генуэзцѣ, сдѣлавшемъ себѣ желѣзныя руки, и въ слѣпомъ сапожникѣ. Авторъ преклоняется также и передъ энергіей, которая помогаетъ человѣку выбиться изъ самаго затруднительнаго положенія[1]). Слѣдующая глава *(De sapienter et graviter dictis aut factis)* представляетъ интересъ для характеристики Франческо I[2]); для самого автора гораздо характернѣе глава *De prodigiis*, единственный отдѣлъ, не затрогивающій того или другаго человѣческаго свойства. Конвертино чуждъ суевѣрія. Онъ съ интересомъ разсказываетъ разныя исключительныя явленія, какъ напр. необыкновенную продолжительность жизни или факты въ родѣ того, что у одного мужа отъ двухъ женъ было 150 дѣтей, а у одной собаки сразу 28 щенковъ, но не видитъ въ этомъ ни чуда, ни предзнаменованія, а только доказательства могущества природы[3]).

Изъ пороковъ съ особеннымъ вниманіемъ Конвертино останавливается на неблагодарности, которой онъ посвящаетъ двѣ главы съ лирическимъ введеніемъ[4]). „Чудовищемъ неблагодарности" представляется ему Карлъ Дураццо, который измѣннически убилъ королеву Джіованну, два раза захватывалъ въ плѣнъ и держалъ въ заключеніи папу, который его облагодѣтельствовалъ, и заплатилъ черною неблагодарностью Людовику Венгерскому[5]). Примѣры, приведенные въ

---

verborum ore germanico inoffensa veritate historiarum audientibus aperiret, praebuit rarum stupendumque miraculum, cum alia latine verbum nullum exprimere nosset, in poëtae carminibus latinum germane facile interpretari didicisse. F. 70. Изъ переписки Петрарки видно, что этотъ характерный представитель раннихъ нѣмецкихъ симпатій къ итальянской наукѣ и литературѣ былъ усерднымъ поклонникомъ перваго гуманиста. См. Epist. famil. X, 6; XXI, 2 и 5; XXIII, 6, 7, 10, 14, 16 и примѣчанія къ нимъ Фракассетти.

[1]) Debuit pertinax labor hujus (безрукаго генуэзца) digno pudore confundere, qui mendicato viventes malunt inertia turpiter dissolvi, quam laboris industria civiliter conversari. F. 70.

[2]) Характернѣй другихъ слѣдующій поступокъ Франческо I. Одинъ житель Тріеста, больной подагрой, наслышавшись о доблестяхъ Франческо, пришелъ въ Падую съ исключительной цѣлью его повидать. Франческо приказалъ его роскошно принять, но не показался ему, чтобы его не разочаровывать F. 70—71.

[3]) Глава начинается вопросомъ: Naturae praepotentis regnum quis evolvat? а въ другомъ чудѣ авторъ видитъ проявленіе того, quanta sit Conditoris potentia, cum tanta inveniatur esse naturae. F. 73.

[4]) Quo te dicendi fulmine prosternam, ingrati animi nequitia, humanae liberalitatis hostis, noverca benignitatis, nexus amicitiae dissolutrix, non actione modo, sed exemplo quoque pestifera, quo facundiae telo confodiam? Quibus tandem infamiae procellis obruam etc. F. 74.

[5]) Къ числу неблагодарныхъ отнесенъ также Albericus e comitibus Cumanis, который, будучи облагодѣтельствованъ Джангалеаццо, измѣнилъ его дѣтямъ. F. 21.

главѣ *De luxuria* представляютъ интересъ для характеристики нравственнаго упадка[1]), виновниками котораго нѣкоторые новые изслѣдователи считаютъ гуманистовъ. Главы *De avaritia* и *De perfidia* не представляютъ интереса[2]) за исключеніемъ замѣчанія автора, что въ современномъ ему обществѣ вѣроломство считается искусствомъ, а не преступленіемъ[3]), поэтому, вѣроятно, онъ говоритъ въ этой главѣ только объ отцеубійствѣ. Наконецъ въ главѣ *De Superbia* авторъ разсказываетъ интересный фактъ. Византійскій императоръ Калоіоаннъ, стѣсненный турками, отправился просить помощи у Людовика Венгерскаго. Тотъ выѣхалъ къ нему на встрѣчу; но императоръ не снялъ шляпы и держался такъ гордо, что оскорбленный Людовикъ отказалъ въ своемъ содѣйствіи[4]).

Изъ двухъ историческихъ произведеній Конвертино одно посвящено Рагузѣ, другое фамиліи Каррара, и оба они преслѣдуютъ не чисто историческія цѣли. *Происхожденіе фамиліи Каррара*[5]) представляетъ собою изложеніе фамильной легенды, снабженное различными литературными украшеніями. Конвертино слышалъ преданіе отъ стараго Франческо, и ему принадлежитъ только форма. По словамъ автора, юноша Ландольфъ, родоначальникъ фамиліи, полюбился дочери императора Елизаветѣ, тайно женился на ней, скрылся отъ двора, который находился тогда въ Италіи, и поселился въ лѣсу недалеко отъ Падуи[6]). Отъ этого уединенія (Casa rara) и получила фамилія свое прозваніе[7]). Послѣ длиннаго отступленія, въ которомъ описано, какъ во снѣ явился Ландольфо пророкъ Илія и предсказалъ ему блестящую будущность, именно, что тесть уступитъ ему многія земли, что предстоятъ славныя войны и что у Ландольфо будетъ знаменитый потомокъ. Между тѣмъ на возвратномъ пути

---

[1]) См. приложеніе VII, B.

[2]) Примѣръ скупца приведенъ безъ имени. Для примѣра вѣроломства названы два отцеубійца. F. 76.

[3]) Horrenda prorsus detestabilisque nequitia, nisi vis fasque ultro violare praesens aetas pro dominandi aestu artem quoque ipso jam usu perfidiam et minime crimen habere didicisset. F. 76.

[4]) Другіе примѣры: Византійскій императоръ Эммануилъ, какой-то французъ Гуго и Antonius Scaliger, Veronae dominator. Ibid. F. 78.

[5]) *Familiae Carrariensium natio edita per Ioannem de Ravenna, olim Seniori Franscisco.* Сочиненіе неиздано, кромѣ весьма важнаго для біографіи автора посвященія книги сыну Франческо I Родульфо, напечатаннаго у Klette, l. c., p. 16 и слѣд. Я цитирую по *Cod. Ambrosianus № 93.*

[6]) Sexto ab urbe Patavii lapide... tantae propaginis semina posuere. F. 126.

[7]) Авторъ приводитъ также этимологію враговъ фамиліи, которые такъ объясняютъ ея названіе: plaustra fabricant et aratra. Ibid.

императора изъ Италіи одинъ изъ его приближенныхъ, Конрадъ, нашелъ бѣглецовъ, у которыхъ уже было двое дѣтей: старшій *Milo* и младшій Rodulphus. Здѣсь сочиненіе получаетъ беллетристическую форму, потому что авторъ приводитъ самыя бесѣды; затѣмъ оно принимаетъ реторическій характеръ, потому что цѣлый рядъ рѣчей замѣняетъ повѣствовательное изложеніе: въ длинной рѣчи разсказываетъ Конрадъ о своемъ открытіи и потомъ масса рѣчей въ сценѣ примиренія императора съ бѣглецами. Затѣмъ описывается надѣленіе Ландульфа землями, и сочиненіе заканчивается весьма странной молитвой[1]).

Кромѣ автобіографическаго введенія, сочиненіе Конвертино представляетъ интересъ по критическимъ пріемамъ автора. Хотя онъ открыто заявляетъ, что не гонялся за точностью фактовъ[2]), тѣмъ не менѣе онъ сознаетъ необходимость исторической критики[3]) и примѣняетъ ее, правда, только въ простой формѣ скептицизма[4]). Заслуживаютъ также вниманія нѣкоторыя отдѣльныя воззрѣнія автора, проявляющіяся преимущественно въ отступленіяхъ. Такъ, характеренъ взглядъ Конвертино на человѣка. Онъ настаиваетъ на божественности человѣческой природы и на ея способности къ совершенствованію, лишь-бы только человѣкъ не погрязалъ въ чувственности и, познавъ истиннаго Бога, не служилъ твари[5]). Характерны также патріотическія жалобы автора и его желаніе, чтобы Италія достигла хотя бы такого объединенія, какое существовало въ современной ему Германіи[6]).

---

[1]) Ландульфъ обращается сначала къ omnipotens, qui tempora resque temporum vicissitudinibus ordinas et ipso ordine benignus exornas, затѣмъ къ dii partii и vos postremo ...indigenum quorum nutu mea istuc pignora selapsa sunt quorum auspiciis vestro in sinu dilituere. F. 132.

[2]) Parum enim refert de stirpite contari, cum dignus laude fructus teste gustu comprobetur. F. 126.

[3]) In rebus annorum voluminibus diu multumque obrutis plurima suis praeclara temporibus obsolverunt, quemadmodum rursus coram celebrantur, quae vel fabulae vel aegre credita prioribus extitissent. 126.

[4]) Quisquis autem ille fuerit Caesarum, quoniam anceps ratio opinione variat, omisisse operae praetium duxi, quam indiscussae assertionis veniam praesumendo posse de mendatio redargui. F. 126.

[5]) Divinum siquidem animal homo, quo minus solicitudinibus terrenis immergit, minus cunctis carnis sordibus incurrat, hoc magis, magisque verum in rebus revelante natura cognoscit, quippe ad acceptam divinitus redeat modo primi illius hominis puritatem, ne, dum viritas aperta sit, creatae quoque famulentur. F. 129.

[6]) Изъ Италіи императоръ возвращается in Hesperiam, tum laetam imperatorio freno et Caesario contentam jugo: unum insigne numisma, una populis libertas erat. O pudorem, o praesentium infelicem sortem... non paene stadium simili nummo similique nomine Italiam peragranti transire licet... Italia dimidua

Исторія Рагузы[1]) представляетъ собою скорѣе дидактическое, чѣмъ историческое произведеніе. Въ длиномъ введеніи, авторъ, изложивъ жалобы на свои неудачи и на трудности канцелярской работы, разсуждаетъ о религіи, о празднованіи субботы и вообще о праздничномъ времяпрепровожденіи, о томъ, что слѣдуетъ поклоняться святымъ только propter Deum, объ истинной молитвѣ, объ излишней привязанности къ земнымъ благамъ и о недостаточности заботъ о будущемъ и т. д. Цѣль сочиненія — примѣромъ Рагузы дать назиданіе соотечественникамъ. Поэтому историческихъ фактовъ почти нѣтъ въ сочиненіи, и авторъ ограничивается описаніемъ политическаго строя и нравовъ въ Рагузѣ[2]). Интересъ сочиненія для характеристики эпохи и автора исчерпывается заключающимися въ немъ отступленіями. Такъ, Конвертино дополняетъ весьма интересными чертами портретъ Франческо I[3]), сообщаетъ любопытныя данныя о щегольствѣ и роскоши въ Италіи[4]) и еще разъ обнаруживаетъ свой патріотизмъ. Италія, по его мнѣнію, была бы настоящимъ земнымъ раемъ, если бы въ ней не отсутствовали „миръ и свобода“[5]).

Какъ ни далеки мы еще отъ полнаго знакомства съ произведеніями Конвертино[6]), его разсмотрѣнныя нами работы вносятъ кое-какія

nunc ambitione laceratur? Sed quid coeli dicreta questu frustra pulsamus? Eunt ibuntque digna facinoribus tempora. F. 127.

[1]) *Historia Ragusii Ioannis de Ravenna.* Сочиненіе не издано. Я цитирую *по парижской рукописи № 6494.*

[2]) См. приложеніе VIII.

[3]) См. приложеніе V, A.

[4]) Ceterum eo nostra perveniet intemperies, ut perversa hominum vita feminas viri viros feminae aemulatione fatigent; hae illos imitari; has contra illi contendentes nurium molliciem atque oris capitisque fingendi studium moresve. Illae vero nedum vestitum cultumque virorum verum etiam domi imperium usurpavere. Recte mehercule, ut qui virum se fore dedicit sub femina preside agere congruum fit. F. 97. Особенно онъ возстаетъ противъ бритья бороды: Tanta pilos demetendi vigilantia curaque inolevit, ut barbicidarum officina frequentatior nulla lucrosiorque sit; между тѣмъ, erat in adolescentibus virilitatis, in viris maturitatis judicium barba. F. 97.

[5]) Haud supervacue addiderim, quod ad cumulum beatitatis Italiae, nisi pax et libertas non desunt; quo ubi contuleris nescio quis alter deliciarum paradisus. Далѣе идетъ длинное описаніе естественныхъ богатствъ и красоты Италіи. F. 92.

[6]) По заглавію извѣстны еще слѣдующія произведенія Джіованни да Равенна: 1) *Ratiocinarium vitae.* 2) *De consolatione in obitum filii.* 3) *Apologia.* 4) *De introitu in aulam.* 5) *De fortuna aulica.* 6) *De dilectione regnantium.* 7) *De lustro Alborum in urbe Padua.* 8) *Dialogus, cui titulus Dolosi astus.* 9) *Recollecte Valerii Maximi.* 10) *Historia Lugi et Conselicis* (Tirab., V, p. 861). Вѣроятно, Dolosi astus имѣетъ въ виду Конвертино, говоря въ Исторіи Рагузы (fol. 42), что свои взгляды на положеніе Италіи онъ развилъ in Dialogo ad Thomam olim Cardinalem.

дополненія въ его фактическую біографію[1]) и, что особенно важно, даютъ возможность составить представленіе о его воззрѣніяхъ, которыя до сихъ поръ оставались совершенно неизвѣстными. Какъ гуманистъ, Конвертино представляетъ собою естественное звено между Петраркой и Бруни, между первой и третьей генераціей. Онъ гораздо ближе къ Петраркѣ, чѣмъ Салютати и Марсильи; онъ буквально повторяетъ многіе взгляды перваго гуманиста[2]), заимствуетъ у него сюжеты для своихъ работъ. Но Конвертино далекъ отъ рабской подражательности. Въ своихъ „Достопримѣчательностяхъ" онъ обнаруживаетъ тотъ же моральный интересъ, но заимствуетъ матеріалъ не изъ древности, а изъ современности. Вообще къ древности Конвертино относится совершенно свободно и гораздо больше Петрарки интересуется современностью. Далѣе, подобно первому гуманисту Конвертино патріотъ; но у него весьма опредѣленныя политическія воззрѣнія, построенныя главнымъ образомъ на наблюденіяхъ и чуждыя всякой мечтательности. Наконецъ, религіозность Конвертино, повидимому, слабѣе благочестія Петрарки, носитъ болѣе раціоналистическій характеръ и гораздо менѣе вліяетъ на его міросозерцаніе. Въ этомъ отношеніи онъ близокъ къ Бруни, съ которымъ связываетъ его также интересъ къ политическимъ вопросамъ. Но у Конвертино слабѣе научные и философскіе интересы; можетъ быть, этимъ объясняется сравнительно слабое развитіе критицизма въ его произведеніяхъ.

Ко второму поколѣнію гуманистовъ принадлежалъ *Пьеръ Паоло Верджеріо* (род. около 1350 умеръ послѣ 1444 года). Онъ былъ родомъ изъ Каподистріи (поэтому всегда называлъ себя Iustinopolitanus), происходилъ изъ дворянской, но обѣднѣвшей фамиліи, учился въ Падуѣ и во Флоренціи, затѣмъ былъ профессоромъ во Флоренціи, въ Болоньѣ и въ Падуѣ, канцлеромъ при дворѣ Каррарь и воспитателемъ Убертино, сына Франческо II. Послѣ паденія Каррарь Верджеріо получилъ мѣсто апостольскаго секретаря при Иннокентіи VII, былъ делегатомъ отъ Римини на Констанскомъ соборѣ, затѣмъ поступилъ на службу къ императору Сигизмунду, при дворѣ котораго

---

[1]) Фактическія свѣдѣнія о Конвертино сведены у Klette Iohannes Conversanus. Ср. выше, p. 835 и слѣд. Извѣстіе Gloria (у Zardo, p. 47), что въ 1371 году между студентами падуанскаго университета былъ Giovanni da Ravenna, оставшееся неизвѣстнымъ Klette, можетъ быть, слѣдуетъ отнести къ Мальпагини, если не предположить существованіе третьяго Дж. да Равенна. Автобіографическія показанія Конвертино, приведенныя выше (p. и пр. 49, 84 и 85) отчасти пополняютъ, отчасти измѣняютъ свѣдѣнія Klette.

[2]) Напр., въ отношеніи къ врачамъ и, что особенно характерно, въ отношеніи къ природѣ. Ср. выше, p. 258. p. 950, пр. 1 и 2 и p. 953, пр. 3. Срав. также отношеніе обоихъ къ деревенской жизни.

сошелъ съ ума и умеръ. Несмотря на многочисленныя странствованія и разнообразную службу Верджеріо, его дѣятельность связана была болѣе всего съ Падуей, гдѣ онъ учился, училъ и служилъ; Падуей интересуется онъ болѣе всего въ своей перепискѣ, и Каррарамъ посвящены его главныя произведенія. Верджеріо писалъ много и касался въ своихъ сочиненіяхъ самыхъ разнообразныхъ вопросовъ. Такъ религіозныя темы онъ затрогиваетъ въ многочисленныхъ панегирикахъ св. Іерониму, особенно почитаемому на его родинѣ и внушавшему ему искреннее благоговѣніе. Онъ имѣлъ обыкновеніе каждый годъ въ праздникъ этого святого произносить рѣчи, изъ которыхъ нѣкоторыя сохранились въ рукописяхъ и въ старыхъ изданіяхъ. Объ одной такой рѣчи упоминаетъ Муратори, который не счелъ нужнымъ внести ее въ свое изданіе[1]). Комби утверждаетъ, что къ этой категоріи принадлежитъ его рѣчь, которую озаглавливаютъ обыкновенно *О религіи, чистотѣ и святости*[2]). По словамъ того же автора, Верджеріо написалъ службу этому святому[3]). Философскія произведенія Верджеріо до насъ не дошли. Саббадини справедливо замѣтилъ, что неоконченное письмо безъ даты и адреса, помѣщенное въ собраніи Комби подъ № XXV представляетъ собою отрывокъ изъ трактата[4]). Несомнѣнно, это діалогъ, написанный для доказательства той мысли что тяжела не самая смерть, а только страхъ передъ нею. Къ этой же категоріи слѣдуетъ отнести сочиненіе Верджеріо — *О благородныхъ нравахъ*, хотя тамъ и обсуждаются педагогическіе вопросы.

Педагогическій трактатъ Верджеріо — *О благородныхъ занятіяхъ и нравахъ юношества*, какъ онъ самъ его называлъ или *О благородныхъ нравахъ*, какъ онъ называется въ рукописяхъ и печатномъ изданіи[5]), представляетъ собою сжатый компендіумъ педагоги-

---

[1]) Quod nihil nisi vulgaria eaque ne a fabulis quidem immunia exhibeat. Script. XVI, p. 187.

[2]) *Combi, Di Pierpaolo Vergerio il seniore da Capodistria e dell suo epistolario.* Въ Documenti etc., p. XXIV. Рукопись *Sermo de religione et castitate ac sanctitate* у Zeno, I, p. 54.

[3]) L. c.

[4]) *Sabbadini, Epistolae di Pier Paolo Vergerio seniore da Capodistria.* (Въ Giorn. st. d. lett. ital. XIII, p. 296.)

[5]) *Petri Pauli Vergerii Justinopolitani ad Ubertinum Carrariensem De ingenuis moribus opus praeclarissimum.* Въ концѣ книги Venetiis per Damianum de Mediolano 1493 die XXI Junii. Безъ пагинаціи. Но самъ авторъ даетъ сочиненію другое названіе, болѣе подходящее къ содержанію. Tuo igitur nomine, обращается онъ къ Убертино, breve hoc opus suscepi et *de liberalibus adolescentiae studiis ac moribus*, id est, in quibus rebus exerceri ingenuos adolescentes quidve cavere conveniat, adortus sum scribere, p. 2 трактата.

ческихъ доктринъ гуманистовъ. Авторъ начинаетъ съ утвержденія, что образованіе дѣтей должно быть главною заботою родителей; важно дать дѣтямъ славное имя, цвѣтущую родину, но все это можетъ замѣнить образованіе[1]). Самымъ существеннымъ дѣломъ для успѣшнаго достиженія педагогическихъ цѣлей — это изучить особенности ребенка и сообразно съ ними построить программу его воспитанія и обученія[2]). Указавши далѣе нѣкоторыя общія правила для воспитанія (недопускать праздности и переутомленія и т. п.[3]), Верджеріо опредѣляетъ понятіе „благородныя занятія" (liberalia studia). „Мы называемъ эти занятія свободными потому, что они достойны свободнаго человѣка; это тѣ занятія, которыми добродѣтель и мудрость развивается или воздѣлывается и которыми тѣло или душа располагается ко всему наилучшему. Отсюда обыкновенно снискивается людьми честь и слава, которыя мудрецъ ставитъ передъ собою, какъ первую награду послѣ добродѣтели, потому что, какъ несвободные умы (illiberalia ingenia), ставятъ себѣ цѣлью выгоду и удовольствіе, такъ свободные — доблесть и славу. Поэтому должно стараться всѣми способами направлять людей съ ранняго дѣтства къ нимъ и къ мудрости"[4]). Верджеріо дѣлитъ жизнь, достойную свободнаго человѣка, на два вида созерцательную и дѣятельную или, правильнѣе, созерцательную и практическую[5]), и доказываетъ необходимость для обоихъ видовъ научныхъ занятій. Ради этого онъ разсматриваетъ отдѣльно каждый предметъ научнаго преподованія, его пользу и состояніе въ древнемъ мірѣ и въ его время, и старается подтвердить его необходимость примѣрами изъ біографій героевъ древности. Затѣмъ онъ сообщаетъ нѣкоторыя правила для выработки нравственнаго характера, построенныя на психологическихъ основахъ[6]). Какъ всѣ гуманисты, Верджеріо требуетъ всесторонняго воспитанія, развитія не только духа, но и тѣла и подробно говоритъ о физическихъ требованіяхъ разумной педагогіи[7]). Сочиненіе заканчивается разсмотрѣніемъ съ педагогической точки зрѣнія различныхъ удовольствій[8]).

---

[1]) Ibid. p. 1.

[2]) Principio igitur erit unicuique suum ingenium per se spectandum, aut si minus per aetatem nobis perpendere id licebit, parentes caeterique, quibus curae erimus, animadvertere debebunt, et in quas res natura proni aptique fuerimus, eo potissimum studia nostra conferri et in eis totos versari conveniet. Ibid. p. 2.

[3]) Ibid. p. 6.

[4]) Ibid. p. 8.

[5]) Ibid. p. 10.

[6]) Ibid. p. 15—18.

[7]) Ibid. p. 21.

[8]) Ibid. p. 24.

По содержанію трактатъ Верджеріо представляетъ большой интересъ, какъ первое гуманистическое произведеніе педагогическаго содержанія. Современные гуманисты встрѣтили его съ большимъ сочувствіемъ [1]), которое раздѣляютъ и новые изслѣдователи [2]); весьма характеренъ онъ и для автора. Проповѣдуя необходимость научнаго образованія, Верджеріо живо сознаетъ пользу науки и находитъ высокое наслажденіе въ занятіяхъ ею. Во имя пользы онъ требуетъ вмѣшательства государства въ воспитаніе [3]) и такъ изображаетъ удовольствіе, происходящее отъ научныхъ занятій: „какая жизнь можетъ быть болѣе пріятною и болѣе удобною, какъ читать и писать постоянно, живя теперь, познавать новые факты древности и говорить съ потомствомъ и такимъ образомъ дѣлать нашимъ всякое время, какъ прошлое, такъ и будущее" [4]). Кромѣ исторіи, въ которой онъ видитъ не только удовольствіе, но и пользу [5]), Верджеріо высоко ставитъ также моральную философію, которая дѣлаетъ людей истинно свободными [6]), и ловко уклоняется отъ обсужденія педагогическаго значенія богословіи, такъ что оно у него не входитъ въ составъ artes liberales, которыя должны быть изучены свободнымъ человѣкомъ [7]).

Самую значительную часть сочиненій Верджеріо составляютъ его историческіе и біографическіе труды. Самый крупный изъ нихъ — *Біографіи государей изъ дома Каррара* [8]). Авторъ начинаетъ съ Джакопо I, основателя династіи, и доводитъ до Франческо I. Къ сожалѣнію, онъ останавливается на томъ пунктѣ, гдѣ его показанія, какъ очевидца, имѣли бы особую цѣну; но и въ настоящемъ видѣ

---

[1]) См. письма Салютати и Бруни поэтому поводу у Combi, p. 210 и 205. Сомнѣнія Саббадини относительно принадлежности послѣдняго письма Бруни (l. c., p. 296) едва ли основательны.

[2]) См. Шмидтъ, Исторія педагогики, l. c., p. 379 и слѣд., *Стороженко, Педагогическія теоріи эпохи Возрожденія* (Пантеонъ литературы 1888 p. 9).

[3]) Et de cura juvenum cum plurimum domesticae disciplinae permissum est, nonnulla tamen solent legibus diffiniri, deberent autem, ut fere dixerim, omnia, nam et reipublicae interest juventutem in civitatibus bene moratam esse et si fuerint adolescentes ratione instituti, erit id quidem utile et civitatibus et ipsis bonum. Ibid. p. 5.

[4]) Ibid. p. 12.

[5]) Ibid. p. 13.

[6]) Caeterae quidem artium liberales dicuntur, quia liberos homines doceant, philosophia vero idcirco est liberalis, quod ejus studium liberos homines efficit. Ibid.

[7]) Scientia vero divina est de causis altissimis et rebus, quae semotae a nostris sensibus, quas intelligentia tantum attingimus. Principales itaque disciplinas fere connumeravimus omnes. Ibid. p. 15.

[8]) *Petri Pauli Vergerii Justinopolitani, Vitae principum Carrariensium.* У Муратори, T. XVI.

книга имѣетъ значеніе по обстоятельности изложенія и по отсутствію панегирическаго тона. Верджеріо относится къ Каррарамъ весьма сочувственно, но не скрываетъ и темныхъ сторонъ ихъ дѣятельности. Такъ, напр. онъ разсказываетъ о постыдныхъ дѣяніяхъ Убертино[1]) и о его жестокостяхъ, хотя и оправдываетъ ихъ необходимостью терроризма для недавно установившейся монархіи[2]). Точно также онъ не скрываетъ ничтожности Марсильетто и его пороковъ[3]), говоритъ, что убійствомъ предшественника достигъ власти Джакопо младшій и что властолюбіе было одной изъ причинъ этого преступленія[4]), хотя старается извинить убійцу цѣлымъ рядомъ соображеній[5]). Для характеристики самаго автора особенно важны два пункта въ его книгѣ: отношеніе къ среднимъ вѣкамъ и проявленіе исторической критики. Верджеріо далекъ отъ безусловнаго преклоненія передъ древностью; по его мнѣнію, въ средніе вѣка „случилось много великаго и достойнаго памяти", но тогда не было хорошихъ историковъ, потому что „не придавали цѣны никакимъ наукамъ"[6]).

Самъ Верджеріо предъявляетъ къ исторіографіи весьма строгія требованія. Онъ упрекаетъ Муссато за пристрастіе, а Кортузіо за несовершенство формы[7]), и относится къ своимъ источникамъ съ большой осторожностью. Онъ „не рѣшается" говорить подробно объ исторіи Падуи до Эццелино[8]), рѣзко заявляетъ несостоятельность преданій о происхожденіи фамиліи Каррара[9]) и сообщаетъ читателю свои критическіе пріемы по отношенію къ позднѣйшимъ источникамъ[10]). Правда, эти пріемы еще очень элементарны: авторъ выбираетъ изъ противорѣчивыхъ источниковъ то, что ему кажется болѣе вѣроятнымъ, не приводя основаній для выбора[11]); въ болѣе сомнительныхъ случаяхъ онъ ограничивается скептицизмомъ[12]) и весьма рѣдко пытается

[1]) Ibid. coll. 159.

[2]) Studebat namque Ubertinus timeri cum foris, tum maxime in urbe, sciens regnum recens difficile quam per metum contineri posse. Ibid. coll. 169.

[3]) Ibid. coll. 172, 175.

[4]) Sed scitum est illud Euripidis, quod Caesar ante rempublicam occupatam jactare crebro solebat: *Si violandum* est jus, regnandi causa violandum est. Ibid. coll. 175.

[5]) Ibid. Вообще жестокости и злодѣйства изложены совершенно спокойнымъ тономъ.

[6]) Ibid. coll. 113.

[7]) Ibid. coll. 114.

[8]) Ibid. coll. 113.

[9]) Ibid. coll. 115.

[10]) Ibid. coll. 121.

[11]) Ibid.

[12]) Ibid. coll. 115.

анализировать подлежащій критикѣ фактъ[1]). Но самое настроеніе историка весьма характерно.

Верджеріо дополнилъ свое сочиненіе двумя монографическими работами[2]) и написалъ еще *Исторію мантуанскихъ государей*, которая извѣстна только по заглавію[3]). Только незначительная часть сочиненія Верджеріо: *De republica Veneta*, извѣстна въ печатномъ изданіи[4]), а его трудъ *О положеніи древняго и славнаго города Рима* до сихъ поръ остается неизданнымъ[5]). Еще Муратори напечаталъ небольшое произведеніе Верджеріо, *De urbe Justinopoli*, которое по критическимъ пріемамъ стоитъ несравненно ниже его главной исторической работы. Авторъ называетъ готовъ славянами, рѣшительно признаетъ основателями города колхидянъ, преслѣдовавшихъ Язона, но колеблется рѣшить, названъ ли городъ по имени Юстина императора или историка, и склоняется къ послѣднему рѣшенію, потому что Юстинъ обстоятельно описалъ прибытіе сюда колхидянъ[6]). Біографическіе труды Верджеріо посвящены современнымъ дѣятелямъ — Петраркѣ[7]) и Фр. Дзабареллѣ, съ которымъ авторъ стоялъ въ весьма дружественныхъ отношеніяхъ; но послѣдняя біографія, представлявшая собою похвальное слово, извѣстна только по заглавію[8]).

Историческій интересъ представляютъ и рѣчи Верджеріо. Одна изъ нихъ произнесенная въ римской консисторіи послѣ смерти Иннокентія VII и сохранившаяся въ отрывкѣ, является выраженіемъ общаго тогда стремленія къ прекращенію схизмы, при чемъ ораторъ предостерегаетъ прелатовъ, чтобы они не „потеряли міра“[9]). Вторая рѣчь, погребальная, въ честь Франческо I[10]), и третья — поздравительная Фран-

---

[1]) Такъ, мнѣніе, что родоначальникомъ Карраръ былъ Милонъ, котораго защищалъ Цицеронъ, Верджеріо объясняетъ тѣмъ, что это имя часто встрѣчается въ ихъ семьѣ. Ibid. coll. 116.

[2]) *Apologia contra Albertinum Mussatum* издана *Cittadella* въ приложеніи къ Storia dei Corraresi, и *Adnotationes in librum de gestis Carrariensium*, которая извѣстна только по заглавію. См. Combi, l. c., p. XV.

[3]) *Historia principum Mantuanorum*. Combi считаетъ ее утраченной (l. c.); но самое существованіе этого произведенія Верджеріо не оправдывается ни однимъ надежнымъ показаніемъ.

[4]) Combi, l. c., p. XVI—XVII.

[5]) *De statu veteris et inclytae Urbis Romae*. Рукописи. Ibid.

[6]) Scriptor. XVI, coll. 240—241.

[7]) См. выше, p. 288 и слѣд.

[8]) *Elogium D. Fr. Zabarellae*. См. Combi, l. c., p. XVIII. Въ рукописи хранится отрывокъ изъ его *Vita Senecae*. (Ibid. XXI).

[9]) *Oratio pro reintegranda uniendaque Ecclesia* издана *Combi (Un discorso inedito di P. P. Vergerio il seniore* въ Arch. storic. per Trieste etc. 1882 fasc. 4).

[10]) *Oratio in funere Francisci Senioris de Carraria*. У Murat, Script. XVI, coll. 194 и слѣд.

ческо II по поводу одной его побѣды[1]) представляютъ интересныя особенности сравнительно съ ораторскими произведеніями другихъ гуманистовъ. У Верджеріо совсѣмъ нѣтъ обычныхъ экскурсій въ античную литературу. Кромѣ того, первая рѣчь проникнута искреннимъ чувствомъ, а вторая, произнесенная отъ лица Падуанской общины, представляетъ собою важный источникъ для характеристики отношеній города къ Франческо Новелло. Послѣдняя рѣчь извѣстна только по заглавію[2]). Весьма характерны также инвективы Верджеріо. Одна изъ нихъ написана противъ Карло деи Малатести, который приказалъ низвергнуть статую Виргилія въ Мантуѣ[3]). Авторъ воздерживается отъ обычной брани; наоборотъ, рѣзко порицая поступокъ, онъ называетъ его виновника, „знаменитымъ и памятью предковъ и славою собственнныхъ дѣяній“[4]). Его сочиненіе преслѣдуетъ практическія цѣли: онъ желаетъ не только убѣдить Карло въ несправедливости его поступка, но и побудить его возстановить статую. Инвектива начинается доказательствомъ обычной у гуманистовъ мысли, что безъ писателей невозможна истинная слава. Затѣмъ онъ опровергаетъ слова Малатесты, что неприлично ставить статуи язычникамъ и что Виргилій и другіе поэты hystriones, а Цицеронъ — адвокатъ. Съ необыкновеннымъ достоинствомъ и спокойствіемъ доказываетъ Верджеріо, что существованіе статуй святымъ не уничтожаетъ важности и плодотворности памятниковъ другимъ общественнымъ дѣятелямъ, и съ искреннимъ чувствомъ защищаетъ Цицерона и Виргилія. Эта защита показываетъ, что благочестивый авторъ, весьма рѣдко говорившій о древности, былъ не только знатокомъ, но и пламеннымъ поклонникомъ античной литературы. Вторая инвектива, написанная противъ растовщиковъ, шутливый анекдотъ, не представляющій интереса[5]).

Кромѣ археологическаго изслѣдованія о положеніи древняго Рима, Верджеріо посвятилъ изученію древности только компендій изъ Квин-

---

[1]) *Oratio ad Fr. Juniorem de Carraria, Paduae Principem, pro Communitate Patavina.* Ibid. coll. 204 и слѣд.

[2]) *Oratio in funere Othonelli Discalcii.* См. Combi, l. c., p. XVI.

[3]) Въ Парижской рукописи № 1676 она озаглавлена *Ad illustrem et eloquentissimum Imolae dominum Ludovicum Alydosium pro dejecta Virgilii statua in Carolum Malatestam invectiva* (fol. 96—100). Она была издана нѣсколько разъ. Combi относитъ ее къ перепискѣ, и я цитирую по этому изданію. Ср. выше, p. 655, пр. 1.

[4]) Ср. Ibid. p. 116 и 113.

[5]) У Муратори она напечатана подъ заглавіемъ: *De Cambii nomine* (col. 238); вмѣстѣ съ перепиской издана подъ другимъ заглавіемъ: *In foeneratores facetissima exprobratio* (p. 199).

тиліана[1]) да немногіе переводы съ греческаго — именно нѣсколько сентенцій изъ Платонова Тимея[2]) и сочиненіе Арріана объ Александрѣ Великомъ[3]). Верджеріо весьма несовершенно зналъ греческій языкъ[4]), и его переводы не пользовались популярностью у гуманистовъ[5]). Но посвященіе послѣдняго перевода императору Сигизмунду, по порученію котораго онъ былъ сдѣланъ, весьма характерно по критическому отношенію къ прежнимъ обработкамъ исторіи Александра. По словамъ Верджеріо одни авторы „описывали, какъ дѣйствительныя событія не то, что совершилъ Александръ, а то, что про него въ разныхъ мѣстахъ разсказывалось; другіе по пристрастію къ національности и по мѣстному тщеславію (favore gentis et domesticae gloriae) при изложеніи его дѣяній переходили мѣру въ похвалахъ; иные, наоборотъ, изъ ненависти или изъ зависти... пытались унизить его подвиги; нѣкоторые же, по личному честолюбію и стремясь къ собственной славѣ, думали не о томъ, что̀ было имъ совершено, а только о томъ, что можно въ изящной формѣ передать о немъ потомству, и схватывали не столько фактическую истину, сколько обольстительный вымыселъ (non tam veritatem rerum, qnam figmentorum lenocinium amplexi sunt)“[6]).

Беллетристическія произведенія Верджеріо мало извѣстны, а извѣстныя не представляютъ интереса. Его комедія *Paulus* не издана[7]); напечатанныя же стихотворенія, латинскія и итальянскія, совершенно незначительны[8]).

Превосходное дополненіе къ произведеніямъ Верджеріо, которое не уступаетъ имъ по исторической цѣнѣ, представляетъ его переписка. До послѣдняго времени были извѣстны весьма немногія письма Верджеріо. Комби собралъ большую часть его писемъ (134) и напечаталъ

---

1) *Quintiliani Institutionum Compendium*, см. Combi, l. c. XI.

2) *Allegabilia dicta ex Timeo Platonis*. Рукописи у Zeno, I, p. 58.

3) *De gestis Alexandri Magni*. Рукописи у Zeno, I, p. 53. Приписываемый ему переводъ изъ Плутарха *De differentia amici et assentatoris* принадлежитъ Гуарино. См. Zeno, I, p. 59 и Combi, p. XXI.

4) См. Epist. p. 173. Gorgiam bis ex integro evolvi. In quo audeo illud dicere praeterisse me pauca, quae non intelligerem.

5) Отзывы у Combi, p. XXI.

6) Zeno, I, p. 55.

7) *Paulus ad juvenum mores corrigendos*. Рукописи у Zeno, p. 59. Тамъ же напечатанъ ея прологъ. Комби (p. XXIV) называетъ еще *Poëtica narratio*.

8) Нѣкоторыя *Carmina* (латинскія) напечатаны у Muratori (l. c.). Два итальянскихъ сонета издалъ Sabbadini (l. c. p. 299—300). *Ode saffica per il ritorno dei Carraresi in Padova, ed. Alvisi, Brilli e Carini. Firenze 1888* мнѣ осталась неизвѣстной.

весьма цѣнное введеніе къ нимъ, гдѣ между прочимъ изложилъ планъ предполагаемаго изданія. Но смерть помѣшала ему осуществить это намѣреніе, и собранныя имъ письма были изданы Deputazione Veneta sopra gli studi di storia patria подъ редакціей *Tomaso Luciani*. Редакторъ напечаталъ только текстъ писемъ, расположилъ ихъ въ весьма неудобномъ алфавитномъ порядкѣ и не приложилъ къ нимъ примѣчаній, обѣщанныхъ Комби, но не сохранившихся въ его бумагахъ. Тѣмъ не менѣе и въ настоящемъ видѣ изданіе переписки важная заслуга для изученія исторіографіи ранняго Возрожденія. Верджеріо не собиралъ своихъ писемъ, и весьма многія изъ нихъ не предназначались для большой публики. Поэтому тѣ изъ нихъ, въ которыхъ сообщаются автобіографическія свѣдѣнія, носятъ часто интимный характеръ. Верджеріо вспоминаетъ свое дѣтство, говоритъ о своемъ времяпрепровожденіи, излагаетъ свои планы, описываетъ свои занятія греческимъ языкомъ и даже личныя мелочи[1]). Всѣ занятія Верджеріо, всѣ его интересы находятъ отраженіе въ перепискѣ. Письма къ отцу составляютъ превосходный комментарій къ его сочиненіямъ, посвященнымъ бл. Іерониму[2]); письмо къ Салютати — образецъ ученой полемики[3]). Изъ переписки видно далѣе, съ какимъ интересомъ относился Верджеріо къ современнымъ политическимъ событіямъ. Въ письмахъ весьма обстоятельно изображается война 1391 года[4]), трактуется о другихъ современныхъ событіяхъ[5]), при чемъ въ одномъ изъ нихъ авторъ живо изображаетъ современное ему общественное настроеніе[6]). Переписка знакомитъ насъ и съ политическими воззрѣніями Верджеріо. Въ одномъ письмѣ безъ даты и адреса, которое составляетъ, по всей вѣроятности, отрывокъ изъ политическаго трактата, Верджеріо доказываетъ превосходство монархіи надъ республикой. Единственное теоретическое основаніе этого взгляда — аналогія государства съ міромъ; но авторъ настаиваетъ

---

[1]) Epist. 95, 104, 59, 116 и 88. Incolumitati studens, говоритъ онъ въ послѣднемъ письмѣ, curo, ut laxiore sim ventre (p. 122). Письма, имѣющія автобіографическое значеніе, перечислены у Combi, p. XLIII.

[2]) Epist. 86 и 126.

[3]) Epist. 29.

[4]) Epist. 33, 98 и 109.

[5]) Epist. 39. Изъ этого письма видно между прочимъ, что дипломатическія грамоты переписывались и критиковались, какъ литературныя произведенія (p. 59).

[6]) Epist. 100. Къ числу писемъ этой категоріи слѣдуетъ отнести и *De dignissimo funebri apparatu in exequiis clarissimi omnium Principis Francisci Senioris de Carraria* у Muratori, l. c. coll. 189 и слѣд.), хотя этого описанія и нѣтъ въ собраніи Combi.

на другой чисто индивидуалистической аргументаціи. Вся сила, по его мнѣнію, въ личныхъ свойствахъ государя. „Если государь добръ, справедливъ, милостивъ и если онъ тѣмъ болѣе подчиняется законамъ, чѣмъ болѣе имѣетъ благодаря имъ силы, то въ государствѣ прочный миръ и истинная свобода. Наоборотъ, ничего не можетъ быть хуже, какъ когда головы многихъ людей находятся въ произвольномъ распоряженіи (libidine collata) нравственно потеряннаго человѣка и съ злой волей соединена возможность вредить". Верджеріо рѣшительно заявляетъ, что хорошихъ государей гораздо меньше, чѣмъ дурныхъ, и старается объяснить причины этого печальнаго явленія. Онъ видитъ ихъ, во-первыхъ, въ томъ фактѣ, что дурныхъ людей вообще больше, чѣмъ хорошихъ, и, во-вторыхъ, въ особенностяхъ положенія наслѣдниковъ престола. „Я думаю, говоритъ онъ, что въ то время, когда люди, подобно животнымъ, бродили по лѣсамъ и горамъ (если было когда-нибудь такое время), случилось такъ, что были также выдающіеся люди, которые могли управлять другими. Ихъ стараніями люди были сведены вмѣстѣ, и соединились въ культурномъ общежитіи (in communionem civilitatemque), а ихъ самихъ, отдѣлившихся отъ прочихъ, почитали какъ государей. Отсюда и произошло, что ихъ потомки вслѣдствіе увеличенія вмѣстѣ съ богатствомъ пороковъ, вырождались и тѣмъ болѣе безумствовали, чѣмъ сознавали себя сильнѣе". То же самое происходитъ и теперь. Основатели монархій, добившіеся власти „доблестью и военной славой", а также „умѣренностью и мудростью при укрощеніи возстаній и смутъ", управляютъ „разумно и твердо"; а ихъ сыновья, „воспитываются во всякихъ удовольствіяхъ", и „нѣтъ никого, кто осмѣлился бы наставить ихъ или сказать имъ правду... Поэтому, если они когда-либо вырываются изъ такого мрака и обращаются на истинный путь, то это только особый даръ небесный". Несмотря на такое безнадежное, съ точки зрѣнія Верджеріо, положеніе монархіи, онъ остается неуклоннымъ приверженцемъ этой политической формы. „Относительно полигархіи, говоритъ онъ, т.-е. правленія (principatus) многихъ я держусь того мнѣнія, что при неустройствѣ (inordinata) она можетъ заключать въ себѣ наибольшее количество зла, а при хорошей организаціи мало добра. Если всѣмъ доступны государственныя должности, то что можетъ быть грязнѣе (sordidius), неразумнѣе и безсильнѣе этого. Если же во главѣ стоятъ такъ называемые аристократы (qui boni dicuntur), и государство управляется болѣе могущественными, то всегда появляется спесь знати по отношенію къ плебсу и ненависть съ его стороны, несправедливость суда, униженіе чужаковъ, жадное и гордое господство. Тогда появляются аристократи-

ческія партіи, ихъ вожди, и при полномъ мирѣ происходитъ междоусобная война". При неустройствахъ существованіе въ республикахъ становится невозможнымъ, и смуты заканчиваются превращеніемъ ихъ въ монархіи, чему авторъ очень сочувствуетъ. Въ основѣ этой антипатіи къ республикѣ лежитъ глубокое убѣжденіе, вынесенное изъ наблюденія, въ безсиліи закона. Верджеріо съ полнымъ сочувствіемъ приводитъ изреченіе Біаса, сравнивавшаго законы съ паутиной, въ которой запутываются только слабыя животныя и которую прорываютъ сильныя, и аналогичное сравненіе Франческо I, который называлъ законы козлиной кожей, которую судьи могутъ растягивать по произволу, въ ту или другую сторону. „Необходимо, говоритъ Верджеріо, чтобы былъ кто-нибудь, кто сильнѣе законовъ и кто постоянно бы наблюдалъ, чтобы ничто, противное законамъ и праву, не совершалось безнаказанно[1]). Въ концѣ концовъ, если республика совсѣмъ безнадежна, то и монархія — только меньшее изъ золъ, и политика Верджеріо, безпринципная и чисто экспериментальная, носитъ по существу пессимистическій характеръ[2]).

Въ связи съ этой политикой наблюденія и здраваго смысла стоитъ отношеніе Верджеріо къ патріотизму. „Я совершенно ненавидѣлъ бы свое отечество, говорилъ онъ, если бы природа не заставляла любить его, какъ родину"; но разумъ говоритъ иное: онъ оправдываетъ ненависть къ странѣ, гдѣ „нѣтъ мѣста доблести и откуда изгнана наука". Поэтому Верджеріо не любитъ тѣ мѣста, гдѣ не почитается наука и добродѣтель, и называетъ ихъ „неподходящими для всякаго мудреца"[3]). Правда, здѣсь рѣчь идетъ только объ Истріи; объ Италіи Верджеріо другого мнѣнія[4]); но онъ высоко цѣнитъ ее во имя того же принципа, который культуру ставитъ выше національности.

Между письмами Верджеріо нѣтъ научныхъ трактатовъ; но онъ часто касается вопросовъ философскихъ и этическихъ. Въ философіи онъ является настоящимъ послѣдователемъ Петрарки: онъ выше ставитъ не ту философію, „которая раскрываетъ природу вещей", а ту,

---

1) Epist. 55, p. 75—77. Ср. epist. 18.

2) Впрочемъ и въ этихъ монархическихъ симпатіяхъ Верджеріо непостояненъ. Въ письмѣ къ Zambeccari отъ 1391 года онъ говоритъ: admone concives tuos, ut forti et interrito animo adversus tyrannidem persistent, et libertatem, quae nunquam bene, nisi amissa cognoscitur, tenere studeant eligantque potius viri fortes in libertate sua felices occumbere, quam in miserrima servitute viventes durae tyrannidis jugum pati. Epist. 54, p. 75.

3) Epist. 115.

4) Для barbaries, по его словамъ, in Italia nullus est locus. Italia si servire oportet, a solis Italis vincenda est, p. 53, epist. 33. Все письмо проникнуто патріотическимъ духомъ и враждою къ нѣмцамъ.

„въ которой заключается все истинное основаніе жизни“ [1]). „Созерцать причины вещей, говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, и философски познать ихъ — великое дѣло; выше этого — жить сообразно съ философіей, а самое высшее и самое превосходное — вести жизнь и по наукѣ, и по философіи“ [2]). Философія, такимъ образомъ, сводится въ сущности къ морали, которая отличается у Верджеріо крайней простотой. Его этика — механическое соединеніе стоицизма Сенеки, понятаго весьма поверхностно, съ христіанствомъ. Человѣкъ долженъ выше всего ставить добродѣтель, а всевидящій Богъ наградитъ его за это [3]). Верджеріо не ставитъ прямо вопроса, въ чемъ заключается эта добродѣтель; но изъ многихъ мѣстъ переписки видно, что онъ отождествляетъ ее съ своими научными занятіями. „Слѣдуетъ думать, говоритъ онъ, какъ и предписываютъ мудрецы, что добродѣтель и наука, которыя обыкновенно называются однимъ именемъ добродѣтели *(virtutem et item scientiam, quae virtutis unico nomine appellari consueverunt)* должны довольствоваться сами собой“ [4]). Это воззрѣніе имѣетъ огромный интересъ, потому что оно формулируетъ отношеніе всѣхъ гуманистовъ къ тому, что они называли studia humanitatis.

Позднее изданіе переписки Верджеріо отразилось тѣмъ неблагопріятнѣе на его новыхъ біографіяхъ, что позднѣйшіе гуманисты относились къ нему безъ особеннаго сочувствія. Уже Б. Фаціо порицаетъ его переводъ Арріана, хотя хвалитъ его педагогическій трактатъ и отмѣчаетъ благотворный результатъ его инвективы противъ Малатесты [5]). Но Бистиччи обходитъ его молчаніемъ, а Кортезе, припоминая его педагогическій трактатъ, читанный имъ въ дѣтствѣ, невѣрно передаетъ его заглавіе и отзывается о немъ весьма пренебрежительно [6]). Только съ XVIII столѣтія начинается подготовка матеріала для его научной біографіи. Муратори издалъ, кромѣ нѣкоторыхъ произведеній Верджеріо 10 его писемъ; Дзено извлекъ нѣкоторыя свѣдѣнія изъ его неизданной переписки и составилъ весьма обстоятельный

---

[1]) Epist. 74, p. 100.

[2]) Epist. 95, p. 141.

[3]) См. весьма характерную epist 15.

[4]) Ep. 46, p. 63. Ср. Epist. 24, 37 и 74.

[5]) Scripsit de ingenuis moribus librum unum valde laudatum tum rebus, tum ipso nitore verborum... Carolum Malatestam invectus, Virgilii statua, quam ille Mantuae in foro everterat, quoniam gentilis fuisset, ut ibidem restitueretur, effecit. Sub extremum vitae tempus mente captus est, ita tamen, ut nonnunquam resipesceret. De vir. ill., p. 8—9.

[6]) Libellus de Adolescentia, quem pueri legebamus,... bene olet (ut dicitur), quod nihil olet. De hom. doct. у Gall., p. 226. Отзывъ Foresti (Suppl. chr. fol. 278) незначителенъ.

каталогъ его сочиненій[1]), который былъ нѣсколько пополненъ Тирабоски, написавшимъ первую сравнительно обстоятельную фактическую біографію Верджеріо[2]). Въ 60-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія Бадуберъ составилъ фактическую біографію Верджеріо[3]), которой воспользовался Фогтъ въ своемъ общемъ сочиненіи. Его собственныя біографическія замѣчанія объ этомъ гуманистѣ имѣютъ цѣну по тѣмъ свѣдѣніямъ, которыя онъ собралъ о его пребываніи въ Венгріи[4]). Но коротенькая характеристика Верджеріо, сдѣланная Фогтомъ, стоитъ въ полномъ противорѣчіи съ источниками. Прежде всего совершенно не вѣрно утвержденіе, на которомъ Фогтъ особенно настаиваетъ, что Флоренція сдѣлала Верджеріо гуманистомъ[5]). Изъ переписки мы знаемъ, что онъ учился въ Падуѣ у Конвертино и ему обязалъ своимъ гуманистическимъ образованіемъ[6]). Такъ же не вѣрна голословная оцѣнка результатовъ его гуманистическихъ занятій. „Въ жизни у Верджеріо всегда былъ недостатокъ между волей и дѣятельностью, говоритъ Фогтъ. Онъ не былъ ни настоящимъ ученымъ, ни полнымъ гуманистомъ“[7]). Наоборотъ, едва ли можно найти другого гуманиста, который болѣе довольствовался бы внѣшнимъ примиреніемъ между традиціоннымъ христіанствомъ и новыми потребностями. Съ другой стороны, Верджеріо вполнѣ раздѣлялъ гуманистическія стремленія своихъ современниковъ и нисколько не уступалъ имъ, какъ ученый.

Самое цѣнное произведеніе въ біографической литературѣ о Верджеріо — не разъ цитированное нами введеніе Комби къ его перепискѣ. Тамъ нѣтъ ни фактической біографіи этого гуманиста, ни всесторонняго выясненія его міросозерцанія; это только краткій конспектъ для того и другого. Послѣ крайне бѣглаго, но критически провѣреннаго обзора біо-и библіографическихъ фактовъ, Комби характеризуетъ автобіографическое значеніе переписки Верджеріо и устанавливаетъ основную точку зрѣнія для выясненія его міросозерцанія. По его словамъ, Верджеріо былъ проникнутъ „духомъ примиренія между

---

[1]) Diss. Voss., I, p. 51 и слѣд.

[2]) Storia, VI, p. 951 и слѣд.

[3]) *Baduber, Pietro Paolo Vergerio il seniore da Capodistria. Capodistria 1866.* Мнѣ не удалось воспользоваться этимъ сочиненіемъ; но судя по цитатамъ Фогта, оно не заключаетъ въ себѣ ничего новаго. Комби, l. c., упоминаетъ еще болѣе ранняго біографа, каноника *Stancovich'a*, который совсѣмъ не извѣстенъ въ позднѣйшей литературѣ о Возрожденіи.

[4]) Die Wiederbel., I, p. 275 и 277. Voigt впервые установилъ приблизительную дату его смерти.

[5]) См. Ibid. p. 177 и 434.

[6]) Epist. 68, 89, 90.

[7]) Die Wiederbel., I, p. 436.

двумя великими системами, которыя были поставлены другъ противъ друга"[1]), между язычествомъ и христіанствомъ. Такая точка зрѣнія совершенно справедлива; къ сожалѣнію, мы не находимъ у Комби, ни ея фактическаго обоснованія, ни дальнѣйшаго развитія, хотя переписка даетъ возможность для того и другого. Дѣйствительно, Верджеріо — искренній христіанинъ. „Святая религія, говоритъ онъ, вмѣстѣ съ истиннымъ ученіемъ заключаетъ въ себѣ самую точную норму жизни, и нѣтъ болѣе сильнаго доказательства въ пользу нашей вѣры, какъ ея нравственное ученіе"[2]). Съ такимъ широкимъ пониманіемъ христіанства не трудно было согласить новыя потребности; но Верджеріо считалъ себя также настоящимъ католикомъ. Къ восточной церкви онъ относится чрезвычайно сурово. „Греческая схизма", по его словамъ, привела къ крайне печальнымъ послѣдствіямъ: „она породила чрезвычайно важныя заблужденія въ вѣрѣ, потомъ или создала секту Магомета, или содѣйствовала ей и, наконецъ, сдѣлала то, что восточная церковь теперь почти совершенно ничтожна (prope nulla est)"[3]). Наоборотъ, коллегія кардиналовъ для него „основаніе религіи и глава вѣры"[4]). Съ такимъ христіанствомъ примиреніе было чрезвычайно трудно для Верджеріо, потому что онъ былъ настоящій гуманистъ. Выше мы видѣли, что цѣль жизни для него — индивидуальная мораль, которая сводится къ наукѣ въ теоріи и къ всестороннему развитію на практикѣ. Верджеріо далекъ отъ какой бы то ни было исключительности: онъ высоко ставитъ и грамматику, и логику, и исторію, и право, и поэзію. „Я докторъ in artibus, а также и медицины, говоритъ онъ въ одномъ письмѣ; теперь готовлюсь пріобрѣсти такую же степень въ гражданскомъ и каноническомъ правѣ... Окончивши эти занятія, я рѣшилъ, если Богъ дастъ, добиваться лавровъ (поэтическихъ)"[5]). Верджеріо совершенно чуждо то аскетическое отношеніе къ жизни, которое характеризуетъ средневѣковую мораль. Правда, онъ отказывается отъ семьи; но онъ дѣлаетъ это только изъ желанія сохранить личную свободу[6]), не изъ аскетизма, а по индивидуалистическимъ соображеніямъ. Въ одномъ письмѣ Верджеріо такъ характеризуетъ свою мораль: „мнѣ кажется наилучшей та философія, которая живетъ въ городахъ и избѣгаетъ пустыни, которая заботится какъ о себѣ, такъ и объ общемъ благѣ, и старается быть

---

[1]) L. c., p. XXXI, cp. p. XXVI.
[2]) Epist. 10, p. 11.
[3]) Epist. 112, p. 167.
[4]) Epist. 7, p. 8.
[5]) Epist. 49, p. 81. Cp. Epist. 5, p. 5 и Epist. 21, p. 25.
[6]) См. чрезвычайно характерную epist. 24.

полезнымъ наибольшему количеству людей"[1]). Столкновеніе такой точки зрѣнія съ традиціоннымъ христіанствомъ было неизбѣжно, и оно обнаруживается въ перепискѣ Верджеріо. Если католицизмъ давалъ „самую точную норму жизни", то дополненіе его философіей Сенеки совершенно излишне; но оно необходимо для Верджеріо, потому что подъ virtus гораздо легче было подвести любимыя занятія, чѣмъ отождествить ихъ съ средневѣковымъ благочестіемъ. Самое отождествленіе гуманистической науки съ добродѣтелью обнаруживаетъ потребность въ новыхъ нормахъ морали, которыя думали найти въ античной литературѣ, болѣе подходившей къ новому настроенію, чѣмъ церковныя доктрины. Одождествляя эту virtus съ средневѣковой моралью, гуманисты только маскировали противорѣчіе, не устраняя его, и оно проявляется повсюду въ ихъ произведеніяхъ. Для его характеристики у Верджеріо достаточно одной подробности изъ переписки. Осыпая въ письмѣ къ Дзабареллѣ крайне рѣзкой бранью одного кардинала, онъ говоритъ: „ты не будешь удивляться, что я такъ говорю и думаю о кардиналахъ, потому что я цѣню заслуги человѣка, а не блескъ его сана. Человѣку свойственно цѣнить человѣка, а купцамъ шапки"[2]). Верджеріо, повидимому, не чувствовалъ противорѣчія; но примирить „двухъ системъ" ему не удалось.

Кромѣ Конвертино и Верджеріо, мы знаемъ при дворѣ Карраръ и еще нѣсколько лицъ, сочувственно относившихся къ новому движенію. Таковъ *Paganino Scala*, мѣстный судья и профессоръ правъ, съ которымъ совѣтовался Конвертино относительно своихъ сочиненій[3]). Таковъ *Ludovico Buzzachareno* и *Michele Rabatha*, съ которыми велъ оживленную переписку Верджеріо[4]). Но, повидимому, это были пассивные гуманисты[5]). Съ паденіемъ Карраръ и съ подчиненіемъ города Венеціи гуманистическое движеніе еще болѣе усилилось въ Падуѣ. Мѣстный университетъ сдѣлался источникомъ гуманистическаго образованія для венеціанской молодежи. Здѣсь преподавали Гаспарино и Кристофоро да Барцицца, Гуарино и его сынъ Баттиста, Филельфо, Витторино да Фельтре, Эрмолао Барбаро и друг. Изъ

---

[1]) Combi, p. XLIV.

[2]) Mercatorum autem capillos или capellos (?), вѣроятно, намекъ на кардинальскія шапки. Epist. 121, p. 181.

[3]) См. Klette, l. c., p. 21.

[4]) См. Epist. 19, 56, 87, 182, 189 и 108.

[5]) Paolo Veneto то же стоялъ въ сношеніяхъ съ гуманистами, хотя онъ больше извѣстенъ, какъ аверроистъ. См. Tiraboschi, V, p. 442 и Renan, l. c., p. 344—47.

мѣстныхъ гуманистовъ въ XV столѣтіи особой извѣстностью пользовались Секко Полентоне и Джіованни Марканова[1]).

Исторія гуманистическаго движенія въ Падуѣ представляетъ огромный интересъ главнымъ образомъ по его отношенію къ Петраркѣ. *Здѣсь, а не въ какомъ-либо другомъ мѣстѣ находились непосредственные преемники перваго гуманиста, самые крупные и самые характерные представители второй гуманистической генераціи.* Сочиненія Конвертино и Верджеріо обнаруживаютъ *органическое развитіе* идей и чувствъ Петрарки. Ихъ произведенія проникнуты его индивидуализмомъ, который и проявляется въ аналогичныхъ формахъ. Оба писателя раздѣляютъ религіозныя чувства перваго гуманиста; но церковныя традиціи у нихъ слабѣе и менѣе вліяютъ на ихъ воззрѣнія. У Конвертино ихъ почти незамѣтно, какъ у Бруни; у Верджеріо религіозность ограничивается чувствомъ и, отдѣлавшись отъ церковности формальнымъ и поверхностнымъ ея примиреніемъ съ новымъ настроеніемъ, онъ остается свѣтскимъ писателемъ. По отношенію къ философіи и наукѣ Верджеріо настоящій ученикъ Петрарки: онъ сводитъ ту и другую къ морали. Что касается до Конвертино, то, поскольку намъ извѣстны его воззрѣнія, онъ прямо повторяетъ перваго гуманиста. Въ частности ихъ исторіографія обнаруживаетъ ту же наклонность къ критицизму; въ ихъ политикѣ — та же безпринципность, тѣ же экспериментальныя основы. Наконецъ, древность играетъ для нихъ ту же роль неисчерпаемаго источника фактовъ и сентенцій для теоретическаго оправданія новыхъ потребностей. Словомъ, Конвертино и Верджеріо настоящіе духовныя дѣти Петрарки, взявшія изъ его наслѣдства то, что подходило къ вкусамъ и наклонностямъ каждаго.

Несравненно слабѣе начала гуманистическаго движенія въ Феррарѣ и Мантуѣ, хотя позже оба города затмили Падую и заняли болѣе видное мѣсто въ исторіи Возрожденія.

Фамилія Д'Эсте уже въ половинѣ XIII вѣка захватила власть въ Феррарѣ[2]) и благополучно избѣгла судьбы Скалигеровъ и Каррараъ. Стремленіе покровительствовать наукамъ и литературѣ Д'Эсте обнаруживаютъ уже въ XIII вѣкѣ[3]); но борьба съ папами въ началѣ слѣдующаго столѣтія[4]) на время прервала эту традицію, которая вновь была возстановлена Никколо II (1361—1388). Первый гуманистъ, проѣзжая

---

[1]) Очеркъ гуманистическаго движенія въ Падуѣ послѣ Каррараъ у Voigt'a, II, p. 437 и слѣд.

[2]) Sismondi, III, p. 277.

[3]) Tiraboschi, V, p. 11.

[4]) Leo, III, p. 73—74.

черезъ Феррару, встрѣтилъ чрезвычайно радушный пріемъ со стороны самого Никколо и его брата Уго и потомъ завязалъ съ ними переписку[1]). Отношеніе Никколо къ Бенвенуто Рамбальди[2]) показываетъ, что сочувствіе тиранна къ первому гуманисту обусловливалось его пониманіемъ и интересомъ къ стремленіямъ Петрарки. Тѣмъ не менѣе, кромѣ Рамбальди, мы не знаемъ ни одного гуманиста при дворѣ Никколо II и ни одного адресата Петрарки въ Феррарѣ. Единственнымъ почитателемъ перваго гуманиста изъ этого города, сколько намъ извѣстно, былъ поэтъ *Antonio de'Beccari*, который въ длинной канцонѣ оплакивалъ въ 1343 году пѣвца Лауры, обманутый ложными слухами о его смерти. Но Беккари развѣ только по настроенію можно отнести къ гуманистамъ. Онъ увлекался итальянской поэзіей Петрарки и съ особеннымъ благоговѣніемъ относился къ Данте. Саккетти разсказываетъ, что однажды Беккари взялъ въ церкви свѣчу отъ Распятія и поставилъ ее на гробъ автора Божественной Комедіи[3]).

Пріемникъ Никколо II *Альберто* (1388—1393), отличавшійся рѣшительностью и жестокостью[4]), продолжалъ фамильныя традиціи по отношенію къ наукѣ. Благодаря его стараніямъ, въ Феррарѣ былъ открытъ университетъ, который, однако, до половины XV вѣка, влачилъ едва замѣтное и часто прерывавшееся существованіе[5]). Слѣдовъ гуманистическаго движенія при дворѣ Альберто весьма мало. Мы знаемъ только, что его секретаремъ былъ латинскій поэтъ *Matteo d'Aureliano* изъ Виченцы, знавшій и греческій языкъ, но изъ его произведеній извѣстны по заглавію только два стихотворенія да два письма, находящіяся въ рукописяхъ[6]). Крупнымъ центромъ гуманистическаго движенія становится Феррарскій дворъ со времени Никколо III (1393—1441). Панегиристы Гуарино считаютъ его родоначальникомъ новаго движенія въ Феррарѣ[7]); но онъ появился тамъ въ то время, когда гуманизмъ имѣлъ тамъ уже и пришлыхъ и мѣстныхъ послѣдователей. Учителемъ Никколо III былъ другъ Петрарки венеціанскій гуманистъ Донато дельи Альбанцани, впослѣдствіи канц-

---

[1]) Epist. senil. XI, 13 и XIII, 1. О не изданномъ отвѣтѣ на послѣднее письмо, утѣшавшее Никколо по случаю смерти его брата, см. Voigt, I, p. 548.

[2]) См. выше, p. 722 и слѣд.

[3]) Свѣдѣнія о Beccari у Tiraboschi, V, p. 758 и слѣд., у Fracas. Lett. famil. III, p. 184 и Gaspary, II, p. 79—80. Литература у Gaspary, ibid p. 646—47.

[4]) Sismondi, V, p. 61.

[5]) Tiraboschi, V, p. 117 и слѣд.

[6]) Mazz., I, 2, p. 1273. Ср. выше, p. 934 пр. 2.

[7]) Rosmini, l. c., I, p. 30—31.

леръ своего ученика[1]). Хотя Альбанцани и не привилъ Никколо III гуманистическаго образованія, тѣмъ не менѣе воспитанникъ гуманиста чувствовалъ склонность и понималъ важность новаго движенія[2]). Онъ собиралъ библіотеку[3]), и первымъ его канцлеромъ былъ другъ Салютати *Бартоломео делла Мелла*[4]), а послѣ него *Джакопо Giglioli*, другъ и покровитель Гуарино[5]), и Лодовико Казелла, усердно покровительствовавшій многимъ гуманистамъ[6]). Возобновивъ университетъ въ 1402 году, онъ приглашаетъ на каѳедру Уго Бенци и, вѣроятно, для этой же цѣли Ауриспу, а образованіе своего сына поручаетъ Гуарино. Преподаваніе обоихъ педагоговъ имѣло большой успѣхъ; но дѣятельность ихъ учениковъ относится уже ко второй половинѣ XV столѣтія. Въ занимающую насъ эпоху въ Феррарѣ не встрѣчается ни одного крупнаго гуманиста-писателя изъ мѣстныхъ гражданъ, несмотря на раннее и послѣдовательное меценатство Д'Эсте; но изъ этого едва ли можно заключать о слабости гуманистическаго настроенія въ обществѣ. Его слѣды и теперь достаточно замѣтны, а съ расширеніемъ нашего знакомства съ гуманистической литературой, они обнаружатся, вѣроятно, въ гораздо большемъ количествѣ[7]).

Не замѣтно слѣдовъ гуманистическаго движенія въ занимающую насъ эпоху и въ принадлежавшей Д'Эсте *Моденѣ*. Высшая школа существовала здѣсь уже съ начала XIV столѣтія[8]); но впервые только къ половинѣ XV вѣка здѣсь появляются гуманистическіе преподаватели-поэты *Gasparo Tribraco* и *Bartolomeo Prignani*, изъ школы которыхъ вышла цѣлая плеяда ихъ подражателей[9]). Но и въ Моденѣ, какъ въ другихъ второстепенныхъ городахъ, гуманисты не

---

[1]) См. о немъ ниже.

[2]) Rosmini, ibid. p. 49—50.

[3]) О каталогѣ библіотеки д'Эсте см. *Cappeli, La biblioteca Estense nella prima metà del secolo XV* въ Giorn. stor. d. lett. ital. XIV, p. 11).

[4]) Voigt, I, p. 549.

[5]) Rosmini, l. c., p. 27.

[6]) Tiraboschi, VI, p. 42.

[7]) Такъ, уже переписка Верджеріо знакомитъ насъ съ нѣкіимъ Aldrovandinus или Oldrovandinus, который несомнѣнно раздѣлялъ гуманистическіе интересы. (См. epist. 32, 36, 53, 65, 79, 101 и 102). Многочисленныя письма Ugoni Ferrariensi phisico адресованы были, повидимому, Бенци. Единственный очеркъ фактической исторіи гуманистическаго движенія въ Феррарѣ у Voigt'a, I, p. 548 и слѣд.

[8]) Tiraboschi, V, p. 120.

[9]) Ibid. VI, p. 1232 и слѣд. См. также *Setti, Gaspare Tribraco de'Trimbocchi, umanista Modenese del secolo XV* (въ Propugnatore, XI, 1878, p. 3).

держались: ихъ притягивалъ обыкновенно Феррарскій дворъ или Венеція[1]).

Въ *Мантуѣ* тиранія установилась еще въ 1275, когда *Бонакосси* захватили тамъ верховную власть; но въ 1328 году Гонзаги убили Пассерино Бонакосси, и *Луиджи Гонзага* сдѣлался правителемъ города[2]) и передалъ власть своему потомству. Новые изслѣдователи начинаютъ обыкновенно исторію гуманизма въ Мантуѣ со времени появленія тамъ *Витторино да Фельтре* въ 1425 году[3]); но ея начало относится къ болѣе раннему времени. Уже старый Луиджи, умершій 93-лѣтнимъ старикомъ въ 1360 году, приглашалъ къ себѣ въ Мантую перваго гуманиста[4]) и собиралъ библіотеку[5]). Съ *Giovanni Aretino Aghinolfi*, канцлеромъ Луиджи, сохранившимъ свой постъ и при его преемникѣ, Петрарка велъ оживленную переписку[6]). Преемникъ Луиджи, *Гвидо* (1360—1362) былъ поклонникомъ перваго гуманиста, обращался къ нему за совѣтомъ по своимъ сердечнымъ дѣламъ и просилъ прислать нѣсколько стихотвореній. Петрарка отвѣчалъ Гвидо замѣчательнымъ письмомъ, въ которомъ доказывалъ, что „силою любви сравнивается общественное положеніе“[7]), и посвятилъ ему стихотворное посланіе на латинскомъ языкѣ[8]). Уже при первыхъ Гонзагахъ замѣчаются слѣды гуманистическаго движенія и внѣ придворныхъ сферъ. Такъ, Петрарка адресовалъ два письма нѣкоему *Andrea da Mantova*. О личности и воззрѣніяхъ этого мантуанца нѣтъ свѣдѣній; но первый гуманистъ даетъ въ обоихъ письмахъ рѣзкую отповѣдь своимъ критикамъ, которые возбуждали негодованіе и адресата[9]). 1361 годомъ помѣчено неизданное сочиненіе нѣкоего *Rinaldo degli Obizzi: „О жизни, нравахъ и изрѣченіяхъ философовъ“*. Книга написана по-латыни, заключаетъ въ себѣ біографію 130 фи-

---

[1]) Родомъ изъ Модены былъ Bernardo di Carpo гуманистическій секретарь въ канцеляріи венеціанскаго дожа. См. о немъ ниже.

[2]) Sismondi, III, p. 277.

[3]) См. Voigt, I, p. 536. Geiger, p. 171.

[4]) Хотя адресованое ему Петраркой письмо (Var., I), Tiraboschi (V, p. 48) и Фракассетти (Lett. famil. V, p. 204) считаютъ подложнымъ, тѣмъ не менѣе самый фактъ приглашенія подтверждается другими мѣстами переписки. См. Var. ep. 24; cp. Fracass. Lett. famil. V, p. 295.

[5]) Tiraboschi, V, 151.

[6]) Ему адресованы: Epist. famil. VII, 8; XI, 3 и 9; XVII, 10; XX, 10 var. 24. Вся переписка носитъ личный и частію дѣловой характеръ.

[7]) Epist. famil. III, 11.

[8]) Epist. poët. 3. См. Tirab., V, p. 48.

[9]) Epist. famil. V, 11 и 12. Ср. Fracas. Lett. famil. II, p. 55. Тирабоски предполагаетъ, что Andrea Mantovano зналъ греческій языкъ (V, p. 616).

лософовъ, кончая Симмахомъ и Присціаномъ, и заканчивается латинскимъ двустишіемъ[1]).

Шестидесятые годы XIV столѣтія ознаменованы смутами въ семьѣ Гвидо. Онъ назначилъ соправителемъ своего сына — Уголино, чѣмъ возбудилъ негодованіе двухъ другихъ сыновей Франческо и Луиджи, которые отняли власть у отца и убили брата, а затѣмъ Луиджи убилъ Франческо и правилъ единолично до самой смерти въ 1382 году[2]). Его сынъ и преемникъ, Франческо (1382—1407), былъ жалкимъ орудіемъ въ рукахъ Джангалеаццо въ первую половину своего правленія и довольно успѣшно боролся съ нимъ во вторую[3]). О гуманистахъ въ Мантуѣ за этотъ періодъ ничего не слышно; тѣмъ не менѣе движеніе не прекращалось. Мы знаемъ, что въ 1398 году нѣкій *Venturino* по праздничнымъ днямъ публично читалъ Виргилія[4]) и что сынъ и преемникъ Франческо, *Джанфранческо* (1407—1444), получилъ гуманистическое образованіе. Съ вступленіемъ его на престолъ исторія гуманизма въ Мантуѣ вступаетъ въ новый періодъ своего развитія. Гуманистическіе интересы прочно укоренились прежде всего въ семьѣ правителя, жена котораго *Paola Malatesta*, представляетъ собою ранній примѣръ гуманистически образованной женщины, а затѣмъ съ появленіемъ Витторино да Фельтре Мантуя къ половинѣ XV вѣка сдѣлалась однимъ изъ наиболѣе крупныхъ центровъ гуманистическаго движенія.

XVII.

Гуманистическое движеніе въ Венеціи. — Внутренняя исторія республики въ XIV и XV столѣтіяхъ. — Друзья и адресаты Петрарки въ Венеціи. — Бенинтенди и его произведенія. — Паоло ди Бернардо и его письма. — Донато Альбанцани. — Дзак. Тревизано и другіе позднѣйшіе гуманисты. — Общій характеръ гуманизма въ Венеціи. — Политическое состояніе Генуи и развитіе тамъ гуманистическаго движенія.

Внутренняя исторія Венеціи въ XIV вѣкѣ сводится къ усиленію аристократическаго вліянія на управленіе государствомъ. Въ то время, какъ въ другихъ городахъ Италіи аристократія или уступала мѣсто усилившемуся popolo minuto, или была уже окончательно раздавлена

---

[1]) *Raynaldus Mantovanus, De vita, moribus et dictis philosophorum*. Свѣдѣнія о ней у Tiraboschi, V, p. 540.

[2]) Sismondi, IV, p. 199—200.

[3]) Ibid. V, p. 61, 98 и 153.

[4]) *Davari, Notizie storiche intorno allo studio publico ed ai maestri del secolo XV e XVI che tennero scuola in Mantova. Mantova. 1876*, p. 4.

тиранніей, въ Венеціи правящій классъ суживался въ олигархію, при чемъ отъ управленія республикой вмѣстѣ съ низшими классами оттѣснены были и болѣе слабыя арристократическія фамиліи. Этотъ переворотъ, происходившій главнымъ образомъ путемъ послѣдовательной аристократизаціи старыхъ учрежденій, сопровождался революціонной борьбой демократическаго элемента, потерявшаго возможность легальнымъ путемъ защищать свои интересы. Начиная съ 1304 года и кончая заговоромъ Фальеро, въ Венеціи происходитъ цѣлый рядъ возстаній, которыя только вызываютъ новыя учрежденія съ цѣлью охраненія и приданія большей прочности олигархическому строю. Эта внутренняя борьба осложняется внѣшними войнами съ Вероной, съ Миланомъ, съ Генуей, съ венграми, съ турками, съ инсургентами въ собственныхъ владѣніяхъ и колоніяхъ. Тѣмъ не менѣе аристократическое правительство весьма успѣшно справилось съ внутренними и внѣшними затрудненіями. Къ концу XIV столѣтія аристократическій режимъ вполнѣ упрочился, владѣнія республики расширились пріобрѣтеніемъ Тревиго, Вероны и Падуи и окончательно сложились характеризующіе Венецію политическіе принципы и пріемы[1]). Венеціанская политика этой эпохи носитъ обще-итальянскій характеръ только по отсутствію всякихъ моральныхъ соображеній въ мѣропріятіяхъ, по холодной, эгоистической разсчетливости, не останавливающейся ни передъ какими средствами; но въ ея основѣ лежитъ духъ сословной исключительности, свойственный аристократіи, консерватизмъ и строгая, по крайней мѣрѣ, по наружности церковность — свойства, совершенно чуждыя другимъ итальянскимъ государствамъ. Эти специфическія особенности Венеціи были крайне неблагопріятны для гуманистическаго движенія; онѣ не могли устранить Возрожденія, но затрудняли его ростъ и наложили особенный отпечатокъ на мѣстныхъ гуманистовъ.

Начало гуманистическаго движенія въ Венеціи относится еще ко временамъ Петрарки; но оно цѣлое столѣтіе почти не проникаетъ въ правящій классъ республики. Правда, уже первый гуманистъ находился въ перепискѣ съ знаменитымъ дожемъ *Andrea Dandolo,* но эта переписка носитъ публицистическій характеръ. Самъ Дандоло былъ писателемъ, но не былъ гуманистомъ, хотя Петрарка осыпаетъ похвалами ученость и краснорѣчіе дожа не только въ адресованныхъ къ нему письмахъ, но и послѣ его смерти[2]). Дандоло былъ прежде всего практикъ и солдатъ, что вынужденъ признать самъ первый гу-

---

[1]) Leo, III, p. 53 и слѣд.
[2]) Epist. famil. XIX, 9 и 11.

манистъ[1]); его переписка носитъ чисто практическій характеръ, при чемъ сравнительно изящная форма его писемъ[2]) принадлежитъ, навѣрное не ему, а его гуманистическому канцлеру. По крайней мѣрѣ, извѣстная хроника Дандоло, хотя и написана по-латыни, по стилю и содержанію не имѣетъ гуманистическаго характера[3]), и реторическое введеніе къ ней написано его канцлеромъ[4]). Этотъ канцлеръ, *Benintendi de'Ravegnani* или *Ravagnani* (1317—1365) и былъ первымъ венеціанскимъ гуманистомъ. Природный венеціанецъ, другъ и почитатель Петрарки, Бенинтенди не принадлежалъ къ правящей знати, хотя и провелъ всю свою жизнь на службѣ у республики въ ея канцеляріи[5]). Сочиненія Бенинтенди немногочисленны и мало извѣстны. Его единственный философскій трактатъ въ формѣ письма къ дожу Чельси остается неизданнымъ[6]). Его „*Венеціанская хроника*", тоже неизданная, простое извлеченіе изъ хроники Дандоло и не представляетъ интереса[7]). То же самое можно сказать и о его введеніи въ хронику самого дожа[8]). Фогтъ предполагаетъ, что Бенинтенди принадлежитъ описаніе осады и взятія Цары въ 1346 году, извѣстное только въ итальянскомъ переводѣ[9]). Въ связи съ этимъ произведеніемъ стоитъ рѣчь Бенинтенди *De laude Venetorum*, написанная или сказанная по поводу того же радостнаго для Венеціи

---

[1]) Петрарка называетъ его doctum et facundum, et circumspectum, et affabilem, et mitem. Uno tamen offendebar, quod belli studio ardentior erat, quam naturae ac suis moribus conveniret. Epist. famil. XIX, 9.

[2]) Два его отвѣта Петраркѣ обыкновенно печатаются въ старыхъ изданіяхъ вмѣстѣ съ письмомъ послѣдняго.

[3]) Tiraboschi, V, p. 559. Ср. *Simonsfeld, Andreas Dandolo und seine Geschichtswerke. München. 1876.*

[4]) См. *Voigt,* Die Briefsammlungen Petrarca's, p. 63—64.

[5]) Наиболѣе обстоятельныя свѣдѣнія о немъ были собраны у Agostini, II, p. 322—327. Тирабоски и Фракассетти только его повторяютъ. Эти свѣдѣнія вновь пересмотрѣны и значительно дополнены Voigt'омъ Die Briefsammlungen Petrarca's, p. 49 и слѣд. Есть основаніе предполагать, что Бенинтенди палъ жертвою подозрительности своего правительства.

[6]) *Ad illustrem Dominum Laurentium Celsi, Venetiarum Ducem commendatoria vitae actae et exhortatoria peragendae.* Рукопись въ Парижѣ. См. Voigt, l. c., p. 66.

[7]) *Chronica Venetiarum.* Simonsfeld сравнилъ рукопись съ сочиненіемъ Dandolo и призналъ ее за *für einen fast wörtlichen Auszug.* Voigt предполагаетъ, что эта работа вошла въ составъ хроники Дандоло (l. c., p. 64—66).

[8]) Оно напечатано у Muratori, Scriptores XII, p. 9.

[9]) *Istoria dell assedio e della ricupera di Zara, fatta da Venezziani nell'anno 1346* издана *Morelli* въ *Monumenti Venezziani di varia letteratura. Venezia 1796.* Сочиненіе мнѣ извѣстно только по изложенію Фогта, l. c., 61—63.

событія[1]). Этотъ необузданный панегирикъ республикѣ, который заканчивается стихами изъ Виргилія и переполненъ необычными даже для гуманистовъ гиперболами[2]), свидѣтельствуетъ только о патріотизмѣ автора, сильно приподнятомъ служебнымъ усердіемъ. Другая рѣчь Бенинтенди, приготовленная для произнесенія передъ Людовикомъ Венгерскимъ во время одной дипломатической миссіи, не была сказана, такъ какъ Людовикъ отказался принять пословъ[3]). Ее приписывали Петраркѣ и печатали вмѣстѣ съ его сочиненіями; по формѣ она немногимъ уступаетъ ораторскимъ произведеніямъ перваго гуманиста; но ея содержаніе не представляетъ интереса[4]). Интереснѣе письма Бенинтенди; но ихъ сохранилось очень немного. До сихъ поръ извѣстны два его письма къ Петраркѣ, изъ которыхъ видно, съ какою страстью собиралъ онъ переписку перваго гуманиста[5]). Его утѣшительное посланіе къ товарищамъ по канцеляріи послѣ смерти Дандоло и заговора Фальеро весьма характерно. Авторъ въ восторженныхъ выраженіяхъ говоритъ о первомъ дожѣ и чрезвычайно сдержанно намекаетъ на печальныя послѣдствія катастрофы Фальеро для его канцеляріи[6]). Послѣднее письмо Бенинтенди адресовано Moggio da Parma, другу Петрарки. Подшучивая надъ адресатомъ, служившимъ Каррарамъ, Бенинтенди ясно показываетъ, что въ основѣ его служебнаго усердія лежалъ искренній патріотизмъ[7]).

---

[1]) *De laude Venetorum* напечатано въ приложеніи у Voigt'a, l. c., p. 74—76. Въ рукописи рѣчь названа *Epistola F. Petrarcae;* но Фогтъ съ большой вѣроятностью доказываетъ ея принадлежность Бенинтенди (l. c., p. 61).

[2]) Tu sola libera, tu justitae observatione secura, tu pacis forma, vitae regula, norma eligenda, tu magistra ordinis et virtutum omnium disciplina. Te formident populi, finitimi paveant. Stupeat mare, terra tremiscat. L. c., p. 75. Заслуживаетъ вниманія, что ораторъ ставитъ въ особую заслугу республикѣ, ut apostolicae sedis cathedram contra robur imperii conservares illaesam. Ibid.

[3]) *Propositum factum coram rege Hungariae* напечатана въ Opera omnia F. Petrarcae. Basil. 1581, p. 1129. О ея цѣли Voigt, l. c., p. 55.

[4]) Ibid. 63.

[5]) Среди Ep. Var. Петрарки въ Базельскомъ изданіи №№ 11 и 14. Voigt въ своемъ общемъ сочиненіи (II, p. 429) говоритъ: seinen Brief an Petrarca gedenke ich aus einer Leipziger Handschrift zu veröffentlichen; но въ цитированномъ позднѣйшемъ трудѣ онъ пришелъ къ убѣжденію, что это письмо принадлежитъ Paolo di Bernardo (см. p. 30 и 69).

[6]) Письмо ibid. № 7. Его анализъ у Voigt'a, p. 51 и слѣд.

[7]) Servio non domino, non tyrano, qui vitae necisque in me habeat potestatem. Servio rei publicae meae, quae nihi me ipso charior semper fuit, servio patriae meae, quae filiis, parentibus et amicis et demum privatae utilitati praeferenda est. Hanc mihi non servitutem, sed summam arbitror libertatem. Ibid. ср. 10. О Moggio см. выше, p. 915.

Наличныхъ данныхъ слишкомъ недостаточно, чтобы составить ясное представленіе о міросозерцаніи Бенинтенди. Но изъ его произведеній видно, что онъ былъ большимъ поклонникомъ перваго гуманиста, подобно ему изучалъ древнихъ классиковъ и стремился къ краснорѣчію, что даетъ право считать Бенинтенди первымъ послѣдователемъ Петрарки въ Венеціи[1]) Бенинтенди не былъ единственнымъ представителемъ новаго духа въ канцеляріи венеціанскаго дожа. Фогтъ открылъ нѣсколько писемъ анонима изъ Тревизо и доказалъ, что этотъ анонимъ *Paolo di Bernardo,* которому адресовано одно старческое письмо Петрарки (X, 3). Паоло былъ родомъ изъ Тревизо, съ раннихъ лѣтъ увлекался поэзіей, писалъ итальянскія стихотворенія и изучалъ латинскихъ поэтовъ; позже онъ занимался торговлей, затѣмъ служилъ подъ начальствомъ Бенинтенди и, подобно ему, страстно собиралъ письма Петрарки. Послѣ заговора Фальеро онъ долженъ былъ оставить прежнюю службу, и вернулся къ торговлѣ; но ему и здѣсь не посчастливилось, такъ что онъ зарабатывалъ себѣ хлѣбъ на частной службѣ въ качествѣ писца у венеціанскихъ чиновниковъ въ самой Венеціи и въ подчиненныхъ ей городахъ[2]). 14 писемъ Паоло, изданныя Фогтомъ, вызваны по большей части дѣловыми отношеніями и рѣдко касаются теоретическихъ вопросовъ. Тѣмъ не менѣе они представляютъ значительный интересъ, потому что обрисовываютъ характеръ этого ранняго гуманиста и нѣкоторыхъ его адресатовъ. Такъ, въ письмѣ къ Петраркѣ Паоло признается, что какой-то „тайный жаръ" воспламеняетъ его особенной любовью къ произведеніямъ перваго гуманиста, такъ что онъ даже „воровски" (furtive) собираетъ его письма[3]). Особенно характерны тѣ его письма, въ которыхъ онъ касается венеціанскихъ дѣлъ. Паоло, родомъ изъ Тревизо и заподозрѣнный въ соучастіи или, можетъ быть, только въ сочувствіи къ Фальеро, рѣзко нападаетъ на правящую знать, которая „подражаетъ всякой жестокости и звѣрству" и „питается, подобно Ликаону, человѣческими внутренностями"[4]). Въ письмѣ къ венеціанскому гражданину *Натали,* предлагавшему ему воспѣть войну съ Падуей, Паоло отклоняетъ предложеніе не только потому, что оно превышаетъ его силы, но и потому еще, что и самое дѣло не стоитъ прославленія. „Какую цѣну, говоритъ онъ, въ Италіи, не говорю

---

[1]) Ср. Voigt, l. c., p. 59—60.

[2]) Его біографическій очеркъ на основаніи переписки у Voigt'a, l. c., p. 66 и слѣд.

[3]) У Фогта, p. 81.

[4]) O dira barbaries, восклицаетъ онъ далѣе, o saeva crudelitas, o implacabile genus, o infamia aevi nostri etc. Ibid. 79.

уже о Европѣ, имѣетъ война венеціанцевъ съ падуанцами?"[1]). Примѣръ родины заставляетъ его весьма несочувственно относиться къ венеціанскимъ успѣхамъ. „Только съ 36-го года, говоритъ онъ, когда жители этой страны отданы были подъ покровительство и господство Венеціи, несчастная провинція дважды была разрушена и безъ причины, и безъ вины"[2]). Характерно, что подобные взгляды не нарушали его дружескихъ отношеній съ патріотически настроенными адресатами.

Паоло является въ перепискѣ настоящимъ гуманистомъ, хотя его воззрѣнія прорываются въ письмахъ только мимоходомъ и въ отдѣльныхъ фразахъ[3]). Онъ часто и охотно цитируетъ древнихъ писателей, но далекъ отъ слѣпаго преклоненія передъ стариной и отъ смѣшенія ея съ дѣйствительностью. Въ письмѣ къ Натали онъ съ большимъ презрѣніемъ говоритъ о современныхъ событіяхъ сравнительно съ аналогичными явленіями въ древнемъ мірѣ, но выраженія — „мы хвалимъ старые годы, но живемъ въ наше время[4])" или „мы хвалимъ древніе нравы, но живемъ новою жизнью[5])" и т. п. — часто встрѣчаются въ его письмахъ. Какъ всѣ гуманисты, Паоло любитъ природу и цѣнитъ ея красоты[6]); и его влечетъ „любовь къ наукѣ" (affectio ad doctrinam), и стремленіе къ нравственному совершенствованію (spes reformandorum defectuum)[7]), и онъ желалъ бы жить „въ почетномъ досугѣ"[8]). Но обстоятельства сложились очень неблагопріятно: нужда заставила его искать болѣе надежныхъ средствъ для существованія, чѣмъ тѣ, которыя были въ наличности для раннихъ представителей Возрожденія, и изъ Паоло не вышло гуманиста — писателя.

Переписка Бенинтенди и въ особенности Паоло открываетъ намъ еще нѣсколько именъ сторонниковъ новаго движенія, хотя и не даетъ о нихъ почти никакихъ свѣдѣній. Такъ, товарищемъ Паоло по службѣ въ канцеляріи дожа былъ несомнѣнный его единомышленникъ *Bonifacio de Carpo*, родомъ изъ Модены[9]). Венеціанскій гражданинъ *de'Natali*

---

[1]) Ibid. p. 96.

[2]) Ibid. p. 97—98.

[3]) Письмо къ Дж. да Равенна (очевидно, Конвертино), въ которомъ Паоло убѣждаетъ его оставить обученіе дѣтей, повидимому, подражаніе аналогичному письму Петрарки къ Z. da Strada.

[4]) Ibid. p. 80.

[5]) Ibid. p. 83.

[6]) Ibid. p. 85.

[7]) Ibid. p. 79.

[8]) Ibid p. 83.

[9]) Два адресованныхъ ему письма ibid. p. 86 и 89.

въ письмѣ къ Паоло „изящно" описывалъ современныя событія[1]). Объ остальныхъ адресатахъ, раздѣлявшихъ стремленія Паоло, ничего не извѣстно, кромѣ именъ[2]). Бенинтенди и Натали — единственные гуманисты венеціанскаго происхожденія; всѣ остальные ранніе представители новаго движенія не коренные жители республики. Къ ихъ числу принадлежитъ и близкій другъ Петрарки *Donato degli Albanzani* или dal Casentino или da Pratovecchio или *Apenningena*, какъ называлъ его первый гуманистъ (родился около 1330 умеръ или въ концѣ XIV или въ началѣ XV столѣтія). Петрарка находился въ перепискѣ съ Донато и посвятилъ ему сочиненіе *De ignorantia;* Боккаччіо, называвшій его своимъ „особеннымъ другомъ",— эклогу Angelos. Эту дружбу раздѣлялъ и Салютати, адресовавшій нѣсколько писемъ Донато. „Честный, но бѣдный человѣкъ", какъ характеризуетъ его Боккаччіо[3]), Донато долгое время преподавалъ грамматику въ Венеціи, что не доставило ему ни славы, ни денегъ, такъ что Петрарка оставилъ ему въ завѣщаніи небольшую сумму; только подъ старость его положеніе улучшилось, когда онъ сдѣлался сначала учителемъ, а потомъ канцлеромъ Николо III д'Эсте въ Феррарѣ[4]). Литературная дѣятельность Донато незначительна. Онъ былъ только популяризаторомъ своихъ знаменитыхъ друзей: написалъ краткое толкованіе къ эклогамъ Петрарки[5]) и перевелъ на итальянскій языкъ его сочиненіе De viris illustribus[6]) и книгу Боккаччіо De claris mulieribus[7]). Салютати упоминаетъ еще объ одной его книгѣ, не называя ея заглавія, но возможно, что онъ имѣетъ въ виду какой-нибудь изъ его переводовъ[8]).

---

[1]) Ibid. p. 94.

[2]) Сюда относятся: *Bernardo Casalarcio, civis Cremonensis, Stefano Ciera* и *Gabrielle de' Rampinelli.* Въ письмѣ Бенинтенди къ Петраркѣ упоминается, какъ другъ перваго гуманиста *Marcus de Raude, civis Mediolanensis et Venetus.* (Ep. var. N. 11. Bas. 1581).

[3]) Bucolicum carmen, quod, ut sibi intitularem, petiit Donatus Apenninigena, pauper sed honestus homo et praecipuus amicus meus. De Genealog. XV, 13.

[4]) Наиболѣе обстоятельныя свѣдѣнія о его жизни собраны у Тирабоски, V, p. 847—851. См. также *Tosti, Memorie storiche sulla vita di M. Donato da Casentino.* (Напечатано впервые къ предисловію перевода De claris mulieribus и переиздана во II томѣ перевода Razzolini De viris illustribus, p. V—XVI).

[5]) Hortis, Scritti inediti di Petrarca, p. 359.

[6]) Rossetti, p. 98—99.

[7]) Hortis, Studj, p. 600 и слѣд. Въ приложеніи онъ напечаталъ латинское дополненіе къ этому переводу. Ibid. 114.

[8]) Salutati пишетъ: Habui libellum tuum, de quo gratias ago. Conjicirem, замѣчаетъ Mehus, приведя эту цитату, illum Donati libellum Boccaccium esse de Mulieribus claris. Vita Ambros., p. CCLII.

Венеціанскимъ нотаріусомъ считаютъ нѣкоего *Bonincontri*, которому Петрарка адресовалъ два дружескихъ посланія[1]). Свѣдѣній о Бонинконтри нѣтъ, но если ему принадлежитъ неизданное сочиненіе о борьбѣ Фридриха Барбаруссы съ Александромъ III, то онъ былъ мантуанецъ по происхожденію, болонецъ по рожденію и „вполнѣ венеціанецъ словомъ и дѣломъ“[2]). Наконецъ, изъ переписи Боккаччіо видно, что нѣкто *Guido da Reggio* принималъ его въ Венеціи съ почетомъ и подарилъ ему кольцо[3]).

Итакъ во время первыхъ гуманистовъ новое движеніе обнаруживается и въ консервативной Венеціи, но совершенно не захватываетъ правящихъ классовъ. Между аристократіей нѣтъ даже меценатовъ, если не считать таковымъ Дандоло; гуманизмъ гнѣздится пока въ канцеляріи и его представителями являются преимущественно пришельцы и разночинцы. Мало мѣняется дѣло и при двухъ слѣдующихъ поколѣніяхъ. Правда, появляются меценаты изъ мѣстной знати, но ихъ очень не много. Первое мѣсто между ними занимаетъ знаменитый генералъ *Carlo Zeno* († 1418)[4]). Дзено не былъ писателемъ, но онъ понималъ толкъ въ древности и подъ старость началъ учиться греческому языку[5]). Современные гуманисты были отъ него въ восторгѣ. Верджеріо въ письмахъ осыпаетъ его похвалами[6]), и Гуарино посвятилъ ему свой переводъ Плутарховой біографіи Ѳемистокла[7]). Къ венеціанской знати принадлежалъ и *Paolo Zane*, который убѣдилъ юнаго Гуарино отправиться въ Константинополь обучаться греческому языку

---

[1]) Epist. fam. XXIII, 4 и 5.

[2]) Въ библіотекѣ San Marco въ Венеціи хранится рукопись Бонинконтри: *Historia de discordia et persecutione, quam habuit Ecclesia cum Imp. Federico Barbarossa tempore Alexandri III summ. pont. et demum de pace facta Venetiis et habita inter eos.* Въ концѣ сочиненія авторъ говоритъ: Ego Bonincontrus licet origine Mantuanus natione quoque Bononiensis tamen verbo et opere totus Venetus Rivaltensis Domini Ducis et Communis Venetiarum Notarius et Officialis. Догадки о личности Бонинконтри. См. Fracass. Lett. fam. V, p. 33.

[3]) Ab eo... honoratus sum et insignitus annulo. Corazz., p. 127.

[4]) Наиболѣе обстоятельныя свѣдѣнія о Zeno въ его біографіи, написанной его внукомъ: *Jacobus Zenus, Vita Caroli Zeni, patritii Veneti clarissimi ad Pium II.* (У Muratori Scriptores XIX, p. 197.)

[5]) Ermolao Barbaro, гуманистъ 4-го поколѣнія, въ письмѣ къ Фр. Барбаро такъ говоритъ о Zeno: accedit praeterea Caroli nostri, praestantissimi ac studiosissimi Viri, meique amicissimi, singularis in latinis graecisque litteris doctrina, quam summa admiratione prosequor et contemplor; eumque mihi ante oculos posui, ut si id modo consequi potuero, ipsum imitari ejusque vestigia sequi contendam. Въ Epistol. Fr. Barbr. Ed. Quirini, p. 10 и 11.

[6]) Epist. p. 21—22 и 122. Ср. ер. 71 и 118.

[7]) Agostini, I, p. 170.

и далъ ему средства для этого путешествія[1]). Въ низшемъ дворянствѣ и въ среднихъ классахъ движеніе несомнѣнно возрастаетъ; но мы знаемъ почти только одни имена его представителей. Самымъ крупнымъ изъ нихъ былъ *Zaccaria Trevisano* старшій (1370—1413)[2]). Онъ изучалъ право въ Падуѣ и потомъ занималъ самыя разнообразныя должности на родинѣ и за ея предѣлами, одно время былъ между прочимъ преторомъ во Флоренціи. Здѣсь и еще раньше въ Падуѣ, а также позже во время своихъ дипломатическихъ миссій онъ завелъ дружескія связи съ гуманистами и находился въ перепискѣ съ Верджеріо, Салютати, Г. Барциццой и Л. Бруни. Гуманисты высоко ставили его латинское краснорѣчіе, хотя въ ихъ отзывахъ чувствуется преувеличеніе[3]). Но кромѣ хорошей латыни, Тревизано былъ знакомъ съ греческимъ языкомъ. Тѣмъ не менѣе его участіе въ гуманистическомъ движеніи носило чисто пассивный характеръ. Тревизано не былъ литераторомъ и написалъ только три рѣчи, которыя ему пришлось произнести во время своихъ дипломатическихъ и другихъ миссій[4]). Изъ переписки Верджеріо извѣстенъ нѣкій *Jacobus de Tarvisio*, вѣроятно, гуманистическій секретарь Карло Дзено[5]). Тотъ же источникъ знакомитъ насъ съ *Donato de Compostellis*, несомнѣннымъ гуманистомъ, философскую рѣчь котораго разбираетъ Верджеріо[6]).

Въ чиновничьихъ сферахъ республики гуманистическое движеніе продолжало развиваться, хотя и не особенно быстро. Преемникъ Бенинтенди *Raffaele de' Carisini*, продолжатель хроники Дандоло, причастенъ къ литературѣ, хотя о его воззрѣніяхъ мы и не имѣемъ свѣдѣній[7]). Верджеріо адресовалъ обширное поздравительное посланіе *Lucio Desiderato*, въ которомъ онъ видитъ достойнаго продолжателя друга Петрарки Бенинтенди[8]). Единственнымъ писателемъ изъ этой среды былъ *Lorenzo de' Monaci* († 1429)[9]). Онъ принадлежалъ

---

[1]) Его генеалогія у Agostini, I, p. 170.

[2]) Свѣдѣнія о немъ у Agostini, I, p. 310—325.

[3]) См. напр. отзывъ Бруни. Ibid. p. 318.

[4]) *Zachariae Trivisani* (или *Tervisani*) *ad Gregorium XII Pontificem pro unione Ecclesiae Dei conficienda Oratio. Oratio ad Dominum Ariminensem (Carlo Malatesta) pro integratione Ecclesiae. In refutatione officii Capitaneae almae civitatis Paduae et in commendatione sui successoris Domini Petri.* Рукопись см. Agostini, p. 324—325 и Voigt, I, p. 420.

[5]) Epist. 3 и 18.

[6]) Epist. 45, см. также epist. 48.

[7]) См. Voigt, Die Briefsamml., p. 59.

[8]) Epist. 124.

[9]) Свѣдѣнія о немъ у Agostini, II, p. 363—371.

къ дворянству, хотя его родъ и не отличался особенной знатностью[1]), былъ секретаремъ сената, а потомъ великимъ канцлеромъ Кандіи. Его гуманистическіе интересы засвидѣтельствованы письмомъ къ нему Фр. Барбаро[2]), хотя связей съ представителями новаго движенія за предѣлами Венеціи онъ, повидимому, не имѣлъ. Его произведенія въ стихахъ и прозѣ носятъ историческій характеръ. Первое мѣсто между ними занимаетъ *Венеціанская хроника до 1354*[3]), которая мало чѣмъ отличается отъ средневѣковыхъ произведеній такого же содержанія[4]). Затѣмъ онъ написалъ въ стихахъ *Исторію Карла II, короля Венгерскаго* и *Благочестивое описаніе несчастія знаменитыхъ венгерскихъ королевъ*[5]). Эти произведенія, если только они написаны не по заказу, обнаруживаютъ въ авторѣ интересъ къ романическимъ приключеніямъ и къ неаполитанской исторіи, который замѣтенъ и въ эклогахъ Боккаччіо. Агостини, у котораго мы находимъ наиболѣе обстоятельныя свѣдѣнія объ авторѣ, не касается вопроса о томъ, подъ какими вліяніями были написаны эти поэмы[6]), и будущему біографу Моначи предстоитъ выяснить ихъ отношеніе къ несомнѣнно гуманистической литературѣ. Кромѣ этихъ произведеній извѣстна только еще одна похоронная рѣчь Моначи[7]).

Гуманистическая переписка сообщаетъ еще нѣсколько именъ медиковъ и учителей, мѣстныхъ и пришлыхъ, которые чувствовали интересъ къ новому движенію. Такъ, существуетъ очень много писемъ Верджеріо къ *Niccolo di Lionardo,* венеціанскому медику, и къ *Giovanni da*

---

[1]) Хотя онъ не называетъ себя patricius Venetus, но Барбаро въ письмѣ называетъ его equestris vir.

[2]) Barb. Epist. p. 179.

[3]) *Laurentii de Monachis Veneti, Cretae Cancellarii, Chronicon de rebus Venetorum ab U. C. ad annum MCCCLIV sive ad conjurationem ducis Faletro.* Рукописи и раннія изданія отрывковъ приведены у Agostini, l. c., p. 366—367. Вполнѣ хроника издана Cornaro уже послѣ появленія книги Agostini въ 1758.

[4]) Такъ, Моначи внесъ въ свое сочиненіе большую часть хроники Дандоло.

[5]) *Historia de Carlo II cognomento Parvo, Rege Hungariae; sive carmen metricum de Caroli Parvi lugubri exitio, ipsa gestarum rerum aetate ab hoc Autore scriptum. Pia descriptio miserabilis casus illustrium Reginarum ungariae. Ad egregium et strenuum Militem dominum Petrum Aimo, Insulae Cretensis Capitaneum.* Рукописи у Agostini. l. c. p. 369—370.

[6]) Послѣдняя поэма, судя по предшествующему ей письму къ Маріи Венгерской, вызвана личными отношеніями автора къ этой королевѣ.

[7]) *Sermo in celebritate exequiarum quondam nobilissimi D. Vitalis Lando, in praesentia eximii et serenissimi Domini Michaelis Steno, Dei gratia inclyti Ducis Venetiarum.* Рукописи у Agostini p. 369.

Bologna, тоже врачу, жившему въ Венеціи[1]). Изъ гуманистическихъ учителей мѣстнаго происхожденія извѣстенъ только *Лоренцо Момео,* который обучалъ новымъ наукамъ А. Джуліано и Д. Виттури. Старшій Барцицца, сообщающій эти свѣдѣнія, въ одномъ письмѣ называетъ его „превосходнымъ поэтомъ и ораторомъ“[2]); но до сихъ поръ не извѣстно ни одного произведенія Момео, и всѣ свѣдѣнія о немъ исчерпываются этимъ мѣстомъ изъ переписки да Барцицца.

Новые изслѣдователи отмѣчаютъ равнодушіе республики къ гуманистическому движенію и его сравнительную слабость въ Венеціи[3]), но не даютъ ни обстоятельнаго фактическаго очерка исторіи венеціанскаго гуманизма, ни объясненія его особенностей[4]). Между тѣмъ и наличные источники позволяютъ отмѣтить нѣкоторыя своеобразныя черты Возрожденія въ Венеціи. Выше мы видѣли, что уже въ началѣ XIV столѣтія Конвертино обвинялъ Венецію въ отсутствіи идеальныхъ интересовъ[5]), и это обвиненіе вполнѣ справедливо, но только по отношенію къ правящимъ классамъ. Среди разночинцевъ, которые вообще дали наибольшій контенгентъ активныхъ гуманистовъ, замѣтны несомнѣнные слѣды движенія также и въ Венеціи, тогда какъ нобили только въ отдѣльныхъ и весьма рѣдкихъ случаяхъ являются меценатами. Такъ дѣло шло и въ XV столѣтіи. Въ среднихъ классахъ существовали, вѣроятно, кружки, гдѣ обсуждались гуманистическія темы. Упомянутый нами діалогъ Дечембріо[6]) описываетъ одну такую бесѣду, но собесѣдниками въ ней являются все неизвѣстныя имена, между прочимъ *Chyrsus Cancellarius* и какой-то Франческо, повидимому, крещеный еврей[7]). Гуманистическое движеніе болѣе проникаетъ, конечно, и въ высшіе классы, но венеціанскіе нобили усвоиваютъ только внѣшнюю сторону движенія, знаніе древности, умѣнье написать письмо хорошей латынью и произнести изящную рѣчь. Настоящихъ гуманистовъ между

---

[1]) Къ первому адресовано 8 писемъ, ко второму 17. См. Combi, Epist. passim. Тамъ же (p. 215) небольшое и незначительное письмо второго изъ нихъ.

[2]) Epist. p. 117.

[3]) Voigt I p. 415; Geiger p. 265. Körting (Petrarca's Leben p. 364) совершенно неосновательно утверждаетъ обратное: Venedig war schon damals, was es später in noch höherem Grade verden sollte, ein Centralpunkt humanistischen Lebens.

[4]) Только у Фогта мы находимъ краткій перечень раннихъ венеціанскихъ гуманистовъ и нѣкоторыя мѣткія замѣчанія объ особенностяхъ сторонниковъ Возрожденія изъ числа нобилей. L. c.

[5]) См. выше p. 943.

[6]) См. выше p. 693—694.

[7]) Franciscus, noster im novo baptismate filius. L. c.

ними нѣтъ ни одного и въ 1-й половинѣ XV вѣка. Единственное произведеніе на гуманистическую тему, написанное венеціанскимъ нобилемъ, — *De re uxoria* Фр. Барбаро, насквозь пропитано аристократизмомъ. Если другіе гуманисты изъ венеціанскихъ нобилей пускались въ литературу, то изъ-подъ ихъ пера выходило или житіе святого, или біографія предка, или исторія родного города, или полемическое произведеніе противъ какого-нибудь гуманиста, если онъ нападалъ на церковь или на аристократію. Ліонардо Джустиніани писалъ „Похвалы Богородицѣ" и перевелъ житіе св. Николая Чудотворца; его сынъ Бернардо — исторію Венеціи и житіе блаженнаго Лоренцо Джустиніани; Эрмолао Барбаро — житіе и перенесеніе мощей св. Аѳанасія Александрійскаго, а также только по заглавію извѣстныя двѣ рѣчи „противъ поэтовъ", направленныя, по всей вѣроятности, противъ гуманистовъ; Джакопо Дзено — біографію своего дѣда Карло; Лауро Квирини полемизировалъ съ Поджіо по поводу его діалога De nobilitate и написалъ рѣзкое письмо папѣ Николаю V противъ сочиненія Валлы о Дарѣ Константина и т. п.[1]). Традиціи мѣшали венеціанскимъ нобилямъ сдѣлаться настоящими гуманистами.

Слѣды гуманистическаго движенія обнаруживаются и въ подчиненныхъ Венеціи областяхъ. Такъ, въ *Тревизо* существовала публичная школа уже въ половинѣ XIV вѣка[2]), и мы видѣли, что изъ этого города вышло нѣсколько венеціанскихъ гуманистовъ. Въ началѣ XV вѣка венеціанцы закрыли мѣстный университетъ[3]), тѣмъ не менѣе отсюда вышелъ нѣкто *Francesco Bosco,* авторъ неизданной латинской поэмы и профессоръ въ Cividale[4]). Верджеріо адресовалъ два письма врачу *Almerico da Serravale,* хотя изъ нихъ не видно, жилъ ли этотъ медикъ, близкій къ Дз. Тревизано, въ своемъ родномъ городкѣ[5]). Выше мы видѣли, въ какихъ черныхъ краскахъ изображаетъ Верджеріо въ перепискѣ свою родину; тѣмъ не менѣе и изъ Истріи вышелъ другъ Верджеріо, Santo *Pellegrini*[6]).

Изъ крупныхъ государствъ Италіи бѣднѣе всего гуманистическими именами въ занимающую насъ эпоху — Генуя. Исконная соперница

---

[1]) Я имѣю въ виду напечатать это письмо по парижской рукописи.

[2]) Tiraboschi V p. 85.

[3]) Ibid. VI p. 105.

[4]) Mazz. II, 3, p. 1825. Сочиненіе *Mazzano, Cenni biografici dei litterati ed artisti friulani del sec. IV al. XIX. Udine 1885,* мнѣ извѣстно только по заглавію.

[5]) Epist. 34 и 41.

[6]) Ему адресовано 11. См. Combi, Epist. passim. Статья о немъ Гортиса мнѣ осталась неизвѣстной.

Венеціи переживала тогда крайне безпокойныя времена. Нигдѣ въ Италіи не происходило такой упорной борьбы самыхъ разнообразныхъ партій. Противъ знати боролись popolani, которые распадались на враждебныя стороны, состоявшія изъ болѣе зажиточныхъ гражданъ и городской черни. Внутри каждой партіи въ то же время шла непрерывная борьба гвельфовъ съ гиббелинами. Постоянныя внутреннія смуты не препятствовали однако Генуѣ вести энергическую внѣшнюю политику, которая вовлекала ее въ жестокія войны со всѣми сосѣдями. Вслѣдствіе этого республика не разъ подвергалась крайнему истощенію силъ, впадала въ анархію и находила единственное средство спасенія въ добровольномъ подчиненіи чужеземной власти. Тѣмъ не менѣе суровый режимъ чужого господства, хотя и создавалъ порядокъ, но окончательно убивалъ гражданскую свободу, а это было для генуэзцевъ слишкомъ тяжелымъ лишеніемъ. Чужеземцевъ выгоняли, не допускали развиться и мѣстной тиранніи, и прочное, твердое правительство было почти неизвѣстно въ Генуѣ. Въ 1339 году въ генуэзской республикѣ произошелъ демократическій переворотъ, которымъ возведенъ былъ въ званіе дожа Симоне Бокканера. Но знать не была побѣждена окончательно, и дожъ, вынужденный къ уступкамъ, былъ низвергнутъ новымъ взрывомъ народнаго недовольства въ 1345 году. Домашнія смуты осложнились несчастной войной съ Венеціей, такъ что Генуя въ 1353 году добровольно подчинилась архіепископу Миланскому Дж. Висконти. Но это только увеличило количество внѣшнихъ враговъ республики, потому что добровольно принятое иго было насильственно сброшено. Прежнія смуты возобновились съ новою силою; дожи мѣнялись чрезвычайно часто; возгорѣлась новая война съ Венеціей; въ 1394 году произошло жестокое и крайне разрушительное возстаніе черни, а знатныя фамиліи начали захватывать тираннію въ городахъ, подчиненныхъ республикѣ. Правительство было безсильно установить какой-нибудь порядокъ, а верховная власть надъ Генуей въ 1396 году была вручена французскому королю. Но чужеземные намѣстники оказались безсильны укротить смуты; въ 1400 году французскій губернаторъ былъ прогнанъ. Между тѣмъ Франція не желала отказаться отъ пріобрѣтенной власти, и знаменитый маршалъ Бусико, захвативъ городъ, познакомилъ населеніе со всѣми ужасами кровавой репрессіи. Но жестокій порядокъ, установленный казнями, продолжался недолго: въ 1409 году французы были перебиты и мѣстная самостоятельность была возстановлена. Суровые опыты чужеземнаго владычества ничему не научили, и послѣ многочисленныхъ смутъ Генуя въ 1422 году снова подчинилась Милану. Спокойствіе было установлено на цѣ-

лыхъ 13 лѣтъ, хотя попытки возстаній никогда не прекращались; но въ 1435 году недовольство миланскимъ правленіемъ настолько возрасло, что новое возстаніе окончилось удачно. Свободная Генуя начала неудачную войну съ Альфонсомъ Неаполитанскимъ; въ городѣ опять возникли смуты и анархія, и въ 1458 году верховная власть снова была предложена французскому королю[1]). Можетъ быть, въ этомъ перечнѣ фактовъ заключается главная причина того, что Флавіо Біондо насчитываетъ въ Генуѣ XV вѣка весьма немногихъ гуманистовъ[2]).

Но какъ ни тяжелы были политическія условія Генуи, слабые слѣды гуманистическаго движенія въ этомъ городѣ обнаруживаются уже во времена Петрарки и замѣчаются во все позднѣйшее время. Такъ, здѣсь жилъ другъ дѣтства и молодости перваго гуманиста, архидіаконъ, а потомъ архіепископъ, *Гвидо Сеттимо*. Старинная личная дружба поддерживалась и впослѣдствіи, какъ удостовѣряютъ это многочисленныя письма Петрарки[3]), что указываетъ на сочувствіе архіепископа гуманистической дѣятельности канонника. Кромѣ того, вкусы Сеттимо прямо засвидѣтельствованы однимъ письмомъ Петрарки, въ которомъ онъ говоритъ о желаніи архіепископа видѣть свое имя въ собраніи его писемъ[4]). Трудно сказать, наоборотъ, принадлежалъ ли къ сторонникамъ новаго направленія глава аристократической партіи въ Генуѣ *Галеотто Спинола*, которому Петрарка адресовалъ весьма льстивое письмо[5]). Сочувствіе къ нему перваго гуманиста могло проистекать изъ общихъ политическихъ симпатій или даже могло быть вызвано интересами Висконти, которымъ онъ тогда служилъ. Съ бо́льшей вѣроятностью можно отнести къ друзьямъ гуманизма нѣкоего *Марка* изъ Генуи, о которомъ нѣтъ никакихъ свѣдѣній. Петрарка адресовалъ ему два, можетъ быть, 3 письма[6]), изъ которыхъ послѣднее даетъ нѣ-

---

[1]) Главнымъ источникомъ для исторіи Генуи этого періода служатъ *Georgii Stellae Annales Genuenses ab anno MCCXCVIII usque ad finem anni MCDIX deducti et per Ioannem Stellam ejus fratrem continuati usque ad annum MCDXXXV*. У Muratori, Scriptores T. XVII p. 945 и слѣд. См. Sismondi Vols. III, IV и V passim. Leo III p. 484 и слѣд. Cantù II p. 858 и слѣд.

[2]) Italia illustrata p. 183. Ornatur vero nunc civibus, navigatione ac mercatura toto orbe notissimis: sed paucos habet egregie litteratos, quorum notiores nobis sunt *Nicolaus Ceba* et noster item *Jacobus Bracellus* ac *Gottardus*.

[3]) Всѣхъ писемъ Петрарки по адресу Сеттимо сохранилось 15.

[4]) Quod tam magni aestimas nomen tuum in epistolis meis poni, facis, ut reliqua. Epist. fam. XIX, 8.

[5]) Epist. fam. XX. 3.

[6]) Ibid. XVII, 9 и XX. 4. Кто неизвѣстный Marco, которому адресовано III, 12 см. догадки Fracassetti, Lettere fam. I p. 446 и IV p. 270.

которое понятіе о настроеніи адресата: это былъ юристъ, искавшій назиданія у гуманиста[1]). Позже, въ концѣ XIV и въ началѣ XV вѣка слѣды движенія еще скуднѣе. Мы знаемъ только, что братья *Джорджіо и Джіованни Стелла,* авторы мѣстной хроники, находились въ перепискѣ съ Салютати, но въ ихъ хроникѣ не замѣтно почти никакихъ признаковъ гуманизма[2]). Къ половинѣ XV вѣка количество гуманистовъ въ Генуѣ увеличивается. Кромѣ лицъ, приведенныхъ у Біондо, мы знаемъ еще Бартоломео Гуасконе, преподававшаго здѣсь реторику, и Бартоломео Фаціо, промѣнявшаго впрочемъ родину на гостепріимный дворъ Альфонса Аррагонскаго. Еще позже гуманистическій духъ захватываетъ и аристократическія фамиліи, между прочимъ домъ Fregosi или Campofregosi, одинъ изъ самыхъ знатныхъ въ Генуѣ.

XVIII.

Учителя греческаго языка въ Италіи. — Варлаамъ. — Его сочиненія и біографы. — Отношеніе его къ первымъ гуманистамъ и роль въ Возрожденіи. — Пилатъ. — Хризолоръ и его сочиненія. — Роль грековъ въ ранніе періоды итальянскаго гуманизма.

Съ самаго начала гуманистическаго движенія учителями греческаго языка представителей Возрожденія являются греки сначала изъ Калабріи, потомъ изъ Византіи, и этотъ фактъ, весьма благотворный для развитія гуманизма, имѣлъ крайне неблагопріятныя послѣдствія для его исторіографіи, потому что весьма долгое время сбивалъ ее съ вѣрнаго пути. Правда, невольными виновниками этого печальнаго обстоятельства были преимущественно Хризолоръ, кардиналъ Виссаріонъ и вообще византійскіе греки, появившіеся въ Италіи около половины XV вѣка; но такую же роль отчасти сыгралъ и неудачный учитель Петрарки, *Варлаамъ изъ Калабріи.* Варлаамъ родился въ Семинарѣ въ Калабріи въ концѣ XIII вѣка и умеръ около половины XIV столѣтія[3]). О его молодости и воспитаніи ничего неизвѣстно. Въ двадцатыхъ

---

[1]) Crebras ex te litterulas habeo: omnium una sententia est. Poscis, ut ad incepti nuper civilis studii perseverantiam te cohorter. Ep. fam. XX. 4.

[2]) См. Voigt, I p. 445 и 446.

[3]) Разныя мнѣнія о годѣ его смерти сведены у *Mandalari, Fra Barlaamo Calabrese, maestro del Petrarca. Roma 1888,* p. 27 и 62.

годахъ XIV столѣтія онъ отправился въ Грецію[1]), жилъ нѣкоторое время въ Этоліи, въ Солуни, и затѣмъ поселился въ Константинополѣ, гдѣ онъ сдѣланъ былъ настоятелемъ монастыря Пантократора и публично преподавалъ богословіе. Когда въ 1333 году сюда явились послы папы Іоанна XXII, Варлаамъ велъ съ ними ученый споръ въ защиту догматовъ православія. Въ 1339 году императоръ Андроникъ отправилъ его посломъ на Западъ — просить помощи противъ турокъ, и Варлаамъ посѣтилъ дворъ Роберта Неаполитанскаго, Филиппа VI и Авиньёнскую курію Бенедикта XII. Миссія окончилась неудачно, потому что папа поставилъ условіемъ для содѣйствія грекамъ предварительное соединеніе церквей. Варлаамъ вернулся въ Константинополь; но остался тамъ очень недолго. Въ 1341 году онъ былъ уже въ Неаполѣ[2]), въ 1342 году въ Авиньёнѣ, и папа, по ходатайству Петрарки, сдѣлалъ его епископомъ Geraсе около Семинары.

Сочиненія Варлаама довольно многочисленны; но большая часть изъ нихъ богословскаго содержанія. Сюда относится во-первыхъ трактатъ *„О первенствѣ папы“*, гдѣ Варлаамъ въ качествѣ православнаго опровергаетъ католиковъ[3]). Такимъ же характеромъ отличаются: *„Разсужденія противъ легатовъ папы Іоанна XXII“*[4]), *„Разсужденіе о происхожденіи св. Духа“*[5]), *„Разсужденія противъ Ѳомы Аквинскаго о Троицѣ“*, *„Рѣчь противъ латинянъ, составленная изъ различныхъ рѣчей св. Григорія и св. Василія“*, *„Проповѣди противъ латинскихъ догматовъ“*[6]) и *„Рѣчи о соединеніи церквей“*[7]), произнесенныя передъ Бенедиктомъ XII и его кардиналами. Позже, въ качествѣ католика, Варлаамъ писалъ на тѣ же темы, но съ противоположной точки зрѣнія, и опровергалъ самого себя. Таковы его богословскія письма къ греческимъ друзьямъ, въ которыхъ онъ защищалъ первенство римской церкви, ея ученіе

---

[1]) Различныя мнѣнія о причинахъ его путешествія въ Византію, Ibid. p. 29—35.

[2]) Причины его возвращенія въ Италію. Ibid. p. 59.

[3]) *Contra primatum Papae liber. Oxonii 1592* (греческій текстъ и латинскій переводъ). Другія изданія у Mazz. II, 1 p. 371. Дополненіемъ, а можетъ быть, опроверженіемъ трактата служитъ *Письмо къ архіепископу Николаю Кабазилѣ*. Рукописи у Mandalari, p. 121 и слѣд.

[4]) Рукописи ibid. Можетъ быть тождественнаго содержанія *Діалогъ противъ легатовъ папы Іоанна XXII*. Ibid.

[5]) Рукописи ibid. Сюда же относится отвѣтъ Кабазилѣ на эту тему. Ibid.

[6]) Рукописи ibid.

[7]) Изданія у Mazz. l. c.

о Св. Духѣ и доказывалъ, что греки не схизматики, а еретики[1]). Кромѣ того, онъ написалъ спеціальный трактатъ въ доказательство, исхожденія Св. Духа отъ Отца и Сына[2]). Помимо спорныхъ вопросовъ между Востокомъ и Западомъ, Варлаамъ въ бытность свою православнымъ вмѣшался въ споры восточной церкви и написалъ вмѣстѣ съ своимъ ученикомъ или только единомышленникомъ Акиндиномъ трактатъ „*О Θаворскомъ свѣтѣ*“[3]). Слѣдующее мѣсто за богословскими сочиненіями Варлаама занимаютъ его математическіе и астрономическіе трактаты[4]). Философіи онъ посвятилъ только одинъ трудъ и на латинскомъ языкѣ, именно изложеніе моральнаго ученія стоиковъ[5]). По-латыни же написаны нѣсколько стихотвореній Варлаама: коротенькое стихотвореніе въ честь Филиппа II и Ричарда Львинаго Сердца, въ которомъ прославляется ихъ крестовый походъ; три хвалебныхъ стихотворенія въ честь Вильгельма II Сицилійскаго, въ которомъ онъ сравнивается между прочимъ съ Робертомъ Неаполитанскимъ; стихотворный упрекъ Констанціи за то, что она отдала руку Генриху VI и, наконецъ, небольшая поэма, въ которой описывается поединокъ между Гейнрихомъ Калà и Рубикелліо[6]).

Главныя сочиненія Варлаама, его греческіе трактаты математическаго и богословскаго содержанія, показываютъ, какъ далеки были его интересы отъ того, что занимало гуманистовъ. Нѣсколько ближе стоитъ онъ къ нимъ въ своихъ латинскихъ сочиненіяхъ. Изложеніе стоической этики, хотя и составлено по схоластическимъ шаблонамъ,

---

[1]) *Epistolae ad amicos in Graecia.* Изданія у Mazz. l. c.

[2]) *Probatio per Sacram Scripturam quod Spiritus Sanctus et ex Filio est, quemadmodum ex Patre.* Ibid.

[3]) Рукописи у Mandalari, l. c. p. 122. Кромѣ того, Мандалари называетъ еще слѣдующія сочиненія богословскаго содержанія: *Комментаріи къ апостольскимъ канонамъ* и два сборника *Теологическихъ разсужденій,* при чемъ въ одномъ изъ нихъ вмѣстѣ съ Варлаамомъ, въ качествѣ автора, названъ его ученикъ Акиндинъ, въ другомъ его противникъ Палама (l. c.).

[4]) Изъ нихъ изданъ только *Λογιστικῆς seu Arithmeticae Algebraicae libri VI. Argentinae. 1572.* Мандалари называетъ въ рукописяхъ еще слѣдующія математическія сочиненія Варлаама: *Dimostrazione aritmetica, Calcolo dell'Ecclisse del Sole, Sintassi o Elementi astronomici di Tolomeo, Dell'astrolabio anulare, Comenti al lib. II dell'Armonia di Tolomeo, Dell'invenzione della Pasqua, Dimostrazioni Geometriche dei numeri* (l. c.). О значеніи его математическихъ трудовъ Ibid. p. 93—97.

[5]) *Ethicae secundum Stoicos libri II.* Изданія у Mazz. l. c. Сочиненіе изложено у Mandalari p. 75 и слѣд.

[6]) Стихотворенія напечатаны у *Avernus, de Svevorum gestis T. I* и изложены у Mandalari, p. 82 и слѣд.

не чуждо интересовъ Петрарки; латинская поэма съ массой миѳологическихъ заимствованій въ описаніяхъ и сравненіяхъ напоминаетъ раннія произведенія Боккаччіо. Но едва ли этимъ чисто внѣшнинъ и случайнымъ сходствомъ объясняется сочувственное отношеніе къ Варлааму первыхъ гуманистовъ. Петрарка дважды принимался учиться у него греческому языку и оба раза неудачно, тѣмъ не менѣе съ похвалой говоритъ о его знаніяхъ по-гречески, хотя и сожалѣетъ, что его учитель очень плохо владѣлъ латинскимъ языкомъ[1]). Мы не знаемъ достовѣрно, учился ли у Варлаама греческому языку Боккачіо, но онъ прямо и косвенно пользовался его свѣдѣніями въ изложеніи и въ истолкованіи миѳовъ для „Генеалогіи боговъ". Варлаамъ помогалъ Перуджино въ составленіи аналогичной работы, послужившей источникомъ для Боккачіо[2]), и сообщалъ свѣдѣнія непосредственно ему самому[3]). Авторъ Декамерона называетъ Варлаама человѣкомъ „съ маленькимъ тѣломъ, но съ огромными знаніями", какого у грековъ не было „уже много столѣтій"[4]), и безусловно довѣряетъ его авторитету во всемъ, что касается Греціи[5]). По этимъ свѣдѣніямъ въ греческомъ языкѣ и миѳологіи и судили первые гуманисты о Варлаамѣ. Его сочиненія были, по всей вѣроятности, неизвѣстны Петраркѣ, потому что онъ объ нихъ нигдѣ не упоминаетъ; а Боккаччіо прямо говоритъ, что онъ не видалъ ни одной его книги[6]). Слѣдовательно, только на основаніи личнаго знакомства составили себѣ оба гуманиста довольно лестное мнѣніе о калабрійскомъ грекѣ. Совершенно естественно, что ихъ послѣдователи, не знавшіе ни Варлаама, ни его сочиненій, обходятъ его полнымъ молчаніемъ. Только по связи съ Петраркой и Боккаччіо упоминаютъ о немъ Domenico Bandino, Da-Casa и Manetti[7]), но его имя отсутствуетъ у Виллани, у Фаціо, у Бистиччи, у Кортезе, у Джовіо — словомъ, у всѣхъ, кто писалъ о тогдашнихъ знаменитостяхъ. Исключеніе составляетъ Форести: упомянувъ о Варлаамѣ, онъ передаетъ въ видѣ темнаго слуха

---

[1]) Epist. famil. XVIII, 2 Epist. var. XXV и senil. IX, 3. Ср. Fracass. Lett. famil. IV p. 93.

[2]) См. выше p. 763.

[3]) Заимствованія Боккаччіо у Варлаама сведены у Hortis'a (Studj p. 501—2).

[4]) De Genealog. lib. XII, cap. 6.

[5]) Nonne ergo huic et potissime in rebus ad Graecos spectantibus ego credam? Ibid.

[6]) Non enim opus suum aliquod vidi, esto composuerit audiverim; habui tamen ex suis scripta quaedam in nullum redacta librum, nec aliquo insignita titulo, quae etsi illum non satis in latinis litteris instructum ostenderent, eum tamen multa vidisse atque perspicacissime sentisse monstrabant. Ibid.

[7]) Mehus, Vita A. Travers. p. CCXIX и CCLXVIII—IX.

то, что вычиталъ въ цитированномъ нами мѣстѣ Генеалогіи Боккаччіо[1]). Такимъ образомъ, при незнакомствѣ съ сочиненіями Варлаама и при отсутствіи раннихъ о немъ свѣдѣній на Западѣ, его біографія осталась почти совершенно неизвѣстной до половины XVIII вѣка. Первые историки распространенія греческаго языка на Западѣ почти не касаются Варлаама: Hodius упоминаетъ о немъ мимоходомъ[2]), а Бернеръ обходитъ его полнымъ молчаніемъ[3]). Самъ старательный Мегусъ почти ничего не сообщилъ объ учителѣ Петрарки[4]). Гораздо болѣе воспоминаній сохранилось о Варлаамѣ въ Византіи, хотя тамъ говорили о немъ болѣе враги, чѣмъ друзья. Весьма удачная вначалѣ карьера Варлаама при Константинопольскомъ дворѣ и неудачный споръ его съ аѳонскими монахами о Ѳаворскомъ свѣтѣ создали ему много враговъ между греками, и эта вражда поддерживалась его позднѣйшей полемикой противъ восточной церкви. Поэтому въ Византіи возникла обширная полемическая литература противъ Варлаама, и первое мѣсто въ ней занимаетъ памфлетъ Никифора Григоры, подъ заглавіемъ „Флорентій или о мудрости“[5]). На Западѣ, кромѣ этого діалога, извѣстны были полемическія произведенія Паламы, Кантакузина, Григорія Солунскаго и другихъ[6]), и въ половинѣ XVIII вѣка *Zamboni* первый воспользовался частью этого матеріала для фактической біографіи Варлаама. Его сочиненіе осталось неизданнымъ, но оно легло въ основаніе перваго обстоятельнаго очерка біографіи Варлаама, составленнаго Маццукелли[7]), которому слѣдуетъ Тирабоски[8]) и позднѣйшіе писатели до послѣдняго времени. Эти свѣдѣнія пополнены нѣсколько Гортисомъ по византійскимъ историкамъ[9]), а новѣйшій біографъ Варлаама, Мандалари, сообщилъ нѣсколько полезныхъ библіографическихъ данныхъ, но ничего не прибавилъ къ его біографіи, кромѣ нѣсколькихъ сомнительныхъ гипотезъ и фальшивой

---

[1]) Quem nonnulla greco sermone composuisse tradunt, quae etsi non fuerint in librum traducta, ostenderunt tamen eum multa vidisse et optime intellexisse tradunt. Suppl. chron. fol. 251.

[2]) *Hodius, De Graecis illustribus. Londoni 1742* p. 2.

[3]) *Boernerus, De doctis hominibus graecis. Lipsiae 1750.*

[4]) L. c.

[5]) Онъ изложенъ въ статьѣ *ак. Веселовскаго: Учители Боккаччіо* (Вѣстникъ Европы 1891. № 11 p. 174 и слѣд.).

[6]) Рукописи въ западно-европейскихъ библіотекахъ приведены у Mandalari, l. c. p. 125.

[7]) Scrittori d'Italia, II, 1, p. 368. Очеркъ у Угелли (l. c. IX col. 395) незначителенъ.

[8]) Storia V p. 609 и слѣд.

[9]) Studj, p. 499 и слѣд.

окраски извѣстныхъ фактовъ вслѣдствіе панегирическаго тона[1]). Наконецъ, сжатый и содержательный очеркъ акад. Веселовскаго ближе знакомитъ съ византійскими источниками біографіи Варлаама и даетъ эскизъ его будущей характеристики[2]).

Варлаамъ еще ждетъ своего біографа; но этотъ пробѣлъ не имѣетъ существеннаго значенія для исторіи Возрожденія. Странная и нѣсколько загадочная фигура запоздалаго теолога, которому не по себѣ ни на Востокѣ, ни на Западѣ, интересный образецъ противорѣчій, создаваемыхъ для личности культурными условіями среды. Грекъ Варлаамъ — чужой въ Италіи и иностранецъ между византійцами. Повидимому, онъ сочувствуетъ соединенію церквей, но своей собственной фигурой иллюстрируетъ его невозможность. Онъ человѣкъ нетерпимый; его споръ съ Паламой и аѳонскими монахами — характерное проявленіе фанатизма, если только онъ не вызванъ мелкими страстями. Неудачный апостолъ братскаго единства между христіанами, Варлаамъ и не годился для такой роли: онъ былъ страстный ренегатъ, который могъ только ненавидѣть своихъ бывшихъ единомышленниковъ, если опять-таки его дѣйствіями не руководилъ корыстный расчетъ. Ясный образъ Варлаама можетъ дать только лучшее знакомство съ его сочиненіями, но оно едва ли окажетъ вліяніе на пониманіе его роли въ исторіи гуманизма. Эта роль опредѣляется его отношеніемъ къ первымъ гуманистамъ, которое ясно и при наличныхъ источникахъ, хотя долгое время затемнялась ложнымъ взглядомъ на Ренесансъ, затемняется отчасти и теперь отдѣльными изслѣдователями.

Лестная характеристика, данная Варлааму первыми гуманистами, поддержана была позднѣйшими писателями по двумъ причинамъ: одни изъ нихъ, духовныя лица, какъ Zamboni и Tiraboschi, знакомые съ византійскими источниками, рѣшительно отвергали ихъ невыгодныя для Варлаама показанія, потому что видѣли въ нихъ клевету на человѣка, познавшаго католическую истину и оставившаго греческія заблужденія; другіе выводили изъ Византіи самый гуманизмъ и естественно склонны были преувеличивать достоинства и значеніе перваго грека[3]). Но лучшее ознакомленіе съ біографіей Петрарки,

---

[1]) См., напр., причина удаленія Варлаама изъ Византіи, l. c. p. 59.

[2]) L. c. Рефератъ ак. Веселовскаго на ту же тему въ Петербургскомъ Неофилологическомъ обществѣ мнѣ извѣстенъ только по газетнымъ изложеніямъ. На Археологическомъ съѣздѣ въ Москвѣ (1889—90 года) проф. Ѳ. И. Успенскій читалъ весьма интересный отрывокъ изъ своего труда о Варлаамѣ, которымъ я не имѣлъ возможности воспользоваться.

[3]) Отзывы у Mandalari p. 65—67.

показало, что едва ли можно приписывать Варлааму какое-либо вліяніе на перваго гуманиста[1]). Тѣмъ не менѣе новѣйшій біографъ калабрійскаго грека Мандалари сдѣлалъ рѣшительную попытку отвести ему важную роль въ исторіи гуманистическаго движенія. „Пиѳагоръ, основатель греческой цивилизаціи въ Италіи (civiltà italiota), былъ первый мудрецъ, который вдохновилъ Платона и Аристотеля; Варлаамъ былъ послѣдній писатель и реставраторъ этой цивилизаціи, который вдохновилъ Петрарку и Боккаччіо, забросивъ въ нихъ искру, которая должна была запылать такимъ свѣтомъ въ философскомъ и лингвистическомъ Возрожденіи Италіи"[2]). Въ доказательство этого положенія Мандалари приводитъ цѣлую массу аргументовъ. Наиболѣе основательный изъ нихъ заключается въ томъ, что Варлаамъ познакомилъ Петрарку съ Платономъ и такимъ образомъ забросилъ „искру", которая разгорѣлась въ пламя „въ философской дисциплинѣ отъ пантеизма Бруно и Кампанеллы до раціонализма Галилея, до гражданской системы Вико, до мистицизма Джоберти и Росмини, до сенсуализма Галлуппи и до настоящаго раціонализма"[3]). Итакъ истинный родоначальникъ новѣйшей философіи Варлаамъ, и этотъ выводъ сдѣланъ на основаніи слѣдующихъ словъ Петрарки въ его автобіографіи: „признаюсь, я налегалъ на сочиненія Платона съ бодрой надеждой и съ большимъ усердіемъ; но новизна чуждаго языка и скорое удаленіе учителя пресѣкли мое намѣреніе"[4]). Изъ этого слѣдуетъ, что Петрарка пытался и безуспѣшно читать Платона подъ руководствомъ Варлаама. Не подлежитъ сомнѣнію, что между дѣятельностью Петрарки и позднѣйшимъ гуманистическимъ движеніемъ существуетъ генетическая связь; но чтобы прійти къ выводамъ Мандалари, нужно доказать, что Платонъ, едва знакомый первому гуманисту по слухамъ, игралъ существенную роль въ его стремленіяхъ и что Варлаамъ истолковалъ ему греческаго философа. Но первое стоитъ въ противорѣчіи съ источниками, второе — съ собственнымъ показаніемъ перваго гуманиста. Мандалари пытается ослабить это показаніе замѣчаніемъ, что Петрарка называетъ Варлаама не только учителемъ (magistrum), но и наставникомъ (praeceptorem); первое названіе указываетъ на занятіе греческимъ языкомъ, второе — на философское вліяніе калабрійца[5]), аргументъ, совершенно неспособный поколебать собственныхъ показаній перваго гуманиста. Остальная аргументація

---

1) Voigt, Die Wiederbeleb. I p. 48—49; II p. 108.
2) L. c. p. 4. Cp. p. 24.
3) Ibid. p. 106.
4) De contemptu mundi, Dial. II.
5) L. c. p. 52 и 106.

Мандалари носитъ совершенно гипотетическій характеръ и лишена всякой убѣдительности. Такъ, онъ находитъ „огромное сходство“ во внутренней жизни Петрарки и Варлаама и „большую аналогію“ въ ихъ внѣшнемъ положеніи. Петрарка пользовался дружбой императора, королей и папъ на Западѣ; Варлаамъ — императора и патріарха на Востокѣ; Петрарка любилъ природу; Варлаамъ — тоже, потому что занимался астрономіей; первый стремился къ объединенію Италіи, второй къ соединенію церквей; первый разносилъ свою ученость по Западу, второй дѣлалъ то же самое на Востокѣ и на Западѣ. Наконецъ, Петрарка подъ старость учился греческому языку, Варлаамъ — латинскому[1]). Мы не можемъ усмотрѣть въ этой аргументаціи ничего, кромѣ натяжекъ, потому что едва ли можно себѣ представить что-либо болѣе чуждое интересамъ Петрарки, какъ астрономія и споры о Ѳаворскомъ свѣтѣ. Мандалари приводитъ еще два гипотетическихъ факта, которые свидѣтельствуютъ, по его мнѣнію, о большой близости между первымъ гуманистомъ и калабрійскимъ монахомъ. Онъ предполагаетъ, во-первыхъ, что Петраркѣ посвятилъ Варлаамъ свой трудъ „*О первенствѣ папы*“, потому что имя друга, которому авторъ излагаетъ свои воззрѣнія, Францискъ[2]). Мандалари не удалось найти подтвержденія гипотезы въ рукописяхъ; но если и допустить, что это фактъ, то онъ весьма мало прибавляетъ къ характеристикѣ отношеній между Петраркой и Варлаамомъ. Возможно, что между ними велись объ этомъ разговоры; но сочиненіе написано на греческомъ языкѣ, котораго Петрарка не понималъ, а его содержаніе мало затрогивало перваго гуманиста. Что касается до второго предположенія Мандалари, что именно Петрарка обратилъ въ католицизмъ Варлаама[3]), то его рѣшеніе въ ту или другую сторону не имѣетъ никакого значенія для Возрожденія. Во всякомъ случаѣ окончательный выводъ Мандалари, что „благодаря искрѣ, зароненной Варлаамомъ, Петрарка, по выраженію Фогта, блеститъ звѣздою первой величины въ исторіи человѣческаго духа“[4]), лишенъ всякаго фактическаго основанія.

Еще нагляднѣе вліяніе Варлаама на Боккаччіо, хотя Мандалари пытается расширить его гипотезами. Боккаччіо почерпалъ отъ грека прямо или косвенно черезъ Перуджино и Пилата свѣдѣнія по греческой миѳологіи для „Генеалогіи боговъ“. Усмотрѣть въ этомъ фактѣ что-либо важное для исторіи Возрожденія не представляется возможно-

---

[1]) Ibid. p. 100—101.
[2]) Ibid. p. 54—56 и 77—78.
[3]) Ibid. p. 72.
[4]) Ibid. p. 102.

сти: самый трудъ Боккаччіо не оригиналенъ по идеѣ[1]), и если онъ стоитъ несравненно выше работы Перуджино[2]), въ которой Варлаамъ принималъ болѣе прямое участіе, то заслуга въ этомъ принадлежитъ не калабрійцу. Во всякомъ случаѣ заимствованіе фактическаго матеріала для ученой работы можетъ констатировать только чисто внѣшнее вліяніе Варлаама на Боккаччіо, и нѣтъ рѣшительно никакого основанія предположить, какъ это дѣлаетъ Мандалари[3]), чтобы оно шло дальше сообщенія фактовъ. Этотъ выводъ нисколько не измѣняетъ другая гипотеза новѣйшаго біографа Варлаама, что отъ калабрійскаго монаха заимствовалъ Боккаччіо греческіе сюжеты Декамерона[4]): дѣло не въ темѣ, а въ ея обработкѣ. Отзывы о Варлаамѣ обоихъ гуманистовъ и простое сопоставленіе ихъ интересовъ съ тѣмъ, что занимало греческаго монаха, приводятъ къ тому заключенію, что въ исторіи гуманизма онъ имѣлъ значеніе весьма несовершеннаго учебника греческаго языка, по которому трудно было чему-нибудь научиться, и справочнаго лексикона, заключавшаго въ себѣ весьма неточныя свѣдѣнія. Поэтому едва ли что-нибудь можно возразить противъ слѣдующаго вывода, къ которому приходитъ акад. Веселовскій въ статьѣ *Учители Боккаччіо:* „роль Варлаама въ судьбѣ ранняго итальянскаго гуманизма представляется внѣшней и случайной... Будучи средневѣковымъ схоластикомъ, онъ могъ подѣлиться съ своими западными друзьями лишь знаніемъ греческаго языка, а его возвеличили въ силу надеждъ и чаяній, въ которыхъ выразилась самостоятельная эволюція гуманизма и на которыя онъ не могъ отвѣтить“ [5]).

---

[1]) См. выше p. 424—425.

[2]) Ibid. p. 763.

[3]) L. c. p. 112.

[4]) Ibid. 109—110.

[5]) L. c. p. 183 и 184. Эти строки уже были напечатаны, когда появилось начало интересной статьи *Ѳ. И. Успенскаго,* посвященной Варлааму (*Философское и богословское движеніе въ XIV вѣкѣ.* Въ журн. Минист. Народ. Просвѣщ. 1892. I p. 1—64). Мало касаясь пока сочиненій Варлаама, авторъ тѣмъ не менѣе даетъ по византійскимъ источникамъ массу новыхъ свѣдѣній и живую характеристику умственныхъ интересовъ калабрійскаго монаха. Отношеніе Варлаама къ Петраркѣ и Боккаччіо изложено согласно съ источниками за исключеніемъ одного положенія, которое никоимъ образомъ нельзя на нихъ обосновать. Именно проф. Ѳ. И. Успенскій утверждаетъ, что „живое сознаніе идеи о важности эллинскихъ занятій, какимъ были проникнуты дѣятели итальянскаго Возрожденія, всецѣло должны быть приписаны посредственнымъ и непосредственнымъ вліяніямъ Варлаама“ (p. 63 ср. p. 58 и 60). Эта гипотеза неоправдывается приведенными авторомъ фактами и вообще не можетъ найти оправданія въ источникахъ. Интересъ къ древне-греческой литературѣ естественно вытекалъ изъ увлеченія содержаніемъ римскихъ писателей, которые

Аналогичное значеніе въ исторіи Возрожденія имѣетъ другой калабріецъ, ученикъ Варлаама, *Леонтій Пилатъ* (умеръ около 1365). Письма Петрарки и Генеалогія боговъ Боккаччіо даютъ живую характеристику этого полудикаго грека. Подобно своему учителю Пилатъ переѣзжалъ изъ Италіи въ Грецію и обратно, но нигдѣ не игралъ замѣтной роли. Въ Италіи онъ выдавалъ себя за грека изъ Солуни, въ Греціи за итальянца, и не уживался ни здѣсь, ни тамъ. На пути изъ Венеціи въ Авиньёнъ его перехватилъ Боккаччіо, привезъ съ собою во Флоренцію, три года прожилъ съ нимъ подъ одной кровлей, изучая подъ его руководствомъ греческій языкъ и пользуясь его свѣдѣніями для Генеалогіи, и доставилъ ему мѣсто въ флорентійскомъ Studio, гдѣ онъ публично читалъ и толковалъ Гомера[1]). Первый гуманистъ зналъ Пилата, котораго онъ называлъ „большимъ животнымъ", но едва выносилъ этого грубаго, безпокойнаго и вѣчно недовольнаго человѣка[2]). Боккаччіо даетъ ему такую же характеристику[3]), но онъ терпѣливо выносилъ его изъ желанія изучить греческую ли-

---

въ наиболѣе интересныхъ для гуманистовъ вопросахъ по бо́льшей части или передѣлывали грековъ или просто ихъ пересказывали. Этимъ объясняется тотъ фактъ, что уже Петрарка насчитываетъ нѣсколько лицъ, занимающихся изученіемъ греческаго языка въ Италіи (см. также Firmin-Didot, l. c. p. XVIII и слѣд. G. Favre, l. c., p. 9 и слѣд.) и всѣ они навѣрно не знали Варлаама. Самъ Боккаччіо началъ учиться по-гречески до перваго прибытія Варлаама въ Италію изъ Византіи (Gaspary II, p. 2). Исторія распространенія греческихъ занятій между гуманистами 2-го и 3-го поколѣнія также наглядно показываетъ, что чье-либо отдѣльное вліяніе въ данномъ случаѣ было совершенно излишне. Вообще о глубокомъ вліяніи Варлаама на первыхъ гуманистовъ послѣ статьи проф. Успенскаго не можетъ быть и рѣчи. Авторъ вполнѣ убѣдительно доказалъ, что калабрійскій монахъ былъ схоластикъ чистой воды (см. p. 29, 34—35), а сочиненія Петрарки съ несомнѣнностью свидѣтельствуютъ, что первый гуманистъ глубоко презиралъ то, что составляло, повидимому, предметъ глубокаго интереса для Варлаама. Наконецъ, авторъ напрасно придаетъ значеніе ненаучной тирадѣ Кёртинга (p. 19—20 и 53—54), потому что „греческій" или „римскій" гуманизмъ — un nome vano senza soggeto. Я не хочу этимъ вполнѣ отрицать вліянія византійскихъ выходцевъ на гуманистическое движеніе; но оно началось позже и для выясненія его сферы и объема необходимо лучше знать біографіи Плетона и Виссаріона.

[1]) Свѣдѣнія о Пилатѣ исключительно на основаніи переписки Петрарки и показаній Боккаччіо у Fracass. Lett. famil. IV p. 95, Voigt, Die Wiederbeleb. II p. 110 и слѣд.

[2]) Epist. senil. III, 6; V, 3; VI, 1.

[3]) Aspectu horridus homo est, turpi facie, barba prolixa et capilitio nigro, et meditatione occupatus assidua, moribus incultus nec satis urbanus homo. De Geneal. XV, 6.

тературу и распространить на родинѣ знаніе греческаго языка и позже съ удовлетвореніемъ говорилъ объ этой своей заслугѣ[1]). Поэтому о вліяніи Пилата на Петрарку не можетъ быть и рѣчи; но для Боккаччіо онъ игралъ болѣе важную роль, чѣмъ Варлаамъ. Правда, по-гречески авторъ Декамерона зналъ очень плохо, несмотря на трехлѣтнее руководство Пилата; но онъ называетъ своего учителя „неисчерпаемымъ архивомъ греческихъ исторій и басенъ“[2]) и широко пользуется его свѣдѣніями для Генеалогіи. Эти свѣдѣнія даютъ очень невысокое представленіе объ учености Пилата[3]), такъ что самъ Боккаччіо часто заявляетъ сомнѣніе въ ихъ основательности[4]).

Значеніе Пилата въ исторіи движенія сводится къ распространенію въ Италіи знакомства съ греческимъ языкомъ и литературой уроками и переводами. Онъ впервые съ помощію Боккаччіо буквально, слово за словомъ перевелъ Иліаду и Одиссею[5]), но переводъ былъ такъ неудовлетворителенъ, что уже Салютати считалъ крайне желательнымъ замѣнить его новымъ[6]), хотя это желаніе было исполнено, повидимому, только Валлой. Кромѣ того, эта весьма скромная заслуга ограничивается еще тѣмъ фактомъ, что крупные гуманисты уже въ концѣ XIV вѣка получили возможность читать Гомера въ подлинникѣ, когда въ Италіи появился, наконецъ, настоящій византіецъ и превосходный учитель греческаго языка Мануилъ Хризолоръ[7]).

Мануилъ Хризолоръ (Μανουὴλ Χρυσολώρας) родился въ Константинополѣ около половины XIV вѣка и въ 1393 или 1396 году прибылъ въ Италію; въ 1396 году онъ училъ во Флоренціи, гдѣ

---

[1]) Ibid. XV, 7.

[2]) Ibid. XV, 6.

[3]) Syringam... ut dicebat Leontius, dicitur a syrin graece, quod latine sonat: deo cantans. Или Сирены родомъ изъ Этоліи, потому что тамъ prima Graecorum fuisse meretricia etc. Заимствованія у Пилата сведены у Гортиса, Studj, p. 504 и слѣд.

[4]) Ibid. p. 506.

[5]) Первая пѣснь Иліады и Одиссеи напечатаны у Гортиса, Studj, p. 543 и слѣд. Ср. ibid. p. 371 и 506 и слѣд.

[6]) См. выше, p. 890, пр. 3. О намѣреніи Боккаччіо перевести Платона см. Hortis, l. c., p. 373 и слѣд.

[7]) Петрарка адресовалъ одно письмо (Epist. famil. XVIII, 2) *Николаю Сигеросу*, котораго онъ благодаритъ за рукопись поэмъ Гомера. Сигеросъ былъ посломъ Іоанна Кантакузина къ Клименту VI и познакомился съ Петраркой въ Авиньёнѣ. Но единственнымъ результатомъ этого знакомства былъ любезный подарокъ грека, который доставилъ большое удовольствіе первому гуманисту, хотя онъ могъ только цѣловать, а не читать рукопись.

оставался до 1400 года; затѣмъ Галеаццо Висконти, воспользовавшись прибытіемъ императора Мануила Палеолога, переманилъ его къ себѣ, и Хризолоръ былъ короткое время (около 2 лѣтъ) профессоромъ въ Павіи. Въ 1404 году онъ посѣтилъ Римъ, потомъ вернулся въ Константинополь, но нѣсколько разъ снова пріѣзжалъ въ Италію въ качествѣ императорскаго посла. Въ 1408 году Хризолоръ навсегда покинулъ Византію, посѣтилъ, по порученію императора, Англію, Францію, Испанію; въ 1410 году вернулся въ Италію, поступилъ на службу въ курію, при которой оставался до самой смерти. По порученію папы въ 1413 году онъ посланъ былъ къ императору Сигизмунду, затѣмъ прибылъ въ Констанцъ на соборъ, гдѣ и умеръ въ 1415 году[1]).

Произведенія Хризолора не представляютъ интереса для исторіи Возрожденія и мало даютъ для характеристики автора. Они распадаются на три категоріи: произведенія богословско-церковнаго содержанія, грамматика и переводы и письма. Какъ подобаетъ настоящему ренегату, Хризолоръ написалъ трактатъ объ исхожденіи Св. Духа отъ Отца и Сына[2]), такъ что это сочиненіе вызвано, можетъ быть, не интересомъ къ богословіи, а соображеніями карьеры. На то же, вѣроятно, указываетъ его переводъ на греческій языкъ молитвъ католическаго служебника[3]). Переводъ Хризолора сочиненія Платона о республикѣ получилъ окончательную отдѣлку отъ его ученика Уберто Дечембріо[4]); въ обработкѣ другого его ученика Гуарино дошла до насъ его греческая грамматика[5]). Не имѣютъ значенія и до сихъ поръ извѣстныя немногочисленныя письма Хризолора; наиболѣе ин-

---

[1]) Раннія хронологическія даты для біографіи у Voigt'a, Die Wiederbeleb. I p. 225. Ихъ значительно дополнилъ *Legrand (Bibliographie Hellénique ou description raisonnée des ouvrages publiés en grec par des Grecs aux XV-e et XVI-e siècle. T. 1. Paris, 1885* p. 21 и слѣд.), который далъ списокъ его сочиненій. Эти свѣдѣнія дополнены *Sabbadini (Notizie sulla vita e gli scritti di alcuni dotti umanisti del secolo XV raccolte da codici italiani. I. Emanuele Crisolora.* Въ Giorn. stor. d. letter. ital. V p. 148 и слѣд.), Klette (Iohan. Conversanus p. 47) и статьей Саббадини (въ Giornal. ligust. 1890. Settembre), которая мнѣ извѣстна только по изложенію въ Rev. Histor. (1891 I p. 202).

[2]) *Μανουὴλ Χρυσολωρᾶ, Κεφάλαια, ὅτι καὶ ἐκ τοῦ Υἱοῦ τὸ ἅγιον Πνεῦμα ἐκπορεύεται.* Рукопись у Legrand, l. c. p. XXIX.

[3]) *Missalis romani orationes graece redditae a Manuele Chrysolora.* Ibid.

[4]) См. выше p. 900 пр. 3. Legrand (l. c.) называетъ еще его буквальный переводъ Одиссеи.

[5]) См. выше, p. 924 прим., 5. Legrand называетъ болѣе раннее изданіе: Flor. 1484.

тересныя изъ нихъ, сравненіе Рима съ Константинополемъ, адресованы въ Византію, а переписка съ гуманистами или носитъ дѣловой характеръ, или касается грамматическихъ вопросовъ[1]).

Весьма мало прибавляютъ къ характеристикѣ Хризолора и восторженные отзывы о немъ гуманистовъ. Къ числу его учениковъ принадлежали самые крупные дѣятели новаго направленія: Салютати, Никколи, Бруни, Верджеріо, Гуарино, Уберто Дечембріо и другіе, и всѣ они, кромѣ Никколи, сохранили самое свѣтлое воспоминаніе о Хризолорѣ, которое у нѣкоторыхъ, какъ у Гуарино, переходило въ настоящій культъ. Это уваженіе сохранилось и у тѣхъ, которые только знали его, какъ Поджіо, а затѣмъ перешло къ позднѣйшимъ поколѣніямъ, къ Манети, Фаціо и другимъ. Но всѣ похвалы Хризолору носятъ слишкомъ общій характеръ[2]) и совсѣмъ не даютъ понятія о его міросозерцаніи и стремленіяхъ. Его называютъ „княземъ греческаго краснорѣчія и философіи", считаютъ его появленіе въ Италіи знакомъ особаго благоволенія Провидѣнія къ этой странѣ и т. п., но всѣ основанія этихъ восторговъ сводятся къ тому, что онъ принесъ въ Италію древнегреческую науку, былъ превосходнымъ учителемъ и отличался высокими личными качествами. Если принять во вниманіе, съ какою страстностью стремились гуманисты къ ознакомленію съ источникомъ мудрости латинскихъ писателей, то ихъ отношеніе къ Хризолору получитъ должное освѣщеніе. Онъ хорошо удовлетворялъ назрѣвшей потребности, которая была вызвана не имъ. Стремясь къ ознакомленію съ греческой литературой, гуманисты были послѣдователями не Хризолора, а Петрарки и Боккаччіо. Византіецъ сыгралъ здѣсь ту же самую роль, какая раньше выпала на долю калабрійцевъ; только это былъ хорошій учитель, который умѣлъ толково преподавать свой предметъ и достигалъ успѣшныхъ результатовъ. Слѣдовъ другого, болѣе глубокаго вліянія Хризолора на итальянскихъ гуманистовъ совершенно незамѣтно[3]). Поэтому, оставаясь на научной почвѣ, мы должны свести роль раннихъ грековъ въ исторіи

---

[1]) Греческія письма перечислены у Леграна (l. c.); послѣ выхода его книги, Саббадини напечаталъ неизвѣстное ранѣе латинское письмо Хризолора къ Уберто Дечембріо (l. c. p. 153—154).

[2]) Отзывы сведены у Mehus'a, Vita A. Travers. p. CCCLIII и слѣд. Важныя дополненія въ перепискѣ Верджеріо, ep. 75, 134 и passim.

[3]) Постояннымъ спутникомъ Хризолора былъ Demetrius Kydonius (Dominus Demetrius semper mihi fuit, пишетъ Хризолоръ Дечембріо въ 1410 году. Sabbadini, l. c. p. 154); но кромѣ письма къ нему Салютати (l. c. p. CCCLVI), о немъ нѣтъ никакихъ свѣдѣній.

гуманистическаго движенія къ простой передачѣ техническихъ свѣдѣній и ни къ чему болѣе[1]).

Какъ ни далеки мы отъ полнаго знакомства съ источниками для исторіи ранняго гуманизма, тѣмъ не менѣе и наличныя данныя даютъ возможность опредѣлить его существенные признаки, выяснить первые фазисы его развитія и установить наиболѣе вѣроятныя его причины. Но предварительно мы должны разсмотрѣть, что̀ сдѣлано для этого спеціальной литературой по Возрожденію.

---

1) Книга *Varvessis, Della influenza dei Greci nel Risorgimento delle Scienze e delle Lettere in Europa. Napoli. 1845* мнѣ извѣстна только по отрывкамъ. Точно также мнѣ не удалось воспользоваться работою Lanzellotti на ту же тему.

ГЛАВА IV.

Спеціальная литература о Возрожденіи. Общіе выводы.

Исторіографія гуманистическаго движенія развивалась главнымъ образомъ подъ вліяніемъ трехъ факторовъ: взгляда гуманистовъ на собственную дѣятельность, состоянія источниковъ, характера движенія и его мѣста среди другихъ явленій національно-итальянской и всемірной исторіи.

Гуманисты считали своею специфическою особенностью studia humanitatis, наружными выраженіями которыхъ были изученіе латинскаго и греческаго языковъ и вообще классической древности, а также краснорѣчіе и поэзія. Но эти внѣшніе признаки въ ихъ глазахъ далеко не исчерпывали смысла ихъ дѣятельности: для нихъ это только средство для достиженія „добродѣтели", т.-е. для выработки нравственнаго идеала, который долженъ былъ направлять развитіе индивидуальныхъ свойствъ личности и ея общественную дѣятельность. Цѣль studia humanitatis — образованіе личности въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова, а необходимымъ средствомъ этой цѣли считалось изученіе древности, т.-е. античной науки и литературы. Ни одинъ изъ корифеевъ Возрожденія не ставилъ себѣ исключительной цѣлью изучить древность; тѣмъ не менѣе замѣна цѣли средствомъ и сведеніе гуманизма къ изученію древности было дѣломъ чрезвычайно легкимъ по многимъ причинамъ. Прежде всего, въ самомъ движеніи были, такъ сказать, недоразвившіеся гуманисты въ родѣ Билья, Траверсари и даже Гаспарино да Барцицца, которые или не шли дальше формы, или при всѣхъ своихъ свѣдѣніяхъ сохраняли средневѣковые интересы. Такіе ученые сходили за гуманистовъ, особенно если они поддерживали связи или даже если только не вступали въ борьбу съ настоящими дѣятелями Возрожденія. Но обыкновенно интересъ къ древности сопровождался и другими гуманистическими стремленіями, такъ что онъ сдѣлался показателемъ принадлежности къ движенію въ глазахъ самихъ представителей Ренесанса. Знаніе древности и studia humanitatis сдѣлались для нихъ

синонимами. Не удивительно, что позднѣйшіе историки сузили движеніе и свели его къ исторіи изученія классическаго міра.

Эту ошибку легко было устранить ознакомленіемъ съ источниками, т.-е. съ сочиненіями гуманистовъ, потому-что трактаты дѣятелей Возрожденія и въ особенности ихъ переписка ясно показываютъ, что движеніе было гораздо шире сложившагося о немъ представленія. Но ознакомленіе съ источниками Ренесанса и теперь затруднительно, а еще недавно встрѣчало чрезвычайно много препятствій. Эпоха Возрожденія не оставила такого произведенія, которое, какъ поэма Данте, заключало бы въ себѣ энциклопедію культуры своего времени. Чтобы составить себѣ представленіе о гуманизмѣ необходимо знакомство съ массою трактатовъ и въ особенности съ перепиской гуманистовъ, а письма Петрарки, Боккаччіо, Поджіо и Верджеріо изданы только во второй половинѣ нынѣшняго столѣтія; хорошаго изданія переписки Саллютати нѣтъ до настоящаго времени, а письма Гуарино, Дечембріо, Валлы, Виссаріона и массы другихъ совсѣмъ не изданы. Не лучше стоитъ дѣло и съ другими произведеніями гуманистовъ. Въ XV и XVI столѣтіяхъ были изданы латинскія сочиненія Петрарки, Боккаччіо, нѣкоторыя произведенія Валлы, Поджіо, Манетти, Біондо и другихъ; но съ весьма многими трактатами Салютати, Бруни и Джіованни да Равенна читатель можетъ ознакомиться только изъ нашей книги, а огромное большинство гуманистическихъ произведеній остаются до сихъ поръ неизданными. Если принять во вниманіе, что и печатныя изданія этихъ трактатовъ, по большей части, библіографическая рѣдкость, то будетъ совершенно понятно, что традиціонныя ошибки въ исторіографіи Возрожденія держатся особенно прочно и что перемѣны во взглядахъ на гуманизмъ по большей части результатъ догадки по немногимъ даннымъ, а не научный выводъ изъ источниковъ.

Такое печальное положеніе источниковъ — результатъ сравнительно слабаго интереса къ эпохѣ, что обусловливается отчасти характеромъ движенія, отчасти его историческимъ мѣстомъ. Культурная исторія — сравнительно молодая наука; она только что зарождалась, когда Муратори предпринялъ свое монументальное изданіе, которое поэтому весьма слабо захватило источники исторіи гуманизма. Кромѣ того, изученіе гуманистическаго движенія представляетъ особыя трудности сравнительно съ другими культурными переворотами. Только одна сторона Возрожденія — секуляризація искусства — засвидѣтельствована крупными памятниками, которые даютъ полную возможность наглядно констатировать важность и глубину переворота и прослѣдить его постепенность. Другая сторона Ренесанса—секуляризація мысли и чувства — распадается на цѣлый рядъ отдѣльныхъ теченій: одно

привело къ новой философіи, другое къ новой морали, третье къ новой политикѣ и т. д. Всѣ эти процессы, весьма важные и крупные по своимъ результатамъ, едва замѣтно начались въ душѣ отдѣльной личности и первоначально находили свое выраженіе по бо́льшей части въ такихъ памятникахъ, которые сами по себѣ не имѣютъ философской, научной или литературной цѣны. Совершенно естественно, что скромныя начала движенія были затемнены произведеніями его собственныхъ продолжателей и были совершенно подавлены болѣе шумными переворотами, какъ Реформація и Революція, которые отчасти вели къ тѣмъ же самымъ результатамъ. Такимъ образомъ съ всемірно-исторической точки зрѣнія гуманистическое движеніе оставалось въ тѣни, которая была гораздо гуще, чѣмъ слѣдовало для правильнаго освѣщенія картины историческаго прогресса. Эта тѣнь не смягчалась національными историками, хотя имъ были болѣе доступны источники и они могли дать болѣе правильное освѣщеніе эпохѣ. Итальянцамъ до послѣдняго времени поверхностный патріотизмъ весьма часто мѣшалъ правильно оцѣнить гуманистическое движеніе[1]). Возрожденіе совпало съ самыми тяжелыми временами для Италіи: сначала ее терзали кондотьеры, потомъ усилившіеся тиранны, и, наконецъ, она подверглась чужеземному нашествію, которое было тѣмъ ужаснѣе, что разноплеменные враги на итальянской почвѣ боролись за господство надъ Италіей. Между тѣмъ гуманисты служили тираннамъ и даже кондотьерамъ, увлекаясь древностью, игнорировали, повидимому, современность и высказывали такіе взгляды на патріотизмъ, которые казались космополитическими. Наконецъ, если принять во вниманіе, что результаты гуманистическаго движенія имѣютъ болѣе всемірно-историческое, чѣмъ мѣстное значеніе, то легко понять, какъ трудно было правильно оцѣнить Возрожденіе патріотически настроеннымъ историкамъ[2]).

Благодаря всѣмъ этимъ условіямъ, почти черезъ всю исторіографію гуманистическаго движенія красной нитью проходятъ три коренныхъ недостатка: неправильное пониманіе его сущности, малое знакомство съ источниками и невѣрная оцѣнка его результатовъ.

---

[1]) См. выше оцѣнку Возрожденія Balbo (p. 137), Cantù (p. 137, 148), Zumbini (p. 151), Ferrari (p. 165) и Monzani (p. 701).

[2]) Ср. выше p. 141 и 173—174.

I.

Начало спеціальной исторіографіи Возрожденія. — Виллани, Бандино, Манетти, Фаціо и Бистиччи. — Значеніе діалога Кортезе и хроникъ Коччіо и Форести. — Отношеніе къ гуманизму до начала XIX столѣтія. — Сочиненія Беттинелли, Эргарда и Шарпантье.

Исторіографія гуманизма уже къ началу XVI столѣтія завершила характерный циклъ развитія: она началась тѣмъ, что новые ученые поставлены были въ ряду средневѣковыхъ знаменитостей, затѣмъ выдѣлены были въ особую группу и, наконецъ, эта группа объединена была общей идеей, которая оправдывала ея самостоятельное мѣсто. Сначала сознана была важность гуманистовъ, затѣмъ ихъ оригинальность и, наконецъ, былъ отмѣченъ характерный признакъ движенія. Все это сдѣлано было, конечно, весьма несовершенно. Представителями перваго фазиса исторіографіи Возрожденія являются Ф. Виллани, Доменико Бандини, вѣроятно, также Дж. Манетти и отчасти Бартоломео Фаціо. Виллани знаетъ только первое поколѣніе гуманистовъ и старшихъ представителей второго и сообщаетъ о нихъ весьма скудныя свѣдѣнія; но онъ устанавливаетъ опредѣленную точку зрѣнія для ихъ оцѣнки: все это ораторы, ученые, поэты, и что, по его мнѣнію, особенно важно, всѣ они знатоки и поклонники древности[1]). Совершенно такимъ же характеромъ отличаются біографіи гуманистовъ Д. Бандини, только авторъ часто пользуется своимъ предшественникомъ[2]). Сочиненіе Манетти остается неизданнымъ, и мы знаемъ его только по незначительнымъ отрывкамъ. Оно носитъ заглавіе: *О знаменитыхъ людяхъ, долго жившихъ*[3]); но въ предисловіи къ біографіямъ Данте, Петрарки и Боккаччіо онъ говоритъ, что описалъ въ этомъ сочиненіи „почти всѣ болѣе важныя дѣянія всѣхъ мужей, которые у какого-либо народа долго славились или святостью жизни, или выдающеюся ученостью, или подвигами“[4]). Мы не знаемъ, какіе гуманисты попали въ эту рубрику, потому что Мегусъ напечаталъ только біографіи Салютати и Никколи[5]); но по всей вѣроятности они занимали тамъ особую группу. По крайней мѣрѣ, въ біографіи Никколи авторъ объясняетъ въ чемъ заключается

---

[1]) О Виллани см. выше p. 842—43. Его біографіи гуманистовъ ibid. p. 277—78, 517, 591 и 817.

[2]) О Доменико см. выше 331—333. Его біографіи гуманистовъ ibid. p. 286, 518, 591 и 816—17.

[3]) *De illustribus longaevis libri X (immo VI) ad Ludovicum Gusmanum.* Отрывки у Mehus'a Vita A. Travers. l. c.

[4]) У Galletti p. 69. О біографіи см. выше p. 290 и 518.

[5]) См. выше p. 817 и 850.

главное значеніе studia humanitatis[1]) и какую роль въ нихъ играетъ греческій языкъ[2]).

Книга Б. Фаціо „О знаменитыхъ людяхъ" весьма цѣнный историческій памятникъ, хотя фактическихъ данныхъ въ немъ очень немного[3]). Авторъ выдѣляетъ уже гуманистовъ въ особую группу, но ставитъ ихъ на ряду съ другими современными дѣятелями по весьма интереснымъ соображеніямъ. Книга имѣла дидактическую цѣль — возбуждать къ добродѣтели. Примѣры всѣхъ великихъ людей имѣютъ важное воспитательное значеніе; но герои древности слишкомъ высоки для подражанія: „душу объемлетъ какое-то отчаяніе, — говоритъ авторъ, — что мы безсильны сравняться съ ними славою, такъ какъ мы считаемъ ихъ прямо какими-то божествами и восторгаемся ими: до такой степени они прославлены писателями". Другое дѣло современники: пусть они одарены всѣми высокими качествами, но, находясь постоянно передъ нашими глазами, они „не отнимаютъ у насъ вполнѣ надежды сравняться съ ними или доблестью, или славой"[4]). Съ этой точки зрѣнія онъ не считаетъ возможнымъ выпустить изъ книги юристовъ, медиковъ, полководцевъ, художниковъ, и выясняетъ ихъ значеніе въ обществѣ и государствѣ[5]). Только Фаціо начинаетъ книгу гуманистами, т.-е. поэтами и ораторами, а заключаетъ ее государями, и это, повидимому, не простая случайность. Онъ заявляетъ, что отдѣльныя лица въ каждой рубрикѣ расположены въ случайномъ порядкѣ, но надъ самыми рубриками онъ думалъ[6]) и поставилъ, какъ

---

[1]) Haec enim humanitatis studia ad virtutem apprime spectare et pertinere manifestum est. Nam in his ipsis prae aliis artium studiis honestum quaeritur, quaesitumque haud dubie reperitur. Ex honesto autem justitia, fortitudo, modestia caeteraeque virtutes emanare et effluere videntur. У Mehus'a, l. c., p. LXXVI.

[2]) Sine quibus (graecis litteris) nostra haec studia manca e debilia esse videbantur. Ibid. p. LXXVII.

[3]) О его біографіи Бруни см. выше p. 697, Никколи — p. 850, Билья — p. 903, Гаспарино — p. 912, Гуарино — p. 928, Верджеріо — p. 968.

[4]) *Bartholomaei Facii, De viris illustribus liber, nunc primum ex ms. cod. in lucem erutus. Recensuit, praefationem vitamque auctoris addidit Laurentius Mehus. Florentiae. MDCCXLV.* p. 2.

[5]) Характерно, что представители церкви не выдѣлены въ особую группу. Теологовъ Фаціо относитъ чисто внѣшнимъ образомъ къ медикамъ, папъ къ свѣтскимъ государямъ, при чемъ Мартина V онъ называетъ Odus Columna и перечисляетъ его заслуги по отношенію къ его владѣніямъ, а Николая V — Thomas Sarzanensis и разсказываетъ о его учености.

[6]) Ego tamen neque dignitatem, neque excellentiam hominum in suo genere in iis commemorandis conservabo, sed ut quisque mihi prior occurerit, ita a me litteris mandabitur. Unum illud curae fuerit, ut de singulis quibusdam ordinibus ac generibus seorsim scribam. Ibid. p. 2—3.

кажется, на первый планъ такихъ дѣятелей, въ которыхъ проявились высшія, по его мнѣнію, индивидуальныя качества, а въ концѣ книги тѣхъ, извѣстности которыхъ много содѣйствовало ихъ положеніе. По крайней мѣрѣ, одно положеніе, безъ выдающихся личныхъ свойствъ, имѣетъ въ его глазахъ мало цѣны: онъ упоминаетъ о Мартинѣ V и Николаѣ V и пропускаетъ Евгенія IV. Съ другой стороны, тѣ parvenus, которые индивидуальными свойствами достигли власти и вліянія, поставлены въ особую рубрику и трактуются съ большимъ сочувствіемъ[1]). Во всякомъ случаѣ, Фаціо не преувеличиваетъ значенія краснорѣчія, одной изъ главныхъ сторонъ гуманистической дѣятельности; ораторы, по его мнѣнію, утратили прежнюю цѣну, потому что на судѣ, въ сенатѣ и въ совѣтахъ князей говорятъ теперь на народномъ языкѣ. Слѣдовательно, не въ краснорѣчіи смыслъ дѣятельности гуманистовъ[2]).

Самымъ крупнымъ представителямъ второго фазиса въ развитіи ранней исторіографіи гуманизма былъ *Веспасіано Бистиччи* (1421—1498). Книга Бистиччи носитъ отчасти характеръ личныхъ воспоминаній о разныхъ современныхъ знаменитостяхъ, съ которыми автору пришлось познакомиться[3]). Подобно Фаціо, біографическія замѣтки Бистиччи раздѣлены на рубрики: сначала идутъ папы и государи, затѣмъ кардиналы, далѣе прелаты, государственные люди и, наконецъ, ученые (letterati); но въ этомъ послѣднемъ отдѣлѣ почти нѣтъ ни медиковъ, ни юристовъ; онъ посвященъ почти исключительно гуманистамъ[4]). Авторъ не объясняетъ такой исключительности; но онъ вполнѣ сознаетъ оригинальность новыхъ ученыхъ, хотя едва ли сумѣлъ бы опредѣлить въ чемъ она заключается. Бистиччи простодушный, наивный и очень искренній разсказчикъ[5]), и его книга первостепенный источникъ для исторіи гуманизма, потому что авторъ передаетъ факты, иногда интимные изъ жизни его представителей и описываетъ впечатлѣніе, которое они производили на него[6]). Гуманисты

---

[1]) De quibusdam civibus privatis. p. 52.

[2]) Къ этой же категоріи писателей слѣдуетъ отнести Джовіо, Elogia котораго, по своей краткости, не имѣютъ значенія для исторіи Возрожденія. Наиболѣе характерныя изъ нихъ отмѣчены выше (см. p. 294 и 520).

[3]) Книга Бистиччи впервые издана кардиналомъ *Mai* въ I томѣ Specilegium Romanum подъ такимъ заглавіемъ: *Vitae CIII virorum illustrium, qui saeculo XV extiterunt, auctore coaevo Vespasiano Florentino. Romae MDCCCXXXIX.* О другихъ изданіяхъ см. *Frizzi, Di Vespasiano da Bisticci e delle sue biografie. Firenze 1878* p. 5. Я цитирую по изданію Bartoli.

[4]) Исключеніе составляютъ двѣ незначительныя замѣтки о юристахъ Giovanni da Miles и Antonio Caffarelli p. 516.

[5]) Характеристика его біографій у Frizzi, p. 104 и слѣд.

[6]) О біографіи Бруни см. выше p. 697, Никколи — p. 851, Гуарино — p. 928.

въ его разсказѣ являются живыми людьми; но смыслъ и значеніе ихъ стремленій совсѣмъ не понятны автору.

Но всѣ эти произведенія представляютъ собою только источники для біографій отдѣльныхъ гуманистовъ, а не исторію движенія. Первая попытка объединить дѣятельность отдѣльныхъ гуманистовъ и разсмотрѣть ихъ какъ представителей одного движенія была сдѣлана только въ концѣ XV вѣка Кортезе въ его діалогѣ „Объ ученыхъ мужахъ". Авторъ понимаетъ гуманизмъ сравнительно широко: онъ видитъ въ немъ научное движеніе вообще[1]), и въ посвященіи книги Лоренцо Медичи ставитъ ея задачей анализъ заслугъ каждаго изъ гуманистовъ въ отдѣльности[2]). Но въ самомъ діалогѣ точка зрѣнія значительно мѣняется: мѣсто научнаго движенія заступаетъ краснорѣчіе[3]). Авторъ говоритъ прежде всего о причинахъ паденія краснорѣчія[4]) и затѣмъ слѣдитъ за его возрожденіемъ и развитіемъ, при чемъ исторія движенія начинается съ Хризолора и Бруни[5]); Петрарка является только ихъ предшественникомъ[6]), за Боккаччіо не признается никакого значенія[7]), а прочіе гуманисты разсматриваются преимущественно съ точки зрѣнія стиля[8]). Такимъ образомъ *Кортезе первый вдвойнѣ сузилъ смыслъ гуманизма: свелъ его къ научному движенію въ посвященіи діалога и къ развитію краснорѣчія въ са-*

---

[1]) Cum maximis in rebus, Magne Laurenti, nostrorum hominum praeclara ingenia soleo laudare, tum praesertim in his studiis, quae ex tenebris tanquam ad intuendam lucem revocarunt. Nam quum esset aliquando ex diuturna barbarorum vexatione Italia liberata, tum incredibilis multitudo se contulit ad omnium magnarum artium disciplinas celebrandas. *Pauli Cortesii, De hominibus doctis dialogus, cura viris cl. Alex. Politi et Dom. M. Manni cum adnotationibus et auctoris vita primum in lucem erutus. Florentiae MDCCXXXIV.* Я цитирую по перепечаткѣ Galletti p. 221.

[2]) Quum quaereretur, quinam essent hi, quorum ingeniis sunt sopita studia excitata, rogavimus omnes Antonium (главный собесѣдникъ діалога)... ut, si ei placeret, quid de his viris sentiret, explicaret. Ibid. p. 221—222.

[3]) Quaeritis igitur, quanti et quales in disertorum numero habiti sint et qui mihi aliquam eloquentiae laudem maxime accessisse videantur. Ibid. p. 223.

[4]) Explicandae nobis potius erunt hae causae, quae eloquentiae studia funditus ex Italia sustulerunt. Ibid.

[5]) Magistro igitur Chrysolora plerique nostrorum hominum, tanquam ex palaestra quadam impulsi se ad eloquentiae studium contulerunt. Quorum inprimis laudandus est Leonardus Aretinus. Ibid. p. 224.

[6]) См. выше p. 294.

[7]) См. выше p. 519—20. Eodem modo de Ioanne Ravennate et Coluccio Salutato judicare licet, qui nunquam etiam ab orationis asperitate maestitiaque abesse potuerunt, прибавляетъ Кортезе къ отзыву о Боккаччіо (p. 224).

[8]) Оцѣнку Бруни см. выше p. 697, Лоски — p. 891, Гуарино — p. 928, Гаспарино 912, Верджерio — p. 968. О Никколи Кортезе только упоминаетъ.

момъ сочиненіи. Дальнѣйшій шагъ въ этомъ направленіи былъ сдѣланъ *Коччіо Сабеллико*. Въ діалогѣ *„О возстановленіи латинскаго языка“* авторъ сводитъ все движеніе къ латинской стилистикѣ и ставитъ во главѣ его Гаспарино да Барцицца[1]).

Этими произведеніями исчерпывается спеціальная литература о Возрожденіи до начала нынѣшняго столѣтія. Начиная съ XVI вѣка гуманистическое движеніе изучалось и излагалось только въ общихъ сочиненіяхъ историческаго содержанія, въ связи съ другими событіями. Поэтому отъ этихъ историковъ гуманизма нельзя ожидать детальнаго изученія эпохи по мало-доступнымъ источникамъ; они могли только лучше освѣтить Ренесансъ, сопоставивъ его съ другими движеніями, и такимъ путемъ выяснить его историческое значеніе. Но для этого необходимъ былъ правильный взглядъ на сущность гуманизма, а его-то и не могли унаслѣдовать позднѣйшіе историки. Сочиненіе Фаціо, которое могло навести на вѣрную мысль о характерѣ гуманизма, издано было только около половины XVIII вѣка; книга Бистиччи, гдѣ гуманисты изображены сравнительно правдоподобно, появилась впервые въ 30-хъ годахъ XIX столѣтія, и даже діалогъ Кортезе сталъ извѣстенъ вполнѣ только въ XVIII вѣкѣ. Оставался одинъ Коччіо, который перенесъ свой взглядъ въ свою всемірно-историческую хронику, замѣнивши только Гаспарино Хризоломъ, котораго сдѣлалъ родоначальникомъ и латинской рѣчи, а его современникъ Форести изложилъ въ своей хроникѣ взглядъ на гуманизмъ діалога Кортезе[2]). *Такимъ образомъ обѣ эти хроники*, оказавшія сильное вліяніе на нѣмецкую исторіографію XVI и XVII столѣтія, *надолго установили свое воззрѣніе на гуманизмъ*. До конца XVI вѣка этотъ взглядъ, перенесенный въ Германію Шеделемъ[3]), царилъ безраздѣльно; въ концѣ столѣтія онъ подвергся новому искаженію. Каріонъ, приписывая грекамъ итальянскій гуманизмъ, ведетъ его начало не отъ Хризолора, а только съ паденія Константинополя; этотъ взглядъ въ XVII столѣтіи приняли іезуиты Торселлини и Петавій и повторилъ знаменитый Cellarius[4]). Гуманизмъ все болѣе окутывался мракомъ, разсѣять который могло только знакомство съ источниками, и примѣръ Боксгорна показываетъ, какое благотворное вліяніе на пониманіе гуманизма имѣло ознакомленіе даже

---

[1]) *Linguae latinae reparatio. Dialogus*. Въ Opera omnia Basileae MDXL. T. III coll. 324.

[2]) См. о нихъ выше, p. 8 и 9.

[3]) См. выше, p. 9.

[4]) См. выше, p. 10 и слѣд.

съ немногими произведеніями гуманистовъ[1]). Біографія первыхъ гуманистовъ могла бы до извѣстной степени замѣнить малодоступные источники для выясненія сущности Возрожденія; но въ эту эпоху и даже въ XVIII вѣкѣ въ Петраркѣ видѣли не гуманиста, а пѣвца Лауры[2]), а научное изученіе біографіи Боккаччіо еще не начиналось[3]).

Въ XVIII вѣкѣ и въ особенности во вторую его половину были проложены надлежащіе пути къ научному пониманію Возрожденія, благодаря съ одной стороны ознакомленію съ источниками, съ другой — философскому отношенію къ историческому процессу. Къ сожалѣнію, оба теченія шли слишкомъ изолированно и мало оказывали вліянія другъ на друга. Работы Фабриція, Pope-Blount'a и Бужинэ[4]), а еще болѣе Дзено, Маццукелли и Тирабоски[5]), а въ особенности капитальный трудъ Мегуса[6]) и его изданія, дали массу новыхъ свѣдѣній о гуманистахъ и ихъ произведеніяхъ. Но это былъ только сырой біо- и библіографическій матеріалъ, расположенный чисто внѣшнимъ образомъ и не освѣщенный никакою мыслію. Для спеціальныхъ изслѣдованій о гуманизмѣ эти произведенія необходимы и теперь; но ими трудно было пользоваться для историческихъ работъ болѣе общаго содержанія, потому что въ нихъ не было не только общихъ выводовъ, но и монографической обработки матеріала. Съ другой стороны, философы и историки съ философскимъ отношеніемъ къ своей наукѣ, разсматривая движеніе въ его цѣломъ, поняли его важность, но только догадывались о его сущности и впадали въ ошибки, которыя были тѣмъ легче, что традиціонныя заблужденія упорно выдавались за истину. Такъ французскіе „просвѣтители" и ихъ нѣмецкіе единомышленники считаютъ гуманизмъ возрожденіемъ не древности, а наукъ и искусствъ вообще, но продолжаютъ выводить его изъ Византіи[7]); на этой же точкѣ зрѣнія стоятъ ранніе историки философіи[8]). Только могучему уму Гегеля, который свелъ Возрожденіе къ его первоначальному источнику, къ индивидуальному развитію, удалась глубокая дивинація сущности движенія[9]), и эта догадка, по мѣрѣ ознакомленія съ источниками, все

---

[1]) См. выше, p. 11.
[2]) См. выше, p. 296.
[3]) См. выше, p. 520.
[4]) См. выше, p. 15.
[5]) См. выше, p. 143 и слѣд.
[6]) См. выше, p. 307.
[7]) См. выше, p. 3 и слѣд.
[8]) См. выше, p. 57 и слѣд.
[9]) См. выше, p. 5—6 и 64.

болѣе и болѣе будетъ пріобрѣтать значеніе научной истины. Въ концѣ XVIII столѣтія и въ самомъ началѣ нынѣшняго обнаруживается, наконецъ, правда, у весьма немногихъ писателей, и благотворное соединеніе философскаго духа съ изученіемъ источниковъ, которое повлекло за собою освобожденіе отъ старыхъ ошибокъ и правильное освѣщеніе отдѣльныхъ сторонъ Возрожденія. Важная заслуга въ этомъ дѣлѣ принадлежитъ Де-Саду[1]). Несмотря на односторонній взглядъ на Петрарку, книга Де-Сада сообщеніемъ цѣлой массы новаго матеріала въ удобочитаемой формѣ возбудила интересъ къ латинскимъ произведеніямъ перваго гуманиста. Вслѣдствіе этого пала сама собой одна изъ самыхъ старыхъ ошибокъ относительно гуманизма — ученіе о его византійскомъ происхожденіи. Andres уже прямо отрицаетъ этотъ устарѣлый взглядъ[2]), Булэ придаетъ греческому вліянію весьма второстепенное значеніе и отмѣчаетъ другія причины Возрожденія[3]). Но особенно важное значеніе имѣла книга Мейнерса, который не только отрицалъ греческое вліяніе на гуманизмъ, но и сдѣлалъ первую попытку поставить въ должные предѣлы вліяніе древности вообще[4]). При такомъ положеніи дѣла появилось первое сочиненіе, спеціально посвященное эпохѣ Возрожденія. Къ сожалѣнію, авторъ этой работы далеко не стоялъ на высотѣ своей задачи.

Первымъ спеціальнымъ историкомъ Ренесанса былъ аббатъ *Бettинелли,* жившій во второй половинѣ XVIII в. (1718—1808). Это была эпоха сильнаго научнаго движенія въ Италіи, когда Muratori, Mazzuchelli, Tiraboschi, Zeno, Quirini, Mehus и многіе другіе заложили своими тщательными работами прочное основаніе для научнаго изученія итальянской исторіи, литературы и культуры. Бettинели былъ тоже плодовитый писатель[5]), но въ иномъ духѣ. Кропотливое собираніе источниковъ и критическое ихъ изученіе не въ его характерѣ. Онъ былъ „философъ" въ духѣ французовъ XVIII вѣка, поклонникъ Вольтера, котораго онъ лично посѣтилъ и отъ котораго получилъ его сочиненія съ собственноручной надписью[6]). Вольтеров-

---

[1]) См. выше, p. 309 и слѣд.

[2]) См. выше, p. 96.

[3]) См. выше, p. 59 и 323.

[4]) См. выше, p. 37.

[5]) Полное собраніе его сочиненій вышло въ Венеціи 1801 года въ 24 томахъ.

[6]) Намекая на его произведеніе Lettere di Virgilio agli Elisi, надпись гласила: Compatriote de Virgile
Et son secrétaire aujourd'hui
C'est à vous d'écrire sous lui —
Vous avez son âme et son stile.

скія идеи и проводилъ онъ въ своихъ многочисленныхъ произведеніяхъ на самыя разнообразныя темы. Онъ составилъ, между прочимъ *„Письма Виргилія на Елисейскія поля“*, направленныя противъ Данте, *„Похвальное слово Петраркѣ“* *„Переписку двухъ дамъ“*, *„Письма о цвѣтахъ и собачкахъ“*, *„Письма Лесбіи объ эпиграммахъ“*, *„Письма объ изящныхъ искусствахъ“*, *„Любовные діалоги“*[1]) и т. п. произведенія. Все это болѣе или менѣе остроумная солонная болтовня элегантнаго аббата, ученика іезуитовъ и друга французскихъ просвѣтителей. Въ такомъ же духѣ написано и его четырехтомное *„Возрожденіе Италіи въ наукахъ, въ искусствахъ и въ нравахъ послѣ X вѣка*[2])“. Сочиненіе начинается длиннымъ введеніемъ, въ которомъ авторъ излагаетъ свой взглядъ на исторію[3]). Польза этой науки, по его мнѣнію, заключается въ томъ, что она „указаніями писателей дѣлаетъ болѣе твердымъ наше поведеніе“[4]). Поэтому нужно обращать главное вниманіе на описаніе жизни отдѣльныхъ лицъ и преимущественно на дѣятелей культуры, а не политики: „мнѣ должно быть гораздо пріятнѣе, говоритъ онъ, — сдѣлаться изобрѣтателемъ плуга или часовъ, чѣмъ знаменитѣйшимъ завоеватетемъ и опустошителемъ“[5]). Либеральный аббатъ смотритъ очень пессимистически на политическій строй вообще, считая насиліе и несправедливости необходимой принадлежностью всякой политической формы. Поэтому политическая исторія приноситъ меньше пользы, такъ какъ она не учитъ добродѣтели. „Такъ какъ обширная республика человѣческаго рода, — говоритъ Беттинелли, — инымъ кажется республикою людей по истинѣ жестокихъ или коварныхъ, или кровожадныхъ, то нужно знать ихъ обычаи и систему, чтобы можно было жить среди нихъ съ возможно меньшимъ зломъ. Но мнѣ кажется, что это приноситъ пользу главнымъ образомъ тѣмъ, которые предназначены заправлять общественными дѣлами и вести другихъ людей или на добычу, или на бойню, какъ стадо безъ разума и свободы“[6]). Руководствуясь этими соображеніями, Беттинелли прежде всего останавливается на новой исторіи,

---

[1]) *Elogio del Petrarca* (1787), *Carteggio tra due Dame antiche, Lettere sui fiori e i cagnolini, Lettere a Lesbia sugli epigrammi* (1787), *Lettere sulle belle arti* (1790) и *Dialoghi di Amore* (1796).

[2]) *Risorgimento d'Italia negli studi, nelle arti e nei costumi dopo il mile dell'abate Saverio Bettinelli Vol. 4. Milano 1819—20.*

[3]) Introductione sopra lo studio della storia al signor Marchese Matteo Ordogno di Rosales.

[4]) Risorgimento I. p. 3.

[5]) Ibid. p. 6.

[6]) Ibid. p. 7.

потому что „древняя — дѣло любопытства и учености; она служитъ пониманію поэзіи, театра, медалей, статуй и подобныхъ памятниковъ старины, но внѣ этого она только торжество памяти, а часто еще и обмана“ [1]). Авторъ преслѣдуетъ болѣе широкія и глубокія задачи. Прежде всего онъ желаетъ будить мысль обыкновеннаго читателя, „дать полезное времяпрепровожденіе и предоставить въ привлекательной формѣ научное занятіе тому, кто иначе провелъ бы свое время въ праздности и за романами“. „Моя главная цѣль, — говоритъ онъ, заставить думать; поэтому я разсматриваю болѣе, такъ сказать, душу исторіи, чѣмъ ея тѣло... и прежде всего исторію человѣка и его талантовъ» [2]). Такимъ путемъ Беттинелли думаетъ исполнить и нравственную задачу историка, которая заключается въ томъ, чтобы „разоблачить заблужденія и научить терпѣливому умѣренію страстей, т.-е. наиболѣе необходимой для жизни добродѣтели“ [3]). Къ предшествовавшимъ ему историкамъ, включая сюда Гвиччардини и Маккіавелли, авторъ относится строго и не всегда справедливо. Онъ упрекаетъ ихъ за неточность хронологіи, за отсутствіе ссылокъ, за суевѣріе, за пристрастіе, за вставку рѣчей въ изложеніи, а главнымъ образомъ за общее направленіе: „они болѣе заботились, — по его словамъ, — о стилѣ и о талантливыхъ мысляхъ, чѣмъ объ общей пользѣ и о хорошей философіи“ [4]). Наоборотъ, такіе современники, какъ Zeno, Muratori, Mazzuchelli и друг., возбуждаютъ его полное сочувствіе. Къ сожалѣнію, Беттинелли далеко уступаетъ первымъ по глубинѣ историческаго пониманія и совсѣмъ не обладаетъ точностью и тщательностью научной работы вторыхъ, что почти совершенно уничтожаетъ значеніе его толстой книги.

Вторую половину перваго тома „Возрожденія“ Беттинелли составляетъ обзоръ современнаго автору положенія Италіи и ея исторіи до XIV столѣтія. Это бѣглое перечисленіе общеизвѣстныхъ фактовъ, которое перерывается по временамъ разсужденіями о пользѣ наукъ, о бѣдствіяхъ войнъ и т. п. Исторія Возрожденія составляетъ второй томъ, въ которомъ идетъ рѣчь о научныхъ занятіяхъ (Degli studi) въ XIV и XV столѣтіяхъ.

Съ фактической стороны книга Беттинелли не представляетъ никакого интереса. Самостоятельнаго знакомства съ источниками у автора нѣтъ; онъ компилируетъ предшествующихъ писателей и преимущественно Тирабоски, приводитъ массу именъ, сообщаетъ въ подсроч-

---

[1]) Ibid. p. 14.
[2]) Ibid. p. 16, 17 и 21.
[3]) Ibid. p. 24.
[4]) Ibid. p. 8, 11 и 12.

ныхъ примѣчаніяхъ біографіи гуманистовъ, повторяетъ ходячія противъ нихъ обвиненія въ паганизмѣ, заносчивости и различныхъ увлеченіяхъ. Но этотъ краткій перечень именъ и фактовъ не имѣетъ даже значенія справочной книги, потому что онъ переполненъ неточностями и ошибками[1]). Вниманія заслуживаютъ только взгляды поклонника французскихъ энциклопедистовъ на причины, общій ходъ и значеніе Возрожденія.

Прежде всего Беттинелли неясны причины гуманистическаго движенія. Его родоначальникомъ онъ считаетъ Петрарку. „Въ его изученіи Цицерона, говоритъ онъ, можно видѣть, мнѣ кажется, сѣмя обильной жатвы, выросшей въ его вѣкъ и въ послѣдующія столѣтія“[2]). Вообще геній Петрарки представляется ему въ колоссальныхъ и даже фантастическихъ размѣрахъ. „Онъ былъ великій философъ, физикъ, астрономъ... Его можно назвать основателемъ Платоновой философіи, которая создала чрезъ него новую и единственную поэзію въ Италіи и сдѣлала ее болѣе возвышенной и болѣе неподражаемой, чѣмъ всякая другая“[3]). Эта всесторонняя геніальность, неоправдываемая однако источниками, сдѣлала Петрарку необходимымъ условіемъ появленія гуманизма. По мнѣнію Беттинелли, безъ него наука „или не возродилось бы, или возродилось бы позже, т.-е. послѣ другого Петрарки, потому что для всякаго столѣтія необходимъ такой руководитель и такой образецъ для всеобщаго подражанія“[4]). Итакъ, геніальность Петрарки увлекла его къ изученію древности и создала ему послѣдователей. Но къ этой основной причинѣ, вліяніе которой однако ничѣмъ не доказано, Беттинелли присоединяетъ рядъ другихъ, которыя или сами требуютъ объясненія, или вовсе не существовали. „Для этого достаточно было большого количества античныхъ образцовъ и ихъ всемірнаго распространенія; потомъ должна была пасть греческая имперія, и ея бѣглецы принесли намъ полны руки своихъ богатствъ; удалось изобрѣсти книгопечатаніе, вслѣдствіе чего эти богатства чрезвычайно быстро увеличились и распространились. Кромѣ того, только послѣ Петрарки правительства сдѣлались болѣе прочными, партіи ослабѣли, междоусобныя войны уменьшились, во всѣхъ городахъ были уничтожены мелкіе и жестокіе тиранны, и на ихъ развалинахъ возвысились государи болѣе могущественные и болѣе кроткіе, друзья искусствъ и мирныхъ наслажденій, каковы были

---

[1]) Напр. сочиненіе De re uxoria приписано Захаріи Барбаро (II. 108); Л. Валла родился въ Пьяченцѣ въ 1415 году (Ibid. p. 115) и т. д.

[2]) Ibid. II p. 64.

[3]) Ibid. p. 16 и 17.

[4]) Ibid. p. 25.

Медичи и всѣ другіе; точно также и богатыя республики стремились, какъ показываетъ Венеція, къ иной славѣ, отличной отъ военной, которая легко утомляетъ свободные народы, преданные торговлѣ. Изъ массы незамѣченныхъ обстоятельствъ, произведшихъ золотой вѣкъ въ Италіи, достаточно отмѣтить только эти", заключаетъ Беттинелли свое разсужденіе[1]). Причины Возрожденія остаются невыясненными, несмотря на все многословіе автора.

Не имѣя опредѣленнаго представленія о причинахъ Ренесанса, Беттинелли плохо понимаетъ и его характерныя свойства и значеніе. Онъ обвиняетъ прежде всего гуманистическое движеніе за его отвлеченное, учено-художественное направленіе, за игнорированіе практическихъ потребностей. „Всегда будетъ оставаться трудной проблемой и вызывать суровый упрекъ тотъ фактъ, — говоритъ онъ, — что мы видимъ такое богатство въ постройкахъ, въ живописи и скульптурѣ и рядомъ съ этимъ такую непрочность правительства, такое паденіе торговли и земледѣлія, какъ будто бы изящныя картины, изящныя статуи, изящные дворцы были необходимѣе хлѣба; что греческую философію лучше понимали, чѣмъ свою собственную литературу, исторію и экономію, что обнаруживали пылкое стремленіе открывать новыя рукописи, а не рудники; приводить въ порядокъ книги, манускрипты и библіотеки, а не рѣки и источники; населять страну не жителями, а реторическими и поэтическими законами"[2]). Если сравнить эту тираду съ предшествующей, то въ словахъ Беттинелли окажется противорѣчіе, которое происходитъ отъ неясности для автора всего движенія. „Трудная проблема" и „суровый упрекъ" произошли отъ плохого знакомства съ источниками. Меценаты-правители никогда не забывали о практическихъ нуждахъ государства и далеко не такъ исключительно увлекались наукой и искусствомъ, какъ думаетъ Беттинелли. Сами гуманисты, если имъ приходилось теоретически касаться политическихъ вопросовъ, всегда указывали государямъ на эти потребности, какъ это показываютъ письма Петрарки, сочиненія Альберти и проч. Въ общемъ, конечно, вѣрно, что гуманистическое движеніе по существу не было ни національнымъ, ни политическимъ, ни экономическимъ; но въ этомъ не заключается ни „трудной задачи", ни „суроваго упрека". Духовное рабство въ XIV и XV столѣтіяхъ ложилось на развившуюся личность болѣе тяжелымъ гнетомъ, чѣмъ политическій гнетъ и національныя невзгоды, какъ это доказываютъ произведенія гуманистовъ и реформаціонныя попытки въ церковной сферѣ.

[1]) Ibid. p. 24.
[2]) Ibid. p. 231.

Недостатокъ гуманистическаго движенія, по мнѣнію Беттинелли, заключался не только въ его отвлеченномъ характерѣ, но и въ отсутствіи въ немъ „философскаго духа", который обнаруживается впервые въ теоріи Галилея. „Кто повѣрилъ бы, — восклицаетъ онъ, — что понадобилось пять вѣковъ, чтобы произвести Галилея и Академію Климента, и что первый свѣтъ разума будетъ заключаться въ физикѣ? Изъ этого можно думать, что прежде разуму мало слѣдовали, что его мало развивали благодаря слѣпому преклоненію передъ древними. Люди были убѣждены, что достаточно много читать, начинять память мертвыми языками и старыми воззрѣніями, чтобы быть великимъ человѣкомъ, и совсѣмъ не заботились подвергать ихъ анализу и дѣлать изъ нихъ разумное употребленіе. Поэтому тѣ, которые умѣли цитировать болѣе сочиненій и авторовъ, которые болѣе читали и болѣе повторяли прочитанное, были учеными и учителями, хотя внѣ этого они мыслили и разсуждали часто хуже невѣждъ. Только въ наше время познали, наконецъ, что первая наука — умѣть мыслить, что немногаго стоитъ филологія безъ философіи, что изученіе древности въ высшей степени полезно только тому, кто умѣетъ увидать ошибки, отличить ихъ отъ истины, взять лучшее, избѣжавши недостатковъ и, наконецъ, подчинять грековъ и латинянъ философской критикѣ" [1]). Эта характерная тирада указываетъ не только на незнакомство Беттинелли съ гуманистической литературой, но и на поверхностное отношеніе къ извѣстнымъ ему фактамъ. Не пять вѣковъ отдѣляли Галилея отъ Возрожденія, и вопросъ о естественной его связи съ гуманистическимъ движеніемъ самъ собою напрашивается на положительное рѣшеніе. Если Беттинелли, по недостаточному знакомству съ литературой, и не могъ замѣтить критическаго отношенія гуманистовъ къ древности, то ему достаточно было вдуматься въ фактъ связи Галилея съ Ренесансомъ, чтобы измѣнить свой взглядъ на гуманизмъ и подмѣтить органическое родство своего времени съ эпохою Возрожденія.

Два послѣдніе тома книги Беттинелли не представляютъ никакого интереса. Въ третьемъ собраны общеизвѣстные факты по исторіи литературы, музыки и живописи, которые прерываются разсужденіями о способности женщинъ къ поэтическому творчеству, о вліяніи на душу краснорѣчія и поэзіи и т. п. Четвертый томъ заключаетъ въ себѣ такія же свѣдѣнія по культурной исторіи Италіи, изложенныя безъ всякой связи, а часто и безъ хронологическаго порядка. Обширный объемъ первой исторіи итальянскаго Ренесанса не соотвѣтствуетъ ея содержательности, и книга Беттинелли ничего не прибавила

[1]) Ibid. p. 68—69. Ту же самую мысль еще разъ повторяетъ Беттинелли на стран. 230.

ни къ фактическому изученію Возрожденія, ни къ его философскому пониманію,

Также мало значенія имѣетъ книга *Эргарда*, посвященная исторіи гуманистическаго движенія преимущественно въ Германіи. Въ противоположность Беттинелли, Эргардъ имѣетъ весьма опредѣленный взглядъ на сущность гуманизма и на его причины, который не отличается однако ни глубиной, ни оригинальностью. Гуманизмъ, по его мнѣнію, исключительно научное движеніе, и это придаетъ огромную важность эпохѣ. „Какъ кажется, говоритъ авторъ, Провидѣніе желало показать этимъ великимъ и изумительнымъ примѣромъ, что свѣтъ наукъ совершенно необходимъ, что это даже единственное средство, чтобы изъ мрачной смуты прійти къ миру и къ счастью, что, далѣе, свѣтское могущество (weltliche Herrschergewalt) есть не единственное и даже не самое необходимое средство, которое можетъ сдѣлать народъ великимъ и счастливымъ; наоборотъ, есть нѣчто болѣе великое, болѣе прекрасное и болѣе гуманное (menschlicheres), а именно просвѣщеніе и развитіе духа, что не всегда связано съ могуществомъ, а появляется иногда отдѣльно и, сопровождая науку, распространяется по всѣмъ слоямъ народа“ [1]). Это благотворное движеніе „должно было имѣть многія, отчасти весьма отдаленныя и совершенно неожиданныя причины“ [2]), говоритъ Эргардъ и приводитъ только одну: паденіе Византіи. Такимъ образомъ авторъ не дѣлаетъ ни одного шага впередъ въ пониманіи гуманизма сравнительно со своими предшественниками. То же самое можно сказать и о его изложеніи исторіи движенія: Эргардъ ограничивается весьма короткими біографическими замѣтками о нѣкоторыхъ отдѣльныхъ гуманистахъ [3]).

Совершенно естественно, что первыя спеціальныя изслѣдованія, посвященныя гуманизму, не оказали никакого вліянія на его дальнѣйшую исторіографію. Они не могли служить ни проводникомъ болѣе правильнаго взгляда на эпоху, ни источникомъ фактическихъ свѣдѣній для лучшаго съ ней ознакомленія. Эту роль продолжали играть общія сочиненія и въ особенности вышедшія въ началѣ нынѣшняго столѣтія книги Нисерона, Женгенэ и Сисмонди, хотя новаго въ нихъ — только ошибки. Книга Нисерона — справочный лексиконъ

---

[1]) Erhard, l. c., p. 201—202.

[2]) Ibid. p. 2.

[3]) О Петраркѣ см. выше, p. 336, о Боккаччіо — p. 529, о Бруни — p. 698. Кромѣ того, Erhard даетъ незначительныя свѣдѣнія о слѣдующихъ гуманистахъ изъ занимающей насъ эпохи: о Дж. да Равенна (по Мейнерсу) p. 220, о Гаспарино p. 232, о Гуарино p. 234.

біографическихъ свѣдѣній, собранныхъ всегда изъ вторыхъ рукъ[1]); Женгенэ — популяризаторъ Тирабоски[2]); Сисмонди — главный виновникъ тѣхъ голословныхъ обвиненій, которыя дѣлаютъ изъ Возрожденія — эпоху застоя, а изъ гуманистовъ — продажныхъ педантовъ, и его единственная заслуга — устраненіе мнѣнія о греческомъ происхожденіи гуманизма[3]). Также мало понятна сущность движенія Галламу, хотя онъ знакомъ съ нѣкоторыми произведеніями гуманистовъ; для него Ренесансъ — филологическое движеніе, Барцицца — первостепенный гуманистъ, Элеганціи Валлы — главное произведеніе Возрожденія, а остальная литература сводится къ инвективамъ и къ панегирикамъ[4]). Въ началѣ сороковыхъ годовъ Шарпантье написалъ двухтомное сочиненіе, спеціально посвященное Возрожденію, но оно также мало было способно оказать какое-либо вліяніе на исторіографію гуманизма, какъ и книги Беттинелли и Эргарда. Шарпантье считаетъ сущностью гуманизма возстановленіе древности и видитъ въ этомъ главную причину паденія средневѣковой культуры[5]). Виновниками этого движенія онъ считаетъ Петрарку и Боккаччіо; но ихъ труды пропали бы даромъ, если бы не были поддержаны меценатами и позднѣйшими гуманистами[6]). Изложеніе исторіи самаго движенія сводится къ коротенькимъ біографическимъ очеркамъ отдѣльныхъ гуманистовъ, при чемъ свѣдѣнія почерпаются почти исключительно изъ вторыхъ рукъ, и гуманистическая литература, кромѣ переписки Петрарки, остается совершенно неизвѣстной автору[7]).

Сороковые и пятидесятые годы нынѣшняго столѣтія представляютъ значительный шагъ впередъ въ пониманіи гуманизма. Правда, въ общихъ сочиненіяхъ, какъ у Шлоссера, старыя ошибки сохраняютъ все свое значеніе[8]), но въ большинствѣ случаевъ старый взглядъ на происхожденіе Ренесанса изъ Византіи болѣе не повторяется. Упорнѣе держатся ошибки Сисмонди, которыя цѣликомъ вошли въ произведенія Канту[9]); но мало-по-малу падаютъ и эти заблужденія, хотя

---

1) См. выше, p. 95.
2) См. выше, p. 145.
3) См. выше, p. 130 и слѣд.; ср. p. 101.
4) См. выше, p. 102 и слѣд.
5) Charpentier, l. c., I, p. 4, ср. p. 156—159.
6) Ibid. p. 173.
7) Біографіи Петрарки, Боккаччіо и Бруни см. выше 336—337, 529, 698. Кромѣ того, незначительныя свѣдѣнія о Салютати — 170, о Дзаноби — 169, о Дж. да Равенна — 172 и Гуарино — 178.
8) См. выше, p. 17.
9) См. выше, p. 137 и 19.

ихъ устраненіе не сразу повело къ установленію правильнаго взгляда на движеніе. Такъ Рюккертъ и Кине сводятъ начало гуманизма къ психологическому источнику, хотя понимаютъ его слишкомъ узко[1]); Риттеръ видитъ въ Возрожденіи грандіозный переворотъ, но слишкомъ преувеличиваетъ вліяніе древности[2]). Шире другихъ взглянулъ на Ренесансъ *Мишле* въ введеніи къ 7 тому своей Исторіи Франціи. Онъ видитъ въ Возрожденіи не только научное движеніе, не только появленіе новаго исскусства, но также „открытіе міра и открытіе человѣка", и объясняетъ необыкновенный успѣхъ древности ея внутреннимъ родствомъ съ новымъ настроеніемъ[3]). Но это только афоризмъ, хотя и не лишенный глубины и мѣткости; научныя доказательства этого взгляда остаются внѣ плана и задачи книги Мишле.

Итакъ къ концу 50-хъ годовъ нынѣшняго столѣтія въ исторической наукѣ не существовало опредѣленнаго и установившагося взгляда на гуманистическое движеніе. Тѣмъ не менѣе исторіографія сдѣлала огромный успѣхъ и въ этомъ отношеніи: старыя ошибки были отвергнуты, и нѣкоторыя отдѣльныя стороны Возрожденія получили правильное освѣщеніе. Но вѣрныя мысли и глубокія замѣчанія о гуманизмѣ были разсѣяны въ общихъ сочиненіяхъ по различнымъ отраслямъ историческаго знанія, что значительно ослабляло ихъ вліяніе. Чувствовалась потребность въ спеціальной работѣ, которая замѣнила бы спорадическія мнѣнія однимъ систематически проведеннымъ и научно обоснованнымъ воззрѣніемъ, и почти одновременно были сдѣланы двѣ замѣчательныя попытки въ этомъ направленіи: одна принадлежитъ Фогту, другая Буркгардту[4]).

---

[1]) См. выше, p. 44 и 159.

[2]) См. выше, p. 67.

[3]) *Michelet, Histoire de France au seizième siècle. Renaissance. Paris 1855.* p. I—III.

[4]) Нѣсколько раньше книги Фогта вышла работа *Schük'a Zur Charakteristik der italienischen Humanisten des 14 und 15 Jahrhunderts. Breslau, 1857.* Это изложеніе „Генеалогіи" Боккаччіо и нѣсколько примѣровъ аллегорическаго объясненія римской поэзіи у другихъ гуманистовъ не имѣетъ важнаго значенія въ исторіографіи Возрожденія.

II.

„Возрожденіе классической древности“ Г. Фогта. — Общій взглядъ Фогта на ранній гуманизмъ, и его вліяніе на изложеніе и оцѣнку гуманистической литературы. — Взглядъ Фогта на значеніе и роль Флоренціи въ исторіи гуманистическаго движенія. — Книга Буркгардта; ея характеръ и значеніе.

Книга Фогта, появившаяся въ 1859 году и переизданная въ 1880 — 81 годахъ въ значительно исправленномъ видѣ и расширенномъ объемѣ[1]), до сихъ поръ остается главнымъ источникомъ свѣдѣній по исторіи ранняго гуманизма. Это единственное до сихъ поръ систематическое изложеніе фактическихъ данныхъ по исторіи Ренесанса во всѣхъ болѣе или менѣе крупныхъ центрахъ Италіи. Прежде всего Фогтъ въ двухъ обширныхъ главахъ даетъ характеристику Петрарки и Боккаччіо и затѣмъ излагаетъ внѣшнюю исторію гуманизма, т.-е. біографическія свѣдѣнія о гуманистахъ и ихъ отдѣльныя характеристики, сначала въ республикахъ, потомъ въ монархіяхъ и, наконецъ, при папской куріи. Сочиненіе заканчивается очеркомъ распространенія гуманизма за Альпами и общей характеристикой направленія и дѣятельности гуманистовъ. Выше мы разсмотрѣли тѣ части книги, которыя захватываютъ занимающую насъ эпоху[2]); но сочиненіе Фогта имѣетъ важное значеніе по взгляду автора на гуманизмъ и по его отношенію къ различнымъ видамъ гуманистической литературы.

По основному взгляду на гуманистическое движеніе Фогтъ въ сущности примыкаетъ къ своимъ предшественникамъ, хотя нѣсколько расширяетъ ихъ воззрѣнія. Въ предисловіи къ первому изданію онъ замѣняетъ старое названіе эпохи „возстановленіе наукъ“ новымъ и, по его мнѣнію, болѣе точнымъ — „возрожденіе (Wiederbelebung) классической древности“[3]). Но общій смыслъ движенія, конечную его цѣль онъ видитъ въ сліяніи античнаго съ христіанскимъ: „въ этомъ заключается значеніе Аріосто и Тассо, Браманте и Палладіо, Лео-

---

[1]) Со 2-го изданія сдѣланъ русскій переводъ: *Г. Фойгтъ, Возрожденіе классической древности или первый вѣкъ гуманизма. Пер. И. П. Разсадина. Изданіе К. Т. Солдатенкова. Москва. 1884.*

[2]) См. выше о Петраркѣ p. 337 и слѣд., о Боккаччіо 530 и слѣд., о Бруни 706, о Салютати 818, о Никколи 852, о Гаспарино 912, Гуарино 929, о Верджеріо 969, очеркъ гуманическаго движенія при куріи p. 710, въ Болоньѣ 740, въ Неаполѣ 772, въ Венеціи 986 и passim.

[3]) I-е изд. p. III.

нардо да Винчи и Рафаэля Санціо"[1]). Противъ такой точки зрѣнія, если понять ее въ самомъ широкомъ смыслѣ, едва ли можно спорить: новая цивилизація продуктъ сліянія античной и средневѣковой, и Ренесансъ ввелъ много жизненнаго въ новую культуру изъ наслѣдства, завѣщаннаго древнимъ міромъ[2]). Но вопросъ въ томъ, какъ это случилось? Фогтъ не даетъ на это прямого отвѣта. „Намъ предстоитъ, — говоритъ онъ во введеніи къ своей книгѣ, — прослѣдить только одну стадію и одну сторону этого культурно-историческаго событія, возрожденіе классической древности и ея проникновеніе въ духовную жизнь прежде всего Италіи"[3]). Не вполнѣ ясно, исчерпывается ли, по мысли автора, первая стадія движенія этой его стороной, или только онъ избираетъ возрожденіе классической древности спеціальной цѣлью своего изслѣдованія, оставляя въ сторонѣ другія стороны движенія. Но, судя по заглавію книги и по дальнѣйшему изложенію, особенно же по послѣдней главѣ, возрожденіе классической древности и гуманизмъ перваго столѣтія — тождественныя понятія для автора. По мысли Фогта, *ранніе гуманисты ставили своей цѣлью реставрировать древность и всѣ прочія гуманистическія тенденціи результатъ вліянія этой реставраціонной попытки.* По его словамъ, у гуманистовъ „было дѣтское стремленіе реформировать политическій и моральный міръ по образцу древности", „слово и дѣйствительность, фантазія и реальность (Schein und Sein) стояли у нихъ въ крайне своеобразномъ противорѣчіи"; онъ находитъ даже черты донкихотства у дѣятелей Возрожденія[4]). Источники рѣшительно не даютъ права для такой характеристики. Для доказательства своего мнѣнія Фогтъ не можетъ привести ни одного значительнаго факта: онъ отмѣчаетъ только стремленіе гуманистовъ называть новыя понятія классическими терминами, но самъ же называетъ это „игрой"; отчасти такая же игра сравненіе современныхъ дѣятелей съ античными героями, а если гуманисты и въ томъ числѣ Макіавелли ставили новымъ государямъ въ образецъ дѣятелей классической древности, то въ этомъ нельзя видѣть попытокъ реставраціи прошлаго. Единственное

---

[1]) 2-е изд. I p. 3 (я цитирую по новому изданію, отмѣчая, когда нужно, его болѣе важныя измѣненія сравнительно со старымъ).

[2]) У Фогта не вполнѣ ясно выражено, было ли это сліяніе сознательной цѣлью движенія или только его результатомъ, происшедшимъ помимо воли и сознанія его дѣятелей. Въ первомъ изданіи онъ говоритъ: Sprechen wir die neue Aufgabe Italiens aus, soweit sie zu fassen uns gegeben ist (p. 3); во второмъ вторая половина фразы выпущена (p. 3). Судя по его дальнѣйшему изложенію, ранніе гуманисты, по крайней мѣрѣ, не ставили себѣ такой задачи.

[3]) Ibid. I p. 3—4.

[4]) Ibid. II p. 370—371.

фактическое доказательство въ пользу своего мнѣнія Фогтъ находитъ въ дѣятельности Кола ди-Ріенцо[1]); но фигура страннаго трибуна имѣетъ весьма мало общаго съ гуманистической политикой. Такую же „поэтическую игру“ видитъ авторъ и въ языческой терминологіи гуманистовъ, когда они говорятъ о религіозныхъ предметахъ; но онъ придаетъ этой игрѣ серьезное значеніе: она подрывала традиціонную вѣру и религіозное чувство[2]). Однако у Петрарки и Салютати любовь къ древности не помѣшала благочестію; а если религіозное чувство было слабо у гуманистовъ, то едва ли виноваты въ этомъ классическіе писатели: въ XIV столѣтіи оно замѣтно слабѣетъ повсюду, что лучше всего доказываютъ нравы духовенства и монашества.

Фогтъ не доказалъ и не могъ доказать, что ранніе гуманисты ставили своей задачей реставрацію древности: такой мысли нельзя найти ни въ одномъ гуманистическомъ произведеніи. Наоборотъ, легко видѣть, что подобное „донкихотство“ и невозможно для дѣятелей Возрожденія. Выше мы отмѣтили почти во всѣхъ произведеніяхъ раннихъ гуманистовъ, начиная съ Петрарки и кончая Бруни, живой интересъ къ дѣйствительности и критическое отношеніе къ древнимъ авторитетамъ. Не говоря уже о Петраркѣ, Боккаччіо, Салютати и другихъ гуманистахъ, которые принимали активное участіе въ современной политикѣ, Рамбальди чувствуетъ живой интересъ къ ней, Конвертино хорошо знаетъ современность и ей посвящаетъ свои самыя крупныя работы, какъ „Драматологія“ и „О достопримѣчательностяхъ“; Верджеріо говоритъ о современныхъ событіяхъ въ своихъ письмахъ, Лоски весьма заинтересованъ политикой, и даже педагогъ Гуарино въ поученіи сына обнаруживаетъ большую практичность и наблюдательность. Съ другой стороны критическое отношеніе къ древности вызывалось даже самымъ интересомъ къ ней: древность не однородна, что же взять изъ нея? Съ этимъ вопросомъ сталкивались гуманисты прежде всего въ политикѣ, и одни изъ нихъ отрицательно относились къ античнымъ монархіямъ, какъ Бруни, другіе къ республикамъ, какъ Конверсано, третьи, какъ Петрарка, брали, смотря по надобности, тотъ или другой политическій идеалъ изъ античнаго міра. Критеріемъ служили современныя потребности и мѣстныя симпатіи, такъ что нѣкоторые политики, какъ Верджеріо, строили свои теоріи исключительно на основаніи наблюденій надъ дѣйствительностью. То же самое и въ морали. Были весьма поверхностные стоики въ родѣ Верджеріо, рѣшительные эпикурейцы, какъ Валла; но и

---

[1]) Ibid.

[2]) Ibid. p. 479—81.

тѣ и другіе по существу оставались эклектиками, и Isagogicon Бруни представляетъ собою первую попытку научнаго обоснованія философскаго эклектизма. Что же было реставрировать и какъ могли выработаться на этой почвѣ донкихоты?

Схема Фогта дѣлаетъ далѣе совершенно непонятной причину не только предполагаемаго имъ стремленія реставрировать античный міръ, но и несомнѣннаго увлеченія классической литературой и древностью. Во введеніи авторъ касается этого вопроса, перечисляетъ остатки древности въ Италіи, отмѣчаетъ ея политическое разъединеніе, упадокъ церкви и проч., но все изложеніе сводится къ очень общимъ разсужденіямъ, и прямого отвѣта на вопросъ мы не находимъ[1]). До извѣстной степени взглядъ автора можно было бы найти въ біографіяхъ отдѣльныхъ гуманистовъ; но ихъ внутренняя исторія слишкомъ мало извѣстна. Исключеніе составляетъ Петрарка; къ сожалѣнію, именно этотъ пунктъ характеристики перваго гуманиста, сдѣланной Фогтомъ, страдаетъ крайней неясностью и даже противорѣчіемъ[2]). Вопросъ такъ и остается открытымъ.

Невѣрная основная точка зрѣнія на Возрожденіе повлекла за собою крупные недостатки въ изложеніи и главнымъ образомъ въ общихъ итогахъ движенія, которые Фогтъ подводитъ въ послѣдней главѣ своей книги. Прежде всего, онъ сводитъ всю литературную дѣятельность гуманистовъ къ „дѣтскому" подражанію древнимъ[3]). „Научныя занятія и дѣйствительная жизнь этихъ почитателей древности, — говоритъ онъ, — должны были впасть въ странный конфликтъ"[4]). Къ сожалѣнію, эта характеристика, не иллюстрируется ни однимъ примѣромъ, и въ литературѣ ранняго гуманизма мы не можемъ указать ни одного произведенія, которое стояло бы внѣ всякой связи съ современными вопросами морали, политики или общественной жизни. Подражаніе сводилось исключительно къ формѣ. Что касается до конфликта, то онъ дѣйствительно существовалъ, только виною этому была не древность: новые идеалы, основанные на новыхъ потребностяхъ, сталкивались съ старой моралью. Не древность навѣяла Декамеронъ, а онъ стоялъ въ рѣзкомъ противорѣчіи съ церковной доктриной.

---

[1]) Ibid. I p. 1—11.

[2]) См. выше, p. 340.

[3]) In diesen (seinen Leistungen) leitete sie *ganz* der Trieb der Nachahmung. Er ist immer ein beschränkter und kindischer, das aber lässt die Begeisterung der Nachahmenden nicht empfinden. II p. 368.

[4]) Ibid.

Такимъ же подражаніемъ объясняетъ Фогтъ и весьма важный и чрезвычайно характерный фактъ въ исторіи Возрожденія — интересъ раннихъ гуманистовъ къ моральнымъ вопросамъ. Начали съ изученія литературы и преимущественно философіи „устарѣвшаго" Рима, съ Цицерона и Сенеки[1]), къ этимъ авторамъ прибавили отрывки изъ Боэція и церковныхъ писателей и получилось „мѣсиво житейской мудрости", которое очень нравилось гуманистамъ. „Моральнофилософскій трактатъ, говоритъ Фогтъ, прежде всего сдѣлался и надолго остался любимымъ видомъ литературы, которымъ занимались гуманисты со времени Петрарки". Эта же римская литература испортила вкусъ гуманистовъ. „Эллинская литература, мать римской, говоритъ Фогтъ, еще долго находилась въ глубокомъ мракѣ даже и тогда, когда ея языкъ былъ извѣстенъ уже тысячамъ. Гомеръ и Аѳинскіе трагики, Демосѳенъ и Лизій были почитаемыя имена, но въ ихъ произведенія никто еще не проникалъ съ какимъ-либо признакомъ чувства или пониманія"[2]). Прежде всего положеніе нуждается въ фактической поправкѣ: Гомера перевелъ еще Боккаччіо подъ руководствомъ Пилата, а позже переводили Бруни и Лоски; Бруни же переводилъ Платона, Аристотеля, Лизія, Демосѳена, Изократа; Платона переводилъ также старшій Дечембріо, Изократа Гуарино[3]). Итакъ, грековъ знало и къ изученію ихъ стремилось съ необыкновеннымъ усердіемъ большинство гуманистовъ, начиная съ Петрарки и Боккаччіо. Тѣмъ не менѣе до второй половины XV вѣка гораздо болѣе интересовались Плутархомъ, чѣмъ Платономъ и Аристотелемъ, и „мѣсиво" въ формѣ морально-философскаго трактата сохранило всю свою привлекательность. Ясно, что дѣло не въ литературномъ вліяніи древности, а въ самомъ свойствѣ сюжета. Объясненіе Фогта не указываетъ истинной причины этого чрезвычайно важнаго явленія.

Исходя изъ того положенія, что гуманистическое движеніе только „процессъ рецепціи" и что тогда „не вступали въ исторію абсолютно новыя идеи, а только вновь воспринимались идеи давнопрошедшаго времени, нашедшія нѣкогда себѣ выраженіе въ литературѣ"[4]), Фогтъ мало интересуется воззрѣніями гуманистовъ. Выше мы видѣли, что онъ игнорируетъ міросозерцаніе всѣхъ гуманистовъ занимающаго насъ періода, за исключеніемъ Петрарки и Боккаччіо, и ограничи-

---

[1]) Voigt выражается очень рѣзко: man begann mit dem gealterten Römerthum, vor allem mit seiner Philosophie, mit der marklosen Geschmeidigkeit Cicero's, mit Seneca's prunkenden Sentenzen. Ibid. II p. 369.

[2]) Ibid.

[3]) См. выше p. 1000, 663 и слѣд., 890 и 927.

[4]) I p. 4.

вается только ихъ фактической біографіей и чисто личной характеристикой. Мало интереса чувствуетъ онъ и къ гуманистическимъ произведеніямъ теоретическаго характера. При огромной эрудиціи и при необыкновенной тщательности во всемъ, что касается внѣшней исторіи гуманистовъ, Фогтъ относится сравнительно съ большимъ пренебреженіемъ къ ихъ теоретическимъ трактатамъ. Даже философскія произведенія Петрарки не подвергнуты анализу[1]); Isagogicon Бруни Фогтъ считаетъ неизданнымъ и невѣрно излагаетъ его содержаніе[2]); философскія сочиненія Манетти и Фаціо онъ не находитъ заслуживающими вниманія, хотя они ему неизвѣстны[3]); даже изъ пяти томовъ изданныхъ произведеній Л. Б. Альберти онъ знаетъ только одинъ[4]). Такое отношеніе къ весьма важной отрасли гуманистической литературы не могло не отразиться на изложеніи хода движенія и его результатовъ. Благодаря этому исторія Возрожденія Фогта носитъ внѣшній характеръ, а оцѣнка литературной дѣятельности гуманистовъ страдаетъ односторонностью.

Изложеніе гуманистической литературы (Leistunden des Humanismus) Фогтъ начинаетъ съ работъ по формальному изученію древности; это очень внимательный и обстоятельный сводъ почти всего, что сдѣлано въ этой области. Далѣе авторъ перечисляетъ стихотворныя произведенія гуманистовъ, затѣмъ останавливается на ихъ прозаическихъ сочиненіяхъ, и здѣсь результаты односторонности основной точки зрѣнія становятся особенно ощутительными. Фогтъ разсматриваетъ прежде всего переписку гуманистовъ, которую онъ ставитъ чрезвычайно высоко, какъ историческій источникъ[5]), но только для фактической исторіи гуманизма въ самомъ узкомъ смыслѣ слова, главнымъ образомъ для хронологіи и внѣшней біографіи. Содержаніе писемъ онъ цѣнитъ очень не высоко. По его словамъ, политической и церковной жизни переписка почти совсѣмъ не касается „изъ презрѣнія къ сухой и жалкой дѣйствительности, которая не заслуживаетъ вниманія друга древности“. Исключеніе составляютъ письма Барбаро, Пикколомини и Траверсари. Далѣе идутъ письма къ меценатамъ, исключительное содержаніе которыхъ составляетъ попрошайничество, письма къ друзьямъ „незначительнаго содержанія“, составляющія безконечную варіацію на цицероновскую тему о дружбѣ[6]).

---

[1]) См. выше p. 347.
[2]) II p. 458.
[3]) Ibid. p. 461.
[4]) Ibid. I p. 374.
[5]) Ibid. p. V.
[6]) Ibid. II p. 432—36.

Разсмотрѣнныя нами письма Лоски, а въ особенности Бруни и Верджеріо рѣшительно не подходятъ подъ эту характеристику[1]). Всѣ эти гуманисты не только не презираютъ дѣйствительности, а наоборотъ чрезвычайно ею заинтересованы; то, что Фогтъ отмѣчаетъ въ нихъ, какъ существенное, или совершенно отсутствуетъ, или не имѣетъ значенія. Вообще переписка гуманистовъ въ занимающую насъ эпоху — дополненіе къ ихъ произведеніямъ: всѣ интересы каждаго изъ нихъ находятъ выраженіе въ его письмахъ. Ближе всего къ характеристикѣ Фогта подходятъ письма Барциццы[2]); но мы видѣли, что ихъ авторъ далеко не типичный гуманистъ. Что касается до рѣчей гуманистовъ, то авторъ совершенно не касается ихъ содержанія. Формальной сторонѣ литературной дѣятельности гуманистовъ, поскольку она выразилась въ поэзіи и краснорѣчіи, Фогтъ придаетъ самое существенное значеніе[3]). Остальное въ его глазахъ имѣетъ второстепенный интересъ. Это вполнѣ послѣдовательный выводъ изъ той основной точки зрѣнія, что сущность ранняго Ренесанса не въ идеяхъ, а въ формальной реставраціи древности, что отражается и на характеристикѣ Фогта гуманистической философіи и науки. Къ философскимъ произведеніямъ гуманистовъ Фогтъ относится крайне рѣзко: ихъ полемика противъ схоластиковъ, по его мнѣнію, сводится къ формѣ, ихъ собственная философія — „почти только повтореніе и варіація классическихъ общихъ мѣстъ", не имѣющихъ ни какого отношенія къ жизни[4]). Здѣсь Фогта покидаетъ даже свойственная ему обстоятельность: онъ старательно перечисляетъ всѣ работы гуманистовъ по латинской и греческой грамматикѣ и бѣгло упоминаетъ весьма немногія изъ ихъ философскихъ произведеній. Характеризуя отдѣльныя стороны практической философіи, онъ приближается даже къ инвективѣ. Такъ, говоря о гуманистической педагогикѣ, онъ ни словомъ не упоминаетъ ни о ея свѣтскомъ характерѣ, ни о ея психологической основѣ, ни о ея многосторонности. По его мнѣнію, всякій авторъ считалъ идеаломъ „самого себя или основной пунктъ своей духовной жизни", что рѣшительно опровергается трактатами Бруни и Верджеріо[5]). Также несправедливо другое обвиненіе Фогта, что всѣ педагогическія произведенія гуманистовъ объединяетъ одна мысль: всѣ они игнорируютъ массу и народную школу и имѣютъ въ виду ученыхъ, высшіе

---

[1]) См. выше p. 891, 639 и 964.

[2]) Ibid. p. 909.

[3]) In den Künsten des Dichtens und Redens liegen die eigenthümlichsten Leistungen der Wiedergeburtslitteratur. II p. 456.

[4]) Ibid. p. 457—61.

[5]) См. выше p. 600 и 958.

классы и князей[1]). Въ дѣйствительности, гуманисты ставятъ вопросъ иначе: они выясняютъ общіе педагогическіе идеалы, независимо отъ общественнаго положенія питомца, и только въ отдѣльныхъ случаяхъ даютъ частныя указанія, что полезно для будущаго солдата, для будущаго государя и т. д. Этическихъ трактатовъ Фогтъ совсѣмъ не разсматриваетъ, вмѣсто этого онъ даетъ общую характеристику гуманистической морали и практическаго поведенія гуманистовъ. По его мнѣнію, „почти всѣ гуманисты въ своихъ сочиненіяхъ исповѣдовали стоическую мораль", потому что ее легче всего примирить съ христіанствомъ; но это только слова; въ дѣйствительности же ихъ „нравственность была совершенно оторвана отъ простой совѣсти и сводится къ показной морали (in eine Welt des Scheines versetzt)". Наилучшее выраженіе этого лицемѣрія Фогтъ видитъ у Макіавелли, который прямо совѣтовалъ князю показывать добродѣтели, которыхъ у него нѣтъ. Мы не знаемъ между гуманистами ни одного стоика даже въ теоріи; если они любятъ говорить о добродѣтели, то влагаютъ въ это понятіе совсѣмъ не стоическое содержаніе. Что касается до проповѣди лицемѣрія, то эта черта несомнѣнно появляется въ гуманистической этикѣ, но она результатъ цѣлаго процесса и ея первые слѣды замѣчаются только у гуманистовъ четвертаго поколѣнія. Разсматривая практическое поведеніе гуманистовъ, Фогтъ останавливается главнымъ образомъ на ихъ семейныхъ нравахъ и совершенно вѣрно указываетъ ихъ недостатки. Весьма характерно только объясненіе одного изъ пороковъ, Содомскаго грѣха, потому что здѣсь сказалось вліяніе невѣрной основной точки зрѣнія. Фогтъ утверждаетъ, что этотъ порокъ сдѣлался „нравственной чумой" и что онъ „пробрался въ новый міръ вмѣстѣ съ греческими миѳами и римскими поэтами[2])". На самомъ дѣлѣ древность была неповинна въ этомъ печальномъ явленіи. Самъ Фогтъ приводитъ цѣнное указаніе, что порокъ былъ преимущественно распространенъ среди нищенствующихъ монаховъ[3]), которые не имѣли ничего общаго съ древностью. Кромѣ того, содомія вовсе не есть характерное явленіе XV вѣка: она господствовала и въ XIV столѣтіи, какъ это доказываютъ Epistolae sine titulo Петрарки и въ особенности необыкновенно характерный эпизодъ, разсказанный Рамбальди[4], и, судя по всему, особенно гнѣз-

---

[1]) II p. 371—374.

[2]) Ibid. p. 471. Гермафродитъ Беккаделли былъ, по словамъ Фогта erste erschreckende Frucht des Glaubens an die Unfehlbarkeit der Alten. I. p. 481.

[3]) II p. 472, пр. 1.

[4]) См. выше p. 729 пр. 7.

дилась въ монастыряхъ и вообще среди духовенства. Гуманисты не были свободны отъ этого порока, но не потому что знали греческіе миѳы и читали латинскихъ авторовъ, а потому что онъ былъ весьма распространенъ въ ихъ время. Пресловутое произведеніе Беккаделли не навѣяно древностью и не случайно посвящено Медичи: распутный гуманистъ только пытается поставить подъ авторитетъ древности дѣйствительный порокъ, какъ другіе искали въ ней санкціи для новыхъ здоровыхъ потребностей.

Фогтъ только въ общихъ чертахъ касается отношенія гуманистовъ къ церковной доктринѣ, не останавливаясь на различіяхъ въ отношеніи разныхъ поколѣній къ этому вопросу и на вліяніе этихъ различій на самый ходъ движенія. Гораздо интереснѣе его взглядъ на ихъ отношеніе къ праву. Фогтъ весьма мѣтко характеризуетъ заслуги гуманистовъ для изученія права, ихъ равнодушіе къ юридическимъ занятіямъ и нежеланіе даже гуманистически настроенныхъ юристовъ поставить свою науку на новую почву[1]), но не даетъ удовлетворительнаго объясненія этого факта, который съ его точки зрѣнія совершенно непонятенъ. На самомъ дѣлѣ, если гуманисты увлекались преимущественно римской литературой, если они пытались возстановить римскую древность, то какимъ образомъ могли они игнорировать самое великое произведеніе римской культуры? Фогтъ пытается все свести на практическое соперничество новыхъ ученыхъ съ юристами[2]); но почему, во-первыхъ, гуманисты не изучали права съ цѣлью вытѣснить своихъ соперниковъ и провести его въ жизнь? Мы думаемъ, что отвѣтъ на это заключается во взглядахъ гуманистовъ на законъ, которые очень характерно выражены въ разсмотрѣнномъ нами діалогѣ Поджіо[3]), а эти взгляды и связанное съ ними равнодушно-презрительное отношеніе къ праву находятъ объясненіе только при иномъ пониманіи Возрожденія, чѣмъ у Фогта.

Краткія замѣчанія Фогта объ отношеніи гуманистовъ къ естественнымъ наукамъ[4]) въ общемъ подтверждаются источниками, хотя произведенія Альберти и трактаты П. К. Дечембріо должны смягчить абсолютный характеръ его приговора о полномъ равнодушіи дѣятелей Возрожденія къ этой области знанія. Съ другой стороны тотъ же Дечембріо препятствуетъ вполнѣ признать гуманистовъ „апостолами просвѣщенія“ въ вопросахъ о средневѣковыхъ астрологическихъ и имъ подобныхъ предразсудкахъ. Обзоръ исторіографическихъ произ-

---

[1]) II p. 491 и 484—85.
[2]) Ibid. p. 482—83.
[3]) См. выше p. 860.
[4]) II p. 491—94.

веденій гуманистовъ, которыя Фогтъ называетъ „самыми вкусными плодами гуманистической работы“, снова ставитъ автора въ противорѣчіе съ его основнымъ взглядомъ на Возрожденіе. Онъ отмѣчаетъ появленіе исторической критики, сочиненій по средневѣковой и современной исторіи и особенную любовь къ біографіямъ [1]). Является вопросъ, какъ примирить эти факты съ слѣпымъ преклоненіемъ передъ древностью и съ исключительнымъ интересомъ къ древнему міру? Историческую критику Фогтъ пытается вывести изъ ознакомленія съ древнимъ міромъ, которое наталкивало на сравненіе съ современностью. Но онъ самъ же отмѣчаетъ и хорошее знаніе древности у нѣкоторыхъ средневѣковыхъ писателей, какъ Іоаннъ Салисберійскій, Ратерій Веронскій и др., и критическое отношеніе уже у Петрарки не къ современности только, но и къ древнимъ писателямъ [2]). Откуда же этотъ критицизмъ при самомъ началѣ движенія? Причины изученія средневѣковой исторіи Фогтъ оставляетъ безъ объясненія, а интересъ къ біографіямъ сводитъ къ индивидуализму, такъ какъ съ его точки зрѣнія онъ не находитъ объясненія [3]). Что касается до политическихъ трактатовъ гуманистовъ, съ несомнѣнной ясностью свидѣтельствующихъ о ихъ глубокомъ интересѣ къ дѣйствительности, то Фогтъ обходитъ ихъ полнымъ молчаніемъ.

Отчасти въ связи съ отношеніемъ Фогта къ гуманистической литературѣ находится преувеличеніе имъ роли Флоренціи въ исторіи гуманистическаго движенія. „Концентрація, какъ бы изображеніемъ которой является индивидуальность Петрарки, говоритъ Фогтъ, находится теперь (послѣ его смерти) въ тосканскомъ племени или, точнѣе говоря, въ его столицѣ, во Флоренціи, которая посвящена духомъ Петрарки въ обитель музъ, собираетъ въ себѣ его лучшихъ учениковъ и такимъ образомъ основываетъ прочное мѣстопребываніе для гуманизма. Нельзя отрицать, что отъ этой республики новая республика наукъ главнымъ образомъ получила свою форму и характеръ“ [4]). Это утвержденіе, отразившееся на дальнѣйшемъ изложеніи Фогта и повторенное позднѣйшими изслѣдователями, не находитъ фактическаго подтвержденія. Фогтъ объясняетъ это мнимое первенство Флоренціи ея „республиканскимъ духомъ“ и купеческою знатью. Но изъ его собственнаго изложенія видно, что гуманизмъ весьма быстро развивался и въ монархіяхъ, а Вилла Альберти ак. Веселовскаго и

---

[1]) Ibid. p. 494—508.
[2]) Ibid. p. 502. Ср. I p. 4 и слѣд.
[3]) Ibid. p. 507. Въ старомъ изданіи о біографіяхъ не говорится.
[4]) Ibid. I p, 161. Ср. p. 289—90.

вообще исторія ранняго гуманизма во Флоренціи показываетъ, что флорентійская знать сравнительно поздно примкнула къ гуманистическому движенію[1]). Съ другой стороны не слѣдуетъ забывать, что Петрарка ничѣмъ не обязанъ Флоренціи за свое развитіе, что изъ Боккаччіо въ Неаполѣ выработался гуманистъ, что ранніе флорентійскіе гуманисты, Дзаноби и Нелли, о которыхъ, впрочемъ, мы знаемъ очень мало, жили и дѣйствовали за предѣлами родины[2]). По словамъ Фогта, во Флоренціи были лучшіе ученики Петрарки, при этомъ онъ имѣетъ въ виду, кромѣ Боккачіо, Салютати и Мальпагини. Но о Мальпагини, какъ гуманистѣ, ничего неизвѣстно; а о направленіи Салютати Фогтъ весьма неудачно догадывается по неизвѣстнымъ ему трактатамъ[3]). Настоящіе гуманисты появляются во Флоренціи только въ концѣ XIV столѣтія и принадлежатъ къ третьей гуманистической генераціи. Это Никколи, Бруни и Поджіо; но два послѣдніе — не флорентійцы, при чемъ Поджіо съ 20-лѣтняго возраста жилъ внѣ Флоренціи и лучшіе годы Бруни прошли при папской куріи. Единственнымъ и самымъ сильнымъ доказательствомъ въ пользу мнѣнія Фогта могутъ служить весьма авторитетныя свидѣтельства Бруни, на которыя, впрочемъ, онъ не ссылается. Въ діалогѣ къ Верджеріо и въ одной похоронной рѣчи Бруни прямо заявляетъ, что во Флоренціи родина гуманизма[4]); но не слѣдуетъ забывать, что это показанія флорентійскаго патріота. Другіе современники говорятъ иное. Рамбальди, напр., называетъ матерью наукъ Болонью[5]), но особенную цѣну имѣютъ для насъ свидѣтельства гуманиста 2-го поколѣнія Конвертино, который, будучи обиженъ государемъ и живя въ республикѣ, заявляетъ тѣмъ не менѣе, что въ монархіяхъ, а не въ республикахъ особенно развивалась и процвѣтала новая наука[6]).

Но несмотря на традиціонный взглядъ Фогта на сущность ранняго гуманизма, несмотря на проистекающіе отсюда главнымъ образомъ недостатки въ характеристикахъ гуманистовъ, въ оцѣнкѣ ихъ литературной дѣятельности и въ изложеніи общаго хода движенія, его сочиненіе — необходимая настольная книга при изученіи Возрожденія. Такое же значеніе имѣетъ почти одновременно вышедшая

---

[1]) См. выше p. 780, 865, 875.
[2]) См. выше p. 589 и 782.
[3]) II p. 475 и слѣд. Ср. выше p. 818—819.
[4]) См. выше p. 630 и 658.
[5]) Ibid. p. 729.
[6]) См. p. 943 и прил. V. A.

книга Буркгардта „*Культура Возрожденія въ Италіи*[1])“, одно изъ самыхъ блестящихъ произведеній западно-европейской исторіографіи.

Буркгардтъ не даетъ исторіи гуманистическаго движенія; въ его книгѣ нѣтъ изображенія историческаго процесса вообще, хотя ея содержаніе захватываетъ болѣе трехъ столѣтій. Это — широкая картина итальянской культуры, при чемъ авторъ далеко не во всѣхъ частяхъ заботится объ исторической перспективѣ. Одинъ изъ новѣйшихъ критиковъ Буркгардта, Альфредъ Бодрильяръ, находя заглавіе книги неточнымъ, думаетъ, что ее слѣдовало бы озаглавить „*Состояніе Италіи и итальянскаго духа отъ XIV до XVI столѣтія*“[2]). Такое заглавіе, дѣйствительно, точнѣе формулируетъ содержаніе книги, но оно стушевываетъ основную мысль автора, который имѣетъ въ виду изобразить именно культуру Ренесанса. Мы не находимъ въ книгѣ опредѣленія точно формулированнаго взгляда автора на это движеніе, но единственная идея, объединяющая всѣ отдѣльныя части его общей культурной картины, — индивидуализмъ и его проявленія. Культура Ренесанса, по Буркгардту, индивидуалистическая культура. Въ проведеніи этого взгляда на Возрожденіе заключается главная и огромная заслуга автора. Въ 1886 году Бодрильяръ писалъ: „теперь стало банальной истиной, что Ренесансъ есть нѣчто иное и нѣчто большее, чѣмъ Возрожденіе древности“[3]); но критикъ забываетъ, что только появленіе книги Буркгардта сдѣлало эту истину общераспространенной, хотя и не общепринятой.

Гуманистическая литература вполнѣ подтверждаетъ взглядъ Буркгардта, что Возрожденіе — проявленіе индивидуализма; но авторъ идетъ дальше и считаетъ всякое проявленіе индивидуализма Возрожденіемъ. Если не придавать термину „Ренесансъ“ его обычнаго техническаго значенія, то со взглядомъ Буркгардта можно согласиться: индивидуализмъ характерная черта начала новой эпохи; онъ проявляется во всѣхъ сферахъ общественной и индивидуальной жизни и его начала заходятъ далеко въ средніе вѣка. Въ извѣстномъ смыслѣ

---

[1]) *Burckhardt Jacob, Die Cultur der Renaissance in Italien. Ein Versuch.* Я пользуюсь вторымъ и четвертымъ изданіемъ (Leipzig 1869 и 1885), изъ которыхъ послѣднее besorgt von L. Geiger. Но обработка Гейгера сводится къ незначительнымъ измѣненіямъ въ текстѣ и къ добавленію библіографическихъ указаній. Цитаты по изданію 1885. Русскій переводъ: *Я Буркхардтъ Культура Италіи въ эпоху Возрожденія. С.-Петербургъ 1876* сдѣланъ съ втораго изданія.

[2]) *Alfr. Baudrillart, La civilisation en Italie au temps de la Renaisance.* (Въ Rev. des quest. hist. 1886 XL. p. 199.)

[3]) L. c.

все это „Возрожденіе человѣческаго разума". Но тогда гуманистами придется признать и Фридриха II, и Эццелино да Романо, и трубадуровъ, и голіардовъ, и Саванароллу и „братчиковъ" и даже Лютера. Гуманистическое движеніе утрачиваетъ при такомъ воззрѣніи всякіе хронологическіе предѣлы и почти всѣ специфическіе признаки. Такой неопредѣленностью страдаетъ и книга Буркгардта, вслѣдствіе чего далеко не все, что онъ называетъ культурою Ренесанса, можетъ войти въ исторію гуманистическаго движенія.

Культурная картина Буркгардта распадается на 6 отдѣльныхъ частей, и первую изъ нихъ составляетъ изображеніе государства, какъ „произведенія искусства". Здѣсь авторъ старается сохранить историческую перспективу, отмѣчая особенности тиранніи XV столѣтія отъ предшествующей; но исторіи постепенной выработки такого государства въ книгѣ мы не находимъ. Буркгардтъ не касается политическихъ воззрѣній гуманистовъ и не выясняетъ ихъ мѣста и роли въ современной политической исторіи Италіи. Поэтому первая глава его книги является только введеніемъ въ исторію Возрожденія, характеристикой среды, въ которой приходилось развиваться и дѣйствовать гуманистамъ. Это этюдъ изъ политической исторіи Италіи въ эпоху Возрожденія, но не глава изъ исторіи гуманизма. Иное значеніе имѣетъ второй отдѣлъ книги — „*Развитіе индивидуализма*". Съ точки зрѣнія Буркгардта, въ этомъ заключается сущность движенія; тѣмъ не менѣе вторая часть далеко не изъ лучшихъ въ книгѣ. Авторъ отмѣчаетъ только стремленіе къ разносторонности, культъ славы и сатирическое направленіе гуманистовъ. Все это безспорныя черты гуманизма, но изображенія развитія нѣтъ и картина носитъ характеръ эскиза. Важнѣе взглядъ Буркгардта на взаимное отношеніе политическаго строя и развитія личности въ Италіи. По его мнѣнію, въ характерѣ тогдашняго государства „лежитъ, хотя не единственная, но самая могучая причина ранняго развитія итальянца въ новаго человѣка" [1]). Въ книгѣ нельзя найти доказательствъ, что именно политическія условія вызвали индивидуализмъ, а не наоборотъ, что не развившійся индивидуализмъ разрушилъ средневѣковыя политическія формы. Но этотъ историко-философскій вопросъ заходитъ за хронологическіе предѣлы исторіи гуманизма. Для насъ важно отмѣтить, что Буркгардтъ первый выдвинулъ вопросъ о вліяніи политическихъ переворотовъ на развитіе гуманизма и подчеркнулъ родство между обоими движеніями.

---

[1]) I p. 143.

Но особенный интересъ для исторіи гуманистическаго движенія представляетъ третій отдѣлъ книги Буркгардта — Die Wiedererweckung des Alterthums. Въ коротенькомъ введеніи къ этой части книги авторъ высказываетъ такой взглядъ на роль древности въ исторіи Возрожденія, который радикально расходится съ обычнымъ представленіемъ о движеніи. По его мнѣнію, не древность создала гуманизмъ и большая часть духовныхъ теченій эпохи мыслимо и безъ ея вліянія. Но Буркгардтъ не отрицаетъ этого вліянія, только не приписываетъ ему исключительнаго значенія. „Какъ на главномъ положеніи нашей книги, говоритъ онъ, мы должны настаивать на томъ, что не одинъ античный міръ, а его тѣсный союзъ съ итальянскимъ народнымъ духомъ побѣдилъ западъ". Изъ этого соединенія „возникаетъ новая духовная среда (Medium), которая, распространяясь изъ Италіи, становится жизненной атмосферой всѣхъ болѣе высокообразованныхъ европейцевъ"[1]). Въ другомъ мѣстѣ авторъ нѣсколько ближе опредѣляетъ значеніе древности въ движеніи. По его словамъ, прежде всего развивается индивидуализмъ, результатомъ котораго является „усердное и многостороннее изученіе индивидуальнаго". „Между обоими великими явленіями, говоритъ онъ, слѣдуетъ помѣстить вліяніе античной литературы, потому что способъ познаванія и изображенія индивидуальнаго и общечеловѣческаго существенно окрашивается и опредѣляется этою средой (Medium). Но сила познаванія лежала во времени и въ націи"[2]). Другими словами, предшествующимъ моментомъ въ исторіи гуманизма является развитіе личности, послѣдующимъ интересъ къ древности и только потомъ изученіе міра и человѣка. Къ сожалѣнію, эта мысль, требующая для своего подтвержденія детальнаго изученія источниковъ въ хронологическомъ порядкѣ, остается афоризмомъ въ книгѣ Буркгардта. На самый существенный вопросъ, почему развившаяся личность прежде всего и съ огромнымъ интересомъ обратилась къ изученію древности, авторъ отвѣчаетъ весьма неопредѣленнымъ указаніемъ на развитіе городской жизни и на естественность возвращенія къ идеалу римскаго всемірнаго владычества при паденіи папства и имперіи[3]). Источники не допускаютъ такой гипотезы, точно также не уполномочиваютъ они утверждать, что античная литература „опредѣляетъ и окрашиваетъ" гуманистическую философію и науку. Но отношеніе Буркгардта къ гуманистической литературѣ одно изъ наиболѣе слабыхъ мѣстъ его

---

[1]) Ibid. p. 195 и 196.
[2]) Ibid. II p. 25—26.
[3]) Ibid. I p. 199.

книги. Всѣ произведенія гуманистовъ кажутся автору воспроизведеніемъ древности[1]); при чемъ наиболѣе важныя изъ нихъ, сочиненія этико-философскаго содержанія, сознательно обходятся молчаніемъ[2]). Если принять во вниманіе, что Буркгардтъ вездѣ, гдѣ считаетъ возможнымъ, ограничиваетъ вліяніе древности[3]), то единственное объясненіе такого отношенія къ гуманистической литературѣ приходится искать въ сравнительно маломъ интересѣ къ ея содержанію.

Четвертый отдѣлъ книги *„Открытіе міра и человѣка“* представляетъ собою иллюстрацію цитированнаго выше взгляда на Возрожденіе Мишле[4]). Буркгардтъ даетъ рядъ иллюстрацій отношенія гуманистовъ къ природѣ, ихъ пониманія красоты пейзажа, интереса къ человѣку и умѣнья изображать его внутренній міръ въ поэзіи и въ біографіяхъ, а также ихъ описаній національныхъ особенностей различныхъ народовъ и изображенія жизни вообще. Это рядъ картинъ, которыя не могутъ претендовать на полноту, потому что захватываютъ слишкомъ много времени, и въ которыхъ по большей части совершенно отсутствуетъ историческая перспектива. Такимъ же характеромъ отличается пятый отдѣлъ, озаглавленный *„Общественность и праздники“*. Неизбѣжный недостатокъ метода Буркгардта, который заразъ характеризуетъ цѣлыхъ три столѣтія, чувствуется здѣсь особенно сильно. Авторъ часто изображаетъ жизнь XVI столѣтія, чтобы иллюстрировать все движеніе[5]), и читатель остается въ недоумѣніи, гдѣ послѣдствія Ренесанса, гдѣ его причины. Такъ, первая глава этого отдѣла *„Уравненіе сословій“* — превосходная иллюстрація этого вопроса фактами, взятыми изъ времени отъ XII до XVI столѣтія; а въ концѣ предыдущаго отдѣла мы читаемъ: „несомнѣнно, этому (утратѣ значенія происхожденія въ сословныхъ отношеніяхъ) много содѣйствовалъ тотъ фактъ, что тогда впервые совершенно познали людей и человѣчество въ его болѣе глубокомъ значеніи. Уже одинъ этотъ результатъ Возрожденія долженъ вызвать въ насъ вѣчную благодарность“[6]). Борьба гуманистовъ противъ сословныхъ различій — вѣрно подмѣченная характернѣйшая черта новаго движенія, но чѣмъ она вызвана и какое вліяніе имѣла она на жизнь? Было ли это простое отраженіе жизни въ литературѣ или это факторъ процесса, или теоретическое его оправданіе? На всѣ эти вопросы нѣтъ

---

[1]) Ibid. p. 271.
[2]) Ibid. p. 278.
[3]) Ibid. I p. 58—61, II p. 23 и passim.
[4]) Ibid. II p. 25. См. выше p. 1021.
[5]) См. напр., главы 4 и 5 этого отдѣла и passim.
[6]) Ibid. p. 62.

опредѣленнаго отвѣта въ книгѣ Буркгардта, и глубокая мысль страдаетъ неопредѣленностью и остается лишенной научнаго обоснованія.

Послѣдній отдѣлъ, посвященный нравственности и религіи, одна изъ наиболѣе важныхъ частей книги Буркгардта: здѣсь авторъ не только иллюстрируетъ историческія явленія, но изслѣдуетъ ихъ причины. Констатируя глубокій нравственный упадокъ Италіи, онъ объясняетъ его крайнимъ развитіемъ индивидуализма и развращающимъ вліяніемъ тиранніи. Законы, изданные тираннами и исполняемые ихъ отверженными слугами, внушали презрѣніе; побѣдоносному эгоизму похитителей власти противопоставляли ни передъ чѣмъ не останавливающуюся самозащиту, при чемъ всякія объективныя нормы морали утрачиваютъ цѣну и значеніе въ глазахъ индивидуума, признающаго полный суверенитетъ своей личности[1]). Изъ этихъ двухъ причинъ нравственнаго упадка Буркгардтъ, повидимому, придаетъ бо́льшее значеніе второй. По крайней мѣрѣ, по его словамъ, индивидуальное развитіе новаго итальянца „не его вина"; оно совершилось въ силу исторической необходимости (durch einen weltgeschichtlichen Rathschluss) и потомъ распространилось за Альпами: „само по себѣ оно не хорошо и не худо, но необходимо; въ его предѣлахъ развивается новое благо и зло"[2]). Слѣдовательно, главная причина моральнаго упадка въ Италіи въ эпоху Возрожденія, по Буркгардту, заключается въ тиранніяхъ. Но если бы это было такъ, то замѣчалась бы какая-нибудь разница въ нравственномъ состояніи легитимныхъ государствъ, какъ Венеція, Неаполь, Флоренція до Медичи, и тиранній, какъ Миланъ, Падуя и т. д. Ничего подобнаго не замѣчается въ дѣйствительности. Несомнѣнно, что тиранны развращали населеніе, но не въ нихъ заключалась главная причина моральнаго упадка.

Буркгардтъ не придаетъ большаго значенія антиморальному вліянію античной литературы, хотя допускаетъ, что послѣ ознакомленія съ древностью „мѣсто христіанскаго идеала жизни, мѣсто святости, заступилъ идеалъ историческаго величія" и что потомъ по недоразумѣнію стали „считать безразличными пороки, которые не помѣшали великимъ людямъ сдѣлаться великими"[3]). Гораздо большую роль при-

[1]) Мысль Буркгардта выражена не вполнѣ ясно. Wir sind, говоритъ онъ отъ имени итальянцевъ, vorzugsweise individuell entwickelt; *die Race* hat uns aus den Schranken ihrer Sitte und Religion entlassen, und die äuseren Gesetze verachten wir, weil unsere Herrscher illegitim und ihre Beamte und Richter verworfene Menschen sind". II p. 175. Въ заключительномъ очеркѣ (p. 198) эта мысль формулирована болѣе опредѣленно.

[2]) Ibid. p. 199.

[3]) Ibid. p. 178. Въ заключительномъ обзорѣ главы о вліяніи древности, какъ о причинѣ моральнаго упадка, не говорится (p. 198).

писываетъ онъ „фантазіи“, весьма сильно развитой у итальянцевъ[1]) и совершенно разнузданной индивидуализмомъ. Но авторъ совершенно игнорируетъ моральные идеалы гуманистовъ, ихъ попытки съ помощію древности выработать этическое ученіе, которое соотвѣтствовало бы новымъ потребностямъ и которое можно было бы противопоставить церковной аскетической доктринѣ. Крушеніе этихъ попытокъ, составляющихъ главное содержаніе гуманистическихъ трактатовъ, не могло не оказать извѣстнаго вліянія на практическую нравственность. Но слабый интересъ Буркгардта къ гуманистической литературѣ повлекъ за собою не только игнорированье важнаго фактора въ исторіи морали, но и существенный промахъ въ ея изложеніи. Авторъ придаетъ важное значеніе чувству чести въ гуманистической морали, аргументируя свою мысль цитатами изъ Гвиччардини и Раблэ[2]), но въ этическихъ трактатахъ раннихъ гуманистовъ этотъ стимулъ не играетъ никакой роли. Ясно, что взгляды XVI столѣтія результатъ процесса, только одинъ изъ фазисовъ развитія гуманистической морали.

Смѣшеніе эпохъ и недостаточно ясное различеніе различныхъ одновременныхъ теченій помѣшали Буркгардту дать ясную картину религіознаго движенія въ Италіи за это время. Онъ глубоко и мѣтко указываетъ коренной источникъ религіознаго упадка въ состояніи церкви, которая стояла въ противорѣчіи съ собственнымъ ученіемъ. „Не всякій народъ, говоритъ онъ, настолько спокоенъ и нечувствителенъ (stumpfsinnig), чтобы вынести продолжительное противорѣчіе между принципомъ и его внѣшнимъ выраженіемъ“[3]). Но способы, какими итальянцы пытались выйти изъ этого положенія, изложены крайне неопредѣленно. Отношеніе къ церкви высшихъ и среднихъ классовъ итальянскаго общества въ эпоху наивысшаго развитія Ренесанса опредѣлялось, по словамъ Буркгардта, „глубокимъ и презрительнымъ недовольствомъ“, „приспособленіемъ“ къ могущественной іерархіи и „чувствомъ зависимости“ отъ таинствъ и обрядовъ[4]). Но въ итальянскомъ обществѣ были различныя теченія, и остается неяснымъ, на какое изъ нихъ вліялъ тотъ или другой стимулъ? Правда, Буркгардтъ посвящаетъ особую главу отношенію къ религіи настоящихъ выразителей духа Ренесанса (Die Religion und der Geist der Renaissance) и высказываетъ замѣчательно глубокія мысли по этому поводу. Гуманисты по рожденію религіозные люди, но могучій инди-

---

[1]) Ibid. p. 178, 183, 190.
[2]) Ibid. p. 176, 177.
[3]) Ibid. p. 200.
[4]) Ibid. p. 201.

видуализмъ сдѣлалъ ихъ совершенно субъективными и въ религіи, а „открытіе внѣшняго и духовнаго міра“ — свѣтскими. Кромѣ того, близкое соприкосновеніе съ Византійцами и магометанами развили въ нихъ религіозную терпимость, изученіе античной литературы — скептицизмъ, безграничное размышленіе о свободѣ и необходимости и кажущееся торжество зла въ политической сферѣ — фатализмъ; наконецъ, въ нихъ обнаруживается „частое свойство юношескихъ натуръ; они рѣзко различаютъ добро отъ зла, но не знаютъ грѣха“ [1]). Но всѣ эти вліянія, несомнѣнныя и спорныя, дѣйствовавшія вмѣстѣ и въ разное время, соединены въ одну картину и иллюстрированы источниками изъ разныхъ эпохъ. Такъ субъективизмъ гуманистовъ и совершенно свѣтскій характеръ ихъ воззрѣній оставлены безъ иллюстраціи, терпимость иллюстрирована извѣстной новеллой Боккаччіо, которая совсѣмъ не имѣетъ такого смысла [2]), скептицизмъ воззрѣніями Кодра Урцеуса etc. Послѣдняя глава отдѣла, гдѣ авторъ констатируетъ потрясеніе вѣры вообще и первое появленіе деизма, относится только къ позднѣйшимъ періодамъ движенія. Совершенно естественно, что въ концѣ концовъ получается картина, до такой степени лишенная исторической перспективы, что производитъ смутное впечатлѣніе. Но всѣ эти недостатки, связанные отчасти съ методомъ автора, отчасти съ отсутствіемъ монографическихъ работъ по эпохѣ, не уничтожаютъ огромнаго значенія книги Буркгардта въ исторіографіи Возрожденія. Широкій общій взглядъ на движеніе, масса отдѣльныхъ замѣчаній поразительной глубины и тонкости, блестящія иллюстраціи разныхъ сторонъ Возрожденія дѣлаютъ изъ культурной картины Буркгардта замѣчательное историческое произведеніе.

III.

Исторіографія Возрожденія послѣ Фогта и Буркгардта. — Ихъ вліяніе на общую исторіографію. — Сэймондсъ и его отношеніе къ предшественникамъ. — Герцони и его взглядъ на Возрожденіе. — Яничекъ и его попытка дѣленія гуманистовъ на партіи. — Характеръ книги Жебара. — Гейгеръ и Кёртингъ. — Сочиненія по отдѣльнымъ вопросамъ исторіи гуманизма. — Общій характеръ новѣйшей исторіографіи Возрожденія.

Книги Фогта и Буркгардта превосходно дополняютъ другъ друга: то, что составляетъ слабую сторону книги перваго, является самой важной заслугой второго, и наоборотъ. Фогтъ слишкомъ узко и односторонне смотритъ на гуманизмъ, но даетъ обстоятельное и систематическое изложеніе его внѣшней исторіи; Буркгардтъ глубоко пони-

---

[1]) Ibid. p. 235—36.

[2]) См. выше p. 503.

маетъ движеніе, но изображаетъ различные его фазисы, какъ нѣчто цѣлое и законченное. Оба писателя вмѣстѣ даютъ возможность и глубже понять Возрожденіе, и правильнѣе изложить его исторію, что не замедлило отразиться самымъ благопріятнымъ образомъ на отношеніи къ этой эпохѣ въ сочиненіяхъ по всѣмъ отдѣламъ исторической науки. Къ Фогту и Буркгардту примыкаютъ и новѣйшіе составители обзоровъ событій всемірной исторіи, какъ Веберъ, историки церкви и папства, какъ Пасторъ и Крейтонъ, историки культуры, какъ Генне-ам-Римъ, философіи и ея отдѣловъ, какъ Виндельбандъ и Циглеръ, — искусства, какъ Шнаазе и Мюнтцъ, — исторіографіи, какъ Вегеле, — педагогики, какъ Шмидтъ, — школы, какъ Паульсенъ, и даже народнаго хозяйства, какъ Пёльманъ[1]). Совершенно естественно, что большинство позднѣйшихъ историковъ Ренесанса положительно или отрицательно также примыкаетъ къ Фогту и Буркгардту, которые до настоящаго времени продолжаютъ занимать первое мѣсто въ исторіографіи Возрожденія.

До второй половины семидесятыхъ годовъ не появлялось ни одной крупной работы по исторіи итальянскаго гуманизма[2]), и первымъ непосредственнымъ продолжателемъ Фогта и Буркгардта можетъ быть названъ Сэймондсъ. Сэймондсъ написалъ о Возрожденіи пять большихъ томовъ, изъ которыхъ три послѣдніе, посвященные искусству и итальянской литературѣ, стоятъ внѣ нашей задачи[3]). Спеціально о гуманистическомъ движеніи Сэймондсъ трактуетъ отчасти въ первомъ томѣ (The age of the despots) и главнымъ образомъ во второмъ

---

[1]) См. выше, p. 20, 27, 33, 52, 75, 85, 89, 92, 100, 114, 119, 122.

[2]) Въ 1870 году была напечатана рѣчь акад. Веселовскаго передъ защитой диссертаціи (*Взглядъ на эпоху Возрожденія въ Италіи.* Моск. Универс. Извѣст. 1870 № 4, p. 285 и слѣд.). Съ воззрѣніями автора мы познакомились выше (p. 870 и слѣд.); въ рѣчи акад. Веселовскій слѣдитъ за остатками классической традиціи въ средніе вѣка и высказываетъ между прочимъ слѣдующій взглядъ на Возрожденіе, съ которымъ, по нашему мнѣнію, никоимъ образомъ, нельзя согласиться. „Сравнивать итальянское Ренесансъ съ германскимъ или французскимъ, дѣлая наведеніе отъ одного къ другому, положительно немыслимо, говоритъ авторъ. На сѣверѣ и за Альпами ученые Renaissance являлись проводниками болѣе широкихъ человѣчныхъ идей, выросшихъ внѣ національной почвы... тамъ мы на сторонѣ Рейхлина, Вимпфелинга и Гуттена противъ темныхъ людей и ихъ сверстниковъ; люди Renaissance пишутъ и дѣйствуютъ тамъ во имя свободы въ религіи и политикѣ. Въ Италіи ученые возрожденія хотятъ насильно вернуть къ его истокамъ неудержимый потокъ исторіи; относительно Италіи они не проповѣдуютъ ничего новаго, но лишь старое, пережитое“ (p. 294—295).

[3]) Объ отношеніи Сэймондса къ итальянскимъ произведеніямъ Петрарки и Боккаччіо см. выше, p. 403, 497, 506, 550, 551.

(The revival of learning) „Эпоха деспотовъ“ представляетъ собою очеркъ политической исторіи Италіи, преимущественно во вторую половину XV вѣка. Это расширеніе перваго отдѣла книги Фогта, простое изложеніе историческихъ событій, которое прерывается отдѣльными главами, дающими характеристику или всего движенія, или отдѣльныхъ его сторонъ. Сочиненіе начинается выясненіемъ общаго характера Возрожденія (The spirit of the Renaissance). Сэймондсъ понимаетъ Ренесансъ очень широко. По его мнѣнію, это процессъ духовнаго развитія человѣчества, продолженіе котораго составляетъ Реформація, Революція и вся современная исторія[1]). Его сущность — „эмансипація разума“[2]); но авторъ понимаетъ эту эмансипацію въ самомъ широкомъ смыслѣ. „Исторія Возрожденія, говоритъ онъ, не есть исторія искусствъ или наукъ, или литературы, или даже націй. Это исторія достиженія сознательной свободы человѣческимъ разумомъ, проявившимся въ европейскихъ расахъ“[3]). Ренесансъ обозначаетъ возрожденіе человѣческаго духа, „вновь получающаго сознаніе и силу сомоопредѣленія, вновь познающаго красоту внѣшняго міра и тѣла посредствомъ искусства, освобождающаго разумъ въ наукѣ и совѣсть въ религіи, реставрирующаго духовную культуру и установляющаго принципъ политической свободы[4])“. Спеціально Италіи принадлежитъ начало этой хронологически неопредѣленной эпохи, которое характеризуется, какъ у Буркгардта, формулами Мишле „открытіе міра и человѣка“. „Подъ этими двумя формулами, — говоритъ Сэймондсъ, — можно классифицировать всѣ явленія, относящіяся собственно къ этому періоду“[5]). Открытіе міра понимается въ двухъ смыслахъ: въ смыслѣ географическихъ открытій и естественно научныхъ изслѣдованій. Человѣка открыла наука. „Научныя занятія (scholarship), говоритъ Сэймондсъ, открыли людямъ богатство ихъ собственнаго духа, достоинство человѣческой мысли, цѣну спекулятивнаго мышленія, важность человѣческой жизни, разсматриваемой независимо отъ религіозныхъ правилъ и догматовъ[6])“. Объектами этой благотворной науки является древность въ Италіи и Библія за ея предѣлами.

Сэймондсъ не считаетъ древность причиною Возрожденія. „Причина, почему Италія получила первенство въ Ренесансѣ“, говоритъ онъ, „заключалась въ томъ, что она обладала языкомъ, благопріят-

---

[1]) The age of the despots. p. 1—2, 27—33.
[2]) Ibid. p. 6.
[3]) Ibid. p. 4.
[4]) Ibid. p. 30.
[5]) Ibid. p. 16.
[6]) Ibid. p. 21.

нымъ климатомъ (sic), политической свободой и экономическимъ благосостояніемъ, тогда какъ другіе народы находились въ полуварварскомъ состояніи[1])". Тѣмъ не менѣе та благотворная наука, которая открыла человѣка, въ Италіи сводится къ слѣпому (по крайней мѣрѣ, сначала) увлеченію древностью. По словамъ Сэймондса, въ исторіи научныхъ занятій итальянскихъ гуманистовъ было три стадіи: „первая — эпоха страстнаго желанія (the age of passionate desire)", сюда принадлежатъ Петрарка и Боккаччіо; вторая стадія — „вѣкъ пріобрѣтенія и библіотекъ", „эпоха некритическаго и неразборчиваго энтузіазма"; — это время Николая V и Козимо Медичи, и третья стадія — „эпоха критиковъ, филологовъ и типографовъ", сюда относятся Фичино, Полиціано и Эразмъ[2]). Итакъ гуманисты первыхъ двухъ поколѣній только пламенно стремились къ средству для открытія человѣка; третья и четвертая генерація, т.-е. Валла, Поджіо, Альберти, только безъ всякой критики преклонялись передъ этимъ средствомъ. Сэймондсъ соединяетъ неопредѣленность Буркгардта безъ его оригинальности и односторонность Фогта безъ его основательности.

Тѣ главы, которыя, прерывая изложеніе политической исторіи, даютъ характеристику какой-нибудь стороны движенія, не представляютъ интереса. Такъ, глава, посвященная флорентійскимъ историкамъ, ничего не прибавляетъ къ ранней работѣ Гервинуса[3]). Изложивши исторію папства съ половины XV вѣка, Сэймондсъ характеризуетъ религію и мораль гуманистовъ[4]). Но все существенное въ содержаніи этой главы заимствовано изъ послѣдняго отдѣла Буркгардта[5]).

Спеціально гуманистическому движенію посвященъ второй томъ книги Сэймондса. Мы видѣли, какое важное значеніе придавалъ авторъ ученымъ занятіямъ гуманистовъ, и по отдѣльнымъ замѣчаніямъ въ этомъ томѣ можно было бы ожидать, что онъ отнесется къ гуманистической литературѣ безъ обычной односторонности. „Сущность гуманизма, — говоритъ Сэймондсъ, — состоитъ въ новомъ и живомъ представленіи о достоинствѣ человѣка, какъ существа разумнаго, независимо отъ теологическихъ опредѣленій, и въ томъ взглядѣ, что въ одной только классической литературѣ человѣческая природа про-

---

[1]) Ibid. p. 6.

[2]) Ibid. p. 22 и 24.

[3]) См. выше, p. 166 и 683—684.

[4]) The church and morality, p. 382 и слѣд.

[5]) См., напр., причины невѣрія, p. 390—392, вліяніе древности на мораль p. 398 и слѣд., значеніе фантазіи, p. 414 и слѣд. и особенно значеніе чести, p. 417—418, гдѣ даже цитаты взяты изъ Буркгардта.

является во всей полнотѣ интеллектуальной и моральной свободы"[1]). Можно думать, что авторъ будетъ искать проявленія этой черты въ гуманистической литературѣ и по этому принципу изложитъ ея развитіе. Въ другомъ мѣстѣ Сэймондсъ отмѣчаетъ соединеніе средневѣкового и античнаго вліянія, какъ характерную особенность эпохи[2]), и мы въ правѣ ожидать, что произведенія гуманистовъ авторъ не считаетъ простою репродукціей древности. Но эти общія воззрѣнія, навѣянныя Буркгардтомъ, не оказываютъ никакого вліянія на изложеніе. Сэймондсъ высказываетъ сожалѣніе, что гуманисты тратили свои силы на ученость и на улучшеніе стиля „вмѣсто того, чтобы сосредоточить ихъ на созданіи національныхъ chef-d'oeuvre'овъ"[3]), и его обзоръ гуманистической литературы въ концѣ книги, захватываетъ болѣе широкую эпоху, чѣмъ соотвѣтствующая глава у Фогта, но значительно уступаетъ ей по обстоятельности. Для литературы ранняго гуманизма онъ не имѣетъ никакого значенія.

Сэймондсъ выбралъ весьма хорошую по существу систему изложенія гуманистическаго движенія. Исходя изъ того предположенія, что хронологически нельзя прослѣдить развитіе гуманизма ни въ одномъ итальянскомъ городѣ и что новое движеніе не имѣло опредѣленной мѣстной окраски, Сэймондсъ предпочитаетъ излагать исторію гуманизма не по школамъ, а по періодамъ[4]). Не смотря на то, что первое предположеніе автора совершенно невѣрно, а второе справедливо только съ значительными ограниченіями, его пріемъ изложенія совершенно правиленъ. Мѣстныя особенности обнаруживаются по большей части сравнительно поздно и во всякомъ случаѣ не мѣняютъ общаго характера движенія, тогда какъ между гуманистами различныхъ поколѣній — огромная разница. Но при современномъ состояніи источниковъ такое изложеніе крайне трудно вообще, а при отношеніи къ гуманистической литературѣ Сэймондса и совсѣмъ не имѣетъ значенія, такъ какъ авторъ вовсе не слѣдитъ за развитіемъ идей. Прежде всего самое основаніе дѣленія на періоды у Сэймондса совершенно произвольно. Три эпохи учености, установленныя имъ въ первомъ томѣ, здѣсь раздѣлены на четыре періода: первый — „эпоха вдохновенія и открытія, когда породился энтузіазмъ къ древности и собирались остатки классиковъ"; второй — „эпоха приведенія ихъ въ порядокъ и перевода; въ этотъ періодъ были основаны первыя большія

---

[1]) The Revival of Learning, p. 71—72.
[2]) Ibid. p. 18.
[3]) Ibid. p. 9.
[4]) Ibid. p. 160.

библіотеки". Это время Коз. Медичи, Николая V, Альфонса Неаполитанскаго; „третій періодъ эпоха академій... Ученая литература (scholarship) начинаетъ обнаруживать замѣтный успѣхъ во всемъ, что касается стиля и вкуса; въ то же самое время итальянская эрудиція достигаетъ максимума въ Полиціано". Четвертый періодъ эпоха упадка, когда „эстетика и стилистика" поглощаютъ все вниманіе гуманистовъ. „Это эпоха пуристовъ"[1]). Въ основѣ этого дѣленія лежитъ старый взглядъ на гуманизмъ, какъ на воспроизведеніе древности, и Сэймондсъ покидаетъ Буркгардта, а вмѣстѣ съ нимъ и его взгляды на Возрожденіе, какъ только приступаетъ къ систематическому изложенію исторіи гуманистическаго движенія. Здѣсь, по отношенію къ занимающей насъ эпохѣ, его руководителемъ становится Фогтъ.

Самая исторія гуманизма въ изложеніи Сэймондса не представляетъ интереса. Наибольшее значеніе имѣла бы характеристика гуманистовъ по періодамъ, хотя бы сообразно съ его собственнымъ дѣленіемъ. Но вмѣсто этого авторъ посвящаетъ первую главу тома общей характеристикѣ „людей Возрожденія" на пространствѣ всего движенія, что лишаетъ ее почти всякаго значенія. Не имѣютъ интереса и біографическія данныя объ отдѣльныхъ гуманистахъ, хотя авторъ понимаетъ всю важность этой стороны своей задачи. „Итальянская исторія Возрожденія, говоритъ онъ, болѣе выражается въ біографіи отдѣльныхъ личностей, чѣмъ въ ихъ народѣ, силы котораго воплощали въ себѣ его умственные деспоты"[2]). Тѣмъ не менѣе характеристики всѣхъ дѣятелей Возрожденія въ занимающую насъ эпоху, за исключеніемъ Петрарки[3]), сдѣланы, въ большинствѣ случаевъ, по первому изданію книги Фогта[4]), отличаются по большей части краткостью и незначительностью и нигдѣ не обнаруживаютъ сомостоятельнаго знакомства съ гуманистической литературой. Въ слѣдъ за Фогтомъ Сэймондсъ преувеличиваетъ значеніе Флоренціи въ гуманистическомъ движеніи и доводитъ это преувеличеніе до огромныхъ размѣровъ. По его мнѣнію, Флоренція была источникомъ и сосредоточіемъ не только гуманизма, но и культуры вообще. Флоренція — итальянскія Аѳины: „вся духовная сила націи зародилась въ Тосканѣ и отсюда, какъ изъ центра жизненной теплоты и свѣта, распространилась по остальнымъ частямъ полуострова". Вмѣсто фактическихъ доказательствъ

---

[1]) Ibid. p. 160—161.

[2]) Ibid. p. 4.

[3]) О Петраркѣ см. выше, p. 396—397.

[4]) Такова, напр. уже характеристика Боккаччіо (см. выше, p. 549), Г. да Барцицца (p. 107) и проч.

этого положенія Сэймондсъ объясняетъ такое значеніе Флоренціи ея климатомъ, расой, чистотой діалекта, отсутствіемъ феодальныхъ учрежденій, политическимъ строемъ и соціальными отношеніями; но сомнительное утвержденіе не приближается къ несомнѣнности отъ такихъ общихъ соображеній. Не смотря на эти недостатки, оба сочиненія Сэймондса не лишены значенія, какъ популярное чтеніе для большой публики. Они захватываютъ бо́льшій періодъ времени, чѣмъ книга Фогта, и ихъ изложеніе менѣе сжато, что дѣлаетъ иногда Буркгардта недостаточно яснымъ; но для научнаго изслѣдованія ранняго гуманизма они даютъ очень немногое.

Во второй половинѣ семидесятыхъ годовъ появилось нѣсколько сочиненій, посвященныхъ эпохѣ гуманизма. Такъ въ 1878 вышла книга Герцони *„Первое Возрожденіе“*, которая имѣетъ цѣлью доказать, что гуманическое движеніе не внесло въ исторію ничего, діаметрально противоположнаго среднимъ вѣкамъ. Прежде всего авторъ недоволенъ самымъ терминомъ — „возрожденіе“, для котораго „всегда будетъ трудно найти правильное приложеніе потому, что фальшиво основное представленіе, изъ котораго онъ происходитъ и которое онъ выражаетъ. Въ исторіи нѣтъ возрожденій, какъ нѣтъ рожденій и смертей“; въ ней, какъ въ природѣ, все „происходитъ посредствомъ непрерывныхъ эволюцій и перемѣнъ, при чемъ никогда не прерывается цѣпь причинъ и слѣдствій“ [1]). Нельзя сказать, чтобы эта аргументація имѣла рѣшающее значеніе: эволюція не препятствуетъ ни рожденіямъ, ни смертямъ, и Возрожденіе нисколько не прерываетъ „цѣпи причинъ и слѣдствій“. Противъ термина можно возражать въ виду его неточности и неопредѣленности, но не это возбуждаетъ недовольство Герцони. Renaissance — французское слово, и совершенно естественно, что его приняли „англичане, нѣмцы, испанцы, цивилизація которыхъ *возродилась* (rinacque) почти одновременно съ французской“; но что его усвоили обладающіе столь старой цивилизаціей итальянцы — въ этомъ авторъ видитъ только „рабство мысли и формы, для котораго нѣтъ ни извиненія, ни объясненія“ [2]). Герцони хочетъ доказать, что въ Италіи, въ XV вѣкѣ, не было никакого возрожденія. „Въ нашихъ глазахъ, говоритъ онъ, цивилизація возродилась въ сердцѣ среднихъ вѣковъ и достигла зрѣлости и законченности (compitezza) въ XIV столѣтіи; въ XVI вѣкѣ она въ нѣкоторыхъ частяхъ развивалась, совершенствовалась, въ дру-

---

[1]) *Guerzoni Giuseppe, Il primo Rinascimento. Saggio. Verona e Padova. 1878*, p. 4 и слѣд.

[2]) Ibid. p. 8—9.

гихъ портилась и распадалась"[1]). Было бы интересно прослѣдить, какіе элементы средневѣковой культуры вошли въ новую; но книга Герцони не можетъ служить руководствомъ въ этомъ отношеніи: по его мнѣнію, средневѣковая цивилизація количественно а не качественно отличается отъ новой. Тогда были свои Локкъ и Кондильякъ — это Росцелинъ, свои Кантъ и Гегель — это Гильомъ де Шампо, свои Декартъ, Спенсеръ и Милль — это Абеляръ[2]). Петрарка, по мнѣнію Герцони, совершенно средневѣковой человѣкъ. Его автобіографія проникнута средневѣковымъ духомъ; его Canzoniere — „провансальская схоластика"[3]); Декамеронъ Боккаччіо и по содержанію, и по духу не выходитъ за предѣлы среднихъ вѣковъ[4]); даже экспериментальный методъ въ наукѣ „предчувствовали" въ средніе вѣка[5]), не говоря уже объ искусствѣ и поэзіи[6]). XV вѣкъ при такой точкѣ зрѣнія представляется чистѣйшимъ регрессомъ. Опираясь на Буркгардта, авторъ отрицаетъ всякое существенное значеніе за изученіемъ древности въ эту эпоху[7]), но признаетъ слѣпое и чисто формальное увлеченіе ею со стороны гуманистовъ. „Если бы гуманисты и философы XV вѣка, говоритъ онъ, предались изученію древности съ свободнымъ и разумнымъ духомъ, уважающимъ традиціи, но ревнивымъ къ собственной оригинальности, какъ предавались этому Данте, Петрарка, Боккаччіо и всѣ средніе вѣка; если бы они въ памятникахъ дѣдовской мудрости искали чего-нибудь большаго голой формы и пустыхъ словъ, то навѣрное возрожденіе такой культуры принесло бы только благодѣтельные плоды"[8]). Но этого не случилось: воскресшій греко-латинскій міръ былъ „пародіей" на древность, къ которой относились съ грубымъ фетишизмомъ"; „поэзія, въ рабствѣ у чужого языка, выродилась въ механическое эхо, въ рабскій плагіатъ, въ наглый грабежъ (in latrocinio sfrontato)"; краснорѣчіе заслуженно возбуждало презрѣніе въ глубинѣ души тѣхъ, которые ему публично апплодировали; „ученость была только парадомъ, служеніе литера-

---

[1]) Ibid. p. 10, ср. 84—85.

[2]) Ibid. p. 34.

[3]) Ibid. p. 73, 74. E strano che il Villari dica che Petrarca combatté la scolastica. Dove? Come?, говоритъ между прочимъ Герцони.

[4]) E non va oltre il medio evo il Decamerone: non per la materia, non per lo spirito, p. 78.

[5]) Esso non è merito del cinquecento. Esso lo pressentì come l'aveva pressentito il medio evo, ma non lo formuló. Ibid. p. 147.

[6]) Ibid. p. 149 и слѣд.

[7]) Ibid. p. 124 и слѣд.

[8]) Ibid. p. 127.

турѣ — постыднымъ орудіемъ лести и брани" и т. д.[1]). Единственное исключеніе представляли, по мнѣнію автора, Полиціано и Дж. Понтано[2]). При такомъ взглядѣ на гуманизмъ, конечно, не можетъ быть и рѣчи о какомъ-нибудь возрожденіи, но характеристика занимающей насъ эпохи у Герцони носитъ фантастическій характеръ.

Въ 1879 году появились четыре лекціи о Возрожденіи *Губ. Яничека,* одно изъ наиболѣе интересныхъ произведеній по эпохѣ гуманизма. Авторъ — историкъ искусства по спеціальности, и главная цѣль его книги указать тѣ стороны общественной жизни, которыя вліяли на воспитаніе художественной фантазіи и на созданіе великихъ произведеній искусства[3]); но онъ понимаетъ свою задачу очень широко и прежде всего ищетъ объясненія художественныхъ памятниковъ въ „духовныхъ направленіяхъ" эпохи, которымъ и посвящена его первая лекція. Яничекъ непосредственно знакомъ съ гуманистической литературой и самостоятельно относится къ своимъ предшественникамъ, хотя его взгляды на движеніе и даже планъ изложенія въ первой лекціи отчасти заимствованы у Фогта и у ак. Веселовскаго. Такъ онъ примыкаетъ къ Фогту во взглядѣ на Петрарку и на его ближайшихъ послѣдователей, которые, и по мнѣнію Яничека, стремились „по мыслямъ и идеямъ, вычитаннымъ изъ произведеній древнихъ, образовать не только индивидуальность, но государство и общество"[4]). Но въ планѣ изложенія онъ не слѣдуетъ за Фогтомъ, а примыкаетъ къ ак. Веселовскому и пытается найти тѣ же двѣ партіи въ XV вѣкѣ, которыя, по мнѣнію его предшественника, существовали въ XIV[5]). Яничекъ различаетъ два направленія среди послѣдователей Петрарки: „Одно подняло знамя исключительнаго паганизма: оно желаетъ радикально жить по античному (sie will radical antikisiren) и забыло при этомъ свой духовный, исходный пунктъ — Данте, Петрарку, Боккаччіо, которые желали сохранить національныя традиціи въ языкѣ, нравахъ и вѣрѣ. Другое направленіе примыкало къ этой великой тріадѣ и стремилось согласить вновь притекающіе образовательные элементы съ идейнымъ содержаніемъ христіанства и съ наличными политическими и соціальными формами". Это направленіе заботится также о народной рѣчи на ряду съ латинской,

---

[1]) Ibid. p. 128; ср. p. 131.

[2]) Ibid. p. 128. Въ подстрочномъ примѣчаніи Герцони прибавляетъ къ нимъ еще Л. Б. Альберти.

[3]) *Janitschek Hubert, Die Gesellschaft der Renaissance in Italien und die Kunst. Vier Vorträge. Stuttgart 1879*, p. IV, 1—2, 22—27.

[4]) Ibid. p. 8.

[5]) Ibid. p. 4.

тогда какъ первое презираетъ родной языкъ. „Исходнымъ пунктомъ и очагомъ обѣихъ партій была Флоренція“ [1]). Выше мы обстоятельно разсмотрѣли мнѣніе ак. Веселовскаго [2]), посмотримъ теперь на чемъ основана классификація его продолжателя.

Прежде всего единственнымъ доказательствомъ существованія радикальной партіи въ XV вѣкѣ является разсмотрѣнная нами инвектива Ринуччини, которая была написана въ концѣ XIV или въ первые годы XV столѣтія [3]); но ея представителями Яничекъ считаетъ не Бруни и Никколи, которыхъ имѣлъ въ виду Ринуччини, а Валлу и Бекаделли, которые, во время появленія инвективы или еще не родились, или были въ дѣтскомъ возрастѣ. Наоборотъ, прежніе язычники Бруни и Никколи у Яничека являются продолжателями „флорентійской тріады“ вмѣстѣ съ Салютати и Л. Б. Альберти. Далѣе, авторъ не ищетъ доказательствъ открытаго язычества крайней партіи и ея слѣпого преклоненія передъ древностью; ничего подобнаго и нельзя найти у Валлы, который комментировалъ Новый Завѣтъ, писалъ противъ Цицерона и критиковалъ Ливія. По мнѣнію Яничека, программой этой партіи служилъ трактатъ Валлы De voluptate [4]), изъ котораго онъ выводитъ слѣдующіе пункты радикальныхъ воззрѣній: 1) „освобожденіе чувственности отъ господства христіанстаго спиритуализма“, — но эта точка зрѣнія всего характернѣй сказать въ Декамеронѣ и съ цинизмомъ повторена въ Oratio Heliogabalis Бруни, котораго авторъ считаетъ продолжателемъ Боккаччіо; 2) „Реабилитація природы“, 3) „изслѣдованіе, освобожденное отъ схоластической неволи“, — но это характерныя черты всѣхъ гуманистовъ, начиная съ Петрарки, и не составляетъ принадлежности какой-либо партіи. Наконецъ, 5) „исключительное господство красоты“ [5]). Правда, ранніе представители гуманистическаго движенія, кромѣ Петрарки и Боккаччіо, не говорятъ о красотѣ, но къ половинѣ XV столѣтія у всѣхъ гуманистовъ на этотъ предметъ устанавливается опредѣленная точка зрѣнія, которая, по существу, не отличается отъ воззрѣній Петрарки и Боккаччіо, хотя неопредѣленный эпитетъ „исключительный“ едвали подойдетъ къ воззрѣнію какого-нибудь гуманиста. Итакъ то, что называетъ Яничекъ программой

[1]) Ibid. p. 8—9; ср. p. 14—15.

[2]) См. выше, p. 871—875.

[3]) Ibid. p. 853 и 869.

[4]) Въ первой редакціи трактата представителемъ стоицизма является Бруни, и Яничекъ думаетъ найти въ его Isagogicon доказательство искренности этихъ воззрѣній (p. 101), но выше мы, видѣли, что Бруни вовсе не стоикъ въ своемъ моральномъ трактатѣ (см. выше, p. 599).

[5]) Ibid. p. 10—15.

радикальной партіи — въ дѣйствительности характерныя черты всего движенія, а исключительный паганизмъ и безусловное воспроизведеніе древности по прежнему остаются недоказанными, вслѣдствіе чего самое дѣленіе гуманистовъ до половины XV вѣка на партіи продолжаетъ висѣть на воздухѣ.

По мнѣнію Яничека, въ половинѣ XV столѣтія оба направленія соединились подъ знаменемъ Платона и этотъ миръ „обозначалъ примиреніе язычества и христіанства, сліяніе (Durchdringung) религіи и философіи“ [1]). Въ нашу задачу не входитъ характеристика гуманизма половины XV вѣка, но самъ авторъ добросовѣстно отмѣчаетъ, что именно тогда проявляется паганизмъ и начинается ожесточенная борьба между аристотеликами и платониками [2]), вслѣдствіе чего и заявляетъ въ предисловіи, что не придаетъ рѣшающаго значенія своей гипотезѣ [3]). Въ воззрѣніи Яничека на Платона и въ его объясненіи причинъ увлеченія его философіей сказалось вліяніе спеціальности автора. По его мнѣнію, Платонъ побѣдилъ эстетической стороной своей системы, потому что стремленіе къ красотѣ, если не исчерпываетъ гуманистическаго движенія, то составляетъ самую важную его сторону. „Этическія фантазіи какого-нибудь Валлы и его единомышленниковъ, говоритъ Яничекъ, не что иное, какъ стремленіе спастись изъ римской культуры, бѣдной поэзіей, въ болѣе радостный и свободный міръ красоты; знаніе Платона даетъ освященіе и содержаніе этому стремленію, оно является какъ бы исполненіемъ всего того, что предчувствовали мыслители и художники и чего они искали“ [4]). Яничекъ затушовываетъ тотъ фактъ, что между знакомствомъ гуманистовъ съ Платономъ и увлеченіемъ его философіей прошло болѣе половины столѣтія, и приписываетъ особую важность появленію такого пророка платонизма, какъ Гемистосъ Плетонъ [5]). Остается непонятнымъ, зачѣмъ нуженъ былъ пророкъ, если ученіе такъ подходило къ потребностямъ, и почему такіе гуманисты, какъ Бруни, предпочитали Платону Аристотеля, если его философія представляла столь близкое родство съ гуманистическими стремленіями. Причина увлеченія платонизмомъ стоитъ за предѣлами настоящаго изслѣдованія; но мы думаемъ, что его основы лежатъ не въ эстетикѣ,

---

[1]) Ibid. p. 20.

[2]) Ibid. p. 19 и 18.

[3]) Ob ich ohne Systemzwang von der Versöhnung und Vereinigung der streitenden Parteien unter dem Banner Platon's sprechen durfte, mag der Kundige entscheiden, p. IV.

[4]) Ibid. p. 16.

[5]) Ibid. p. 17—18.

а въ стремленіи къ стройному философскому міросозерцанію, о которомъ сравнительно мало заботились ранніе гуманисты, занятые исключительно этикой.

Три послѣднія лекціи Яничека представляютъ менѣе интереса съ нашей точки зрѣнія. Вторая („Художественная фантазія и художественное воспитаніе") носитъ спеціальный характеръ; третья — „Женщина и искусство" — имѣетъ значеніе для болѣе позднихъ періодовъ гуманизма, когда впервые замѣтно обнаруживается женское вліяніе[1]); послѣдняя лекція, составленная подъ вліяніемъ Буркгарда[2]), разсматриваетъ характеръ покровительства искусству со стороны государства и частныхъ лицъ и представляетъ интересъ преимущественно для исторіи искусства.

Одновременно съ лекціями Яничека вышла, уже упомянутая нами, книга Жебара о началахъ Возрожденія, содержаніе которой распадается на двѣ неравныя части: въ бо́льшей — изложены причины Ренесанса, меньшая — заключаетъ въ себѣ характеристику писателей XIV вѣка и современныхъ имъ художниковъ. Изъ всѣхъ писателей по исторіи Возрожденія Жебаръ, съ наибольшей обстоятельностью, останавливается на причинахъ движенія. Онъ разсматриваетъ прежде всего, почему Ренесансъ начался не во Франціи, и затѣмъ излагаетъ главныя и второстепенныя причины появленія Возрожденія въ Италіи. По мнѣнію Жебара, главныхъ причинъ было четыре: интеллектуальная свобода, соціальное положеніе, классическая традиція и языкъ; второстепенныя причины сводятся къ чужеземному вліянію: византійскому, арабскому, нормандскому и французскому. Что касается до второй и третьей изъ главныхъ причинъ, то онѣ давно уже были указаны Фогтомъ и Буркгардтомъ; развитіе итальянскаго языка ко времени великихъ писателей XIV столѣтія — фактъ безспорный; но существованіе духовной свободы, какъ характерной особенности средневѣковой Италіи, весьма сомнительно и требуетъ гораздо болѣе обстоятельной аргументаціи, чѣмъ у Жебара. Такъ онъ утверждаетъ, что схоластика въ Италіи никогда не была національной философіей, что ею занимались тамъ только монахи и теологи, что ея методъ никогда не подчинялъ себѣ вполнѣ человѣческаго разума[3]). Но схоластика не имѣла ничего общаго съ національностью, а свѣтскіе уче-

---

[1]) Заслуживаетъ вниманія мѣткое замѣчаніе автора, что причина недоброжелательнаго отношенія къ женщинѣ нѣкоторыхъ раннихъ гуманистовъ заключается не въ монашескихъ традиціяхъ, а отчасти въ ученыхъ занятіяхъ, отчасти въ нравахъ времени (p. 56).

[2]) Ibid. p. V.

[3]) Les origines, p. 55.

ные, въ средніе вѣка, повсюду рѣдкость, и если признать случайностью, что величайшіе ученые Италіи, какъ Ѳома Аквинскій и Петръ Ломбардъ, — схоластики, то всетаки за предѣлами схоластическаго метода и въ Италіи не было науки. Жебаръ другого мнѣнія: отмѣчая обиліе здѣсь знаменитостей въ области изученія права, онъ утверждаетъ, что эта наука держала ученыхъ на раціоналистическомъ пути и что „ея вліяніе, всегда одинаковое, продолжалось отъ трактата Данте О монархіи... и до Principe Макіавелли“ [1]). Едвали нужно доказывать, что между Макіавелли и средневѣковыми глоссаторами глубокая пропасть; недаромъ его настоящіе предшественники, гуманистическіе политики, начали съ борьбы противъ средневѣковыхъ юристовъ.

Если средневѣковые итальянцы не обладали никакой особенной свободой научнаго изслѣдованія, то аргументація Жебара не убѣждаетъ въ существованіи у нихъ и свободы религіозной. Отсутствіе большихъ религіозныхъ движеній, какъ движенія Вальдо, Виклефа Гусса и Лютера [2]), аргументъ скорѣе противъ, чѣмъ за утвержденіе автора. Мистическія движенія въ родѣ „Вѣчнаго Евангелія“ [3]) знакомы и за Альпами, а если костры зажигались въ Италіи обыкновенно не за догматы [4]), то самое ихъ существованіе плохой аргументъ за наличность религіозной свободы. Но предположивши даже, что и первая причина Ренесанса, которую приводитъ Жебаръ, несомнѣнный фактъ, мы не находимъ въ его книгѣ самаго главнаго, именно выясненія способа и сферы вліянія всѣхъ этихъ причинъ на гуманистическое движеніе и ихъ относительной силы. Работа автора ограничивается установленіемъ тѣхъ фактовъ, которые онъ считаетъ причинами Ренесанса, но онъ не только не выясняетъ ихъ связи съ самымъ движеніемъ, но и не даетъ о немъ яснаго понятія. „Ренесансъ въ Италіи, говоритъ Жебаръ, не былъ только обновленіемъ литературы и искусствъ, произведеннымъ возвращеніемъ культивированныхъ умовъ къ античной литературѣ и лучшимъ воспитаніемъ артистовъ, которые вновь нашли въ греческой школѣ чувство красоты; это — вся совокупность (l'ensemble même) итальянской цивилизаціи, истинное выраженіе генія и нравственной жизни Италіи [5]). О гуманистическомъ движеніи въ литературѣ XV вѣка авторъ выражается такъ: „Весь Ренесансъ бросился тогда въ сторону искусствъ, эрудиціи,

---

[1]) Ibid. p. 60—61.
[2]) Ibid. p. 68 и слѣд.
[3]) Ibid. p. 76 и слѣд.
[4]) Ibid. p. 70 и слѣд.
[5]) Ibid. p. 51.

Платоновой философіи, политики и наслажденія"[1]). При такомъ неясномъ опредѣленіи слѣдствія трудно говорить о причинахъ. Та часть книги Жебара, гдѣ рѣчь идетъ о первыхъ писателяхъ Возрожденія, также не разъясняетъ его взглядовъ на движеніе. На ряду съ Петраркой и Боккаччіо[2]) авторъ называетъ Данте и итальянскихъ хронистовъ отъ Малеспини до Веллути, а современниковъ и послѣдователей двухъ первыхъ гуманистовъ обходитъ полнымъ молчаніемъ. Гдѣ же специфическіе признаки Возрожденія?

Послѣднія крупныя работы по исторіи Возрожденія принадлежатъ Гейгеру и Кёртингу[3]). Не разъ упомянутая нами книга Гейгера захватываетъ все гуманистическое движеніе въ Италіи и Германіи: въ этомъ заключается и ея главное значеніе въ исторіографіи Возрожденія вообще, и ея скромное мѣсто въ литературѣ о занимающей насъ эпохѣ. Общій обзоръ исторіи гуманизма Гейгера пополняетъ, до извѣстной степени, весьма чувствительный недостатокъ въ такихъ работахъ; но, захватывая широкую эпоху, авторъ, по необходимости, уступаетъ въ обстоятельности Фогту и Сэймондсу[4]). По системѣ изложенія Гейгеръ примыкаетъ къ Фогту, по взгляду на эпоху также и къ Буркгардту, соединяя вмѣстѣ воззрѣнія обоихъ предшественниковъ. Возрожденію, говоритъ онъ, даютъ названіе „Ренесанса, т.-е. Возрожденія, именно возрожденія древности въ искусствѣ, наукѣ и жизни, и названіе гуманизма, человѣческаго образованія, совершеннаго развитія внутреннихъ и внѣшнихъ свойствъ и способностей (Fähigkeiten und Fertigkeiten) человѣка"[5]). Гейгеръ озаглавливаетъ свою книгу: „Ренесансъ и гуманизмъ", но изъ ея содержанія не видно, считаетъ ли авторъ возрожденіе и гуманизмъ двумя сторонами движенія или двумя его моментами, и вообще это различіе понятій не оказываетъ замѣтнаго вліянія на изложеніе.

---

[1]) Ibid. p. 171.

[2]) Объ отношеніи Жебара къ Петраркѣ и Боккаччіо см. выше, p. 398—99 и 552—553.

[3]) Вышедшія одновременно съ Яничекомъ и Жебаромъ Italienische Studien Геттнера касаются почти исключительно искусства. Изъ гуманистовъ авторъ останавливается только на Петраркѣ и Боккаччіо, и мы выше отмѣтили его очень мѣткія и важныя замѣчанія (p. 399—400 и 552). Вышедшая нѣсколько раньше брошюра проф. Карѣева *(Очерки Возрожденія. Воронежъ 1876)* имѣетъ цѣлью выяснить для учащихся основныя черты движенія. Такимъ же характеромъ отличается книжка *Fioretto (Gli umanisti e lo studio del latino e del greco nel secolo XV in Italia. Appunti. Verona 1881).*

[4]) Отношеніе Гейгера къ Петраркѣ см. выше, p. 400, къ Боккаччіо, p. 572—74, къ Салютати 820—21, къ гуманистическому движенію при куріи, p. 710, въ Миланѣ 904, въ Венеціи 986.

[5]) Renais. und Hum., p. 3.

Книга Кёртинга „Начала литературы Возрожденія“ распадается на три части: обширное введеніе, занимающее двѣ трети книги, оцѣнку „предшественниковъ Возрожденія (Муссато, Бр. Латино и Данте)“ и короткую характеристику Петрарки и Боккаччіо, которымъ авторъ ранѣе посвятилъ особыя сочиненія. Послѣдняя часть была разсмотрѣна нами выше[1]), вторая стоитъ внѣ нашей задачи, и мы остановимся только на тѣхъ главахъ введенія, которыя непосредственно касаются гуманистическаго движенія[2]). Характеризовавши прежде всего культуру позднѣйшихъ періодовъ древности и среднихъ вѣковъ, Кёртингъ очень просто объясняетъ происхожденіе культуры Ренесанса: какъ только „специфически средневѣковой духъ потерялъ господство надъ умами“, ожила древность, какъ пшеничныя зерна, вынутыя изъ египетскихъ саркофаговъ[3]). Но этому „возрожденію“ въ буквальномъ смыслѣ слова предшествовалъ продолжительный подготовительный процессъ, и авторъ перечисляетъ всѣ средневѣковыя учено-литературныя произведенія, въ которыхъ обнаруживаются какіе-нибудь слѣды, хотя чисто формальнаго знакомства съ древностью. Но настоящее Возрожденіе началось въ Италіи, и въ объясненіе этого факта развиваются идеи Жебара и заимствованныя имъ у Буркгардта. При этомъ Кёртингъ считаетъ возможнымъ подробно распространяться о томъ, что центромъ гуманистическаго движенія могла сдѣлаться только Флоренція. Нижняя Италія представляла пеструю культурную смѣсь, поэтому движеніе началось здѣсь позже и не было особенно интенсивно; Римъ неспособенъ былъ къ первенству по своему средневѣковому значенію; города средней Италіи по географическому положенію; поэтому средоточіемъ гуманизма сдѣлались города Тосканы, Лигуріи, Ломбардіи и Венеціанской области; но и здѣсь болѣе значительные центры, какъ Генуя, Миланъ и Венеція, поглощенные политическими интересами, не были способны руководить культурнымъ движеніемъ, и эта роль досталась на долю Флоренціи[4]). Если допустить, что эти разсужденія объясняютъ дѣйствительный фактъ, то и тогда они не обладаютъ убѣдительностью; но въ данномъ случаѣ и наличность самого факта не подтверждается источниками.

Въ опредѣленіи сущности Возрожденія Кёртингъ не только повторяетъ старые взгляды, но и выводитъ изъ нихъ крайнія заклю-

---

[1]) См. p. 400—402 и 574.

[2]) Болѣе подробный анализъ книги Кёртинга былъ сдѣланъ мною вскорѣ послѣ ея выхода (*Эпоха Возрожденія и германофилы*. Вѣст. Евр. 1885, № 12).

[3]) Die Anfänge, p. 76 и слѣд.

[4]) Ibid. p. 112 и слѣд.

ченія. „Культура Ренесанса, — говоритъ онъ, — была и еще болѣе хотѣла быть обновленіемъ или реставраціей античной культуры. Ея стремленіе было направлено на то, чтобы изъ разсѣянныхъ культурныхъ матеріаловъ, сохранившихся отъ древности, возвести новое зданіе, или, какъ можно выразиться иначе, чтобы вновь вдохнуть античную душу въ еще сохранившуюся матерію античной культуры“ [1]). Гуманисты, по мнѣнію автора, должны были стремиться „устранить средневѣковую религіозную форму, т.-е. христіанство и вновь установить религіозную форму классической древности, т.-е., политеизмъ“ [2]), поэтому „христіанство и Ренесансъ находились въ принципіальномъ, непримиримомъ противорѣчіи другъ съ другомъ“; оно могло „легко и безопасно“ позволить какое угодно занятіе древней литературой, но „не могло, не отрицая себя, допустить, чтобы вновь ожилъ античный духъ, что однако случилось въ Ренесансѣ“, который „воскресилъ эгоизмъ римской древности, ея жажду наслажденія и презрѣніе къ человѣку“ [3]). Но реставраціонная попытка гуманистовъ должна была простираться и на политическую сферу: конечной цѣлью Ренесанса должно было быть возстановленіе римской имперіи, все равно въ республиканской или монархической формѣ“ [4]). Кёртингъ признаетъ, что гуманисты должны были поневолѣ вступить въ компромиссъ съ современной культурой, потому что осуществленіе ихъ идеаловъ было невозможно: кромѣ религіи и политическихъ формъ, измѣнилась почва, истреблены были лѣса, море ушло отъ береговъ, и образовались болота и т. д., а также и новые итальянцы отличны отъ древнихъ римлянъ. Но всѣ характерныя свойства Ренесанса и его историческое значеніе выводятся изъ этой реставраціи.

Кёртинга нельзя упрекнуть въ умаленіи заслугъ гуманистическаго движенія. Возрожденіе, по его словамъ, ввело въ новую образованность античную культуру, „безъ обладанія которой человѣчеству пришлось бы страдать отъ тяжкой духовной бѣдности“. Оно освободило индивидуальность и вызвало духъ критики и анализа, чѣмъ положило основаніе новой наукѣ, которая носитъ свѣтскій характеръ, способна къ развитію, близка къ жизни, отличается доступностью. Оно положило начало публичнымъ библіотекамъ, усилило интересъ къ знанію въ обществѣ, породило вліятельное свѣтское сословіе ученыхъ. Оно создало новое искусство, литературный языкъ и новую литературу, ввело ее въ общежитіе и образовало читающую публику;

---

[1]) Ibid. p. 121.
[2]) Ibid. p. 124.
[3]) Ibid. p. 126.
[4]) Ibid. p. 131.

оно эмансипировало женщину, ввело ее въ общество и этимъ облагородило общественные нравы[1]). Эта оцѣнка отчасти навѣяна книгой Буркгардта, отчасти является результатомъ простого сопоставленія нѣкоторыхъ сторонъ средневѣковой и новой культуры; въ цѣломъ и общемъ съ ней можно согласиться, и подробное перечисленіе результатовъ Возрожденія лучшая сторона Введенія Кёртинга. Но она носитъ афористическій характеръ и оставляетъ безъ отвѣта вопросъ о томъ, какимъ образомъ изъ реакціоннаго и фантастическаго стремленія гуманистовъ получились столь прогрессивные и жизненные результаты? Кёртингъ приближается къ истинѣ, потому что удаляется отъ своего взгляда на сущность Возрожденія; ближе къ своему опредѣленію стоитъ онъ въ характеристикѣ темныхъ сторонъ гуманизма, и эта сторона его оцѣнки движенія нуждается въ значительныхъ поправкахъ.

Прежде всего культура Возрожденія, по Кёртингу, была совершенно безбожная, такъ какъ гуманисты были безсильны возстановить политеизмъ и не могли примириться съ христіанствомъ[2]). Въ дѣйствительности гуманисты примиряли не древній политеизмъ, а новыя потребности, и не съ христіанствомъ вообще, а съ средневѣковымъ католицизмомъ, и въ результатѣ получался индифферентизмъ, а не безбожіе. Далѣе, оно „было направлено слишкомъ односторонне на форму и лишено глубокихъ идей“; оно было „односторонне, слишкомъ односторонне эстетично“[3]), утвержденіе, стоящее въ противорѣчіи не только съ источниками, но и съ другимъ, тоже невѣрнымъ положеніемъ автора, что гуманисты хотѣли возстановить „античный духъ“ и притомъ духъ римской, а не греческой древности. Этому послѣднему факту Кёртингъ придаетъ огромное значеніе, хотя объясняетъ его чисто случайными причинами. По его словамъ, Возрожденіе воспроизводило только поздне-римскую культуру, т.-е. „весьма несовершенную копію эллинской древности“[4]), и это имѣло роковое значеніе не только для Ренесанса, но и для настоящаго времени. „Отсутствіе этическихъ принциповъ въ Возрожденіи“ и ужасная безнравственность гуманистовъ коренятся главнымъ образомъ въ этомъ печальномъ явленіи. Вмѣстѣ съ римской литературой „ожили грубый римскій эгоизмъ, римская жестокость (Unbarmherzigkeit), римское презрѣніе къ людямъ и, хотя въ нѣсколько умѣренной формѣ, рим-

---

[1]) Ibid. p. 147—154 и 190—299.
[2]) Ibid. p. 126 и слѣд., 155 и слѣд. и 180.
[3]) Ibid. p. 181, 182.
[4]) Ibid. p. 180.

ская жажда наслажденія"[1]). „Совершенно иначе развивался бы Ренесансъ, если бы вмѣсто латинскихъ греческіе поэты и прозаики дали руководящую нить его развитію. Насколько болѣе поднялось бы оно къ идеальнымъ высотамъ и насколько глубже было бы его идейное содержаніе!... Можно считать роковымъ событіемъ (Verhängnisz) для новой Европы, что римскій элементъ а не эллинство послужилъ базисомъ для Ренесанса"[2]). Правда, въ XVIII и въ началѣ XIX столѣтія Лессингъ, Винкельманъ, Гёте, Шиллеръ, Вольфъ, Отфр. Мюллеръ, Бёкъ и другіе ввели въ новое образованіе эллинскій элементъ[3]), но это не вполнѣ исправило пагубное вліяніе ранняго зла[4]), и Кёртингъ жаждетъ новаго Ренесанса, который долженъ избѣжать недостатковъ, погубившихъ первое Возрожденіе, и „долженъ прежде всего стремиться къ тому, чтобы дать силу высокимъ моральнымъ идеямъ, сохранившимся въ эллинской древности, и чрезъ это обосновать или, по крайней мѣрѣ, утвердить истинный гуманизмъ, истинную гуманность"[5]). Но почему же произошло столь печальное явленіе, погубившее гуманизмъ и оказавшееся роковымъ для новой Европы? Кёртингъ отвѣтилъ на этотъ вопросъ уже въ своемъ первомъ сочиненіи: „грекъ Варлаамъ, лишивши Петрарку возможности болѣе глубоко познакомиться съ эллинскимъ языкомъ и образованіемъ своимъ быстрымъ удаленіемъ изъ Авиньёна, разрушилъ гордое зданіе будущаго и на столѣтія рѣшилъ судьбу народовъ Европы. Малыя причины, великія слѣдствія!"[6]) Правда, Хризолоръ и другіе греки могли бы поправить роковую торопливость Варлаама, но тогда было уже слишкомъ поздно: „развитіе Ренесанса,—говоритъ Кёртингъ,—тогда зашло уже слишкомъ далеко и сдѣлалось слишкомъ односторонне римскимъ"[7]).

Кёртингъ самъ называетъ свое выясненіе „сущности и цѣны Возрожденія" „только афоризмами"[8]); но это не единственный и не главный недостатокъ книги: его афоризмы навѣяны не изученіемъ гуманистической литературы, а только новѣйшей исторіографіей Возрожденія. Третій томъ „Исторіи литературы Италіи въ эпоху Возрожденія Кёртинга лишенъ главнаго достоинства двухъ предшествующихъ,

---

1) Ibid. p. 155.
2) Ibid. p. 142.
3) Ibid. p. 183.
4) Ibid. p. 139.
5) Ibid. p. 184.
6) Petrarca's Leben., 154.
7) Die Anfänge, p. 138.
8) Ibid. p. 120.

посвященныхъ Петраркѣ и Боккаччіо: въ немъ не видно знакомства съ источникомъ.

Книга Кёртинга — послѣднее произведеніе, спеціально посвященное общей исторіи Возрожденія; позже появилось нѣсколько журнальныхъ статей, по бо́льшей части вызванныхъ новыми сочиненіями общаго содержанія и рѣдко прибавляющихъ что-либо къ характеристикѣ эпохи. Сюда относятся, во-первыхъ, статьи Жебара и Бодрильяра по поводу перевода на французскій языкъ книги Буркгардта. Жебаръ излагаетъ взгляды Буркгардта[1]), но въ его статьѣ мы находимъ очень мѣткое объясненіе одного важнаго явленія — предпочтенія гуманистами латинской литературы передъ греческой. „Возрожденіе,— говоритъ онъ,—требовало отъ Греціи литературныхъ образцовъ, философскихъ доктринъ, а у римскихъ писателей искало оно самого человѣка. Греческая литература носитъ безличный характеръ вслѣдствіе своего высокаго идеализма, вслѣдствіе своего равнодушія къ біографическимъ деталямъ, къ индивидуальнымъ чертамъ. Римляне жили и мыслили въ менѣе возвышенной сферѣ; у нихъ болѣе интереса къ своей собственной моральной жизни; они обладаютъ болѣе глубокимъ чувствомъ внутренней жизни, имѣютъ рѣшительную наклонность къ наблюденію надъ совѣстью“[2]). Бодрильяръ въ упомянутой выше статьѣ[3]), излагая взгляды Буркгардта, пытается выгородить церковь изъ среды деморализующихъ факторовъ въ эпоху Возрожденія[4]). Акад. Веселовскій по поводу нѣсколькихъ сочиненій, прямо или косвенно относящихся къ эпохѣ Ренесанса, формулируетъ заключавшіяся въ ней „противорѣчія практики и теоріи, язычества и христіанства, христіанской и языческой нравственности, этики и эстетики“[5]). Нѣкоторый интересъ представляетъ статья Kautsky[6]), какъ единственная попытка объясненія гуманизма съ точки зрѣнія экономическаго матеріализма. „Новая форма производства, — говоритъ авторъ,— требовала также новыхъ формъ мышленія и создала для него новое содержаніе“, отсюда произошелъ гуманизмъ[7]). „Товарное производство

---

1) *Gebhart, La Renaissance italienne e la philosophie de l'histoire. La theorie de Jacob Burckhardt.* (Въ Rev. d. deux Mondes 1885. 15 Nov. p. 342 и слѣд. и перепечатано въ *Etudes méridionales. Paris. 1887,* p. 1 и слѣд.).

2) Etudes mérid., p. 47—48.

3) См. выше.

4) L. c. p. 207.

5) *А. Веселовскій, Противорѣчія италіанскаго Возрожденія* (Журн. Мин. Нар. Просв. 1888 № 11, p. 316 и слѣд.

6) *K. Kautsky, Вѣкъ гуманизма и реформаціи* (Мнѣ статья извѣстна только по переводу въ Сѣверн. Вѣстн. 1889, №№ 11 и 12 и 1899 № 2).

7) Сѣв. Вѣст. 1890, № 2, p. 162.

вытѣснило феодальный способъ производства", отсюда вражда гуманистовъ къ среднимъ вѣкамъ, отсюда же и увлеченіе древностью: „итальянскія торговыя республики... съ восторгомъ встрѣтили литературу древней аѳинской торговой республики"[1]). Далѣе, „начала капиталистическаго производства создали абсолютную монархію и выработали національную идею, и гуманисты вопреки своимъ мечтаніямъ о Демосѳенахъ и Цицеронахъ, вопреки тому, что сами они по большей части происходили изъ городскихъ республикъ, стали пламенными защитниками объединенія націи подъ властью одного государя"[2]) и т. д. Наконецъ, въ XVI столѣтіи „источники богатства Италіи исчезли; вмѣстѣ съ ними исчезло и духовное величіе ея. Торговля и эксплоатація были матеріальными основами гуманизма. Онъ и исчезъ вмѣстѣ съ ними. Но онъ исчезъ не безслѣдно. Его тенденціи возродились въ іезуитствѣ"[3]). Если бы авторъ и имѣлъ сколько-нибудь обстоятельныя свѣдѣнія объ эпохи Возрожденія, то и тогда такими пріемами онъ не объяснилъ бы гуманистическаго движенія.

Изслѣдованія отдѣльныхъ сторонъ гуманистическаго движенія гораздо незначительнѣе и количественно, и качественно, чѣмъ общія сочиненія по эпохѣ. Такъ, философіи Ренесанса посвящены два изслѣдованія; но одно изъ нихъ ограничивается отдѣльной личностью, другое осталось неоконченнымъ. Въ 1874 году *Фритцъ Шультце* подъ заглавіемъ „Исторія философіи Ренесанса" издалъ монографію о Гемистосѣ Плетонѣ и только во введеніи коротко говоритъ о его предшественникахъ. По взгляду Шультце, все философское движеніе Ренесанса до Плетона (1438) сводится къ постепенному развитію платонизма, которое обусловливалось съ одной стороны естественною ненавистью гуманистовъ къ Аристотелю, какъ къ основѣ схоластики, съ другой — вліяніемъ раннихъ грековъ. „Ненависть къ схоластикѣ, — говоритъ онъ, — переносится на схоластика κατ' ἐξοχήν, на Аристотеля", а въ то же время Варлаамъ внушалъ любовь къ Платону Петраркѣ, Пилатъ Боккаччіо, Хризолоръ — своимъ ученикамъ[4]). Выше мы видѣли,

---

[1]) Ibid. p. 163.

[2]) Ibid. p. 163—164.

[3]) Ibid. p. 170. Только по заглавію мнѣ извѣстны слѣдующія журнальныя статьи о Возрожденіи: *Gross F., Die Renaissance und die Varläufer der Reformation* (Europa 1883, № 45); *Casentano A., La rinascenza* (Napoli letteraria 1884, № 24); *Caravelli, Il Rinascimento in relazione col commercio del medio evo* (L'Ateneo Veneto 1891, 1) и статья *Raesch'a Renaissance und Humanismus in Italien. 1885.*

[4]) *Fritz Schultze, Geschichte der Philosophie der Renaissance. I. Band. Georgios Gemistos Plethon und seine reformatorischen Bestrebungen. Jena 1874*, p. 18—19.

что такой взглядъ рѣшительно не оправдывается источниками, и авторъ не можетъ привести никакихъ фактовъ для его обоснованія.

Фр. Фіорентино, другой ученый, имѣвшій въ виду изслѣдовать въ философскомъ отношеніи „quel periodo, molto deriso e poco studiato", значительно шире поставилъ свою задачу. Но исходя изъ того положенія, что соборы были главнымъ факторомъ философскаго движенія въ Италіи[1]), Фіорентино останавливается главнымъ образомъ на XV столѣтіи и только въ двухъ главахъ, въ формѣ введенія, касается занимающей насъ эпохи, при чемъ и эти главы вслѣдствіе смерти автора не получили окончательной обработки. Кратко разсматривая въ одной изъ нихъ (L'umanismo nella filosofia) мѣстное философское движеніе начиная съ Петрарки, Фіорентино совершенно вѣрно объясняетъ симпатію родоначальника гуманистовъ къ Платону сравнительной близостью этого философа къ христіанству[2]); но его утвержденіе, что и продолжатели Петрарки, какъ Бруни, предпочитали Платона Аристотелю, противорѣчитъ источникамъ и объясняется, главнымъ образомъ, тѣмъ, что авторъ только по заглавію знаетъ Isagogicon[3]). Другая глава, гдѣ излагаются этическія воззрѣнія гуманистовъ (I moralisti), совершенно игнорируетъ Петрарку и его послѣдователей до Валлы, что можно объяснить только неоконченностью работы.

Еще менѣе значенія въ исторіографіи ранняго гуманизма имѣютъ два сочиненія по исторіи литературы Возрожденія. Одно изъ нихъ, принадлежащее Инверницци, имѣетъ въ виду XV столѣтіе, а гуманистамъ двухъ первыхъ поколѣній авторъ посвящаетъ только незначительный параграфъ во введеніи[4]). Маркъ Моннье, авторъ другого сочиненія, захватываетъ болѣе широкую эпоху отъ Данте до Лютера; но онъ разсматриваетъ литературное движеніе за это время во всей Европѣ, поэтому отводитъ итальянскому гуманизму очень немного страницъ и, кромѣ Петрарки и Боккаччіо, упоминаетъ только главнѣйшихъ дѣятелей Возрожденія половины XV столѣтія[5]). Исторіографіи Ренесанса посвящена вступительная лекція *Ферраи,* составленная на основаніи общихъ сочиненій[6]); съ педагогическими идеями Воз-

---

[1]) *Francesco Fiorentino, Il Risorgimento filosofico nel quattrocento Opera postuma Napoli MDCCCLXXXV,* p. 4.

[2]) Ibid. p. 180.

[3]) Ibid. p. 183 и слѣд., ср. p. 201.

[4]) L. c. p. 17 и слѣд. Отношеніе Инверницци къ Бруни см. выше, p. 704—705.

[5]) L. c. 193 и слѣд. О Петраркѣ см. выше, p. 402.

[6]) *L. A. Ferrai, La istoriografia italiana e la società del Renascimento. Milano. 1888.* Историческіе труды Бруни, Біондо и Поджіо авторъ называетъ documenti insufficienti per quel età fortunosa и всю тогдашнюю исторіографію — la pedantesca imitazione di Livio, di Sallustio, di Cesare (p. 10).

рожденія познакомилъ русскую публику проф. Н. И. Стороженко въ публичной лекціи [1]). Изслѣдованіе отношенія гуманистовъ къ праву и ихъ вліянія на развитіе юридическихъ наукъ едва только началось. Такъ, *Л. Кіаррелли* въ короткой статьѣ дѣлаетъ очень бѣглый обзоръ полемики противъ юристовъ отъ XIV до XVI столѣтія и приходитъ къ тому выводу, что „измѣненія руководящихъ принциповъ и метода юриспруденціи произошли въ этомъ періодѣ исторіи права не по ея собственному импульсу, не изъ творческаго духа юристовъ, а благодаря геніальнымъ интуиціямъ литераторовъ, философовъ и другихъ мыслителей", что „Петрарка первый пытался реформировать схоластическую юриспруденцію", что „Валла, прилагая къ праву филологію и исторію, былъ предшественникомъ Альчіати" [2]). Наконецъ, лишь за послѣднее время начали ближе изслѣдовать вопросъ о вліяніи античной литературы на Возрожденіе; но и здѣсь едва сдѣланы только первые шаги. Кромѣ упомянутыхъ выше брошюръ Гортиса объ отношеніи Петрарки и Боккаччіо къ Ливію и Цицерону [3]), Р. Саббадини написалъ *„Исторію Цицероніанизма и другихъ литературныхъ вопросовъ въ эпоху Возрожденія"*. Но первая половина небольшой книжки разсматриваетъ вліяніе Цицерона исключительно со стороны формы; что касается до другихъ литературныхъ вопросовъ, обсуждаемыхъ авторомъ, то или въ нихъ идетъ рѣчь тоже о формѣ, или они представляютъ неполное изложеніе взглядовъ нѣкоторыхъ гуманистовъ на весьма немногіе вопросы [4]). Итакъ, спеціальная исторіографія эпохи Возрожденія послѣ Фогта и Буркгардта представляетъ собою прежде всего попытку примирить нѣсколько узкій взглядъ на движеніе перваго съ широкимъ до неопредѣленности воззрѣніемъ второго, а затѣмъ развить и дополнить сочиненія обоихъ изслѣдователей. Эта вторая задача сравнительно успѣшно выполнена новѣйшей исторіографіей: Сэймондсъ и Гейгеръ расширили хронологическіе предѣлы изслѣдуемой эпохи; Жебаръ и Кёртингъ обстоятельнѣе разсмотрѣли

[1]) Авторъ пропускаетъ Бруни и говоритъ о Витторино, Веджіо и Верджеріо. См. выше, p. 960.

[2]) *Luigi Chiappelli, La polemica contro i legisti dei secoli XIV, XV e XVI.* (Въ Archivio giuridico 1881. Vol. XXVI, p. 311—312). Книга *Dante dal Re, I precursori Italiani di una nuova scuola di diritto Romano nel secolo XV. Roma 1878* мнѣ извѣстна только по цитатѣ Chiappelli (p. 302) и отзыву Фогта, по словамъ котораго она giebt nureine Reihe wie zufällig herausgegriffene Excerpte (II, p. 491).

[3]) См. выше, p. 448.

[4]) *Remigio Sabbadini. Storia del Ciceronianismo e di altre questioni letterarie nell'età della Renascenza. Torino 1886.* Статья *R. Förster, Lucian in der Renaissance* (въ Archiv für Litteraturgeschichte 1886, XIV) мнѣ осталось неизвѣстной.

причины и слѣдствія движенія; Сэймондсъ и Яничекъ сдѣлали попытку измѣнить принципъ изложенія его исторіи. Гораздо менѣе удовлетворительно рѣшена первая задача — выясненія сущности движенія посредствомъ примиренія противоположныхъ взглядовъ Фогта и Буркгардта. „Понятіе италіанскаго Возрожденія — сложное, и разъясненія ему я не нахожу въ новѣйшихъ трудахъ Гейгера и Кёртинга", писалъ русскій изслѣдователь Возрожденія послѣ появленія послѣдняго по времени общаго сочиненія, посвященнаго этой эпохѣ [1]). Мнѣ кажется, что главная причина такой неуспѣшности заключается въ маломъ интересѣ новыхъ изслѣдователей къ содержанію гуманистической литературы, между тѣмъ какъ только она можетъ дать правильное понятіе о цѣляхъ стремленій гуманистовъ и о средствахъ, которыми они пользовались для достиженія своихъ цѣлей, а слѣдовательно о сущности и характерѣ самаго движенія. Опираясь на разсмотрѣнные выше источники, я и рѣшаюсь сдѣлать новую попытку разрѣшить эту задачу по отношенію къ раннему періоду эпохи Возрожденія.

IV.

Въ чемъ заключается сущность гуманистическаго движенія? — Два признака гуманистической литературы. — Проявленія въ ней индивидуализма. — Отношеніе гуманистовъ къ древности; ихъ попытки выработать новыя религіозныя воззрѣнія, новую этику, педагогію, политику и науку. — Опредѣленіе гуманистическаго движенія.

Два существенныхъ признака составляютъ особенность гуманистической литературы: проявляющійся въ ней индивидуализмъ и глубокій интересъ къ классической древности. Гуманистическій индивидуализмъ характеризуется, во-первыхъ, интересомъ человѣка къ себѣ самому, къ своему внутреннему міру; во-вторыхъ, интересомъ во внѣшнемъ мірѣ преимущественно къ другому человѣку; въ третьихъ, убѣжденіемъ въ высокомъ достоинствѣ человѣческой природы вообще и въ неотъемлемомъ правѣ человѣка развивать свои способности и удовлетворять своимъ потребностямъ; въ-четвертыхъ, интересомъ къ окружающей дѣйствительности, поскольку она имѣетъ вліяніе на человѣка.

Интересъ къ себѣ самому и къ своему внутреннему міру обнаруживается уже съ полной ясностью у Петрарки. Его Canzoniere — лѣтопись сердца автора; Secretum — его внутренняя исторія; письмо къ потомству — фактическая автобіографія, и остальную переписку

---

[1]) Веселовскій, Противорѣчія итал. Возр., p. 317.

онъ собираетъ для того, чтобы сообщить читателю „теченіе своей жизни". Петрарка разсказываетъ о себѣ и въ эклогахъ, и въ поэмѣ о Сципіонѣ, и во всѣхъ другихъ сочиненіяхъ[1]. Правда, пѣвецъ Лауры — лирикъ по преимуществу; но этотъ субъективизмъ былъ характерной чертой всѣхъ его послѣдователей, независимо отъ ихъ личныхъ свойствъ. Боккаччіо въ Филострато изобразилъ собственное состояніе, и автобіографическими чертами не только переполнены всѣ его романы и латинскіе трактаты, но онѣ встрѣчаются совершенно неожиданно и неумѣстно въ его географическомъ сочиненіи[2]. Авторъ Декамерона въ этомъ отношеніи заходитъ даже далѣе пѣвца Лауры. Такъ, инвективы — Петрарки или самозащита, или вызваны теоретическими вопросами; Боккаччіо переноситъ въ литературу чисто личныя дѣла: обиженный меценатомъ, онъ составляетъ противъ него инвективу въ формѣ письма; отвергнутый одной женщиной, онъ не только пишетъ противъ нея памфлетъ, но и заявляетъ, что прибѣгать изъ мести къ такому оружію составляетъ неотъемлемое право писателя[3]. Автобіографическія черты встрѣчаются и у другихъ гуманистовъ: Рамбальди дѣлаетъ такія отступленія въ своемъ комментаріи къ Данте[4], Салютати — въ трактатѣ „О судьбѣ"[5], Конвертино — въ діалогѣ „Драматалогія" и въ баснѣ о паукѣ, при чемъ въ первомъ произведеніи авторъ пишетъ настоящую инвективу противъ Франческо Новелло, прекратившаго выдачу ему жалованья[6]. Переписка Верджеріо, Барциццы, Бруни переполнена личными и часто крайне мелочными дѣлами[7]. Наконецъ, Бруни первый составилъ историческіе мемуары, въ которыхъ личность автора занимаетъ весьма видное мѣсто[8].

Съ такою же несомнѣнною ясностью обнаруживается у перваго гуманиста интересъ къ человѣку. Его трактаты De remediis и De rebus memorandis — результатъ наблюденія надъ условіями внѣшней жизни человѣка и надъ его психическими свойствами[9]. Интересъ къ человѣку проявляется во всемъ, что привлекаетъ мысль и чувство Петрарки: въ религіи онъ выражается равнодушіемъ къ богословію и требованіемъ самопознанія для благочестія[10]; въ философіи — не-

---

1) См. выше p, 207—9, 269—70.
2) Ibid. p. 492—3, 483, 485, 489; 346.
3) Ibid. p. 461 и 509—10.
4) Ibid. p. 729.
5) Ibid. p. 790.
6) Ibid. p. 945, 949, 941.
7) Ibid. p. 965, 909 и 640.
8) Ibid. p. 673—4.
9) Ibid. p. 181—83, 259—260.
10) Ibid. p. 190—192.

вниманіемъ къ метафизикѣ и исключительнымъ интересомъ къ морали[1]); въ наукѣ на немъ основана самая классификація отраслей человѣческихъ знаній: на первомъ мѣстѣ стоятъ тѣ науки, которыя имѣютъ непосредственное отношеніе къ человѣческому духу, далѣе идутъ тѣ, объектомъ которыхъ служитъ человѣческое тѣло, и послѣднее мѣсто занимаютъ науки о внѣшнемъ мірѣ[2]). Въ силу того же взгляда Петрарка сводитъ исторію къ біографіямъ и ея значеніе видитъ въ морали въ широкомъ смыслѣ этого слова[3]. Та же самая черта, хотя нѣсколько иначе, обнаруживается и у Боккаччіо. Его историческія произведенія De claris mulieribus и De casibus virorum съ ихъ этическими отступленіями ясно показываютъ, чего авторъ ищетъ въ исторіи; близкое знакомство съ человѣческими свойствами составляетъ характерную особенность его Декамерона, и Боккаччіо — авторъ перваго психологическаго романа, въ которомъ онъ изображаетъ не свое собственное состояніе, а чувства покинутой женщины[4]). Также заинтересованы человѣкомъ и послѣдователи первыхъ гуманистовъ. Книга Рамбальди Augustalis libellus — собраніе біографій; философскіе трактаты Салютами заняты исключительно этическими вопросами; сочиненіе Конвертино De rebus memorandis такая же иллюстрація свойствъ человѣка, какъ и аналогичное произведеніе Петрарки; Верджеріо выше всего ставитъ такую философію, которая „живетъ въ городахъ", заботится „объ общемъ благѣ и старается быть полезной наибольшему количеству людей"[5]). Гуарино и Бруни съ особенной охотой переводятъ біографіи Плутарха[6]; наконецъ, въ самостоятельныхъ произведеніяхъ Бруни біографія занимаетъ видное мѣсто, а въ исторіи онъ, подобно Петраркѣ, ищетъ назидательности, хотя придаетъ этому слову иное и болѣе глубокое значеніе[7]).

Этотъ интересъ къ человѣку проникнутъ анти-аскетическимъ и вообще не средневѣковымъ характеромъ, потому что гуманисты высоко цѣнятъ духовныя свойства человѣка, не считаютъ зломъ его физической природы, ставятъ индивидуальныя свойства выше сословныхъ привилегій и не придаютъ никакого значенія знатности. Эта черта обнаруживается уже въ произведеніяхъ Петрарки, несмотря на его пессимизмъ и на тѣсную связь съ предшествующей эпохой. Въ его трактатѣ De vita solitaria мы находимъ панегирикъ „благородному" человѣ-

1) Ibid. p. 190—191, 389—91.
2) Ibid. p. 200—201 и 197
3) Ibid. p. 249—50.
4) Ibid. p. 494.
5) Ibid. p. 970—71.
6) Ibid. p. 926—27; 664—65.
7) Ibid. p. 667 и слѣд.

ческому духу[1]); въ сочиненіи De rebus memorandis онъ высоко ставитъ практическія способности человѣка, даже не способнаго къ научной дѣятельности[2]), и такъ располагаетъ свои примѣры, иллюстрирующіе человѣческія свойства, что вся книга является фактическимъ доказательствомъ высокаго достоинства нашей природы. Гораздо далѣе въ этомъ отношеніи идетъ Боккаччіо. Въ De casibus virorum, говоря о краснорѣчіи, онъ слагаетъ гимнъ человѣческой природѣ[3]); во введеніи къ 4 дню Декамерона онъ защищаетъ все естественное въ человѣкѣ и объявляетъ борьбу съ требованіями природы дѣломъ безполезнымъ или даже вреднымъ[4]). Любовь для него въ Amorosa Visione — высшее благо, въ Декамеронѣ не только непреодолимая естественная потребность, но и культурная сила (V,I), въ латинскомъ трактатѣ De claris mulieribus — благотворная основа семейнаго союза[5]). Свойство человѣка, доведенное до высокаго развитія, большое достоинство въ глазахъ Боккаччіо: онъ вноситъ въ свою памятную книжку всякихъ знаменитостей и въ предисловіи къ De claris mulieribus ставитъ въ особую заслугу женщинамъ тотъ фактъ, что онѣ добиваются извѣстности, несмотря на слабость своего пола[6]). Боккаччіо чуждъ всякой исключительности: онъ признаетъ значеніе всякой науки и всякаго ремесла, и считаетъ долгомъ человѣка не борьбу съ своими наклонностями, а расположеніе сообразно съ ними своей жизни и занятій[7]). Благородное происхожденіе не имѣетъ для него никакой цѣны, и въ Amorosa Visione, въ Corbaccio и въ Декамеронѣ мы находимъ настоящую проповѣдь противъ знатности во имя равенства всѣхъ по рожденію и индивидуальныхъ свойствъ, какъ единственнаго отличія между людьми[8]). Подобныя воззрѣнія мы находимъ и у послѣдователей Петрарки и Боккаччіо. Средневѣковой по духу трактатъ Салютати De saeculo только по взгляду автора на человѣческую природу принадлежитъ къ гуманистической литературѣ. Салютати считаетъ волю человѣка наклонной къ добру и человѣческую природу способной достигнуть ангельскаго совершенства[9]). Возражая Петраркѣ, который утверждаетъ, что медику не нужно краснорѣчіе, онъ проводитъ ту мысль, что врачъ не долженъ быть узкимъ

[1]) Ibid. p. 186—7.
[2]) Ibid. p. 259.
[3]) Ibid. p. 439.
[4]) Ibid. p. 497.
[5]) Ibid. p. 487, 488, 434.
[6]) Ibid. p. 459 и 433.
[7]) Ibid. p. 427.
[8]) Ibid. p. 489, 510, 507.
[9]) Ibid. p. 794.

спеціалистомъ и ему слѣдуетъ обладать широкимъ и глубокимъ интересомъ къ знанію вообще[1]). Конвертино смотритъ на человѣческую природу, какъ Салютати, чуждъ всякой исключительности, какъ Боккаччіо, и его трактатъ De rebus memorandis имѣетъ тотъ же смыслъ, что и аналогичное сочиненіе Петрарки[2]). Верджеріо въ своемъ педагогическомъ трактатѣ требуетъ всесторонняго развитія духа и тѣла и самъ стремится къ универсальности въ духовной сферѣ[3]). По мнѣнію Лоски, въ душѣ человѣка такъ глубоко и прочно лежатъ сѣмена добродѣтели, что ихъ нельзя истребить никакими пороками[4]). Гуарино длиннымъ письмомъ защищаетъ семью и женщину[5]). Но особенно послѣдовательно проводится эта точка зрѣнія въ сочиненіяхъ Бруни. Въ Isagogicon онъ настаиваетъ на той мысли, что человѣкъ по природѣ стремится къ добру, что цѣль философіи только устраненіе ложныхъ воззрѣній, мѣшающихъ правильному исходу этихъ стремленій, а цѣль педагогіи шире развить природныя свойства и притомъ не только духовныя, но и физическія. Во взглядѣ на разумъ Бруни доказываетъ его несравненное превосходство надъ волей и считаетъ умственный недостатокъ гораздо большимъ бѣдствіемъ, чѣмъ нравственная испорченность; по отношенію къ любви онъ стоитъ на точкѣ зрѣнія введенія въ 4-й день Декамерона Боккаччіо, при чемъ въ этомъ духѣ вноситъ своимъ разсказомъ о Селевкѣ поправку въ его новеллу о Танкредѣ. Наконецъ, соціальный демократизмъ находитъ столь рѣзкое выраженіе въ діалогѣ Бруни о знатности, что на ряду съ нимъ можно поставить только тѣ идеи, которыя Поджіо влагаетъ въ уста Никколи въ своемъ трактатѣ De nobilitate[6]).

Естественнымъ результатомъ анти-аскетическаго отношенія гуманистовъ къ человѣку былъ ихъ интересъ къ современной дѣйствительности и къ жизни вообще. Уже Петрарка, несмотря на свои пессимистическія ламентаціи[7]), очень заинтересовалъ жизнью. Правда, онъ стремится въ уединеніе; но его цѣль уединиться не отъ людей, а только отъ хлопотъ и заботъ[8]). Трактатъ De remediis свидѣтельствуетъ о его наблюдательности и хорошемъ знакомствѣ съ жизнью; нѣкоторые эпизоды изъ De rebus memorandis и нѣкоторыя эклоги показываетъ, что онъ зналъ и политическую дѣйствительность[9]), а

---

1) Ibid. p. 804.
2) Ibid. p. 955, 945 и 953.
3) Ibid. p. 959, 970.
4) Ibid. p. 893.
5) Ibid. p. 931.
6) Ibid. p. 598 и 600; 601 и слѣд., 445, 693. О трактатѣ Поджіо p. 858 и слѣд.
7) Ibid. p. 189.
8) Ibid. p. 186—7.
9) Ibid. p. 181—3, 253, 255, 267.

его итальянскія стихотворенія, переписка и рѣчи служатъ несомнѣннымъ доказательствомъ, что онъ охотно принималъ участіе въ текущей политической жизни. Интересъ къ жизни Боккаччіо едвали можетъ подлежать сомнѣнію. По вѣрному замѣчанію одного критика, Декамеронъ можетъ служить руководствомъ для изученія „флорентійскихъ частныхъ древностей“ [1]). Политическую современность Боккаччіо изображаетъ и въ Филокопо, и въ эклогахъ, и даже въ географическомъ сочиненіи [2]). Знакомство съ современной дѣйствительностью Рамбальди обнаруживаетъ въ своемъ комментаріи [3]). Салютати въ своей перепискѣ и инвективѣ [4]). Сочиненіе Конвертино De rebus memorandis — превосходная культурная картинка изъ современной автору дѣйствительности. Интересъ къ окружающей средѣ обнаруживаетъ и переписка Верджеріо [5]) и вся литературная дѣятельность Лоски. Бруни и въ этомъ отношеніи является самымъ характернымъ выразителемъ гуманистическихъ тенденцій. Въ біографіяхъ Данте и Петрарки онъ вступаетъ въ полемику съ первымъ гуманистомъ по поводу его восхваленій уединенія [6]). Бруни высоко ставитъ практическую дѣятельность, имѣетъ ее въ виду въ своихъ педагогическихъ теоріяхъ, посвящаетъ ей спеціальные трактаты [7]). Современная политическая дѣйствительность предметъ его глубокаго интереса: ей посвящаетъ онъ историческія произведенія и ее имѣетъ въ виду въ своихъ политическихъ трактатахъ [8]). Но этотъ индивидуализмъ, являясь характернымъ свойствомъ гуманистической литературы, не составляетъ ея специфическаго признака. Спорадически онъ проявляется и въ предшествующую эпоху не только у отдѣльныхъ писателей, но и въ нѣкоторыхъ литературныхъ теченіяхъ, развившихся на почвѣ оппозиціи аскетическому идеалу [9]). Въ этомъ отношеніи гуманисты отличаются отъ своихъ предшественниковъ количественно, а не качественно. Ихъ качественная разница, составляющая специфическій признакъ движенія, заключается въ критическомъ отношеніи къ средневѣковымъ формамъ культуры и въ стремленіи выработать на индивидуалистической основѣ новое міросозерцаніе, т.-е. построить на ней религію, мораль, педагогію, политику и науку. Это міросозерцаніе должно было дать теоретическое

---

[1]) Ibid. p. 495—96.
[2]) Ibid. p. 483—4, 463, 448.
[3]) Ibid. p. 726—8.
[4]) Ibid. p. 809.
[5]) Ibid. p. 965.
[6]) Ibid. p. 628.
[7]) Ibid. p. 600 и слѣд., 635 и слѣд.
[8]) Ibid. p. 672 и слѣд., 678 и слѣд.
[9]) См. Bartoli. I Precursori del Rinascimento и соотвѣтствующія мѣста у Фогта, Жебара и Кёртинга.

обоснованіе новымъ потребностямъ, ставшимъ въ противорѣчіе съ средневѣковыми идеалами. Весьма важную роль при выработкѣ новыхъ идеаловъ играла античная литература. Интересъ къ древности и сравнительно хорошее знакомство съ нею гуманистовъ нѣтъ надобности доказывать. Это проявляется въ каждомъ гуманистическомъ сочиненіи, и относительно этого никто никогда не обнаруживалъ ни малѣйшаго сомнѣнія. Но знаніе классическихъ языковъ и литературы само по себѣ еще менѣе, нежели индивидуализмъ, можетъ служить специфическимъ признакомъ гуманистическаго движенія. Не говоря уже о томъ, что между предшественниками гуманистовъ были люди, не хуже Петрарки знакомые съ древностью[1]), и въ занимающую насъ эпоху встрѣчаются отдѣльныя лица, которыя знаютъ древніе языки и литературу, но не раздѣляютъ гуманистическихъ стремленій, а иногда даже относятся враждебно къ движенію. Къ первой категоріи принадлежитъ, по всей вѣроятности, Билья, можетъ быть, Барцицца, ко второй — Ландини[2]). Для гуманистовъ древность нѣчто большее, чѣмъ объектъ науки. Они находятъ въ ней иногда родственное настроеніе, иногда готовую формулу для своихъ воззрѣній, иногда высокій образецъ для литературной или научной работы. Кромѣ того, античный міръ, и преимущественно древній Римъ, является въ ихъ глазахъ великою родною стариной, которая въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ стоитъ гораздо выше настоящаго. Совершенно естественно, что гуманисты любятъ древность, высоко цѣнятъ ея авторитетъ и стараются у нея учиться. Но живой интересъ къ дѣйствительности, пониманіе ея жизненности, силы и важности препятствуютъ слѣпому преклоненію передъ античнымъ прошлымъ, фантастическому стремленію воскресить отжившее, и гуманисты относятся къ классической древности такъ же критически, какъ къ ближайшему прошлому и современной дѣйствительности. Въ выработкѣ новаго міросозерцанія они руководятся индивидуальными потребностями, которыя служатъ для нихъ критеріемъ годнаго и подходящаго какъ въ прошломъ, такъ и въ настоящемъ. Исходнымъ пунктомъ этой работы являлась индивидуальная потребность, основнымъ настроеніемъ по отношенію къ прошлому былъ критицизмъ, при чемъ классическая древность по временамъ служила опорой для новаго міросозерцанія, а современная дѣйствительность его регуляторомъ. Такое отношеніе между факторами гуманистическаго движенія обнаруживается болѣе или менѣе во всѣхъ направленіяхъ культурной работы гуманистовъ, за исключеніемъ выработки религіозныхъ воззрѣній. Изъ всѣхъ раннихъ гуманистовъ

[1]) Ibid.

[2]) См. выше p. 901—3, 906 и слѣд. и 867.

этотъ пунктъ болѣе всего занимаетъ Петрарку. Современныя ему формы христіанства не удовлетворяли его потребностямъ, и родоначальникъ гуманизма относился къ нимъ критически. Богословы представляются ему „болтунами", Авиньёнская курія Вавилонской блудницей; онъ пытается создать себѣ религіозное міросозерцаніе, которое дѣлало ненужной схоластическую богословію, превращало монашество въ простое уединеніе созерцательной жизни[1]). Но изъ этой попытки ничего не вышло. Критицизмъ не былъ такъ силенъ, чтобы ниспровергнуть самыя основы католицизма: Вавилонская блудница все же признавалась намѣстникомъ Христа, распутные кардиналы все же считались членами „апостольской" коллегіи, принципіально противъ монашества не было произнесено ни единаго слова[2]). Для успѣха въ этой сферѣ Петраркѣ недоставало болѣе глубокаго религіознаго чувства, которое сдѣлало бы, какъ позже, изъ Евангелія могучее оружіе противъ папства, а языческая древность здѣсь была для него совершенно безполезна, такъ какъ ее нельзя было противопоставить христіанству. Правда, въ эклогахъ и „Африкѣ" проявляется такъ называемый „паганизмъ"[3]), но это пустая формальность, не имѣвшая никакого вліянія на воззрѣнія автора, Наоборотъ, самый рѣзкій критицизмъ Петрарки по отношенію къ древнимъ писателямъ, самые суровые упреки по ихъ адресу обусловливались тѣмъ, что имъ было чуждо христіанское благочестіе[4]). Немногимъ отличаются и религіозныя воззрѣнія Боккаччіо. Его критицизмъ по отношенію къ церкви шире, но не глубже, чѣмъ у Петрарки[5]), единственный и весьма слабый намекъ на принципіальное отрицаніе касается монашества, но и онъ выраженъ только въ формѣ сомнѣнія въ цѣлесообразности обычнаго отношенія вѣрующихъ къ этому институту[6]). Формальный паганизмъ встрѣчается и у Боккаччіо, но онъ не имѣетъ никакого значенія уже потому, что авторъ Декамерона смотритъ на миѳъ съ точки зрѣнія Эвгемера[7]). Вторая гуманистическая генерація очень мало подвинулась впередъ въ этомъ отношеніи. Такъ, у Рамбальди замѣчается критицизмъ его предшественниковъ: онъ называетъ курію „великой блудницей"; его фактическія иллюстраціи напоминаютъ не только „Письма безъ адреса" Петрарки, но и Декамеронъ Боккаччіо, изъ котораго онъ заимствуетъ разсказъ объ евреѣ Авраамѣ и о Чапеллетто. Но Рамбальди орто-

[1]) Ibid. 214, 223, 189—190.
[2]) Ibid. p. 278—79, 203—204.
[3]) Ibid. p. 268, 270.
[4]) Ibid. 191, 197—98.
[5]) Ibid. p. 502—6, 510.
[6]) Ibid. p. 499—502 ср. p. 426—7.
[7]) Ibid. p. 467, 481—83.

доксальный паписть и даже интересуется богословскими вопросами[1]). У Салютати критицизмъ обнаруживается въ несравненно болѣе слабой степени, а попытка построить новое религіозное міросозерцаніе сводится къ возвращенію къ самому строгому аскетическому идеалу[2]). У Верджеріо замѣчается слабая попытка выработать себѣ религіозныя воззрѣнія, имѣя въ виду исключительно нравственное ученіе христіанства, которое, по его словамъ, самое сильное доказательство въ пользу нашей вѣры; но и онъ слишкомъ крѣпко держится традиціоннаго католицизма и потому впадаетъ въ противорѣчіе. Такъ, коллегія кардиналовъ для него „основаніе религіи и глава вѣры", а въ письмѣ противъ одного кардинала онъ отрицаетъ всякое значеніе этого сана[3]). Конвертино этотъ вопросъ, повидимому, совсѣмъ не занималъ и такое же отношеніе къ нему обнаруживаютъ старшіе гуманисты третьей генераціи. Бруни въ инвективѣ противъ монаховъ доходитъ до принципіальнаго отрицанія этого учрежденія и провозглашаетъ принципъ, что улучшаетъ человѣка только искреннее чувство[4]); но въ его сочиненіяхъ мы не находимъ дальнѣйшаго развитія этихъ взглядовъ. Наконецъ, Лоски относится, повидимому, съ холоднымъ презрѣніемъ къ религіознымъ вопросамъ[5]).

Но каковы бы ни были результаты стремленій раннихъ гуманистовъ построить себѣ религіозное міросозерцаніе, самый фактъ существованія такой попытки и ея индивидуалистическій характеръ не подлежатъ сомнѣнію. Такимъ же характеромъ отличаются и моральныя тенденціи гуманистовъ. Всѣ латинскія произведенія Петрарки и значительная часть его переписки трактуютъ прямо или косвенно о моральныхъ вопросахъ; вся его полемика противъ средневѣковой церкви и науки происходитъ во имя морали, что доказываетъ и его неудовлетворенность ходячей нравственностью и желаніе выработать себѣ новое этическое міросозерцаніе. Во многихъ произведеніяхъ, а въ особенности въ De vera sapientia и въ Secretum первый гуманистъ формулируетъ свое моральное ученіе. По существу оно носитъ религіозный характеръ: цѣль нравственности спасеніе души; средство — самопознаніе, которое ведетъ къ добродѣтели; самое лучшее побужденіе къ добродѣтели мысль о смерти и стремленіе къ совершенствованію[6]). Итакъ, по основѣ эта мораль индивидуалистическая, вслѣдствіе чего Петрарка чувствуетъ особую склонность къ стоицизму.

[1]) Ibid. p. 723—25.
[2]) Ibid. 791 и слѣд.
[3]) Ibid. p. 970—71.
[4]) Ibid. p. 632.
[5]) Ibid. p. 893—94.
[6]) Ibid. p. 191, 389, 205.

Но и стоицизмъ, „болѣе близкій къ истинѣ, чѣмъ къ жизни“, его не удовлетворяетъ[1]), и онъ обращается къ Платону, къ Аристотелю и даже къ Плотину, но не останавливается ни на одномъ изъ этихъ философовъ, хотя и предпочитаетъ другимъ Платона, какъ болѣе близкаго къ христіанству[2]). Индивидуалистическая этика стремится замѣнить готовый аскетизмъ какимъ-нибудь подходящимъ ученіемъ древности. Мораль Боккаччіо — крайнее проявленіе индивидуализма; ея цѣль счастье, средство для этой цѣли — широкое развитіе естественныхъ склонностей и выборъ сообразно съ ними жизненнаго пути[3]). Рамбальди не идетъ дальше скептизма въ этико-философскихъ вопросахъ. По его мнѣнію, Аристотель выше Сенеки, а кто выше: Платонъ или Аристотель, онъ отказывается рѣшить по недостатку хорошихъ переводовъ ихъ произведеній и по трудности философскихъ вопросовъ вообще[4]). Ученикъ Петрарки, Ломбардо да Серико, подражавшій первому гуманисту, видитъ суть нравственности въ томъ, чтобы „добродѣтельно слѣдовать природѣ“[5]). Попытка Салютати построить мораль на чисто религіозной почвѣ привела его къ проповѣди аскетизма, хотя онъ считаетъ Платона и Аристотеля одинаково безспорными авторитетами[6]). Въ мнѣніяхъ по частнымъ вопросамъ морали Салютати наоборотъ опирается исключительно на древность: онъ оправдываетъ Лукрецію, вопреки ея осужденію съ религіозной точки зрѣнія бл. Августиномъ и рѣшаетъ вопросъ о скромности исключительно на основаніи античныхъ авторитетовъ[7]). Отношеніе къ морали Конвертиво очень своеобразно. Сколько можно судить по извѣстнымъ его трактатамъ, онъ стоитъ на грубо скептической точкѣ зрѣнія, отрицаетъ общественный вредъ нѣкоторыхъ пороковъ, обвиняетъ Лукрецію въ недостаточной практичности и симпатизируетъ очень удобной для мужчины, но весьма сомнительной семейной нравственности[8]). Мораль Верджеріо механическое соединеніе поверхностно понятаго христіанства съ извращеннымъ стоицизмомъ: Богъ награждаетъ добродѣтель, а добродѣтель тождественна съ наукой, которая доставляетъ наслажденіе гуманисту[9]). Моральный трактатъ Бруни — превосходный образецъ отношенія къ нравственности гу-

---

[1]) Ibid. p. 207.
[2]) Ibid. p. 390.
[3]) Ibid. p. 497, 515.
[4]) Ibid. p. 939.
[5]) Ibid. p. 786 и слѣд.
[6]) Ibid. p 790.
[7]) Ibid. p. 802—4.
[8]) Idib. p. 946, 948 и прил. VII A.
[9]) Ibid. p. 968—970.

манистовъ третьей генераціи. Прежде всего авторъ заявляетъ о необходимости выработать этическую доктрину, безъ которой жить нельзя; слѣдовательно старое ученіе отвергается, какъ нѣчто отжившее. Далѣе, мораль сводится къ всестороннему развитію человѣческой природы, по существу наклонной къ добру, и единственная цѣль моральной философіи — устранить ложныя воззрѣнія, мѣшающія развитію индивидуальныхъ свойствъ. Задача автора исчерпывается тѣмъ, что онъ отыскиваетъ у классическихъ писателей подходящую для этой цѣли философію. Съ этой точки зрѣнія онъ подвергаетъ сравнительной оцѣнкѣ всѣ философскія системы, при чемъ отдаетъ преимущество передъ другими Аристотелю[1]). Мораль Лоски еще проще: раздѣляя взглядъ Бруни на человѣческую природу, онъ отождествляетъ, опираясь на Квинтиліана, добродѣтель съ краснорѣчіемъ, которое онъ очень любилъ[2]), и такимъ образомъ предоставляетъ себѣ самую широкую свободу дѣйствія. Что касается до моральныхъ наставленій, которыя даетъ Гуарино своему сыну, то они носятъ грубо-утилитарный характеръ[3]). Итакъ, несмотря на разнообразіе моральныхъ ученій, всѣ гуманисты чувствуютъ интересъ къ этимъ вопросамъ, неизмѣнно рѣшая ихъ на индивидуалической почвѣ, при чемъ одни стараются примкнуть къ традиціонной морали, другіе ее совершенно игнорируютъ. Но всѣ они ищутъ опоры въ древности или въ формѣ назидательнаго біографическаго примѣра, какъ поступаютъ Петрарка и Боккаччіо, или заимствуя изъ древности подходящую доктрину, какъ дѣлаютъ Петрарка, Верджеріо, Бруни и Лоски. Этой практической приложимостью памятника классической литературы и объясняются симпатіи гуманистовъ къ тому или другому античному писателю.

Весьма ясно обнаруживаются индивидуалистическія тенденціи и въ педагогическихъ теоріяхъ гуманистовъ. Верджеріо утверждаетъ, что образованіе можетъ замѣнить не только знатное имя, но и цвѣтущую родину, что воспитаніе должно быть построено на изученіи индивидуальныхъ свойствъ питомца, что развивать нужно не только духъ, но и тѣло ребенка, и доказываетъ свои положенія примѣрами изъ древняго міра[4]). Тѣ же самые принципы положены въ основаніе педагогическихъ трактатовъ Бруни, при чемъ заслуживаетъ вниманія тотъ фактъ, что, встрѣчаясь съ нѣкоторыми педагогическими особен-

---

[1]) Ibid. p. 598—600 и 643—5.
[2]) Ibid. p. 888—889 и 892—4.
[3]) Ibid. p. 923—4.
[4]) Ibid p. 959.

ностями древняго міра, авторъ только отмѣчаетъ ихъ, а не требуетъ непремѣннаго приложенія[1]).

Особенно характерно проявляются гуманистическіе пріемы въ политическихъ трактатахъ. Прежде всего современная дѣйствительность играетъ здѣсь совершенно иную роль, чѣмъ въ религіозныхъ и этическихъ построеніяхъ; далѣе, увлеченіе блестящимъ политическимъ прошлымъ здѣсь проще и естественнѣе, чѣмъ гдѣ-либо; тѣмъ не менѣе индивидуализмъ проявляется и здѣсь чрезвычайно рѣзко, и политическія построенія гуманистовъ по существу ни чѣмъ не отличаются отъ этическихъ. Петрарка и въ этой сферѣ исходитъ изъ критическаго отношенія къ дѣйствительности; совершенно естественно, что его мысль возвращается къ старинѣ, когда Римъ господствовалъ надъ міромъ. Но это только мечта, вовсе не опредѣлявшая публицистической и практической дѣятельности перваго гуманиста. Его постоянный идеалъ — единая Италія или, по крайней мѣрѣ, умиротворенная Италія — навѣянъ не античными идеями, а реальными потребностями. Точно такъ же изъ наблюденій надъ дѣйствительностью вынесъ Петрарка убѣжденіе, что монархія — самая подходящая для современности политическая форма[2]). Индивидуалистическія тенденціи сказываются и въ его глубокой вѣрѣ въ могущество личности въ дѣлѣ устройства политическихъ порядковъ и въ характерномъ взглядѣ, что для Платоновъ и Сенекъ неопасны Діонисіи и Нероны[3]). Боккаччіо не чувствовалъ большого интереса къ политическимъ вопросамъ; но изъ его трактатовъ и переписки можно извлечь нѣсколько характерныхъ чертъ его политическаго міросозерцанія. Республиканскія симпатіи Боккаччіо опредѣляются его принадлежностью къ Флорентійской республикѣ; но онъ не принципіальный противникъ монархіи, а съ крайней рѣзкостью относится къ современнымъ государямъ только въ силу ихъ нравственныхъ недостатковъ. Знаменитая проповѣдь тиранноубійства, если и навѣяна античными воспоминаніями, то аргументируется чисто индивидуалистическими соображеніями. Но, предпочитая монархіи республику, Боккаччіо относится съ рѣзкой критикой къ современнымъ республиканскимъ порядкамъ и въ письмѣ къ Pino de'Rossi сквозятъ космополитическія тенденціи, которыя оправдываются цитатами изъ древнихъ авторовъ[4]). Рамбальди на ряду съ патріотическими жалобами заявляетъ, что разумный человѣкъ долженъ стоять выше партій[5]). Салютати болѣе убѣжденный республиканецъ, чѣмъ Боккаччіо; но и

---

[1]) Ibid. p. 600—609.
[2]) Ibid. p. 217, 391.
[3]) Ibid. p. 204.
[4]) Ibid. p. 441—44 и 461.
[5]) Ibid. p. 726—28.

онъ, опираясь на древнихъ, признаетъ монархію. Республиканскія симпатіи обусловливаются у него любовью къ политической свободѣ и аргументируются дѣйствительнымъ положеніемъ дѣлъ[1]). Особенно характерны политическія воззрѣнія Конвертино. Онъ искренній и убѣжденный монархистъ; но его политическая теорія не связана съ какой-либо традиціей, а построена на личныхъ наблюденіяхъ автора. Онъ защищаетъ монархію, потому что она лучше гарантируетъ свободу, болѣе содѣйствуетъ развитію наукъ etc. и опирается при этомъ главнымъ образомъ на факты, заимствованные изъ дѣйствительности, при чемъ древность и христіанское ученіе являются у него только какъ санкція его политическихъ симпатій: достоинство монархіи доказывается между прочимъ тѣмъ, что единое Божество управляетъ міромъ и что Римъ былъ могуществен при имперіи и т. д.[2]). Политика Верджеріо еще характернѣе: она свободна отъ всякаго авторитета, носитъ чисто экспериментальный характеръ и имѣетъ цѣлью логическое оправданіе все вновь нарождающейся тиранніи. Человѣкъ сильнѣе закона, поэтому сильный и доблестный человѣкъ долженъ управлять другими[3]). Индивидуальныя свойства поставлены выше права, и эта точка зрѣнія сдѣлалась господствующей въ политическихъ воззрѣніяхъ гуманистовъ третьей генераціи. У Бруни эта мысль смягчена. Теоретически онъ считаетъ индивидуальныя свойства основой власти, но въ своихъ политическихъ построеніяхъ имѣетъ въ виду главнымъ образомъ теоретическое обоснованіе флорентійскихъ порядковъ. Правда, онъ разсматриваетъ идеальное государство, какъ оно понимается философами, и считаетъ образцомъ реальнаго Римъ. Но къ традиціоннымъ политическимъ формамъ, какъ средневѣковая и даже античная имперія онъ относится съ глубокимъ презрѣніемъ и рѣзко порицаетъ политическія фантазіи Платона; populus Romanus, по его словамъ „умеръ и похороненъ" и подражать ему — абсурдъ. Изъ древней исторіи онъ выбираетъ то, что можетъ санкціонировать и укрѣпить симпатичные ему флорентійскіе порядки, напр. отсутствіе постояннаго войска, поступокъ Сципіона Назики съ Гракхомъ и т. п., и только требуетъ въ силу своего основного взгляда, чтобы плебеямъ былъ открытъ доступъ во всадническое сословіе[4]). Политическія воззрѣнія Лоски сходны съ взглядами Петрарки, потому что онъ видѣлъ спасеніе Италіи въ усиленіи монархическаго начала, наилучшимъ представителемъ котораго считалъ

[1]) Ibid. p. 804—9.
[2]) Ibid. p. 940—47.
[3]) Ibid. p. 965—67.
[4]) Ibid. 635—8, 645—9, 657—9, 669, 601.

Висконти[1]). Монархическія теоріи Гуарино обусловливались практическими соображеніями: онъ ихъ защищаетъ, находясь на службѣ у д'Эсте, и, ссылаясь на авторитетъ Гомера, проповѣдуетъ ихъ сыну, поступающему на службу къ Альфонсу Неаполитанскому; но при случаѣ Гуарино высказываетъ и республиканскія убѣжденія[2]). Крайнюю степень гуманистическаго индивидуализма въ политикѣ представляютъ діалоги Поджіо, гдѣ разсуждаетъ на эту тему Никколи. Въ дѣйствительности Никколи былъ равнодушенъ къ политикѣ, и діалоги даютъ объясненіе этому факту. Въ монархіи, гдѣ господствуетъ человѣкъ, государи въ силу своей обстановки лишены добродѣтели и разумности, и хорошіе люди между ними крайне рѣдкое исключеніе, а потому разумный человѣкъ будетъ удаляться отъ политики. Въ республикѣ долженъ господствовать законъ, но законъ, какъ паутина, сдерживаетъ только слабыхъ; сильные его нарушаютъ, и это очень хорошо, потому что только съ нарушеніемъ законовъ возможно развитіе наукъ и искусствъ, при чемъ всѣ разсужденія какъ о монархіи, такъ и о республикѣ подтверждаются массой примѣровъ изъ древней исторіи[3]). Итакъ и въ политическихъ построеніяхъ ранніе гуманисты положительно или отрицательно исходятъ отъ современной дѣйствительности, при чемъ древность служитъ санкціей самыхъ противоположныхъ воззрѣній. Но эта противоположность содержанія политическихъ теорій объединяется пріемами ихъ построенія. Гуманистическій индивидуализмъ обнаруживается здѣсь въ критическомъ отношеніи къ дѣйствительности, въ полной свободѣ отъ традиціи, въ попыткахъ обобщать личныя наблюденія и создавать изъ нихъ теоріи и въ отрицаніи всякаго нравственнаго авторитета установленныхъ политическихъ формъ и даже закона.

Тѣ же самые пріемы употребляютъ гуманисты для теоретическаго обоснованія своихъ научныхъ стремленій. Свою индивидуальную потребность къ широкому научному образованію, результатъ культурнаго роста личности, они оправдываютъ то религіей, то моралью, исходя положительно или отрицательно изъ традиціонныхъ воззрѣній. Петрарка ставитъ науку въ зависимость, прямую и косвенную, отъ религіи: языческая поэзія и философія нужны потому, что онѣ внушаютъ уваженіе къ истинной религіи и потому еще, что онѣ ведутъ къ самопознанію и къ добродѣтели, а слѣдовательно къ спасенію. Изъ этой санкціи дѣлается и дальнѣйшій выводъ: если цѣль науки самопознаніе, то ея главный объектъ — человѣкъ. Мы только что видѣли,

---

[1]) Ibid. Sp. 94—6.
[2]) Ibid. p. 922—23, 926.
[3]) Ibid. p. 857, 861.

что на основаніи индивидуалистическаго интереса къ человѣку построена самая классификація наукъ; отсюда же вытекаетъ и отношеніе къ средневѣковой наукѣ. Петрарка рѣшительно отвергаетъ богословіе, потому что оно недоступно разуму и не содѣйствуетъ самопознанію; онъ признаетъ право и медицину вообще, но ставитъ ихъ ниже, потому что они касаются менѣе важныхъ сторонъ человѣка, и рѣшительно борется противъ ихъ средневѣковыхъ представителей, потому что они невѣжественные и недобродѣтельные люди. На первомъ планѣ стоятъ поэзія, этика и исторія, какъ понимаетъ ее Петрарка, т.-е. какъ аггрегатъ біографій. Но получивши религіозную и моральную санкцію, наука свободна, и въ исторической критикѣ Петрарки вѣетъ духъ новой науки. Боккаччіо повторяетъ эти воззрѣнія перваго гуманиста, только относится съ бо́льшимъ уваженіемъ къ средневѣковымъ свѣтиламъ и съ меньшей критикой къ древнимъ писателямъ[1]). На той же точкѣ зрѣнія стоитъ Салютати[2]). Для Верджеріо добродѣтель и наука одно и то же, и онъ ставитъ своей задачей усвоить всѣ отрасли знанія, потому что въ наукахъ заключается величайшее наслажденіе[3]). Бруни рѣзко относится къ средневѣковымъ ученымъ по тѣмъ же причинамъ, что и Петрарка, но наука для него имѣетъ raison d'être и внѣ связи съ религіей и моралью, а какъ самостоятельная духовная потребность[4]).

Итакъ развитіе индивидуальныхъ потребностей вызвало интересъ гуманистовъ къ наукѣ; гуманистическимъ интересомъ къ личности опредѣлялось ихъ отношеніе къ различнымъ отраслямъ знанія и къ античной литературѣ. Обращеніе къ классической старинѣ было неизбѣжно, потому что средневѣковая наука не подходила къ новымъ потребностямъ; но и въ древній литературѣ ищутъ прежде всего такихъ писателей, которые ближе по настроенію и даютъ болѣе средствъ понять современнаго человѣка, вообще наиболѣе приложимы къ дѣйствительности. Поэтому гуманисты изучаютъ философовъ, поэтовъ, ораторовъ и историковъ. Особенно такая точка зрѣнія обнаруживается въ выборѣ авторовъ для перевода. Гуарино и Бруни переводятъ преимущественно съ практическими и педагогическими цѣлями, чтобы дать хорошій совѣтъ государю, чтобы показать гибельность междоусобій, пользу научнаго образованія и т. д.[5]). Въ этомъ же слѣдуетъ искать причины равнодушія гуманистовъ къ праву:

---

[1]) Ibid. p. 425—7, 459.
[2]) Ibid. p. 789, 800—1, 813.
[3]) Ibid. p. 968, 970, 960.
[4]) Ibid. p. 610, 600 и слѣд.
[5]) Ibid. p. 627, 661—70.

законы утратили силу въ современной дѣйствительности, и изученіе древняго права не имѣло практическаго интереса. Но, интересуясь исключительно классической наукой, гуманисты относятся къ ней критически. Боккаччіо часто заявляетъ сомнѣніе къ фактическимъ показаніямъ классическаго автора[1]); Рамбальди высказываетъ подозрѣніе, что Плутархъ льстилъ Траяну[2]); у Бруни мы находимъ настоящую критику античныхъ источниковъ[3]). Точно такъ же не слѣпымъ поклоненіемъ античной старинѣ, а въ значительной степени потребностями развитой индивидуальности объясняется нѣкоторое увлеченіе гуманистовъ классической формой. Формальное изученіе древней литературы вызывалось прежде всего желаніемъ точно понять писателя[4]), затѣмъ стремленіемъ излагать свои сочиненія изящной латынью. Употребленіе латинскаго языка въ научныхъ и литературныхъ произведеніяхъ не было нововведеніемъ гуманистовъ. Они примыкаютъ въ этомъ отношеніи къ средневѣковой традиціи, и ранніе памятники гуманистической литературы, какъ рѣчи Петрарки и Ламбертаччи[5]), могутъ служить наглядной иллюстраціей этой связи. Но развитіе эстетическаго чувства, составляющее характерную черту эпохи, требовало улучшенія традиціонной формы, и гуманисты обратились къ изученію ея античныхъ образцовъ и стали подражать ихъ стилю. Фогтъ показалъ, что Петрарка только впослѣдствіи придалъ античную окраску своимъ письмамъ, вызваннымъ не подражаніемъ древнимъ, а индивидуальной потребностью[6]). Гуманисты въ этомъ отношеніи представляютъ аналогію съ художниками Возрожденія: примыкая къ средневѣковой традиціи, они, подъ вліяніемъ эстетическихъ потребностей, стремятся придать ей болѣе изящества, имѣя въ виду классическіе образцы.

Итакъ *сущность гуманистическаго движенія заключается въ критическомъ отношеніи къ средневѣковымъ формамъ культуры во имя новыхъ индивидуальныхъ потребностей и въ стремленіи выработать основанное на нихъ новое міросозерцаніе, т.-е. новую этику, педагогику, политику и науку, при чемъ авторитетная классическая древность служила только оружіемъ для борьбы со старой культурой и опорой при выработкѣ новаго міросозерцанія.*

---

[1]) Ibid. p. 423, 447, 459.
[2]) Ibid. p. 726.
[3]) Ibid. p. 651—54.
[4]) См. прилож. II и p. 650.
[5]) Ibid. p. 939—40.
[6]) Ibid. p. 229—31.

V.

Первыя стадіи развитія гуманистическаго движенія и его результаты.— Ослабленіе религіозныхъ интересовъ.—Секуляризація мысли и ея слѣдствія.— Гуманистическая этика, педагогія политика и наука. — Слѣдствія гуманистическаго движенія.

Если сравнить воззрѣнія гуманистовъ разсмотрѣнныхъ нами поколѣній, то будетъ ясно, что уже къ первой четверти XV столѣтія вполнѣ опредѣлились основныя направленія гуманистическаго движенія и намѣтились его главнѣйшіе результаты. Прежде всего обнаруживается постепенное ослабленіе религіознаго интереса. Для Петрарки и Боккаччіо религіозные вопросы имѣютъ еще важное значеніе: авторъ Декамерона, разсказавъ какую-нибудь компрометирующую церковь новеллу, совершенно искренно выводитъ изъ нея религіозное назиданіе[1]). Отношеніе къ религіи второй гуманистической генераціи нѣсколько иное. Нѣкоторые ея представители, какъ Рамбальди, Салютати и Верджеріо раздѣляютъ эти интересы первыхъ гуманистовъ, но они уже совершенно не занимаютъ Конвертино и гуманистовъ третьей генераціи. *Параллельно ослабленію религіозныхъ интересовъ идетъ развитіе секуляризаціи мысли и чувства.* Петрарка старается примирить свои свѣтскія идеи и чувства съ религіей; Боккаччіо, по крайней мѣрѣ, приходитъ въ голову вопросъ, въ какомъ отношеніи стоитъ его преклоненіе передъ естественными наклонностями человѣка къ церковной доктринѣ[2]); Верджеріо довольствуется механическимъ и поверхностнымъ примиреніемъ своихъ взглядовъ и симпатій съ религіей и въ педагогическомъ трактатѣ является совершенно свѣтскимъ мыслителемъ. Но уже нѣкоторые гуманисты второго поколѣнія сознали, повидимому, непримиримость своихъ идей и стремленій съ церковнымъ ученіемъ. По крайней мѣрѣ, начиная съ Конвертино, гуманисты отказываются отъ систематическаго примиренія своихъ идеаловъ съ церковными и не принимаютъ въ расчетъ этихъ послѣднихъ въ своихъ философскихъ разсужденіяхъ. Конвертино и Бруни изрѣдка, въ отдѣльныхъ случаяхъ, пользуются религіознымъ ученіемъ, какъ подходящимъ аргументомъ въ пользу какого-нибудь

---

[1]) См. выше p. 504—5.

[2]) Ibid. p. 497 и слѣд.

[3]) Спорадически примирительныя попытки встрѣчаются и позже, напр., въ трактатѣ Валлы De voluptate.

своего воззрѣнія[1]); но для Бруни религія — почтенная сила, надъ которой онъ запрещаетъ смѣяться[2]), но которая не имѣетъ рѣшительно никакого вліянія на его міросозерцаніе. Лоски просто ее игнорируетъ.

Эта секуляризація мысли имѣла важное вліяніе на всѣ проявленія культурной работы гуманистовъ. Прежде всего она опредѣлила направленіе гуманистической философіи. Паденіе аскетическаго идеала вызвало жгучую потребность въ новой этикѣ, и удовлетворенію этой потребности, вполнѣ ясно формулированной Бруни[3]), посвящены всѣ философскія работы раннихъ гуманистовъ. Она заслонила на время другія стороны философіи, и въ этомъ слѣдуетъ искать объясненія того факта, что интересъ къ метафизическимъ вопросамъ появляется только во второй половинѣ XV вѣка. Но попытки раннихъ гуманистовъ выработать твердый моральный идеалъ потерпѣли полное крушеніе. Желаніе Петрарки, Салютати и Верджеріо дать нравственную санкцію своимъ личнымъ стремленіямъ, поставивъ ихъ подъ авторитетъ религіозной морали, вели только къ противорѣчіямъ. У Боккаччіо и Конвертино противорѣчіе такихъ стремленій съ церковной нравственностью ничѣмъ не прикрыто, а гуманисты третьей генераціи просто стараются найти подходящаго классическаго писателя, чтобы санкціонировать личные вкусы и стремленія. Но работа надъ этическими проблемами не осталась безъ результата: *ранніе гуманисты выработали ученіе, что человѣкъ по природѣ существо нравственное и что на лучшихъ сторонахъ нашей природы должна быть построена новая этика, которая должна не подавлять индивидуальныя свойства, а содѣйствовать ихъ правильному развитію*. Эта мысль, раздѣляемая въ большей или меньшей степени всѣми ранними гуманистами, съ полной опредѣленностью формулирована въ моральномъ трактатѣ Бруни[4]). Но если дѣятелямъ ранняго Возрожденія не удалось построить прочной этической системы, руководствуясь новымъ взглядомъ на человѣческую природу, то, благодаря ему, они положили начало новой педагогіи. *Идеи Верджеріо и Бруни, что воспитаніе должно быть построено на психологіи, должно всесторонне развивать душу и тѣло, готовить человѣка для*

---

[1]) Такъ Конвертино ссылается на религію, отрицая тиранноубійство (p. 944), Бруни перевелъ сочиненіе св. Василія Великаго о научныхъ занятіяхъ, чтобы нанести новый ударъ противникамъ гуманистическаго образованія (p. 661).

[2]) Ibid. p. 606.

[3]) Ibid. p. 598.

[4]) Ibid. p. 186—7, 259, 497, 784, 804, 955, 959, 598 и 600.

жизни и парализовать вредное вліяніе естественныхъ недостатковъ[1]), *составляютъ основаніе новой школы.*

Политическая мысль гуманистовъ съ самаго начала весьма слабо окрашена церковной доктриной. Правда, Петрарка пишетъ папѣ, что ему принадлежитъ свѣтская и духовная власть[2]), Боккаччіо и Рамбальди не отрицаютъ папской теоріи[3]), но эти изреченія, не повторяющіяся у позднѣйшихъ гуманистовъ, не имѣютъ вліянія на ихъ политическія воззрѣнія. Развитіе гуманистической мысли въ этой области выражается въ постепенномъ паденіи средневѣковыхъ политическихъ традицій, въ усиленіи раціонализма, который не стѣсняется ни моралью, ни традицей и считается только съ дѣйствительностью, въ появленіи національнаго и политическаго индифферентизма. Убѣжденныхъ гибеллиновъ между гуманистами было такъ же мало, какъ и искреннихъ гвельфовъ. Попытки причислить къ этой партіи Петрарку, оказались, какъ мы видѣли, неудачными[4]); Рамбальди только упоминаетъ объ „императорской куріи", какъ о спасительномъ средствѣ для Италіи[5]), Боккаччіо и Конвертино относятся съ презрѣніемъ къ современной имперіи[6]), а Бруни считаетъ самый институтъ проявленіемъ нѣмецкаго варварства[7]). Съ паденіемъ средневѣковыхъ политическихъ традицій является потребность выработать новыя воззрѣнія, и гуманисты обращаются для этого то къ принципу практической пользы, то къ раціоналистическимъ соображеніямъ. Уже Петрарка въ перепискѣ и рѣчахъ защищаетъ интересы Висконти, который какъ онъ думалъ, можетъ осуществить его политическій идеалъ[8]); такъ же дѣйствуетъ и Лоски[9]). Конвертино для обоснованія своего политическаго ученія опирается и на исторію, и на дѣйствительность, и на раціоналистическія соображенія[10]). Въ болѣе чистой формѣ раціоналистическія попытки встрѣчаются въ разсужденіяхъ Верджеріо, который думаетъ обосновать свои взгляды на ученіи о происхожденіи государства[11]), и въ трактатѣ De militia Бруни, который пытается

---

1) Ibid. p. 969, 600—609.
2) Ibid. p. 380.
3) Ibid. p. 441, 728.
4) Ibid. p. 378 и слѣд.
5) Ibid. p. 728.
6) Ibid. p. 441 и 940.
7) Ibid. p. 649.
8) Ibid. p. 216, 235.
9) Ibid. p. 894—96.
10) Ibid. p. 940 и слѣд.
11) Ibid. p. 955—7.

вывести политическій институтъ, исходя изъ философскаго опредѣленія государства[1]); но цѣлой политической системы не удалось выработать никому изъ раннихъ гуманистовъ. Отчасти подъ вліяніемъ этой неудачи, отчасти вслѣдствіе усиленія индивидуализма и крайняго увлеченія научными занятіями, пламенный патріотизмъ Петрарки смѣняется у его послѣдователей политическимъ и національнымъ индифферентизмомъ. Эта черта проскальзываетъ уже въ письмѣ къ Росси, Боккаччіо; Рамбальди, несмотря на свой патріотизмъ, рекомендуетъ мудрецу стоять внѣ партій, Верджеріо рѣзко ставитъ культурный принципъ выше національнаго, а Поджіо устами Никколи прямо проповѣдуетъ политическій индифферентизмъ[2]). Но, несмотря на это теченіе, которое впрочемъ всегда оставалось побочнымъ въ гуманизмѣ, политическіе трактаты гуманистовъ *положили основаніе политикѣ, какъ наукѣ и какъ искусству,* а ихъ борьба противъ аристократіи и сословныхъ различій вообще во имя индивидуальныхъ свойствъ *представляетъ первую попытку теоретическаго обоснованія политическаго равенства.* Особенно благотворное вліяніе имѣла секуляризація мысли въ научной сферѣ. Прежде всего она повлекла за собою признаніе за наукою права на самостоятельное существованіе. Правда, Петрарка считаетъ науку только средствомъ для достиженія добродѣтели, но эта точка зрѣнія, которую въ нѣсколько измѣненномъ видѣ повторяли и позднѣйшіе гуманисты, не ограничивала свободы науки и только возвышала ея цѣну и значеніе. Мораль гуманистовъ не стѣсняла инвидуальныхъ потребностей, и стремленіе къ знанію, которое у Верджеріо даже отождествляется съ добродѣтелью, само по себѣ получало нравственную санкцію, какъ одна изъ важнѣйшихъ потребностей человѣческаго духа, и панегириками наукѣ переполнены произведенія гуманистовъ[3]). Такимъ образомъ однимъ изъ результатовъ гуманистическаго движенія было *признаніе самостоятельности и свободы науки.* Кромѣ того, секуляризація мысли и гуманистическій критицизмъ повлекли за собою выработку научныхъ методовъ. Интересъ къ древности и желаніе точно понять классическихъ писателей вызвали критическое установленіе текста рукописей древнихъ авторовъ и точную передачу на латинскій языкъ тѣхъ изъ нихъ, которые писали по-гречески. Главная заслуга въ исправленіи рукописей принадлежитъ Салютати и Барциццѣ[4]), первыя по-

---

[1]) Ibid. p. 635 и слѣд.
[2]) Ibid. p. 461, 726—28, 967, 856, 861.
[3]) См. напр., p. 214, 959, 604 и passim.
[4]) См. прил. II и p. 910—11.

пытки точнаго перевода съ греческаго — Бруни. Чтобы вполнѣ оцѣнить заслугу этого послѣдняго гуманиста, не слѣдуетъ забывать, что ему приходилось не только устанавливать методы перевода, но и защищаться отъ обвиненія въ искаженіи „истиннаго" Аристотеля, какъ онъ представлялся средневѣковымъ богословамъ[1]). Но заслуги раннихъ гуманистовъ по отношенію къ наукѣ не исчерпываются установленіемъ научныхъ пріемовъ формальнаго изученія древности: они положили первыя основанія научной исторіографіи, внеся въ нее и новый методъ изслѣдованія, и новую систему изложенія. Петрарка является родоначальникомъ исторической критики. Разбирая подложное письмо Цезаря, онъ прилагаетъ сравнительно развитые критическіе пріемы, хотя въ собственномъ историческомъ сочиненіи его критика носитъ совершенно субъективный и очень элементарный характеръ[2]). Боккаччіо въ этомъ отношеніи стоитъ несравненно ниже перваго гуманиста: онъ смѣшиваетъ Аттилу съ Тотилой, механически сопоставляетъ разногласящіе источники и въ лучшемъ случаѣ заявляетъ только свое недовѣріе къ тому или другому писателю или извѣстію[3]). Рамбальди предпочитаетъ языческихъ историковъ имперіи христіанскимъ, потому что первые, по его мнѣнію, болѣе заботятся объ истинѣ[4]). Конвертино признаетъ необходимость исторической критики, хотя примѣняетъ ее только въ формѣ простого скептицизма[5]). Верджеріо, какъ Петрарка, совершенно субъективно относится къ своимъ источникамъ, а въ особенно сомнительныхъ случаяхъ ограничивается скептицизмомъ[6]). Такимъ образомъ всѣ гуманисты послѣ Петрарки (да и самъ онъ въ De viris illustribus) обнаруживаютъ только критическое настроеніе, вліяніе котораго на ихъ собственную исторіографію весьма слабо. Огромный шагъ впередъ дѣлаетъ Бруни. Его письма о началѣ Мантуи и происхожденіи Цицерона — чрезвычайно разносторонній критическій анализъ источниковъ, и эту критику онъ послѣдовательно прилагаетъ въ своихъ историческихъ произведеніяхъ. Біографіи Аристотеля и Цицерона написаны имъ главнымъ образомъ по критическимъ соображеніямъ, и самые строгіе критики его Флорентійской исторіи признаютъ, что Бруни очистилъ ее отъ средневѣковыхъ и античныхъ басней[7]). Такой же шагъ впередъ предста-

---

[1]) Ibid. p. 649—50, 660—1.
[2]) Ibid. p. 239—40, 249.
[3]) Ibid. p. 479, 419, 447.
[4]) Ibid. p. 735.
[5]) Ibid. p. 955.
[6]) Ibid. p. 961.
[7]) Ibid. p. 651—4, 658 и 683—684.

вляетъ и историческое изложеніе Бруни. Его предшественники, начиная съ Петрарки, оставили форму и пріемы средневѣковой хроники, но ихъ собственныя произведенія — компиляція біографій выдающихся дѣятелей преимущественно античнаго міра, составленная ради индивидуальной назидательности. Бруни тоже пишетъ біографіи, но не всегда ради назиданія, тоже составляетъ компиляціи, иногда съ дидактическими цѣлями, но у него исторія не только учитъ индивидуальной добродѣтели, а также замѣняетъ политическій опытъ[1]). Но его главная заслуга заключается въ томъ, что онъ своимъ „Комментаріемъ" создалъ историческіе мемуары, а Флорентійской исторіей положилъ первое начало научной исторіографіи. Въ этомъ послѣднемъ сочиненіи мы находимъ уже и историческую критику, и общіе взгляды, и изслѣдовательскіе пріемы, и оцѣнку отдѣльныхъ событій, и широкія обобщенія на основаніи политическаго опыта и историческихъ наблюденій — словомъ, всѣ элементы научной исторіографіи[2]). Итакъ *основныя начала новой исторической науки положены представителями ранняго гуманизма.*

Поэзія, философія, краснорѣчіе и исторія составляютъ исключительный предметъ научныхъ интересовъ раннихъ гуманистовъ. Человѣка открыли и начали изучать раньше, чѣмъ внѣшній міръ. Правда, въ перепискѣ Петрарки, въ романахъ Боккаччіо, въ письмахъ Бруни обнаруживается наблюдательность и несомнѣнный эстетическій интересъ къ природѣ, но все это создавало только настроеніе, благопріятное для развитія естественныхъ наукъ. Исключеніе составляла астрологія, которой приписывали въ Средніе вѣка обширное вліяніе на человѣка и которая поэтому привлекала къ себѣ вниманіе гуманистовъ съ самаго начала движенія. Но ранніе гуманисты, кромѣ Боккаччіо, отнеслись къ этой „наукѣ" отрицательно: Петрарка осмѣиваетъ ее въ старческихъ письмахъ, Рамбальди, опирающійся по естественно-историческимъ вопросамъ на средневѣковые авторитеты, отрицаетъ астрологію, Салютати ведетъ противъ нея полемику[5]), а Верджеріо, Конвертино и старшіе гуманисты третьей генераціи ее игнорируютъ. Позже, сначала при дворѣ Филиппо-Маріи Висконти, а потомъ и среди гуманистовъ въ другихъ центрахъ вновь появляется средневѣковое суевѣріе, но оно было уже результатомъ процесса. Во всякомъ случаѣ интересъ раннихъ гуманистовъ къ природѣ и ихъ критическое отношеніе къ средневѣковому естествознанію не прошло безслѣдно:

---

[5]) Ibid. p. 670.
[6]) Ibid. p. 681 и слѣд.
[7]) Ibid. p. 425, 220, 729, 790.

уже въ слѣдующемъ поколѣніи появляются естествоиспытатели въ новомъ духѣ, какъ Л. Б. Альберти.

Наконецъ, нѣкоторыя черты гуманистической литературы въ занимающую насъ эпоху и нѣкоторые факты внѣшней біографіи раннихъ гуманистовъ намѣчаютъ и другіе результаты движенія. Такъ переписка гуманистовъ, предназначенная для всей образованной публики, ихъ рѣчи политическаго содержанія, ихъ инвективы общественнаго и частнаго характера, ихъ политическая полемика въ стихахъ и прозѣ — все это представляетъ собою настоящую и уже весьма вліятельную публицистику. На письма Петрарки о возвращеніи папы въ Римъ сторонники Авиньёнской партіи считаютъ необходимымъ отвѣтить инвективой; полемикѣ Салютати Висконти придаетъ важное значеніе; противъ нападокъ Лоски на Флоренцію возражаетъ флорентійскій канцлеръ и Ринуччини; въ выходкѣ Поджіо противъ Цезаря придворный д'Эсте видитъ подрывъ монархическаго принципа, а его трактатъ De nobilitate вызвалъ негодованіе венеціанской знати. Публицистика стала пріобрѣтать силу, значитъ начало слагаться общественное мнѣніе. Выразителями и руководителями этой вновь нарождающейся силы являются свѣтскіе люди незнатнаго происхожденія; единственнымъ основаніемъ ихъ вліянія служитъ образованіе и талантъ, а это вліяніе весьма обширно. Не говоря уже объ огромной популярности крупныхъ гуманистовъ, какъ Петрарка или Бруни, меценаты приглашаютъ къ себѣ такихъ второстепенныхъ дѣятелей, какъ Дом. ди Бандино; эти факты, а также раннее развитіе меценатства указываютъ на то, что уже въ занимающую насъ эпоху начала слагаться свѣтская интеллигенція, вліятельная аристократія образованія и таланта. Итакъ уже въ началѣ XV столѣтія обнаруживаются главнѣйшіе результаты гуманистическаго движенія: *освобожденіе мысли отъ церковнаго авторитета, начала новой этики, новой педагогіи, новой политики и новой науки, появленіе публицистики, образованіе общественнаго мнѣнія и руководящаго имъ класса свѣтской интеллигенціи.*

VI.

Отношеніе гуманистическаго движенія къ политическимъ, соціальнымъ и церковнымъ перемѣнамъ. — Гуманизмъ и національность. — Причина гуманистическаго движенія.

Одновременно съ гуманистическимъ движеніемъ въ Италіи происходятъ ранѣе его начавшіеся крупные перевороты въ политической, соціальной и церковной сферахъ, и самъ собою является вопросъ,

въ какомъ отношеніи стоитъ гуманизмъ ко всѣмъ этимъ перемѣнамъ? Но при современномъ состояніи источниковъ отвѣтить на него можно только въ самой общей формѣ и лишь съ приблизительной достовѣрностью.

Въ Италіи XIV и начала XV вѣка мы встрѣчаемъ, кромѣ церковнаго государства, три политическія формы: сравнительно старую монархію въ Неаполѣ и Сициліи, республику въ Венеціи, Флоренціи, Генуѣ и въ нѣкоторыхъ второстепенныхъ городахъ, и тираннію въ остальныхъ; изъ нихъ наибольшимъ внутреннимъ порядкомъ и спокойствіемъ пользуются, кромѣ Венеціи и Флоренціи, крупныя тираніи, и этотъ фактъ оказывалъ, повидимому, вліяніе, хотя чисто внѣшнимъ образомъ, на развитіе гуманизма. Если въ Генуѣ гуманистическое движеніе сравнительно слабо, если въ Неаполѣ оно развивается послѣ смерти Роберта медленнѣе, чѣмъ можно было ожидать, то весьма возможно, что причина этого заключалась въ господствовавшихъ тамъ смутахъ и неурядицахъ. Единственный несомнѣнный факторъ, оказывавшій прямое вліяніе на концентрацію гуманистическихъ силъ и косвенное на ихъ развитіе, было меценатство. Меценаты стягивали къ себѣ гуманистовъ изъ мелкихъ пунктовъ, и эти пришлые дѣятели Возрожденія вызывали къ жизни мѣстныя силы. Этимъ объясняется, почему Падуя, а позже Феррара и Мантуя сдѣлались крупными гуманистическими центрами. Извѣстное вліяніе на меценатство тирановъ имѣло нелегитимное происхожденіе ихъ власти; но не слѣдуетъ преувеличивать этого фактора: Неаполитанскіе короли: Робертъ, а позже Альфонсъ, а также весьма многіе папы покровительствовали гуманистамъ, хотя въ законности ихъ власти никто не сомнѣвался. Кромѣ того, есть основаніе предполагать, что политическій духъ, господствовавшій тогда въ большинствѣ итальянскихъ государствъ, содѣйствовалъ развитію движенія: политическіе перевороты, разрушавшіе старыя традиціи и попиравшіе законы, должны были усиливать критическое настроеніе. На это указываетъ тотъ характерный фактъ, что аристократическая и консервативная Венеція, свято хранившая, по крайней мѣрѣ по наружности, традиціи, дольше всего стояла внѣ движенія и замѣтнѣе всего придавала ему мѣстную окраску. Но единственная отрасль гуманистической литературы, гдѣ обнаруживается вліяніе политической дѣйствительности, — это политическій трактатъ. Не простая случайность, что гуманисты сѣверной Италіи, какъ Верджеріо, Конвертино и Лоски, защищаютъ монархію и не только изъ-за служебной выгоды, но и по убѣжденію, а флорентійскіе гуманисты, какъ Боккаччіо, Салютати, Никколи и Бруни, или индиферентисты или республиканцы. Одни наблюдали жизненную политическую форму, другіе отживающую. Далѣе, дѣйствительныя полити-

ческія отношенія могли оказывать вліяніе на воззрѣнія гуманистовъ на законъ. Но самая наблюдательность по отношенію къ политическимъ явленіямъ, умѣнье критически отнестись къ нимъ, стремленіе привести ихъ въ систему и найти для нихъ теоретическое обоснованіе — все это не могло быть результатомъ вліянія ни государственныхъ формъ, ни политическихъ отношеній. Политическая мысль гуманистовъ стоитъ въ органической связи съ ихъ общимъ міросозерцаніемъ и не составляетъ его главнаго содержанія. Кромѣ того, гуманистическое движеніе начинается и проходитъ первыя стадіи развитія въ тотъ періодъ, когда въ болѣе крупныхъ центрахъ тираніи уже сложились. Броженіе политическихъ силъ всего замѣтнѣе въ эту эпоху во Флоренціи, а политическая мысль также интенсивна и на сѣверѣ Италіи, уже пережившемъ внутреннюю борьбу. Итакъ *считать ту или другую политическую форму или борьбу между ними причиной гуманистическаго движенія нѣтъ никакого основанія*. Мы видѣли, что наиболѣе замѣтно оно обнаруживается раньше всего при авиньёнской куріи, и еще при жизни Петрарки его слѣды замѣчаются почти повсюду въ Италіи, и тамъ, гдѣ происходитъ политическая борьба, и тамъ, гдѣ она уже покончена.

Сущность соціальнаго переворота, происходившаго тогда въ Италіи, заключается въ томъ, что господствовавшіе прежде общественные классы утрачиваютъ свое положеніе, и вообще средневѣковое сословное дѣленіе теряетъ прежнее значеніе. Аристократія приходитъ въ упадокъ повсюду за исключеніемъ Венеціи и отчасти Неаполя; въ большинствѣ городовъ ее подавили тираны, въ республикахъ ее вытѣснилъ popolo grasso, который въ свою очередь велъ трудную и не всегда успѣшную борьбу съ выступавшимъ на первый планъ popolo minuto. Едва ли можно отрицать, что это соціальное броженіе оказало вліяніе на гуманистическое движеніе. Оно должно было усиливать критицизмъ особенно въ тѣхъ классахъ, которые, пробиваясь впередъ, вели борьбу съ старыми порядками, и всѣ крупные представители Возрожденія въ занимающую насъ эпоху вышли изъ демократическихъ слоевъ общества. Popolo grasso и аристократія позже примкнули къ движенію, при чемъ гуманисты изъ венеціанской знати, наиболѣе сохранившей чисто аристократическій духъ, носятъ замѣтный мѣстный отпечатокъ. Слѣды происхожденія гуманистовъ можно усмотрѣть и въ ихъ произведеніяхъ: можетъ быть, этимъ объясняется нѣкоторая страстность ихъ борьбы противъ знати. Но *сословное броженіе только создавало среду и атмосферу, благопріятную для гуманистическаго движенія, а не было его причиной*. Борьба гуманистовъ противъ аристократіи происходила во имя индивидуальныхъ свойствъ личности, а

не интересовъ какого-либо общественнаго класса, а кромѣ того, политическій демократизмъ совершенно чуждъ раннимъ представителямъ движенія. Идея народовластія весьма рѣдко мелькаетъ въ ихъ произведеніяхъ, и они только въ особенныхъ случаяхъ извлекаютъ ее изъ античной литературы, составлявшей для нихъ богатый запасъ всяческихъ авторитетовъ[1]). Гуманисты не были органомъ какого-либо общественнаго класса, и ихъ идеи о человѣческой природѣ, объ этикѣ, о наукѣ не обусловливались соціальными перемѣнами, происходившими въ современномъ имъ обществѣ.

Движеніе въ церковной сферѣ обусловливалось тѣмъ, что теорія и практика церкви, доктрина и жизнь пришли въ противорѣчіе другъ съ другомъ. Аскетическій идеалъ становился мертвою буквою для тѣхъ, кто на немъ основывалъ свое положеніе и формально располагалъ свою жизнь сообразно съ его требованіями. Отсюда страшный нравственный упадокъ духовенства и монашества и разнообразныя реформаціонныя теченія на католической почвѣ. Не подлежитъ сомнѣнію, что современное положеніе церкви, ясно указывавшее на паденіе средневѣковыхъ церковныхъ формъ, оказывало вліяніе на гуманистическое движеніе. Оно дѣлало болѣе настоятельной необходимость иного міросозерцанія, но не опредѣляло его содержанія; поэтому *фактическій упадокъ средневѣковой церкви не можетъ быть названъ причиной гуманизма*. Онъ вызвалъ соборы, братчиковъ, савонароллу; но между гуманистами и этими церковными реформаторами глубокая пропасть. Въ гуманистическомъ движеніи выразился тотъ же духъ, который вызвалъ церковный упадокъ, но основанное на немъ міросозерцаніе сложилось внѣ всякаго вліянія церкви.

Къ началу гуманистическаго движенія окончательно сложился итальянскій языкъ, что завершило образованіе итальянской національности, и нѣкоторые изслѣдователи считаютъ этотъ фактъ одной изъ причинъ гуманизма. Гуманистическая литература не даетъ основаній для такого вывода, потому что въ ней незамѣтно существенныхъ національныхъ вліяній. Правда, ранніе итальянскіе гуманисты пламенные патріоты; но ихъ патріотизмъ съ самого начала основывается на культурныхъ преимуществахъ ихъ родины, и чѣмъ болѣе развивается движеніе, тѣмъ болѣе выдвигается на первый планъ культурный принципъ, который у отдѣльныхъ мыслителей становится основой и оправданіемъ космополитизма. *Идеи гуманистовъ носятъ не національный, а общечеловѣческій характеръ*, чѣмъ и объясняется огромный успѣхъ движенія за Альпами.

---

[1]) См. напр., трактатъ Салютати о тираннѣ (p. 806).

Мы думаемъ, что совершенно правы тѣ изслѣдователи, которые считаютъ развитіе индивидуализма причиною политическихъ, соціальныхъ и церковныхъ перемѣнъ въ Италіи XIV и XV столѣтій, а произведенія гуманистовъ съ несомнѣнной ясностью доказываютъ, что та же самая причина произвела и гуманистическое движеніе. *Идеи гуманистовъ — результатъ культурнаго роста личности.* Подъ вліяніемъ историческихъ условій личность доросла до сознанія своего права на всестороннее развитіе; отсюда отрицаніе церковной опеки и требованіе свободы и самостоятельности для творческой дѣятельности человѣческаго духа и прежде всего для науки. Только съ этой точки зрѣнія идеи гуманистовъ находятъ объясненіе и могутъ быть приведены въ ясную и опредѣленную систему. Но такой результатъ индивидуальнаго развитія не можетъ быть продуктомъ національныхъ особенностей и не составляетъ исключительной принадлежности Италіи; гуманистическое движеніе въ дѣйствительности захватило всю Европу, и если оно началось въ Италіи, то причину этого слѣдуетъ искать не въ итальянскомъ народномъ характерѣ, а въ особенностяхъ условій культурнаго развитія европейскихъ народовъ.

ВАЖНѢЙШІЯ ПОПРАВКИ.

Страница:	*Напечатано:*	*Слѣдуетъ:*
22	Карвіона	Каріона
23	Acledit appendif	Accedit appendix.
26	тѣмъ менѣе	тѣмъ не менѣе
37	Но одно	Ни одно
47	настроеніе	построеніе
83	на сѣверѣ	на западѣ
138	у Канта	у Канту.
156 и 619	Джіованни да Прато	Доменико да Прато
240	подлинныхъ	„подлинныхъ“
249	и сопоставляю	и не сопоставляю
279	Филиппъ IV	Филиппъ VI.
353	d'après de 5 nouveaux	d'après de nouveaux
361	изъ воззрѣній	ихъ воззрѣній
430	ini = in initio	in initio
513 и 518	первыхъ	всѣхъ
555	сестрѣ	племянницѣ
625	Дж.	Дом.
788	необходимаго (casuale) и случайнаго	необходимаго и случайнаго (casuale)
829	да Саза	да Каза.
865	l'Aqquttino	l'Aquettino
880	Елеа	Enea
882	суевѣрнаго	суверенного
954	послѣ слова потомокъ	авторъ продолжаетъ изложеніе
986	Дечембріо	Манетти.

I.

Leonardi Arretini, oratoris clarissimi, De litterarum subscriptionibus[1].

(По рукописи Парижской Національной Библіотеки. Codex. № 10806 fol. 65—72.)

Papae. Sanctissimo atque beatissimo in Chr. patri et domino domino P. divina Dei providentia sacro sanctae R. universalis ecclesiae dignissimo summo pontifici ac singularissimo patri et domino nostro.

Magistro in theologia. Sacrosanctae theologiae magistro A. de Pisis honorando in spectabilibus patri suo.

Monaco scientifico. Septiformi studiorum lampadae rutilanti viro domino B. de ordine Camaldulensi fratri suo charissimo.

Imperatori. Sacratissimo et charissimo ac invictissimo principi et semper Augusto.

Regi Franciae. Illustrissimo ac serenissimo domino domino B. regi Franciae.

Duci Mediolanensi. Illustrissimo principi domino B. duci Mediolanensi.

Judici doctorato nobili. Nobili et egregio juris doctori domino R. de Arretio singularissimo fratri suo.

Medico doctorato nobili. Egregio medico doctori vel eximio, vel scienti medicina populanti doctori nostro P. de Tuderto tanquam fratri suo.

Magistro grammaticae. Floribus eloquentiae purpurato, viro M. Francisco de Arretio tanquam patri suo.

Cancellario scienti. Scientiae et virtutis non modicum decorato viro F. digno cancellario magnificae civitatis Florentiae.

Homini scienti. Eximii ingenii honorato viro F. de tali loco amantissimo fratri suo.

Amico bono et perfecto. Grato et gratioso viro A. de Perusia perfectissimo amico suo.

Socio vel fratri vel cogino. Intimo praecordiali ac dilecto vel praecordialissimo vel dilectissimo vel praecipuo vel amantissimo charissimo desiderabili viro F. de Pistorio amico vel fratri cogino vel consanguineo fratri suo charissimo.

---

[1]) См. выше p. 667.

Filius Patri. Dilectissimo patri F. domini Angeli mihi prae caeteris metuendo.

Mercatori. Experto probo viro I. de Luca credito mercatori amico charissimo.

Communi, hominibus et consilio. Nobilibus et potentibus viris hominibus et consilio castri Angeli honoratis majoribus suis.

Suppositis. Universis et singulis hominibus et communi nostrae jurisdictioni subditis: ad quos praesentes advenerint dilectissimis filiis nostris.

Gentili uxori. Nobili et egregiae dominae A. de la Taneis de Valenzono praecipuae dominae suae.

Militi praeminenti. Strenuo et potenti militiae cingulo decorato viro domino R. de G. majori suo.

Militi populari. Nobili et egregio militi domino M. de Arretio majori suo honorando, majori suo carissimo.

Dominis Florentinis. Magnificis et excelsis dominis dominis prioribus artium et vexillifero justitiae almae urbis Florentiae vel magnificis et potentibus dominis dominis prioribus artium et vexillifero justitiae populi communis Florentiae dominis suis.

Decem baliae. Magnificis et potentibus officialibus baliae populi et communis Florentiae.

Capitaneis partis Gulphorum. Nobilibus et egregiis viris capitaneis partis Gulphae populi et communi Florentiae dominis suis.

Decem libertatis. Nobilibus et egregiis viris decem libertatis officialibus populi et communis Florentiae dominis suis.

Magistris et officialibus et gubernatoribus Gabellae. Nobilibus et egregiis viris Magistris officialibus gubernatoribus Gabellae salis vel vini vel portarum vel contuum (sic?) civitatis Florentiae majoribus suis.

Potestati Florentiae. Magnifico et sublimi comiti R. de Mediolano honorando potestati civitatis Florentiae domino vel majori suo.

Potestati Bononiae. Strenuo et potenti militiae cingulo decorato viro A. de Mutina honorato potestati civitatis Bononiae majori suo.

Capitaneo baliae non militi. Titulis prudentiae exornato viro A. honorando capitaneo baliae civitatis Florentiae majori suo praecipuo.

Executori Flor. militi. Strenuo ac militiae cingulo decorato viro A. de urbe veteri honorato.

Capitaneo et comiti gentium armorum. Magnifico et clarissimo viro C. de Alamania famoso capitaneo gentis armigerae Bonissonarum.

Capitaneo et militi gentis armorum. Spectabili et magnanimitatis (sic) docorato viro domino B. de Alemania honorato capitaneo generalis exercitus et gentium armorum Florentiae majori suo honorando.

Capitaneo gentium armorum scutiferorum. Spectabili magna-

nimitatis et circumspecto viro decorato domino B. de Stora honorando capitaneo gentis bactonum (sic?).

Senatori Senarum. Magnifico et spectabili domino B. de Mutina senatori ducali civitatis Senarum vel honorato senatori civitatis Senarum.

Capitaneo Aretino. Spectabili et egregio viro F. de Querentesibus de Florentia honorando capitaneo civitatis Arretii.

Abatissae nobili. Reverendissimae et castitatis munere decoratae dominae A. de Petramala dignae abatissae monasterii montis Calbi vel Sancti Petri honorandae dominae suae.

Monacae vel alteri religiosae. Religiosae humili ac castae dominae L. Gregorii et ordinis Sancti Francisci monasterii Sancti Sperandei in civitate Castelli honorandae dominae suae.

Filius matri. Dilectissimae matri meae L. de Parma mihi prae aliis diligendae.

Senatori Romano. Magnifico et potenti viro V. de Tinutis domino Fulginei almae urbis Romae senatori.

Justitiario. Titulis adornato prudentiae viro A. de Venetiis honorando justitiae praetori in curia summi pontificis vel in civitate urbis Senarum fratri suo.

Castellano praeminenti. Nobili et famoso prudentiae viro A. castellano in Arretio vel in Rocha Castrocarii pro Sacro sancta Romana ecclesia vel castellano e castri (?) Casolis pro serenissimo principe Mediolanensis ducis vel... vel sancti Miniati pro magnifico communi Florentiae amico suo.

Bargillo. Prudentiae experto et sollicito viro et amabili hominibus metuendo St. Jacobo de Senis bargillo civitatis Florentiae intimo amico.

Monaco sanctae vitae. Honestae castitatis et angelicae professionis viro domino I. digno priori vel abati vel monaco sacri ordinis Camaldulensis vel sancti Benedicti domino suo.

Item duci Mediolanensi. Clarissimo principi ac illustrissimo domino Philippo Mariae duci Mediolani Angelinae et Papiae comiti Januae domino domino meo.

Item capitaneo. Magnifico domino excellentissimo capitaneo Nicolao Piccinino de Perusia ducali Locumtenenti capitaneo generali.

Domino de Malatestis et capitaneo. Singularissimo militum domino Pandulfo de Malatestis exercitus militiaeque Florentinorum capitaneo duci invictissimo.

II.

Исправленіе текста классическихъ писателей[1]).

Изъ книги Салютати De Fato et Fortuna, tractatus secundus, cap. VI.

(По рукописямъ Флорентійской библіотеки Laurentiana Medicea Pluteus 53, codex 18 и plut. 90 cod. 42).

Приведя нѣсколько цитатъ изъ Августина и Сенеки, Салютати говоритъ:

Velim tamen, si quis forsan praefatos versiculos aliter apud Senecam vel Augustinum repererit, quam superius adnotarim, boni consulat nec malignus, at praeceps judicet, sed sciat me multos exemplarium ad Lucilium et de Civitate Dei codices non modernis solum, sed antiquis scriptos litteris contulisse, omnibusque diligenter excussis, quicquid fuerit, quod hunc errorem induxerit, tantum comperisse veritatem, quam librarios aut Augustinum aut Senecam mihi constiterit non scripsisse, sed potius quemlibet... suae ignorantiae caecitatemque atque libidinem corrupisse. Prius ergo quam me mordeat vel condemnet, adhibeat majorem collationis diligentiam vel aequalem, forte quidem me fortunatior in veriorem textum incuret, aut si id minus, ut puto, successerit, eligat sine invidia, praecor, cum ornatus dignitate legitimis pedibus mensuratos versiculos, veriorem textum solidioremque sententiam libenter quidem accedam melius conjectandi. Non solum hic, quisquis ista legerit, sed ubilibet me supportet, nam vel librorum penuria conferre, quicquid ab aliis sumpsi, non potui, vel juxta mei ingenii parvitatem quae mihi sunt verisimiliora delegi. Non enim illi versiculi solum, tam varii diversis exemplis[2]), nostram et autorum injuriam habent. Late[3]) si quidem et ubique corrupta sunt omnia et dum librarii per evagationem mentis et capitis levitatem inadvertenter ommitunt, dum temerarie mutant, quod non intelligunt, vel plerique[4]) glossulas ex librorum marginibus, veluti scribenda, recolligunt, nullum omnino textum philosophorum moralium, historicorum vel etiam poëtarum non corruptissimum reliquerunt. Quod quidem crimen non ipsis librariis solum, qui per inscitiam suos libris infigunt errores, sed legentibus potius et illis praecipue, qui non

---

1) См. выше p. 790.

2) Можетъ быть exemplaribus — въ рукописяхъ неясно.

3) Съ этого слова и далѣе до словъ Hoc autem напечатано у Mehus'a Vita Ambr. Travers p. CCXC.

4) У Mehus'a plerumque.

prorsus ignari sibi se scire, quod latum ignorantiae vestibulum est, persuaserunt, ascripserim. Hi quidem dum, rebus non intellectis, haerent, dum, quasi monstra sunt, mirantur stupidi, quae non capiunt, dum accomodatum aliquid intellectui, ne dicam ignorantiae suae, sensum conantur excudere[1], dum non ignorationi suae, sed librariis, forte etiamtantam crediderim ignorantiae temeritatem — ipsis auctoribus ascribunt, quae non intelligunt, praesumptuosas in libros manus injiciunt et aliquando littterarum quandoque sillabae cujuspiam[2]) et aliquotiens dictionum mutatione, tum detrahentes aliquid, tum addentes, non solum alienant textus mutantque sententias, sed omnia usquequaque pervertunt.

Quid referam deprehensam quorundam malignitatem, qui, quo suis erroribus adstipulatores habeant, de industria dicuntur, maximae auctoritatis libros corrupisse, qualia crediti sunt heretici, quam plures in libris Origenis Adamantii machinati. Sed ignorantiae crebriora sunt vulnera[3]). O quotiens vidi magistros nostri temporis non emendationes sed menda suis annotasse manibus et ea, dum corrigere cupiunt, ascripsisse, de quibus, si in discussionem venerint, nullam possent reddere rationem, sed opporteret eos omnino fateri, se congruam destruxisse sententiam, aut si sensus integer manserit, tum graviora, tum magis idonea vocabula delevisse! Accedunt ad haec litteratorum plurimi, de quorum simplices adolescentuli pendent in scholis, qui, de suis ignorantiae cathedris intonantes, quotidie libros, dum suis ineptis licet sensibus serviunt, jubent non corrigi, sed abradi, non emendari, quod facere nesciunt, sed corrumpi. Nec id nostrae aetatis solummodo vitium est, sed omnis, quae nos praecessit, post auctores ipsos ferme posteritas, ignorantia semper et sine modo crescente, libros, quos auctoritas et fama scriptorum perpetuos fore spondebat, visa sit ineptis et inconsideratis suis correctionibus imo corruptionibus abolere, quod et nos, et futuram aetatem perfectum ire video, nisi de publico remedium apponatur. Ut sicut hactenus aliquando factum fuit, constituantur bibliothecae publicae, in quas omnium librorum copia congregatur, praeponanturque viri peritissimi bibliothecis, qui libros dilegentissima collatione revideant, et omnem[4]) varietatum discordiam rectae[5]) definitionis judicio noverint removere. Cui rei maximos quoddam viros invenimus fuisse praepositos, qui gloriosissimum reputabant se libris subscribere, quos revisissent, sicut in antiquis librorum codicibus est videre. Et hoc est,

---

[1]) У Mehus'a extundere.
[2]) У Mehus'a пропущено.
[3]) Эта фраза выпущена у Меруса.
[4]) У Mehus'a communem.
[5]) У Mehus'a removere.

quod communiter in Terentii fabulis post omnia repetitur: Calliopius recensui, quae quidem subscriptio nec poëtae fuit, nec actorum, nec modulatorum, quorum nomina reperiuntur expressa, sed solum, ut sonat littera, recensoris[1]. Hoc autem, quod sperandum sit, animis, ut sunt omnium, ad nihil minus, quam ad litterarum studia conversis, cujusvis judicium sit. Ego quidem omnino non spero, nec, si incipiatur, perfici credam graviter, quum praeponendi tanto muneri sine dubitatione non adsint et, si qui forent, ab ambiciosis et lucrandi cupidis ipsos non contigeret, sed opporteret excludi. Non enim idoneus in jungendo munera quaeritur, sed notus vel dilectus, cui salarium per gratiam conferatur. Ille dignior est, cui, qui potest, favet. Sed haec alias diplorari quidem possunt non reparari. Nam[2]) usque adeo pauci sunt, qui studiis hummanitatis indulgeant, licet illa commendentur ab omnibus, placeant multis et aliqui delectentur in ipsis, quod rem tam perdite collapsam erigere[3]) prorsus nequeant et, quin pereat funditus obviare. Pauci quidem deprehendunt vitia paucissimique, lices corruptionem viderint, sunt, qui noverint relictis vestigiis illuc, unde vitia ceperinit, remeare. Et si quos tales benigno Dei munere vel ingenii bonitate, vel studio atque industria fert aetas tantae rei compotes, quique noscant falsa rejicere veritatisque lumen inter has ignorantiae tenebras invenire, correctionis labor ipsos gravat et deterret errorum, quos infinitos sentiunt, multitudo. Si qui forsan aliquid aliquando correxerint, remanet unico solum libro, quicquid utilitatis attulerunt impressum, nec late, sicuti foret expediens, ampliatur. Idemque penitus contigit illis, qui nostra tempora praecesserunt. Miror autem, hoc crimen modernitati multos ascribere, cum inter Senecae Priscianique compererim tempora, taliter Virgilium esse corruptum[4]), quod hic ultimus talis et tantus auctor alleget Maroneum illum versiculum —

Inter se coiise viros et dicernere ferro
Volens

more, quod ex illa dictione viros duae postremae litterae detrahantur, quo versus mensuretur legitimorum pedum debita ratione, cum tamen Seneca doceat non dicernere scribendum est, sed cernere, quod si fiat, versus ille nulla detractione penitus indigebit. Ut audiendi non sint, qui nostris temporibus haec imponunt, nec facile sperandum sit, cum tam supinus error per manus approbantis Prisciani transiverit, inveniendum fore tot viciorum, quot a priscis accepimus, correctorem. (Fol. 10—11).

---

1) Здѣсь кончается выдержка, напечатанная у Меруса.

2) Съ этого слова, кончая словами esse corruptum, напечатано у Mehus'a ibid.

3) У Mehus'a corrigere.

4) Здѣсь кончается вторая выдержка, напечатанная у Mehus'a.

На испорченность кодексовъ сочиненій не только древнихъ, но и современныхъ авторовъ, Салютати жалуется въ письмѣ, адресованномъ ad Nicolaum de Tuderano. Отрывокъ изъ этого письма, въ виду его важности, также и для характеристики отношенія Салютати къ Божественной Комедіи, считаю не лишнимъ привести здѣсь, хотя онъ напечатанъ у Mehus'a (Vita Ambr. Travers. p. CLXXVIII—CLXXIX).

Crede mihi, dulcissimi Nicolae, nihil altius, nihil ornatius, nihil expolitius, nihilque scientia profundius illis tribus Canticis possumus demonstrare. Quae quidem apud alios singula sunt et singularia, sunt ab eo simul absolutissime comprehensa. Illic enim mirum in modum praecepta moralia lucent, nitent physica theologicaque resplendent; illic rhetorica sententiarum atque verborum schemata patent tali cultu, quod alibi difficile fuerit talem et tantum ornatum etiam in summis auctoribus invenire, illic omnium aetatum et gentium leges, mores et linguae, miraque rerum gestarum compendia quasi stellae quaedam in firmamento relucent tanta talique majestate, quod adhuc nullus cum illo stylo vel excedere potuit, vel aequare. Sed quorsum haec? Ut minus admirere, si tam ardenter me concupiscere videas aliquem textum reperire correctum. Dici quidem non potest, quam molesta mihi sit ista corruptio, quae libros omnes invasit! Vix enim invenitur jam ex Petrarchae Boccacciique libellis codex fideliter scriptus, quique non multum ab exemplaribus degenerarit. Sunt quidem non exempla, sed exemplorum similitudines. Vera quidem exempla vestigia sunt exemplarium atque sigilla. Quae vero pro exemplis habemus, adeo dissident ab exemplaribus, quod plus ab eis deficiant, quam statuae deficere soleant ab hominibus, quorum simulacra sunt. Haec quidem, licet habeant ora, nihil dicunt; illa vero, quod deterius est, contraria suis exemplaribus saepe dicunt.

III.

Declamatio Colucii Pierii, Viri disertissimi, pro Lucretia pudicissima feliciter incipit[1]).

(По Ватиканской рукописи Urbinat. № 1173 и по двумъ кодексамъ Парижской Національной Библіотеки № 6254 и № 11291.[2])

Lucretia, Spurii Lucretii filia et Collatini Tarquini uxor, a Sexto Tarquino Regis Tarquini filio per vim cognita, ipsa consentiente[3]) so-

[1]) См. выше, pag. 803.

[2]) Важнѣйшіе варіанты парижскаго кодекса № 6254 отмѣчены въ примѣчаніяхъ буквою *α*, кодекса № 11291 буквою *β*.

[3]) *α*, consentiens.

lum infamiae metu, ne Tarquinius, sicut minabatur, sibi occisae jugulatum servum in lecto sociaret. Vocatis ad se patre et viro eis rem narrat, ultionem injuriae promitti facit. Et demum vult se occidere. Vetat pater et conjux.

Spurius[1]) *Lucretius pater et Collatinus conjux Lucretiam alloquuntur.*

Noli te afflictare, Lucretia. Satis maximum[2]) argumentum dedisti te adultero[3]) non consensisse tibique vim illatam. Quam poenam expectas ejus, quae ultro quod celare poteras accuses? Hoc adjuvat vita praecedens tua, quae non solum in hominum oculis sed in secretis domus penetralibus et frugalitatem et pudicitiam coluisti. An recolis, mea Lucretia, cum paucis ante diebus una cum illo improbo adultero prima facie (sic.) huc advenimus: tu inter servas lanificio intenta reperta es, improvisa incauta nec virum nec hospitem tunc expectans. Ea dies illa deprehensio tibi castitatis victoriam dedit. Regis nurus[4]) et filias commensationibus occupatas invenimus; tu illis praelata es. Tibi incorruptibilis gloria pudicitiae parta[5]) est. Nos injuriam ulciscemur, quae mesta violatos oppressus improbi juvenis pertulisti, dum ille mala gaudia ex[6]) invita capiebat. Videbistis[7]) laeta meritum regia de prole supplicium; cur quae[8]) coacta praebuisti sibi de libidine nefandum[9]) solatium tua morte tuoque cruore vis ferocem ejus animum satiare? An tibi non satis nota crudelitas patris, immanitas filiorum?[10]) Iste corruptor corporis tui quot caedes commisit in Gabios[11]) (sic) quot tibi circumvenit innocentes?[12]) Si ipsum odis, si tibi ex animo suplicium optas, fac vivas, fac[13]) te videat in suis poenis exultare, fac quod se viderit invisum et infamem periturum, te, cujus corpus attigit, videat integro famae lumine superasse[14]). Noli, Lucretia, viduare conjugem, orbare parentem[15]) et filiis matrem auferre, opta

---

1) α, пропускъ.
2) α, magnum.
3) α, adulteris.
4) α, пропускъ.
5) α, parata.
6) α, ex te.
7) α, videbis.
8) β, que tanta.
9) α, nefanda.
10) α, Quot ille .... innocentes.
11) α, Gabies.
12) α, вся фраза выпущена.
13) α, Quod.
14) α, numine superesse.
15) α, parentes.

vitam, ut[1]) aspicias aliquando vindictam. Non habes unde mori velle debeas, pollutum est corpus, sed integer est animus, nulla culpa sine consensu contrahitur. Quis nescit te resistere non potuisse nudam, dormientem, incautam et nil tale verentem armato juveni, ad homicidium vel ad adulterium praeparato? Potuit ille aetate florida et auctoritate regia quamlibet[2]) aliam[3]) pro[4]) muliere quam[5]) secum[6]) in illecebras trahere, rigidum vero pectus tuum molire non potuit. Solus ille cum duo[7]) tamen essetis[8]) violentiam tulit, quam[9]) in corpus tuum adulterium perpetravit[10]) et[11]) perfecit. Tu quod[12]) muliebris fragilitatis est[13]) injuriam pertulisti, sed mentem intra concubitus violentiam pudicam[14]) conservasti. Si gloriam quaeris — nihil huic gloriae potes[15]) adicere, quae juveni amanti et avido libidinem suam explenti te non mulierem carneam sed statuam marmoream praebuisti. Adde, cara Lucretia, quod tu non mortem illo[16]) violento consensu, sed infamiam effugere voluisti. Tunc enim demum patientiam praebuisti Tiranno, cum se tibi jugulandae servum nudum occisurum juxta corpus tuum minatus est. Te pater, te vir culpa absolvunt. Noli sola te ipsam illa, qua vacas culpa damnare infamiam ascita morte fugimus. Tu famam corrumpis, tristitiam vitae morte nobis illata finimus. Tu vindictae gaudia mortem properans non expectas. Denique scelus aliquod dum[17]) nobis manus[18]) et vicimus (sic) expiamus. Tu innocentiam occupata morte corruptura es. Vir, pater, Brutus et alii conjuncti, qui te culpa absolvunt, ne te occidas vetant, cur te occidendo judicium ipsorum damnas? Si te occidis culpam tibi, qua cares quamve

---

1) α, et.
2) α, quam talem.
3) α, alia.
4) α, пропускъ.
5) β, et.
6) α, пропускъ.
7) α, duobus.
8) α, centis.
9) α, et.
10) α, patravit.
11) α, atque.
12) α, Tuque quia.
13) α, frugalitatis es.
14) α, pudiciciam.
15) α, poteris.
16) α, ullo.
17) α, cum.
18) α, пропускъ.

fugis incurris. Nunquam putabitur innocens, quod te[1]) nocentem supplicio effecit[2]).

Spurio Lucretio patri et Collatino viro Lucretia pudicissima se occidere volens respondet[3]).

Nolite me, pater senectissime, tuque luce quodam mihi carior[4]) conjux, morte[5]) prohibere. Nisi me occidero, nunquam fides erit, me potius infamiam vitare voluisse, quam mortem. Quis unquam credet, quod ille me servicidio tenuerit meque magis consociandi servi ignominiam suspictiosam (sic.) timuisse quam mortem, nisi moriendi fortitudine[6]) audaciaque probavero. Restabit me[7]) miseram turpissima labes infamiae, Lucretiam potius voluisse adulteram vivere[8]), quam pudicam mori. Nonne videtis, quod non vitae vultis, sed infamiae reservare? Consulite, quid promisistis injuriae; sanctitate[9]) matrimoniales thoros, facite quod ultio tanti flagitii securos reddat aliarum sonnos. Si negligentius hoc egeritis vagabitur effrenis libido et nedum viris absentibus, sed in maritorum complexibus Romanae mulieres praetervorum juvenum violentia comprimentur. Etenim quae mulier tuta erit violata Lucretia? Tu autem, carissime conjux, quo modo poteris in meos ire complexus? Qui te non uxorem tenere tuam, sed scortum tenere Tarquinii recorderis? Et tu, pater senectissime, quomodo me tuam filiam appelabis, quae pudicitiam, quam sub optima tua disciplina didici[10]), tam infiliciter amisi, tam injuriose corrumpi? Me miseram! Audebo natos intueri meos, quorum ventrem adulter oppressit? Quid si semen infaustum visceribus inhaesit meis? An expectabo, donec ex adultero mater fiam? Nolite mihi splendorem exactae vitae ante oculos ponere, quem simul quicquid sincerum tot annis immaculatumque servavi. Infelicissima una nocte, dum accipio non hospitem, sed hostem amisi. Non est ulterius mea vita jocunda. Sentio, quod pudicitiae studium oportunam me facit injuriae, non formam, sed castitatem meam expugnare voluit nefandus adulter. Si hunc fructum continentiae tuli, quid pollutam stupratam adulteram manet, nisi quod[11]) meretrix lupanaribus includar? Sed passim ubique divolans feda prostituar. Heu

---

1) α, qui se.
2) α, afficit.
3) Sequitur responsio Lucretiae.
4) α, clarior.
5) α, mortem.
6) α, fortuna.
7) α, in me.
8) α, adultam vivere voluisse.
9) α, sanate.
10) α, ab infantia dedisti.
11) α, non.

mihi, poterit ne animus iste insons et sine culpa flagitii ulterius cum hoc corruptio[1]) corpore permanere? An putabis nullam violati corporis esse voluptatem? Fateor[2]) occultum nephas. Parce, parens, parceque marite, et nos dii castarum mentium indulgete. Non potui, fateor, tantam animo concepisse tristiciam nec ab illo compressu mentem meam adeo revocare, quin subierant male obedientium membrorum inlecebrae, quin agnoverim maritalis vestigia flammae. Illa, illa tristis et ingrata licet qualiscunque tamen voluptas ferro ulciscenda est. Vestrum autem erit, si quid in vobis Romani spiritus est, scelus[3]) ulcisci. Extinguatur quicquid habuit aliquid voluptatis. Nimiae sunt Veneris vires. Nolo quod unquam tanti facinoris imago ante oculos vestrae virtutis[4]) agatur. Nihil muliere mollius[5]), aegritudinem animique motus nedum mollit, sed extinguit. Tempus si distulero, forsan incipiam[6]) mihi flagitiosa placere. Domittite, ferro transfigam hoc pectus, quod ille violentus amavit. Ibi[7]) primum ad excitamentum libidinis infixas[8]) mamillas digitis contractavit suis. Nolite me etiam ad mei misericordiam excitari[9]). Si vitae parco, jam[10]) [parcam adultero[11]); si parcam adultero[12]); jam placebit adulterium]; si placebit adulterium[13]), jam placebit adulter. Inceptum est in me flagitium, sinite morte prohibeam, ne aliquando vivet, inceptum complere[14]). Nunquam scelus remanet, ubi incepit, credant omnes me infamiam timuisse, non mortem. Quod testibus probare non possum, sanguine[15]) meo ratum efficiam; et tu animae incoruptae et inmaculatae testis innocentiae meae apud Minois et Rhodomanti tribunal ibique prolem regiam violate pudicitiae[16]) et corruptae[17]) corporis accusabis. Tuque terrestre corpus quod etiam specie tua tibi causam et occasionem adulterii peperisti effunde animam, effunde cruorem[18])

1) α, corrupto.
2) α, Fatebor.
3) α, illud.
4) α, mentis.
5) α, mobilius.
6) β, incipient.
7) α и β, in quo.
8) β, infixis.
9) α и β, adhortari.
10) α и β, пропускъ.
11) α и β, adulterae.
12) α и β, adulterae, jam parcam.
13) α и β, пропускъ.
14) α и β, explere.
15) β, id sanguine.
16) α, amicitiae.
17) α и β, polluti.
18) α, sanguinem.

hoc omne[1]), ut hujus[2]) incipiat superbi Regis et infaustae regiae prolis excidium. Tuque vir quondam care[3]), tuque pater, quorum aspectum pudore et infelicitate mea libenter effugio, vosque amici, valete. Nec minus fortiter vindictam, quam spondidistis, peragite, quam ego caedem perficiam meam. Nulli Romanae mulieri detur in exemptu[4]) Lucretia, ut vita mea[5]) persuadeant impudicis licitam fore vitam.

Colucii Pierii pro Lucretia dulcissima declamatio feliciter explicit.

IV.

Invectiva Florentinorum contra arma Domini Ducis Mediolani transmissa per Colutium Domino Benedicto Bernadigio[6]).

(Напечатана у Mehus'a Vita A. Traversarii I p. CCCXII. Я печатаю по рукописи Миланской Ambrosiana Cod. № 223 fol. 180.)

Cur tenet infantem coluber crudelis in ore
Quem non dimittit nec mandat faucibus illum?
Cur haec arma Comes portat crudelia multum
Cum plenum fraudis monstret serpentis imago?
Impietate virum crudelia facta sequentem
Faucibus ipse puer raptus designat inesse,
Quas faciunt miseris praedas cum caede tyranni
Inficit hic hostis:[7]) hominum praecordia visu.
Quale colunt homines natura cordis ovile,
Tale gerunt armis armalis[8]) sculpta figurae
Serpentis formam se cinxtit callidus hostis
Qui subplantavit primos cum fraude parentes
Ergo Comes portat vexilla tyrannica bellis.

---

1) α, hunc omnem; β, hoc omine.
2) α и β, hinc.
3) α и β, carissime.
4) α и β, exemplum.
5) β, vitam meam sibi.
6) См. выше, p. 815. Mehus приводитъ два другихъ заглавія: 1) Invectiva Florentinorum contra arma Domini Comis Virtutum per Ser Colutium domino Hengiramo de Brachis. 2) Invectiva Colucii, destinata contra Ducem Mediolani, Comitem Virtutum tempore, quo guerra erat inter Dominum Ducem et Rectores Bononiae et Florentiae.
7) Mehus, serpens.
8) Mehus, animalis.

Responsio per Dominum Benedictum de Bernadigio, Cancellarium Illustrissimi et excellentissimi Domini Ducis Mediolani [1]).

Infantem miserum coluber raptaverat ore
Illustris miles comitis de gentibus olim
Expugnans colubrum puerum diffendit in armis
Herculis exemplo superantis viribus angues
Qui puer oppressus manibus pugnavit in ipsis[2]).
Mos fuit antiquis victor quaesita ferebat
Arma, ne divicti signabat palmam honoris.
Haec quoque significat prudentem nomine[3]) serpens
Et puer ostendit puram de corpore mentem.
Ista per arma suas signat prudentia partes.
Vulnera sanabat quondam serpentis imago,
Quem Moyses portat[4]) divinis visibus[5]) ore,
Sic Comitis vestrum[6]) sanat vulnera ore
Ad laudem fert arma Comes serpentis et inde
Defensi pueri non talia falsa loquaris
Nec macules animum Comitis, qui purus habetur
Cum dederit virtus quod judicas[7]) esse reorum
Si male confers[8]) interpetie corde maligno
In te verte manus nondum tibi deficit hostis.

V. A)

Изъ сочиненія Джіованни да-Равенна Dragmatologia de eligibili vitae genere[9]).

(По рукописи Парижской Національной Библіотеки Cod. 6494.)

Ранніе меценаты.

Nostram prope aetatem Rex *Robertus* physicos, theologos, poetas, oratores accumulatissimo honore effusaque largitione confovit. Quisque

[1]) У Mehus'а два другихъ заглавія: 1) Responsio Domini Henghirami и 2) Responsio Ducis Mediolani.
[2]) Meh., in ipso.
[3]) Meh., lumine.
[4]) Meh., fecit.
[5]) Meh., jussibus (sic).
[6]) Meh., nostrum.
[7]) Meh., niteris.
[8]) Meh., censes.
[9]) См. выше, p. 943.

in orbe litterarum litteris fructum expetisset, ad ejus regiam minime frustra confluebat. Erat enim tamquam sacrum studiosorum domicilium. *Bernardinus* Ravennae dominator Boccacii studia magnifice instruxit. Cujus antea avus *Guido* sic Dantis persona gloriabatur, ut non modo ad nutum cuncta suppeditaret, verum etiam tamquam privatus ejus conversatione familialiter uteretur. Sic deinceps *Iacobus de Carraria* Petrarcam a Mediolani tiranno Paduam blanda elicuit instancia, cui et liberalem magnifice et amicum familiariter se praestitit. Quem mox dominatoris filius haud minus asserta dilectionis munificentiaeque attestatione percoluit. *Nicolaus* insuper *Marchio Estensis* litteris plusquam militariter indulgens, qui poëtas et historias nossent, munifice admisit, eorumque persona velut deliciis fruebatur. Novissime omnium in hac virtutis laude *Iohannes Galeac* liberalitatem supergressus est, non dico poëtas et oratores, qui rarissimi comparent, sed medicos etiam et jurisconsultos, qui praedicaretur ad eliciendum fruendumque indiscussa erogatione munificus. F. 12. Nostra denique aetate Ludovicus, rex Hunnorum, regnum illud discissum, inhumanum, sine lege, sine more cultuque divino, erexit, composuit ampliavit. Et cum populus brutorum appareret hominum fecit subque disciplina ac lege vitae rationalis reformavit, venerandum regibus formidandumque redidit. Quod olim suam virtutem subjectis ementiens gentibus indigne ejusmodi sortitum esse comploravit brevique ante obitum compositis ab se exauctisque rebus stragem et eversionem divino sui spiritus vaticinio imminere praedixit. F. 14.

Изъ сочиненія того же автора Liber memorandarum rerum.

(По той же рукописи.)

Petrarcha Franciscus regis Hunnorum Ludovici negligentiam in assecutione litteratorum gravi morsu perstrinxit. Recepta namque regia littera, cum series ordoque ruditatem scribae prodidisset, Qinque ecclesiensi episcopo se voce regia visitanti, referto, inquit, regi molossorum, quos innumerabiles educat, numerum comminuat, eoque lucello vegetioris ingenio cultionisque facundie dictatorem sibi sufficiat. Peracuta voculi acies, si sensum expendas. Fol. 97.

Изъ сочиненія того же автора Historia Ragusii.

(По той же рукописи.)

Meus princeps Euganeus *Franciscus Carriger*, ut cujus auspiciis ac favore semper studia floruerint, sexagesimum agens annum praeter id quod amplissimis belli curis, quae multae et variae in regnantium pectoribus volitant, temporis impendebat, semper aut audiendis lectionibus,

aut acutorum disputationibus studiorum vacabat, ita ut mandendo (sic) bibendo, deambulando his animum exerceret, nullo inerti otio delinebatur, somnum capturus semper qui legeret aut illustria veterum explicaret facinora, vel quo tum de virtutum munere, de superum ratione, de vitae fragilitate ac fine conferret, adesse volebat, donec sopor oberrantes sensus velut ad domicilium penitus cogeret; sic igitur inter sopiendum quodam velut obsonio lectione utebatur, quasi sic ad tranquilitatem mentis, ut alimonia corporis ei refectio futura esset. Fol. 84.

V. B)

Изъ сочиненія того же автора Dragmatologia[1]).

(По той же рукописи).

Franciscus Carrara, qui suscepto Paduae sceptro moenia urbis supplevit, vacua spacia domibus constructis ornavit, artes auxit, lanificinam induxit civium facultates promovit, studia literarum unice excoluit. Quid loqui potes? Aquarum ductus? amnes circumactas? valles exhaustas in arvaque versas, turres oppidaque constructa alia fossis murisque munita. Tot denique et tanta fecit, ut minime aetatis unius hominis, sed multorum opera nescius judicaret, brevique nondum senex eo decoris et amplitudinis rem provexit Euganeam, ut populus toto saeculo non implesset. F. 14.

Nicolaus Estensis. Haud me tempero, quin alium vestris affinem aquis principem Estensem Nicolaum non hunc ephebum, sed penultimum ex germanis subjiciam. Nam coeno immeabilem et gravem odore Ferrariam illimem ac salubrem redidit, vicos lateribus ac saxo stravit, domos asseritias lapideas dimisit, castra et turres errexit, oppida munivit, sic denique prudentia et circumspectione augmento urbis ornamentoque indulsit, ut peraemisura (?) nulla vicinarum opulentior neque frequentior speciosiorque visatur. F. 15.

Болонья. Considera vicinam in fronte Bononiam. Quanta opum, quanta studiorum ac sapientiae, quanta civium et advenarum rerumque omnium gloria praeminebat, principe Mediolanensi pastore, sedis Romanae deinde. Ex auro versa mox in scoriam, simulac populus usurpat imperium, ambitione atque avaritia deflagravit, demum seditione odio civili, suorum exiliis caedibusque lacerata, nomen ac decus amisit, donec ad unius redacta moderationem respiravit et in flores fructumque reviruit. Ex quo liquet, quod humana fragilitas in facinus prona, nisi regis aut legis coerceatur habenis. F. 15.

[1]) См. выше, p. 943.

VI.

Iohannis de Ravenna Historia moralis Elysiae[1]).

(По Ватиканской рукописи № 1666.)

Incipit historia.

Quamquam illustribus jamdudum pateat exemplis, quam praeciosa debeat esse matronis praestantia castitatis, quam carus pudicitiae conjugalis honos, quam item deus omnipotens justam causam non deserat, exaratio tamen subsequentis historiolae nequamquam importune se ingeret aut inferior gesti prudentia multisque clarorum autorum vehementi ditata facundia in celebri laude versantur. In hac idcirco dialogi tenore proceditur, quo suavior interrogatione subjecta locupletiorque dicendi series proveniret. Nomina quoque personis indita quamvis veris nominibus ignoratis adibitio crebra pronominum aut fastidium legentibus aut ambiguum genitura vitetur. Quam autem amicorum presignium imperio mandata litteris est. Deque oborto inter charisimos odio perditissimo agitur, ab his qui sincera fide amicitiam coluere, Damone Pithiaque notis nominibus tractatus ipsa narratio.

Damon. Interfuisses historiae, quam nuper audivi, ita pudicitiae precio affectus esses, ita perfidiae pena gavisus, quod ad jacturam ac ne minimam quidem abfuisse te accessisse putares.

Pithias. Ista ubinam acta?

Damon. Intus, qua aulice latum curiae patet, cancellariae fenestram secus.

Pithias. A quo?

Damon. A viro utique splendidissimo atque optimo, quod in aulicis rarum est, Paulo de Leono.

Pithias. Verum ne, ut habet opinio Lucanusque meminit, raros bonos viros in aula versari?

Damon. Verum, imo verissimum ita prorsus, ut siquidem spectatum satis ab aulari varietate cognoscas aurum igne depuratissimum dixeris deque summa, ut ajunt, liga. Hinc assentator ille, ut sese insinuet: hine opibus cumulatis elatus favore alter vanus ambitiosi omnes evadunt.

Pithias. Cum de his alias; tantisper aulici sui (sic) hac exple narratum.

Damon. Est miles in Gallia, Henricus nomine, genere clarus, polens opibus, regi percarus, militari virtute nominosus.

Pithias. Gallia ambiguum nomen est, plures ambit plagas. Aperique ergo edonaque verbum.

---

[1]) См. выше, p. 947.

Damon. In comata, ubi Pariseorum urbem interfuit secana. Hic rarae pulchritudinis et predicandae castitatis divino felix munere conjugem habet.

Rithias. Inauditum pene audio, ut speciosa pudicitiae non provaricetur edictum.

Damon. A Nasone id trahis. Non est ita generosi spiritus forma placere quam amari gaudet, tamen contaminati pudoris nephas abhorret.

Pithias. Quid de militis conjuge?

Damon. Is Gerosolimam tum sanctimoniae devotione, tum visendi orbis studio adeundi propositum accipit. Est enim gallicae magnanimitatis ne dicam vanitatis lustrare plurima.

Pithias. Ita videmus.

Damon. Cui nam carissimi depositum thalami rerumque suarum: namque bina castella aliaque ejus ditioni suberant multa, quae ab mulierum officio abhorerent, curamque tutellam mandaret, conflictari consiliis coepit.

Pithias. Haud immerito. Cui impigrorum (?) ad solidum fides? Quem vel avaritia, vel libido magis integrum sinat.

Damon. Ei (?) vero illi erat amicus imo vero cunctorum existimatu germanus, tanta vitae communione individuus tanto officiorum ultro citroque certatim vicissitudine foederatus, ut multi mortales haud esse certiore fide aut artiore benivolentia quam qua Henricus Arnaldusque — id enim tribuitur alteri nomen, devincti essent duos reliquos arbitrarentur.

Pithias. Quis ille vir quantusque?

Damon. Ingenuus, copiis florens, gloria facinorum mansus (?) ac late patens.

Pithias. Cedo. Ille ne amicitiae nodus intaminata fide permansit?

Damon. Tacito et opus explanabitur. Henricus socium peregrinaturus solito amore compellat. Vita, inquit, diu pariter acta, communia domi ac militiae discrimina. Haud unquam nos intus caritas ab suo tenore deflexa spemque utrique nunquam experienter frustrata faciunt, ut ubi tu adsis, me abesse non existimo. Sicut nunquam abesses, quum viderent tua me negotia praesentem. Una anima, unum cor, una voluntas, ceu vitae una semper conversatio ambobus fuit. Tantummodo corpore duo sumus, quia nihil est quod de genere, de virtute, de fidei integritate deque amicitia tua mussandum mihi sit. Verum enimvero de his tot pignoribus cuncta sperandum. Ad peregrinationem, vides, longam, dubiam, laboris ac discriminis plenam accingor. Si quid igitur rebus meis, si quid penatibus ingruat opem tuaque adminicula deposcant jussi. Tibi, amicitiae, fidei tuae, minime unquam requisitae mihi ne quicquam carissimam atque scissimam (sic) conjugem, lares, remque omnem credo

tutare, opitulare, protege. Ille ... se obiturum fide comissa promittit. abeat rerum domique securus, ortatur daturumque se addit operam. quo integre tuteque in suum serventur adventum, socium ac fraternum studium pollicetur.

Pithias. Quam ardeo edas, qua sanctitate depositum hic servet.

Damon. Ut solet amicus nequam, cum libido oculos cecat. Tandem ille peregrinatur. Biduo post Arnaldus ubi agebat Henrici uxor Elysia castellum adit. Amice, ut qui individuus animo a peregrinantis heri pensetur, comiterque suscipitur. Explorat, si domus, res ac (?) ullum sui usum exposcat, offert, obsequiose spondet, abeuntis desiderio mariti languidam solatur, spemque reditus bonam facit. Elysia custodesque domestici gratias amplifice ferunt eaque inprimis sedulo, quod ejus persona memoriam sibi mariti resuscitet. O nunquam tuta satis mulierum in sequestri coloquia! O semper oportunitas periculose oblata libidini! Cumque tunc aliasque Elysiam visitator adiret, factum est, ut specie factum (?) jam abiret amator. Vadit igitur letale in intimis vulnus gerens, nunc majestas morum, nun forma, candor oris, pudicitiae splendor, hic decus fandi in oculos volitans inequitam mentem efficit, quoque magis singula recenset, hoc faces libidinis saevius incadescunt. Quamobrem calcata fide, rupto federe, despecta nominis claritate, abrogato veteris amicitiae jure, quaestus raptabat, labi coepit. Ergo arcem Elysiae visendi, visitandi praetextum sat ne cuncta valerent, sua ne opera opus foret frequentare. pergerendi (?) tempora variare, nunc mane, meridie interdum, quandoque vespere eo divertere studiosum se in amica re ac ferventem fingere. Haec omnia officiosi animi sociaeque fidei munera Elysia decepto omni deceptus scrupulo ducebat denique... accedendi, dicendique testimonio in oppido jam cum Elysia liberius immodestiusque nec ut hospes, sed unus e domesticis observatus. Verum tamen interpositis plerisque diebus, quo facilior sceleri locus fiat impendio sub occasum solis castellum petit; hospitaliter atque officiose receptus quod in visitando morosior fuisse excusabat, horamque ceteram abeundi intemporanea (sic) incusabat. Elysia vero ignara doli, tantique secura flagitii quaerulum eleganti oratione lenire, sociam domum esse, in qua non secus atque in fraterna versari queat dicere. O abditum animum humanum! alter concepti sceleris insidias pietatis facie velabat. Illa sancto cuncta studio prodebat, huc turpis libido ut reciperet illam hospes ut esset amor castus agebat. Quid? Multa instruitur refectio, discumbitur hospiti, inservitur opipare. Oratum advenisse tota domum hilari fronte testatur. Mensa tandem posita famulantium manus omnis hi cenatum hi diversa prout cuique sorcio est ad munera disperguntur tamquam de absentis heri negotiis dominam ipsam hospitemque perfidum linquunt. Ast ubi amans

solus cum sola se compertum cernit, facinus adoritur, strictoque cultro fassus ardorem necem annuat intentat, atque modo blanditias minis, modoque blanditiis minas intextis mulieris mentem ambifariam quessat vique tandem pudiciciam ea tenus illibatam expugnat, potitusque flagitio ad equestatium ruit atque equm raptans praecipiti e vestigio fuga conscio nemine, solus elabitur.

Pithias. Lucretiam mihi refers. Par scelus est; an par fuerit exitus nosse festino.

Damon. Fuit illa vindex corporis violati ferocior, ista prudentior. Factum Lucretiae ratio sanior improbat, quicumque istius audit probat. Amore Lucretia pudoris, sed mundani amplius favoris libidine in se crimen vindicavit alterius. Haec pudoris amissi jactura consternata, justum exspectavit de flagitioso supplicium.

Pithias. Mirum, quonam elabi pactu valuit. Nonne ad herae vociferantis opem, famularis cohors universa cucurit?

Damon. Prudens mulier, ubi se circumventam scelere vique septam videt, cujus vero illata erat contumelia et domino et viro suo perdendam servare sano consilio statuit et sic fame consulens praessit, ut ille alto corde dolorem frontis et testimonio contexit. Nullus enim gemitus, questus nullus emittitur, nullus, qui solet in vultu indicia sui prodere dolor oris decorem inficit. Lacrimae in oculis nullae. Quo factum est, omnis ac ipsi quoque domestici, usque in mariti reditum conscius abesset.

Pithias. Mirandum femminili robur in pectore; mira constantia, miraque in tanto dolore consilii captandi prudentia. Sed quae causa violentum, si defuit clamoris extrusit?

Damon. Patrati sceleris conscia, metus etiam ne vinctus ope domestica servaretur in penas, nunc insuper quas exturbata fortasse magnifice ingesserat emigrare coegit exteritum.

Pithias. Quanam potuit, cum nocte propinqua soleant oppidorum valvae claudi?

Damon. Habent municipia in emittendorum admittendorumve tacitis commodum rebus, secus ponte quo invehuntur commeatus ponticulum mandiola bautam Grappum (?) euganei vocant. Hic vel ponte reducto iter oppidanorum necessitudini in crepusculum prestat. Hac fuga ille se se propinquit.

Pithias. Quid qui pariter veniant famuli? Non requerebant dominum, non quarebantur simul et administrabantur nuspiam comperire?

Damon. Palam mirari omnes clanculo, praesertimque quos fugiens liquerat mutuo queri nec defuit, quam dominae imperio praesertim suspicaretur et abditum. Itaque nox illa solicita cunctis, Elysiae vero

lacrimosa peracta. Diescente autem residui hospites stuprationis famuli dimissi ad heri municipium properant dominum esse gratantur admirationem, suspectum, metum, quibus noctem egissent exponant. Ille quid dictum factumve sit innovatum ne quicquam post se fuerit contatur. Hi praeterquam quod omnes abitio clandestina tacitos suspensoque dimisit, aliam universae arcis faciem quam cum prius esset extitisse negant. Is vero occasionem comenticiam dat qua sic decedere opportunum fuerit veram silet. Quamobrem inter duorum tantum modo pectorum latebras, votis quamquam imparibus tam nefarii sceleris conscia delituit in tempus.

Pithias. Num post hac de more ad Elysiam reprofectus?

Damon. Nunquam quidem, imo vero, ut mulieris sapientiam noscas mense illa ferme post acto mane domesticis nocturno se excitatam somnio commentatur et virum ipsum qui se mortuum affirmaret aparuisse. Ejusmodique monitam vidiciis (sic) fore, ut visis prorsus impenderent fidem.

Pithias. Quid sibi vult somnii figmen? Quo sapiens mulier intentavit.

Damon. Illo videlicet, ne contra monstra doloris sui in rumores linguas exteras excitaret seseque vulgo miraculum fabulamque proponeret. Haud solum cum quid nostra intersit, sed quantum ceterosque morti sumus respectare prudentis est. Ad causam igitur fruendi libere magis conceptae maestitudinis insignibus caliditate hujscemodi honestam excusabilemque vertit ingenium. Passim nempe somnio vulgato se thalamum contaminatumque cubile scemate quo parietes auleis toreumatibus pavimenta cum nuptias aliave festis diebus solemnia decoratus pulla veste funebrem in morem omnia contexit clausis specularibus tenebras inducit tantummodo aestat lucerna candelabro praebitura lumen usibus opportunum. Erat itaque opacus tenebris locus et atro undique velatus ingenti huc maestitudinis pompa se claudit. Conspectum omnium lucemque perosa declinat tum lacrimis exundat in questus lamentata planctus errumpit cunctis tum se viis note securus dolor explicat. Hic secum injuriam quaeritur thalami violati ulcionem orditur adventum mariti desideriis mutis exquirit. Quem credat obisse dolore conjugis maerore credunt cuncti, miserantur aeque ipsa miseratione tristitia ac stupor oboritur. Cognatorum amicorum notorum omniumque suorum compassio aegritudoque pectus opplerat.

Pithias. Summi sunt maeroris insignia, receptam medullitus (sic) contumeliam, maximis honestissimisque testimoniis patefecit. Jam fateor Lucretiam haec et fortitudine et consilio exsuperat. Illa impos injuriae se peremit; ista fortiter incorruptum animum cohercuit, ut vitam servaret et dolorem intimum testaretur.

Damon. Assercius hoc testabere, cum acceperis reliqua. Ad septimum autem vel circiter mensem remeat hospes conjux, cui obviam domestici omnes oppidanique pigenti (?) cum alacritate festinare, applaudere, gratari, deo vocibus altis laudes dicere proque reditu incolumi gratias retribuere. Ancillae ruere dominam salutare, jocundo esse animo jubere, vivere atque adventasse herum nunciare, surgat et assurgat obviam ortari; immobilis dissentanea pertinacia humi lucto funesto perseverat. Stupet Henricus et quaerit, quod se conjunx animo ceteros laeto non petat accursum. Primum ..... Elysia resque sospites sint requirit, thalamum adit, tantam maeroris acerbi calamitatem stupet. Quaenam uxor in hunc te, inquit, ratio luctum maeroremque stravit ac tenuit; horrere meos cur videris amplexus? Pone luctum, abeant ista tristitiae funebris insignia, confer huc tete. Silet immota. Cumque statione perseverare luctifica pergeret se vir mediam complexurus asservati (sic). Tunc ea, noli me tangere, tuo indigna complexu, vir. Rogitanti quanam se culpa meditaretur immeritam tempestive, inquit, disces. Instructa interim cena mensa ponitur. Vir jubet dextrorsum de more Elysia praeter se collocet. Negat ea religionem pretendit. Omnis alimoniae praeter panis et aquae abstinentiae voto se additam asseverat. Favet Henricus. Ad extremum itaque mensae quam procul a viro seducta pane et aqua refficitur. Denique claudit nox cubiculo duos. Componit se lecto maritus, uti erat indusiata (sic?) lecto tenus uxor imbancha. (sic?) Quid tanta molit severitas aegrique animi pertinacia rogat. Henricus doceri causas exposcit. Effluentibus ea in lacrimis, vir, ait, et domine meus! Si cum relicta sum immaculatam reciperes ad solitos amatosque compexus festinarem, nunc impurata nephas arbitror tua membra contingere nec contingam, denec perfidus tuae conjugis temerator, quas debet poenas dederit. Et quis, ille ait, quis, inquam, potuit aususve fuit nostrum impiare consortium? Quem, respondit, germanum amicum socium indeflectumque vitae comitem ducebas, docebas, praedicabas, cui etiam me ipsam quaeque carissima possidebas abiens fide libera credidisti. Ex indeque seriem facinoris retexit ac subjicit. Et si fratres propinquos aliosque necessarios habeam, mortalium tamen nemo est convinctior quam tu vir et dominus mihi, nemo, quem tantopere causa haec contumeliae respiciat; nemo, cui integritas mea decori cui probrum sit dedecori magis, quam tibi. Quo praedicaris igitur animi robore militari, strenuitate credis audacia, causam suscipe vir conjugis, dominus famulae. Regium ad tribunal reum statue, convince sceleris, supplicium posce de perfido. Deus namque pium fasque istae steterint. Henricus aegram animi solatur, virium insolentis adulterii non animi reluctantis esse crimen docet, quod legibus aut in arte ultum iri policetur. Inde ..... animum induit amici ponit.

Pithias. Magna profecto firmitas, magna prudentia, magnus animi vigor faeminae.

Damon. Henricus orta luce ad regiam pergit, venerabundus regem adorat ac tutum excipitur ab rege magnifice. Ubi vero de peregrinationis eventu, de locorum miris rituque gentium deque ceteris itineris casibus pro regum curiositate aliquantisper narratio protracta, auditorium sibi regis procerumque, opem censuramque regiam implorat. Dat causam, dat indicia, amicum perfidum, hospitem impium insimulat, vindictam orat, ut animadvertatur, instat. Continuo cetum regemque mirari tetrum esse flagitium saevoque dignum supplicio censere, eventum omnes dolere eo magis, quod eos virtute eximia et amicicia singulari praestantes viros clarorumque facinorum experienter probatissimos norant. Tamdem accersitur reus, astat judicio inficiatur frontose faeminam potiundae libidinis desiderio frustratam haec sibi tella struxisse, mentitur penitus, negat factum. Miles instat telloque perfidum judice sese convicturum affirmat. Duellum vocat. Rex ac proceres tantos inter viros praecipueque familiaritate diuturna federatos intestiniam perniciosamque intervenisse causam dissidii quaeruntur. De more tamen gentis annuitur, duellum datur, locus ac dies dicitur; victi victorisque leges produntur, actorum judices assignantur. Rem fama tum atrocitate facti tum virorum illustrium pervagata noticia universam per Galliam discipat. Ob hanc ergo multi mortales Parisias convenere, pars reum criminari, facinus detestari, excogitato primi suplicio dignum loqui, pars, ut fit quae nulla est tam aperti sceleris noticia, quae inveniatur usque quaque favore descita. Nec adeo malignans, cui causam qui aequam censeat desit omnino quemadmodum, ut ille ait. Non est tam sacrum, quod sacrilegum non inveniat. Pars, inquam, Arnaldum istructitio (sic) instimulatum mendatio strepere, inque ipsam crimen accusatricem, ut quae id confinxit quum expetita adulterii voluptate caruerit, retorquere. Cumque discrepantibus plurimi studiis pergerent, hoc tamen ipsam tam fidam prolatamque discindi sociam unionem, tamque insignes viros in vitae discrimine ruere piaculum indiscreto passim questu fatebantur, spem nullam deinceps caritatis uspiam superesse mansurae, postquam tantos inter nexus amoris totve ex parte fidei pignora perditos adeo intervenere furores.

Pithias. Haud immerito, si licet ex firmioribus argumenta venari quis fidat perstituturum esse in levioribus amorem pectoribus quum jugibus comprobatus indiciis, radicatusque tempore et tantorum virorum cordibus potuit evelli. O caeca vehementesque libido, quam nulla ubi rationem oppresseris tuta sint pignora. Sed eventus rei exspectatione solicitor.

Damon. Advenietur. Porro duelli dies oritur; suffragiis uterque suis

adest claustra subeunt paribus animis votis paribus, sed imparibus causis, sed imparibus viribus.

Pithias. Capio, quid velit causarum imparitas. Injecit illa mihi virium imparitas scrupulum.

Damon. Tollam. Henrico erat corporis macies, membrorum exilitas, aequam citra hominum dimensionem statura, sub albidus minimo rubore. Verum in toto corpore proporcione decor suus eximiaque agilitas. In sermone vero lepos, in moribus denique praecelens, graciositate, praestantia lucebat. Atque Arnoldus junior, membra vegetior, capacior virium, altus statura. Ceterum in hoc quoque casus impares fecerat, quod Henricus morbo ex itinerandi concepto quartanarvis (?), alter incolumis erat et forte fortuna cum pugna vocaret hora accessionis instabat. Valet Arnaldus, viget, constat, miles febre quassante tremessit, labat, sese vix gerit. Nempe inter ea cum duelaris apparatus componitur, seque pugilles instruunt, illo se ingenti cum testimonio maeroris Elysia infert, ... strato humi palio semet colocat, inerat ei inter tot miserandi doloris insignia egregius in ore splendor modestiae alta pudiciaeque majestas. Haec ora cunctorum oculosque et cum venerant ex omni, ut dictum est, Gallia primores, ipse quoque ex sua magnificavit persona spectaculum in se ab agone convertit. Alios speciosissimae decus formae, tenor luctigeri cultus alios, miseratio cunctos angebat. Fuit, qui ea belli praetium constituta dimicationis fortunam subire praessentis averet. Atqui merum hostem intuita, tu ne vivis, inique, perfide, in ora tu ne hominum venire audes, audes regium ceterorumque procerum hospes nefarius, infidelis amicus, sociae domus proditor, scelerator alieni pudoris venerandum verendumque audes foedari conspectum? Coelum, numina, stellas audes intueri? Non tibi succurit, inquam, rius (?) amicum fratrem, hospitem? Tot violato pignorum sacro potes constare, potes injusta tela capessere, iniquo te bello credere potes? Cum mucronem manu devota stringes, nonne temperatio federis socii ultrix scelerum conscientia, metum, pavorem, ac terrorem incutient? Vim assument flagitii, poenas exigent. Sanctissima nomina, fides, amicitia, benignitas hospitalis, quae calcasti catenas tibi, crucem, desperatam mortem intentant, nostram dii, homines, fas atque aequum spectant causam. Dii conjugales, dii fidei praesides, dii hospitales, quorum perfidus nomen iste contempsit, adeste ultores. O coeli atque hominum optimus rector et artifex, innocentiae columna idemque sontium judex ultor et testis deus, quemadmodum ab primo creaturarum plasmati institutor, sacramenti ita illibate servati protector, tuque alma parens virginalis triumphi decus ac princeps, cujus ad patrocinium nulla unquam justa in cassum oratio recurrit. Vosque celites, quibus intacti corporis sanctitas aut continentiae proxi-

mum decus, immaculative cubilis integritas gloriam peperit servatque in celesti pace felices, miselle suplicis praeces ac pia vota suscipite. Date manus praedoni mei pudoris, animos sternite, spiritus adimite, det flagitii penas vobis, suo cruore temperate castitatis crimen expiet ceu violento scelere gloriam profanavit. Corporis ejus vir meus spolia victor ferat, sicut insolens thalami ille rapuit sui. Adeste uti soletis oppressis, justiciae pugillis causam amplectimini, vires augete, robur addite, dexstram juvate, tella dirigite. Audi tu, rex inclite, ingens et unica gallici nominis gloria, quem orbis dominator et conditor Deus proposuit justitiam ministrare, afflictorum causas suscipere, malignantium cornua contundere, bono et aequo omnia gubernare, audite proceres, audiat exercitus omnis, adibite animos, favete justiciae, votis opem ferte. Impius iste amicus olim et unica vivendi familiaritate germanus, viro meo hospes, aede socia receptus ..... invitam oppremit. Fedatoque hospitalis amici thoro scelere attonitus fugit, nunc pro atrocissimo scelere judice Marte daturus. Hunc ego sum persecuta, ut si quod aut quamquam verendum justiciae autore tutoreque deo esse mihi videor amantissimus conjux causae succumbat, supplicii condiciones luam. Vim ego passa, pugilem dedi neque enim fas est vita frui, quae talem tantumque virum necis vadem surrogavi. Perfidum quibus valeo tellis insector vivens, furore prosequar inter umbras, execrationeque miserabili Eumenides omnes tortores defuncta in supplicium scelerosi praedonis instigabo. Cuntorum intima quaestus hi moveant, miseratio castitatis offensae, prioris fortunae respectus, domesticarum imaginum claritas corda pulsabat abortivasque lacrimas extorquebat. Tum hostis labi animo deficere quati membris conscientia et horore comissi cepit.

Pithias. Excetissimum (sic) nocentis animi testimonium.

Damon. Ita ceteris quoque visum ideo reum cuncti agere, illi perniciem nominare, multi quoque imprecari cepere. Denique aperto equore dimicatio pilis cepta. Miles febre tardus instanti vix constat, excidit manibus lancea, scelere ferox alter emisso ne quicquam tello agere sica rem parat. Tum conserte manus coheunt acies stricta vicissim micat exardescens utrinque odio murmur per galeas auditur. Henrici ter et amplius integer ipse Arnaldus sica faciem sauciat. Tum gemino deviduus impedimento vulneribus et quartana inherescat captante sinistra ferienti cadat.

Pithias. Evidens justiciae discrimen narras, quod vereor ne in tam vista pudicitiae causa Deus nephandorum persecutor noxium triumphare permittat.

Damon. Metui istud indignum. Omnipotens namque adjutor in oppurtunitatibus et tribulatione discipat ossa pecantium, coroborat piorum.

At si qua justicia nostrae videtur deservata caligini aut vera profecto justicia non extitit. Quisnam abditissimam omnipotentis sapientiae abissum hoc luteo circumdatus vase discutiat aut justi operis vanitate tumentem temporaneae severitatis asperitate humilians ad prope recognitionis retorquet examen? Plerumque etiam exculte degentes ab improbis indulto superno calcantur minimeque vindicetur crimen quod scitur abesse sed quantus abstergatur, abdita culpae rubigo, quae nescitur adesse. At si contra justum malignantibus nephandorum ausuum divinitus permittitur, fit, ut accepta potentate hi sibi indignationis divi.... acerbitatem exargerent, quae mala voluntate injustius degrassantur. Et quanto indigniore severitate justicia vexabitur, tanto gloriosiore meritorum retributione pensetur. Ceterum ut tibi tandem absolvatur hostoria. Tum jam jamque, tum febris Henricus, tum laboris ac vulnerum molestia prope deficere putaretur. Valens alter atque integer medium complectitur. Sublatumque jactare claustrum, extra quod pugilarem ad stationem studio structum erat, dum magnis nixibus insultans, ovansque victoria, quam.... in manibus fore molitur, lubricante pede supinus ruit, in se ruinam complexi hostis trahens. Cujus acies siccae, quam manu stringebat, orbe galeae forte oculo intenta et pondere.... et animoso annixu in penetissimam cerebri sedem. Unde corpus.... vitam cum sensu ipso fugavit. Sicque sperata jam indolens victoria stratus solo jacuit exanimis.

Pithias. Casus non virtus opi fuit insperata a deo, ne quemquam salute potitum audistin (sic).

Damon. Quam multos, idque non nunquam superna providentia jubetur, ut quo propius periculo quis reportat hoc non humanae virtuti, divino sed judicio constantius adscribatur. Certiorque redditus innocentia, quam miraculum sancit quasi quae opibus emergit humanis, verum tamen ut quo tendit perveniat oratio. Ut accepisti, sperata jam insolens victoria exsanguia membra campo dimisit. Duelli tamen praesides amplissima cum Dei laude Henricum adeunt, gratantur, galea.... absolvunt, plagas exiccant, denique ad regem agunt. Is benigno favore ac etiam gratulatione suscepit. Secundum regem summa cum alacrimonia aplausuque proceres certatim quisque victori gratulantur. Mox vero in sonipede sublatus regiam pompam comittatur. Tractus equina victus cauda ritu gallico in cruce supplicium perfidie luit. Atque victoris uxor ovans victoria honestissimo atque aparatissimo tum matronarum, tum militum cetu celeberrimis ipsam laudibus extollenti in cognatam ducis Biturigiae aulam agitur. Ubi positis funebribus vestimentis sumptuosissimo apparatu magnifecentissime adornatur. Astubi curatis Henricus vulneribus campos sanitatis evasit. Seu enim labore

noxium illum quarantanae humorem exagitatus calor percutaneum (sic) sudorem excussit, seu metu initima reflexus excoxit aliaque divertit deinceps expers fuit febrilis incommodi. In aula praefati ducis celebranda fore nova sponsalia vulgatur. Confluitur undique. Rex quo sit conjugalis pompa festivior adesse dignatur. Paratur ingenti ministro convivium splendidissimi convivae; electissimae dapes, varia pro gentis more, fercula. Hilaritas passim effusa. Postea vero quam sublatis mensis otio sedentario prout quisque affectus est redditur cum sodali verbosus nuptura iterum militi suo coram adventat Elysia; erat amplissimo splendens cultus decore verum admirandi ornatus rutilanciam obumbrabat, singularissima pulchritudo ingenti majestate pudoris exaucta. Commitabatur eximiarum conventu matronarum. Rex vero summa cum laude pudiciciae benigno affatu receptam Henrico iterata anulli nuptione resignat. Conjugii fedus oratione elegantissima sancit. Una repatrient (sic) jubet.

Explicit Historia Elysiae. Deo gratias. Amen.

VII. A.

Изъ сочиненія того же автора.

Liber memorandarum rerum[1].

(По Парижской рукописи № 6494).

Мораль Дж. да Равенна.

Laura namque Festivi Bononiensis olim conjunx, cum liberorum nihil ex viro sustulisset ultro ei pelicem substravit simul agere domi aequanimiter passa donec conceptam ex marito prolem edidisset. Quam post nuptui ere suo decenter allocans infautem caritate materna studioque educavit (fol. 67)... Jacomina conjugis meae germana, quae speciosissima quidem forma, maternalium ingenio artium eximie praecellens, mariti pelicem mira equanimitate in domo etiam perventum non tantum esse, verum insuper lecto pariter locum cedere et ad pedes cubare... quae virum et specie eleganti et aetatis flore vernantem impotenter adeo diligibat, quo ne suis contrairet voluptatibus ut sacrum fidei maritalis pignus coram violari tacita pateretur. 68.

[1] См. выше p. 952

VII. B.

Современные нравы[1].

(Изъ того же сочиненія.)

Luxuria pestilens humani affectus illecebra, blanda quidem, aversa rationi, mentis lumen obnubilat... Sic propudor de orbe triumphat, ut sublato pudore nec in cultu victuque modestia, nec effundendi acquisita, nec jure calcato acquirendi effundenda modus jam supersit. Примѣръ. Hujus morbo *Johanna*, Siciliae regina, sanctissimi Roberti postrema et abortiva propago, minime contenta fuit intra maritalis thalami affectum libidinem diffluere, nisi mostruosa prostitucione nostris Samiramini (sic) temporibus referret. Nam quis quis forma vegetiore (s...) comparuisset, reginalis concubitus sperare voluptatem poterat. Bernardinus Ravennae olim dominator... nullius civium thorum non violavit, nullius virgines non impuravit, una feminas unus quasi complures emissarius equas fecundans, thalamo secum habuit, nudatasque vagari ac studio jactos humo legere numos jussit, ut quam implacabilem voluntatem libidinis explere obsceni furoris actu minime satis duceret oculisque voluptatem fedissime turpitudinis hauret. Таковъ же былъ его сынъ Guido, qui primum sic in Elysia conjuge exarsit, ut appareret pene cum illa sexum mutavisse. Ita ablegata propria voluntate uxoris dumtaxat imperiis agebatur. Post Bononiae scorti illecerbis eo dementiaes urreptus, ut thalamum adeo primum carum, liberos novem, patriam, urbem imperiumque dedisceret. Haud Ravennae gubernator et dominus, sed coempta aede Bononiae civis erat. Huic furori cessit impurior, cum non caperet Ravenna, non Bononia hujus libidinem Venetias usque proluxit. Coquisita namque per Brusam satellitem lena, meretriculam est. Nec propudor sanctimonia nuptialis, nec conjunx Marchionum Ferrariae clarissimum genus nec exoletorum tot natorum natarum verenda parentibus majestas, non denique civium respectus obstitit, quin novam Ravenna quasi nuptam empticiam pelicem colere cogeretur, quae sic brevi pellexit hominem, ut non cives modo, verum ipsam quoque tot superbam natis Elisiam, ex superiore despiceret tamen cuique licebat, quantum meretricula licuisset, donec injuria tandem accensi materna, filii noctu adorti impudicam obtrucavere. Въ этомъ родѣ и Бернабо Миланскій, qui Porrinam pelicem adeo impotenter dilexit, ut curam solicitudinem omnemque cogitationem transtulisse in mulierculae dili-

---

[1] См. выше p. 954.

cias videretur. Eaque absente desideri dementiret, praesentanea contractu sibi temperare nequiret. Hoc impudentius quo senior in ore populorum, in ipsis publicorum festis ludorum spectatulo solenniter considens, mamas famulae contrectaret, lasciviretque suaviis. 75.

VIII.

Изъ сочиненія того же автора.

Historia Ragusii.

(по той же рукописи).

Политическій строй Рагузы.

Civitatem esse bifariam in nobilitatem plebemque distributam atque illos presidere, hos obtemperare satis fecisse de primis videor, sed faciem ipsam gubernationis absolvam... Eorum porro qui participare urbis consilio possunt centenarius fere numerus est, patres conscriptos dicere possumus quamquam frons ipsa convenientium haud quamquam patris nomine digna sit. Hi inquam omnes eorumque procedens stirps tota quamvis improbissimi, quamvis imperitissimi, quamvis deliri nobiles habentur. Conventus horum consilium majus dicitur, quinquagenario ad minus implendum hunc supergredi numerum potest. Quicquid vero infra decreverit, irritum fieret. Hinc rerum imperium, vis summa, summaque potestas. Nec fas est evacuare cuiquam, quod hic sancitur. Quicquid gravi consilio opus habet, quicquid discrimen rei publicae portendit, quicquid magno stat, huc trucinandum absolvendumve feretur. Hinc praesides insularum, quibus praesidet urbs, hinc lacorum praefecti, hinc legationes, hinc bella, hinc paces exeunt. Ex his autem XXX delecti Rogati vocatur (sic), quibus minora secretiorave urbis opera decernere fas est. Horum infra vigenarii *coactionem inanis vacuaque sententia est* (sic?) Tertia selectio ex Rogatis in *patres*, sex cunsulti appellantur et Jud' (ices?) V quorum conventus ..... minus consilium dicitur. Hi tamquam rogatorum vicarii, quemadmodum patrorum (sic) ali (sic) conscriptorum, sed veluti rogatorum perpetua delectio, nisi necessitas extorserit sit consultorum ac Judices annuus magistratu est. Horum est urbana obire negotia, sicuti patres familias quamviss opera, onera, munera nunnave (?) digerere est siquidem vero nodosi contingat, conveniuntur; rogati dehinc quo plus habeant roboris statu-

[1] См. выше p. 956.

antur ad senatores (sic) gtadus est praeter ea singulo mense pie qui praesideat unum aliquem sortiuntur. Is rector vocatur sine re, prorsus nomen et signum dumtaxat cujus omnino absque tertii ordinis censura auctoritas nuda est. Atque memineris quod velut hi sine illo, sic sine illis ipse cuiquam utiliter non sedet. Ei paucus honor, onus multum, ut quam astare a mane in vesperum oporteat in trivio cunctos auditurus, de suo pauca tamen et infima arbitrio, de consiliis magnis ac minoribus, si quid jussum decretumve fuerit executurus. Miserrima satis condicio, nisi menstruo ambitu finiatur. Ita virorum XII singuli ut quamvis sors obtulerit mensibus magistratu annus evolvitur. Hic, inquam, nisi judicibus inutiliter cuiquam civiles criminumque causas recognoscit. Quietus tamen est justiciae onor et absolutior atque ubi nodis cavillisque palatini jurisconsulti fora latii vexant... Hic jure municipali nec ullis interpraetando vaframentis, sed ad litterae sonna imitando conscientia teste consetur. Criminibus autem novissimus dies mensis debetur. Hoc de primoribus terminorum. f. 96.

Нравы въ Рагузѣ.

Vita quanto inferior, tanto immundior brutorumque simillima perpaucis demptis sacramentis cuncti laneis solo passim cubant palearum usum vel ignorant, vel non habent, pro quibus succides a pecoribus decisas subfiltris aut tapetibus sternunt, desuper dormitant. Ac vestiti quidem linteorum usus ignotus; haud mollior victus exteris ad procellas exhaustis algis et aqua vescuntur. Conficiendi panis ars nulla; perinde horum teterrimus odor, hispidus cultus, horrida persona est, forma ipsa tantum a pecoribus distant; praeteriti nihil futuri parum curantes; ventri vivunt tegi et pasci summum est. Corporis cultus haud ceteris discolor moribus namque rudi et scabra vestis lana nec varium, ut Maro ait, mentita colorem, sed ac huc pecude tales imbra contegit barba capilloque nedum intonsis si illotis atque inpexis perinde algus estusve securi utpote cetera animalia contecta contentaque sui munimi ne velis ab intemperie Jovis degunt fragiles neque hominum infimorum sed eorum, quo qui mediocri sorte qui suprema fluunt barbae comarumque nutendarum mos est. Interest illoti impexi squalidi hirsutique illi, ut sorditiae capitis crines nihil a ferarum confusione villarum 96—97. At vero natio ista, ut inferior ingenii praestantia sic morum constantia superior fol. 48.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

вполнѣ или отчасти разсмотрѣнныхъ сочиненій гуманистовъ и о гуманизмѣ.[1])

*A—въ A., Итальянская новелла и Декамеронъ. 1880. — 563.

Abrégé de l'histoire de Pétrarque contenant les principaux traits de sa vie. Vaucluse 1885. — 396.

Acciaiuoli Nicola, Lettere. — 769, 770.

Accolti Benedetto, Tractatus de habilitate temporis. — 879, 880.

*Affò, Sulla dimora del Petrarca in Parma. — 332.

Agostini Giovanni, Notizie istorico-critiche intorno la vita e le opere degli scrittori Veniziani. T. I. Venezia MDCCLII. T. II. MDCCLIV. — 978, 983, 984, 985.

*Agrati, Petrarca. Milano 1854. — 332.

Agricola, Vita Petrarchae. — 292.

*Ala Stefanucci, La morte di Fr. Petrarca. Roma 1839. — 332.

Albanzani Donato, Opera. — 982.

*Alberti Antonio, Historia illustrium virorum. Ms. — 865.

— *Gontenzioni amatorie. — Ms. 865.

— *Sonetti e canzone. Ed. Bonucci. Firenze 1863. 865.

Alberti, Opere volgari. Ed. Bonucci. Firenze 1846. — 462, 801, 874, 898.

*de Albizio Franceschinus, Genealogia deorum. — 425.

*Aleardi, Discorso su Fr. Petrarca. Padova 1874. — 369.

*Aleardi, Messer Boccaccio. 1883. — 563.

*Allegretti Jacopo, Falterona. Ms. — 744.

— *Carmen ad Ludovicum Ungariae regem. Ms. — 744.

Alzog I. Histoire universelle de l'Église, traduite par Goschler et Audley. Paris 1885. — *25, 26*.

d'Ancona, Il maestro del Petrarca. 1874. 368.

— *Studi di critica et storia letteraria. Bologne 1880. — 278.

Andres D. Dell'origine, progressi et stato attuale d'ogni letteratura. Parma 1782. — *96* и слѣд.

*Anguisciola V., Regulae ad humaniores litteras addiscendas. — 914.

*Anonimo, Vita del Boccaccio. Ms. — 520.

*Anonymus, Laudatio Leonardi historici et oratoris. Ms. — 697.

Appel, Die Berliner Handschriften der Rime Petrarca's. Berlin 1886.

dall'Aquà, Il palazzo ducale Visconti in Pavia e Fr. Petrarca. Cenni storici. Pavia 1874. — 366.

Aquettino см. da Prato Giovanni.

Aretino Giovanni, De medicinae et legum praestantia. Ms. — 856, 860.

Aretinus см. Brunus.

[1]) Сочиненія, только упомянутыя, отмѣчены *.

Argelati, Bibliotheca scriptorum Mediolanensium. T. I. Mediolani 1745.— 709, 884, 886, 887, 898—902, 904, 911, 915, 918.
*Armanni Jacopo, De astris. Ms. — 746.
*Arnaud, Le génie de Petrarque. A Parme 1778. — 314.
Arndt E. M. Versuch in vergleichender Völkergeschichte Leipzig 1844.— *39*.
*Arrigoni. Souvenirs de Pétrarque. Milan 1883. — 271.
*Asellio Leonardo, Iovis transformationes et de victoriis contra Turcos. 915.
Ast Fr. Grundriss einer Geschichte der Philosophie. Landshut 1807. — *62*.
*de Aurelianis Mattheus, Epistola Ed. Abel. — 934.
*Averuus, De Svevorum gestis. — 992.

B., Petrarca. 1866. — 350.
Baduber, Pietro Paolo Vergerio il seniore da Capodistria. Capodistria 1866. — 969.
*Bäumker, Quibus antiquis auctoribus Petrarca in conscribendis Rerum memorabilium libris usus sit. Pars prior. Monasterii Guestfalorum 1882.—261.
*Baiguera B., Laudes comitis Boncii, potetatis Brixiae. Ms. — 917.
*Baillet. Jugement des savans sur les principaux ouvrages des Auteurs. Amsterdam 1728. — Vols 16. 95.
Balbo Cesare. Della storia d'Italia dalle origini fino all'anno 1814. Parigi. 1847. — *137*, 1006.
Балдаковъ, Итальянская литература въ средніе вѣка. — 411, 570.
Baldelli, Del Petrarca e delle sue opere. Firenze 1797.— 200, 202, 208, 271, 298, 304, 307, *319, 320, 321, 322*, 325, 329, 335, 346, 584, 836, 935, 938.
Baldelli, Vita di Giovanni Boccacci. Firenze 1806.— 418, 424, 435, 437, 441, 451, 474, 476, 480, 481, 484, 485, 486, 488, 490, 493, 499, 503, 520, *523—525*, 575, 759.
*Balutius, Additamenta ad vitas Avenionensium Paparum. — 657, 807.
Bandini, Vita di F. Petrarca. Lugano 1791. — 306.
*Bandino Dom., Comentum super Comoediam Dantis poëtae. — 834.
— *Grammatica. — 834.
— *Repertorium rubricarum. — 834.
— Fons Memorabilium Universi Ms. — 194, 286, 388, 518, 591, 786, 791, 810, 811, 814, 817, *831—834*, 1007.
Baravelli, Il Venerdi Santo del Petrarca 1881. — 412.
Barbaro Francesco, De re uxoria.—987.
Barbato Marco, Lettera inedita a Pietro di Monteforte. — 764, 765.
— Expositio Epistole, „Iam tandem".— 764.
— Testamento. — 764.
*Barbavara Francesco, Oratio in Concilio Basiliensi. Ms.— 898.
— *Epistola ad Antonium Panormitam. Ms. — 898.
Barlaamo Calabrese, Contra primatum Papae liber. Oxonii 1592. — 991.
— *Діалогъ противъ легатовъ папы Іоанна XXII. — 991.
— *Разсужденія противъ легатовъ папы Іоанна XXII. — 991.
— *Разсужденіе о происхожденіи Св. Духа. — 991.
— *Разсужденія противъ Ѳомы Аквинскаго о Троицѣ. — 991.
— *Рѣчь противъ латинянъ, составленная изъ различныхъ рѣчей св. Григорія и св. Василія. — 901.
— *Проповѣди противъ латинскихъ догматовъ. — 991.
— *Рѣчи о соединеніи церквей. — 991.
— *Epistolae. — 991, 992.
— *Probatio per Sacram Scripturam quod Spiritus Sanctus et ex Filio est quemadmodum ex Patre. — 992.
— *Комментаріи къ апостольскимъ канонамъ: — 992.
— *О Ѳаворскомъ свѣтѣ. — 992.
— *Теологическія разсужденія. — 992.
— *Математическія сочиненія. — 992.
— *Ethicae secundum stoicos libri II.— 992.
— *Carmina. — 992.

*Barozzi, Petrarca. Lugano 1839. — 330, 384.
Bartoli, Da un codice Ashburnhamiano. — 278.
— *I Precursori del Boccaccio e alcune delle sue fonti. Firenze 1876. — 481, 495.
— *I primi due secoli della letteratura italiana. Milano 1877. — 535.
— *Il Petrarca viaggiatore. 1884. — 414.
— Storia della letteratura italiana. Tomo VII. Francesco Petrarca. Firenze 1884. — 278, *404—407*, 411,
Bastie, Vie de Petrarque. Paris 1743 и 1751. — 298, 308, 309.
*Battani, La giovinezza di Fr. Petrarca. Milano 1874. — 369.
Baudrillart Alfr., La civilisation en Italie au temps de la Renessance 1886. 1033.
Бауеръ. Лекціи по новой исторіи. С.-Петербургъ 1886. — 21.
da Barzizza Gasparino, Opera ed. Furiettus. Romae 1723. — 906, 910, 911, 912, 913,
— Orationes. — 906—909, 911,
— Epistolae. — 909, 911, 986.
— *Ethimologia vocum latinarum. Brixiae. 1563. — 910.
— *Ortographia. Venezius 1554. — 910.
— *De compositione, prima elocutionis parte. Ed. Furiettus. — 910.
— *Tractatus de Diphtongis. Ms. — 910
— *Liber de arte punctandi. Ms. — 910.
— *Praecepta rhetoricae. Ms. — 910.
— *Exempla exordiorum. Padua 1483. — 911.
— *Epitome Titi Livii. Ms. — 911.
— *Ad Alexandrum V gratulatoria carmina. Ms. — 911.
— *Practica Oratoris seu de tribus elocutionis partibus. Ms. — 911.
— *De nominibus magistratuum Romanorum libellus. Ms. — 911.
— *De morte tractatus. Ms. — 911.
— *Vocabularium de rebus divinis etc... Venetiis 1524. — 911.
Beccadello Ludovico, Vita del Petrarca 1650. — 299.
*Belani, Del vero sito della villa del Petrarca presso Milano. 1845. — 332.
Bellarminus R. De Scriptoribus Ecclesiasticis liber I. Accessit Dissertatio Philologica et Historica Philippi Labbé. Venetiis 1728. — *23*.
*Benini, F. Petrarca e S. Agostino. 1886. — 414.
*Benvenuti Lorenzo, In Nicolaum Nicolum Oratio. — 848.
Bergomas J. Phil. Supplementa chronicarum Venetia 1513. — *9*, 295, 519. 697, 892, 903, 911, 912, 928, 968, 994,
— De claris selectisque mulieribus. Ferrara 1497. — 432.
*Berluc-Perussis, Un document inedit sur Laure de Sade. Aix 1876. — 368.
Bernardigio Conrado, De dispositione vitae ad Franciscum Petrarcam. Ms. 884.
— Carmen. — Прил. IV.
*Bernardi, Certosa di Monterivo e Gerardo Petrarca. 1874. — 368.
Bernardo Paolo, Epistolae. — 980, 981.
*Berri, Vita del Boccaccio. Firenze 1874. — 535.
Betinelli Saverio, Risorgimento d'Italia negli Studi, nelle ardi e nei costumi dopo il mile. Milano 1819—20. — 336. — 1013.
— *Elogio del Petrarca. —
— *Carteggio tra due dame antiche. —
— *Lettere sui fiori e i cagnolini. —
— *Lettere a Lesbia sugli epigrammi. —
— *Lettere sulle belle arti. —
— *Dialoghi di Amore. —
— *Delle lodi del Petrarca. Mantova 1788. — 315, 336.
*Betti, La Laura del Petrarca. Modena 1866. — 350.
Betussi, Vita di M. Boccaccio. Venetia MDCVI. — 520.
Biondo Flavio, Opera. Basileae 1559. — 736, 835, 841, 842, 912, 947, 989,
*Birago Filippo Maria, Carmina. Ms — 915.
— *De virtutibus moralibus. Ms. — 915.
Biscioni A., Lettere di Santi e beati Fiorentini. Firenze 1736. — 823.

Biscioni, Prose di Dante e del Boccaccio. Firenze 1792.—461.
Bisticci Vespasiano, Vite di uomini illustri del secolo XV. Firenze 1859.—682, 695, 697, 722, 851, 862, 876, 879, 900, 927, 928, 1009.
*Biumi Paolo (Bimius), Orationes et poëmata ex antiquissimo ejus libro ecepta nunc primum edita. Mediolani 1612.—904.
Blanc, Petrarca. Leipzig 1844.—*330, 331, 332.*
de Blasiis, Studio intorno e Fabrizio Maramaldo. 1876.—772.
*Blase de Burruy, Laure de Noves. 1874.—368.
Boccaccio Giovanni, De vita et de moribus Petrarchae—284.
— De genealogiis deorum. — 418—429, 756, 758, 761, 763, 982, 993, 998—1000.
— De claris mulieribus. Bernae 1539.—429—435.
— De casibus virorum illustrium libri IX. — 435—444, 761.
— De montibus, sylvis, fontibus, lacubus, fluminibus, stagnis, seu palidibus ac nominibus maris. 1532. — 444—8.
— Epistolae ad Maghinardum de Cavalcantibus. (Изд. Веселовскій. С.-Петербургъ 1876). — 441, 452.
— Lettere volgari Ed. Moutier. Firenze 1834. — 449.
— Le lettere edite e inedite, tradotte e commentate da F. Corazzini. Firenze 1877. — 449, 722, 767, 768, 769, 770, 781, 782, 881, 983.
— Egloghae. Firence 1504,—462—470, 756, 765.
— Pauca de Tito Livio. Ed. Hearne. Oxford 1708. — 472.
— De Mundi Creatione. Trieste 1879. — 472.
— Compendium romanae historiae. — 472.
—Verba puellae sepulte ad transeuntem. 472.
— Verba transeuntis ad puellam sepultam. 472.
Boccaccio, Vita di Dante. — 474—478.
— Il comento sopra la Commedia Firenze 1863. — 474, 478—480.
— Filocopo (Filocolo). — 480—484.
— Ameto.—484—486.
— Visione Amorosa. — 486—490.
— Teseide — 490—491.
— Filostrato. — 491—493.
— Ninfale Fiesolano. — 493—494.
— Elegia di Madonna Fiametta da lei alle innamorate donne mandata. — 494—495.
— Decamerone. — 495—508.
— Il Corbaccio o il Labirinto d'Amore. — 509—510.
— Rime liriche ed. Baldelli. Livorno 1802.
— Rime di D. Alighieri, G. Boccaccii etc. Imola 1883.
— Due poesie inedite di. G. B. 1888. 510—511.
— L'Urbano. — 511—512.
— Caccia di Diana. — 512.
— La storia del Colonacho da Siena, ovvera la Ruffianella. Londra 1863. — 512.
— Dialogo d'Amore. Venezia 1511. — 513.
— Geta e Birria. — 513.
— La Passione del N. S. Gesù Cristo. Ed. Razzolini. Bologna 1878. — 513.
— L'Ave Maria Ed. Zambrini. Imola 1874. — 513.
— Chiose sopra Dante. Ed. Vernon. Firenze 1841. — 513.
— Oppere attribuite. — 514, 519.
Bocchi, Alcuni giorni nei colli Euganei. Venezia 1831. — 330.
Bocchii, Elogia. Florent. MDCCCXLIV. — 303, 304, 520, 521, 822.
*Boernerus, De doctis hominibus graecis. Lipsiae 1750. — 994.
*Bonovoglia, Vita S. Filiciani. Ms. — 751.
*Bondelon, Vancluse, Petrarque et Laure. 1864. — 350.
Bonifas, De Petrarcha philosopho. Parisiis MDCCCLXIII. — 189, 192, 193, 199, 225, 351, 352.

*Bonincontri, Historia de discordia et persecutione, quam habuit Ecclesia cum Imp. Federico Barbarossa. Ms. — 983.
*Bonoli, Storia della città di Forli. — 746.
*Bonzi, Comparazione dell amore di Fr. Petrarca e di G. Leopardi. Belluno 1874. — 368.
*Borghini, Vincenzio, Cento novelle antiche. 1572. — 511.
*Bossi L., Della istoria d'Italia antica e moderna. Volume XVII. Milano 1822. — 137.
*Bosso A., Flos florum, de antiquitatibus Mediolani. Ms. — 903.
*Bouginé S., Handbuch der allgemeinen Litteraturgeschichte. Zürich 1789 — 1890 (6 vols). — 95.
Bouterweck F., Geschichte der Poesie und Beredsamkeit. Göttingen 1801. — 97 и слѣд. 274, 334, 335, 523.
*Bouterweck, Boccaccio. — 525.
*Bowen, Modern philosophy from Descartes to Schopenhauer and Hartmann. Loudon 1877. — 78.
Boxhornius M. Z, Historia Universalis. Lugduni Batavorum 1652. — 11,12.
*Boyer d'Agen., La vocation de Boccace. 1883. — 563.
*Bozzo, Gli studii classici in Sicilia dal sec. 14 alle metà del 19. Palermo 1884. — 777.
*Bozzoli, Petrarca. Ferrara 1845. — 332.
*Brachet, Mon dernier voyage à Voucluse. Avignon 1823. — 327.
*Briani, Istoria d'Italia. Venezia 1623. — 130.
Brivio, Carmen. — 847.
Bruckerus J., Historia critica philosophiae. Lipsiae 1733.
— Institutiones Historiae Philosophiae usui academicae juventutis. Lipsiae. 1756—57 и слѣд.
Bruni Leonardo Aretino, Laudatio Colutii Salutati. Ms. — 694.
— Le vite di Dante e del Petrarca. Perugia 1671. — 229, 475, 476, 625—630, 873, 874.
Bruni, Isagogicon moralis disciplinae. Lovanii 1475. — 597—600, 638, 639.
— De institutione adolescentium ad Ubertinum Carrariensem. Ms. 600—607.
— De studiis et literis. Parisiis 1642. — 607—609.
— De disputationum exercitationisque studiorum usu. — 610—625, 630, 631. 639, 824, 847, 863, 875.
— Oratio in nebulonem maledicum. Ed. Zippel. Firenze 1890. — 619, *655*—657, 848.
— Epistolarum libri VIII. Ed. Mehus. 625, *639—654*, 698, 708, 714, 718, 743, 816, 842, 845, 846, 853, 881.
— Oratio adversus Hypocrisim. Lugduni. 1679. — *631, 632.*
— Nobilitatis contentio. Ms. — *632—635.*
— De militia. Ms. — *635—638*, 639, 825.
— *Dialogus inter Ciceronem et Philistium. Ms. — 638.
— *De libertate. Ms. — 639.
— *In Carolum de Malatestis propter derogationem statuae in memoriam Maronis factae invectiva. См. Vergerius. — 655.
— *In Laurum Quirinum invectiva Ms. — 655.
— *Contra mulieres invectiva. Ms. — 655.
— Orationes. — *657—660*, 694.
— De recta interpretatione. Ms. — *660, 661.*
— Переводы. — *661—667, 693*, 846.
— *Ad Eugenium IV in duas Basilii omilias. Ms. — 661.
— *Isagoge de vitiis grammaticorum. Ms. — 667.
— Formule di soprascritte per lettere. — 667. Прил. I.
— *Notae in comoedias Terentii. Ms. — 667.
— *Notae in orationem Ciceronis pro Quinctio. Ms. — 667.
— Vita principis philosophorum Aristotelis Stagiritae. Ms. — *668, 669.*

Bruni Cicero novus. Ms.—*669*, *670*, 846.
— *De Romae origini et unde dicta est.
— *Ad Ioh. Franciscum Gonsagam, Principem. — 670.
Mantuanorum de origine urbis Mantuae. — 670.
— *Interrogatio quo tempore fuerit Ovidius. Ms. — 670.
— *De bello Trojano. Ms. — 670.
— Commentarius rerum graecarum. Ms. — 670.
— De bello Punico libri tres. Ms. — *670*, *671*.
— De bello Italico adversus Gothos gesto libri IV. 1470. — *671*, *672*.
— Rerum suo tempore gestarum commentarius ab anno MCCCLXXVIII usque ad annum MCCCCXL. —*672*—*674*, 709, 710, 743.
— Laudatio urbis Florentiae. Livorno 1889.—Ed. Kirner. *674*—*677*, 681.
— *Περὶ τῆς πολιτείας τῶν Φλορεντίνων*. Leipzig 1861. — *678*—*681*.
— Historiarum Florentiarum libri XII Argentorati MDCX. — *681*—*690*.
— Comedia Poliscenae. 1519. — *691*, *692*.
— Epigrammata. Ms. — 692.
— Imperatoris Heliogabali Oratio protreptica sive hortatoria ad meretrices. Voneziis 1519. — *692*, *693*.
— Storia d'Antioco figlio di Seleuco innamorato della Matrigna Stratonica. Ms. — *693*.
Buhle Ioh, Gottlieb, Geschichte der Philosophie. Göttingen 1800. — *59* и слѣд. 181, 189, 191, 193, 323, 1013.
*Bullart, Pétrarque. Paris 1862. — 350.
*Buoncompagni B. См. De Simone.
Burckhardt Jacob, Die Cultur der Renaissance in Italien. Ein Versuch. Leipzig 1875. — 794, 1033 и слѣд.
— Jacob. Geschichte der Renaissance in Italien. Stuttgart 1868. — 165.
Burleus G. De vita et moribus philosophorum et poëtarum. — 247, 248.
Bursian Conrad. Geschichte der classischen Philologie. München und Leipzig 1883. — 110.
*Bussero A., Oratio in laudem Martini V. Ms. — 904.
— *Oratio in laudem Romae. Ms. — 904.
Butenschön, Petrarca. Leipzig 1796. — 315.
*Buti F., Comento, o Letture sopra le tre cantiche della Divina Commedia di Dante. Ms. — 879.
— Regulae grammaticales et raetoricae. Ms. — 879.
— *Verba et adverbia. Ms. — 879.

*Caffi, Il chiostro di Caregnano presso Milano ed il Petrarca. 1886. — 412.
*Cambi Importuni, Ridolfi e Giuntini, Lettere sul vero giorno e l'ora dell'innamoramento di Fr. Petrarca. Lyone 1574. — 314.
Campbell, The life and times of Petrarch. London 1882. — 329.
Campanini, Note storiche e letterarie. Regio 1883. — 412, 916.
*De Campello, Pel V. Centenario di Fr. Petrarca Discorso. Napoli 1875. — 369.
Canestrini, Le ossa di Fr. Petrarca. Studio antropologico. Padova 1874. — 367.
*Canini, Boccaccio nel suo tempo. Firenze 1876. — 539.
Cantu, Histoire universelle. Paris 1854. *19*, *20*.
— Storia degli Italiani. Tomo II. Torino 1858. — *137* и слѣд. 336, 757.
— Storia della letteratura italiana. Firenze 1865. — 137, *148*, 352, 535, 883, 885, 886, 989, 1006.
Cappelletti, Osservazioni storiche e letterarie e notizie sulle fonti del Decamerone. 1883, 1884. — 495, 496, 499, 508.
Cappelletti, Studi sul Decamerone. Parma 1880. — 503.
*Cappelli, Petrarch uważani jako poeta, filolog i moralista. Wiena 1817. — 327.
Cappeli, La biblioteca Estense nella prima metà del secolo XV. — 974.

Capponi Gino. Storia della republica di Ferenze. Tomo I. Firenze 1875. — 122, 682, 780,
Capponi, Commentarj dall 1419—1456. — 121.
*Caravelli, Il Rinascimento in relazione col commercio del medio-evo. 1891. — 1057.
Carbone Lodovico, Oratio funebris. Ms. — 929.
*Carboni. Rime di Fr. Petrarca colla vita del medesimo. Torino 1874. — 280, 366.
*Carducci, Ai parentali di G. Boccaccio in Certaldo. Firenze 1875. — 539.
— Présso la tomba di Fr. Petrarca in Arquà. Livorno. 1874.—369.
— Rime di Francesco Petrarca sopra argomenti morali e diversi. Livorno 1876. — 273, 274, 275, 276, 277, 278, 279, 280.
— I Trionfi. Venezia 1874. — 365.
Carion, Chronicon. Aurelia Allobrogum 1590. — *10*, 1011.
Carmina illustrium poëtarum Italorum. T. VIII. Florentiae 1721—814.
Carriere Moritz, Die philosophische Weltanschauung der Reformationszeit. Leipzig 1887. — *79* и слѣд.
Carusio B., Melleloquium S. Augustini. Ms. — 745.
*Casentano A., La rinascenza. 1884. — 1057.
Casetti, Il Boccaccio a Napoli. 1875. — 539.
*Casini Bruno, De figuris et generibusque loquendi. — 785.
Castellani См. Stolfi.
Castelletto Petro, F. Petrarchae vita. — 285, 286.
Castiglionchio Lapo, Dialogus de commodis curiae Romanae. Ms. — 715.
Castiglionchio Lapo, Epistola ossia Regionamento colla vita del medisimo. Bologna 1753. Ed. Mehus. — 784.
Catanusi P., Les oeuvres amoureuses de Petrarque. Paris 1669. — 303.
*Cateni, Osservazioni sopra la tomba di G. Boccaccio. Colle 1826. — 525.
*Cavalcanti G. Istorie Fiorentine. Firenze 1838—39. — 121.
Cavalcassele, См. Crowe.—165.
Cave, Scriptorum Ecclesiasticorum Historia Literaria. Genevae 1720. — *23*.
*Celesia, Petrarca in Liguria. Genova 1874. — 367.
Cellarius Ch. Historia Universalis, Ienae 1730. — *12*, *13*, 1011.
Charpentier, Histoire de la Renaissance des lettres en Eupore au quinzième siècle. Paris 1843. — 336, 337, 529, 575, 698, 1020.
*Chavalier, Una visita ad Arquà. Padova 1881. — 330.
— *F. Pétrarque, Bio-bibliographie. Montbéliard 1880. — 396.
Chiappelli L., La polemica contra i legisti dei secoli XIV, XV e XVI. — 1881. — 1060.
*Χρυσολώρας Μανουήλ, Κεφάλαια, ὅτι καὶ ἐκ τοῦ Υἱοῦ τὸ Πνεῦμα ἐκπορεύεται. — 1001.
— *Missalis romani orationes graece redditae. — 1001.
— *Epistolae. — 1002.
Ciampi S., Monumenti d'un manoscritto autografo di Messer G. Boccaccio 1827. — 450, 451, 453, 454, 455, 456, 460, 461.
*Cibrario, Dell'ingegno et del cuore di. Fr. Petrarca. — 1825. 327.
Cicognara Leop. Storia della scultura. Volume I. Venezia 1813. Vol. II — 1816. 91.
Cipolla C. Storia delle signiorie italiane dal 1313 al 1530. Parte I Milano 1881.—140, 720, 757, 767.
*Cittadella Andr., Arquà. Padova 1742. — 332.
— *Luigi, Il Petrarca in Ferrara. Studio 1875. — 367.
— *Petrarca a Padova e ad Arqua. Padova 1874. — 366, 935.
— Storia dei Corraresi. — 962.
Claricio, Amorosa Visione. Milano 1521. — 731.
Coccius см. Sabellicus.

Cochin, Boccace. Etudes italiennes. Paris 1890. — 562.
*Coindet, Histoire de la peinture en Italie. Paris 1861. — 165.
*Colagrosso, Il pessimismo del Petrarca. 1889. — 414.
— Una lettera del Petrarca forse non ansora ben considerata. 1889. — 412.
*Colle Storia scientifico letteraria dello Studio di Padova. Padova 1825. — 937.
Collenutius, Historiae Neapolitanae libri VI. Basileae. 1572. — 129.
Colonna Landolfo, Breve chronicon.
— De statu et mutatione Romani Imperii. — 583, 584.
Comba E. Storia della riforma in Italia. Volume I. Firenze 1881.— *158*.
Combi, Di Pierpaolo Vergerio il seniore da Capodistria e dell suo epistolario.— 958, 960, 962, 963, 964, 965, 969 — 971.
Comte Auguste. Cours de philosophie positive. Paris 1841.— 6, *7*.
Condorcet. Esquisse d'un tableau historique des progrés de l'esprit. Paris 1847. — *3*. *4*.
*Conti, Prove storiche del Discorso Centenario. — 367.
*Contini, Pétrarque homme politique. 1874. — 368.
Convertino (Conversano) Giovanni da Ravenna, *Dragmatologia de eligibili vitae genere*. Ms.— 940—947, 986.
— *Historia Elysiae*. Ms. 947, 948, прим. VI.
— *Conventio inter podagram et araneam*. Ms. — 948—950.
— *Liber memorandarum rerum*.Ms.— 950—954.
— *Familiae Carrariensium natio*. Ms. — 954 — 955.
— Historia Ragusii. Ms. — 956.
— *Ratiocinarium vitae. Ms. — 956.
— *De consolatione in obitum filii. Ms. — 956.
— *Apologia. Ms. — 956.
— *De introitu in aulam. Ms. — 956.
*Convertino, De fortuna aulica. Ms. — 956.
—*De dilectionere gnantium.Ms.—956.
— De lustro Alborum in urbe Padua. Ms. — 956.
— *Dailogus, cui titulus Dolosi astus. Ms. — 956.
— *Recollecte Valerii Maximi. Ms.— 956.
— Historia Lugi et Conselicis. Ms.— 956.
Corazzini, Le lettere edite e inedite. Firenze 1877.—418, 441, 449, 450, 451, 452, 459, 460, 461, 462, 465, 466, 467, 468, 469, 470, 471, 480, 484, 485, 486, 490, 491, 492, 494, 518, 520, 525, 537, *539—544*, 590, 718, 777, 780
Corio, L'historia di Milano volgarmente scritta. Venegia 1554.—129, 885, 886, 905.
Corradi, Notizie sui professori di latinità nello studio di Bologna. Parte I. (fino a tuto il secol. XV) Bologna 1887. — 740.
Cortesius Paulus, De hominibus doctis dialogus. — 294, 424, 697, 841, 873, 891, 912, 928, 968, 1010.
Costaing de Pussignan, La muse de Pétrarque. Paris 1819.— 332.
Costero Laura. Milano 1875.—368.
— *Vita di Fr. Petrarca. Milano 1875.—369.
Cousin Victor, Histoire générale de la Philosophie. Paris 1863. — *78*.
*Cusani, Storia di Milano. Milano 1682—70. — 130.
Creighton, A History of the Papacy during the period of the Reformation. London 1882. — *33*, *34*, *35*, 583, 586, 592, 594, 595, 709, 710.
*Cresci, Sopra la qualità dell'amore del Petrarca. Venezia 1585. — 314.
*Crescimbeni G. M. Storia della Volgar Poesia. Venezia 1730.— 143.
Crescini V., Idalagos. — 483.
— Contributo agli studi sul Boccaccio Torino 1887. — 483, 486, 487, 488, 490, 491, 492, 495, 563, 575.

Crescini L'allegoria dell'Ameto Padova 1886. — 485, 486.
— *Di un codice ignoto contenente il commento di Benvenuto da Imola su la Pharsalia di Lucano. Padova 1888. — 722.
— La Lucia dell' Amorosa Visione 1882. — 488.
*Crowe et Cavalcassele, Geschichte der Italienischen Malerei. Leipzig 1869.— 165.

Dandolo T. I secoli dei due sommi italiani Dante e Colombo. Vol. I—II. Milane 1852. — *104*, 529.
Daniello B., Canzoni e triomphi di F. Petrarca con la spositione. Venegia MDXLIX. — 274, 299.
Daru. Histoire de la République de Venise. Vol II Paris 1819. — 130.
*Davari, Notizie storiche intorno allo studio publico ed ai maestri del secolo XV e XVI che tennero scuola in Mantova. Mantova 1876. — 976.
*Dazzi, Notizia di G. Boccaccio. Firenze 1868. — 535.
Decembrio P. C., Epistolae. Ms. — 721, 873, 891, 898, 904, 915, 917.
*Decembrio Uberto, Moralis philosophiae Dialogus. Libri II. Ms. — 899.
— *De Modestia. Ms. — 899.
— *De candore. Ms.— 899.
— *Versus in traductione librorum Platonis de Republica. Ms. — 899.
— *Carmina. Ms. — 899.
— *Epistolae. Ms. — 900.
— *Oratio ad Cardinales. Ms. 900.
— *Oratio de adventu Martini V. Ms. — 900.
— *Traductiones. Ms. — 900, 1001.
*Della Capra, Carmina selecta. Ms. — 901.
— *Epistolae. — 901.
Biglia Andrea, Panischolaria. Ms. — 901.
— *De propagatione ordinis Augustiniani. Parma 1601. — 901.
— *De detrimento fidei Orientis. Ms.— 901.
*Biglia, De concordia et meritis ordinum. Ms. — 901.
— *De discriplina ordinis. Ms.— 901.
— *De amore et magnitudine Crucis. Ms. — 901.
— *De excelenti dignitate Virginis Mariae. Ms. — 901.
— *De littera H qua nomen Christi fuerat scriptum. Ms. — 901.
— Sermo de concessione et translatione Beatae Monicae. Ms. — 901.
— *Historia in novem libros digesta ab anno MCDII usque ad annum MCDXXXI. — 902.
— *Historia longobardorum liber I. Ms. — 902.
— *De institutis, discipulis ac doctrina fratris Bernardini Siensis. lib. II. Ms. — 902.
— *Pro suscipienda in Bohemos expeditione. Ms. — 902.
— *Querella pacis. Ms. — 902.
— *De pace cum Philippo Mediolanensium duce. Ms. — 902.
— De arte dicendi libri III. Ms. — 902.
— *Exordia super practica rhetorices. Ms. — 902.
— *Orationes. Ms. — 902.
— *Epistolae. Ms. — 902.
— *De verborum latinorum interpretatione. Ms. — 902.
— *Grammatices, libri VIII. Ms.— 902.
— *De non necessario mortis metu lib. I. Ms. — 902.
— *Admonitio ad F. Manufredum Vercellensem de vita sua. Ms. — 902.
— *Interpretalio Physicorum Aristotelis. Ms. — 902.
— *Interpretatio in tribus libris Aristotelis de anima. Ms. — 902.
— *In Metaphysicam Aristotelis commentaria. Ms. — 902.
— *In Aristotelem de Coelo et Mundo. Ms. — 902.
— *Terentii Comediae cum variis commentariis. Ms. — 902.
— *Annotationes in Evangelia Quadragessimae. Ms. — 902.

*Biglia In libros Evangelicos libri IV. Ms. — 902.
— *Commentaria in Genesim. Ms. — 902.
— *In primum librum Sententiarum. Ms. — 902.
— *In Exhameron. Ms. — 903.
— *Expositio super: „Missus est angelus". Ms. — 903.
— *Expositio super canticum „Magnificat". Ms. — 903.
Delécluze, Vie de Petrarque, écrite par lui-même. Paris 1839. — 329.
Delon, Les vies de Pétrarque et de Laure. Nismes 1788. — 314.
*Deloyet, Pétrarque et le monastère des Dames de Saint-Laurent à Avignon. 1890. — 412.
Denina Carlo, Delle Rivoluzioni d'Italia libri ventiquattro. Edizione quinta. Tomo IV. Venezia 1803. — *164*.
— Discorso sopra le vicende della letteratura. Volume I. Berlino 1784. — 96.
Deslandes, Histoire critique de la philosophie. Amsterdam 1576. — *58*.
*Develay, Pétrarque et Silius Italicus. — De vita et moribus F. Petrarhae. — 292.
*Dionisi, Dei vicendevoli amori di Fr. Petrarca e della celebratissima donna Laura. Verona 1822. — 327.
*Dobson Susanna, The life of Petrarch. London 1776. — 313.
Döllinger, Die Papstfabeln des Mittelalters. München 1863. — 431.
Dolce L. Vita del Boccaccio. — 517.
*Donati Forese, Genealogia deorum. — 425.
Dondi G., dall'Orologio, *Planetarium. Ms. — 936.
— *Modus vivendi tempore pestilentiali. Ms. — 936.
— *Orationes. Ms. — 936.
— *Carmina. Ms. — 936.
— *Poesie ed. Zambrini. Bologna 1874. — 936.
*Doorenbos, De profeet von het Humanisme. 1860. — 350.
*Drestel, Fr. Petrarca. 1858. — 332.
Дрэперъ Дж. В. Исторія умственнаго развитія Европы. С.-Петербургъ 1866 г. — *48*.
*Dubois, Remarks on the life and writings of Boccaccio. London 1804. — 525.
*Duclaux, Pétrarque et Laure. Avignon 1874. — 368, 374.
Dühring E. Kritische Geschichte der Philosophie. Berlin 1869. — *73*.
*Durand см. Martene.

*Ebert Adolf, Handbuch der italienischen National-Litteratur. Frankfurt a. M. 1864. — *147*.
Ebrard Joh., Handbuch der christlichen Kirchen- und Dogmen-Geschichte. Erlangen 1865. — *25*.
Echard, Iacobus, см. Quetif.
Ehrenfeuchenchter Fr., Entwicklungsgeschichte der Menschheit. Heidelberg 1845. *42*.
Eichhorn Ioh. Gottfr. Algemeine Geschichte der Litteratur und Cultur des neueren Europa. Göttingen 1796. — *38, 39*.
— Geschichte der Litteratur. II Band. Göttingen 1805. — *96*.
— *Weltgeschichte. Göttingen 1804. — 13.
Erdman Ioh. Ed.. Grundriss der Geschichte der Philosophie. Berlin 1866. — *74* и слѣд.
Erhard, Geschichte des Wiederaufblühens wissenschaftlicher Bildung. Magdeburg 1827. — 336, 529, 575, 698, 1019.
*Fabricius, Bibliotheca Latina mediae et infimae aetatis. Hamburgi 1734, tomi V. — 95, 248.
— *Conspectus Thesauri Litterarii Italiae. Hamburgi 1730. — 143.

*Fabroni, F. Petrarcae vita. Parmae 1790. — 316.
*Faciolati, Fasti Gymnasii Patavini. Patavii MDCCLVII. — 937.
*De Facino Nicolaus, Carmen. — 934.

Fazio Bartolomeo, De excellentia ac praestantia hominis. Hanoviae. MDCXI. — 801.
— De viris illustribus libri, ed, Mehus. Florentiae 1745. — 696, 697, 850, 889, 891, 902, 903, 912, 928, 968, 1008.
Falkenberg R., Geschichte der neueren Philosophie. Leipzig 1886 — *73*.
Fanfani Pietro, Il Decameron di messer Giovanni Boccaccii. Firenze 1857.—496, 437, 498, 499, 500, 501, 502, 503, 504, 505, 507, 508, 515, 525.
***Faraglia**, I due amici del Petrarca Giovanni Barrili e Marco Barbato Sulmonese. — 763,
— Barbato di Sulmona e gli uomini di lettere della corti di Roberto d'Angió. 1889. — 757, 758, 762, 763, 764, 765, 767, 771, 773.
Favre Guillaume, Vie de Jean-Marius Philelfe. 1810. Genève 1856.—169, 999.
Fernow, Vita del Petrarca. Jena 1806. — 325, 326.
Ferrai L. A., La istoriografia italiana e la società del Rinascimento. Milano 1888. — 1060.
Ferrari, Elogia doctorum virorum. — 303.
— Giuseppe. Corso sugli scrittori politici italiani. Milano 1863. — *165*, 352, 352, 353, 1006.
— Contributo alla bibliografia Boccacesca. 1887. — 417.
Ferrato, Rime attribuite a F. Petrarca. Padova 1874. — 280, 366.
Ferrazzi, Bibliografia. Petrarchesca. Bassano. 1877.— 175, 195, 205, 207, 208, 224, 266, 270, 271, 273, 274, 278, 280, 284, 288, 289, 293, 298, 299, 300, 301, 302, 303, 314, 315, 318, 327, 330, 331, 333, 350, 366, 368, 369, *374*, *375*.
Feuerlein, Petrarca und Baccaccio. 1877. — 191, 266, *375—377*, 539.
De Fiano Franc., Epistolae. Ms. — 719.
***Fichard**, Vitae virorum eruditorum et doctrina illustrium. Francfort 1536.— 300.
Filelfo, Interpretatio sopra gli soneti et canzoni di Fr. Petrarca. 1475.— 176, 273, 277.
— *Satyra in Nicholaum-Nicolum cognomento Lallum. Ms. — 848.
— Satyra ad claristimum virum Franciscum Barbarum in sceleratum adulterum Nicolaum cognomento Margum. Ms. — 848.
***Finzi**, Lezioni di storia della letteratura italiana. Vol. II, S. Torino 1887. — 154.
Fiorentino Fr., Il Risorgimento filosofio nel quattrocento. Napoli 1885. — 1060.
— *La filosofia di Fr. Petrarca. Stadio. Napoli 1875. — 367, 368.
— *G., Pecorone. Torino 1853.—864.
Fioretto Giovanni, Gli umanisti. Verona 1881. — 1052.
Firmin-Didot Ambr., Alde-Manuce et l'hellénisme á Venice. Paris 1875.— 169, 914, 915, 999.
Fiske, Catalogue of Petrarch books. 1886. — 176.
Fleury, Histoire ecclesiastique. Paris 1840. — 336.
***Förster**, Lucian in der Renaissance. 1866. — 1060.
***Fontana**, La filosofia della storia nei pensatori italiani Imola 1873—115.
Fontius B., Annales suorum temporum ab anno 1448 ad an. 1483. — 121.
Foresti см. Bergomas. — 295.
Foscolo Ugo, Discorso storico sul testo del Decamerone. Lugano 1828. — 495.
— Essays on Petrarch. London 1823.— 326, *327*, *328*.
Fouillée A., Histoire de la philosophie. Paris 1887. — *79*.
***Francesco** Lorenzo, Super commendatione rhetoricae. Ms. — 863.
— Compendium. Ms. — 863.
Franco N., Dialoghi. Venetia 1623. — 30.
Franz, Petrarca. Biographie. Prag und Leipzig 1794. — 313.
***Frati**, Epistola inedita di G. B. Zanobi da Strada. — 462.

Frenzel, Renaissance und Rococo. Berlin 1876. — 369.

Frezzi F., Il Quadriregio o poema di quattro regni. Foligno 1725. — 751.

— *Cosmografia con varie istorie e viaggi. Ms. — 751.

Fries, Die Geschichte der Philosophie. Halle 1840. — *65* и слѣд.

Frizzi, Di Vespasiano da Bisticci e delle sue biografie. Ferenze 1878. 1009.

***Fuget**, Pétrarque, ses vovages, ses amis, son repentir. Cannes 1874. — 367, 369.

***Gaddi**, De scriptoribus non ecclesiasticis Graecis, Latinis, Italicis etc. T. I Florentiae 1648, t. II Lugduni 1469.— 95.

Gagliardi, Lettera. Venezia 1756. — 314.

***Gaiter**, Sulla moralità di G. Boccaccio 1884. — 563.

Galletti Ph. Villani et de Florentinorum litteratura principes fere synchroni scriptores. Florentiae 1847. — 227, 287—94, 423, 432, 470, 476, 517—520, 589—91, 625—27; 739—40, 770, 867, 891, 912, 928, 968, 1007.

Gamba, Pistola di Giovanni Boccaccio. Milano 1820. — 464.

***Gandino**, Lezioni sopra un dubio come il Petrarca non lodasse Laura espressamente dal naso. Venezia 1581.—314.

Gando, L'Africa, poema epico. Oneglia 1874. — 365.

***Gandolfo**, Dissertatio historica de ducentis celeberrimis Augustinianis scriptoribus. Romae 1704. — 452.

Gaspary, Ancora sulla lettera del Boccaccio a Francesco Nelli. — 462.

— Adolf. Geschichte der italienischen Litteratur. I. Band. Berlin 1885. — *154* и слѣд. 182, 185, 187, 188, 189, 206, 228, 245, 252, 259, 268, 275, 278, *407—411*, 480, 482, 484, 486, 487, 490, 492, 493, 494, 497, 499, *570—572*, 617, 685, 692, 694, 705, 751, 864, 867, 877, 878, 881, 973, 999.

— Il supposto incendio dei libri del Boccaccio a S. Spirito. — 563.

Gass W., Geschichte der christlichen Ethik. Berlin 1881. — *84*.

Gatterer Joh. Chr. Handbuch der Universalhistorie. Göttingen. 1764. — 14.

*Versuch einer allgemeinen Weltgeschichte. Göttingen 1792. — *14*.

***Gazzino**, Biografia di Fr. Petrarca. 1865, p. 350.

Gebhart, Les origines de la Renaissance en Italie. Paris 1879. — *398*, *399*, *553*, *1050*.

— La Renaissance italienne et la Philosophie de l'histoire. 1885. — 1057.

— Etudes méritionales. Paris 1887.— 1057.

Geiger, Die Renaissance in Süditalien. 1886. — 772.

— Petrarca und Deutschland. 1874.—374.

—Renaissance und Humanismus in Italien und Deutschland. Berlin 1882.— 400, 424, *572—574*, 629, 640, 674, 684, 707, 710, 740, 759, 772, 820, 904. 913, 975, 986, *1052*.

— Neue Schriften zur Gesch. des. Humanismus. — 207, 225, 374.

— Petrarca. Leipzig 1874.—225, *369—374*, 584, 760.

— Italienische Schriften zur Petrarca-Feier. 1874. — 280, 374.

—Neue Schriften zur Litteratur der italienischen Renaissance 1887—88. — 276.

***Genlis**, Pétrarque et Laure. Paris 1819 — 327.

Gervinus. Geschichte der Florentinischen Historiographie. I. Frankfurt a. M. 1883. — *166*, 683, 684.

Gesualdo, Il Petrarcha colla Espositione Venezia 1533.—274, 298, 329.

Gherardi, Alcune notizie intorno a Leonardo Aretino e alle sue storie Fiorentine 1885. — 681, 704.

— Statuti dell'Universitá e Studio fiorentino Firenze 1881. — 830, 839, 842.

Ghilini, Teatro d'uomini letterati. In Venetia 1647. — 95.

***Ghivizzani**, Fr. Petrarca e il suo secolo. — 366.

***Giampetri**, Pétrarque écrivain satirique. Constantinople 1874. — 368.

*Giani, Petrarca precursore e iniziatore del Rinascimento. Perugia 1874. — 367.
*Giannini, Vita di Fr. Petrarca. Ferrara 1874. — 369.
Giannone, Storia civile del regno di Napoli. Vol. IV. Milano 1846. — 129, 757, 762, 765, 775,
*Giardelli, La morale nelle opere di G. Boccaccio. 1883. — 563.
*Gidel, Pétrarque et les troubadours. Paris. Angers 1857. — 333.
Gigli см. Sorio.
Gimmo Giacinto. Idea della Storia dell'Italia Letterata. Napoli 1723.— 143.
*Gin, Discours sur l'histoire universelle Paris 1802. — 13.
Ginannini, Memorie storico-critiche degli scrittori Ravennati. Faenza 1769.— 835.
Ginguené, P. L. Histoire litterarie d'Italie II édition T. II et III Paris 1824.— *145*, 182, 187, 189, 199, 246, 266, 335, 496, 503, 527, 528, 575, 698, 701,
— Notice sur la vie de Petrarque et coup d'veil générale sur sed différents ouvrages. Milan 1820. — 327.
*Di Giovanni, Le prose morali e filosofiche di Fr. Petrarca. Palermo 1874. — 195, 367, 368.
Giovannini Ercole, Dialoghi. Venetia 1623. — 301.
Gironi, Vita del Petrarca. Milano 1808.— 324
*Giudici Emiliani, Storia dei communi italiani. Firenze 1864—66. — 137.
— Storia della letteratura italiana. Volume I, IV impressione Ferenze 1865.— 147 и слѣд. 352, 535, 536,
Giuliani, Fr. Petrarca e la sua scoperta delle Epistole. 1876. — 367.
*Giulini Giorgio. Memorie spettanti alla storia ed alla descrizione di Milano. Milano 1856. — 129.
Gloria, Documenti inediti intorno al Petrarca. Padova 1878.—374.
— Monnumenti dell'Università di Padova 1885. — 937.
Gothein, Zur Culturentwicklung Süditaliens in Einzeldarstellungen. Breslau 1886. — 772.
Gottfridus, Historische Chronica. Frankfurt am Mayn 1657. — 11.
*Grässe, Lehrbuch einer allgemeinen Literärgeschichte aller bekannten Völker der Welt. Leipzig 1789—1842. — 95.
Graf, Il Boccaccio e la superstizione. 1885.— 565—568.
*Gravina, Dell'amore razionale ovvero Platonico. Venezia 1756. — 314.
Gregorovius Ferdinand, Geschichte der Stadt Rom im Mittelalter. VII. Band. Stuttgart 1873.—126 и слѣд., 344, 353, 583, 584, 586, 588, 592, 594, 595, 597, 706, 709, 710, 711, 716, 717, 719.
Григора Никифоръ, Флорентій или о мудрости. — 994
Grion, Delle Rime Volgari, Trattato di Antonio da Tempo Bologna 1869.— 293.
*Grion, Madonna Laura chi fosse.—350.
*Gross, Die Renaissance und die Vorläufer der Reformation 1883.—1060.
*Grundi, Annotazioni e Discorsi sopra alcuni luoghi del Decamerone. Firenze 1574. — 462.
*Guerin I., Description de la Fontaine de Vaucluze. Avignon 1804. — 324
Guerzoni, Il primo rinascimento Verona 1878. — 140, *1045*.
*Guicciardini, La historia d'Italia, Vinegia 1569. — 130.
Guizot, Histoire de la civilisation en Europe. Brucelles 1838. — *41*, *42*.
Gurlitt J. Abriss der Geschichte der Philosophie. Leipzig 1786. — *59*
Hallam, Histoire de la littérature de l'Europe. Tome I. Paris 1839. — *102* и слѣд., 698.
Harms, Geschichte der Psychologie. Berlin 1879. — 82
— Geschichte der Logik. Berlin 1881.— 83.
Hartwig, Quellen und Forschungen. II. Theil. Halle 1880. — 247.

Hartwig, Die Übersetzungsliteratur Untertaliens in der normanisch-staufischen Epoche. Leipzig 1886. — 758.

***Hayer**, Programmata III de I. Boccatio, veritatis evangelicae teste. 1765. — 523.

*Haython, L'hystoire merveilleuse plaisante et recreative du grand empereur de Tartarie. — 453.

Heeren, A. H. L. Geschichte des Studiums der classischen Litteratur. I und II Bände. Göttingen 1797—1801.— *107* и слѣд.

Hegel, Vorlesungen über die Geschichte der Philosophie. Berlin 1836.— *64* и слѣд.

— Vorlesungen über die Philosophie der Geschichte. Berlin 1840. — *5*, *6*.

Hellwald, Kulturgeschichte. Augsburg 1884. — *53* и слѣд.

Henne-Am-Rhyn O., Allgemeine Kulturgeschichte. Leipzig 1878. — *52*, *53*.

Henschel, Fr. Petrarca. 1853. — 332.

Hermann Conrad. Geschichte der Philosophie. Leipzig 1867. — *74*.

— Philosophie der Geschichte. Leipzig 1870. — 7.

— Fr. Petrarca's sämmtliche italienische Gedichte. Leipzig 1796. — 314.

Hettner, Italienische Studien. Zur Geschichte der Renaissance. Braunschweig 1879.—399, 400, 492, 503, 552,

***Hodius**, De Graecis illustribus. Londini 1742. — 994.

Hortis, Studj sulle opere latine del Boccaccio. Trieste 1879. — 297, 418, 423, 424, 425, 427, 428, 429, 430, 432, 433, 435, 437, 438, 443, 444, 445, 446, 447, 448, 449, 450, 451, 452, 456, 457, 458, 459, 460, 462, 463, 464, 465, 467, 468, 469, 471, 472, 473, 513, 514, 563, 575, 590, 591, 718, 722, 731, 732, 736, 742, 746, 761, 763, 764, 767, 768, 777, 781, 782, 881, 982, 993, 994. 1000.

— Accenni alle scienze naturali nelle opere di Giovanni Boccaccio. Trieste 1877. — 446,

Hortis, G. Boccacci, ambasciatore in Avignone etc. Trieste 1875. — 539.

— Le additiones al De Remediis fortuitorum di Seneca dimostrate cosa del Petrarca, e delle attinenze del Petrarca con Seneca. Trieste 1879. — 374.

—M. T. Cicerone nelle opere del Petrarca nella Petrarchesca Rosettiana. Triest 1874. — 176.

— Cenni di Giovanni Boccaccio intorno a Tito Livio. Trieste 1877. — 472.

*— Discorso per l'inaugurazione de monumento a G. Boccaccio in Cerl taldo. Firenze 1879. — 549.

— Scritti inediti di Francesco Petrarca. Trieste 1874.—232, 234, 235, 236, 267, 268, 269, 272, 284, 365, 366, 367, 723, 982.

Jagemann Chr. Ios., Die Geschichte der freyen Künste und Wissenschaften in Italien. Leipzig 1779.—*144*, 316, 317, 523.

Janitschek Hubert, Die Gesellschaft der Renaissance in Italien und die Kunst. Stuttgart 1879. — *1047*.

—**I codici** petrarcheschi velle biblioteche governative del Regno. Roma 1874.— 366.

Invernizzi, Storia letteraria d'Italia.— 640, 683, 684, 705.

Iovius Paulus, Elogia doctorum virorum ab avorum memoria publicatis ingenii monumentis illustrium. Basileae 1556. 294, 424, 520, 697, 928, 1009.

Iselin, Über die Geschichte der Menschheit. Carlsruhe 1784. — *4*, *5*.

Карьеръ Морицъ, Искусство въ связи съ общимъ развитіемъ культуры и идеалы человѣчества. Москва 1874.— *87*.

Карѣевъ Н., Литературная эволюція на западѣ. Воронежъ. 1886. — *104* и слѣд.

— Очеркъ возрожденія. Воронежъ 1876. — 1052.

Kautsky K., Вѣкъ гуманизма и реформаціи. 1889—90. — 1058.

Kirchner, Katechismus der Geschichte der Philosophie. Leipzig 1877.—*74.*

Kirner, I dialogi ad Petrum Histrum di Leonardo Bruni. Livorno 1889.—610, 616, 617, 618, 619, 620, 621, 622, 624.

Kirner, Sulle opere storiche di Francesco Petrarca. Pisa 1889.—242, 243, 245, 247, 251, 252, 253, 261, 263, 264, 265, 917.

Кирпичниковъ, Вѣкъ Возрожденія.—182, 411, 570.

Klein, Geschichte des Dramas IV. Leipzig 1866—692.

Klette, Beiträge zur Geschichte und Litteratur der italienischen Gelehrtenrenaissance. Greifswald 1889.—610, 617, 618, 619, 621, 622, 623, 624, 626, 627, 630, 674, 675, 824,

— Beiträge zur Geschichte und Litteratur der italienischen Gelehrtenrenaissance, I. Iohannes Conversanus. Greifswald 1888.—836, 837, 839, 840, 954, 957, 971, 1001.

***Klüwer**, Totius mundi Epistome. Lugdini 1649. — 11.

***Knauer**, Geschichte der Philosophie. Wien 1876. — 73.

***Körner** Fr., Geschichte der Pädagogik. Leipzig 1857. — 117.

Körting, Die Anfänge der Renaissancelitteratur in Italien. Leipzig 1884.—*401, 402* 424, 574, *1053.*

— Boccaccio's Leben und Werke. Leipzig 1880.—424, 432, 444, 446, 451, 453, 454, 455, 457, 458, 460, 461, 462, 465, 469, 470, 471, 472, 473, 474, 476, 477, 479, 480, 481, 482, 483, 484, 485, 486, 487, 490, 491, 492, 493, 494, 495, 496, 508, 509, 511, 512, 513, 514, 517, 520, 535, 539, 549, *563-562,* 575, 759, 760, 763.

— Patrarca's Leben und Werke. Leipzig 1878.—177, 178, 179, 182, 185, 186, 187, 188, 189, 191, 193, 194, 197, 198, 201, 202, 205, 206, 208, 209, 224, 225, 226, 227, 229, 233, 234, 235, 236, 239, 242, 243, 244, 245, 250, 251, 256, 259, 263, 266, 271, 272, 275, 289, 346, *383—395,* 578, 585, 760, 764, 783, 785, 836, 938, 986, 999.

Kolb G. Friedr. Culturgeschichte der Menschheit. Leipzig 1869. — *43, 44.*

— Supplement zu allen Werken über Weltgeschichte. Pforzheim 1843.—*42.*

Корелинъ М., Петрарка, какъ политикъ 1888. — 413.

— Эпоха возрожденія и германофилы. 1885. — 1053.

Костомаровъ, Исторія литературы. III. С.-Петербургъ 1863. — *157.*

Krause, Geschichte der wichtigsten Begebenheiten des heutigen Europa. Halle 1797—1803. — *15.*

***Куглеръ**, Руководство къ исторіи искусства. Переводъ съ нѣмецкаго Е. Ѳ. Корша. Москва 1870. — 86.

*—Руководство къ исторіи живописи. Москва 1872. — 86.

***Kuhfuss**, Über das Boccaccio zugeschriebene kürzere Danteleben.—478.

***Labruzzi di Nexima**, Il Petrarca in Campidoglio. 1875. — 367.

Lacaita, Della vita e delle opere di Benvenuto. Ferenze 1887. — 732, 736.

Lambertacci Lodovico, Sermo in morte alicujus magni domini. Ed. Zardo.—939, 940.

***Lamers**, Disputatio historica litteraria de Fr. Petrarcae vita, moribus et in bonas litteras meritis. Trajecti ad Rhenum. 1842. — 330.

Lami, Catalogus codicum manuscriptorum, qui in Bibliotheca Ricardiàna Florentiae adservantur. Liburni 1756. — 810.

*Lami, Deliciae Eruditorum XIV. Florentiae 1743. — 935.

Landau Marcus, G. Boccaccio, sein Leben und seine Werke. Stuttgart 1877. — 418, 424, 429, 430, 432, 435, 437, 445, 446, 447, 455, 456, 458, 460, 461, 462, 465, 470, 472, 474, 475, 476,

478, 479, 480, 481, 482, 481, 482, 483, 484, 485, 486, 487, 488, 490, 491, 492, 493, 494, 495, 496, 508, 509, 511, 512, 513, 514. *544—547*, 575, 781.

Landau, Die Quellen des Decameron. Stuttgart 1884. — 495, 499, 503.

Landini Francesco Cieco degli Organi, Versus in laudem loycae Ocham. Ed. Веселовскій. — 867.

Lange Fr. Alb., Geschichte des Materialismus. Iserlohn 1873. — *80*.

***Lanzi**, Storia pittorica della Italia del Risorgimento. Milano 1823. — 165.

Lapini Bernardo, Il comento deli triumphi del Petrarca. — 293.

***Du Laurens**, Essai sur le vie de Pétrarque. Avignon 1839. — 329, 330.

Laurent F. Etudes sur l'histoire de l'humanité. T. VIII La Réforme. Bruxelles 1861. — *49* и слѣд.

***La Vista**, Luigi. Petrarca. 1863. — 350.

***Lazari**, Miscellaneorum ex mss. libris biblioth. Collegii Romani Societatis Jesu. Roma 1574. — 915.

***Le Bercheur** Pierre, Reductorium morale. Ms. — 586.

***Le Bret**, Fortsetzung der Allgemeinen Welthistorie. 44 Band. Italien. Halle 1778—87. — 130.

Legrand, Bibliographie Hellénique. T. I. Paris 1885. — 1001, 1002.

***Leli** Lelio, Vita del Petrarca. — 297, 584.

Leo H., Geschichte der italienischen Staaten. 3. u. 4. Theil, Hamburg 1830. — *136*, 720, 741, 743, 745, 747, 748, 765, 767, 775, 776, 780, 878, 879, 883, 884, 885, 898, 899, 915, 919, 920, 935, 972, 977.

***Leoni**, Vita del Petrarca. Padova 1843. — 332.

***Levati**, Laura. Milano 1828. — 332.

— Viaggi di Fr. Petrarca in Francia, in Germania, in Italia discritti. Milano 1820. — 332.

***Levesque**, Choix des poésies de Pétrarque, traduites de l'italien. Venise 1787. — 314.

Levi, Il Corbaccio e la Divina Comedia. Note e raffronti. Torino 1889. — 509.

***Lioy**, Petrarca e Göthe alpinisti. 1886. — 414.

***Lizio**, Il Petrarca e Tomaso da Messina. 1876. — 368, 776,

***Lombardi**, Francesco Petrarca. Orazione. Bergamo 1874. — 369.

Lomonaco, Vite degli eccellenti Italiani. Italia, 1802. — 323.

— *Vita di G. Boccaccio. Lugano 1836. — 525.

Da Longiano Fausto, Il Petrarca col commento Vin. 1532. — 298.

Loschi (Luscus) Antonio, Inquisitio super XI orationes Ciceronis. Parisiis 1536. — 887, 888, 889, 893,

— *Agromenti alle Commedie di Plauto. — 887.

— *Collationes. Ms. — 889.

— *Orationes. Ms. — 889 и слѣд..

— *Achilles, tragoedia. — 889.

— *Carmina ed. Schio. Padova 1858. — 889, 890, 891, 893, 894, 896, 897.

— *L'Ulisse. Ms. — 890.

— *Fabula Capelette scripta per serem Ioh. Boccatium et de vulgari in latinum translata. Ms. — 891.

— *De vera amicitia. — 891.

— *Epistolae. — 895.

Lumbroso Giacomo, L'itinerarium del Petrarca. 1888. — 262.

***Любке**, Исторія пластики. Москва 1870. — 86.

Льюисъ, Исторія философіи. С.-Петербургъ 1889. — *78*.

***Macola** Ettore, I codici di Arquà. Padova 1874. — 176.

Machiavelli, Le istorie Fiorentine. Firenze 1857. — 682—3, 772.

Macri-Leone, Il zibaldone Boccaccesco della Maglibechiana. 1887. — 458, 460, 462.

— La politica di G. Boccaccio. 1890. — 564, 565.

— La vita di Dante scritta da Giovanni Boccaccio. Firenze 1888. — 475, 478.

Macri-Leone, Le lettera del Boccaccio a messer Francesco Nelli, priore de'Ss. Apostoli. — 462.

Maffei Guiseppe, Storia della letteratura. Parte I. Italia 1834. — *145.*

Maffei, Verona illustrata. Verona 1731.— 920, 921, 924, 929, 934.

Maggiolo, Essai sur la philosophie morale de Pétrarque. St. Nicolas 1843.— 187, 189, 192, 199, 224, 333, 334.

*— Essai sur la philosophie morale de Pétrarque, et particulièrement sur son traité intitulé De Contemptu Mundi. Nancy 1863. — 333.

Маколей, Петрарка. С.-Петербургъ 1862. — 328, 329.

***Malmignati**, Parole sulla tomba di Fr. Petrarca. Padova 1870. — 350.

— *Petrarca a Padova, a Venezia e ad Arquà. Padua 1874. — 366, 384.

***Malvica**, Lettre sur Avignon. Bologne 1824. — 332.

***Mancinelli**, Legenda di S. Feliciano scritta da Pierangiolo Bucciolini de Foligno. Testo inedito del 1414. Bologna 1882. — 751.

Mandalari, Fra Barlaamo Calabrese, maestro del Petrarca. Roma 1888.— 900—992, 994—998.

Manetti, Dantis, Petrarchae ac Boccaccio vitae Florentiae 1747. — 194, 287, 290, 291, 388, 455, 470, 476, 518, 873,

— De illustribus longaevis libri X (immo VI) ad Ludovicum Gusmanum. Ms. — 786, 791, 803, 804, 810, 811, 814, 817, 824, 850, 1007, 1008.

— *Dialogus in domestico et familiari quorundam amicorum Symposio habitus Venetiis. Ms.* — 693, 694, 986.

— Oratio funebris in solemni Leonardi, Ed. Mehus. — 695, 696.

— De dignitate et excellentia hominis. Basileae 1532. — 801.

Mango, Delle Rime di G. Boccaccio. 1883. — 511, 512, 513.

Manni, Illustrazione istorica del Boccaccio. Istoria del Décamerone. Firenze. MDCCXXXXII. — 418, 424, 462, 493, 504, 517, 519, 520, 521, 523, 575.

Monnier Marc, Histoire de la littérature moderne. La Renaissance de Dante à Luther. Paris 1885.— *402,* 570.

Marheinecke, Geschichte der christlichen Moral. 1806. — *84,* 437.

***Marmi**, Notizie sulla vita e gli scritti del Boccaccio. Ms. — 520.

Marsand, Biblioteca petrarchesca. Milano 1826. — 286, 293, 298, 300, 302, 309, 313, 315, 325.

— Memorie della vita di Fr. Petrarca, raccolte dalle opere latine del Poeta. Padova 1819. — 327.

***Marsigli Luigi**, Quaestiones teologicae. — 822.

— *Sermones. — 822.

— *Lettera contro i vizi della corte del papa. — 822.

— Comento a una canzone di F. Petrarca. Bologna 1863. — 822.

— Epistolae. — 822, 823.

Marsuppini, Oratio in funere matris ad Cosmum et Laurentium Medices. Ms.— 853.

Martene et Durand, Collectio. T. III. — 812.

— Thesaurus novus anecdotorum. Parisiis. 1717. — 590.

***Martini** F., L'Ameto di G. Boccaccio. —

— *Orazione d'inaugurazione dei busti del Petrarca e del Poggio detta nell'Accademia Valdarnese di Montevarchi il 7 sett. Firenze 1829. — 328.

***Marzagaglia** Veronese, De modernis gestis M. — 921.

***Massini**, Lezioni Perugia 1585. — 301.

Masson, Vita F. Petrarchae. Parisiis 1638. — 302.

Matter, Histoire des doctrines morales et politiques des trois derniers siècles. Paris 1836. — *40, 41.*

***Maurin**, Les amours de Pétrarque et Laure. Paris 1875. — 374.

***Mayr** R., Die philosophische Geschichtsauffassung der Neuzeit. Wien 1877.—7.

*Mazzano, Cenni biografici dei litterati ed artisti friulani del sec. IV al. XIX. Udine 1885. — 987.

Mazzini Giovanni, Epistola. Romae 1754. — 891.

*Mazzoni, Noterelle Petrarchesche. 1889. 413.

Mazzuchelli Giammaria, Gli Scrittori d'Italia. Brescia 1753. — *144*, 424, 430, 463, 475, 480, 484, 488, 490, 492, 494, 511, 513, 514, 522, 523, 638, 639, 655, 657, 659, 661, 664, 667, 670, 682, 692, 694, 698, 707, 709, 717, 742, 744, 746, 751, 754, 781, 875, 877, 879, 881, 898, 901, 903, 904, 911, 912, 914, 915, 917, 918, 934, 973, 987, 991, 992, 994.

*Medin, Letteratura poëtica Viscontea. 1885. — 900.

*—Poesie politiche nella cronaca del Sercambi. — 878.

De-Méhégan, Tableau de l'histoire moderne. Paris 1778. — *2*, *3*.

Mehus, Vita Ambr. Traversarii. — 194, 272, 286, 307, 308, 451, 460, 518, 522, 586, 588—591, 596, 598, 607, 616, 657, 661, 663—667, 669—672, 695, 698, 707, 708, 719, 736, 744, 749, 784, 786, 790, 791, 803, 804, 806, 807, 811, 814, 817, 818, 822—825, 827—834, 838, 840, 842, 844, 846—848, 856, 851, 862—864, 867, 868, 870, 876—881, 901, 916, 982, 993, 994, 1002, 1007, 1008.

— Vita Leonardi Dati. Firenze 1743. — 707, 708.

Meiners C., Grundriss der Geschichte der Weltweisheit. Lemgo 1786. — *59*.

— Historische Vergleichung. Hannover 1793—1794. — *37*, *38*, 318, 319.

— Lebensbeschreibungen berühmter Männer aus den Zeiten der Wiederherstellung der Wissenschaften. I. B. Zürich 1795. — 835, 836, 841.

Memorie e documenti per la storia dell'università di Pavia. Pavia 1877—78. — 905, 914.

Memorie istoriche de più nomini illustri Pisani. T. I—IV. Pisa MDCCXC—XCII. — 878, 879.

*Menard, sur l'origine de Laure, célébrée par Pétrarque. Paris 1764. — 315.

*Meneghelli, Del canonicato di mess. Fr. Petrarca. Padova 1818. — 332.

*—Le rime di F. Petrarca. Padua 1819. 275.

*Merian, Origines de la poésie italienne в Nouveaux Memoires de l'Académie de Berlin 1784 et 1786. — 318, 325.

Meusel Ioh. Georg, Leitfaden zur Geschichte der Gelehrsamkeit. Leipzig 1799. — *39*.

*Meutschen, Vitae eruditorum virorum. Coburg 1741. — 318.

Meynart, F., Petrarca's Biographie. 1794. 315.

Mézières A., Pétrarque, Etude d'après de nouveaux documents. Paris 1868. — 224, 349, *353—362*.

Michelet, Histoire de France au seizième siècle Renaissance. Paris 1858. — 1021.

*Minich, Annunzio di nuovi studi intorno al Canzoniere. Venezia 1875. — 368.

*—Sur les amours de Pétrarque expliqués par rapprochement de sa vie avec ses écrits. Paris 1874. — 368.

*Minieri-Riccio, Memorie storiche degli scrittori nati nel regno di Napoli. Napoli 1845. — 772.

*Minutoli, La vita e gli scritti di G. Sercambi. Discorso. Lucca 1845. — 878.

Mittarelli, Bibliotheca codicum mss. monosterii S. Michaelis Venetiarum prope Mirianum. Venetiis 1779. — 659, 760, 761, 930, 931

*Modio (Moggio), Carmen. — 915.

Monaci Lorenzo, Chronicon de rebus Venetorum. Ms. — 985

— Historia de Carlo II, Rege Hungariae. Ms. — 985.

— Pia descriptio miserabilis casus illustrium Reginarum Ungariae. Ms. — 985.

— Sermo in celebritate exequiarum Michaelis Steno Ms. — 985.

*Montanari, Gli uomini illustri di Faenza. Faenza 1882. — 749.

Montefalco, Filenico, Ms. — 751.
*Montepolitiano, Iacopo, Fimerodia. — 864.
*—Cinque sonetti, ed. Renier.—864.
*Monti, Il Petrarca visita Roma. 1876.— 367.
Monzani, Di Leonardo Bruni Aretino. Discorso. — 682, 699, 701, 848, 1006.
*Morbio Carlo, Storie dei municippii italiani. Milano MDCCCXL. — 137.
*Mordani, Vite di Ravegnani illustri. Ravenna 1837. — 742, 836.
*Morelli, Monumenti Veneziani di varia letteratura. Venezia 1796. — 978.
*Morhofius, Polyhistor. Lubecae 1747. — 95.
*Morsolin, Un umanista di secolo XIV pressoché sconosciuto. Venezia 1888. 934.
Moutier, Letteri volgari di Giovanni Boccaccio. Firenze 1834. — 449, 461.
— Opere volgari di Giovanni Boccaccio. Firenze 1827—1834. — 480, 493, 494, 511.
Müller Iohannes, Vierundzwanzig Bücher Allgemeiner Geschichten, Stuttgart und Tübingen 1845. — *14*.
*Müntz Eugéne, La Renaissance en Italie et en France au temps de Charles VIII. Paris 1885. — 92.
*—Les Précurseurs de la Renaissance. Paris 1876.
— Les arts à la cour des Papes. Paris 1878—1882.
— Histoire de l'art pendant la Renaissance. I. Italie. Les primitifs. Paris 1889. — *92* и слѣд.
— Pétrarca et Simone Martini Memmi à propos du Virgile de l'Ambrossiene. Paris 1887. — 414.
*Mugna, Ricordo del V Centenario dalla morte del Petrarca. Padova 1874. — 369.
Muratori, Antiquitates Italiae.—736.
— Scriptores. — 770, 878, 902, 938, 958, 960, 962, 963, 964, 965, 968, 978, 983, 989.
— Vita di F. Petrarca. Venezia 1741. — 304, 305, 306, 329.
*Mussafia, Le difese di un illustre. — 427.
*Muzzi, Vita di Fr. Petrarca. Bologna 1863. — 350.

*N. N., Brevi ricordi sopra Fr. Petrarca. Padova 1874. — 369.
Nachrichten zu dem Leben des Franz Petrarca. Lemgo 1774. — 313.
*De Nardi, Petrarca e Laura. Milano. 1873. — 350.
*Narducci. I codici Petrarcheschi delle Biblioteche governative del Regno. Roma 1874. — 176.
*— I Codici Petrarcheschi delle Biblioteche Barberina, Chigiana, Corsiniana, Valliceliana, Vaticana. Roma 1874. — 176, 366.
*Nascita e morte del Boccaccio. Ms. — 520.
*Natale, Storia della filosofia moderna. Roma 1872. — 78.
Nauclerus Iohannes, Chronicon. Coloniae. 1564. — *10*.
Negri Giulio, Istoria degli scrittori fiorentini. In Ferrara MDCCXXII. — 247, 316, 522, 781, 822, 827, 876,
*Di Negro Andalo, Tractalus de sphera: theorica planetarum. — 761.
— *Expositio in canones Profacii Iudaei de Aequationibus planetarum: introductio ad judicia astrologica. — 761.
*— De compositione astrolabii. — 761.
*Niceron Mémoires pour servir à l'histoire des hommes illustres dans la republique des lettres. Vol. 43. Paris 1829—45. — 95, 304, 698.
*Niedner Chr. Wilh., Geschichte der christlichen Kirche. Leipzig 1846. — *24, 25*.
*Nogarola Angiola, De virtutibus. Vindobonae 1886. — 933.
*— Carmina, Vindobonae 1886. — 933.
*Nagarola Isota Veronensis, Opera quae supersunt omnia T. I et II. Vindobonae 1886. — 933.
De Nolhac Pierre, Le canzoniere autographe de Pétrarque. Paris 1886.—275.

De Nolhac Pierre, Note sur deux autographes de Pétrarque. Paris 1886. — 275.
— La bibliotheque de Fulvio Orsini. Paris. 1887.
— Facsimilés de l'écriture de Pétrarque. Rome 1887. — 276.
— Un'ultima parola sul Canzoniere Petrarchesco. — 276.
— *Les scholies inédites de Pétrarque sur Homère. 1887. — 238.
— Manuscrits à miniatures de la bibliothèque de Pétrarque. Paris 1889. — 44.
— Une date nouvelle de la vie de Pétrarque. Toulouse 1890.—413.
— Pétrarque et son jardin d'après ses notes inédites. 1887.—413.
***Novati**, La giovinezza di Coluccio Salutati. Torini 1888.—820.
— Relazione intorno all'epistolario edito ed inedito di Coluccio Salutati. — 812.
— *Sulla composizione del Filocopo.— 481.
— *Un umanista Farbrianese del sec. XV: Giovanni Tinti. 1885. — 750.

***Obizzi Rinaldo**, De vita, moribus et dictis philosophorum. Ms. — 976.
***Occioni**. Cajo Silio Italico et il suo poëma. Studi. Firenze 1871. — 271.
***D'Olivier-Vitalis**, L'illustre chatelaine de Vaucluse, la Laure de Pétrarque. Paris 1842. — 332.
***Onofri Giacinto**, Del Guarino Veronese e de'suoi tempi. 1873. — 929.
***Osservazioni** e dissertazioni varie sopra il diritto feudalle concernenti. Livorno 1764. — 635.
***Où** est né Boccacce. Paris 1885. — 563.
D'Ovidio, Madonna Laura. 1888. — 412.
— Questioni di geografia petrarchesca 1890.—414.

***Paccard**, Pétrarque solitaire. Paris 1816.—327.
***Padova** a Francesco Petrarca. 1814.— 365.
***Paesch**, Renaissance und Humanismus in Italien. 1885. — 1058.
Paganini, Delle relazione di messer F. Petrarca con Pisa. 1882. — 412.
Pakscher, Die Chronologie der Gedichte Petrarcas. Berlin 1887. — 278, 275, 276, 277, 278, 279.
— Il canzoniere Petrarchesco — 276.
— Di un probabile autographo Boccacescho. — 276.
— Aus einem Katalog des Fulvi Ursinus. 1887.—276.
Palesa A., L'Africa recate in versi italiani. Padova 1874.—365.
Palmieri Matteo, De vita et rebus gestis. N. A. — 770.
Paoli, Documenti di ser Ciappelletto.—
— Il Petrarca precursore della Rinescenza 1872.—350.
Papencordt Fel., Geschichte der Stadt Rom im Mittelalter. Paderborn 1857.—123, 336, 710.
Papillon, Histoire de la philosophie moderne. Paris 1876.—78.
Papotti, Biografia di Benvenuto Rambaldi. Forli 1834.—736.
***Parolari**, Della religiosità di Fr-Petrarca. Bassano 1874.—333.
Pastor Ludwig. Geschichte der Päpste. Freiburg 1886 — *26, 27, 28, 29, 30, 31, 32, 33,* 587, 593, 594, 597, 706, 708, 710, 712.
Da Pastrengo Guglielmo, De originibus rerum. Venezia 1547.—920.
Patroni, Antonio da Tempo, commentatore del Petrarca e la critica di Grion. 1889.—293.
Paulsen. Geschichte des gelehrten Unterrichts. Leipzig 1885.—*19.*
Pellegrino, Fr. Petrarca e lo studio del greco in Italia. Roma 1875. — 367.
***Pelli**, Elogi degl'illustri scrittori toscani. Lucca 1771. — 318.
Pellini Silvio, Una novella del Decamerone. Pavia 1887. — 504.
Da Peraga Beneventura. Sermo, habitus in exequiis F. Petrarcae. — 286.
Perrens F. T., Histoire de Florence. Tome I. Paris 1888. — 122.

Perrens F. T., Jérome Savonarole, sa vie, ses prédications, ses écrits. Tome I. Paris 1853. — 170.
Perrin, Humour à Vaucluse. Avignon 1874. — 368.
***De Perusio Paulus**, Genealogia tam hominum quam deorum. — 425.
Peruzzi, Ricardi sulla vita di messer F. Petrarca e di madonna Laura. — 288.
Petavius D., Rationarium temporum. Amsterdami et Lipsiae 1745. — *12*.
Petit Jean, Justificatio ducis Burgundiae supra caede ducis Aurelianensis. — 437.
Petrarcha. Opera omnia. Basileae 1496 и 1554. — 176, 979, 982.
— De remediis utriusque fortunae libri duo. — 177 и слѣд. 915, 948.
— De vita solitaria. — 185 и слѣд.
— De otio religioso. — 188 и слѣд.
— De vera sapientia. — 190 и слѣд.
— De sui ipsius et multorum ignorantia. — 197 и слѣд.
— Contra medicum quendam invectirarum libri IV. — 200 и слѣд.
— Contra cujusdam Galli anonymi calumnias apologia. — 201 и слѣд.
— Contra quendam Gallum innominatum, sed in dignitate positum. — 203 и слѣд.
— De contemptu mundi colloquiorum liber. — 205 и слѣд., 996.
— Epistola ad posteros. — 207.
— Epistolae de rebus familiaribus et variae. Ed. Fracassetti. Vol. I—III. Florentiae 1854—63. — 207, 224, 229, 241—243, 281, 284, 341, *348*, 353, 357—359, 371, 379, 389, 391, 579, 580—588, 591, 595, 718, 721, 722, 743, 746, 748, 750, 752, 756, 758, 760, 763, 764, 765, 768, 770, 775, 776, 781, 782, 784, 785, 878, 884, 914, 915, 916, 917, 920, 933, 935, 939, 948, 953, 975, 977, 978, 983, 990, 993, 1000.
— Lettere delle cose familiari libri ventiquattro, lettere varie libro unico. da Fracassetti. Vol. I—III Firenze 1863—67. — 207, 297, 301, *349*, 450, 583—588, 592, 722, 743, 745, 746, 750, 759, 764, 768, 776, 781, 782, 784, 835, 836, 837, 884, 914, 915, 920, 921, 934, 939, 973, 975, 989, 993, 999.
— Lettere senili volgarizzate da Fracessetti. Vol. I—II, Firenze 1869—1870. — 272, *349*, 362, 371, 391, 393, 579, 580, 581, 591, 595, 718, 722, 731, 736, 739, 742, 743, 753, 756, 762, 764, 765, 768, 771, 772, 775, 782, 783, 803, 823, 835, 879, 881, 914, 917, 920, 935, 936, 973, 993, 999.
— Epistolae sine titulo. Op. omn. — 222—823.
— Collatio in Capitolio. — 232 и слѣд.
— Arengna facta venecijs 1352. — 234.
— Arrigna facta Mediolani. — 234.
— Arengna facta in Novaria. — 235 и слѣд. 918.
— Aregna. — 236.
— Ars punctuandi ad Salutatum oratorem insignem. — 238.
— Vitae virorum illustrium. — 241 и слѣд., 935.
— Epitome virorum illustrium. — 246 и слѣд.
— Vita Senecae. Ms. — 252.
— Sentencia de Terentii vita. Ms. — 252.
— De rebus memorandis libri IV. — 252 и слѣд., 756, 757.
— Itinerarium Syriacum (см. Lumbroso). — 262 и слѣд.
— Epistolarum poëticarum libri III. — 266, 914, 916, 975.
— Bucolicum carmen in XII aeglogas distinctum. — 266 и слѣд., 765.
— Epytomata super suis bucolicis. — 267 и слѣд.
— Africa. Padova 1874. — 270 и слѣд., 756.
— Psalmi poenitentiales. — 271.
— Orationes contra tempestates aereas. — 272.
— Oratio quotidiana. — 272.
— Oratio contra tempestates. — 272.
— Philologia. — 272.
— De casu Medeae. Ms. — 272.

Petrarcha, Comoedia super dextructione Caesenae. Ms. — 272.
— Sonetti e canzoni in vita di madonna Laura. — 776.
— Sonetti e canzoni in morte di madonna Laura. — 776.
— Sonetti e canzoni sopra varj argomenti 776.
— Trionfi in vita e in morte di madonna Laura. — 776.
Petrarca e Venezia. 1874. — 366, 367.
Pétrarque à Voucluze. Paris 1804. — 324.
Петровъ, Лекціи по всемірной исторіи. Харьковъ 1888. — *21*.
Pezzoli Luigi, Elogio al Petrarca. 1808. — 324.
Pico della Mirandola, De hominis dignitate. — 794.
Pietropoli, Il Patrarca impugnato dal Petrarca. Venezia 1818. — 327.
***Pinelii**, La moralità nel Decamerone. 1882. — 508.
— Appunti sul Corbaccio. 1883 — 509.
Pingaud, Fr. Petrarcae Africa. Parisiis 1874. — 365.
Пинто, Исторія итальянской національной литературы. Т. I. С.-Петербургъ. 1869. — 157, 352, 535.
***Piombiolo**, Discorso e poesie sulle opere di Fr. Petrarca. Brescia 1807. — 324.
***Pirandello**, Petrarca a Colonia. 1890.— 412.
Pirrus Rocchus, Sicilia sacra. Panormi 1733. — 158.
Piumati, La vita e le opere di Fr. Petrarca. Torino 1885. — 396.
Pizzicoli Ciriaco d'Ancona, Itinerarium. Florentiae 1742. — 754.
Planche, Pétrarque. 1847. — 332.
Platina B., Historia de vitis Pontificum Romanorum. Coloniae Agrippinae. 1590. — 123.
Pöhlmann, Die Wirthschaftspolitik der Florentiner Renaissance. — 122.
Poggio Bracciolini, Epistolae ed. Tonnelli. I—III. Florentiae 1832—61. — 844, 845, 846, 847, 893, 926.
Poggio Bracciolini, Historia tripartita ad reverdissimum D. Prosperum Cardinallem de Collumna. Opera. — 860—862, 866.
— Opera. Basileae 1538. — 825, 826, 854, 857—860, 863, 873, 926, 928, 937, 938.
— Oratio funebris in obitu Leonardi Arretini. Eed. Mehus. — 696.
— Oratio in funere Nicolai Niccoli civis Florentini. — 849.
***Da Ponte**, Vita di Fr. Petrarca. Padova 1874. — 369.
Pope-Blount, Censura celebriorum authorum. Londoni 1790. — 95, 304, 521.
De Poveda, Del sepolcro di Mess. G. Boccaccio. Colle 1827. — 526.
Prantl Carl. Geschichte der Logik im Abendlande. Leipzig 1870. — *83* и слѣд.
Da Prato Giovanni, *Trattato d'una nagelica cosa. — 865.
— Il Paradiso Ed. Веселовскій. — 865.
***Précis** historique. Avignon. 1811. — 324.
Prezziner, Storia del publico studio e delle società scientifiche e letterarie di Firenze. Firenze 1810. — 830, 834, 842.
***Prost**, Observations sur trois lettres attribuées à Pétrarque. Nogent 1876.— 231.
***Puccianti**, La donna nella Vita Nuova di Dante e nel Canzoniere del Petrarca. Pisa 1874. — 368.
***Puffendorf**. Introduction à l'histoire générale et politique de l'hunivers. Amsterdam 1721. — 13.
Pulignani Faloci, Le arti e le lettere alla corte dei Trinci di Foligno 1883. — 750, 751, 753, 754.

Quetif Jacobus, **Echard Jacobus**. Scriptores Ordinis Praedicatorum. Lutetiae Parisiorum 1719. — *23*.
Quinet Edgar, Les Révolutions d'Italie. Paris 1857. — *159* и слѣд., 274, 497, 506.

Quirini, Diatriba praeliminaris ad F. Barbari Epistolas. Brixiae 1741. — 918.
***Rabus L.**, Grundriss der Geschichte der Philosophie. Erlangen 1887. — 73.
Rambaldi Benvenuto da Imola, Lucani Pharsalia cum recollectionibus. 1836. — 722.
— Senecae tragoediae cum adnotationibus. Ms. — 723.
— Libri novem Valerii Maximi dictorum memorabilium et factorum reccolecti. Ms. — 723.
— Francisci Petrarchae Bucolicon Carmen in duodecim Eclogas distinctum cum commento. Venetiis 1516. — 723.
— Commentum super Dantem, scilitet super Infernum, Purgatorium et Paradisum. — *723—730.*
— Epistolae. — *731—733.*
— Romuleon. Ms. — *734.*
— Il Rumeleo volgarizzato dal dott. Guatteri. Bologna 1867. — *734*, 737.
— Augustalis libellus. — *734.*
— *Cronica a principio mundi usque ad adventum Christi. Ms. — 735.
— *Opusculum de Urbis Mediolani Magnalibns. — 735.
Ranalli Ferdinando, Storia delle belle arti in Italia. Firenze 1869. — 165.
*Lezioni di Storia. Volume I. Firenze 1867. — *166.*
Ranke L., Die römischen Päpste in den letzten vier Iahrhunderten. Leipzig 1878. — *33.*
Rastoul de Mangeot, Pétrtarque et son siècle. Avignon 1836 и Bruxeies 1846. — 329.
Raumer K., Geschichte der Pädagogik. Stuttgart 1846. — *118.*
***Ravegnani Benintendi**, Commendatoría vitae actae et exhortatoria peragendae. Ms. — 978.
— *Chronica Venetiarum. Ms. — 978.
— *Istoria dell assedío e della ricupera di Zara. Venezia 1796 — 978.
— De laude venetorum. — 978, 978.
Da Ravenna Giovanni см. Convertino.
Razzolini, De viris illustribus vitae Bologna 1874. — 248, 249, 365, 982.
***Re Zefirino**, I. biografi del Petrarca. Ragionamento. Fermo 1859. — 284.
***Reina Gorini**, Ricordi di trenta illustri Italiani. Brescia 1839. — 330.
Reinhardstöttner, Eine dem Leonardo Bruni zugeschriebene Sallustübersetzung. — 666.
Reinhold Ernest, Lehrbuch der Geschichte der Philosophie. Jena 1839. — *65.*
Renan Ernest, Averroès et l'averroisme. Paris 1666. — *81* и слѣд. 200, 971.
Renazzi, Storia dell'università degli studj di Roma. Roma 1803. — 584, 587, 595, 716, 717.
***Renier**, La vita nuova e la Fiametta Torino e Roma. 1879. — 549.
— L'autografo Canzoniere petrarchesco — 276.
— *Un poema sconosciuto degli ultimi anni del sec XIV. — 864.
***Resta Antoniolo**, Oratio de nuptiis Leonardi, Clarentiae Ducis et Violantis Vicecomitis. Ms. — 886.
— *Ius municipale urbis Mediolanensis cum aliis collegis ab ipso emendatum. Ms. — 886.
***Resta Lazarino**, Epistolae. — 898.
— *Epigrammata varia latina. — 898.
Reumont, Geschichte der Stadt Rom. III Band. Berlin 1868. — 123 и слѣд. 583, 586, 592, 594, 706, 709, 710, 716, 722.
***Rezza**, Nella commemorazione di F. Petrarca. Geneva 1869. — 350.
***Ridolfi**, Artefila. Dialogo. Lione 1560. — p. 314.
— *Vita del Boccaccio. Lione 1552. — 520.
Di Rienzo Cola, Descriptio urbis Romae ejusque excelentia. — 717..
***Rinuccini Cino**, Rime, Lucca 1858. — 869.
— Invettiva contra a'certi calluniatore di Dante e di Messer Fr. Petrarca di Messer G. Boccacci. — 853—857, 869.

*Rinuccini Cino, Risponsiva alla Invetiva di Messer Antonio Lusco. — 869, 870.
*Rio De l'art chretien. 4. vols Paris 1874. — 91.
Ritter, Geschchte der Philosophie. Hamburg 1850.—*67* и слѣд.
Rixner, Handbuch der Geschichte der Philosophie. Salzbach 1829. — *63* и слѣд.
*Rizzini In occasione del V Centen del Petrarca. Trieste 1874. — 369.
Roberto d' Angiò, Il trattato delle virtù morale. Roma 1642. — 757.
Rocholl. Die Philosophie der Geschichte. Göttingen 1878. — *115*.
Rohrbacher, Histoire universelle de l'Eglise Catholique. Paris 1858.— *62*.
Roman, Vie de Petrarque. Avignon 1804. — 324.
De Romani Ludovico da Fabriano, De casu Caesenae. Ms. — 750.
Romanin, Storia documentata di Venezia. Venezia 1853—61. — 130.
Romussi, Petrarca a Milano. Milano 1874. — 366, 384.
Ronchini, La dimora del Petrarca in Porma Modena 1874. — 306, 384.
Róndani, Selvapiana. Milano 1874.—366.
— Fr. Petrarca, sua casa in Selvapiana. — 366.
Rondoni, Ordinamenti e vicende principali dell'antico studio fiorentino. 1884. — 830, 843.
Rosa Gabriele, Storia generale delle storie. Milano-Napoli 1873. — *113*.
*Rosenkranz Karl, Handbuch einer algemeinen Geschichte der Poesie. Halle 1832. — 99.
Rosini, Vita de F. Petrarca Pisa 1805. — 324, 325.
Rosmini, Istorià di Milano. Milano 1820. — 130.
— Vita e disciplina di Guarino Veronese e de'suoi discepoli. I — III. Brescia 1806. — 863, 922—927, 929—933, 973, 974.
*Rosselini, La casa di G. Boccaccio. 1825. — 526.
*Rossetti, Dello spirito antipapale. Londra 1832. — p. 333.
— Petrarca, Giulio Celso et Boccaccio. Trieste 1828. — 200, 242, 243, 244, 245, 246, 247, 248, 250, 266, 284, 285, 287, 289, 293, 296, 299, 302, 304, 305, 306, 431, 579, 938, 982.
Rossi Roberto, Sermo super detractione rhetoricae. Ms. — 863.
— Carmina. — 863.
Rossi Casè, Di maestro Benvenuto da Imola, Pergolla 1889. — 723, 731, 732, 733, 734, 735, 736, 737, 738.
— *Di Maestro Benvenuto da Imola. Imola 1888. — 736.
Rotteck Allgemeine Geschichte. Freiburg 1824. — *16, 17*.
Roux-Ferrand H. Histoire des progrès de la civilisation en Europe. Paris 1838. — *42*.
Rovillio Gulielmo, Il Petrarca. Lyone. 1550. — 300.
*Rubbi Elogio di Fr. Petrarca. Venezia 1782. — 318.
Ruberto, Le Ecloghe de Petrarca. — 270.
Rudelbach, Hieronymus Savonarola und seine Zeit. Hamburg 1835. — *169*.
Rückert H., Lehrbuch der Weltgeschichte. Leipzig 1859. — *44, 45, 46, 47, 48*.
Rühl, Le Estravaganti del Petrarca 1881. — 414.
Ruth E., Geschichte der italienischen Poesie. Leipzig 1874.—*146*, 335, 529.

Sabbadini, Briciole umanistiche.—640, 649, 753, 754.
— Epistolae di Pier Paolo Vergerio seniore da Capodistria. — 958, 960, 964.
— Guarino Veronese e il suo epistolario, edito e inedito. Salerno 1885.— 921—924, 930.
— Guarino Veronese e le opere rettoriche di Cicerone. 1885—86. — 930.
— *Guarino V. e gli archetipi di Celso e di Plauto. Livorno 1886. — 930.

*Sabbadini, Codici latini posseduti, scoperti ed illustrati da Guarino V. 1887. — 930.
— *Vita di Guarino Veronese. — 930.
— *Se Guarino Veronese abbia fatto una recensione da Catullo. 1884 — 1885. — 925.
— *Ancora di Catullo e di Guarino Veronese. 1885—86. — 925.
— *Lettere e orationi edite e inedite di Gasparino Barzizza su Quintiliano e Cicerone. — 913.
— Notizie sulla vita e gli scritti di alcuni dotti umanisti del secolo XV raccolte da codici italiani 1885. — 838, 839, 1001, 1002.
— Storia del Ciceronianismo. Torino 1886. — 1060.
Sabellicus Marcus Antonius, Rapsodiae historiarum Basilea 1540. — *8*.
— Linguae latinae reparatio. Dualogus. — *8*.
— Rerum Venetarum ab urbe condita Decades IV. — 130.
Sacchetti Franco, I Sermoni evangelici e le lettere. Ed. Gigli. Firenze 1857. — 864.
— *Le novelle, ed Gigli. Firenze 1886. — 864.
*Sacchi, Petrarca. Milano 1838.—330.
De-Sade, Memoires pour la vie de François Pétrarque. Amsterdam 1744. — 246, 274, 277, 288, 289, 290, 293, 294, 296, 298, 299, 300, 301, 302, 304, 306, 308 *309*, *310*, *311*, *312*, *313*, 315, 324, 329, 335, 450, 584, 585, 587, 760.
Садовъ, Виссаріонъ Никейскій. С.-Петербургъ 1883. — *168*.
*Salmi, Biografia di Colucci Salutati. Lucca 1879. — 820.
Salutati Collucius, Carmina. Ms. — 744, 786, 815.
— De Fato et Fortuna liber. Ms. — *786—790*, 826.
— De Seculo et Religione. Ms. — *790—801*.
— Declamatio pro Lucretia. — *802*.
— De Verecundia. Ms. — *803*, *804*.
Salutati De Nobilitate legum et Medicinae. 1552. — *804*.
— De Tyranno Ms. — *804* — *806*, 821, 867.
— *De Regno successivo et electivo. Ms. — 806.
— *De Coronatione Regis. Ms. — 807.
— *Sermo ad Philippum de Alensonio. Ms. — 807.
— Invectiva in Antonium Luschum Vicentinum. Florentiae 1826.—*807—809*, 818, 821.
— De laboribus Herculis. Ms. — 424, *810*, 881,
— *Ars dictaminis. Ms. — 810.
— *Historia de casu hominis, certamen Fortunae et Paupertatis.—811.
— Vita D. Andreae Corsini. — 811.
— *О печальномъ положеніи книгъ. — 811.
— Epistolae. Ed. Mehus. Pars I. Florentiae 1741. — 811, 829, 835, 837, 838.
— Epistolae Ed. Rigaccius. Pars I. Florentiae 1741. Pars II. Parisiis 1742. — 811.
— Epistola ad Ioannem de Sancto Miniato. Ms. — 813.
— *De Bello Pyrrhi habito cum Romanis. Ms. — 814.
— *Eclogae. — 814.
— Conquestio Phyllidis. — 814.
— De arte et ratione divinandi. Ms. — *814*, *815*.
— Metra ad Petrarcham incitatoria. — 815.
— *De Petrarchae obitu. — 815.
— *Sonetti. — 816.
Da San-Miniato Giovanni, Persuasio. Ms. — 812.
De Sanctis, Saggio critico sul Petrarca. Napoli 1883. — 275, 278, *362—365*.
— Storia della letteratura italiana. Napoli 1873. — *151* и слѣд., 352, 411, 477, 478, 486, 487, 490, 492, 493, 494, 497, 506, *536—538*.
*Sansovino, Vita del Boccaccio. Venezia 1546. — 520.

*Sauer, Geschichte der italienischen Litteratur. Leipzig 1883. — 154.
Savigny F. C. Geschichte des römichen Rechts im Mittelalter. Sechster Band. Heidelberg 1850. — *115* и *116*.
Saxius, Historia litteraria-tipographica Mediolanensis. Mediol. 1745. — 291.
*Da Scarparia Antonio di Guccio, Tractatus de signis febrium. — 834.
Da Scarparia Jacoppo Angello, Переводы. — 707, 708.
— De Gregorii XII electione epistola. — 708.
Schedel, Tabula operis de temporibus mundi. Nurenberge 1493. — *9*.
Scheffer-Boichorst, Petrarca und Boccaccio über die Entstehung der Dichtkunst. 1882. — 429.
Schepherd, Vita di Poggio Bracciolini tradotta da Tom. Tonnelli. Firenze 1825. — 811.
Scherr Iohannes, Allgemeine Geschichte der Litteratur. Stutgart 1851. — *99* и слѣд.
Scherr Thomas und Iohannes, Gemeinfassliche Geschichte der religiösen und philosophischen Ideen. Staffhausen 1843. — *42*, *43*.
*Schiavo, Pietra del paragone amoroso, ovvero dell'amore platonico del poeta Fr. Petrarca. Venezia 1737. — 311.
Schio Giovanni, Sulla vita e sugli scritti di Antonio Loschi. Padova 1858. — 887, 889, 890—897.
Schlegel Fr. Geschichte der alten und neuen Litteratur. Berlin 1841. — *98*, и слѣд.
— Nachricht von den poetischen Werken des Iohannes Boccaccio 1801. — 498, 525.
— Philosophie der Geschichte. Wien 1829. — *6*.
*— W., Dante, Pétrarque et Boccacce justifiés de l'imputation de l'érésie. Leipzig 1864. — 333.
Schlözer Aug. Ludw., Universal. Historie. Göttingen und Gotha 1772. — *14*.
Schlosser F. C., Weltgeschichte. Frankfurt am Main 1849. — *17*, *18*, *19*.
Шмидтъ Карлъ, Исторія педагогики. Москва 1879. — *119*, *960*.
Schmidt Charles, Précis de l'histoire de l'église d' Occident pendant le moyen age. Paris 1885. — *35*, *36*.
Schnaase Carl, Geschichte der bildenden Künste, 8 Bände. Stuttgart 1879. — *89* и слѣд.
Schneider C. F. Chr., Fr. Petrarchae historiae Iulii Caesaris. Leipzig 1827. — 249.
*Schoderenus, Vita F. Petrarchae, 1622. 302.
Schoell, Cours d'historie des états Européens. Paris 1831. — *15*, *16*.
Schröckh, Christliche Kirchengeschichte. Leipzig 1800. — *23*, *24*.
Schück, Boccaccios lateinische Schriften 1874. — 431, 432, 436, 448.
— Zur Charakteristik der italienischen Humanisten des 14 und 15 Jahrhunderts. Breslau. 1857. — 1024.
Schultze Fritz, Geschichte der Philosophie der Renaissance. Jena 1874. — 1058.
Schwegler Alb., Geschichte der Philosophie. Stuttgart 1860. — *73*.
Serassi, Vita di F. Petrarca. Bergamo 1746. — 309.
*Sercambi Giovanni. Novelle. Bologna 1871. — 878.
— Novelle inedite. Firenze 1886. — 878.
Da Serico Lombardo, De laudibus aliquot foeminarum gentilium aut litteris, aut armis illustrium. Ms. — 939.
— Epitoma virorum illustrium. — 245, 246, 939.
— Dialogus ad Fr. Petrarcam de dispositione vitae suae et de ducenda uxore. — 939.
Settembrini Luigi, Lezioni di litteratura Italiana. Vol. I. Napoli 1869. — *148* и слѣд., 352.
*Setti, Gaspare Tribraco de Trimbocchi umanista Modenese del secolo XV. 1878. — 974.
*Sgulmero, Sulla corografia del Filocolo. Milano 1883. — 483.

*Signorini, F. Petrarca a Linterno 1885. 412.
Sigwart, H. C. W. Geschichte der Philosophie. Stuttgart und Tübingen 1844. — *66*.
Silvestro Domenico, De Insulis et earum proprietatibus. Ms. — 827.
— Eclogae. Florentiae 1504. — 827.
— Carmina. — Ms. — 827, 828.
— Consolatio missa per Daphnem ad ad Phillidem. Ms. — 828.
*—Epistolae. — 828.
*De Simone Cornelio e Buoncompagni Baldassare, Intorno alla, vita ed a lavori di Andalò di Negro. Roma 1874. — 761.
Simonsfeld, Andreas Dandolo und seine Geschichtswerke. München 1876. — 978.
*Simpson, Petrarch. 1874. — 369.
*Siragusa, L'ingegno, il sapere e ge'intendimenti di Roberto d'Angio. Torino 1891. — 757.
Sismondi Simonde, De la litterature du Midi de l'Europe. Paris 1829. — 101 и слѣд., 182, 224, 227, 335, 528, 575, 698.
— Histoire des Républiques Italiennes du moyen age. Paris 1840. — *131* и слѣд., 336, 741, 743, 747, 748, 752, 757, 765, 767, 883, 885, 886, 919, 972, 973, 975, 976, 989.
Soave Francesco, Poesie scelte di Francesco, Petrarca. Milano 1790, 314.
*Sondras, Etude sur G. Chauser. Paris 1859. — 491.
*Sorio B. e Gigli, Lettere del beato don Giovanni dalle Celle, Roma 1845. — 823.
Spadi, Il Canzoniere di F. Petrarca riordinato. Firenze 1858. — 275.
*Springer And., Kunsthistorische Briefe. Prag 1857. — 86.
*Squarciafico, Vita del Boccaccio — 518.
— F. Petrarchae Vita ac Testamentum. — 291.
*Stagio, Opera intitolata Amazonida. Venetia 1503. — 754.
Stein Ludvig, Handschriftkunde zur Philosophie der Renaissance. 1888. — 600.
*Steinschneider, Robert von Anjou und die jüdische Litteratur. 1886. — 758.
*Stella, Annales Genuenses. — 989.
Stern Adolf, Geschichte der neuern Litteratur. I Band. Leipzig 1882 — *100* и слѣд., 403, *569*, *570*.
Stintzing R., Geschichte der Deutschen Rechtswissenschaft. München und Leipzig 1880. — *117*.
Stöckl Albert, Geschichte der Philosophie des Mittelalters. Mainz 1866. — *71* и слѣд.
Stolfi, Salutati Epistola. Bologne 1867. — 813.
Стороженко, Педагогическія теоріи эпохи Возрожденія. 1888. — 960.
Da Strada Zanobi, Oratio de fama Ms. — 589.
— Della Sfera. Ms. — 590.
— Carmina. — 590.
— Noticie istoriche raccolte dal P. S. M. C. P. Firenze 1878. — 591.
Symonds, Renaissance in Italy. The age of the despots. — 683, 884, 707, 1040.
— The Revival of Learning. London 1877. — *396—398*, *549*, *550*, 707, 710, 711, 712, 715, 719, 1040.
— The fine arts. London 1877. — 165.
— Italian litterature. London 1881. — *403*, *404*, 478, 487, 490, 492, 494, 496, 497, 498, 499, 506, 507, 511, 551.

Taberna, Guido, Carmen elegiacum. Ms. — 903.
Taine, H., Philosophie de l'art en Italie. Paris 1867. — *87* и слѣд.
*Tambeni Giovanni di Baldo, Tractatus Ms. — 834.
Tamburini, Benvenuto Rambaldi da Imola. Imola 1856. — 723, 732, 736, 737.
Tanfani, Niccola Acciaiuoli. Fireuze 1863. — 430, 589, 769, 770, 771.
Da Tempo, Vita di F. Petrarca. Roma MCCCCLXXI. — 293.
Tennemann Wilh. Gottlieb, Grundriss der Geschichte der Philosophie. Leipzig 1816. — *62* и слѣд.

Theiner, Codex diplomaticus dominii temporalis S. Sedis. Romae 1862. — 592.

***Thilo** Ghr. A., Kurze pragmatische Geschichte der Philosophie. Göthen 1881. — 73.

Thomas, Extraits des archives du Vatican. Rome 1884. — 413.

***Tinti Giovani**, De institutione regiminis dignitatum. Ms. — 750.

***Tinto Franc**, La nobiltà di Verona. Verona MDXCII. — 142.

Tiraboschi Girolamo, Storia della letteratura Italiana. Venezia 1823. — 144, 246, 317, 335, 579, 584, 590, 591, 698, 707, 720, 721, 722, 736, 739, 740, 742, 743, 744, 745, 747, 748, 749, 750, 753, 754, 757, 759, 760, 761, 762, 772, 775, 776, 781, 783, 784, 785, 818, 822, 823, 823, 825, 827, 830, 835, 838, 841, 843, 851, 852, 876, 877—881, 884, 892, 900, 903, 912, 914, 916—918, 920, 924, 929, 933, 935, 936, 937, 939, 947, 956, 969, 971, 972, 973, 974, 975, 976, 978, 982, 987, 994.

***Todeschini**, Del vero autore della tragedia Achille. 1832. — 890.

— Opinione sulla epistola attribuita al Boccaccio. Venezia 1832. — 461.

Tolomei, Dante a Padova. Padova 1865. — 935.

Tomasini, Petrarca redivivus. Patavii 1650. — 203, 252, 288, 289, 299, 301.

— Illustrium virorum elogia. Patavii 1630. — 937.

Tommaseo, Arquá. Padova 1846. — 332.

Tomassi, Gli affetti ed effetti di amore. Milano 1622. — 314.

***Tonini**, La coltura litteraria e scientifica in Rimini 1884. — 744.

***Toppi**, Biblioteca Napoletana. Napoli 1675. — 764, 772.

***Tafuri**, Istoria degli scrittori nati nel regno di Napoli. Napoli 1749—1755. — 772.

***Torini Agnolo**, Brevis collectio contemptus humanae conditionis. Ms. — 868.

— *Brevis meditatio beneficiorum Dei. Bologne 1862. — 868.

***Torini Angolo** Operette in rima oneste e devote. Ms. — 868.

***Tosti**, Memorie storische sulla vita di M. Donato da Casentino. — 982.

***Di Tournes**, Il Petrarca. In Lione 1550. — 300.

Trasmondo, Cenni biografici di Marco Francesco Barbato. Roma. — 764.

Traversi Camillo, G. Boccaccio, sua vita e sua opere del dottor Marco Landau. Traduzione. Napoli 1881. — 463, 470, 474, 475, 476, 477, 480, 482, 484, 485, 486, 487, 488, 490, 491, 492, 493, 494, 495, 508, 509, 511, *547—549*, 757, 781.

— *Fr. Petrarca, estimatore et amatore di G. Boccaccio. 1880. — 549.

— *Sulla partia di G. Boccaccio. — 549.

— *Della partia, della famiglia e della povertà di G. Boccaccio. 1881. — 549.

— *Della partia di G. Boccaccio. 1881. — 549.

— *Il Boccaccio in Napole presente al esame del Petrarca. 1881. — 549.

— *Le prime amanti di G. Boccaccio. 1882. — 563.

— *Dell'amore di G. B. 1882. — 563.

— *Della realtà e della vera natura dell'amore di Messer G. B. 1883. — 563.

— *Di una cronologia approssimativa delle Rime del Boccaccio. 1883. — 511.

***Traversi**, Gli amori del Petrarca. Napoli 1878. — 374.

— *Notizie storiche sull Amorosa Visione. 1885. — 488.

— Raffronto fra la peste di Tucidide, Lucrezio e di G. Boccaccio. 1881. — *495.

Treverret, Pétrarque. 1874. — 369.

***Trevisanno Zaccaria**, Orationes Ms. — 984.

***Trigona**, Petrarca cittadino. Studio critico. Catania 1885. — 413.

Turgot, Second Discours sur les progrès successifs de l'esprit humain 1750. Paris 1808. — *2*.

Tursellinus Horatius, Epitome historiarum. Coloniae 1711. — *11*.

Ueberweg Fr., Grundriss der Geschichte der Philosophie. Berlin 1880.— *74*.
Uebinger, Die angeblichen Dialoge Petrarcas über die wahre Weisheit. 193 и слѣд.
Ughellus, Italia sacra. Venetiis 1717.— 158, 722, 742, 743, 745, 747, 748, 749, 753, 771, 775, 781, 901, 925, 937, 946, 994.
***Ugolini**, Brevi cenni sulla vita di Fr. Petrarca. Firenze 1857.— 332.
— Storia dei conti e duchi d'Urbino. Ference 1859.— 745.
An universal hystori from the carlist Account of time to the present. London 1730. — *13*.
D'Urban Fortia, Vie de Pétrarque. Paris 1804.— 324.
Успенскій, Философское и богословское движеніе въ XIV вѣкѣ. 1892.— 998, 999.

Vacherot, Histoire critique de l'École d'Alexandrie. Paris 1851.— *81*.
Vlentinelli, Petrarca e Venezia. Venezia 1874. — 303, 366.
Valla, De voluptate ac vero bono.—853, 903, 928.
***De Valvassoribus Pertus**, Carmina. Ms. —918.
— *Epistolae. Ms.— 918.
— *Sermones matrimoniales. Ms.— 918.
***Van Goudoever**, Oratio de Fr. Petrarca litterarum humaniarum saeculo XIV instauratore praecipuo. Rheno-Trajectanae 1827—28. — 333.
***Van Walree**, Over den invloed van Petrarca op de klassicke Letterkunde 1826. — 333.
***Varvēssis**, Della influenza dei Greci nel Risorgimento delle Scienze e delle Lettere in Europa. Napoli 1845. — 1003.
***Vasari Giorgio**, Le vite de'piu eccelenti pittori, scultori e architetti. Firenze 1846. — 165.
Vast Henri, Le cardinal Bessarion (1403—1472). Paris 1878. — *167* и слѣд.
Vellutello Alessandro, Il Petrarca. Vinezia 1547. — 296, 297, 329.
— Le volgari opere del Petrarca. Venezia 1525. — 274.
Da Venafro Silvano, Il Petrarca. Napoli 1533. — 298.
Vergerio P. P. il Seniore, Epistole ed. Combi. Venezia 1887. — 721, 737, 742, 748, 749, 838, 839, 841, 938, 964—971, 974, 983, 984, 986, 1002.
— De arte metrica. Ms. — 937.
— *Sermo de religione et castitate ac sanctitate. Ms. — 958.
— De ingenuis moribus. Venetiis 1493.— 958—960.
— Vitae principum Carrariensium. — 960—962.
— Apologia contra Albertinum Mussatum. Ed. Cittadella — 962.
— *Adnotationes in librum de gestis Carrariensium. Ms. — 962.
— Historia principum Mantuanorum. Ms. — 962.
— De republica Veneta. Ms. — 952.
— De statu veteris et inclytae Urbis Romae. Ms. — 962.
— De urbe Iustinopoli. — 962.
— Petrarcae vita. — 288, 962.
— *Elogium D. Fr. Zabarellae. — 962.
— *Vita Senecae. Ms. — 962.
— Orationes. — 962, 963.
— Pro dejecta Virgilii statua in Carolum Malatestam invectiva. — 963.
— In foeneratores facetissima exprobratio. — 963.
— *Quintiliani Institutionum Compendium. — 964.
— *Allegabilia dicta ex Timeo Platonis. — 964.
— De gestis Alexandri Magni. — 964.
— *Paulus ad juvenum mores corrigendos. Ms. — 964.
— *Poëtica narratio. — 964.
— *Carmina. — 964.
— *Ode saffica. Firenze 1888. — 964.
Veronese Guarino, Epistolae. — 922, 931, 932.
— Orationes. — 922, 924, 930, 931, 932.

Veronesse Guarino, Hypothesia ad Hieronimum filium. Ms. — 922—924.
— *De brevibus clarorum hominum inter se contentionibus. Brixiae 1485. — 924.
— Erotemata. Reggio 1501. — 924.
— Grammaticales regulae. Venezia 1470. — 924, 1001.
— *Carmina differentialia. Venezia 1470. — 924.
— Liber de diphtongis. Basilea 1470.— 925.
— *Breviloquus vocabularius. Basilea 1480. — 925.
— *Grammaticae Institutiones. Verona 1487. — 925.
— *De obscuritate vocabulorum. Ms.— 925.
— *Dialogus de arte punctandi e de accentu. Ms. — 925.
— *Vita Platonis. Ms. — 925.
— *Vita Plauti. Ms. — 925.
— *Vita Sancti Ambrosii. Ms. — 925.
— *Hypotesis ad filium de regibus et magistratibus Romanorum. Ms.—925.
— *Proemium in municipales Vicentinorum leges. Venézia 1499. — 925.
— *Libellus in rhetoricam Trapezundii. Ms. — 925.
— De praestantia Caesaris et Scipionis ad Leonellum Estensem. Ms. — 926.
— Переводы. — 927.
— *Carmine. Ms. — 927.
***Verrati**, Della Laura del Petrarca. 1865. — 350.
***Verri Pietro**, Storia di Milano. Firenze 1851. — 129.
***Vibius Sequester**, De fluminibus, fontibus, lacubus, nemoribus, paludibus, montibus, gentibus, quorum apud poëtas mentio fit. — 445.
Vie de François Petrarque. Paris 1786.— 315, 316.
— de Pétrarque. Avignon 1804. — 324.
Viennet, Petrarque et son siècle. 1852.— 332.
Vieri, Discorso della grandezza et felice fortuna d'una gentilissima e graziosissima dama quat fu M. Laura. Firenze 1581. — 914.
Viertel, Die Wiederauffindung von Cicero's Briefen durch Petrarca. Königsberg 1879. — 413.
***Vies des hommes et des femmes** Illustres d'Italie 1768. — 315.
***Da Villafranca** Rinaldo, Epitaphia. Ms. — 921.
— Invectivae. Ms. — 921.
Villani Philippo, Cumulatio quorundam historicorum Gallorum de origine Francorum per Franconem, Hectoris, Trojani filium. Ms. — 842.
— De origine civitatis Florentiae et ejusdem famosis civibus. Ed. Galletti. Florentiae MDCCCXLVII. — 194, 227, 244, 287, 290, 423, 432, 470, 517, 589, 591, 739, 740, 779, 785, 791, 810, 811, 815, 816, 827, 842, 843, 867, 1007.
Villari Pasquale, Niccolo Machiavell, und seine Zeit. Band I. Rudolstadt 1882. — *170* и слѣд., 400, 772, 820, 904.
Vita di Francesco Petrarca. Въ Le Rime di F. Petrarca. In Orlean 1786. Tomo primo. — 305.
Voigt, Die Briefsammlungen Petrarca's und der Venetianische Staatskanzler Benintendi. München 1882. — 218, 224, 229, 230, 231, 936, 937, 978—982, 984.
— Di handschriftlichen Überlieferungen von Cicero's Briefen. 1879. — 414.
— Die Wiederbelebung des classichen Alterthums oder das erste Jahrhundert des Humanismus. Berlin 1859 и 1881. — 177, 182, 185, 197, 198, 199, 203, 205, 206, 208, 224, 226, 227, 228, 229, 251, 263, 266, 272, *337—348*, 349, 393, 424, 429, 432, 437, *530—535*, 575, 589, 590, 591, 595, 596, 599, 616, 617, 622, 629, 631, 640, 659, 660, 667, 670, 674, 681, 692, 706, 707, 708, 709, 710, 711, 712, 715, 721, 736, 739, 740, 443, 744, 754, 757, 758, 761, 763, 769, 771, 772, 783, 785, 791, 802, 811, 814, 818, 819, 820, 821, 822, 823, 824, 836, 838, 841, 844, 852, 862, 886, 889, 893, 901,

903, 904, 912, 913, 904, 912, 913, 920, 929, 931, 933, 969, 972, 973, 974, 975, 979, 984, 986, 990, 996, 999, 1001, *1022*.

Voigt Enea Silvio de'Piccolomini, als Papst Pius der Zweite und sein Zeitalter. B. I—III. Berlin 1856—1863.— 169.

Фойгтъ Г., Возрожденіе классической древности или первый вѣкъ гуманизма. Пер. И. П. Разсадина. Москва 1884.

***Vossius** Ger. Ioan., De Historicis latinis libri III. Lugduni Batavorum 1651. — 143, 304.

Wachler, Geschichte der historischen Forchung. Göttingen 1813.— *110*, 263.

— Versuch einer allgemeinen Geschichte der Litteratur. Lemgo 1794.— 96, 674, 682.

— Handbuch der allgemeinen Geschichte der literärischen Cultur. Marburg 1805. — *96*.

Wachsmuth W., Europäische Sittengeschichte. Leipzig 1837. —*39, 40*.

— *Grundriss der allgemeinen Geschichte der Völker und Staaten. Leipzig 1839. — 17.

Wagner, Saggio copra il Petrarca. Lipsia 1826. — 329.

Weber Georg, Allgemeine Weltgeschichte. Leipzig 1885. — *20, 21*.

Weitzel. Geschichte der Staatswissenschaft. Stuttgart und Tübingen 1832. — *115*.

Wegele, Geschichte der deutschen Historiographie. München und Leipzig 1885. — *113* и слѣд.

Веселовскій Александръ, Вилла Альберти. Москва 1870. — 811, 819, 820, 823, 825, 826, 253, 854, 855, 856, 865—875, 881.

Wesselofsky Alessandro, Il Paradiso degli Alberti. Bologna MDCCCLXVII — 616, 617, 821, 823, 825, 826, 865—868.

— Король-книгочій. 1891. — 774.

— Противорѣчія итальянскаго Возрожденія. — 1040.

Веселовскій Александръ, Взглядъ на эпоху Возрожденія въ Италіи. 1870.-1057.

— Три письма Джьованни Боккаччіо къ Майнардо де'Навальканти, 1375—1875. С.-Петербургъ 1876. — 452, 578, 765.

— Учители Боккачіо. 1891. — 994, 998.

Windelband, W. Die Geschichte der neueren Philosophie. Leipzig 1878.— *75* и слѣд.

Wismayr, Pantheon Italiens. München 1815. — 324.

Wiss, Aus der Kulturgeschichte von Florenz. Berlin 1887. — 122.

Witte, Giovani Boccaccio. Leipzig 1859. — 418, 456, 474, 481, 495, *526*, 527, 575.

Woltmann K. L., Grundriss der neueren Menschengeschichte. Jena 1796.— *38*.

Wooduselee, An historical and critical essay of the life and character of Petrarch. Edinburg 1810. — 326, 327.

***Wotke**, Beiträge zu Leonardi Bruni aus Arezzo. 1889. — 660.

— Leonardi Aretini. Dialogus de tribus vatibus Florentinis. Prag 1889.—610 617, 620.

Всеобщая исторія литературы подъ редакціей В. Ѳ. Корша С.-Петербургъ 1885. — 182, 411.

***Zabarella Francesco**, Commentarii in naturalem et moralem philosophiam. Ms. — 937.

— *De Schismate. Ms. — 937.

— *Sui temporis historia. Ms.— 937.

— *De felicitate libri III. Ms. — 937.

— *In vetus et novum testamentum commentarii. Ms. — 937.

— *Opuscula de artibus liberalibus. Ms. — 937.

— „De natura rerum diversarum. Ms — 937.

— *Acta in conciliis Pisano et Constantiensi. Ms. — 937.

— *Volumen orationum et epistolarum variarum. Ms. — 937.

— *De arte metrica. — 937.

*Zabarella Francesca Oratio in obitu inclyti Domini Franciscisci. Ms. — 938.
Zaborra, Petrarca in Arquà. Padova 1797 — 314.
Zardo, Il Petrara e i Carraresi. Milano 1887. — 202, 236, *412*, 616, 617, 935, 936, 939, 957.
Zambrini, Bibliografia Boccacesca. Bologna 1875. — 417, 418, 430, 435, 444, 475, 478, 480, 484, 486, 490, 493, 494, 495, 509, 510.
*Zanneti, Compendio della Vita del Boccaccio. Venezia 1759. — 521.
Zendrini, Petrarca e Laura Studio. Milano 1875. — 368.
Zeno Apostolo, Dissertazioni Vossiane. Venezia 1752. — *143* и слѣд., 318, 521, 670, 698, 736 848, 851, 901, 903, 924, 929, 938, 958, 964, 968, 969.
*S. Zeno, Sermones ad populum. Venezia 1508. — 925.
*Zenoni Zeno, Capitoli sopra la pietosa fonte e sopra la morte del F. Petrarca. Ed. Zambrini. Bologna 1874. — 877.
*Zenus Jacobus, Vita Caroli Zeni. — 983.
Ziegler Theob., Geschichte der christlichen Ethik. Strassburg 1886. — *84*.
Ziliolo, F. Petrarca. — 303.
Zippel Guiseppe, Nicolò Niccoli. Firenze 1890. — 620, 640, 655, 834, 844, 846, 848, 852, 853, 854, 866, 857.
*Zoppio Hieronimo, Ragionamento in difesa di Dante et del Petrarca. Bologna 1585. — 301.
Зотовъ Вл., Исторія всемірной литературы. С.-Петербургъ 1878. — *104*.
*Zuccolo, Dialogo dell'amor Platonico e del Petrarca. Perugia 1615. — 314.
*Zumbini, Il Boccaccio umanista. 1880. — 549.
— Il Filocopo del Boccaccio. Firenze 1879. — 481, 483, 484.
— Le Egloghe del Boccaccio. — 463, 467, 469.
— Saggi critici. Napoli 1876. — *151*, 203, 1006.
— Studj sul Petrarca. Napoli 1878. — 277, *377—383*.
— Una storia d'amore e morte (Il Ninfale Fiesolano del Boccaccio). 1884. — 493.

Его сочиненія — 940—56 (см. 1-й указатель). Политическія воззрѣнія — 840—5. Мораль — 946, 947—9, 950—4. Историческіе пріемы — 954—6.
Corbinelli Angello. — 863.
Corbinelli Antonio. — 863.
Coriliano Ubert. — 777.
Corrari Ant. — 722.
Coto Giov. — 588.
Cristiano Lucca. — 914.
Croto. — 917.

Decembrio P. C. — 721.
Decembrio Uberto. — 709, 899—900.
Dondi Giov. — 936.

da Facino N. — 934.
da Faenza Ant. — 749.
Fava N. — 740.
da Feltre Vittorino. — 975.
Feo Giovanni. — 879.
da Fermo Jac. — 748.
da Fiano Franc. — 718.
Fiorentino Giov. — 864.
da Forli Gir. — 747.
da Forli Jac. — 747.
da Forli Pallmieri. — 747.
Fortiguerra. — 877.
Francesco Lorenzo. — 863.

del Garbo Tom. — 739.
da Genova Marco. — 989.
Giglioli Jac. — 974.
de Grifonibus Hil. — 721.
Guglielmo. — 742.
Guidetti Cino. — 834.

Idrontino Ugolino da Roma. — 759.
da Imola Bern. — 747—48.
da Imola Giov. — 747.

Lambertacci Lod. — 939—40.
Landini Fr. — 867.
da Legnago Ant. — 921.
Lello. — 584.
Leone Pietro. — 918.
Lionardo Nic. — 985.
Longo Matteo. — 916.
Loschi Antonio. — 709, 887—898.

Его сочиненія. — 887—91 (см. 1-й указатель).
Мораль. — 888—9, 892—4. Политика. — 894—6.
Его біографы — 891—898.
Da Lucca Gianpiero. — 878.

Malpaghini Giovanni da Ravenna. — 834—42.
Malpigli. — 722.
Manetti Gianozzo. — 31, 32, 290, 518, 693—4, 695—6, 849—51, 986.
Manfredi Ast. — 748.
Manfredi Pio. — 748.
da Mantova Andr. — 975.
Maramaldo Gug. — 771.
Marsigli Luigi. — 29, 822—826.
Mazzagaglia. — 921.
della Mella Bart. — 974.
Mini Pietro. — 613, 863.
Monaci Lor. — 984—5.
Monteforte Pietro Piccolo. — 765.
da Montepulciano Bartol. — 595—96.
Montepulciano Jacopo. — 864.
Morando Neri. — 746.
da Muglio P. — 722.
de Muglo B. — 721.

Natali. — 980—82.
di Negro Andalo. — 761.
Nelli Frances. — 782—3.
Niccoli Nicolo. — 31, 610—25, 655—57, 843—862.
Nogarola Ang. — 933.

Obizzi Rinal. — 975.
da Ochis Andrea. — 917.
Orsini Fr. — 718.
Orsini N. — 718.

Pacifico Mas. — 754.
Pandolfini Agnolo. — 876.
Papazzuri Bart. — 775.
da Parma Modio. — 915.
da Parazzo G. — 904.
da Pastrengo Gugl. — 920.
Pazzi Pietro. — 876.
Pellegrini Santo. — 987.
della Pena Luca. — 762.

da Perugia Muzio. — 752.
da Perugia Paolo. — 753, 762—3.
Petrarca Francesco. — 14, 15, 17, 18, 19, 28, 34, 35, 43, 49, 51, 52, 65, 66, 77, 81, 89, 91, 95—8, 99, 100, 101, 105, 107, 131, 146, 158, 175—416, 429, 435, 447, 450, 470—71, 473—74, 511, 527, 530—34, 558, 578—91, 717—18, 743, 746, 756 и слѣд.
Отношеніе къ древности. — 87, 190, 197—98, 218, 231, 341, 360—1, 385—86, 401, 533.
Любовь. — 44, 159—161, 266, 215, 260, 265, 267—9, 270, 273, 279—80, 285, 291—3, 311—12, 346—7, 354—356.
Философія. — 61—62, 84, 191—2, 195—96, 213—15, 323, 333, 343, 351—2, 367—8, 371, 389—90.
Сочиненія. — 175—280 (см. первый указатель).
Отношеніе къ міру и человѣку. — 181, 182, 186—7, 259—61, 320.
Аскетизмъ. — 183, 189—9.
Политическія воззрѣнія. — 184—185, 204—5, 216—8, 234—7, 267, 268—9, 271, 276—9, 343—5, 357—9, 372—3, 378—83, 391—92, 406—7.
Отношеніе къ богословію. — 190.
Отношеніе къ наукѣ. — 197—98, 201, 214, 262.
Отношеніе къ медицинѣ. — 200—1.
Отношеніе къ церкви. — 203—4, 223—3, 279, 342, 359—60.
Мораль. — 205—7, 215, 371.
Отношеніе къ литературѣ. — 232—33, 238, 268, 397.
Историческая критика. — 239—41, 249, 252.
Отношеніе къ исторіи. — 249—50, 263—65.
Отношеніе къ астрологіи и предсказаніямъ. — 220, 256—8.
Общій характеръ его міросозерцанія. — 280—82.
Біографы — 283—416: ранніе — 283—337; Де-Садъ — 309—313; Фогтъ — 337—47; позднѣйшіе біографы — 348—414. Мезьеръ — 353—62, Де-Санктисъ — 362—5. Гейгеръ — 369—74, Дзумбини — 377—83, Кёртингъ — 383—395.
Дружба — 356—7.
Piccolpasso Fr. — 901.
Pizzinghe Jac. — 777.
Poggio Francesco. — 18, 32, 49, 90, 103, 596—7, 695—6, 847 и слѣд., 926, 928.
da Piglio Ben. — 709.
Pilato Leonz. — 999—1000.
Pizzicoli Ciriaco. — 754.
Pileo Pietro. — 935.
Polentone Lecco. — 289, 518.
Pontano Tom — 753.
da Prato Domenico. — 619, 853, 855—6, 870.
Prignani Bart. — 974.
Pulice Ar. — 933.
Pulice Conforto. — 933.

Quirino Lauro — 645

Rabatha Mich. — 971.
Rambaldi Benvenuto da Imola. — 722.
Его сочиненія. — 722—35 (см. 1-й указатель).
Отношеніе къ церкви. — 723—725.
Философія и мораль. — 725—6.
Отношеніе къ древности. — 726.
Политическія воззрѣнія. — 726—8.
Отношеніе къ Данте, Петраркѣ и Боккаччіо. — 730—3.
Историческіе пріемы. — 733—5.
Его біографы. — 735—8.
Ravegnani Benintendi. — 978—79.
da Regno Bart. — 739.
da Regio Guido. — 983.
Rersichelli Rin. — 915.
Resta Anton. — 885—6.
Resta Laz. — 898.
di Rienzo Cola. — 717.
Ricci. — 875.
da Rimini G. — 743.
da Rimini Flor. — 743.
Rinuccini Cino. — 619, 853—5, 869—70.
Roberto d'Angio. — 756 и слѣд.
Romani Lod. — 750.
Rossi Roberto. — 613, 862—3.
Rossi Cecco di Mileto. — 746.
Rossi Pino. — 780.
Ruberto N. — 759.
Rustici Agap. Eenci. — 710.

Sachetti Franco. — 864.
Salutati Colluccio. — 29, 49, 90, 592, 610—25, 640—1, 721, 785—822.
Его сочиненія. — 786—816 (см. 1-й указатель).
Философія и мораль. — 786—89, 792—80, 802, 804.
Отношеніе къ древности. — 789—90, 804, 812—14.
Отношеніе къ монашеству. — 792—80.
Политическія воззрѣнія. — 804—9.
Его біографы. — 816—22.
da Sanseverino Ugo. — 768.
Scala Paganino. — 971.
Scalamonti Fr. — 754.
da Scarparia Ant. di Guccio. — 834.
da Scarparia Jacopo. — 597, 607—8.
da Serico Lomb. — 938—39.
Seneca Tom. — 754.
Sercambi. — 878.
Serravalle Alm. — 987.
Settimo Guido. — 989.
da Siena Giov. — 881.
da Signa Mart. — 782.
Simson Pontius. — 585.
Socrates (Людвигъ изъ Кемпена). — 584.
Silvestro Domenico. — 827—28.
Soranzo o Superanzo. — 585.
Spreti. — 742.
Stella Giorgio. — 990.
Stella Giov. — 990.
da Strada Zanobi. — 589- 91, 769.
Strocci Palla. — 876.
da Sulmona Barb. — 764.

Taberna Guido. — 903.
Taleyrand. — 587.
Tambeni Giov. — 834.
Tinti Giov. — 750.
Tolomei Enea. — 880.
Torini Agello. — 868.
Traversari Ambrogio. — 32.
Trevisano Jac. — 984.
Trevisano Zaccar. — 984.
Tribraco Gasp. — 974.
Turco Pietro. — 744.

Vado Antonio Piov. — 830.
Valla Lorenzo. — 29, 30, 32, 51, 63, 66, 102, 152, 847.
da Valvassoribus P. — 918.
Veneto Paolo. — 753.
Venturino. — 976.
de Verleonibus L. — 753.
Vergerio P. P. — 597, 610, 708, 721, 957—71.
Его сочиненія — 958—68 (см. 1-й указатель). Педагогическія требованія — 958—60 Историческіе пріемы — 960—962, 964. Политическія воззрѣнія — 965—967. Философія и мораль — 967—8. Его біографы — 968.
da Verona Guarino. — 921—933.
Его сочиненія — 922—27 (см. 1-й указатель).
Мораль — 922—4. Переводы — 926—27. Его біографы — 927—30.
da Villafranca R. — 921.
Villani Filippo. — 842—43.
Vitale. — 722.
da Viterbo N. — 749.
da Virgilio Ant. — 722.
da Vitry Phil. — 585.

Zabarella Fr. — 834, 937—38
Zambeccari Franc. — 721.
Zambeccari Pell. — 721.
Zamori Gabrio. — 915—16.
Zane Paolo. — 983.
Zeno Carlo. — 883.
Zenoni Zeno. — 877.

Χρυσωλώρας Μανουήλ. — 8, 38, 876, 905, 1000—1003.

СОДЕРЖАНІЕ.

Стран.

Предисловіе III

ВВЕДЕНІЕ.

Заслуги представителей различныхъ отраслей историческаго знанія въ изученіи итальянскаго Возрожденія 1

I. Философы исторіи. — Отношеніе къ Ренесансу „просвѣтителей" XVIII вѣка. — Гегель и Шлегель. — Контъ 2

II. Отношеніе къ гуманизму всемірно-историческихъ хроникъ пертрехъ столѣтій новаго времени — Ошибки Каріона и Торселлини. — Дѣленіе исторіи на періоды Келлера и его возможное вліяніе на исторіографію Ренесанса. — Отношеніе къ Возрожденію всемірныхъ исторій XVIII вѣка. — Вліянія Тирабоски, Мейнерса и вообще спеціальныхъ работъ по гуманизму на отношеніе къ Ренесансу всемірныхъ исторій XIX вѣка. — Краузе, Беккеръ и Роттекъ. — Возрожденіе въ исторіяхъ: Шлоссера, Канту и Вебера. — Значеніе всемірно-историческихъ обзоровъ для изученія Ренесенса 8

III. Отношеніе къ Ренесансу протестантскихъ и католическихъ историковъ церкви. — Шрёккъ и Пасторъ. — Крейтонъ. — Причины слабаго интереса церковныхъ историковъ къ итальянскому гуманизму 22

IV. Заслуги въ изученіи Ренесанса историковъ культуры. — Вліяніе Мейнерса на исторіографію Возрожденія. — Matter и Гизо. — Взглядъ Рюккерта на значеніе въ гуманистическомъ движеніи итальянскаго народнаго характера и его дѣленіе Ренесанса на періоды. — Отношеніе къ Возрожденію Лорана, Генне-ам-Рина и Гелльвальда 36

V. Отношеніе къ Ренесансу историковъ философіи. — Значеніе для исторіографіи гуманизма произведеній Як. Бруккера и Булэ. — Заслуги въ изученіи гуманизма Теннемана, Гегеля и Риттера. — Отношеніе къ Возрожденію Штёкля и новѣйшихъ обзоровъ по исторіи философіи. — Виндельбандъ. — Французскіе историки философіи. — Отношеніе къ гуманизму историковъ отдѣльныхъ эпохъ, школъ, и различныхъ отдѣловъ философіи. — Общій характеръ философской исторіографіи гуманизма 57

VI. Отношеніе къ Ренесансу всеобщихъ историковъ искусства. — Замѣчанія Каррьера, Тэна и Шнаазе. — Взглядъ на Возрожденіе Мюнтца 86

VII. Отношеніе къ Ренесансу историковъ всеобщей литературы. — Значеніе біо-и библіографическихъ компендіумовъ. — Андресъ, Бутервекъ и Шлегель. — Новые нѣмецкіе обзоры исторіи всеобщей литературы. — Сисмонди и Галламъ. — Схема „литературной эволюціи" проф. Карѣева 95

Стран

VIII. Отношеніе къ Ренесансу историковъ классической филологіи, исторіографіи, права и педагогическихъ идей. — Геренъ и Бурсіанъ; Вахлеръ и Вегеле; Вейтцель и Савиньи, Раумеръ и Карлъ Шмидтъ Общіе результаты изученія Возрожденія съ всемірно-исторической точки зрѣнія 106

IX. Отношеніе къ Ренесансу историковъ отдѣльныхъ итальянскихъ центровъ. — Флорентійскіе историки. — Реймонтъ и Грегоровіусъ. — Колленуччіо и Джіаннне. — Историки Милана и Венеціи. — Отношеніе къ Возрожденію историковъ всей Италіи. — Сисмонди, Канту и Чиполла. — Общій характеръ воззрѣній на гуманизмъ національныхъ историковъ 120

X. Значеніе для исторіографіи Ренесанса историковъ мѣстной литературы отдѣльныхъ итальянскихъ городовъ. — Заслуги Маццукелли, Дзено и Тирабоски. — Женгенэ и Маффеи. — Рутъ, Эбертъ и Джуничи. — Отношеніе къ гуманизму Канту, Сеттембрини и Де-Санктиса. Адольфъ Гаспари — Общій характеръ заслугъ историковъ итальянской литературы въ исторіографіи Возрожденія 142

XI. Отношеніе къ Ренесансу историковъ религіозныхъ и культурныхъ движеній въ Италіи. — Комба и Кине. — Историки итальянскаго искусства, политической мысли и національной исторіографіи. — Феррари и Раналли. — Васть, Рудельбахъ и Виллари 158

ГЛАВА I.

Франческо Петрарка. Его критики и біографы 175

I. Философскія произведенія Петрарки. — De remediis utriusque fortunae и отношеніе къ этому трактату новыхъ изслѣдователей. — De vita solitaria, De otio religioso и ихъ историческое значеніе. — Діалоги „Объ истинной мудрости“ и вопросъ объ ихъ подлинности. — Общій характеръ и значеніе философскихъ произведеній Петрарки 177

II. Инвективы Петрарки. — De ignorantia и отношеніе къ этому сочиненію новыхъ изслѣдователей. — Значеніе инвективъ противъ врача и противъ французскаго прелата. — Полемика Петрарки съ „высокопоставленнымъ“ французомъ 196

III. Автобіографическія произведенія Петрарки. — Его переписка и отношеніе къ ней новыхъ изслѣдователей. — Рѣчи Петрарки и ихъ біографическое значеніе 205

IV. Произведенія Петрарки научнаго содержанія. — Историческая критика въ его письмахъ. — Книга „О знаменитыхъ людяхъ“. — Ея литературная исторія и отношеніе къ ней новыхъ изслѣдователей. — „Res memorandae“. — Цѣль и значеніе этого произведенія. — „Сирійскій путеводитель“. — Значеніе Петрарки, какъ историка, по воззрѣніямъ новыхъ изслѣдователей 238

V. Историческое значеніе поэтическихъ произведеній Петрарки. — Письма и эклоги. — Историческій интересъ Африки. — Виды итальянской поэзіи Петрарки. — Историческое значеніе его любовныхъ стихотвореній и вопросъ объ ихъ хронологіи. — Де-Нолакъ и Пакшеръ. — Патріотическія и политическія стихотворенія Петрарки. — Общій выводъ объ историческомъ значеніи всѣхъ произведеній Петрарки 265

Стран.

VI. Значеніе біографіи Петрарки. — Періоды его біографической литературы. — Боккаччіо и другіе біографы XIV вѣка. — Біографы-гуманисты XV столѣтія. — Начало новаго теченія въ біографіяхъ Петрарки. — Отношеніе къ нему историковъ литературы и всемірно-историческихъ хроникъ этого времени. — Значеніе біографій перваго періода 283

VII. Характеръ біографической литературы 2-го періода. — Біографы XVI вѣка. — Велютелло, Джезуальдо и Беккаделли. — Значеніе книги Томазини. — Новое теченіе въ біографіяхъ Петрарки XVIII вѣка. — Муратори, Бандини и Басти. — Мемуары Де-Сада и ихъ отношеніе къ предшествующей литературѣ. — Ягеманнъ и Тирабоски. — Общее значеніе біографій Петрарки этого періода 296

VIII. Характеръ біографіи Петрарки 3-го періода. — Бальделли и первые біографы XIX столѣтія. — Уго Фосколо, Маколей и Бланъ. — Отношеніе къ Петраркѣ историковъ литературы и значеніе для его біографіи общихъ обзоровъ исторіи Возрожденія. — Георгъ Фогтъ. — Общее значеніе біографій этого періода 318

IX. Важнѣйшія явленія біографической литературы четвертаго періода. Изданія Фракассетти. — Мезьеръ и Де-Санктисъ. — Юбилейная литература. — Гейгеръ, Фейерлейнъ и Дзумбини. — Біографія Кёртинга 348

X. Характеръ новѣйшей литературы о Петраркѣ. — Отношеніе къ нему новѣйшихъ историковъ литературы и Ренесанса. — Сэймондсъ, Жебаръ, Геттнеръ, Кёртингъ и Монье. — Оцѣнка значенія Петрарки историками литературы. — Штернъ, Бартоли и Гаспари. — Новѣйшія монографіи. — Итоги біографическихъ изслѣдованій о Петраркѣ 395

ГЛАВА II.

Джіованни Боккаччіо. — Его критики и біографы 417

I. Научныя произведенія Боккаччіо. „Генеалогія боговъ". Пріемы Боккаччіо при истолкованіи миѳовъ. — Значеніе научной части книги и отношеніе къ ней новыхъ изслѣдователей. — Двѣ послѣднія книги Генеалогіи и ихъ значеніе. — Трактатъ „О знаменитыхъ женщинахъ" и его историческое значеніе. — „О несчастіяхъ знаменитыхъ людей". — Географическое сочиненіе Боккаччіо. — Работы Шюка и Гортиса 417

II. Переписка Боккаччіо. — Вопросъ о Zibaldone. — Эклоги. — Сомнительныя и подложныя произведенія Боккаччіо. — Общій характеръ и историческое значеніе его латинскихъ произведеній 449

III. „Жизнь Данте" и ея историческое значеніе. — „Комментарій къ Божественной Комедіи". — Романы и эпическія поэмы Боккаччіо. — Средневѣковой и гуманистическій элементы въ „Филокопо". — Историческое значеніе „Амето", „Любовнаго видѣнія" и „Тезеиды". — „Филострато", „Ninfale Fiesolano" и „Фіамметта". — Декамеронъ и его отношеніе къ любви, къ церкви и къ аристократіи. — Сочиненія, приписываемыя Боккаччіо. — Общій выводъ объ историческомъ значеніи его латинскихъ и итальянскихъ произведеній 474

IV. Біографическая литература о Боккаччіо. — Отношеніе къ нему раннихъ біографовъ. — Манни, Маццукелли и Бальдели. — Витте и отношеніе къ Боккаччіо историковъ литературы и гуманизма въ первой половинѣ XIX столѣтія. — Характеристика Фогта и ея значеніе. 516

Стран

V. Отношеніе къ Боккаччіо Джудичи и Де-Санктиса — Вліяніе пятисотлѣтняго юбилея Боккаччіо на его біографическую литературу. — Корраццини и Ландау. — Оцѣнка гуманистической дѣятельности Боккаччіо въ общихъ сочиненіяхъ Сэймондса, Геттнера и Жебара.—Кёртингъ..... 535

VI. Біографическая литература о Боккаччіо за послѣднее десятилѣтіе. — Книги Гортиса и Крешини. — Монографіи Макри-Леоне и Графа. — Общія сочиненія этого періода: Штернъ и Гаспари, Гейгеръ и Кёртингъ. — Общій характеръ біографической литературы о Боккаччіо и ея пробѣлы..... 562

ГЛАВА III.

Современники, друзья, ученики и послѣдователи первыхъ гуманистовъ въ XIV и въ первой четверти XV столѣтія..... 577

I. *Развитіе гуманизма при папской куріи до Констанскаго собора.*— Гуманисты при Авиньёнской куріи. — Колонны и Саранцо. — Французскіе куріалы. — Климентъ VI и Талейранъ. — Иннокентій VI и Дзаноби да Страда. — Гуманисты Урбана V. — Григорій XI. — Общія замѣчанія о гуманистическомъ движеніи въ Авиньёнѣ..... 582

II. Гуманистическое движеніе при послѣднихъ папахъ XIV столѣтія.— Курія Урбана VI и Бонифація IX. — Монтепульчіано и Поджіо. — Курія Иннокентія VII. — Леонардо Бруни и его теоретическіе трактаты. — Isagogicon; его характеръ и значеніе. — Педагогическіе трактаты Бруни и ихъ историческій интересъ. — Діалогъ къ Верджеріо и вопросъ объ отношеніи Бруни къ Данте, Петраркѣ и Боккаччіо. — Рѣчь противъ липемѣровъ и трактаты Бруни о знатности и военной службѣ. — Общій характеръ его теоретическихъ трактатовъ..... 594

III. *Курія Иннокентія VII.* — Бруни и значеніе его переписки. — Инвективы и рѣчи Бруни. — Значеніе его переводовъ..... 639

IV. *Курія Иннокентія VII.* — Научныя работы Бруни. — Біографіи Аристотеля и Цицерона. — Труды по греческой и римской исторіи.— Комментарій. — Сочиненія, посвященныя Флоренціи. — Флорентійская исторія и отношеніе къ ней позднѣйшихъ изслѣдователей. — Значеніе историческихъ трудовъ Бруни. — Его беллетристическія сочиненія и переводы. — Общій характеръ и значеніе научной и литературной дѣятельности Бруни..... 667

V. *Курія Иннокентія VII.* — Бруни и его біографы. — Джакопо д'Анджело и другіе гуманисты Иннокентія VII..... 695

VI. Куріи Григорія XII, Александра V и Іоанна XXIII — Общія замѣчанія о характерѣ и исторіи гуманистическаго движенія при папской куріи..... 706

VII. Римскіе гуманисты за предѣлами куріи. — Состояніе Рима въ XIV и началѣ XV вѣка. — Кола ди Ріенцо и адресаты Петрарки и Боккаччіо. — Франческо да Фіано. — *Гуманистическое движеніе въ Папской области* — Состояніе Болоньи въ эту эпоху. — Гуманисты внѣ университета. — Университетскіе гуманисты. — Бенвенуто Рамбальди и его произведенія. — Томмазо дель Гарбо. — Положеніе гуманистовъ въ Болонскомъ университетѣ..... 716

Стран.

VIII. *Гуманистическое движеніе въ Папской области.* — Равена. — Гуманизмъ во владѣніяхъ Малатеста и Монтефельтре. — Орделаффи и гуманизмъ въ Форли. — Алидози и гуманисты изъ Имолы. — Фермо, Фаэнца, Камерино, Витербо, Фабріано, Фолиньо.— Положеніе гуманизма въ Перуджіи, Анконѣ и въ Асколи. — Общія замѣчанія о гуманистическомъ движеніи въ церковныхъ владѣніяхъ . 741

IX. Гуманистическое движеніе въ Неаполѣ. — Робертъ Неаполитанскій и его ученый дворъ. — Діониджи ди Борго Сансеполькро. — Неаполитанскіе юристы. — Паоло Перуджино и Барбато да Сульмона. — Состояніе Неаполитанскаго королевства послѣ смерти Роберта и до смерти Владислава. — Гуманисты при дворѣ Джіованны.— Аччайуоли и его біографы. — Общія замѣчанія о гуманистическомъ движеніи въ Неаполѣ.— Слѣды гуманизма въ Неаполитанской монархіи и въ Сициліи 756

X. *Гуманистическое движеніе во Флоренціи.* — Политическое положеніе Флоренціи въ XIV и началѣ XV вѣка. — Флорентійскіе современники Петрарки и Боккаччіо.— Нелли и Кастильонкіо старшій.— Второе поколѣніе флорентійскихъ гуманистовъ. — Салютати и его этико-богословскіе трактаты. — Рѣчь Лукреціи и полемика съ Петраркой. — Вопросъ о тираннеубійствѣ и другіе политическіе трактаты. — Инвектива противъ Лоски. — Другія произведенія Салютати и его переписка и стихотворенія. — Ранніе біографы Салютати и отношеніе къ нему Фогта и ак. Веселовскаго. — Л. Марсильи и отношеніе къ нему новыхъ изслѣдователей. — Другіе гуманисты второй генераціи 777

XI. *Гуманистическое движеніе во Флоренціи.*— Профессора-гуманисты въ флорентійскомъ Studio. — Domenico di Bandino, Malpaghini и F. Villani. — Флорентійскіе гуманисты третьяго поколѣнія. — Ник. Никколи и его сверстники. — Подражатели итальянскимъ произведеніямъ „трехъ коронъ". — Исторіографія флорентійскаго гуманизма. — „ВиллаАльберти" акад. Веселовскаго и ея значеніе въ исторіографіи Возрожденія. — Общій характеръ гуманистическаго движенія во Флоренціи 830

XII. *Гуманистическое движеніе въ Тосканѣ.* — Политическое состояніе Пистойи и Лукки и слѣды гуманистическаго движенія въ этихъ городахъ.— Пизанскіе ученые.—Аретинскіе гуманисты. — Гуманизмъ въ Сіенѣ.—Общій характеръ гуманистическаго движенія въ Тосканѣ 876

XIII. *Гуманистическое движеніе въ Миланѣ.* — Состояніе Милана въ XIV вѣкѣ. — Отношеніе къ Возрожденію раннихъ Висконти. — Гуманисты Джангалеаццо. — Антоніо Лоски и его произведенія. — Біографія Скіо. — Отношеніе Лоски къ морали, религіи и политикѣ. — Гуманисты Джіованни Маріа; Уберто Дечембріо. — Гуманисты изъ миланскаго духовенства. — Капра и Билья. — Гуманистическое движеніе въ городскомъ населеніи 882

XIV. *Гуманистическое движеніе въ Миланской области.* — Гуманизмъ въ Павіи.— Гаспарино да Барцицца, его произведенія и біографы.— Слѣды гуманизма въ Пьяченцѣ, въ Кремонѣ, въ Пармѣ, въ Реджіо, въ Комо, въ Бергамо и другихъ городахъ Ломбардіи. — Общее замѣчаніе о гуманистическомъ движеніи въ Миланской области ... 905

Стран.

XV. *Гуманистическое движеніе въ тираніяхъ сѣверной и средней Италіи.* — Верона. — Гуманистическое движеніе при Скаligерахъ. — Гуарино да Верона; его произведенія и біографы. — Гуманисты въ Виченцѣ 919

XVI. Гуманистическое движеніе въ Падуѣ. — Каррары и ихъ отношеніе къ гуманизму. — Друзья Петрарки въ Падуѣ. — Вторая гуманистическая генерація. — Фр. Дзабарелла. — Ученики Петрарки. — Ломбардо да Серико и его произведенія. — Ламбертаччи и его рѣчь. — Драматологія Дж. да Равена и ея значеніе. — Его другія произведенія и мѣсто въ исторіи гуманизма. — Верджеріо и его сочиненія. — Значеніе его переписки. — Мѣсто падуанскихъ гуманистовъ въ исторіи Возрожденія. — Гуманистическое движеніе въ Феррарѣ и Мантуѣ 934

XVII. Гуманистическое движеніе въ Венеціи. — Внутренняя исторія республики въ XIV и XV столѣтіяхъ. — Друзья и адресаты Петрарки въ Венеціи. — Бенинтенди и его произведенія. — Паоло ди Бернардо и его письма. — Донато Альбанцани. — Дзак. Тревизано и другіе позднѣйшіе гуманисты. — Общій характеръ гуманизма въ Венеціи. — Политическое состояніе Генуи и развитіе тамъ гуманистическаго движенія 976

XVIII. Учителя греческаго языка въ Италіи. — Варлаамъ. — Его сочиненія и біографы. — Отношеніе его къ первымъ гуманистамъ и роль въ Возрожденіи. — Пилатъ. — Хризолоръ и его сочиненія. — Роль грековъ и ранніе періоды итальянскаго гуманизма..... 990

ГЛАВА IV.

Спеціальная литература о Возрожденіи. — Общіе выводы..... 1004

I. Начало спеціальной исторіографіи Возрожденія. — Виллани, Бандино, Манетти, Фаціо и Бистиччи. — Значеніе діалога Кортезе и хроникъ Коччіо и Форести. — Отношеніе къ гуманизму до начала XIX столѣтія. — Сочиненія Беттинелли, Эргарда и Шарпантье... 1007

II. Возрожденіе классической древности Г. Фогта. — Общій взглядъ на ранній гуманизмъ и его вліяніе на изложеніе и оцѣнку гуманистической литературы. — Взглядъ Фогта на значеніе и роль Флоренціи въ исторіи гуманистическаго движенія. — Книга Буркгардта; ея характеръ и значеніе 1022

III. Исторіографія Возрожденія послѣ Фогта и Буркгардта. — Ихъ вліяніе на общую исторіографію. — Сэймондсъ и его отношеніе къ предшественникамъ. — Герцони и его взглядъ на Возрожденіе. — Яничекъ и его попытка дѣленія гуманистовъ на партіи. — Характеръ книги Жебара. — Гейгеръ и Кёртингъ. — Сочиненія по отдѣльнымъ вопросамъ исторіи гуманизма. — Общій характеръ новѣйшей исторіографіи Возрожденія..... 1039

IV. *Въ чемъ заключается сущность гуманистическаго движенія?* Два признака гуманистической литературы. — Проявленія въ ней индивидуализма. — Отношеніе гуманистовъ къ древности; ихъ попытки выработать новыя религіозныя воззрѣнія, новую этику, педагогію, политику и науку. — Опредѣленіе гуманистическаго движенія..... 1061

Стран.

V. *Первыя стадіи развитія гуманистическаго развитія и его результаты.* — Ослабленіе религіозныхъ интересовъ. — Секуляризація мысли и ея слѣдствія. — Гуманистическая этика, педагогія, политика и наука. — Слѣдствія гуманистическаго движенія. 1077

IV. Отношеніе гуманистическаго движенія къ политическимъ, соціальнымъ и церковнымъ перемѣнамъ. — Гуманизмъ и національность. — Причина гуманистическаго движенія 1083

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I. Leonardi Aretini, De litterarum subscriptionibus 1

II. Исправленіе текста классическихъ писателей. Изъ книги Салютати — De fato et fortuna 4

III. Declamatio Colucii Pierii pro Lucretia pudicissima. 7

IV. *Invectiva* Florentinorum contra arma Domini Ducis Mediolani transmissa per Colutium Domino Benedicto Bernadigio 12

Responsio per Dominum Benedictum de Bernadigio 13

V. A. Изъ сочиненія Джіованни да Равенна — Dragmatologia de eligibili vitae genere. — Ранніе меценаты 13

Изъ сочиненія того же автора — Liber memorandarum rerum .. 14

Изъ сочиненія того же автора — Historia Ragusii ..... —

V. B. Изъ сочиненія того же автора — Dragmatologia 15

VI. Iohannis de Ravenna Historia moralis Elysiae 16

VII. A. Изъ сочиненія того же автора — Liber memorandarum rerum. — Мораль Дж. да Равенна 26

VII. B. Современные нравы (изъ того же сочиненія) 27

VIII. Изъ сочиненія того же автора — Historia Ragusii. Политическій строй Рагузы 28

Нравы въ Рагузѣ 29

Алфавитный указатель вполнѣ или отчасти разсмотрѣнныхъ сочиненій гуманистовъ и о гуманизмѣ 30

Алфавитный указатель раннихъ гуманистовъ и лицъ родственныхъ имъ по направленію 62

3 2044 022 598 783

This book should be returned to the Library on or before the last date stamped below.

A fine is incurred by retaining it beyond the specified time.

Please return promptly.

JUN 28 '68 H

RETURN

2047161